ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

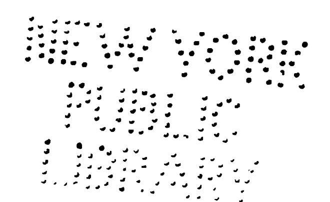
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1877.

ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Амосъ Панфилычъ Барабошевъ, купецъ, лѣтъ за 40, вдовый.

Мавра Тарасовна, его мать, полная и еще довольно свѣжая старуха, лѣтъ за 60; одѣвается по старинному, но богато; въ рѣчахъ и поступкахъ важность и строгость.

Поликсена, дочь Барабошева, молодая дѣвушка.

Филицата, старая нянька Поликсены.

Никандръ Мухояровъ, приказчикъ Барабошева, лѣтъ 30.

Глѣбъ Меркулычъ, садовникъ.

Пелагея Григорьевна Зыбкина, бѣдная женщина, вдова.

Платонъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Садъ при домѣ Барабошевыхъ: прямо противъ зрителей—большая каменная бесѣдка съ колоннами; на площадкѣ, передъ бесѣдкой, садовая мебель: скамейки съ задками на чугунныхъ ножкахъ и круглый столикъ; по сторонамъ, кусты и фруктовыя деревья; за бесѣдкой видна рѣшетка сада.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ: ФИЛИЦАТА и ЗЫБКИНА.

ЗЫБКИНА.

Ахъ, ахъ, ахъ! Чтò ты мнѣ сказала! чтò ты мнѣ сказала! То-то, я смотрю: дѣвушка изъ лица измѣнилась, на себя не похожа.

ФИЛИЦАТА.

Все отъ любви, сердце ноетъ. И всегда такъ бываетъ, когда дѣвушекъ запираютъ. Сидитъ, какъ въ тюрьмѣ—выходу нѣтъ, а

вѣдь ужъ въ годахъ, ужъ давно замужъ пора. Такъ чему дивиться-то?

ЗЫБКИНА.

Дà, дà. Чтò-жь вы ея замужъ-то не отдаете? Неужли жениховъ нѣтъ?

ФИЛИЦАТА.

Кàкъ жениховъ не быть! четвертый годъ сватаются, и хорошіе женихи были; да бабушка у насъ больно характерна. Коли не очень богатъ, такъ и слышать не хочетъ; а были и съ деньгами, такъ, вишь, развязности много, ученыя рѣчи говоритъ, ногами шаркаетъ, одѣтъ пестро; чтò нибудь да не по ней. Боится, что уваженія ей отъ такого не будетъ. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатаго, и чтобъ тихаго, не изъ бойкихъ, чтобъ онъ съ затрудненіемъ да не про все разговаривать-то умѣлъ; потому она сама изъ очень простого званія взята.

ЗЫБКИНА.

Скоро ль ты его найдешь такого!

ФИЛИЦАТА.

И я тоже говорю. Гдѣ ты ныньче найдешь богатаго да неразвязнаго? Кто его заставитъ длинный сюртукъ надѣть, али виски гладко примазать? Вяжетъ-то человѣка чтò? Нужда. А богатый весь развязанъ и ужь, обыкновенно, въ цвѣтныхъ брюкахъ. Ничего не подѣлаешь.

ЗЫБКИНА.

Ужь само собой, что въ цвѣтныхъ; потому, какая жь ему неволя?

ФИЛИЦАТА.

Мудритъ старуха надъ женихами, а внучка между тѣмъ временемъ влюбилась, да и сохнетъ сердцемъ. Кабы у насъ знакомство было, да вывозили Поликсену почаще въ люди, такъ она бы не была такъ влюбчива; а изъ тюрьмы-то первому встрѣчному радъ: понравится и сатана лучше яснаго сокола.

ЗЫБКИНА.

Одного я понять не могу: въ этакой крѣпости сидючи, за пятью зàмками, за семью сторожами, только и свѣту, чтò въ окнѣ—кàкъ тутъ влюбиться? Мечтай, сколько хочешь; а живаго-тò нѣтъ ничего. Вѣдь чтобъ влюбиться очень-то, все-таки и видѣться нужно, и поговорить хоть немножко.

ФИЛИЦАТА.

Охъ, все это было и не немножко. Разумѣется, завсегда въ этомъ мы, няньки, виноваты: мы—баловницы-то. Да вѣдь кàкъ и не побаловать! Вижу: въ тоскѣ томится—пусть молъ поболтаетъ съ парнемъ для время провожденія. А случай кàкъ не

найти? Хоть сюда въ садъ проведу—никому и въ лобъ не влетить. А вотъ оно чтò вышло-то.

Зыбкина.

Очень развѣ ужъ полюбила-то?

Филицата.

До страсти полюбила. Сама суди: характеръ огневòй, упорная, вся въ бабушку. Вдругъ ей придетъ фантазія: хочу, говоритъ, видѣть безпремѣнно! А въ другой разъ никакъ нельзя, а ей вынь да положь—вотъ и вертись нянька, какъ знаешь. И день, и ночь ноги трясутся: такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду, что до бабушки дойдетъ—куда мнѣ тогда дѣваться-то? А моя ль вина? я давно твержу: «пора, пора, чтò вы ее переращиваете, куда бережете»? Такъ бабушка-то у насъ совсѣмъ состарилась, дѣвичье-то положеніе понимать перестала. Я, говоритъ, живу же, ни объ чемъ помышленія не имѣю. На-ко! Въ семьдесятъ-то лѣтъ! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина.

Диковинное дѣло, что у такого богатаго, знаменитаго купца дочь засидѣлась.

Филицата.

Какой онъ богатый, какой знаменитый! Бабушка характерна, а онъ — балалайка безструнная: никакого толку и не жди отъ нихъ. Старуха-то богата, а у него своего ничего нѣтъ; онъ торгуетъ отъ нея по довѣренности—дана ему небольшая; во сколько тысячъ, ужъ не знаю. Да и то старуха за него каждый годъ приплачиваетъ.

Зыбкина.

Чтò жь имъ за радость въ убытокъ торговать?

Филицата.

Бабушка такъ разсуждаетъ: хоть и въ убытокъ, все-таки, ему занятіе; нарушь торговлю—при чемъ же онъ останется? Да ужь морщится сама-то: видно, тяжело становится; а онъ—чтò дальше, то больше понятіе терять начинаетъ. Приказчикъ есть у насъ, Никандра, такой-то химикъ, такъ волкомъ и смотритъ: путаетъ хозяина-то еще пуще, отъ дѣла отводитъ; гдѣ хозяину—убытокъ, а ему—барышъ. Слышимъ мы, на сторонѣ-то такъ деньгами и пошвыриваетъ, а пришелъ въ одномъ сюртучишкѣ.

Зыбкина.

Знаю я все это; сынъ мнѣ сказывалъ.

Филицата.

Ты за какимъ дѣломъ къ хозяину-то пришла?

Зыбкина.

Все объ сынѣ. Да занятъ, говорятъ, хозяинъ-то; подождать ве-

дѣли. Взять я сына-то хочу, да опять бѣда—долгъ меня путаетъ. Какъ поставила я его къ вамъ на мѣсто, такъ хозяинъ мнѣ впередъ двѣсти рублей денегъ далъ—нужда была у меня крайняя. И взялъ хозяинъ-то съ меня вексель, чтобы сынъ заживалъ. Да вотъ горе-то мое: нигдѣ Платонъ ужиться не можетъ!

ФИЛИЦАТА.

Отъ чего бы такъ? Кажется, онъ—парень смирный.

ЗЫБКИНА.

Такой ужь отъ рожденія. Ты помнишь, когда онъ родился-то? Въ этотъ годъ дѣла наши разстроились; изъ богатства мы пришли въ бѣдность; мужъ долго содержался за долги, а потомъ и померъ—сколько горя-то было у меня. Вотъ, должно быть, на ребенка-то и подѣйствовало и вышелъ онъ съ поврежденіемъ въ умѣ.

ФИЛИЦАТА.

Какого же роду поврежденіе у него?

ЗЫБКИНА.

Все онъ какъ младенецъ: всѣмъ правду въ глаза говоритъ.

ФИЛИЦАТА.

Въ совершенный-то смыслъ не входитъ?

ЗЫБКИНА.

Говоритъ очень прямо; ну, значитъ ничего себѣ въ жизни составить и не можетъ. Учился онъ хоть на мѣдныя деньги, а хорошо, и конторскую науку онъ всю понялъ; учители всѣ его любили и похвальные листы ему давали—и теперь у меня въ рамкахъ на стѣнкѣ висятъ. Ну, конечно, всякому мило въ ребенкѣ откровенность видѣть, а онъ и выросъ, да такой же остался. Учатся бѣдные люди для того, чтобъ знаніе имѣть, да мѣсто получить; а онъ чему учился-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ. А по нашему, матушка, по купечески: учись, какъ знаешь, хоть съ неба звѣзды хватай, а живи не по книгамъ, а по нашему обыкновенію, какъ исстари заведено.

ФИЛИЦАТА.

Что̀ жъ ему у насъ-то не живется?

ЗЫБКИНА.

Да нельзя, матушка. Поступилъ онъ къ вамъ въ контору бухгалтеромъ, сталъ въ дѣла вникать и видитъ, что хозяина обманываютъ; ему бы ужь молчать, а онъ разговаривать сталъ. Ну, и что̀ же съ нимъ сдѣлали! Начали всѣ надъ нимъ смѣяться, шутки да озорства дѣлать, особенно Никандра; хозяину сказали, что онъ дѣла не смыслитъ, книги путаетъ; оттерли его отъ должности и поставили шутомъ. (*Оглядываясь*). Какой у васъ садъ распрекрасный!

Филицата.

Сама старуха за всѣмъ наблюдаетъ, и сохрани Богъ, коли кто одно яблоко тронетъ! А куда бережетъ? Вѣдь не торговать ими. Ужо къ вечеру я пойду со двора, такъ занесу тебѣ десяточекъ, либо два.

Зыбкина.

Спасибо.

Филицата.

Надо мнѣ сходить по нашему-то дѣлу: колдуна я нашла.

Зыбкина.

Ужли колдуна?

Филицата.

Колдунъ—не колдунъ, а слово знаетъ. Не поможетъ ли онъ моей Поликсенѣ? Все его въ Москвѣ не было; увидала я его третьяго дня, какъ обрадовалась! (*Входитъ Глѣбъ, крутя въ зубахъ веревку изъ мочалы*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филицата, Зыбкина и Глѣбъ.

Филицата.

Маркелычъ, ты мѣшокъ-то съ яблоками убралъ бы куда подальше; а то въ кустахъ-то его видно. Сама пойдетъ да замѣтитъ—сохрани Господи!

Глѣбъ.

Прибрано.

Филицата.

То-то же.

Глѣбъ.

А ты почемъ знаешь, что онъ съ яблоками? Можетъ, тамъ у меня жемчугъ насыпанъ?

Филицата.

Не жемчугъ; видѣла я.

Глѣбъ.

Понюхала. Эко у васъ любопытство! Ну, ужъ!

Филицата.

Тебя жь берегу, Маркелычъ.

Глѣбъ.

Не надо, я самъ себя поберегу. Кабы въ садъ, окромя меня, да хозяевъ, никому ходу не было—ну, былъ бы я виноватъ; а то всякій ходитъ—значитъ, съ меня взыскивать нечего.

Филицата.

Толкуй съ тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалитъ кто—ну, десятокъ, много два во все лѣто; а ты мѣшками таскаешь.

Глѣбъ.

Я виноватъ не останусь, ты не сумлѣвайся.

Филицата.

Да мнѣ что̀!

Зыбкина.

Заходи ко мнѣ, какъ пойдешь къ колдуну-ту!

Филицата.

Да ужь пойду; тамъ что̀ ни выдетъ, а попробую я эту ворожбу. Вонъ никакъ сама идетъ, пойдемъ за ворота, постоимъ, потолкуемъ. (*Уходитъ*).

Глѣбъ.

Я себѣ оправданіе найду. (*Входятъ: Мавра Тарасовна и Поликсена. Глѣбъ отходитъ къ сторонѣ и подвязываетъ сукъ у дерева*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мавра Тарасовна, Поликсена и Глѣбъ.

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ ужь, миленькая моя, что̀ я захочу, такъ и будетъ; никто, кромѣ меня, не властенъ въ домѣ приказывать.

Поликсена.

Ну, и приказывайте; кто-жь вамъ мѣшаетъ!

Мавра Тарасовна.

И приказываю, миленькая, и все дѣлается по моему, какъ я хочу.

Поликсена.

Ну, вотъ прикажите, чтобъ солнце не свѣтило, чтобъ ночь была.

Мавра Тарасовна.

Къ чему ты эти глупости! Нѣшто я могу, коли Божья воля?

Поликсена.

И многого вы, бабушка, не можете; такъ только ужь очень о себѣ высоко думаете.

Мавра Тарасовна.

Что̀ бы я ни думала, а ужь знаю я, миленькая, навѣрно, что

ты-то вся въ моей власти: что только задумаю, то надъ тобой и сдѣлаю.

Поликсена.

Вы полагаете?

Мавра Тарасовна.

Да что мнѣ полагать? Я безъ положенія знаю. Полагайте ужь вы, какъ хотите; а мое дѣло—вамъ приказы давать, вотъ что.

Поликсена.

Стало быть, вы воображаете, что мое сердце васъ послушаетъ: кого прикажете, того и будетъ любить?

Мавра Тарасовна.

Да что такое за любовь? Никакой любви нѣтъ: пустое слово выдумали. Гдѣ много воли даютъ, тамъ и любовь проявляется, и вся эта любовь—баловство одно. Покоряйся волѣ родительской—вотъ это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и безъ нея, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебѣ незачѣмъ.

Поликсена.

Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна.

Вотъ какъ не знала, что я — старуха старая, а мнѣ и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена.

Прежде такъ разсуждали, а теперь ужь совсѣмъ другія понятія.

Мавра Тарасовна.

Ничего не другія, и теперь все одно; потому, женская природа все та же осталась; какая была, такая и есть, никакой въ ней перемѣны нѣтъ; ну, и порядокъ все тотъ же: прежде вамъ воли не давали, смотрѣли, да берегли, и теперь умные родители стерегутъ, да берегутъ.

Поликсена (*смѣясь*).

Ну, и берегите, да только хорошенько! (*Отходитъ къ сторонѣ*).

Мавра Тарасовна (*Глѣбу*).

Вижу я, Меркулычъ, что тебѣ у насъ жить надоѣло—больно хорошо мѣсто, не по тебѣ. Такъ ищи себѣ такого, гдѣ отъ васъ дѣла не спрашиваютъ, да пропажу не взыскиваютъ! Оглядись хорошенько, что у насъ въ саду-то! Гдѣ-жь яблоки-то? Точно Мамай съ своей силой прошелъ—много-ль ихъ осталось?

Глѣбъ.

Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это—правда ваша;

у васъ глазъ на это вѣрный, золотой глазъ—убыль есть, это такъ точно.

ПОЛИКСЕНА (*смѣясь*).

Яблоковъ уберечь не можете, а хотите...

МАВРА ТАРАСОВНА.

Погоди, Глѣбъ, постой! до тебя очередь послѣ дойдетъ! (*Медленно подходитъ къ Поликсенѣ*). Это ты что же, миленькая, съ кѣмъ такъ разговариваешь?

ПОЛИКСЕНА.

Сама про себя. Да я ужъ и забыла, что сказала.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ты не огорчайся, что позабыла: я запомню. Будешь ты сидѣть дома подъ замкомъ вплоть до свадьбы.

ПОЛИКСЕНА.

До какой свадьбы?

МАВРА ТАРАСОВНА.

А вотъ когда я найду тебѣ, миленькая, жениха по своей мысли.

ПОЛИКСЕНА.

А коли найдете по своей мысли, такъ сами за него и выходите, а мнѣ какая надобность!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ужъ извини, надобностей твоихъ мы разбирать не станемъ, а отдадимъ за кого намъ нужно.

ПОЛИКСЕНА.

Утѣшайтесь въ мысляхъ-то, утѣшайтесь!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Да не то что въ мысляхъ, а и на дѣлѣ будетъ то самое. Знаю я это твердо и такъ-то покойна, какъ нельзя быть лучше.

ПОЛИКСЕНА.

Бываетъ, что и бѣгаютъ изъ дому-то.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Бѣгаютъ, у кого приданаго нѣтъ.

ПОЛИКСЕНА.

А меня что удержитъ?

МАВРА ТАРАСОВНА.

Приданое богатое. Пожалѣешь его, миленькая, не бросишь. Да вотъ что: ужъ очень ты разговорилась, а птица ты еще не велика и не пристало мнѣ съ тобой много разговорныхъ словъ говорить. Есть у тебя охота, такъ болтай съ нянькой. На то она въ домѣ, чтобъ твои глупости слушать, за то ей и жалованье платятъ. Ты грезишь, словно къ зубамъ, а она поддакиваетъ—вотъ вамъ и занятіе, будто дѣло дѣлаете. Мнѣ распо-

рядомъ въ домѣ вести, а не баляси съ ними точить. А ты мнѣ убѣгомъ не грози! Коли замки у насъ старые, плохіе, такъ слесаря намъ, по знакомству, новые сдѣлаютъ, покрѣпче.

Поликсена.

И вы мнѣ, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивѣетъ, кто захочетъ изъ нея вырваться, тотъ себѣ дорогу найдетъ.

Мавра Тарасовна.

Куда это, не слыхать ли?

Поликсена (*на ухо бабушкѣ*).

Въ могилу. (*Уходитъ*).

Мавра Тарасовна (*вслѣдъ ей*).

Ну, миленькая, не вдругъ-то туда сберешься—подумаешь прежде.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мавра Тарасовна и Глѣбъ.

Мавра Тарасовна.

Гдѣ же, Меркулычъ, яблоки-то?

Глѣбъ.

Яблоки? Это точно, какъ я теперь замѣчаю, ихъ бы надо больше быть—умаленіе есть.

Мавра Тарасовна.

Да отчего умаленіе-то?

Глѣбъ.

Вотъ что, сударыня, Мавра Тарасовна: я ихъ стеречь приставленъ...

Мавра Тарасовна.

Ну, да, ты; я съ тебя и спрашиваю.

Глѣбъ.

Позвольте! Я ихъ стеречь приставленъ, такъ вы себя успокойте: я вамъ вора предоставлю.

Мавра Тарасовна.

Давно бы тебѣ догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, такъ не скоро найдешь; не поискать ли намъ самимъ поближе?

Глѣбъ.

Я вамъ вора предоставлю; потому, мнѣ тоже слушать такія слова отъ васъ—ой-ой!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Напраслину терпишь, миленькій, задаромъ обидѣли?

ГЛѢБЪ.

Чтò угодно говорите—на все ваша воля... А только я вамъ вотъ чтò скажу: намъ безъ ундера никакъ нельзя.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Какого, миленькій, ундера, на чтò онъ намъ?

ГЛѢБЪ.

У воротъ поставить. Сторожка у насъ новая построена, вотъ онъ тутъ и долженъ существовать.

МАВРА ТАРАСОВНА.

У насъ дворники есть.

ГЛѢБЪ.

Ну, чтò дворники! Мужики—одно слово.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ундеръ ундеромъ, это—наше дѣло; а я съ тобой объ яблокахъ толкую.

ГЛѢБЪ.

Да ундеръ для всего лучше, особливо если съ кавалеріей... Кто идетъ—онъ опрашиваетъ: къ кому, зачѣмъ? кто выходитъ—онъ осмотритъ, не несетъ ли чего изъ дому. Кàкъ можно! Первое дѣло—порядокъ, второе дѣло—видъ. Купеческій домъ, богатый, да нѣтъ ундера у воротъ—это чтò-жь такое!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ундера, это правда, для всякой осторожности... Я прикажу поискать.

ГЛѢБЪ.

А вора, вы не безпокойтесь, я вамъ найду, я его устерегу. Не для васъ, а для себя постараюсь, потому этотъ воръ долженъ меня оправдать передъ вами. Вамъ обидно, я вижу, вижу; но, однако, и мнѣ... такое огорченіе... это хоть кому...

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ты съ огорченія-то, пожалуй...

ГЛѢБЪ.

Ну, ужь не знаю, перенесу ли. Я вамъ напередъ докладываю. Вонъ хозяинъ въ садъ вышелъ... (*Уходитъ. Входятъ Барабошевъ и Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мавра Тарасовна, Барабошевъ и Мухояровъ.

Мухояровъ (*Барабошеву*).

Давно я васъ приглашаю: пожалуйте въ контору; потому—хозяйскій глазъ... безъ него невозможно...

Барабошевъ.

Не въ расположеніи. (*Матери*). Маменька, я разстроенъ. (*Мухоярову*). Мнѣ теперь нуженъ покой... Понимай! Одно слово и довольно. (*Матери*). Маменька, я сегодня разстроенъ.

Мавра Тарасовна.

Ужъ слышала, миленькій, что̀ дальше-то будетъ?

Барабошевъ.

Все такъ и будетъ въ этомъ направленіи. Я не въ себѣ.

Мавра Тарасовна.

Ну, мнѣ до этихъ твоихъ меланхоліевъ нужды мало; потому, вѣдь не божеское какое попущеніе, а за свои же деньги въ погребкѣ или въ трактирѣ разстройство-то себѣ покупаете.

Барабошевъ.

Вѣрно... Но при всемъ томъ и обида...

Мавра Тарасовна.

Такъ вотъ ты слушай, Амосъ Панфилычъ, что̀ тебѣ мать говоритъ.

Барабошевъ.

Могу.

Мавра Тарасовна.

Нельзя же, миленькій, ужъ весь-то разумъ пропивать; надо что̀-нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барабошевъ.

Я такъ себя чувствую, что разуму у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ, миленькій, мало. У тебя и въ помышленіи нѣтъ, что дочь—невѣста, что я къ тебѣ третій годъ объ женихахъ пристаю...

Барабошевъ.

Аккуратъ напротивъ того, какъ вы разсуждаете: потому, какъ я постоянно содержу это на умѣ.

Мавра Тарасовна.

Да что̀ ихъ на умѣ-то содержать, ты намъ-то ихъ давай.

Барабошевъ.

Черезъ этихъ-то самыхъ жениховъ я себѣ разстройство и получилъ. Вы непремѣнно желаете для своей внучки негоціанта?

Мавра Тарасовна.

Какого негоціанта! Такъ купца попроще.

Барабошевъ.

Все одно—негоціанты разные бываютъ: полированные и неполированные. Вамъ нужно черновой отдѣлки, безъ политуры и безъ шику, физіономія опойковая, борода клиномъ, стараго пошибу, суздальскаго письма? Точно такого негоціанта я въ предметѣ и имѣлъ, но на дѣлѣ вышелъ конфузъ.

Мавра Тарасовна.

Почему же такъ, миленькій?

Барабошевъ.

Извольте, маменька, понимать; я сейчасъ вамъ буду докладывать. Сосѣдъ Пустоплёсовъ тоже дочери жениха ищетъ.

Мавра Тарасовна.

Знаю, миленькій.

Барабошевъ.

Стало быть, намъ нужно ту осторожность имѣть, чтобъ себя противъ него не уронить. Спрашиваю я его:—«Кого имѣете въ предметѣ?»—Фабриканта, говоритъ. Я думаю, значитъ, дѣло въ ровень, ушибить ему насъ нечѣмъ. Только, по времени, слышу отъ него совсѣмъ другой тонъ. Намедни сидимъ съ нимъ въ трактирѣ, пьемъ мадеру, потомъ пьемъ лафитъ, «шато ларозъ»—новый сортъ, мягчитъ грудь и пріятныя мысли производитъ. Только опять зашла рѣчь объ этихъ женихахъ - мануфактуристахъ:—«Вы, говоритъ, отдавайте: дѣло хорошее, вамъ такого и надо»; а я раздумалъ.—Почему? спрашиваю. — «А вотъ увидишь, говоритъ». Только вчера встрѣчаю его, ѣдетъ въ коляскѣ самъ другъ, кланяется довольно гордо и показываетъ мнѣ глазомъ на своего компаніона. Гляжу — полковникъ, въ лучшемъ видѣ и при всемъ парадѣ.

Мухояровъ.

Однако, плюха!

Мавра Тарасовна.

Ай, ай, миленькій!

Барабошевъ.

Какъ я на ногахъ устоялъ—не знаю. Что я вина выпилъ съ огорченія! Шато-ля-розъ не дѣйствуетъ, а отъ мадеры еще пуще въ жаръ кидаетъ. Велите-ка, маменька, дать холодненькаго.

Мавра Тарасовна.

Прохладиться-то, миленькій, еще успѣешь... Видѣла я, сама видѣла, что къ нимъ военный подъѣзжалъ. Какъ же намъ думать съ Поликсеной-то?

Барабошевъ.

Ты скажи, маменька: обида это или нѣтъ?

Мавра Тарасовна.

Ну, какъ не обида! Само собой, обида.

Барабошевъ.

Поклонился, да глазами-то такъ и скосилъ на полковника: нако, молъ, Барабошевъ, почувствуй!

Мавра Тарасовна.

Вѣдь, зарѣзалъ, миленькій, зарѣзалъ онъ насъ!

Мухояровъ.

Онъ теперь въ мысляхъ-то, подобно какъ на колокольнѣ, а вы съ грязью въ ровень-съ.

Мавра Тарасовна.

Но до этого случая ему возноситься надъ нами было нечѣмъ. Амосъ Панфилычъ ни въ чемъ ему переду не давалъ.

Барабошевъ.

И теперь не дадимъ. Раскошеливайся, маменька, камуфлетъ изготовимъ.

Мавра Тарасовна.

Да какой такой камуфлетъ?

Барабошевъ.

Къ нимъ въ семь часовъ господинъ полковникъ наѣзжаетъ, и всѣ они за полчаса ждутъ у оконъ, во всѣ глаза смотрятъ... И сейчасъ—безъ четверти семь, подъѣзжаетъ къ нашему крыльцу... генералъ! Вотъ мы имъ глазами-то и покажемъ.

Мухояровъ.

Закуска важная! Сто твоихъ помирилъ, да пятьсотъ въ гору.

Мавра Тарасовна.

Да гдѣ-жь ты, миленькій, генерала возьмешь?

Барабошевъ.

Въ образованныхъ столицахъ, гдѣ живутъ люди просвѣщенные, тамъ на всякое дѣло можно мастера найти. Ежели вамъ нужно гуся, вы ѣдете въ Охотный Рядъ, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна.

Ну, само собой—къ свахамъ.

Барабошевъ.

Къ этому самому сословію мы и обращались и нашли на-

стоящую своему дѣлу художницу. Никандра, какъ она себя рекомендовала?

Мухояровъ.

«Только птичьяго молока отъ меня не спрашивайте; потому, нѣгдѣ взять его; а то нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы я за деньги не сдѣлала».

Барабошевъ.

Одно слово: баба—орелъ; изъ себя королева, одѣвается въ бархатъ, ходитъ отважно, говоритъ съ жаромъ, такъ даже, что крылья у чепчика трясутся, точно онъ куда летѣть хочетъ.

Мавра Тараровна.

И тебѣ не страшно будетъ, миленькій, съ генераломъ-то разговаривать?

Барабошевъ.

У меня разговоръ свободный, точно чтò льется, безъ всякой задержки и противъ кого угодно. Такое мнѣ дарованіе дано отъ Бога разговаривать, что даже всѣ удивляются. По разговору, мнѣ бы давно надо въ думѣ гласнымъ быть или головой; только у меня въ умѣ сужденія нѣтъ, и чтò къ чему—этого мнѣ не дано. А обыкновенный разговоръ, окромя серьёзнаго, у меня—все равно-что жемчугъ.

Мавра Тарасовна.

У тебя есть дарованіе, а мнѣ-то какъ, миленькій?

Барабошевъ.

И вы такъ точно подъ меня подражайте.

Мавра Тарасовна.

А денегъ-то сколько нужно? какъ это генералу полагается?

Барабошевъ.

Деньги—все тѣ же; но лучше отдать ихъ вельможѣ, чѣмъ суконному рылу.

Мавра Тарасовна.

Да шутишь ты, миленькій, или вправду?

Барабошевъ.

Завтрашняго числа развязка всему будетъ: придетъ сваха съ отвѣтомъ; и тогда у насъ разсужденіе будетъ, какой генералу пріемъ сдѣлать.

Мавра Тарасовна.

Намъ хоть кого принять не стыдно: домъ какъ стеклышко.

Барабошевъ.

Объ винахъ надо будетъ заняться основательно, сдѣлать выборку изъ прейсъ-курантовъ.

Мавра Тарасовна.

Да, вотъ еще, не забыть бы: нужно намъ ундера къ воро-

тамъ для всякаго порядку; а теперь, при такомъ случаѣ, оно и кстати.

Барабошевъ.

Это—дѣло самое настоящее; я объ ундерѣ давно воображалъ.

Мавра Тарасовна.

Такъ я велю поискать, нѣтъ ли у кого изъ прислуги знакомаго. (*Уходитъ. Входитъ Зыбкина*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Барабошевъ, Мухояровъ и Зыбкина.

Зыбкина (*кланяясь*).

Я къ вамъ, Амосъ Панфилычъ.

Барабошевъ.

Оченно вижу-съ. Чѣмъ могу служить? Приказывайте!

Зыбкина.

Наше дѣло—кланяться, а не приказывать. Насчетъ сынка.

Барабошевъ.

Чтò же будетъ вамъ угодно-съ?

Зыбкина.

Коли онъ къ вашему дѣлу не нуженъ, такъ вы его лучше отпустите!

Барабошевъ.

Въ хорошемъ хозяйствѣ ничего не бросаютъ: потому, всякая дрянь пригодиться можетъ.

Зыбкина.

Да чтò-жъ ему у васъ болтаться? онъ въ другомъ мѣстѣ при дѣлѣ можетъ быть.

Барабошевъ.

И сейчасъ при должности находится: онъ у насъ за мѣсто Балакирева.

Зыбкина.

Онъ долженъ свое дѣло дѣлать, чему обученъ; ему стыдно въ такой должности быть.

Барабошевъ.

А коли это званіе для него низко, мы его можемъ уволить. Самъ плакать объ немъ не буду и другимъ не прикажу.

Зыбкина.

Такъ ужь сдѣлайте одолженіе, отпустите его!

Барабошевъ.

Я противъ закону удерживать его не могу, потому, всякій

человѣкъ свою волю имѣетъ. Но изъ вашего разговора я заключаю такъ, что вы деньги принесли по вашему документу.

Зыбкина.

Ужь деньги-то я васъ покорно прошу подождать.

Барабошевъ.

Да̀-съ, это, по нашему, пустой разговоръ называется. Разговаривать нужно тогда, когда въ рукахъ есть что̀-нибудь; а у васъ нѣтъ ничего, значитъ, всѣ ваши слова̀—только одно мечтаніе. Но мечтать вы можете сами съ собой, и я васъ прошу своими мечтами меня не безпокоить. У насъ, коммерсантовъ, время даже дороже денегъ считается. Затѣмъ, до пріятнаго свиданія (*кланяется*), и потрудитесь быть здоровы! (*Мухоярову*). Никандра, какія у насъ дѣла̀ по конторѣ спѣшныя?

Мухояровъ.

Задержка въ корреспонденціи: побудительныя письма нужно подписать; потому, платежи въ большомъ застоѣ.

Барабошевъ.

Скажи Платону Иванову Зыбкину, чтобы онъ все, что̀ экстренное, сюда принесъ. (*Мухояровъ уходитъ*).

Зыбкина.

Я одного боюсь, Амосъ Панфиловичъ: какъ бы онъ на ваши шутки вамъ не согрубилъ; пожалуй, что̀ обидное скажетъ.

Барабошевъ.

Никакъ не можетъ; потому, обида только отъ равнаго считается. Мы надъ кѣмъ шутимъ, такъ даже и ругаться дозволяемъ; это для насъ—одно удовольствіе.

Зыбкина.

Нѐчего дѣлать, надо будетъ денегъ искать.

Барабошевъ.

Сдѣлайте одолженіе! И ежели гдѣ очень много найдете, такъ покажите и намъ, и мы въ ономъ мѣстѣ искать будемъ. Честь имѣю кланяться. (*Зыбкина уходитъ. Входятъ: Мухояровъ и Платонъ Зыбкинъ; въ рукахъ у него письма и чернильница съ перомъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Барабошевъ, Мухояровъ и Зыбкинъ.

Барабошевъ.

Корреспонденція?

Платонъ.

Совершенно справедливо-съ. (*Кладетъ письма на столикъ и ставитъ чернильницу*).

Барабошевъ.

А сколько писемъ? Чтобъ не было мнѣ утомленія...

Платонъ.

Подпишете безъ утомленія; потому, только пять.

Барабошевъ (*шутя*).

Почему, братецъ, нечётка? Кáкъ ты неаккуратенъ!

Мухояровъ.

Сколько чего—вы его не спрашивайте: онъ въ счетѣ сбивчивость имѣетъ.

Платонъ.

Нѣтъ, я счетъ твердо знаю и тебя поучу.

Мухояровъ.

Извольте подписывать, послѣ сосчитаемъ. (*Подкладываетъ еще письмо и дѣлаетъ знакъ Барабошеву*).

Барабошевъ (*подписывая*).

Я пять подписалъ, а вотъ еще. (*Беретъ письмо, которое положилъ Мухояровъ*).

Мухояровъ.

Я говорю, что счету не знаетъ-съ.

Платонъ.

Моихъ пять, а шестого я не знаю-съ.

Барабошевъ.

Кто же изъ насъ кого обманываетъ? Чья это рука?

Мухояровъ.

Его-съ. А ты, Платонъ, не отпирайся, не хорошо.

Платонъ (*подходя*).

Позвольте! Я свою руку знаю. (*Смотритъ на письмо, потомъ съ испугомъ хватается за карманъ*). Это письмо у меня украли... Оно сюда не принадлежитъ... Пожалуйте! Это я самъ про себя... Это—мое сочиненіе. (*Хочетъ взять письмо*).

Барабошевъ.

Осади назадъ, осади назадъ! Ты мнѣ самъ его подалъ: значитъ, я въ правѣ дѣлать съ нимъ, чтò хочу.

Платонъ.

Позвольте, позвольте! Чтò я вамъ скажу... вы, можетъ, не знаете... Да вѣдь это неблагородно, это довольно даже глупо, Амосъ Панфилычъ, чужія письма читать.

Барабошевъ.

Чтò для меня благородно, чтò глупо—я самъ знаю: ни въ учителя, ни въ гувернёры я тебя не нанималъ. Не пристань

ты ко мнѣ, я-бъ твою литературу бросилъ, потому окромя глупости, ты ничего не напишешь; а теперь ты меня заинтересовалъ, пойми!

Платонъ.

Амосъ Панфилычъ, ну, имѣйте сколько-нибудь снисхожденія къ людямъ!

Барабошевъ.

Стало быть, это тебѣ будетъ непріятно?

Платонъ.

Да не то, что непріятно, а для чувствительнаго человѣка это—подобно казни, когда надъ его чувствами смѣются.

Барабошевъ.

А ты развѣ чувствительный человѣкъ? Мы, братецъ, этого до сихъ поръ не знали. Сейчасъ мы вставимъ двойныя стекла (*надѣваетъ пенснэ*) и будемъ разбирать твои чувства.

Платонъ (*отходя*).

Въ пустой чердакъ двойныхъ стеколъ не вставляютъ.

Барабошевъ.

Вы полагаете, что въ пустой?

Платонъ.

Да ужъ это такъ точно. (*Хватаясь за голову*). Но за что же, Боже мой, такое надругательство?

Барабошевъ.

А вотъ за эти ваши каламбуры.

Мухояровъ.

И за два года впередъ зачти!

Барабошевъ.

По вашимъ заслугамъ, надо бы вамъ еще по затылку награжденіе сдѣлать...

Платонъ.

Что-жь, деритесь! Все это вы можете: и драться, и чужія письма читать; но, при всемъ томъ, мнѣ васъ жалко, очень мнѣ васъ жалко—да-съ.

Барабошевъ.

Отъ чего-жь это такая подобная скорбь у васъ?

Платонъ.

Отъ того, что вы—купецъ богатый, извѣстный, а такіе ваши поступки, и даже хотите драться...

Барабошевъ.

Такъ что же-съ?

Платонъ.

А то, что это есть верхъ необразованія и подлость въ высшей степени. (*Входитъ Мавра Тарасовна, за ней Филицата и Поликсена, которыя останавливаются въ кустахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Барабошевъ, Мухояровъ, Платонъ, Мавра Тарасовна, Филицата и Поликсена.

Барабошевъ.

Пожалуйте, маменька! Очень вы кстати; сейчасъ мы вамъ развлеченіе доставимъ: будемъ читать сочиненіе господина Зыбкина. (*Мавра Тарасовна садится. Поликсена прислушивается изъ кустовъ*).

Платонъ.

Вотъ ужъ благодарю, вотъ ужъ покорно васъ благодарю. Куда кàкъ благородно!

Барабошевъ (*читаетъ*).

«Красота несравненная и душа души моей». Важно! Ай, да Зыбкинъ.

Платонъ.

Ахъ! Кàкъ это довольно подло, чтò вы дѣлаете!

Барабошевъ (*читаетъ*).

«Любить и страдать — вотъ чтò мнѣ судьба велѣла. Нельзя открыть душу, нельзя показать чувства — невѣжество осмѣетъ тебя и растерзаетъ твое сердце. Люди необразованные имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе только для того, чтобъ имѣть высокое давленіе надъ нами, бѣдными. И такъ, я долженъ молчать и въ молчаніи томиться».

Мавра Тарасовна (*сыну*).

Чтò-жъ это, миленькій, такое написано?

Барабошевъ.

Любовное письмо отъ кавалера къ барышнѣ!

Мавра Тарасовна.

Какой же это кавалеръ?

Барабошевъ.

А вотъ рекомендую: чувствительный человѣкъ и несостоятельный должникъ! Онъ долженъ мнѣ по векселю двѣсти рублей, на платежъ денегъ не имѣетъ и отъ этого самаго впалъ въ нѣжныя чувства.

Мавра Тарасовна.

Къ кому же это онъ, любопытно бы...

Барабошевъ.

И даже очень любопытно. (*Платону*). Слышишь, Зыбкинъ:

намъ съ маменькой любопытно знать твой предметъ; такъ потрудись объяснить, братецъ.

Платонъ.

Мало ли кому что̀ любопытно! Нѣтъ ужь, будетъ съ васъ. Я такъ про себя писалъ.

Мухояровъ.

Да ты тѣнь-то не наводи, говори прямо!

Мавра Тарасовна.

Скажи, миленькій! Вотъ и посмѣемся всѣ вмѣстѣ; все-таки забава.

Платонъ.

Умру, не скажу.

Барабошевъ.

Онъ сейчасъ, маменька, скажетъ; у меня есть на него талисманъ. (*Вынимаетъ вексель*). Видишь свой документъ? Коли скажешь, годъ буду деньги ждать.

Платонъ.

Да невозможно. Смѣйтесь надо мной однимъ—чего вамъ еще нужно?

Мухояровъ.

Какъ есть—храбрый лыцарь, но, при всемъ томъ, безъ понятія къ жизни.

Барабошевъ.

Мало тебѣ этого? Ну, изорву, коли скажешь.

Платонъ.

Жилы изъ меня тяните—не скажу.

Барабошевъ.

Ну, такъ пеняй на себя! Сейчасъ пишу уплату: двадцать-пять рублей тебѣ за мѣсяцъ—ставлю бланкъ: безъ обороту на меня. (*Пишетъ на вексель*). Передаю вексель довѣренному моему. (*Отдаетъ вексель Мухоярову*). Видишь?

Платонъ.

Что̀-жь? ваша воля: отдавайте кому хотите.

Барабошевъ (*Мухоярову*).

Завтра же представь вексель, получи исполнительный листъ и (*показывая на Зыбкина*) опусти его въ яму.

Платонъ (*съ испугомъ*).

Ка̀къ, въ яму! зачѣмъ? Я—молодой человѣкъ; помилуйте, мнѣ надо работать, маменьку кормить.

Барабошевъ.

Ничего, братецъ—посиди, тамъ не скучно; мы тебя навѣщать будемъ.

Мавра Тарасовна.

Да̀, миленькій, въ богатствѣ-то живя, мы Бога совсѣмъ забыли, нищей братіи мало помогаемъ; а тутъ будетъ въ заключеніи свой человѣкъ: все таки, вспомнишь къ празднику, завезешь калачика, то другое—на душѣ-то и легче.

Барабошевъ.

Покорись, братецъ.

Платонъ (*опустивъ голову*).

Ну, въ яму—такъ въ яму! Но только я теперь ожесточился!

Мавра Тарасовна.

Какой ты, миленькій, глупый! Двѣсти рублей для васъ—великія деньги. Хоть бы мать-то пожалѣлъ.

Платонъ.

Ахъ, ужь не мучьте вы меня!

Мавра Тарасовна.

Вѣдь такъ, чай, какая-нибудь полоумная, либо мѣщаночка забвенная. Хорошая дѣвушка изъ богатаго семейства тебя не полюбитъ: ну, что̀ ты за человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ!

Платонъ.

Ничѣмъ я не хуже васъ — вотъ что̀! Я — молодой человѣкъ; наружность мою одобряютъ, за свое образованіе я—личный почетный гражданинъ.

Мухояровъ.

Нѣтъ, не личный, а ты лишній почетный гражданинъ.

Барабошевъ.

Вотъ это вѣрно, что ты лишній.

Платонъ.

Нѣтъ, вы—лишніе-то, а я—нужный; я—ученый человѣкъ, могу быть полезенъ обществу. Я—патріотъ въ душѣ и на дѣлѣ могу доказать.

Барабошевъ.

Какой ты можешь быть патріотъ? Ты не смѣешь и произносить, потому, это высоко и не тебѣ понимать.

Платонъ.

Понимаю, очень хорошо понимаю. Всякій человѣкъ, что̀ большой, что̀ маленькій—это все одно, если онъ живетъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаетъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу — вотъ онъ и патріотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по своему невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ, и только себѣ на потѣху, тотъ—мерзавецъ своей жизни!

Барабошевъ.

А какъ ты обо мнѣ понимаешь? Ежели я ни то, ни другое, и, промежду всего этого, хочу быть самъ по себѣ?

Платонъ.

Да ужь нельзя; только два сорта и есть, податься нѣкуда: либо патріотъ своего отечества, либо мерзавецъ своей жизни.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ, поди вотъ и ожидай себѣ по заслугамъ.

Мухояровъ.

А вотъ онъ у меня другую пѣсню запоетъ.

Платонъ.

Всю жизнь буду эту пѣсню пѣть; другой никто меня не заставитъ.

Барабошевъ.

Однако, у меня отъ этихъ глупыхъ преніевъ въ горлѣ пересохло. Маменька, поподчуйте холодненькимъ, не заставьте умереть отъ жажды!

Мавра Тарасовна.

Пойдемъ, миленькій, и я съ тобой выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить съ разумомъ.

Платонъ.

Прощайте, бабушка.

Мавра Тарасовна.

Прощай, внучекъ! Бабушка я, да только не тебѣ.

Барабошевъ.

Господинъ Зыбкинъ, до свиданія у Воскресенскихъ Воротъ! (*Мухоярову*). Проводи его честь честью!

Платонъ.

Чему вы рады? Кого вы гоните? Развѣ вы меня гоните? Вы правду отъ себя гоните — вотъ что̀! (*Уходитъ, за нимъ Мухояровъ, Мавра Тарасовна и Барабошевъ. Изъ кустовъ выходятъ Поликсена и Филицата*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Поликсена и Филицата.

Поликсена.

Няня, няня! Филицата!

Филицата (*не слушая*).

Ай, что̀ онъ тутъ надѣлалъ-то, что̀ натворилъ! На-ко, хозяевамъ въ глаза такъ прямо!

Поликсена.

Филицата, да слушай ты меня!

Филицата.

Ну, что̀, что̀ тебѣ?

Поликсена.

Чтобы ночью, когда всѣ уснутъ, онъ былъ здѣсь въ саду! Слышишь ты, слышишь? Непремѣнно.

Филицата.

Что̀ ты, что̀ ты? опомнись! Тебя хотятъ за енарала отдавать, а ты ишь что̀ придумываешь!

Поликсена.

Я тебѣ говорю: чтобы онъ былъ здѣсь ночью! И ничего слышать не хочу; ты меня знаешь.

Филицата.

Что̀ ты объ своей головѣ думаешь? На что̀ онъ тебѣ? Онъ тебѣ совсѣмъ не подъ кадрель. Ну, хоть будь онъ какой совѣтникъ, а то люди говорятъ, что онъ какой-то лишній на бѣломъ свѣтѣ.

Поликсена.

Такъ ты не хочешь? Говори прямо: не хочешь?

Филицата.

Да съ какой стати и съ чѣмъ это сообразно, коли тебя за енарала...

Поликсена (*доставая деньги*).

Такъ вотъ что̀: поди, купи мнѣ мышьяку!

Филицата.

Ай, батюшки! Ай, что̀ ты, грѣховодница!

Поликсена (*отдавая деньги*).

Купи мнѣ мышьяку! А если не купишь—я сама найду. (*Уходитъ*).

Филицата.

Ай, погибаю, погибаю! Вотъ когда моей головушкѣ мать пришелъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Зыбкина.
Платонъ.
Мухояровъ.
Филицата.
Сила Ерофеичъ Грозновъ, отставной унтеръ-офицеръ, лѣтъ 70-ти, въ новомъ очень широкомъ мундирѣ старой формы, вся грудь увѣшана медалями, на рукавахъ нашивки, фуражка теплая.

Бѣдная, маленькая комнатка въ квартирѣ Зыбкиной. Въ глубинѣ—дверь въ кухню, у задней стѣны—диванъ, надъ нимъ повѣшены въ рамкахъ школьные похвальные листы; налѣво—окно, на право—шкафчикъ; подлѣ него—обѣденный столъ; стулья, простой, топорной работы. На столѣ тарелка съ яблоками.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Зыбкина (*сидитъ у окна, вяжетъ*) и Платонъ.

Платонъ (*садится утомленный*).

Готово. Теперь чистъ молодецъ: все заложилъ, что только можно было. Семи рублей не хватаетъ, такъ еще часишки остались.

Зыбкина.

А кàкъ жить-то будемъ?

Платонъ.

А какъ птицы живутъ? У нихъ денегъ нѣтъ. Только бы долгъ-то отдать, а то руки развязаны. Вотъ деньги-то! (*Подаетъ Зыбкиной деньги*). Приберегите! Завтра снесемъ.

Зыбкина.

А кàкъ жалко-то; столько денегъ въ рукахъ, и вдругъ ихъ нѣтъ.

Платонъ.

Да вѣдь нечего дѣлать: и плачешь да отдаешь.

Зыбкина.

Ужъ это первое дѣло—долгъ отдать, петлю съ шеи скинуть послѣдняго не пожалѣешь. Бѣдно, голò, да за то совѣсть покойна; сердце на мѣстѣ.

Платонъ.

Кàкъ это, маменька, пріятно, что у насъ съ вами мысли одинакія.

Зыбкина.

А ты думаешь, ты одинъ честный-то человѣкъ? Нѣтъ, и я понимаю, что, коли бралъ, такъ отдать надо. Просто ужь это очень.

Платонъ.

А какъ я давеча этой ямы испугался!

Зыбкина.

Ну, вотъ! Да развѣ я допущу? Я послѣднее платье продамъ. Мухояровъ за тобой изъ трактира присылалъ: дѣло какое-то есть.

Платонъ.

Надо идти: у него знакомства много, работы не достану ли черезъ него.

Зыбкина.

Поди! Убытку не будетъ, дома-то дѣлать нечего. (*Платонъ уходитъ*). Перечесть деньги-то, да въ комодъ запереть. (*Считаетъ деньги и запираетъ въ шкафчикъ. Входитъ Филицата*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Зыбкина и Филицата.

Филицата.

Снова здорово, сосѣдушка!

Зыбкина.

Здравствуй, Филицатушка! Садись! Какъ дѣла-то: по прежнему, аль что новое есть?

Филицата.

Охъ, ужь и не говори! Голова кругомъ идетъ.

Зыбкина.

Была у колдуна-то?

Филицата.

Была. До утра ворожбу-то отложили; ужь завтра натощакъ— что Богъ дастъ; а теперь другая забота у меня. Вотъ видишь ли: хозяева наши хотятъ ундера на дворѣ имѣть, у воротъ поставить.

Зыбкина.

Что-жъ? дѣло хорошее, при большемъ домѣ не лишнее.

Филицата.

Вотъ я и ѣздила за нимъ, у меня знакомый есть; да куда ѣздила-то! Въ Преображенское. Привезла-было его съ собой, да не во-время: видишь, дѣло-то къ ночи, теперь хозяевамъ доло-

жить нельзя, забранятся, что безо времени безпокоатъ ихъ, а до утра чужого человѣка въ домѣ оставить не смѣемъ.

ЗЫБКИНА.

Такъ вели ему завтра пораньше явиться, а теперь пусть домой идетъ.

ФИЛИЦАТА.

Что̀ ты, что̀ ты! Ужь куда ему назадъ плестись, да завтра опять такую даль колесить! Я его и сюда-то, въ одинъ конецъ на силу довезла, боялась, что дорогой-то развалится.

ЗЫБКИНА.

Старенькій?

ФИЛИЦАТА.

Ветхой старичекъ.

ЗЫБКИНА.

Такъ, на что̀-жь вамъ такого?

ФИЛИЦАТА.

Да что̀-жъ у насъ, работа что̀-ль какая! У воротъ-то сидѣть— трудность не велика. У насъ два дворника, а его только для порядку; онъ—кандидатъ, на линіи офицера, весь въ медаляхъ, вахмистръ, какъ слѣдуетъ. Состарѣлся, такъ ужь это не его вина: лѣта подошли преклонныя, ну и ослабъ; а все жъ таки своего геройства не теряетъ.

ЗЫБКИНА.

Гдѣ жь онъ у тебя?

ФИЛИЦАТА.

У калитки на лавочкѣ сидитъ, отдыхаетъ; растрясло, никакъ раздышаться не можетъ. Такъ вотъ, я тебя и хочу просить: пріюти ты его до утра; онъ—человѣкъ смирный, солидный.

ЗЫБКИНА.

Что̀-жь, ничего! пусть ночуетъ; за постой не возьму...

ФИЛИЦАТА.

Смирный онъ, смирный—ты не безпокойся! А ужь я тебѣ за это сама послужу. Дай ему поглодать чего-нибудь, а уснетъ—гдѣ пришлось: солдатская кость, къ перинамъ не привыченъ. (*Подходитъ къ окну*). Сила Ерофеичъ, войдите въ комнату! (*Зыбкиной*). Сила Ерофеичъ его зовутъ-то. Сынъ-то у тебя гдѣ?

ЗЫБКИНА.

По дѣлу побѣжалъ недалечко.

ФИЛИЦАТА.

А и мнѣ его нужно бы. Ну, да я къ тебѣ еще зайду; далеко-ль тутъ?—всего черезъ улицу перебѣжать. Кстати, тебѣ яблочковъ кулечикъ принесу.

Зыбкина.

Да у меня и прежнія твои еще ведутся. Вонъ на столѣ-то!

Филицата.

Ну, все таки не лишнее, когда отъ скуки пожуешь; у меня вѣдь не купленныя. (*Входитъ Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Зыбкина, Филицата и Грозновъ.

Грозновъ (*вытягиваясь во фрунтъ*).

Здравія желаю!

Зыбкина.

Здравствуйте, Сила Ерофеичъ.

Филицата.

Это—моя знакомая, Палагея Григорьевна... Вотъ вы, Сила Ерофеичъ, здѣсь и ночуете.

Грозновъ.

Благодарю покорно.

Зыбкина.

Садитесь, Сила Ерофеичъ! (*Грозновъ садится къ столу*). Яблочка не угодно ли?

Грозновъ (*беретъ яблоко съ тарелки*).

Наливъ?

Зыбкина.

Бѣлый наливъ, мягкія яблоки.

Грозновъ.

Въ Курскѣ яблоки-то хороши... Бывало, набьешь цѣлый ранецъ.

Зыбкина.

А дешевы тамъ яблоки?

Грозновъ.

Дешевы, очень дешевы.

Зыбкина.

Почемъ десятокъ?

Грозновъ.

Ежели въ саду, такъ солдату за даромъ, а съ прочихъ—не знаю и на рынкѣ тоже не покупалъ.

Зыбкина.

Дà, ужь это на чтò дешевле!

Филицата.

Ну, мнѣ пора домой бѣжать. (*Подходитъ къ Грознову*). Вотъ

что̀, Сила Ерофеичъ: чтобъ васъ завтра скорѣй въ домъ-то къ намъ допустили, вы, отдохнувши, сегодня же понавѣдайтесь къ воротамъ. У насъ завсегда либо дворникъ, либо кучеръ, либо садовникъ у во̀ротъ сидятъ; поговорите съ ними, позовите ихъ въ трактиръ, поподчуйте хорошенько. Своихъ-то денегъ вамъ тратить не къ чему, да вы и не любите, я знаю; такъ вотъ вамъ на угощеніе! (*Даетъ рублевую бумажку*).

Грозновъ.

Это хорошо, хорошо. Я такъ и сдѣлаю, я люблю въ компаніи, особенно, ежели на чужія-то...

Филицата.

А завтра, когда придете, скажите, что мой родственникъ; васъ прямо ко мнѣ на верхъ и проводятъ заднимъ крыльцомъ.

Грозновъ.

Я скажу—кумъ. Я все, бывало, такъ-то и съ молоду: когда нужно повидать, либо вызвать кого, такъ кумомъ сказывался. Хе, хе, хе.

Филицата.

Значитъ, васъ учить нѐчего.

Грозновъ.

Что̀ ученаго учить! Тоже вѣдь ходокъ былъ.

Зыбкина.

Да вы и сейчасъ на видъ-то не очень чтобы... еще мужчина бравый.

Грозновъ.

Что̀-жь? я еще—хоть куда, еще молодецъ; ну, а ужь кумовство все ушло, прежняго нѣтъ—тю-тю!

Филицата.

Вотъ вы и потолкуйте. Вы, Сила Ерофеичъ, разскажите, въ какихъ вы сраженіяхъ сражались, какія страсти ужасти произошли, какихъ королей, принцовъ видѣли; вотъ у васъ время-то и пройдетъ. А я черезъ часъ забѣгу: сына твоего мнѣ нужно видѣть непремѣнно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зыбкина и Грозновъ.

Зыбкина.

И рада бы я васъ послушать: очень я люблю, когда страшное что̀ разсказываютъ, ну, и про королей, про принцевъ тоже интересно, да на умѣ-то у меня не то, свое горе одолѣло.

Грозновъ.

Я про сраженія-то ужь плохо и помню—давно вѣдь это было. Прежде хорошо разсказывалъ, ка̀къ Браиловъ брали, а теперь забылъ. Я больше двадцати лѣтъ въ чистой отставкѣ; послѣ-то все въ вахмистрахъ, да въ присяжныхъ служилъ, гербовую бумагу продавалъ.

Зыбкина.

Все у денегъ, значитъ, были?

Грозновъ.

Много ихъ черезъ мои руки перешло.

Зыбкина.

А мы вотъ бьемся, такъ бьемся деньгами-то. Ужь ка̀къ нужны, ка̀къ нужны!

Грозновъ.

Кому онѣ не нужны! жить трудно стало; за все деньги платѝ.

Зыбкина.

Жить-то бы можно; а вотъ долгъ платить тяжело.

Грозновъ.

Да̀, платить тяжело; занимать легче.

Зыбкина.

Ну, не скажите! Вотъ я понабрала деньжонокъ долгъ-то отдать, а все еще не хватаетъ! да на прожитіе нужно, рублей тридцать бы призанять теперь; а гдѣ ихъ возьмешь: у того нѣтъ..

Грозновъ.

А у другого и есть, да не дастъ. Вотъ у меня и много, а я не дамъ.

Зыбкина.

Что̀ вы говорите!

Грозновъ.

Говорю: денегъ много, а не дамъ.

Зыбкина.

Да почему же?

Грозновъ.

Жалко.

Зыбкина.

Денегъ-то?

Грозновъ.

Нѣтъ, васъ.

Зыбкина.

Ка̀къ же это?

Грозновъ.

Я проценты очень большіе беру.

Зыбкина.

Скажите! Да на что̀ вамъ? вы, кажется, человѣкъ одинокій.

Грозновъ.

Привычка такая. А вы кому должны?

Зыбкина.

Купцу.

Грозновъ.

Богатому?

Зыбкина.

Богатому.

Грозновъ.

Такъ и не платите. Объ чемъ горевать-то! Вотъ еще! Нужно очень себя раззорять.

Зыбкина.

Да, вѣдь, по векселю.

Грозновъ.

Такъ что̀-жь за бѣда, что по векселю. Нѣтъ, что̀ вы! помилуйте! И думать нѣчего! Не платите—да и все тутъ. А много ли должны-то?

Зыбкина.

Да безъ малаго двѣсти рублей.

Грозновъ.

Двѣсти? Ни, ни, ни! Что̀ вы, въ умѣ ли! Столько денегъ отдать? Да ни подъ какимъ видомъ не платите!

Зыбкина.

Да вѣдь онъ документъ взялъ, говорю я вамъ.

Грозновъ.

Ну, а взялъ—такъ чего-жь ему еще! И пусть его смотритъ на документъ-то!

Зыбкина.

Да вѣдь посадитъ сына-то.

Грозновъ.

Куда?

Зыбкина.

Въ яму, къ Воскресенскимъ Воротамъ.

Грозновъ.

Что̀жъ? это ничего, пущай посидитъ, тамъ хорошо... пищу очень хвалятъ.

Зыбкина.

Да вѣдь срамъ, помилуйте!

Грозновъ.

Нѣтъ, ничего: тамъ и хорошіе люди сидятъ, значительные, компанія хорошая. А бѣдному человѣку—такъ и на что̀ лучше:

покойно, квартира теплая, готовая, хлѣбъ все больше пшеничный.

Зыбкина.

Это, дѣйствительно, правда ваша, только жалко, сынъ вѣдь.

Грозновъ.

Что̀ его жалѣть-то! Посидитъ, да опять домой придетъ. Деньги-то жальче—онѣ ужь не воротятся: запретъ ихъ купецъ въ сундукъ, вотъ и идите домой ни съ чѣмъ. А спрятать ихъ подальше, да вынимать понемножку на нужду—такъ насколько ихъ хватитъ! Ну, пропади у васъ столько денегъ, что̀-бы вы сказали?

Зыбкина.

Сохрани Богъ! Съ ума можно сойти.

Грозновъ.

Украдутъ—жалко, а своими руками отдать—не жалко! Смѣшно. Руки-то по локоть отрубить надо, которыя свое добро отдаютъ.

Зыбкина.

Справедливыя ваши рѣчи, очень справедливыя; а все-таки у меня-то сомнѣніе! Чужія деньги, взятыя—ка̀къ ихъ не отдать?

Грозновъ.

Да вы развѣ на сбереженье брали? Коли на сбереженье брали, да онѣ у васъ цѣлы—такъ отдавайте. А я думалъ, это—трудовыя. Трудовыя-то люди жалѣютъ, берегутъ.

Зыбкина.

Такъ вы не совѣтуете отдавать?

Грозновъ.

Купецъ отъ вашихъ денегъ не разбогатѣетъ, а себя—раззорите.

Зыбкина.

Ужь ка̀къ я вамъ благодарна. Женскій умъ, что̀ дѣлать-то—всего не сообразишь. А ежели сынъ требовать будетъ?

Грозновъ.

А что̀ сынъ. Сиди, молъ—вотъ и все! Надоѣстъ купцу кормовыя платить, ну, и выпуститъ; либо къ празднику кто выкупитъ.

Зыбкина.

Ка̀къ это все вѣрно, что̀ вы говорите. (*Входятъ Платонъ и Мухояровъ. Грозновъ садится сзади стола, у шкафа и жуетъ яблоко*).

ЯВЛЕНIЕ ПЯТОЕ.

Зыбкина, Грозновъ, Платонъ и Мухояровъ.

Мухояровъ (*садится, разваливается и надѣваетъ пенснэ*).

Скажите, пожалуйста, я васъ спрашиваю: вашъ сынъ имѣетъ въ себѣ какой-нибудь разсудокъ?

Зыбкина.

Не знаю, кàкъ вамъ сказать. Кажется, Богъ не обидѣлъ; ну, и учили мы его.

Мухояровъ.

Однако, и образованiя настоящаго по бухгалтерской части я не вижу.

Платонъ.

Фальшивые балансы-то тебѣ писать? Нѣтъ, ужъ это на чтò-же!

Мухояровъ.

Не съ вами говорятъ, а съ вашей маменькой. Но я даю ему работу и очень интересную: балансъ стòитъ сто рублей; я предлагаю полтораста, но онъ не беретъ.

Платонъ.

Совѣсти не продамъ, сказано тебѣ, и не торгуйся лучше.

Мухояровъ.

Какой же ты бухгалтеръ! Отъ тебя твоей науки сейчасъ требуютъ, а не совѣсти; значитъ, ты не своимъ товаромъ торгуешь.

Платонъ.

Да ужъ будетъ разговаривать-то! Тысячи рублей не возьму— вотъ тебѣ и сказъ.

Мухояровъ.

Твоя глупость при тебѣ, я спорить не стану. Мы людей найдемъ. (*Зыбкиной*). У насъ дѣло вотъ какого рода: много денегъ въ кассѣ не хватаетъ; хозяинъ задержалъ на свои развлеченiя; такъ намъ требуется балансъ такъ оттушевать, чтобы старуха разобрать ничего не могла. (*Показывая на Грознова*). Чтò это у васъ за орангутангъ?

Зыбкина.

Какой орангутангъ, помилуйте! Это—кавалеръ. Ваша нянька хочетъ его къ вамъ въ ундеры поставить. (*Грознову, указывая на Платона*). Вотъ, Сила Ерофеичъ, сынокъ-то мой, про котораго говорили.

Грозновъ.

Парень знатный! (*Манитъ рукой Платона*). Поди-ко сюда поближе! (*Платонъ подходитъ*). Кто это? (*Указывая на Мухоярова*).

Платонъ.

Приказчикъ отъ Барабошева.

Грозновъ.

О!.. А я думалъ... (*Отворачивается и жуетъ яблоко*).

Мухояровъ (*вставая*).

Хорошъ мужчина!

Грозновъ.

Не дуренъ. А ты какъ думалъ?

Зыбкина.

Онъ въ разныхъ сраженіяхъ бывалъ, королей, императоровъ и всякихъ принцевъ видѣлъ.

Мухояровъ.

Вретъ все: ничего онъ не видалъ, за пушкой лежалъ гдѣ-нибудь.

Грозновъ.

Нѣтъ, видѣлъ.

Мухояровъ.

На картинкѣ?

Грозновъ (*сердито*).

Въ натурѣ.

Мухояровъ.

Котораго?

Грозновъ.

Австрицкаго, прежняго.

Мухояровъ.

А какой онъ изъ себя? Малъ, великъ, толстъ, тонокъ? Вотъ и не скажешь.

Грозновъ.

Нѣтъ, скажу.

Мухояровъ.

А скажешь—такъ говори! Вотъ мы твою правду и узнаемъ. Ну, какой?

Грозновъ (*передразнивая*).

Какой, какой! Солидный человѣкъ, не тебѣ, прохвосту, чета. (*Встаетъ*). Ну, я пойду.

Зыбкина.

Идите, Сила Ерофеичъ!

Мухояровъ.

Куда намъ такую ветошь? У насъ не матросская богадѣльня. Развѣ для потѣхи?

Грозновъ.

Поживи-ко съ мое, такъ самъ въ богадѣльню запросишься, а я еще на своихъ харчахъ живу. А у Барабошевыхъ тебя держать станутъ ли, нѣтъ ли—не знаю; а я жить буду. А коли будешь жить вмѣстѣ, не прогонятъ тебя, такъ ты мнѣ вотъ какъ будешь кланяться. Не больно ты важенъ: видали и почище. (*Уходитъ*).

Мухояровъ.

Я прихожу къ вамъ въ родѣ, какъ благодѣтель, интересую васъ работой; но вы сами не хотите—значитъ, прощайте! Между прочимъ сказать, я вамъ, не опекунъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Зыбкина и Платонъ.

Платонъ.

Поняли, маменька?

Зыбкина.

Нѐчего мнѣ понимать, да и нѐзачѣмъ.

Платонъ.

Какую штуку-то гнетъ! Сами обманывать не умѣютъ, такъ людей нанимаютъ.

Зыбкина.

Кого обманывать-то?

Платонъ.

Старуху, Барабошеву старуху. Какую работу нашелъ—скажите!

Зыбкина.

Да ты эту работу умѣешь сдѣлать?

Платонъ.

Кàкъ не умѣть, коли я этому учился.

Зыбкина.

Деньги дадутъ за нее?

Платонъ.

Полтораста посулилъ.

Зыбкина.

Мильйонщики мы?

Платонъ.

Мы не мильйонщики; но я, маменька—патріотъ.

Зыбкина.

Извергъ ты—вотъ чтò! (*Утираетъ платкомъ глаза*).

Платонъ.

Объ чемъ же вы плачете? Вы должны хвалить меня: я вотъ послѣдніе часишки продалъ.

Зыбкина.

Зачѣмъ это?

Платонъ.

Чтобы долгъ заплатить. (*Достаетъ деньги*). Вотъ, приложите къ тѣмъ.

Зыбкина.

Нѣтъ, оставь у себя, пригодятся. Безъ денегъ-то вездѣ плохо.

Платонъ.

Да вѣдь тамъ не хватаетъ.

Зыбкина.

Чего не хватаетъ?

Платонъ.

Долгъ-то отдать: не всѣ вѣдь!

Зыбкина.

Да ужь я раздумала платить-то. Совсѣмъ-было ты меня съ толку сбилъ: какую глупость сдѣлать хотѣла! Кàкъ это раззорить себя...

Платонъ.

Маменька, чтò вы, чтò вы!

Зыбкина.

Хорошо еще, что нашлись умные люди, отсовѣтовали. Руки по локоть отрубить, кто трудовыя-то отдаетъ.

Платонъ.

Маменька, маменька, да вѣдь меня въ яму, въ яму!

Зыбкина.

Дà, мой другъ. Ужь поплàчу надъ тобой, да нѐчего дѣлать—благословлю тебя, да и отпущу. Съ благословеніемъ моимъ тебя отпущу, ты не безпокойся.

Платонъ.

Маменька, да вѣдь съ тріумфомъ меня повезутъ, провожать въ десяти экипажахъ будутъ, пустыхъ извозчиковъ наймутъ, процессію устроятъ, издѣваться станутъ—только вѣдь имъ того и нужно.

Зыбкина.

Чтò-жь дѣлать-то! Ужь потерпи, пострадай!

Платонъ.

Маменька, да вѣдь навѣщать будутъ, калачи возить—все съ насмѣшкой.

Зыбкина.

Мяконькой калачикъ съ чаемъ, развѣ дурно?

Платонъ.

Ну, а послѣ-то, что̀ мнѣ тамъ дѣлать цѣлый день? Батюшки мои! Въ преферансъ я играть не умѣю. Чулки вязать только и остается.

Зыбкина.

И то дѣло, другъ мой: все-таки не сложа руки сидѣть.

Платонъ (*съ жаромъ*).

Такъ готовьте мнѣ нитокъ и иголокъ! больше готовьте, больше!

Зыбкина.

Приготовлю, мой другъ, много приготовлю.

Платонъ (*садится, опустя голову*).

Отъ васъ-то я, маменька, не ожидалъ! признаться сказать, никакъ не ожидалъ!

Зыбкина.

За то деньги будутъ цѣлы, милый другъ мой!

Платонъ.

Всю жизнь я, маменька, сражаюсь съ невѣжествомъ, только дома утѣшеніе и вижу, и вдругъ какой ударъ: въ родной матери я тоже самое нахожу.

Зыбкина.

Что̀, тоже самое? Невѣжество-то? Брани мать-то, брани!

Платонъ.

Ка̀къ я, маменька, смѣю васъ бранить. Я не такой сынъ. А только оно самое и есть.

Зыбкина.

Обижай, обижай! Вотъ посидишь въ ямѣ-то—такъ авось поумнѣй будешь.

Платонъ.

Что̀-жь мнѣ дѣлать-то! Кругомъ меня необразованіе, обошло оно меня со всѣхъ сторонъ, одолѣваетъ меня, одолѣваетъ. Ахъ! Пойду брошусь, утоплюсь.

Зыбкина.

Не бросишься.

Платонъ.

Конечно, не брошусь, потому—это глупо. А я вотъ что̀, вотъ что̀! (*Садится къ столу, вынимаетъ бумагу и карандашъ*).

Зыбкина.

Это что̀ еще?

Платонъ.

Стихи буду писать. Въ такомъ огорченіи всегда такъ дѣлаютъ образованные люди.

Зыбкина.

Что̀ ты выдумываешь?

Платонъ.

Чувствъ моихъ не понимаютъ, души моей оцѣнить не могутъ и не хотятъ—вотъ все это тутъ и будетъ обозначено.

Зыбкина.

Какіе-жь это будутъ стихи?

Платонъ.

«На гробъ юноши». А вамъ читать, да слезы проливать. Будетъ, маменька, слезъ тутъ вашихъ много, много будетъ. (*Задумывается, пишетъ и опять задумывается. Входитъ Филицата съ узломъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Зыбкина, Платонъ и Филицата.

Филицата.

Вотъ я тебѣ яблочковъ принесла! На-ко! (*Отдаетъ узелъ*). Салфеточку-то не забудь—хозяйская.

Зыбкина.

Спасибо, Филицатушка, объ салфеткѣ попомню.

Филицата.

Освободи-ко насъ на минутку: нужно мнѣ Платону два слова сказать.

Зыбкина.

Объ чемъ же это?

Филицата.

Наше дѣло; мы съ нимъ только двое и знаемъ.

Зыбкина.

Я уйду, говорите. Говори что̀ хочешь, только бы намъ на пользу шло. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Платонъ и Филицата.

Филицата.

Послушай-ко ты, побѣдитель!

Платонъ.

Погоди, не мѣшай! Фантазія разыгрывается.

Филицата.

Брось, говорю. Не важное какое дѣло-то пишешь, не государственное! Я посломъ къ тебѣ.

Платонъ (*пишетъ*).

Ничего хорошаго отъ тебя не ожидаю.

Филицата.

Въ гости зовутъ.

Платонъ.

Когда?

Филицата.

Сейчасъ, пойдемъ со мной! Провожу я тебя въ сторожку, посидишь тамъ до ночи, а потомъ—въ садъ, когда всѣ уснутъ. По обыкновенію, какъ и прежде бывало, ту же канитель будемъ тянуть.

Платонъ.

Не до того; я очень душой разстроенъ.

Филицата.

А ты выручи меня! Приказала, чтобъ ты былъ безпремѣнно.

Платонъ.

Да вѣдь это мука моя! вѣдь тиранство она на до мной дѣлаетъ.

Филицата.

Чтò-жь дѣлать-то! Не ровная она тебѣ... а ты бы ужь и радъ... Мало-ль чтò? Чинъ твой не позволяетъ.

Платонъ.

Скоро чтò-то; давно-ль видѣлись! Прежде, бывало, дней черезъ пять, черезъ шесть.

Филицата.

Значитъ, нужно. Оказія такая случилась.

Платонъ.

Чтò еще? Говори, не скрывай.

Филицата.

Слушай меня! Надежды вѣдь ты никакой на нее не имѣешь?

Платонъ.

Какая надежда! На чтò тутъ надѣяться!

Филицата.

Значитъ, и жалѣть о ней тебѣ нѐчего.

Платонъ.

Не знаю. Кàкъ сердце приметъ. Тоже вѣдь оно у меня не каменное.

Филицата.

Ну, авось не умрешь. Ее за енарала отдаютъ.

Платонъ.

За генерала?

Филицата.

Дà. Такъ ужь ты тутъ причемъ? Чтò ты противъ енарала можешь значить!

Платонъ.

Гдѣ ужъ! Такая-то мелочь, такая-то мелочь, что самому на себя глядѣть жалко. (*Качая головой*). Но кто-жь этого ожидалъ!

Филицата.

Такъ пойдемъ. Должно быть, проститься съ тобой хочетъ.

Платонъ.

Приказываетъ, такъ надо идти. Вотъ она, жизнь-то моя: одно горе не оплакалъ, другое на плечи валится, (*махнувъ рукою*): одни стихи не кончилъ, другіе начинай! (*Въ задумчивости*). Вотъ и повезутъ, и повезутъ насъ врозь: ее въ каретѣ вѣнчаться съ генераломъ, а меня судебный приставъ за воротъ въ яму. (*За сценой голосъ Грознова: «Еслибъ завтра да ненастье, то-то-бъ рада я была»*). Это что̀-жь такое?

Филицата.

Должно быть, Сила Ерофеичъ вернулся; въ трактирѣ былъ съ нашими, съ дворникомъ, да съ садовникомъ. (*Голосъ за сценой: «Еслибъ дождикъ, мое счастье»*). Ну, онъ и есть. (*Входятъ Зыбкина и Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Платонъ, Филицата, Зыбкина и Грозновъ.

Грозновъ (*поетъ*).

«За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла» (*садится на стулъ*).

Филицата (*Зыбкиной*).

Угомони ты его! Онъ теперь уснетъ, какъ умретъ. А сына твоего я съ собой уведу.

Зыбкина.

Пущай идетъ. Своя воля—не маленькій. (*Филицата и Платонъ уходятъ*).

Грозновъ (*поетъ*).

«За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла». Гдѣ онъ тутъ?

Зыбкина.

Кто, онъ-то?

Грозновъ.

Приказчикъ этотъ. Вотъ онъ теперь поговори со мной! Я его! У-у-у! (*Топаетъ ногами*).

Зыбкина.

Онъ давно ушелъ, Сила Ерофеичъ.

Грозновъ.

Подайте его сюда! Смѣяться надъ Грозновымъ!.. Вотъ я ему задамъ!

Зыбкина.

Да гдѣ-жь его взять-то?

Грозновъ.

Ты смѣяться надо мной? Ахъ ты, молокососъ! Что̀ ты, что̀ ты! Ты знаешь ли, что̀ такое Грозновъ... Сила Грозновъ?.. Грозновъ—герой... одно слово... пришелъ, увидѣлъ, ну, и кончено. Какія дѣла̀ Грозновъ дѣлалъ... какія дѣла̀? Это только уму...у... непостижимо!

Зыбкина.

Ахъ, скажите, пожалуйста!

Грозновъ.

Молодой Грозновъ... ну, да не теперь, а молодой...

Зыбкина.

Ахъ, ка̀къ это интересно.

Грозновъ.

Была женщина красавица, и были у нея станы ткацкіе, на Разгуляѣ... тамъ далеко... въ Гав... въ Гав... въ Гавриковомъ Переулкѣ, и того дальше... Только давно это было... передъ турецкой войной. Тогда этотъ турка взбунтовался, а мы его... били... Вотъ каковъ Грозновъ! А ты шутишь!.. Мальчишка!

Зыбкина.

Ну, и что̀ же эта женщина, Сила Ерофеичъ?

Грозновъ.

Вотъ и полюбила она Грознова... и имѣлъ Грозновъ отъ нея всякіе продукты и деньги... И услали Грознова подъ турку... и чуть она тогда съ горя не померла... такъ малость самую... въ чемъ душа осталась. А Грозновъ сталъ воевать... Вотъ каковъ Грозновъ, а ты, мальчишка! У...у...у. (*Топаетъ ногами*).

Зыбкина.

Дальше-то, дальше-то что̀, Сила Ерофеичъ?

Грозновъ.

Только умереть она не умерла, а вышла замужъ за богатаго купца... очень влюбился... такая была красавица... по всей Москвѣ одна. Первая красавица въ Москвѣ, и та любила Грознова... Вотъ онъ какой, вотъ онъ какой!

Зыбкина.

И ужь вы послѣ эту женщину не видали?

Грозновъ.

Ка̀къ не видать—видѣлъ. (*Поетъ*). «За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла».

Зыбкина.

Чай не узнала васъ, отвернулась, будто и не знакомы?

Грозновъ.

Ну, нѣтъ. Тутъ такая исторія была, такая исторія, что и думать—такъ не придумать.

Зыбкина.

Ужь вы будьте такъ добры, доскажите все до конца.

Грозновъ.

Вотъ пришелъ я въ Москву въ побывку, узналъ, что она замужемъ... разспросилъ, ка̀къ живетъ и гдѣ живетъ. Иду къ ней; домъ—княжескія палаты; мужа на ту пору нѣтъ; провели меня прямо къ ней... Ка̀къ увидала она меня, и взметалась, и взметалась... ужь очень испугалась... Мужъ-то ее въ большой строгости держалъ. И деньги-то мнѣ тычетъ... и перстни-то снимаетъ съ рукъ, отдаетъ; я все это беру... Дрожитъ, вся трясется, такъ по стѣнамъ и кидается; а мнѣ весело. «Возьми что̀ хочешь, только мужу не показывайся! Раза три я такъ-то приходилъ... тиранилъ ее... Ну, и сталъ прощаться; надо въ полкъ идти, а она-то себя не помнитъ отъ радости, что покойна-то будетъ... И что̀ же я съ ней тогда сдѣлалъ... по наученію умныхъ людей... Мудрить-то мнѣ надъ ней все хотѣлось... Взялъ я съ нея такую самую страшную клятву, что, ежели эту клятву не исполнить, такъ разнесетъ всего человѣка... Съ часъ она у меня молилась, все себя проклинала, потомъ сняла образъ со стѣны... А клятва эта была въ томъ, что, ежели я ворочусь благополучно, и что̀ ни потребую у нея, чтобъ все было... А на что̀ мнѣ? Та̀къ пугалъ... И клятва эта вся пустая, такъ слова̀ дурацкія: на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ... Въ шею бы меня тогда... а она—въ сурьёзъ... Такъ вотъ каковъ Грозновъ!

Зыбкина.

А что̀-жь дальше-то?

Грозновъ.

Ничего. Чему быть-то?.. Я всего пять дней и въ Москвѣ-то... умирать на родину пріѣхалъ, а то все въ Питерѣ жилъ... Такъ чего мнѣ?.. Деньги есть; покой мнѣ нуженъ—вотъ и все... А чтобъ меня обидѣть—такъ это нѣтъ, шалишь... Гдѣ онъ тутъ? Давайте его сюда! давайте его сюда! давайте сюда! (*Топаетъ ногами, потомъ дремлетъ*). «За малинкой бы въ лѣсъ пошла»...

Зыбкина.

Ложились бы вы, храбрый воинъ, почивать.

Грозновъ (*стряхивая дремоту*).

Зорю били?

Зыбкина.

Били.

Грозновъ.

Ну, теперь одно дѣло—спать.

Зывкина.

Вотъ сюда, на диванчикъ, пожалуйте!

Грозновъ (*садясь на диванъ, отваливается назадъ и поднимаетъ руки*).

Царю мой и Боже мой!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Мавра Тарасовна.
Барабошевъ.
Поликсена.
Мухояровъ.
Платонъ.
Филицата.
Глѣбъ.

Декорація 1-го дѣйствія. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глѣбъ (*одинъ*).

Глѣбъ.

Какая все, годъ отъ году, перемѣна въ Москвѣ: совсѣмъ другая жизнь пошла. Бывало, въ купеческомъ домѣ въ девять часовъ хозяева-то ужь второй сонъ видятъ, такъ для людей-то какой просторъ! А теперь вотъ десять часовъ скоро, а еще у насъ не ужинали, еще прохлажаются, по саду гуляютъ. А что̀ хорошаго! Только прислугѣ стѣсненіе. Вотъ мѣшки-то съ яблоками съ которыхъ поръ валяются, никакъ ихъ со двора не сволочешь, не улучишь минуты за ворота вынести: то самъ тутъ путается, то сама толчется. Тоже вѣдь и намъ покой нуженъ; вотъ снесъ бы яблоки—и спать; а то жди, когда они угомонятся. (*Входятъ: Мавра Тарасовна и Филицата.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глѣбъ, Мавра Тарасовна и Филицата.

Глѣбъ.

Я вотъ, Мавра Тарасовна, разсуждаю—стою, что пора бы намъ яблоки-то обирать. Что̀ они мотаются! Только одно сумнѣніе съ

ними, да грѣхъ; стереги ихъ, броди по ночамъ, чѣмъ бы спать, какъ это предуставлено человѣку.

Мавра Тарасовна.

Я свое время знаю, когда обирать ихъ.

Глѣбъ.

То-то молъ. Отобрать бы: которыя въ мочку, которыя въ лежку, опять ежели варенье...

Мавра Тарасовна.

Ужь это, миленькій, не твое дѣло.

Глѣбъ.

Да мнѣ что̀! я со всѣмъ расположеніемъ... ужь я теперь неусыпно... Нѣтъ, я за умъ взялся: стеречь надо—вотъ что̀!

Мавра Тарасовна.

Стереги, миленькій, стереги!

Глѣбъ.

А вора я вамъ предоставлю... Что я виноватъ, ужь это... нѣтъ, едва ли! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мавра Тарасовна и Филицата.

Мавра Тарасовна.

Амосъ Панфилычъ давно уѣхалъ?

Филицата.

Да онъ, матушка, дома.

Мавра Тарасовна.

Что̀ такъ замешкался?

Филицата.

Да, видно, не поѣдетъ: и лошадей не закладываютъ, да и кучеръ со двора отпросился.

Мавра Тарасовна.

По буднямъ всѣ ночи напролетъ гуляетъ, а въ праздникъ дома; чему приписать—не знаю.

Филицата.

Что̀ человѣка изъ дому-то гонитъ? Отвага. А ежели отваги нѣтъ, ну, и сидитъ дома. Вотъ какое дѣло; а то чему-жь другому быть-то?

Мавра Тарасовна.

Куда-жь это его отвага дѣвалась?

Филицата.

Первая отвага въ человѣкѣ—коли денегъ много; а деньги

подъ исходъ—такъ человѣкъ скромнѣе бываетъ и чувствительнѣе, и объ домѣ вспомнитъ, и объ семействѣ.

Мавра Тарасовна.

Такъ отъ безденежья, ты думаешь?

Филицата.

Одно дѣло, что прохарчился, матушка.

Мавра Тарасовна.

Ты съ приказчиками-то, миленькая, дружбу водишь, такъ что̀ говорятъ-то? Ты мнѣ—какъ на духу!

Филицата.

Да что̀ ужъ! Тонки дѣла̀, тонки.

Мавра Тарасовна.

Торговля плоха, стало быть?

Филицата.

Да что̀ торговля! Какая она ни будь, а если нынче изъ выручки тысячу, завтра двѣ, да такъ постепенно выгребать—много ли барыша-то останется? А тутъ самимъ платить приходится; а денегъ нѣтъ: вотъ отъ чего и тоска, и ужъ такого легкаго духу нѣтъ, чтобъ тебя погулять манило.

Мавра Тарасовна.

А много-ль Амосъ Панфилычъ на себя забралъ изъ выручки-то?

Филицата.

Говорятъ, тысячъ двадцать пять въ короткое время.

Мавра Тарасовна.

Ну, что̀-жъ, миленькая, пущай: мы—люди богатые, только одинъ сынъ у меня; въ кого-жь и жить-то?

Филицата.

Да что̀ ужъ! Только-бъ быть здоровыми.

Мавра Тарасовна.

Еще чего не знаешь-ли? Такъ ужъ говори кстати, благо начали!

Филицата.

Платона даромъ обидѣли—вотъ что̀! Онъ хозяйскую пользу соблюдалъ и такія книги писалъ, что въ нихъ, все одно, что̀ въ зеркалѣ, сейчасъ видно, кто и какъ сплутовалъ. За то и возненавидѣли.

Мавра Тарасовна.

Конечно, такіе люди дороги; а коли грубитъ, такъ вѣдь одного дня терпѣть нельзя.

Филицата.

Ваше дѣло; мы судить не смѣемъ (*проходятъ; съ другой стороны входятъ: Барабошевъ и Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Барабошевъ и Мухояровъ.

Барабошевъ.

Почему такое, Никандра, у насъ въ кассѣ деньги не въ должномъ количествѣ?

Мухояровъ.

Такая выручка, Амосъ Панфилычъ—ничего не подѣлаешь.

Барабошевъ.

Мнѣ нужно тысячи двѣ на мои удовольствія, и вдругъ—сюрпризъ.

Мухояровъ.

Уплаты были, сроки подошли.

Барабошевъ.

А кàкъ, братецъ, нашъ портфель?

Мухояровъ.

Портфель полнёхонекъ, гербовой бумаги очень достаточно.

Барабошевъ.

Въ такомъ разѣ дисконтируй!

Мухояровъ.

Гдѣ прикажете?

Барабошевъ.

Никандра, ты меня удивляешь. Ступай, братецъ, по Ильинкѣ: налѣво одинъ банкъ, направо—другой.

Мухояровъ.

Дà-съ, это точно-съ. Вотъ еслибъ вы сказали: ступай по Ильинкѣ, налѣво одинъ трактиръ, дальше—другой, въ одномъ спроси полуторный, въ другомъ порцію солянки закажи; такъ это все осуществить можно-съ. А ежели заходить въ банки, такъ это—одинъ моціонъ и больше ничего-съ; хоть налѣво заходи, хоть направо—ни копейки за наши векселя не дадутъ.

Барабошевъ.

Но мой бланкъ чего нибудь стòитъ?

Мухояровъ.

Еще хуже-съ.

Барабошевъ.

Значитъ, я тебя буду учить, коли ты настоящаго не понимаешь. Нужны деньги—процентовъ не жалѣй, дисконтируй въ частныхъ рукахъ, у интересантовъ.

Мухояровъ.

Все это мнѣ давно извѣстно-съ! Но въ частныхъ рукахъ полторы копейки въ мѣсяцъ за хорошіе-съ.

Барабошевъ.

А за наши?

Мухояровъ.

Ни копейки-съ.

Барабошевъ.

Полученіе предвидится?

Мухояровъ.

Полученія много; только получить ничего нельзя-съ.

Барабошевъ.

А платежи?

Мухояровъ.

А платежи завтрашняго числа, и послѣзавтра, и еще черезъ недѣлю.

Барабошевъ.

Какая сумма?

Мухояровъ.

Тысячъ болѣе тридцати-съ.

Барабошевъ.

Постой, постой! ты, братецъ, долженъ осторожнѣе... Ты меня убилъ. (*Садится на скамейку*).

Мухояровъ.

У Мавры Тарасовны деньги свободныя-съ.

Барабошевъ.

Но у нея у сундука замо́къ очень тугъ.

Мухояровъ.

Придите поклонимся!

Барабошевъ.

Она любитъ, чтобъ ей въ присядку кланялись до сырой земли.

Мухояровъ.

И ничего не зазорно-съ, потому родительница.

Барабошевъ.

Хрящи-то у меня срослись, гибкости, братецъ, прежней въ себѣ не нахожу.

Мухояровъ.

Оно точно-съ: выдѣлывать эти самыя па̀ довольно затруднительно: но, при всемъ томъ, обойтись безъ нихъ никакъ не возможно-съ.

Барабошевъ.

Поклоны-то—поклонами, эту эпитимію мы выдержимъ, но для убѣжденія нужна и словесность.

Мухояровъ.

За словесностью остановки не будетъ, потому какъ у васъ на это даръ свыше. Пущайте противъ маменьки аллегорію, а я въ вашъ тонъ потрафлю—противъ вашей ноты фальши не будетъ.

Барабошевъ.

Значитъ, спѣлись. (*Входитъ Мавра Тарасовна*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Барабошевъ, Мухояровъ и Мавра Тарасовна.

Мавра Тарасовна.

Ты—дома, миленькій? На чемъ это записать? Какъ это ты сплоховалъ, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустилъ.

Барабошевъ.

Соловьиное время только до петрова дня-съ.

Мавра Тарасовна.

Для тебя, миленькій, видно, круглый годъ поютъ; вечерняя заря тебя изъ дому гонитъ, а утренняя загоняетъ. Дурно я объ сынѣ думать не могу; такъ все полагаю, что ты соловьевъ слушаешь. Ужь здоровъ ли ты?

Барабошевъ.

Болѣзни во мнѣ никакой, только воздыханіе въ груди частое и отъ того стѣсненіе.

Мавра Тарасовна.

Не отъ вина-ли? Ты бы ему немножко отдохнуть далъ.

Барабошевъ.

Вино на меня дѣйствія не имѣетъ. А ежели какой отъ него вредъ случится, только недѣльку перегодить, на нутръ цапцапарель принимать—все испареніемъ выдетъ, и опять сызнова можно, сколько угодно. Скорѣй же я могу разстроиться отъ безпокойства.

Мавра Тарасовна.

Что̀-же тебя, миленькій, безпокоитъ?

Барабошевъ.

Курсы слабы. Никандра, ка̀къ на Лондонъ?

Мухояровъ.

Двадцать девять пять. осьмыхъ-съ.

Барабошевъ.

А дисконтъ?

Мухояровъ.

Приступу нѣтъ-съ.

Мавра Тарасовна.

Да на чтò тебѣ Лондонъ, миленькій?

Барабошевъ.

Лондонъ, конечно, будетъ въ сторонѣ; но мнѣ отъ дисконту большой убытокъ. Денегъ въ кассѣ наличныхъ нѣтъ...

Мавра Тарасовна.

Куда-жь они дѣлись?

Барабошевъ.

Я на нихъ спекуляцію сдѣлалъ, въ компаніи съ однимъ негоціантомъ. Открыли натуральный сахарный песокъ, такъ мы купили партію.

Мавра Тарасовна.

Какъ такъ—натуральный?

Барабошевъ.

По берегамъ рѣкъ.

Мавра Тарасовна.

Кàкъ же онъ не растаетъ?

Барабошевъ.

Въ нашей водѣ точно растаять долженъ, а это—въ чужихъ земляхъ. Гдѣ, Никандра, нашли его?

Мухояровъ.

Въ Бухарѣ-съ. Тамъ такія рѣки, что въ нихъ никогда воды не бываетъ-съ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты съ барышемъ будешь, миленькій?

Барабошевъ.

Интересы будутъ значительные; но въ настоящее время есть платежи и нужны наличныя деньги, а ихъ въ кассѣ нѣтъ.

Мавра Тарасовна.

Такъ бы ты и говорилъ, что нужны, молъ, деньги, а сахаромъ-то не подслащалъ.

Барабошевъ.

Я вамъ въ обезпеченіе вашихъ денегъ представлю векселей на двойную сумму.

Мавра Тарасовна.

Пойдемъ, миленькій, въ комнатахъ потолкуемъ, да векселя и всѣ счеты мнѣ принесите! Я хоть мало граматна, а разберу кой-чтò.

Барабошевъ.

Захвати, Никандра, всѣ нужные документы! (*Уходятъ: Мавра Тарасовна, Барабошевъ и Мухояровъ. Входитъ Глѣбъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Глѣбъ, *потомъ* Филицата и Поликсена.

Глѣбъ.

Насилу-то ихъ унесло. Теперь мѣшки на плечи: одинъ по одному, да по заборчику; по холодку-то оно любо. Хоть и тяжеленьки, мѣры по двѣ будетъ въ каждомъ, да своя ноша не тянетъ. Гдѣ они тутъ? (*Входятъ Поликсена и Филицата*). Вотъ еще принесло! Ахъ, наказанье! (*Филицата подходитъ, Поликсена остается вдали*). Чтò на васъ угомону нѣтъ? Полуночники, право, полуночники!

Филицата.

Да тебѣ чтò за печаль?

Глѣбъ.

Ну, ужь домъ! Попалъ я на мѣстечко!

Филицата.

Не грѣши! Чего тебѣ мало? Завсегда сытъ, пьянъ хоть не сплошь, такъ ужь черезъ день аккуратно: съ хорошаго человѣка и довольно бы.

Глѣбъ.

Вы долго прогуляете?

Филицата.

Ты сторожемъ чтò-ль при насъ приставленъ?

Глѣбъ.

Я—при яблокахъ.

Филицата.

Говорить-то тебѣ нѣчего. Шелъ бы спать—расчудесное дѣло.

Глѣбъ.

Стало-быть, я вамъ мѣшаю?

Филицата.

Да чтò торчишь тутъ? какая пріятность смотрѣть на тебя?

Глѣбъ.

А, можетъ, ты мнѣ мѣшаешь-то, знаешь ли ты это?

Филицата.

Кàкъ не знать! Премудрость-то невелика. Бери мѣшокъ-то, тащи, куда тебѣ надобно; мы и видѣли, да не видали.

Глѣбъ.

Да у меня ихъ два.

Филицата.

За другимъ послѣ придешь.

Глѣвъ.

Это вотъ дѣло другого роду, такъ бы ты и говорила. (*Беретъ изъ куста мѣшокъ на плечи и уходитъ. Поликсена подходитъ ближе*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Поликсена и Филицата.

Поликсена.

Гдѣ же онъ?

Филицата.

Погоди, не вдругъ; дай садовнику пройти. Онъ у меня въ сторожкѣ сидитъ, дожидается своего сроку.

Поликсена.

Какая ты милая, добрая! Ужь ка̀къ тебя благодарить—не знаю.

Филицата.

Вотъ будешь енаральшей-то, такъ не оставь своими милостями; ты мнѣ на лобъ-то галунъ нашей.

Поликсена.

Полно глупости-то! Поди, поди!

Филицата.

Куда идти, зачѣмъ? Мы ему сигналъ подадимъ (*отходитъ къ кустамъ и достаетъ что̀-то изъ-подъ платка*).

Поликсена.

Что̀ тамъ у тебя? Покажи, что̀!

Филицата.

Что̀, да что̀! Тебѣ что̀ за дѣло! Ну, телеграфъ.

Поликсена.

Ка̀къ, телеграфъ? Какой телеграфъ?

Филицата.

Какой телеграфъ, да какой телеграфъ! Отстань ты! Ну, котёнокъ. Вотъ я ему хвостъ подавлю, онъ замяучитъ, а Платонъ услышитъ и придетъ—такъ ему приказано. (*Котёнокъ мяукаетъ*).

Поликсена.

Да будетъ тебѣ его мучить-то!

Филицата.

А онъ служи хорошенько; я его завтра за это молокомъ накормлю. Ну, ступай! Теперь ты свою службу кончилъ. (*Пускаетъ котёнка за кусты*).

Поликсена.

Ка̀къ это тебѣ въ голову приходитъ?

Филицата.

Твои причуды-то исполнять, такъ всему научишься. На все другое подозрѣніе есть: стукъ ли, собака ли залаетъ—могутъ выдти изъ дому, подумаютъ чужой. А на кошку какое подозрѣніе, хоть она разорвись? мало-ль ихъ по деревьямъ, да по крышамъ мяучитъ? (*Входитъ Платонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Поликсена, Филицата, Платонъ, *потомъ* Глѣбъ.

Филицата.

Вотъ и побесѣдуйте! Нате вамъ по яблочку, чтобъ не скучно было. (*Уходитъ въ бесѣдку, садится у окна, потомъ постепенно склоняетъ голову и засыпаетъ*).

Поликсена (*потупясь*).

Здравствуй, Платоша!

Платонъ.

Здравствуйте-съ!

Поликсена.

Ты идти не хотѣлъ, я слышала.

Платонъ.

Да что̀ за выговоръ! Я въ послѣдній разъ вамъ удовольствіе, а себѣ му̀ку дѣлаю; такъ имѣйте сколько-нибудь снисхожденія. Я и такъ судьбой своей обиженъ.

Поликсена.

Ка̀къ ты можешь жаловаться на свою судьбу, коли я тебя люблю? Ты долженъ за счастіе считать.

Платонъ.

Да гдѣ-жъ она, ваша любовь-то?

Поликсена.

А вотъ я тебѣ сейчасъ ее докажу. Садись! Только ты подальше отъ меня (*садится на скамейку*). Ну, вотъ слушай!

Платонъ.

Слушаю-съ.

Поликсена.

Я тебя полюбила.

Платонъ.

Покорно васъ благодарю.

Поликсена.

Можетъ быть, ты и не сто̀ишь; да и конечно, не сто̀ишь.

Платонъ.

Лучше бы ужь вы не любили, мнѣ бы покойнѣе!

Поликсена.

Нѣтъ, это я такъ, къ слову, чтобъ ты больше чувствовалъ. А я тебя люблю, люблю и хочу доказать.

Платонъ.

Доказывайте!

Поликсена.

Миленькій мой, хорошенькій! Такъ бы вотъ и съѣла тебя! (*Платонъ подвигается*). Только ты не подвигайся, а сиди смирно.

Платонъ.

При такихъ вашихъ словахъ смирно сидѣть невозможно-съ.

Поликсена.

Нѣтъ, нѣтъ, отодвинься. (*Платонъ отодвигается*). Вотъ такъ! Ка̀къ бы я разцѣловала тебя, мой миленькій!

Платонъ.

Кто же вамъ мѣшаетъ-съ? Сдѣлайте ваше одолженіе!

Поликсена.

Нѣтъ, этого нельзя. Вотъ видишь, что я тебя люблю—вотъ я и доказала!

Платонъ.

Только на словахъ-съ.

Поликсена.

Да̀, на словахъ. А то ка̀къ же? Ну, теперь ты мнѣ говори такія же слова̀.

Платонъ.

Нѣтъ, ужь я другія-съ.

Поликсена.

Ну, ка̀къ хочешь, только хорошія, пріятныя; я и глаза зажмурю.

Платонъ.

Ужь не знаю, пріятны ли они будутъ, только отъ всей души.

Поликсена.

Ну, говори, говори, я дожидаюсь.

Платонъ.

Нетолько любви, а никакого чувства настоящаго и никакой жалости въ васъ нѣтъ-съ.

Поликсена.

Такъ развѣ это у меня не любовь? что̀ же это такое?

Платонъ.

Баловство одно, только свой капризъ тѣшите. Одна у васъ природа съ Амосомъ Панфилычемъ—вотъ что̀ я замѣчаю.

Поликсена.

Конечно, одна, коли онъ мой отецъ.

Платонъ.

И одно у васъ удовольствіе—издѣваться надъ людьми и тира-

нить. Вы воображаете, что въ васъ существуетъ любовь, а совсѣмъ напротивъ. Года подошли, пришло такое время, что ужь пора вамъ любовныя слова говорить; вотъ вы и избираете кого посмирнѣе, чтобъ онъ сидѣлъ, да слушалъ ваши изъясненія. А прикажетъ вамъ бабушка замужъ идти, и всей этой любви конецъ, и обрадуетесь вы первому встрѣчному. А мучаете вы человѣка такъ, отъ скуки, чтобъ покуда, до жениха, у васъ даромъ время не шло. И сиди-то онъ смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки: все это вы бережете суженому-ряженому, какому-то неизвѣстному. Обрящетъ вамъ тятенька гдѣ-нибудь въ трактирѣ, шутъ его знаетъ, какого оглашеннаго, и вы сейчасъ ему на шею, благо дождались своего настоящаго.

Поликсена.

Какъ ты смѣешь?..

Платонъ.

Позвольте! Такъ ужь вы посадите куклу такую, да и выражайте ей свою любовь! Ни чувствовать она не можетъ, ни корчиться не будетъ, а для васъ—все одно.

Поликсена.

Кàкъ ты смѣешь такія слова говорить!

Платонъ.

Отчего же и не говорить, коли правда?

Поликсена.

Да ты и правду мнѣ не смѣй говорить.

Платонъ.

Нѣтъ, ужь правду я никому не побоюсь говорить. Самому лютому звѣрю, льву—и тому въ глаза правду скажу.

Поликсена.

А онъ тебя растерзаетъ.

Платонъ.

Пущай терзаетъ. А я ему скажу: терзай меня, ну, терзай, а правда все-таки—на моей сторонѣ.

Поликсена.

Не затѣмъ я тебя звала.

Платонъ.

Не затѣмъ вы звали, да за тѣмъ я шелъ. Кабы я васъ не любилъ—тàкъ бы не говорилъ. А то я васъ люблю и за эту самую глупость погибаю. Всѣ надо мной смѣются, издѣваются; хозяинъ изъ меня шута сдѣлалъ; мнѣ бы давно бѣжать надо было, а я все на васъ, на вашу красоту любовался (*Поликсена подвигается*). Куда-жъ вы подвигаетесь?

Поликсена.

Не твое дѣло.

Платонъ.

А теперь вотъ изъ дому выгнали; а я—человѣкъ честный, благородный. Да въ яму еще сажають; завтра повезуть, должно быть. Прощайте! (*Поликсена подвигается*). Вотъ ужь вы и совсѣмъ близко.

Поликсена.

Ахъ, оставь ты меня! Я такъ желаю, это—мое дѣло.

Платонъ.

Да вѣдь я живой человѣкъ, не истуканъ каменный.

Поликсена (*подвигаясь очень близко*).

И очень хорошо, что живой. Я вѣдь ничего тебѣ не говорю, ничего не запрещаю.

Платонъ.

Дà, вотъ такъ-то лучше, гораздо благороднѣе (*обнимаетъ Поликсену одной рукой*). Вотъ кàкъ я люблю-то тебя, слышала ты? А отъ тебя чтò я вижу?

Поликсена.

Такъ кàкъ же мнѣ любить-то тебя? Научи!

Платонъ.

А вотъ ты почувствуй любовь-то хорошенько—такъ ужь сама догадаешься, чтò тебѣ дѣлать слѣдуетъ. (*Поликсена ложится къ нему на плечо*). Чтò-жь это ты со мной дѣлаешь, скажи на милость?

Поликсена.

Постой, погоди; не трогай, не мѣшай мнѣ. Я думаю. (*Входитъ Глѣбъ*).

Глѣбъ (*издали*).

Вотъ они дѣлà-то! Чужой человѣкъ въ саду... ну, теперь я виноватъ не останусь. (*Уходитъ*).

Поликсена.

Я теперь знаю, чтò мнѣ дѣлать; я выдумала: я скажу завтра бабушкѣ, что люблю тебя и, кромѣ тебя, ни за кого замужъ не пойду.

Платонъ.

Вотъ это съ твоей стороны благородно; только отъ бабушки никакого благородства ждать нельзя: она безпремѣнно подлость какую-нибудь выдумаетъ.

Поликсена.

Скажу: коли не хотите обидѣть меня, такъ дайте приданое, а то и не надо... я и безъ приданаго—только-бъ за него.

Платонъ.

Вотъ это по душѣ...

Поликсена (*печально*).

Дà, по душѣ... Только ты не очень-то, видно, радъ? А говорилъ, что живой человѣкъ.

Платонъ.

Чтò-жь? Да кàкъ? я право, не знаю.

Поликсена.

Ты хоть бы мнѣ спасибо сказалъ за мою любовь... ну... поцѣловалъ бы, чтò ли...

Платонъ.

Вотъ ужь это я дуракъ! (*Цѣлуетъ ее*). Извини! Не суди строго! Всѣ чувства убиты.

Поликсена (*обнимая Платона*).

Кàкъ я тебя люблю! Кàкъ я тебя люблю! Вотъ, когда ты сидѣлъ далеко, я такъ тебя не любила; а теперь, когда ты близко, я, кажется, все для тебя на свѣтѣ, ну, все, чтò ты хочешь...

Платонъ.

Вотъ теперь мнѣ и въ яму не такъ горько идти.

Поликсена.

Да забудь ты про все, забудь! Знай ты во всемъ мірѣ только меня одну, твою Поликсену! Милый ты мой, хорошій! (*Входитъ Глѣбъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Платонъ, Поликсена и Глѣбъ.

Глѣбъ (*Поликсенѣ*).

Эхъ, Поликсена Амосовна! Дурно, очень дурно! ничего нѣтъ хорошаго! Вонъ тятенька съ бабушкой идутъ.

Поликсена.

Ахъ!.. Ну, спасибо, Глѣбъ. (*Платону*). Бѣги скорѣй! Прощай. (*Уходитъ въ бесѣдку. Платонъ идетъ въ кусты*).

Глѣбъ.

Ты куда? Нѣтъ, ты погоди!

Платонъ.

Да чтò ты? въ умѣ ли? Зачѣмъ ты меня держишь?

Глѣбъ.

Пустить нельзя! шалишь, братъ.

Платонъ.

Ну, сдѣлай милость! Ну, не губи ты меня и Поликсену Амосовну!

Глѣбъ.

Ея дѣло сторона: она хозяйская дочь, можетъ въ саду во всякое время; а ты кàкъ сюда попалъ, какой дорогой?

Платонъ.

Да чтò тебѣ за дѣло?

Глѣбъ.

Какъ что̀ за дѣло? Да кому-жъ дѣло-то, какъ не мнѣ? Мнѣ за васъ напраслину терпѣть, мѣсто терять?

Платонъ.

Да объ чемъ ты?

Глѣбъ.

Объ чемъ? Объ яблокахъ (*громко*). Караулъ! (*Входятъ: Мавра Тарасовна, Барабошевъ и Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Платонъ, Глѣбъ, Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ (*въ бесѣдкѣ*) Поликсена и Филицата.

Барабошевъ (*Глѣбу*).

Что̀, братецъ, за дебошь? Коль скоро ты поймалъ вора, сейчасъ крути ему назадъ лопатки и представь на распоряженіе полицейской администраціи.

Мухояровъ (*Глѣбу*).

Ка̀къ ты хозяевъ до безпокойства доводишь, караулъ кричишь? Нынче ужь эта пѣсня изъ моды выходитъ: приглашаютъ полицію, составляютъ актъ безъ этого невѣжества.

Глѣбъ.

Я вамъ докладывалъ, что вора предоставлю; вотъ извольте и съ поличнымъ! (*Беретъ у Платона изъ рукъ яблоко*).

Барабошевъ.

Да это Платонъ Зыбкинъ. На словахъ ты, братецъ—патріотъ, а на дѣлѣ фрукты воруешь.

Платонъ.

Я—не воръ.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ твои променажи въ чужомъ саду?

Платонъ.

Я—не воръ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты, миленькій, не воровать приходилъ?

Платонъ.

Да нѣтъ же, говорю я вамъ! на что̀ мнѣ ваши яблоки?

Мавра Тарасовна.

Что̀-жь вы на парня напали? За что̀ его обижаете? Онъ—не воръ; онъ гулять въ нашъ садъ приходилъ, время провести. Съ кѣмъ же ты, миленькій, здѣсь въ саду время проводилъ?

Барабошевъ.

Отъ такихъ твоихъ променажей можетъ быть уронъ для нашей чести. У насъ каменные заборы и желѣзные вороты затѣмъ и поставлены, что въ нашей фамиліи существуетъ влюбчивость.

Мавра Тарасовна.

Ужь ты не утаивай отъ меня: я хозяйка. Коли есть въ домѣ такія гулёны, такъ ихъ унять нужно.

Платонъ (*рѣшительно*).

Вяжите меня скорѣй! я воръ, я за яблоками, я хотѣлъ весь садъ обворовать.

Поликсена (*выходя изъ бесѣдки*).

Не вѣрьте ему! онъ ко мнѣ приходилъ.

Барабошевъ.

Маменька, ударъ! Я даже разговору лишился и не имѣю словъ. Обязанъ я убить его сейчасъ на мѣстѣ, или эту казнь правосудію предоставить—я въ недоумѣніи.

Мавра Тарасовна.

Погоди, миленькій! Ничего я тутъ особеннаго не вижу; это часто бываетъ. Сейчасъ я все дѣло разсужу. Кто виноватъ, съ того мы взыщемъ, а для чего мы дѣвушку здѣсь !держимъ? И не пристало ей пустые разговоры слушать, и почивать ей пора. Ну-ко ты, стража неусыпная! (*Филицатѣ*).

Филицата.

Кому что̀, а ужь мнѣ будетъ.

Мавра Тарасовна.

Веди ты ее, укладывай почивать! Коли безсонница одолѣетъ, сказочку скажи!

Поликсена (*обнимая Платона*).

Бабушка, поздно вы хватились! Насъ разлучить невозможно.

Мавра Тарасовна.

Да зачѣмъ васъ разлучать, кому нужно? Только не сейчасъ же васъ вѣнчать; вотъ ужь завтра, что̀ Богъ дастъ? Утро вечера мудренѣе. А спать-то тебѣ надо, да и ему пора домой идти. Ишь онъ ка̀къ долго загостился. Иди-ко, иди съ Богомъ!

Поликсена (*цѣлуя Платона*).

Прощай, мой милый! Я слово сдержу. Мое слово крѣпко, вотъ такъ крѣпко, какъ я тебя.цѣлую теперь.

Мавра Тарасовна.

Ну, вотъ такъ-то, честь честью—чего лучше! Уже еще поцѣлуйтесь! При людяхъ-то оно не такъ зазорно. (*Поликсена цѣлуетъ Платона и уходитъ*). Небось, хорошо, сладко?

Платонъ.

Чудесно-съ! Но ежели вы меня убивать—такъ, сдѣлайте ваше одолженіе, поскорѣй!

Мавра Тарасовна.

Погоди, твоя рѣчь впереди! Чтобъ не было пустыхъ разговоровъ, я вамъ разскажу, что̀ и ка̀къ тутъ случилось. Вышла Поликсеночка погулять вечеромъ, да простудилась и должна теперь, бѣдная, мѣсяца два-три въ комнатѣ сидѣть безвыходно, а тамъ увидимъ, что̀ съ ней дѣлать. Парень этотъ ни въ чемъ невиноватъ, на него напрасно сказали; яблоковъ онъ не воровалъ—взялъ, бѣдный, одно яблочко, да и то отняли, попробовать не дали. И отпустили его домой съ миромъ. Вотъ только и всего, больше ничего не было—такъ вы и знайте!

Платонъ.

Очень, очень премного вами благодаренъ.

Мавра Тарасовна.

Не-за что̀, миленькій.

Платонъ.

Есть за что̀: рукъ не вязали, оглоблей не били. Только душу вынули, а членовредительства—никакого.

Барабошевъ.

Краснорѣчіе оставь! Тебѣ оно нейдетъ.

Мавра Тарасовна.

Не тронь его: пусть поговоритъ. Проводить успѣемъ.

Платонъ.

Вы разговору моему не препятствуете? И за это я васъ благодарить долженъ. Все вы у меня отняли и убили меня совсѣмъ, но только изъ-подъ политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Ужь на что̀ еще учтивѣе и политичнѣе: дочь дѣвушку, богатую невѣсту, при себѣ цѣловать позволяете! И кому же? Ничтожному человѣку; прогнанному приказчику! Ахъ, благодѣтели, благодѣтели вы мои! Замучить-то вы и ее, и меня замучите, высушите, въ гробъ вгоните, да все-таки учтиво, а не по прежнему. Значитъ, наше взяло! Ура!! Вотъ оно—правду-то вамъ въ глаза говорить почаще, вотъ!.. Ка̀къ вы много противъ прежняго образованнѣе стали! А коли учить васъ хорошенько, такъ вы, пожалуй, скоро и совсѣмъ на людей похожи будете.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Мавра Тарасовна.
Барабошевъ.
Поликсена.
Мухояровъ.
Платонъ.
Грозновъ.
Филицата.

Большая столовая: прямо—стеклянная дверь въ буфетную, черезъ которую ходъ въ сѣни и на заднее крыльцо; направо—двѣ двери: одна ближе къ авансценѣ, въ комнату Мавры Тарасовны, другая—въ комнату Поликсены; налѣво—двѣ двери: одна въ гостиную, другая—въ корридоръ; между дверями—орѣховый буфетъ; по серединѣ—обѣденный столъ, покрытый цвѣтной скатертью. Мебель дорогая, тяжелая.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ середней двери выходятъ: Филицата и Грозновъ.

Филицата.

Вотъ это у насъ столовая, Сила Ерофеичъ! Вотъ буфетъ: тутъ посуда, столовое бѣлье, серебро.

Грозновъ.

Много серебра-то?

Филицата.

Пуды лежатъ, шкафъ ломится: и стараго, и новаго есть довольно.

Грозновъ.

Хорошо, у кого серебра-то много.

Филицата (*у двери гостиной*).

Ужъ на что̀ лучше. А вотъ это у насъ—комнаты не живущія: гостиная, да еще другая гостиная, а тамъ зала.

Грозновъ.

Ка̀къ полы-то лоснятся!

Филицата.

Въ годъ два раза гости бываютъ, а каждую недѣлю натираютъ—вотъ они и лоснятся. А вотъ комната Мавры Тарасовны! (*Отворяетъ дверь*).

Грозновъ.

Ишь ты, какой покой себѣ, какую нѣгу нажила!

Филицата.

И деньги свои, и воля своя—такъ кто-жь ей запретитъ?

Грозновъ.

А сундукъ-то желѣзный съ деньгами, чай?

Филицата.

Съ деньгами.

Грозновъ.

Чай, много ихъ тамъ?

Филицата.

Большія тысячи лежатъ. А внизу у насъ двѣ половины: въ одной Амосъ Панфилычъ живетъ, а въ другой—приказчики, да контора. Вотъ, Сила Ерофеичъ, я вамъ всѣ наши покои показала; а теперь подождите въ моей каморкѣ! Теперь скоро сама-то пріѣдетъ. Когда нужно будетъ, я васъ кликну. Только ужь вы ничего не забудьте, все скажите!

Грозновъ.

Ну, вотъ еще! Меня учить не надо.

Филицата.

А я вамъ поднесу для храбрости. (*Провожаетъ Грознова въ середнюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филицата (*одна*).

Филицата.

Эка тишина, точно въ гробу! Съ ума сойдешь отъ такой жизни! Только что проснутся, да всѣ такъ и умрутъ опять. Разъ пять домъ-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь—только и занятія. Бродишь одна по пустымъ комнатамъ—одурь возьметъ. Муха пролетитъ—и то слышно. (*Поликсена показывается изъ своей двери*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Филицата и Поликсена.

Поликсена.

Тоска меня загрызла, мѣста не найду.

Филицата.

Ужь нѣчего дѣлать, потерпи: можетъ, моя ворожба и на пользу будетъ. Утопающій за соломенку хватается. Сама видишь: я рада для тебя въ ниточку вытянуться.

Поликсена.

Ты гдѣ же была все утро?

Филицата.

Все въ хлопотахъ. Снарядивши бабушку къ обѣдни, къ сосѣдямъ сбѣгала, провела сюда, пока самой-то дома нѣтъ.

Поликсена.

И Платоша здѣсь?

Филицата.

Здѣсь, у меня въ каморкѣ. Вѣдь мало-ль что? я куражу не теряю.

Поликсена (*съ нетерпѣніемъ*).

Что-жь это бабушка-то такъ долго.

Филицата.

Должно быть, зашла къ Кирилушкѣ.

Поликсена.

Къ какому Кирилушкѣ?

Филицата.

Блаженненькій тутъ есть; просто сказать, дурачекъ.

Поликсена.

Такъ за чѣмъ она къ нему?

Филицата.

За совѣтомъ. Вѣдь твоя бабушка умная считается; за то и умной зовутъ, что все съ совѣту дѣлаетъ. Какая жь бы она умная была, кабы съ дуракомъ не совѣтовалась?

Поликсена.

Да объ чемъ ей совѣтоваться?

Филицата.

А какъ тебя тиранить лучше. Ты думаешь, своимъ-то умомъ до этого скоро дойдешь? Нѣтъ, матушка: на все на это своя премудрость есть. Вотъ позвонилъ кто-то. Ты поди къ себѣ, посиди пока, да погоди сокрушаться-то! Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. (*Поликсена уходитъ. Входитъ Мавра Тарасовна и садится къ столу*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мавра Тарасовна и Филицата.

Филицата (*подобострастно*).

Утрудились?

Мавра Тарасовна.

Никто меня не спрашивалъ?

Филицата.

Амосъ Панфилычъ раза два навѣдывались, въ городъ ѣхать сбираются.

Мавра Тарасовна.

Подождетъ: не къ спѣху дѣло-то. Вели сказать ему, чтобы зашелъ черезъ полчаса. Пошли ко мнѣ Поликсену.

Филицата (*въ дверь Поликсенѣ*).

Поди; бабушка тебя кличетъ. (*Уходитъ. Входитъ Поликсена*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мавра Тарасовна и Поликсена.

Мавра Тарасовна.

Ты, миленькая, помимо нашей воли, своимъ умомъ объ своей головѣ разсудила? Нѣшто такъ можно?

Поликсена.

Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна.

Да̀, пойдешь, если позволятъ.

Поликсена.

Вы меня приданымъ попрекали; я пойду за него безъ приданаго! возьмите себѣ мое приданое!

Мавра Тарасовна.

Ты меня, миленькая, подкупить не хочешь ли? Нѣтъ, я твоимъ приданымъ не покорыстуюсь; мнѣ чужого не надо; оно тебѣ отложено и твое всегда будетъ. Куда-бъ ты ни пошла изъ нашего дому, оно за тобой пойдетъ. Только выходовъ-то тебѣ немного: либо замужъ по нашей волѣ, либо въ монастырь. Пойдешь замужъ—отдадутъ приданое тебѣ въ руки; пойдешь въ монастырь - въ монастырь положимъ. Хоть и умрешь,·Боже сохрани, за тобой же пойдетъ—отдадимъ въ церковь на поминъ души.

Поликсена.

Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна.

Коли тебѣ такія слова̀ въ удовольствіе, такъ, сдѣлай милость, говори. Мы тебя, миленькая, не обидимъ, говорить не закажемъ.

Поликсена.

Зачѣмъ вы меня звали?

Мавра Тарасовна.

Поговорить съ тобой. Сдѣлаемъ-то мы по своему, а поговорить съ тобой все таки надо.

Поликсена.

Ну вотъ, вы слышали мой разговоръ?

Мавра Тарасовна.

Слышала.

Поликсена.

Может быть, вы не хорошо расслушали, так я вам еще повторю: я пойду за того, кого люблю. Нынче всякій должен жить по своей волѣ.

Мавра Тарасовна.

Твои «нынче и завтра» для меня все равно, что ничего; для меня резонов нѣт. Меня не то что уговорить, в ступѣ утолочь невозможно. Не знаю, как другіе, а я своим характером даже очень довольна.

Поликсена.

А у меня характер: дѣлать все вам напротив, и я своим тоже очень довольна.

Мавра Тарасовна.

Так, миленькая, мы и запишем. (*Поликсена уходит. Входит Филицата*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мавра Тарасовна и Филицата.

Мавра Тарасовна.

Поди-ко ты сюда поближе!

Филицата.

Ох, иду, иду. (*Подходит*). Виновата. (*Кланяется, касаясь рукой полу*).

Мавра Тарасовна.

Мнѣ из твоей вины не шубу шить. Как же это ты не доглядѣла? Аль, может, и сама подвела?

Филицата.

Ея дѣло молодое; а все одна да одна, жалость меня взяла... Ну, думаешь: поговорят с парнем, да и разойдутся. А кто-ж их знал? Видно, сердце-то не камень.

Мавра Тарасовна.

Уж очень ты жалостлива. Ну, сбирайся!

Филицата.

Куда сбираться?

Мавра Тарасовна.

Съ двора долой. В хорошем домѣ таких нельзя держать.

Филицата.

Вот выдумала! А еще умной называешься. Кто тебя умной-то назвал, и тот дурак. Сорок лѣт я в домѣ живу, отца

ея маленькимъ застала, все хороша была, а теперь вдругъ и не гожусь.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Съ лѣтами ты, значитъ, глупѣть стала.

ФИЛИЦАТА.

Да и ты не поумнѣла, коли такъ нескладно говоришь. Виновата я, ну, побей меня, коли ты хозяйка; это, по крайности, будетъ съ умомъ сообразно; а то—на-ко, со двора ступай! Кто-жъ за Поликсеной ходить-то будетъ? Да вы ее тутъ совсѣмъ уморите.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Что̀ за ней ходить? она не маленькая.

ФИЛИЦАТА.

И велика, да хуже маленькой. Я вчера, какъ мы изъ саду вернулись, у ней изо-рту коробку со спичками выдернула. Вотъ вѣдь какая она глупая! Нѣшто этимъ шутятъ?

МАВРА ТАРАСОВНА.

Кто захочетъ что̀ сдѣлать надъ собой, такъ не остановишь. А, надо всѣми, надъ нами—Богъ: это лучше нянекъ-то. А тебя держать нельзя: ты больно жалостлива.

ФИЛИЦАТА.

Такая ужь я съ молоду. Не къ одной я къ ней жалостлива, и къ тебѣ, когда ты была помоложе, тоже была жалостлива. Вспомни молодость-то—такъ сама внучку-то пожалѣешь.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Нѣчего мнѣ помнить: чиста моя душенька.

ФИЛИЦАТА.

А ты забыла вѣрно, ка̀къ дружокъ-то твой вдругъ налетѣлъ? Кто на часахъ-то стоялъ? Я отъ страху-то не меньше тебя тряслась всѣми суставами, чтобы мужъ его тутъ не захватилъ. Такъ меня послѣ цѣлую недѣлю лихорадка била.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Было, да быльемъ поросло, я ужь въ этомъ грѣхѣ и каяться перестала. И солдатикъ этотъ бѣдненькій давно померъ на чужой сторонѣ.

ФИЛИЦАТА.

Охъ, не живъ ли?

МАВРА ТАРАСОВНА.

Никакъ нельзя ему живымъ быть, потому я ужь лѣтъ двадцать за упокой его души подаю: такъ нѣшто можетъ это человѣкъ выдержать?

ФИЛИЦАТА.

Бываетъ, что и выдерживаютъ.

Мавра Тарасовна.

Что̀ я прежде и что̀ теперь—большая разница; я теперь очень далека отъ всего этого и очень высока стала для васъ, маленькихъ людей.

Филицата.

Ну, твое при тебѣ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты пустыхъ рѣчей не говори, а сбирайся-ко, по добру по здорову! Вотъ тебѣ три дня сроку!

Филицата.

Я—хоть сейчасъ. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень. (*Отворивъ стеклянную дверь*). Матушка, да вотъ онъ!

Мавра Тарасовна.

Кто онъ-то?

Филицата.

Сила Ерофеичъ твой. (*Уходитъ. Входитъ Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мавра Тарасовна, Грозновъ, *потомъ* Филицата.

Грозновъ.

Здравія желаю!

Мавра Тарасовна.

Батюшки! Ка̀къ ты? Кто тебя пустилъ?

Грозновъ.

Меня-то не пустить, Грознова-то? Да кто-жь меня удержитъ? Я Браиловъ бралъ, на ба̀тареи ходилъ.

Мавра Тарасовна.

Да ужь не окаянный ли ты, не за душой ли моей пришелъ?

Грозновъ.

Нѣтъ, на что̀ мнѣ душа твоя? Давай жить, да другъ на друга любоваться.

Мавра Тарасовна.

Да ка̀къ же ты живъ-то? Я давно, какъ ты въ походъ ушелъ, тебя за упокой поминаю. Видно, не дошла моя грѣшная молитва?

Грозновъ.

Я добрѣй тебя; я молился, чтобъ тебѣ Богъ здоровья далъ, чтобъ намъ опять свидѣться. Да вотъ и дожилъ до радости.

Мавра Тарасовна.

Ну, сказывай, не томи: зачѣмъ ты теперь ко мнѣ-то?

Грозновъ.

Да ты помнишь клятву, свою клятву страшную?

Мавра Тарасовна.

Охъ, помню, помню. Кȧкъ ее забудешь? Ну, чего-жь тебѣ отъ меня надобно?

Грозновъ.

Хочу стать къ тебѣ на квартеру. Выберу у тебя гостиную, которая получше, да и оснуюсь тутъ: гвоздей по стѣнамъ набью, амуницію развѣшаю.

Мавра Тарасовна.

Ахъ, бѣда моей головушкѣ!

Грозновъ.

А вы каждое утро ко мнѣ всей семьей здороваться приходите, въ ноги кланяться, и вечеромъ опять тоже, прощаться, покойной ночи желать. И сундукъ ты тотъ, желѣзный, ко мнѣ въ комнату подъ кровать поставь.

Мавра Тарасовна.

Да кȧкъ ты, погубитель мой, про сундукъ-то знаешь.

Грозновъ.

Грозновъ все знаетъ, все.

Мавра Тарасовна.

Варваръ ты былъ для меня—варваръ и остался.

Грозновъ.

Нѣтъ, не бранись, я шучу съ тобой.

Мавра Тарасовна.

Такъ денегъ чтȯ ль тебѣ нужно?

Грозновъ.

И денегъ мнѣ твоихъ не надо—у меня свои есть. На чтȯ мнѣ? Я одной ногой въ могилѣ стою; съ собой не возьмешь.

Мавра Тарасовна.

Мнѣ ужь и не понять, чего жь тебѣ?

Грозновъ (*утирая слезы*).

Уголъ мнѣ нуженъ, вѣкъ доживать; уголъ, гдѣ нибудь въ сторожкѣ, подлѣ конуры собачьей.

Мавра Тарасовна (*утирая слезы*).

Ахъ, ты, миленькій, миленькій!

Грозновъ.

Да покой мнѣ нуженъ, чтобъ ходилъ кто-нибудь за мной: тепленькимъ когда напоить—знобитъ меня къ погодѣ. У тебя есть старушка Филицата—вотъ бы мнѣ и нянька.

Мавра Тарасовна.

А я только что ее прогнать разсудила.

Грозновъ.

Ну, ужь для меня сдѣлай милость! Не приказываю, а прошу.

Мавра Тарасовна.

Чего я для тебя не сдѣлаю! Все на свѣтѣ обязана.

Грозновъ (*оглядывая комнату*).

А то—нѣтъ, гдѣ ужь мнѣ въ такіе хоромы? Ты пшеничная, ты въ нихъ и живи; а я оржаной—я на дворѣ.

Мавра Тарасовна (*съ чувствомъ*).

А еще-то чего ты, сирота горькая, отъ меня потребуешь?

Грозновъ.

И еще потребую—затѣмъ пришелъ; только ужь немного и никакого тебѣ убытку.

Мавра Тарасовна.

Только бъ не деньги, да чести моей посрамленія не было; а то все—съ великимъ удовольствіемъ. Вижу я, что не грабить, а какъ есть степенный человѣкъ сталъ; такъ ужь мнѣ и горя нѣтъ, и не задумаюсь я, всякую твою волю исполню.

Грозновъ.

Ну, и ладно, ну, и ладно.

Мавра Тарасовна.

И въ ножки я тебѣ поклонюсь, только сними ты съ меня ту прежнюю клятву, страшную.

Грозновъ.

А! Что! Вотъ ты и знай, каковъ Грозновъ!

Мавра Тарасовна.

Каково жить всю жизнь съ такой петлей на шеѣ! Душитъ она меня.

Грозновъ.

Сниму, сниму; другую возьму полегче.

Мавра Тарасовна.

Да я и безъ клятвы для тебя все...

Грозновъ.

А сдѣлаешь—такъ и шабашъ, въ ничью разойдемся. Вотъ и надо бы мнѣ поговорить съ тобой по душѣ, хорошенько!

Мавра Тарасовна.

Такъ пойдемъ ко мнѣ въ комнату! Филицата! Филицата! (*Входитъ Филицата*). Чай-то готовъ у меня?

Филицата.

Готовъ, матушка, давно готовъ.

Мавра Тарасовна.

Подай рому бутылку, водочки поставь, пирожка вчерашняго — ну, тамъ, что слѣдуетъ.

Филицата.

Слушаю, матушка. (*Уходитъ*).

Грозновъ.

Говорятъ, тебѣ ундеръ нуженъ?

МАВРА ТАРАСОВНА.

Да, миленькій; ищемъ мы ундера-то, ищемъ.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ чего жь тебѣ лучше—вотъ я!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Значитъ, и жалованье тебѣ положить?

ГРОЗНОВЪ.

Такъ неужто задаромъ! Я вездѣ хорошее жалованье получалъ, я кавалерію имѣю.

МАВРА ТАРАСОВНА.

А много ль съ насъ-то запросишь?

ГРОЗНОВЪ.

Четырнадцать рублей двадцать восемь копеекъ съ денежкой; я на старый счетъ.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ну, ужь съ насъ-то возьми, по знакомству, двѣнадцать.

ГРОЗНОВЪ.

Ахъ, ты! (*Топнулъ ногой*). Полтораста!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ну, четырнадцать, такъ четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

ГРОЗНОВЪ.

Не четырнадцать, а четырнадцать двадцать восемь копеекъ съ денежкой! И денежки не уступлю. А ка̀къ харчи?

МАВРА ТАРАСОВНА.

Харчи у насъ людскіе—хорошіе, по праздникамъ водки подносимъ; ну, а тебя-то когда Филицата и съ нашего стола покормитъ.

ГРОЗНОВЪ.

Я разносоловъ вашихъ не люблю: мнѣ чего помягче.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Да̀, да̀, состарѣлся ты, ахъ, какъ состарѣлся!

ГРОЗНОВЪ.

Кто? Я-то? Нѣтъ, я—еще молодецъ, я куда хочешь. А вотъ ты такъ ужь плоха стала, больно плоха.

МАВРА ТАРАСОВНА.

Что̀ ты, что̀ ты? Я еще совсѣмъ свѣжая женщина.

ГРОЗНОВЪ.

А ка̀къ жили-то мы съ тобой, помнишь, тамъ, въ Гавриковомъ, у Богоявленья!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Давно ужь время-то; много воды утекло.

ГРОЗНОВЪ.

Теперь только мнѣ и поговорить-то съ тобой; а какъ посе-

люсь въ сторожкѣ, такъ ты—барыня, ваше степенство, а я—просто Ерофеичъ. (*Входитъ Филицата*).

ФИЛИЦАТА.

Пожалуйте! Готово!

МАВРА ТАРАСОВНА.

Ну, пойдемъ. Закуси чѣмъ Богъ послалъ. (*Филицатѣ*). Коли кто спроситъ—такъ вели здѣсь подождать. (*Уходитъ, Грозновъ за ней*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Филицата (*одна*).

ФИЛИЦАТА.

Ну, ка̀къ мнѣ себя не хвалить! Добрая-то я всегда была, а ума-то я въ себѣ что̀-то прежде не замѣчала: все казалось, что мало его, не въ настоящую мѣру; а теперь выходитъ, что въ домѣ-то я умнѣй всѣхъ. Вотъ чудо-то: до старости дожила, не знала, что я умна! Нѣтъ, ужь я теперь про себя совсѣмъ иначе понимать буду. Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вотъ нашла на нее грозу. (*Входятъ: Барабошевъ и Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Филицата, Барабошевъ и Мухояровъ.

БАРАБОШЕВЪ.

Но гдѣ же маменька?

ФИЛИЦАТА.

Подождать приказано.

БАРАБОШЕВЪ.

У насъ серьёзное финансовое дѣло, никакого замедленія не терпитъ.

ФИЛИЦАТА.

У тебя серьёзное, а у насъ еще серьёзнѣе. Тамъ у нея ундеръ.

БАРАБОШЕВЪ.

Ундеръ—чинъ незначительный.

ФИЛИЦАТА.

Незначительный, а безпокоить не велѣли. Да авось надъ нами не каплетъ—подождать-то можно. (*Голосъ Мавры Тарасовны: Филицата!*). Вонъ, зовутъ! (*Уходитъ*).

БАРАБОШЕВЪ.

Никандра, наши обстоятельства въ упадкѣ! въ такомъ кризисѣ—будь въ струнѣ!

Мухояровъ.

Первый голосъ вы, а я—вашъ акомпаниманъ. (*Выходитъ Филицата*).

Филицата (*говоритъ въ дверь*).

Хорошо, матушка. А Платонъ сейчасъ будетъ здѣсь, онъ тутъ недалеко.

Барабошевъ.

Какой Платонъ и какая въ немъ въ настоящую минуту можетъ быть надобность?

Филицата.

Дѣло хозяйское, не наше. (*У двери Поликсены*). Красавица, утри слёзки-то, да выползай! (*Отворяя стеклянную дверь*). Платоша, требуютъ!

Барабошевъ.

Для чего этотъ весь конгрессъ—это даже трудно понять.

Мухояровъ.

А я такъ по всему заключаю, что тутъ будетъ для насъ съ вами неожиданный оборотъ. (*Входятъ: Мавра Тарасовна, Поликсена, Платонъ и Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Барабошевъ, Мухояровъ, Мавра Тарасовна, Поликсена, Платонъ, Грозновъ и Филицата.

Мавра Тарасовна.

Здравствуйте! Садитесь всѣ! (*Всѣ садятся, кромѣ Филицаты и Грознова, который стоитъ бодро, руки по швамъ*). Вотъ, миленькіе мои, вздумала я порядокъ въ домѣ завести, вздумала, да и сдѣлала. Первое дѣло: чтобъ порядокъ былъ на дворѣ, наняла я ундера. Амосъ Панфилычъ, вотъ онъ!

Грозновъ.

Здравія желаю, ваше степенство.

Барабошевъ.

Кàкъ прозываешься, кавалеръ?

Грозновъ.

Сила Ерофеевъ Грозновъ.

Барабошевъ.

Ундеръ въ порядкѣ: и нашивки имѣетъ, и кавалерію; я его одобряю.

Грозновъ.

Рады стараться, ваше степенство!

Мавра Тарасовна.

Я тебѣ, Ерофеичъ, весь нашъ домъ подъ присмотръ отдаю:

смотри ты за чистотой на дворѣ, за всей прислугой, ну, и за приказчиками не мѣшаетъ, чтобъ раньше домой приходили, чтобъ по ночамъ не шлялись. (*Мухоярову*). А вы его уважайте! Ну, теперь на дворѣ хорошо будетъ—я покойна; надо въ домѣ порядокъ заводить. Слышала я, Платонъ, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать.

Платонъ.

Про хозяина сказать не смѣю, а Мухояровъ заставлялъ—это точно.

Мавра Тарасовна.

И деньги тебѣ, миленькій, обѣщалъ, да ты сказалъ, что тысячи рублей не возьмешь?

Платонъ.

Да напрасно меня и просить: это смѣшно даже.

Мавра Тарасовна.

Вотъ для порядку и назначаю я Платона главнымъ приказчикомъ, и всю торговлю и капиталъ ему довѣряю.

Барабошевъ.

Но онъ несостоятельный должникъ: у меня его вексель.

Мавра Тарасовна.

Дай-ко вексель-то сюда! (*Барабошевъ подаетъ*). Вотъ тебѣ и вексель. (*Разрываетъ и бросаетъ на полъ*).

Барабошевъ.

Маменька, у меня къ вамъ финансовый вопросъ.

Мавра Тарасовна.

Погоди, и до тебя очередь дойдетъ.

Мухояровъ.

Значитъ, я своей должности рѣшонъ?

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ, зачѣмъ же! Ты умѣлъ надъ Платономъ шутить, такъ послужи теперь у него подъ началомъ! А вотъ тебѣ работа на первый разъ! Поди напиши билетецъ: Мавра Тарасовна и Амосъ Панфилычъ Барабошевы, по случаю помолвки Поликсены Амосовны Барабошевой съ почетнымъ гражданиномъ Платономъ Иванычемъ Зыбкинымъ, приглашаютъ на балъ и вечерній столъ—а числю мы сами поставимъ.

Поликсена.

Бабушка, такъ Платоша мой? Ну, вотъ я говорила...

Мавра Тарасовна.

Никто не отниметъ, не бойся!

Поликсена (*Платону*).

Пойдемъ въ гостиную, къ роялю, я тебѣ спою: «Вотъ на пути село большое».

Мавра Тарасовна.

Сиди, сиди! что̀ заюлила!

Барабошевъ.

Но ка̀къ же, маменька, генералъ?

Мавра Тарасовна.

Куда ужь намъ? высоко очень!

Барабошевъ.

Значитъ, Пустоплёсовъ надъ нами преферансъ возьметъ?

Филицата.

Ты у меня про Пустоплёсова-то спроси! У нихъ вчера такая баталія была, что чудо. Самъ-то пьяный согрубилъ что̀-то жениху, такъ тотъ за нимъ по всему дому не то съ саблей, не то съ палкой бѣгалъ—ужь не знаю хорошенько. Такъ все дѣло и врозь.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ, я на этотъ бракъ согласенъ. Но, маменька, финансовый вопросъ... Мнѣ надо въ городъ ѣхать, по векселямъ платить.

Мавра Тарасовна.

Ты хотѣлъ Платона-то въ яму сажать, такъ не сѣсть ли тебѣ, миленькій, самому на его мѣсто? На досугѣ тамъ свой цапцапарель попьешь—ликъ-то у тебя прояснится.

Барабошевъ.

Если со мной такое кораблекрушеніе послѣдуетъ, такъ на все семейство мораль; а мы затѣваемъ бракосочетаніе и должны имѣть свой кругъ почетныхъ гостей.

Мавра Тарасовна.

А не хочешь въ яму, такъ Платону кланяйся, чтобъ онъ заплатилъ за тебя; и ужь больше тебѣ довѣренности отъ меня не будетъ.

Платонъ.

Вотъ она правда-то, бабушка! Она свое возьметъ.

Мавра Тарасовна.

Ну, миленькій, не очень ужь ты на правду-то надѣйся! Кабы не случай тутъ одинъ, такъ плакался бы ты съ своей правдой всю жизнь. А ты вотъ ка̀къ говори: не родись уменъ, а родись счастливъ—вотъ это, миленькій, вѣрнѣе. Правда—хорошо, а счастье лучше!

Филицата (*Грознову*).

Ну-ко, служивый, поздравь насъ.

Грозновъ.

Честь имѣю поздравить Платона Иваныча и Поликсену Амосовну! Тысячу лѣтъ жизни и казны несметное число. Ура!

Конецъ.

А. Островскій.

РУССКІЙ ШЕФФИЛЬДЪ.

(Очерки села Павлова).

I.

У Макарія.

На ярмаркѣ я не былъ лѣтъ около десяти. Для всѣхъ, кромѣ природныхъ нижегородцевъ, слово «ярмарка»—такой же звукъ, какъ и всякій другой; но нижегородецъ, въ какой бы семьѣ онъ ни родился, съ дѣтства привыкъ придавать этому слову особенное значеніе. Въ мое время, когда Нижній былъ совсѣмъ не такъ боекъ, какъ теперь, ярмарка и для городскихъ жителей была эпохой, съ которой начиналось, такъ сказать, лѣтосчисленіе. Дѣтскія воспоминанія всѣ вертѣлись около нея. Она приносила съ собой весь приливъ новыхъ впечатлѣній; отъ нея каждый годъ ждешь, бывало, чего-нибудь невиданнаго, и даже не можешь себѣ представить, что есть городъ, гдѣ разъ въ годъ, во время лѣтнихъ школьныхъ вакацій, обыденная жизнь не превращается въ шестинедѣльный праздникъ...

Года шли. Въ Нижній сталъ я попадать рѣдко, иной разъ лѣтомъ, иной разъ зимой. Городъ совсѣмъ измѣнился; старое общество на половину вымерло; пароходы и желѣзныя дороги сдѣлали Нижній большой купеческой конторой; но мѣсто осталось то же; все такъ же раскидывается Кремль, все такъ же съ «Гребешка» видна широкая даль и развалъ ярмарки кишитъ вдали передъ вами, а направо, внизъ по Волгѣ, растянулся городъ вплоть до Печерскаго монастыря. Но многихъ дѣтскихъ образовъ уже нѣтъ. Тогда, лѣтъ тридцать тому назадъ, холмы прибрежья казались огромными горами, а рѣка цѣлымъ моремъ. Теперь она сильно пообмелѣла. Пароходовъ на ней гораздо больше; но царство простыхъ судовъ миновалось. Ея коренной, живописный характеръ уже не тотъ. Жаль и прежняго моста, когда, на-

чиная съ рукава Оки, по обѣимъ сторонамъ тѣснились лавчонки съ мужицкимъ товаромъ, оживляя, на четверть версты, весь этотъ конецъ моста бойкимъ гуломъ, снованіемъ покупателей, своеобразнымъ видомъ лавочекъ. Ихъ давно уже снесли по административнымъ соображеніямъ. На случай пожара, эти досчатые балаганчики, конечно, неудобны, но бытовая и живописная сторона ярмарочной жизни много потеряла...

Тутъ-то, въ былое время, т. е. среди лавчонокъ на мосту, вы впервые натыкались на павловскій товаръ. Непремѣнно, бывало, въ маленькомъ шкапчикѣ сидитъ старуха, разложивши дешевые замкѝ и крестьянскіе ножи. Даже и по обоимъ тротуарамъ моста похаживали замочники, всѣ увѣшанные замкàми. Еще съ дѣтства врѣзалась мнѣ въ память типичная фигура такого разносчика. Непремѣнно худой, съ блѣднымъ лицомъ, нѣсколько сутуловатый, но не въ сермяжномъ кафтанѣ, а въ потертой синей сибиркѣ и картузѣ; черезъ плечо у него надѣта точно орденская цѣпь изъ замкòвъ разнаго вѣса: и въ нѣсколько золотниковъ, и фунтовъ по пяти, а за плечами, кромѣ того, еще плетеная изъ лыка котомка, гдѣ опять замкѝ, ножи, большіе хлѣбные крестьянскіе, и нѣсколько пачекъ чистаго товара: перочинныхъ ножичковъ, ножницъ, столовыхъ ножей.

Теперь, только на твердой землѣ, тотчасъ по въѣздѣ на шоссе, находите вы павловскій товаръ. Онъ пріютился въ «Сундучномъ Ряду», гдѣ и прежде скупщики покрупнѣе и фабриканты имѣли лавки и лавочки. Тутъ, подъ навѣсами проходовъ и на площадкахъ, прямо на землѣ, ютятся мелкіе разносчики и торговки.

Но бродячаго замочника съ цѣпью замкòвъ черезъ плечо я долго не могъ найти. Только уже въ глубинѣ ярмарки, поворотивъ въ такъ называемые «китайскіе ряды» (гдѣ и прежде не бывало никакихъ китайцевъ, а теперь помѣщаются большія нѣмецкія конторы), встрѣтилъ я настоящаго, чистокровнаго павловца, воскресившаго передо мною фигуру, невиданную десятки лѣтъ.

Стоялъ жаркій августовскій день. Я присѣлъ подъ навѣсомъ на соломенный диванъ: такіе диваны вы всегда найдете вдоль рядовъ сбоку или противъ лавокъ. Гляжу, со стороны татарской мечети приближается худощавая, согнутая фигура съ котомкой на боку и съ цѣпью замкòвъ черезъ плечо.

Павловецъ подошелъ къ дивану, спустилъ котомку, довольно тяжело вздохнулъ и, посмотрѣвши на меня, присѣлъ на кончикъ. Сразу онъ не сталъ мнѣ предлагать своего товара. Видно было, что онъ ужь очень измучился ходьбой. Былъ часъ третій. Навѣрно онъ уже исколесилъ ярмарку и вышелъ на торговлю часовъ въ восемь утра. Одѣтъ онъ былъ мѣщаниномъ, какъ и

всѣ почти замочники: въ синюю сибирку, безъ жилета, разумѣется, въ сапогахъ и на головѣ фуражка. Нищенскаго ничего не было въ немъ; но очень ужь онъ былъ слабъ, блѣденъ, дышалъ тяжело и даже съ трудомъ началъ снимать свое ожерелье изъ замковъ.

— Почемъ замо̀чекъ? спросилъ я, указывая ему на одинъ небольшой замо̀къ изъ тѣхъ, что̀ зовутъ *рѣпчатыми*.

— Пятіалтынный, уныло отвѣчалъ онъ и поглядѣлъ на меня, какъ на человѣка, который только спрашиваетъ о цѣнѣ, но ничего не купитъ.

Мы, однако же, разговорились, и онъ не особенно жаловался на тяжесть ходьбы съ такой ношей, но продолжалъ кряхтѣть и болѣзненно откашливаться. Не нужно было много медицинской проницательности, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи были его легкія.

— Ка̀къ же вамъ теперь живется? освѣдомился я вообще.

Онъ началъ говорить о пожарѣ и благодарить Господа Бога за то, что теперь всѣмъ павловскимъ бѣднякамъ стало жить полегче.

— Съ Ѳедоромъ Михайлычемъ, продолжалъ онъ, болѣзненно одушевляясь:—мы свѣтъ взвидѣли. А то бы совсѣмъ насъ скупщики да міроѣды прикрутили. А теперь—шалишь. По прежнему имъ хозяйничать-то ужь нельзя. Кабы они на̀большіе были, погорѣльцамъ-то бы такъ и не отстроиться.

Онъ еще долго говорилъ на ту же тэму. Меня впервые тутъ поразила одна и та же нота, которую я потомъ слышалъ отъ многихъ павловскихъ пролетаріевъ—нота людей, увѣровавшихъ въ то, что ихъ кто-то *спасъ* и что они, только благодаря этому *кому-то*, стали дышать, спаслись отъ раззоренія и голодной смерти. А вмѣстѣ съ тѣмъ, вся фигура этого чахоточнаго павловца дышала чѣмъ-то умственно забитымъ, говорила о цѣлой массѣ такихъ пришибленныхъ членовъ сельской сходки, повторяющихъ, какъ заученный урокъ то, что̀ въ данную минуту ловкій вожакъ выставитъ какъ «сущую правду».

Мой чахоточный разносчикъ еще не крайній типъ павловскаго кустаря-пролетарія. Для того, чтобы пріѣхать къ Ма̀карію, надо было въ долгъ или съ большой экономіей сколотить товарцу, проѣхаться на пароходѣ взадъ и впередъ, да прохарчиться на ярмаркѣ недѣлю и больше. Но ярмарка для всѣхъ павловцевъ—притагательная точка. Рѣдкій не побываетъ на ней, у кого явится малѣйшая возможность истратить лишній рубль. Мой собесѣдникъ, видимо, пріѣхалъ не баловаться, а распродать свои замкѝ и ножницы, и, быть можетъ, подъ обличьемъ настоящаго кустаря, заѣденнаго нуждой, въ немъ сидѣлъ мелкій скупщикъ.

— Ну, а скажи-ка мнѣ, спрашиваю я его подъ конецъ нашей бесѣды:—гдѣ здѣсь павловская артель?

Онъ сначала взглянулъ на меня прищурившись, а потомъ съ недоумѣніемъ покачалъ головой.

— Есть, кажись, артель, только чтой-то не знаю я гдѣ... Ты въ Сундучномъ спрашивалъ?

— Найти-то я найду, отвѣчалъ я:—только думалъ, вотъ ты знаешь.

— Мы къ этой артели не причастны... Слышалъ, торговали они и въ Москвѣ, да дѣло-то у нихъ что̀-то позамялось. Намъ куды!

— Да ты знаешь ли, что̀ такое артель?

Онъ помолчалъ, потомъ выговорилъ равнодушно и со вздохомъ:

— Кто-жъ намъ будетъ разсказывать!

Онъ началъ надѣвать свою цѣпь, закашлялся и поднялся съ дивана.

— Возьмешь что̀-ли замочекъ-то? спросилъ онъ уже на ходу.

Я купилъ.,

— Тяжко ныньче, простоналъ онъ и поплелся, совсѣмъ сгорбившись, по направленію къ собору.

Про то, что въ Павловѣ существуетъ уже, съ нѣкоторыхъ поръ, артель и даже два ссудосберегательныхъ товарищества, во всемъ городѣ Нижнемъ врядъ ли знаютъ десять человѣкъ. Ничего тутъ нѣтъ мудренаго, коли даже въ самомъ селѣ Павловѣ вы найдете не мало такихъ мастеровъ, даже изъ бьющихся какъ рыба объ ледъ, которые еще меньше знаютъ, чѣмъ попавшійся мнѣ замочникъ.

Въ «Сундучномъ» ряду одна изъ вывѣсокъ гласила, что тутъ покупатель можетъ получить издѣлія *павловской артели*. Я уже проходилъ мимо этого склада и замѣтилъ, что артель занимаетъ только одну половину лавки, вдоль стѣны, а другая половина занята совсѣмъ не металлическимъ даже товаромъ—складомъ счетовъ. Поближе и подальше, въ томъ же ряду, расположилась и вся почти павловская буржуазія, т. е. крупные и мелкіе торговцы, только скупающіе товаръ, а также и фабрикантскія фирмы.

Когда я вошелъ въ артельную лавку, мнѣ, прежде всего, бросился въ глаза небольшаго роста павловецъ въ очкахъ (что̀ между замочниками—совсѣмъ не рѣдкость), одноглазый, съ улыбающимся смѣшноватымъ лицомъ. Кромѣ него, за прилавкомъ было еще двое. Въ одномъ я призналъ также павловскаго кустаря, одѣтаго уже болѣе по-городски; другой былъ, по всѣмъ призна-

-хамъ, сидѣлецъ, нанятый артелью. Такъ оно впослѣдствіи и оказалось. Расположились они вдоль одной стѣны лавки тѣсновато. Товаръ лежалъ на нижней полкѣ кучами, довольно безпорядочно; нѣкоторые сорты замковъ даже со ржавчиной. Преобладали, разумѣется, замки и крестьянскіе хлѣбенные ножи, но виднѣлось не мало пачекъ съ столовыми ножами. Покупателей никого не было.

— Давно ли вы, братцы, торгуете здѣсь? спросилъ я у кривого въ очкахъ.

— Да вотъ здѣсь впервой, а то въ Москвѣ торговали.

— И продолжаете тамъ?

— Нѣтъ, мы тамъ порѣшили.

— А что̀ такъ?

— Да инымъ дорого показалось: расходу много; такъ весь товаръ и свезли оттуда.

Онъ говорилъ это отрывочно и съ той сдержанностью, которая всегда является у простого человѣка, не желающаго выдать себя какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ по своимъ общественнымъ дѣламъ.

— И порядочно торговали тамъ? спросилъ я.

— Торговали ничего.

— Ну, а здѣсь ка̀къ?

— Да здѣсь нельзя похвалить. Не за горами и Успленье, а вонъ еще сколько товару не тронуто стоитъ.

И онъ указалъ рукой на заднее отдѣленіе лавки, гдѣ виднѣлись короба.

На прилавкѣ, въ шкапчикѣ подъ пыльнымъ стекломъ, лежало нѣсколько мелкихъ вещицъ. Я выбралъ ноженки. На нихъ ржавчина была ужь черезъ-чуръ замѣтна.

— Ка̀къ же это такъ? указалъ я на ржавчину.—Вы этимъ покупателей не привлечете.

Кривой ухмыльнулся и повелъ плечомъ. Товарищъ его, блѣдный молодой малый, въ короткомъ пальто, тоже улыбнулся.

— Видишь ли, началъ кривой:—спервоначала товару-то много набрали, тамъ у себя дома, да и лежалъ-то онъ безъ призору. Вотъ тебѣ половина и перегажена.

— Вѣдь ваше дѣло—артельное, возразилъ я:—вѣдь есть у васъ выборные; стало быть, не можете жаловаться на то, что хозяйство плохо идетъ.

— Мало ли что̀? вздохнулъ кривой:—вотъ теперь хошь бы я или онъ (онъ указалъ на молодого малаго), мы, то есть члены правленія будемъ, а рай мы можемъ все передѣлать за̀-ново? Я тебѣ говорилъ, что спервоначала много было, не въ пропорцію и желѣза, и замка̀ накуплено. Вотъ и возись съ ними!

На одной изъ полокъ, влѣво отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, шли все пачки столовыхъ ножей. Я сказалъ, чтобы мнѣ подали одну пачку.

— Какъ цѣна?

— Эти—на шесть съ полтиной, отвѣчаетъ мнѣ сидѣлецъ, не принимавшій участія въ разговорѣ объ артельныхъ дѣлахъ.

Вижу, клеймо одного изъ лучшихъ фабрикантовъ.

— Ну, а это кàкъ же? спрашиваю ихъ.—У васъ вѣдь въ артели только кустари?

— Такъ точно. А намъ безъ хорошаго товара нельзя быть. Вотъ тоже и въ Москвѣ. Покупателей только отвадишь. Слѣдственно, надо все имѣть: и ножъ столовый, калякинскій тамъ чтò ли, али вырыпаевскій, и ножницы банинскія. А у насъ артельный товаръ, извѣстное дѣло, мужицкій. Все, одинъ замокъ.

Оба «члена правленія», хотя и толковали со мною, но ихъ сдержанность все еще не проходила. Признались они мнѣ, однако, что они въ торговомъ дѣлѣ—вновѣ. Я легко понялъ, что у себя дома, хотя они и «члены правленія», настоящаго вліянія не имѣютъ. Говорили они вообще о своей артели, какъ о чемъ-то существующемъ со дня на день, и даже нѣсколько разъ прорывалась у нихъ фраза:

— Ужь тамъ—кàкъ ни кàкъ, а все бы надо было самое это дѣло продолжать!

Меня не мало изумило то, что выборные сами не отдавали себѣ хорошенько отчета въ настоящей полезности такого дѣла и не высказывали никакого энергическаго желанія поддержать его.

— Ну, а кàкъ ссудо-сберегательныя товарищества у васъ идутъ? спросилъ я, видя, что въ бòльшія подробности они, на первыхъ порахъ, вступать не будутъ.

— Есть у насъ, есть товарищества... протянулъ кривой.

— Ну, а сколько ихъ?

Они оба съ недоумѣніемъ переглянулись.

— Да никакъ одно, сообразилъ молодой малый.

— Не то одно, не то два, мы съ ними не путаемся; было тутъ одно дѣло...

Такъ они мнѣ доподлинно и не могли объяснить, одно или два товарищества существуютъ въ Селѣ Павловѣ, хотя впослѣдствіи я узналъ, что ихъ артель кредитовалась, да и теперь кредитуется въ одномъ изъ этихъ товариществъ.

— Кто же у васъ тамъ дома остался изъ выборныхъ-то? спрашиваю я на прощаніе.

— Да еще третій членъ, а предсѣдателемъ совѣта у насъ кандидатъ.

— То есть, какъ же это *кандидатъ?*

— А вотъ видишь ли, пояснилъ мнѣ кривой:—у насъ старшины-то теперь нѣтъ, такъ его должность справляетъ кандидатъ; онъ самый и есть предсѣдатель совѣта.

— Головъ-то, стало быть, у васъ не мало, а сдается мнѣ, братцы, что вы что-то другъ на друга все сваливаете.

— Такі дѣла, сказалъ со вздохомъ молодой парень.

И оба примолкли.

— Ну, до свиданія, побываю въ Павловѣ, еще вернусь сюда и покалякаемъ.

— Милости просимъ. Путь добрый!

Черезъ нѣсколько лавокъ отъ артели, въ томъ же ряду, торгуетъ и самая старая фирма Села Павлова—*А. Калякина.* Самъ старикъ оставался въ это время въ селѣ. У него два сына: одинъ—при немъ и торгуетъ въ лавкѣ на ярмаркѣ, а другой отдѣлился, имѣетъ свое небольшое заведеніе, а на ярмаркѣ торгуетъ въ лавкѣ «подъ главнымъ домомъ».

Въ лавкѣ Калякина разговоръ зашелъ объ артельномъ же складѣ. Можно было, конечно, ожидать разныхъ недружелюбныхъ замѣчаній. Хозяйскій принципъ и артельное начало должны вездѣ жить какъ кошка съ собакой. Но павловскій экономическій бытъ сложился совсѣмъ не такъ, какъ въ обыкновенныхъ центрахъ промышленной дѣятельности. И въ первый разъ, когда я попалъ въ Павлово, меня не мало удивляло то, что хозяева говорятъ о положеніи рабочаго такъ, что вамъ остается только поддакивать имъ. Какъ бы вы ни ставили вопросъ, фабрикантъ вовсе не затруднится, съ какой-то особаго рода наивностью, объяснить вамъ всю тяжесть положенія рабочаго люда. И не одного меня поражала эта черта, и, какъ мы увидимъ ниже, вышло это оттого, что роковой антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ перемѣщенъ, получилъ въ Павловѣ совсѣмъ другую форму и центръ тяжести.

Разговоръ въ лавкѣ Калякина вертѣлся около такихъ фактовъ, которые не скрывали и сами выборные артели.

— Спервоначала деньгами безъ толку распорядились, а вѣдь имъ чуть не двадцать пять тысячъ отвалили. Вмѣсто того, чтобы приберечь деньги-то, сразу на пятнадцать тысячъ куплено было желѣза и всякой всячины. Оно у нихъ теперь и ржавѣетъ. А оборотныхъ-то денегъ нѣтъ. Окромя этого, и въ торговомъ-то дѣлѣ ничего не смыслятъ. Въ Москвѣ поторговали и пошабашили. Опять же товаръ не такой, какъ слѣдуетъ. Теперь вотъ замку никакого ходу нѣтъ, а у нихъ—одинъ замокъ, да и то низкосортный, а ежели они теперь нашимъ товаромъ—столовымъ

ножемъ торгуютъ, такъ у нихъ въ артели мастеровъ нѣтъ, они у насъ же покупать должны.

Все это говорилось, однако, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ въ тонѣ и выраженіи лица. Чувствовалось желаніе показать, что дѣло не можетъ пойти порядочно, во-первыхъ, оттого, что оно съ самаго начала было испорчено, а во-вторыхъ, оттого, что находится въ рукахъ неумѣлыхъ, темныхъ людей.

— Ну, а какъ вы скажете? спросилъ я: — вообще-то про артель, хорошее это дѣло или нѣтъ? Могло ли бы оно, дѣйствительно, поддержать кустарей?

— Извѣстное дѣло, не сразу отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ: — подспорье большое, еслибъ съ умомъ взялись. Намъ что̀ жь артель! Намъ съ ней не дѣтей крестить. У насъ дѣло совсѣмъ особое: ножевый товаръ и, притомъ, лучшихъ сортовъ. Я вамъ сейчасъ вотъ докладывалъ, что замку̀ ходу никакого нѣтъ. Въ Павловѣ, что̀ ни базаръ, то цѣны все хуже и хуже. Даромъ бери — не берутъ. Въ прежніе годы азіаты много покупали простого замка̀, а теперь и туда спроса нѣтъ. Война что̀ ли эта... А нашъ товаръ идетъ, слава тебѣ Господи, даже отсюда требованія посылали. Слѣдственно, что̀-жь артель, хошь бы намъ! Вотъ пожалуйте къ намъ на фабрику, сами увидите. Которые у насъ мастера работаютъ, много-ль изъ нихъ павловскихъ найдется? Пять человѣкъ, да и то не знаю, а остальные — все деревенскіе, изъ Муромскаго Уѣзда, совсѣмъ и не горбатскіе даже. Потому, у насъ все народъ сидитъ на замкѣ.

— Посылали ваши издѣлія въ Америку, на всемірную выставку? освѣдомился я, уходя изъ лавки.

— Нѣтъ-съ, намъ эта штука, признаться сказать, надоѣла ужь. Наградъ намъ особенныхъ никакихъ нѣтъ, расходовъ прорва, и безпокойство, и все такое. Еслибъ хошь заказы были какіе! Сбытъ у насъ все тотъ же; въ Петербургѣ, въ Москвѣ своихъ покупщиковъ имѣемъ. Мы не заримся.

Минутъ черезъ десять дошелъ я и до «Главнаго Дома». Нѣсколько лѣвѣе отъ входа, между двумя проходами, примостилась лавочка молодого Калякина. Оба сына ходятъ уже въ нѣмецкомъ платьѣ, брѣютъ бороду, имѣютъ видъ городскихъ купцовъ. Отдѣлившійся отъ отца, по общему отзыву — очень способный малый. Ему средства не позволяютъ только расширить свое заведеніе и усовершенствовать спеціальность старика Вырыпаева: столовые и перочинные ножи. Въ молодыхъ павловцахъ такого типа сказывается, прежде всего, умственная бойкость, понятливость этой расы. Вы видите сейчасъ, что тутъ есть уже своего рода мѣстная культура, что умъ освобождается отъ той подав-

ленности, которая почти вездѣ неразрывна съ исключительно полевой работой. Сынъ мастера покрупнѣе или фабриканта (а въ Павловѣ фабрики, за исключеніемъ одной, просто заведенія), кромѣ простой граматности, ничего получить не можетъ; а въ его говорѣ, бойкости, умѣньи держать себя скажутся сейчасъ же значительныя культурныя черты.

Отъ лавочки молодого Калякина два шага, подъ тѣмъ же «Главнымъ Домомъ», до магазина единственнаго въ Павловѣ фабриканта, Ѳ. М. Вырыпаева. Самого хозяина не было въ это время на ярмаркѣ. Сидѣлецъ, высокая, нѣсколько сумрачная фигура съ сѣдоватой бородой, на мой вопросъ сообщилъ мнѣ, что Ѳедоръ Михайлычъ вернется на ярмарку черезъ нѣсколько дней. Пока мы съ нимъ говорили, къ прилавку подошелъ мужичекъ, тоже павловецъ, опрятно одѣтый, и, прислушавшись къ нашему разговору, вдругъ затянулъ ту же самую ноту, какую я уже слышалъ отъ чахоточнаго замочника.

— Наши-то міроѣды, говорилъ онъ:—совсѣмъ бы насъ скрутили. Только вотъ Ѳедоръ Михайлычъ, дай Богъ ему здоровья, и постоялъ за міръ. И обстроиться-то бы намъ не пришлось.

— Кто-жь это хотѣлъ прибрать васъ къ рукамъ? освѣдомился я.

— Да вотъ, батюшка, все наши богатѣи. Имъ обидно стало, что теперича нельзя ужь такъ мудрить, какъ при помѣщикѣ. Вотъ имъ и захотѣлось самимъ властвовать. Они всю смуту-то и пущаютъ теперь. А мы Господа Бога молимъ.

— Да вотъ говорятъ, что цѣнъ-то теперь на павловскій товаръ никакихъ нѣтъ.

— Нашъ товаръ идетъ ничего, вставилъ сидѣлецъ.

— А замóкъ?

— Замóкъ—дѣйствительная правда, занылъ мужичекъ:—на базарѣ, хошь ты въ кабалу иди къ скупщику—никто не беретъ.

— Такъ кàкъ же ты говоришь, что у васъ теперь такая благодать наступила? а выходитъ хуже даже противъ прежняго; вѣдь вы безъ базара жить не можете, а скупщиковъ не заставите хорошую цѣну давать?

— Это точно, вздохнулъ мужичекъ.

Сидѣлецъ вторилъ этому вздоху и началъ сокрушаться о тяжелой долѣ мастера-кустаря. Онъ представлялъ собою въ эту минуту своего патрона фабриканта; но человѣкъ со стороны принялъ бы его за представителя бьющейся, какъ рыба объ ледъ, трудовой павловской массы. Все это еще въ слишкомъ наивномъ, стихійномъ состояніи, но, при ближайшемъ знаком-

ствѣ, наивность эта очень и очень вяжется съ личнымъ интересомъ. Объ этомъ рѣчь впереди.

Сидѣлецъ вручилъ мнѣ карточку съ золотыми тисненными буквами и арабесками и прибавилъ, что онъ дастъ знать Ѳедору Михайлычу о моемъ желаніи посѣтить его фабрику въ Павловѣ.

— До вторника вы ихъ безпремѣнно застанете тамъ.

Это мѣстоименіе «ихъ» отзывалось уже хозяйской властью.

За Главнымъ Домомъ къ собору нѣчего уже больше искать павловскаго товара; а въ лавку Завьяловыхъ я не заходилъ. Они—патроны Села Ворсмы, котораго я на этотъ разъ не хочу касаться.

И выходитъ, что «у Макарія» все, что̀ побойчѣе торгуетъ, что̀ умѣетъ выставить себя съ казо̀ваго конца, все это хозяйское или отъ фабриканта, или отъ скупщика. Единственная попытка вести дѣло сообща бросается въ глаза неумѣлостью, отсутствіемъ хорошаго распорядка, бѣдностью средствъ, недостаткомъ изворотливости. Множество покупателей, вѣроятно, и не заглядывали даже въ лавку павловской артели. Когда я вернулся подъ самый конецъ ярмарки, артельная лавка и не думала расторговаться: нужно было половину коробовъ везти назадъ, а о томъ, ка̀къ двигать дѣло дальше, устраивать ли складъ въ Москвѣ или нѣтъ, заново взяться за внутренній порядокъ—никто изъ выборныхъ хорошенько и не думалъ, играя какую-то страдательную, жалкую роль.

II.

Пароходъ Касимовъ.

Ѣхать въ Павлово изъ Нижняго можно двумя путями: вверхъ по Окѣ, и желѣзной дорогой до Горбатовской станціи. Я выбралъ рѣку. Въ былое время пароходы совсѣмъ не ходили ни внизъ, ни вверхъ по Окѣ, а теперь они ходятъ отъ Нижняго до Рязани каждый день. Пристань очень далеко отъ города и даже отъ ярмарки, противъ деревни Гордѣевки, у нижняго берега Оки. Добраться до этой «Муромской Пристани» (такъ называетъ ее народъ, потому что товарное движеніе идетъ всего сильнѣе къ Мурому)—не легкая вещь. Надо ѣхать вдоль всей Кунавинской Слободы и тащиться песками по дорогѣ, перерытой во мно̀гихъ мѣстахъ. Крестьяне деревни Гордѣевки даже запрудили дорогу около самой пристани, не желая, видно, чтобы возы и легковые извозчики портили ихъ луга, начинающіеся немнож-

ко повыше окраины, по которой идетъ дорога, и гдѣ гораздо больше песку, чѣмъ травы.

Мнѣ привелось ѣхать на пароходѣ «Касимовъ». Онъ значится пассажирскимъ, но во время ярмарки превращается въ нѣчто невѣроятное по цѣлымъ горамъ клади, нетолько на палубѣ, но и на кожухахъ. А вмѣстѣ съ кладью по всему пароходу, вплоть до капитанской вышки, лѣпятся пассажиры. Все это—чисто бытовая масса: касимовскіе татары со всѣмъ скарбомъ, съ подушками и мѣдными тазами, мелкіе приказчики, купцы съ женами, горбатовскіе мѣщане и мѣщанки и не одна сотня павловцевъ, ѣздившихъ на ярмарку погулять и купить «гостинцевъ».

Тутъ на досугѣ, съ утра до вечера (пароходъ идетъ часовъ двѣнадцать), вы можете видѣть образчики всѣхъ павловскихъ типовъ, и мужскихъ и женскихъ. Все это—мастера-кустари, конечно, не изъ самыхъ нуждающихся: тѣмъ не на что съѣздить и къ Макарію. Нѣкоторые имѣютъ уже внѣшность настоящихъ городскихъ мастеровъ. Если на нихъ и цвѣтная рубашка съ косымъ воротомъ, красная или розовая, то остальное все нѣмецкаго покроя: какая-нибудь коротенькая визитка, непремѣнно фуражка на головѣ, штаны не у всѣхъ впущены въ сапоги. Брѣются очень многіе. И нѣкоторыя лица бросаются въ глаза своей нервностью и своимъ «западнымъ» оттѣнкомъ. Точно какіе-нибудь увріеры на фабрикѣ хирургическихъ инструментовъ у Шарьера въ Парижѣ, въ улицѣ Медицинской Школы. Но большинство—въ сибиркахъ и кафтанахъ, бороды не брѣютъ. Только ни на комъ нѣтъ высокихъ поярковыхъ шляпъ, такъ называемыхъ «гречушниковъ», до сихъ поръ еще обязательныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ и Нижегородскаго, и Горбатовскаго Уѣздовъ. Женщины всѣ принаряжены, въ шубейкахъ, несмотря на жару; всѣ, безъ исключенія, въ башмакахъ и чистыхъ чулкахъ. Сарафанъ увидите развѣ на какой-нибудь старухѣ. Его замѣнилъ ситцевый капотъ. Повязываютъ платки по старому, какъ и двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ. Кто по франтоватѣе—носятъ уже пальто и модныя курточки съ таліей. Павловская крестьянка не особенно большого роста, деликатнаго, нѣсколько даже сухопараго, сложенія, почти всегда съ блѣднымъ лицемъ, маленькими чертами, умными и кроткими глазами и слегка вздернутымъ носомъ. Это опять-таки—типъ почти городской, съ очень выработанной физіономіей. Въ лицѣ вы видите привычку къ осмысленной мимикѣ. Если бы любую изъ этихъ бабъ или дѣвокъ одѣть въ салонный туалетъ, она, пожалуй, сразу бы превратилась въ тонную даму: до такой степени во всѣхъ нихъ вид-

на выдержка, порядочность, даже нѣкоторая виртуозность, особливо въ интонаціяхъ голоса и въ манерѣ говорить.

Пошли, конечно, въ ходъ прянички и орѣшки, а какая-то догадливая «тётка» открыла цѣлый торгъ яблоками, которымъ въ этомъ году пришлось очень плохо отъ раннихъ морозовъ. Баба пріютилась между двумя тюками около машиннаго трюма и развернула свой мѣшокъ. Тотчасъ же ее обступили, и началась даже толкотня; всякому захотѣлось полакомиться, хотя и кисленькими, да свѣжими яблочками.

Вплоть до Павлова или, по крайней мѣрѣ, до Горбатова, палуба кишѣла народомъ, а на кормовой части, подъ навѣсомъ, гдѣ происходило усиленное чаепитіе, тѣснота была еще сплошнѣе. Гулъ разговоровъ, на которые такъ падокъ вообще простой русскій человѣкъ, особливо въ пути, перемѣшивался со стукотней колесъ и шипѣніемъ машины. Погода не портилась. Солнце ярко обливало и полотно рѣки, и оба берега.

Ока гораздо пустыннѣе Волги. Теперь, съ пароходствомъ, простыхъ судовъ встрѣчаешь на ней еще меньше, чѣмъ прежде. Но нѣтъ-нѣтъ, да и попадется барка, то съ парусомъ, а то такъ и съ лямкой. Вверхъ по Окѣ бурлачество еще держится, а за Нижнимъ оно уже совсѣмъ почти перевелось въ прежнемъ своемъ вѣковомъ видѣ. Берега Оки идутъ безпрестанными извилинами и сохраняютъ все тѣ же очертанія, все тотъ же контрастъ высокихъ лѣсистыхъ холмовъ и плоскихъ луговинъ. До сихъ поръ, какъ извѣстно, идетъ споръ между свѣдущими людьми, и учеными, и простыми: какая рѣка въ какую впадаетъ — Волга въ Оку или Ока въ Волгу. Еще съ дѣтства памятны мнѣ эти разговоры между коренными нижегородцами. На взглядъ бытоваго человѣка, конечно, правы тѣ, кто утверждаетъ, что не Ока впадаетъ въ Волгу, а наоборотъ, если взять мѣриломъ очертанія и характеръ береговъ. Откуда же бы иначе взялась эта правильность типа, продолжающаяся и внизъ по Волгѣ отъ Нижняго?..

Но нашей массѣ, ѣдущей отъ Макарія, конечно, нѣтъ дѣла до этихъ гидрографическихъ соображеній; народъ толкался или ходилъ рядами, бабы постарше разомлѣли въ своихъ шугаяхъ и кацавейкахъ и тяжело дремали. Въ одномъ углу носовой части, высокій, какъ шесть, подгородній горбатовскій мужикъ, въ верблюжьемъ зипунѣ, показывалъ собравшейся кучкѣ два куска ситца. Бабы хвалили доброту и удивлялись дешевизнѣ. Мужикъ подробно разсказывалъ почти каждой: гдѣ и какъ онъ купилъ эти два куска и какъ къ этой самой лавкѣ пройти отъ кунавинскаго шоссе. А вправо какая-то немудрая бабёнка, съ крас-

нымъ, совсѣмъ испеченымъ лицомъ, горько жаловалась на то, что капитанъ не сдаетъ ей до сихъ поръ сдачи двугривеннаго, а идти въ кассу она боится.

— Да ты поди—не съѣстъ, говорятъ ей сосѣдки.

— Ой, закричалъ онъ на меня благимъ матомъ!

И она боязливо оглядывается въ сторону капитанской каюты. Семья касимовскихъ татаръ съ грудой подушекъ чрезвычайно живописно расположилась на одномъ изъ кожуховъ, и гортанный восточный говоръ переплетается на верху съ тихими отрывочными разговорами публики «почище», т. е. лавочниковъ и мѣщанъ, забравшихся посидѣть около рулевого колеса.

Я спустился въ каюту перваго класса. Тамъ пили чай три-четыре купца, два бородатыхъ съ сапогами на выпускъ, а два съ бритыми лицами въ просторныхъ твиновыхъ сюртукахъ. Пятый отъ самаго отхода завалился спать, снявши предварительно сапоги.

Разговоръ шелъ о керосинѣ, кизлярскомъ винѣ, сахарѣ и сахарномъ пескѣ. Все это были бакалейщики, торгующіе по уѣзднымъ городамъ всѣмъ на свѣтѣ. При одномъ изъ купцовъ, пожирнѣе и посалистѣе лицомъ, состояла и «фамилія», т. е. жена, одѣтая мѣщанкой, съ платкомъ на головѣ.

— Почемъ керосинъ-то покупали? спросилъ его бородатый, сухой купецъ, дунувъ на блюдечко.

— Два сорокъ.

— Ну, а мы не угодили за эту цѣну.

— Да и я пришелъ, такъ два шесть гривенъ заломили.

— И отчего это такъ онъ вдругъ пошелъ?

— Потому, депешу изъ Америки получили.

— Ну, а бàкинскій?

— Бàкинскій—особъ статья.

— Да откуда же это онъ собственно идетъ? освѣдомился третій, по всѣмъ признакамъ тамбовскій уроженецъ, съ мягкимъ, пѣвучимъ акцентомъ и съ буквой ъ вмѣсто з въ словѣ «идетъ».

— Такой городъ, внушительно началъ объяснять жирный.— Бàкъ прозывается, тамъ около Персіи, значитъ.

Пауза. Слышно только отдуваніе и легкая грызка сахара.

— А кизлярское—у Арапетова-съ?

— Мы кажный годъ у него.

— Почемъ нынче?

— Красное—три тридцать.

— А тутъ вотъ третьяго-дни, перебиваетъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ четвертый, черноватый купецъ:—вдругъ прошелъ такой разговоръ: сахаръ—пятнадцать копеекъ фунтъ; а между прочимъ—все та же цѣна.

— Значитъ, по пятиалтынничку. Важно бы!

И такъ продолжалось еще съ добрый часъ. Пришелъ капитанъ, шустрый костромичъ изъ города Пошехони, съ необычайно быстрой рѣчью, лицомъ—молодой рядчикъ, но въ узкихъ франтоватыхъ панталонахъ и пальто барскаго покроя. Началась новая болтовня о грузѣ, порчѣ груза, перегрузкѣ, объ разныхъ плутовствахъ и упущеніяхъ пароходнаго начальства у другихъ хозяевъ и въ разныхъ компаніяхъ.

Мнѣ стало душно въ каютѣ, да и довольно-таки тошно отъ этихъ купеческихъ разговоровъ. Сидя въ углу, прислушиваясь и перебирая глазами эти также, въ своемъ родѣ, «бытовыя» фигуры съ блюдечками въ рукахъ, я долженъ былъ поневолѣ проводить параллель между этой группой людей и той массой, что̀ заливала собою палубу. И наверху—что̀ ни разговоръ, то какой-нибудь интересъ, дѣло, забота, нужда; но тамъ все это искреннѣе, честнѣе, все вызвано дѣйствительной тяготой трудового человѣка, живущаго изо-дня въ день, по̀томъ и горбомъ, и все облечено въ живую, яркую, сообщительную форму, со смѣхомъ, зубоскальствомъ, юморомъ, добродушіемъ; а здѣсь—одинъ закорузлый типъ лавочничества и барышничества: «три сорокъ, два двадцать, пудъ, фунтъ, кизлярка, керосинъ, сахаръ»—вотъ вамъ и весь тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ вращается торгашъ. А откуда онъ вышелъ? Изъ того же народа. Быть можетъ, всѣ эти четыре купца, не раньше какъ двадцать, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, были мальчишками - пареньками, взятыми изъ деревни. Лавка передѣлала ихъ, и они изъ народнаго своего склада удержали только нѣкоторое обличье, отчасти говоръ, грубость, да суевѣріе; остальное все слиняло, заплыло жиромъ или ушло въ злостное кулачество, бездушіе.

Съ такой громадой груза и съ такой оравой пассажировъ, пароходъ «Касимовъ», разумѣется, сталъ опаздывать, и къ Горбатому мы причалили уже довольно поздно; солнце сѣло, но сумерки еще не совсѣмъ сгустились. Вышло не мало народу. Городскія мѣщанки и пригородныя бабы прибѣжали на пристань съ разной снѣдью: пирогами, калачами, свѣже-просольными огурцами. Мы — стародавній сѣверный народъ; а между тѣмъ, съ какой невѣроятной скоростью происходитъ у насъ всегда шумъ и гамъ, и балагурство, и смѣхъ, и торгъ; только-что гдѣ-нибудь произойдетъ привалъ или движеніе людей въ ту или иную сторону. Въ этомъ смыслѣ мы не уступимъ итальянцамъ, только съ меньшей жестикуляціей. И въ общей толкотнѣ, въ шныряніи подъ звуки тяжелыхъ шаговъ спускающихся съ парохода на пристань, подъ грохотъ дровъ, и здѣсь и тамъ, въ десяти

мѣстахъ, раздаются визгливые припѣвы разныхъ «тётенекъ», предлагающихъ свою стряпню и соленья.

— Свѣ-женьки о-гурчики! зазываетъ старая уже старушка, суя впередъ свое ведерко къ борту парохода.

— Почёмъ, почёмъ? слышится съ разныхъ сторонъ.

— Четыре копейки—десятокъ, выводитъ она съ настоящимъ уже горбатовскимъ акцентомъ, упирая на букву *о*, съ тѣмъ особеннымъ пѣньемъ, какое вы найдете только по Окѣ, въ Нижегородской и Владимірской Губерніяхъ.

Но малосольныхъ огурчиковъ не мало осталось у старушки, а пароходъ уже заворачивалъ и торопился къ Павлову. Только-что немного засвѣжѣло, всѣ палубные пассажиры стали укутываться, точно будто мы идемъ поздней осенью. Русскій человѣкъ инстинктивно бережетъ себя для постоянной суровой борьбы и охотно прѣетъ въ своемъ полушубкѣ и тулупѣ. Это—характернѣйшая черта сѣверныхъ жителей. Иностранцы не мало надъ нами потѣшаются, попрыгивая въ суровый морозъ налегкѣ, когда мы и въ медвѣжьихъ шубахъ не согрѣваемся.

Говоръ на палубѣ постихъ. Ночь опустилась темная, нѣсколько «сиверкая», какъ говорятъ нижегородцы, но звѣздная. Приходилось попадать въ Павлово совсѣмъ ночью. Лоцманъ на верху сказалъ мнѣ, что мы придемъ не раньше, какъ въ началѣ одиннадцатаго часа. А съ рѣки я еще не видѣлъ села. Я пріѣзжалъ въ него сухимъ путемъ изъ деревни Лаптево. Было уже десять часовъ, когда вблизи стали мелькать на высокой горѣ огоньки. Очертанія холмовъ уже трудно было разсмотрѣть. Только колокольни бѣлѣлись тамъ и сямъ. Пароходъ далъ свистокъ; мы причалили къ первой пристани. Ихъ счетомъ двѣ.

III.

Старый знакомецъ.

Собираясь въ Павлово, я еще въ самомъ началѣ лѣта списался съ пріятелями нижегородцами. Одинъ, въ особенности, извѣстный всей граматной Россіи туземный этнографъ и статистикъ, обрадовался моему намѣренію посѣтить нашъ Шеффильдъ. Черезъ него вошелъ я въ письменныя сношенія съ однимъ изъ московскихъ изслѣдователей мѣстнаго быта, напечатавшимъ, не такъ давно, нѣсколько замѣчательныхъ корреспонденцій изъ Павлова и Горбатовскаго Уѣзда. Но прежде всего я вспомнилъ о самой крупной фигурѣ села Павлова, Н. П. С—нѣ, съ которымъ еще тогда, когда въ первый разъ попалъ въ Павлово, я провелъ нѣ-

сколько часовъ. Весь обликъ этого бывшаго крѣпостного графа Шереметева, наша тогдашняя бесѣда, обстановка, въ какой она велась—все это врѣзалось мнѣ въ память съ необычайной живостью. Справился я: живъ ли и здоровъ ли онъ и какъ онъ вообще поживаетъ? Въ то время, какъ я писалъ объ этомъ въ Нижній, отъ московскаго корреспондента моего получилъ я подробное письмо, на половину занятое какъ разъ характеристикой моего стараго знакомца. Корреспондентъ предполагалъ, что я въ Павловѣ еще не былъ и объ этой личности не имѣю понятія. Онъ говорилъ объ ней съ увлеченіемъ—почти восторженно, какъ о чемъ-то нетолько созданномъ мѣстной почвой подъ вліяніемъ сношеній съ развитыми людьми, но и о чемъ-то чрезвычайно крупномъ, своеобразномъ, какъ о человѣкѣ, которому тѣсныя рамки не позволили, да врядъ ли когда-либо позволятъ, выказать себя крупнѣйшимъ всенароднымъ дѣятелемъ.

И нижегородскій пріятель, и московскій корреспондентъ рекомендовали мнѣ обратиться прямо къ Н. П. Каждый, съ своей стороны, извѣстилъ его о томъ, въ какихъ числахъ августа я буду въ Павловѣ, и просилъ добыть мнѣ какое-нибудь немудрое помѣщеніе не въ трактирѣ, а у мастера. Въ Нижнемъ я уже узналъ, что Н. П. меня ждетъ и помѣщеніе мнѣ приготовилъ.

Когда пароходъ сталъ у пристани, было уже настолько темно, что трудно было разглядѣть кого-нибудь въ порядочной толпѣ, собравшейся встрѣчать счастливцевъ, побывавшихъ у Макарія. По мосткамъ потянулась густая вереница мужиковъ и бабъ съ узлами, котомками и цѣлыми мѣшками. Паръ шипѣлъ въ это время неистово. Раздавались крики капитана, стоявшаго на кожухѣ и понуканія его помощника, который у спуска на пристань отбиралъ билеты. Я нарочно не торопился и пошелъ изъ послѣднихъ. Я не былъ увѣренъ, узнаетъ ли меня мой старый знакомецъ. Но кромѣ него, на встрѣчу ко мнѣ выѣхалъ еще другой знакомый уже изъ мѣстной администраціи. На самой пристани, въ проходѣ между конторой и отдѣленіемъ, гдѣ вѣшаютъ товаръ, я тотчасъ же, въ полусвѣтѣ отъ двухъ, трехъ ручныхъ фонарей, разглядѣлъ крупную, своеобразную фигуру, съ такой отчетливостью удержанную моей памятью. Но это былъ уже не прежній Н. П...

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, привезъ меня молодой судебный слѣдователь къ одному изъ павловскихъ купцовъ, и тамъ-то, за чаепитіемъ, познакомился я съ Н. П. Тогда это былъ еще не старый, очень высокаго роста, широкій въ плечахъ, одѣтый понѣмецки обыватель, видомъ смахивающій скорѣе на управляющаго. Разговоръ шелъ исключительно о

тогдашнемъ процессѣ крестьянъ села Павлова съ ихъ бывшимъ помѣщикомъ, графомъ Д. Н. Шереметевымъ. Н. П. велъ это дѣло отъ крестьянъ въ числѣ другихъ ходаковъ и былъ въ разговорѣ необычайно оживленъ, горячъ и смѣлъ. Меня поразила и тогда его способность къ связной, ббразной и при томъ совершенно литературной рѣчи, которая пріобрѣтала еще бо́льшую силу отъ павловскаго акцента на «о». Я не хотѣлъ и тогда вѣрить своимъ ушамъ, слушая, ка̀къ мой собесѣдникъ нетолько бойко и безъ запинки указываетъ на разныя статьи журналовъ по крестьянскому дѣлу и цитируетъ чуть не отдѣльныя мѣста изъ газетныхъ корреспонденцій, но и приводитъ статьи и параграфы «Положенія», перебираетъ въ своей памяти циркуляры и указываетъ на законодательныя работы, предшествовавшія эмансипаціи. И все это въ видѣ какого-то потока, пересыпаемаго иногда ѣдкими, иногда добродушными насмѣшливыми словами, ббразами, возгласами.

— Добраго здоровья! раздалось вправо отъ меня зычнымъ голосомъ.

Передо мной стоялъ Н. П., снимая картузъ и широко улыбаясь. Измѣнился онъ сильно. Волосы отпустилъ больше по крестьянски, съ проборомъ посрединѣ; борода стала шершавѣе и длиннѣе и съ сильной просѣдью; но глаза смотрѣли такъ же возбужденно, весело и пытливо; все такъ же, разумѣется, выдавался впередъ его огромнѣйшій лобъ, который бы обманулъ любого антрополога: до такой степени онъ низко заросъ волосами. И по одеждѣ Н. П. былъ уже не тотъ: на немъ сидѣлъ мѣшкомъ изъ лѣтней шерстяной матеріи балахонъ въ видѣ пальто; панталоны по-нѣмецки, поверхъ голенищъ; на шеѣ намотанъ черный платокъ; въ огромныхъ и съ дѣтства искривленныхъ, шишковатыхъ рукахъ здоровая палка. Теперь онъ смотрѣлъ городскимъ пустынникомъ, старымъ мастеромъ, какимъ-нибудь иконописцемъ или школьнымъ учителемъ. Видно было, что и на ноги онъ уже значительно сѣлъ; но размашистость движеній, сила и стремительность рѣчи остались тѣ же.

Облобызались мы.

— Пожалуйте, все готово, говорилъ онъ, ведя меня внизъ, по новымъ мосткамъ, къ берегу. — Вамъ желательно было у мастера остановиться. Вотъ сейчасъ тутъ на въѣздѣ—первый дворъ. Я васъ у своего благопріятеля и помѣщу.

На берегу я разглядѣлъ двѣ подводы. Одна оказалась городскими дрогами, на какихъ въ Нижнемъ до сихъ поръ ѣздитъ мелкое купечество на базаръ. Мы разсѣлись и тронулись сначала по берегу, а потомъ сейчасъ же по крутому подъему на

самую вышку, гдѣ на въѣздѣ мерцалъ красноватый огонекъ лампады въ старой часовнѣ. Подъемъ этотъ вымощенъ бревнами, положенными поперекъ.

Спутникъ мой сейчасъ же пустился говорить о жалкомъ состояніи ихъ «муниципальнаго» хозяйства, пересыпая свои нападки разными историческими воспоминаніями изъ лѣтописи села Павлова. Но подпрыгивать на дрогахъ пришлось недолго. Дѣйствительно, поднявшись на гору, мы остановились у перваго же двора налѣво. Я еще издали замѣтилъ, что это была изба съ большими городскими окнами, больше похожая на обывательскій мѣщанскій домикъ. Внутри было ярко освѣщено. Остановились мы у крыльца безъ навѣса, выходившаго прямо на улицу. Изъ большихъ сѣней попали мы въ комнату, оштукатуренную и раздѣленную перегородками и ширмами на цѣлыхъ четыре покоя: налѣво спальня, потомъ чуть не цѣлая гостиная, еще отдѣленьице, гдѣ можно было обѣдать, и передняя. Это былъ несомнѣнно домикъ кустарнаго мастера, но не изъ бѣдныхъ, судя по обстановкѣ, которая показалась мнѣ даже нѣсколько странной въ крестьянской избѣ. Та часть помѣщенія, какую можно было назвать «гостиной», имѣла видъ хорошо обставленной почтовой станціи или даже пріемной комнаты у небогатаго купца въ уѣздномъ городѣ. Во-первыхъ, на одномъ изъ столиковъ стояла керосиновая лампа подъ абажуромъ, а за перегородкой висѣла другая лампа, такъ что свѣту было вдоволь. Во-вторыхъ, въ простѣнкахъ—очень хорошія зеркала, навѣрно, купленныя у Макарія нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, совсѣмъ не такія, что̀ отливаютъ сизымъ колеромъ и непремѣнно кривятъ вамъ носъ или ротъ, а рублей на тридцать, на сорокъ пара. Въ углу—опрятный шкафчикъ подъ красное дерево и въ немъ немало всякаго рода посуды и чайныхъ ложечекъ; а что̀ всего поразительнѣе—на окнахъ множество цвѣтовъ и два горшка съ *фиговымъ* деревомъ.

Н. П. привелъ мнѣ сейчасъ же хозяина и еще разъ отрекомендовалъ его, какъ своего добраго пріятеля и даже, кажется, кума. За хозяиномъ явилась и хозяйка. Звать ихъ—Семенъ Михайлычъ и Анна Михайловна. Семенъ Михайлычъ, какъ я потомъ осмотрѣлся—чистѣйшій типъ павловскаго достаточнаго кустаря: средняго роста, узкій въ плечахъ и груди, нѣсколько согнутый; продолговатое, очень моложавое лицо съ тонкой усмѣшкой во рту и въ сѣрыхъ глазахъ, курчавые свѣтлорусые, немного рыжеватые волосы; одѣтъ въ сибирку изъ лѣтней матеріи и розовую рубашку съ косымъ воротомъ; штаны—на выпускъ. Тонъ у него мягкій, идеальный, разговорный тонъ,

очень часто попадающійся между павловцами; безъ особенной, однакожъ, сладости; манеры степенныя, но живыя. Хозяйка его, вторая жена, въ короткой лѣтней кацавейкѣ и шелковомъ, темномъ платкѣ на головѣ, очень приличная, на первый разъ, разумѣется, чопорная особа, въ которой нѣтъ рѣшительно ничего вульгарнаго, угловатаго, забитаго или назянливаго. Обликъ чисто павловскій съ мелковатыми чертами, тихимъ, чуть-чуть насмѣшливымъ взглядомъ; акцентъ такой же, какъ и у мужа, только пѣвучѣе и моложе.

Мои хозяева, устроивая постояльца, не особенно суетились, но были очень внимательны, именно *внимательны*, безъ всякой шумной и стѣснительной услужливости и безъ малѣйшаго оттѣнка какого бы то ни было слащаваго лебезенья. Въ этотъ же самый вечеръ, проведя пять, десять минутъ въ домѣ моего хозяина, я уже почувствовалъ присутствіе во всемъ того особеннаго *такта*, какимъ отличается всякій неглупый великорусскій мужикъ и всякая сколько-нибудь толковая баба. Это вовсе не фраза, что вы можете тотчасъ же вступить съ ними въ самыя нормальныя, человѣчныя, совершенно равныя отношенія. Злостнаго высматриванія, наслѣдственнаго раздраженія, непріятной шероховатости нѣтъ и въ поминѣ. Сколько мнѣ доводилось ѣздить по Европѣ, я только у южныхъ романскихъ расъ видѣлъ тѣ же свойства въ простомъ народѣ, то-есть у итальянцевъ и у испанцевъ, въ особенности южныхъ, въ Андалузіи. Тамъ также въ каждомъ крестьянинѣ есть что̀-то самобытное, простое, человѣчное, порядочное. Мнѣ случалось проводить вечера въ самыхъ простонародныхъ тавернахъ и кафѐ Севильи и Мадрида, куда ходятъ только погонщики муловъ, да такъ-называемые «агуадоры», разносчики воды по домамъ, то-есть послѣдніе классы трудоваго люда. Я былъ всегда изумленъ той легкостью сношеній, какія сейчасъ же устанавливались у меня съ этимъ народомъ. Въ Германіи, въ Англіи и во Франціи совсѣмъ не то. Тамъ рабочій озлобленъ, а крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, жёстокъ, рѣзокъ, или черезчуръ забитъ, или по своему очень высокомѣренъ, заносчивъ, хочетъ всѣмъ и каждому показать, что у него есть клочекъ земли, что онъ—избиратель и собственникъ.

Надо было выпить чайку̀, несмотря на поздній часъ, пока приготовятъ постель; а Семенъ Михайлычъ добылъ гдѣ-то даже складную желѣзную кровать, которая ночью заставила меня узнать особаго рода безсонницу... За чаемъ Н. П. началъ бурно протестовать противъ теперешней павловской дѣйствительности, на мѣстѣ не усидѣлъ, всталъ посреди комнаты и далъ ходъ своимъ размашистымъ жестамъ.

— Ожесточили меня, ожесточили! кричалъ онъ. — Терпѣнія нѣтъ никакого! Вотъ вамъ добрые люди поразскажутъ, какимъ я гоненіямъ подвергался. Коли я до сихъ поръ еще здѣсь, а не въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ, такъ это благодаря тому, что у меня кой-какой мозгъ есть въ головѣ. Помойная яма у насъ теперь, а не общество, позвольте мнѣ вамъ доложить, денной разбой, развращеніе, всякую мѣру превышающее! Ни отчета, ни контроля—ничего! Демагогія-съ самая отчаянная! И пьянство въ принципъ возвели—ей-же ей! Я прежде былъ міру слуга и долгіе годы ходилъ по мірскимъ дѣламъ, а теперь я прахъ съ сандалій своихъ отряхаю. Не хотимъ мы ничего имѣть общаго съ шайкой разбойниковъ. На городовое положеніе желаемъ перейти—такъ нѣтъ, не пущаютъ насъ. Позвольте сообщить вамъ слѣдующіе возмутительные факты.

Полились цитаты, числа, цифры, имена... Я ротъ разинулъ отъ этого наплыва убѣжденныхъ и прочувствованныхъ филиппикъ. И какимъ языкомъ все это излагалось! Только отъ внутренняго волненія Н. П. учащалъ все быстроту своей рѣчи и самъ себя безпрестанно прерывалъ, захватывая по пути сотню другихъ фактовъ, возгласовъ, извлеченій.

Бесѣда наша протянулась бы очень долго, еслибы не моя дорожная усталость и не желаніе встать завтра пораньше и не потерять лучшихъ часовъ сна и отдыха.

— Вы его не переслушаете, сказалъ мнѣ, уходя, другой знакомый. — Годъ будете здѣсь жить, а у него все еще останется кое-что не договоренное.

— Огневой мой благопріятель, съ тонкой усмѣшечкой замѣтилъ и Семенъ Михайлычъ: — я ему ужь и то баю: пора тѣѣ на старости лѣтъ угомониться, а то угодишь въ теплое мѣсто, на покаяніе.

Я распрощался съ гостями и съ хозяевами по-деревенски очень поздно, т. е. въ началѣ перваго часа.

IV.

Тукъ, тукъ!

Желѣзная кровать, добытая заботливымъ хозяиномъ, увы! дала себя знать. Не прошло и часа, какъ я проснулся отъ безчисленныхъ уколовъ... Дѣло было неисправимо; приходилось подниматься. Я перешелъ въ «гостиную», поставилъ два стула одинъ противъ другого и сидя старался заснуть. Сразу мнѣ это не удалось. Голова, перекатываясь справа налѣво, затекала. Сонъ рѣшительно не шелъ.

На дворѣ еще стоялъ густой сумракъ. Еле-еле можно было распознать въ окно очертанія сосѣднихъ избъ. Даже пѣтухи еще не пѣли. И вдругъ, когда я сталъ чуть-чуть забываться, согнувшись и примостившись головой къ подушкѣ, положенной на спинку стула, до слуха моего долетѣлъ особый звукъ: гдѣ-то очень близко, черезъ дорогу или въ бокъ отъ нашего дома, стукнули два раза молоткомъ.

«Тукъ, тукъ!» раздалось вслѣдъ затѣмъ нѣсколько подальше и уже чаще и чаще, явственнѣе, отчетливѣе, точно будто кто-то дѣйствовалъ молоткомъ въ подпольѣ нашего дома или въ сѣняхъ.

«Ну, мнѣ не заснуть», подумалъ я и тотчасъ же сообразилъ, что для моихъ сосѣдей мастеровъ-кустарей трудовой день уже начался.

Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Было *семнадцать минутъ третьяго*!

Вотъ когда начинается *лѣтомъ* нормальный трудовой день павловскаго собственника и домовладѣльца, связавшаго свою судьбу, свой хлѣбъ насущный съ замкомъ. И это лѣтомъ, а зимой онъ встаетъ еще раньше.

Звуки продолжались то въ разсыпную, то отдѣльно, то тише, то громче. Среди ночной тишины это стучаніе имѣло въ себѣ что̀-то скромно-торжественное: въ немъ сидѣло напоминаніе о великой выдержкѣ русскаго трудового люда, такъ кротко помирившагося съ размѣрами труда, несуществующими и на каторгахъ.

Подъ эту музыку думалъ я о западномъ пролетаріѣ. Ка̀къ ему ни плохо, ка̀къ ни изнываетъ онъ иногда отъ безработицы, отъ низкой задѣльной платы, но, все-таки, ему удалось отстоять извѣстный maximum рабочихъ часовъ. Съ каждымъ годомъ парламенты и конгрессы все больше и больше входятъ въ его нужды и запрещаютъ инымъ хозяевамъ держать работниковъ въ своихъ мастерскихъ, каменно-угольныхъ копяхъ и казарменныхъ мануфактурахъ больше восьми, десяти, много-много двѣнадцати часовъ.

А тутъ извольте вы устроить что̀-либо подобное. Самая идеальная власть не въ силахъ войти къ свободному человѣку, хозяину своего времени и труда, сидящему у себя въ избѣ, за собственнымъ верстакомъ, и сказать ему:

«Ты, братецъ, не смѣешь такъ много работать; я тебѣ запрещаю вставать зимой въ часъ, а лѣтомъ въ два ночи и тотчасъ же засаживаться за верстакъ; ты не смѣешь употреблять на этотъ изнурительный трудъ болѣе извѣстнаго количества часовъ;

ты обязанъ поддерживать себя гигіенически и поднимать народное здоровье, доставлять мнѣ сильныхъ, крѣпкихъ солдатъ и гражданъ». Развѣ это мыслимо? У какого государства найдутся средства, чтобы держать цѣлую армію надзирателей общественнаго здоровья, обязанныхъ заходить каждый день въ каждую избу кустаря и настаивать на томъ, чтобы онъ не работалъ больше извѣстнаго числа часовъ? Поговорите и теперь съ любымъ павловцемъ, и онъ вамъ скажетъ:

— Рады бы, батюшка, не браться за пилу, да за молотокъ дò свѣту, да кàкъ же быть-то, коли у насъ, окромя этого рукомесла, нечѣмъ питаться?

И въ самомъ дѣлѣ, «окромя этого рукомесла», ему питаться нѐчѣмъ. Земли онъ не пашетъ. Скотины у него нѣтъ; никакого хозяйства, кромѣ избёнки, да кой у кого дрянного огородишка; да и то заниматься-то этимъ огородомъ нѐкогда. Все у него покупное: мука, крупа, масло, холстъ, сукно — рѣшительно все, да холста-то онъ совсѣмъ и не носитъ. На немъ фабричная бумажная рубашка. На его женѣ—точно также. Коли жена помогаетъ ему въ работѣ подпилкомъ и молоткомъ, ей нѐкогда, да она и не умѣетъ себѣ сшить ни рубахи, ни капота, ни кацавейки; за все надо платить деньги, все надо отдавать въ чужіе люди.

«Тукъ, тукъ!» сильнѣе и сильнѣе раздавалось около меня, и даже какъ будто бы тамъ, гдѣ-то подъ горой, въ глубинѣ, гудѣлъ чуть слышно тотъ же характерный звукъ. Къ свѣту онъ меня немножко убаюкалъ, и мнѣ удалось-таки соснуть часа три-четыре. Когда я вышелъ на заднее крылечко, Семенъ Михайловичъ уже возился на дворѣ, въ старомъ какомъ-то балахончикѣ и валенкахъ, и въ большихъ мѣдныхъ очкахъ; на головѣ—ваточная шапка: точно какой средневѣковой алхимикъ.

— Подь-ка, *я тењ* чтò покажу, П. Д—чъ, пригласилъ онъ меня рукой и повелъ по дворику къ низу, къ самому обрыву.

На дворѣ у него еще двѣ избёнки: одна полуразвалившаяся, а другая покрѣпче, мастерская. Семенъ Михайловичъ льетъ мѣдные замочки, но на время производство свое остановилъ, такъ какъ на базарѣ никакого нѣтъ сбыта.

Мы подошли къ калиткѣ и очутились на крутомъ берегу, прямо противъ пароходной пристани. Я такъ и ахнулъ. Направо шла цѣлая гряда красныхъ уступовъ, съ какимъ то чисто итальянскимъ колоритомъ; а по самому верху этихъ береговыхъ возвышеній пріютились избушки-выселки. На плоскомъ берегу, также правѣе, у самой воды, маленькая дубовая рощица тѣшила взоръ своими кудрявыми купами деревъ. Вдаль уходили

двѣ деревни, а тамъ еще дальше сизѣлъ лѣсъ—все это, облитое прозрачной дымкой ранняго, но уже теплаго солнца.

— Какая у васъ прелесть! вскричалъ я.

— А ты вотъ погляди въ эту штуку. И онъ изъ-подъ полы вынулъ подзорную трубу, въ футлярѣ, еще новую, покрытую внизу лакированнымъ краснымъ деревомъ.

— Откуда это у васъ такая вещь, Семенъ Михайлычъ? изумился я.

— Въ третьемъ годѣ у Макарія купили, съ мягкой улыбкой отвѣчаетъ онъ:—мы въ тѣ поры съ Анной Михайловной цѣлую прорву денегъ тамъ оставили. И зеркала-то вонъ два, въ горницѣ-то, тогда же куплены. Эта самая вещица больно мнѣ полюбилась. Какъ отъ Главнаго-то Дома пойдешь по модной-то, значитъ, линіи, я ее и запримѣтилъ. У жидка, должно быть: черноватенькій, носъ крючкомъ. Двадцать восемь рублевъ съ меня запросилъ, а отдалъ за десять, ей Богу! Вотъ и потѣшаешься. Эдакъ наведешь—все какъ на ладони. Дѣтей у насъ теперь нѣтъ—Господь прибралъ; такъ вотъ мы съ хозяйкой ровно малыя дѣти и балуемся. Глянь-ко вонъ отъ перевоза-то телеги ѣдутъ—все видать; и зипунишко на паренькѣ, и бабы-то всѣ до одной видны.

Онъ стоялъ, прищуривъ одинъ глазъ и вытягивалъ колѣно подзорной трубы; а мнѣ все слышались позади неумолкаемые и отрывистые звуки молотка.

— Это у васъ по сосѣдству работаютъ?.спросилъ я.

Семенъ Михайловичъ прислушался.

— Которы погуще-то стучатъ — это сундушники въ шабрахъ у насъ, а по легонечку постукиваютъ — нашъ братъ замочникъ.

— Я глядѣлъ, Семенъ Михайлычъ, въ два часа въ третьемъ начинаютъ у васъ работу.

— Это еще поздо. Зимой-то мужики подымутся въ первомъ часу, да и бабы тоже. Ну ребятишки, которые къ работѣ припущены, тѣмъ дадутъ побаловаться, попозднѣе будятъ, часу эдакъ въ четвертомъ.

— И ребятишекъ?

— А то какъ же? Ѣсть-пить всѣмъ нужно. Я по одиннадцатому году ужь настоящій мастеръ былъ.

— Какъ же идетъ трудовой-то день у васъ?

— Да какъ вотъ—сами теперь видите. Ежели взять лѣтнее время, въ два часа въ третьемъ ужь кажный у верстака. До восьми часовъ, до девятаго постукаетъ да потретъ. Ну, пожуетъ чего, что хозяйка на завтракъ припасетъ, тюрьки тамъ что ли, маленько передышечку сдѣлаетъ, да и опять вплоть до обѣда,

часовъ то есть до двухъ. Послѣ обѣда-то, который работящій мастеръ, больно-то прохлаждаться не будетъ, полчасика отдохнетъ, а тамъ и до вечера. Въ восемь часовъ, въ девятомъ ужинать—и спать.

— Эдакъ сколько же выйдетъ часовъ?

— Да вотъ считайте.

— По моему, отъ двухъ до восьми—восемнадцать часовъ. Положить часа два на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ—выйдетъ шестнадцать.

— У насъ рай считаютъ? Меньше-то никакъ невозможно. Вотъ покалякаешь да посмотришь самъ, такъ теѣ и въ домёкъ будетъ. Да и то сказать, безъ работы-то чтò-жъ мужику и дѣлать!

Семенъ Михайлычъ тихо разсмѣялся, сложилъ свою зрительную трубку, убралъ ее въ футляръ и тихонько спросилъ меня, немножко подмигнувъ:

— Да чтò больно рано проснулись-то?

Не хотѣлось мнѣ огорчать его, но я, все-таки, намекнулъ на горькую правду.

— Клопики, значитъ?

— Они самые.

— Ишь ты, бестіи! А я нарочно у кума взялъ складную кровать. Вонъ наша-то съ Анной Михайловной кровать стоитъ чистехонька, мы ошпариваемъ. А я думалъ на той будетъ послаще спать-то, провѣсу больше.

— Нѣтъ, ужь лучше я на вашей.

Мы вернулись на крылечко.

— Н. П. поджидаете? спросилъ Семенъ Михайлычъ, улыбнувшись на особый ладъ, какъ онъ постоянно улыбался впослѣдствіи, говоря о своемъ благопріятелѣ, котораго считаетъ человѣкомъ душевнымъ и великимъ граматѣемъ, только для себя самого опаснымъ.

— Да, съ нимъ мы и въ первый обходъ пустимся.

— Въ добрый часъ, а тамъ ужь и я васъ повожу: всю нашу голь-то павловскую перекатную какъ на ладонкѣ выложу...

Въ наружную дверь кто-то постучался.

— А вотъ и благопріятель, крикнулъ Семенъ Михайлычъ и пошелъ отворять.

V.

На семи холмахъ.

Передъ нами лежало все село. Съ этой стороны, т. е. съ нагорныхъ высотъ Оки, я въ первый разъ видѣлъ его такъ отчетливо, со всѣми рельефами и углубленіями.

— Извольте-ка поглядѣть на нашу деревушку, началъ Н. П., размашисто поводя рукой. — Что твой вѣчный городъ: на семи холмахъ стоитъ.

Семи холмовъ я хотя и не насчиталъ, но положеніе Павлова, дѣйствительно, просится на картину. Два высокіе холма; одинъ покруче, другой поотложе, раздѣлены большой балкой, и вотъ эти-то три части Павлова и заселялись въ историческомъ и бытовомъ порядкѣ. Самая высокая мѣстность отъ выѣзда къ верху, гдѣ стоитъ соборъ—ядро Павлова. Тутъ фабрики и большія заведенія, тутъ скучилось въ тѣсныхъ улицахъ все коренное мастеровое населеніе. Пространство между двумя холмами съ боковыми овражками и щелями занято базаромъ, кузницами, постоялыми дворами. Тутъ же начали селиться и расторговавшіеся кулаки. Болѣе пологій правый холмъ—новое Павлово съ широкими улицами и каменными домами, а наверху, на выѣздѣ, лежатъ улицы погорѣльцевъ, вновь обстроенныя, послѣ недавняго пожара.

Ярко и разноцвѣтно блеститъ на солнцѣ это село, похожее чуть не на городъ средней руки. Неудобно оно умѣстилось, но чрезвычайно живописно. По обрывамъ овраговъ лѣпятся домишки и избёнки, надъ ними высятся колокольни и главы церквей. Внизу пестрѣетъ базарная улица и тянется мостъ; направо и налѣво во всѣхъ направленіяхъ мечутся въ глазахъ красныя и зеленыя крыши купеческихъ домовъ. На самомъ берегу стоитъ запустѣлое каменное зданіе съ барской архитектурой. Это такъ-называемый «Акиноьевскій дворецъ»—домъ бывшаго крестьянина Акиноьева, выписавшагося въ купцы. Онъ же подарилъ селу тысячепудовой колоколъ, для котораго пришлось построить около собора особую колокольню.

— Какая же у насъ деревня? вскричалъ мой знакомецъ. — Давно пора намъ городомъ стать. Вы извольте-ка заглянуть въ вѣдомость; поспросите въ Нижнемъ у Александра Серафимыча, какія у насъ значатся цифровыя данныя.

— Да вы сами — ходячая статистика, Н. П., разсмѣялся я.

— Десять тысячъ душъ у насъ; изъ нихъ мужскаго пола, однихъ значитъ собственниковъ, слишкомъ четыре тысячи; одного бѣлаго духовенства чуть не двѣсти человѣкъ съ женами и дѣтьми; каменныхъ церквей десять.

Мы оглянулись въ сторону стараго собора. Это безспорно, самая красивая изъ павловскихъ церквей, построенная въ XVII вѣкѣ, какъ говорятъ старожилы и какъ значится въ мѣстныхъ документахъ; внѣшность этого преображенскаго собора осталась почти неприкосновенной, и колокольня при ней въ очень хоро-

шемъ стилѣ. Зато лѣтняя церковь, троицкая, куда павловцы сдѣлали столько дорогихъ приношеній, напоминаетъ древнѣйшіе соборы губернскихъ и уѣздныхъ городовъ съ неизбѣжными фронтонами и испорченными романскими куполами.

— Вотъ тутъ, указывалъ мнѣ мой спутникъ на вышку:—гдѣ стоитъ соборъ, тутъ и поставленъ былъ во времена оны острогъ. Въ писцовыхъ книгахъ, читывалъ я, подъ 1621 годомъ значится, что еще сто тѣтъ до того, слѣдственно, въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, былъ проложенъ торговый трактъ по царскому повелѣнію и срубленъ стрѣлецкій острогъ. Вотъ мы сейчасъ по улицѣ пойдемъ, около самаго Преображенья, до сихъ поръ зовется Стрѣлецкой, а самую гору Острожной зовутъ.

— Это—исторія, а народъ что̀ толкуетъ по преданію?

— Вывелись нонче старцы-то вѣщіи. Кто почитываетъ старыя книги, тому извѣстно, что въ «Розыскѣ» святого Дмитрія Ростовскаго значится, что въ скитѣ около села «Павловскій Перевозъ», проживаетъ нѣкій мужъ, его же зовутъ Христомъ и яко Христа почитаютъ, а кланяются ему безъ крестнаго знаменія. Ну, и доселѣ объ этомъ самомъ мужѣ есть преданіе и звали его, видите ли, Павломъ. А послѣ того ужъ доподлинно извѣстно, кому Павлово было пожаловано.

— Да вы разскажите; вы вѣдь все знаете наизусть.

— Да ужъ это-то—ка̀къ не знать! Царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Павлово въ вотчину князю Ивану Борисовичу Черкасскому. Въ роду-то Черкасскихъ оставалось оно, дай Богъ памяти, до 1742 года. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій оставилъ Павлово въ наслѣдство дочери Варварѣ Алексѣевнѣ; она и принесла Павлово въ приданое графу Петру Борисовичу Шереметеву и, кромѣ того, много еще другихъ вотчинъ. Съ тѣхъ поръ родъ Шереметевыхъ и владѣлъ нами вплоть до графа Дмитрія Николаевича.

Тутъ мой «жирондистъ» усмѣхнулся своимъ широкимъ ртомъ и прибавилъ:

— А съ Дмитріемъ Николаевичемъ мы долго повозились; ну, да добрые люди надоумили его: пошелъ на мировую. Вся вотъ наша палестина намъ въ вѣчное и потомственное владѣніе за полтораста тысячъ рублей досталась.

— А оброку сколько платили?

— Да тысячъ двадцать пять и по положенію приходилось помѣщику.

— Это ловко!

— Ничего. Только кто все дѣло своимъ по̀томъ и горбомъ велъ, на тѣхъ теперь и наплевали, да, вмѣсто всякой награды,

чуть въ Сибирь не спровадили. Такъ вотъ и захочешь теперь на городовое положеніе. Вы вникните-ка, П. Д—чъ, въ наше хозяйство. Вѣдь у насъ угодій сколько! Кромѣ базара и земли, есть и каменноломни, и другія оброчныя статьи. Хозяйство нужно правильное. Да и какіе мы мужики? Сдѣлайте милость, загляните въ вѣдомости. Значится слишкомъ десять тысячъ душъ, а полюбопытствуйте, сосчитайте, сколько у насъ, примѣрно, скота есть; изойдите все Павлово: и съ козами, и съ свиньями семисотъ головъ не насчитаете, а вѣдь въ селѣ-то имѣется полторы тысячи домовъ однихъ деревянныхъ. Я ужь объ кустаряхъ не говорю; заведеній, по малой мѣрѣ, двѣ сотни. Окромя слесарныхъ верстаковъ и точильныхъ колесъ есть, у насъ и мѣднолитейныя заведенія, и прядильни, и красильни, и кирпичные заводы. А главное дѣло: народъ-то съ поконъ вѣку живетъ мастеровымъ, а не мужикомъ, и въ мужика вы его не передѣлаете, потому хлѣбопашествомъ ему заниматься нѣтъ никакой возможности: земли у насъ пахатной, которая въ оброчныхъ статьяхъ— клочекъ; она годна, какъ подспорье, для облегченія податныхъ тягостей; а двѣсти, триста десятинъ на десять тысячъ душъ не раздѣлишь.

— И никогда, спросилъ я:—сколько слышно, не было Павлово земледѣльческимъ селомъ?

— Съ незапамятныхъ временъ стало слесарное дѣло. Сами видите: такое мѣсто заняло село; путь тутъ былъ изъ Гороховца къ низу. Рано, надо полагать, и базары завелись. Судовщики, проѣзжіе, всѣ потребители нуждались въ желѣзныхъ издѣліяхъ.

— Ну, въ писцовыхъ книгахъ говорится... началъ я, разсмѣявшись и зная, что Н. П. непремѣнно сдѣлаетъ мнѣ цитату.

— Это точно: въ самомъ тысяча шестьсотъ двадцать первомъ году, какъ я ужь вамъ докладывалъ, въ писцовой книгѣ говорится про село Павлово. И тутъ же прибавлено, что въономъ селѣ имѣется одиннадцать кузенъ. Видите, по правую-то руку отъ моста, до сихъ поръ еще имъ тамъ водъ. Вотъ тутъ онѣ были и въ тѣ поры, а, сверхъ сего, дѣлу этому помогло и вотъ еще что̀: графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ завелъ желѣзный заводъ на рѣчкѣ Таркѣ. Это наша рѣченка, ее незамѣтно: вонъ извилина-то, глазомъ можно прослѣдить, самая и есть она, Тарка. И есть свѣдѣнія о томъ, что на ономъ заводѣ работали и здѣшніе крестьяне, и изъ другихъ шереметевскихъ вотчинъ. Самый этотъ заводъ былъ уничтоженъ въ тысяча семьсотъ семидесятомъ году; а императрица Екатерина II лѣтъ десять раньше того уже поощрила павловскихъ слесарей высочайшимъ указомъ: всѣмъ павловцамъ предоставлена была льгота торговать повсе-

мѣстно въ городахъ и на ярмаркахъ безъ особыхъ свидѣтельствъ, по однимъ довѣренностямъ помѣщика, а самое село Павлово избавлено было отъ постойной повинности. И эта привилегія продолжалась... да я еще помню, послѣ первой холеры отмѣнили ее, эдакъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Можно, пожалуй, подумать, что я нарочно влагаю въ уста моего спутника подобранныя мною историческія данныя, а между тѣмъ, изъ его устъ все это такъ и лилось, и даже съ гораздо большими подробностями. Врядъ ли у самыхъ коренныхъ старожиловъ Павлова сохранилось болѣе историческихъ воспоминаній; а вотчинная контора, въ которой, быть можетъ, уцѣлѣли кой-какіе документы, теперь уже не существуетъ: ея бумаги и книги были, тотчасъ же послѣ мировой съ графомъ Шереметевымъ, перевезены въ Петербургъ. Въ памяти павловскаго народа не сохранилось сколько-нибудь выдающейся личности изъ народной среды. Одна изъ немногихъ пѣсенъ съ историческимъ характеромъ, какую до сихъ поръ иногда поютъ въ Павловѣ, (а въ Павловѣ поютъ очень много и хорошо, въ особенности духовныя вещи) прославляетъ только графа Бориса Петровича, отца того Петра Борисовича, который устройствомъ завода далъ окончательный толчекъ промышленному дѣлу павловцевъ. Вотъ эта пѣсня:

Слобода графа Шереметева!
Про тебя, село, идетъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Всѣхъ ты селъ на краси стоишь.
На краси стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на раздольицѣ;
Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыихъ,
Промежду села бѣжитъ рѣчка Тарочка,
Возлѣ бокъ бѣжитъ Ока-матушка.
По Окѣ-рѣкѣ бѣжитъ лодочка,
Легка лодочка раскрашенная;
Вся гребцами лодка усаженная.
Какъ на восьмера, на веселички,
Въ этой лодочкѣ самъ графъ гулялъ,
Шереметевъ графъ, Борисъ Петровичъ.

П. Боборыкинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

По вечерамъ, наши N—скія гостиныя, бо̀льшею частью, бываютъ пусты. Наши дамы проводятъ время по семейному, сбираются рѣдко, а, собравшись, садятся за карты; мужчины—всѣ въ клубѣ, за тѣмъ-же. Рѣдкость найти гостиную не съ одинокой хозяйкой или не съ открытымъ зеленымъ столомъ. Мнѣ досталась такая удача недавно, у Анны Александровны.

Правда, не играли потому, что партія не могла составиться. Кромѣ хозяйки, не игравшей никогда, была m-me Горѣшева, семнадцатилѣтняя женщина, менѣе года назадъ вышедшая замужъ, и мужъ ея, не сводившій съ нея глазъ. Это было бы, пожалуй, неловко и «непринято», еслибы тотчасъ не было замѣтно, что этотъ серьёзный молодой человѣкъ, серьёзно одѣтый, съ серьёзной бородой, въ серьёзныхъ очкахъ, безцвѣтно блѣдный, какъ дѣятель, бережливый на слова̀, какъ человѣкъ практическій — каждую минуту наблюдаетъ, чтобы «ребёнокъ» не сдѣлалъ или не сказалъ дурачества. Она взглядывала на него мило, ясно и испуганно, будто извиняясь, будто прося разрѣшенія, одобренія, какъ-то невинно хвастая, что вотъ она «умѣетъ держаться». Ка̀къ видно, она еще его любила. Она была прелестна: что̀-то необыкновенно свѣжее, нѣжное, прозрачное; глядя на нее, вспоминались ландыши. Въ самомъ дѣлѣ, подѣтски, какъ дѣти отворачиваются отъ темнаго угла или страшной картинки, она игнорировала другого гостя, хотя онъ, сидя рядомъ съ нею, постоянно къ ней обращался; гость былъ тоже не очень старъ и приличенъ, но ей замѣтно не нравилось его обнаженное чело. Ее стѣсняла также и дама-гостья, которая сидѣла напротивъ и смотрѣла на нее съ состраданіемъ. Впрочемъ, эта почтенная дама

казалась слишкомъ многимъ недовольна и успокоивалась только въ сознанiи собственнаго достоинства. Она вела рѣчь съ Горѣшевымъ объ одномъ дѣлѣ по мошенничеству, недавно рѣшенномъ въ судѣ. Горѣшевъ былъ самъ членомъ суда, но предоставлялъ дамѣ разсказывать; она старалась его занять и въ чемъ-то утѣшить. Другой гость, Выхинъ, занималъ свою прелестную сосѣдку; онъ недавно воротился изъ Москвы и разсказывалъ «Аиду». Анна Александровна видѣла ее тоже; они расходились во вкусахъ.

— Постановка! постановка—роскошь! восхищался онъ. — Берега Нила, звѣздная ночь... Вы сочтете ихъ: звѣзды! Мерцаютъ! И это подземелье, мрачное, вѣетъ могилой...

— Подвалъ какой-то, сказала, смѣясь, Анна Александровна:— а въ первую минуту и не разберешь, точно подъ столомъ они возятся...

— Помилуйте! такiе звуки... И оригинально; знаете, сцена раздѣлена такъ, объяснялъ онъ, молодой сосѣдкѣ: — еще никогда невиданное! мракъ и оттуда звуки...

Онъ сказалъ это басомъ.

— Верди вступилъ на новый путь. Я ему пророчу—далеко пойдетъ!

— Трескъ одинъ, замѣтила хозяйка.

— Помилуйте, оригинально! Вы переноситесь въ эпоху... вы замѣтили: танцы! когда эти маленькiе невольники передъ принцессой каблучками, каблучками чокаютъ...

— А тутъ ужъ я не могла выдержать, расхохоталась, прервала Анна Александровна: — какъ вскочили и запрыгали эти чертенята...

— Чертенята! весело и звонко повторила молоденькая женщина.

— Елена!.. замѣтилъ чуть-слышно ея мужъ.

Его собесѣдница обратила задумчивый взглядъ по направленiю его неподвижнаго взора.

— Кàкъ я люблю это въ вашей Еленѣ Николаевнѣ—непосредственность... сказала она грустно:—ее все веселитъ!

— Подлогъ, дѣйствительно, былъ, продолжалъ онъ, серьёзно возвращаясь къ разговору о дѣлѣ.

Выхинъ описывалъ костюмъ принцессы. Въ этомъ господинѣ было неоцѣненно то, что, одинъ разъ принявшись разсказывать, онъ не скоро унимался и тѣмъ помогалъ проводить время не молча. Вообще, у насъ говорится только о фактахъ, о житейскомъ, о томъ, что̀ передъ глазами, и если въ городѣ нѣтъ особеннаго скандала, въ судѣ — особенно кроваваго дѣла, въ зем-

ствѣ—особенной путаницы (а все это, благодаря Бога, не такъ ужъ часто бываетъ), говорить не о чемъ. О погодѣ — вышло изъ употребленія. Кто-то замѣтилъ, что погоду замѣнили тропическія растенія, предметъ неистощимый и, кажется, безопасный: вѣдь не въ самомъ же дѣлѣ наши члены клуба и свѣтскія дамы сдѣлаютъ себѣ цѣль жизни изъ ботаники; довольно того, что цвѣты покупаются и разставляются; спорить не о чемъ, пикироваться нѣчего и долго можно бесѣдовать, не безпокоясь думать. Конечно, это очень однообразно и, по совѣсти, всѣмъ скучно... Глядя со стороны, приходитъ въ голову: неужели мы уже все узнали, все перечувствовали, все передумали, и ближнимъ нашимъ все также извѣстно, и перебирать извѣстное не стòитъ? Даже словà какія-то безцвѣтныя. Одно время, мы испугались «красивыхъ» словъ; положимъ, на то были уважительныя причины, но мы такъ въ конецъ порѣшили съ «красивыми» словами, что теперь намъ странно всякое выраженіе нѣсколько менѣе плоское: оно звучитъ по книжному; а если еще въ немъ есть мысль, сила, что-нибудь необыденное, выдающееся — бѣда! Оно неприлично...

«Аиду» мы узнали во всѣхъ подробностяхъ. Разсказчикъ уже начиналъ упоминать о другихъ представленіяхъ, такихъ же роскошныхъ; онъ зналъ ихъ всѣ, какъ истинный театралъ, и даже, смѣясь, признался, что, со времени открытія нашей желѣзной дороги, не разъ сказывался на службѣ больнымъ и безъ отпуска «каталъ въ Москву, посмотрѣть»... Называя разныя разности, онъ, видимо, выбиралъ, чѣмъ бы подлиннѣе насъ угостить, и начиналъ опредѣленнѣе останавливаться на какой-то féerie. Я всталъ, раздумывая, кàкъ-бы уйти непримѣтно. Но изъ-за портьеры явилась новая гостья, съ которой все настроеніе гостиной должно было перемѣниться.

M-me Муновская недавно пріѣхала въ N., гдѣ ея мужъ получилъ видное мѣсто. Ей предшествовала молва о ея умѣ, любезности, образованіи и необыкновенной дѣятельности. Она тотчасъ вступила во всѣ N—скія филантропическія и педагогическія предпріятія, вербовала членовъ, отыскивала жертвователей, принимала просителей, устроивала кассы, подписки, концерты, гдѣ пѣла, спектакли, въ которыхъ участвовала, лотереи, для которыхъ дѣлала восковые цвѣты и сонетки. Говорили, что она пишетъ и печатаетъ разныя статьи; не думаю: она бы ихъ подписывала. Она одѣвалась щегольски, очень дорого и, главное, обдуманно, чтò, казалось бы невозможно при такомъ множествѣ занятій. Нѣжный голосъ, неслышная поступь, плавныя движенія въ наше время не въ модѣ; кàкъ стараются нравиться женщи-

ны—это другое дѣло, но онѣ не церемонятся. M-me Муновская пользовалась этой свободой, даже болѣе, нежели другія, но какъ-то своеобразно: она казалась вездѣ хозяйкой, несмотря на свою изысканную вѣжливость, вездѣ старшей, хотя замѣтно не допускала считать себя старухой. Ей было лѣтъ тридцать. Случалось даже, она ребячилась, но именно тогда, когда желала, чтобъ ея мнѣнія были приняты очень серьёзно. И ей это удавалось, къ общему удивленію. У нея были мнѣнія, даже непремѣнно мнѣнія, которыя она умѣла вставлять въ разговоръ нетолько объ N—скихъ событіяхъ, но и о тропическихъ растеніяхъ. Она часто спорила и вызывала на споръ. Говоря, убѣждая, она никогда не оставалась какъ прикованная къ мѣсту, но живо вставала, небрежно выказывала свой красивый ростъ и всѣ украшенія своей юпки, увѣренно опиралась руками въ столъ, будто въ трибуну. Ея ручки были изнѣжены и всѣ въ кольцахъ. Она даже ударяла рукой по столу, и на лицахъ многихъ присутствующихъ мужчинъ было написано убѣжденіе, что изъ нашихъ N—скихъ дамъ ни одна такъ ловко не сдѣлаетъ. Можетъ быть, m-me Муновская чувствовала, что такъ думаютъ; несомнѣнно, она была увѣрена, что ее слушаютъ. Я былъ ей представленъ, но не воспользовался ея приглашеніемъ и не бывалъ у нея.

— Здравствуйте, моя дорогая, сказала она, входя и цѣлуясь съ Анной Александровной. — Я устала, озябла, побранилась съ мужемъ и бѣжала къ вамъ.

Она здоровалась кругомъ. Она всегда выражала особенную привѣтливость Аннѣ Александровнѣ, хотя, сколько извѣстно, между ними не было дружбы. Анна Александровна была старше лѣтъ на десять.

— Позволено-ли желать узнать, за что̀ была ссора? любезно спросилъ Выхинъ.

— Желать ничего не запрещается, отвѣчала она.

Выхинъ вскочилъ подать ей кресло; она подкатила его сама, слегка кивнула и обратилась къ хозяйкѣ.

— Сегодня очень холодно; у меня множество дѣлъ; я разъѣзжала весь день...

— По вашему обычаю—въ открытыхъ саняхъ! замѣтилъ Выхинъ.

— Такъ, что мужъ воротился изъ своего засѣданія раньше меня; я застала его, одинокого, за обѣдомъ—и начались выговоры: — «я неосторожна; я не забочусь о своемъ драгоцѣнномъ здоровьи». А у меня, какъ нарочно, пропалъ аппетитъ отъ усталости... отчасти и отъ всего, что̀ я покорно выслушивала. Такъ что, вотъ сейчасъ, хочу къ вамъ — поднялась совсѣмъ гроза и

еще съ жалкими словами. Я ему сказала, что онъ глупъ, и уѣхала.

Молоденькая m-me Горѣшева удивленно раскрыла глазки; ея мужъ хмурился. Выхинъ засмѣялся—онъ служилъ не въ вѣдомствѣ Муновскаго. Почтенная дама неопредѣленно улыбалась.

— Погрѣйтесь, сказала Анна Александровна.

Подавали чай.

— Ахъ, съ наслажденіемъ! отвѣчала m-me Муновская, взявъ чашку и много хлѣба.—Теперь чувствую, что я голодна.

— Супругъ вашъ, слѣдовательно, имѣлъ основаніе... любезно сказала почтенная дама.

— Это не его дѣло, возразила m-me Муновская. — Вообще, у этихъ господъ еще осталось немножко крѣпостнаго обычая: не командуютъ, а все-таки стараются взять жалкими словами...

— Но, если очевидно... началъ серьёзно Горѣшевъ.

— Предоставьте намъ самимъ: мы совершеннолѣтнія! прервала m-me Муновская зло и весело. — Дорогая моя, я скорѣе о дѣлѣ, чтобъ не забыть. Вы обѣщали написать тому человѣку. Чтò же, соглашается онъ на уступку?

— Согласенъ, отвѣчала Анна Александровна. — Вотъ подлѣ васъ на столикѣ его письмо.

— Можно?..

M-me Муновская быстро взяла это письмо и читала.

— Славно, сказала она.—Знаете, въ самомъ дѣлѣ, это дешево. Чтò значитъ имѣть вещи изъ первыхъ рукъ!

— Чтò такое? поинтересовалась почтенная дама.

— Карандаши намъ для школъ, отвѣчала m-me Муновская.— За десять рублей—сто дюжинъ, а намъ пришлютъ сто-десять и пересылка на счетъ продавца.

— Неимовѣрно дешево, сказала почтенная дама, вздохнувъ.

— Но кто продаетъ, стало быть, купилъ ихъ еще дешевле? спросила молоденькая женщина и покраснѣла, что сказала такъ много.

— Это фабрикантъ, отвѣчалъ ей мужъ.

— Сто-десять дюжинъ! ужасался Выхинъ.

— Тысяча - триста - двадцать штукъ, сосчитала m-me Муновская, отдавая свою чашку.- Еще мнѣ чаю, прошу васъ... Тысяча-триста двадцать. Вамъ кажется много?

— Куда же столько?

— Да, такъ вамъ кажется. У насъ три школы, слишкомъ восемьдесятъ учениковъ. Дѣти ломаютъ, теряютъ. Запасъ на годъ.

— Все-таки, много, сказала Анна Александровна.—Можно и поберечь. Этого на вдвое достанетъ.

— О, нѣтъ! Стѣснять дѣтей въ необходимомъ, въ классномъ пособіи, пріучать ихъ скопидомничать, дрожать надъ пустой вещью... Знаете, ка̀къ это ихъ портитъ? Нѣтъ, нѣтъ!.. Воображаю, какія будутъ лица, когда я вызову раздавать... У каждаго такое богатство!

— Они ими торговать будутъ, сказалъ Выхинъ.

— Такой малостью?

— Между собой.

— О, ка̀къ хотятъ: это ихъ собственность, возразила m-me Муновская. — Пусть они понимаютъ собственность. Это ужъ дѣти свободныя, а первый шагъ свободы—безконтрольное распоряженіе тѣмъ, что̀ мы имѣемъ. И вдругъ, вы стѣсните ребенка на первомъ шагу, на карандашѣ!!! Ка̀къ же онъ отважится на что̀-нибудь больше?

— Совершенно справедливое заключеніе, замѣтила почтенная дама, на которую m-me Муновская случайно взглянула.

— Вы со мной согласны?

— Я нахожу: ежели ребёнокъ не дорожитъ своей собственностью, то дѣлается легкомысленнымъ и впослѣдствіи уже не въ силахъ ничего пріобрѣсти. Для этого онъ долженъ развиваться. Я вполнѣ съ вами согласна.

М-me Муновская будто оторопѣла и будто не съумѣла этого скрыть. Она еще поглядѣла въ письмо, которое держала.

— Золотой человѣкъ, сказала она.—Дорогая, мы къ нему еще прибѣгнемъ: грифели намъ нужны, перочинные ножи... Можно?

— Можно, отвѣчала Анна Александровна.

— Скажите ему за меня спасибо. Я опять туда же кладу его посланіе, продолжала она, вставъ и перебирая на маленькомъ столѣ. — А, вотъ ваше вязанье! Я ревизую: много подвинулось. Ка̀къ мы давно-то не видались!.. Что̀ у васъ за книги?

— Журналы.

— А это...

М-me Муновская вынула небольшой томъ и прочла заглавіе:

— «Victor Hugo. Théâtre»... Кто это читаетъ?

— Я.

— Что̀ вамъ вздумалось?

— Да та̀къ, оставаясь одна... Я его люблю, отвѣчала Анна Александровна.

Она немного смутилась; вѣроятно, она забыла убрать книжку до прихода гостей. Книжки убираются всегда, развѣ что-нибудь новое и, во всякомъ случаѣ, не серьёзное.

— Любите... повторила m-me Муновская, перевертывая стра-

ницы, какъ особа, интересующаяся всѣмъ печатнымъ, хотя бы сто разъ знакомымъ.—Все еще любите?

— А вы?

— О вкусахъ не спорятъ. Впрочемъ, зачѣмъ быть несправедливой. У него много прекраснаго, но...

— Ка̀къ я люблю ваши *но*! вскричалъ Выхинъ.

— Почему они вамъ такъ нравятся?

— Ваше торжествующее, побѣдительное *но*! Послѣ него можно ожидать, что все будетъ разбито въ прахъ, что̀ бы вы прежде ни одобрили; одобреніе—это, такъ сказать, прелюдія...

— Я на себя такъ много не беру, возразила она серьёзно:—повторяю, я не смѣю спорить о вкусахъ. Бываютъ вещи, которыя задушевно до̀роги, ради живости первыхъ, личныхъ впечатлѣній... Но есть понятія, которыхъ нельзя довольно опровергнуть, потому что, къ сожалѣнію, они какъ-то особенно долго держатся... Казалось бы, и пора имъ пройти, а они все еще живы!.. И чаще всего живы, именно благодаря тому, что краснорѣчиво, заманчиво выражены...

— Ложныя понятія? спросила Анна Александровна.

— Я не говорю, чтобъ они были ложны; въ свое время, это были даже признанныя истины, но...

Она мелькомъ оглянулась на Выхина; тотъ возсіялъ и завертѣлся; она пріобрѣла себѣ поддержку во всемъ, что̀ бы ни сказала.

— Но они больше негодятся, продолжала она.—Ка̀къ хотите, но надо же убѣдиться, что время идетъ, люди съ нимъ вмѣстѣ, понятія—тоже. Свѣтъ не то, что̀ былъ тридцать лѣтъ назадъ.

— Но истина, хоть бы ей прошла и тысяча лѣтъ, все-таки остается истиной, возразила Анна Александровна.

— Въ томъ-то и дѣло, моя дорогая—какая истина? точно ли истина? А если только — фраза? Тогда, тридцать лѣтъ назадъ, звонкія фразы были въ страшномъ ходу. Вотъ, тутъ ихъ столько!

Она, смѣясь, постучала пальцемъ по книжкѣ, которая лежала передъ нею на большомъ столѣ, какъ подсудимая.

— Что̀-жь дѣлать? талантливый человѣкъ, а заплатилъ дань своему времени!

— И до сихъ поръ ее платитъ, отозвался Горѣшевъ.

— Вы не часто согласны со мною, граціозно обратилась къ нему m-me Муновская: — тѣмъ болѣе, я цѣню это теперь. Но настоящее покуда въ сторону; вотъ, передъ нами—прошедшее... Ахъ, слава Богу, что мы ушли отъ него!

— Вы слишкомъ строги, сказала Анна Александровна.

— Я?.. Я не смѣю быть строга. Но что̀ же дѣлать, если эфект-

ныя выходки меня уже не закупаютъ, если мнѣ досадно, когда на каждой строкѣ... Позвольте, наудачу!

Она раскрыла книгу.

— «Elle est femme, par conséquent, malheureuse»... Неужели еще это не фраза?

— Очень странная, сказалъ со злостью Горѣшевъ.

— А мнѣ кажется—простое, задушевное слово, сказала Анна Александровна:—та̀къ, со слезами сказано.

M-me Муновская секунду не возражала.

— Кто помнитъ, mesdames, «Angélo»? обратилась она къ другимъ.

— Я не знаю... отвѣчала m-me Горѣшева, вся закраснѣвшись.

— Ахъ, да̀, виновата; вамъ этого еще не давали, сказала m-me Муновская очаровательнымъ тономъ старшей и бѣглымъ, веселымъ взглядомъ будто приласкала красоту молоденькой женщины.—Стало-быть, надо вамъ знать...

— Я нѣсколько припоминаю, задумчиво произнесла почтенная дама. — Въ русскомъ переводѣ я читала... «Венеціанская актриса»...

— Все равно-съ, прервала m-me Муновская рѣшительно и почти нетерпѣливо.—Я помню и, что нужно, могу пояснить для публики... Впрочемъ, немного и нужно. Эту раздирательную сентенцію произноситъ героиня, и если оставить ее за ней—пожалуй, еще сойдетъ: героиня — въ состояніи невмѣняемости... Я вижу, m-r Горѣшевъ, вы ее помните?

Горѣшевъ кивнулъ головой, слабо и серьёзно усмѣхаясь.

— Но если признать, что это мысль самого автора, то... Такъ и быть, ужь будемъ къ нему снисходительны! Скажемъ, что это сорвалось у него отъ привычки къ фразѣ... ну, необдуманно! ну, въ какую-нибудь минуту раздраженія! Предположимъ это...

— Для чего же? прервала Анна Александровна.

— Иначе ему нѣтъ оправданія! Никакого! Что̀ за фатализмъ— «*Женщина, слѣдовательно, несчастна!..*» И подумать только, что цѣлое поколѣніе женщинъ принимало подобныя вещи на вѣру! Помилуйте, осуждены!!

Будто негодуя, будто вызывая и вмѣстѣ смѣясь, она умышленно неловко, комически пожала плечами.

— Прославленный поэтъ, свѣтило вѣка—и вдругъ: «*слѣдовательно!*» Да это руками зрозы!

— Прелестно! вскричалъ Выхинъ.

— Убѣдимся же для нашего собственнаго спокойствія, что все это прошло: и вѣра въ анаѳему, и наша безпомощность. На-

чалось съ того, что фразы надоѣли, а потомъ женщины какъ-то догадались, что даже въ пустомъ нашемъ обществѣ можно держаться презентабельнѣе, когда насъ не оглашаютъ страдалицами... Мелкая догадка, мелкое свѣтское чувство — уступаю вамъ! но это было начало, а потомъ... Стоило за умъ взяться, прямѣе, смѣлѣе взглянуть на свое положеніе, не плакаться, не искать утѣшенія въ текстахъ, писанныхъ слезами, а вспомнить свое достоинство и — мы возрождены!.. Да̀, мы возрождены! подтвердила она, поймавъ себя на «красивомъ» словѣ, поправилась тѣмъ, что повторила его спокойно и еще настоятельнѣе, и улыбнулась молоденькой женщинѣ, которая смотрѣла на нее съ восхищеніемъ.

— Совершенно одобряю вашъ образъ мыслей, строго произнесла почтенная дама.

M-me Муновская не замѣтила ни ея согласія, ни безпокойнаго взгляда, который Горѣшевъ бросилъ изъ-подъ очковъ на свою жену; она замѣтила свой собственный промахъ и откровенно, смѣло спѣшила его загладить.

— Да̀, моя дорогая, обратилась она къ Аннѣ Александровнѣ: — текстъ, который осуждаетъ на вѣчно, не можетъ быть истиной. Ваше сердце вамъ это подсказываетъ, а жизнь—посмотрите, жизнь вамъ доказала! Мы спокойны, мы заняты, у насъ права̀. Мы не безотвѣтны, у насъ нѣтъ господъ... Не знаете ли вы... о, я не могу вспомнить безъ ужаса! Есть драма какая-то, русская; я ребёнкомъ ее видѣла, но, стало быть, я понимала ужь и тогда... Дѣвушку несчастную силой выдаютъ, продаютъ замужъ, посылаютъ къ отцу объявить свое согласіе, научаютъ сказать: «*Божья да твоя...*» и она идетъ, какъ помѣшанная, и повторяетъ: «Божья да твоя, Божья да твоя...» О, Боже мой! И подумать, что это дѣлалось!

— И дѣлается... тихо сказала Анна Александровна.

— Что̀ вы говорите? Гдѣ же? Когда же?

— Негласно, конечно, и безъ причитанья...

— Нѣтъ, милая, нѣтъ, хорошая моя, не впадайте въ черныя идеи! У меня морозъ по кожѣ, когда я вспомню эту сцену: такое возмутительное рабство!..

— Вотъ я сейчасъ имъ говорилъ, вмѣшался Выхинъ:—Аида, эѳіопская невольница...

— Въ наше время, продолжала m-me Муновская: — ни одна дѣвушка не унизится до такого слѣпого повиновенія... Ахъ, но чего лучше: вотъ вамъ примѣръ новыхъ понятій. Я занимаюсь съ одной молодою особой... Ея отецъ... онъ служитъ у моего мужа. У меня есть два свободныхъ часа въ недѣлю; я сказала

этой дѣвушкѣ; она приходитъ, мы читаемъ, судимъ; я даю ей уроки, небольшія сочиненія, знаете, чтобъ пріучить ее работать самостоятельно... Мы недавно читали «Гамлета». Она была такъ возмущена покорностью Офеліи отцу (помните? тамъ велятъ ей возвратить подарки принца, не видаться съ нимъ)—такъ возмущена, что говоритъ мнѣ: «я не хочу этого читать! Не хочу, не могу—это безнравственно! Кàкъ можно признавать великимъ писателя, который возводитъ въ идеалъ обезличеніе женщины!..»

— Она такъ и выразилась? спросилъ Горѣшевъ.

— Точно тàкъ, рѣзко отвѣчала m-me Муновская.—И ея неискалѣченное, трезвое пониманіе заставило и меня одуматься. Она права. Пора признать, что то были идеалы того вѣка, и смотрѣть на нихъ... ну, археологически, какъ на вещи, которыя находятъ въ раскопкахъ. То, чтò казалось такъ возвышенно сотню лѣтъ назадъ...

— Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, подсказала почтенная дама.

— Была просто поблажка родительскому и всякому произволу—произволу того же распрекраснаго принца, который такъ рыцарски великодушно ругается надъ бѣдной дѣвушкой... Вы читали «Гамлета»? спросила она вдругъ молоденькую женщину.

— Нѣтъ, отвѣчала та, опять краснѣя: — я не знаю Шекспира.

— Ничего?

— Ничего...

— Приходите. Давайте читать вмѣстѣ.

— Съ новыми комментаріями? спросилъ весело Выхинъ.

— Ужъ конечно! отвѣчала еще веселѣе m-me Муновская, повстрѣчавъ на пути грозный взглядъ Горѣшева, назначенный женѣ.—Прекрасное—прекраснымъ, но надо принимать противъ него свои мѣры. Избави насъ Богъ отъ разныхъ Десдемонъ, которыя протягиваютъ шею:—«извольте, баринъ, душите меня...» Женщина нашего времени тàкъ бы глупо не кончила.

— Чтò-жь бы она дѣлала? спросилъ Выхинъ.

— Совершенно праздный вопросъ! отвѣчала m-me Муновская, съ удивленіемъ пожавъ плечами:—бросила бы своего чернаго и ушла.

— Къ отцу, съ чистымъ раскаяніемъ, прибавила серьёзно почтенная дама.

— Кажется, въ новомъ кодексѣ не полагается раскаянія? замѣтилъ Горѣшевъ.

— Ни въ какомъ нравственномъ кодексѣ не полагается уни-

женія, возразила m-me Муновская:—полоумный батюшка стòитъ самодура-мужа.

— Стало быть, исходъ—слезливый, когда-то отверженный женихъ? Съ такимъ субъектомъ, эманципированная Десдемона, кажется, могла бы ужь не опасаться стѣсненія.

— Почему вы не предполагаете, что она могла бы прожить и одна?

— Потому что она влюбчива и глупа, отвѣчалъ Горѣшевъ спокойно, но сдѣлавшись кàкъ-то еще блѣднѣе.

— Вы никакъ, господа, не шутя воображаете, что мы не можемъ обойтись безъ наставника-наблюдателя? сказала она съ досадой.

— Помилуйте, зачѣмъ же? я разумѣю товарища! отвѣчалъ онъ, усмѣхаясь.

— Десдемона взяла бы Кассіо.

— Кассіо?

— Дà, Кассіо... Кассіо—жизнь, удаль, страсть. Было бы чѣмъ спраздновать молодость... Развѣ вы думаете, скука—тоже не униженіе?

— Позвольте, позвольте? кàкъ? чтò вы сказали? вступился Выхинъ.

— Желаете, чтобъ я доказала? спросила m-me Муновская Горѣшева.

— Я не сомнѣваюсь въ силѣ вашихъ доказательствъ, отвѣчалъ онъ, слегка посмѣиваясь.

— А я—прошу! вскричалъ Выхинъ:—просвѣтите!.. Вы представьте себѣ, кàкъ это ново, кàкъ оригинально...

Онъ толковалъ Аннѣ Александровнѣ.

— До этой минуты, всѣ мы думали, что скука... Ну, чтò такое скука? обыкновенная исторія — недостатокъ общества, развлеченія... Ну, молодая дама, въ деревнѣ... осень, сосѣди тамъ какіе-нибудь... И вдругъ, говорятъ: скука — униженіе!.. Нѣтъ, сдѣлайте милость, поясните!

— Ахъ, но чтò же? это очень просто, возразила она устало.

Горѣшевъ смотрѣлъ на нее равнодушно. Она вспыхнула.

— Это очень просто: баринъ выбираетъ общество, баринъ выбираетъ занятія, баринъ устраиваетъ весь порядокъ жизни по своему вкусу. Женщинѣ не остается ничего своего. Очевидно—скука бѣшеная. Очевидно, если женщина ей покоряется, она себя унижаетъ, потому что отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ: отъ воли, даже отъ ума, даже отъ способностей...

— Отъ способностей? переспросилъ Выхинъ.

— Ну, дà, дà! даже отъ крохотнаго смысла изобрѣсти что-

нибудь, чтобы кàкъ-нибудь, когда-нибудь, сколько-нибудь вывернуться изъ-подъ опеки этой, изъ-подъ тоски: Вотъ, тàкъ и уродовались во времена òны; вотъ и сложилась пѣсня: «женщина—слѣдовательно, несчастна!» А мы отвѣчаемъ на это: вольно же вамъ!.. Дорогая моя, я опять обидѣла вашего Гюго; виновата!

— Тàкъ ужь и быть; вѣдь досталось и Шекспиру, отвѣчала Анна Александровна.

— Нѣтъ, но я не терплю малодушія, продолжала m-me Муновская, вставая оторвать ягодку винограда въ корзинѣ съ десертомъ, чѣмъ-то нагремѣла, что-то уронила, чуть не разбила и не оглянулась, что Выхинъ бросился подбирать, а почтенная дама перепугалась, кушая грушу.—Малодушіе, нерѣшительность—вотъ гдѣ гибель. Когда все подъ рукой—стòитъ только пользоваться, и все дѣлается возможно.

— Чтò же возможно? спросила Анна Александровна.

— Какая хотите дѣятельность, выборъ людей, рода занятій; только не вѣшать головы, не складывать рукъ, не отуплять себя пустяками—и все возможно! Но вотъ вамъ примѣръ: я сама. Развѣ я не должна была потрудиться, чтобъ быть тѣмъ, чтò я есть?

Всѣ подняли на нее глаза; она спокойно стояла, щипала, ѣла и разбрасывала виноградъ.

— Развѣ, съ моимъ направленіемъ, я могла обойтись безъ борьбы съ предразсудками? однѣ лекціи, которыя я все-таки ходила слушать—чего мнѣ стòили! Спросите!

Выхинъ, казалось, видѣлъ предъ собою подвижницу. Почтенная дама замѣтно колебалась: можно ли кушать во время такого серьёзнаго разговора.

— Въ вашемъ положеніи... какая-жь это была борьба! сказала Анна Александровна.

M-me Муновская немножко вскинула головой, улыбнулась и прошлась.

— Но другія... продолжала Анна Александровна.—Вы забываете множество обстоятельствъ... и средства, и семья, и обстановка...

— Я ждала, что вы все это помянете! весело сказала m-me Муновская, возвращаясь.—Давайте по пунктамъ: матерьяльное положеніе всякой женщины дѣлается хуже отъ бездѣйствія. Второе—семья... Право, я уважаю семью! Семьѣ можно втолковать, образумить ее кàкъ-нибудь, чтò-нибудь она пойметъ...

— Позвольте...

— Позвольте! я все предвижу! Самодуры-родители, деспоты-

мужья—это бываетъ и нынѣ... еще въ усовершенствованныхъ видахъ!.. Но что̀ на нихъ смотрѣть? Я даже не допущу шума! я ухожу, я запираю свою дверь, я у себя...

— Ахъ, а если нѣтъ угла, гдѣ запереться?

— Всякая порядочная женщина имѣетъ свой уголъ.

— Вы забываете обстановку...

— Какая бы ни была обстановка—самая грубая, самая стѣснительная, развитая женщина должна ее презрѣть, должна заботиться только о себѣ, дѣлать все для себя, не щадить ничего, кромѣ собственныхъ силъ! Она должна убѣдить всѣхъ, что она необходима... Спорятъ съ нею — повторяю: пусть запретъ свою дверь!

— Изнутри? А если ее запрутъ снаружи?

— Кто-жь осмѣлится?

— Подумайте: если!

— О, Боже, но тогда... Тогда сломать дверь, бѣжать, махнуть на все рукой, вспомнить свое достоинство, идти своимъ путемъ; доказать, дѣломъ доказать обществу, всему свѣту, кто былъ правъ—женщина или ея враги! И нѣтъ сомнѣнія, женщина это докажетъ; нужно только мужество. А едва успѣхъ... О, всѣ мы знаемъ, что успѣхъ убѣждаетъ во всемъ!

— Позволите апплодировать? сказалъ Выхинъ, складывая ладони.

— Спросите, она живо указала на Горѣшева: — выраженія одобренія *у нихъ* воспрещаются. Такъ ли?

— Дà, отвѣчалъ Горѣшевъ.

— Такъ же, какъ и неодобренія? Потому—вы можете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — я, признаюсь, довольно равнодушенъ къ этому... женскому вопросу. Я считаю его ужь слишкомъ исчерпаннымъ.

— Слишкомъ?

— Дà. До поддонокъ.

Горѣшевъ былъ замѣтно золъ. M-me Муновская слегка покраснѣла и громко засмѣялась.

— Мы, женщины, какъ видите, еще разбираемся въ поддонкахъ, отвѣтила она: — не боимся замарать ручки, не барыни! Брезгливость—крѣпостная привычка господъ...

— Нѣтъ, знаете... прервала, вступаясь, хозяйка: — мнѣ кажется, тутъ есть еще одна сторона... Не нарочно же вы ее обходите...

— Что̀ такое, моя дорогая? укажите.

— Вы говорили: семья, обстановка... Вы забываете характеръ самой женщины.

— То есть, какъ? Я сказала, что нужно мужество. Мужество — необходимое условіе въ борьбѣ съ препятствіями, съ людьми...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! возразила Анна Александровна: — но привязанности женщины, ея чувства... Вы говорите: борьба... Каково бороться съ тѣмъ, кто милъ? Тутъ, мнѣ кажется, мало обыкновеннаго мужества.

— Что̀ вы называете «обыкновеннымъ» мужествомъ? торопливо спросила m-me Муновская.

— Но... отвѣчала Анна Александровна, нѣсколько смущаясь:— рѣшительность, твердость... настойчивость... все вмѣстѣ. Я, можетъ быть, выражаюсь не точно. Если люди намъ милы...

— Они не могутъ быть милы.

— Почему же, если это люди честные, сердечные, хорошіе? Развитой человѣкъ даже обязанъ любить такихъ людей.

— Но не подчиняться имъ—замѣтьте!

— Слѣдовательно, и нужно тутъ больше, нежели одно мужество, возразила Анна Александровна:—нужно не жалѣть нико не оглядываться...

— О, напротивъ, очень оглядываться, чтобъ разглядѣть, кто виноватые!

— Но если нѣтъ виноватыхъ? Если они только тѣмъ виноваты, что не такъ росли, какъ мы, не такъ учились? Если они стѣсняютъ изъ любви...

— О, Боже, что̀ за любовь, которая сажаетъ въ колодки!

— Но каково же бороться... то есть бить эту любовь, презирать ее... хуже даже, нежели бить и презирать — унижать ее, доказывать, что она глупа, ненужна, что мы проживемъ безъ нея! А эти люди въ насъ душу положили! Мы видимъ, что они страдаютъ, страдаютъ отъ насъ... Надо быть безъ всякой жалости... Что̀ тутъ дѣлать?

M-me Муновская прелестно развела руками; она была вся— грація, ласка, веселость и недоумѣніе.

— Милая моя, сказала она нѣжно и убѣдительно:—но кому же нибудь страдать надо.

— О, можетъ быть, только не отъ насъ!

— Но *они* вѣдь тоже видятъ, что насъ мучатъ?

— Они не понимаютъ: они мучатъ нечаянно.

M-me Муновская мило смѣялась.

— Право, нечаянно, продолжала Анна Александровна:—несознательно, а когда сознаю̀тъ—имъ должно быть очень тяжело. Это тоже, что... Мнѣ разсказывалъ одинъ морякъ; въ кораблекрушеніе, въ ночь, въ бурю, онъ спасался на доскѣ; чувствуетъ—

за него ухватился кто-то другой... Ему показалось—онъ не могъ припомнить какъ это сдѣлалось, не могъ сказать точно ли такъ было—но ему показалось, что онъ оттолкнулъ и *тотъ* закричалъ...

— Непроизвольное движеніе, замѣтилъ Горѣшевъ.

— «Сколько лѣтъ этому, говорилъ онъ:—а этотъ крикъ у меня вѣчно, вѣчно въ ушахъ... легче бы самъ умеръ!»

— Ну, вѣдь это только говорится! сказалъ Выхинъ.

— Такъ что̀ же?.. спросила m-me Муновская.

— Вотъ что̀, отвѣчала Анна Александровна, вся оживляясь:—если даже нечаянно, безсознательно, непроизвольно—такъ ужасно сдѣлать зло и такъ лежитъ оно на душѣ, то каково же выбирать:—«погибайте вы, а я спасусь...»

— Дорогая, вѣдь никто не тонетъ, сказала m-me Муновская:—не къ смерти дѣло. Покричатъ—перестанутъ. Стерпится—слюбится.

Выхинъ приподнялся отъ восхищенія.

— Это... это... вскричалъ онъ и былъ не въ силахъ договорить.

— А если не стерпится? возразила Анна Александровна: —бросить мать-старуху умирать на чужихъ рукахъ, бросить мужа, простаго, честнаго, которому жена была нравственной поддержкой... за что̀ человѣкъ пропадетъ?

— За то другой выростетъ—и лучше!

— Развѣ это не выборъ? И то же—между жизнью и смертью, только нравственной...

— А вотъ и разница! Тутъ ужь надо рѣшать, кто достойнѣе...

— Ка̀къ же смѣть рѣшать самой?

— Послушайте, дорогая, тутъ всегда дѣло ясно. Безъ всякой лишней гордости, женщина можетъ оцѣнить себя и спутника своей жизни...

— Можетъ, но оцѣнка безжалостная и отъ нея такъ больно...

— А, въ такомъ случаѣ, боишься одной рѣзкой боли, такъ оставайся скрипѣть всю жизнь... Хроническая ломота въ нравахъ и убѣжденіяхъ!..

М-me Муновская бросила это Выхину.

— Утѣшайся изреченіями: «я не первая и не послѣдняя; я женщина, слѣдовательно, несчастна...» Если сама пожелала страдать—вольному воля! Не спорю, не спорю; есть еще такія, много. Самоотреченіе, самопожертвованіе, самосожиганіе...

— Ка̀къ, самосожиганіе? съ безпокойствомъ спросила почтенная дама.—Не было слышно... Конечно, сектанты очень упорны... начала она Горѣшеву.

— Очень упорны, отвѣчала ей m-me Муновская.—Это—женщины, которыя жгутъ свое сердце на медленномъ огнѣ, а свою жизнь—въ оба конца, въ угоду какому-нибудь идолу долга, жалости, любви, все равно. Меньше ихъ, конечно, чѣмъ бывало, но все еще есть!

— И вы, вѣроятно, знавали? спросилъ Выхинъ.

— Еще бы. Кого я не знавала! отвѣчала она небрежно, принимаясь опять за корзину съ десертомъ.

— Конечно, въ огромномъ кругу вашего знакомства...

— Вообще, въ моей дѣятельности; поневолѣ со всякимъ сталкиваешься.

— А любопытно это!

— Дà... Только, знаете, вотъ чтò, продолжала она, садясь покойно, разстилая салфетку на колѣняхъ и ставя на нее блюдечко съ фруктами.—Бываютъ, конечно, самоотреченія отъ полноты души—ну, безпомощно глупыя! но такія рѣдки. У большей части жертвъ подъ разными тонкостями прячется такой несокрушимо-здоровый эгоизмъ, или такой мизерабельный разсчетъ, или такой уморительный ложный стыдъ... Не пожелаешь быть на мѣстѣ идола!

— Напримѣръ? Вы столькихъ знаете!

— Дà; напримѣръ, у меня въ Петербургѣ нѣкоторое время была на рукахъ одна госпожа...

Горѣшевъ всталъ, сдѣлавъ знакъ женѣ; она поднялась и торопливо прощалась. M-me Муновская притянула поцѣловать ее.

— Pardon, не могу встать... Приходите же завтра читать Шекспира! закричала она ей вслѣдъ и засмѣялась.

— Такъ эта госпожа? сказалъ Выхинъ.—Вы начали: одна госпожа...

— Васъ заинтересовало? Была!

— Дама?

— Старая дѣвица. Ходила ко мнѣ, къ нашимъ, все искала работы; давали ей чтò случалось — на всѣхъ не наготовишься, а ей было нужно много. Чтò такое ея прошлое—это Богъ ее знаетъ; а тутъ, въ Петербургѣ, она посвящала свои дни прехорошенькому юношѣ, котораго воспитывала, развивала, опекала...

— И любила?

— Вы этого ждали? Любила, любила. Вся сила въ томъ. И, вслѣдствіе этого—всѣ старанія, всѣ угожденія и попеченія...

— Для чего же?

— Ахъ, ей — сорокъ, ему — двадцать! чѣмъ же связать глупость, которая расползается врозь? Всѣ на свѣтѣ уловки, до послѣдняго забвенія своего достоинства, чтобъ поддержать пылъ

страсти. Въ сорокъ лѣтъ страсть—знаете что̀ такое! А эта еще особенная: родительски-рабски-стародѣвическая. И поитъ, и кормитъ, и учитъ, и расхваливаетъ: «ты геній, ты умница и не смѣй на женщинъ смотрѣть!»

— Позвольте, позвольте, прервалъ восхищенный Выхинъ: — если только это не очаровательная игра вашей фантазіи...

— Изъ-за чего-жь мнѣ фантазировать? отвѣчала, хохоча, m-me Муновская:—истинно такъ было!

— Но позвольте! вѣдь это ужь деспотизмъ! Вѣдь тутъ, такъ сказать, роли мѣняются...

— Ну, да̀! такъ что бѣдному художнику приходилось пищать: «я юноша, слѣдовательно, страдаю!»

— Художнику? повторилъ Выхинъ...

Кажется, я повторилъ за нимъ это слово; я невольно всталъ. Разсказщица хохотала, старая барыня хохотала; Выхинъ вертѣлся; у меня въ глазахъ замутилось.

— Художникъ? кричалъ онъ:—нѣтъ, сдѣлайте милость, скажите кто? Эта госпожа? Вѣдь не секретъ?

— Нисколько, отвѣчала она:—что̀ за секретъ! ее очень многіе видали: нѣкая Вѣра Михайловна Алетьева.

Я подошелъ къ ней.

— Я знаю Вѣру Михайловну; но вы, кажется, не знаете ни ея положенія, ни ея несчастія.

Она посмотрѣла на меня—безъ удивленія, что, наконецъ, заговорилъ человѣкъ, молчавшій весь вечеръ—но перестала смѣяться и отвѣчала равнодушно:

— Я не посѣщала госпожу Алетьеву, чтобъ не быть... лишней; но эти положенія очень извѣстны, хотя бы по литературнымъ очеркамъ; и за *несчастье*... этого господина, она, конечно, благодаритъ Бога: теперь ей поневолѣ не измѣнять!..

— Позвольте, прервалъ я:—надо не одинъ разъ подумать, чтобъ сказать подобныя вещи...

Сто̀ило ли говорить съ нею? тратить душу на толки съ барыней, устроительницей благотворительныхъ потѣхъ, именно вслѣдствіе этого непризнающей ничего, что̀ не входитъ въ разряды и графы ея отчетовъ, что̀ не благоговѣетъ, не кланяется передъ нею? Какъ будто я не зналъ, что эти особы, такія заботливыя, разборчивыя, деликатныя, всѣ на идеалахъ, на достоинствѣ—ничего не понимаютъ, даже собственныхъ фразъ, не задумаются оскорбить, не спохватятся, что оскорбили, не предположатъ,

чтобы могло быть понято оскорбленіе? Онѣ однѣ все постигли; однѣ онѣ въ правѣ судить и осуждать... Какъ будто я не зналъ, что ихъ убѣждать—трудъ напрасный? Зачѣмъ же я вступался? Зачѣмъ я далъ разбирать... терзать то, что̀ мнѣ дорого?..

Это было въ мою послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, въ прошломъ году.

Былъ вечеръ, ужь темно. Идти мнѣ никуда не хотѣлось, но въ эту пору бо̀льшая часть моихъ знакомыхъ расходилась по театрамъ. Кругомъ, въ гостинницѣ, все притихло; въ моей комнатѣ топилась печь. Я что̀-то читалъ и думалъ, что такъ и кончу свой вечеръ, когда въ корридорѣ услышалъ свое имя. Меня спрашивали; затѣмъ, ко мнѣ постучали.

Я отворилъ и свѣтилъ. Вошла женщина въ черной суконной шубкѣ, закутанная чернымъ башлыкомъ.

— Не узнаёте?

Я бросился цѣловать ея руки:—Вѣра Михайловна!

Мы знали другъ друга еще когда были молоды. Она жила съ отцомъ и матерью въ далекомъ губернскомъ городѣ, гдѣ я прожилъ тоже много лѣтъ, а потомъ много разъ пріѣзжалъ нарочно, только для того, чтобъ провести нѣсколько дней въ этой родной, честной семьѣ. Они были очень небогаты. Отецъ служилъ весь вѣкъ, не наживаясь; но ни онъ, ни жена, ни дочь не заботились о завтрашнемъ днѣ, всегда готовые на всякій тяжелый день. Но жилось изящно... именно, изящно: иначе этого не назовешь. Хозяйство велось, конечно, съ трудомъ, но ка̀къ-то невидимо, а между тѣмъ, безъ стараній что-нибудь скрыть, безъ смѣшныхъ претензій. Въ домъ не входили губернскія сплетни, чиновничьи интриги, пошлости, дурные люди. Знакомыхъ у Алетьевыхъ было довольно и очень разнообразныхъ; но, приходя къ нимъ, всѣ ка̀къ-то невольно принимали складъ хозяевъ: говорили откровеннѣе, смѣялись веселѣе, держались проще, чувствовали себя свободнѣе. Не знаю, какъ это дѣлалось. Мнѣ многіе повторяли, что только у Алетьевыхъ можно «отвести душу». Тамъ много читали; для книгъ забывалось необходимое. Алетьевъ былъ человѣкъ образованный, загнанный несчастьемъ... Мое лучшее время прошло у нихъ.

Я не помнилъ себя отъ радости, увидя ее. Мы не видались четыре года. Тогда она извѣстила меня, что умеръ ея отецъ, и я пріѣзжалъ навѣстить ее и мать. Потомъ, судьба забросила меня очень далеко, и не было ни времени, ни возможности выр-

ваться къ нимъ; мы переписывались. Вдругъ, два года назадъ, Вѣра написала мнѣ, что ея мать умерла внезапно и что она уѣзжаетъ жить къ своей сестрѣ.

У нея была сестра, старше ея годомъ. Говорили, что ее, «за красоту», родственники схлопатали помѣстить въ институтъ. Вѣра считалась дурнашкой и потому осталась дома. Сестра изъ института тотчасъ вышла замужъ за очень богатаго человѣка. Я только разъ ее видѣлъ: мы кàкъ-то съѣхались вмѣстѣ къ Алетьевымъ, и въ этотъ единственный разъ мнѣ не было такъ хорошо у нихъ, какъ бывало всегда. Всѣмъ было кàкъ-то скучно и скучнѣе всѣхъ—гостьѣ, которая этого не скрывала, но, по обязанности, доживала весь срокъ своего посѣщенія, какъ назначила. Родные—я это знаю—ее любили; можетъ быть, и она ихъ любила; но ихъ складъ, образъ мыслей, понятія, до мелочей, до вкусовъ и привычекъ—все было разное. Простота этого оригинальнаго житья коробила молодую женщину, красивую, нарядную съ утра; разговоры безъ новостей ея не занимали, работать она не умѣла, читать не любила. Она не въ шутку удивлялась и негодовала, что Вѣра не замужемъ. Разъ, оставаясь одна со мной, она сказала, нисколько не изъ довѣрія, а совершенно равнодушно, какъ самую обыкновенную вещь, что предвидѣла и для себя такую домашнюю скуку, и потому постаралась скорѣе найти мужа.

— Богъ меня вразумилъ, заключила она серьёзно...

Вѣра уѣзжала къ ней... Ея письмо было безумное, въ нѣсколько строкъ. Она боготворила мать; она должна была потеряться. Свой адресъ она забыла дать. Я слышалъ, но уже давно, что ея сестра овдовѣла, что мужъ передалъ ей все свое состояніе, что изъ деревни, гдѣ они жили до тѣхъ поръ, она переселилась въ городъ, но какой? я не помнилъ. Она, кажется, переселялась еще разъ. Я никогда не спрашивалъ о ней Вѣру, совершенно забывая ее, какъ постороннюю. Только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ множества справокъ, я добился узнать гдѣ Вѣра и написалъ ей. Она не отвѣчала. Я писалъ десятокъ разъ, покуда, наконецъ, мнѣ было возвращено мое письмо въ конвертѣ, надписанномъ незнакомой рукою, но распечатанное, измятое, очевидно, прочитанное.

Куда она пропала?

И вотъ она тутъ, все та же, все прежняя—мы рука въ руку, она смотритъ своимъ чудеснымъ, безконечнымъ взглядомъ... Да есть-ли чтò лучше свиданія, несказаннаго блаженства, когда отдаешь все разомъ, и прошлое и настоящее, и все забыто, и все памятно, и все радостно, и всего жаль...

— Вы здѣсь! повторялъ я.

— Другой годъ здѣсь.

— Я вамъ другой годъ пишу, вы не отвѣчаете.

— *Туда* писали?.. Не знаю. Все равно... Да̀, я вамъ не писала. Ну, вотъ—все равно...

— Ка̀къ вы меня нашли?

— Нечаянно. Была у одного господина (она назвала); вы незнакомы, но онъ васъ знаетъ: гдѣ-то встрѣтилъ. Онъ помянулъ ка̀къ-то, что вы здѣсь...

— Зачѣмъ вы у него были?

— А что̀?

— Пустѣйшій человѣкъ.

— Это я знаю. Но онъ переводитъ съ англійскаго одно богословское сочиненіе, утомляется отъ писанія и потому диктуетъ; я хожу къ нему писать... Однако, куда бы вы ни сбирались, оставайтесь дома; я пришла надолго.

Она сѣла, сбрасывая свой башлыкъ. Я смотрѣлъ на нее; ея черные волосы свѣтились сталью; глаза выгорѣли отъ работы или отъ слезъ; въ выраженіи лица была какая-то горькая отвага. Мнѣ хотѣлось спросить... я не зналъ что̀. Мнѣ показалось обидно, что она приказывала мнѣ остаться дома: какъ будто отъ нея я могъ подумать куда-нибудь уйти! Мы молчали. Она опять встала, подошла къ огню и грѣлась.

— Вотъ, я и сейчасъ отъ него. Съ утра. Это умора. Правда, пустѣйшій и еще съ претензіями. Расхаживаетъ по кабинету, въ долгополомъ бархатѣ; въ одной рукѣ книга, другою размахиваетъ, декламируетъ свой переводъ, и что̀ только это выходитъ! Иногда, просто убоясь Бога, схватишь какъ-нибудь фразу и пишешь свое, а онъ и не замѣчаетъ.

Она смѣялась. Я не отвѣчалъ; мнѣ становилось все тяжелѣе. Мы занимались постороннимъ, пустымъ... пожалуй, будто продолжали разговоръ, начатый вчера—значитъ, будто не разставались... Но это хорошо для людей счастливыхъ!..

— Ну его, сказалъ я.

— Я бы сама тоже сказала, да онъ мнѣ нуженъ. Я беру цѣну высокую: два рубля съ печатнаго листа... оригинала, прибавила она, смѣясь.—Переводъ, предчувствую, никогда свѣта не увидитъ, такъ я, условливаясь, приняла свои мѣры... Да не знаете-ли гдѣ еще поискать работы? Мнѣ нужно. Какую хотите: переписка, корректуры, компиляціи, переводы съ разныхъ языковъ, что̀ хотите, хоть рубашки штопать—возьму все.

— Милая... сказалъ я, подойдя къ ней.

— Ну, что̀?

Она обняла мою голову, поцѣловала и заплакала.

— Прошли наши красные дни... выговорила она.—Ну, будеть, будеть, довольно... А впрочемъ, дайте наплакаться. Два года было не съ кѣмъ... Слушай, вскричала она, вдругъ отклоняясь и глядя мнѣ въ глаза:—слушай! Тотъ-ли ты, что̀ прежде, когда моя мать называла тебя сыномъ? Такъ ли ты любишь меня, ка̀къ любилъ? Не оттолкнешь? Не прогонишь? Я ужь не ждала... не ждала, что когда-нибудь въ жизни доведется мнѣ, вотъ такъ, по человѣчески...

Прошлая молодость, прошлые лучшіе годы, все, что̀ цвѣло и радовало, все дорогое, что̀ покинуло такъ безжалостно, что̀ отнято такъ больно, всѣ забывшіе и не забытые, близкіе въ ихъ счастьи для насъ непонятномъ, далекіе за туманами могильнаго сна—все промелькнуло для насъ въ эти минуты. Мы были одиноки, одни... Такъ стоятъ люди надъ обваломъ на уцѣлѣвшей полоскѣ земли, глядятъ внизъ на то, что̀ тамъ пропало, ждутъ, что обвалится и подъ ними—и ждутъ уже безъ страха...

— Говори мнѣ *ты*, сказала она.—Помнишь, какъ бывало *тогда*, въ шутку. Теперь не въ шутку. Я два года ни отъ кого *ты* не слышу. Ты знаешь, я живу не одна?

— Не знаю.

— Художникъ Карцовъ. Слыхалъ?

— Нѣтъ.

— Немудрено, что не слыхалъ: не знаменитъ. Но талантъ большой... былъ.

— А теперь?

— Теперь?.. Теперь...

Она махнула рукой, прошлась, воротилась къ столу, взяла папироску и вдругъ будто рѣшилась.

— Вотъ что̀. Дай мнѣ кусокъ хлѣба. Я не обѣдала.

Мы просидѣли поздно. Послѣ первыхъ движеній, первыхъ словъ сгоряча, ея усталость становилась замѣтнѣе. Она отдыхала; я былъ счастливъ, что она отдыхаетъ. Еще замѣтнѣе было, что она давала себѣ волю, сбрасывала, будто тяжесть, свою притворную бодрость; почти непріятной рѣзкости первыхъ минутъ не оставалось и слѣда. Она ка̀къ-то затихла, успокоиваясь, раздумываясь, оглянулась на мой взглядъ и ласково засмѣялась.

— Охъ, хорошо, вотъ та̀къ, гостьей, когда хозяинъ радъ, сказала она, прижимаясь плотнѣй въ уголокъ дивана.—Забалуешься тутъ. Я, пожалуй, засну, не уйду.

— Не уходи, сказалъ я.

— Да̀, какъ же? А завтра что̀? Забалуешься. Нельзя. Негодятся такія поблажки.

— Велика-ли поблажка!

— Очень. Мнѣ теперь всячески хорошо—душевно и физически; и *что̀* тамъ, за мною—я желаю не думать. А колесо стоитъ и дожидается, и завтра опять меня смелетъ. Только покажется больнѣе... Ка̀къ я спать хочу!.. Нѣтъ, разлакомиться очень легко и лучше не начинать. Лучше привыкнуть къ тому, что̀ есть. Знаешь? будто облежаться на узкой, жесткой постели... Бѣдняки привыкаютъ.

— Ты не можешь привыкнуть.

— Къ бѣдности? Привыкла... Но къ бѣдности нравственной, правда твоя—не могу.

Она помолчала и раздумалась.

— Глупо это, заговорила она опять, и ея лицо освѣтилось прежней милой насмѣшкой.—Глупо тѣмъ, что гордость тутъ громадная. Да̀, не могу привыкнуть ни къ какой нравственной бѣдности: ни къ пошлости, ни къ скаредности, ни къ мелочамъ, къ необразованности, къ подниманью носа. Испытывала себя, принуждала—нѣтъ! Изволите видѣть—аристократія понятій! И отъ нея—себѣ же хуже. Смѣшно!.. Знаешь сказку: дворянка лежала на печи; зашла къ ней свинья, избу растворила:—«А я рода своего не покорю, за свиньей дверей не затворю». Не слѣзла и на печи замерзла. И я мерзну. Смѣяться чепухѣ не могу, безграмотно жить не могу, разсчетовъ не понимаю. Я родилась и вѣкъ жила бѣдно; у насъ разсчитывали и сберегали—подарить прислугѣ за ея трудъ, помочь человѣку въ нуждѣ. А тутъ... да новый міръ какой-то! Счетъ всякой щепотки, все «въ прокъ», все «въ домъ». Вообрази мое аристократическое удивленіе! И тутъ же, но я въ толкъ взять не могла!—*невозможно*, (пойми: невозможно, какъ невозможно не дышать!) не имѣть трехъ шубъ—суконной, шелковой и бархатной, на дорогу, на всякій день и въ парадъ. Ѣсть-ли горничная и на чемъ она спитъ—все равно; но она должна (на свой счетъ, разумѣется!) одѣваться по модѣ, потому что живетъ въ «приличномъ» домѣ... Что̀ такое приличный домъ? Я не знаю; я узнала, что мой отецъ и мать жили неприлично.

— Ка̀къ ты рѣшилась туда поѣхать? И прожила такъ долго?

— Слишкомъ годъ... Ка̀къ рѣшилась? Ка̀къ же я могла не рѣшиться? Я осталась одна, вдругъ одна. Я не могу быть одна. Не умѣю. Страшно; цѣли нѣтъ, резона нѣтъ существовать. Ка̀къ это—думать только о себѣ, безпокоиться только за себя?

Стоитъ ли хлопотать! Какими приманками, какими увеселеніями развлекать свою особу, чтобъ эта особа забыла все... все и всѣхъ! и пожелала бы чего-нибудь? самой изъ себя дѣлать третье лицо, возбуждать его къ жизни и о немъ заботиться... Богъ знаетъ чтò!.. Говорить себѣ: «я свободна?» Но я всегда была во всемъ свободна! Я не чуждалась постороннихъ, но мнѣ нужны близкіе, самые близкіе. Я тебѣ говорю, я теряюсь одна. Kàкъ ни отъ кого не слышать простого, ласковаго слова, совѣта въ чемъ-нибудь житейскомъ, общемъ, простого толка о бездѣлицахъ! Бездѣлицы связываютъ... Ты знаешь самъ, кàкъ необходимо высказывать свое чувство, узнавать чувство другого, размѣниваться, провѣрять себя, говорить свою мысль... но чтобъ на нее отзывались! И не просто, вскользь, изъ учтивости—изъ учтивости интересуются и чужіе!—но чтобы моя мысль стала *своей* тому человѣку, чтобъ онъ ею подорожилъ, чтобъ онъ самъ о ней наединѣ подумалъ...

— И ты ждала этого... тамъ?

— Другъ мой, вѣдь не всѣ люди дурны! Чтò за безумная гордость считать правыми, лучшими—только себя?.. Умерла мать—мнѣ ужъ было такъ тяжко... такъ тяжко, что всякій, кто только протягивалъ мнѣ руку—право, не знаю—онъ мнѣ ангеломъ казался!.. А она, сестра... Я понадѣялась... нѣтъ, много сказать «понадѣялась!»—Ну, почудилось мнѣ: авось...

Она опустила голову и заплакала.

— Потомъ, вотъ чтò. У сестры двѣ дочери, пятнадцати, четырнадцати лѣтъ. Я подумала, что могу быть имъ нужна... О, пойми это! Человѣку ничего ненужно, когда онъ одинъ и самъ никому ненуженъ. Связываетъ съ людьми не то, чтò они дѣлаютъ для насъ, а то, чтò мы дѣлаемъ для нихъ. Гордость это, эгоизмъ—называй какъ хочешь! но нѣтъ ничего отраднѣе, какъ когда позовутъ: «Поди ко мнѣ!» Значитъ, въ глазахъ того, кто позвалъ, я еще гожусь на что-нибудь, я не надоѣла, не противна, не ничтожна...

— Тебя позвали?

— Нѣтъ... Мнѣ предложили.

— И ты поѣхала?

— Поѣхала, потому что тосковала до смерти. Я была одна... ужасно это, въ самомъ дѣлѣ: люди воображаютъ, что роскошью, прихотливыми вещами можно во всемъ утѣшить... или это у нихъ выставка великодушія? Или, просто, такъ, хвастовство своимъ богатствомъ?.. Мнѣ дали комнату, нарядную, какъ я никогда не живала... Помнишь прелестный жасминъ матери? я взяла его съ собою, погибъ—тѣмъ лучше... Ну, годъ цѣлый никто не пере-

ступилъ порога этой комнаты, никто ни разу не отворилъ двери и не сказалъ: «Поди ко мнѣ!» За чѣмъ-нибудь, понимаешь, за чѣмъ-нибудь, за пустяками! Сказать шутку, какія говорятся въ семьяхъ; показать что-нибудь—бездѣлку, нарядъ, покупку изъ лавки; взять меня въ товарищи не занятія, не дѣла, даже не удовольствія, а такъ, какого-нибудь вздора, какой-нибудь затѣи! Просто, вспомнить, что подъ этой кровлей живетъ еще одинъ человѣкъ... Ненужна, стало быть, такъ и слѣдуетъ... Я нетерпѣлива. Бывало, стоскуюсь, пойду искать—чего? сама незнаю, человѣческаго голоса. Пойду къ *нимъ*, къ семьѣ. Не помѣшала, а не надо меня. Меня всякій разъ, непремѣнно всякій разъ, оглянутъ и спросятъ: «Что̀ вамъ угодно?» Вопросъ простой, вскользь, учтивый, но онъ всякій разъ срѣжетъ. Что̀ мнѣ угодно? Ничего. Въ самомъ дѣлѣ: есть комната, столъ, прислуга—чего-жь мнѣ еще? Развѣ пожаловаться? но не на что̀, и нѣтъ права, еслибъ и было на что̀: я жила не даромъ (у меня отцовская пенсія, мнѣ уступлено все наслѣдство, какое оно ни было) но за то, что̀ я платила, я не могла бы имѣть того, что̀ получала: это было ясно, это я поняла бы и сама, еслибы мнѣ даже и не объясняли... о, гадость какая!

— Полно, прошло, прервалъ я, взявъ ея руки.—Что̀ же ты дѣлала цѣлые дни одна?

— А не помню... отвѣчала она, встряхнувъ головой.—Шила, читала—старое. Я не разсталась съ своимъ добромъ, съ книгами, уложила ихъ въ ящики и взяла съ собою. Та̀къ эти ящики и стояли заколоченные у меня въ комнатѣ, неудобно, неуютно. Выну одну книгу, выну другую. Читать и молчать—въ головѣ мутилось. Я предлагала заниматься съ племянницами; онѣ ходили въ гимназію; сестра сказала, что довольно и этого.

— Онѣ тебя полюбили?

— Странно, отвѣчала она, помолчавъ.—Обѣ прехорошенькія дѣвочки. Я такъ люблю молодую красоту! Живыя, веселыя. Бывало, смотришь на нихъ—ка̀къ то на сердцѣ свѣтлѣе. Но странно. Меньшая меня точно боялась; если мы остаемся въ комнатѣ съ ней вдвоемъ, она не говоритъ ни слова, даже ка̀къ-то притихнетъ—будто нѣтъ ея. Только разъ—это мнѣ очень памятно: единственная, по человѣчески прожитая минута въ цѣлый годъ!—Она торопилась съ какой-то работой; я, за ночь, ей дошила; она увидѣла по-утру:—«Ахъ, тётя!» бросилась мнѣ на шею, разцѣловала и убѣжала. Но съ тѣхъ поръ—еще хуже: она стала меня избѣгать, не взглядывала прямо, отворачивалась. Она чувствовала и видѣла, что мнѣ тяжело живется; за другихъ

ей было совѣстно, передо мной она робѣла. Знаешь, горе пугаетъ дѣтей.

— Но сама-то ты—не пугала? Это была, просто, низость: видитъ дѣвчонка, что старшіе не благоволятъ, и она туда же...

— О, не говори этого! прервала она.

— А другая?

— Другая... Мучительно все это и смѣшно. Другая съ перваго дня приняла со мной какой-то развязный тонъ. Очень разговорчива, но самыхъ простыхъ вещей не говорила просто: все подшучиванье, ломанье; то фразы высокимъ слогомъ, то прибаутки, то стишки, цитаты изъ книгъ, изъ комедій. Ловко выходило; другимъ нравилось. Все въ шутку, даже «здравствуй» и «прощай». Какъ ты знаешь, я терпѣть не могу шутовства.

— Ты это высказала?

— Нѣтъ, отвѣчала она отрывисто.—Я пріучилась терпѣть.

Она замолчала, опустила голову и чертила пальцемъ по столу, казалось, ничего не видя.

— Скажи мнѣ только одно: легче-ли теперь?

Она оглянулась; ея глаза блеснули и остановились на мнѣ пристально.

— Чтò у тебя на умѣ?

— То, чтò я спросилъ: легче-ли тебѣ?

— Только?.. А кàкъ ты полагаешь?

— Что тебѣ не легче.

— Почему ты такъ полагаешь?

— Потому что ты подумала, будто я неискрененъ. Ты вѣдь сейчасъ это подумала? Кто сомнѣвается...

— Ну, молчи, прервала она.—Ты отгадалъ.

Она встала и начала ходить такъ скоро, какъ позволяла маленькая комната; она даже оглядывала ее, будто отыскивая, чѣмъ разсѣяться, и вдругъ нетерпѣливо воротилась ко мнѣ.

— Кàкъ я ушла съ Карцовымъ и чтò происходитъ теперь—объ этомъ еще рѣчь впереди, заговорила она.—Надо прежде понять, каково было *тамъ*. Одиночество, рознь склада... рознь всего!.. мелкое предательство, вышучиванье—все еще выносилось. Я чертовски гордо говорила: они сами по себѣ, я сама по себѣ; они не люди, я человѣкъ... Но я спохватилась, что сама дѣлаюсь не человѣкомъ. Пошлость—болото, втягиваетъ. Ничего толковаго не слышишь—начинаешь слушать бестолковое. Подмѣчаешь дрязги и строишь изъ нихъ заключенія... и логичныя! кàкъ-же! Привыкла къ анализу: матеріалъ для него—чепуха, но когда нѣтъ другого?.. И привыкаешь къ мелочи, къ ежедневнымъ хлопотамъ, къ городскимъ новостямъ, а общіе, всякіе...

ну, назовемъ разомъ!—міровые интересы отходятъ все дальше, дальше; о нихъ кругомъ никто не поминаетъ; о нихъ думать некогда: житейское одолѣло; они сливаются въ какой-то туманъ, томятъ—точно сонъ, который хочешь и не можешь припомнить. Жалость беретъ, стыдъ, раскаяніе—и ничего не воротишь! Что̀ дѣлается тамъ, въ свѣтѣ, въ *настоящемъ* свѣтѣ, въ *настоящей* жизни, гдѣ знаніе, искуства, идеи, убѣжденія, борьба—это все неизвѣстно, все скрыто, все исчезло, этого даже назвать не умѣешь. Разучиваешься говорить... да̀, да̀, разучиваешься! Смѣшно! Вѣдь я когда-то судила обо всемъ, имѣла мнѣнія, выражала ихъ—говорила, даже недурно... вдругъ: словъ нѣтъ! слова̀ пропали! Нужно ка̀къ-нибудь написать пять строкъ—не могу, не свяжу, затрудняюсь объяснить самыя обыкновенныя вещи; голова сжата, мученіе физическое... Страхъ—вѣдь это, можетъ быть, помѣшательство? Долго ли помѣшаться?.. Боже избави!

Она вздрогнула и отошла.

— И жалость, жалость, заговорила она будто съ собою:—жалость о себѣ: вѣдь была что-нибудь! Замирать, гаснуть... Огонь разметали и насильно затоптали ногами... Когда это созналось въ первый разъ, первое ощущеніе... Нечаянно попалась газета; прочла о какой-то выставкѣ; вспомнилось, что когда-то все это было не чуждо... О, никакими словами не разскажешь!

Она заломила руки.

— Чего-жь ты ждала? прервалъ я:—ты была свободна...

— Я *одна*! вскричала она:—я тебѣ сказала, я не умѣю быть одна!

— Но развѣ не нашлось бы занятія, дѣятельности, гдѣ-бы тебя окружили...

— Школы, что̀-ли? Да развѣ я когда-нибудь фразировала? Видала я ихъ: чиновничество на медовой подмазкѣ! Развѣ можно на заказъ, для развлеченія, любить и заботиться? Подай мнѣ истинную заботу, сознательную обязанность... Вотъ я и ушла съ Карцовымъ.

— Обязанность... повторилъ я.

— А ты думалъ—любовь? спросила она со злостью.—Въ тридцать пять лѣтъ—влюбиться? Похоже это на меня!.. Будетъ; одинъ разъ любила...

Она отошла, долго молчала и вдругъ засмѣялась.

— О смѣшные люди, какіе смѣшные люди!.. И ты смѣшной. Есть вещи, которыхъ вы не можете понять никакъ; въ мозгу у васъ не помѣщаются. Женщина съ сѣдой головой и молодой человѣкъ... Да̀, кстати еще: Карцовъ красавецъ—и у васъ сей

часъ создаются фантасмагоріи. А какъ нѣтъ-то ничего? Ничего, кромѣ заботы и тяжкой обязанности?

— Тяжкой? Ты говоришь...

— Да... Оказалась тяжела.

Она все расхаживала.

— Карцовъ слѣпнетъ, сказала она изъ угла комнаты.—Вотъ вамъ и талантъ, и надежды, и будущность, и молодость, и красота. Онъ теперь въ нѣсколькихъ шагахъ едва видитъ, а тамъ— и совсѣмъ конецъ.

— Какъ это случилось?

— Случилось!!.. Богъ знаетъ какъ. Доктора объясняютъ. Полгода назадъ это началось. Онъ не обращалъ вниманія, работалъ два мѣсяца, еще какъ работалъ. Теперь все хуже и будетъ еще хуже, до конца.

— И онъ это знаетъ?

— Нѣтъ, и никогда не узнаетъ. Онъ ждетъ.

— Неужели никакого спасенія, никакой надежды?..

— Говорятъ: когда совершится совсѣмъ, тогда можно будетъ что-нибудь сдѣлать, и года въ два, можетъ быть, если удастся, онъ будетъ видѣть; но, разумѣется, при бережи, при предосторожностяхъ—ни работать, ни читать... ну, чулки вязать, не глядя...

— Вѣра, ты его не оставишь!

Она горько плакала.

— Спасибо, что это сказалъ, выговорила она:—умные люди велятъ мнѣ сунуть его въ больницу.

Я схватилъ и цѣловалъ ея руки.

— Христа ради, вскричала она: — достань мнѣ работы; что̀ только найдешь. У меня отцовская пенсія; еще было кое-что̀, жили, теперь не хватаетъ...

— Но какъ же, когда-нибудь этого хватало? Карцовъ зарабатывалъ?

— Мало. Онъ дѣлалъ только небольшія копіи... но, знаешь, на славу! прибавила она съ мгновенной вспышкой веселья.—Я не позволяла писать портретовъ, пустяковъ. Грѣшно на это губить такое дарованіе. Видишь что̀. Онъ крестьянскій сынъ. Изъ Перми, мальчишкой, пришелъ въ Петербургъ. Приступились къ нему, отдали его въ школу, потомъ въ академію; писалъ Геркулесовъ, почти кончалъ курсъ, не поладилъ и вышелъ— въ пространство. Гдѣ, какъ скитался?—все равно. Церковный староста прихода моей сестры нашелъ его въ Москвѣ и привезъ иконостасъ писать. Тамъ я его увидѣла и привела къ себѣ. Прелестный талантъ, свѣжесть, воображеніе, такое честное

*

стремленіе образоваться... по «самоучителю» вызубрилъ французскій и нѣмецкій! читалъ—что только могъ и сколько читалъ! И бѣдность проклятая... Развѣ возможно не постараться устроить такому человѣку дорогу, не поберечь его, не дать ему войти въ силу? Да я ожила, какъ его узнала! «Всякій вечеръ, говорю, какъ изъ-за работы, приходите ко мнѣ...» Надо мной смѣялись, меня оскорбляли. Онъ кончилъ свои образа—я съ нимъ уѣхала.

Она вся оживилась, разсказывая.

— Славно было! Ящики мои всѣ съ нами покатили... Тутъ я поняла, ка̀къ отряхаютъ прахъ ногъ своихъ; но такъ мнѣ было легко, хорошо, что я все простила. Меня кляли. Я узнала—сестра объявляла всѣмъ, что я умерла... Та̀къ, совсѣмъ умерла, похоронили! Представь себѣ потѣху: барыня, которой это было сказано, встрѣтила меня здѣсь на улицѣ и шарахнулась... О, чудесное это было время—нашъ отъѣздъ, наше устройство, чудесное! Я завела порядокъ... Меня одолѣлъ цѣлый годъ возни передъ глазами: сегодня—гости, завтра—въ гости, занятія черезъ пятое-десятое, бѣготня по дому изъ угла въ уголъ: я, бывало, устаю, глядя, не двигаясь съ мѣста... Тутъ у насъ другое пошло. Онъ ходилъ въ музеи изучать, копировать съ мастеровъ; я нашла себѣ уроки. Къ позднему обѣду сойдемся — и за свое дѣло: онъ чертитъ, я читаю вслухъ. Зайдетъ кто-нибудь, порядочный человѣкъ... я опять выучилась сближаться съ людьми: ка̀къ-то разомъ это ко мнѣ воротилось. Онъ такъ веселъ былъ; все ладилось. Это было той осенью, вотъ пошелъ другой годъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ ходили слушать лекціи. Въ оперѣ были два раза. Это онъ сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ, взялъ билеты: заработалъ, написалъ маленькій жанрикъ потихоньку отъ меня, въ мастерской у знакомаго. Изъ крестьянскаго быта, хорошенькій; но я была недовольна. Зачѣмъ работать на скорую руку, что̀ попало, безъ мысли—благо легко дается? забаловаться можно. Онъ признался, что правда, что тянетъ легкая удача, искушаетъ, но что онъ самъ видитъ — та̀къ негодится... И что̀ же онъ сдѣлалъ!.. Вспомнить не могу! Представь себѣ... Выставка была годичная. Я пошла. Вижу — что̀ такое? рядъ женскихъ портретовъ, никакъ цѣлый пятокъ; бѣленькія, черненькія, румяненькія; цвѣтникъ настоящій; атласы, бантики — «Карцовъ!» и кругомъ толпятся и похваливаютъ!.. Я внѣ себя пришла домой, плакала. Боже мой, говорю, можно ли такъ тратиться, такъ себя губить! Портреты вѣдь это—заискиванье, поденщина, неволя...

— Онъ выслушалъ?

— Онъ вотъ что̀ сказалъ...

Она остановилась, растроганная.

— Я тебѣ все скажу, ты поймешь... Онъ взялъ меня за руку...—«Вотъ такъ, говоритъ, я могу не быть поденщикомъ; даю честное слово...»

Она не могла говорить отъ слезъ.

— Боже мой, ка̀къ онъ прелестно работалъ! ка̀къ онъ схватывалъ всякій оттѣнокъ идеи, всякую малѣйшую красоту! Какая память, какая жажда знанія, сила воли! Далъ честное слово—и вотъ ужь трудился!

— Онъ задумывалъ что̀-нибудь большое?

— Да̀... Наброски удивительные, и все еще на нихъ не останавливался, все еще мало... О, я, конечно, не торопила! Между дѣломъ: такъ, есть двѣ-три законченныя вещи, сокровища маленькія; онъ писалъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Ка̀къ мы бывали счастливы, когда у него шло успѣшно... «Бывали»... Господи Боже!

— Неужели нѣтъ надежды? неужели такъ и рѣшено?

— Я тебѣ сказала. Человѣкъ конченный. Надо только думать, чтобъ онъ не былъ заброшенъ, не видѣлъ нищеты... Пока я жива, этого не будетъ. Видишь ли, я ему обязана. Я осталась одна, обгорѣлое полѣно на пожарищѣ! я изнывала, онъ встрѣтился. Онъ мнѣ жизнь возвратилъ. Я люблю его не материнской любовью... матери няньчатся! я ему не сестра: сестры—рабы братьевъ. Я не жена, не любовница: онъ свободенъ. Я его уважаю. Онъ былъ мое утѣшеніе, моя надежда... Можетъ понадѣяться и на меня.

— Дай Богъ тебѣ силы.

— Да̀!.. отвѣчала она съ какой-то загадочной усмѣшкой и опять ушла ходить по комнатѣ.

Долго она не говорила ни слова, подходила и брала папироски, остановилась, къ чему-то машинально прислушалась, заглянула въ окно, оглядывалась на свою тѣнь. Она будто забыла обо мнѣ и забыла гдѣ была...

— Что̀-жь ты меня не спрашиваешь о своей догадкѣ? сказала она вдругъ громко.

Ея голосъ сорвался отъ дрожи.

— О какой догадкѣ?

— Забылъ?

Она смѣялась и прислонилась грѣться.

— Что тебѣ не легче? Но ты ужь сказала.

— Что у меня слѣпой на рукахъ и нужно работать? Это-то тяжесть?.. Нѣтъ, ты отгадывать не мастеръ. ..

— Чтò-жь еще можетъ быть? сказалъ я съ ужасомъ:—ты беззавѣтно жертвуешь собою...

— А то можетъ быть... прервала она рѣзко:—ну, прощай, не могу больше. Пора домой. Хочешь — проводи меня; кстати узнаешь, гдѣ я живу.

Она ужь накинула свою шубку. Ѣхали мы далеко, но она молчала во всю дорогу.

Чего еще она не досказала?..

Я пошелъ къ ней на другой день, вечеромъ. У меня сердце замирало. Мнѣ мучительно хотѣлось подробностей; мнѣ хотѣлось видѣть, кàкъ она похоронилась.

Она точно похоронилась... Улица глухая, особенно темная, послѣ яркой набережной; сугробы, будто въ уѣздномъ городѣ; на небѣ красное недалекое зарево изъ трубъ какихъ-то заводовъ. Домъ не высокій, внизу лавки. Я все это еще вчера видѣлъ. Все темно, кромѣ одного окна втораго этажа. Это ея окно, она вчера сказала. Я позвонилъ; мнѣ отворила женщина. Мнѣ все памятно: нахмуренное лицо этой женщины, темная прихожая съ полосой свѣта изъ отворенной двери.

Вѣра стояла у этой двери.

— А, вотъ кто! сказала она.

Мнѣ показалось—она меня ждала; она этого не сказала.

— Милости просимъ. Вы другъ друга ужь знаете, прибавила она, подводя меня къ молодому человѣку, который поднялся съ дивана въ углу комнаты, куда не достигалъ свѣтъ единственной свѣчи.

Я протянулъ ему руку; онъ, молча, подалъ свою, промѣшкавъ секунду, но замѣтно. Онъ точно былъ очень хорошъ собою; его глаза были особенно ярки; напряженные, безпокойные, они все чего-то искали и остановились на мнѣ насмѣшливо. Все это сдѣлалось въ секунду; меня обдало холодомъ, ужасно вспомнить: я понялъ, что меня — именно меня—тутъ не надо, и что Вѣра знала это заранѣе...

«Она тутъ душу положила»... подумалось мнѣ, между тѣмъ какъ я смотрѣлъ на нее и не узнавалъ. Она кàкъ-то оторопѣла, почти растерялась, будто спѣшила сѣсть куда-нибудь къ мѣсту, и позвала меня къ столу, гдѣ лежала оставленная книга. Карцовъ прохаживался.

— Морозъ сегодня больше вчерашняго, сказала она.

— Да, кажется.

— Хоть бы и не въ концѣ февраля. И нельзя поручиться, что завтра не будетъ дождя; на то Петербургъ... Гдѣ вы были сегодня?

— Весь день дома.

— За дѣломъ?

— Дà... кажется.

Неужели она хотѣла, чтобъ я разсказывалъ новости? Она кàкъ-то насильно улыбнулась.

— Не помните? стало быть, важныя дѣлà!.. Нѣтъ, я сегодня осталась безъ всякаго дѣла. Мой переводчикъ, (я говорила вамъ?) извѣстилъ меня письменно, что отказывается отъ дѣятельности (которой ему никто и не предлагалъ) и такъ убѣдился въ равнодушіи общества, что считаетъ излишнимъ... Кàкъ онъ выразился? спросила она Карцова.

— Чтò? сказалъ онъ, проходя мимо,

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, холодно, сказала она. — Я сейчасъ сдѣлаю чай.

Она вышла, приходила, опять уходила.

Карцовъ предложилъ курить. Приподнимая свѣчу, я немного освѣтилъ кругомъ. Картины, полотна, слѣпки, мольберъ, мастерская—какъ будто только по утру въ ней работали.

Карцовъ замѣтилъ, что я оглянулся.

— Вѣрѣ Михайловкѣ было угодно, чтобъ я загромоздилъ ея гостиную, сказалъ онъ.

Онъ заговорилъ, очевидно, только потому, что мы оставались вдвоемъ.

— Это лучше всякой гостиной, сказалъ я.

Онъ усмѣхнулся и помолчалъ, будто выжидая, какую пошлость я еще прибавлю.

— Вы долго еще пробудете въ Петербургѣ? спросилъ онъ.

— Кàкъ случится; не знаю.

— Дождитесь, скоро выставка. Вѣра Михайловна такая любительница искуства; вы, какъ она говорила, друзья съ дѣтства, сходитесь во вкусахъ: ей было бы пріятно посмотрѣть вмѣстѣ съ вами.

— Будетъ что-нибудь замѣчательное? спросилъ я.

— Все замѣчательне, судя по наградамъ: и медали, и званія академика, и профессуры.

— Чье-же и чтò?

— Не знаю. Я не видалъ. Я слышалъ.

— Но эти работы, вѣроятно, исполнялись давно?

— Дà, но чтобъ ихъ видѣть, надо бывать въ мастерскихъ.

— Развѣ художники запираются отъ собратовъ?

— Помилуйте, какой-же я собрать-художникъ? развѣ я имѣю право ломиться въ мастерскую? Туда приходятъ судить—а что же я смыслю?

— Позвольте не повѣрить, чтобъ вы говорили это искренно.

— Почему?

— Да вы-бы давно бросили работать, еслибы не сознавали себя художникомъ.

— А!.. Вѣра Михайловна вамъ говорила... сказалъ онъ, будто про себя.—Нѣтъ-съ; для того чтобы сознавать разныя свои великія призванія, нужны сужденія людей, а не домашній ѳиміамъ. Возмечтаешь себя Тиціаномъ, а глядишь—суздалецъ.

— Очень много людей со вкусомъ, знающихъ, видѣли ваши работы, возразила Вѣра, возвращаясь готовить чай:—право, мнѣнія тѣхъ, кто только гуляетъ по выставкамъ...

Онъ нетерпѣливо сбросилъ абажуръ, который она надѣла на свѣчку.

— Вѣдь вы сидете здѣсь... замѣтила она тихо.

Онъ, не слушая, обращался ко мнѣ.

— Я-же, кстати, ничего не дѣлаю—хорошъ художникъ!

— Можно и отдохнуть, сказалъ я:—зачѣмъ утомляться,

— Утомляться? Я никогда не утомляюсь, а расположеніе духа скверное, ничто не ладится.

— И лучше не ломать себя, не торопиться.

— Мнѣ не къ чему спѣшить, отвѣчалъ онъ рѣзко:—заказовъ не имѣю, не выставляю... Выставки вѣдь для гуляющей толпы. Только вотъ что: художникъ безъ этой толпы — не художникъ. Все обдумывать, да любоваться собою въ святилищѣ своей мастерской... На дняхъ, Вѣра Михайловна была такъ добра, прочла мнѣ сказку... Бальзака?

Онъ вопросительно обернулся къ ней.

— Да̀, Бальзака, о живописцѣ, который въ тиши уединенія додумался до чортиковъ и домалевалъ свой chef d'oeuvre до сплошнаго сѣраго пятна. Пожалуй, не сказка, а быль. Умъ за разумъ зайдетъ. Еще помѣшаться—перспектива прелестная.

Вѣра не шевельнулась; онъ взглянулъ на нее, его глаза сверкнули.

— Полноте, возразилъ я, стараясь засмѣяться:—тотъ, бальзаковскій, былъ не русскій человѣкъ, безъ энергіи—откровенно—безъ вашей силы воли...

— Вамъ отрекомендовали и мою силу воли? сказалъ онъ.—Это очень пріятно. Можно, значитъ, палецъ о палецъ не ударить и сдѣлаться знаменитымъ.

— Конечно, отвѣчалъ я весело:—и никому это такъ нелегко, какъ вамъ.

— Какимъ образомъ?

— Да выставить первое, что̀ у васъ найдется. Вѣдь, конечно, что-нибудь найдется?

Онъ не возразилъ и съ минуту задумался; его прекрасные глаза оставались спокойны, потупленные; онъ чуть-чуть улыбался.

— Конечно, найдется, сказала Вѣра.

Карцовъ поднялъ голову.

— Ничего нѣтъ, сказалъ онъ.

— Не можетъ быть! возразилъ я.

— У васъ прелестная конченная вещь, сказала Вѣра.

— Какая это?

— Сцена изъ «Гёца». Помните, обратилась она ко мнѣ:—молодежь льетъ пули въ залѣ осажденнаго за̀мка, и одинъ посылаетъ въ окно «горяченькую, съ сковородки». Небольшое, но ужъ такъ хорошо!...

— Можно видѣть? спросилъ я.

— О, если вамъ угодно! отвѣчалъ онъ, захохотавъ.—Съ большимъ удовольствіемъ!

Онъ бросился къ своимъ полотнамъ, споткнулся, откинулъ стулъ по дорогѣ, дернулъ мольберъ и поставилъ картину.

— Потрудитесь посвѣтить, Вѣра Михайловна... да нельзя ли зажечь еще что-нибудь? Такъ и зрячій ничего не увидитъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, вмигъ явился съ лампой и прибавилъ въ ней огня до послѣдней возможности.

— Товаръ лицомъ показываютъ, говорилъ онъ.—Вамъ нравится? Очень радъ. Я теперь убѣждаюсь самъ, что это—великое произведеніе: два мѣсяца назадъ, Вѣра Михайловна не находила его достойнымъ выставки. Видно, когда что̀ улежится, лучше выходитъ,

— Не я, а вы говорили, что еще нужно поработать, возразила Вѣра.

Картинка была—очарованіе: сила рисунка, историческая вѣрность подробностей, простота, жизнь... я не могъ отвести глазъ.

— Вамъ нравится? повторялъ Карцовъ. — Торжествую! Классическая вещь, первообразъ... Внесутъ въ мою біографію—не шутя, въ біографію, что вотъ эта бездѣлка подала мысль...

Вѣра была блѣдна, глядѣла на него и ждала.

— Изволите знать художника Грачева? спросилъ онъ меня.—Если не лично, то, безъ сомнѣнія, слыхали? Извѣстный портретистъ; его муфты—удивленіе! Онъ пожелалъ академика и получилъ, за «историческій жанръ»—вотъ-съ, за это самое.

— Ка́къ за это? вскричала Вѣра.

Карцовъ отвернулся къ ней спиною.

— Онъ, ка́къ-то, удостоилъ, сюда зашелъ. *Это* писалось. Не спѣша: нужно вѣдь еще сознать свое призваніе, да изучить, да пережить; я три недѣли высидѣлъ въ публичной библіотекѣ... ну, а мастеръ—ему дайте зародышъ идеи и готово!.. Увидите на выставкѣ.

— Не можетъ быть! вскричала Вѣра:—почему вы знаете?

— Я видѣлъ самъ, отвѣчалъ онъ ей, усмѣхаясь.—Вчера, какъ вы уходили, я вышелъ тоже, на Невскій. Грачевъ встрѣтился. Самъ повелъ посмотрѣть; съ *нея* фотографію снимаютъ; самъ разсказалъ, такъ обязательно. Смѣется.

— Но это Богъ знаетъ что̀! Это—кража! прервала Вѣра.

Карцовъ хохоталъ.

— Судить не смѣю!

— И тоже расположеніе, та же группировка?

— Почти то и не совсѣмъ то. Помилуйте—мастеръ! Полотно саженное. Колоритъ одинъ чего стоитъ: зарево, лунный свѣтъ, дѣва въ розовой кофтѣ... Ужъ запродалъ; въ Италію ѣдетъ. Газеты раскричатъ... «Вамъ все равно, говоритъ:—вы не кончите...»

— Это кончено! вскричала Вѣра: — выставьте, чтобы всѣ знали...

— Выставьте, повторилъ я.

— Чтобы что̀ знали? спросилъ онъ холодно, устремивъ на насъ свои напряженные глаза.—Что недоучка, безъименный, ничтожность лѣзетъ туда-же... Поздно!

Онъ сунулъ лампу на край подоконника. Вѣра ее подхватила.

— Вамъ угодно еще любоваться? спросилъ онъ меня.

Я не нашелъ сказать слова. Онъ равнодушно снялъ картину, перевернулъ ее къ стѣнѣ и возвратился къ чайному столу. Вѣра и я машинально отошли тоже и машинально сѣли на прежнія мѣста. Карцовъ, стоя, выпилъ, не отрываясь, свой стаканъ и опять принялся ходить по комнатѣ, молча. Молчанію, казалось, не будетъ конца.

— Послушайте, сказала Вѣра.

Онъ не остановился.

— Послушайте, Александръ Васильевичъ...

— А, вы мнѣ говорите? Что̀ прикажете?

— Почему вы не хотите выставить картины?

— Почему вы этого хотите?

— Я думаю, вы знаете, отвѣчала она. — Мнѣ обидно, мнѣ Богъ знаетъ ка́къ тяжело, что съ вами такъ поступили.

— Ничего-съ. Перенесемъ, отвѣчалъ онъ, отходя опять.

— Нѣтъ; этого перенести нельзя, возразила она горячо:—вмѣсто прекрасной вещи, не должно являться на свѣтъ безобразіе, нельзя допускать воровства...

— Это вы изъ любви къ красотѣ и истинѣ? Ну, тàкъ ужъ и быть, успокойтесь.

— Не могу, я бѣшусь! возразила она, смѣясь и блѣднѣя.—И когда это поправимо! Завтра отдавайте картину; о ней будетъ статья, и не одна...

— Къ чорту! вскричалъ онъ, толкнувшись о мольберъ.

— Чтò вы... вырвалось у нея.

— Ахъ, виноватъ, сказалъ онъ, вдругъ останавливаясь передъ нами.—Виноватъ, извините. Но, надѣюсь, искренніе старые друзья...

Онъ любезно обращался ко мнѣ.

— Заранѣе знакомы, предупреждены о моемъ характерѣ, о моемъ образованіи... Я надѣюсь на снисхожденіе...

— Не лучше ли, на участіе? прервалъ я. — Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не видите, кàкъ это тяжело и Вѣрѣ Михайловнѣ и мнѣ?

— Не вижу, отвѣчалъ онъ тихо, настойчиво и отчаянно, и продолжалъ, смѣясь: — но вполнѣ чувствую. Немножко бы поменьше участія—еще было бы лучше!

— Лучше?

— Дà! Когда ужъ очень много всего — участія, кротости, попеченій, великодушія—не знаешь, кàкъ ихъ и принимать. Чтò-жь дѣлать — бѣдная человѣческая натура! Завалятъ ее всякимъ добромъ, она и не выдерется, силенки не хватаетъ; легла тамъ и околѣла... Ну, а околѣвая, не благодарятъ!

Онъ быстро отошелъ, воротился; его огненный взглядъ встрѣтилъ лицо Вѣры.

— А вы объ этомъ еще никогда не подумали? никогда этого не разобрали? Дà, слишкомъ много, не вздохнешь! Чувствую, что вамъ тяжело! Чувствую, что я безконечно обязанъ! вѣдь еслибъ не вы, я, нищій, я бы расписывалъ потолки въ трактирахъ! Вѣдь вы это, конечно, ужъ разсказали—вотъ, все разсказали? И опять съ участіемъ? Чтò мнѣ въ немъ?

— Послушайте...

— Я цѣлый годъ слушалъ! Поздно! Чтò вы вздумали меня тѣшить? Поздно! Еслибъ не вы, давно бы у меня было имя—какое-нибудь, но было бы! Чего вы ждали? Чего вы отъ меня хотѣли, умничали?.. Дà, портреты, женскіе портреты очень васъ тревожили! Чтò-жь дѣлать—молодъ я! жить хотѣлось... Вы погубили мою молодость—ни себѣ, ни людямъ! Все погибло, ничего

не воротишь! Развѣ я не понимаю, развѣ я маленькій ребенокъ? Конечно, я ничего не кончу! конечно, я ничего не сдѣлаю...

Онъ не договорилъ, выбѣжалъ и захлопнулъ за собою дверь.

Мы оставались, не глядя другъ на друга.

— Сдѣлай милость, сказала она, поднявъ голову: — зайди завтра въ редакцію; я безъ работы... Я слышала тамъ что-то затѣвается...

— Вѣра, и ты еще можешь...

— Ему хуже, чѣмъ мнѣ, выговорила она и зажала лицо, заглушая рыданія...

В. Крестовскій.

Декабрь, 1876.

ВОЛЬНИЦА И ПОДВИЖНИКИ.

Историческія параллели [1].

I.

Прелести «естественнаго состоянія», такъ волновавшія лучшіе умы конца прошлаго столѣтія, сданы въ архивъ. Бытъ дикарей или «первобытныхъ народовъ» изучается пристальнѣе, чѣмъ когда-нибудь; на это изученіе возлагаются большія и совершенно основательныя надежды, какъ въ теоретическомъ отношеніи, въ интересѣ знанія, такъ и въ практическомъ—въ интересѣ текущей жизни. Но, при этомъ, самое понятіе естественнаго состоянія радикально измѣняется, можно даже сказать устраняется. Какой-нибудь Руссо бралъ своего дикаря изъ области собственной геніальной фантазіи, получившей толчокъ отъ самыхъ скудныхъ фактическихъ свѣдѣній, и ставилъ его рядомъ съ современнымъ французомъ, которому уже грозила страшная революція. Какъ ни старался Руссо наполнить разстояніе между этими двумя пунктами, онъ не пошелъ дальше геніальныхъ догадокъ. Нынѣшній изслѣдователь находится въ другомъ положеніи. Громадная и все растущая масса свѣдѣній о бытѣ первобытныхъ народовъ устраняетъ туманность фигуры «дикаря» Руссо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разбиваетъ ея цѣльность, потому что развертываетъ картину крайняго разнообразія понятій, вѣрованій, нравовъ, общественныхъ отношеній. Вольтеръ могъ только

---

[1] Статьи эти непосредственно примыкаютъ къ очеркамъ, напечатаннымъ въ прошломъ и запрошломъ годахъ подъ общимъ заглавіемъ «Борьба за индивидуальность». Но, въ интересахъ изложенія, авторъ предпочелъ отдѣлить фактическую часть отдѣла «Вольница и подвижники» отъ соціологическаго итога, который будетъ подведенъ въ концѣ и выразится въ терминахъ теоріи борьбы за индивидуальность. Само собой, однако, разумѣется, что и въ предлагаемыхъ «историческихъ параллеляхъ» авторъ не могъ, да и не хотѣлъ совершенно отказаться отъ нѣкоторыхъ общихъ выводовъ.

острить, что, при чтеніи сочиненій Руссо, его забираетъ охота пробѣжаться на четвереньвахъ. Нынѣшній изслѣдователь можетъ прямо указать на такіе-то и такіе-то народы, дѣйствительно, почти бѣгающіе на четвереньвахъ. И тѣмъ не менѣе, изслѣдователь вездѣ застаетъ первобытнаго человѣка уже на извѣстной, хотя и совершенно жалкой степени культуры. Неизвѣстно, говорятъ, ни одно племя, которое не знало бы употребленія огня. Многіе солидные изслѣдователи отказываются также признать, чтобы какой-нибудь нынѣ существующій народъ не имѣлъ представленій, хотя бы смутныхъ, о божествѣ. Не только нынѣ живущіе дикари, а и наши отдаленные предки каменнаго періода предстоятъ передъ нами съ нѣкоторыми орудіями въ рукахъ, такъ что опредѣленіе человѣка, какъ «производителя машинъ» (принадлежащее, если не ошибаюсь, Франклину), строго говоря, справедливо и для человѣка первобытнаго. Наконецъ, дикарь вовсе не всегда представляетъ изъ себя того безусловно вольнаго человѣка, какимъ его рисовалъ себѣ Руссо. Имѣются, правда, свѣдѣнія и о такого характера первобытныхъ порядкахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся совокупность данныхъ о жизни дикарей представляетъ картину крайне разнообразную и, на первый взглядъ, безпорядочную, гдѣ попадаются и строго хранимая общественная іерархія, и самый свирѣпый деспотизмъ, и проч. Такимъ образомъ, рѣзкость границы между «естественнымъ состояніемъ» и цивилизацией сглаживается. При этомъ естественно должна исчезать и та страстность, съ которою нѣкогда ломались копья изъ за этого вопроса: Руссо былъ и быльемъ поросъ. Иногда слышится еще по поводу его ученія страстно задорный тонъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстной книгѣ Райе, но это крайне рѣдко. Современный изслѣдователь съ величавымъ спокойствіемъ доказываетъ, что исторія совершаетъ свое поступательное движеніе безъ скачковъ и безъ остановки. Здѣсь уже нѣтъ мѣста волненіямъ изъ за «золотого вѣка», нѣкогда будто бы царившаго на землѣ и до сихъ поръ сохранившагося среди забытыхъ исторіей дикарей. Тамъ, гдѣ многіе мыслящіе люди XVIII вѣка видѣли что-то очень хорошее, блистающее свѣтомъ идеала, тамъ современный изслѣдователь констатируетъ невѣжество, грубость, жестокость, словомъ—просто дикость.

Тѣмъ не менѣе, однако, нетолько многіе наблюдатели путешественники, а и нѣкоторые теоретики, наталкиваются на факты, повидимому, рѣзко противорѣчащіе огульному приговору о низкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніи первобытныхъ людей. Если Спенсеръ полагаетъ, что дикарь уступаетъ цивилизованному человѣку даже въ ростѣ и физической силѣ, то и онъ

признаетъ за нимъ первенство въ дѣлѣ тонкости внѣшнихъ чувствъ и живости воспріятій. Если никто не сомнѣвается въ относительномъ умственномъ убожествѣ дикаря, то далеко не такъ единодушны мнѣнія о его нравственныхъ качествахъ. Ни Леббокъ, ни Тайлоръ, ни Вайцъ, ни Спенсеръ, ни вообще представители науки, трактующіе о зарѣ исторіи человѣчества, не отрицаютъ многихъ прекрасныхъ сторонъ древнѣйшей исторіи; они стараются даже ввести ихъ въ общій итогъ своихъ изслѣдованій. Мнѣ неизвѣстенъ, однако, ни одинъ современный писатель, который удовлетворительно справился бы съ этой задачей. Прочитавъ, напримѣръ, заключительныя строки «Началъ цивилизаціи» Леббока или первыя двѣ главы «Первобытной культуры» Тайлора, вы видите, что люди эти, несмотря на всю свою добросовѣстность и эрудицію, даже, можно сказать, не намекнули на разрѣшеніе вопроса, который ихъ занимаетъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, положеніе русскаго читателя совсѣмъ особенное. Арсеналъ европейской философіи и науки заключаетъ въ себѣ многочисленныя коллекціи оружія разныхъ сортовъ и типовъ. Много тутъ такого покрытаго ржавчиной хлама, съ которымъ, несмотря на всю его хламовитость, европейскій писатель не можетъ не считаться. Были, напримѣръ, не разъ высказываемы, съ извѣстнымъ ученымъ аппаратомъ, мнѣнія, что дикари суть выродившіеся потомки какой-то странной древней цивилизаціи, находившейся подъ особымъ покровительствомъ божества и т. п. Европейскій изслѣдователь, проникнутый научнымъ духомъ, тратитъ не мало силъ на опроверженіе подобныхъ мнѣній, упорно ищетъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что никакой такой древней цивилизаціи не существовало, и затѣмъ считаетъ свое дѣло сдѣланнымъ. Конечно, у него есть и другіе мотивы, но таковъ одинъ изъ главныхъ. Наши, русскія требованія—совсѣмъ иныя. Философія и наука представлены у насъ вообще плохо. Что же касается до мнѣній въ родѣ только что приведеннаго, то они не пользуются у насъ рѣшительно никакимъ авторитетомъ, хотя кое-кѣмъ и исповѣдуются. Поэтому опровергать ихъ, а тѣмъ паче сообразовать съ ними общій ходъ какого-нибудь изслѣдованія, совершенно не стоитъ, не зачѣмъ. Это же обстоятельство налагаетъ извѣстную своеобразную печать на отношенія русскихъ читателей къ европейскому писателю о развитіи культуры. Съ одной стороны, такой писатель способенъ произвести у насъ въ большинствѣ верхоглядство, потому что, какъ и всякое большинство, оно мало склонно къ критикѣ и впитываетъ въ себя полемическую струю изслѣдованія, не подозрѣвая ея случайнаго, полемическаго характера. За

то, съ другой стороны, русское меньшинство остается въ подобныхъ случаяхъ неудовлетвореннымъ. Оно видитъ, что свое частное дѣло европейскій изслѣдователь сдѣлалъ—доказалъ, положимъ, невозможность древнѣйшей высокой цивилизаціи; но вѣдь не въ ней и дѣло, не въ ней одной, по крайней мѣрѣ. Вопросъ въ томъ: какъ ввести въ общую схему исторіи нѣкоторыя фактически достовѣрныя и никѣмъ не отрицаемыя черты сравнительнаго матеріальнаго довольства, высокаго нравственнаго уровня и т. п. первобытной жизни? Какъ связать ихъ съ столь же фактически достовѣрною грубостью, жестокостью, варварствомъ той же первобытной жизни? Вопросъ не праздный и даже не только въ теоретическомъ смыслѣ важный. Всѣ согласны, что цивилизація прививаетъ человѣку нѣкоторыя несимпатичныя (выбираю самое общее и непредопредѣляющее частностей выраженіе) черты, но думаютъ, что онѣ съ избыткомъ окупаются чертами симпатичными. Еслибы удалось разобраться въ безпорядочной грудѣ относящихся сюда и часто другъ другу противорѣчащихъ фактическихъ свѣдѣній, найти какое-нибудь общее начало, которое давало бы возможность хоть съ приблизительною точностью опредѣлить, такъ сказать, приходъ и расходъ исторіи, мы были бы въ громадномъ выигрышѣ. А для уясненія практической стороны этого выигрыша достаточно вспомнить, что низшіе классы всѣхъ европейскихъ обществъ, въ томъ числѣ и русскаго, движутся медленнѣе, чѣмъ высшіе. Ихъ нравы и понятія представляютъ какъ бы обломки, иногда очень крупные, раннихъ ступеней исторіи, тѣхъ самыхъ, которыя внѣ Европы находятся еще мѣстами почти въ неприкосновенности. Слѣдовательно, общее начало, найденное нами для опредѣленія характера историческихъ измѣненій, измѣненій во времени, оказалось бы пригоднымъ и для сравненія нравовъ, понятій, общественныхъ учрежденій, вѣрованій высшихъ и низшихъ классовъ европейскихъ, вообще цивилизованныхъ обществъ.

Здѣсь я не намѣренъ говорить объ этомъ руководящемъ началѣ, тѣмъ болѣе, что представилъ попытки его опредѣленія въ другихъ мѣстахъ. Я имѣю въ виду только неудовлетворительность въ этомъ отношеніи спеціальныхъ изслѣдованій о древнѣйшей культурѣ. Минуя писателей менѣе философски развитыхъ и, очевидно, трудно справляющихся съ собственной громадной эрудиціей, посмотримъ на Спенсера: первыя главы послѣдняго его сочиненія («Основанія соціологіи», томъ I) посвящены именно занимающему насъ предмету.

Спенсеръ, какъ извѣстно, самый ярый сторонникъ той теоріи развитія, которая вѣритъ въ рѣшительно поступательный ходъ

исторіи. Вдобавокъ, онъ есть ея наиболѣе философскій представитель. Но зато въ его сочиненіяхъ пробивается, едва ли не сильнѣе, чѣмъ у кого-нибудь другого, та полемическая струйка, о которой говорено выше. Она у него, впрочемъ, сильно осложняется другими мотивами. Какъ бы то ни было, но вотъ характерный примѣръ его обращенія съ фактами. «Кость, говоритъ онъ:—найденная въ сетльской пещерѣ и попавшая туда, по мнѣнію Джейки, прежде послѣдняго междуледоваго періода, признана проф. Бёскомъ за человѣческую и описывается имъ, какъ часть «чрезвычайно неуклюжей и грубой fibula (малое берцо)»; причемъ онъ замѣчаетъ, что она походитъ по своей формѣ на другую fibula, найденную въ ментонской пещерѣ. Но, въ то же самое время, онъ прибавляетъ, что въ музеѣ хирургической коллегіи существуетъ fibula недавняго времени, представляющая подобную же грубость и неуклюжесть» (40). Можно ли сдѣлать какое-нибудь заключеніе, сопоставляя эти *двѣ* древнія кости съ *одною* новою? Казалось бы—ровно никакого, потому что фактовъ слишкомъ ужь мало. Спенсеръ самъ это понимаетъ и, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что «мы имѣемъ право въ этомъ случаѣ» сказать, что «тѣ черты, которыя въ тогдашнія времена были далеко не рѣдкими, а, вѣроятно, даже общими, представляютъ въ наше время большія рѣдкости». Ясно, что мы рѣшительно не имѣемъ права сложить изъ трехъ костей, хотя бы и очень неуклюжихъ и грубыхъ, такой выводъ, противъ котораго я, впрочемъ, по существу, ничего не имѣю, потому что, по всей вѣроятности, кости первобытнаго человѣка были, дѣйствительно, очень грубы и неуклюжи. Я привелъ слова Спенсера, только какъ рѣзкій примѣръ излишней быстроты многихъ его выводовъ, когда рѣчь заходитъ о всяческой грубости и скудости первобытнаго человѣка. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ «Основаніяхъ соціологіи» Спенсеръ обнаруживаетъ рѣдкое въ немъ, въ этомъ отношеніи, безпристрастіе.

Такъ онъ приводитъ слѣдующія слова Эрскина, «какъ результатъ всей опытности, вынесенной имъ изъ знакомства съ тихоокеанскими землями»: «Нѣтъ ничего очень невѣроятнаго въ томъ, что иностранные торговцы будутъ еще со временемъ научены чести и приличіямъ тѣми самыми людьми, на которыхъ они привыкли смотрѣть до сихъ поръ, какъ на коварныхъ и неисправимыхъ дикарей острововъ сандальнаго дерева». Такъ, «названіе, которымъ обозначается бѣлый человѣкъ у туземцевъ Вата, одного изъ Ново-Каледонскихъ Острововъ, значитъ «скитающійся по морямъ распутникъ» (sailing pofligate). «Многія постыдныя дѣла, совершенныя въ недавнее время въ этихъ областяхъ, за-

служиваютъ еще худшихъ названій», замѣчаетъ отъ себя Спенсеръ (74). Спенсеръ, впрочемъ, не придаетъ большого значенія этимъ явленіямъ, потому что они уравновѣшиваются для него явленіями совершенно противоположнаго характера. Дѣло въ томъ, что племя, обладающее какимъ-нибудь высокимъ нравственнымъ качествомъ, по другимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ другими людьми, въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, оказывается, именно по отношенію къ этому качеству, на крайне низкомъ уровнѣ. Напримѣръ, Эйръ утверждаетъ, что туземцы Австраліи отличаются сильнымъ родительскимъ чувствомъ, и однако же, кромѣ того, что они, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, бросаютъ своихъ больныхъ дѣтей, мы имѣемъ еще здѣсь показаніе Ангаса, что въ Муррeѣ отецъ иной разъ убиваетъ своего маленькаго сына, чтобы наживить его мясомъ свои удочки. Это разногласіе объяснимо и помимо ошибокъ наблюдателей. Появленіе европейцевъ есть для дикарей событіе высокой важности, иногда совершенно или значительно измѣняющее ихъ бытъ и понятія, такъ что слѣдующая партія европейцевъ естественно можетъ найти уже новые нравы. Кромѣ того, дикарь обладаетъ одною чертою, которая, по мнѣнію Спенсера, легко примиряетъ различныя противорѣчія, въ родѣ вышеуказанныхъ. Черта эта есть «импульсивность», сильная возбудимость, вслѣдствіе которой дикарь принимаетъ чрезвычайно быстрыя рѣшенія и немедленно приводитъ ихъ въ исполненіе, почти чисто рефлективно отзываясь на всякое возбужденіе. Отсюда—крайнее непостоянство расположенія духа и вѣчное колебаніе изъ стороны въ сторону. А эта основная черта характера дикаря объясняется, въ свою очередь, его крайнею умственною бѣдностью; онъ не умѣетъ комбинировать ощущенія и чувства, не можетъ предвидѣть болѣе или менѣе отдаленныхъ послѣдствій своихъ поступковъ. Спенсеръ, впрочемъ, самъ приводитъ весьма рѣзкіе примѣры отсутствія импульсивности у нѣкоторыхъ дикарей. Всѣмъ извѣстно, какъ умѣютъ управлять своими душевными движеніями краснокожіе Сѣверной Америки, и они—далеко не единственные дикари, отличающіеся этою способностью въ чрезвычайной степени. Кромѣ того, весьма трудно привести въ связь «импульсивность» дикарей съ двумя другими, приписываемыми имъ Спенсеромъ чертами. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на ихъ крайній консерватизмъ, слѣпое повиновеніе прадѣдовскимъ обычаямъ, а если вспомнить, какъ мелочно подробна регламентація жизни многихъ первобытныхъ людей (запрещеніе, напримѣръ, ѣсть рыбу извѣстной длины, обязанность брать жену непремѣнно изъ извѣстнаго рода, запрещеніе невѣсткѣ разговаривать съ

свекровью и проч., и проч.), то довольно трудно будетъ указать районъ дѣятельности импульсивности, т. е. почти рефлективной отзывчивости на внѣшнія возбужденія. Легко возбуждающійся человѣкъ едва ли способенъ выносить подобныя ограниченія. Еще труднѣе связать импульсивность съ необыкновенною выносливостью дикарей, которую Спенсеръ считаетъ также весьма характеристическою чертою. Онъ полагаетъ именно, что дикарямъ, сравнительно, мало грозятъ «непріятныя ощущенія, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, т. е. какъ тѣ страданія, которыя являются вслѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія нервовъ, такъ и чувство неудовлетворенности, тѣ «алканія», которыя идутъ отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности» (54). Спенсеръ говоритъ это не въ томъ смыслѣ, что жизнь дикарей гарантируетъ ихъ отъ такой неравномѣрности нервной дѣятельности (что̀ было бы, я полагаю, вполнѣ основательно); онъ говоритъ только, что проистекающія отсюда страданія не ощущаются ими съ такою напряженностью, какъ цивилизованными людьми. Если это и не прямое отрицаніе «импульсивности», то, все-таки, значительное ея ограниченіе. Въ концѣ-концовъ, Спенсеръ приходитъ къ такому заключенію относительно занимающаго насъ вопроса: «Мы видимъ достаточно ясно, что, если первобытный человѣкъ имѣетъ лишь очень мало дѣятельной благожелательности, зато онъ вовсе не отличается дѣятельною зложелательностью, какъ это нерѣдко предполагали. Въ самомъ дѣлѣ, бѣглый взглядъ на факты скорѣе приводитъ насъ къ тому заключенію, что ненужная жестокость вовсе не составляетъ общей отличительной черты наименѣе цивилизованныхъ племенъ, между тѣмъ какъ она оказывается обычною для расъ болѣе цивилизованныхъ» (77).

Результатъ, поражающій своей скудостью и двусмысленностью, въ особенности для Спенсера, который вообще увѣренъ въ постепенномъ ростѣ и развитіи соціальныхъ, симпатическихъ чувствъ. Остаются совершенно неразъясненными, какъ тотъ моментъ, когда цивилизація прививаетъ «ненужную жестокость», такъ и тотъ, когда послѣдняя опять исчезаетъ, да и исчезаетъ ли? Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Спенсеръ просто игнорировалъ сравнительно свѣтлыя стороны первобытной жизни. Это было несправедливо, односторонне, но зато результатъ былъ, по крайней мѣрѣ, ясенъ. Теперь, въ «Основаніяхъ соціологіи», онъ принялъ въ соображеніе всѣ pro и contra, привелъ множество противорѣчивыхъ свѣдѣній, но зато подвелъ имъ только нѣчто въ родѣ ариѳметическаго итога; даже меньше того, потому что въ ариѳметическомъ итогѣ исчезаютъ свойства отдѣльныхъ сла-

гаемыхъ, а здѣсь они остаются на лицо. Прежде одни видѣли въ дикарѣ чуть не ангела, другіе—чуть не демона. Спенсеръ объясняетъ, что обѣ стороны и правы, и неправы, потому что дикарь бываетъ «благожелателенъ», бываетъ и «зложелателенъ». Но въ какихъ случаяхъ и отношеніяхъ онъ является такимъ или инымъ—это остается столь же неизвѣстнымъ въ концѣ изслѣдованія, какъ и въ началѣ.

Общій недостатокъ всѣхъ подобнаго рода изслѣдованій состоитъ въ томъ, что они обращаютъ недостаточно вниманія на формы общественныхъ отношеній. Положимъ, что они берутъ факты изъ общественной жизни, но затѣмъ выдѣляютъ индивидуальнаго человѣка и говорятъ: первобытный человѣкъ золъ, или добръ, хитеръ и проч., болѣе или менѣе игнорируя обстановку общественныхъ отношеній, при которыхъ этотъ человѣкъ добръ или золъ. Такое стремленіе получить нѣкоторое абсолютное рѣшеніе естественно ведетъ, какъ у старыхъ писателей, къ рѣзко одностороннему результату, или, какъ у новыхъ, къ результату двусмысленному и неопредѣленному: ни два, ни полтора. Къ счастію, не всѣ новые писатели таковы. Я уже говорилъ о необычайной важности обнаружившагося въ послѣднее время стремленія къ изученію такихъ формъ общественности, на которыя до сихъ поръ вовсе не обращалось вниманія—формъ исчезнувшихъ, исчезающихъ и, можетъ быть, по этому самому, даже прямо презираемыхъ. Здѣсь намъ предстоитъ взглянуть на одинъ частный случай, превосходно характеризующій нетолько пріемы, но до извѣстной степени даже общій тонъ результатовъ новаго научнаго направленія, проливающаго, несмотря на свою скромность, несравненно больше свѣта на древнюю жизнь въ ея интимныхъ подробностяхъ, чѣмъ «Основанія соціологіи» Спенсера.

Кажется, что̀ можетъ быть прочнѣе той истины, на которой большинство экономистовъ строитъ свою науку: человѣкъ продаетъ какъ можно дороже и покупаетъ какъ можно дешевле. Подтвержденіемъ этой истины является и ежедневный опытъ, и соображенія о свойствахъ человѣческой природы. Такое совпаденіе доказательствъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ повело, наконецъ, даже къ нѣкоторой нравственной санкціи соотвѣтственнаго явленія. Хотя общественное мнѣніе, въ широкомъ смыслѣ слова, не одобряетъ стараній продать вещь какъ можно дороже и купить ее какъ можно дешевле, но оно протестуетъ не особенно сильно. А въ мірѣ спеціалистовъ торговли старанія эти несомнѣнно имѣютъ нѣкоторую нравственную санкцію. Наконецъ, и люди мысли, люди науки пытались и пытаются

подвести нравственный фундаментъ подъ фактическое зданіе барыша. Они уличаютъ въ нелѣпомъ декламаторствѣ, въ слезливомъ сантиментализмѣ, въ безумномъ фантазёрствѣ тѣхъ, кто не хочетъ преклонить колѣна предъ идоломъ барыша. Они доказываютъ, что нетолько такъ есть, всегда было и будетъ, но что такъ и должно быть, ибо изъ той конкуренціи, которая вытекаетъ изъ правила: продавай какъ можно дороже и покупай какъ можно дешевле, слагается стройная и, въ концѣ-концовъ, благодѣтельная система человѣческихъ отношеній—лучшая, какой только можетъ достигнуть человѣкъ. Въ этомъ убѣжденъ, между прочимъ, и Спенсеръ, несмотря на то, что никто больше его не говоритъ о развитіи, измѣнчивости всего сущаго, а, слѣдовательно, и природы человѣка. Однако, убѣжденіе въ исконной и вѣковѣчной преданности человѣка барышу оказывается клеветой на видъ homo sapiens — клеветой, по крайней мѣрѣ, относительно прошедшаго и давно прошедшаго времени.

Мэнъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ древняго права, натолкнулся на вопросъ о происхожденіи существующихъ нынѣ рыночныхъ обычаевъ. Вотъ тѣ въ высшей степени замѣчательныя заключенія, къ которымъ онъ пришелъ:

«Чтобы понять, чѣмъ первоначально былъ рынокъ, должно представить себѣ территорію, занятую деревенскими общинами, самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ и до сихъ поръ еще автономическими, причемъ каждая воздѣлываетъ свой пахатный участокъ, лежащій среди пустопорожней земли, и — боюсь, что долженъ прибавить это — каждая находится въ безпрерывной войнѣ съ своими сосѣдями. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ, такихъ, вѣроятно, гдѣ соприкасались земли двухъ или трехъ деревень, повидимому, были участки такой земли, которую нынѣ назвали бы нейтральною почвою. Это были торговыя или рыночныя мѣста. По всей вѣроятности, они были единственными мѣстами, гдѣ встрѣчались члены различныхъ первобытныхъ групъ для какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ войны, и прежде всего сюда являлись, безъ сомнѣнія, именно лица, уполномоченныя спеціально на обмѣнъ продуктовъ и издѣлій одной маленькой деревенской общины на произведенія другой. Сэръ Джонъ Леббокъ, въ своемъ сочиненіи «Начала цивилизаціи», сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о слѣдахъ, какіе еще остаются отъ чрезвычайно древняго соотношенія между рынками и нейтральностью; хотя теперь и не мѣсто далѣе проводить мою мысль, но не могу не указать на существованіе чрезвычайно важной для новѣйшихъ писателей исторической связи между тѣмъ и другимъ, такъ какъ jus gentium римскаго претора, ко-

торое отчасти было сначала «торговымъ правомъ», несомнѣнно сродни нашему «международному праву». Но, кромѣ понятія нейтральности, съ торгами соединялось прежде еще нѣчто другое: это были идеи о неблаговидныхъ продѣлкахъ и о неумолимомъ торгашествѣ или барышничествѣ. Всѣ три идеи какъ бы соединились въ аттрибутахъ бога Гермеса или Меркурія, который, въ одно и то же время, былъ богомъ границъ, повелителемъ вѣстниковъ или пословъ и покровителемъ торговли, обмана и воровъ. Рынокъ былъ, слѣдовательно, пространствомъ нейтральной земли, на которомъ, при древнемъ строѣ общества, члены разныхъ самостоятельныхъ владѣльческихъ группъ безопасно сходились, покупали и продавали, нестѣсняемые правилами цѣнъ, установленными обычаями. Здѣсь-то, кажется, получило начало и отсюда распространилось по цѣлому міру понятіе о правѣ человѣка брать за свои товары наибольшую цѣну. Рыночному закону, кстати будетъ здѣсь замѣтить, очень посчастливилось въ исторіи права. Jus gentium римлянъ, хотя, безъ сомнѣнія, имѣло цѣлью отчасти уладить отношенія римлянъ къ подвластному населенію, развилось отчасти также вслѣдствіе коммерческихъ требованій. Римское jus gentium постепенно возвысилось до моральной теоріи, которая, между другими теоріями, незаявляющими притязанія на религіозную санкцію, не имѣла на свѣтѣ соперницы до появленія этическихъ ученій Бентама... Законъ о личной или движимой собственности имѣетъ постоянное стремленіе совмѣстить въ себя и законъ о поземельной или недвижимой собственности; но, кромѣ того, первый обнаруживаетъ также наклонность ассимилироваться съ торговымъ закономъ. Желаніе установить въ смыслѣ закона то, что представляетъ удобство въ коммерческомъ отношеніи, ясно видно въ новѣйшихъ рѣшеніяхъ англійскихъ судовъ; цѣлая группа правовыхъ афоризмовъ, происходящая изъ закона торга (самымъ знаменательнымъ афоризмомъ было «caveat emptor». — берегись, покупатель), развилась насчетъ всѣхъ другихъ, соперничавшихъ съ ними... Политико-экономы часто выражаютъ сожалѣніе по поводу неопредѣленныхъ нравственныхъ чувствъ, которыя препятствуютъ полному признанію ихъ принциповъ. Мнѣ кажется, что полусознательное отвращеніе, какое люди чувствуютъ къ доктринамъ, которыхъ сами не отрицаютъ, часто могло бы быть изслѣдовано съ бо̀льшею пользою, чѣмъ обыкновенно предполагается. Такое отвращеніе иногда оказывается отраженіемъ какого-нибудь стараго порядка идей... Откуда происходитъ сознаніе того, что барышничество при заключеніи сдѣлки съ близкимъ родственникомъ или другомъ — дѣло недостойное? Такое

сознаніе, по моему мнѣнію, носитъ слѣды того древняго понятія, что люди, соединенные въ естественныя групы, не должны вносить торговыхъ принциповъ во взаимныя сношенія. Единственная естественная група, въ которую люди еще и теперь соединены, есть семья, а единственныя связующія узы, подобныя узамъ семейнымъ—тѣ, какія люди создаютъ сами себѣ посредствомъ дружбы... Люди, соединенные въ такія групы, изъ которыхъ развилось новѣйшее общество, не заключали другъ съ другомъ торговыхъ сдѣлокъ, основанныхъ на такъ-называемыхъ, для краткости, коммерческихъ принципахъ. Общее положеніе, служащее базисомъ политической экономіи, впервые сдѣлалось вѣрнымъ при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ только и было возможно въ то время, а именно—по отношенію не къ членамъ одной и той же групы, а къ иностранцамъ. Постепенно предположеніе о правѣ каждаго добиваться наивысшей цѣны за товаръ проникло и въ эти групы, но никогда не было принято вполнѣ, пока соединительными узами между людьми считались узы семьи или клана. Правило это одерживаетъ верхъ лишь тогда, когда первобытная община разрушена. Какія именно причины обобщили рыночный законъ до появленія предположенія, что онъ выражаетъ первоначальную и основную наклонность человѣческой природы, вполнѣ объяснить невозможно—такъ разнообразны онѣ были. Все, что̀ способствовало превращенію общества изъ скопленія семействъ въ собраніе индивидуумовъ, способствовало и увеличенію справедливости того опредѣленія человѣческой природы, какое сдѣлано было политико-экономами» («Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ», стр. 115).

Я почти цѣликомъ привелъ все это мѣсто о значеніи рынковъ, потому что оно, дѣйствительно, въ высокой степени замѣчательно. Надо только устранить двѣ существенныя ошибки Мэна, въ которыя онъ впадаетъ во всѣхъ своихъ трудахъ. Во-первыхъ, онъ полагаетъ, что исторія человѣчества началась съ патріархальнаго быта и постоянно напираетъ на противоположность древнѣйшаго «скопленія семействъ» новѣйшему «собранію индивидуумовъ». Онъ до такой степени увѣренъ въ этомъ, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій («Древнѣйшая исторія учрежденій») утверждаетъ, будто члены русской общины помнятъ свое происхожденіе отъ одного предка. Мы уже знаемъ, что семья, а тѣмъ паче ея патріархальная форма, составляетъ, сравнительно, поздній продуктъ исторіи, что она лишь съ большимъ трудомъ выдѣлилась изъ нѣкоторой, мало намъ доступной, но несомнѣнно существовавшей, гораздо болѣе широкой обществен-

ной единицы. Конечно, семья дала впослѣдствіи начало цѣлому ряду высшихъ, болѣе сложныхъ групъ, и, напримѣръ, югославянская задруга есть несомнѣнный продуктъ семьи. Но, съ другой стороны, именно семья положила первое начало распаденію неопредѣленной первобытной групы. Когда семья уже обособилась и каждый мужчина получилъ свою женщину и призналъ своихъ дѣтей, древнѣйшій принципъ еще жилъ въ отношеніяхъ имущественныхъ и политическихъ: община уже потому не можетъ считаться продуктомъ семьи, что она древнѣе ея. Объ этомъ, впрочемъ—въ своемъ мѣстѣ. Другая ошибка Мэна, раздѣляемая имъ чуть не со всѣми изслѣдователями, состоитъ въ представленіи «собранія индивидуумовъ». Уже въ первомъ изъ предлагаемыхъ очерковъ было показано, до какой степени неосновательно видѣть въ исторіи человѣчества какое-то постоянное торжество личнаго начала, «индивидуализаціи», которой одни радуются, объ которой другіе печалуются. На дѣлѣ мы видимъ до сихъ поръ только смѣну однихъ узъ другими, менѣе стѣснительными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, болѣе стѣснительными въ другихъ. Здѣсь замѣчу только слѣдующее. Несмотря на всеобщее убѣжденіе въ томъ, что исторія представляетъ процессъ индивидуализаціи, приходится считаться съ фактами, ярко противорѣчащими такому убѣжденію. И тогда вотъ какъ они толкуются. Леббокъ или, вѣрнѣе, миссіонеръ Бегертъ, на котораго Леббокъ ссылается, говоритъ, что у калифорнскихъ индѣйцевъ нѣтъ ни полиціи, ни законовъ, ни судей, ни храмовъ. «Всѣ они считаются равными между собой, и каждый поступаетъ такъ, какъ хочетъ, не спрашивая своего сосѣда и не заботясь о его мнѣніи. Различныя племена отнюдь не представляютъ собраній разумныхъ существъ, подчиняющихся законамъ и повинующихся своимъ начальникамъ, но гораздо болѣе походятъ на *стадо свиней*... Однимъ словомъ, жители Калифорніи живутъ какъ будто *свободные мыслители и матеріалисты*»... («Начало цивилизаціи», пер. Коропчевскаго, стр. 236).

Все это не мѣшаетъ, однако, основательности замѣчаній Мэна о значеніи рынковъ. Надо удивляться проницательности этого ученаго, очевидно, мало интересующагося дѣйствительно древнѣйшими формами общественности, мало знакомаго съ ними и даже отрицающаго ихъ, между тѣмъ какъ среди нихъ онъ могъ бы найти чрезвычайно вѣскія подтвержденія для своихъ соображеній. Напримѣръ, вотъ слова Геродота о карѳагенской торговлѣ: «Карѳагеняне разсказывали мнѣ, что они часто плывутъ на своихъ корабляхъ за Столбы Геркулесовы къ народу, живущему на берегахъ Ливіи, и, приплывши туда, выносятъ свои то-

вары на берегъ, гдѣ и складываютъ ихъ, а сами раскладываютъ огонь и, когда поднимется дымъ, садятся обратно на свои корабли. Прибрежные жители, замѣтивъ дымъ, приходятъ на берегъ, кладутъ подлѣ товаровъ кучу золота и уходятъ. Тогда карѳагеняне снова выходятъ на берегъ и смотрятъ, много ли золота; если увидятъ, что золота достаточно, то берутъ его и уѣзжаютъ обратно во свояси. А если золота мало, то снова уходятъ на корабли и ждутъ прибавки, а туземцы опять приходятъ и все прибавляютъ золото, пока не удовлетворятъ карѳагенянъ. Но никому изъ нихъ нѣтъ обиды, потому что карѳагеняне не дотрогиваются до золота, а туземцы не берутъ товара, пока не кончится торгъ». Приведя это показаніе «отца исторіи», Геerenъ (Ideen über Politik, Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der alten Welt) замѣчаетъ: «Геродота неоднократно упрекали въ легковѣріи, пока, наконецъ, въ послѣднее время блистательнымъ образомъ доказана была достовѣрность всѣхъ переданныхъ имъ извѣстій; теперь мы нетолько знаемъ достовѣрно, что разсказъ карѳагенянъ о нѣмой торговлѣ—совершенная правда, но знаемъ еще, что и теперь ведется такая торговля въ прилежащей къ рѣкѣ Нигеру, такъ-называемой, золотой области». Но со временъ Геерена вѣрность показаній Геродота подтвердилась еще сильнѣе. Бастіанъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Для торговли съ племенемъ орангъ-кубу, собирающимъ въ лѣсахъ Суматры бензоинъ-гумми, малайскій купецъ раскладываетъ свои пестрые товары на опушкѣ лѣса и, удаляясь, ударяетъ въ гонгъ, а черезъ недѣлю возвращается и находитъ на томъ же мѣстѣ эквивалентъ (Der Mensch in der Geschichte, III, 366). Хитоны входили въ торговыя сношенія съ бѣлыми на нейтральномъ мѣстѣ (367). Айносы, торгуя съ курилами, кладутъ товары на берегу, а черезъ нѣсколько времени возвращаются и получаютъ такимъ же образомъ обмѣнный товаръ. Китайцы торговали на островѣ духовъ Ланка съ невидимыми купцами. Бразильскіе индѣйцы снимаютъ на время торга оружіе и кладутъ его возлѣ себя, но, какъ только торгъ конченъ, обѣ стороны одновременно хватаются за оружіе (368)». Сюда же относятся многочисленные разсказы о «молчаливой» торговлѣ. Такого рода извѣстія имѣются и въ русскихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ о сношеніяхъ съ другими народами. Такъ новгородецъ Гюрята Роговичъ, разсказъ котораго записанъ у лѣтописца подъ 1092 годомъ, слышалъ отъ югровъ, что «суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти

языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза. Кто дастъ имъ ножъ ли, сѣкиру, даютъ скоро противу». А объ самой Югрѣ, по ея покореніи (1499), въ Россіи разсказывали: «Тамошніе люди, какъ настанетъ юрьевъ осенній день, засыпаютъ мертвецкимъ сномъ и спятъ до юрьева весенняго дня, а тогда оживаютъ. Съ ними ведутъ торговлю народы: грустинцы и серпентовцы—торговлю чудную: нигдѣ такъ не торгуютъ. Готовясь спать или, лучше сказать, замирать, югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время сна приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары и на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что, проснувшись, югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются» (Костомаровъ, «Сѣвернорусскія народоправства», I, 419).

Что̀ касается до упоминаемыхъ Мэномъ замѣчаній Леббока, то они состоятъ въ слѣдующемъ: «Съ перваго взгляда довольно трудно усмотрѣть связь между этими разнообразными обязанностями (Меркурія, Гермеса), характеризующимися столь противоположными качествами. Однако же, какъ мнѣ кажется, всѣ они вытекали изъ обыкновенія означать границы вертикальными камнями. Отсюда и самое названіе Гермесъ или Термесъ (граница, межа). Въ безпокойныя древнія времена, во избѣжаніе распрей, принято было оставлять полосу нейтральной земли между владѣніями различныхъ народовъ. Она называлась маркой; отсюда происходитъ и титулъ маркиза, означавшій тѣхъ чиновниковъ, которые охраняли границу или «марку». Эти марки не обрабатывались и служили выгономъ для стадъ. Здѣсь же собирались купцы для обмѣна на этой нейтральной почвѣ произведеній своихъ странъ; по той же причинѣ здѣсь заключались договоры; тутъ же происходили международныя игры и увеселенія. Вертикально стоящіе камни обыкновенно ставились на мѣстахъ погребенія; а позднѣе на нихъ вырѣзывались законы и постановленія, записывали замѣчательныя событія и писали похвалы умершимъ. Поэтому Меркурій, изображаемый гладкимъ стоячимъ камнемъ, былъ богомъ путешественниковъ, такъ какъ стоялъ на границѣ; богомъ пастуховъ, такъ какъ покровительствовалъ пастбищамъ; сопровождалъ души умершихъ въ подземныя страны, вслѣдствіе весьма древняго обыкновенія ставить на могилахъ памятники въ формѣ вертикально стоящихъ камней; богомъ купцовъ, такъ какъ торговля происходила преимущественно на границахъ; богомъ воровъ его звали въ насмѣшку (?). Онъ былъ посланникомъ боговъ, потому что послы обыкновенно сходились на границахъ, и богомъ краснорѣчія вслѣдствіе той же причины. Онъ изобрѣлъ лиру и предсѣдательствовалъ на играхъ, по-

тому что музыкальныя и прочія состязанія происходили на нейтральной почвѣ» («Начало цивилизаціи», 220).

Къ этому надо прибавить еще то обстоятельство, что у многихъ народовъ было обыкновеніе хоронить покойниковъ именно на границѣ—на межѣ, которая, такимъ образомъ, какъ бы смертью опоясывала заключенное въ ней пространство. «Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками, говоритъ Афанасьевъ:—ezagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и межевой камень; deus ezagulis — тотъ, кто покоится на межѣ, усопшій» («Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», III, 799). Относительно международныхъ игръ и увеселеній любопытно указаніе Бастіана, что арабскіе рынки, при случаѣ, обращались въ мѣста поэтическихъ состязаній (l. c. 367). Можетъ быть, отчасти сюда же слѣдуетъ отнести тѣ «игрища межю селъ», за которыя лѣтописецъ упрекаетъ радимичей, вятичей, сѣверянъ и древлянъ. Дѣйствительно, если мы видимъ, что между столь близкими и родственными, сосѣдними галицко-русскими племенами, каковы гуцулы и бойки, «существуетъ племенная ненависть, причина которой очень загадочна» («Славянскій сборникъ», I, 39); если мы видимъ, какъ иногда солоно приходится въ Россіи парню, вздумавшему приволокнуться за дѣвкой на гуляньи въ чужой деревнѣ — то становится понятнымъ огромное значеніе пространства «межю селъ» въ древности.

Я не буду утомлять вниманіе читателя перечисленіемъ другихъ фактовъ, подтверждающихъ это громадное значеніе границы, межи, нейтральнаго пространства «межю селъ»: оно, я полагаю, очевидно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно до такой степени важно и опредѣленно, что способно дать искомую руководящую нить среди хаотическихъ противорѣчій первобытной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно видѣть, что взаимныя отношенія людей, живущихъ внутри межи, должны рѣзко отличаться отъ ихъ отношеній къ людямъ, живущимъ по ту сторону ея. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что мы встрѣчаемся въ первобытной жизни съ непримиримыми на первый взглядъ противорѣчіями, съ рѣзкими проявленіями какъ «благожелательности», такъ и «зложелательности». Тайлоръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «законъ дикарей касательно человѣкоубійства основывается не на идеальномъ представленіи о достоинствѣ и правахъ человѣка, а на практическомъ раздѣленіи всѣхъ людей на своихъ и чужихъ» («Первобытное общество», въ «Знаніи» 1873, № VIII). Но это относится нетолько къ человѣкоубійству. Иностранца, вообще человѣка съ той стороны межи, можно обмануть, ограбить, убить, даже съѣсть (hostis—врагъ и иностранецъ), но

ничего подобнаго нельзя сдѣлать съ человѣкомъ, живущимъ внутри межи. Тамъ узаконяются всевозможныя насилія и варварскіе поступки, даже не узаконяются, потому что никто и не задумывается надъ ихъ правомѣрностью; здѣсь всѣ стоятъ за одного и одинъ за всѣхъ, удивляя путешественниковъ своей кротостью, благодушіемъ, честностью, не нуждающимися ни въ какихъ формальныхъ постановленіяхъ. Территоріальная граница является, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы границей между добромъ и зломъ, границей, отвлеченно говоря, столь же рѣзкой, столь же опредѣленной, какъ и та полоса земли, усыпанная могильными курганами. Въ дѣйствительности, фактически, эта, такъ сказать, духовная межа не столь опредѣленна и не покрываетъ собою всѣхъ противорѣчій нравственной жизни первобытныхъ народовъ; но мы сейчасъ увидимъ, что логическое распространеніе понятія межи приводитъ къ такой ясности результата, какая только можетъ быть достигнута въ явленіяхъ, столь сложныхъ.

Намъ нужно теперь, очень обще и бѣгло, возстановить нѣкоторыя черты древней жизни внутри межи. Выше было замѣчено, что видѣть древнѣйшую форму общественности въ семьѣ ошибочно. Я по необходимости долженъ былъ говорить о взаимныхъ отношеніяхъ то двухъ родственныхъ славянскихъ *племенъ*, то двухъ *деревенъ*, то двухъ древнихъ *селъ*, то двухъ индійскихъ *общинъ*, то, наконецъ, двухъ *народовъ*, какими являются кареагеняне и африканцы, югорцы и серпентовцы и проч. Дѣло въ томъ, что ближайшимъ образомъ опредѣлить и назвать древнѣйшую, но уже человѣческую форму общества—нельзя, хотя можно съ достовѣрностью сказать, что это не была ни семья, ни родъ, ни община въ теперешнемъ смыслѣ слова, ни народъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нѣкоторыя отдѣльныя черты могутъ быть реставрированы при помощи анализа нынѣ существующихъ формъ. Такъ возстановили мы нѣкоторыя черты половыхъ отношеній. Первобытные порядки въ другихъ сферахъ жизни сохранились дольше, и мы имѣемъ въ Россіи уголокъ, гдѣ они, хотя и угасаютъ, однако, все-таки, еще живутъ. Я разумѣю уральскую казацкую общину. Къ счастію, она настолько извѣстна, что мнѣ не нужно задерживать читателя на ея описаніи. Достаточно напомнить нѣсколько подробностей. Все огромное пространство земли въ 6½ милліоновъ десятинъ, занятое 80,000 душъ обоего пола, какъ извѣстно, не подѣлено нетолько между отдѣльными лицами или семьями, но даже между селеніями или станицами, такъ что ничто не мѣшаетъ казаку изъ-подъ Гурьева-городка пахать землю гдѣ-нибудь на самомъ сѣверѣ общинной

территоріи. Такъ устроилась община и по другимъ занятіямъ: по рыболовству, добычѣ соли, сѣнокосу. Едва ли гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ сохранилось общинное владѣніе въ такомъ размѣрѣ; но что въ древности оно сплошь и рядомъ было именно таково—на это имѣется много данныхъ. Далѣе мы встрѣчаемъ въ уральской общинѣ широко развитую круговую поруку, нѣкогда, опять-таки, чрезвычайно распространенную и наиболѣе яркіе образцы которой, сравнительно поздніе, всѣмъ знакомы въ явленіяхъ родовой мести. Затѣмъ—самоуправленіе, руководствующееся обычнымъ правомъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ рѣшеніемъ сходки, народнаго собранія, извѣстнаго у славянъ подъ именемъ вѣча, рады, казацкаго круга, снема, сейма и составляющаго достояніе едва ли не всѣхъ первобытныхъ народовъ. На взглядъ цивилизованнаго человѣка картина жизни уральцевъ должна представляться странною смѣсью необузданной свободы и невыносимыхъ стѣсненій. Въ самомъ дѣлѣ, уралецъ можетъ, напримѣръ, косить сѣно *гдѣ* хочетъ, хоть за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего дома, но совсѣмъ не *когда* хочетъ и *сколько* хочетъ — я сейчасъ скажу въ чемъ состоитъ ограниченіе. Онъ можетъ ловить рыбу *гдѣ* хочетъ, но совсѣмъ не *когда* хочетъ. Напримѣръ, въ зимній ловъ, всѣ ждутъ на берегу извѣстнаго знака, пушечнаго выстрѣла, послѣ котораго каждый идетъ къ заранѣе намѣченному мѣсту, пробиваетъ ледъ и добываетъ рыбы сколько можетъ и сколько счастіе пошлетъ. Но въ промежутокъ между обычными сезонами рыбной ловли никто ловить не смѣетъ, не смѣетъ даже производить какую-нибудь шумную работу на берегу или на рѣкѣ; даже судоходство пріостанавливается, чтобы не распугать рыбу. Представьте, что вы хотите доставить себѣ самое невинное удовольствіе въ видѣ катанья на лодкѣ «по Уралу, по рѣкѣ» съ пѣсенниками или что вы хотите, когда вздумалось, закинуть тоню—вамъ ни того, ни другого не позволять, то есть: ваша личность будетъ грубо стѣснена. Но, приглядываясь къ дѣлу ближе, вы увидите, въ противность общепринятому мнѣнію о первобытныхъ порядкахъ, что начало личности проникаетъ ихъ, такъ сказать, насквозь. Чтобы убѣдиться въ томъ, стóитъ только вдуматься въ обычай сѣнокоса въ уральской общинѣ. Казакъ, какъ уже сказано, можетъ косить гдѣ хочетъ, но, во-первыхъ, въ строго опредѣленное время, такъ что всѣ начинаютъ косить заразъ, а, во-вторыхъ—только на томъ пространствѣ, которое онъ своими личными силами успѣетъ «обкосить» въ первый день покоса. Въ этотъ день казакъ только обкашиваетъ кругомъ нужное ему, по его личному мнѣнію и глазомѣру, пространство, причемъ ему нѣтъ разсчета затѣвать кругъ

съ чрезмѣрно большимъ діаметромъ, потому что въ такомъ случаѣ сосѣдъ можетъ врѣзаться въ ту сторону круга, которую онъ еще не успѣлъ обозначить при помощи своей косы. Я сказалъ, что онъ дѣлаетъ кругъ своими личными силами. Это не совсѣмъ вѣрно, потому что каждый казакъ можетъ выставить на покосъ трехъ работниковъ, но не больше, изъ своей ли семьи, или изъ наемниковъ. Но самая равномѣрность этого расширенія личныхъ силъ показываетъ, что оно вызвано только чисто хозяйственными соображеніями; принципъ же личности, личнаго труда, личнаго умѣнья, личной ловкости, личнаго разсчета, личной свободы, остается во всей своей силѣ. Стѣсненія, налагаемыя подобными правилами, напримѣръ, при рыболовствѣ, дѣйствительно велики, можетъ быть, даже ненужно велики, но мотивъ ихъ никакого ущерба началу личности, индивидуальности не наноситъ и имѣетъ въ виду только благо личности въ зависимости отъ явленій внѣшней природы: бей и лови рыбы сколько можешь, когда количество ея въ рѣкѣ достигаетъ своего maximum'а. Индивидуальныя потребности, удовлетворенныя индивидуальными силами — таковъ принципъ и до сихъ поръ живущій въ уральской общинѣ, несмотря на множество препятствующихъ условій. Конечно, для осуществленія этого принципа требуется общее соглашеніе; но дѣло въ томъ, что оно дѣйствительно общее, то есть, такое, въ которомъ участвуетъ каждый индивидъ, не имѣя, при данныхъ условіяхъ, повода и нужды подставлять ногу большинству или меньшинству, которыхъ, впрочемъ, и нѣтъ въ наличности.

Понятно, что уральцамъ живется или жилось хорошо, объ чемъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, начиная съ Гакстгаузена и кончая г. Авесовымъ («Камско-Волжская Газета» 1873 г., №№ 85 и 92). Понятно также, что они, какъ люди мало развитые, дорожатъ каждою мелочью своего быта, упорно держась за такія подробности, которыя лишь эмпирически сплочены съ ихъ житьемъ-бытьемъ и могутъ логически даже противорѣчить его основному принципу. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы принципъ этотъ, даже помимо различныхъ злоупотребленій, былъ безупреченъ. Онъ прежде всего двойственъ, потому что мѣряетъ «своихъ» и «чужихъ», за межой живущихъ, совершенно различными мѣрками. Не говоря уже о военномъ и, слѣдовательно, профессіонально-враждебномъ къ иностранцамъ и инородцамъ характерѣ уральской общины, давно исчезнувшемъ, въ ней, несмотря на демократическій строй, существуютъ своего рода паріи въ видѣ работниковъ изъ киргизъ и великоруссовъ. Относительно этихъ людей уральцы доходятъ до настоящихъ и,

благодаря организаціи общины, вѣроятно, всегда успѣшныхъ стачекъ, съ цѣлью пониженія заработной платы. Это, если не враги, то, во всякомъ случаѣ, чужіе люди, «иногородніе», относительно которыхъ дозволены поступки, которые заслужили бы рѣзкое и всеобщее неодобреніе, еслибы они были направлены противъ одного изъ своихъ. Однимъ словомъ, это—люди изъ-за межи. Здѣсь, слѣдовательно, мы опять возвращаемся къ Мэну. Дѣйствительно, въ то время, какъ для внутреннихъ отношеній общины обычай всячески сокращаетъ поле дѣйствія конкуренціи, оставляя на немъ только индивидуальныя силы, приблизительно равныя, потому что онѣ находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, трудъ чужого человѣка разрѣшается цѣнить какъ можно ниже, покупать его какъ можно дешевле, пользуясь всякими случайными выгодами положенія, причемъ конкуренція достигаетъ своего логическаго конца — монополіи и стачки. Эти порядки очень живучи и сохраняются даже къ тому времени, когда земля, земельные участки, выдѣлившіеся изъ общаго владѣнія, поступаютъ на рынокъ, подвергаясь всѣмъ колебаніямъ спроса и предложенія. Мэнъ приводитъ постановленіе древняго ирландскаго закона, по которому «существуютъ три ренты: высшая (rack-rent, буквально — мучительная рента, какъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Мэнъ) съ лица, принадлежащаго къ чуждому племени, справедливая рента (fair-rent) съ члена своего племени и условленная рента (stipulated-rent), уплачиваемая одинаково и своимъ племенемъ, и посторонними». Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, когда чужой допускается къ землевладѣнію, съ него, и только съ него, дозволяется брать ренту высшую обычной, «справедливой» нормы, то-есть сколько только позволятъ условія, при которыхъ совершается сдѣлка, хотя бы двѣ шкуры съ одного вола, по пословицѣ.

Для нагляднаго выясненія тѣхъ двоякаго рода чувствъ, которыя обусловливаются и воспитываются этими двумя сторонами первобытной жизни, можетъ служить приводимый Лавелэ (De la propriété et de ses formes primitives, стр. 283) легендарный разсказъ объ опредѣленіи границы между областью Ури и Глариса. Жители этихъ общинъ постоянно ссорились и дрались изъ-за межи. Наконецъ, они рѣшили установить ее слѣдующимъ образомъ. Съ первымъ крикомъ пѣтуха изъ Альтдорфа и изъ Глариса должны были пуститься бѣгомъ представители той и другой общины и тамъ, гдѣ они встрѣтятся—быть границѣ. Депутаты Ури должны были наблюдать въ Гларисѣ, а депутаты Глариса въ Альтдорфѣ, чтобы бѣгуны, дѣйствительно, съ первымъ крикомъ пѣтуха пустились въ путь. Люди Глариса до-

сыта накормили своего пѣтуха, разсчитывая, что это придастъ ему силы и онъ запоетъ пораньше. Люди Ури поступили наоборотъ, и ихъ разсчетъ оказался вѣрнѣе, такъ что ихъ бѣгунъ далеко опередилъ своего противника. При встрѣчѣ, тотъ взмолился о болѣе справедливомъ раздѣлѣ. Бѣгунъ Ури согласился уступить ему все то пространство, которое онъ, побѣжденный, въ состояніи будетъ пронести его, побѣдителя, на себѣ, а бѣжать надо было въ гору. Чтобы не посрамить своей общины и не нанести ей матеріальнаго ущерба, бѣгунъ Глариса согласился, взвалилъ къ себѣ на плечи противника и бѣжалъ въ гору до тѣхъ поръ, пока не свалился отъ усталости и не умеръ. Это случилось у ручья, который и получилъ названіе Scheidebächli—ручей раздѣла. Въ этомъ разсказѣ, несмотря на его легендарность, отразился, какъ въ зеркалѣ, весь строй первобытной жизни: вѣчныя пограничныя ссоры и драки, преданность своей общинѣ, доходящая до послѣдней степени самоотверженія, и обманы, хитрости, надругательства по отношенію къ чужой общинѣ. Но особенно любопытно сравнить способы опредѣленія границъ между общинами со способами опредѣленія границъ личнаго владѣнія. «Первоначальная единица для измѣренія владѣнія была весьма неопредѣлительна, говоритъ г. Побѣдоносцевъ («Курсъ гражданскаго права»): — ибо взята была не изъ качествъ земли, а изъ личнаго свойства владѣльца: это былъ *личный трудъ*... Владѣніе распространялось безъ всякой опредѣлительности: «куда плугъ и соха, и топоръ, и коса ходятъ». Такимъ образомъ, собственникъ большею частію имѣлъ сознаніе лишь о починномъ пунктѣ своего владѣнія, и отъ этой точки владѣніе его простиралось въ неопредѣленную даль, доколѣ простиралось дѣйствіе труда его, обработка земли, не сталкиваясь съ чужимъ трудомъ и чужимъ владѣніемъ, которое, въ свою очередь, распространялось по мѣрѣ личнаго труда». Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ и съ тою же ссылкою на характерную русскую пословицу говоритъ Бѣляевъ («Крестьяне на Руси»): «Владѣніе землею долго опредѣлялось и ограничивалось, только мѣрою труда и средствъ владѣльца, какъ говорилось и писалось: *куда топоръ, коса и соха ходила*, то-есть сколь далеко хватали средства и трудъ владѣльца, столь далеко простиралось и владѣніе; за чертою труда прекращалось владѣніе, и лежащая далѣе земля или принадлежала другому землевладѣльцу, положившему въ нее свой трудъ, или никому не принадлежала и считалась дикою». Община только регулировала возникавшія изъ такого порядка отношенія своихъ членовъ, предотвращала тѣ столкновенія, которыя могли выходить на «чертѣ труда», по

выраженію Бѣляева. Единственный принципъ, который она притомъ могла имѣть и, дѣйствительно, имѣла, состоитъ въ уравновѣшеніи труда и потребностей каждаго изъ своихъ членовъ. Сюда относится вся механика передѣловъ, а также вышеприведенные обычаи покоса въ уральской общинѣ, наглядно выражающіе все громадное значеніе «черты труда». Мимоходомъ сказать, у насъ и донынѣ склонны видѣть въ общинныхъ учрежденіяхъ нѣчто если не исключительно, то все-таки преимущественно русское, хотя до сихъ поръ существующая индійская и древняя германская община всѣмъ, болѣе или менѣе, знакомы. На дѣлѣ, однако, община существуетъ или существовала во всѣхъ частяхъ свѣта. Такъ въ Сіерра-Леоне и Фернандо-По обработка полей производится сообща, а жатва распредѣляется по семействамъ, смотря по потребностямъ. То же самое у іолофовъ; то же самое было недавно на Золотомъ Берегу (Waitz, «Anthropologie der Naturvölker», II, стр. 84). У многихъ американскихъ индѣйцевъ земля находится въ общемъ владѣніи всего племени, причемъ или отдѣльные участки находятся во временномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, или же обработка производится сообща (равно какъ и охота), а продуктъ распредѣлятся по потребностямъ (Id. III, 1 Hälfte, стр. 128). Ка̀къ ни отрывочны подобныя указанія и ка̀къ ни разнообразны въ подробностяхъ общинные порядки, но общій ихъ принципъ не подлежитъ сомнѣнію. Не таковы, однако, отношенія двухъ сосѣднихъ общинъ или, вообще, древнѣйшихъ общественныхъ единицъ. Въ этомъ случаѣ, «черта труда» смѣнялась чертою насилія, обмана и т. п. Тѣ же американскіе индѣйцы зорко блюдутъ за незыблемостью границы владѣній всего племени, и всякій иностранецъ долженъ испрашивать особое позволеніе, чтобы перешагнуть ее. Наглядное же выраженіе этихъ отношеній можно видѣть въ способахъ опредѣленія границъ дальностью полета стрѣлы, пущенной изъ лука — способахъ, очень долго сохранившихся: докуда долетало смертоносное оружіе, символъ насилія и вражды, дотуда простиралось владѣніе общины. При этомъ, равно какъ и въ легендарномъ раздѣлѣ земель Ури и Глариса, никакія потребности не служили нормой, а просто всякая община норовила захватить какъ можно больше. Впослѣдствіи эти отношенія вражды, борьбы, конкуренціи устанавливаются и между отдѣльными личностями. Но къ окончательному торжеству этого начала ведетъ долгій и трудный историческій процессъ, на пути котораго мы можемъ встрѣтить чрезвычайно странныя переходныя формы, въ которыхъ сплетается древнее начало съ новѣйшими. Приведу примѣръ. Въ одной хроникѣ разсказывается,

что Карломанъ предоставилъ одному музыканту феодальное право на всемъ томъ пространствѣ земли, которое онъ, взойдя на высокую гору, въ состояніи будетъ огласить звуками своего рожка (cor). Музыкантъ такъ и сдѣлалъ; а, затѣмъ, обходя сосѣднія деревни, спрашивалъ встрѣчныхъ: слышали ли они звукъ рожка? При утвердительномъ отвѣтѣ, онъ объявлялъ слышавшаго своимъ вассаломъ, въ знакъ чего и давалъ ему тутъ же пощечину. Потомки этихъ людей, говоритъ хроника, долго назывались transcornati (Michelet, Origines du droit français). Это право на владѣніе пространствомъ, которое музыкантъ можетъ наполнить звукомъ своего инструмента, отчасти напоминаетъ еще древній принципъ черты труда, но онъ уже до такой степени извращенъ историческими наростами, что его едва можно различить. Но, какъ увидимъ въ свое время, феодализмъ, несмотря на грубость своихъ формъ, далеко не въ такой мѣрѣ подсѣкъ древнѣйшее право, какъ практика рынка, которая окончательно ввела въ междуличныя отношенія ту вражду, борьбу и конкуренцію, которыя нѣкогда характеризовали только взаимныя отношенія между единицами общественными, между групами.

Вообще, мудрено найти характеристику природы человѣка, болѣе неосновательную или, по крайней мѣрѣ, одностороннюю, чѣмъ извѣстное изреченіе Гоббса: homo homini lupus, въ особенности, когда дѣло идетъ о древней исторіи человѣчества, хотя несомнѣнно, что двѣ сосѣднія общественныя единицы были всегда во враждебныхъ отношеніяхъ. Этотъ-то несомнѣнно враждебный характеръ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, международныхъ отношеній и былъ, вѣроятно, причиною недоразумѣнія, обобщившаго и отношенія междуличныя. Homo homini до такой степени не былъ въ древности lupus, что, *какъ отдѣльная личность*, даже чужой человѣкъ не встрѣчалъ вражды. Древнѣйшія общественныя единицы отличались необыкновенною пластичностью и стремленіемъ ассимилировать чуждые элементы, если только они являлись въ видѣ отдѣльныхъ личностей. Писатели, вѣрующіе, что исходною точкою общества была семья, очень хорошо замѣтили это и много говорятъ о юридическихъ фикціяхъ, въ силу которыхъ чужой объявлялся и признавался своимъ. Сюда относятся извѣстный уже намъ обычай кувады, обряды усыновленія, побратимства и проч. Но, мнѣ кажется, всѣ подобные обычаи, сопровождаемые иногда чрезвычайно сложными формальностями, именно въ силу этого должны относиться къ такому времени, когда пластическая сила общества уже значительно ослабѣла. Иначе не было бы надобности въ такихъ усиліяхъ ума для признанія чужого своимъ. Вдобавокъ, мы знаемъ уже, что разныя другія соображенія побуждаютъ признать исход-

ною точкою развитія общества не семью, а отсутствіе семьи. Запорожская община, любопытная для насъ въ этомъ случаѣ отсутствіемъ необходимѣйшаго элемента семьи—женскаго пола, не нуждалась въ сложныхъ обрядахъ для принятія въ свою среду польскаго шляхтича, крымскаго татарина, бѣглаго крестьянина, хотя все назначеніе ея, какъ цѣлаго, состояло въ борьбѣ съ Польшей, Крымомъ, Москвой. Можно съ увѣренностью сказать, что, напротивъ, параллельно развитію и укрѣпленію семейнаго начала и его усложненій, общество постепенно, хотя весьма медленно, утрачивало свою способность воспринимать чуждые элементы. Сторонники семьи, какъ первообраза общества, доходятъ иногда до чрезвычайно странныхъ толкованій. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Мэнъ: «Жители индійскаго селенія называютъ другъ друга «братьями», хотя, какъ я неоднократно замѣчалъ, составъ ихъ общины часто является искуственнымъ и происхожденіе ея членовъ чрезвычайно разнообразнымъ. Но, несмотря на то, это братство не ограничивается однимъ названіемъ, а, очевидно, имѣетъ гораздо бóльшее значеніе. Христіанскіе миссіонеры сдѣлали недавно попытку, которая, повидимому, должна имѣть большой успѣхъ: они размѣстили въ селеніяхъ новообращенныхъ изъ самыхъ различныхъ странъ. Въ настоящее время, согласно полученнымъ мною свѣдѣніямъ, эти лица совершенно слились съ «братствомъ»; они съ такою же легкостью говорятъ на мѣстномъ нарѣчіи и слѣдуютъ мѣстнымъ обычаямъ такъ же свободно, какъ будто они сами и ихъ предки были съ незапамятныхъ временъ членами сельской общины, ассоціаціи, преимущественно свойственной Индіи» («Древнѣйшая исторія учрежденій», 189). Мэнъ приводитъ этотъ поразительный фактъ, какъ образецъ «гибкости понятій о родствѣ». Но, мнѣ кажется, фактъ говоритъ только о необычайной пластической силѣ сохранившагося въ Индіи общиннаго порядка, причемъ слово и даже понятіе братства отступаетъ совсѣмъ на задній планъ. Другой примѣръ. Нравственная связь, образующаяся между людьми, изъ которыхъ одинъ накормилъ другого, бываетъ очень различна, какъ по своей силѣ, такъ и по продолжительности. Русскій человѣкъ считаетъ эту связь пожизненною и говоритъ, что «хлѣбъ-соль не бранится», «хлѣбъ-соль не попуститъ на зло»; арабъ же не смѣетъ преслѣдовать своего гостя и, слѣдовательно, считаетъ его нравственно съ собой связаннымъ только до тѣхъ поръ, пока съѣденная путникомъ хлѣбъ-соль находится еще въ желудкѣ (Bastian. Rechtsverhältnisse, XIV). Тѣмъ не менѣе связь эта существуетъ, и, казалось бы, трудно натянуть ее на шаблонъ связи семейной. Между тѣмъ, Афанасьеву эта натяжка удалась. Придравшись къ

одной русской пословицѣ: «кто сидѣлъ *на печи*, тотъ ужъ не гость, а свой», онъ объясняетъ все явленіе гостепріимства, хотя не въ немъ собственно и дѣло, «поклоненіемъ домашнему очагу», т. е. семейному началу. (ор. с. II, 62).

Читатель не долженъ претендовать на отрывочность и вмѣстѣ скученность изложенныхъ фактовъ. Наша ближайшая цѣль состоитъ не въ выясненіи той или другой частности первобытной жизни, а въ утвержденіи того общаго правила, что территоріальная граница, межа является, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы границею между добромъ и зломъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что двойственность общественныхъ отношеній, среди которыхъ живетъ первобытный человѣкъ, отражается во всѣхъ древнихъ религіяхъ дуализмомъ, единовременнымъ существованіемъ и вѣчною враждою добраго и злаго начала, свѣтлаго божества и дьявола. Конечно, первый толчокъ этому дуализму можетъ быть данъ явленіями природы. Прежде всякаго другого опредѣленія природы божествъ, первобытный человѣкъ дѣлитъ ихъ на благодѣтельныя, добрыя и зложелательныя, злыя. И тѣ и другія требуютъ молитвъ, жертвоприношеній; злыя божества иногда даже настоятельнѣе добрыхъ, потому что послѣднія и безъ того, по самому существу, суть, такъ сказать, прирожденные покровители молящагося и жертву приносящаго. Очень рано въ сонмѣ злыхъ божествъ, состоящемъ изъ страшныхъ звѣрей, грозныхъ явленій природы, вдвинутыхъ въ фантастическіе человѣкоподобные образы, занимаютъ мѣсто или непосредственно иностранецъ, инородецъ, «иногородній», вообще представитель чужой общественной единицы, или же его божественные покровители, его добрые боги. Всѣми изслѣдователями замѣчено, что, при столкновеніи двухъ миѳологическихъ рядовъ (возможномъ только при столкновеніи двухъ общественныхъ единицъ), они обыкновенно не уничтожаютъ другъ друга, а одинъ изъ нихъ превращается въ рядъ демоновъ, злыхъ, темныхъ божествъ. Такъ, девы, добрыя божества арійцевъ-индусовъ, у иранцевъ получили значеніе злыхъ демоновъ. Точно такое же превращеніе потерпѣли мѣстныя божества на Цейлонѣ, подъ давленіемъ буддизма. Такъ христіанство даже до сихъ поръ не совсѣмъ уничтожило бога Вуотана, Одина, а низвело его мощь на степень демонической силы «дикаго охотника» (wilder, *wüthender* Jäger). Такихъ примѣровъ можно бы было привести много, и число ихъ было бы даже гораздо значительнѣе, еслибы люди науки придавали должное значеніе вліянію общественныхъ отношеній на религіозныя вѣрованія. А то, напримѣръ, даже такой авторитетъ, какъ Лассенъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что арійцы-индусы и иранцы разошлись изъ-за различнаго пониманія природы божествъ, ка-

ковое, дескать, различіе и проявилось въ признаніи индусскихъ добрыхъ боговъ злыми демонами со стороны иранцевъ («Indische Alterthumskunde», 2 изд. I, 632, 932). (Точка зрѣнія, когда-то господствовавшая у насъ по отношенію къ расколу и едва ли кѣмъ-нибудь теперь поддерживаемая). Всѣ подобныя явленія, подлежатъ болѣе простому и резонному объясненію: естественно, въ самомъ дѣлѣ, что, при постоянно враждебныхъ отношеніяхъ двухъ народовъ, боги-покровители одного изъ нихъ становятся богами-гонителями другого. Это воззрѣніе переносится и на служителей боговъ-покровителей чужого племени. Такъ, финны среди европейцевъ издревле слыли колдунами, людьми, состоящими въ дружескихъ отношеніяхъ съ злыми, нечистыми силами, да и теперь, даже подъ самымъ Петербургомъ, можно слышать нѣчто подобное о чухнахъ; сами же финны приписывали магическую силу лапландцамъ. Объ осадѣ Казани разсказывается: «Егда солнце начнетъ восходить, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіать *сатанинскія* словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся необлагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтеръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался» и т. д («Сказанія князя Курбскаго»). И здѣсь, слѣдовательно, сила чужихъ боговъ не отрицается: она только признается «сатанинскою». Малайцы полуострова, которые приняли магометанскую религію и цивилизацію, имѣютъ именно такое понятіе о низшихъ племенахъ своей страны, принадлежащихъ болѣе или менѣе къ ихъ же расѣ, но оставшихся въ своемъ древнемъ дикомъ состояніи. Малайцы имѣютъ собственныхъ чародѣевъ, но считаютъ ихъ ниже колдуновъ грубаго племени минтира. Якуны—также грубое и дикое племя, которое малайцы презираютъ, какъ невѣрныхъ и стоящихъ немного выше животныхъ, но которыхъ, въ тоже время, страшно боятся. Для малайца якунъ кажется сверхъестественнымъ существомъ, искуснымъ въ гаданіи, колдовствѣ и чарованіи. Въ Индіи, въ давнопрошедшіе вѣка, господствующіе арійцы описывали грубыхъ туземцевъ страны, какъ людей, «владѣющихъ волшебными силами», «мѣняющихъ свой видъ по желанію». Индусы, населяющіе Чота-Нагпуръ и Сингбумъ, твердо вѣрятъ, что мундасы сильны въ колдовствѣ, могутъ превращаться въ тигровъ и другихъ хищныхъ звѣрей, чтобы пожирать своихъ враговъ и проч. (Тайлоръ, «Первобытная культура», I, 106). Тайлоръ замѣчаетъ, что этого рода отношенія существуютъ и между сектами. Такъ, въ Англіи и Шотландіи протестанты считали католическихъ священниковъ (а не своихъ) способными заклинать дьяволовъ и вообще имѣющими дружественную связь съ нечистой силой. Тоже явленіе суще-

ствуетъ въ Германіи и до сихъ поръ. Гильфердингъ разсказываетъ тоже самое о балканскихъ славянахъ: православные босняки увѣрены, что католическій попъ умѣетъ сладить съ нечистой, дьявольской силой, а православный не можетъ («Поѣздка по Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи»).

Не знаю, какъ отнесся бы къ этому послѣднему примѣру Тайлоръ. Цѣль его доказать, что вѣрованія въ таинственныя магическія силы постепенно исчезаютъ въ человѣчествѣ и принадлежатъ низшему уровню цивилизаціи. Для него «поучительно видѣть, что это здравое сужденіе безсознательно принимается тѣми народами, воспитаніе которыхъ не настолько подвинулось, чтобы разрушить самую вѣру въ колдовство». Въ подтвержденіе онъ приводитъ рядъ случаевъ, когда низшее племя заподозрѣвается въ сношеніяхъ съ нечистою, дьявольскою силою. Сюда же отнесены повѣрья, что католическіе священники ближе къ дьяволу, чѣмъ протестантскіе, что вполнѣ согласуется съ воззрѣніемъ Тайлора на католицизмъ, какъ на низшую, сравнительно съ протестантствомъ, ступень развитія. Мы имѣемъ тутъ образчикъ той полемической струнки, о которой было говорено въ началѣ статьи. Въ сущности, обобщеніе Тайлора совсѣмъ невѣрно, потому что можно привести множество случаевъ, когда безспорно высшее племя нетолько заподозрѣвается въ сношеніяхъ съ нечистою силою, но даже прямо отождествляется съ сонмомъ дьяволовъ: такъ, многіе дикари смотрятъ на бѣлыхъ. Да едвали тутъ и можетъ быть установлено какое-нибудь общее правило, кромѣ того, что въ «чужомъ» болѣе или менѣе олицетворяется духъ зла и что божества, покровительствующія ему, признаются злыми. Запутанность всѣхъ сложныхъ миѳологій объясняется тѣмъ, что въ различныхъ мѣстахъ извѣстной исторической страны (Египта, Индіи, Греціи) почитались различные боги, часто противопоставлялись другъ другу, въ качествѣ враждебныхъ или дружественныхъ, сообразно взаимнымъ отношеніямъ ихъ почитателей, и, такъ сказать, боролись за обладаніе страной. Египетскій Сетъ (Тифонъ), богъ всякаго зла, насылавшій засуху, безплодіе и проч., былъ, въ то же время, богомъ войны и всей «заграницы», а потому чествовался преимущественно во времена тягостныхъ иноплеменныхъ нашествій, какъ было, напримѣръ, во время владычества гиксовъ.

Очевидно, было достаточно причинъ для того, чтобы отвѣсти, иностранца, иноплеменника, инородца, на ряду съ «гладомъ, трусомъ и потопленіемъ», съ страшными фантастическими драконами, химерами, вампирами, сфинксами, съ кровожадными тиграми, крокодилами, могучими змѣями, въ вѣдѣніе духа зла,

дьявола. Они были часто хуже голода и землетрясенія, хуже змѣй и тигровъ. Хорошо еще, если они налетали на сосѣдей вихремъ и, окончивъ свое разрушительное дѣло, вихремъ же исчезали. Но бывало и иначе. Побѣдители, сильные, кромѣ частныхъ условій, достававшихъ побѣду, своею сплоченностью, тяжелымъ гнетомъ ложились на побѣжденныхъ и давили ихъ безпощадно. Кромѣ выпадающихъ на долю побѣжденныхъ голода, холода, всевозможныхъ физическихъ лишеній, ранъ, побоевъ, тутъ происходитъ еще нѣчто особенное, имѣющее чрезвычайно важное значеніе для ихъ нравственной жизни. Во-первыхъ, попрана, поругана священная межа, съ которой связано такъ много; отступился богъ-покровитель, добрый богъ, или, по крайней мѣрѣ, оказался не въ силахъ противостоять чужому богу. Извѣстны фамильярныя отношенія дикарей къ своимъ богамъ: бога, неисполнившаго своей обязанности, иногда просто сѣкутъ. Но невсегда такъ бываетъ, и à la longue такія экзекуціи немыслимы. Въ случаѣ нашествія и осѣданія иноплеменниковъ, или нужны усиленныя молитвы, жертвоприношенія и покаянія, или же колеблется самая вѣра; а, такъ какъ религіозное начало проникаетъ собою всѣ нравственныя отношенія древности, то понятно, какіе громадные нравственные результаты должны получаться отъ враждебнаго столкновенія двухъ общественныхъ единицъ. Отлетаетъ правда, то есть все, что̀ считалось истиннымъ, справедливымъ, могущественнымъ, святымъ. Къ этому же результату приводитъ другой родъ соображеній. Голодъ, вообще физическія лишенія, не составляютъ новости для побѣжденныхъ: падежъ, неурожай и проч. и прежде заставляли голодать, но, благодаря общинной организаціи, это голоданіе распространялось равномѣрно. Вайцъ рисуетъ, по истинѣ, трогательную картину ожиданія голодными алеутами своей доли добычи въ рыбной ловлѣ. Онъ приводитъ свидѣтельства путешественниковъ, что ожиданіе очереди, каковъ бы ни былъ голодъ, происходитъ безусловно честно. Но вотъ эти мирныя, честныя отношенія, такъ сказать, раскалываются клиномъ побѣды. Побѣдители не считаютъ себя равными побѣжденнымъ. Въ своей общинѣ они относятся другъ къ другу иначе, но здѣсь имъ нѣчего, не для чего стѣсняться. Побѣдитель заставляетъ побѣжденнаго работать на себя и отнимаетъ у него лучшій кусокъ. Для послѣдняго здѣсь уже не просто въ голодѣ дѣло: физическое лишеніе осложняется нравственнымъ фактомъ, потрясающимъ весь обиходъ его понятій. Побѣдители, благодаря своему насилію и труду побѣжденныхъ, ведутъ сравнительно роскошный образъ жизни, удовлетворяютъ такимъ своимъ потребностямъ, которыя, не будь столкновенія, побѣды и пораженія, можетъ быть,

только черезъ многое множество лѣтъ возникли бы какъ у побѣдителей, такъ и у побѣжденныхъ. Наконецъ, если побѣдители пришли изъ далека, изъ страны съ другими климатическими и проч. условіями, то можно навѣрное сказать, что они приносятъ съ собой потребности, дотолѣ у побѣжденныхъ неслыханныя. И вотъ побѣжденнаго, весь нравственный складъ котораго уже расшатанъ, начинаетъ точить червь: онъ ничѣмъ не хуже этихъ пришельцевъ, онъ даже навѣрное лучше ихъ, хоть богъ и отступился отъ него—почему же имъ выпадаетъ на долю всякая благодать, а ему всякія лишенія? Въ немъ будятся новыя потребности, но не предоставляется никакихъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Та внутренняя борьба, которая въ немъ при этомъ происходитъ, тѣ порыванія то къ подавленію новыхъ потребностей, то къ ихъ удовлетворенію или, пожалуй, тѣ «алканія, которыя идутъ отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности», убѣждаютъ его опять таки, что правда отлетѣла. Это осложненіе физическаго лишенія нравственнымъ фактомъ играетъ во всѣхъ древнихъ религіозно-нравственныхъ системахъ чрезвычайно важную роль, подробности которой, полныя глубокаго трагизма, мы, свыкшіеся съ мыслью, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, невсегда способны оцѣнить по достоинству.

Дуализмъ, вѣчная борьба добраго и злаго начала, глубже всего разработанъ въ иранскихъ вѣрованіяхъ, имѣвшихъ важное значеніе даже въ исторіи Европы и до сихъ поръ вспоминаемыхъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ (Ормуздъ и Ариманъ—добро и зло). Какъ спеціальные историки Ирана, такъ спеціальные историки дуализма (напр. Spiegel, Eranische Alterthumskunde; Roskoff, Geschichte des Teufels) обращаютъ вниманіе на климатическія, почвенныя, вообще физическія условія страны, занятой иранцами, особенно пригодныя для выработки идеи дуализма. Здѣсь есть плодоносныя, цвѣтущія полосы и оазасы, есть и дикія, безплодныя пустыни; есть сильные холода зимой и сильные жары лѣтомъ; есть здоровыя мѣстности и переполненныя болѣзнями и проч. Все это должно было способствовать развитію понятія о полярно-противоположныхъ, но рядомъ дѣйствующихъ божествахъ. Мы можемъ здѣсь только принять къ свѣдѣнію это непосредственное вліяніе окружающей природы. Кромѣ нея, иранцы побуждались къ дуализму своими вѣчно враждебными столкновеніями съ сосѣдними туранскими народами. Этотъ источникъ иранскаго дуализма точно также признанъ всѣми изслѣдователями, а потому для насъ достаточно будетъ привести нѣкоторыя черты изъ исторіи борьбы Ормузда съ Ариманомъ, собственно для подтвержденія существованія той вну-

тренней борьбы изъ-за новыхъ и неудовлетворенныхъ потребностей, о которой было сейчасъ говорено. При этомъ мы, разумѣется, не вдадимся въ провѣрку варьянтовъ и т. п., а просто возьмемъ что̀ намъ нужно.

Въ тысячелѣтнее царствованіе Іема или Іами люди не знали ни болѣзни, ни смерти, ни зависти, ни другихъ пороковъ, ни голода, ни жажды. *Іемъ прогналъ съ лица земли всѣхъ демоновъ* и заперъ ихъ въ подземномъ царствѣ. Все это счастіе исчезло при преемникѣ Іема, Дахакѣ, который *былъ иностранецъ и происходилъ прямо отъ Аримана*. Въ тысячелѣтнее царствованіе Дахака, земля превратилась въ юдоль плача и всякаго беззаконія. *Демоны опять свободно загуляли по землѣ*, добрые люди сократились въ числѣ и много терпѣли. Самъ Ариманъ одѣлся поваромъ, поступилъ на службу къ Дахаку и *научилъ его ѣсть мясную пищу*, *между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ питались только растительной*. Ариманъ подчивалъ Дахака сначала яйцами, потомъ фазанами, другими птицами, бараниной, телятиной. Въ благодарность за гастрономическія наслажденія, поваръ-Ариманъ просилъ только позволенія поцѣловать царя въ оба плеча. Но тотчасъ послѣ этихъ поцѣлуевъ, у царя выросли изъ плечъ двѣ змѣи, а поваръ исчезъ, и найти его не было возможности. Дахакъ обратился къ врачамъ. Они пробовали отрѣзать змѣй, но тѣ опять выростали, такъ что всѣ усилія врачебной науки оказались безплодными. Тогда выступилъ на сцену опять Ариманъ, на этотъ разъ въ видѣ врача. *Онъ посовѣтовалъ кормить змѣй человѣческимъ мозгомъ*, предсказывая, что они отъ этого сами умрутъ. Съ тѣхъ поръ каждый день убивались два человѣка, и мозгомъ ихъ кормились змѣи нечестиваго царя. Безбожіе, несправедливость, зло все росли. Наконецъ, два благородные принца взяли на себя царскую кухню и стали регулярно спасать, по крайней мѣрѣ, по одному человѣку въ день, примѣшивая къ человѣческому мозгу бараній. Спасенные же укрывались въ горы и положили начало курдскимъ племенамъ. Дахакъ былъ свергнутъ потомкомъ Іема, Фредуномъ, причемъ *въ войскахъ Дахака находились демоны*, *а все доброе*, *правдивое стояло за Фредуна*.

Какъ и всякій миѳъ, это преданіе представляетъ своеобразное, оплетенное фантазіей отраженіе дѣйствительности. Прослѣдить эту связь съ дѣйствительною жизнью въ подробностяхъ нѣтъ, разумѣется, никакой возможности. Но если читатель обратитъ вниманіе на подчеркнутыя строки, онъ увидитъ, что для безъименныхъ создателей миѳа, для народной массы, иностранецъ былъ демономъ, то изгоняемымъ изъ родной страны, то водворяющимся въ ней; что водвореніе это, кромѣ всякаго рода пря-

мого зла, сопровождалось появленіемъ потребностей, до тѣхъ поръ побѣжденнымъ неизвѣстныхъ; что, наконецъ, удовлетвореніе этихъ потребностей, при данныхъ условіяхъ, признавалось столь же неправеднымъ, какъ кормленіе ненасытныхъ змѣй человѣческимъ мясомъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только столкновеніе двухъ общественныхъ единицъ, оставляя въ сторонѣ тѣ измѣненія ихъ внутренняго строя, которыя могутъ и должны происходить съ теченіемъ времени. Мы говорили только о межѣ, отдѣляющей владѣнія двухъ сосѣднихъ общинъ, предполагая, что внутри каждой изъ нихъ все идетъ по старому. На дѣлѣ такой неподвижности нѣтъ. Неустанная международная вражда постепенно, но постоянно подтачиваетъ и мирныя братскія отношенія внутри первобытной общины.

Индійская община совмѣщаетъ въ себѣ представителей разныхъ промысловъ; въ ней есть кузнецы, башмачники, шорники, браминъ, счетчикъ, изъ рода въ родъ передающіе свое искусство и свое знаніе. Но среди этихъ полноправныхъ членовъ общины встрѣчаются люди и богатые, и, повидимому, уважаемые, которые не пользуются деревенскими или муниципальными привилегіями въ качествѣ членовъ общества. Таковы, напримѣръ, торговцы зерновымъ хлѣбомъ. Мэнъ считаетъ себя вправѣ замѣтить, что «промыслами, остающимися, такимъ образомъ, внѣ органической групы, бываютъ именно тѣ, которые берутъ свои товары съ отдаленныхъ рынковъ». Мэнъ намекаетъ на близкую связь этого страннаго явленія съ общимъ значеніемъ рынковъ, какъ нейтральнаго мѣста, гдѣ сходятся въ принципѣ враждебные другъ другу люди. Это вполнѣ резонно. Если на рынкѣ практикуется всякаго рода неправда, если тамъ разрѣшается брать съ покупателя какъ можно дороже и давать ему какъ можно меньше, то естественно, что на купца, занимающагося этимъ дѣломъ, должна ложиться извѣстная печать отверженія, несмотря на то, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ—желанный «гость», какъ говорилось у насъ въ старину: онъ привозитъ товары, какихъ въ данной мѣстности нѣтъ. Положимъ, что онъ надуваетъ почти «демоновъ» или, по крайней мѣрѣ, служителей нечистой силы, но онъ входитъ съ ними въ постоянныя мирныя сношенія и впитываетъ въ себя отчасти ихъ нечисть. Замѣчательно, что торговля очень туго подчиняется общинной организаціи. Тѣ же уральскіе казаки, несмотря на свои общинныя привычки, торгуютъ съ сосѣдями великоруссами врозь: каждый везетъ свои возы пшеницы и сѣна въ особину. Все это естественно выдѣляетъ купца, ставитъ его въ совершенно особенное положеніе въ

древнемъ обществѣ, проводитъ между нимъ и остальными своего рода межу, въ смыслѣ границы между добромъ и зломъ: въ его личности старая правда надломлена, хотя нѣкоторыя посторонния обстоятельства могутъ иногда поэтизировать его въ глазахъ народа. Такъ было въ Малороссіи съ чумаками.

Гораздо важнѣе другія измѣненія въ древнемъ обществѣ. Я имѣлъ уже случай ссылаться на «Эвмениды» Эсхила, въ которыхъ, по поводу убійства Агамемнона Клитемнестрой и Клитемнестры Орестомъ, идутъ пререканія между Аполлономъ и Аѳиной съ одной стороны и Эринніями съ другой. Эринніи считаютъ преступникомъ Ореста, потому что онъ убилъ *мать*; Аполлонъ и Аѳина защищаютъ Ореста, потому что онъ мстилъ за *отца*. При этомъ Эринніи называютъ своихъ оппонентовъ «новыми богами» и упрекаютъ ихъ за ненависть къ *старой* правдѣ. Эта старая правда состояла, какъ мы знаемъ, въ женовластіи, въ преобладаніи материнскаго права надъ отцовскимъ. Если читатель согласится принять изложенные мною въ прошломъ году взгляды на этотъ предметъ Бахофена [1], то онъ убѣдится, что въ древней борьбѣ мужскаго и женскаго начала точно также имѣлась своего рода граница добра и зла, выражавшаяся иногда даже прямо территоріальной межой. Борьба эта велась съ перемѣннымъ счастіемъ, но побѣдителемъ вышелъ, въ концѣ-концовъ, вообще говоря, мужчина. Женщина заняла вслѣдствіе этого такое же положеніе, какъ и всѣ побѣжденные. Въ ней, какъ во всякомъ побѣжденномъ, будятся желанія и не дается средствъ для ихъ удовлетворенія. При этомъ женщина обращается въ «вѣдьму», въ служительницу сатаны, въ такой же «сосудъ дьявольскій», какимъ былъ, напримѣръ, туранецъ для иранца. Мы увидимъ впослѣдствіи, какое важное значеніе имѣло это обстоятельство въ исторіи, а здѣсь отмѣтимъ только сѣтованіе Эринній на ниспроверженіе новыми богами правды.

Но вотъ борьба мужскаго и женскаго элемента если не окончательно улеглась, то, по крайней мѣрѣ, утратила свой острый характеръ. Болѣе или менѣе обособились семьи въ той или другой формѣ. Во все время этого процесса кристализаціи семьи, идетъ своимъ чередомъ безпощадная война между сосѣдями. Но

---

[1] Нельзя не пожалѣть, что въ интересной статьѣ г. Кулишера «Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit» (въ Ethnologische Zeitschrift 1876), которая во многомъ могла бы подтвердить Бахофена, послѣдній совсѣмъ не принятъ въ соображеніе. Странно также, что г. Кулишеръ, нашъ соотечественникъ, совершенно не пользуется данными изъ русской жизни и русскихъ вѣрованій.

война требуетъ единства дѣйствій, подчиненія волѣ одного какого-нибудь начальника, который былъ первоначально, конечно, выборный и, по окончаніи своей предводительской миссіи, утопалъ въ общей массѣ впредь до востребованія. Востребованіе, однако, не заставляло себя ждать. При раздѣлѣ добычи, вождю выпадала лучшая доля и, что̀ особенно важно, нѣкоторыя привилегіи. Такъ, онъ получалъ, сравнительно съ другими, бо̀льшую часть покоренной земли, а также право не пускать свой земельный участокъ въ передѣлъ, право огораживать его и вообще не подчинять его господствующимъ въ общинѣ обычнымъ порядкамъ. Разъ установилась семья, является и наслѣдственная передача (въ той или другой формѣ) собственности и правъ, вслѣдствіе чего, если по̀стъ вождя, начальника и не становится съ разу прямо наслѣдственнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то все-таки является склонность выбирать на это мѣсто людей одной и той же, привилегированной семьи. Семья разростается, выдѣляетъ изъ себя новыя ячейки, которыя осѣдаютъ гдѣ-нибудь по близости. Получается родъ въ наиболѣе извѣстной патріархальной формѣ или же въ той формѣ братскаго старшинства, на которую недавно обратилъ вниманіе г. Забѣлинъ. Во всякомъ случаѣ, отпрыски первичной семьи сохраняютъ къ ней извѣстное подчиненное отношеніе, сначала очень слабое и часто разрушаемое, но которое съ теченіемъ времени все крѣпнетъ. Первичная семья занимаетъ привилегированное положеніе. Такъ или иначе, тѣмъ или другимъ путемъ, вѣрнѣе, разными путями, выдѣляются наслѣдственные военные вожди, получающіе и въ мирное время, во внутреннихъ распорядкахъ, первенствующее значеніе. Несмотря на свое обособленное положеніе, они служатъ представителями цѣлой общины. Во имя ея занимаютъ они вражескую территорію, отъ ея имени ведутъ переговоры. Мало-по-малу это сосредоточеніе коллективныхъ правъ идетъ все дальше и дальше. Насколько не улеглись еще древнія безбрачныя и безсемейныя половыя отношенія, когда женщина принадлежала всей общинѣ, это верховное право общины переходитъ на вождя: онъ, какъ персонификація цѣлаго, имѣетъ право на всѣхъ женщинъ, и каждый, основывающій новую семью, обязанъ или приводить къ нему свою жену (jus primæ noctis, culage, braconage, «княжое»), или откупаться. То же самое происходитъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ: коренная и покоренная земля, принадлежащая цѣлому, сосредоточивается въ рукахъ его представителя, который постепенно получаетъ право раздавать земельные участки отъ своего личнаго имени за личную же ему службу. Образуется классъ воиновъ, дружинниковъ, ко-

торые, занятые военною дѣятельностію, сами переуступають свои земли на извѣстныхъ условіяхъ службы и другихъ повинностей. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ процессъ феодализаціи первобытной общины. Въ результатѣ получаются іерархически расположенная група воиновъ-господъ и група безправныхъ рабовъ-земледѣльцевъ. Несмотря на то, что они живутъ по сю сторону межи, они уже не могутъ быть «свои» другъ другу. Между ними лежитъ цѣлая пропасть, и, въ сущности, мы имѣемъ здѣсь такихъ же побѣдителей и побѣжденныхъ.

Этимъ не ограничиваются измѣненія въ внутреннемъ строѣ древняго общества. Для борьбы съ Ариманомъ, представляется ли онъ въ видѣ иностранца или грознаго явленія природы, нужно нетолько оружіе, нужны молитвы, жертвоприношенія. Параллельно образованію класса воиновъ идетъ совершенно аналогическій процессъ выдѣленія класса жрецовъ, изъ рода въ родъ передающихъ свои секреты умилостивленія грозныхъ и благодаренія благихъ боговъ. Жрецъ, какъ и воинъ, начинаетъ съ временнаго представительства за всю общину предъ лицомъ божества, но затѣмъ постепенно сосредоточиваетъ въ своей личности право всѣхъ и каждаго непосредственно сноситься съ богами. На него ложится нѣкоторое отраженіе божественнаго свѣта, съ которымъ онъ постоянно имѣетъ дѣло, и придаетъ ему иногда такое значеніе, что онъ становится даже выше вождя. Углубляясь въ свое занятіе, переходя отъ молитвъ и созерцанія къ теоріямъ и размышленію и, въ то же время, ревниво оберегая свое привилегированное положеніе, жрецы все больше удаляются отъ своихъ единоплеменниковъ и естественно доходятъ даже до нѣкотораго презрѣнія къ ихъ грубымъ суевѣріямъ, хотя не считаютъ нужнымъ или возможнымъ поднять ихъ до своего уровня.

Происходятъ и другія измѣненія внутри межи древняго общества. Мы ихъ разсмотримъ подробнѣе на конкретныхъ примѣрахъ, а теперь съ насъ достаточно указанія ихъ общаго характера. Всѣ они состоятъ въ томъ, что «свои» становятся «чужими», причемъ различныя сферы дѣятельности и сопряженныя съ ними права и обязанности, принадлежавшія нѣкогда всѣмъ и каждому, распредѣляются по отдѣльнымъ общественнымъ групамъ. Въ результатѣ для каждой такой групы получаются «алканія, идущія отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности», то есть неудовлетворенныя потребности, то есть рѣшительно то же самое, что дается враждебнымъ столкновеніемъ двухъ древнѣйшихъ общественныхъ единицъ, отдаленныхъ другъ отъ друга священною межой.

Есть, однако, одна важная разница между явленіями, происхо-

дящими внутри межи, и тѣми, которыя могутъ быть названы международными. Измѣненія внутренняго строя древней общины происходятъ съ чрезвычайною медленностью и постепенностью; это—процессъ вѣковой, тогда какъ вторженіе иноплеменниковъ съ разу измѣняетъ весь строй покореннаго общества, причемъ иногда самое обличіе и языкъ побѣдителей до такой степени разнятся отъ обличія и языка побѣжденныхъ, что послѣдніе ни на минуту не могутъ усомниться въ грустной истинѣ своего пораженія. Не то съ своими собственными купцами, воинами, жрецами и проч., которые выростаютъ исподволь, съ неустанностью, но и съ медленностью часовой стрѣлки приближаясь къ своей окончательной формировкѣ. Они связаны съ остальными членами общества языкомъ, нѣкоторыми обычаями и преданіями, происхожденіемъ, и потому раззореніе древняго права, «правды», въ этомъ случаѣ гораздо менѣе ощущается. Таковъ общій законъ ощущеній. Можно, помощью особеннаго аппарата, такъ медленно и постепенно нагрѣть воду, въ которой помѣщена нога лягушки, что лягушка и не замѣтитъ, ка̀къ ея нога сварится, тогда какъ гораздо менѣе слабое, но внезапное, рѣзкое измѣненіе температуры воды заставитъ лягушку отдернуть ногу. Человѣкъ можетъ замерзнуть съ улыбкой на лицѣ, если замерзаніе происходитъ постепенно. Одинъ медикъ устроилъ кругообразный, вращающійся ножъ, которымъ совершенно отрѣзывалъ, маленькими кружѐчками, уши кроликовъ и тѣ спокойно ѣли во все время операціи. Всякій знаетъ, что, при условіи неподвижности, можно долго сидѣть въ ваннѣ, не ощущая охлажденія воды. Вообще постепенное усиленіе какого бы то ни было раздраженія ослабляетъ соотвѣтственное ощущеніе, между тѣмъ какъ сравнительно ничтожный, но внезапный приростъ раздраженія тотчасъ же разрѣшается образованіемъ ощущенія. Такъ и въ жизни народовъ, въ исторіи. Гнетъ иноплеменниковъ, хотя бы сравнительно слабый, ощущается гораздо живѣе, чѣмъ гнетъ «самобытный», хотя бы и болѣе сильный, потому что разница между двумя сосѣдними моментами прироста гнета въ первомъ случаѣ всегда больше.

Сварена ли будетъ лягушечья лапа быстрымъ опущеніемъ въ кипятокъ или крайне постепеннымъ возвышеніемъ температуры воды, она, во всякомъ случаѣ, будетъ вареная, а лягушка безногая. Тутъ разница не въ объективныхъ послѣдствіяхъ, а въ субъективномъ процессѣ. Опять таки, такъ и въ исторіи, съ тою, однако, разницей, что постепенность, съ которою происходитъ феодализація общины или образованіе браминскаго гнета, не можетъ сравниться съ постепенностью возвышенія температуры воды, достигаемою особенными усиліями экспериментатора.

Народъ, подвергаемый феодализаціи или другому подобному процессу, не можетъ не ощущать, когда его, напримѣръ, бьютъ или отнимаютъ у него жену, дѣтей. Ощущенія онъ получаетъ достаточно сильныя, но, какъ сказалъ бы г. Зеленскій, ощущенія эти не слагаются въ высшія интеллектуальныя формаціи. Можно ощущать боль, но не сознавать или слабо сознавать ея причиненіе, какъ несправедливость. Отсутствіе критики и протеста, несмотря на всю тяжесть и боль жизни, можетъ въ подобныхъ случаяхъ распространяться даже на загробную жизнь. Такъ, на островахъ Тонга будущая жизнь была привилегіей одной касты; «по вѣрованію туземцевъ, ихъ предводители и высшіе классы переходили въ божественномъ просвѣтленіи въ страну блаженства «Болоту», а низшіе классы были надѣлены только такими душами, которыя умирали вмѣстѣ съ тѣлами; и хотя нѣкоторые изъ членовъ этого класса имѣли смѣлость требовать мѣста въ раю на ряду съ избранными, но народъ вообще благодушно соглашался на уничтоженіе своихъ плебейскихъ душъ» (Тайлоръ, «Первобытная культура», II, 99). Джонъ Смитъ, авторъ старой «Исторіи Виргиніи», приводитъ такія вѣрованія туземцевъ: «вожди и знахари, раскрашенные и убранные перьями, будутъ курить, пѣть и плясать съ предками, между тѣмъ какъ простой народъ не будетъ имѣть загробной жизни и сгніетъ въ своихъ могилахъ» (Тамъ же, 140), и т. п.

Не было, конечно, въ исторіи, нѣтъ и въ настоящее время общества, настолько замкнутаго, чтобы всѣ его понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ выросли единственно на почвѣ измѣненій внутренняго строя жизни. Это логически невозможно, потому что, даже устраняя мысленно всѣхъ «чужихъ» сосѣдей, не трудно видѣть, что они должны образоваться процессомъ кристализаціи семей. Можно говорить только о большей или меньшей степени вліянія международныхъ и междусословныхъ отношеній, результатъ которыхъ, повторяю, одинъ и тотъ же, несмотря на разницу въ быстротѣ процесса и въ степени сознанія его участниковъ.

Понятія о добрѣ и злѣ иранцовъ и индусовъ очень наглядно изображаютъ какъ это сходство, такъ и это различіе. Иранцы представляли себѣ весь міръ громаднымъ поприщемъ борьбы добраго и злого начала. Ормуздъ и Ариманъ со всею ихъ свитою отдѣлены другъ отъ друга огромной межой, которая сначала была пустымъ пространствомъ, а потомъ отчасти выполнилась совокупнымъ Ормузда и Аримана созданіемъ вещественного міра: первый создавалъ плодоносныя долины, чистыхъ и полезныхъ животныхъ, людей, Ариманъ—пустыни, змѣй, скорпіоновъ, му-

равьевъ и проч., наконецъ, злыхъ существъ, отчасти человѣко-, отчасти демоноподобныхъ. Борьба добраго и злого начала идетъ неустанно, съ перемѣннымъ счастіемъ, но, въ концѣ концовъ, все, созданное и поддерживаемое Ариманомъ, должно исчезнуть: никакого зла въ мірѣ не будетъ. Между прочимъ, въ изображеніи блаженнаго состоянія въ далекомъ будущемъ (имѣющемъ пройти извѣстныя ступени совершенства) поражаетъ странная смѣсь крайне грубыхъ, чисто матеріальныхъ и очень возвышенныхъ подробностей, Такъ, рядомъ съ господствомъ добродѣтели и правовѣрія поминаются очень прочныя, неизносимыя платья, способность быть сытымъ, не нуждаясь въ пищѣ, невысыхающія деревья, вкусные напитки, плотская любовь безъ дѣторожденія. Какъ ни дико все это на взглядъ современнаго человѣка, но очевидно, что въ общемъ жажда жизни и вѣра въ жизнь не покидала иранцевъ. Они стремились быть активными участниками всемірной борьбы добра и зла; ею проникнуты всѣ ихъ вѣрованія и преданія, ею заняты ихъ герои, какъ Исфендіаръ, Рустемъ, ихъ благочестивые цари, какъ Іемъ, ихъ пророки, какъ Зороастръ. Зло было для нихъ, служителей Ормузда, чѣмъ-то внѣшнимъ и временнымъ. И это потому, что ихъ дуализмъ питался главнымъ образомъ (хотя, конечно, не исключительно) внѣшнею борьбой съ сосѣдними народами. Иначе у индусовъ. Первоначально и имъ были знакомы демоны, носители зла, какъ чисто внѣшніе враги. Спустившись въ долину Инда и потомъ Ганга, аріи встрѣтили туземное населеніе съ темной кожей и, наконецъ, отчасти покорили, отчасти уничтожили и разсѣяли его. Битвы съ этими «дазіями», врагами и вмѣстѣ съ тѣмъ демонами, оставили значительные слѣды въ индусскихъ преданіяхъ и даже въ жизни, потому что покоренные, подъ именемъ судры, заняли низшій слой общества. Кромѣ того, разрозненные на мелкія племена, управляемые своими князьками, индусы и между собой вели постоянныя войны, результаты которыхъ отражались въ миѳологіи преобладаніемъ бога того или другого племени побѣдителя. Это былъ народъ бодрый, веселый, склонный ко всякаго рода удовольствіямъ, повидимому, даже до излишества. Вотъ отрывокъ изъ гимна бога Индры, напившагося священной и пьяной сомы: «Будто бурные вѣтры, возбудили меня выпитые напитки. Вѣдь я выпилъ сомы? Меня возбудили выпитые напитки, какъ быстрые кони (влекутъ) колесницу. Вѣдь я выпилъ сомы? Ко мнѣ достигла молитва, какъ корова (спѣшащая) къ своему теленку. Вѣдь я, и т. д. Оба міра (земля и небо) даже не составляютъ половины меня. Вѣдь я, и т. д. Небо превосхожу я величіемъ и эту пространную землю. Вѣдь, я и т. д. Вотъ, я эту землю поставлю сюда или туда. Вѣдь, я и

т. д. Быстро эту землю переброшу я сюда или туда. Вѣдь я, и т. д. Одна половина моя на небѣ, внизъ протянулъ я другую. Я величественъ, я возвышенъ до облаковъ. Вѣдь я пилъ сому?» (Всев. Миллеръ. «Очерки арійской миѳологіи», 96). Привожу этотъ образъ пьяно-веселаго бога, въ блаженствѣ котораго отразились чувства его почитателей, только для того, чтобы оттѣнить имъ позднѣйшіе, строго аскетическіе взгляды индусовъ на жизнь. Эти послѣдніе возникли подъ преобладающимъ вліяніемъ уже другого фактора, именно—внутренняго измѣненія общественнаго строя, развитія и обособленія кастъ. Не входя въ подробности, скажемъ только, что, хотя браминская метафизика, необыкновенно тщательно разработанная, была всегда чужда народу, которому нужны были яркіе, осязательные образы, но браминская мораль отреченія привилась и къ массѣ. Не одни брамины, а вообще «дважды рожденные», т. е. арійцы изъ разныхъ кастъ удалялись въ пустыни, лѣса и варварски себя мучили. Низшія касты, подавленныя работой, поборами, жестокостями, охотно склонялись къ браминской мысли, что тѣло есть нечистый домъ, который пріятно покинуть. Самъ великій реформаторъ и другъ всѣхъ угнетенныхъ, Будда, училъ, что источникъ зла есть желаніе, потребность, а потому надлежитъ какъ можно меньше дорожить жизнью и ея прелестями и ждать вѣчнаго успокоенія въ небытіи, въ нирванѣ. Души униженныхъ и оскорбленныхъ жадно раскрывались передъ этимъ ученіемъ, признававшимъ, собственно говоря, непобѣдимость зла, потому что побѣдить его значило побѣдить свои собственныя потребности, ощущенія, чувства, свое собственное существованіе. Въ противоположность иранцамъ, искавшимъ зла во внѣшнихъ врагахъ и стремившимся по этому бороться со внѣшнимъ міромъ, индусы искали зла въ себѣ, въ своей вещественной, чувственной природѣ. Тѣ искали столкновенія съ внѣшнимъ міромъ, эти его боялись и бѣжали. Правда, и иранцамъ было знакомо это стремленіе сократить бюджетъ своей жизни, стремленіе признать грѣхомъ, зломъ новыя потребности. Но, какъ мы видѣли въ сказаніи о Дахакѣ, они и здѣсь винили не свою природу, а внѣшній и преходящій духъ зла во образѣ нечестиваго иностранца. Вотъ другое сказаніе о первыхъ людяхъ. Mashya и Mashyâna явились на свѣтъ въ видѣ растенія. Они были очень похожи другъ на друга, такъ что нельзя было узнать, кто изъ нихъ мужчина и кто женщина, притомъ же они были всегда обнявшись. Сначала они были чистыми созданіями, но злой духъ помутилъ ихъ мысль: они стали лгать, говорить безбожныя рѣчи и подпали подъ власть злого духа. Они одѣлись въ черное платье и пошли на охоту.

Встрѣтили овцу, поѣли ея молока и, вслѣдствіе этой первой пробы животной пищи, испортились еще больше; потомъ поѣли мяса, стали рубить деревья и т. п., и, все больше приближаясь къ духу зла, дошли наконецъ до ссоръ, дракъ и жертвоприношеній демонамъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь фигурируетъ тотъ же мотивъ, что и въ сказаніи о Дахакѣ: тоже полувраждебное отношеніе къ расширенію потребностей, то же признаніе ихъ исчадіемъ ада и новымъ источникомъ зла. Если хотите, тѣмъ же мотивомъ пронизаны всѣ индусскія религіозно-нравственныя системы: онѣ только рѣзче, обобщеннѣе выражаютъ мысль, что потребность, желаніе есть зло. Но почему же такъ? Почему всякая, даже самая элементарная потребность, всякое, даже самое скромное желаніе есть зло? Читатель отчасти знаетъ нашъ отвѣтъ изъ прежнихъ статей: потому что, *при извѣстныхъ условіяхъ*, жажда не соотвѣтствуетъ возможности утоленія, сила потребности не соотвѣтствуетъ возможности ея удовлетворенія, страстность желанія встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія или въ самой природѣ желанія, или во внѣшнихъ условіяхъ. Эти условія иранецъ могъ всегда указать пальцемъ: то были набѣги и нашествія иноплеменниковъ. Отъ младыхъ ногтей, иранецъ видѣлъ въ нихъ враговъ и потому, хотя и соглашался признать свои желанія и потребности зломъ, но не иначе, какъ навѣяннымъ со стороны, не въ немъ самомъ заключеннымъ, а находящимся во вражескомъ станѣ. Ясность врага, открытыя встрѣчи съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ съ врагомъ, вели къ вѣрѣ въ побѣду, въ концѣ которой потребности не вырваны съ корнемъ, а удовлетворены: мы видѣли, что въ будущемъ блаженномъ царствѣ Ормузда люди не будутъ, правда, принимать пищи, но будутъ вѣчно сыты и носить неизносимое платье. Самый вещественный міръ иранцы не признавали сплошь исчадіемъ зла, какъ не признавали сплошь добрымъ міръ духовъ. На свою жизнь они не накладывали руки ни въ настоящемъ, въ процессѣ борьбы добра и зла, ни въ будущемъ, въ побѣдѣ добра. Индусы, напротивъ, подвергнутые исторіей «самобытному», внутреннему гнету кастоваго строя, выроставшаго медленно, исподволь, вѣками, не могли съ такою ясностью указать враговъ. Покоренные судры могли, конечно, сказать: вотъ кто намъ мѣшаетъ ѣсть, пить, любить, молиться, говорить—вотъ эти «дважды рожденные» арійцы, нагрянувшіе на насъ съ демонскою силою! Но даже самые подавленные изъ арійцевъ и самые смѣлые ихъ реформаторы протестовали не противъ тѣхъ, кто ихъ дѣйствительно давилъ, а противъ самихъ себя. Зороастръ гонялъ демоновъ съ лица земли, Будда

выгонялъ ихъ изъ душъ одержимыхъ внутреннимъ демономъ желанія.

Безъ сомнѣнія, исторія Ирана, какъ и исторія Индіи, не такъ однородны. Я имѣю въ виду только главные опредѣляющіе моменты, которые въ Иранѣ и Индіи выступаютъ все-таки яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Такой ясности мы уже не увидимъ впослѣдствіи, потому что вліяніе столкновеній съ людьми изъ-за межи и вліяніе столкновеній, происходящихъ внутри межи, идутъ обыкновенно бокъ-о-бокъ и даже какъ бы оплодотворяютъ другъ друга.

Такъ или иначе, но, подъ давленіемъ общественныхъ условій, возникаетъ представленіе о добрѣ и злѣ, объ ихъ исконной враждѣ, о побѣдѣ, временной или вѣчной, зла. Добро сочетается съ понятіемъ о божествѣ, зло—съ понятіемъ о дьяволѣ. Существуетъ мнѣніе, что дуалистическія воззрѣнія въ Европѣ, имѣвшія громадное значеніе въ собственно народной жизни, всѣ восточнаго происхожденія и преимущественно иранскаго съ примѣсью буддизма. Можетъ быть оно и такъ, но для насъ это неважно, потому что, если народъ самъ собой принимаетъ какое-нибудь вѣрованіе, хотя бы издалека, такъ, значитъ, оно ему по плечу пришлось. Ему остается только или измѣнить его формы, или вложить нѣсколько иное содержаніе въ подробности. Гильфердингъ разсказываетъ: «Отчего православный попъ не можетъ заклинать бѣсовъ и давать «записи» (талисманы), тогда какъ латинскій «фратръ» знаетъ кàкъ совладать съ нечистой силой? спросилъ я у одной простой боснійской женщины. Вотъ почему: прежде у христіанъ, (т. е. у православныхъ) и у латинъ былъ одинъ законъ (религія); но потомъ, когда явился «Рима-папа», то законы разошлись: нашъ ушелъ въ небо, а латинскій остался на землѣ. Оттого-то латинскій фратръ имѣетъ власть, какой попъ не имѣетъ». («Поѣздка по Герцеговинѣ» и проч., 456). Правда, значитъ, отлетѣла, и поневолѣ приходится поклониться злу, дьяволу и его слугѣ. Весьма вѣроятно, что это—прямой остатокъ богумильства, которое было отпрыскомъ манихейства, а манихейство, въ свою очередь, основалось на чисто восточныхъ элементахъ. Но это, очевидно, важно только въ историческомъ смыслѣ. Боснячка во всякомъ случаѣ знаетъ, что правда отлетѣла на небо. Знаетъ и наша Голубиная Книга въ снѣ о Правдѣ и Кривдѣ:

Возговорилъ Владиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ:
Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось!

Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той стороны, со восточной,
А съ другой стороны, съ полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались билися.
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.—
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися;
Это Кривда съ Правдой сходилися,
Промежду собой бились дралися;
Кривда Правду одолѣть хочетъ;
Правда Кривду переспорила,
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, царю небесному;
А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ, по свѣтъ русской,
По всему народу христіанскому.
Отъ Кривды земля всколебалася,
Отъ того народъ весь возмущается:
Отъ Кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный:
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.
Кто будетъ правдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу,
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное.

Понятно, какіе разнообразные, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ, узоры можетъ вышить народная дума на этой то смутной, то яркой канвѣ борьбы добра и зла, въ которую укладывается и космогонія, и мораль, и исторія, и прошедшее, и настоящее, и будущее. Правда отлетѣла, такъ или иначе. Ее добыть надо. Встаютъ поэты и пророки. Одни вспоминаютъ стародавнее житье, которое еще не знало ни наплыва иноплеменниковъ, ни соотвѣтственныхъ внутреннихъ измѣненій. Вспоминаютъ и поэтизируютъ его, рисуютъ золотымъ вѣкомъ, въ которомъ все добро было и рѣки текли млекомъ и медомъ, и правда царила, и всѣ сыты-одѣты были. Другіе напряженно вглядываются въ будущее и въ немъ ищутъ возможности водворить правду на землѣ. Сильные ненавистью къ настоящему, они вѣрятъ, что конецъ ему наступитъ скоро. И вотъ ихъ пѣсни и пророчества поднимаютъ бурныя историческія волны: то идутъ добывать правду подвижники и вольница.

Ник. Михайловскій.

ДѢТИ МОСКВЫ.

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, царствъ великихъ мать!
Москва! Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать!
. . . .
Твои сыны, питомцы славы,
Прекрасны, горды, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ...
И. Дмитріевъ.

I.

Немногое, сказанное въ этихъ стихахъ, исчерпывыло почти все содержаніе моего отрочества. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, я тяготѣлъ къ Москвѣ, чувствовалъ себя сыномъ ея. Здѣсь я получилъ первыя впечатлѣнія бытія, здѣсь же заложены были во мнѣ начальныя основанія русской граматики по Востокову. Съ наслажденіемъ, полнымъ благоговѣнія, декламировалъ я стихи Ивана Ивановича Дмитріева, не упуская при этомъ изъ вида, что авторъ ихъ, самъ сынъ Москвы, былъ въ свое время министромъ юстиціи. Меня не смущала даже странность, оказывавшаяся при синтаксическомъ разборѣ перваго четверостишія, а именно, что, по своеобразной генеалогіи, придуманной поэтомъ, Россія, будучи матерью Москвы, становится бабушкой относительно княженій и царствъ. Напротивъ, это казалось даже трогательнымъ. Ежели мать—баловница по ремеслу, то для бабушки и придумать другое занятіе трудно. Какихъ желать лучшихъ условій для процвѣтанія княженій!

Княженія! это слово, изданное Карамзинымъ въ двѣнадцати томахъ (въ то время еще у всѣхъ въ свѣжей памяти), наполняло мою душу восторгомъ. Казалось, что и на меня, сидящаго

въ четырехъ стѣнахъ «заведенія», падаетъ оттуда какой-то лучъ, и что, не признай я за этимъ волшебнымъ словомъ освѣщающаго значенія, я немедленно утону въ безразсвѣтной тьмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачу и право именовать себя «питомцемъ славы». А для меня это право было очень важно, ибо оно давало въ будущемъ возможность, умалчивая о не весьма славныхъ чинахъ, въ родѣ коллежскаго регистратора или отставного корнета, прямо подписываться: «къ сему заемному письму питомецъ славы такой-то руку приложилъ».

Вообще, я былъ юноша восторженный, любящій и благодарный. Я всѣхъ благодарилъ: великаго князя Святослава — за то, что онъ ѣлъ конину, спалъ подъ открытымъ небомъ и имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ; великую княгиню Ольгу—за то, что она искусно отомстила древлянамъ смерть Игоря; великаго князя Владиміра—за то, что онъ сказалъ: *веселіе Руси есть пити* (я уже въ то время догадывался, что слова эти предвѣщали вольную продажу вина); царя Іоанна III — за оказанную имъ распорядительность относительно Новгорода; царя Іоанна IV—за то, что онъ покорилъ Казань и принялъ подъ свою державу богатую Сибирь («Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами»)... Но въ особенности, я былъ благодаренъ учителю русскаго языка за то, что онъ на всѣ эти тэмы заставлялъ насъ писать «сочиненія», въ которыхъ я съ гордою настойчивостью употреблялъ выраженія, въ родѣ: «стольный градъ», «стогны» «дружина», «стягъ» и проч.

И по какому-то странному психическому процессу, всѣ эти признательности сердца пріурочивались мной всецѣло, исключительно—къ Москвѣ. Даже Святославъ, Ольга, Владиміръ неразрывно связывались съ представленіемъ о Москвѣ, хотя, разумѣется, они и въ помыслахъ держать не могли, что гдѣ-то на сѣверѣ, въ отдаленномъ будущемъ, явятся «собиратели», и будутъ, подобно Гоголевской Коробочкѣ (съ значительной, впрочемъ, примѣсью Чичиковской изобрѣтательности), класть въ одну кучу и медъ, и пухъ, и сушеные грибы, и даже мертвыя души. Хорошъ былъ стольный городъ Новгородъ, но онъ омрачилъ себя вѣчевою неурядицей; еще лучше былъ стольный городъ Кіевъ, но и онъ омрачилъ себя, подпавъ подъ иго иновѣрца; одна Москва ничѣмъ себя не омрачила, и за это удостоилась высшей въ мірѣ награды: именовать сыновъ своихъ «питомцами славы» (тогда мнѣ казалось, что званіе это представляетъ собой чтò-то въ родѣ общедоступнаго каммер-юнкерства, для полученія котораго не требуется протекціи).

Москва! какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось!

всечасно восклицалъ я, и опять, по тому же странному психическому процессу, рядомъ съ этими стихами припоминались мнѣ и слова великаго князя Святослава: *не посрамимъ земли русскія, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имутъ!*

Умремъ, ляжемъ костьми! — вотъ слова, которыя пламенемъ горѣли въ моей благодарной душѣ, какъ будто и тогда уже чувствовалось, что смерть есть единственное въ своемъ родѣ благо, которому предназначено въ будущемъ освобождать «питомцевъ славы» отъ узъ срама.

Мой культъ къ Москвѣ былъ до того упоренъ, что устоялъ даже тогда, когда, ради воспитательныхъ цѣлей (а больше съ тайной надеждой на легкое полученіе чина титулярнаго совѣтника) я долженъ былъ, по волѣ родителей, переселиться въ Петербургъ. И тутъ продолжала меня преслѣдовать Москва, и всегда находила во мнѣ пламеннаго и скораго заступника своихъ стогновъ. Я до сихъ поръ не могу забыть споровъ о томъ, гдѣ больше кондитерскихъ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, и тѣхъ вопіющихъ натяжекъ, которыя я долженъ былъ дѣлать, чтобъ отстоять хотя въ этомъ отношеніи славу «порфироносной вдовы» передъ выскочкой Петербургомъ. Я припоминалъ и о кондитерской Тени на Арбатѣ, и еще о какой-то кондитерской у Никитскихъ воротъ, и, благодаря тому, что политическіе мои противники игнорировали бо̀льшую часть равносильныхъ кондитерскихъ, которыми изобиловали Мѣщанскія, Мастерскія, Офицерскія и проч., выходилъ изъ споровъ побѣдителемъ. Этого мало: когда мы, москвичи (а насъ было въ «заведеніи» довольно), разъѣзжались лѣтомъ на каникулы, то всякій разъ, приближаясь къ Москвѣ, требовали, чтобъ дилижансъ остановился на горкѣ, вблизи Всесвятскаго, затѣмъ вылѣзали изъ экипажа и цѣловали землю, воспитавшую столько отставныхъ корнетовъ, въ просторѣчіи именующихъ себя «питомцами славы».

Такъ шло дѣло вплоть до упраздненія крѣпостнаго права. Я вышелъ изъ «заведенія», поступилъ на службу, и, какъ говорится, жилъ—не тужилъ. Себя называлъ «питомцемъ славы», а на отечество и его исторію смотрѣлъ съ точки зрѣнія маневровъ Ходынскаго Поля. Быть можетъ, читатель не повѣритъ, но это было именно такъ: будучи уже балбесомъ лѣтъ двадцати-пяти, я все еще сны на яву видѣлъ. Россія представлялась мнѣ мѣсторожденіемъ сказочныхъ витязей, «прекрасныхъ, гордыхъ, величавыхъ», а исторія ея—какимъ-то свѣтозарнымъ кругомъ, въ которомъ княженія смѣняли другъ друга, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ славы. Слава! слава! слава! восторженно твердилъ я на яву и во снѣ:

Грозные полки идутъ,
Золотое вьется знамя,
На штыкахъ играетъ пламя
Ба—ррабаны громко бьютъ,
Гррррромко бьютъ! [1]

И что еще удивительнѣе: все это не мѣшало мнѣ, въ то же время, и «заблуждаться», что̀ въ ту пору (да, кажется, и теперь) было строго воспрещено. Вотъ какъ странно перебиты и перепутаны были тогдашнія сновидѣнія «питомцевъ славы!»

Даже тогда, когда подъ стѣнами Севастополя совершилась великая искупительная жертва, и когда, вслѣдъ затѣмъ, въ обществѣ начали ходить слухи о предстоящихъ реформахъ,—и тогда я не вдругъ освободился отъ угнетавшаго меня угара, но все продолжалъ вѣрить, что никакія силы въ мірѣ, никакое волшебство не въ состояніи разжаловать меня изъ «питомцевъ славы» въ непомнящіе родства (а о пришествіи «червонныхъ валетовъ» я даже и не подозрѣвалъ). Ничто не казалось страшнымъ потомку тѣхъ витязей, которые, менѣе полувѣка тому назадъ, побывали въ Парижѣ и всю Европу наполнили громами побѣдъ и славы. Реформы!—но вѣдь это только добавочный лучъ къ тому солнцу славы, въ которомъ мы, «питомцы славы», и безъ того искони утопали! Реформы!—вѣдь это лишь новый варіантъ на тэму «разумѣйте языцы», которая и прежде, съ юныхъ лѣтъ составляла излюбленное содержаніе нашихъ сновидѣній! Надъ чѣмъ же тутъ задумываться? И я нетолько не задумывался, но отвлеченная, лучезарная точка зрѣнія, и на этотъ разъ, осталась во мнѣ преобладающею. Ничто практическое, будничное не смущало парѣнія моей мысли. Мысль сдѣлалась нетерпѣливою, нервною; она даже не довольствовалась единичною какою-нибудь реформою, но стремилась впередъ и впередъ, прозрѣвая въ близкомъ будущемъ цѣлый рядъ преуспѣяній. Сперва — воля крестьянамъ, потомъ — воля вину, затѣмъ—начатки самоуправленія: хочешь, чини мосты, хочешь—нѣтъ, хочешь на паромѣ переѣзжай, хочешь—вплавь переправляйся! — и, наконецъ, открытыя настежь двери въ суды: придите и судитесь, сколько вмѣстить можете! Все это уже заранѣе прозрѣвала моя мысль, и все это именно такъ и случилось...

Свершилось: добрая вѣсть о паденіи крѣпостного права въ одинъ день облетѣла всю Россію. Самоотверженность, съ которою «питомцы славы» принесли на алтарь отечества свои «права» (теперь я позабылъ, въ чемъ они состояли, но тогда нетолько помнилъ, но даже по пальцамъ перечислялъ ихъ), на-

[1] Стихи эти принадлежатъ покойному поэту Ершову. Не могу, впрочемъ, сказать навѣрное, дословно ли правильно цитирую я эти стихи, но ежели и есть неточность, то она совершенно ничтожна.

полняла меня гордостью, а безграничныя перспективы, которыя при этомъ открывались, приводили въ восторгъ. Всѣ художественные инстинкты моей души были разомъ взбудоражены; я не загадывалъ, не примѣривалъ, не опредѣлялъ, я только метался. Въ увлеченіи своемъ, я даже того не понималъ, что мои новые восторги служатъ косвеннымъ укоромъ моимъ старымъ восторгамъ. Я былъ такъ радъ, что могу, наконецъ, говорить, что, дѣйствительно, говорилъ много и съ убѣжденіемъ, говорилъ съ утра до вечера, волнуясь, радуясь, негодуя... Но что̀ всего ужаснѣе, и чего я въ то время совсѣмъ не замѣтилъ: по мѣрѣ того, какъ «разговоръ» овладѣвалъ мною, я совершенно нечувствительно договаривался, договаривался и наконецъ договорился до того, что началъ изображать прежнюю «славу» въ нѣсколько смѣшномъ видѣ.

Клянусь, я сдѣлалъ это «та̀къ», безъ яснаго разумѣнія, но, во всякомъ случаѣ, это была очень горькая ошибка съ моей стороны. «Смѣшной видъ»—вещь очень опасная, особливо если онъ служитъ подспорьемъ для подкрѣпленія восторговъ, и притомъ является орудіемъ въ рукахъ «питомца славы», и безъ того одержимаго художественными инстинктами. «Смѣшной видъ» беретъ человѣка въ поло̀нъ и иногда сразу рѣшаетъ споръ, надъ которымъ не худо бы и призадуматься. Притомъ, прибѣгнувъ къ «смѣшному виду», я вовсе не рѣшался расчитаться съ прошедшимъ и выйти изъ заколдованнаго круга отвлеченныхъ понятій о «славѣ», нѣтъ, я упорно пребывалъ все въ томъ же кругѣ, но только безконечно расширилъ предѣлы его. «Слава», по прежнему, продолжала оставаться моимъ девизомъ и питать мои идеалы, но слава, до того уже лишенная границъ, что я не могъ ни указать на центръ ея, ни опредѣлить ея содержанія иначе, какъ съ помощью сопоставленій и картинъ. Вотъ тутъ-то и сослужило мнѣ службу прошлое, но уже не въ видѣ примѣра для подражанія, а въ формѣ архивной справки, въ которой все, и слогъ, и содержаніе, все представляло сплошной «смѣшной видъ».

Не знаю, надѣялся ли я, при этомъ, сохранить за собой наименованіе «питомца славы», но, кажется, что нетолько надѣялся, но даже во имя этого наименованія и творилъ чудеса критики и разоблаченія. Откровенія сыпались за откровеніями. Сколько вѣковъ мы твердили о силѣ — и оказались слабыми; сколько вѣковъ мнили себя богатыми—и оказались бѣдными. А между тѣмъ, и богатство и сила состояли внѣ всякихъ сомнѣній (иначе, на чемъ же основывалось бы наше представленіе о «славѣ?»), но только неизвѣстно было, гдѣ, въ какихъ нѣдрахъ, они лежатъ. Свиданіе Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ не

давало по этому предмету никакихъ разъясненій, а потому гораздо болѣе цѣлесообразнымъ представлялось свиданіе кабатчика Антошки Стрѣлова съ лабазникомъ Осипомъ Ивановымъ Деруновымъ. Ужь они-то навѣрное, знаютъ, гдѣ раки зимуютъ! Стрѣловъ! Деруновъ! Прожженые! Идите и проповѣдите, како на обухѣ рожь молотить!

Все это было и великодушно, и «славно», а отчасти даже и справедливо. Но какимъ образомъ я не догадывался, что, возлагая на Стрѣлова, Дерунова и прочихъ «непомнящихъ» обязанность строить будущую славу Россіи, я тѣмъ самымъ устранялъ самого себя отъ всякаго участія въ строительствѣ—этого я рѣшительно не берусь объяснить. Послѣдствія доказали, однакожь, что «смѣшной видъ», вмѣстѣ съ незнаніемъ, въ какихъ нѣдрахъ скрываются сила и богатство Россіи, были первымъ шагомъ къ обезличенію «питомцевъ славы», и что за симъ, какъ ни упорны были ихъ усилія продолжать именовать себя таковыми, но въ ближайшемъ будущемъ ихъ уже ждала иная кличка, болѣе соотвѣтствующая «смѣшнымъ» вѣяніямъ времени, а именно кличка «червонныхъ валетовъ».

Дальнѣйшимъ испытаніемъ моихъ представленій о «славѣ» явились выкупныя свидѣтельства. Не могу не сознаться, что даже въ самый разгаръ моихъ симпатій къ меньшей братіи, надежда на выкупныя свидѣтельства никогда не оставляла меня. Языкъ говорилъ: до послѣдней капли крови! а тайный голосъ шепталъ: дадутъ же, однако, что-нибудь! И дѣйствительно, выкупныя свидѣтельства были отпечатаны... и я не имѣлъ силы отказаться отъ нихъ. Не могъ же, однако, я не понимать, что самоотверженность, эта обязательная спутница «славы», по самому существу своему, безвозмездна. И не настолько же я неразуменъ, чтобы разсчитывать на такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, которое поможетъ мнѣ и капиталъ пріобрѣсти, и «славу» соблюсти!

И какъ диковинно мы—не я одинъ, а всѣ мы, «питомцы славы»—поступили съ этими выкупными свидѣтельствами! Одни, увлекшись ученіемъ объ искуствѣ на обухѣ рожь молотить, накупили плуговъ, молотилокъ, вѣялокъ, въ чаяніи устрашить ими нѣдра земли; другіе, болѣе вѣрные чистымъ принципамъ «славы», раздѣлили выкупную ссуду по равной части, между трактирами: московскимъ, новотроицкимъ и саратовскимъ. То была послѣдняя вспышка доказать, что представленіе о «славѣ» еще не умерло, но сколько было по этому случаю выпито водки—про то знаютъ только грудь да подоплёка!

Во всякомъ случаѣ, ни арміи, ни флоты, ни кадетскіе корпу-

са, однимъ словомъ, ничто изъ всего цикла учрежденій, составлявшихъ когда-то необходимую обстановку «славы» — ничего при этомъ не выиграли. Изъ цѣлой массы выкупныхъ свидѣтельствъ ни одного клочка не было дано на поддержаніе славы дѣйствительной, той, которая дозволяла намъ съ полнымъ основаніемъ восклицать: съ нами Богъ! никто же на ны! Все сполна было истрачено на покупку устрашающихъ машинъ, тотчасъ же оказавшихся негодными, и на безчисленное количество рюмокъ водки, на днѣ которыхъ все больше и больше выяснялся образъ «червоннаго валета», съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

Эти первыя эмансипаціонныя рюмки привели за собой множество другихъ. Вслѣдъ за крестьянскою волей, объявлена была воля вину, и въ природѣ произошло нѣчто неслыханное. Ни взятіе Хотина, ни сраженіе подъ Синопомъ не производили такихъ восторговъ. Безконечный лиризмъ охватилъ большихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ. Слѣпые прозрѣли, чающіе движенія воды взяли подъ мышку одръ и на рысяхъ побѣжали въ кабакъ. Даже торжественныхъ одъ не предстояло надобности сочинять, потому что каждый кабакъ, въ эту всерадостную минуту, былъ самъ по себѣ воплощенной торжественной одой, освобождавшей «питомцевъ славы» отъ непосильныхъ витійственныхъ упражненій.

«Поврежденіе нравовъ», признаки котораго были уже замѣчены при первыхъ выдачахъ выкупныхъ свидѣтельствъ, пріобрѣло тѣмъ большую яркость, что усложнилось поврежденіемъ умовъ. Пьяный лиризмъ, охватившій сердца, при извѣстіи о паденіи откуповъ, мало по малу улегся и уступилъ мѣсто пьяному эпосу. Создалось особое пьяное ремесло, тяжелое, мрачное, отъ котораго пахло самоубійствомъ. Прежде люди предавались кутежамъ, какъ бы отбывая повинность молодости, и въ разсчетѣ современемъ остепениться; теперь — они дѣлались пьяницами на вѣкъ, безъ всякой надежды на вытрезвленіе. Прежде, при словѣ «пьяница» воображенію представлялось нѣчто въ родѣ особеннаго сословія, ряды котораго преимущественно наполнялись между приказными; теперь, это названіе сдѣлалось всесословнымъ, почти всенароднымъ. Въ такомъ положеніи застали насъ земскія учрежденія.

Но такъ какъ, подъ вліяніемъ «упоительныхъ напитковъ», мы уже не могли въ это время отличить воды отъ суши, дороги отъ забора, то очевидно, что подобная же неясность должна была закрасться и въ наши понятія о своемъ и чужомъ. Начали пропадать земскія деньги; ничто не спасало: ни коллегіальные порядки, ни контроль властей, ни замки. Отъ «хладныхъ

Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды», повсюду слышалась одна и таже, до назойливости однообразная пѣсня: унесли! Правда, что и тутъ еще замѣчались проблески представленіи о «словѣ»—унесенныя деньги, собственно говоря, не были украдены, а только раздѣлены поровну между трактирами: Патрикѣевскимъ, Лопашовскимъ и Эрмитажемъ—но за эти проблески начали уже сажать въ тюрьму.

«Червонный валетъ» созрѣлъ, вышлифовался и выработался окончательно...

И что̀ всего прискорбнѣе, мѣсторожденіемъ его оказалась та самая Москва, сыны которой еще такъ недавно съ гордостью именовали себя «питомцами славы». Оставалось только ждать толчка, который выдвинулъ бы это порожденіе новыхъ вѣяній времени, изъ укромныхъ угловъ, въ которыхъ оно скрывалось, и представилъ на судъ публики въ цѣломъ рядѣ существъ, изнемогающихъ подъ бременемъ праздности и пьяной тоски, живущихъ со дня на день, лишенныхъ всякой устойчивости для борьбы съ жизнью, и не признающихъ иныхъ жизненныхъ задачь, кромѣ удовлетворенія вожделѣній минуты.

Обязанность эту приняли на себя новые гласные суды.

II.

Что̀ такое воръ? какого рода художественный образъ представляетъ собой человѣкъ, имѣющій о чужой собственности понятія, очевидно, недостаточныя и запутанныя? въ какой формѣ могутъ установиться отношенія между «воромъ» съ одной стороны, и обывателями и полиціей, съ другой?—вотъ вопросы, которые на первомъ же шагу встрѣчаютъ современнаго человѣка при вступленіи его на поприще жизни.

Классическія традиціи отвѣчаютъ на эти вопросы довольно опредѣленно, но какъ-то черезчуръ ужь голо̀, и непремѣнно съ подчеркиваньемъ. Для классиковъ не существовало той сложности мотивовъ, которая нынче, какъ свои пять пальцевъ, извѣстна самому простодушнѣйшему изъ прокуроровъ и адвокатовъ. Сверхъ того, классики, въ своихъ представленіяхъ о ворѣ, строго придерживались принципа сословности: доблестями высшаго разбора, (вѣрность, самоотверженіе, любовь къ престолу и проч.), и таковыми же пороками (измѣна, коварство, кровосмѣшеніе и т. д.) надѣляли особъ высшаго сословія, а доблестями и пороками низшаго разбора—надѣляли чернь.

Со словомъ «воръ» классическое преданіе соединяло понятіе,

неимѣющее ничего общаго съ идеей о «питомцѣ славы». Воръ представлялся чѣмъ-то отвратительнымъ, заклейменнымъ самой природой. Фаталистически осужденный на присвоеніе чужой собственности, онъ въ согласность съ этимъ предопредѣленіемъ, такъ и устраивалъ всю свою жизнь. Дѣтство и отрочество употреблялъ на то, чтобы изощрить прирожденную наклонность къ воровству непрерывными практическими упражненіями; когда же приходилъ въ совершенный разумъ, то дѣлалъ изъ нея для себя ремесло. Понятно, что при подобномъ художественномъ воззрѣніи на вора, нельзя было вообразить себѣ его иначе, какъ въ видѣ человѣка, непрерывно ворующаго, очень часто излавливаемаго, заключаемаго въ участковый клоповникъ, и, по недостатку уликъ, обратно оттуда, для воровства, выпускаемаго. Словомъ сказать, если вѣрить классическимъ воззрѣніямъ, воръ есть членъ особенной касты, имѣющей резиденціей: въ Петербургѣ—въ домѣ Вяземскаго, въ Москвѣ—въ домѣ Шипова; человѣкъ, постоянно живущій подъ угрозой переломанія реберъ, ради кошелька, нерѣдко заключающаго въ себѣ не больше двухъ двугривенныхъ, и, несмотря на эту угрозу, безсознательно влекущійся къ этому кошельку, единственно во имя цѣлей, составляющихъ провиденціальное его назначеніе. На картинкахъ, вора писали (и нынѣ нерѣдко такъ пишется) очень типично: въ подлой, запятнанной одеждѣ, въ рваныхъ сапогахъ, съ гнусной физіономіей, явственно говорящей о принадлежности къ низкому званію и испещренной ссадинами и синяками, съ понурыми взорами, хищнически устремленными на чужой карманъ, съ руками, свидѣтельствующими о цѣпкости и проворствѣ, которое было бы выше всякихъ похвалъ, еслибъ примѣнялось на пользу ближнему, и которое награждается карой закона и тумаками частныхъ лицъ, коль скоро примѣняется къ взлому запертыхъ помѣщеній. Таковъ классическій образъ вора, образъ до того незатѣйливый и строго опредѣленный, что самый простодушный изъ будочниковъ могъ прямо отыскать его въ толпѣ, взять за шиворотъ и вести въ участковый клоповникъ.

Классическія представленія о «мошенникѣ» хотя нѣсколько тоньше, но тоже далеко не исчерпываютъ всей полноты содержанія этого типа. Классическій «мошенникъ» уже смотритъ опрятнѣе. Онъ прилично одѣтъ и, судя по наружному виду, успѣлъ выбиться изъ «простого званія». Вотъ уступка, которую сдѣлало классическое воззрѣніе относительно людей этой корпораціи. За то, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, мошенникъ такъ незрѣло, почти по дѣтски скомпонованъ, что питать къ нему довѣріе нѣтъ никакихъ средствъ. Увѣровать въ этого человѣка

можетъ только или слѣпенькая старушка, которая любитъ, чтобъ ей оказывали небольшія услуги, безвозмездно, ради одной почтительности, или очень молоденькая дѣвица, только что кончившая культурное воспитаніе, для которой и то уже благо, что не успѣла она на улицу выйти, какъ ужь навстрѣчу ей кавалеръ идетъ. Но люди, мало-мальски одаренные здравымъ смысломъ, сейчасъ же замѣтятъ: а) что у мошенника платье, хотя и «хорошее», но все-таки поношенное, съ чужого плеча, б) что лицо у него, не безъ намѣренія, нарисовано на перекоски, и в) что ноги выгнуты колесомъ, ступни несоразмѣрно длинны, а руки безъ перчатокъ, и красны, какъ у лапчатаго гуся. Сверхъ того, ни одинъ художникъ-классикъ никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи надѣлить «мошенника» озирающимся видомъ, который такъ и говоритъ: а вотъ погодите, какую я сейчасъ съ вами штуку съиграю. Очевидно, однакожь, что никакой штуки онъ не съиграетъ, ибо съ озирающимся видомъ и вывернутыми ногами никто его до большого дѣла не допуститъ. Напротивъ того, обыватель самый смирный, и тотъ, насмотрѣвшись вдоволь на классическаго «мошенника», нетолько не устрашится, но улыбнется и скажетъ: хорошъ «мошенникъ», но это не тотъ, которому суждено когда-нибудь надуть меня!

Классическое представленіе о казнокрадѣ уже значительно полнѣе, и причина этому очень понятная: самое занятіе казнокрадствомъ предполагаетъ извѣстную внѣшнюю облагороженность. На картинкахъ, посвященныхъ изображеніямъ казнокрада, мы по большей части, встрѣчаемъ жуира, съ полнымъ брюшкомъ, предвѣщающимъ толкъ въ кушаньяхъ и винахъ, съ заплывшими, но лукаво смѣющимися глазками, съ нѣсколько маслянымъ (все-таки признакъ подлаго происхожденія!), но открытымъ лицомъ, на которомъ написано безграничное гостепріимство. Вообще говоря, концепція эта и остроумна и нелишена жизненной правды; но все дѣло портитъ тотъ исключительно провіантско-коммиссаріатскій характеръ, который слишкомъ уже густо ложится на всю обстановку картины. Зачѣмъ, напримѣръ, эти лампадки, которыя горятъ передъ образомъ въ дорогихъ окладахъ? зачѣмъ этотъ уголъ окованнаго сундука, выглядывающій изъ глубины картины? зачѣмъ эти ключи, которыми вооружены руки казнокрада, въ знакъ того, что онъ сейчасъ только опустилъ украденное сокровище на дно сундука, и теперь благодаритъ своего Создателя за ниспосланный ему насущный хлѣбъ? Все это, коли хотите, довольно затѣйливо, а быть можетъ, даже и умно, но умно какъ-то по дѣтски. Вамъ нужно видѣть всего человѣка, а вы видите только профессіональную,

провіантскую его обстановку, да и то не всю, а только ту часть ея, за которую казнокрадъ несомнѣнно долженъ пойти подъ судъ. Невольно приходитъ на умъ вопросъ: неужели это кругленькое брюшко составляетъ необходимое послѣдствіе и какъ бы тавро казнокрадства? неужели этотъ человѣкъ только тѣмъ и занимается, что опускаетъ въ сундукъ украденное сокровище, и потомъ, совсѣмъ по дурацки, благодаритъ Создателя, держа въ рукахъ ключи? Нѣтъ, это не такъ. Навѣрное, у него есть семейство, въ которомъ онъ являетъ себя примѣрнымъ мужемъ и отцомъ, есть начальники, относительно которыхъ онъ являетъ себя примѣрнымъ исполнителемъ предначертаній и почтительнымъ подчиненнымъ; есть подчиненные, между которыми въ двухъ словахъ сложилась его репутація: строгъ, но справедливъ; есть пріятели, быть можетъ, даже вовсе не причастные казнакрадству, которые его любятъ, потому что онъ во всякое время готовъ «одолжить». Наконецъ, онъ служитъ гласнымъ въ городскомъ или земскомъ собраніяхъ, состоитъ членомъ благотворительныхъ обществъ, и во всѣхъ этихъ собраніяхъ и обществахъ его мнѣніе имѣетъ вѣсъ, какъ согласное съ обстоятельствами дѣла и притомъ почти всегда либеральное. Конечно, *должны быть* у него минуты, когда онъ прячетъ украденное сокровище, но, во-первыхъ, для этого, по нынѣшнему времени, совсѣмъ не нуженъ окованный сундукъ, а во-вторыхъ, это именно только *минуты*, и притомъ до того исключительныя, что ихъ-то, навѣрное, никто у него подмѣтить не могъ. Странное дѣло! даже жена казнокрада досконально не знаетъ, откуда идетъ добыча и какъ она велика, и только догадывается, что Богъ нѣчто послалъ, а художникъ, изволите видѣть, все видитъ и знаетъ! Да и нетолько думаетъ, что знаетъ, а такъ-таки прямо и рекомендуетъ почтеннѣйшей публикѣ: вотъ дескать, человѣкъ, который сейчасъ укралъ!

Такая простота въ обращеніи съ внутреннимъ естествомъ человѣка свидѣтельствуетъ о несомнѣнной и великой простотѣ нравовъ. Времена процвѣтанія классическихъ традицій, очевидно, совпадали съ миѳологическимъ золотымъ вѣкомъ, когда, съ одной стороны, не существовало науки о томъ, какъ на обухѣ рожь молотить, а съ другой—не было ни выкупныхъ свидѣтельствъ, и слѣдовательно и поврежденія нравовъ, ни вольной продажи сивухи, а слѣдовательно и поврежденія умовъ. Мошенники дѣйствовали просто, то есть ловили обывателей арканами и ихъ столь же просто брали тогдашніе будочники за шиворотъ и отправляли въ часть.

Нынѣ хищничество всѣхъ видовъ и формъ (вотъ что̀ зна-

чить примѣсь элемента «питомцевъ славы»: даже новое слово «хищникъ» придумали, взамѣнъ стараго и столь опредѣленнаго слова «воръ»!) до того усложнилось, или, лучше сказать, слилось съ всевозможными ремеслами, изъ которыхъ одни положительно ставятся въ примѣръ благонамѣренной дѣловитости, другіе же, хотя и не ставятся въ примѣръ, но слывутъ въ обществѣ подъ именемъ милыхъ шалостей,—что даже очень тонкій наблюдатель врядъ ли съумѣетъ въ точности опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается «хищничество». Я, по крайней мѣрѣ, ни мало не буду удивленъ, ежели будочники усомнятся, какъ имъ въ данномъ случаѣ поступать, т. е. брать ли воровъ за шиворотъ, согласно указаніямъ дореформенной практики, или дѣлать подъ козырекъ, согласно съ правилами вѣжливости, установившимися вслѣдствіе вольной продажи вина? Въ самомъ дѣлѣ, это очень трудно, ибо все въ данномъ случаѣ запутано, темно, загадочно. Кто знаетъ, быть можетъ, въ образѣ какихъ-нибудь арканщиковъ скрываются совсѣмъ не мошенники, а упраздненные іомудскіе и каракалпакскіе принцы (ихъ развелось такъ много, благодаря успѣхамъ русскаго оружія), которые, ловя арканами обывателей, выражаютъ этимъ способомъ тоску по родинѣ и утраченному величію? или, быть можетъ, это какіе-нибудь «питомцы славы», которые, во имя «славы», вчера размѣняли въ Москвѣ, въ гостинницѣ «Крымъ», послѣднія выкупныя свидѣтельства, а сегодня, преслѣдуемые тѣмъ же представленіемъ о «славѣ», нагрянули на беззащитныхъ обывателей, дабы, обременивъ себя добычею (вѣдь всѣ заправскіе средневѣковые рыцари такъ поступали), вновь возвратиться въ гостинницу «Крымъ», и тамъ уже окончательно утонуть въ лучахъ солнца славы, то есть предварительно попасть въ острогъ, а оттуда, быть можетъ, и въ мѣста не столь отдаленныя?

Вотъ эта-то всесословность дѣйствій, предвидѣнныхъ такими-то и такими-то статьями уложенія о наказаніяхъ, и представляетъ собой источникъ великой современной полицейской скорби. Дѣло идетъ не объ томъ, какъ поступить съ мошенникомъ низкаго званія, съ гнусною физіономіей и въ запятнанномъ пальто (такого можно и должно прямо брать за шиворотъ), а о томъ, какъ подойти къ тоскующему іомудскому принцу, о помолвкѣ котораго съ дочерью концессіонера Губошлепова на-дняхъ объявлено, или къ «питомцу славы», еще вчера дирижировавшему танцами на балу у предводителя дворянства?

Но этого мало: современное воровство, утративъ кастовый характеръ и страннымъ образомъ перепутавшись съ благонамѣ-

ренностью, пошло и еще далѣе, усложнилось до того, что сдѣлалось неосязаемымъ, не допускающимъ мысли ни о поличномъ, ни объ отвѣтчикѣ. Господа «арканщики» слишкомъ добры: ихъ арканы все-таки еще могутъ, отъ времени до времени, фигюрировать на столѣ вещественныхъ доказательствъ въ залѣ засѣданій суда; но, что̀ сказать объ арканѣ духовномъ, который невидимо и недосягаемо паритъ надъ современнымъ человѣкомъ, и въ то же время самымъ реальнымъ и грандіознымъ образомъ заявляетъ о своихъ хищническихъ свойствахъ? кто этотъ новоявленный, загадочный «воръ»? какіе отличительные его признаки? какія мѣры представляетъ жизнь для обороны противъ него?

На эти вопросы ни современный судъ, ни современная жизненная практика, ни современное искуство просто-на-просто не даютъ никакого отвѣта. Судъ хотя и выбрасываетъ ежедневно въ публику цѣлую массу фактовъ, но самъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствуетъ на основаніи классическихъ традицій, т. е. караетъ «мерзавца» завѣдомаго, и ни мало не разъясняетъ представленія о «мерзавцѣ» невидимомъ, но всѣми явственно уже чувствуемомъ. Жизнь и искуство успѣли взбудоражить сомнѣнія, побудили въ современномъ человѣкѣ чувство тупого безпокойства, но въ концѣ-концовъ тоже указали только на пустое пространство...

Классическія традиціи упразднены, какъ недостаточныя и, видимо, неудовлетворяющія современному уровню цивилизаціи, а новыхъ ученій о «новомъ воровствѣ» не издано, кромѣ развѣ упомянутаго выше ученія о томъ, какъ на обухѣ рожь молотить, каковое, однакожъ, тоже въ счетъ нейдетъ, потому что признается нетолько не зазорнымъ, но и обѣщающимъ несомнѣнные прибытки для тѣхъ, кто принялъ твердое намѣреніе слѣдовать его указаніямъ. Такимъ образомъ, все утрачено: и надежда спокойно спать, положивши деньги на текущій счетъ, и руководящая нить въ различеніи мазуриковъ, которые украдутъ лишь *столько, сколько успѣютъ*, отъ такихъ, которые, какъ говорится, не оставятъ и синя пороха, да сверхъ того, заставятъ безплодно метаться и взывать: Господи! да что̀-жъ это! да какимъ же это образомъ... все, все, все!

Воспитанный на лонѣ классицизма, я до сихъ поръ относился къ сословію воровъ поверхностно, и въ различеніи ихъ руководился исключительно наружными признаками. Я не боялся ни за мой кошелекъ, ни за мою шкатулку, ибо былъ увѣренъ, что покуда я живу въ мирѣ съ будочникомъ, который вообще мною завѣдуетъ—онъ оградитъ меня во всѣхъ путяхъ моихъ.

Онъ знаетъ, говорилъ я себѣ, всѣхъ воровъ, нетолько по наружному виду, но и по имени и отчеству, и стало быть, ежели воръ полѣзетъ ко мнѣ ночью въ окно, то онъ крикнетъ: эй, Ванька! сегодня въ этомъ домѣ не воруй, а воруй вонъ тамъ, по сосѣдству! Но теперь, когда внѣшніе признаки перепутались и стерлись, когда воруютъ не по ночамъ, а среди бѣла дня, когда воръ-мошенникъ, какъ каста, пересталъ быть опаснымъ, а явился угрозой, въ видѣ тонкаго начала, насыщающаго атмосферу, когда сами будочники остановились въ недоумѣніи передъ величіемъ реформы, превратившей «питомца славы» въ «червоннаго валета»—признаюсь, я струсилъ!

Каждый день вынимаю я изъ шкатулки послѣднее мое выкупное свидѣтельство, смотрю на него и никакъ не могу взять въ толкъ, мнѣ ли оно принадлежитъ, или какому-то Иксу, котораго я даже назвать по имени не могу. Мысль эта до такой степени мутитъ меня, что иногда просто хочется, чтобъ у меня поскорѣе украли это злосчастное выкупное свидѣтельство. Вѣдь, сравнительно, это все-таки болѣе благопріятный исходъ, нежели покончить жизнь въ духовномъ арканѣ, брошенномъ вѣрною, но невидимою рукою!

Представленіе объ этомъ духовномъ арканѣ, разжигаемое почти ежедневными повѣствованіями газетъ то о «червонныхъ валетахъ», то о банкротствахъ такихъ несомнѣнныхъ столповъ, какъ Баймаковъ, Лури и проч., сдѣлалось до такой степени обыкновеннымъ, почти обязательнымъ, что незамѣтно вошло въ мой ежедневный обиходъ.

Я присутствую на балѣ, смотрю на выводки милыхъ молодыхъ людей, которые такъ ловко танцуютъ и такъ убѣдительно объясняютъ своимъ дамамъ, между второй и третьей фигурами кадрили, что прелюбодѣяніе есть одна изъ привлекательнѣйшихъ формъ современнаго общежитія — и не могу свободно отдаться наслажденію, которое возбуждаетъ во мнѣ и эта ловкость, и эти умные разговоры, и этотъ соединенный блескъ свѣчей и женскихъ бюстовъ. Мысль, что у меня лежитъ въ карманѣ бумажникъ, и что покуда я зѣваю по сторонамъ, а этотъ очаровательный юноша дѣлаетъ въ пятый фигурѣ соло, онъ, этотъ бумажникъ, словно волшебствомъ можетъ очутиться совсѣмъ въ другомъ карманѣ — эта горькая мысль отравляетъ всѣ мои радости. Конечно, я нетолько не имѣю прямыхъ основаній указать на кого-либо изъ этихъ обворожительныхъ молодыхъ людей, какъ на причину этой отравы, но даже самому себѣ сознаться въ своей подозрительности стыжусь — но и за всѣмъ тѣмъ, не могу унять расходившагося чувства самосохраненія,

не могу не страдать! И зачѣмъ только я этотъ бумажникъ съ собой бралъ! въ сотый разъ мысленно укоряю я себя:—оставилъ бы его дома... Но вѣдь и дома... ахъ, какъ отлично поддѣлываютъ нынче ключи! точно ассигнаціи или векселя: и не узнаешь фальшиваго отъ настоящаго!

Другой случай. Я прихожу въ казанскій соборъ, съ твердымъ намѣреніемъ испросить себѣ «ангела вѣрна», безъ котораго, по нынѣшнему строгому времени, шагу ступить нельзя. Но едва начинаю я заводить глаза и отлагать житейское попеченіе, какъ рядомъ со мной становится почтеннаго вида мужчина, на котораго я невольно заглядываюсь. Онъ такъ благообразенъ въ ореолѣ своихъ сѣдинъ, такъ скромно вошелъ въ божій храмъ и сталъ на мѣсто, такъ смиренно поклонился на всѣ стороны, такъ вкусно сотворилъ первое крестное знаменіе, и затѣмъ съ такимъ сердечнымъ сокрушеніемъ палъ на колѣна, что я просто-на̀-просто думаю: вотъ милый старикашка! чай, и грѣхи-то у него куриные, а онъ такъ безпокоитъ себя! Подумавши это, я, конечно, вновь обращаюсь къ молитвѣ, и помаленьку опять начинаю отлагать житейское попеченіе. И вдругъ, чувствую, что меня что̀-то кольнуло въ бокъ. Въ сущности, однакожъ, меня ничто не кольнуло, а только вспомнилось, что въ карманѣ моемъ лежитъ бумажникъ. Опять эта проклятая идея! И гдѣ же, въ виду кого! Въ виду этого почтеннаго, благообразнаго убѣленнаго сѣдинами мужчины, который... Каюсь: я сто разъ, тысячу разъ неправъ; но развѣ терзанія, которыя я въ эту минуту испытываю, не служатъ достаточнымъ возмездіемъ за несправедливыя подозрѣнія, которыя родились во мнѣ при видѣ благоговѣйно склонившагося старца?

Третій случай. Я сижу въ итальянской оперѣ, и, въ ожиданіи поднятія занавѣса, думаю: такъ какъ мы, «питомцы славы», рождены для вдохновеній, то ужь теперь-то я до̀-сыта наслушаюсь соловьиныхъ трелей, которыя изведутъ мою душу изъ темницы поскудной дѣйствительности и перенесутъ ее въ міръ «сладкихъ звуковъ и молитвъ». Но едва раздались первые аккорды увертюры, какъ я уже ощущаю безпокойство, сначала смутное, а потомъ все болѣе и болѣе отчетливое и опять-таки преимущественно сосредоточивающееся около того пункта, гдѣ находится мой бумажникъ. Я начинаю озираться (вотъ кому приличествуетъ озираться, господа классики! не мошеннику, а тому, который имѣетъ основаніе трепетать передъ мошенникомъ!), я не могу спокойно усидѣть на мѣстѣ и безпрестанно вглядываюсь въ физіономіи моихъ сосѣдей по креслу. Я отлично понимаю, что въ эту минуту и въ этомъ мѣстѣ бояться мнѣ

нѣчего—и все-таки боюсь. Не реальнаго чего-нибудь, а волшебства. Зачѣмъ я *его* взялъ съ собой! тоскливо спрашиваю я себя:—вѣдь здѣсь нуженъ только двугривенный, чтобы отдать за сохраненіе шубы... и эта шуба! ахъ, эта шуба, гдѣ-то она теперь?! Между тѣмъ, аккорды, одинъ другого слаще, слѣдуютъ своимъ чередомъ. Занавѣсъ безшумно взвивается, и цѣлый громъ рукоплесканій возвѣщаетъ, что началось производство трелей. Но я ничего не слышу, все думаю: а что̀ если этотъ старичекъ, у котораго глаза бѣгаютъ и носъ крючкомъ — что̀, если онъ и есть тотъ самый волшебникъ и магъ, который въ совершенствѣ постигъ тайну обращать чужіе кредитные рубли въ старую газетную бумагу, и наоборотъ, свою собственную газетную бумагу — въ кредитные рубли? Гонимый этою мыслію, я съ трудомъ досиживаю до конца перваго дѣйствія и едва успѣваетъ застыть въ воздухѣ послѣдняя трель, какъ я уже вскакиваю съ кресла и бѣгу въ корридоръ: шуба! гдѣ моя шуба?!

Наконецъ, четвертый случай: я захожу въ гастрономическую лавку. Я облюбовалъ фунтъ сёмги и фунтъ винограду, товаръ мой уже свѣшанъ и завернутъ, остается, стало быть, заплатить и уйти. Но едва протянулась моя рука къ карману, въ которомъ лежитъ мой бумажникъ, какъ я припоминаю, что мнѣ слѣдуетъ уплатить всего какихъ-нибудь рубль пятьдесятъ копеекъ, а въ бумажникѣ у меня цѣлыхъ сто рублей. Между тѣмъ, въ лавкѣ людно, одинъ покупатель смѣняетъ другого, во всѣхъ углахъ раздается чавканье, и нѣтъ никакой надежды, чтобъ этотъ гомонъ хоть на минуту перемежился. Я тревожно всматриваюсь въ пеструю толпу, и рѣшительно ничего не могу различить. Всѣ люди какъ люди, у всѣхъ лица одинаково напоминаютъ стертые пятиалтынные стараго чекана, ни на одномъ не написано: сія физіономія принадлежитъ вору, но ни на одномъ, однакожъ, не видно и яснаго ручательства, что чужой кошелекъ—святыня! И вотъ, я рѣшаюсь выжидать, пока толпа отольетъ; жду полчаса, жду часъ. Это становится настолько оригинальнымъ, что прикащики начинаютъ отъ времени до времени взглядывать на меня, а одинъ даже довольно развязно напоминаетъ: вотъ, господинъ, ваша покупка! Но я все еще крѣплюсь, перехожу отъ одного лакомства къ другому, словно надумываюсь, что̀ бы еще купить, какъ вдругъ въ публикѣ происходитъ шопотъ, и до ушей моихъ долетаетъ странное слово, отъ котораго краска бросается мнѣ въ лицо. Наконецъ, старшій прикащикъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Господинъ! коли, ежели вы дѣйствительно... такъ извольте

взять ваши покупки *за благодарность*! и пожалуйте въ слѣдующій магазинъ!

Представьте себѣ! и публика, и прикащики приняли меня за... тò-бишь за члена торговой полиціи!

Положимъ, что моя подозрительность преувеличена до болѣзненности, положимъ, что подъ вліяніемъ процесса московскаго ссуднаго банка и разсказовъ о подвигахъ «червонныхъ валетовъ» я сдѣлался нервенъ и раздражителенъ, но вѣдь не все же въ моихъ опасеніяхъ представляется плодомъ разстроеннаго воображенія! есть же и въ нихъ какое-нибудь реальное основаніе, коль скоро они до того неотступно преслѣдуютъ меня, что доводятъ почти до состоянія ясновидѣнія! Да и одного ли меня? О, ты, читающій эти строки, ты отъ рожденія своего безпечно думавшій, что жизнь среди «питомцевъ славы» навсегда освобождаетъ тебя отъ обязанности запираться на ключъ и спускать шторы, всякій разъ, какъ приходится вынимать деньги на расходъ кухаркѣ — развѣ не вопіялъ ты, на всѣ лады: караулъ! унесли! — когда, подобно трубному звуку, разразилась надъ тобой вѣсть о крушеніяхъ московскаго банка, Баймакова, Лури и проч.? Развѣ не метался ты, восклицая въ безсильномъ недоумѣніи: да какъ же это! да неужто же въ самомъ дѣлѣ! да почему же, наконецъ, правительство, начальство, полиція?!.. Не клялся ли ты, что впредь никогда, никогда...

Да, основаніе для опасеній есть, и притомъ не фиктивное, а вполнѣ реальное. Спрашивается, однакожъ: въ какомъ положеніи долженъ находиться принципъ собственности, когда со всѣхъ сторонъ несется одинъ и тотъ же вопль, когда одинъ и тотъ же трепетъ обуялъ всѣ сердца? Что онъ посрамленъ и поруганъ—въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, но, чтò всего жесточе, онъ посрамленъ и поруганъ не одними «червонными валетами», но и мною съ тобой, благосклонный читатель. Ибо и мы съ тобою не по поводу принципа собственности вопіемъ и мечемся, а исключительно по поводу того, что у *насъ* украли столько-то рублей. Такъ что еслибъ у *насъ* украли въ десять разъ меньше, мы въ десять разъ меньше же метались бы, а еслибъ украли только гривенникъ, то, пожалуй, даже и пошутили бы. А вѣдь, по настоящему-то, это не такъ; по настоящему, мы должны метаться нетолько за себя и за други своя, но и преимущественно за принципъ. Вотъ какъ мечутся, напримѣръ, прокуроры—безмездно, но въ чаяніи получить повышеніе, и адвокаты гражданскихъ истцовъ—за опредѣленное, по цѣнѣ иска, вознагражденіе.

Предположимъ, впрочемъ, что принципъ собственности еще

какъ нибудь да прорвется сквозь облаву, устроенную «червонными валетами», и найдетъ себѣ охрану въ сводѣ законовъ (вѣдь тамъ, собственно говоря, и находится дѣйствительное его мѣстожительство), но что навѣрное и на многіе годы останется посрамленнымъ и лишеннымъ всякой охраны—это человѣческая мысль, додумавшаяся, подъ гнетомъ испуга, до серьёзнаго убѣжденія, что отнынѣ, вся задача человѣческаго существованія должна быть сосредоточена на защитѣ рубля.

Вопли, наполняющіе вселенную по поводу волшебныхъ исчезновеній рубля, нетолько назойливы своимъ однообразіемъ, но и прямо поскудны. Мало того, что у меня «отнимаютъ», но еще заставляютъ ломать голову надъ вопросомъ, откуда наскочило на меня это отнятіе? Да и этого мало: положительнымъ образомъ удостовѣряютъ, что и завтра повторится тотъ же процессъ отнятія, а за нимъ и опять послѣдуютъ тѣже тщетныя усилія выбиться изъ подъ гнёта вопросовъ; какъ, зачѣмъ, почему? И такимъ образомъ будто бы пройдетъ вся жизнь. Эти скверные вопросы оцѣпили все мое существованіе, взяли въ полонъ мою душу, отучили меня мыслить, отбили отъ дѣла, отъ всего, что сообщало моей жизни маломальски порядочный смыслъ. Я маленькій человѣкъ, но если мнѣ суждено съ каждымъ днемъ все больше и больше сокращать мою порцію, то я хочу, по крайней мѣрѣ, знать, ради чего наслано на меня это насильственное сокращеніе и какъ называется та бездна, которая притягиваетъ въ себѣ всѣ соки, и ничего назадъ не отдаетъ?

Да, это именно бездна, а не лично тотъ или другой «червонный валетъ». «Червонный валетъ» подвернулся тутъ только для прилику: какъ corpus delicti, къ которому можно привязаться, чтобы отвести глаза и приличнымъ образомъ выйти изъ затрудненія. Съ единичнымъ червоннымъ валетомъ не трудно управиться (да и управляются: всѣ мѣста не столь отдаленныя кишатъ этою новою человѣческою разновидностью), но противъ *неумирающаго червоннаго валета*—я безсиленъ. Въ виду этой неумираемости, я долженъ сложить оружіе. Ибо я не могу *существовать*, если въ умѣ моемъ безвыходно мечется мысль, что на меня ежеминутно откуда-то надвигается нѣчто загадочное, непредвидѣнное, могущее въ конецъ меня подорвать. Я не могу ни предусматривать, ни производить, ни накоплять, ни распредѣлять—зачѣмъ? для чего? Къ чему ведутъ всѣ извороты и усилія ума, на что нужны трудъ, талантъ, аккуратность, умѣренность, если завтра, сейчасъ, черезъ мигъ покажется изъ за угла медузина голова и...

Я знаю, что когда этотъ мигъ настанетъ, когда все уже с

вершится, тогда явится прокуроръ и приметъ мой хладный прахъ въ свое завѣдываніе. Онъ все взвѣситъ все разберетъ и за все отомститъ. Отомститъ—кому? Лично вотъ этому червонному валету, который унесъ у меня столько-то рублей? Помилуйте! да неужто же я до того мелоченъ и непонятливо золъ, чтобы не уразумѣть, что во всей этой исторіи червонный валетъ ни при чемъ, что онъ только вещественный знакъ тѣхъ невещественныхъ отношеній, передъ которыми самыя похвальныя усилія прокуроровъ и ихъ товарищей разобьются, какъ волна разбивается о гранитный утесъ?

Но, допустимъ даже, что я мелоченъ и золъ, и что личная месть могла бы удовлетворить меня, однако, и этотъ крохотный результатъ едва ли ужъ такъ несомнѣнно-достижимъ, какъ это можно предположить съ перваго взгляда. Легко сказать: прокуроръ отомститъ, но вѣдь не соло же онъ будетъ выдѣлывать на судѣ, а выйдетъ навстрѣчу ему адвокатъ, вынетъ изъ кармана святое евангеліе (онъ ужъ съ недѣлю назадъ его въ синодальной лавкѣ купилъ, и все рылся: плевелы... плевелы... плевелы... а! вотъ, наконецъ, нашелъ!) и проклянетъ часъ своего рожденія, убѣждая вселенную вообще и господъ присяжныхъ въ особенности, что истинный виновникъ постигшаго меня умертвія, не сей «питомецъ славы», велѣніями судебъ, превратившійся въ червоннаго валета, а я самъ, дуракъ и простофиля, введшій его въ соблазнъ.

Кто устоитъ въ неравномъ боѣ?

III.

Тоска! нѣкуда деваться, нѣ къ чему приступиться, нѣ объ чемъ думать! Стучаться въ запертую дверь—безплодно; ломиться въ нее — надорвешь силы. Вышла было линія—воровать, да и та повернулась не на пользу, а по направленію къ скамьѣ подсудимыхъ. Даже коренные, прожженные хищники и тѣ удивляются: воруютъ, воруютъ, а никакъ-таки наворованное къ рукамъ пристать не можетъ—все, словно сквозь сито, такъ и плыветъ, такъ и плыветъ... куда?

— У меня, братъ, третьяго дня деньги унесли, говорю я, вмѣсто привѣта, входящему ко мнѣ Глумову.

— А у меня — вчера унесли, привѣтствуетъ меня и онъ въ свою очередь.

— У меня Сидоръ Кондратьичъ унесъ, а у тебя кто?

— У меня? а прахъ ихъ знаетъ! Говорятъ на Ивана Иваныча,

да я не вѣрю. Впрочемъ, и ты, любезный другъ, на Сидора-то Кондратьича клевещешь, кажется.

— Какъ, клевещу! Сказываютъ, что за день передъ тѣмъ, какъ объявиться, онъ сто тысячъ унесъ, веселый такой былъ!

— Не въ томъ дѣло. Вѣдь и мой Иванъ Иванычъ третьяго дня уйму денегъ унесъ, а сегодня все-таки ни ему, ни семьѣ его жрать нѣчего!

— Чортъ знаетъ, однако, чтò ты говоришь! Куда же онъ деньги дѣвалъ?

— Угадай, любезный, подумай! Ты вѣдь любишь помечтать на тэму, кабы у бабушки... ну, и потрудись!

— Да и тебѣ, пожалуй, не мѣшаетъ подумать!

— Нѣтъ, братъ, я давно ужь думать оставилъ. Живу просто... ну, живу—и шабашъ!

Глумовъ остановился противъ меня, пристально взглянулъ мнѣ въ глаза, и запѣлъ: ah! ah! que j'aime, que j'aime les milimilimilitairrrres!

— Вотъ какъ я нынче живу! прибавилъ онъ: — и вчера въ «Буффѣ» былъ, и сегодня Гранье пойду слушать! Люблю, братецъ я, люблю это французскую безпардонность, ибо подобіе земного нашего странствія въ ней вижу!

Но шутка Глумова даже улыбки не вызвала на мое лицо. Я человѣкъ аккуратный и счетъ деньгамъ знаю. Сверхъ того, я понимаю (очень многіе этого не понимаютъ, а женщины—сплошь и рядомъ), что если у меня нѣтъ въ карманѣ расходныхъ денегъ, то мнѣ, пожалуй, и обѣдать не дадутъ. Такъ что, ежели я, проснувшись утромъ, замѣчаю исчезновеніе дроби, которую я наканунѣ вечеромъ считалъ закономъ предоставленною мнѣ собственностью, то это меня огорчаетъ. А тутъ, представьте себѣ, не дроби, а прямо цѣлыя числа пропадаютъ, обращаются въ нули—каково же должно быть мое огорченіе! Да вдобавокъ еще, начнешь жаловаться, вопіять,—а тебѣ въ упоръ плоскія шутки отпускаютъ, говорятъ, что Сидоръ Кондратьичъ здѣсь ни причемъ! Вѣдь покуда я былъ увѣренъ, что третьеводнишнія мои деньги именно Сидоръ Кандратьичъ укралъ,—все-таки какъ-то легче мнѣ было. Думалось: можно будетъ и поприжать молодца! посидитъ съ мѣсяцъ въ Тарасовкѣ (я ужь въ общую складчину и на кормовыя пожертвовалъ)—смотришь, анъ копеечекъ по десяти и выдавитъ изъ себя! А еще съ мѣсяцъ посидитъ — и еще по десяти копеечекъ выдавитъ! Помаленьку да полегоньку, да съ Божьею помощью, въ одномъ мѣстѣ давнутъ, въ другомъ діагностику сдѣлаютъ—гляди, полтина-то и набѣжала! Полтина...

вѣдь это почти что кушъ! Полтина...' гм... однакожь, только полтина! а другая-то полтина куда же дѣвалась?

Должно быть, много скорби вылилось на моемъ лицѣ, подъ вліяніемъ этихъ думъ (въ особенности же послѣдней), потому что даже черствое сердце Глумова тронулось моимъ горемъ.

— Копилъ, чай? сказалъ онъ голосомъ, полнымъ участія.

— Какъ же, братецъ! Жена, дѣти... предусматривалъ тоже.. чортъ знаетъ чтò такое! Теперь пристаютъ: вотъ, папаша, всегда вы такъ дѣлаете! А прежде приставали: „папаша! да отчего же вы Сидору Кондратьичу вашихъ денегъ не отдадите? вѣдь онъ на текущій счетъ изъ восьми процентовъ беретъ!

— Да, другъ, понимаю я это: тяжко! Давича утромъ, ни свѣтъ ни заря, ко мнѣ совсѣмъ неизвѣстный генералъ прибѣжалъ; я еще спалъ, такъ разбудить велѣлъ. Выхожу: чтò вашему превосходительству угодно? спрашиваю. — Помилуйте! говоритъ, дѣдушка мой копилъ, батюшка покойникъ копилъ, я самъ... да-съ самъ-съ! копилъ-съ! И вдругъ какой-то проходимецъ въ одну минуту все это въ трубу выпустилъ! И весь, знаешь, трясется, брызжетъ, руками машетъ: до Государя, говоритъ, дойду!—Жаль, говорю, что ваше превосходительство такъ, въ одинъ мигъ... да я-то тутъ причемъ?—А вы, говоритъ, тоже въ числѣ кредиторовъ значитесь, такъ неугодно ли на кормовыя пожертвовать, чтобъ ему, негодяю, впредь не повадно было?

— Ты... подписалъ?

— И не подумалъ. Ивана-то Иваныча — въ долговое?! Этакого умнѣйшаго, обстоятельнѣйшаго... словомъ сказать, финансиста?! Вѣдь я, десять лѣтъ сряду въ него, какъ въ Провидѣніе, вѣровалъ! въ церковь не ходилъ — все къ нему! шептался съ нимъ! перемигивался! душу передъ нимъ выкладывалъ! Иной разъ на сотню выложишь, въ другой—на цѣлую тысячу! И чтобъ я сталъ мины подъ этого человѣка подводить! Напротивъ! я все утро сегодня убѣждалъ, что первый нашъ долгъ—объ семьѣ его позаботиться... и убѣдилъ!

— Ну, нѣтъ! мы своего Сидора Кондратьича запрятали-таки. И я на кормовыя подписался.

— Чтò-жь,—и это ничего! правильно! Вы—правильно поступили, а мы—великодушно! но ни мы, ни вы одинаково ничего не получимъ. За то, кабы ты видѣлъ, какой въ немъ, въ Иванѣ-то Иванычѣ, переворотъ вдругъ сдѣлался, когда онъ объ рѣшеніи-то нашемъ узналъ! Все воровство вдругъ соскочило, одно просвѣтленье осталось! И слёзы-то, и смѣется-то, и губы трясутся, и кланяется (руки, однако, не протягиваетъ: понимаетъ, то недостоинъ!), и лепечетъ... Все! говоритъ, вся моя жизнь,

все до послѣдней капли крови—все отнынѣ принадлежитъ кредиторамъ! И ежели, говоритъ, я всего, до послѣдней копейки... о, Господи!

— Тсс... А кто его знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ отдастъ!

— Нѣтъ, ужь, что̀ ужь! Я, братъ, говорилъ съ нимъ объ этомъ. Вотъ, говорю, дружище, въ новую жизнь вступаешь!—Въ новую, говоритъ.—Вѣдь это, говорю, все равно, что снова съ коллежскаго регистратора начинать... трудно! А впрочемъ, не ропщи, ежели съ усердіемъ да съ терпѣніемъ—пожалуй, и опять въ тайные совѣтники произведутъ!—Ахъ, говоритъ, не для себя я, а для господъ кредиторовъ... Господи! кабы только силы да разумѣнія!..—И вдругъ — опять слезы, опять губы трясутся, опять просвѣтленіе.—Отдашь? говорю.—Вотъ какъ, передъ Истиннымъ!.. какъ на исповѣди, такъ и теперь... послалъ бы только Богъ силы да разумѣнія...—Ну, да ужь гдѣ! не отдастъ—это вѣрно. Губы онъ какъ-то облизываетъ, и глазами врозь смотритъ, когда у Бога силы и разумѣнія проситъ. Да и не расчетъ вѣдь ему отдавать-то!

— А ты увѣренъ, что у него ничего не спрятано? что семьѣ его, дѣйствительно, нечего ѣсть?

— Куска нѣтъ—вѣрное слово тебѣ говорю. Я и объ этомъ съ нимъ разговоръ имѣлъ.—Куда-жь, братецъ, ты деньги дѣвалъ? спрашиваю.—Ну, и онъ тоже меня спрашиваетъ: а вы вѣрите, говоритъ, что я честный человѣкъ?—Вѣрю, говорю.—Такъ вотъ, говоритъ, суди меня Богъ и Государь, ни копейки у меня на совѣсти нѣтъ!—Подумай, однако, говорю, можетъ, и вспомнишь!—Ничего я не вспомню, и не знаю, и не понимаю! на неосторожность сослаться—не могу, потому что я всегда достаточно остороженъ былъ. Мотать тоже не моталъ, такъ чтобъ ужь слишкомъ... Извѣстно, квартира была, экипажъ держалъ... ну, повара нанималъ! Сами посудите, при моихъ дѣлахъ—какъ же иначе?

— Да, иначе нельзя! Онъ вѣдь на биржу ѣздилъ, дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ обѣдами кормилъ—нельзя безъ обстановки ему обойтись!

— Вотъ ты и суди! Ни неосторожности, ни мотовства—а въ трубу вылетѣлъ! И даже самъ не можетъ объяснить, куда все подѣвалось!

— Ну, онъ-то знаетъ!

— Говорю тебѣ, не знаетъ. Онъ, братъ, вѣдь глупъ. Вотъ мы съ тобой и досужіе люди, а въ центру попасть не можемъ — такъ ему ужь куда! Онъ всю жизнь, словно во снѣ прожилъ, благо въ заведенное колесо попалъ. Сегодня на биржу, завтра

на биржу, сегодня — купить-продать, завтра — купить-продать— вотъ и премудрость его вся. Мысли—никакой, итоги—по двойной бухгалтеріи сведены. Такъ-то, братъ!

— Чудеса!

— Такія чудеса, что вотъ я, человѣкъ ужъ искушенный, а возьму въ руки рубль, и не разберу, что̀ у меня: полтинникъ, четвертакъ, или кусочекъ третьеводнишней афишки. Покажешь извощику—тотъ увѣряетъ: рупь! Ну, и слава Богу!

— Да, извощики покуда еще выручаютъ. Крѣпкій это народъ, достовѣрный!

— Кнутъ имъ Богъ въ руки далъ—вотъ они и думаютъ, что не кормя, на одномъ кнутѣ, и нѝ вѣсть куда доѣдутъ.

— И доѣдутъ. Потихоньку да полегоньку, тутъ подпругу подтянутъ, въ другомъ мѣстѣ шлею подправятъ, въ третьемъ — просто хвосты подвяжутъ: эй вы, соколики!

Сказалъ я это, и задумался. «А какъ вдругъ, со всѣхъ четырехъ ногъ...» внезапно представилось мнѣ, да такъ живо представилось, что со всѣми подробностями, во всей, такъ сказать художественной образности. И кру̀ча, и слабосильныя разбитыя лошади, несущіяся во весь карьеръ, и гнилой мостишко впереди, и оврагъ... «Угодятъ онѣ на мостъ, или не угодятъ?» словно молнія блеснула передъ моими глазами, и я совершенно явственно ощутилъ, какъ волосы шевельнулись у меня на головѣ.

— Что̀ задумался? пари держу, что образъ какой-нибудь художественный сію минуту воспроизвелъ? прервалъ Глумовъ мою художественную производительность.

— Помилуй! съ какой стати!

— Чего ужъ—вижу вѣдь я! И руками уперся, и напружился, и весь корпусъ въ комо̀къ собралъ... боишься?

— Да какъ бы тебѣ сказать...

— То-то я вижу, что ты словно изловчаешься, ка̀къ бы головой объ столбъ не угодить... Ничего, братъ, Богъ милостивъ!

— Милостивъ-то милостивъ, а денегъ намъ все-таки не отдадутъ. Плакали наши денежки! И куда онѣ дѣвались... Господи! да куда-жь онѣ, въ самомъ дѣлѣ, дѣвались?

— Куда все прочее дѣвается, туда и онѣ. Вотъ ты, конечно, струсберговскій процессъ читалъ—понялъ что-нибудь?

— Гм... да... нѣтъ, воля твоя, а у Ландау денежки есть!

— Ты ка̀къ объ этомъ узналъ?

— Должны быть у Ландау деньги, должны! Полянскій—тотъ заплакалъ, а Ландау... есть у него деньги! есть! Это... это, я тебѣ скажу... Вотъ какъ теперича день на дворѣ, такъ и это... Нѣтъ, этакъ нельзя!

Я разгорячился и вскочилъ съ мѣста. Коварство Ландау было такъ очевидно, такъ осязательно, что фигура его, подробно описанная газетными репортерами, такъ и металась у меня передъ глазами. Полянскій—тотъ, по крайней мѣрѣ, заплакалъ, а Ландау...

— Нельзя такъ! нельзя! нельзя! нельзя! почти грозно восклицалъ я.

— Чудакъ ты, братецъ! Вдругъ закричалъ, точно изъ ляписнаго раствора промывательное ему поставили! А ты образумься, пойми! вѣдь и у твоего Сидора Кондратьича, небось, на молочишко осталось, такъ что-жъ: копеечку что ли на рубль тебѣ получить хочется?

— Нѣтъ, тутъ не объ копеечкѣ рѣчь, а о принципѣ! Нельзя такъ! нельзя!

— Нельзя да нельзя—что̀ нельзя-то?

— Воровать нельзя! запрещается воровать! Да-съ, запрещается-съ!

— Запрещается—а воруютъ! Нѣтъ ужъ ты выйди лучше на площадь, закричи «караулъ»—можетъ, и полегчитъ!

Слова эти какъ будто отрезвили меня, но не вдругъ, однако. Нѣкоторое время, утроба моя еще колыхалась, и я совершенно явственно слышалъ, какъ въ ней урчало: нельзя! Но такъ какъ я человѣкъ впечатлительный, то минуты черезъ двѣ мнѣ ужь самому казалось нѣсколько страннымъ, съ чего я вдругъ такъ разгорячился. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ до того ужь меня ущемило отъ того, что на дняхъ какія-нибудь три-четыре цифры, по недоразумѣнію, обратились въ нули! Пожалуй, со стороны могутъ еще подумать, что я жадный... Я-то жадный! Я-то!.. да вотъ у меня выкупное свидѣтельство осталось — два ихъ было, да одному Сидоръ Кондратьичъ на дняхъ другое назначеніе далъ—ну, хотите я это самое выкупное свидѣтельство сейчасъ же, сію минуту...

На мое счастье, Глумовъ прервалъ теченіе моихъ мыслей и не далъ совсѣмъ уже созрѣвшему порыву самоотверженія вылетѣть изъ груди.

— Ну вотъ, теперь у тебя восторженность какая-то въ лицѣ явилась, сказалъ онъ:—опять, должно быть, художественную картину воспроизвелъ!

— Ахъ, отстань, пожалуйста! преотвратительная это у тебя привычка—выраженіе лица подглядывать!

— Зачѣмъ подглядывать—прямо видно! Пари держу, что еще минута, и ты закричалъ бы: «человѣкъ! шампанскаго!» Ну-ну,

не сердись, не буду! Скажи, ты объ «червонныхъ валетахъ» имѣешь понятіе?

— Знаю.

— Такъ вотъ, по моему, отличнѣйшій наглядный примѣръ. Полянскій, Ландау—это, положимъ, загадочные люди, а въ «червонныхъ валетахъ» даже загадочности никакой нѣтъ. Все извѣстно: и сколько наворовали, и гдѣ сколько истратили — все есть! Только одного не видать: какимъ образомъ тысячные документы въ десяти-рублевыя бумажки превращались.

— Ну, кàкъ не видать?

— Именно не видать. Укралъ онъ, положимъ, облигацію, или документъ въ тысячу рублей выманилъ—ну, извѣстно, первымъ долгомъ въ трактиръ навѣдался, документъ за буфетъ размѣнять послалъ, просидѣлъ три-четыре часа за полштофомъ—смотритъ, анъ у него въ рукѣ только десяти-рублевая бумажка зажата! Ну, и опять, стало быть, завтра воровать надо!

— Наѣлъ да напилъ, можетъ быть?

— Нѣтъ, и этого не было, потому что у нихъ вѣдь водка главную роль играетъ—куда же тутъ тысячу рублей разсорить! А тàкъ вотъ: одинъ взялъ съ него куртажные, другой—за «поворованное» учелъ (какъ прежде за постоялое, да за полежалое брали), третій — за то взялъ, что у такихъ парней и Богъ не велѣлъ много денегъ оставлять, четвертый — за то, что воровъ князьями да графами величалъ, пятый—за то, что въ участокъ не препроводилъ... Такъ она и разошлась вся, тысяча-то, словно невидимый духъ ее разнесъ.

— Да, но ты все-таки можешь объяснить себѣ, куда она разошлась. Эти первый, второй, третій, которыхъ ты сейчасъ назвалъ—все-таки они воспользовались!

— Нѣтъ, и они не воспользовались, потому что и съ каждымъ изъ нихъ та же исторія завтра повторится. Опять пойдутъ и куртажные, и за «поворованное», и за величанье... А послѣ завтра, ужь съ тѣхъ возьмутъ, которые вчера взяли... И выйдетъ на повѣрку, что изъ тысячи-то рублей, на сто, много на двѣсти пропито да проѣдено, а прочее все на различныя невещественныя статьи изведено.

— Такъ что въ результатѣ окажется, что воръ для того только и воруетъ, чтобы издержки воровства покрыть? Это чтò ли ты хочешь сказать?

— Именно. А сверхъ того, еще и то, что ежели бы воры понимали, изъ-за какой малости они безпокоятъ себя, такъ, право, девять десятыхъ изъ нихъ давно бы эту привычку кинули.

— Да ты никакъ даже жалѣешь ихъ?

— Да, заправскихъ воровъ, тѣхъ, которые, со взломомъ или безъ взлома, но во всякомъ случаѣ рискуютъ своими боками и заранѣе знаютъ, что не попасть имъ въ мѣста не столь отдаленныя нельзя—тѣхъ жалѣю. А объ тѣхъ, которые крадутъ невидимо, которые занимаются только тѣмъ, что мой рубль, съ Божьею помощью, обращаютъ въ полтинникъ—объ тѣхъ ничего не говорю: еще не вникъ.

— А, по моему, такъ и въ заправскомъ ворѣ ничего достойнаго симпатіи нѣтъ.

— Ремесло у него тяжелое—вотъ что̀. Украсть на полтинникъ, а измучаться на сто рублей — развѣ это не каторга? Особливо, ежели кто еще не забылъ, что онъ въ благородномъ пансіонѣ воспитаніе получилъ.

— Напримѣръ, твой Иванъ Иванычъ?

— А какъ бы ты думалъ! Вотъ я тебѣ давеча говорилъ, что у него даже руку кредиторамъ подать смѣлости не хватаетъ! у него, которому не дальше, какъ третьяго дня, стоило только пальцемъ поманить, чтобы вся эта ватага, сложивши на груди руки крестомъ, въ умиленіи внимала, ка̀къ онъ, понюхивая табачекъ, бормочетъ: купить-продать, продать-купить! Нѣтъ, про̀пасть еще въ немъ совѣсти, про̀пасть! Ужь по одному этому, по одной этой несмѣлости ты можешь угадывать, какую онъ ночь долженъ былъ провести наканунѣ того дня, какъ ему «объявиться» пришлось! Чай, и дѣтство-то все, и невинность вся прошлая, и папенька, и маменька, и первая любовь (онъ за нею двадцать тысячъ взялъ, и тутъ же ихъ, вмѣстѣ съ прочими, ухнулъ) — все, все передъ глазами его пронеслось! Это ужь не художественные инстинкты всполошились, а кровь, собственная кровь заговорила! И прибавь къ этому: онъ даже не укралъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а только не оправдалъ довѣрія—почему же онъ совѣстится и держитъ себя такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ укралъ?

— Да, да, въ благородномъ пансіонѣ воспитывался, похвальные листы получалъ... Вотъ и червонные валеты, и они тоже...

— И ихъ двѣ трети изъ «питомцевъ славы»—знаю я и это. Помнишь Дмитріева:

Твои сыны, питомцы славы,
Прекрасны, горды, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ.

— Какъ же! Какъ же! Передъ приходомъ твоимъ только-что вспоминалъ! А помнишь ли, какъ ты послѣдній стихъ передѣлалъ: *И дѣвокъ розгами сѣкутъ?* Видно, мы ужь съ малолѣтства «славу»-то въ смѣшномъ видѣ любили представлять!

— Ну, что было, то прошло. Нынче ни того, ни другого ужь

нѣтъ: ни дѣвы розами не цвѣтутъ, ни дѣвокъ розгами не сѣкутъ. Развѣ подъ пьяную руку на Казикѣ, да и то—что̀ за радость, какъ на мировую пятьдесятъ рублей сдерутъ?

— Да, некрасивая это штука — червонные валеты, и не поздоровится отъ нея «питомцамъ славы!» А для меня, признаюсь, еще того прискорбнѣе, что на скамьѣ подсудимыхъ опять будутъ фигурировать дѣти Москвы. Давно ли сидѣли струсберговцы, давно ли гремѣли адвокаты, доказывая, что они то и суть излюбленные люди, дѣти Москвы, и что иныхъ дѣтей Москва отнынѣ и производить не можетъ—и вотъ, точно еще недоставало для полноты картины: опять дѣти, да въ добавокъ еще... червонные валеты!

— И замѣть, что если относительно струсберговцевъ нужно было еще доказывать, что они дѣти Москвы, то тутъ даже доказательствъ никакихъ не потребуется. Прямо валяй стихами:

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима!

всякій присяжный засѣдатель чутьемъ пойметъ.

— И представь себѣ, что вѣдь это та самая Москва, которая, впервые, собрала Русь...

— А теперь собираетъ «червонныхъ валетовъ»?—представляю! Но, во-первыхъ, такому городу, который самъ себя называетъ «сердцемъ Россіи», надо же что-нибудь собирать, а во-вторыхъ, опять-таки повторю: я и вообще ничего противъ господъ воровъ не имѣю, а червонныхъ валетовъ—даже люблю. Русскіе парни! душевные, разымчатые! Не мошенничество у нихъ на первомъ планѣ, а выдумка и смѣшной видъ, — гдѣ, въ какой другой странѣ ты это найдешь? И притомъ, скромны... ну право же, скромны! украдетъ красненькую, четвертную — и будетъ! И сейчасъ же спѣшитъ изъ этой красненькой удѣлить рубль тому, кто его графчикомъ назоветъ! Спроси-ка объ нихъ у трактирныхъ половыхъ, у извощиковъ — всѣ въ одинъ голосъ скажутъ: душевные господа, первый сортъ господа! Нѣтъ! право... не знаю, какъ ты, а я чѣмъ больше съ ними знакомлюсь, тѣмъ чаще говорю себѣ: хорошо съ такими парнями недѣльку-другую пожить—утѣшатъ!

— Ну, меня не особенно къ нимъ тянетъ!

— Это оттого, что ты въ Петербургѣ засидѣлся, освѣжаться рѣдко ѣздишь. А въ сущности, что̀ такое Петербургъ? тотъ же сынъ Москвы, съ тою только особенностью, что имѣетъ форму окна въ Европу, вырѣзаннаго цензурными ножницами. Особенность, можетъ быть, и пользительная, да живется при ней какъ-то ужъ очень не весело.

— А, по твоему, лучше въ Москвѣ? по твоему, весело, какъ

надъ тобой, какъ надъ дуракомъ, утѣшаются, да тутъ же, съ хохотомъ и съ визгомъ, и существованіе твое подрываютъ?

— Дуракомъ никому не весело быть—это я знаю; да вѣдь не въ томъ и задача веселыхъ русскихъ «выдумокъ», чтобъ «дураку» было весело, а въ томъ, чтобъ вотъ у нихъ, разымчатыхъ парней, сердце играло, да и посторонніе, чтобъ не очень обижались, что въ ихъ глазахъ съ прохожаго человѣка пальто снимаютъ. Русскій человѣкъ любитъ смѣшной видъ, и многое за него прощаетъ—какъ ты хочешь, а что-нибудь это да значитъ!

— А именно?

— Да хоть бы то, что русскій человѣкъ, не видитъ міроваго событія въ явленіи, которое, само по себѣ, ломаннаго гроша не стоитъ; не кричитъ, не мститъ, не хранитъ затаенной злобы, а можетъ быть даже,—инстинктивно, разумѣется,—связываетъ съ этимъ явленіемъ своего рода внутренній вопросъ... Согласись самъ, можно ли сердиться, напримѣръ, на такую выдумку, объ которой я на дняхъ отъ одного москвича слышалъ. Встрѣчается червонный валетъ въ трактирѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ съ иностранцемъ, и, разумѣется, какъ малый общительный, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Не забудь, что червонный валетъ хоть и «воръ», но это отнюдь не мѣшаетъ ему быть обворожительнымъ молодымъ человѣкомъ. Манеры у него—прекрасныя, разговоръ—текучій, и при этомъ такія обстоятельныя свѣденія о Москвѣ, объ ея торговлѣ, богатствахъ, нравахъ, обычаяхъ и проч., которыя прямо свидѣтельствуютъ о всестороннемъ и очень добросовѣстномъ изученіи. Иностранецъ тѣмъ болѣе очарованъ, что съ этими манерами и свѣденіями соединяется безграничный досугъ и чисто славянская готовность услужить, успокоить человѣка, находящагося вдали отъ родины, среди чужихъ. Мало по малу—конечно, не въ одинъ и не въ два дня—очарованіе приноситъ желаемый плодъ: иностранецъ, въ свою очередь, дѣлается изліятельнымъ. Происходитъ обмѣнъ мыслей, произносятся жалобы на обиліе за границей капиталовъ, дѣлающее помѣщеніе ихъ до крайности затруднительнымъ, и въ результатѣ оказывается, что Россія есть единственная въ мірѣ благословенная страна, въ которой капиталъ, безъ труда (ежели не украдутъ), можетъ приносить очень серьёзный процентъ. Какъ только разговоръ установился на этой почвѣ, такъ червонный валетъ ужь смотритъ на своего собесѣдника, какъ на «фофана». И вдругъ—мысль! продать этому «фофану» казенныя присутственныя мѣста. Сказано-сдѣлано. Весь клубъ червонныхъ валетовъ въ движеніи: одинъ бѣжитъ къ экзекутору присутственныхъ мѣстъ, и предупреждаетъ его, что на дняхъ его посѣтитъ

знатный иностранецъ, интересующійся вопросомъ о чижовкахъ вообще и московскихъ въ особенности; другой—на скоро нанимаетъ помѣщеніе, и устраиваетъ въ немъ псевдонотарьяльную контору; третій—спѣшитъ щегольнуть такими фальшивыми документами, чтобъ лучше настоящихъ были; четвертый приготовляется разыграть роль владѣльца-продавца; пятый, шестой—просто радуются и думаютъ: вотъ-то удивится фофанъ! Словомъ сказать, всѣ заняты и всѣмъ весело. Въ назначенный день происходитъ осмотръ; экзекуторъ, какъ истинно гостепріимный хозяинъ, показываетъ: вотъ чижовка! вотъ еще чижовка! и еще, и еще, и еще чижовка! Червонный валетъ служитъ приэтомъ переводчикомъ, стучитъ кулакомъ объ стѣну, и говоритъ: Милордъ! посмотрите, какая толщина! Потомъ ѣдутъ къ нотаріусу, получаютъ съ иностранца задаточныя деньги, провожаютъ его въ гостинницу, и затѣмъ—все исчезаетъ. Ни нотаріуса, ни очаровательнаго молодого человѣка, ни владѣльца дома—ничего Остаются лицомъ къ лицу экзекуторъ, который еще разъ готовъ казенныя чижовки лицомъ показать, и знатный иностранецъ, который никакъ не можетъ втолковать экзекутору, что онъ этотъ домъ купилъ и надѣется получать на свой капиталъ не меньше десяти процентовъ... Скажи по совѣсти: будь ты въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, неужели ты могъ бы разсердиться на такую «выдумку»?

— Да вѣдь сердиться и не требуется; требуется только сказать, совершено ли мошенничество, о которомъ идетъ рѣчь, или не совершено?

— То-то, что не это одно. Нужно и еще на вопросъ отвѣтить: виновенъ ли такой-то въ совершеніи мошенничества, или не виновенъ?

— Конечно, виновенъ! тутъ и сомнѣнія не можетъ существовать!

Признаюсь, я сказалъ это хоть и бойко, но на сколько было въ этой бойкости искренности—это еще вопросъ. Какъ ни страннымъ можетъ это показаться, но разсказъ Глумова о продажѣ зданія присутственныхъ мѣстъ произвелъ во мнѣ нѣкоторое раздвоеніе. Съ одной стороны, представлялась законопреступность дѣянія, съ другой—выдумка. Ежели первая стояла внѣ всякихъ сомнѣній, то вторая... можно ли, при обсужденіи дѣла, въ которомъ главную роль играетъ «выдумка», обойти эту «выдумку»? справедливо ли исключить изъ счета обвиняемаго? На всякій случай, предположите, напримѣръ, что, по безпримѣрной снисходительности суда, въ числѣ прочихъ вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ, значится слѣдующій: «заключаетъ

ли въ себѣ выдумка объ отчужденіи зданія казенныхъ присутственныхъ мѣстъ на столько завлекательности, чтобы заинтересовать людей, коихъ природное веселонравье въ значительной степени возращено и выхолено полученнымъ въ благородномъ пансіонѣ воспитаніемъ?» — чтò могутъ отвѣтить на него присяжные?

По моему мнѣнію, тутъ можетъ произойти одно изъ двухъ: или присяжные, убоясь скандала, попросятъ ихъ отъ отвѣта уволить, или же они сойдутъ въ глубины своей совѣсти, и, не найдя тамъ ничего, кромѣ веселости, вынесутъ отвѣтъ: да, выдумка достаточно завлекательная. Это будетъ, конечно, скандалъ, но скандалъ вѣдь и въ первомъ случаѣ неминуемъ, потому что самое отступленіе передъ трудностями разрѣшенія доказываетъ ясно, что вопросъ только по формѣ представляется скабрёзнымъ, а по существу, затрогиваетъ самыя чувствительныя струны человѣческаго существованія.

Но, возразитъ мнѣ читатель, присяжные вѣдь, могутъ отвѣтить и такъ: «нѣтъ, ничего завлекательнаго въ выдумкѣ червонныхъ валетовъ не видится». Да, они несомнѣнно могутъ и такъ отвѣтить, но, клянусь, что подобнымъ отвѣтомъ они все-таки отнюдь не избѣгнутъ скандала. Ибо, кромѣ оффиціальныхъ присяжныхъ, въ залѣ суда присутствуетъ еще цѣлая толпа присяжныхъ неоффиціальныхъ, которые, навѣрное, найдутъ вынесенный приговоръ нетолько противорѣчащимъ вѣяніямъ времени, но и прямо кляузнымъ. «Суди да не засуживай!»—вотъ общій голосъ, который вынесется на встрѣчу мертворожденному рѣшенію, и я, право, не знаю, насколько выиграетъ отъ этого «институтъ» присяжныхъ.

— И ихъ, разумѣется, поймали? продолжалъ я, обращаясь къ Глумову.

— Разумѣется, поймали, и притомъ со всѣми онёрами: съ раскаяніемъ, съ разоблаченіями, съ дѣтскими противорѣчіями. Но ты вотъ что сообрази: во-первыхъ, они взяли съ знатнаго иностранца, за свою выдумку, не больше четырехъ-пяти тысячъ рублей, что, при разверсткѣ между членами братства, и за исключеніемъ издержекъ, дало не болѣе полутораста-двухъ сотъ рублей на человѣка; во-вторыхъ, они все дѣло вели почти открыто, и нетолько не заметàли своихъ слѣдовъ, но, навѣрное, отпраздновали свою побѣду надъ «фофаномъ» самымъ шумнымъ образомъ и притомъ непремѣнно въ такомъ мѣстѣ, куда самая простодушная полиція—и та получила свободный доступъ. Развѣ таковы признаки настоящаго мошенника? Мошенника современнаго закала, напримѣръ, который прямо изъ кармана не

воруетъ, а невидимо превращаетъ рубль въ полтинникъ, не оставляя за собой ни поличнаго, ни отвѣтчиковъ, ни даже истцовъ?

— Хорошо, оставимъ на время «червонныхъ валетовъ». Какое же, по твоему, средство избавиться отъ того невидимаго вора, о которомъ ты сейчасъ упомянулъ? Какимъ образомъ такъ устроить, чтобы хоть завтрашній-то день, благодаря ему, не стоялъ передъ нами угрозой?

— Ты это на счетъ того что ли, чтобы завтра было что дать на расходъ кухаркѣ? ну, на это, и безъ экстренныхъ мѣропріятій, средства еще найдутся.

— Нѣтъ, ты не шути, тутъ не о кухаркѣ рѣчь, а вообще... Жить сдѣлалось не ловко—вотъ что! Деньги—какія-то загадочныя сдѣлались, кредита—нѣтъ... Прежде вотъ «портфёль» былъ, ну, «балансъ» тоже, а теперь, сказываютъ, и «портфёль», и «балансъ»—все потеряли.

— На этотъ счетъ я могу тебя успокоить: обращено вниманіе!

— Слава Богу! Ты развѣ слышалъ что-нибудь?

— Достовѣрно знаю. Вчера, какъ изъ собранія кредиторовъ шелъ—Лёвушку Колѣнцова встрѣтилъ. «Поздравь меня, говоритъ, я ужь въ Семиозерскъ не ѣду!»—Что такъ? говорю, то охотился, а теперь вдругъ... «Другая миссія представляется, говоритъ. Entre nous soit dit, на дняхъ имѣетъ быть возбужденъ... ну вотъ, на счетъ этого «портфёля»... такъ я...»—И назвалъ мнѣ такую миссію, и съ такимъ, братецъ, содержаніемъ, что я, отъ удовольствія, пальцемъ его прямо въ животъ ткнулъ!

— Ну, хорошо... ну, будетъ, положимъ, комиссія... что̀ же эта комиссія сдѣлаетъ?

— Да печаль твою разсѣетъ—и то хорошо. «Портфёль» отыщетъ, «балансъ» подведетъ...

— Поди, чай, опять сто одинъ томъ «Трудовъ» издадутъ?

— Ужь это само собой!

— Прескверная это привычка у нашихъ комиссій... Да притомъ и «Труды»-то... представь себѣ, вѣдь Лёвушка Колѣнцовъ участіе въ нихъ принимать будетъ!

— Довѣрія что ли въ тебѣ онъ не возбуждаетъ?—напрасно! Не знаю, какъ на счетъ «баланса», а на счетъ «портфёля» ему Богъ такой разумъ далъ, что онъ любого финансиста за поясъ заткнетъ!

— То-то, что только на счетъ портфёля!

— А ты не торопись! сперва «портфёль» сыщетъ, а потомъ

*

догадается, что и безъ «балансу» тоже нельзя—и «балансъ» поднесетъ.

— То-то на экономическихъ обѣдахъ радость будетъ! Только, воля твоя, а у меня эти сто одинъ томъ «Трудовъ» изъ головы не выходятъ. Покуда они потрошатъ, да соображаютъ, да округляютъ...

— А мы будемъ жить, время проводить. Вотъ объ струсберговцахъ еще забыть не успѣли, а ужъ «червонные валеты» грядутъ! И не увидимъ, какъ время пролетитъ!

— Но вѣдь ты самъ сейчасъ говорилъ, что въ общественномъ смыслѣ, какъ знаменіе времени, значеніе «червонныхъ валетовъ»—неважное!

— И все-таки! Конечно, въ громадномъ процессѣ отнятія и исчезновенія, охватившемъ все и вся, роль этихъ молодыхъ людей второстепенная и эпизодическая, но не забудь, что бо́льшая часть ихъ еще очень недавно называла себя «питомцами славы», «дѣтьми Москвы» и другими звонкими именами, какія нынче даже адвокату на языкъ не взбредутъ. Вѣдь это тоже чего-нибудь да стоитъ! Такъ вотъ ты и займись ими, пока Лёвушка Колѣнцовъ будетъ «портфёль» и «балансъ» отыскивать. А о прочемъ не тужи, и, главное, не копи денегъ, потому что Сидоръ Кондратьичъ, коли захочетъ,—все равно отниметъ!

Я рѣшился послѣдовать совѣту Глумова. Хоть я и увѣренъ, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, и что не только «портфёль» съ «балансомъ», но современемъ даже и «стыдъ» будетъ отысканъ (недаромъ Глумовъ говоритъ: стыдъ—это главное! покуда «стыда» не будетъ—ничего не будетъ!), но, въ ожиданіи этихъ благъ, время все-таки проводить надо. Поэтому, извиняясь передъ читателемъ за настоящее, черезъ-чуръ длинное предисловіе, приступаю къ разсказу о подвигахъ «червонныхъ валетовъ» (само собой разумѣется, что мои «червонные валеты» будутъ не вполнѣ тѣ, которымъ суждено, въ недалекомъ будущемъ, фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ въ московскомъ окружномъ судѣ), съ обязательствомъ впредь не входить въ отыскиваніе причины причинъ, тѣмъ больше, что, по увѣренію Глумова, тутъ и причинъ никакихъ нѣтъ, а просто есть препровожденіе времени.

Н. Щедринъ.

СОХРАНИТСЯ ЛИ ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ?

I.

Мы обладаемъ свойствомъ, общимъ всѣмъ политически неразвитымъ народамъ: наше политическое мышленіе крайне не отчетливо относительно господствующихъ въ нашей средѣ учрежденій; мы рѣдко даемъ себѣ ясный отчетъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ ихъ дальнѣйшее существованіе для насъ желательно или нежелательно; поэтому мы никогда не знаемъ хорошенько, чего желать; еще рѣже мы отчетливо понимаемъ тѣ условія, при которыхъ можетъ существовать и развиваться то учрежденіе, которое мы, наконецъ, рѣшились пожелать. Отъ этого во внутренней нашей жизни мы похожи на корабль, брошенный въ море на произволъ судьбы, безъ парусовъ и безъ руля, и безпомощно гонимый въ разныя стороны вѣтрами и волнами. Мы никогда не знаемъ и не можемъ знать, куда мы идемъ и куда мы придемъ. Живя такимъ образомъ, мы постоянно доживаемъ и должны доживать до неисправимаго или трудно исправимаго зла въ нашей средѣ. Въ возмужаломъ возрастѣ каждый русскій гражданинъ платитъ за грѣхи, сочиненные его родителями во время его дѣтства, а въ старости каждый изъ насъ терпитъ за собственные свои прежніе грѣхи. Я не имѣю намѣренія обсуждать здѣсь этотъ предметъ во всемъ его объемѣ; я хочу привести здѣсь только одинъ примѣръ, который способенъ показать, что народу нельзя жить, не доживая до бѣды, если онъ не будетъ дѣлать усилій, чтобы получать основательныя понятія о тѣхъ учрежденіяхъ, среди которыхъ онъ живетъ. Много вѣковъ мы прожили инстинктивно въ нашихъ поземельныхъ отношеніяхъ: они слагались какъ попало; даже тѣ, для которыхъ это было жизненнымъ вопросомъ, имѣли объ нихъ только смутное понятіе. Ни правительство, ни помѣщики, ни крестьяне,

ни казаки, ни башкиры, однимъ словомъ — никто не трудился выяснить юридически свои поземельныя отношенія. Одни утѣшались мыслію, что они имѣютъ право на все, помѣщики—что они могутъ все на своихъ земляхъ; остальные были убѣждены, что это вовсе не такъ. Подобныя юридическія понятія были, очевидно, совершенно недостаточны; однако же, ими руководствовались въ такой степени, что даже помѣщики, которые болѣе всѣхъ другихъ знали о своихъ отношеніяхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не знали даже, сколько земли находится во владѣніи у ихъ крестьянъ. Такое верхоглядство въ странѣ, гдѣ 95% жило отъ земли, существеннѣйшимъ образомъ, мѣшало развитію ея цивилизаціи; однако же, хотя мы уже двѣсти лѣтъ тому назадъ почувствовали, что безъ развитія цивилизаціи въ нашей средѣ намъ жить невозможно, но шли годы за годами и десятки лѣтъ за десятками и намъ все не удавалось примѣтить слона. Наконецъ, онъ такъ сталъ затаптывать насъ своими ногами, что не примѣтить его не было ни малѣйшей возможности; мы взялись за умъ и, среди сильнѣйшаго, болѣзненнаго волненія, стали регулировать свои поземельныя отношенія, т. е. дѣлать то, что мы могли бы слѣлать безъ малѣйшаго потрясенія, еслибы мы своевременно взялись за умъ. Лишь только мы серьёзно принялись за дѣло, оказалось, что тутъ намъ вовсе нельзя идти тѣмъ аллюромъ, какимъ мы привыкли идти въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда случалось, въ былыя времена, что наша историческая повозка вдругъ остановится передъ ямой, мы оглядывались направо и налѣво, чтобы увидать, гдѣ лежатъ колеи, проторенныя западно-европейской цивилизаціей, и, усмотрѣвъ ихъ, направляли туда свой экипажъ. Войдя въ колеи, мы снова начинали посвистывать съ чисто славянской безпечностью и, не затрудняя своихъ мозговъ, катили по проторенному пути. По пробитому западно-европейскими реакціонерами пути шла Россія въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, а когда оказалось плохо, нашлось много пробитыхъ европейцами либеральныхъ дорожекъ: по нимъ покатили наши питейная, судебная, земская, цензурная, желѣзно-дорожная, военная реформы и пр. Только одна поземельная оказалась такой телегой, которая не влѣзала ни въ какія западно-европейскія колеи; волею и неволею пришлось пробивать свою собственную дорогу, дѣлать самое непривычное для насъ дѣло, шевелить мозгами—и вышло плохо. Одну пару колесъ мы пустили по западно-европейской колеѣ, а другая никакъ не влѣзаетъ. Телега кривится, того и гляди что-нибудь потеряешь или еще, чего добраго, и въ яму бухнешься. Все, что можно было

передѣлать въ поземельныхъ отношеніяхъ по западному образцу, мы передѣлали, придерживаясь всегдашняго нашего правила: куда-де намъ гоняться за лучшимъ?—для насъ ладно и похуже. Но у насъ оказалось еще одно учрежденіе, которое не поддавалось никакимъ западно-европейскимъ шаблонамъ: это—общинное владѣніе. На бѣду, это учрежденіе вышло еще такого сорта, что оно и для западной цивилизаціи могло считаться весьма передовымъ; оно, повидимому, могло быть для насъ залогомъ великаго будущаго, великимъ пособникомъ въ международной борьбѣ за существованіе. Западная цивилизація извѣрилась въ начало наслѣдственной поземельной собственности, точно такъ же, какъ, триста лѣтъ тому назадъ, она извѣрилась въ начало наслѣдственной власти феодализма; она перестала ощущать его прелести и ощущеніе неудобствъ стало брать верхъ; она стала искать другого, новаго и увы! предчувствовать это новое въ общинныхъ учрежденіяхъ. Послѣ этого мы не могли отнестись къ общинному владѣнію такъ же, какъ мы относились къ казачеству и другимъ нашимъ историческимъ учрежденіямъ, и безъ всякой церемоніи считать его негоднымъ порожденіемъ невѣжества. Мы и тутъ рады были бы поискать западно-европейской тропинки, но нигдѣ не оказывалось даже и слѣдочка. Мы было стали обращаться къ Мауреру, Мэну, Лавеле, къ швейцарской алменде, къ англійскимъ общиннымъ землямъ, за которыя въ послѣднее время такъ сильно ратовали въ парламентѣ, но вездѣ дѣло оказывается неподходящимъ. Всѣ виды общиннаго владѣнія—и историческія, и современныя, и древне-китайское, и индѣйское, и римское, и арабское, и древне-германское, и современное сербское, англійское, швейцарское—оказывались вовсе непрогрессивными и вовсе не тѣмъ, чего желаетъ современное соціальное движеніе. Арабскій шейхъ, римскій патрицій, китайскій императоръ, распредѣляющій землю по заслугамъ и потребностямъ пропитанія, древне-англійское lords waste представляются современному соціальному движенію учрежденіями рабства и зависимости для рабочаго, а вовсе не свободы; общины, ревниво удерживающія земли въ своихъ рукахъ—индѣйская, современное казачество—имѣютъ преимущества только надъ крупною поземельной собственностью и скорѣе напоминаютъ средневѣковые цехи, чѣмъ учрежденія, соотвѣтствующія новѣйшимъ взглядамъ и потребностямъ, и, все-таки, ясно, что эти потребности могутъ быть удовлетворены только въ направленіи къ общинному и ассоціаціонному порядку.

II.

Стоитъ сравнить основную идею поземельной собственности съ идеей общиннаго владѣнія, чтобы понять, что первая несравненно проще, а послѣдняя несравненно сложнѣе; но именно поэтому первая несравненно менѣе способна къ развитію, чѣмъ послѣдняя. Идея собственности относится къ идеѣ общиннаго владѣнія, какъ идея неограниченнаго наслѣдственнаго управленія къ идеѣ самоуправленія. Вотъ тебѣ, Иванъ, по наслѣдству, земля; дѣлай съ нею что хочешь—хоть въ кашѣ съѣшь; вотъ тебѣ семейство, дѣлай съ нимъ что хочешь; вотъ тебѣ, зайсангъ, по наслѣдству, двѣнадцать кибитокъ; вотъ тебѣ, помѣщикъ, деревня; вотъ тебѣ, ханъ, ханство; вотъ тебѣ, государь, государство—дѣлайте съ ними что хотите. Идея эта очень простая, и общество тѣмъ болѣе склонно класть ее въ основаніе всякаго порядка, чѣмъ менѣе оно развито. Но за то же она тѣмъ менѣе начинаетъ удовлетворять его, чѣмъ далѣе общество развивается. Исторія развитія всѣхъ политическихъ и соціальныхъ учрежденій заключаетъ въ себѣ два фазиса: сначала объединеніе общества посредствомъ установленія простѣйшаго порядка неограниченной власти надъ людьми и вещами, а потомъ—направленіе этого порядка на пользу общества посредствомъ усиленія его вліянія и общинныхъ учрежденій. Въ западно-европейскихъ государствахъ и ихъ заморскихъ отпрыскахъ политическая неограниченная власть устранена уже во всѣхъ сферахъ, начиная отъ семейства и кончая верховнымъ правительствомъ; поэтому не мудрено, если тамъ является стремленіе къ ея устраненію и въ сферѣ соціальной. Не мудрено, что оно начинаетъ замѣчать, что, при учрежденіи поземельной собственности, оно имѣетъ только одно средство обезпечить эксплуатацію земли въ пользу общества, а не въ пользу отдѣльныхъ лицъ: это—законы о наслѣдствѣ, и что это орудіе начинаетъ казаться ему слишкомъ недостаточнымъ. Между землею и движимымъ капиталомъ есть существенная для общества разница. Если мелочной лавочникъ будетъ дурно распоряжаться своимъ товаромъ, то покупатели станутъ обращаться къ сосѣднему лавочнику; мало-по-малу его торговля прекратится, и все дѣло перейдетъ въ руки сосѣда; точно также и покупатели, работники и производители свободно перетекаютъ отъ неискуснаго фабриканта, оптоваго заказчика и банкира къ искусному. Это свободное передвиженіе покупателей и производителей даетъ имъ возможность наказывать неловкаго капиталиста

въ размѣрѣ его неловкости, и это наказаніе можетъ, наконецъ, дойти до полнаго лишенія капитала. Наказывая его, общество не чувствуетъ никакого стѣсненія въ удовлетвореніи своихъ потребностей, потому что наплывъ покупателей тотчасъ будетъ давать сосѣду возможность расширять свое дѣло такъ далеко, какъ только хватаетъ ихъ потребность. Въ области движимаго капитала учрежденіе собственности, при свободной промышленности, стоитъ на той же высотѣ, на какой въ области политической стоитъ самоуправленіе: и тутъ, и тамъ гражданинъ выбираетъ распоряжающагося дѣломъ. Этотъ порядокъ имѣетъ уже одни только тѣ неудобства, которыя неразрывно связаны съ исключительной властью вообще. По отношенію же къ землѣ подобный свободный переливъ немыслимъ при учрежденіи собственности: если земля извѣстной мѣстности раздѣлена между сотнею землевладѣльцевъ, то каждый изъ нихъ можетъ дать обществу только столько произведеній, сколько порождается его клочкомъ; всѣ покупатели мѣстности не могутъ обратиться къ нему одному, у него сосредоточить все дѣло и растянуть этимъ его землю до того, что она покроетъ всю мѣстность, а земля всѣхъ остальныхъ обратится въ безплодную и бездоходную подпочву. Какъ бы ни были дурны эти сто землевладѣльцевъ, какъ бы дурно они ни распоряжались своими землями и тѣми, которые ихъ обработываютъ, но общество вынуждено будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переносить тѣ страданія, которыми они заблагоразсудятъ его наградить. Исторія землевладѣнія представляетъ полную аналогію съ исторіею политическаго управленія, съ тою разницею, что она начинается несравненно позже. Древнѣйшій неограниченный наслѣдственный родоначальникъ былъ точно такъ же независимъ отъ членовъ своего рода, какъ и германскій и итальянскій князёкъ XVIII столѣтія, и члены рода точно также чувствовали свою полную зависимость, какъ подданные XVIII вѣка. Между тѣмъ, въ рѣдко населенной странѣ, гдѣ господствуетъ свободно обращающаяся поземельная собственность, не существуетъ ни такой зависимости населенія отъ поземельныхъ собственниковъ, ни такой независимости землевладѣльцевъ. Та ихъ часть, которая отличается дѣятельностью и способностью, можетъ легко сосредоточить на своихъ земляхъ почти всю производительность и поглотить всю трудовую силу. Трудящихся такъ мало, что, во всякомъ случаѣ, только часть земли можетъ быть обработана; свободный выборъ сохраняется какъ для покупателей, такъ и для работниковъ, и принципъ свободной поземельной собственности въ рѣдко населенной странѣ, по достоинству своему, для общества равняется

принципу свободно обращающагося капитала и свободнаго самоуправленія. Вотъ почему въ развивающихся обществахъ мы долго встрѣчаемся только съ одной борьбой за установленіе свободной поземельной собственности, и противъ такихъ ограниченій этой свободы, которыя искуственно сосредоточиваютъ земли или стѣсняютъ свободный переходъ и договоръ между землевладѣльцемъ, работникомъ и покупателемъ. Большая густота населенія не можетъ даже явиться безъ высокой степени развитія сельскохозяйственной производительности, точно такъ же, какъ она не можетъ явиться безъ значительной степени развитія пріемовъ политическаго управленія; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ и правителей дѣлается совершенно неспособною къ личному распоряженію: поземельный собственникъ все въ большихъ размѣрахъ замѣняется арендаторомъ, наслѣдственный правитель—бюрократомъ. Въ окончательномъ результатѣ, распоряженіе сводится уже только къ назначенію арендатора и бюрократа. Общество начинаетъ чувствовать, что дѣло такъ упростилось, что, пожалуй, оно и само могло бы его сдѣлать помимо наслѣдственнаго неограниченнаго землевладѣльца, и ему бы тогда достался тотъ значительный доходъ, которымъ пользуется теперь отдѣльное лицо за свое право неограниченной поземельной власти. Эта идея, опять-таки, такъ проста и осязательна, что она неизбѣжно постоянно должна приходить людямъ; но если эта теоретическая идея дается очень легко, то тѣмъ труднѣе дается ея осуществленіе. Одному землевладѣльцу, шейху, старостѣ, боярину, барону, графу, у котораго въ жизни только одно дѣло—распоряжаться на своей землѣ или управлять своей общиной, неизмѣримо легче и пріобрѣтать нужныя для того свѣдѣнія и проявлять свою волю, чѣмъ гражданину общины, котораго жизнь поглощается своимъ собственнымъ дѣломъ, для котораго общественный интересъ—только часть его интересовъ и которому такъ трудно проявлять свою волю, что нѣсколько интригановъ, ловко маневрируя общиннымъ дѣлопроизводствомъ, могутъ обезличить его и сдѣлать его вліяніе только кажущимся. Чтобы обезпечить для общины такое сознательное вліяніе на дѣла ея членовъ, при которомъ дѣйствительно господствовалъ бы общій интересъ, нужно искуство, которое дается только долгимъ опытомъ и упражненіемъ. Античный міръ тысячу лѣтъ упражнялся въ самоуправленіи и кончилъ полнѣйшимъ фіаско, которое привело къ деспотизму римской имперіи. Свободный германецъ стремится къ этому двѣ тысячи лѣтъ и, послѣ самыхъ тяжкихъ испытаній, достигъ въ Европѣ демократическаго самоуправленія

только въ маленькой Швейцаріи. Въ Европѣ только еще одна Англія серьёзно помышляетъ о замѣнѣ принципа поземельной собственности принципомъ общиннаго владѣнія. За него тамъ высказываются самыя славныя имена въ наукѣ; за него ратовалъ Милль, теперь ратуетъ Фоусетъ. Спенсеръ провозглашаетъ его наравнѣ со свободою неотъемлемымъ естественнымъ правомъ людей; чартисты составляютъ изъ него существенную часть своей програмы. Все-таки англичане даже еще не додумались до того, кàкъ взяться за дѣло, чтобы начать осуществленіе. Развитое самоуправленіе даетъ такую силу сопротивленія каждой личности, что радикальные соціальные повороты дѣлаются тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ глубже укоренялись въ странѣ начала самоуправленія. Осязательный примѣръ намъ представляетъ освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Поэтому можно ожидать, что переходъ отъ частнаго къ общинно̀му землевладѣнію будетъ сопряженъ съ еще болѣе тяжкой борьбой, чѣмъ водвореніе самоуправленія; а, между тѣмъ, этотъ переходъ неизбѣжно совершится по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя вызываютъ постепенное развитіе самоуправленія. Вотъ почему въ странѣ, въ которой уже давно укоренилось общинное землевладѣніе, точно такъ же неблагоразумно было бы уничтожать его или уменьшать его размѣры, какъ неблагоразумно было бы подавить давно укоренившееся самоуправленіе. Давать дальнѣйшее развитіе сдѣланной уже въ этихъ случаяхъ части дѣла, это значитъ дать обществу значительный шансъ успѣха и избавить его отъ тяжкой борьбы. Подавить же сегодня укоренившіяся учрежденія, это значитъ вынудить общество завтра начать сначала и вести упорную борьбу для достиженія того, что̀ было легкомысленно выпущено изъ рукъ. Намъ говорятъ, что общинное владѣніе существовало и было уничтожено въ Западной Европѣ процессомъ соціальнаго развитія; но вѣдь и самоуправленіе существовало и было уничтожено, и свободная собственность существовала и была замѣнена феодальнымъ владѣніемъ, и мелкое землевладѣніе существовало и было замѣнено крупнымъ, и свобода работника существовала и была замѣнена крѣпостнымъ правомъ, и свобода ремесла существовала и была замѣнена цехомъ. Въ теченіи хода своего развитія, цивилизованныя государства дѣлали на каждомъ шагу неблагоразумныя вещи, за которыя дорого приходилось платить впослѣдствіи. Неужели мы не должны воспользоваться этимъ опытомъ? Впрочемъ, наше общество оказалось не настолько недальновиднымъ, чтобы не понять этого, тѣмъ болѣе, что общинное землевладѣніе является у насъ въ формѣ далеко болѣе совершенной, чѣмъ оно было въ

Индіи, въ Римѣ, въ Аравіи и въ Западной Европѣ; оно и удержалось-то такъ долго именно по причинѣ своихъ совершенствъ. Поэтому оно навязало себя обществу.

III.

Въ пятидесятыхъ годахъ, вся масса образованнаго общества, и либералы и, реакціонеры, были за поземельную собственность и смотрѣли на общинное владѣніе, какъ на варварское учрежденіе; въ нѣсколько лѣтъ этотъ взглядъ былъ до того радикально перестроенъ обсужденіемъ предмета, что вся масса общества перешла на сторону общиннаго владѣнія. И реакціонеры, и либералы должны были признать сохраненіе общиннаго владѣнія славнымъ дѣломъ русскаго народа. Тогда образовалось два равносильныя воззрѣнія съ взаимно перетекающимъ большинствомъ: одни прямо желали распространенія общиннаго владѣнія, какъ учрежденія въ высшей степени прогрессивнаго и національнаго; другіе утверждали, что вопросъ объ общинномъ владѣніи есть вопросъ времени, что его нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, что не слѣдуетъ принимать никакихъ искуственныхъ мѣръ къ поддержанію общиннаго владѣнія и что слѣдуетъ предоставить учрежденіе на произволъ судьбы—пусть оно само собою держится безъ правительственнаго вмѣшательства или само собою уничтожается. Цѣль этой статьи—показать фактами изъ современной жизни, что говорить такимъ образомъ все равно, что̀ говорить, что ненужно искуственно поддерживать народное образованіе—предоставьте дѣло собственному своему теченію, не дѣлайте никому насилія, какое право имѣете вы заставлять меня платить за образованіе чужого ребенка? не нужно общественныхъ школъ: если не возникаетъ частныхъ школъ, значитъ въ народѣ нѣтъ къ тому потребности. Вопросъ о пользѣ самоуправленія—вопросъ не рѣшенный; не навязывайте его народу; если самоуправленіе не возникаетъ само собою, значитъ народъ въ немъ не чувствуетъ потребности. Вопросъ о свободѣ—вопросъ не рѣшенный; не навязывайте народу освобожденіе бюрократическими мѣрами; пусть крѣпостное право прекратится само собою. Такія разсужденія всего вреднѣе именно въ тѣ времена, когда сохраненіе и развитіе какого-нибудь возникшаго въ народѣ прогрессивнаго учрежденія составляютъ еще его оригинальность, его національную особенность, когда оно еще не сдѣлалось общимъ достояніемъ, потому что тогда они гибельны для подобнаго учрежденія, между тѣмъ какъ умѣнье

сохранять его въ такія времена и есть великое умѣнье для народовъ—оно даетъ имъ великіе шансы. Относитесь такъ къ народному образованію—и народъ останется въ безвыходномъ невѣжествѣ, къ самоуправленію—и бюрократизмъ будетъ царить безраздѣльно, крѣпостные останутся въ рабствѣ въ теченіи тысячелѣтій. Все-таки путемъ одного частнаго обученія народъ не разовьется, а явятся общественныя школы, но онѣ будутъ порождены тяжкой борьбой и въ недостаточномъ количествѣ; самоуправленіе будетъ водворяться тяжкимъ, революціоннымъ путемъ и будетъ сопряжено, какъ въ Турціи и Испаніи, съ распаденіемъ государства. Еслибы населеніе теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ, не считало вопроса о рабствѣ вопросомъ нерѣшеннымъ, то ему не пришлось бы выносить изъ за него такую тяжкую борьбу. Когда въ пятидесятыхъ годахъ возникъ великій вопросъ объ устройствѣ нашихъ поземельныхъ отношеній, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, разгорѣлась теоретическая борьба между защитниками общиннаго владѣнія и западно-европейской поземельной собственности, законодательство, очевидно, старалось принять возможно безпристрастное положеніе. Между спеціалистами, имѣвшими вліяніе на это законодательство, однакоже, рѣшительное вліяніе имѣли два мнѣнія. Одни были убѣждены въ превосходствѣ начала поземельной собственности, но все-таки считали нужнымъ сохранить общинное владѣніе, какъ начало, укоренившееся обычаемъ; другіе убѣдились опытомъ, что общинныя земли воздѣлываются вовсе не хуже земель, находящихся въ собственности. Такое положеніе, хотя оно и отражало собою настроеніе образованнаго общества, было, въ сущности, весьма неблагопріятно для общиннаго владѣнія. Законодательство, въ сущности, направлено къ постепенному уничтоженію общиннаго владѣнія и къ замѣнѣ его поземельной собственностію; мы сейчасъ увидимъ, что, если это уничтоженіе не совершается съ осязательной быстротой, то это зависитъ только отъ того, что крестьяне до того проникнуты тѣмъ воззрѣніемъ, изъ котораго вытекло русское общинное владѣніе, что имъ трудно себѣ представить, чтобы возможно было существованіе такого законодательства, какимъ дѣйствительно опредѣляются теперешнія поземельныя отношенія; но, какъ скоро они это поймутъ, то ихъ предразсудки и эгоистическіе интересы прямо побудятъ ихъ разрушить общину.

IV.

Для огражденія общиннаго владѣнія существуетъ собственно только одно важное законоположеніе: это ст. 54 общ. кр. пол., которая требуетъ большинства двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, для рѣшенія дѣлъ о распредѣленіи земли и для постановленія о замѣнѣ общиннаго владѣнія частной собственностію. При настроеніи образованнаго общества, законодательство болѣе не могло и сдѣлать; даже либералы находили этотъ законъ чрезмѣрнымъ, они полагали, что не слѣдовало бы идти далѣе простого большинства. Однакоже, и 54 ст. неизбѣжно должна привести къ уничтоженію общиннаго владѣнія, лишь только крестьяне станутъ смотрѣть на дѣло такъ, какъ смотритъ образованное общество. По мнѣнію образованнаго класса, суть общиннаго владѣнія заключается въ томъ, что всѣ права на землю переходятъ отъ лица къ обществу, между тѣмъ какъ частная собственность, наоборотъ, переводитъ ихъ отъ общества къ лицу. Еслибы крестьяне смотрѣли такимъ же образомъ, то общиннаго владѣнія уже давно бы не существовало и оно тотчасъ уничтожится, какъ скоро образованному классу удастся привить такой взглядъ крестьянамъ. Общинное владѣніе удержалось потому, что они никогда не смотрѣли на общину, какъ на полновластнаго собственника: они полагали, наоборотъ, что община не имѣетъ ни малѣйшаго права посягать на достояніе своего члена, лежащее въ общинной землѣ; по ихъ понятію, общинное владѣніе установляло только принципъ равенства этого достоянія и ограждало всѣхъ отъ посягательства на это равенство со стороны каждаго отдѣльнаго члена. Отсюда вытекли всѣ крестьянскіе пріемы при общинномъ владѣніи. При обиліи земли, каждый пользовался и распоряжался ею, какъ собственникъ; спрашиваться у общины ему и въ мысль не приходило—каждый считалъ себя хозяиномъ земли; себя, а не общину. Онъ считалъ своимъ несомнѣннымъ правомъ эксплуатировать ее нетолько личнымъ, но и наемнымъ трудомъ, мало этого—онъ считалъ несомнѣннымъ своимъ правомъ, не спросясь общины, продавать естественныя произведенія этой земли, отдавать участки этой земли въ аренду кому онъ хочетъ и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ найдетъ покупателей и съемщиковъ. Общины, поселяясь на безлюдьѣ, завладѣвали такими большими участками, что потомъ на этой землѣ, вмѣсто одной, являлось двадцать деревень и населеніе разъ въ сорокъ превышало перво-

начальное. Одолѣвъ трудности первоначальнаго поселенія, крестьяне пользовались раздольемъ для своего благосостоянія, какъ только душа желала. Никто не спрашивалъ другого, сколько вспахалъ, скосилъ или вырубилъ, а всякій, глядя на того, кто набралъ больше, старался сдѣлать тоже; только лѣнь и государственныя требованія клали предѣлъ обогащенію. Если зажиточный человѣкъ добывалъ гдѣ-нибудь наемныхъ косцовъ и выкашивалъ въ пятеро больше, чѣмъ другіе, или съ двадцатью человѣками въѣзжалъ зимою въ лѣсъ, то другіе думали только о томъ, чтобъ сколотить деньгу и сдѣлать тоже. Всякій разводилъ въ лѣсу сколько хотѣлъ пчелъ, ставилъ сколько и гдѣ хотѣлъ ловушекъ для рыбы, обдиралъ сколько хотѣлъ хвойныхъ деревьевъ для смолокуренія, и ободранное на корню дерево считалось уже его собственностію, и т. д. Всякій распоряжался, однимъ словомъ, съ безпредѣльнымъ произволомъ, пока онъ не нарушалъ общаго интереса. Но лишь только онъ начиналъ его нарушать, тогда, опять-таки, всѣ единогласно были противъ него и клали ему предѣлъ. Отсюда вытекъ первый, основной, всосанный крестьяниномъ съ молокомъ матери принципъ русскаго общиннаго землевладѣнія: тутъ—не шейхъ, не баронъ, не лордъ, не староста-хозяинъ; хозяинъ—всякій членъ общины, но онъ—не такой хозяинъ, какъ собственникъ, который имѣетъ право распорядиться своей землей и наперекоръ общественному интересу; его права̀ кончаются тамъ, гдѣ начинается нарушеніе общественнаго интереса; какъ скоро дѣло дошло до такого посягательства, общество даетъ ему единогласный отпоръ, конечно, единогласный—вѣдь онъ дѣлаетъ въ ущербъ всѣмъ. Это воззрѣніе такъ глубоко укоренилось у крестьянъ, что оно отразилось и на законодательствѣ, конечно, не по тѣмъ вопросамъ, относительно которыхъ происходило препирательство въ средѣ образованнаго общества—эти вопросы рѣшались исключительно вліяніемъ разныхъ групъ образованнаго общества на законодательство—а въ тѣхъ темныхъ углахъ, которые оставлялись образованнымъ обществомъ безъ вниманія. Сравните, напримѣръ, ст. 55, 116+118 город. полож. и ст. 51, 58, 187 и 188 крест. полож.—вы тотчасъ увидите, какая громадная разница существуетъ между городскимъ общиннымъ имуществомъ и сельской общинной землею. Городскимъ имуществомъ распоряжается городское управленіе, вліяніе общества стушевывается вполнѣ, даже дума только контролируетъ, направляетъ, точно такъ же, какъ общинными землями въ Аравіи управлялъ шейхъ, въ Англіи лордъ, въ Польшѣ староста, которые этимъ путемъ, при тогдашнемъ отсутствіи контроля, и превращались во владѣльцевъ

земли. По отношенію же къ сельскимъ общиннымъ землямъ и даже къ связаннымъ съ ними круговой порукѣ, распредѣленію и взысканію оброковъ, сельское общество, сельскій сходъ—все, сельскія власти—ничего. Если онѣ тутъ пріобрѣтаютъ значеніе, то онѣ дѣйствуютъ уже не какъ органы сельскаго самоуправленія, а какъ исполнители приказаній высшаго начальства. Крестьянинъ никогда не отчуждалъ своихъ личныхъ поземельныхъ правъ, а потому они не могли перейдти къ общинѣ, а черезъ нее къ сельскому начальству: онъ тутъ распоряжался самъ, лично на сходѣ, по согласію съ другими. Когда число членовъ общины увеличивалось и вообще населеніе мѣстности дѣлалось гуще, такъ что подобная свободная эксплуатація приводила все къ бо̀льшимъ неудобствамъ, и вліяніе на нее общины должно было увеличиваться; но каждый изъ членовъ этой общины былъ прежде всего личность-хозяинъ, онъ выше всего цѣнилъ свое право хозяйничать, потому всѣ члены общины прежде всего стремились къ тому, чтобы не дать общинѣ перевѣса надъ личностію и ограничить ея вліяніе минимумомъ необходимаго. Поэтому, прежде, чѣмъ вызвать общину къ дѣятельности, старались дѣйствовать на членовъ общественнымъ мнѣніемъ и такъ навострились въ этомъ отношеніи, что, при наблюденіи быта крестьянъ, васъ поражаетъ огромное вліяніе общественнаго мнѣнія на личность; затѣмъ дѣйствовали установленіемъ ограждающихъ обычаевъ: знамениты, напримѣръ, обычаи, ограждавшіе у уральскихъ казаковъ рыбу отъ истребленія; они создали соціальный порядокъ эксплуатаціи рыбы, который могъ бы послужить образцомъ для цѣлаго свѣта. Когда, наконецъ, начинала дѣйствовать община, она, прежде всего, исходила отъ равнаго права каждаго и затѣмъ касалась только того, чего нельзя было не коснуться. Земля дѣлилась на ровныя части, но не вся, а только та, которая была въ недостаточномъ количествѣ: или одни ближайшіе къ деревни участки, или одни луга, если луговъ было мало, или одни пашни, или лѣсъ, если ихъ было мало. Тѣ, которые смотрятъ на русскую общину западно-европейскими глазами, очень много натолковали намъ вздору о томъ, что община, будто бы, стѣсняетъ хозяйственныя соображенія отдѣльной личности. Между тѣмъ, если вы отъ теоріи перейдете къ личному наблюденію, то вы увидите прямо противоположное; вы начинаете удивляться, до какой степени община способна покоряться личности и ея прихотямъ. Луга всегда составляютъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей земли; въ Восточной Россіи они точно такъ же стоютъ дороже пашенъ, лѣсовъ и пр., какъ и въ наиболѣе густо населенныхъ частяхъ

Европы; между тѣмъ, даже тамъ, гдѣ луговъ мало, вы можете увидать, что среди лучшаго общиннаго луга вдругъ оказывается запаханная и воздѣланная полоса, а иногда въ разныхъ мѣстахъ двѣ или три; единственное наказаніе, постигающее дерзновенныхъ нарушителей общиннаго единообразія, заключается въ томъ, что, при передѣлахъ, они должны опять брать эту же полосу. Крестьянинъ не хочетъ слѣдовать общему теченію; у него свой разсудокъ, своя фантазія—какъ угодно; этотъ случай уже давно предусмотрѣнъ, уже давно изобрѣтены самые простые пріемы для соглашенія личнаго желанія съ общей волею. Всѣ полосы оставлены въ пару̀ и на нихъ пасется скотъ; но одному не разсудилось за благо слѣдовать общему желанію, и онъ огораживаетъ свою полосу и поступаетъ съ нею по усмотрѣнію. Эта огороженная полоса поражаетъ васъ среди открытаго раздолья па̀ру, точно такъ, же какъ полоса овса или колосистаго хлѣба поражала васъ среди общиннаго луга. Его стѣсняетъ дорога или проложенная тропа, онъ запахиваетъ ее; увидавъ это, прохожіе избираютъ новый путь, но, если обходъ для нихъ стѣснителенъ, они снова пробиваютъ старую дорогу; если ему нельзя уступить, пахарь огораживаетъ мѣсто, а если обществу трудно отказаться отъ обхода—оно лазитъ черезъ изгородь или разбираетъ ее. Наконецъ, на чемъ-нибудь да сойдутся. Не рѣдко образуются два пути. Когда поля засѣяны—обходный; лишь только жатва снята—хозяева полосъ сами разбираютъ свои изгороди и открываютъ прямой. Когда трава скошена, стога обносятся изгородью и на луга пускается скотъ, но есть крестьяне, которые полагаютъ, что отъ этого луга портятся; нѣсколько человѣкъ соглашаются, обносятъ часть луга изгородью, и вы встрѣчаете на общинной землѣ огороженный лугъ. Въ лѣсахъ, въ которыхъ пасется скотъ, даже въ такихъ, которые принадлежатъ казнѣ или удѣлу, вы встрѣчаете множество изгородей; случается, кто-нибудь перегородитъ дорогу—ѣдущіе избираютъ другой путь, но и этотъ перегораживается другимъ; ѣдущіе терпѣливы: они прокладываютъ третій, и прежніе пути указываются вамъ только заросшимъ слѣдомъ. Порою вы встрѣчаетесь съ старыми, уже совершенно разрушившимися изгородями, кто знаетъ когда и зачѣмъ сооруженными самовольными руками многоголоваго хозяина. Осенью, возлѣ деревни, вы встрѣчаете общее озимое поле; это обширное пространство огорожено обществомъ отъ овецъ. На немъ, къ крайнему вашему удивленію, пасутся двѣ или три лошади. Что мелкій скотъ портитъ озимь, это общее мнѣніе; но рядомъ съ нимъ существуетъ другое: кажется, лошадь можетъ пастись на озими, въ особенности позд-

ней осенью, безвредно. У всѣхъ вопросъ остается въ головахъ нерѣшеннымъ, но одинъ рѣшилъ его. «Зачѣмъ пропадать корму даромъ?» говоритъ онъ и пускаетъ своихъ лошадей непремѣнно, однако же, на свою полосу, хотя онѣ, конечно, оттуда могутъ идти куда угодно. Прочіе не рѣшаются ему подражать и все-таки не протестуютъ, такъ какъ не имѣютъ окончательнаго мнѣнія; но одинъ его имѣетъ и онъ огородилъ свою полосу: изгородь торчитъ одна среди общаго раздолья. Еслибы общее мнѣніе было рѣшительно противъ пастьбы лошадей—было бы наоборотъ; желающій выпустить ихъ огородилъ бы свою полосу. И не то еще вы можете встрѣтить. На общинной землѣ стоитъ одинокій домъ:—Кàкъ вы сюда попали? спрашиваете вы хозяина.—«Мнѣ тамъ не понравилось въ деревнѣ», звучитъ отвѣтъ.—А земля ваша гдѣ? — «Здѣсь же кругомъ!» — Кàкъ вы это устроили?—«Сказалъ обществу: давайте-молъ мнѣ здѣсь—и баста!» произноситъ крестьянинъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, какъ будто несомнѣннѣе его права на эту землю ничего не можетъ быть въ свѣтѣ.

V.

Какія отличительныя черты коренной русской общественной сходки—не волостной, а непремѣнно сельской? Волость—это созданіе администраціи, это не крестьянское общество, это *правленіе*, какъ выражаются крестьяне: чѣмъ неприкосновеннѣе сохранились въ деревнѣ коренныя крестьянскія воззрѣнія и обычаи, тѣмъ отчетливѣе обрисуются на сходкѣ слѣдующія особенности. Сходка сошлась сама—кто ее собралъ? никто этого сказать не можетъ. По закону, сходъ собирается старостою, но законъ этотъ здѣсь вполнѣ игнорируется. На сходѣ—всѣ взрослые, отъ безбородаго юноши до сѣдаго старика; тутъ же можетъ сидѣть, даже имѣть значительное вліяніе женщина, если она вдова, ведетъ самостоятельное хозяйство, умна и бойка. Никто не устанавливалъ на этомъ сходѣ порядка; у него нѣтъ предсѣдателя, для него нѣтъ никакихъ правилъ; побывайте на немъ разъ, другой и вы убѣдитесь, что правила тутъ вполнѣ лишняя вещь. Староста можетъ быть тутъ, но вы его не замѣтите—онъ затерялся въ толпѣ. Какого-нибудь пріема для открытой или закрытой подачи голосовъ также нѣтъ: ни баллотировки, ни поднятія рукъ—ничего подобнаго; повидимому, тутъ никто и не подозрѣваетъ, что возможно рѣшать дѣлà большинствомъ голосовъ; съ незапамятныхъ временъ здѣсь неизвѣстно было другого рѣше-

нія, кромѣ единогласнаго. Когда присутствіе на этихъ сходахъ было для меня новинкой, я крайне удивлялся той быстротѣ, съ которой тутъ устанавляется единогласіе; тогда я только понялъ, почему мнѣ такъ трудно было отыскивать въ древнихъ русскихъ памятникахъ правила о порядкѣ совѣщаній на вѣчѣ и о счетѣ голосовъ. Еще поразительнѣе на этихъ сходахъ то, что большинство тутъ не рѣшаетъ противъ меньшинства, а уговариваетъ его. Вы явно видите, что каждому члену схода присуще понятіе, что право отдѣльнаго лица распоряжаться общимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію есть исконное право, что сходъ собирается не для того, чтобы командовать надъ членомъ, а чтобы согласить, убѣдить. Каждый есть заботливый, радѣющій хозяинъ общаго имущества; одно то, что онъ выражаетъ на сходѣ особый взглядъ, вызываетъ во всѣхъ сомнѣніе въ основательности ихъ рѣшенія, точно такъ же, какъ оно вызывается въ васъ, если вы сами себѣ сдѣлаете возраженіе; въ этомъ случаѣ сходъ поступаетъ такъ же, какъ вы поступаете сами съ собою: онъ старается не о томъ, чтобы уяснить дѣло, онъ успокоивается только тогда, когда истощатся возраженія и установится одно общее убѣжденіе. Эти взгляды, эта привычка имѣть одно общее убѣжденіе порождаетъ множество оригинальнѣйшихъ явленій. На волостныхъ сходахъ вы нерѣдко видите, что меньшинство составляютъ не лица, а цѣлыя селенія, въ большинствѣ—одни сельскія общества, въ меньшинствѣ—другія, и каждое подало свои голоса, какъ одинъ человѣкъ. Если приходится дѣлить луга или пашни, находящіеся въ общемъ владѣніи съ другими селеніями, то сходъ посылаетъ отъ себя человѣка, какъ всегда, безъ баллотировки и безъ подачи голосовъ, по единогласному рѣшенію; но, если въ обществѣ есть одинъ или нѣсколько человѣкъ, которые на него мало надѣятся, они идутъ вмѣстѣ съ нимъ, они будутъ говорить и отстаивать свое селеніе; никто не найдетъ въ этомъ ничего удивительнаго, всякій понимаетъ, что они хозяева: хозяинъ отстаиваетъ свое добро—что̀ можетъ быть естественнѣе? Такимъ образомъ, русскій крестьянинъ выработалъ идею соціальной свободы; подумайте, и вы поймете, что она никогда и не можетъ быть иною. Въ области политической лежитъ только часть вашихъ интересовъ и притомъ меньшая часть, поэтому тамъ могла выработаться идея о господствѣ общины надъ человѣкомъ; но въ области соціальной, гдѣ вопросъ идетъ о вашей жизни, объ источникѣ всѣхъ вашихъ доходовъ, общинное начало можетъ дѣйствовать успѣшно только въ томъ случаѣ, если каждый членъ общины чувствуетъ себя хозяиномъ этого источника

жизни и понимаетъ, что онъ долженъ дѣйствовать такъ, чтобы и въ каждомъ другомъ могло жить это чувство хозяина: тутъ безцеремонно навязывать свою волю нельзя, хотя бы эта воля и была большинствомъ. Еслибы русскій крестьянинъ не былъ такъ глубоко проникнутъ этимъ основнымъ условіемъ соціальной свободы, еслибы онъ не всосалъ его съ молокомъ матери, то общинное владѣніе не могло бы сдѣлаться до такой степени повсемѣстнымъ и удержаться такъ долго: меньшинство давно бы кинулось подъ защиту власти, и распоряженіе землею перешло бы въ ея руки. Такимъ образомъ воспитался этотъ покладливый русскій крестьянинъ, и когда, въ послѣднее время англичане обратили на него вниманіе, они удивились его искуству уживаться во всѣхъ обстоятельствахъ и со всякими людьми; они ставили его въ образецъ англійскому рабочему, который можетъ жить въ мирѣ съ другими національностями только тамъ, гдѣ онъ господствуетъ. Въ то же время образованные классы воспитывались подъ совершенно другими впечатлѣніями. Въ теченіи вѣковъ, въ нихъ укоренялась одна господствующая мысль о необходимости сильной власти; начиная отъ Дмитрія Донскаго, они чувствовали, что только сильная власть можетъ спасти ихъ въ борьбѣ съ татарами и сосѣдями; безъ сильной власти имъ не сладить бы съ поляками въ XVII вѣкѣ и не провести реформъ Петра Великаго въ XVIII вѣкѣ. Вотъ почему они себя и государство, и самоуправленіе, и общину могли представить не иначе, какъ въ формѣ сильной власти надъ членами. Тѣ же наблюдающіе англичане удивлялись искуству нашихъ высшихъ классовъ управлять сильною рукой, но результаты этого управленія оказывались прямо противуположными результатамъ покладливости и уживчивости крестьянина. Эти образованные классы имѣли огромное вліяніе на крестьянство—и нравственное, и авторитетомъ власти—и этотъ авторитетъ неизбѣжно началъ подтачивать тотъ основной принципъ, на которомъ только и могло держаться общинное владѣніе. Созданіе образованнаго общества, волость, носила уже такой характеръ, въ которомъ не было и слѣда сходства съ кореннымъ сельскимъ обществомъ: тутъ община господствовала надъ членомъ, и часто даже не она, а старшина. Въ большихъ селеніяхъ кулаки, поучась образованію у высшихъ, вносили много разрушительныхъ пріемовъ; община стала вырождаться въ большихъ селеніяхъ и сохраняла всю свою оригинальность только въ деревняхъ, гдѣ было двадцать или тридцать взрослыхъ работниковъ и, въ особенности, въ отдаленныхъ мѣстахъ. Когда вышло новое крестьянское устройство, тогда даже горячіе защитники

общиннаго владѣнія изъ образованнаго класса смотрѣли на общину не иначе, какъ на власть господствующую и подчиняющую себѣ личность; они давали ей въ своемъ воображеніи то положеніе, при которомъ дальнѣйшее существованіе общиннаго владѣнія было бы немыслимо. Въ особенности во время переустройства поземельныхъ отношеній образованные люди всѣхъ цвѣтовъ, по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, старались втолковать крестьянамъ, что съ помощью большинства двухъ третей они могутъ вертѣть землею какъ угодно, отнять у однихъ, дать другимъ, отобрать часть или даже и все отдать въ аренду. Проповѣдывавшіе такое пониманіе закона иногда даже и не замѣчали, что они проповѣдуютъ хищническіе и разрушительные принципы и взываютъ къ инстинктамъ грабежа: вѣдь еслибы это было такъ, то, слѣдовательно, двѣ трети крестьянъ имѣли бы законное право ограбить остальную треть и обобрать у ней всю землю или, если оказалось бы нужнымъ скрыться отъ преслѣдованія общественнаго мнѣнія и добросовѣстныхъ людей въ составѣ высшаго начальства—то надѣлить эту треть безплодными, каменистыми участками, солончаками, болотами, песками и пр. Къ несчастью, нетолько мы, но и образованный классъ въ западной цивилизаціи, отличаемся слишкомъ ничтожной чуткостью по отношенію къ видамъ скрытаго грабежа; поэтому оказывались даже такіе практическіе люди, какъ мировые посредники и вводившіе владѣнныя записи чиновники министерства государственныхъ имуществъ, которые не видѣли опасности извѣстнаго толкованія закона о большинствѣ двухъ третей. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это исходившее сверху вліяніе отражалось сельскими обществами; если образованные люди не чувствовали опасности взгляда на общину, какъ на полновластнаго распорядителя земли, то за то каждый крестьянинъ живо чувствовалъ, какъ важно для него, чтобы истиннымъ хозяиномъ земли оставался, по прежнему, каждый членъ и чтобы онъ не уничтожился передъ полновластной общиной. Въ исключительныхъ случаяхъ было, однако же, иначе. Случалось, что образованные люди дѣйствовали не по теоретическимъ соображеніямъ, а изъ личныхъ и корыстныхъ видовъ; тогда они пускали въ ходъ интригу и добивались того, что большинство двухъ третей, дѣйствительно, отрѣзывало землю у меньшинства или, вообще, распоряжалось ему въ ущербъ. Весьма поучительна бывала исторія составленія подобныхъ приговоровъ: меньшинство энергически протестовало, какъ одинъ человѣкъ, затѣмъ, въ самомъ большинствѣ, которое отрѣзывало

въ свою пользу, возбуждалась противъ обыкновенія ожесточенная борьба. Собирались бурныя сходки и митинги; если староста не былъ заинтересованъ и не пользовался своею властью для того, чтобы собирать сходку за сходкой и пускать въ ходъ свѣдѣнія о неслыханныхъ дотолѣ у крестьянъ законахъ, то дѣло никогда не могло состояться. Съ желѣзной энергіею дѣйствовало какихъ-нибудь три или четыре человѣка, а уловляемое ими большинство долго и упорно отказывалось вѣрить, что можно составлять подобные приговоры большинствомъ двухъ третей, и, понятно, выгода отъ раззоренія меньшинства для каждаго члена большинства была малая, а всякій думалъ невольно: сегодня я подношу тебѣ отравленную чашу, а завтра ее поднесутъ мнѣ.

VI.

Тутъ дѣло было еще небезнадежнымъ, но на другомъ пути вліяніе образованнаго населенія нашло-таки лазейку для проведенія своихъ разрушающихъ общинное владѣніе взглядовъ на полновластіе общины. Глубоко укоренившееся убѣжденіе крестьянъ въ неприкосновенности для общины хозяйскихъ правъ и равноправности члена приводило общество къ такому образу дѣйствія, который сильно не нравился даже и сочувствующимъ общинѣ образованнымъ людямъ. Крестьяне, напримѣръ, постоянно обнаруживали сильнѣйшую наклонность къ равенству въ обложеніи платежами, точно такъ же, какъ и въ распредѣленіи правъ на землю; эти инстинкты равенства дѣйствовали въ нихъ такъ сильно, что они, напримѣръ, постоянно пытались раздавать хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ всѣмъ по-ровну, и даже, когда учреждали ссудныя товарищества, они пытались дѣлать тоже съ ссудными деньгами: здѣсь обнаруживалась глубокая разница въ міровоззрѣніи крестьянина и образованнаго человѣка. Образованный человѣкъ съ пелёнокъ всасывалъ въ себя идеи неравенства; онъ привыкъ смотрѣть на распредѣленіе тягостей сообразно состоянію, на помощь нуждающимся—какъ на неизбѣжные паліативы золъ этого неравенства, и ихъ отсутствіе возмущало его. Для крестьянина неравенство, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ его общины, было новинкой; попытки общины установлять это неравенство казались ему опаснымъ прецедентомъ, и онъ сопротивлялся имъ; но вліяніе образованнаго человѣка на него было слишкомъ сильно для того, чтобы онъ могъ

ему сопротивляться вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ; именемъ закона о большинствѣ двухъ третей въ его понятіяхъ пробивается одна брешь за другою. Какъ скоро нельзя было не дѣлить земли, онъ привыкъ дѣлить ее разомъ и разомъ надѣлять всѣхъ своихъ членовъ; онъ не признавалъ за общиной никакого права по отношенію къ надѣлу Ивана или Петра: она имѣла одно право—нарѣзать равные надѣлы, а не распредѣлять ихъ [1]; онъ очень хорошо чувствовалъ, какъ это важно для установленія принципа соціальной свободы. Но образованные люди стали увѣрять его, что это несправедливо, что, такимъ образомъ, рты остаются голодными; онъ все болѣе подается на эти убѣжденія, но выходитъ совсѣмъ не хорошо. На сходы заявляются семейства и просятъ передѣла въ свою пользу на томъ основаніи, что тяголъ и душъ мало, а много ѣдоковъ. Аргументъ о числѣ ѣдоковъ все чаще принимается въ соображеніе, и для ихъ надѣла составляются отдѣльные приговоры. Дѣлается это, конечно, такъ, что желающіе получить надѣлъ, выставляютъ обществу вина, а желающіе выпить, подъ впечатлѣніемъ соблазна, со словъ образованныхъ людей кричатъ, что общество—господинъ и можетъ дѣлать что̀ хочетъ. Читателю нетрудно понять, ка̀къ такой общинный развратъ и его размашистые пріемы должны отзываться на идеѣ соціальной свободы. Между крестьянами противъ этихъ замашекъ сильный говоръ, и все-таки онѣ распространяются: мнѣ случалось видѣть горькихъ пьяницъ, первыхъ проповѣдниковъ идеи общины-господина, когда имѣлось въ перспективѣ даровое угощеніе, и которые все-таки потомъ горько жаловались на подобный соблазнъ. Древній обычный видъ, который принимало землевладѣніе при размножающемся населеніи, заключался въ слѣдующемъ. Земля первоначальнаго селенія имѣла громадную окружность: поперечникъ составлялъ десятки, а окраина сотни верстъ. Крестьянинъ издревле не любилъ слишкомъ большой общины: она его подавляетъ; интимность, единогласіе сельскаго схода, эти краеугольные камни идеи соціальной свободы, ослабѣваютъ; поэтому въ большомъ селеніи его могутъ удерживать только промышленные

[1] Употребленіе жеребья заключаетъ въ себѣ прямое отрицаніе права общины распредѣлять; распредѣленіе общиною, сравнительно съ жеребьемъ, имѣло бы, конечно, преимущество замѣны слѣпаго случая разумнымъ дѣйствіемъ; но нравственныя качества общины считались совершенно основательно для этого недостаточными: поэтому неразумность жеребья исправлялась только вышеупомянутыми обычаями.

и торговые интересы. Если ихъ нѣтъ, приростъ населенія скоро начиналъ выселяться изъ первоначальной деревни къ окраинамъ; но, при этомъ, въ каждомъ членѣ какъ стараго, такъ и новаго населенія сохранялось сознаніе, что онъ—хозяинъ всей земли. Это въ высшей степени замѣчательное явленіе показываетъ намъ, что крестьянинъ нетолько не считалъ общину хозяиномъ земли, какъ полагаютъ образованные люди, но что община была при этомъ даже второстепенное явленіе. Теперь было двѣ, три и болѣе общины, а земля все-таки была одна и все-таки каждый членъ этихъ общинъ былъ хозяиномъ всего. Они жили такъ вѣка, населеніе дѣлалось густымъ, изъ двухъ общинъ сдѣлалось двадцать и болѣе—и все-таки никому не приходило въ голову дѣлиться; идея соціальной свободы такъ глубоко разъяснилась въ душахъ этихъ покладливыхъ, чуткихъ и уживчивыхъ людей, что въ раздѣлѣ не оказывалось и тѣни потребности. Наконецъ, за отсутствіемъ потребности они забывали о своихъ хозяйскихъ правахъ, ограничивали ихъ гораздо болѣе тѣснымъ райономъ, забывали, что они всѣ вышли изъ одного селенія, когда-то имѣли одну землю. Раздѣлившись на два и на три селенія, они пріобрѣтали привычку составлять два и три отдѣльныхъ схода, отдѣльно другъ отъ друга передѣливать окружающую ихъ землю; но, если были гдѣ-нибудь на землѣ особенно заманчивые пашни, луга, лѣсъ, озеро и т. д., то они отъ нихъ не отступались; крестьяне изъ всѣхъ селеній съѣзжались и дѣлили луга или пашни по душамъ; по старой привычкѣ, они ловили рыбу въ озерѣ, въѣзжали въ лѣсъ, который лежалъ за вторымъ и десятымъ селеніемъ, и распоряжались имъ по хозяйски, хотя не существовало никакой общины, которая могла бы регулировать это распоряженіе; если ощущалась потребность въ такомъ регулированіи, изъ всѣхъ нихъ составлялся сходъ, одинъ изъ тѣхъ сходовъ, собираемыхъ никѣмъ и всѣми. Первоначальное селеніе продолжало сбывать приростъ своего населенія въ новые выселки, которые входили въ составъ новыхъ обществъ и получали тамъ равные надѣлы; но за тоже и оно само безпрекословно принимало приростъ отъ своихъ выселковъ. Такъ какъ всякій съ малыхъ лѣтъ считалъ всю землю своею, привыкъ говорить про нее: «это наша земля», про живущія на ней селенія—«это наши», то никому и въ голову не приходило, что кто-нибудь изъ крестьянъ на этой землѣ могъ имѣть право воспрепятствовать кому либо изъ жителей на этой землѣ поселится въ томъ изъ селеній, въ которомъ онъ желаетъ. Это свободное переселеніе уравнивало надѣлы всей площади,

безъ всякихъ передѣловъ между селеніями. Крайняя гибкость такого соціальнаго учрежденія давала возможность селеніямъ жить вѣка и не создавая изъ себя одну общину, и не раздѣляясь. Это еще не все. За тѣми землями, надъ которыми крестьянинъ считалъ себя хозяиномъ, лежали еще лѣса дремучіе и степи широкія, которые имѣли только случайныхъ посѣтителей—охотниковъ, полукочевыхъ пастуховъ и т. п. Однако же, и они не считались вполнѣ ничьими; жители различныхъ отдаленныхъ общинъ, которые ихъ посѣщали періодически, начинали смотрѣть на нихъ, какъ на общіе ихъ лѣса, и т. д. Съ развитіемъ населенія являлась потребность селиться и тамъ. Люди разныхъ, чуждыхъ другъ другу обществъ сходились тутъ въ одно селеніе и создавали изъ себя новое сельское общество. Но, поступая такимъ образомъ, каждый изъ нихъ не разрывалъ своей связи и съ тою землею, изъ которой онъ пришелъ; создавались общества, которыя имѣли свои дѣлёныя и недѣлёныя пашни, луга и лѣса и у которыхъ нѣкоторые члены имѣли участіе во землевладѣніи съ селеніями, до которыхъ прочіе вовсе не касались.

VII.

Обо всей этой исторіи развитія идеи соціальной свободы въ душѣ русскаго крестьянина образованные классы не знали, да и знать ее не хотѣли; они смотрѣли на все съ точки зрѣнія собственной своей идеи порядка и предоставляли крестьянину приспособлятся къ ней какъ онъ умѣетъ. Само собою ясно, что на помѣщичьихъ земляхъ крестьянская идея могла сохраниться только настолько, насколько она оставалась вполнѣ въ тѣни и незамѣченною. Но и тамъ, гдѣ управляли чиновники, ей приходилось жутко. Они тасовали общества по своимъ административнымъ соображеніямъ, соединяли въ одно земли и деревни совершенно чуждыя другъ другу. Входя въ одно оффиціальное сельское общество, эти деревни все-таки оставались чуждыми другъ другу; того свободнаго общенія, о которомъ мы только что говорили, у нихъ не было и не учреждалось—каждая съ своей землей оставалась особнякомъ; но, чтобы не показаться супротивниками воли начальства, они передѣливали земли между селеніями по душамъ. Такимъ образомъ распространялся этотъ передѣлъ земель между селеніями, который безъ малѣйшей нужды создавалъ безконечный хаосъ и черезполосицу. Ад-

министративнымъ порядкомъ скроенныя и сшитыя изъ различныхъ деревень, какъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, общины забывали, наконецъ, какъ онѣ образовались и откуда онѣ произошли. При разсмотрѣніи ихъ поземельныхъ отношеній, вашимъ глазамъ представлялись самыя причудливыя и непонятныя явленія, которыя возможно распутать только тогда, когда вы разгадаете, какимъ образомъ складывался поземельный строй подъ вліяніемъ естественнаго разселенія и какъ онъ потомъ видоизмѣнялся дѣйствіемъ администраціи. Вотъ передъ вами множество селеній, которыя не имѣютъ уже ничего общаго другъ съ другомъ, однакоже, они имѣютъ при какой-нибудь рѣкѣ общіе луга. Вглядываясь ближе, вы видите, что эти луга составляютъ обширную, плодоносную долину, которую со всѣми дальними окресностями присвоило себѣ первоначальное селеніе; ее оно и обставляло сначала своими выселками, а затѣмъ эти выселки пускали отпрыски въ дремучіе лѣса; составляя себѣ свой поземельный районъ, и отпрыски, и выселки крѣпко держались, однакоже, за свои права на прелестные луга, и эти права сохранялись за ними, несмотря на перетасовку администраціи. Далѣе оказываются селенія, въ которыхъ не всѣ, а только нѣкоторые члены, имѣютъ надѣлы въ лугахъ. Еще болѣе поражаетъ васъ то, что внѣ обычнаго времени, сходъ по дѣламъ этихъ луговъ скликается не какимъ-либо старостою или старшиною, а, напримѣръ, становымъ приставомъ, и право присутствовать на этомъ сходѣ опредѣляется, наконецъ, не принадлежностію къ тому или другому сельскому обществу, а имѣніемъ въ этихъ лугахъ надѣла. Тѣ же крестьяне ставятъ тутъ ловушки на заливныхъ водахъ и рѣкахъ и имѣютъ дурное обыкновеніе мимо всѣхъ селеній ѣздить въ дальній лѣсной уголъ за кольями; остатки какой-нибудь рѣдкой въ мѣстности породы лѣса или громадные старые пни показываютъ, что это когда-то былъ заманчивый кусочекъ. Чѣмъ болѣе селенія перетасовывались и сколачивались въ общины искуственно, независимо отъ воли членовъ, тѣмъ болѣе община получала перевѣса надъ личностью, распоряженіе надъ согласіемъ; но за тоже въ тѣхъ большихъ размѣрахъ общинное владѣніе утрачивало прочную основу, т. е. идею соціальной свободы. Когда въ шестидесятыхъ годахъ наступило время всеобщаго регулированія поземельныхъ отношеній, и перетасовка достигла своего максимума. Вся эта разверстка отъ начала до конца исходила сверху, и успѣхъ ея былъ бы окончательно невозможенъ, еслибы права общины не были расширены до деспотической власти

надъ личностью. Такова общая судьба всѣхъ внезапныхъ и крутыхъ переворотовъ: не попирая личности, ихъ немыслимо осуществлять. По всей Руси земли отрѣзывали и прирѣзывали; однѣ отходили, другія получались. Законы предписывали оставлять общинамъ все, чѣмъ онѣ владѣли; но границы этихъ владѣній имѣли не болѣе силы сопротивленія, чѣмъ тѣ изгороди изъ кольевъ, которыя сносились каждую весну, при первомъ напорѣ водъ. Администраторы шумно толковали, что нужно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы уравнять землю между крестьянами, и уничтожить черезполосицу они могли, только напрягая до крайности произволъ общины и направляя его своимъ авторитетомъ, а уравненіе, съ ихъ возвышенной точки зрѣнія, сливалось съ уравненіемъ по числу десятинъ. Если вы припомните, что десятина перегною стóитъ до четырехсотъ рублей, а десятина гальки не стóитъ и десяти копеекъ, то вы по достоинству оцѣните эту идею уравненія. Теперь вамъ нетрудно понять значеніе закона о распоряженіи землею большинствомъ двухъ третей голосовъ и сравнить его съ обычаемъ сходки, гдѣ голоса не считаются, дѣлà рѣшаются по соглашенію, идея подчиненія меньшинства большинству вовсе не признаётся. Между тѣмъ, это—почти единственный законъ, который данъ былъ въ пользу общиннаго владѣнія. Рядомъ съ нимъ существуетъ обширное законодательство, прямо уже направленное противъ него. Къ числу такихъ законовъ принадлежитъ, напримѣръ, ст. 36 общ. пол. о кр. Она даетъ каждому члену общины право, по своему личному произволу и противъ воли всѣхъ, разрушать общинное владѣніе и установлять свое личное право собственности надъ извѣстнымъ участкомъ. Такой законъ является естественнымъ послѣдствіемъ взгляда образованныхъ людей на общинное владѣніе. Если мы смотримъ на дѣло такъ, что община имѣетъ право помыкать по своему произволу землею, этимъ источникомъ жизни каждаго члена, то намъ, конечно, остается только дать каждому члену право протестовать противъ такого помыканія, выдѣляясь, иначе мы его закрѣпостимъ. Но вотъ чтò тутъ выходитъ на практикѣ. Каждый зажиточный крестьянинъ обнаруживаетъ стремленіе выдѣлиться изъ общины: она возмущаетъ его тщеславіе, она установляетъ его равенство съ собою—то ли дѣло, когда онъ можетъ забѣжать къ начальству. Онъ уже окружилъ себя своею землею; выдѣлиться—теперь его завѣтная мечта; тогда онъ будетъ не то, что они: они толпа, а онъ, неимѣющій съ нею ничего общаго—собственникъ, такой же помѣщикъ. У насъ есть люди, которые полагаютъ, что за-

житочный крестьянинъ—непремѣнно кулакъ, но это несправедливо: большинство тѣхъ, о которыхъ я здѣсь говорю—вовсе не кулаки. Это ремесленникъ или человѣкъ, имѣющій выгодный заработокъ, или просто прилежный земледѣлецъ; онъ вовсе не спекулируетъ насчетъ крестьянскаго труда; если онъ даетъ въ займы деньги, хлѣбъ и пр., то только случайно и непремѣнно вовсе безъ процентовъ; но все-таки онъ имѣетъ свое маленькое тщеславіе, и это тщеславіе порождаетъ въ немъ весьма легкомысленное желаніе выдѣлиться. Его доля завидная: всѣ невѣсты къ его услугамъ, и онъ непремѣнно выберетъ себѣ жену по своему крестьянскому вкусу, тѣмъ болѣе, что онъ смышленъ, но вовсе не корыстолюбивъ. Жена эта, бѣлая и дебѣлая, будетъ олицетвореніемъ здоровья и силы; но именно по этому у него опять таки куча дѣтей. Увлекаясь своимъ тщеславіемъ и выдѣляясь изъ общины, онъ ихъ обездоливаетъ: въ общинѣ они получили бы надѣлъ по душамъ, а здѣсь они должны всѣ надѣляться въ его ничтожномъ надѣлѣ. Но онъ объ этомъ не думаетъ; онъ думаетъ только о томъ, что онъ доставляетъ своему семейству сравнительное благосостояніе, а потому можетъ послѣдовать своей маленькой фантазіи. Замѣчательно: почему, несмотря на такое стремленіе, выкупы общинныхъ земель не приняли такихъ большихъ размѣровъ, какихъ можно было бы ожидать? Крестьяне отказывались вѣрить существованію подобнаго закона о правѣ выкупа—до такой степени онъ не согласовался съ ихъ коренными взглядами на вещи. Иной десятки лѣтъ таилъ завѣтную мечту отдѣлиться отъ общины; двадцать разъ ему указывали на законъ, дозволяющій ему это сдѣлать, и онъ все-таки не могъ повѣрить и оставался въ общинѣ. Въ концѣ концовъ, однако же, подобное душевное настроеніе все-таки плохая защита. Ремесленника, работника на хорошемъ жалованьѣ окружаетъ еще болѣе существенный соблазнъ. Уже теперь онъ платитъ за свой надѣлъ иногда только шестую часть его стоимости; когда выкупная операція будетъ кончена, онъ будетъ получать его даромъ. Выплачивая за свой надѣлъ, напримѣръ, 80 рублей, онъ тотчасъ, вмѣстѣ съ домомъ, продаетъ его за 350 р. Промѣнять 80 р. на 350 р. кажется ему прелестнѣйшей аферой. Что онъ при этомъ обездоливаетъ своихъ дѣтей—объ этомъ онъ не думаетъ: развѣ возможно, чтобы, при его умѣ, его дѣти когда-нибудь голодали? Черезъ два года онъ умеръ; денежки пошли прахомъ, а дѣти—по міру. Подумайте, какъ все это должно уменьшать размѣры общиннаго владѣнія, и присовокупите къ этому еще слѣдующее. Современная организація землевладѣнія

навсегда отдѣляетъ крестьянскія общинныя земли отъ земель помѣщичьихъ—казны, удѣла, кабинета и проч. Если вы возьмете то пространство Европейской Россіи и Сибири, на которомъ господствуетъ общинное владѣніе, и отдѣлите на немъ общинныя земли отъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ, казны, удѣла, помѣщиковъ и пр., то въ общинномъ владѣніи окажется всего 6% земли. Хозяйство такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ казна и удѣлъ, сопряжено съ такими существенными неудобствами, что потребность распродажи этихъ земель почувствуется очень скоро; но именно вслѣдствіе громаднаго количества этихъ земель они и будутъ распродаваться только крупными участками. И тогда окажется 94% земли въ крупномъ землевладѣніи и не болѣе 6%, капля въ морѣ, въ мелкомъ общинномъ владѣніи. Мы считаемъ Англію страною, гдѣ крупное землевладѣніе приняло чрезмѣрный объемъ, вреднымъ образомъ отзывающійся на экономическомъ бытѣ народа; однако же, и тамъ оказывается въ мелкомъ землевладѣніи лицъ, имѣющихъ отъ 3-хъ до 30-ти десятинъ, 12% англійской земли [1]. Понятно, что, низведя общинное владѣніе къ вдвойнѣ меньшимъ размѣрамъ, намъ предстоитъ трудная задача поправлять дѣло, которое приходитъ постоянно въ худшее положеніе. Начать это исправленіе испорченнаго мы можемъ только тогда, когда мы сами поймемъ, въ чемъ заключается существеннѣйшее условіе существованія общиннаго владѣнія и идеи соціальной свободы, и, понявъ, будемъ способствовать тому, чтобы инстинктивное чутье народа воскресло въ немъ въ видѣ сознательной мысли и начало въ немъ развиваться. Но если мы не возьмемся за дѣло съ надлежащей энергіей, то наша вялость и медленность все-таки породятъ зло, которое впослѣдствіи уже ничѣмъ нельзя будетъ исправить. Когда въ народѣ, какъ у насъ теперь, начинаетъ развиваться промышленность тогда чрезвычайно важно, чтобы масса его населенія была обезпечена землею, потому что только тогда онъ будетъ переходить въ положеніе живущаго однимъ своимъ трудомъ пролетарія не иначе, какъ за достаточно обезпечивающую заработную плату; эта плата дастъ ему покупную силу, которая, въ свою очередь, будетъ развивать промышленность. Дѣло будетъ поставлено такимъ образомъ въ болѣе нормальныя условія. Но если земледѣлецъ будетъ оставаться безъ

---

[1] По крайней мѣрѣ, такимъ выходитъ результатъ тамъ, гдѣ можно было подвергнуть критическому разбору сбивчивыя свѣдѣнія, помѣщенныя въ новѣйшей поземельной переписи.

земли, безъ кола и двора, онъ явится на промышленномъ рынкѣ энергическимъ сбивателемъ цѣнъ; вездѣ будутъ сбиваться цѣны и вездѣ будетъ недостатокъ въ покупателяхъ; масса народа будетъ нищею, а высшіе классы—грубыми. Жалкій результатъ, съ которымъ мы встрѣчаемся не разъ въ странахъ, гдѣ къ интересамъ земледѣльческаго населенія относились невнимательно и сурово!

НОВѢЙШЕЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

(Report of the Commissioners appointed to inquire into the working of the Factory and Workships Acts with a view to their consolidation and amendment etc. II vol. London, 1876).

Вопросъ о продолжительности рабочаго дня на фабрикахъ и въ мастерскихъ является самымъ простымъ вопросомъ существующаго экономическаго строя, въ сравненіи съ которымъ блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ всѣ остальные общественно-экономическіе вопросы. Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что отъ размѣровъ средняго рабочаго дня или, выражаясь нѣсколько точнѣе, отъ количества работы въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности всецѣло зависятъ отношенія между отдѣльными частями общественнаго производства и потребленія, иными словами—соотвѣтствіе между потребностями общества и ихъ удовлетвореніемъ, степень устойчивости равновѣсія въ окружающемъ насъ сложномъ экономическомъ механизмѣ. Еще болѣе: подобно тому, какъ напримѣръ, величиною составныхъ частей какой-нибудь паровой машины условливается отчасти самая ея конструкція, такъ и количествомъ работъ регулируются въ извѣстной мѣрѣ самыя формы устройства общественнаго хозяйства — общинная, ремесленная, феодальная, капиталистическая.

Чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о значеніи для общественной экономіи продолжительности рабочаго дня, необходимо бросить взглядъ на нѣкоторыя основныя черты современнаго общественно-экономическаго строя. Для достиженія же этой послѣдней цѣли всего удобнѣе представить себѣ сначала, что имѣешь дѣло съ какою-нибудь изолированною группою людей или страною, безъ раздѣленія труда и производящею всю совокупность предметовъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и тогда уже, съ запасомъ наблюденныхъ въ ней явленій, обратиться къ хозяйству капиталистскому. Выгоды подобнаго методологическаго пріема состоятъ, главнымъ образомъ,

въ томъ, что онъ даетъ возможность выдѣлить такія условія и отношенія, которыя одинаково характеризуютъ всевозможные хозяйственные типы, и, въ то же время, способствуетъ наиболѣе рельефному освѣщенію явленій, представляющихъ особенности именно капиталистическаго хозяйственнаго склада. Помимо этого, подобная гипотеза имѣетъ еще и то достоинство, что является простымъ обобщеніемъ дѣйствительности: всякое первобытное хозяйство, сельская община, артель, средневѣковая городская община служатъ достаточно отчетливыми образцами изолированнаго хозяйства, собственными усиліями удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ.

Взглянемъ теперь, изъ какихъ необходимыхъ частей будетъ слагаться средній рабочій день или, если угодно, средній рабочій годъ нашего изолированнаго хозяйства. Такъ какъ подобное хозяйство покрываетъ всѣ свои потребности своимъ собственнымъ трудомъ, то, ясное дѣло, что его рабочій день или годъ будетъ состоять только изъ двухъ слѣдующихъ частей весьма различной продолжительности, смотря по условіямъ природы, а именно—въ теченіи одной части дня будутъ совершаться всѣ положительныя и отрицательныя, умственныя и физическія, простыя и сложныя операціи, необходимыя для изготовленія *орудій производства*, тогда какъ другая будетъ посвящаться изготовленію *предметовъ*, удовлетворяющихъ непосредственнымъ потребностямъ населенія, т. е. пищи, одежды, жилища и т. д. Говоря иначе: одна доля рабочаго времени будетъ отведена въ изолированномъ хозяйствѣ на трудъ косвенный, посредственный, другая—на трудъ прямой или непосредственный. Того и другого, при подобныхъ условіяхъ, будетъ затрачиваться ровно столько, сколько необходимо для покрытія прямыхъ и косвенныхъ потребностей общества. По мѣрѣ того, какъ одни орудія уничтожаются или потребляются, другія становятся на ихъ мѣста, и точно такимъ же образомъ замѣняются новыми экземплярами потребленныя пища, жилье, одежда и всякіе другіе предметы, служащіе для удовлетворенія непосредственнымъ потребностямъ. Замѣна орудій менѣе производительныхъ болѣе производительными ведетъ, при подобныхъ условіяхъ, къ сокращенію той доли рабочаго дня, которая расходуется на трудъ непосредственный, и такимъ образомъ оставляетъ досугъ для производства различныхъ предметовъ роскоши, а отчасти и для самообразованія. И такъ, потребленіе изолированнаго общества вполнѣ покрывается его производствомъ; хозяйство его представляетъ всѣ основныя условія устойчиваго равновѣсія, и по отношенію къ нему не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ излишкѣ производства, пре-

вышающемъ потребности. Дѣйствительно, каждый моментъ времени, затраченный въ подобномъ хозяйствѣ, одинаково необходимъ для удовлетворенія потребностей, будь онѣ прямыя или косвенныя, и, слѣдовательно, никакого накопленія или сбереженія запасовъ, орудій, капитала, выражаясь языкомъ экономистовъ, при такихъ условіяхъ, нѣтъ и слѣда.

Обратимъ теперь вниманіе на соотвѣтствующія явленія въ хозяйствѣ капиталистическомъ. Первымъ наиболѣе характеристическимъ признакомъ такого хозяйства является общественное раздѣленіе труда и находящееся отъ него въ непосредственной зависимости производство на сторону единичными хозяйствами большихъ массъ однороднаго товара. Второй столь же основной его признакъ тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ первымъ: это—такъ называемое накопленіе или увеличеніе капитала. Остановимся на этихъ двухъ признакахъ и посмотримъ, какія перемѣны вносятъ они въ тѣ порядки, которые мы только-что наблюдали въ хозяйствѣ изолировинномъ. Обратимся, по прежнему, къ анализу составныхъ частей рабочаго дня или, что одно и то же, къ вопросу о его продолжительности. Одна часть рабочаго дня расходуется въ капиталистическомъ хозяйствѣ на орудія производства, другая на предметы непосредственнаго потребленія въ томъ количествѣ, какое соотвѣтствуетъ прямымъ и косвеннымъ потребностямъ населенія, иными словами—поддерживаетъ въ интегральномъ составѣ весь существующій экономическій строй. По мѣрѣ потребленія всѣхъ этихъ предметовъ, для замѣщенія ихъ производятся все новые, да новые экземпляры—совершенно такимъ же образомъ, какъ это дѣлается и въ изолированномъ хозяйствѣ и даже рѣшительно во всякомъ человѣческомъ хозяйствѣ, будь оно—сельская или городская община, артель, феодальный или помѣстный дворъ и т. под. Раздѣленіе труда между отдѣльными капиталистическими хозяйствами только маскируетъ собою этотъ процессъ и лишаетъ его извѣстной планомѣрности, но никогда не уничтожаетъ совсѣмъ. И такъ, до настоящей минуты мы не встрѣчаемъ еще относительно продолжительности рабочаго дня никакихъ различій между хозяйствомъ изолированнымъ или сплошнымъ и хозяйствомъ капиталистическимъ или раздробленнымъ на отдѣльныя части. Но дѣло въ томъ, что рабочій день этого послѣдняго хозяйства, въ силу свойственныхъ ему условій, не ограничивается помянутыми частями. Третья доля рабочаго дня въ подобномъ экономическомъ механизмѣ расходуется на изготовленіе новыхъ *добавочныхъ* орудій производства и отчасти средствъ существованія и, наконецъ, четвертая доставляетъ фондъ для существованія ка-

питалиста и окружающихъ его лицъ. Оставляя въ сторонѣ эту послѣднюю долю рбочаго дня, служащую для производства прибыли въ тѣсномъ смыслѣ слова, мы все же видимъ, что капиталистскій рабочій день уже потому является, при прочихъ равныхъ условіяхъ, продолжительнѣе рабочаго дня въ изолированномъ хозяйствѣ, что здѣсь производится извѣстный излишекъ въ новыхъ орудіяхъ труда и въ новыхъ средствахъ существованія. Но этого мало: подобный процессъ добавочнаго производства ведется изо дня въ день, изъ года въ годъ; новыя орудія производства присоединяются къ старымъ, т. е. въ свою очередь пускаются въ дѣло, и, слѣдовательно, накопленіе происходитъ по закону сложныхъ процентовъ. Помимо этого, по мѣрѣ движенія впередъ техники, каждый послѣдній экземпляръ одного и того же орудія является все производительнѣе, да производительнѣе, и, такъ какъ рабочій день отъ этого не сокращается, подобно тому, какъ это происходитъ въ хозяйствѣ изолированномъ, то это обстоятельство становится новымъ и чрезвычайно изобильнымъ источникомъ добавочнаго производства орудій труда и отчасти средствъ существованія. Мы видимъ отсюда, что упомянутыхъ выше условій устойчиваго равновѣсія въ хозяйствѣ капиталистическомъ не существуетъ, что, въ силу самой природы этого хозяйства, а именно, потребности въ накопленіи для накопленія, необходимо, чтобы потребленіе въ немъ нетолько покрывалось производствомъ, но чтобы производилось постоянно гораздо больше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія потребностей населенія.

Но спрашивается: на какой конецъ производится вся эта масса орудій труда и другихъ предметовъ, если значительная доля ея представляется излишнею? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ вся внѣшняя исторія капиталистическаго механизма отъ самаго его возникновенія и до нашихъ дней, представляющая непрерывную и бѣшеную скачку за отысканіемъ новыхъ рынковъ въ колоніяхъ и въ странахъ, стоящихъ на низшихъ ступенях цивилизаціи, для сбыта излишковъ производства. Обстоятельство это даетъ намъ ясно понять, что, въ противоположность замкнутому, изолированному, капиталистическое хозяйство является хозяйствомъ совершенно открытымъ, что оно существуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно расширяется, въ какой возможенъ процессъ дальнѣйшаго накопленія, неразлучный съ процессомъ дальнѣйшаго расширенія рынка. Но, во-первыхъ, всѣ основныя потребности людей ограничены, а, благодаря извѣстному закону, въ силу котораго заработная плата не можетъ подняться значительно надъ уровнемъ крайней необходи-

мости, около 80—90% потребностей большинства народонаселенія принадлежать къ разряду однѣхъ только первоначальныхъ потребностей. Во-вторыхъ, мало по малу, медленно, но вѣрно, на путь капиталистической продукціи вступаетъ все бо́льшее да бо́льшее количество странъ, которыя соперничаютъ между собою и отнимаютъ одна у другой рынки для сбыта товаровъ. Оба эти обстоятельства фатально задерживаютъ собою накопленіе въ первоначальномъ размѣрѣ, все болѣе и болѣе замыкая капиталистическое хозяйство, и хотя, съ другой стороны, вслѣдствіе постепеннаго возрастанія фонда личнаго потребленія капиталиста, все увеличивается число людей, средства которыхъ дозволяютъ имъ пріобрѣтать предметы роскоши, но одной этой причины все же недостаточно для удержанія прежней продолжительности рабочаго дня, которая неизбѣжно должна уменьшаться. Само собою разумѣется, что уменьшеніе это можетъ носить и, дѣйствительно, носитъ самыя разнообразныя формы, смотря по тѣмъ или другимъ частнымъ условіямъ, среди которыхъ оно осуществляется: напримѣръ, подъ видомъ поштучной платы, удерживается только часть рабочихъ, которые работаютъ даже больше прежняго, или часть рабочихъ просто на просто увольняется, а остальные продолжаютъ трудиться прежнее время, или уменьшается число рабочихъ часовъ для всѣхъ рабочихъ, или же, наконецъ, фабрики на время совершенно прекращаютъ работу, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ во время экономическихъ кризисовъ или періодическихъ переполненій рынка. Кромѣ этого, въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и отдѣльныхъ случаяхъ количество работы даже увеличивается, но это не лишаетъ силы общаго физико-экономическаго закона, по которому никакое состояніе неустойчиваго равновѣсія не можетъ быть продолжительно.

Какъ ни кратокъ этотъ очеркъ основныхъ элементовъ капиталистическаго строя, но онъ, все-таки, даетъ возможность видѣть, какимъ могучимъ значеніемъ отличается вопросъ о продолжительности рабочаго дня, до какой степени этотъ вопросъ врѣзывается въ плоть и въ кровь самаго этого строя. Неудивительно, поэтому, что на вопросѣ о рабочемъ днѣ постоянно сосредоточивается самое ревностное вниманіе заинтересованныхъ лицъ и самихъ законодательствъ. На первыхъ порахъ развитія нынѣшняго экономическаго устройства, потребность капитала въ быстромъ накопленіи сопровождалась чрезмѣрнымъ удлинненіемъ рабочаго дня, и этому помогали нерѣдко сами законодательства, установляя минимумъ работы, преслѣдуя за бродяжничество и т. п. Но впослѣдствіи, злоупотребленія излишней ра-

*

боты, идущія рука объ руку съ отсутствіемъ работы въ эпохи экономическихъ кризисовъ, и вообще крайне неравномѣрное распредѣленіе ея, съ одной стороны, повлекли за собою устройство рабочихъ союзовъ, назначеніемъ которыхъ было регулировать распредѣленіе труда и стараться объ уменьшеніи рабочаго дня; съ другой же стороны, сами законодательства обратили вниманіе на бѣдственное положеніе особенно несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и женщинъ на фабрикахъ и, такъ или иначе, стали стремиться положить конецъ злу ограниченіемъ продолжительности работы, заботами о посѣщеніи фабричными дѣтьми школъ и объ улучшеніи санитарныхъ условій рабочихъ помѣщеній. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія, вступила на этотъ путь большая часть европейскихъ законодательствъ; но всѣхъ больше и всѣхъ успѣшнѣе дѣйствовало въ этомъ направленіи, какъ извѣстно, британское законодательство, которое впервые взялось за разрѣшеніе этой задачи еще въ началѣ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

Въ теченіи 40-лѣтняго своего существованія, регламентація условій труда въ Великобританіи расширялась все болѣе и болѣе, какъ въ отношеніи къ числу обнимаемыхъ ею отдѣльныхъ отраслей промышленности и хозяйственныхъ предпріятій, такъ и въ отношеніи къ тѣмъ явленіямъ, которыя, мало по малу, пришлось подчинить ограниченіямъ. Въ началѣ, напримѣръ, законодательство о фабрикахъ простиралось только на фабрикаціи тканей, но постепенно оно распространилось на такое множество фабрикъ и мастерскихъ, что въ настоящее время, какъ увидимъ ниже, лишь незначительное количество занятій находится внѣ дѣйствія фабричныхъ актовъ и актовъ о мастерскихъ. Помимо этого, первоначальная кодификація законовъ отличалась крайнею неполнотою и неточностью, что̀ давало возможность заинтересованнымъ лицамъ уклоняться отъ вмѣшательства власти и слѣдовать тѣмъ самымъ порядкамъ, которые предполагалось устранить. Но, мало по малу, какъ число опредѣленій, такъ и точность ихъ выраженія значительно возрасли, и этимъ во многихъ случаяхъ былъ положенъ конецъ злоупотребленіямъ, опиравшимся на отсутствіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ предписаній или на непониманіе ихъ.

Несмотря, однако же, на всѣ эти сравнительныя достоинства нынѣшняго фабричнаго законодательства Великобританіи, взятое въ цѣломъ, оно представляетъ безконечную массу крайне случайныхъ и запутанныхъ постановленій, изъ которыхъ одно исключаетъ другое, одно представляетъ общее правило, а другое столь широкую модификацію, что превращаетъ это правило въ

ничто, одно относится къ фабрикѣ, другое къ мастерской, одно регулируетъ трудъ крайне строго въ сравнительно невинныхъ случаяхъ, а другое оставляетъ почти безъ всякаго надзора самыя возмутительныя злоупотребленія. Въ виду всѣхъ этихъ недостатковъ существующаго законодательства, въ прошломъ году наряжена была парламентская комиссія, цѣль которой состояла въ собраніи матеріала для сужденія о томъ, не представится ли возможнымъ свести всѣ дѣйствующіе фабричные акты и акты о мастерскихъ въ одинъ актъ, который обнималъ бы собою, по возможности, всѣ случаи, когда необходимо оказать пособіе состоящимъ подъ покровительствомъ закона личностямъ. Одновременно съ этимъ, комиссіи было также поручено ознакомиться съ требованіями заинтересованныхъ сторонъ по отношенію къ тѣмъ пунктамъ законодательства, которые могутъ нуждаться въ дальнѣйшемъ измѣненіи или дополненіи.

Назначеніе нашей статьи—познакомить читателя съ богатымъ содержаніемъ трудовъ этой комиссіи, представляющимъ блестящую иллюстрацію того громаднаго значенія, какимъ отличается вопросъ о количествѣ работы и всѣ другіе вопросы, находящіеся съ нимъ въ соприкосновеніи, въ наиболѣе развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ настоящей эпохи.

I.

Дѣйствія комиссіи.

Комиссія для изслѣдованія дѣйствія законодательства о фабрикахъ и мастерскихъ, въ виду консолидаціи и дополненія различныхъ парламентскихъ актовъ, регулирующихъ трудъ, была учреждена въ концѣ марта 1875 года, а въ мартѣ нынѣшняго года, два громадные тома ея трудовъ уже появились въ свѣтъ. Въ первомъ томѣ (CXXIX и 340 стр.) содержатся отчетъ комиссіи, особое мнѣніе одного изъ членовъ ея *О'Коннора* [1] и цѣлый рядъ приложеній ко второму тому, а именно: статистическія таблицы по нѣкоторымъ изъ тѣхъ вопросовъ, изслѣдованіемъ которыхъ занималась комиссія, спеціальныя свѣдѣнія, полученныя комиссіею отъ разныхъ лицъ и учрежденій, резуль-

[1] Въ составъ этой комиссіи вошли слѣдующія лица: баронетъ *Джемсъ Ферюсонъ*, лордъ *Фридрихъ Карлъ Кэвендишъ*, баронъ *Александръ Бальфуръ Бёрлей*, *Чарльзъ Дюканъ*, *Генрихъ Робертъ Брандъ*, *Ѳома Ноульсъ* и *Чарльзъ Оуэнъ О'Конноръ* (*О'Конноръ Донъ*).

таты личнаго посѣщенія членами комиссіи тѣхъ или другихъ промышленныхъ заведеній, анализъ показаній и общій указатель. Что касается второго тома (1,002 стр.), то въ немъ-то именно и заключается важнѣйшая часть работы комиссіи—20,892 показанія, данныя въ отвѣтъ на вопросы комиссіи различными заинтересованными въ дѣлѣ лицами. Показанія эти, отобранныя по системѣ перекрестнаго допроса, обычнаго въ подобныхъ случаяхъ у парламентскихъ комиссій, въ связи съ свѣдѣніями, помѣщенными въ дополненіе къ нимъ въ первомъ томѣ, представляютъ, можно сказать это смѣло, самый обширный, многосторонній и самый точный матеріалъ, какой только существуетъ въ мірѣ—для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ различныхъ частей рабочаго вопроса. Результаты изслѣдованій англійскихъ комиссій и вообще-то не идутъ почти ни въ какое сравненіе съ работами комиссій германскихъ, французскихъ и т. д., какъ по своей глубинѣ, обширности и разносторонности, такъ и по безпристрастію своихъ авторовъ и свойственной имъ чуткости въ различеніи лжи отъ правды. Что же касается трудовъ послѣдней комиссіи, то, помимо всего этого, они представляютъ тѣмъ больше значенія и интереса, что, по самому своему назначенію, обнимаютъ всевозможные виды англійской промышленности и освѣщаютъ громадное множество темныхъ угловъ во взаимныхъ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими Великобританіи. Всего этого мы совершенно напрасно стали бы искать въ трудахъ другихъ комиссій, представляющихъ, по бóльшей части, довольно отрывочное и поверхностное изслѣдованіе предмета, не отличающееся, къ тому же, и особенною точностью. Говоря такимъ образомъ, мы, однако, нисколько не думаемъ возводить членовъ англійскихъ комиссій вообще и послѣдней въ особенности въ какой либо перлъ созданія и верхъ совершенства и ничуть не представляемъ себѣ дѣла такъ, что изслѣдованія ихъ удовлетворяютъ всевозможнымъ теоретическимъ, практическимъ, нравственнымъ и т. под. требованіямъ. Напротивъ того, совсѣмъ не трудно замѣтить—и въ послѣдующихъ строкахъ мы не разъ будемъ указывать на это—что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ склонны черезчуръ ужь бережно и осторожно относиться къ интересамъ патроновъ и, въ то же время, подчасъ проходятъ молчаніемъ интересы рабочихъ или даже пренебрегаютъ ими. Помимо этого, они постоянно отличаются чрезмѣрною любовью къ казуистикѣ, и потому неполныя и изувѣченныя ихъ обобщенія очень часто не выдерживаютъ самой снисходительной критики; они подходятъ къ фактамъ съ предвзятой теоріей и потому извращаютъ иногда ихъ значеніе, они слишкомъ настаиваютъ на сохраненіи

status quo—слишкомъ нерѣшительны въ тѣхъ случаяхъ, когда настоятельная потребность перемѣны просто поражаетъ своею очевидностью.

Но не взирая на всѣ эти и на многіе другіе, менѣе важные недостатки своего міровоззрѣнія, своихъ тенденцій и темперамента, члены английскихъ комиссій все-таки относятся къ дѣлу гораздо основательнѣе, научнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ это дѣлается въ другихъ странахъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ далеко оставляютъ за собою всякія иныя комиссіи. Въ доказательство этой истины мы могли бы привести многое множество примѣровъ, но, быть можетъ, достаточно будетъ и нѣкоторыхъ. Всякому, напримѣръ, еще памятно, до какой степени односторонній характеръ носили у насъ пренія той комиссіи, на которую было возложено, въ началѣ 1875 года, составить проектъ закона о регулированіи найма рабочихъ, не говоря уже о томъ, что въ основаніи работъ ея не лежало, сколько намъ извѣстно, никакихъ спеціальныхъ изслѣдованій, хотя бы въ отдаленной степени напоминающихъ собою труды англійскихъ парламентскихъ комиссій. Комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства потрудилась не въ примѣръ значительнѣе, но и она, во-первыхъ, недостаточно систематизировала свои изслѣдованія, а, во-вторыхъ, довольно рѣдко обращалась съ вопросами къ тѣмъ лицамъ, которыя были наиболѣе заинтересованы результатами ея работъ. Далѣе. Въ теченіи настоящаго лѣта, въ швейцарскомъ союзномъ собраніи обсуждался и былъ принятъ проектъ закона о фабрикахъ, предварительное разсмотрѣніе котораго было, по примѣру англичанъ, поручено особой комиссіи. Но что̀ же сдѣлала эта комиссія? Она засѣдала круглый годъ, внесла въ проектъ нѣкоторыя очень важныя и почтенныя измѣненія и все же не собрала почти никакого фактическаго матеріала объ отношеніяхъ между работодателями и рабочими, несомнѣнно подрывая этимъ въ самомъ корнѣ жизненность предстоящихъ законодательныхъ мѣръ. Наконецъ, въ 1874 году, во французскомъ національномъ собраніи также былъ проведенъ новый законъ о фабрикахъ и о мастерскихъ, но опять-таки въ основаніе его не было положено серьёзнаго изученія фактическаго положенія дѣла.

Но всѣ эти примѣры лишь отчасти служатъ указаніемъ, какими значительными и разнородными недостатками страдаютъ труды континентальныхъ комиссій сравнительно съ трудами соотвѣтствующихъ учрежденій Великобританіи. За то слѣдующій наиболѣе выдающійся и поразительный случай сравнительно легкаго отношенія къ дѣлу доказываетъ даже больше, чѣмъ нужно. По предложенію *Одиффрэ Пакье*, 24 февраля 1872 года,

французское національное собраніе постановило назначить комиссію для изученія условій положенія рабочихъ классовъ во Франціи. Такъ какъ все, что ни дѣлается во Франціи, отличается необыкновенною грандіозностью, то и въ этомъ случаѣ, для пущей важности, въ комиссію назначили, вмѣсто какихъ-нибудь 5 или 10 членовъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ 45. Казалось бы, что тутъ-то и слѣдуетъ ждать необыкновенно важныхъ изслѣдованій и заключеній. Но вышло иначе. Сначала все дѣло до того затихло, что всѣ стали думать, что изъ трудовъ комиссіи ровно ничего не выйдетъ. Только очень недавно и совершенно неожиданно для публики начали появляться отчеты ея членовъ—тоненькая брошюра графа *Мелена* о матеріальномъ положеніи рабочихъ классовъ, *Талона*—объ интеллектуальномъ и моральномъ ихъ состояніи и весьма пространный отчетъ *Дюкарра*—о задѣльной платѣ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ ихъ патронамъ. Вотъ объ этомъ-то послѣднемъ, если можно такъ выразиться, трудѣ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ. Авторъ его, *Дюкарръ*, не позаботился даже собрать современныя свѣдѣнія, относящіяся къ вопросу, которымъ ему слѣдовало заняться, а просто на просто скомбинировалъ нѣсколько данныхъ, заимствованныхъ изъ старыхъ источниковъ. Взамѣнъ этого, онъ даетъ цѣлую массу страницъ, наполненныхъ доктринарно бездарными соображеніями, якобы политико-экономическаго свойства, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «человѣкъ заимствуетъ у природы элементы, въ которыхъ нуждается; онъ извлекаетъ эти элементы и дѣлаетъ ихъ годными, при помощи *усилія*, которое называется *трудомъ* (?)»; или: «саларіатъ (наёмничество) состоитъ въ слѣдующемъ: извѣстное число сотрудниковъ въ общемъ производствѣ, не будучи въ состояніи достигнуть окончательнаго результата, продаетъ свою часть другимъ, которые могутъ достигнуть таковаго. Тѣ, которые продаютъ свою часть, суть то, что называется наемными рабочими—salariés, тѣ же, которые покупаютъ часть, принадлежащую другимъ, суть капиталисты-предприниматели». И такъ, мы совершенно неожиданно узнаемъ отъ г. *Дюкарра*, что рабочій продаетъ предпринимателю не рабочую свою силу, какъ привыкли думать всѣ обыкновенные смертные, а какую-то «свою часть», за которую, вѣроятно, и получаетъ «то, что называется» заработною платою. Но такъ какъ фактъ продажи рабочимъ его рабочей силы, не взирая на всѣ увѣренія г. *Дюкарра*, никто отрицать не рѣшится, то и выходитъ, что, по мнѣнію послѣдняго, владѣлецъ рабочей силы отдаетъ ее хозяину уже безо всякаго вознагражденія. Вотъ какія внезапныя и, вѣроятно, даже для самихъ авторовъ не весьма пріятныя по-

слѣдствія влечетъ за собою подчасъ неумѣстная охота умничать и фантазировать въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно, не мудрствуя лукаво, ознакомиться съ новыми фактами. Весь остальной отчетъ въ такомъ же родѣ, мѣстами еще хуже, и рѣшительно неизвѣстно, кому и на что̀ онъ можетъ понадобиться.

Между тѣмъ, врядъ ли существуетъ какая-нибудь необходимость доказывать, что именно въ дѣлѣ фабричнаго законодательства точное и обстоятельное знаніе дѣйствительности представляется вопросомъ первостепенной важности. Какимъ образомъ хотите вы заставить хозяевъ и рабочихъ соблюдать тотъ или другой фабричный законъ, предназначенный для регулированія ихъ взаимныхъ отношеній, когда онъ составляется безъ достаточнаго знакомства съ разнообразными требованіями этихъ отношеній? Вѣдь это просто значитъ разсчитывать, что большія массы людей окажутся способными къ быстрому, почти мгновенному измѣненію своихъ стародавнихъ навыковъ и, притомъ, единственно потому, что законодатель предписываетъ имъ какой-то иной образъ дѣйствій. Въ громадномъ множествѣ случаевъ косность общественныхъ привычекъ является элементомъ чисто раціональнаго свойства; иногда это бываетъ наоборотъ, но, ка̀къ бы то ни было, эта косность есть крупная сила, съ которою необходимо считаться, а это, въ свою очередь, невозможно, безъ предварительнаго изученія ея ближайшихъ причинъ и проявленій. Именно, исторія англійскихъ парламентскихъ актовъ о фабрикахъ и мастерскихъ и ихъ примѣненія къ дѣлу въ высшей степени богата примѣрами, до какой степени бываетъ во многихъ случаяхъ затруднительно ввести въ употребленіе даже самое пустое правило, если оно хоть сколько-нибудь противорѣчитъ привычкамъ и интересамъ значительнаго числа людей. Такъ, напр., очень часто оказывалась совершенно несостоятельною та статья закона, которая опредѣляла начало или конецъ рабочаго дня получасомъ ранѣе или позже того срока, къ которому привыкли рабочіе и который находили почему-либо для себя выгоднымъ—ясное доказательство, что составители этой статьи недостаточно были знакомы съ дѣйствительностью. Другой интересный образчикъ несовпаденія между предписаніями акта и фактическими отношеніями, приводитъ, въ одномъ изъ своихъ показаній, данныхъ послѣдней комиссіи, фабричный инспекторъ *Бэкеръ* (685): «Женщины, плетущія солому, говоритъ онъ:—начинаютъ работать въ 9 часовъ утра, и вамъ нельзя заставить ихъ покинуть мастерскую по окончаніи работы, потому что помѣщенія, гдѣ онѣ работаютъ, имѣютъ нѣкоторыя преимущества въ сравненіи съ ихъ жилищами: всѣ эти помѣщенія

свѣтлѣе, богаче воздухомъ и болѣе комфортабельны». И далѣе (686): «Вы ничего не можете сдѣлать съ ними, вы не можете прогнать ихъ потому только, что онѣ не работаютъ: онѣ только остаются въ рабочихъ помѣщеніяхъ, потому что это удобнѣе, пока не пойдутъ спать. Въ одномъ весьма обширномъ учрежденіи я сказалъ, что онѣ должны уходить съ фабрики въ опредѣленный часъ по субботамъ; онѣ были очень опечалены этимъ, хотя все-таки повиновались моему приказанію и пошли домой; но хозяйка не хотѣла ихъ впустить и сказала, что имъ нѣчего дѣлать дома въ эту пору дня (4 часа пополудни), и онѣ были принуждены отправиться въ постель и спали до воскресенья. Это было въ Лютонѣ». Примѣръ этотъ, разумѣется, не доказываетъ, что законодателю не слѣдовало въ данномъ случаѣ сокращать рабочій день, въ виду того, что женщины охотнѣй проводятъ свое свободное время въ мастерской, чѣмъ у себя дома. Онъ служитъ только указаніемъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, одного предписанія работать меньше еще недостаточно для того, чтобы возвратить фабричной работницѣ утраченный ею семейный кровъ, а этого законодатель не знаетъ или не желаетъ знать.

Чтобы показать, по возможности, наглядно, какую громадную и сложную работу пришлось выполнить послѣдней парламентской комиссіи, прослѣдимъ сначала въ краткихъ чертахъ общій ходъ ея дѣятельности.

Комиссія начала свои дѣйствія съ допроса двухъ фабричныхъ инспекторовъ *Редгрэва* и *Бэкера* и, вслѣдъ затѣмъ, получила цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній отъ департаментовъ мануфактуръ и просвѣщенія, отъ представителей лондонскаго бюро школъ и отъ многихъ лондонскихъ же ремесленниковъ и фабрикантовъ. Въ то же самое время, ею были разосланы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, циркуляры о предметѣ и цѣляхъ ея изслѣдованій—президентамъ торговыхъ палатъ страны и многимъ личностямъ, отъ которыхъ она надѣялась получить потребныя ей свѣдѣнія. Помимо этого, комиссія не пренебрегала и обычнымъ способомъ публикаціи въ газетахъ и поставила этимъ путемъ рядъ вопросныхъ пунктовъ, съ цѣлью вызвать желающихъ дать свои показанія по дѣлу. Покончивъ со всѣмъ этимъ, комиссія выѣхала изъ Лондона и направилась для допроса на мѣстахъ, прежде всего, въ Бирмингэмъ и въ его окрестности, гдѣ имѣла засѣданія въ Уэльвергэмптонѣ, и въ Уэстъ-Бромвичѣ, а отсюда, черезъ Лейстеръ и Ноттингэмъ, она достигла Манчестера, гдѣ получила показанія отъ представителей промышленности Ланкашира и окрестностей. Она посѣтила,

далѣе, Ганлей, Шеффильдъ, Лидсъ, Бристоль и Ньюпортъ. Мѣста для своихъ засѣданій комиссія избирала, сообразуясь нестолько съ общею важностью фабрикъ, сколько съ удобствами ихъ центральнаго положенія въ пространныхъ округахъ и съ цѣлью изслѣдованія на мѣстѣ наиболѣе настоятельныхъ и, въ тоже время, нерѣшенныхъ вопросовъ, которые отъ времени до времени останавливали на себѣ ея вниманіе. Въ Шотландіи комиссія засѣдала въ Глазговѣ, Дунди и Эдинбургѣ, въ Ирландіи—въ Бельфастѣ и въ Дублинѣ, а, на обратномъ пути въ Лондонъ, она собрала показанія различныхъ лицъ, которыхъ ей не удалось застать на мѣстѣ въ первое путешествіе, и нѣкоторыхъ другихъ, которые не были въ первый разъ приготовлены къ отвѣту.

Всего комиссія имѣла 57 засѣданій и выслушала показанія около 700 свидѣтелей. Помимо этого, комиссія лично посѣтила многія фабрики и мастерскія. Она выражаетъ сожалѣніе, что была лишена возможности отобрать устныя показанія отъ всѣхъ, безъ исключенія, членовъ инспекторскаго персонала, въ числѣ которыхъ, по ея словамъ, остались недопрошенными многіе весьма опытные. Впрочемъ, отъ многихъ суб-инспекторовъ, такъ же какъ и отъ членовъ мѣстныхъ бюро школъ, ирландскаго и шотландскаго бюро просвѣщенія, инспекторовъ школъ и многихъ другихъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и властей, комиссія получила весьма цѣнныя письменныя показанія.

Что касается допроса фабрикантамъ, хозяевамъ мастерскихъ и рабочимъ, то комиссія старалась преимущественно отбирать показанія отъ такихъ личностей изъ ихъ числа, которыя представляютъ интересы или цѣлой отрасли промышленности въ данной мѣстности (напр. союзъ сопротивленія рабочихъ или союзъ хозяевъ, митингъ и т. под.), или отдѣльной групы лицъ съ одинаковыми интересами.

Занятія комиссіи сосредоточивались, главнымъ образомъ, на двухъ вопросахъ, а именно: на вопросѣ о распространеніи дѣйствія существующаго фабричнаго законодательства на такія отрасли промышленности, которыя до настоящаго времени оставались отъ него въ сторонѣ, и на вопросѣ объ оказаніи законодательной помощи при посѣщеніи школъ дѣтьми, работающими на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Желая ограничить по возможности свои изслѣдованія указанными двумя предметами, комиссія обратила сравнительно незначительное вниманіе на вопросъ о дѣйствіи существующаго фабричнаго законодательства, касаясь его, большею частью, только мимоходомъ. Но это, однако, не помѣшало комиссіи придти къ общему заключенію, что ны-

нѣшнее положеніе отношеній рабочихъ находится въ явномъ контрастѣ съ прежнимъ, и что, хотя въ спеціальныхъ случаяхъ и встрѣчаются еще въ мастерскихъ и фабрикахъ, подчиненныхъ дѣйствію законодательства, нездоровыя помѣщенія и болѣе или менѣе вредная для здоровья излишняя работа, но это составляетъ не болѣе, какъ исключеніе. Независимо отъ этого, по мнѣнію комиссіи, въ послѣдніе годы замѣчается улучшеніе въ санитарныхъ приспособленіяхъ и въ вентиляціи фабрикъ, и случаи, когда молодежь употребляется въ дѣло, не соотвѣтствующее ея возрасту, или когда молодежь и женщины страдаютъ отъ излишней работы, настолько же теперь рѣдки, сколько прежде были многочисленны. Значительная доля этихъ улучшеній должна быть приписана фабричнымъ законамъ, и сами даже фабриканты не спорятъ, что промышленность отъ дѣйствія ихъ не пострадала, и не желаютъ возвращенія прежнихъ порядковъ.

Нельзя не сознаться, что приведенные выводы комиссіи имѣютъ въ свою пользу достаточное число показаній заинтересованныхъ лицъ, а, что̀ касается общаго улучшенія въ положеніи рабочихъ классовъ подъ вліяніемъ фабричнаго законодательства, то оно неоднократно признавалось, въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій, многочисленными свидѣтелями, къ которымъ обращались различныя парламентскія комиссіи. Въ данномъ случаѣ, на вопросъ президента комиссіи (63): «Замѣтили ли вы какое-нибудь улучшеніе въ физическомъ и въ моральномъ состояніи населенія, подчиненнаго дѣйствію актовъ?» весьма компетентное въ дѣлахъ этого рода лицо, старѣйшій изъ фабричныхъ инспекторовъ Англіи, *Редгрэвъ*, отвѣчалъ, напримѣръ, слѣдующее: «Я не могу колебаться ни минуты, выражая по этому пункту свое сильнѣйшее положительное убѣжденіе. Я могу говорить частнѣе о перемѣнѣ, происшедшей среди производителей дамскаго платья и шляпъ въ столицѣ, потому что знаю это дѣло лично. Во всей системѣ труда въ этой отрасли промышленности замѣтно въ Лондонѣ полное преобразованіе; рабочіе часы стали регулярнѣе прежняго, женщины имѣютъ болѣе времени для принятія пищи, и я, по всей справедливости, могу сдѣлать заключеніе, что въ настоящее время имъ безконечно лучше, что онѣ здоровѣе и счастливѣе, чѣмъ привыкли быть. Что̀ касается производства тканей, то въ немъ были улучшенія, постепенно возраставшія изъ года въ годъ. Быть можетъ, въ этихъ округахъ (около Лондона) улучшенія эти не обозначились столь же сильно въ столь короткое время, такъ какъ нынѣшнее поколѣніе взрослыхъ рабочихъ, т. е. люди среднихъ лѣтъ, находились подъ вѣдѣніемъ фабричной системы съ уменьшеннымъ рабочимъ днемъ и подъ

вліяніемъ всѣхъ благопріятныхъ для соціальнаго улучшенія условій уже послѣ того, какъ были дѣтьми». То же самое повторяетъ онъ въ другихъ мѣстахъ своего отвѣта относительно иныхъ видовъ занятій, и того же мнѣнія придерживаются товарищъ его, инспекторъ *Бэкеръ* и многіе другіе члены инспекторскаго персонала. «Мораль и воспитаніе нынѣ улучшились, говорилъ комиссіи рабочій *Кендаль*, секретарь ассоціаціи вязальщиковъ:—дѣти имѣютъ по вечерамъ болѣе досуга и вообще нынѣшнее положеніе вещей не такое, какъ прежде».

Но если въ однихъ отрасляхъ промышленности замѣтны дѣйствительно важныя сравнительныя улучшенія, зато въ нѣкоторыхъ другихъ многое осталось какъ было и, пожалуй, даже ухудшилось. Сама комиссія, обращаясь къ детальному разсмотрѣнію условій труда, неоднократно выражаетъ мнѣніе, что, въ томъ или другомъ видѣ занятій, парламентскіе акты не повлекли за собою ни уменьшенія рабочаго дня, ни лучшаго распредѣленія рабочихъ часовъ, ни усиленія въ посѣщеніи дѣтьми школъ, ни улучшенія въ санитарныхъ условіяхъ рабочихъ помѣщеній. Таково, напримѣръ, на основаніи множества показаній, положеніе труда въ мастерскихъ, труда земледѣльческаго, труда въ общемъ классѣ мануфактуръ и фабрикъ, т. е., за вычетомъ производства тканей, по отношенію къ которому соединенныя усилія парламента и инспекціи сдѣлали всего болѣе. Мы приведемъ впослѣдствіи, въ подтвержденіе этого, не одно и не два свидѣтельскія показанія, а цѣлую массу.

Нельзя также безусловно раздѣлять мнѣніе комиссіи, что фабричное законодательство пустило въ настоящее время столь глубокіе корни, что сами фабриканты и вообще патроны промышленныхъ заведеній не оспариваютъ болѣе благодѣтельныхъ его послѣдствій и не желаютъ возвращенія къ старымъ порядкамъ. Конечно, въ пользу этого мнѣнія можн опривести немалое число показаній, и вообще справедливо, что фабричное законодательство прежнихъ годовъ до того пріучило къ себѣ предпринимателей, что они оставляютъ его теперь, бо̀льшею частью, въ покоѣ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать того же какъ о тѣхъ парламентскихъ актахъ, которые вошли въ силу недавно, такъ и о тѣхъ, проведенія которыхъ хозяева могли бы опасаться въ будущемъ. Труды комиссіи, напримѣръ, биткомъ набиты жалобами со стороны патроновъ на актъ 1874 года, въ силу котораго рабочій день въ производствѣ тканей былъ уменьшенъ на полчаса и введено нѣсколько иное распредѣленіе рабочихъ часовъ. Интересно, при этомъ, что хозяева далеко невсегда ходатайствуютъ объ отмѣнѣ или измѣненіи акта на томъ основаніи, что

онъ противорѣчитъ ихъ личнымъ интересамъ, нѣтъ: они не менѣе заботятся объ интересахъ самихъ рабочихъ и всей промышленности Англіи.

Чтò касается аргументаціи перваго рода, то она заключается въ томъ, что уменьшеніе рабочаго дня влечетъ за собою пониженіе задѣльной платы и потому отвергается, будто бы, самими рабочими. Показаній въ этомъ родѣ множество; приведемъ пока одно или два. Президентъ торговой палаты въ Лидсѣ, *Джонъ Барранъ*, (12,900) увѣрялъ комиссію, что уменьшеніе на основаніи акта 1874 года недѣльнаго числа рабочихъ часовъ отъ 60 до 56½ отзывается чрезвычайно вредно на интересахъ рабочихъ, которые стали, будто бы, получать теперь менѣе значительную плату, и особенно соболѣзновалъ положенію женщинъ. Но независимо отъ этого, подъ вліяніемъ новаго закона, многія фабрики принуждены терять около 3½ часовъ времени въ недѣлю, чтò наноситъ ужаснѣйшій вредъ индустріи. «Я совершенно увѣренъ, аподиктически утверждаетъ онъ далѣе:—что уменьшать рабочій день болѣе 10 часовъ есть вещь весьма нежелательная». Другой предприниматель—патронъ литейнаго завода въ Бремиичѣ, *Кэнрикъ* (6505), утверждаетъ, что «уменьшеніе рабочаго дня женщинъ уже послужило причиною *лишенія* мужчинъ (to deprive) двухъ съ половиною или трехъ часовъ въ недѣлю, такъ какъ здѣсь женщины слѣдуютъ мужчинамъ, и, если онѣ прекращаютъ работу въ 6 часовъ, то мужская работа должна останавливаться въ 5½ часовъ». Онъ же свидѣтельствуетъ, что «существуютъ авторитетныя мнѣнія», будто въ стеклянной промышленности «рабочіе сами желаютъ увеличенія рабочаго времени до 60 часовъ въ недѣлю, если задѣльная плата понизится» [1].

Показаніе хозяевъ, въ которыхъ размѣръ рабочаго дня ставится въ зависимость отъ размѣра задѣльной платы, причемъ выражается мнѣніе, что сами рабочіе относятся къ уменьшенію рабочаго времени недоброжелательно, встрѣчается въ трудахъ

---

[1] Изображая вредныя послѣдствія короткаго рабочаго дня, иные изъ патроновъ впадаютъ даже подчасъ въ нѣкоторую сантиментальность. Такъ, напримѣръ, *Эльми*, партнеръ шелковой фирмы *Эльми и К°* въ Конгльтонѣ, слѣдующими трогателными чертами рисуетъ положеніе труда подъ вліяніемъ подобной перемѣны (14,197): «Одна женщина сказала мнѣ, что это (регулированіе труда взрослыхъ женщинъ)—чрезвычайная тягость; она была 35 лѣтъ отъ роду, въ полномъ обладаніи своихъ силъ, и еслибы могла работать излишнее время, то могла бы скопить деньги, и когда была бы слишкомъ стара для работы, то имѣла бы копейку на черный день. Но теперь, говоритъ она, я могу работать лишь столько времени, сколько разрѣшаетъ актъ, и живу со дня на день, а когда состарѣюсь, то должна буду идти въ рабочій домъ. Я передаю вамъ слово въ слово неподготовленный разсказъ женщины».

комиссіи до того часто, что мы невольно остановились на этомъ предметѣ и обратили особенное вниманіе на соотвѣтствующія показанія самихъ рабочихъ и членовъ инспекторскаго персонала. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ показаній. Субъ-инспекторъ *Фиттонъ* (app. c. p. 106) говоритъ слѣдующее: «Введеніе акта 1874 года составляетъ предметъ сожалѣнія для хозяевъ и для рабочихъ, потому что для первыхъ онъ влечетъ за собою серьёзную потерю прибыли, а для вторыхъ—задѣльной платы». Фабричный рабочій въ Дунди, *Миддльтонъ*, объясняетъ дѣло такъ: «Послѣ введенія $57^1/_2$ часовъ плата въ Шотландіи была понижена на часъ въ недѣлю для поштучныхъ и для поденныхъ рабочихъ и съ тѣхъ поръ вообще не возвышалась, хотя мѣстами таки поднялась». Напротивъ того, нѣкій *Бальмесъ*, лицо, принимавшее прежде участіе въ инспекціи, утверждаетъ (13018), что «въ средѣ рабочихъ выражается полнѣйшее одобреніе новому закону (1874), а лицъ, стоящихъ во главѣ агитаціи, законъ этотъ едва только могъ удовлетворить, и они называютъ его 56-ти часовымъ компромиссомъ». Таково же, по его словамъ, и мнѣніе женщинъ. Рабочіе убѣждены, говоритъ онъ, что высота задѣльной платы зависитъ не отъ количества рабочаго времени, а отъ спроса и предложенія, и прежній опытъ, за исключеніемъ только времени, непосредственно слѣдующаго за уменьшеніемъ работы, обыкновенно подтверждаетъ это. Въ томъ же смыслѣ даетъ показаніе субъ-инспекторъ *Гендерсонъ* (2682) и, напротивъ, сознаётся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ дается дополнительная работа на домъ, задѣльная плата ихъ не возрастаетъ. Что касается въ частности швей, то, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ законодательныхъ ограниченій, плата ихъ нетолько не упала, но даже возросла. Такъ, изъ разсмотрѣнія книгъ одной значительной фирмы, онъ вывелъ, что съ эпохи введенія акта плата возросла въ ней отъ 25 до 100%. Онъ, впрочемъ, если мы не ошибаемся, приписываетъ этотъ результатъ введенію швейной машины, которая, по его словамъ, произвела въ Лондонѣ полнѣйшую революцію. Она превратила, говоритъ онъ, занятіе швей изъ черной работы въ работу высшаго качества, и теперь въ заведеніяхъ Лондона въ 10 разъ больше швей, чѣмъ до введенія въ употребленіе машинъ. «Когда я въ первый разъ посѣтилъ вест-индскія мастерскія модъ — 1 шилл. 6 пенс. въ день и чай было обыкновенною платою для взрослой швеи. Теперь же не въ рѣдкость плата въ 14 шилл. въ недѣлю съ чаемъ, а иногда и гинея». Однако, положеніе шьющихъ на магазины готовыхъ платьевъ улучшилось, въ то же время, незначительно (домашняя работа). Въ одномъ заведеніи,

въ которомъ были рабочія обѣихъ категорій, *Гендерсонъ* нашелъ, что плата работавшихъ на дому была всего 10 шилл., а работавшія въ самомъ заведеніи — отъ 16 до 25 шилл. въ недѣлю. Другой субъ-инспекторъ *Генри Джонстонъ* (4193) утверждаетъ, что на многихъ фабрикахъ работа длится всего отъ 8 часовъ утра до 6 час. вечера, и на вопросъ президента комиссіи «думаете ли вы, что рабочіе въ столь короткій срокъ могутъ произвести столько же, сколько и въ продолжительный?» не задумываясь, отвѣчаетъ (4196): «совершенно столько же и получать туже плату». Наконецъ, слѣдующій патронъ и, вмѣстѣ, представитель интересовъ другихъ патроновъ по крашенію, бѣленію и набойкѣ тканей въ Больтонѣ и въ Манчестерѣ, *Сайксъ*, (9109) довольно наивнымъ образомъ выдаетъ свои внутреннія опасенія: «Мужчины стараются регулировать свою работу трудомъ женщинъ: они являются и говорятъ вамъ, что трудъ женщинъ слишкомъ тяжелъ и что женщины желаютъ его сократить. Мы не можемъ употреблять въ дѣло мужчинъ отдѣльно отъ женщинъ и должны возвышать ихъ задѣльную плату... Когда эти люди говорятъ вамъ, что женщины будутъ довольствоваться меньшею на 1 шилл. 6 пенсовъ платою, въ случаѣ сокращенія часовъ, то это—безсмыслица: онѣ сейчасъ же придутъ къ намъ, когда у насъ день сократится, и потребуютъ той же платы, какую получаютъ другія женщины на фабрикахъ».

Мы видимъ отсюда, что, хотя мнѣнія по вопросу о соотношеніи между уровнемъ задѣльной платы и продолжительностью рабочаго дня отличаются нѣкоторымъ разнообразіемъ, но что, тѣмъ не менѣе, большинство показаній оказывается въ пользу отсутствія всякой зависимости между упомянутыми двумя явленіями. Съ теоретической точки зрѣнія, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что размѣръ задѣльной платы и количество работы нисколько не обусловливаютъ другъ друга, что въ извѣстныхъ предѣлахъ, сколько бы ни трудился рабочій — 10 часовъ въ день или 14—задѣльная его плата будетъ зависѣть отъ того, какъ велики его потребности, насколько велика цѣна удовлетворяющихъ имъ предметовъ и въ какомъ отношеніи въ данное время находится предложеніе рабочей силы въ сравненіи со спросомъ на нее. Большинство приведенныхъ нами показаній вполнѣ подтверждаетъ это теоретическое положеніе, и, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ указывается на то, что вслѣдъ за уменьшеніемъ рабочаго дня уменьшается и плата, но подобное явленіе, очевидно, носитъ чисто случайный характеръ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что гг. патроны совершенно понапрасну ссылаются на своихъ рабочихъ въ поддержку мнѣнія, что уменьше-

ніе рабочаго дня нежелательно. Сколько мы могли замѣтить, страхъ по отношенію къ подобнымъ перемѣнамъ, уже наступившимъ и, быть можетъ, еще имѣющимъ наступить, обнаруживаютъ, во-первыхъ, бо̀льшею частію, рабочія женщины, а, во-вторыхъ, тѣ изъ рабочихъ-мужчинъ, которые почему-либо еще не успѣли соединиться въ рабочіе союзы (trades-unions). Что̀ же касается представителей этихъ послѣднихъ, то они совершенно категорически утверждаютъ, что нисколько не опасаются уменьшенія платы, что она — результатъ предложенія и спроса на трудъ и ни въ какомъ соотношеніи съ продолжительностью работы не состоитъ.

Мы замѣтили выше, что въ своей аргументаціи патроны не ограничиваются ссылкою на интересы рабочихъ, но что они выставляютъ еще въ свою защиту патріотическій доводъ, клонящійся къ охраненію національной промышленности отъ иноземнаго соперничества. Оба эти довода довольно уже стары: они не разъ повторялись въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ и нисколько не оправдывались дѣйствительностью. Мы только-что видѣли это относительно размѣровъ задѣльной платы, а нѣсколько ниже постараемся доказать тоже относительно соперничества. Въ настоящую минуту процитируемъ нѣсколько показаній патроновъ, согласно которымъ Англія, съ своимъ фабричнымъ законодательствомъ, регулирующимъ рабочее время, находится на краю пропасти. Такъ, во-первыхъ, тотъ же *Барранъ*, показаніе котораго, по другому поводу, мы приводили выше, въ примѣръ опасностей континентальной конкуренціи, приводитъ условія работы въ *Брюннѣ* (Австрія), гдѣ, по его словамъ, трудятся день и ночь и получаютъ за 24 часа менѣе, чѣмъ англійскіе рабочіе за $9^1/_2$ часовъ работы. Такъ точно, нѣкій *Вилліамсъ* (9166), патронъ заведенія, въ которомъ обрѣзывается плисъ, сообщалъ комиссіи слѣдующее: «Значительное количество работы, которую исполняли прежде мы, совершенно пропало для насъ; въ самомъ дѣлѣ, теперь товаръ часто посылается отсюда на континентъ для окраски, набойки и для окончательныхъ процессовъ. Бывали случаи, что товаръ посылался для послѣдней цѣли за-границу и возвращался въ Манчестеръ на продажу... У нихъ, въ Берлинѣ или въ Ганноверѣ, болѣе продолжительный рабочій день: они работаютъ отъ 6 час. утра до 7 час. вечера въ теченіи 6 дней въ недѣлю, со включеніемъ субботы, и въ томъ числѣ даютъ только два часа для принятія пищи; тамъ не существуетъ никакой другой границы, кромѣ этой, и нѣтъ границы даже для работы сверхъ 14 часовъ въ день (какая жалость!).» Не менѣе грусти выражаетъ набойщикъ коленкору *Томъ* (9195) по

тому поводу, что прежнее время, по его словамъ, извѣстный эльзаскій фабрикантъ тканей *Дольфусъ*, не имѣя возможности соперничать съ ними, терялъ ежегодно по 20,000 ф. стерл.; въ настоящее же время, онъ не теряетъ ничего.

Нѣсколько болѣе надежды выражается во взглядѣ на будущность англійской промышленности фабриканта *Поттера* (9196), который не сомнѣвается, что законодательство не можетъ быть въ силахъ устранять эти вещи, что онѣ имѣютъ совершенно самостоятельный ходъ. Но, однако, и онъ считаетъ нужнымъ знаменательно подчеркнуть слѣдующій фактъ, долженствующій обрадовать московскихъ набойщиковъ: «Обыкновенно предполагаютъ, говоритъ онъ:—что Россія есть нецивилизованная страна, которая не имѣетъ никакой возможности конкурировать съ нами; между тѣмъ, въ Москвѣ, при помощи 17 машинъ, производится въ годъ 700,000 штукъ товара (набойка), тогда какъ у насъ, при посредствѣ 51 машины, никогда не производятъ больше 1.400,000 штукъ». Патронъ *Гентеръ* (12,171—2), одинъ изъ владѣльцевъ ножеваго и прокатнаго заведенія (Talbot Cutlery Works and Carlisle Rolling Mills), впадаетъ даже въ совершенное отчаяніе: «Бельгія, Германія, Америка, говоритъ онъ: — успѣшно соперничаютъ съ нами въ ножевой промышленности; что же касается производства стали, то въ этой отрасли въ настоящее время (еще нѣсколько лѣтъ назадъ это было иначе), съ Англіей соперничаетъ весь континентъ — Австрія, Германія, Бельгія, не говоря ужь объ Америкѣ». Наконецъ, даже членъ инспекторскаго персонала, нѣкій *Вольнеръ* (2519), инспекторъ-ассистентъ шотландскихъ и сѣверныхъ округовъ, грозитъ комиссіи слѣдующими серьёзными послѣдствіями: «Если стеклянная индустрія страны будетъ лишена привилегіи заставлять работать по ночамъ дѣтей 13-лѣтняго возраста, то она погибнетъ отъ соперничества Франціи и Бельгіи, откуда и теперь уже навезли въ Англію стеколъ по цѣнѣ на 5 и на 10% ниже англійскаго».

Мы привели здѣсь только маленькую долю показаній, въ которыхъ гг. патроны жалуются на иностранную конкурренцію, но въ отчетѣ они просто кишмя кишатъ. Конечно, каждый патронъ и даже субъ-инспекторъ смотрятъ на этотъ вопросъ съ узкой точки зрѣнія своего личнаго интереса и знакомства съ дѣломъ, а потому обобщенія въ этомъ случаѣ были бы несостоятельны. Но, быть можетъ, и дѣйствительно, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе распространяющихся механическихъ усовершенствованій, удешевленія путей сообщенія, и множества другихъ условій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, нѣкоторыя отрасли англійской промышленности имѣютъ полное основаніе опасаться

соперничества. Вообще говоря, безвозвратно прошло уже то время, когда англійская промышленность всецѣло господствовала нетолько на колоніальныхъ, но и на европейскихъ рынкахъ. Только гг. фабриканты, повидимому, и не догадываются, какое младенчество въ знакомствѣ съ общественною экономіею они проявляютъ, сводя всѣ подобныя опасенія къ продолжительности рабочаго дня. Все, что̀ они желаютъ доказать комиссіи, заключается въ томъ, что за границей не существуетъ фабричнаго законодательства, соотвѣтствующаго англійскому, что тамъ работаютъ долѣе и потому одерживаютъ верхъ надъ Англіей. Но они забываютъ упомянуть при этомъ, что суть дѣла для нихъ заключается совсѣмъ не въ процвѣтаніи англійской промышленности, а просто въ размѣрѣ ихъ прибыли. «Наши торговцы часто жалуются на высокую задѣльную плату британскаго труда, писалъ, сто лѣтъ тому назадъ, *Адамъ Смитъ*:—какъ на причину захвата заграничныхъ рынковъ у ихъ мануфактурныхъ товаровъ; но они не говорятъ ни слова о высокой прибыли съ капитала. Они жалуются на громадность барышей другихъ классовъ общества, но не упоминаютъ о своихъ собственныхъ». Нетрудно видѣть, что слова̀ эти удержали до настоящаго времени полную свою силу, съ тою разницею, что теперь національные интересы Англіи еще болѣе выдвигаются на первый планъ. Нетрудно понять, что въ вопросѣ соперничества между различными странами одна только продолжительность рабочаго дня ровно ничего не рѣшаетъ. Отъ этой продолжительности несомнѣнно зависитъ, въ извѣстной степени, общая сумма производимыхъ предметовъ; но которая изъ странъ, торгующихъ этими предметами, одержитъ верхъ надъ другою, это будетъ зависѣть отъ сравнительной дешевизны или дороговизны производства, которая, въ свою очередь, находится въ прямомъ соотношеніи со степенью производительности труда или состояніемъ техническихъ усовершенствованій и множествомъ другихъ условій. Еслибы можно было предположить, что условія англійской промышленности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ совершенно однородны съ условіями промышленности другой страны и различаются только въ томъ отношеніи, что въ Англіи рабочій день короче, нежели въ этой послѣдней странѣ, то отсюда еще отнюдь не слѣдовало бы, что Англія понесетъ пораженіе отъ такой соперницы. Отсюда вытекало бы только то невысказанное гг. фабрикантами послѣдствіе, что *уровень ихъ прибыли былъ бы нѣсколько ниже*, чѣмъ въ упомянутой другой странѣ, такъ какъ, согласно условію, они выплачивали бы изъ общей массы продукта, производимаго въ *болѣе короткій* день, совершенно такую же задѣльную плату,

какъ и ихъ соперники, и, слѣд., располагали бы меньшимъ остаткомъ продукта въ видѣ прибыли.

Но сдѣланное нами предположеніе, что вся совокупность условій производства можетъ быть въ двухъ или болѣе странахъ совершенно одинакова, представляется совершенно невозможнымъ. Въ дѣйствительности безмѣрно различаются между собою—производительность работы или состояніе техники, продолжительность работы, интенсивность работы или напряженность ея, цѣнность рабочей силы, цѣна и объемъ первыхъ потребностей жизни, издержки воспитанія рабочихъ, роль дѣтской и женской работы и т. п., и всѣ эти вещи должны быть одинаково принимаемы во вниманіе, когда хотятъ разсуждать о международномъ соперничествѣ. Одна, напр., даже цѣнность рабочей силы есть вещь чрезвычайно сложная, и сплошь да рядомъ бываетъ такъ, что, чѣмъ больше платятъ рабочему, тѣмъ дешевле пріобрѣтается его рабочая сила. Сами англійскіе фабриканты утверждаютъ, въ иныхъ случаяхъ, что ирландскій рабочій обходится дороже англійскаго, хотя получаетъ меньше. Извѣстенъ примѣръ того фабриканта, который, въ отвѣтъ вновь пришедшимъ къ нему наниматься рабочимъ, замѣтилъ слѣдующее: «Если вы разсчитываете питаться картофелемъ и только поэтому соглашаетесь брать съ меня *дешевле*, то я не могу принять столь *дорогихъ* рабочихъ и останусь при своихъ, которымъ плачу дороже». Фабрикантъ этотъ прекрасно понималъ разницу между интенсивностью работы человѣка, питающагося мясомъ, и человѣка, кормящагося картофелемъ, и очень быстро сообразилъ что, въ послѣднемъ счетѣ, первый изъ нихъ продаетъ свою рабочую силу нѣсколько дешевле, хотя, повидимому, и получаетъ больше. Уже одного этого примѣра вполнѣ достаточно, чтобы показать, насколько правы упомянутые выше патроны, когда они сваливаютъ всю отвѣтственность за иноземное соперничество на сравнительную продолжительность рабочаго дня. Повторяемъ еще разъ, еслибы дѣйствительно существовало различіе *единственно* между продолжительностью англійскаго и, напр., германскаго рабочаго дня, то вся бѣда ограничилась бы только тѣмъ, что англійскіе фабриканты получали бы меньшую прибыль, и о вытѣсненіи съ рынка англичанъ не могло бы быть еще и рѣчи. Но дѣло именно въ томъ, что, жалуясь на иноземную конкурренцію, гг. патроны всего менѣе думаютъ объ интересахъ цѣлой національности, а всего болѣе опасаются именно помянутаго нами упадка прибыли и потому и распинаются, доказывая, что всему виною англійское фабричное законодательство.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, придавать всѣмъ этимъ жалобамъ и требованіямъ черезчуръ серьёзное значеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что, во многихъ случаяхъ, хозяева сами не придавали такого значенія своему недовольству тѣмъ или другимъ постановленіемъ закона, а просто желали воспользоваться удобнымъ случаемъ заявить свои претензіи, авось что̀-либо и перепадетъ. Эту сторону дѣла прекрасно изображаетъ одинъ лондонскій суб-инспекторъ, говоря, что, лишь бы назначили комиссію, патроны непремѣнно явятся въ нее, чтобы что̀-нибудь выпросить, а потомъ сами же забудутъ и помирятся на старомъ. «Чего онъ у васъ тутъ просилъ, говорилъ комиссіи одинъ рабочій, придя въ нее послѣ патрона:—вѣрно лишнихъ рабочихъ часовъ? ему совсѣмъ ненужно ихъ; онъ не желаетъ только упустить удобнаго случая». Вотъ одинъ примѣръ—дагерротипъ: *Генрихъ Каннъ* портной жалуется на то, что по субботамъ занятія должны прекращаться въ 4 часа послѣ обѣда. В. (14,157). «У васъ работаютъ женщины?» О. «Двѣ». В. (14,159). «Такъ ваша жалоба относится только къ вашимъ двумъ женщинамъ?»—О. «Да̀. Иногда у меня работаетъ больше».

Но возвратимся еще разъ къ общимъ заключеніямъ комиссіи. Къ собственному своему сожалѣнію, комиссія сознается далѣе, что она часто слышала жалобу, будто призванные къ дачѣ показаній рабочіе не желали высказываться искренно, изъ опасенія потерять мѣсто или вообще разсердить своихъ патроновъ. Она не сомнѣвается, что подобный страхъ существуетъ, но думаетъ, что онъ бо̀льшею долею лишенъ основанія. Отношенія между патронами и рабочими теперь уже не имѣютъ, по мнѣнію комиссіи, характера неравенства, чтобы рабочіе опасались очертить положеніе своего дѣла передъ королевскою комиссіею. Боязнь давать показанія, говоритъ она, вѣроятно, невсегда имѣла именно эту причину въ своемъ основаніи и, когда имѣла ее, то далеко невсегда справедливо. Комиссія, впрочемъ, старалась пособить этому злу тѣмъ, что допрашивала нѣкоторыхъ лицъ непублично и, если они того желали, не предавая ихъ именъ гласности.

Въ какой мѣрѣ имѣла комиссія поводъ считать опасенія рабочихъ при дачѣ ими показаній ошибочными, мы этого не знаемъ. Но что̀ касается тѣхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя мы нашли относительно этого пункта въ отвѣтахъ, то они доказываютъ какъ разъ противоположное. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Представитель совѣта манчестерскаго и сальфордскаго рабочаго союза *Вудъ* (10,235), придя въ комиссію во-второй разъ, заявилъ, что ему не удалось добыть требуемыхъ свидѣтелей по той простой причинѣ, что они не желаютъ давать по-

казанія, опасаясь быть обвиненными въ проступкѣ и навлечь на себя мщеніе хозяевъ. «Они боятся излагать передъ комиссіей свои мнѣнія, потому что ихъ показанія относились бы ко вмѣшательству въ дѣловые порядки тѣхъ учрежденій, гдѣ они работаютъ, и, кромѣ того, помѣшали бы имъ найти себѣ занятія въ другихъ мастерскихъ. Они приписываютъ большое значеніе тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя могли бы дать комиссіи, но, въ то же время, они не рѣшаются на жертву, которую имъ пришлось бы принести въ случаѣ прихода ихъ сюда, такъ какъ показанія публикуются въ ежедневныхъ журналахъ и доставленныя ими комиссіи свѣдѣнія дошли бы до ихъ хозяевъ...» Другой фабричный рабочій (бывшій), нѣкто *Кинъ*, утверждалъ (16,476), что, изъ опасенія лишиться мѣста, рабочіе боятся жаловаться инспектору и врачу, такъ что фабричное законодательство соблюдается плохо. «Люди боятся своихъ управляющихъ, но въ настоящее время и впредь они станутъ упорно давать свои показанія, не взирая на это... Къ несчастью для себя, я былъ однимъ изъ такихъ, никогда не боялся высказывать свое мнѣніе, и пока *Джемсъ Кинъ* живъ, онъ будетъ поступать такъ до конца». Третій представитель рабочаго сословія, секретарь ассоціаціи катальщиковъ (?) (Calendermen'association), *Бремнеръ*, говорилъ комиссіи, что онъ... «зналъ, что иные рабочіе не могутъ выйти, не спросясь хозяевъ, а хозяева спросятъ у нихъ, куда они идутъ. Я знаю уже два или три случая, когда хозяева говорили рабочимъ не идти сюда». Башмачникъ *Уаттъ* (19,882) упоминаетъ о существованіи мѣстнаго обычая—держать черную книгу, въ которую заносятся рабочіе въ случаѣ жалобы инспектору, послѣ чего рабочихъ изгоняютъ. Больтонскіе бѣлильщики и красильщики-рабочіе, *Броунлоу*, *Тайлоръ* и *Уайтль*, придя въ комиссію во второй разъ, разсказали слѣдующее: «въ нашихъ рядахъ насчитывается уже нѣсколько жертвъ по поводу подачи сюда петицій; для нѣкоторыхъ изъ нихъ попадать въ исторію—вещь очень храбрая. Въ трехъ различныхъ предпріятіяхъ три человѣка, подписавшіеся подъ петиціей, были просто прогнаны, а въ двухъ—переведены на гораздо низшій сортъ работы, т. е., въ дѣйствительности, оставлены безъ работы. Поэтому мы не желаемъ называть мѣстностей, въ которыхъ у насъ были теперь митинги. Мы трое снова пришли сюда съ тою цѣлью, чтобы не увеличивать числа жертвъ» [1].

---

[1] Дальнѣйшая бесѣда этихъ трехъ рабочихъ съ членами комиссіи на столько интересна, что мы не рѣшаемся пройти ее молчаніемъ. 19,805. В. Назовете ли вы комиссіи тѣ учрежденія или нѣкоторыя изъ тѣхъ учрежденій, откуда были прогнаны рабочіе за участіе, принятое ими въ агитаціи?—О. *Джемсъ Гайсъ*

Мы могли бы значительно увеличить списокъ подобныхъ показаній и рѣшительно отказываемся понимать, откуда могла заключить комиссія, что всѣ эти опасенія, или, по крайней мѣрѣ, бо́льшею частью, были неосновательны. Напротивъ того, во многихъ случаяхъ, основательность ихъ констатируется съ самою скрупулёзною точностью и достовѣрностью, между тѣмъ какъ противоположныхъ случаевъ мы не встрѣчали ни *одного*. Факты эти до такой степени поучительны своею неприкрашенною правдою, что могутъ заставить невольно призадуматься надъ неприкосновенностью англійской свободы слова и пожелать ей болѣе солидныхъ гарантій.

II.

Консолидація существующаго фабричнаго законодательства Великобритании.

Въ настоящее время, по всей вѣроятности, мало найдется образованныхъ людей, которые не имѣли бы понятія о томъ, что фабричное законодательство Соединеннаго Королевства опредѣляетъ извѣстную норму рабочаго времени, запрещаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ ночную работу, опредѣляетъ извѣстный порядокъ распредѣленія рабочихъ часовъ въ теченіи дня и т. под. Но не подлежитъ сомнѣнію, что далеко не всякому извѣстно въ точности, какое страшное разнообразіе существуетъ въ отдѣльныхъ частяхъ этого законадательства, изъ какого оно

былъ прогнанъ съ мортфильдской бѣлильни г. *Кросса* и *К°*. 19,876. В. *Тайсъ* былъ однимъ изъ подписавшихся подъ петиціей?—О. Да̀. 19,877. В. И былъ прогнанъ вслѣдствіе этого?—О. Да̀. 19,878. Не было ли какой нибудь другой причины для отказа ему въ работѣ?—О. Да̀, была — что онъ иногда поздно приходилъ, и онъ пошелъ къ своему старшему *Тамеру* и спросилъ его, и сказалъ: я работалъ здѣсь 10 лѣтъ, мы всегда привыкли приходить въ это время — и дѣйствительно онъ пришелъ въ то время, когда слѣдовало. 19,879. В. Онъ дѣйствительно приходилъ поздно?—О. Да̀, но онъ дѣлалъ это 8 лѣтъ, и остальные люди его группы поступали также... но онъ былъ человѣкъ, подлежащій наказанію, членъ комитета, человѣкъ, подписавшійся подъ петиціей; въ доказательство, что онъ былъ разсчитанъ по этой причинѣ, можно привести то, что другіе приходили также поздно въ то самое утро, и прежде, и послѣ. 19,880. В. Можете ли вы назвать другой случай?—О. *Джорджъ Богль*, работавшій въ файрвудской бѣлильнѣ г. *Томаса Гардкастля* и сыновей. 19,881. В. По какой причинѣ, какъ говорили, его разсчитываютъ?—О. Онъ былъ разсчитанъ послѣ того, какъ подписался подъ петиціей; мы никогда не слыхали ни о какихъ другихъ причинахъ. 19,885. В. Не можете ли назвать намъ третій случай?—О. *А. В.* работалъ у г. *Смитъ* и *К°*.—это названіе одной бѣлильной фирмы. Онъ подписывался подъ петиціей, и его старшій пришелъ къ нему и строго ему вытова-

состоитъ безмѣрнаго количества отдѣльныхъ постановленій, какую громадную массу модификацій въ пользу патроновъ допускаетъ оно въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Принимая въ соображеніе это обстоятельство, быть можетъ, не окажется излишнимъ упомянуть здѣсь въ краткихъ чертахъ существеннѣйшія постановленія дѣйствующихъ [1] парламентскихъ фабричныхъ актовъ и тѣмъ дать читателю правильную идею объ эмпирическомъ направленіи англичанъ и о тѣхъ компромиссахъ, безъ которыхъ у нихъ не обходится ни одна важная мѣра.

Согласно послѣднему изданію сочиненія *Ноткутта* (The Factory and Workshops Acts by G. J. Notcutt Esq. Barrister at Law. Stevens and sons. London. 1874), въ настоящее время въ Великобританіи совмѣстно дѣйствуютъ не менѣе 15-ти статутовъ, относящихся къ регулированію труда женщины, молодыхъ особъ и дѣтей на фабрикахъ и въ мастерскихъ, не считая актовъ, имѣющихъ въ виду сходныя цѣли, какъ, напримѣръ, актъ «о регулированіи труда въ пекарняхъ», акты «о трубочистахъ», акты «о регулированіи труда въ рудникахъ» и актъ «о дѣтяхъ земледѣльцевъ».

Ограничиваясь только одною первою категоріею актовъ, т. е. о трудѣ на фабрикахъ и въ мастерскихъ (15 статутовъ), можно подмѣтить въ нихъ три основныя групы, или, вѣрнѣе, три различныя ступени выработки и обязательности, на которыхъ находятся эти статуты. Каждой изъ этихъ групъ соотвѣтствуютъ извѣстныя групы занятій — фабрикъ, мануфактуръ и мастерскихъ.

Первую групу представляютъ статуты, относящіеся къ производству тканей, т. е. къ такимъ отраслямъ промышленности, которыя подчинены статутамъ 1833 и 1844 годовъ, дополнительнымъ къ нимъ актамъ 1850, 1853 и 56 г. и, что̀ касается кружевныхъ фабрикъ—акты 1861 года. Всѣ эти отрасли въ 1874 году подчинены опять-таки новымъ опредѣленіямъ закона.

ривалъ, и ясно высказалъ ему, каковы будутъ послѣдствія этого поступка, и физически (in a phyical manner) угрожалъ ему, что вышвырнетъ его ногою съ фабрики. Тотъ, однако, все же подписался и былъ вслѣдствіе того изгнанъ». 19,886. В. Насколько вамъ извѣстно, онъ былъ хорошій работникъ и противъ него не было никакихъ другихъ жалобъ?—О. Нѣтъ. (т. е. не было). 19,889. В. И, несмотря на эти примѣры, петиціи все же были подписаны многими? О. Да̀. *Тайлоръ*. Было еще два, три случая: въ одномъ изъ нихъ, когда одна молодая женщина уже подписывала свое имя подъ петиціей, пришла ея старшая и отозвала ее въ сторону, такъ что петиція была представлена въ комиссію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ сдѣлана ею часть ея подписи.

[1] Исторію фабричныхъ законовъ Англіи можно найти у *Маркса* въ его «Капиталѣ», у *Пленера*—«Die englische Fabrikgesetzgebung» и т. п.

Второй классъ постановленій представляютъ тѣ статуты, которые относятся къ весьма многочисленной и разнородной общей групѣ мануфактуръ и фабрикъ. Статуты эти суть: законъ 1864 года (Factory Act Extension Act) и законъ 1867 года, имѣющій болѣе спеціальный кругъ дѣйствія. Къ этимъ двумъ актамъ слѣдуетъ еще присоединить постановленія 1870 и 1871 годовъ (Factory and Workshops Act), которыя, во-первыхъ, обнимаютъ собою множество различныхъ отраслей, спеціально избранныхъ въ данномъ случаѣ для подчиненія фабричному законодательству, независимо отъ числа рабочихъ, и, во-вторыхъ, распространяются на такія учрежденія и мастерскія, которыя дѣйствуютъ исключительно ручною силою и даютъ занятіе не болѣе, какъ 50 рабочимъ.

Что̀ касается, наконецъ, третьей групы постановленій, то она простирается, во-первыхъ, на всѣ тѣ учрежденія, которыя даютъ занятія менѣе, чѣмъ 50 рабочимъ, и, во-вторыхъ, на такія заведенія, дѣйствующія ручною силою, которыя не подчинены категорически предъидущей групѣ законовъ. Эти-то послѣднія заведенія извѣстны подъ спеціальнымъ названіемъ «мастерскихъ» (Workshops) и подчинены дѣйствію закона 1867 года «о регулированіи труда въ мастерскихъ (Workshops Regulation Act)».

И такъ, говоря вообще, въ Великобританіи существуютъ три слѣдующія групы законовъ: 1) законы, относящіеся къ фабричному производству тканей, 2) законы, относящіеся къ остальнымъ фабрикамъ и мануфактурамъ и 3) законы, относящіеся къ мастерскимъ. Само собою разумѣется, что дѣленіе это выражаетъ существующія между статутами различія довольно грубо и несовершенно, но оно все же даетъ нѣкоторую возможность оріентироваться въ лабиринтѣ англійской законодательной казуистики, которая нормировала тѣ или другіе случаи безъ всякаго порядка и системы, руководствуясь единственно вопіющими потребностями минуты.

Всѣ три упомянутые класса законовъ обладаютъ нѣкоторыми общими признаками, на которые намъ и нужно немедленно обратить вниманіе. Вотъ эти признаки: во-всѣхъ статутахъ одинаково опредѣляются качества лицъ, которымъ законъ оказываетъ покровительство, а именно: ими должны быть дѣти ниже 13-лѣтняго возраста, молодежь отъ 13 до 18 лѣтъ и женщины, но ни въ какомъ случаѣ не взрослые мужчины, условія труда которыхъ законодатель оставляетъ на произволъ свободнаго договора; далѣе, во всѣхъ статутахъ заключаются постановленія, регулирующія рабочій день личностей, состоящихъ подъ покровительствомъ закона, а также постановленія, имѣющія цѣлью оказанія посо-

бія образованію рабочихъ дѣтей и учрежденіе санитарнаго надзора за тѣми помѣщеніями, гдѣ работаютъ покровительствуемыя личности; наконецъ, всѣ три класса законовъ содержатъ предписанія о томъ, что администрація закона поручается штабу инспекторовъ, который подчиняется центральному учрежденію—Home office.

Обращаясь къ детальному разсмотрѣнію каждой изъ упомянутыхъ трехъ групъ законодательства въ отдѣльности, безъ чего намъ было бы крайне трудно слѣдить впослѣдствіи за показаніями заинтересованныхъ лицъ, остановимся, прежде всего, на третьей групѣ, т. е. на постановленіяхъ о мастерскихъ.

Главнѣйшія положенія этой групы законовъ суть слѣдующія: 1) запрещается работать дѣтямъ до наступленія 8-лѣтняго возраста безусловно; 2) установляется извѣстный періодъ времени, въ теченіи котораго работа состоящихъ подъ покровительствомъ лицъ, считается дозволенною; періодъ этотъ для дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ простирается отъ 6 часовъ утра до 8 час. вечера, а для молодежи и для женщинъ отъ 5 час. утра до 9 час. вечера; 3) дѣтская работа ограничивается 6½ часами въ сутки (при чемъ не существуетъ предписаній, которыя бы запрещали работать дѣтямъ и до обѣда и послѣ обѣда въ теченіи одного и того же дня), а работа молодежи и женщинъ 12 часами, въ теченіи которыхъ должны даваться интервалы для принятія пищи и отдыха въ 1½ часа; 4) суббота признается полупраздникомъ, при чемъ изъ этого правила исключаются мастерскія, работающія 5 руками и менѣе; 5) требуется, чтобы дѣти посѣщали школы не менѣе 10 часовъ въ недѣлю, ближайшее распредѣленіе которыхъ оставлено на произволъ родителей и хозяевъ, и, сверхъ того, нѣтъ постановленій, которыя бы воспрещали сгущеніе работы въ теченіи одной части недѣли насчетъ другой; 6) признается принципъ регулированія санитарныхъ условій въ мастерскихъ, что̀ выражается въ дозволеніи инспектору входить съ этою цѣлью въ мастерскія, осматривать ихъ и отбирать показанія по вопросамъ, касающимся предписаній общаго санитарнаго закона 1866 года, при чемъ, однако, не указано никакихъ принудительныхъ мѣръ и средствъ; кромѣ этого, спеціально предписывается сооруженіе въ мастерскихъ вентиляторовъ и другихъ механическихъ приспособленій для очищенія воздуха и удаленія пыли и запрещается давать занятія дѣтямъ ниже 11-лѣтняго возраста въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, признанныхъ вредными для здоровья дѣтей; 7) въ помянутыхъ предписаніяхъ допускаются извѣстныя модификаціи, иными словами—съ особаго разрѣшенія министерства, могутъ быть допускаемы занятія

молодежи и женщинъ въ теченіи болѣе продолжительнаго времени и внѣ границъ обозначенныхъ выше, а также, вмѣсто субботняго полупраздника, могутъ быть тѣмъ же путемъ выбираемы для этой цѣли другіе дни недѣли.

Мы видимъ изъ этого перечисленія важнѣйшихъ постановленій законовъ о мастерскихъ, что они представляютъ довольно много лазеекъ для лицъ, которыя пожелали бы избѣгнуть подчиненія закону, и отличаются нѣкоторою неопредѣленностью. Необходимо, впрочемъ, вспомнить, что именно мастерскія, въ силу самаго своего характера, составляли до самаго послѣдняго времени камень преткновенія для законодательства и побѣдоносно уклонялись отъ всякаго посторонняго вмѣшательства въ практикуемую ими въ высшей степени безпорядочную и возмутительную эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда. Съ этой точки зрѣнія, англійское законодательство уже и потому заслуживаетъ сочувствія и подражанія, что оно первое рѣшилось положить хоть какой-нибудь предѣлъ произвольному распоряженію судьбою цѣлыхъ поколѣній рабочаго населенія.

Переходя ко второму классу законовъ и учрежденій, мы замѣчаемъ слѣдующія главныя отличія отъ третьяго: 1) границы дня назначаются лѣтомъ отъ 6 часовъ утра до 6 час. вечера, зимою же отъ 7 час. утра до 7 часовъ вечера; 2) 6½ часовъ труда дѣтской работы должны приходиться или всѣ на утро, или всѣ на послѣобѣденное время, т. е. послѣ 1 часа пополудни; сверхъ того, время для принятія пищи и для отдыха назначается въ первый разъ послѣ 7½ часовъ утра, во второй разъ отъ 1 часу до 3 и должно быть распредѣлено такимъ образомъ, чтобы никто изъ состоящихъ подъ покровительствомъ не работалъ до 1 часу дня болѣе 5 часовъ, безъ интервала, по меньшей мѣрѣ, въ полчаса; 3) кромѣ полупраздника въ субботу (когда всѣ дѣти освобождаются также отъ посѣщенія школъ), Рождества и страстной пятницы, предоставляются покровительствуемымъ личностямъ также всѣ другіе праздничные дни и еще 8 полупраздниковъ въ теченіи года; 4) предписанія, относящіяся къ образованію дѣтей, представляютъ систему «полувремени» (half-time), по которой каждое дитя обязывается посѣщать школу *ежедневно* не менѣе трехъ часовъ въ день, поутру или послѣ обѣда; въ случаѣ выбора послѣобѣденнаго срока, зимою три чача сводятся къ двумъ съ половиной, причемъ отъ хозяевъ требуется, чтобы они получали еженедѣльныя свидѣтельства о посѣщеніи школы отъ учителей и настаивали на дополнительномъ посѣщеніи дѣтьми школы въ случаѣ отсутствія такихъ свидѣтельствъ; 5) въ видѣ исключенія изъ нѣкоторыхъ упомянутыхъ

правилъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяева, по собственной иниціативѣ, уменьшаютъ срокъ дневной работы отъ 10½ до 10 часовъ, дозволяется давать занятіе дѣтямъ по системѣ посѣщенія школы не ежедневно, а черезъ день (alternate system), причемъ пребываніе въ школѣ черезъ день должно составлять не менѣе 5 часовъ; 6) въ санитарномъ отношеніи существуютъ предписанія относителано соблюденія опрятности, устройства вентиляціи и удаленія газовъ, пыли и другихъ вредныхъ для здоровья нечистотъ и т. п. Помимо этого есть еще спеціальныя предписанія относительно огораживанія опасныхъ машинъ, веденія реестровъ разнымъ несчастнымъ случаямъ, устройству вентиляторовъ и пр. Что̀ касается администраціи, то она въ этомъ классѣ заведеній облегчается, благодаря обязательнымъ реестрамъ состоящихъ подъ покровительствомъ закона личностей, медицинскимъ свидѣтельствамъ о возрастѣ и способности къ занятію дѣтей и т. п.; 7) система модификаціи распространена тутъ еще болѣе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самые статуты содержатъ исключеніе изъ приведенныхъ общихъ правилъ; самыя важныя изъ этихъ исключеній суть: о правѣ на возстановленіе потеряннаго времени въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ, о правѣ давать занятія молодежи мужскаго пола отъ 13 до 18 лѣтъ ночью на стеклянныхъ фабрикахъ, на желѣзныхъ и бумажныхъ фабрикахъ и въ типографіяхъ, и о правѣ на увеличеніе рабочаго дня, предоставляемомъ тѣмъ фабрикамъ, которыя подвергаются вліянію нѣкоторыхъ спеціальныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, прилива работы въ извѣстныя времена года, изобилія воды или необычайно большого количества заказовъ.

Число и сложность всѣхъ этихъ ограниченій до того затрудняетъ администрацію, что во многихъ случаяхъ она бываетъ не въ состояніи услѣдить за нарушеніемъ закона, не говоря уже о томъ, насколько это обстоятельство способно оттолкнуть людей, которые пожелали бы основательно изучить фабричные законы и надлежащимъ образомъ оріентироваться въ нихъ. Но все-таки нельзя не замѣтить, что постановленія законовъ этого класса отличаются уже гораздо бо̀льшею опредѣленностью, нежели предъидущаго, и болѣе тщательно формулируютъ случаи, которые разсматриваются въ качествѣ злоупотребленія трудомъ и вообще жизненными условіями покровительствуемыхъ личностей.

Намъ остается теперь разсмотрѣть особенности постановленій первой групы, обнимающихъ собою производство разнаго рода тканей (textile industry), т. е. обработку хлопка, шерсти, волоса, шолка, льна, конопли, юты, пакли и т. п., за исключеніемъ, однакоже, тѣхъ заведеній этой отрасли, въ которыхъ не упо-

требляется пара, воды или другой механической силы и которыя подчиняются дѣйствію одного изъ предъидущихъ классовъ законодательства. Главнѣйшія перемѣны, произведенныя въ производствѣ тканей новѣйшимъ закономъ (1874 г.), суть слѣдующія: 1) минимальный предѣлъ возраста, начиная съ котораго дозволяется употреблять въ работу дѣтей, поднятъ отъ прежнихъ 8 до 10 лѣтъ; 2) предѣлъ, съ котораго начинаются занятія «полное время», иными словами, когда дитя становится молодымъ человѣкомъ, доведенъ, вмѣсто прежнихъ 13, до 14 лѣтъ, если только, по достиженіи 13 лѣтъ, дитя не имѣетъ возможности предъявить свидѣтельство объ образованіи, соотвѣтствующемъ его возрасту; 3) замѣна рабочаго періода отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера періодомъ отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера, которая прежде допускалась только въ теченіи зимы, стала обязательною на весь годъ; 4) время для принятія пищи и отдыха увеличено отъ $1^1/_2$ часа до двухъ, вслѣдствіе чего время работы сокращено отъ $10^1/_2$ часовъ до 10; 5) какъ послѣдствіе этой перемѣны, система посѣщенія школы черезъ день можетъ примѣняться безразлично ко всякимъ фабрикамъ, но подъ условіемъ, чтобы рабочее время не подвергалось произвольному сгущенію (въ теченіи однихъ дней недѣли насчетъ другихъ); 6) наибольшая продолжительность работы въ одинъ пріемъ отъ прежнихъ 5 часовъ доведена до $4^1/_2$; 7) относительно образованія требуется, чтобы школа была такая, которую признаетъ достаточною департаментъ народнаго просвѣщенія; 8) въ пользу фабрикъ этого класса не допускается никакихъ модификацій и, сверхъ того, отмѣняются прежнія, которыя распространялись на шелковыя фабрики (дозволеніе дѣтской работы) и на вододѣйствующія заведенія (возстановленіе потеряннаго времени): единственное исключеніе допускается въ пользу кружевныхъ фабрикъ, которыя могутъ давать занятія молодежи мужского пола, начиная съ 16-ти-лѣтняго возраста, внѣ границъ, предписанныхъ для труда, причемъ продолжительность рабочаго дня не можетъ превышать 9 часовъ въ день.

Такимъ образомъ, первая група постановленій является наиболѣе законченною и доставляетъ состоящимъ подъ покровительствомъ закона лицамъ самыя солидныя гарантіи. Это слѣдуетъ приписывать какъ тому обстоятельству, что производство тканей привлекло на себя вниманіе законодательства ранѣе всѣхъ остальныхъ видовъ занятій, такъ и тому, что оно, дѣйствительно, представляетъ наиболѣе тяжкія условія труда.

Обращаясь ко всей совокупности упомянутыхъ выше постановленій, нельзя не обратить вниманія на то, что. какъ бы ни

были многочисленны специальныя требованія отдѣльныхъ отраслей промышленности, все же онѣ не находятся ни въ какомъ соотношенія съ тою бездною аномалій, которая внесена въ дѣйствующее законодательство. По словамъ инспектора *Редгрэва*, всѣ постановленія относительно отдѣльныхъ отраслей, проходя черезъ парламентъ, служили предметомъ компромисса, съ тѣмъ необходимымъ послѣдствіемъ, что компромиссы повлекли за собою установленіе громадныхъ различій и отступленіе отъ однообразія кодификаціи закона; и, хотя, въ виду, дѣйствительно, значительныхъ специальныхъ требованій различныхъ видовъ индустріи, невозможно и требовать установленія совершенно простой и однообразной системы, но наша комиссія держится того мнѣнія, что, не нарушая серьёзно хода дѣлъ въ регулируемыхъ закономъ отрасляхъ, все же возможно произвести въ фабричномъ законодательствѣ громадныя упрощенія. Вотъ мнѣніе *Редгрэва* по этому вопросу: «При дѣйствіи существующаго законодательства, вообще заявляютъ жалобы, относящіяся къ продолжительности и распредѣленію работы, къ посѣщенію дѣтьми школъ, къ дѣтскому возрасту и онѣ причиняются, главнымъ образомъ, различіемъ въ опредѣленія «фабрики» и «мастерской» и тѣхъ правилъ, которыя имѣютъ въ виду различныя фабрики и мастерскія»... и далѣе: «я полагаю, что затруднительность однообразной кодификаціи имѣетъ основаніемъ громадныя различія въ условіяхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, и эти условія, по моему мнѣнію, должны быть принимаемы во вниманіе; но, тѣмъ не менѣе, всѣ основныя черты модификацій, не нанося никакого вреда предпринимателямъ, могутъ быть сдѣланы достаточно однообразными». Того же самого мнѣнія держится и другой инспекторъ *Бэкеръ*, по словамъ котораго, единственное крупное зло существующей системы законовъ состоитъ въ томъ, что «различныя учрежденія работаютъ не одинаковое время».

Обращаясь къ болѣе частному разсмотрѣнію этого вопроса, комиссія замѣчаетъ, что наиболѣе важное различіе между двумя первыми групами законовъ и третьею порицается почти повсемѣстно. Почти единодушно, въ настоящее время, требуется отмѣна закона о регулированіи труда въ *мастерскихъ* (Workshops Regul. Act.) и перенесеніе всѣхъ учрежденій, въ которыхъ работаетъ менѣе 50 рукъ, въ разрядъ болѣе обширныхъ учрежденій. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ объ этомъ предметѣ *Редгрэвъ*: «Еслибы актъ о мастерскихъ былъ отмѣненъ, то этимъ уничтожилась бы бо̀льшая половина неравенствъ; неравенства, вредящія интересамъ патроновъ, почти всѣ такого рода, что

происходятъ отъ различій между актомъ о мастерскихъ и актомъ о фабрикахъ. Прежде всего, регулированіе промышленности на основаніи перваго акта менѣе важно и обязательно, чѣмъ регулированіе на основаніи актовъ второй категоріи. Это неудобство немедленно же и ощущается владѣльцемъ фабрики. Это примѣняется ко всѣмъ рѣшительно ограниченіямъ, нетолько къ тѣмъ, которыя относятся къ часамъ работы, но и къ требованію содержанія реэстра и медицинскаго осмотра «рукъ», къ наблюденію за пятидневнымъ пребываніемъ дѣтей въ школѣ, вмѣсто номинальнаго десятичасового посѣщенія дѣтьми школъ по акту о мастерскихъ. Таковы несправедливости, которыя поражаютъ фабриканта; всѣ онѣ составляютъ предметъ весьма частыхъ жалобъ». И далѣе: «Существуютъ еще значительныя жалобы со стороны владѣльцевъ фабрикъ, соперничающихъ съ мастерскими, а именно, владѣльцы фабрикъ ходатайствуютъ, чтобы владѣльцы мастерскихъ были подчинены болѣе обязательному дѣйствію ограниченій, чѣмъ до нынѣ, а также заявляютъ, что эти послѣдніе, подъ вліяніемъ болѣе легкихъ постановленій, находятся въ положеніи гораздо лучшемъ, чѣмъ они, владѣльцы фабрики». *Редгрэвъ* особенно настаиваетъ на необходимости объединенія правилъ относительно возраста дѣтей, границъ рабочаго дня, распредѣленія рабочихъ часовъ, опредѣленія часовъ для принятія пищи, образованія и школьныхъ свидѣтельствъ, а также санитарныхъ условій. Того же взгляда держатся и многія другія личности, принадлежащія къ инспекціи.

Что касается самихъ владѣльцевъ фабрикъ, то, съ ихъ точки зрѣнія, самый сильный аргументъ въ пользу объединенія законодальства относится къ *несправедливой* (?!) конкуренціи со стороны мелкихъ мастеровъ одной и той же отрасли промышленности, сравнительная выгода которыхъ состоитъ въ томъ, что постановленія закона, относящіяся къ учрежденіямъ послѣднихъ, носятъ гораздо менѣе обязательный характеръ. Возможность распредѣлять рабочіе часы между 5 час. утра и 9 вечера, какъ имъ вздумается, отсутствіе опредѣленнаго момента времени для принятія пищи и другія *привилегіи* (?!) даютъ, по словамъ владѣльцевъ фабрикъ, тѣмъ, кто ими пользуется, предпочтеніе на рынкѣ труда (?). Что это дѣйствительно представляетъ значительныя выгоды, доказывается тѣмъ, что хозяева большихъ заведеній во многихъ случаяхъ нарочно доводятъ число своихъ рабочихъ до 48 или до 49, чтобы обойти фабричные законы. Независимо отъ этого, необыкновенная трудность вынудить подчиненіе акту о мастерскихъ и часто даже полное его бездѣйствіе возбуждаютъ, по словамъ комиссіи, зависть въ тѣхъ, кто

принужденъ подчиняться болѣе дѣйствительной системѣ регулированія.

Мы видимъ отсюда, что несмѣлые шаги законодателя на поприщѣ регулированія отношеній труда и капитала, въ послѣднемъ счетѣ, навлекаютъ на себя гнѣвъ именно того класса общества, который имѣлъ всего болѣе интереса въ отсутствіи всякаго подобнаго регулированія. Соперничество сосѣдей, какъ бы ни были они сравнительно ничтожны, возбуждаетъ такое негодованіе въ предпринимателѣ, имѣвшемъ счастіе или несчастіе подвергнуться болѣе строгимъ ограниченіямъ, что онъ самъ не замедлитъ явиться ревностнымъ апостоломъ распространенія наиболѣе дѣйствительныхъ предписаній закона, забывая при этомъ свое собственное несчастіе. Во избѣжаніе подобнаго противоестественнаго пожиранія собственныхъ внутренностей, понимающему свои обязанности законодателю остается одно только средство—вести аттаку разомъ и равномѣрно на всѣхъ пунктахъ индустріи.

По отношенію къ успѣшности инспекторскаго надзора актъ о мастерскихъ отличается различными недостатками, затрудняющими примѣненіе его къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, въ немъ недостаточно опредѣлены границы для исполненія инспекторомъ его обязанностей, не указано минимума наказанія за нарушеніе постановленій, не существуетъ предписанія относительно огораживанія машинъ, не требуется реестровъ и списковъ разнаго рода несчастныхъ случаевъ въ болѣе обширныхъ мастерскихъ и т. д. Но эти затрудненія еще было бы возможно устранить, не устраняя, въ то же время, самаго различія между мастерской и фабрикой. Существуютъ еще другія, болѣе важныя неудобства въ этомъ различіи. Такъ, напримѣръ, опытъ показалъ, что единственный путь для достиженія подчиненія закону состоитъ въ томъ, чтобы нетолько былъ опредѣленъ максимальный періодъ работы въ теченіи дня, но также и максимальныя границы, въ теченіи которыхъ можетъ быть наполняемъ работою подобный періодъ. Очевидно, что инспекторъ, посѣщающій напримѣръ, мастерскую въ 7½ часовъ вечера, врядъ ли будетъ въ состояніи доказать, что молодежь, которая трудится въ это время, была въ работѣ долѣе предписанныхъ 10½ часовъ—въ теченіи полныхъ 16 часовъ, когда законъ дозволяетъ держать рабочихъ въ мастерской. Одинъ уже тотъ фактъ, что два совершенно одинаковыя учрежденія, съ числомъ рабочихъ болѣе и менѣе 50, подчиняются дѣйствію различныхъ законовъ, въ высшей степени усложняетъ задачу и увеличиваетъ затрудненія инспектора, обязаннаго наблюдать за выполненіемъ закона.

Особенно часто встрѣчается подобная несообразность въ производствѣ мелкихъ желѣзныхъ издѣлій въ Бирмингамѣ и Шеффильдѣ. Вотъ, напримѣръ, отвѣтъ *Гульда*, одного изъ служащихъ по инспекціи (12,292): «Я собралъ относительно этого предмета статистическія свѣдѣнія въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ учрежденій Шеффильда, доказывающія, до какой степени перепутаны между собою мастерскія и фабрики. Свѣдѣнія эти будутъ служить намъ прекраснымъ примѣромъ того, какъ эти вещи идутъ здѣсь вообще. Въ этомъ учрежденіи 43 мастерскія (въ широкомъ смыслѣ этого слова). Владѣлецъ его изготовляетъ издѣлія изъ оленьяго рога и самъ занимаетъ нѣсколько помѣщеній. Кромѣ этого, тутъ находится еще 18 маленькихъ помѣщеній для *ножевщиковъ*, каждое изъ которыхъ (на основаніи закона) есть фабрика: [1] каждый человѣкъ нанимаетъ отдѣльную комнату и *силу* и работаетъ на кого хочетъ. Далѣе, тутъ помѣщаются три шлифовальныя мастерскія—*hulls*, какъ называютъ ихъ здѣсь. Есть тутъ еще три учрежденія для изготовленія электрическихъ элементовъ; каждое изъ нихъ занимаетъ по комнатѣ, два токарныя учрежденія. Помимо этого, тутъ живутъ: изготовитель ручекъ для пилъ, изготовитель роговыхъ ручекъ для зонтиковъ и два изготовителя щетокъ. Все это—мастерскія. Есть, затѣмъ, одинъ изготовитель гребней—это мастерская и одинъ складыватель бритвъ—это фабрика. Отсюда видно, что въ одной постройкѣ помѣщается 20 мастерскихъ и 20 фабрикъ». Такимъ же образомъ, по словамъ *Фирта*, старшины г. Шеффильда (11,872), здѣсь очень часто встрѣчаются мелкіе съемщики комнатъ или частей комнатъ—въ шлифовальныхъ фабрикахъ, нанимающіе паръ. Заведеніе сдается такимъ образомъ нѣсколькимъ ножевщикамъ, нѣсколькимъ шлифовальщикамъ напильниковъ, нѣсколькимъ шлифовальщикамъ пилъ, нѣсколькимъ изготовителямъ перочинныхъ ножей, нѣсколькимъ шлифовальщикамъ острій и т. п. Все это—отдѣльныя фабрики. Напротивъ того, издѣлія изъ деревяннаго рога, кости, слоновой кости и черепахи производятся отъ руки. Понятно, какую путаницу въ инспекторскомъ надзорѣ производитъ все это, вмѣстѣ взятое. Таковы основанія къ отмѣнѣ закона о мастерскихъ съ точ-

[1] Ко второму общему классу фабрикъ относятся слѣдующія отрасли, спеціально упоминаемыя въ актахъ и превращенныя такимъ образомъ въ фабрики, независимо отъ числа рукъ, въ нихъ дѣйствующихъ: *всевозможные виды обработки металла*, мануфактура *India robber* и гуттаперчи, за исключеніемъ тѣхъ видовъ этихъ отраслей, въ которыхъ не употребляется механической движущей *силы*, мануфактуры бумаги, стекла и табаку, типографія, переплетныя, бѣленіе, крашеніе, набойка и т. под.

ки зрѣнія хозяевъ и инспекторовъ. Что касается общественнаго интереса вообще, то комиссія находитъ совершенно справедливо, что не существуетъ основаній, въ силу которыхъ законы, имѣющіе въ виду такія вещи, какъ обезпеченіе посѣщенія школъ дѣтьми, огражденіе жизни и здоровья отъ опасностей представляемыхъ машинами, и даже вообще ограниченіе часовъ труда для извѣстныхъ лицъ, должны быть менѣе дѣйствительны въ примѣненіи къ помѣщеніямъ меньшаго размѣра, гдѣ они и безъ того обходятся легче и гдѣ въ нихъ нуждаются еще больше, чѣмъ въ обширныхъ помѣщеніяхъ. Помимо этого, по словамъ и рабочихъ, и хозяевъ, обратившихъ вниманіе на зло этого рода, болѣе легкія постановленія относительно мастерскихъ ведутъ къ тому, что хозяева большихъ предпріятій раздѣляютъ свою работу между мелкими заведеніями [1].

На основаніи всѣхъ этихъ и подобныхъ соображеній, комиссія рекомендуетъ полную отмѣну закона о мастерскихъ, а также уничтоженіе лишенной всякаго человѣческаго смысла границы въ 50 рукъ. Она предлагаетъ установить различіе между мастерскою и фабрикою только въ томъ отношеніи, чтобы фабрика включала, а мастерская исключала такія рабочія помѣщенія, въ которыхъ не употребляются въ дѣло состоящія подъ покровительствомъ закона лица. Правда, что, при отожествленіи фабрики и мастерской, встрѣтятся нѣкоторыя затрудненія при помѣщеніи мастерскихъ, и нѣкоторыя лица, напримѣръ, *Морганъ*, депутатъ отъ шляпочниковъ Дентона, даже изъявляютъ сомнѣніе, что фабричное законодательство можетъ быть распространено на домашнюю промышленность. Но, во-первыхъ, многія другія компетентныя лица высказываются рѣшительно въ пользу подобнаго распространенія закона, по меньшей мѣрѣ, на тѣ домашнія заведенія, въ которыхъ дѣтей заставляютъ работать не для домашнихъ потребностей, а для сбыта. Во-вторыхъ, указанныя затрудненія одинаково примѣняются и къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ помѣщеній, которыя уже подчинены дѣйствію новѣйшихъ фабричныхъ

[1] На основаніи показаній весьма многихъ лицъ, обычай этотъ практикуется теперь довольно часто. Шлифовальщикъ ножницъ *Галь* разсказываетъ (12,122), что бываютъ случаи, когда рабочіе, покончивши занятіе на фабрикахъ, переходятъ въ мастерскія, иные же берутъ дополнительную работу на домъ, особенно въ обработкѣ серебра (Шеффильдъ). Кузнецъ въ Дарластонѣ *Валь* также говоритъ (7,003) о передачѣ работы изъ фабрикъ въ мастерскія, гдѣ работа выгоднѣе для хозяевъ. Глава лейчестерскаго школьнаго бюро, *Вудъ*, утверждаетъ (7,127), что въ мастерскихъ исполняется значительная часть фабричной работы. По словамъ кружевнаго фабриканта *Маллера*, (7,865), почти каждый большой домъ раздаетъ работу въ мастерскія, смотря по сезону и заказамъ.

актовъ, напримѣръ, къ разрѣзыванію плиса, которое исполняется бо̀льшею частію въ частныхъ жилищахъ. Помимо этого, существующіе законы о мастерскихъ уже подготовили почву для такого вмѣшательства со стороны законодателя. Начиная съ 1867 года, фабричные инспекторы имѣютъ право входить въ мастерскія, а съ 1871 имъ присвоена также власть вынуждать подчиненіе закону о мастерскихъ у патроновъ этихъ заведеній, т. е. всякой комнаты или работы, гдѣ и по отношенію къ которой предприниматель имѣетъ право доступа и контроля надъ состоящими подъ покровительствомъ закона лицами. Всѣ жилыя помѣщенія, въ которыхъ какое-нибудь дитя или женщина занимаются при такихъ условіяхъ ручнымъ трудомъ, также подпадаютъ дѣйствію существующаго закона, слѣдовательно—и надзору инспектора. Только въ отношеніи къ лицамъ, дающимъ работу собственнымъ дѣтямъ или живущимъ въ томъ же домѣ лицамъ, или женщинамъ, хотя бы и не живущимъ въ домѣ, гдѣ работаютъ, но не превышающимъ числа 2, должны быть сдѣланы *нѣкоторыя* облегченія.

Хотя недостатки акта о мастерскихъ и составляютъ предметъ почти всеобщихъ жалобъ и порицаній, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя лица сознаются, что онъ принесъ и свою долю пользы, послуживши переходною ступенью для болѣе строгаго и законченнаго законодательства и пріучая къ подчиненію умы въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ надзоръ и регулированіе не практиковались прежде. Такъ напримѣръ, инспекторъ *Редгрэвъ* (III) приписываетъ ему усиленіе посѣщенія школъ такими дѣтьми, которыя прежде не посѣщали ихъ вовсе [1]. Санитарный инспекторъ и инспекторъ мастерскихъ, *Фарроу*, приписываетъ акту о мастерскихъ даже отчасти уменьшеніе дѣтской смертности, переполненіе школъ дѣтьми, моральное, физическое и интеллектуальное улучшеніе. «Какъ послѣдствіе, говоритъ онъ (9488):—необходимости для дѣтей посѣщать школы было найдено, что они стали лучше питаться, лучше одѣваться, чище умываться и во многихъ отношеніяхъ подвергаться лучшему уходу, чѣмъ прежде». Во всякомъ же случаѣ, примѣненіе акта о мастерскихъ наглядно разрѣшило вопросъ о возможности внести хотя нѣкоторыя улучшенія въ міръ мелкой ремесленной промышленности,

[1] Интересно, что, по словамъ *Редгрэва*, при этомъ закрылись многія частныя школы дѣтей, плетущихъ солому (Эссексъ), потому что инспекція не дозволяла учить цѣлую толпу дѣтей въ маленькой комнатѣ, въ которой приходилось на человѣка 25 фут. воздуха. Такъ въ Эссексѣ закрылись цѣлые три школы, содержимыя дамами, потому что эти дамы не рѣшались держать школу для малаго числа дѣтей, платящихъ всего по 1½ пенса въ недѣлю.

въ которой злоупотребленіе трудомъ женщинъ и малолѣтнихъ отличается еще гораздо бо́льшею силою, чѣмъ въ крупной индустріи. Будемъ надѣяться, что и кустарная промышленность Россіи дождется когда-нибудь своей инспекціи, въ опровержeніе необходимости которой нельзя будетъ ссылаться на отсутствіе соотвѣтствующихъ примѣровъ въ иноземныхъ законодательствахъ.

Покончивъ съ вопросомъ объ ассимиляціи законовъ первыхъ двухъ групъ съ законами послѣдней группы, комиссія задается вопросомъ: существуетъ ли необходимость ассимилировать законы первой и второй групы, т. е. относящіеся къ производству тканей, съ одной стороны, и къ остальнымъ фабрикамъ—съ другой? Ассимилировать, говоритъ комиссія, тутъ придется не то и не такъ, какъ было въ первомъ случаѣ, потому что и безъ того уже общіе принципы одинаковы въ той и другой группѣ. Поэтому-то, въ данномъ случаѣ, нѣтъ и такого единодушія во мнѣніяхъ. Впрочемъ, и тутъ разногласіе инспекторовъ неособенно велико. Тѣ изъ нихъ, которые настаиваютъ всего сильнѣе на консолидаціи одного акта предписаній всѣхъ статутовъ и по принятіи за образецъ акта 1874 года, соглашаются, однако же, въ необходимости удержать по прежнему въ силѣ систему модификацій или льготъ по поводу исключительныхъ условій и обстоятельствъ той или другой отрасли промышленности. Что́ же касается тѣхъ, которые всего болѣе сопротивляются распространенію на подлежащіе ихъ вѣдѣнію роды занятій нѣкоторыхъ спеціальныхъ ограниченій закона 1874 года, то и они, въ свою очередь, готовы допустить выгоду имѣть одинъ только актъ и не спорятъ противъ превосходства нѣкоторыхъ новыхъ предписаній. Всего же болѣе высказывается согласіе въ пользу объединенія и распространенія на всѣ фабрики и мастерскія предписаній акта 1874 года, относящихся къ воспитанію и къ опредѣленію возраста дѣтей.

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ.

I.

Вступленіе.

Нѣтъ! не поможетъ мнѣ аптека,
Ни мудрость опытныхъ врачей,
Зачѣмъ же мучить человѣка?
О небо! смерть пошли скорѣй!..

Друзья притворно безмятежны,
Угрюмъ мой вѣрный чорный песъ,
Глаза жены сурово нѣжны,
(Сейчасъ я пытку перенесъ).

Пока недугъ молчитъ, не гложетъ,
Я тѣшусь странною мечтой,
Что потолокъ спуститься можетъ
На грудь могильною плитой.

Легко бы съ жизнью я разстался,
Безъ долгихъ мукъ... Прости, покой.
Какъ ураганъ недугъ примчался,
Не ложе—иглы подо мной.

Борюсь съ мучительнымъ недугомъ,
Борюсь—до скрежета зубовъ...

О муза! ты была мнѣ другомъ,
Приди на мой послѣдній зовъ!

Ужь я знавалъ такія грозы;
Ты силу чудную дала,
Въ колючій тернъ вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь въ моей груди.

Крылатыхъ грезъ толпой воздушной
Воображенье насели
И отъ моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

Сѣятелямъ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты что ли находишь безплодную,
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми
Добраго мало зерна!
Гдѣжь вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!..

Молебенъ.

Холодно, голодно въ нашемъ селеніи.
Утро печальное—сырость, туманъ,
Колоколъ глухо гудитъ въ отдаленіи,
Въ церковь зоветъ прихожанъ.

Что̀ то суровое, строгое, властное
Слышится въ звонѣ глухомъ,
Въ церкви провелъ я то утро ненастное—
И не забуду о немъ.
Все населеніе, старо и молодо,
Съ плачемъ поклоны кладетъ,
О прекращеніи лютаго голода
Молится жарко народъ.
Рѣдко я въ немъ настроеніе строже,
И сокрушеннѣй видалъ,
«Милуй народъ и друзей его, Боже!»
Самъ я невольно шепталъ:
«Внемли моленіе наше сердечное
О послужившихъ ему,
. . . .
. . . .
О претерпѣвшихъ борьбу многолѣтнюю
И устоявшихъ въ борьбѣ,
Слышавшихъ рабскую пѣсню послѣднюю,
Молимся, Боже, тебѣ.»

З—нѣ.

Двѣсти ужь дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются,
Двѣсти ужь дней
Двѣсти ночей!
Темные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
З—на! закрой утомленныя очи!
З—на! усни!

4 дек. 1876, ночь.

Пророкъ.

* * *

(Изъ Барбье),

Не говори: «забылъ онъ осторожность!
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..»
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
«Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!»

Такъ мыслитъ онъ—и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна...
Его судьба давно ему ясна...

* * *

Ночь съ 8-го на 9-е янв.

Дни идутъ... все также воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ—на роковомъ пути...
Человѣкъ—до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гнѣвѣ справедливомъ!
Ни людей, ни вѣка не кляни:
Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни...

***

Скоро стану добычею тлѣнья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ни чьего не прошу сожалѣнья,
Да и нѣкому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ;
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ,

Связи дружбы, союзовъ сердечныхъ
Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
Посылала враговъ долговѣчныхъ,
А друзей уносила борьба.

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Я примирился съ судьбой неизбѣжною,
Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
Невыносимую муку кромѣшную!
Жадно желаю скорѣй умереть.

Вамъ же—не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути...

Н. Н.

НЕ ВОСКРЕСЪ.

(Изъ разговоровъ про войну).

I.

...Поѣздъ, увозившій въ Россію русскихъ добровольцевъ, отошелъ отъ Базіаша на Пештъ часу въ десятомъ вечера; на дворѣ было темно, и шелъ проливной дождь; не было, поэтому, никакой возможности облегчить грусть-тоску чудными видами, открывающимися по обѣимъ сторонамъ дороги—на Дунай, на горы—тьма была кромѣшная... Волей-неволей приходилось убивать время въ разговорахъ; но висѣвшее надъ всѣми соотечественниками сознаніе непреложности факта возвращенія на родину—отбивало охоту отъ веселой болтовни... Всякій зналъ, что... все равно, пріѣдемъ въ Россію. Что-то очень близко подходящее къ тоскѣ гимназиста, возвращающагося въ гимназію послѣ каникулъ, тяготило и возвращавшихся на родину добровольцевъ... Такіе-ли были они, когда ѣхали на войну! Новизна положенія дѣлала тогда всѣхъ смѣлыми до дерзости, веселыми до... ну хоть до безобразія, храбрыми до звѣрства... Геройство, храбрость, мужество, подвиги великодушія, жертвы, все это трогало сердце и воображеніе каждаго... а теперь—поди-ко вотъ опять, въ тотъ самый департаментъ обиняковъ, изъ котораго, съ такою радостію, мѣсяца два-три тому назадъ, пошелъ на смерть... изволь-ка теперь опять пожаловать въ лоно супружескаго счастія, къ пяти малолѣтнимъ соотечественникамъ... Поди-ко теперь опять поклонись такому-то и сякому-то и попроси его, чтобы онъ опять принялъ тебя на низшій (и то дай Богъ!) окладъ!... Русская земля припоминалась всѣмъ въ ви-

дѣ какого-то недоразумѣнія, чего-то неимѣющаго результатовъ, но ужасно труднаго — и вотъ почему поѣздъ, наполненный добровольцами, былъ угрюмъ и скученъ... Не веселило его также и все то, что̀ онъ, во-время сербскаго каникулярнаго времени, узналъ самъ о себѣ... Прежде онъ думалъ, что онъ русскій человѣкъ-жертва, жертва интригъ, несправедливостей, притѣсненій, жертва людской неблагодарности, жадности, бѣдности; и былъ твердо увѣренъ, что, освободись онъ хоть на одну минуту отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ бѣдъ, такъ сейчасъ-же, сію минуту всѣ увидятъ, ка̀къ онъ добръ, благороденъ, великодушенъ, вѣжливъ, щедръ, непоколебимъ и честенъ... А теперь вотъ, послѣ этого долго жданнаго отдыха— онъ чувствуетъ что-то совсѣмъ другое... «Былъ данъ тебѣ отдыхъ, или нѣтъ?» вопрошаетъ его совѣсть. «Былъ!» долженъ отвѣтить онъ.—«Ка̀къ же ты воспользовался имъ?»...—«Безобразно!»—«Свинья!» говоритъ совѣсть, и продолжаетъ:—Дали тебѣ денегъ?»—«Дали».— «Много ли?»—«Очень довольно».— «Посылалъ ли ты женѣ, ка̀къ обѣщалъ?»—«Н-нѣтъ»...—«Куда-жь ты ихъ дѣвалъ?..—«Такъ»...—«Нѣтъ, пристаетъ совѣсть:—ты говори, куда именно; это деньги кровныя, это копейки, гроши, данные на святое дѣло. Куда ты ихъ дѣвалъ?»—«Пропилъ»...—«Еще?»— «Ну... тамъ...»—«Свинья! еще разъ утверждаетъ совѣсть и опять продолжаетъ:—Еще куда? не всѣ-жь ты «тамъ»... оставилъ...— «Какъ можно! почти вслухъ восклицаетъ унылый доброволецъ, и хочетъ высчитать по пальцамъ...—Сапоги... припоминаетъ онъ, съ удовольствіемъ.—Шутка сказать—три дуката!.. Потомъ? Чай, сахаръ, табакъ... ну, это вздоръ, пустяки... а еще что̀, куда же я дѣлъ?..» И увы, кромѣ сапогъ, капитальныхъ пріобрѣтеній никакихъ нѣтъ возможности припомнить... «Неужели я все это тамъ»...—«Свинья!» заключаетъ совѣсть.

Унылый доброволецъ выпиваетъ изъ горлышка бутылки нѣсколько глотковъ вина и, освѣжившись немного, рѣшаетъ, что прошло-молъ—не воротишь... Но совѣсть не молчитъ и тотчасъ-же вновь затягиваетъ пѣсню...

— «Ты зачѣмъ ѣхалъ-то сюда? За что̀ ты деньги-то взялъ?..» «Давали! Я бралъ... За славянъ!»—«За что̀?»—«За... въ пользу славянъ»...—«Это ты въ пользу славянъ дебоширничалъ-то?» Ничего не можетъ отвѣтить доброволецъ, но съ глубокимъ огорченіемъ чувствуетъ, что хорошо-бы было, еслибы его убили тамъ... «Велика важность!» говоритъ совѣсть...—«И вправду!» рѣшаетъ доброволецъ со вздохомъ... и молча смотритъ въ темное окно, по которому льютъ и льютъ струи проливного дождя...

— А хорошо, право хорошо жилось въ Сербіи!.. произноситъ кто-то со вздохомъ...

Унылый доброволецъ, подъ вліяніемъ этихъ словъ, начинаетъ припоминать что-то, дѣйствительно, хорошее, пріятное... но совѣсть и тутъ осаживаетъ его...—«Смотри, смотри... вотъ въ Россію пріѣдешь, такъ тамъ, братъ»... И мечтанія немедленно прекращаются...—«Выпей, братъ, и смотри въ темное окно, да ужь молчи!» сжалившись, совѣтуетъ совѣсть. Доброволецъ, дѣйствительно, тотчасъ же выпиваетъ и твердо рѣшается ни о чемъ не думать, «все одно—рѣшаетъ онъ—пріѣдешь!» Нѣкоторое время, опытъ не думать удается ему, т. е. нѣкоторое время, онъ ровно ни о чемъ не думаетъ, но скоро изъ стука колесъ по рельсамъ, изъ звона цѣпей, сцѣпляющихъ вагоны, начинаетъ довольно явственно выдѣляться какъ бы шопотъ чей-то, ежеминутно повторяющій что-то въ родѣ: «свинь-свинь-свинь»...

И доброволецъ, волей-неволей, опять начинаетъ непріятную бесѣду съ своей совѣстію.

Въ томъ отдѣленіи вагона, гдѣ пришлось сидѣть пишущему эти строки, было бы, пожалуй, благодаря присутствію необычайно унылаго человѣка, еще скучнѣй и тоскливѣй, еслибы присутствіе двухъ, вполнѣ счастливыхъ соотечественниковъ не парализовало тоску и уныніе, распространявшіяся отъ унылаго пассажира. Эти двое были веселы и счастливы, каждый по своему: одинъ только вчера выигралъ въ карты порядочный кушъ и, ухвативъ его, на всѣхъ парахъ рвался въ Вѣну, въ веселое мѣсто, расправить кости, попить, погулять, поплотоядничать на всѣ руки, на всѣ деньги... Его словно лихорадка какая трясла всю дорогу: такъ и тянуло — скорѣй, скорѣй, къ къ веселому вѣнскому разгулу; заснуть онъ не могъ, и хотя закрывалъ глаза и откидывалъ голову къ спинѣ, но видно было что онъ не спалъ, а грезилъ и волновался предстоящими удовольствіями, поминутно прерывая свои попытки заснуть насвистываніемъ мотивовъ изъ Оффенбаха... Другой довольный пассажиръ былъ доволенъ покойно, солидно, основательно; это былъ военный, не менѣе майора чиномъ, плотный, здоровый человѣкъ; онъ возвращался къ семьѣ, былъ доволенъ, что попадетъ къ Рождеству, и привезетъ съ собою, кромѣ полнаго здоровья (раненъ онъ не былъ), еще и три сербскихъ ордена. Еще на станціи, въ Базіашѣ, объяснивъ всѣмъ желавшимъ съ нимъ разговаривать причину своего благополучія, что вотъ-молъ ѣду къ Рождеству, слава Богу здоровъ, ордена получилъ всѣ и т. д., онъ ужь не входилъ ни въ какіе другіе разговоры, а просто

*

распространялъ вокругъ себя, своимъ здоровымъ и довольнымъ лицомъ, покой и благополучіе... Войдя въ вагонъ, этотъ счастливый человѣкъ уложилъ по мѣстамъ свои вещи, плотно и удобно сѣлъ, и, поморгавъ немного глазами, сталъ ихъ закрывать съ такимъ предвкушеніемъ непробуднаго, дѣтски покойнаго сна, что даже и неугомонный любитель вѣнскихъ удовольствій, поддался-было снотворному вліянію своего сосѣда, и пробовалъ дремать... Эти двое довольныхъ, счастливыхъ, смягчали нѣсколько то тягостное впечатлѣніе, которое производилъ третій, необычайно унылый пассажиръ. Онъ былъ точно потерянный; исхудалый, щеки ввалились, носъ вытянулся, взглядъ казался пугливымъ, даже вполнѣ испуганнымъ, костюмъ плохенькій, холодный не по погодѣ, и надѣтый кое-какъ. Не желая спать, я поневолѣ долженъ былъ довольно часто встрѣчаться глазами съ этимъ унылымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ сидѣлъ какъ разъ противъ меня, и только, послѣ многихъ часовъ ѣзды, могъ признать въ немъ человѣка, который мнѣ отчасти знакомъ, котораго я нѣсколько разъ въ жизни уже видалъ, хотя и съ большими, большими промежутками. Было ему теперь лѣтъ тридцать пять, или около того, но не больше; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я встрѣчалъ его заграницей, въ разныхъ городахъ, и, главнымъ образомъ, въ кружкахъ русской заграничной молодежи. Долбежниковъ (такая фамилія была у унылаго пассажира) хоть и вращался въ тѣхъ же кружкахъ, но былъ какъ-то чуждъ всѣмъ имъ и всѣмъ и каждому изъ лицъ его составлявшихъ. Какая-то печать унынія и тогда уже лежала на его нездоровомъ, худосочномъ лицѣ, и что-то гложущее его душу тяжело всегда дѣйствовало во время его посѣщеній, всегда, впрочемъ, краткихъ, торопливыхъ и, большею частію, ненужныхъ: придетъ торопливо, озабоченно, какъ будто хочетъ что-то сказать очень важное, но не можетъ ничего, и вдругъ какъ-то соскучится, раскиснетъ и уйдетъ. Въ рукахъ его постоянно была какая-нибудь книга, читалъ онъ много, что-то писалъ, но никто его не разспрашивалъ о его работѣ, и вообще имъ мало интересовались.—«Былъ Долбежниковъ!»—«Ну, что-же?»—Ничего...Ушелъ. Вотъ и все, что можно было сказать о немъ въ то время, послѣ каждаго его посѣщенія. А между тѣмъ, нельзя было не замѣтить, что его что-то мучаетъ, что хотя онъ и не возбуждаетъ ни въ комъ симпатіи на столько, чтобы кто-нибудь тронулся его измученнымъ лицомъ и разузналъ подноготную его души, тѣмъ не менѣе нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ настоящимъ образомъ мучается...

По нѣкоторымъ отрывочнымъ выраженіямъ, помнившимся мнѣ, и по характеру людей, съ которыми онъ знался, можно было думать, что онъ человѣкъ убѣжденій крайнихъ. Такъ я, по крайней мѣрѣ, думалъ о немъ тогда, лѣтъ пять назадъ, и былъ, признаюсь, несказанно удивленъ, увидавъ этого самаго унылаго, измученнаго человѣка, мѣсяца два тому назадъ, въ Бѣлградѣ, въ костюмѣ добровольца, съ длинной саблей, и, что̀ особенно поразило меня, въ самомъ цвѣтущемъ видѣ, безъ всякаго подобія на что-нибудь, что̀ бы напоминало его прежній, страдальческій видъ. Долго, помню, смотрѣлъ я на него, встрѣтивъ случайно въ одной изъ бѣлградскихъ кафанъ, вмѣстѣ съ толпой другихъ, сабле-гремящихъ и веселыхъ офицеровъ, и не могъ повѣрить, чтобы это былъ Долбежниковъ, «тотъ самый». Откуда этотъ цвѣтъ лица, этотъ нѣкоторый форсъ, эта развязность военнаго, любующагося звономъ своихъ шпоръ, своей саблей... Несомнѣнно было, конечно, то, что все это было «напущено» на Долбежниковъ обществомъ военныхъ, среди которыхъ онъ теперь находился, но несомнѣнно было также и то, что и самъ Долбежникова значительно измѣнился; онъ поглядѣлъ на меня — тогда при встрѣчѣ въ кафанѣ — узналъ, слегка кивнулъ съ высоты величія (ясно начертаннаго на всемъ его ликовавшемъ лицѣ) и тотчасъ присоединился къ веселой компаніи которая шумно разсѣлась вокругъ круглаго стола, застучала ножами, солонками, стаканами и потребовала три бутылки самаго лучшаго неготинскаго... Долбежниковъ, къ удивленію моему, также стучалъ ножами и стаканами; и, какъ мнѣ казалось, даже желалъ показать именно мнѣ, какъ человѣку, знавшему его въ уныломъ видѣ и въ другомъ обществѣ, что вотъ молъ теперь и онъ сталъ молодцомъ и что ему, молъ, все равно, что будутъ думать о немъ въ «томъ», въ заграничномъ обществѣ... Правда, смѣшноватъ былъ немного этотъ худощавый, длинный и все-таки болѣзненный человѣкъ среди румяныхъ, громкоголосыхъ, здоровыхъ и сильныхъ новыхъ своихъ товарищей, но, сравнительно съ тѣмъ, что онъ былъ — лично мнѣ, онъ казался вполнѣ переродившимся, необыкновенно поздоровѣвшимъ, разцвѣтшимъ, словомъ, человѣкомъ передѣланнымъ «наново». Я порадовался этому, хотя и удивился этой перемѣнѣ, въ виду убѣжденій, которыя я ему приписывалъ... А вотъ, подумалъ я, отчего онъ стоналъ и страдалъ... Ему надо было шпоры, саблю, да разливанное море военной стоянки... И, признаться, не очень радовался этой способности русскаго человѣка необычайно рѣзко перемѣнять свои взгляды, и, глядя на пирушку Долбежни-

кова съ товарищами, не весело думалъ о томъ, что способность эта есть и не въ одномъ Долбежниковѣ...

Оставивъ Долбежникова, подъ вліяніемъ этихъ размышленій, пировать въ кафанѣ, я ушолъ и до сей минуты, то есть до встрѣчи въ вагонѣ, на возвратномъ пути въ Россію, не видѣлъ ужь его нигдѣ. И опять онъ меня тутъ изумилъ: куда дѣвался его разцвѣтъ, его бодрый духъ, бодрый видъ? Что скомкало его опять въ комокъ, скомкало въ тысячу разъ больше, чѣмъ онъ былъ скомканъ прежде, до своего разцвѣтанія? Видъ его былъ такой убитый, измученный, жалкій, что, повторяю, еслибы не тѣ два пассажира, которые распространяли отъ себя покой и жажду удовольствія, такъ было бы просто тяжело смотрѣть на человѣка, который, казалось, вотъ-вотъ что-нибудь надъ собой сдѣлаетъ, такъ ему скверно и трудно.

Задернутый синей занавѣской фонарь наполнялъ вагонъ полумракомъ, мѣшая мнѣ, вмѣстѣ съ перемѣною, происшедшею въ Долбежниковѣ, узнать его лицо, но когда я узналъ, что это именно Долбежниковъ, то мнѣ стало его какъ-то ужасно жаль, и захотѣлось разузнать, наконецъ, что такое происходитъ въ этомъ человѣкѣ, отчего онъ разцвѣтаетъ и отчего вянетъ. Я заговорилъ съ нимъ... Онъ обрадовался и тотчасъ же сообщилъ мнѣ, что онъ уже давно узналъ меня, что онъ меня помнитъ, что онъ меня видалъ тамъ-то и тамъ-то, и въ мельчайшихъ подробностяхъ припомнилъ тѣ рѣдкія минуты, когда я случайно сталкивался съ нимъ—пять лѣтъ назадъ (избѣгая почему-то бѣлградской встрѣчи); припомнилъ тотчасъ же, и тоже съ мельчайшими подробностями, всѣхъ прочихъ нашихъ заграничныхъ знакомыхъ, съ какой-то жадностію разспрашивалъ — гдѣ такой-то, что съ этимъ, что съ тѣмъ? и вдругъ съ какимъ-то страшнымъ порывомъ произнесъ:

— Ахъ, какіе это люди!.. Это, именно необыкновенные люди!

— Необыкновенные? переспросилъ я.

— Необычайные! возвышая голосъ и широко раскрывъ какъ бы помѣшанные глаза, произнесъ онъ. — Необычайные — это вѣрно, я теперь это узналъ... Всѣ рѣшительно они — необычайные...

— Кто же именно?

Я назвалъ нѣсколько фамилій.

— Всѣ до одного... Всѣ, кто «тамъ».

— Всѣ, кто «тамъ»?.. переспросилъ я.—Сколько знаю, никакихъ, особенно крупныхъ дѣлъ...

— Вотъ никакихъ-то дѣлъ, перебилъ онъ меня, ужь совер-

шенно какъ сумасшедшій, схвативъ за плечо:—вотъ именно — вотъ кто дѣлъ-то никакихъ не дѣлаетъ... вотъ всѣ они и необыкновенные...

— И передовые?

— И передовые!.. То есть, именно вотъ тѣ...

Говоря послѣднюю фразу, онъ необыкновенно волновался и положительно казался мнѣ сумасшедшимъ.

— Послѣ этой войны я только ихъ и считаю настоящими героями... Ужь и въ томъ непомѣрный подвигъ, что они не пристаютъ къ этому свинству, какъ вотъ я присталъ... Можете себѣ представить, вѣдь я убилъ человѣка... За что̀, скажите пожалуйста?

Послѣднюю фразу онъ проговорилъ такъ, какъ будто бы совершенно не понималъ случившагося съ нимъ!

— Убили? Кого?

— Турка убилъ.

— Такъ что̀ же? вѣдь вы были волонтеромъ, военнымъ, а вѣдь на войнѣ убиваютъ...

— За что̀?..

— За Сербію, я полагаю, вы убили его...

Долбежниковъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и молчалъ.

— За Сербію? переспросилъ онъ.

— Я думаю—да!

— Нѣтъ, не за Сербію.

— Не за Сербію? За что̀ же?

— За сви-ни-ну!

— Какъ это такъ?

— Да-съ, за свинину...

Я сказалъ, что не понимаю его, и Долбежниковъ пустился мнѣ самымъ подробнѣйшимъ образомъ разъяснять свой взглядъ на сербскую войну. Сербскимъ купцамъ оказывалось нужнымъ отдѣлаться отъ торговыхъ трактатовъ, которые до сихъ поръ заключала съ сосѣдними державами Турція, какъ опекунша Сербіи; трактаты эти были до сихъ поръ такіе, что сербскимъ капиталистамъ нельзя было дать ходу своимъ капиталамъ; нельзя было имѣть фабрикъ, заводовъ, нельзя было выдѣлывать кожъ... Можно было торговать сырьемъ, которое возвращалось въ Сербію выдѣланнымъ продуктомъ, и стоило втрое дороже. Такъ вотъ теперь, говорилъ Долбежниковъ, купцы и хотятъ пріобрѣсть оружіемъ право получать больше барышей, т. е. продавать свинью, которая теперь продается только сырая, и продается крайне дешево, продавать ее копченою и получать до-

роже. Оружіемъ они хотятъ добиться этого права, потому что при мирныхъ переговорахъ—необходимы уступки въ родѣ предоставленія иностранцамъ права пріобрѣтенія поземельной собственности, что сразу даетъ возможность хлынуть въ Сербію иностраннымъ капиталамъ и, разумѣется, мѣстные капиталисты не устоятъ.

Когда онъ, наконецъ, окончилъ довольно длинное изложеніе своего взгляда на войну, то спросилъ:

— Вѣдь изъ-за свинины?

Дѣйствительно, выходило какъ будто изъ-за свинины вышло все дѣло...

— Ну, вотъ видите... Я... я убилъ человѣка... Да сколько тамъ убито народу!.. съ какимъ-то ужасомъ произнесъ онъ, прижавъ ладонь къ виску, какъ бы отъ боли.

— И я, продолжалъ онъ ужь самъ съ собой:—смѣлъ когда то критиковать «тѣхъ», придираться къ мелочамъ, къ вздорамъ... Нѣтъ, оживленно произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—не вѣрьте никому, кто бы онъ ни былъ, если онъ скажетъ, что... кромѣ, конечно, мужика—(всемірнаго мужика... нетолько русскаго, прошу замѣтить), что есть что-нибудь лучшее...

Длинный панегирикъ прочиталъ онъ вслѣдъ за этими словами. Не напускное, а что-то болѣзненное, ненормально страстное было въ его словахъ. Необыкновенно было странно смотрѣть на этого, очевидно изломаннаго человѣка, убивающагося о какой-то свининѣ, о туркѣ, и волнующагося страстными порывами любви къ какимъ-то людямъ, которые, по его же словамъ, тѣмъ и плѣнительны, что ничего не дѣлаютъ. Странно было смотрѣть на этого больного чудака, въ виду дѣтски-спокойно спавшаго майора, возвращавшагося съ той же самой битвы и нетолько не убивавшагося объ убитомъ туркѣ, но напротивъ, получившаго за то же самое ордена, и чувствовавшаго дѣтское удовольствіе отъ этого, знавшаго, что удовольствіе это раздѣлитъ съ нимъ вся семья, къ которой онъ поспѣетъ «какъ разъ на Рождество...» Закинувъ голову на спинку дивана, и полураскрывъ ротъ, военное дитя спало сномъ невинности... Легкое дыханіе, легкое, какъ паръ, только слегка колебало кадыкъ, едва замѣтный среди плотныхъ, жирныхъ мускуловъ шеи... А тутъ рядомъ сидѣлъ исхудалый, зеленый человѣкъ и, не смыкая глазъ, мучился тѣмъ самымъ, отъ чего сосѣдъ его былъ совершенно счастливъ... А оба были изъ той же Святой Руси.

Панегирикъ былъ такъ длиненъ и запутанъ, что я рѣшился прервать его и спросилъ:

— Вы теперь куда-жь направляетесь? Къ нимъ?

— Ни ни-ни... какъ бы даже съ ужасомъ прошепталъ онъ.— Я теперь такъ благоговѣю передъ ними, что ни за что не приближусь къ нимъ, по крайней мѣрѣ, на тысячу верстъ...

— Отчего же такъ? съ удивленіемъ спросилъ я:—благоговѣете и не хотите видѣть? Это трудно понять!

— Боюсь видѣть, боюсь жить съ ними... съ кѣмъ бы то ни было... Не умѣю жить!.. Вотъ именно — жить не умѣю. Непремѣнно выйдетъ какой-нибудь вздоръ и скука.

Я не понималъ его и смотрѣлъ на него молча, думая, не скажетъ ли онъ чего потолковѣе.

— Я знаю, говорилъ онъ, глядя въ сторону: — я уродъ. Это я знаю самымъ прекраснымъ образомъ... Но такихъ уродовъ, какъ я—много... По крайней мѣрѣ, я, т. е. лично я, видалъ такихъ уродовъ—не умѣютъ жить, да и полно!.. Я самъ происхожу изъ купцовъ... т. е. изъ среды—(да и всѣ наши среды такія-же), гдѣ какъ-то ужь въ крови лежитъ убѣжденіе, что «мы какъ-нибудь обойдемся», гдѣ не живутъ (вспомните Островскаго), а какъ-то «бьются» объ жизнь. Деньги еще кой-какъ держутъ этихъ людей на свѣтѣ; но выньте оттуда изъ любой такой семьи деньги— все развалилось, всѣ беззащитны, одиноки, потерянны... Я вотъ изъ такой идеально-неживой семьи... Семья эта изъ тѣхъ, которыя валятся, расползаются... Я отбился отъ нея больше всѣхъ... Случай ли, или что другое нанесло меня на разныя думы, на книги... Думы понесли меня къ людямъ—и тутъ-то я и узналъ, что не умѣю жить... Представьте себѣ, что вотъ я обдумалъ такое-то дѣло, или кто-нибудь другой обдумалъ, или затѣяли дѣло, которому я сочувствую, которое люблю, считаю вѣрнымъ и т. д. Если только (онъ говорилъ, отдѣляя каждое слово) въ это дѣло войдетъ три, четыре человѣка такихъ, какъ я—все пойдетъ къ чорту, т. е. нетолько даже обличья дѣла не будетъ, а будетъ непремѣнно вздоръ. Совершенно дѣтское непониманіе жизни, совершенно дѣтское неумѣнье жить сейчасъ дастъ себя знать... Обижусь какими-нибудь пустяками, не захочу быть дружнымъ съ тѣмъ-то, потому что... ну хоть потому, что манеры мнѣ его не нравятся... Носъ скверный... И такъ этотъ вздоръ начинаетъ гнести меня, тяготить, начинаетъ завладѣвать мною всѣмъ, что я хочу бѣжать... бѣжать... И самъ я отвратителенъ себѣ, да и въ другомъ пробужу своей мелочностью тоже дурныя и мелкія черты—ну и пошло... И выйдетъ вздоръ... Я такъ все и бѣгалъ... Я ужь зналъ себя... Все бѣгалъ... Меня братъ, купецъ, назвалъ даже «пассажиромъ», за эту бѣготню. «Не человѣкъ ты, гово-

рить, а пассажиръ». И правда... Вотъ и теперь я боюсь ѣхать туда. Я знаю: пріѣду и начну замѣчать носы... да разные вздоры, да обижаться пустяками, да отыскивать въ человѣкѣ скверное... Вотъ еще ужасная черта!.. Самъ плохъ, и въ другомъ, въ самомъ лучшемъ, точно чтобъ себя успокоить, только и ищешь вздоровъ, чтобы сказать себѣ: «да и онъ такое же трапье...» Нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀ не поѣду!.. Издали, когда меня жизнь не трогаетъ... мнѣ лучше...

Подошла какая-то станція. Доброволецъ, выигравшій деньги, и мы двое (военное дитя продолжало спать) вышли изъ вагона и выпили по маленькой бутылочкѣ жидкаго венгерскаго вина. Вино не развеселило насъ; Долбежникову, хотя онъ и поуспокоился немного, но все-таки видимо было тяжело послѣ безотрадныхъ наблюденій надъ самимъ собой, а мнѣ было тяжело смотрѣть на выложенныя имъ передо мною больныя внутренности... Спать не хотѣлось... Стали опять разговаривать.

— Ка̀къ вы въ Сербію-то попали? что̀ вы тамъ дѣлали?.. Спросилъ я.

II.

— Ка̀къ?.. Да вотъ все отъ того же... Представьте себѣ, каково должно быть состояніе духа у человѣка, если этакъ лѣтъ пять къ ряду ни отъ себя ни отъ другихъ не выносишь ни одного добраго впечатлѣнія... Я встрѣчаюсь съ самыми лучшими людьми (теперь я знаю, что это самые лучшіе люди), съ людьми, которыхъ, не живя съ ними... а, какъ я вамъ говорилъ, издали... размышляя о нихъ — я уважалъ, благоговѣлъ... Но сойдясь по людски—для простого ли разговора, для маленькаго-ли дѣла — терялся!.. Позабывалъ даже ихъ достоинства, позабывалъ ихъ значеніе, потому что они были обыкновенные, живые люди... Этого ужъ довольно, чтобы я тотчасъ охладѣвалъ... начиналъ-бы цѣпляться за мелочи... и такъ далѣе, не доводилъ бы дѣло до того, что и меня никто не хотѣлъ видѣть, да и я былъ золъ на всѣхъ... Ну, лѣтъ пять такой жизни измучили меня... Я переполнился наблюденіями такихъ вздоровъ (онъ вдругъ озлился, ударилъ себя кулакомъ по колѣнку и воскликнулъ:—«И отчего я только и способенъ наблюдать вздоры!..» — плюнулъ, и долго молчалъ, тяжело дыша отъ гнѣва)... Ну и самъ опротивѣлъ себѣ, и все мнѣ опротивѣло... смерть! — Смерть въ это время показалась мнѣ такимъ наслажденіемъ, такимъ удоволь-

ствіемъ... буквально, лакомствомъ, что я сію минуту даже и не подберу сравненія... Именно лакомствомъ... И, разумѣется я бы покончилъ съ собой, еслибы не эта исторія съ нехристями...

— Почему же *именно эта* исторія спасла васъ, оставила васъ живымъ?.. спросилъ я, особенно налегнувъ на слова *именно эта.*

— *Именно эта*, тоже налегнувъ на эти слова, отвѣчалъ Долбежниковъ:—исторія помогла мнѣ остаться въ живыхъ, потому только, что никакой другой исторіи съ подобнымъ драгоцѣннымъ для нашего брата свойствомъ въ ту пору не было... А свойство этой исторіи то, что она изъ глубины народа... Это значитъ, что народъ, наконецъ, взялся... а разъ онъ взялся— вывезетъ, будьте покойны!.. Удивительное дѣло! (разсказчикъ остановился). Подъ этими разломанными деревянными крышами, въ этой глуши, холодѣ, бѣдности, живутъ же вотъ какія-то идеи, спасающія общество отъ гибели! Чѣмъ они живутъ—рѣшительно непостижимо! По двадцати, тридцати лѣтъ ихъ буквально ни чѣмъ не кормятъ, никто объ нихъ не заботится, не безпокоится... Живутъ они подъ сгнившими или разнесенными вѣтромъ крышами, какъ мужицкія кляченки, тощія, маленькія, некормленныя, сущіе одры... Кормятъ ихъ изрѣдка, эти одры-идеи, захожіе солдаты, богомолки, кормятъ старой соломой, такой старой, что я вотъ благородный человѣкъ и ногъ то объ нее не обботру... Живетъ!.. Благородный человѣкъ, сотрудникъ дождя и вѣтра, разрушающихъ соломенныя крыши, ни на клячу, ни на крышу, ни на владѣльца того и другого, обыкновенно, не обращаетъ никакого вниманія; заполучивъ что ему надо, онъ знать не хочетъ, что дѣлается тамъ, подъ этими крышами, полагая, должно быть, что можно танцовать, отрубивъ собственныя свои ноги, и, разумѣется, ошибается, гибнетъ... Отказавшись признать своими и главными интересами интересы этихъ крышъ, этихъ крупинокъ собственной своей крови, и полагая, что онъ можетъ прожить (и еще веселѣй) *самъ* сотрудникъ вѣтровъ и дождей оказывается недолговѣчнымъ, и въ двадцать лѣтъ обыкновенно успѣваетъ только расточить эту собственную кровь, чортъ знаетъ на что̀... Щедрою рукою раздаетъ ее актрисамъ, проматываетъ за границей, душной пылью сыплетъ въ несметномъ множествѣ на возню съ собой, одинокимъ въ безсодержательной семьѣ, покуда, наконецъ, настаетъ истощеніе... Человѣкъ обезсилѣлъ, весь вывалялся въ грязи, не знаетъ что̀ съ собой дѣлать... «Вывози! вопіетъ:—спасай!» И глядишь, мужикъ запрягаетъ одра... Въ такую ужасную для сотрудника въ разрушеніи крышъ минуту, сотрудникъ начинаетъ откармливать одра ужь не старой соломой, а жирной газетной

трухой, и глядишь—одеръ отъѣлся въ одну недѣлю... «Гляди, баринъ! говоритъ хозяинъ:—какъ бы худо не было... Лошадь у меня стоялая, дернетъ съ мѣста — держись только».— «Ничего, ничего, тамъ подержутъ»... — «А ежели, примѣрно, мы Европію твою кишками, напримѣръ, завалимъ человѣчьими, и это ничего?— «Заваливай, кричитъ сотрудникъ дождей:—заваливай! Только вывози»!.. И откормленная газетной трухой одеръ-идея, напутствуемая ударами кнута, выхватила погибающаго изъ грязи и поставила на сухое мѣсто... Кишекъ, разумѣется, выпущено безъ сметы — ужь объ этомъ говорить нечего... Слава Богу, что баринъ-то не утонулъ и опять вышелъ на дорогу... А какъ только вышелъ и опять говоритъ: — «теперь ты веди своего одра куда хочешь, а я *самъ* дойду»... И, разумѣется, не дойдетъ во вѣки вѣковъ... Я это говорилъ къ тому...

Разсказчикъ остановился и, перемѣнивъ тонъ, сказалъ мнѣ:

— Вы слышали, что̀ я говорилъ?

— Слышалъ все.

— Ну, ка̀къ вы находите?.. Правильно я... т. е., по крайней мѣрѣ, хоть во внѣшнемъ-то отношеніи прилично ли я... излагаю?..

— Что̀-жь тутъ неприличнаго?.. не понимая, спросилъ я.

— Нѣтъ, я хочу знать: можно ли, слушая такую рѣчь, подумать, что я хоть сколько нибудь народомъ заинтересованъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія...

— Ну такъ вотъ: сію минуту я именно такъ и думаю и дѣйствительно сокрушаюсь... А пойди я сейчасъ же съ такими самыми мыслями въ деревню — и вздоръ выйдетъ... начнутъ дѣйствовать на нервы дырявые лапти, грязь, ухабъ — чортъ знаетъ что̀... Кончишь злостью и бѣгствомъ... Будешь проклинать и себя, и раскрытыя крыши... Не понимаешь живыхъ людей... Не умѣешь быть живымъ... Вѣдь вотъ какая скотина! вновь сверкнувъ озлившимися глазами и возвысивъ голосъ, заключилъ онъ и прибавилъ:

— Нѣтъ, лучше я послѣ... Надоѣло! такая скверность... не человѣкъ ты, а пассажиръ! да! именно не человѣкъ!..»

Разговоръ возобновился черезъ нѣсколько часовъ, когда ужь совсемъ разсвѣло и когда мы уже проѣхали Пештъ... Разсказчикъ былъ спокойнѣй и чувствовалъ себя гораздо бодрѣе, чѣмъ вчера...

— Ну, такъ вотъ—на чемъ я остановился? да!.. Мужикъ началъ вывозить... Съ дѣтства воспитанная привычка, чтобы за насъ дѣлали дѣло другіе, привычка къ «прими», «подай»—откликнулась во мнѣ въ эту минуту какъ нельзя болѣе сильнѣй. Что-жъ, думаю — «вывози, братъ, и меня», рѣшилъ я, зная навѣрное, что разъ взявшись вывозить, одеръ непремѣнно *куда-нибудь* да вывезетъ... Мнѣ было теперь все равно, хоть куда-нибудь... а убьютъ—что-жъ? Я и самъ хотѣлъ умереть... И вотъ, ввалившись въ мужичьи дровни, я сразу почти совершенно успокоился... Все, что меня мучило, все, о чемъ я думалъ, читалъ, разговаривалъ, все, что меня бѣсило, злило, волновало въ себѣ и другихъ, я, разъ рѣшивъ, что «теперь не мое дѣло»—все это позабылъ, точно ни разговоровъ, ни плановъ, ни безпокойствъ, ни мыслей безпокойныхъ—и не бывало... Обо всемъ этомъ я пересталъ думать, положившись на кого-то, кто теперь занялся моими дѣлами, и съ каждымъ днемъ сталъ чувствовать себя лучше и лучше... Тѣмъ и хороша война, что, разъ произнесено это слово, мильйоны людей прекращаютъ думать, безпокоиться, прекращаютъ трудныя попытки рѣшать роковые вопросы, къ которымъ привела мирная жизнь. «Война»!—Никто не отвѣчаетъ за себя, за свои поступки, мильйоны людей получаютъ разрѣшеніе ни о чемъ не думать, ни о чемъ не безпокоиться; никто не взыщетъ, да и не можетъ взыскать, потому — война! то-есть, такое положеніе дѣлъ, въ которомъ никто ничего не понимаетъ, никто ничего не разсчитываетъ, никто ни за что не отвѣчаетъ... Словомъ, положеніе, при которомъ люди начинаютъ ходить распояской, неумывкой, неодѣвкой... Все, что за недѣлю еще было напряжено, измучено, запутано, тайно страдало, ненавидѣло—все выпущено этимъ словомъ «война» на волю... Купецъ не платитъ по векселямъ—и невиноватъ, не отвѣчаетъ... Онъ можетъ разогнать свою фабрику, и разогнанный народъ не пикнетъ, зная, что война... Ничего не стоитъ въ такое время вчера еще очень аккуратному человѣку взять чужое, поймать чужого гуся и съѣсть... Кто тутъ будетъ разбирать? Война!.. Его гуси точно также съѣдены неизвѣстно кѣмъ... Непрочный семейный союзъ, державшійся только общественными приличіями, распался, развалился самъ собой... Развѣ виновата жена, что къ нимъ въ домъ нахлынуло такое множество офицеровъ, да еще молодыхъ, охваченныхъ вліяніями времени, въ которое никто ни о чемъ не думаетъ и не безпокоится ни о чемъ... Она слабое существо... А это, посмотрите, какіе верзилы... Наконецъ, завтра этихъ верзилъ и слѣдъ простылъ. Къ тому же, и мужъ, освобожденный отъ сроч-

ныхъ уплатъ—смотритъ на бѣлый свѣтъ поснисходительнѣе, не проходитъ дня, чтобы онъ не былъ подъ хмѣлькомъ... и почти не живетъ дома... На улицѣ такая гибель новаго — то войска вступаютъ, то выступаютъ... музыка то веселая, то грустная гремитъ то и дѣло... Гостинницы, кофейни—биткомъ набиты... Всякій говоритъ: нѣтъ никакихъ дѣлъ, все стало — «война!..» И тратитъ накопленное... «Будь что будетъ»!» сказали себѣ милліоны людей и отдались случайности... Сотни и тысячи смертей, кàкъ ни странно это кажется, нетолько не развиваютъ чувствительности въ живыхъ (о живыхъ я только и говорю), но, напротивъ, пріучаютъ глядѣть на смерть совершенно хладнокровно. Не диво становится каждому смотрѣть на кровь, слушать стоны, видѣть оторванныя руки, ноги, пробитыя головы. Жизнь человѣческая начинаетъ цѣниться ни во чтò — и въ человѣкѣ, еще недавно обремененномъ именно человѣческими-то заботами, сладко потягиваясь, просыпается звѣренокъ... Эта атмосфера, созданная войной, охватила меня тотчасъ, какъ только я ступилъ на сербскую землю... Правда, въ первую минуту появленія моего среди новаго для меня военнаго общества, я—одно только мгновеніе почувствовалъ, что передо мной совершается что-то необыкновенно старое, заваляшее... Что-то такое, про что всѣ давно забыли, потому что выросли... Одно мгновеніе мнѣ показалось, что я словно началъ читать Еруслана Лазаревича, послѣ книгъ, касающихся трудныхъ философскихъ и общественныхъ вопросовъ... Но я это отогналъ отъ себя; да и безъ моего участія, военная атмосфера, окружавшая меня, сдѣлала тоже дѣло—очень скоро... «Не думай ни о чемъ, говорила она, — и здоровье мое стало быстро улучшаться. Я сталъ отлично спать, потому что ни о чемъ не думалъ — не мое дѣло; будетъ такъ, какъ будетъ, рѣшалъ я и спалъ сномъ невиннаго младенца... «Ожидать приказаній»—тоже вещь для меня новая, пришлась мнѣ по вкусу и много способствовала улучшенію аппетита и поправленію здоровья. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ я буду безпокоиться? Какъ прикажутъ... тамъ знаютъ! Не мое дѣло... «Завтра выступать!» Ладно, выступимъ... Завтра, такъ завтра. И выступаешь, не думая, куда зачѣмъ. Какъ легко, отказавшись отъ всего прошлаго, не имѣя никакой тяжести на плечахъ, идти куда-то, по новымъ мѣстамъ, идти къ неизвѣстному!.. Уставать, ѣсть, спать и ждать приказаній... Какой-то раздраженный военный, всю дорогу брюзжавшій на начальство, на неполученіе какого-то пособія, представлявшій какіе-то проекты, планы, критиковавшій военныя операціи и т. д.—до того былъ противенъ

всѣмъ «порядочнымъ» людямъ, въ общество которыхъ я попалъ, что съ нимъ рѣшительно никто не хотѣлъ говорить. Его опредѣлили, какъ мелочного человѣка, интригана, пронырy и тому подобными эпитетами, и бросили. Такъ была въ эту пору странна для всѣхъ (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось) всякая попытка о чемъ-нибудь думать, что-нибудь объяснять, о чемъ-нибудь безпокоиться...

Въ такомъ блаженномъ состояніи былъ я нѣсколько недѣль сряду... Я поздоровѣлъ, пополнѣлъ, одеревенѣлъ, даже одурѣлъ, если хотите, но разцвѣлъ вполнѣ, чувствовалъ себя необыкновенно здорово и весело... Словомъ, я совсѣмъ воскресъ и жадно держался за это новое, невѣдомое мнѣ состояніе духа, и съ каждымъ днемъ воскресеніе мое становилось для меня яснѣе и ощутительнѣе. Тотчасъ по пріѣздѣ, какъ я вамъ говорилъ, я почувствовалъ-было, что, вмѣсто книгъ, принимаюсь за чтеніе Еруслана Лазаревича, Гуака, но съ выступленіемъ на позицію этого ощущенія не осталось и слѣда—все прошло, потому что я все забылъ. Тутъ, на позиціи, случай завладѣлъ мной окончательно; тутъ нетолько не нужно было о чемъ-нибудь думать, безпокоиться, а просто невозможно было дѣлать что-нибудь подобное. Тутъ не знаешь ни дня, ни часа, въ онь-же хлопнутъ тебя пулей въ голову—и конецъ, стало быть, оставь всякую надежду на какой-либо смыслъ... Вотъ въ это-то время я и турка убилъ: пріѣхали къ намъ на позиціи товарищи, привезли лютой роміи, вина, жаренаго поросенка... Выпили, поболтали... опять выпили. (Пилъ я, празднуя свое воскресеніе, много — но пьянъ не былъ) стали стрѣлять, пробовать берданки... У одного изъ товарищей, помню, была очень хорошая берданочка... Такъ вотъ ее попробовали. Стали пробовать, разумѣется, въ людей, въ турокъ... Убить турка, точно также, какъ и турку убить серба — ничего не значило... Для обоихъ было неизвѣстно, зачѣмъ все это дѣлается, но оба, разъ отказавшись думать, вѣрили, что бить другъ друга надо... Ну стрѣляли, пили, ѣли поросенка... и я выпалилъ и убилъ... И у насъ у одного офицера оторвало ногу—такъ съ кускомъ поросенка въ рукѣ и повалился... Ни то, ни другое убійство не оставило ни въ комъ почти никакого впечатлѣнія... Всѣ были такъ искренно деревянны и искренно безсмысленны, что самое сожалѣніе—по крайней мѣрѣ мнѣ—казалось ужъ фальшью... «Я тутъ не виноватъ, это—не мое дѣло»—вотъ что война пробудила въ каждомъ и чѣмъ каждый жилъ въ эти минуты... На позиціи я пробылъ недѣли съ полторы, и, не помню зачѣмъ-то (кажется, по какому-то дѣлу, что-то въ ро-

дѣ заказа сабель или покупки какихъ-то веревокъ — что то въ этомъ родѣ)—пріѣхалъ въ Бѣлградъ. Состояніе духа было превосходное. Свѣже-недумающихъ людей было вдоволь, ихъ радость—перестать думать и жить, вѣря пробудившемуся звѣрушкѣ—еще болѣе подкрѣпила меня. Помню одинъ вечерокъ въ такой веселой компаніи... Хорошо, чудесно провели мы вечерокъ этотъ... Послѣдній (съ сожалѣніемъ сказалъ разсказчикъ), послѣдній веселый день моего воскресенія.

— Чтò-жь случилось? спросилъ я.

— Случилось нѣчто очень знаменательное... Нѣчто такое, чтò разбило, разшибло меня, мое окаменѣніе въ мелкія дребезги... Вотъ какъ это было. Часовъ въ 11-ть ночи, вдругъ пришлось намъ, т. е. веселой нашей компаніи, ѣхать въ Землинъ. Поѣхали на лодкахъ... Орали, конечно, пѣсни пѣли, захватили вина, пили... Сцена тутъ съ австрійскими солдатами произошла, не хотѣли пускать на берегъ, но, на счастье, у насъ были русскіе паспорта и большая готовность вступить въ открытый бой... Пропустили.. Пошли мы по Землину; взбудоражили двѣ-три гостинницы... и т. д.—словомъ, провели время весело, т. е. вполнѣ по свински... На утро, я не знаю почему-то проснулся довольно рано; въ первый разъ почему-то заныло у меня сердце: оттого-ли, что много пилъ вчера, оттого-ли, что погода была сѣрая, пасмурная, только какая-то болѣзненная тревога зашевелилась во мнѣ... Какъ то скучно стало мнѣ въ нумерѣ, переполненномъ спавшими богатырями Францыль-венеціанами... Я поспѣшно одѣлся и пошелъ пройтись. Было еще довольно рано, гостинницы были заперты, негдѣ было достать ни вина, ни кофе... Вы были въ Землинѣ? Это—чистенькій, маленькій городокъ, расположенный на низменномъ берегу Дуная. Узенькая, низкая набережная, усыпанная чорною пылью каменнаго угля, тянется вдоль по Дунаю почти какъ по ниткѣ. Я пошелъ по этой набережной. Никого почти не было на ней; только на судахъ, стоявшихъ у берега, видны были поднимавшіеся на работу люди. Выбравъ на набережной сухое мѣстечко, я сѣлъ, протянувъ по травѣ ноги, и сталъ курить и смотрѣть... Дунай былъ мутный и сѣрый; медленно шевелилъ онъ привязанныя къ берегу лодки, на которыхъ обыкновенно (пароходъ ходитъ только два раза въ день) происходитъ сообщеніе съ Бѣлградомъ рабочаго люда. Мелкій дождь, какъ сквозь сито, сѣялъ безпрестанно, чуть-чуть шумѣлъ по листьямъ деревъ, которыя кой-гдѣ растутъ по набережной. Я сидѣлъ и, кажется, ничего не думалъ, просто смотрѣлъ. И вижу: на берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, опрокинута лодка;

ее чинять; одинъ бокъ ея и дно задѣланы новыми досками, кругомъ валяются стружки. Рабочіе еще не приходили, и представилось мнѣ, что подъ этой лодкой что-то или кто-то есть. Что-то какъ будто стукнуло изъ нутри, зашевелило стружками, и затихло.—«Вѣроятно собака забралась туда отъ дождя!» рѣшилъ я и продолжалъ молчать, курить и смотрѣть. Ни шороха, ни звука ужь неслышно было въ лодкѣ. Такъ прошло болѣе часа. Часовъ около семи, народъ вдругъ повалилъ на пристань, я всталъ и пошелъ въ кофейню, находящуюся тутъ же. Но не успѣлъ я выпить чашку кофе, какъ услыхалъ въ отворявшуюся безпрестанно дверь какой-то пронзительный крикъ, доносившійся съ улицы. Крикъ былъ раздирающій душу и рѣзалъ по сердцу точно ножомъ... Я не допилъ кофе и вышелъ посмотрѣть, что̀ такое? Большая толпа народу стояла около той самой лодки, подъ которой я слышалъ шорохъ. Я пробился сквозь ряды деревенскихъ женщинъ, дамъ и мужчинъ, собиравшихся въ Бѣлградъ на первомъ пароходѣ, купцовъ, солдатъ и полицейскихъ, молча столпившихся на берегу—и увидѣлъ слѣдующую сцену:

«Два здоровенныхъ нѣмца, въ пиджакахъ на овчинномъ мѣху, въ высокихъ сапогахъ, тащили изъ подъ лодки маленькаго семилѣтняго мальчика, отбивавшагося отъ нихъ и руками и ногами. «Майко, майко!» (матушка!) кричалъ онъ, кажется, всѣми своими внутренностями. Двое рабочихъ, простые крестьяне, помогали нѣмцамъ вытащить ребенка изъ подъ лодки, загораживая ему дорогу съ противуположной стороны. Нѣмцы дѣлали свое дѣло молча, систематически, ползая на четверенькахъ вокругъ лодки, и, наконецъ, одному изъ нихъ удалось поймать худенькую грязную дѣтскую ногу... Поймавъ ребенка за ногу, нѣмецъ потащилъ его стремительно и вытащилъ тотчасъ-же, обѣими руками схвативъ за худенькую дѣтскую руку, которая судорожно сжимала какой-то крошечный узелокъ. Другой нѣмецъ также обѣими руками схватилъ за другую руку и—тутъ началась, поистинѣ, ужасная сцена. Маленькое существо собрало все, что̀ могло противоставить силѣ этихъ двухъ верзилъ... Ни на минуту ребенокъ не переставалъ кричать, до того, что минутами у него захватывало дыханіе: его старались поднять съ земли, онъ виснулъ на рукахъ, употреблялъ всѣ силы, чтобы сѣсть; его несли, онъ упирался, съ нечеловѣческими усиліями напрягая свои худенькія ножонки, и вдругъ, когда онъ видѣлъ, что его тащать-таки, хоть и съ остановками, а волокутъ—онъ въ полномъ отчаяніи дѣлалъ попытки вырваться, попытки ужь совершен-

но безплодныя. При видѣ, какъ его худенькое тѣло все извивалось змѣей, при видѣ тисковъ этихъ двухъ нѣмцевъ, изъ которыхъ нѣтъ возможности выбиться, слеза прошибла меня... Мальчикъ-сербъ—узналъ я въ толпѣ—отданъ былъ матерью, дня три тому назадъ, въ ученье къ нѣмцу-слесарю и хотѣлъ убѣжать назадъ къ матери въ Бѣлградъ. Подъ лодкой онъ просидѣлъ всю ночь, думалъ какъ-нибудь пробраться на пароходъ... Въ узелкѣ онъ унесъ свою рубашку... Теперь хозяинъ поймалъ его и тащилъ домой, тащилъ, какъ собственную свою вещь, тащилъ «силою», на законномъ основаніи... «Вотъ война-то настоящая! мелькнуло у меня. Поди-ко, герой, которому ничего не стоитъ быть убитымъ, и убить, не думая объ этомъ, не отвѣчая за это—поди-ко, подумай объ этомъ мальчикѣ, отвоюй его, заступись... Поди-ко постой, — сознательно постой, — за права этого человѣка, за права его сердца, переполненнаго любовью къ майкѣ, за права ребенка, которому еще нужно играть, а не задыхаться въ мастерской, поди заступись, положи-ко вотъ тутъ свои кости...» Деревянное благополучіе покинуло меня... Что я дѣлалъ? Что я дѣлаю? зашумѣло во мнѣ, но мальчишка не далъ хлынуть скорби широкимъ потокомъ въ сердце, такъ какъ приковывалъ къ себѣ все мое вниманіе. Обезсилѣвъ, онъ какъ будто рѣшился идти. Хозяинъ и его помощникъ, обрадовавшись этому, проворно пошли впередъ, почти побѣжали... Мальчикъ тоже бѣжалъ... Его узелъ былъ въ рукахъ хозяина... Прошли такъ шаговъ двадцать, какъ вдругъ малый вырвался... и понесся... Понесся—куда глядѣли глаза... Соскочилъ въ канаву, въ грязь... За нимъ бросился хозяинъ, помощникъ, полицейскій, какой-то мужикъ... Они кричали, горланили, звали помочь... Мальчишка несся молча, закусивъ удила, окаменѣвъ, не помня себя... бѣдное маленькое существо!.. Поймали! Не буду больше говорить объ этой ужасной сценѣ, объ этомъ ужасномъ терзаніи ребенка, объ его отчаянномъ крикѣ, безпомощномъ сопротивленіи... Сцена была въ полномъ смыслѣ ужасная, звѣрская и прямо ударила меня въ сердце, сразу пробудила во мнѣ все, что я старался забыть, о чемъ я хотѣлъ не думать и сказалъ себѣ: «вывози!»...

«Ты, говорилъ я себѣ, чувствуя, что меня душатъ слезы:—ты, котораго безконечныя, неисчислимыя жертвы научили понимать бѣды человѣческія, которому поставили великія задачи, трудныя, громадныя хлопоты—какъ ты могъ успокоиться на забвеніи всего, что выстрадано, вымучено для тебя?.. Жалкая, отвратительная тварь! Чтобы чувствовать себя живымъ, легко живу-

щимъ, тебѣ надо поддерживать вещи, которыхъ никто уже сознательно не считаетъ нужными, разумными. У тебя есть задачи, полныя глубокаго значенія, и если онѣ владѣютъ хоть одною каплей твоей крови, стой за нихъ, потому что все другое — вздоръ, старый хламъ, тряпье... Ты измучился скучать, ты измучился отъ продолжительныхъ размышленій, неимѣющихъ результата, такъ начинай же жить, бейся за то, о чемъ ты думалъ. Воюй за твою мысль, за движенія твоего сердца, которое воспитано или, по крайней мѣрѣ, пріучено страдать за ближняго...»

... И тутъ мнѣ представилась эта новая война... Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, еслибы я вздумалъ защитить этого мальчишку, то есть дѣйствовать такъ, какъ говоритъ мой просвѣщенный (это слово онъ произнесъ иронически) разумъ, посмотрите-ко какую массу силъ, какой героизмъ, стоицизмъ, какая энергія нужна бы была мнѣ... Истинно—поле битвы страшнѣйше въ тысячи разъ всякой свалки, въ которой избиваютъ тысячи человѣкъ въ нѣсколько минутъ и которая якобы кого-то освѣжаетъ!..

Положимъ, что я пошелъ бы и ударилъ этого нѣмца, взялъ бы мальчишку и отдалъ матери; нѣмецъ, за обиду, тянетъ меня въ судъ, штрафуетъ, сажаетъ въ тюрьму, а главное—противъ меня является свидѣтельствовать родная мать ребенка; она, заливаясь слезами, скажетъ, что мальчикъ поступилъ къ нѣмцу по ея желанію, что она вдова, мужа убили на войнѣ, у ней пятеро дѣтей, и меня посадятъ подъ арестъ, а мальчика опять отдадутъ нѣмцу. Если я человѣкъ вѣрный своей мысли, я отсидѣлъ срокъ, вновь берусь за то же дѣло. Я начинаю дѣйствовать путемъ печати, разсуждать вообще... Представьте себѣ, какую гибель трудностей долженъ преодолѣть я здѣсь... Издателей штрафуютъ, и не всякій, поэтому, рѣшится напечатать... Я же не хочу, чтобы статья печаталась въ искаженномъ или смягченномъ видѣ... Послѣ тысячи мытарствъ, раздраженный и взволнованный издательской трусостью, я пишу мою защиту «силою» попираемыхъ мальчишекъ отдѣльной книгой и выпускаю въ свѣтъ, истративъ все, что имѣлъ. Книгу берутъ, уничтожаютъ, меня приговариваютъ къ тюрьмѣ (предполагается, что все это за-границей происходитъ) и дѣлаютъ это какъ разъ въ то время, когда у меня больна жена... Я сажусь въ тюрьму, она остается безъ средствъ, болѣетъ, умираетъ... Я выхожу на свободу одинокимъ, обнищалымъ, поруганнымъ, но силъ на борьбу у меня больше. Я хочу, чтобы слышали объ этихъ неправдахъ, чтобы опомнились...

Ну-те-ко сочтите, сколько надобно трудовъ, ума, хитрости, настойчивости, словомъ, сколько надо геройства, непоколебимости и преданности своей идеѣ, чтобы преодолѣть все это, добиться права публично, громко, въ теченіи не болѣе десяти минутъ, (больше не дадутъ) говорить о томъ, изъ-за чего я бился... что-жь это не поле битвы? Это не война? Не герой я, если выдержу этотъ подвигъ? А задача постоять за мальчишку развѣ мала, развѣ можетъ она идти въ сравненіи съ задачей завоевать право коптить солоно ветчину или дубить кожу?.. Мальчикъ разбилъ все мое спокойствіе, все мое здоровье—все, въ одну минуту... Товарищи, спавшіе въ номерѣ, были для меня невыносимы. Я просто не могъ ихъ видѣть теперь. Мысль, что теперь нужны не *такія* войны, была мнѣ совершенно ясна.

Я взялъ лодку и одинъ переѣхалъ въ городъ...

Разъ сорвавшись съ высоты своего благополучія, я стремительно несся въ бездну тоски, горя, тяжести мысли... Все приняло въ моихъ глазахъ другой видъ... Мнѣ представилось, что самый послѣдній изъ самыхъ недумающихъ, простонародныхъ добровольцевъ нашихъ дерется съ турками не потому, что ненавидѣлъ ихъ, какъ бусурманъ, а потому, что измучился совершенно другимъ и хватается за бусурмана потому, что не сообразитъ, не въ силахъ и не можетъ сообразить всей тяжести тяготящихъ умъ вопросовъ... Не даромъ думалось мнѣ, наши пьютъ передъ дракой водку, а турки—опіумъ, и лѣзутъ драть другъ другу животы, въ пьяномъ видѣ... Въ трезвомъ—всѣ давно ужь не звѣри... У всѣхъ накипѣло на душѣ бездна страданій, нужды, но никто не поможетъ разобраться... Вамъ знакомъ, конечно, очень часто встрѣчающійся въ русской крестьянской жизни фактъ ожиданія страшнаго суда?.. Вотъ сію минуту, когда я разсказываю вамъ свои подвиги, непремѣнно въ какой-нибудь русской, глухой деревенькѣ, бѣдные робкіе люди ждутъ страшнаго суда, втораго пришествія, ложатся въ гробы, рыдаютъ... Завтра будутъ ждать въ другой... Это какіе-то припадки вдругъ овладѣвающаго народомъ глухой деревеньки отчаянія?.. Откуда это отчаяніе? Изъ чего оно слагается? Мнѣ кажется, что этотъ припадокъ есть результатъ обилія неразрѣшенныхъ сомнѣній, неразъясненныхъ мыслей, глубоко чувствуемой неправды, накоплявшихся необычайно долго, но ничѣмъ, никѣмъ не уясненныхъ, не приголубленныхъ... Тутъ гнѣзда идей, гнѣзда глубокихъ душевныхъ страданій, не распутанныхъ, неимѣющихъ возможности развиться... Человѣка вдругъ охватываетъ ощущеніе какой-то глубочайшей неправды въ себѣ, въ другихъ, во

всемъ свѣтѣ; онъ вдругъ на одно мгновеніе видитъ узы жизни и ему кажется, что насталъ конецъ свѣта... Когда я представилъ себѣ, что самая глухая деревушка волнуется тѣмъ самымъ, чѣмъ волнуются самые первые великіе умы, за что пролито столько крови и слезъ, мнѣ стало просто ужасно. Не безстыдство ли поддѣвать жаждущую свѣта душу живого человѣка на чемъ-то такомъ, что дѣлаетъ его звѣремъ, что изъ его жажды жить, жертвовать собой, преслѣдовать зло, дѣлаетъ какую-то обезсмысленную тварь, которая проткнула штыкомъ животъ другому, такому же человѣку, и видитъ геройство въ томъ, чтобы поднять этого человѣка на томъ же штыкѣ, да перевернуть его на немъ раза четыре, чтобы все разодрать у него внутри? Нѣтъ, это, неправда, обманъ, ложь... Никто не хочетъ быть такимъ, никто не хочетъ быть звѣремъ...»

Когда я переѣхалъ Дунай и вылѣзъ изъ лодки на другомъ берегу, у Бѣлграда, я уже не узнавалъ ни другихъ, ни самого себя... Я былъ раздавленъ сознаніемъ моего ничтожества передъ громадностію пробужденныхъ во мнѣ мальчикомъ задачъ жизни и, признаться, полнымъ негодованіемъ, даже презрѣніемъ къ моимъ недавнимъ пріятелямъ... Я не могъ слышать звона сабли, не могъ видѣть этого гарцующаго молодца... Ни въ чемъ не было смысла, все было безжалостное безсердечіе и глубочайшая неправда, безсовѣстность и притворство...

Разумѣется, я уже больше не служилъ... Я снялъ мундиръ, одѣлся вотъ въ это старое тряпье и сталъ жить только тѣмъ, что терзался собой и другими... Конечно, на меня стали смотрѣть, какъ на сумасшедшаго...

Разсказчикъ замолкъ.

«— Ну, помолчавъ, снова началъ онъ:—вотъ въ это время я и вспомнилъ *тѣхъ*... И опять Долбежниковъ прочиталъ длинный панигирикъ. Я приводить его не буду, скажу только, что благоговѣніе его было такъ велико, что онъ и бездѣйствіе возводилъ въ подвигъ.—Хоть и мыслію-то продержаться изъ за мальчишки, продержаться всю жизнь — и то какое мужество, когда кругомъ все противъ тебя, даже иной разъ тѣ же самые мальчишки...

Гензендорфъ — станція, съ которой поѣзда идутъ въ разныя стороны—одни на Вѣну, другіе на Варшаву.

— Ну, спросилъ я Долбежникова:—куда же вы?

— Ей Богу, не знаю.

Видъ его былъ необыкновенно жалокъ; зеленый, иззябшій, испуганный, онъ былъ такъ одинокъ, такъ безпомощенъ...

— Ей-Богу, не знаю... куда и дѣться! прибавилъ онъ помолчавъ.

Сказалъ онъ это и замолкъ. Молчалъ и я...

Г. Ивановъ.

РУССКІЙ ШЕФФИЛЬДЪ.

(Очерки села Павлова).

VI.

На фабрикѣ Калякина.

Вокругъ соборной вышки обстроились главные хозяева слесарнаго дѣла. Опрятный домикъ съ крашенной крышей и большой вывѣской съ золотымъ гербомъ: вотъ лицевой фасъ калякинской фабрики. Такіе дома въ губернскихъ городахъ—у купцовъ средней руки или у приходскихъ священниковъ. Онъ—деревянный, за рѣшеткой. Вывѣска новая; гласитъ она о наградахъ и привилегіяхъ хозяина, но ничего не говоритъ объ исторіи самаго заведенія; а заведеніе самое старое изъ крупныхъ павловскихъ хозяйствъ. Теперешній фабрикантъ, Артемій Ивановичъ Калякинъ, получилъ его отъ отца, Ивана Игнатьевича, который уже съ 1810 года расширилъ дѣло до фабричныхъ размѣровъ. Онъ началъ съ мѣдныхъ замкòвъ и ключей, какъ и всякій истый павловецъ. Замòкъ есть всеобщая школа каждаго павловскаго паренька, и рѣдко-рѣдко кто съ дѣтства пріучается къ другимъ видамъ мастерства, къ ножу, ножницамъ или къ кузнечному дѣлу (по павловски кузнецъ—*коваль*). Начавши съ мѣдныхъ замòчковъ, Иванъ Игнатьевичъ Калякинъ перешелъ къ столовымъ и перочиннымъ ножамъ, ножницамъ и бритвамъ и очень скоро прославился. Высокое мастерство ножей передалъ онъ и сыну, и у калякинскихъ ножей и перочинныхъ ножичковъ есть только одинъ серьёзный конкурентъ—Вырыпаевъ.

Когда мы подошли къ двору Калякина, ворота были отперты. Дворъ большой. Въ глубинѣ его—деревянное строеніе почище и другое, лѣвѣе—постарше и похуже. Первое строеніе и есть фабрика, главный ея отдѣлъ. Это, въ сущности—продолговатая, поставленная поперекъ изба съ крытымъ крылечкомъ посрединѣ.

Изъ воротъ налѣво—ходъ къ хозяину. Къ намъ вышла какая-то женщина, одѣтая по старушечьи.

— Артемія Ивановича можно видѣть?

Она замялась и ушла во внутреннія комнаты. Въ отворенную въ сѣни дверь видно было убранство комнаты: чистенько, по купечески, но безъ всякихъ затѣй.

Женщина вернулась и сказала намъ, что Артемію Ивановичу нездоровится и онъ проситъ пожаловать въ другой разъ.

— А на фабрику можно?

— Пожалуйте, сударь, пожалуйте.

Мы вошли сначала въ главный корпусъ. Въ немъ—двѣ мастерскихъ. Мнѣ онѣ напомнили столярныя, какія бывали въ помѣщичьихъ домахъ: и въ деревняхъ, въ усадьбахъ, и въ городахъ. Низковатая изба вся въ окнахъ, по стѣнамъ обставленная верстаками. Та половина, куда мы вошли сначала, была человѣкъ на восемь, на девять. У иныхъ верстаковъ сидѣло по двое, а то такъ по одному мастеру. Всѣ они занимались отдѣлкой столоваго ножа, сборной работой, пригонкой. Нѣкоторые мастера были въ рубашкахъ, другіе — въ обычномъ павловскомъ туалетѣ, то есть до пояса голые. Въ мастерской стояла уже порядочная духота, но все-таки еще въ этомъ корпусѣ—сносно; простой бѣдный мастеръ ни одинъ у себя дома лучше не живетъ. Надъ каждымъ верстакомъ висѣла керосиновая лампа. Керосинъ, въ послѣднія десять лѣтъ, совсѣмъ вытѣснилъ и сальную свѣчу, черезчуръ дорогую, и лучину. Всѣмъ павловцамъ онъ очень полюбился; только жалуются теперь, что сталъ дороже.

Одинъ изъ мастеровъ, постарше и побойчѣе другихъ, очень охотно и толково началъ отвѣчать на разные мои вопросы.

— Сколько часовъ работаете?

— Да мы не считаемъ; обнаковенно часа въ два, въ третьемъ подымешься.

— А тамъ въ восемь завтракать? подсказалъ я.

— Это—ужь по положенію.

— Всѣ на хозяйскихъ харчахъ?

— На фабрикѣ—всѣ.

— А сколько отдыха послѣ обѣда?

— Да такъ съ часокъ, а то и меньше.

— Ѣдите щи съ мясомъ?

— Безъ этого какъ же возможно! Безъ мяса у насъ кто-жь живетъ... Какая ни то, а все солонинка.

— А шабашите часу въ девятомъ?

— Какъ сумерки—ужинать справятъ.

— Здѣсь вотъ и живете?

— Извѣстно.

— А много-ли васъ собственно павловцевъ изъ мастеровъ?

— Нѣтъ, здѣсь все больше деревенскіе, Муромскаго Уѣзда.

— Значитъ, вы всѣ изъ дому-то уходите, совсѣмъ здѣсь поселяетесь, которые даже и павловскіе?

— Иной разъ сходишь домой, переночуешь, а харчимся у хозяина всѣ.

Разговоръ происходилъ подъ несмолкаемый звукъ подпилка и рѣдкихъ ударовъ молотка. Одинъ насаживалъ гайки на черенки: другой вкладывалъ въ нихъ конецъ лезвея и заливалъ нутро особымъ составомъ; третій выправлялъ и обчищалъ нижнюю сторону лезвея, четвертый клалъ клейма. По павловски части ножа зовутся особенно: павловецъ не говоритъ лезвее, а «леза»; то мѣсто, въ которое упирается черенокъ, зовется по павловски «баланецъ», а тотъ гвоздь, закрученный книзу спиралью, который идетъ отъ лезы къ концу черенка, почему-то съ незапамятныхъ временъ названъ «сорочкой».

Посидите вы минутъ десять-пятнадцать въ такой мастерской: работа какъ будто и не трудная. Нѣтъ тутъ ни тяжестей, ни особаго сирада; но лица все больше худыя, груди впалыя, зрѣніе у многихъ ослабло. Шестнадцать часовъ въ день надо просидѣть, согнувшись надъ верстакомъ, и ежесекундно что-нибудь подпиливать, подчищать, ковырять, стукать... Металлическая пыль входитъ въ легкія, спина постоянно согнута, голова наклонена внизъ, руки дѣйствуютъ, а туловище и ноги неподвижны; воздуху мало; все тѣло въ жаркіе дни обливается пòтомъ, медленно, но неустанно изнуряетъ себя этимъ усиленнымъ отдѣленіемъ желѣзъ.

Видъ рабочихъ не столько деревенскій, сколько мастеровой, хотя всѣ они съ бородами, за исключеніемъ молодыхъ малыхъ, а въ мастерской я замѣтилъ нѣсколько пареньковъ много-много по семнадцатому году. Хотя всѣ они почти «деревенскіе» (такъ павловцы называютъ жителей окрестныхъ селъ и деревень), но въ нихъ уже не видно типа землепашца. Каждый изъ нихъ съ восьмилѣтняго возраста засѣлъ за верстакъ, тратилъ свои мышцы и зрѣніе на эту кропотливую работу, гдѣ надо брать не силой, а гораздо больше умѣньемъ, ловкостью, выдержкой, вкусомъ, гдѣ интеллигенція одна только и можетъ вывести въ люди и превратить мелкаго кустаря въ фабриканта или хозяина большого заведенія, повести къ поощреніямъ и наградамъ, къ медалямъ и надписямъ, къ орденскимъ лентамъ и къ праву, какое Артемій Ивановъ Калякинъ получилъ, между прочимъ,

еще въ 1847 году—прикладывать на свои издѣлія государственный гербъ: «за 35-ти лѣтнее занятіе выдѣлкой ножей и бритвъ и обученіе этому мастерству до ста человѣкъ».

Артемія Ивановича я въ этотъ разъ такъ и не видалъ, а познакомился съ нимъ уже передъ отъѣздомъ изъ Павлова, нашелъ его въ конторѣ, устроенной въ подвальномъ этажѣ дома, гдѣ все уже отзывается купеческимъ хозяйствомъ, ведутся книги и товаръ готовится къ отправкѣ на ярмарку и въ другія мѣста. Его фабрика, даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, работаетъ въ годъ на пятьдесятъ тысячъ рублей, хотя и оцѣнена только въ двѣ тысячи рублей. На ней значится: цѣлыхъ двадцать верстаковъ, тридцать колесъ для полировки (или, какъ въ Павловѣ говорятъ, для *миченья*) и двѣнадцать горновъ для ковки разныхъ ручныхъ инструментовъ. Но все это благовидно на бумагѣ, а, въ дѣйствительности, Артемію Ивановичу давно бы пора позаботиться о томъ, чтобы лѣвый корпусъ, гдѣ у него помѣщены остальные рабочіе, содержался въ нѣсколько иномъ видѣ. *Фабрикантовъ*-хозяевъ во всемъ Павловѣ всего-то два человѣка. Оба они вышли изъ мастеровъ и до сихъ поръ значатся крестьянами. Стало быть, ихъ нѣчего учить тому, каково приходится мастеру, особливо въ зимнее время, простоять или просидѣть надъ верстакомъ шестнадцать часовъ въ день, когда этотъ верстакъ помѣщается въ сыромъ, низкомъ, закоптѣломъ подвалѣ.

Мы спустились въ нижнее жилье лѣваго корпуса. Мастерская похожа на какую-то подполицу, куда свѣтъ проникаетъ скудно, хотя и черезъ нѣсколько окошекъ. Вся правая ея половина была занята верстаками; въ углу—печь: ее въ это время разбирали. Налѣво отъ входа валяется всякая дрянь.

— Неужели вы, братцы, тутъ и спите? спросилъ я у одного изъ мастеровъ съ волосами, перетянутыми ремешкомъ. Онъ работалъ безъ рубашки и въ очкахъ.

— А то гдѣ же? Знамо здѣсь.

— Въ лѣтнюю-то пору, прибавилъ другой рабочій помоложе: — въ сѣни уйдешь, а зимой та̀къ здѣсь въ повалку и спимъ; зипунишко или что̀ ни-то подъ головы ткнешь; изъ оконъ опять же такъ и провѣваетъ.

Все это говорится съ усмѣшечкой. Положимъ, они и дома у себя живутъ не въ палатахъ, да все-таки почище и попросторнѣе. Припомнились мнѣ при этомъ слесарныя мастерскія преступниковъ и не за горами гдѣ-нибудь, а въ Петербургѣ, въ Литовскомъ За̀мкѣ. Арестантъ спитъ гораздо лучше, хотя и съ нѣкоторой грязцой. Въ комнатѣ много три-четыре нары; идетъ

онъ работать въ просторную мастерскую; отдыху у него гораздо больше; ѣсть лучше; въ больницѣ его держать чисто и уходъ за нимъ старательный; захотѣлъ учиться—школьная зала смотритъ нарядно, да, вдобавокъ, за каждый день на готовыхъ харчахъ получаетъ тридцать копеекъ, если онъ простой рабочій, и сорокъ, если онъ мастеръ. Ну а павловецъ, что̀ онъ получитъ?

— У насъ, разсказываетъ мнѣ (когда я попалъ опять въ первую мастерскую, которая почище) рѣчистый мастеръ:—и такъ, и эдакъ рядятся: издѣльно, поштучно, значитъ, а то такъ по уговору.

— За недѣлю, что̀ ли?

— Эдакъ-то хозяину невыгодно, понимаешь, потому—ножовое дѣло, ты возьми его, сколько въ немъ разныхъ частей! Первое дѣло, вотъ лезу надо выковать.

Онъ указалъ мнѣ на кучу выкованныхъ, но неполированныхъ лезъ, лежавшихъ на верстакѣ около одного изъ мастеровъ.

— Коваль ее выкуетъ, значитъ; за дюжину, примѣрно, получитъ копеекъ пятьдесятъ изъ морянки, а вотъ теперь у насъ все литая пошла аглицкая сталь.

— Ну, а ка̀кже матеріалъ-то?

— Это все въ цѣну идетъ. Я тебѣ все разскажу. На дюжину ему нужно стали не меньше трехъ фунтовъ—на четвертакъ, а то и дороже; опять теперь угля все на гривенникъ пойдетъ.

— Ка̀къ не уйти? откликнулся кто-то въ углу.

— Ужь тамъ, ка̀къ ни вертись, а копеекъ подъ сорокъ ему матеріалъ-то и обойдется. Ну, литой стали аглицкой на дюжину уйдетъ маленечко поменьше.

— А въ недѣлю сколько коваль наготовитъ лезъ?

— Да коли понедѣльниковъ не любитъ, дюжинъ двадцать слишкомъ наготовитъ. Хорошій мастеръ рубля три въ недѣлю выработаетъ. Вилкамъ—другая работа и матеріалъ другой. А больше двадцати дюжинъ коваль въ недѣлю все-таки не выкуетъ. Ка̀къ ни бейся, а много два съ полтиной придется, да и то еще коли товаръ ходко идетъ. А для лички опять своя цѣна. За дюжину ножей хорошихъ—копеекъ тридцать пять.

— На хозяйскомъ содержаніи?

— Извѣстное дѣло. Черенщики—вотъ малый-то ковыряетъ—тоже статья особенная. На каждую дюжину ножей съ вилками выйдетъ одного матеріала копеекъ на тридцать. Видишь ли: дерево—пальма, да почернить ее нужно, гаечки, свинцу залить, сургучу. Задѣльная плата—восемь гривенъ, а то и меньше. Дюжинъ шесть въ недѣлю соберетъ, а больше не соберетъ.

— И выходитъ, значитъ, тѣ же два съ полтиной?

— Это такъ.

— Ну, да вѣдь ты берешь самаго лучшаго мастера и когда товаръ ходко идетъ, а среднимъ числомъ, на хозяйскихъ харчахъ—рубля два, больше нельзя положить въ недѣлю?

— Больше не выйдетъ.

И выходитъ, значитъ, что прекрасный мастеръ на волѣ, работая шестнадцать часовъ въ день, заработываетъ меньше, чѣмъ преступникъ, въ заперти, съ бо́льшимъ отдыхомъ, на лучшемъ содержаніи, съ полнымъ обезпеченіемъ, съ даровымъ медицинскимъ уходомъ и даровой граматностью!..

А фабричнымъ рабочимъ все-таки живется лучше, чѣмъ десяткамъ и сотнямъ кустарей; у нихъ хозяйскіе харчи, и, ка́къ бы ни потѣснилъ ихъ иной разъ хозяинъ въ задѣльной платѣ, (что́ можно, однако, сдѣлать только въ извѣстныхъ предѣлахъ) все-таки эта задѣльная плата составляетъ уже чистую выручку мастера; она идетъ на поддержку семейства, на подати и одежу. Фабричный рабочій, въ противность западному пролетаріату—совсѣмъ не представитель павловской голи. Еслибъ у того же самаго Артемія Ивановича Калякина помѣщеніе рабочихъ было попросторнѣе, съ нѣсколько ме́ньшей грязью и запущенностью, то ихъ участь была бы еще довольно сносна. Но коренныхъ павловцовъ въ такомъ значительномъ фабричномъ заведеніи, какъ калякинское, немного; остальные, какъ вы сейчасъ слышали, *деревенскіе*—даже совсѣмъ не горбатовцы, пришлые изъ сосѣдней губерніи.

Оффиціально, на фабрикѣ Калякина показывается, по крайней мѣрѣ, за 1875 годъ, восемьдесятъ человѣкъ рабочихъ, но я ихъ не нашелъ. На дворѣ, считая мастерскія и горны, врядъ ли работала и одна треть; остальные—на селѣ, хотя въ той же вѣдомости приведено еще двѣсти человѣкъ «на сторонѣ, смотря по потребности». Этимъ двумъ стамъ человѣкъ уже гораздо хуже, чѣмъ живущимъ на фабрикѣ. Цѣны ихъ низки, ниже павловскихъ. Эти рабочіе со стороны — крестьяне съ запашкой, съ деревенскимъ хозяйствомъ. Они могутъ довольствоваться ничтожной задѣльной платой и, разумѣется, своимъ соперничествомъ понижаютъ цѣны павловцамъ и сами перебиваются «съ хлѣба на квасъ», живя на собственныхъ харчахъ.

VII.

Вырыпаевскій кварталъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, фабрика Ѳедора Михайлова Вырыпаева была уже поставлена на широкую ногу. Тогда я за-

ѣхалъ къ хозяину съ однимъ изъ судебныхъ слѣдователей. Домъ былъ все тотъ же; только теперь выведенъ мезонинъ надъ вторымъ этажемъ, съ крытымъ балкономъ по всему фасаду. На старомъ павловскомъ становищѣ, гдѣ скучился мастеровой людъ, домъ Вырыпаева кажется настоящими палатами, хотя онъ на половину деревянный. Всякому мимо идущему кустарю эти хозяйскія хоромы говорятъ о возможности сколотить такую деньгу, которая бы дала силы на постройку не какой-нибудь немудрой избёнки, а двухъ-этажнаго дома съ мезониномъ и цѣлаго фабричнаго корпуса. Дѣло нелегкое! И нельзя этого добиться, даже начавши съ искусной работы, безъ особаго случая, а, главное, *безъ умѣнья выдвинуться впередъ*. Нельзя этого добиться, не превращаясь въ *хозяина*, то-есть въ такого мужика, который ставитъ свой барышъ выше мірской пользы.

Въ Павловѣ есть нѣсколько фамилій, повторяющихся очень часто въ разныхъ вѣдомостяхъ и спискахъ. Такова и фамилія Вырыпаевыхъ. Теперешній первый фабрикантъ, Ѳедоръ Михайловичъ, значащійся до сихъ поръ крестьяниномъ—самъ холостъ, хотя ему уже далеко за пятьдесятъ лѣтъ. Кромѣ его, есть еще хозяинъ заведенія, Иванъ Алферовъ Варыпаевъ. Есть и еще Вырыпаевы: племянники Ѳедора Михайлова. Съ однимъ изъ нихъ, Иваномъ Алексѣевымъ, онъ ведетъ свое фабричное дѣло. Начиналъ онъ съ замка̀, и теперешней своей спеціальностью—столовымъ и перочиннымъ ножемъ — никогда не занимался. Производство замка̀ наслѣдовалъ онъ, разумѣется, отъ отца и остался послѣ смерти его двѣнадцатилѣтнимъ ребёнкомъ. Замкомъ занимался онъ до 1848 г., а тамъ сталъ промышлять ножницами. Въ Нижнемъ, въ 1857 г., была губернская выставка, гдѣ его наградили серебряной медалью. Послѣ этого, онъ расширилъ дѣло и сталъ заниматься ножемъ столовымъ и перочиннымъ, и вообще всякимъ ножевымъ товаромъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и съумѣлъ отрекомендовать себя нетолько, какъ искуснаго и старательнаго фабриканта, но и какъ радѣтеля о мірской пользѣ... Теперь вырыпаевскія издѣлія идутъ всюду, и въ Петербургѣ ему удалось заручиться постоянными заказами отъ лучшихъ фабрикантовъ-серебрянниковъ: отъ Сазикова, отъ Кача и другихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ надумалъ также выдѣлывать хорошіе хирургическіе инструменты, выписалъ изъ Петербурга съ казеннаго инструментальнаго завода мастера Алексѣя Иванова Безналова, который у него пробылъ года три. Онъ уже и до того выдѣлывалъ на своей фабрикѣ медицинскіе инструменты, но по старымъ образцамъ. Еще когда я въ первый разъ былъ у Вы-

рыпаева, въ 1864 году, онъ показывалъ образцы выдѣланныхъ у него бистурьевъ и ланцетовъ, но сожалѣлъ о томъ, что нѣтъ у него настоящихъ «фасончиковъ». Выписка ученаго мастера, разумѣется, подняла дѣло, но не распространила его въ средѣ павловскихъ мастеровъ. Отъ этого выигрыла только репутація вырыпаевской фабрики; а павловскій замочникъ попрежнему остается самоучкой и будетъ ждать, покуда какой-нибудь благодѣтель со стороны дастъ ему возможность научиться дѣлать все, на что̀ только онъ способенъ по своей прирожденной подготовкѣ. Хозяинъ, хотя бы онъ вышелъ самъ изъ крестьянъ и мастеровъ, будетъ всегда поступать, какъ купецъ и промышленникъ, а не какъ членъ сельской общины, связанный духомъ солидарности. Онъ затратилъ деньги на выписку мастера, онъ и смотритъ на него, какъ на свою собственность, которую нужно превратить въ оброчную статью, и ужь, конечно, не позволитъ обучать всѣхъ и каждаго тонкостямъ, за которыя ему пойдутъ и награды, и заказы, и привилегіи.

Ѳедоръ Михайловичъ Вырыпаевъ, въ настоящее время, не занимаетъ никакого оффиціальнаго поста въ павловской общинѣ. Онъ не волостной старшина. Но сходъ облекъ его особаго рода почетнымъ званіемъ. Зовутъ его «выборнымъ». Оффиціальной власти онъ не имѣетъ никакой, но вліяніе его такъ сильно, что въ Павловѣ существуетъ уже цѣлый разрядъ мастеровъ-обывателей—членовъ волостного схода, которымъ дали, вѣроятно, не даромъ прозвище «вырыпаевцевъ». О нихъ еще будетъ рѣчь впереди. Съ двумя такими «вырыпаевцами» мнѣ уже удалось столкнуться на ярмаркѣ: въ Китайскомъ ряду и подъ Главнымъ Домомъ.

Проходя мимо «вырыпаевской усадьбы», вы сейчасъ же чувствуете, что тутъ живетъ настоящій тузъ села Павлова, хотя онъ не купецъ, не крупный скупщикъ и даже не волостной старшина. И отъ дома, и отъ фабрики, помѣщающейся на дворѣ, фасомъ къ воротамъ, вѣетъ чѣмъ-то строгимъ. Размѣры почтенные. Фабричный корпусъ смотритъ довольно хмуро. Вдоль всего фасада большая вывѣска. На дворѣ припасено нѣсколько саженъ дровъ. Дымовая труба показываетъ, что тутъ уже вступилъ въ свои права паръ, что кустарное производство уступило мѣсто механическому.

Хотя у Ѳедора Михайловича семейства своего нѣтъ, кромѣ племянниковъ, но занимаетъ онъ цѣлый домъ въ два съ половиной этажа. Второй этажъ и мезонинъ—его жилыя и пріемныя комнаты вмѣстѣ съ конторой. Я узналъ ту самую горницу, гдѣ онъ принималъ насъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Стѣны

стоятъ, какъ и тогда, не оштукатуренными. На нихъ развѣшаны дипломы и похвальные листы, полученные въ разные годы на русскихъ и всемірныхъ выставкахъ; между прочими красуется въ золотой оправѣ дипломъ на члена «Великобританской національной академіи» (по-англійски: National Academy of Great Britain instuted for promoting arts, manufactures, science, agriculture and commerce). И на парижской всемірной выставкѣ Өедоръ Михайловичъ получилъ бронзовую медаль. Налѣво отъ входа стоитъ высокій стеклянный шкафчикъ, гдѣ хранятся у него разныя реликвіи: тотъ молотокъ, которымъ покойный Наслѣдникъ ковалъ лезу, ножницы, и самая эта леза, перевязанная цвѣтными ленточками. Въ этой ковкѣ участвовалъ коваль-крестьянинъ Митеринъ. Съ 1863 года, фабрика Вырыпаева пошла еще ходче, и Өедору Михайловичу теперь уже, кажется, нѣчего желать какихъ-нибудь особенныхъ наградъ и дипломовъ. Конецъ жизни своей онъ можетъ посвятить (обезпечивъ себя матеріально) расширенію въ средѣ павловскихъ кустарей хорошихъ техническихъ навыковъ, превращеніемъ своей фабрики въ образцовую мастерскую, которая была бы впослѣдствіи достояніемъ общимъ. Но такой цивизмъ—дѣло трудное! Всего вѣроятнѣе, что фабрика перейдетъ, послѣ смерти Өедора Михайловича, къ его родственнику, участвующему уже въ фирмѣ, и фабричное хозяйство будетъ держаться на обыкновенныхъ торговыхъ порядкахъ.

Өедора Михайловича нашли мы за самоваромъ въ проходной комнатѣ съ самой незатѣйливой отдѣлкой. Первый павловскій фабрикантъ, хотя и продолжаетъ числиться крестьяниномъ, пріобрѣлъ уже теперь купеческую внѣшность. Сидѣлъ онъ въ драповомъ халатѣ. Волосы и небольшая борода бѣлокурые, съ чуть замѣтной просѣдью. Всѣмъ корпусомъ онъ пораздобрѣлъ; но говоръ у него такой же: тихій, отрывистый, взглядъ высматривающій. Павловскій выборный слыветъ за человѣка чрезвычайно молчаливаго, осторожнаго на слово, и, сколько я помню, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе. Я даже удивлялся, какъ такой тихенькій, невзрачный человѣкъ, не проявляющій ни особенной сметки, ни рѣчистости, могъ добиться, какъ фабрикантъ, самаго виднаго положенія. На этотъ разъ онъ оказался разговорчивѣе. Мнѣ кажется, наши московскіе «собиратели земли» должны были принадлежать немножко къ типу этого павловскаго «выборнаго». Они тоже потихоньку, да полегоньку округляли свои вотчины и клали руку на все, что только можно было притянуть къ Москвѣ. Одно только своеобразно и какъ бы даже не народно въ павловскомъ первостатейномъ

фабрикантѣ: онъ никогда не былъ женатъ и, кажется, собирается покончить дни свои внѣ брака. Притомъ, онъ вовсе не принадлежитъ къ какому-нибудь толку, отвергающему бракъ, какъ таинство, а, напротивъ, всегда отличался своей приверженностью къ церковному благолѣпію и состоялъ очень долгое время соборнымъ старостой.

Нашъ разговоръ пошелъ, конечно, все по тому же руслу: бытъ павловскихъ кустарей и средства поднять дѣло, освободить его хоть сколько-нибудь отъ зависимости, въ какую оно стало къ базарнымъ скупщикамъ. Я уже замѣтилъ, что съ фабрикантами на эту тэму бесѣдовать легко: имъ ничего не значитъ стать на сторону рабочаго, которому на фабричномъ заведеніи, если онъ только порядочный мастеръ, живется иной разъ не хуже, чѣмъ у себя дома. Правда, ему приходится проводить цѣлыя сутки въ грязной и душной мастерской, которая еще убійственнѣе дѣйствуетъ на его здоровье, по зато заработная плата у него меньше колеблется, да, вдобавокъ, онъ сидитъ на хозяйскихъ харчахъ. Рѣчь зашла и объ артели, а также и о двухъ павловскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ. Мой собесѣдникъ, повидимому, сочувствовалъ и тому, и другому дѣлу, но въ такихъ формахъ, что крайне трудно было бы сказать, какіе порядки считаетъ онъ самыми лучшими для того, чтобы поэнергичнѣе развить въ средѣ павловскихъ мастеровъ и духъ экономической солидарности, и лучшіе пріемы мастерства. Видно, что онъ человѣкъ очень бывалый, имѣющій доступъ и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ до разныхъ чиновныхъ особъ, что онъ съ ними не разъ говорилъ о нуждахъ павловскаго населенія; но все это облечено въ такія осторожныя и нерельефныя формы, что нѣтъ никакой возможности за что-нибудь схватиться и поставить вопросъ ребромъ. Подъ всѣми мнѣніями и соображеніями какъ будто бы сидитъ слѣдующая оговорка: «Мы люди благонамѣренные, тягости бѣднаго люда знаемъ; если начальство насъ о чемъ спрашиваетъ, готовы предстательствовать съ должной осторожностью; а, впрочемъ, наше дѣло сторона; пускай сами устроиваютъ свои дѣла, какъ знаютъ, на то и сходка, сельское общество, довѣренныя лица; они свою обязанность справляютъ и никому до этого дѣла нѣтъ».

Изъ второго этажа хозяинъ пригласилъ насъ подняться наверхъ въ мезонинъ, гдѣ мы прошли черезъ комнату, отдѣланную уже съ нѣкоторой изысканностью. Мнѣ бросились въ глаза мебель съ красной обивкой, цвѣтныя салфетки, литографіи, разныя вещицы. Вышли мы на террасу, откуда видъ еще лучше, чѣмъ съ того мѣста, гдѣ я впервые любовался селомъ Павло-

вымъ. Тутъ хозяинъ вспомнилъ разные эпизоды посѣщенія Павлова и сановными, и простыми смертными, между прочимъ, говорилъ о томъ, какъ онъ ходилъ по мастерскимъ и кузницамъ съ Николаемъ Филипповичемъ Лабзинымъ, жившимъ въ Павловѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью спеціальнаго изученія слесарнаго дѣла. На террасѣ было очень хорошо. Совершенно итальянское солнце обливало холмы и котловины, застроенные и сплошь, и въ разсыпную избами и каменными домами, залитые тамъ и сямъ зеленью съ обрывами овраговъ мѣдно-краснаго цвѣта. Пріятно въ послѣ-обѣденные часы посидѣть на такой вышкѣ человѣку, сознающему, что онъ — первый номеръ, хотя и не въ Римѣ, а въ своемъ селѣ! Лестно чувствовать себя выше, чѣмъ тысячи мелкихъ кустарей, которые въ это время трутъ свои замкѝ и постукиваютъ молотками, обливаясь пòтомъ и урывая у сна каждые полчаса, какъ бы только къ понедѣльнику отнести на базаръ лишній десятокъ товару и вернуться домой хоть съ какой-нибудь выручкой!

Хозяинъ повелъ насъ на фабрику. Прежде у него дѣйствовалъ конный приводъ для шлифовки или *лички*, выражаясь по павловски; а теперь у него поставлена паровая машина въ восемь силъ. Машина эта помѣщается очень тѣсно, такъ что около нея съ трудомъ можно пробраться. При ней какой-то немудрый машинистъ. Она теперь единственная во всемъ Павловѣ, и Вырыпаевъ пускаетъ къ себѣ на фабрику мастеровъ съ своими колесами (по павловски *чарками*) за плату рубля по полтора въ недѣлю. Эта личка паровымъ приводомъ происходитъ въ большомъ помѣщеніи, гдѣ стоитъ неумолкаемый гулъ и гдѣ уже васъ охватываетъ настоящая фабричная атмосфера. Тутъ вступилъ въ свои абсолютныя права паръ и мастеръ-кустарь превращается только въ подспорье механической силы. Шумъ такъ великъ, что говорить невозможно, не надрываясь. Вдоль стѣнъ передъ окнами сидятъ и стоятъ личельщики, нагнувшись надъ колесами. Это самая вредная павловская работа. Еще мокрая личка не такъ губительно дѣйствуетъ на легкія, но сухая ведетъ почти неминуемо къ чахоткѣ или къ хроническимъ каттаральнымъ страданіямъ. Стѣны на фабрикѣ не оштукатурены и окна такъ устроены, что зимой должна быть не малая сырость. Если выбирать между мастерской-избой и такимъ каменнымъ корпусомъ, то, конечно, въ избѣ лучше. Вы сейчасъ видите, что фабриканту, хотя онъ опять-таки вышелъ изъ крестьянъ, не вдомекъ, что можно было бы устроить свое заведеніе нѣсколько почище, повыгоднѣе для здоровья рабочихъ. И другія отдѣленія корпуса, гдѣ производится отдѣлка и пригонка ножей, ножницъ, бритвъ,

инструментовъ — тоже съ порядочной грязьцой. А между тѣмъ размѣры производства вырыпаевской фабрики очень значительные. Въ вѣдомости за 1875 годъ, находящейся у меня въ рукахъ, значится, что фабрика стóитъ десять тысячъ рублей; я позволяю себѣ въ этомъ усомниться; но еще курьёзнѣе то, что годовой ея ремонтъ показанъ въ двѣсти рублей. Если это справедливо, то говоритъ прямо о томъ, какъ и крестьяне-фабриканты совершенно по фабрикантски смотрятъ на житье-бытье своихъ рабочихъ. Этихъ рабочихъ на самой фабрикѣ Вырыпаева до семидесяти человѣкъ, а на сторонѣ, въ Павловѣ и въ окрестныхъ деревняхъ, до двухъ-сотъ человѣкъ. Оборотъ фабрики—до шестидесяти тысячъ руб. и въ томъ числѣ хирургическихъ инструментовъ продается слишкомъ на три тысячи. У Вырыпаева работается всякій ножевый товаръ: и столовые ножи, и лезвея безъ черенковъ, десертные, перочинные ножи, садовые, карманные, съ штопорами, охотничьи, поварскіе, кухонные, хлѣборѣзные. Кромѣ того, ножницы и хирургическіе инструменты.

— Вотъ не угодно ли-съ, показываетъ намъ хозяинъ образецъ своего ножеваго производства, въ видѣ хлѣборѣзнаго ножа съ кривой лезой и яшмовымъ черенкомъ.

Вещь прекрасно сдѣлана: чисто, изящно, съ идеальной полировкой нетолько самаго лезвея, но и такъ - называемаго «баланца».

— Позвольте вамъ въ знакъ памяти, говоритъ хозяинъ и подноситъ мнѣ ножъ.

Въ Павловѣ уклониться отъ этихъ подарковъ—очень трудно.

Сравните вы тонкую вырыпаевскую или калякинскую вещь съ тѣмъ, чтò въ томъ же родѣ производитъ Шеффильдъ, и вы безъ всякаго шовинизма сознàетесь, что эти павловскія издѣлія поспорятъ съ англійскими. Замѣтьте при этомъ, что «фасончиковъ» у павловскихъ мастеровъ почти-что нѣтъ, что они предоставлены самимъ себѣ и доходятъ до изящества работы путемъ саморазвитія.

Задѣльная плата у Вырыпаева повтореніе того же, что я нашелъ и у Калякина. Вы услышите отъ самаго хозяина, что онъ сообразуется съ своей собственной выгодой: кого ему есть разсчетъ держать на недѣльной платѣ, тому онъ даетъ жалованье, а коли ему это невыгодно, держитъ мастера на платѣ поштучно. Эта поштучная плата (объ ней еще будетъ ниже довольно большая рѣчь) разнообразится до множества оттѣнковъ и степеней, а въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ фабрикантъ ставитъ: «плачу, дескать, мастерамъ отъ двадцати пяти копеекъ до рубля въ день». Но рублевая плата, если не миѳъ, то достояніе одного,

много двухъ-трехъ мастеровъ. Средній мастеръ до сихъ поръ не выбьется изъ поштучной платы, дающей въ недѣлю отъ двухъ до трехъ рублей. Да и то замѣтьте, что на двухъ фабрикахъ, калякинской и вырыпаевской, гдѣ сосредоточилось ножевое производство, мастеровъ родомъ изъ Павлова—ничтожное меньшинство. Стало-быть, на поднятіе платы по коренному павловскому дѣлу, то-есть, по замку, эти обѣ фабрики имѣютъ очень мало вліянія. Паровая личельная, заведенная Вырыпаевымъ, конечно, подняла техническую сторону шлифовки, но онъ, какъ хозяинъ ея, затратившій капиталъ, не можетъ или не желаетъ сдѣлать пользованіе механической личкой болѣе дешевымъ. Еслибъ паровой приводъ сдѣлать общимъ достояніемъ павловскихъ мастеровъ, а вмѣсто замка научить половину ихъ другимъ производствамъ, тогда не было бы никакой надобности въ фабричныхъ заведеніяхъ, которыя рано или поздно произведутъ, вызовутъ къ жизни новый видъ антагонизма между трудомъ и капиталомъ.

VIII.

Внизъ по горѣ.

Путь мой лежалъ къ тому двору, гдѣ помѣщается правленіе «*Перваго* павловскаго ссудо-сберегательнаго товарищества». Еслибъ я шелъ одинъ, то врядъ ли бы попалъ туда прямо. Нетолько бабы и ребятишки, но и взрослые павловцы далеко не всѣ знаютъ, гдѣ помѣщаются оба товарищества. Спускались мы съ горы, обставленной очень тѣсно избами и избенками, все больше старыми. На половинѣ спуска, на встрѣчу попался прохожій страннаго вида. Это былъ малый лѣтъ 16—17, одѣтый по городски: въ картузѣ, въ какой-то цвѣтной потертой визиткѣ и въ цвѣтномъ же жилетѣ. Лицо у него улыбающееся, очень некрасивое, съ крупными губами и носомъ. Глаза закрыты. Идетъ онъ въ гору съ палкой и поднимается нѣсколько вбокъ, довольно скоро, но переставляетъ ноги на особый ладъ.

— Николаша! окликнулъ его мой спутникъ. На этотъ разъ я шелъ съ хозяиномъ моимъ, Семеномъ Михайловичемъ.

Малый остановился, вытянулъ шею въ ту сторону, откуда его окликнули и снялъ картузъ.

— Слѣпой онъ, пояснилъ мнѣ Семенъ Михайловичъ. — Вотъ, видишь, какъ расхаживаетъ. Такъ отъ рожденья. Хошь днемъ, хошь ночью, пройдетъ до церкви, ни обо что не спотыкнется. Куда идешь, Миколаша, къ собору, что ли?

— И дальше иду, отвѣтилъ слѣпецъ нѣсколько нараспѣвъ, продолжая улыбаться.

Я подошелъ къ нему поближе.

— Узнаёшь ли, кто говоритъ съ тобой? спросилъ я.

— Извѣстное дѣло.

У него было то характерное выраженіе, которое хранятъ вездѣ слѣпорожденные. Я задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ, желая узнать, какія представленія имѣетъ онъ о дѣйствительности. Отвѣчалъ онъ мнѣ не особенно бойко, но толково. Дневной свѣтъ онъ смутно видитъ или, лучше сказать, чувствуетъ его. Осязаніе развилось у него особенно въ ногахъ и въ общемъ мышечномъ чувствѣ.

— Все больше въ церкви, пояснялъ Семенъ Михайловичъ:— звонить—великій мастеръ. Миколаша, проведи-ка, милый, насъ на колокольню. Мы за тобой слѣдомъ пойдемъ.

— Ладно, пойдемте, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выговорилъ слѣпой и началъ подниматься по крутой улицѣ, немножко подгибая колѣна и держась довольно вѣрно лѣвой руки. На площадкѣ, передъ соборомъ, онъ повернулъ когда нужно было, подошелъ къ калиткѣ и вошелъ въ нее съ большой увѣренностью.

— Кажный камешекъ знаетъ, говорилъ Семенъ Михайловичъ:— вотъ сейчасъ на колокольню насъ поведетъ. Поди, узнай, что онъ не зрячій.

Мы шли слѣдомъ за нимъ. Онъ двигался ровной, довольно скорой поступью, безъ всякаго ощупыванія, поднялся на ступеньки старой колокольни, проникъ въ узкую дверку и сталъ подниматься дальше по каменной, крутой лѣсенкѣ на самый верхъ. Невольно припомнился мнѣ образъ Квазимодо, стоящаго подъ своими колоколами. Съ колокольни открывался опять прелестный видъ на Оку; а слѣпецъ только поводилъ вѣками, какъ бы ощущая яркое солнце, трепетавшее въ эту минуту на рѣчной зыби.

Также ловко и спустился Николаша съ колокольни и оставилъ насъ на площадкѣ съ тѣмъ безмятежнымъ спокойствіемъ слѣпоты, какое дается въ удѣлъ этимъ несчастнымъ. Онъ не обученъ слесарному дѣлу, хотя и могъ бы, конечно, дойти до порядочнаго мастерства, развивая свое осязаніе и мышечную ловкость. Народъ нашъ смотритъ на убогихъ иначе, чѣмъ мы...

Спускались мы опять по той же улицѣ. Былъ часъ одиннадцатый утра. Изо всѣхъ оконъ долетало гудѣніе подпилка и стукъ молотка. Въ одной старой, двухэтажной избѣ окна нижняго жилья упирались прямо въ землю. Я заглянулъ въ угловое окно и въ первый разъ мастерская кустаря встала предо мной цѣ-

ликомъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Изба была очень тѣсная, закоптѣлая, занята на одну треть печкой. Передъ окномъ на улицу помѣщался одинъ верстакъ, а другой лѣвѣе, тоже передъ окномъ, выходившимъ на дворъ. У перваго верстака сидѣлъ худой, высокій старикъ съ длинной бородой, въ очкахъ. Онъ поднялъ голову и, увидавши меня, поправилъ свои очки, а потомъ вздернулъ ихъ на лобъ.

— Тепленько, замѣтилъ я: — чай, и безъ рубашки-то пронимаетъ?

Онъ только кисло улыбнулся и взялся за подпилокъ.

У лѣваго верстака, также безъ рубашекъ, въ фартукахъ и съ ремнями вокругъ головы пилили и стучали два паренька. Одному было лѣтъ двѣнадцать, другому не больше четырнадцати.

— Это кто? спросилъ я, указывая на нихъ.

— Мнуки мои, откликнулся старикъ.—Только старъ, да младъ въ домѣ-то. Сыновей-то обоихъ Господь прибралъ.

Мальчики остановили немножко работу, но тотчасъ же опять застучали молотками.

Старикъ прикрикнулъ на нихъ.

— Болванье эдакое! Деревенщина, сударь. Людей-то совсѣмъ не видятъ... Вамъ не угодно ли на дворъ пожаловать?

На дворѣ стоялъ еще закоптѣлый и покосившійся сарайчикъ. Только что мы перешагнули порогъ калитки, изъ сарайчика выбѣжалъ мальчикъ, лѣтъ восьми, никакъ не больше. Онъ былъ босой, въ пестрядинныхъ штанишкахъ, въ фартукѣ и безъ рубашки. Бѣлокурая его голова такъ и искрилась на солнцѣ. Щеки еще дѣтски цвѣли и покрыты были веселыми ямочками. Хорошенькіе сѣрые глазки изумленно смотрѣли на меня. Все тѣло отливало розовыми тонами и не потеряло еще своей дѣтской округлости. Рученки были уже испачканы желѣзной пылью и углемъ. Видно было, что онъ выскочилъ прямо изъ-за верстака, что онъ умѣетъ уже дѣйствовать и пилой, и молоткомъ.

— Который тебѣ годъ? спросилъ я.

— Восьмой ему годъ, раздался голосъ дѣдушки изъ избы.

— Что̀ дѣлаешь? обратился я къ мальчику, подойдя къ нему ближе.

Онъ ласково вскинулъ на меня глазами и немножко смѣшливо отвѣчалъ:

— Работа̀ю.

— Сегодня рано всталъ?

— Мы не знаемъ.

— Да до свѣту, что̀ ли, или ужь когда разсвѣло?

— До свѣту.

— А какой ты замокъ работаешь?

— Тульскій, уже болѣе стыдливо и тише выговорилъ мальчуганъ.

Фактъ былъ на лицо. Этотъ маленькій «херувимъ» обреченъ уже былъ на шестнадцатичасовой трудъ до гробовой доски. Теперь онъ еще тѣшится, но не пройдетъ двухъ-трехъ лѣтъ, и его пухленькія щеки впадутъ, грудь вдавится, ребра будутъ видны, какъ у его старшихъ братьевъ. Хорошо еще, если дѣдушка отдастъ на годъ—на другой, въ школу, гдѣ онъ хоть немножко отдохнетъ отъ постояннаго пиленія и желѣзной пыли, отъ смрада и копоти душной мастерской.

Правда, есть и въ Павловѣ баловни судьбы между дѣтьми. Дѣвочекъ еще жалѣютъ, а мальчишки въ семьяхъ побогаче становятся за работу уже отроками. Не дальше, какъ черезъ нѣсколько дворовъ къ низу, по той же улицѣ, мы натолкнулись на толпу ребятишекъ въ цвѣтныхъ рубахахъ и сарафанахъ. Они съ визгомъ и крикомъ провожали въ гору какихъ-то двухъ всадниковъ. Одинъ былъ одѣтъ черкесомъ, другой чортомъ; на обоихъ надѣты маски. Лошади подъ ними маленькія. Такой маскарадъ, среди бѣла дня, лѣтомъ, отзывался чѣмъ-то совершенно непривычнымъ.

— Это у насъ Фрола и Лавра справляютъ, объяснилъ мнѣ Семенъ Михайловичъ.

Одинъ изъ ряженыхъ махалъ саблей и выкрикивалъ разныя прибаутки съ очень нецензурными словами; но крестьянскимъ дѣтямъ и дома приходится постоянно слышать всевозможныя ругательства. Послѣ моего маленькаго херувима въ фартукѣ пріятно было все-таки смотрѣть на толпу дѣтей, которымъ можно бѣгать, кричать, драться, ходить колесомъ. Замѣтилъ я также, что всѣ эти дѣти были нарядно одѣты.

— У насъ вѣдь все такъ, говорилъ мнѣ мой спутникъ:—хлѣба нѣтъ, а бабъ да ребятъ разодѣть—это первымъ дѣломъ; особливо ужь женскій полъ.

— Да вѣдь у васъ женщины тоже за верстакомъ?

— И—и, много-ль ихъ за верстакъ ставятъ! Это ужь у самыхъ бѣдненькихъ, а чуть только хошь мало-мальски кто концы съ концами сводитъ, ужь ея не засадишь за работу-то. Она наровитъ сейчасъ въ бѣлоручки: капоты всякіе, да кацавейки, да пальты пойдутъ. Больно у насъ манежится женскій полъ. Какъ праздникъ, такъ сейчасъ расфуфырятся и начнутъ другъ передъ дружкой хвостъ распускать; вонъ тамъ на гуляньи, на Троицкой Горѣ. Такъ вотъ и дѣвчонокъ-то начинаютъ водить. Да и рабо-

та-то какая-жь бабья! Черной красочкой вотъ шведскіе-то замки смазываютъ, да глянщицы есть малость, а то на мѣденькихъ-то замочкахъ выводятъ узоры не пущіе—писальщицы у насъ называются. Вотъ и вся бабья работа.

— А гдѣ бѣдность—настоящая?

— Да у насъ теперь и вездѣ поди бѣдность. Которая семья строгая, тамъ и дѣвку за верстакъ ставятъ.

Мы опять поднялись въ гору на улицу, гдѣ помѣщается правленіе перваго товарищества. Я призналъ ее; я шелъ туда уже не въ первый разъ.

IX.

Разговоръ по душѣ.

На одной изъ старыхъ павловскихъ улицъ, недалеко отъ собора стоитъ двухэтажная изба, довольно опрятнаго вида. Въ промежуткѣ, между окнами перваго и втораго жилья, прибита самодѣльная вывѣска: «Первое павловское ссудо-сберегательное товарищество». Оно помѣщается у одного изъ членовъ правленія, мастера Алексѣя Михайлова Хворова. Эта фамилія скоро совсѣмъ вымретъ; а она прославилась такимъ производствомъ, которое лучше всякихъ ученыхъ доводовъ показываетъ, до чего нуждающійся человѣкъ можетъ дойти въ эксплуатированіи своего собственнаго труда. Еще недавно у хозяина квартиры, гдѣ помѣстилось правленіе перваго товарищества, былъ живъ братъ—Михаилъ Хворовъ. Онъ одинъ въ Павловѣ умѣлъ дѣлать самые «махотные» замочки. Навѣрно, многіе видали, если не въ послѣднее время, то въ дѣтствѣ своемъ, крошечные брелоки въ видѣ замочковъ, съ настоящимъ устройствомъ замка, съ ключемъ и всѣми другими частями. Изъ этихъ замочковъ составляли даже цѣпочки, до такой степени мелки были они. Мастеръ Михаилъ Хворовъ, достигшій великой вертуозности въ этомъ игрушечномъ ремеслѣ, не самъ выдумалъ его, а перенялъ по наслѣдству. Прежде, когда барство было съ бо́льшими средствами и бо́льшими затѣями, такой товаръ находилъ себѣ сбытъ и микроскопическими замочками занимались нѣсколько мастеровъ. Иные дѣлали три замка на золотникъ, другіе пять и десять, что составляетъ уже чудовищно-малый размѣръ; покойный Михаилъ Хворовъ доходилъ до того, что дѣлалъ *двадцать пять замочковъ на одинъ золотникъ;* по крайней мѣрѣ, таковы легендарныя сказанія и даже свидѣтельство его брата. Этакихъ замоч-

ковъ я уже не держалъ въ рукахъ, но очень маленькими, требующими убійственной траты зрѣнія и кропотливости почти ювелирной работы, занимается до сихъ поръ еще, но уже больше по привычкѣ, чѣмъ по настоящей потребности, и Алексѣй Хворовъ. Сообразите: если изъ золотника металла сдѣлать отъ руки и пять замочковъ, изъ которыхъ каждый разнимается на такія же части, какъ и большой, то и для этой работы необходима огромная кропотливость и она представляетъ собою блистательный видъ непроизводительности, до которой можетъ дойти народный трудъ. Мало того, что замочки эти дѣлаются отъ руки, но имъ надо придать еще красивую форму, отдѣлать разныя ихъ части разнымъ металломъ, добиться того, чтобы каждый изъ нихъ отпирался и запирался какъ слѣдуетъ. И какая же цѣна такому замочку? Много, много пятнадцать копеекъ, а то и десять. Легендарный мастеръ Михаилъ Хворовъ потерялъ здоровье на этой египетской работѣ, умеръ преждевременно и вмѣстѣ съ нимъ сошло въ могилу и умѣнье дѣлать изъ одного золотника двадцать пять игрушечекъ, теперь уже ненужныхъ и франтамъ, съ тѣхъ поръ, какъ перестали вѣшать на часовую цѣпочку массу брелоковъ.

Войдя въ калитку, мы заглянули сначала въ нижнее жилье, гдѣ нестарая еще женщина, жена Алексѣя Хворова, сказала намъ, что хозяинъ на дворѣ, и попросила наверхъ. Домъ держится чистенько, лѣстница и весь ходъ во второй этажъ напоминаютъ мѣщанскіе домики въ городахъ. Большая горница, занимающая весь передній фасъ на улицу, похожа на контору стѣны чистыя; на одномъ простѣнкѣ виситъ почему-то литографированный портретъ послѣдняго помѣщика села Павлова, графа Д. Н. Шереметева; также въ рамкѣ виситъ и бланкъ за подписью секретаря петербургской комиссіи по ссудо-сберегательнымъ товариществамъ. Налѣво отъ входа, вдоль стѣны, большой сундукъ, въ правомъ углу, ближе къ переднимъ окнамъ, столъ съ кой-какими книгами и листами бумаги.

Первымъ пришелъ хозяинъ квартиры. Остальные два члена правленія явились позднѣе. Братъ знаменитаго Михаила Хворова, Алексѣй Михайловъ, хотя и унаслѣдовалъ спеціальность мелкихъ замочковъ, но самъ выучился часовому дѣлу, занимается постоянно чинкой стѣнныхъ и даже карманныхъ часовъ и можетъ и по слесарному дѣлу приладить многое, что̀ только поддается немудрому ручному инструменту на простомъ павловскомъ верстакѣ. Это—типичный представитель той ранней болѣзненности, какую павловскій кустарь пріобрѣтаетъ незамѣтно и неизбѣжно, если только онъ не родится богатыремъ. Никогда

не забудешь этихъ сгорбленныхъ фигуръ съ впалой или на особый ладъ выпяченный грудью, съ нетвердой походкой, съ лицомъ, хранящимъ всегда лихорадочный оттѣнокъ, особливо въ глазахъ. Право, любой городской житель и не повѣрилъ бы, что привычка къ постоянному труду можетъ болѣзненныхъ и даже просто больныхъ людей поддерживать до такой степени. Въ мастерахъ, въ родѣ Алексѣя Хворова, жива одна лишь нервная система: мозгъ и высшіе органы чувствъ. Удивляешься даже, чѣмъ они дышатъ: навѣрно, у нихъ одно легкое въ недочетѣ. А они нетолько дышатъ, но и сидятъ цѣлый день за верстакомъ и даже справляютъ общественныя должности.

Мы сѣли къ столу и разговорились о дѣлахъ товарищества. Алексѣй Михайловъ изъ такихъ павловцевъ, которые значительно уже отошли въ своемъ говорѣ отъ кореннаго склада мѣстной рѣчи. Они охотно и свободно употребляютъ слова изъ чиновничьяго и конторскаго языка, произнося ихъ съ своеобразнымъ удареніемъ; такъ напр., слово процѐнтъ превращается у нихъ въ «прòцентъ». Да и вообще павловецъ долженъ быть склоненъ ко всякаго рода умственной и даже книжной работѣ, потому что онъ лишенъ удовлетворенія многихъ инстинктивныхъ потребностей. Онъ почти не знаетъ природы, не живетъ съ ней общею жизнью, запертъ въ избѣ и за верстакомъ; если онъ только не бездаренъ, онъ долженъ гораздо больше думать, чѣмъ землепашецъ. Въ самомъ началѣ нашего разговора о количествѣ членовъ товарищества, вошелъ молодой малый, одѣтый уже совсѣмъ по-городски. Вы бы его приняли, пожалуй, за петербургскаго ремесленника или служителя въ номерахъ. На немъ была надѣта коричневая визитка, цвѣтной жилетъ и цвѣтные панталоны; только не хватало галстуха. Но рубашка была ситцевая, чистая, сшитая уже не по-крестьянски; съ головы снялъ онъ фуражку также совершенно городскаго покроя. Бороду онъ брилъ и волосы были подстрижены.

— А вотъ онъ у насъ, указалъ мнѣ на него Алексѣй Михайловъ:—занимается всѣмъ письмоводствомъ.

— Тоже членъ правленія? спросилъ я.

— Такъ точно, отвѣтилъ вошедшій и искоса посмотрѣлъ на меня.

Еслибъ я не зналъ, что онъ долженъ быть мастеръ, какъ членъ товарищества, гдѣ принимаются только мастера, я бы его принялъ за вольнонаемнаго писаря и пожалуй даже за какого-нибудь бывшаго приказнаго.

— Вотъ бы мнѣ что хотѣлось, продолжалъ я, обращаясь къ нимъ обоимъ:—узнать, сколько у васъ примѣрно членовъ, рабо-

тающихъ на тысячу рублей въ годъ, и такихъ, у которыхъ оборотъ рублей на шестьсотъ и менѣе, то-есть уже самыхъ плохенькихъ?

Членъ, одѣтый по-нѣмецки, подошелъ поближе къ столу и откашлявшись выговорилъ, опуская глаза:

— Позвольте узнать: вы насъ по должности объ этомъ изволите спрашивать?

— Нѣтъ, успокоилъ я его.—Никакой должности я не занимаю, а просто хочется мнѣ узнать, какъ идетъ ваше дѣло; я его считаю хорошимъ и вотъ пришелъ къ вамъ прямо потолковать по душѣ.

— А коли по душѣ, такъ у насъ совершенно другой разговоръ будетъ, наивно замѣтилъ онъ и тотчасъ же присѣлъ къ столу.

Въ такомъ вопросѣ нѣтъ ничего удивительнаго. У насъ наѣзжаютъ, хотя бы и въ самыя бойкія деревенскія мѣста, почти что одни чиновники. «Господъ», являющихся по доброй волѣ пожить съ мужиками, потолковать, поразузнать кое-что, до сихъ поръ приводится имъ видѣть, какъ диковинку. Да и въ нихъ-то деревенскій житель подозрѣваетъ фальшь, передѣлъ, желаніе замаскировать настоящую цѣль своей поѣздки. Отчетность у ссудо-сберегательнаго товарищества самая нестѣснительная; а все-таки есть какое-то начальство, которому надо посылать свой годовой балансъ. Отчеты эти, конечно, никогда не указываютъ на суть дѣла, но все-таки нужно ихъ написать такъ, чтобы тамъ въ Петербургѣ были довольны...

Грамотѣя въ нѣмецкомъ платьѣ я старался окончательно успокоить и онъ тотчасъ же досталъ мнѣ книги и далъ копію съ отчета за истекшій годъ. Тѣмъ временемъ подошелъ и третій членъ правленія, молодой черноватый малый въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, тоже не имѣющій уже деревенскаго типа, съ мягкимъ голосомъ и улыбающимися глазами. Несмотря на свою худощавость и совсѣмъ не атлетическій видъ, онъ оказался по ремеслу коваль—«изъ погорѣльцевъ» (какъ называютъ теперь себя многіе павловцы, пострадавшіе отъ пожара 1872 года). Фамилія его Крячковъ, а грамотѣя, брѣющаго бороду, зовутъ Цвѣтовъ.

Дѣйствительность и бумага—двѣ разныя вещи. Возьмите вы въ руки печатный бланкъ, какіе раздаются крестьянскимъ ссудосберегательнымъ товариществамъ, и вамъ покажется, что это отчетъ какого-нибудь важнаго чиновничьяго учрежденія. Все такъ хорошо росписано, на все рубрики, цифры, года и титулы. Вы читаете: предсѣдатель совѣта: Михаилъ Рыженьковъ. Члены со-

вѣта: Алексѣй Буслаевъ, Василій Иванковъ, Михаилъ Вырыпаевъ, Иванъ Махонинъ, Ѳедоръ Рыженьковъ. Члены правленія: Алексѣй Хворовъ, Николай Цвѣтовъ, Николай Крячковъ. А сидите вы тутъ, толкуете съ этими членами правленія и вамъ кажется страннымъ: какъ это они могутъ справляться со всѣми этими рубриками, удерживать «прбценты», своевременно заносить въ книги разныя статьи расхода и на паи, и въ запасный капиталъ, и на проценты но ссудамъ, уплаченнымъ до срока и т. д., и т. д. А цифры вездѣ стоятъ и дѣло идетъ, если вѣрить и устнымъ показаніямъ, и отчету. Товарищество разрѣшено 3-го августа 1872 года, открыто 3-го сентября того же года, а въ прошломъ году въ немъ было уже двѣсти пять членовъ; въ теченіи 1875 года поступило еще больше десятка и столько же вышло или, лучше сказать, было удалено за неуплату въ сроки взносовъ и долговыхъ обязательствъ. Взносить надо двадцать пять копеекъ въ недѣлю, чтобы составился цѣлый пай въ пятьдесятъ рублей; но и это дѣло не легкое. Кто знаетъ павловскіе порядки, не удивится тому, что и хорошій мастеръ изъ базарной своей выручки иной разъ не найдетъ и лишняго четвертака, чтобы снести въ товарищество; ну, а о томъ, что пропьется, и говорить нечего. Когда все это сообразишь, такъ, право, еще удивительно, какъ и на бумагѣ значится къ первому января 1876 года паеваго капитала около семи съ половиной тысячъ рублей; изъ двухсотъ членовъ одна восьмая уже внесли полные паи.

— Ну, а основной капиталъ? спрашиваю я у моихъ новыхъ знакомыхъ, когда уже мы достаточно покалякали.

— Вотъ, видите ли, стали они мнѣ объяснять по очереди:— въ тѣ поры, когда выхлопотана намъ была ссуда, всего на восемнадцать тысячъ рублей, мы такъ положили, что этихъ денегъ намъ черезчуръ довольно и взяли только десять тысячъ, а теперь приходится и пожаться. Желающіе есть поступить въ члены, а мы принимать затрудняемся.

— Почему такъ?

— Да потому, что не изъ чего производить ссудъ. Вѣдь всякій наровитъ четвертакъ внести, а двадцать пять рублей взять, а мы ужь и теперича въ затрудненіе приходимъ. Вотъ, еслибъ остальныя-то восемь тысячекъ намъ разрѣшили, тогда бы и еще такое же количество членовъ—милости прочимъ.

— Теперь ужь тю-тю! замѣтилъ одинъ изъ членовъ:—локоть-то не укусишь.

Эти восемь тысячъ, по всей вѣроятности, гдѣ-нибудь лежатъ, разъ предназначенныя на извѣстное пособіе; но врядъ ли скоро прильются они въ павловское товарищество: теперь времена

тугія. Русскій человѣкъ, нѣсколько крѣпкій такъ называемымъ заднимъ умомъ, по крайней мѣрѣ, не упорствуетъ и тотчасъ же сознается въ своемъ промахѣ, какъ только жизнь укажетъ ему, гдѣ и какъ онъ промахнулся. Занятыя деньги — десять тысячъ рублей безъ пятидесяти (въ отчетѣ значится 9,950), разумѣется, всѣ розданы по рукамъ, какъ иначе и быть не можетъ, а расширить товарищество только и можно, увеличивши заемъ. Такъ называемаго запаснаго капитала значится всего какихъ-нибудь 250 рублей. Въ теченіи года, возьмемъ хоть 1875, всѣ деньги товарищества, т. е. и ссуда въ десять тысячъ рублей, и членскіе паи, что̀ составитъ уже подъ восемнадцать тысячъ, такъ часто переходили изъ рукъ въ руки, что двумъ стамъ членамъ пришлось, въ разное время, выдать семьдесятъ шесть тысячъ рублей. Это уже одно показываетъ, какъ велика нужда у всѣхъ пайщиковъ. Мнѣ говорили даже (но не члены правленія), что и отдача-то займовъ происходитъ часто такимъ образомъ: мастеръ долженъ десять или пятнадцать рублей, подходитъ срокъ, онъ занимаетъ ихъ, чтобы внести и сейчасъ же взять бо̀льшую ссуду. Такіе члены постоянно перебиваются и ихъ двадцатипятикопеечные вклады только номинально увеличиваютъ достояніе товарищества, а въ сущности ведутъ къ обману и злоупотребленію кредитомъ. Но даже и при такихъ тайныхъ порядкахъ въ теченіи одного года произошло всего одно взысканіе съ имущества члена и нѣсколько другихъ съ паевъ на сумму, не превышающую трехсотъ рублей. Не мало по крестьянскимъ деньгамъ сто̀итъ и управленіе. Квартира всего пять рублей въ мѣсяцъ; хотя она и не очень помѣстительна, напримѣръ, для общихъ собраній, но все-таки сто̀итъ своихъ денегъ, даже и въ деревнѣ; но содержаніе служащихъ поднимается до цифры семи сотъ десяти рублей; на канцелярскія вещи расходуется до семидесяти рублей, а это превышаетъ стоимость квартиры.

Я повторилъ еще разъ мое желаніе узнать пообстоятельнѣе, сколько въ товариществѣ мастеровъ съ хорошимъ общимъ заработкомъ, сколько среднихъ и совсѣмъ плохихъ. Достали книгу съ поименнымъ спискомъ всѣхъ членовъ. Я началъ читать вслухъ. Члены правленія дѣлали свои замѣчанія. Такъ перебрали мы этотъ списокъ до трехъ разъ, для каждой групы особенно. Въ первой групѣ, гдѣ у кустарнаго мастера производство даетъ въ годъ валоваго дохода до тысячи рублей, оказалось, по ихъ отзывамъ, слишкомъ сорокъ человѣкъ; во второй, съ производствомъ до семи сотъ рублей — человѣкъ семьдесятъ и такое же число въ третьей групѣ, гдѣ производство колеблется между 180 и 250 рублями.

— А какъ прожить имъ въ недѣлю?

— Да вотъ-съ, отвѣчали они также въ перебивку, одинъ послѣ другого:—возьмемъ мы мастера, у котораго маленькое заведеньице есть, такъ что на тысячу рублей оборотъ имѣетъ. Матеріалу ему надобно рублей на десять, провизіи не меньше того, вотъ ужь и до двадцати рублей дошло. А окромя этого расходы еще годовые есть; повинностей онъ справитъ навѣрняка рублей до пятнадцати, да платья сноситъ съ семействомъ-то не меньше того. Кто поплоше, одного, а много двухъ работниковъ держитъ, у того на матеріалъ клади рубля четыре, провизіи на шесть рублей безпремѣнно, да въ годъ у него сойдетъ повинностей рублей на десять, да платья на пятнадцать; а ужь кто одинъ-то перебивается, безъ работника, и у того расходу въ недѣлю на пять рублей какъ пить дать, и ему платье-то тоже нужно, а повинностей меньше шести рублей ни подъ какимъ видомъ. Вотъ какой разсчетъ!

Тутъ, за столомъ съ книгами и бланками, зашла у меня впервые рѣчь о скупщикахъ. Выгораживать ихъ никто изъ моихъ собесѣдниковъ не сталъ, хотя каждый изъ нихъ мастеръ исправный, въ добавокъ получаютъ жалованье; стало быть, имѣютъ какую-нибудь возможность бороться съ базарными порядками. Они очень хорошо понимаютъ, что только товарищества могутъ, въ извѣстной степени, избавлять павловскаго кустаря отъ безусловнаго произвола скупщиковъ; но для теперешней массы рабочаго павловскаго люда, особливо при склонности къ чаркѣ, базарные порядки—безъисходное зло.

— Да вотъ вамъ-съ, началъ мнѣ высчитывать одинъ изъ членовъ:—не угодно ли взять хоть какой ни на есть продуктъ (онъ вообще говорилъ учеными словами). Примѣрно, мукà ржаная на базарѣ 70 коп. пудъ, у скупщиковъ девять гривенъ; пшеничная полтора цѣлковыхъ, у скупщиковъ два рубля, на соли по малой мѣрѣ копейка съ фунта накинута; солонина говяжья съ двухъ-то рублей на два рубля тридцать поднимается, а баранью скупщикъ тебѣ ставитъ въ полтора рубля, а отъ нея смердящій духъ идетъ; на базарѣ бараньей солонинѣ самой лучшей—рубль десять копеекъ цѣна. Такимъ же точно манеромъ и матеріалъ. На желтой мѣди гривенникъ накинутъ съ каждаго фунта, желѣзо рѣзное вмѣсто двухъ-то рублей десяти копеекъ—три рубля...

— А ужь пуще всего, добавилъ другой членъ, чаемъ донимаютъ.

— Чаемъ?

— Первымъ дѣломъ. Есть такіе, что больше одной трети

деньгами не платятъ. Придетъ къ нему мужичекъ-то совсѣмъ незрящій, и безъ того впроголодь сидитъ, а онъ ему полтину денегъ, да полфунта чаю. А тому не то что чаю, а и солонинкой-то, такъ и то не изъ чего продовольствовать себя. Ну, тутъ этотъ самый чай и спуститъ кому-нибудь за треть цѣны. Въ лавкѣ-то фунтъ чаю — цѣна рубль двадцать копеекъ, а скупщикъ ставитъ его въ два рубля. Да и то еще хорошо, коли чаемъ, а то такъ чѣмъ ни на есть, что у него въ лавкѣ залежалось.

— Ну, правда, замѣтилъ еще третій членъ:—есть и между скупщиками такіе, что на чистыя деньги покупаютъ или много одну треть товаромъ.

Все это говорилось обычнымъ добродушнымъ тономъ, безъ той грозной или ожесточенной мимики, которая появляется сейчасъ у западнаго пролетарія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ борьба капитала съ трудомъ дошла до крайнихъ предѣловъ. А между тѣмъ, эта борьба, перемѣстившись въ Павловѣ изъ фабрики на базаръ, имѣетъ, какъ видите, самую безсовѣстную форму, да вдобавокъ скупщики изъ самыхъ злостныхъ—тѣ же павловскіе крестьяне; большинство изъ нихъ даже не выписалось въ купцы. Быть можетъ, десять-двадцать лѣтъ тому назадъ, они сами или ихъ отцы промышляли замкомъ, тянули туже безъисходную трудовую лямку, а теперь, разжившись, и знать не хотятъ про свое крестьянское происхожденіе и нахально заставляютъ кустаря, простоявшаго каждый день по шестнадцати часовъ у верстака, отдавать имъ нѣсколько десятковъ замковъ за полтину денегъ, полпуда вонючей баранины и полфунта чаю.

Мнѣ хотѣлось также, благо случились тутъ три мастера по разнымъ отраслямъ павловскаго ремесла, отъ нихъ, какъ отъ состоятельныхъ кустарей, узнать дѣйствительныя среднія цѣны заработковъ въ недѣлю. Въ Павловѣ слишкомъ пятнадцать разныхъ видовъ мастерства; изъ нихъ нѣкоторые совершенно мужскіе, другіе смѣшанные, третьи исключительно женскіе. Такихъ женскихъ видовъ труда два: писальщицы, т. е. занимающіяся наружной рѣзьбой мѣдныхъ замковъ, и покрывальщицы большихъ и среднихъ желѣзныхъ замковъ (тульскаго и шведскаго) черной краской. Ихъ заработокъ ничтожный, около рубля въ недѣлю на своихъ харчахъ. Самый тяжолый, но и самый выгодный заработокъ *ковалей*, выковывающихъ лезы ножницъ и ножей. Они на своихъ харчахъ имѣютъ отъ четырехъ до двадцати рублей въ недѣлю. На хозяйскихъ харчахъ въ заведеніяхъ и на фабрикахъ сидятъ обыкновенно покрывальщики, рѣзчики, правильщики, отдѣлывальщики, литейщики, подгонщики и че-

ренщики. Имъ всѣмъ плата отъ полутора до двухъ рублей, много два съ полтиной. Личатъ, то есть шлифуютъ, обыкновенно на своихъ харчахъ, съ платежемъ за машину рубля пятидесяти копеекъ. Они могутъ получать въ недѣлю до десяти рублей. Паяльщики на своихъ харчахъ получатъ до четырехъ.

И выходитъ, значитъ, «сказка про бѣлаго быка»; только въ самыхъ трудныхъ видахъ мастерства: въ кузнечномъ или въ дѣланіи секретныхъ замковъ, можетъ павловскій мастеръ добиться задѣльной платы, которая оставляетъ ему, за вычетомъ матеріала и харчей, отъ рубля до трехъ въ недѣлю; остальные сводятся къ одному и тому же: или два рубля на хозяйскихъ, или четыре рубля на своихъ харчахъ. Вотъ эти-то мастера и составляютъ третью групу въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ. Они еще все-таки сводятъ концы съ концами. Тѣ же, кто стоитъ ниже ихъ—въ неоплатномъ долгу: стало быть, нечего имъ и мечтать о рублевомъ мѣсячномъ взносѣ, хотя бы онъ и былъ разбитъ на четвертаки.

Время подошло къ обѣду. Мастеръ Цвѣтовъ, увѣровавши въ то, что я не облеченъ никакой ни явной, ни тайной чиновничьей инструкціей, попросилъ меня посѣтить семейство его отца и зайти къ нему самому. Уходя, я заглянулъ и въ мастерскую хозяина — Алексѣя Хворова, помѣщавшуюся въ нижнемъ жильѣ. Горница была вся увѣшана стѣнными и деревянными часами и на верстакѣ лежало не мало всякой всячины для починки и разборки. Я купилъ нѣсколько маленькихъ замочковъ, какіе случились у хозяина, и сообщилъ ему все то, что мнѣ привелось и слышать, и даже читать въ печати объ изумительномъ искуствѣ его покойнаго брата.

— Теперь ужъ дѣло это сгинуло въ Павловѣ. Только вотъ я иной разъ побалуюсь, замѣтилъ онъ и закашлялся.

X.

Даровитое семейство.

Дѣлопроизводитель перваго товарищества, мастеръ Николай Цвѣтовъ, еще разъ попросилъ меня посѣтить его «родителя», а потомъ, если у меня достанетъ времени, зайти и къ нему. Мы шли втроемъ по одной изъ старыхъ улицъ Павлова. Разговоръ вертѣлся, разумѣется, около общественныхъ дѣлъ. Мои собесѣдники стали говорить гораздо тише, съ нѣкоторой огдядкой. Тутъ уже не въ первый разъ я замѣтилъ, что въ Павловѣ су-

ществуютъ отчасти нравы старой Венеціанской республики, и едвали не одинъ только мой бурный «жирондистъ», Николай Петровичъ С—нъ даетъ волю своему зычному голосу, да и то на нѣкоротыхъ пунктахъ Павлова значительно понижалъ его. Стало быть, существуетъ несомнѣнное шпіонство; оно поддерживается тѣмъ, что дѣла сельской общины находятся въ рукахъ одной кучки или, лучше сказать, одного человѣка съ его агентами...

Домъ семьи Цвѣтовыхъ—двухъ-этажная изба—оказался въ той же мѣстности. Мы застали всю семью въ сборѣ и отчасти за работой. Старикъ—очень бойкая личность, крѣпкій, подвижный и рѣчистый. Въ немъ сразу можно распознать особенную черту талантливости, которая проявляется въ народныхъ типахъ рѣзче, чѣмъ въ нашей средѣ. Онъ видимо былъ возбужденъ моимъ посѣщеніемъ и сталъ разсказывать мнѣ про свое умѣнье, а также и про талантъ сына, живущаго при немъ.

— Вотъ счастья хотимъ попытать, къ Макарію съѣздить; наготовили малую толику замочковъ.

Я ожидалъ увидѣть груду обыкновеннаго павловскаго товара, но на листѣ сѣрой бумаги разложено было не больше дюжины замковъ очень крупнаго размѣра, только-что подкрашенные со свѣжей шлифовкой.

— Это вотъ у меня все сынокъ мастеритъ, продолжалъ расходившійся старикъ.

Искусникъ-сынъ скромно улыбнулся. Въ его посадкѣ, глазахъ, общемъ складѣ лица было тоже что-то несомнѣнно талантливое.

— Секретомъ занимается, объяснилъ мнѣ Николай Цвѣтовъ.

Я взялъ въ руки одинъ изъ замковъ, очень крупныхъ размѣровъ, въ нѣсколько фунтовъ, отчетливой, нарядной отдѣлки, по формѣ принадлежащій къ тому сорту, который называется «тульскимъ», то есть цилиндрическій поперечный замокъ съ полукруглой дугой. Скважина для ключа была прикрыта задвижкой. Въ этой-то задвижкѣ и заключался секретъ.

— Ну-ка, отопри, попросилъ я искусника.

Онъ надавилъ прикрышку съ одной стороны и отвернулъ ее.

— И въ отмычкѣ я штуку придумалъ, проговорилъ онъ глуховатымъ голосомъ. Глаза его заблестѣли и онъ съ особымъ удовольствіемъ сталъ вставлять ключъ и объяснять, сколько поворотовъ нужно сдѣлать, чтобы совершенно отперетъ замокъ.

— Какая же цѣна этому замку? спросилъ я.

— Да рубликовъ на шесть штука. Вѣдь за такимъ замкомъ

всю недѣлю провозишься, а то и восемь дёнъ. Вонъ этотъ хошь и полегче, а съ нимъ возни-то еще больше.

— И каждый замокъ отпирается по своему?

— Кажный какъ есть, отвѣчалъ отецъ.—Не знаю, какъ бы намъ не сѣсть съ ними. Нынче охотниковъ-то мало. Все больше аглицкій пошелъ замокъ-то; а въ немъ какой толкъ!

— Сдѣлано прочно, возразилъ я.

— Разнимали мы ихніе замки, заговорилъ горячѣе старикъ:— и до секретовъ ихнихъ доходили. Все это мы можемъ. Возьми какой ни на есть изъ цѣлой дюжины, кажная отмычка и въ ключѣ поворотъ, все это вотъ у меня паренекъ самъ выдумалъ. Мы аглицкіе замки знаемъ. Опять тоже взять простой аглицкій замокъ: спору нѣтъ, работа чистая и цѣной онъ не больно дороже нашего; а только отпереть его легче.

— Отчего-же это? полюбопытствовалъ я.

— Потому тамъ машиной все, а у насъ отъ руки. Вашей милости требуется, чтобы кажная вещь подъ замкомъ сохранна была. Аглицкій замокъ, какой ни повѣсь, однимъ ключемъ можно отпереть, а съ павловскимъ товаромъ—шалишь. Самый плохенькій замчишко, а все для него особый ключъ требуется.

Старикъ говорилъ еще на ту же тэму. Въ его словахъ и тонѣ сказывалось самодовольство русскаго человѣка, не желающаго сразу сознаться, что нѣмецъ можетъ что-нибудь дѣлать лучше его. И самъ же онъ передъ тѣмъ за нѣсколько минутъ замѣтилъ, что во всемъ Павловѣ найдется, можетъ быть, два три мастера, дѣлающихъ замки съ хорошимъ секретомъ, да и то не такіе, какъ его сынъ. А между тѣмъ эта прирожденная талантливость должна, какъ бѣлка въ колесѣ, вертѣться въ предѣлахъ павловской дѣйствительности и не идти дальше самодѣльщины. Не мало въ Павловѣ должно нарождаться даровитыхъ мальчишекъ, которые лѣтъ съ четырнадцати, съ пятнадцати начинають уже задумываться надъ замочнымъ «секретомъ». Какая сила интеллигенціи нужна, чтобы въ подобной обстановкѣ, стоя цѣлые дни за верстакомъ, работая по разъ заведеннымъ рутиннымъ пріемамъ, питать свое механическое воображеніе и, безъ малѣйшихъ понятій о механикѣ, добиваться до новыхъ и оригинальныхъ приспособленій.

Старикъ Цвѣтовъ, какъ и всякій такого рода русскій самоучка, отдаетъ дань хвастливости. Но, конечно, и онъ, и сынъ его, и нѣсколько другихъ мастеровъ въ состояніи разобрать любой англійскій замокъ съ секретомъ, понять, въ чемъ дѣло и не только смастерить точно такой-же, а даже выдумать что-нибудь позамысловатѣе. Только все это нейдетъ дальше семейной и

наслѣдственной выучки. У Ивана сынъ Петръ или Семенъ талантливъ и будетъ всю свою жизнь славиться замками съ секретомъ, а родись у него сыновья бездарные, способные только притирать грошевые замочки, мастерство его канетъ въ воду, ни къ кому не перейдетъ и опять цѣлая семья будетъ десятки лѣтъ пробавляться нищенскимъ промысломъ.

И все-таки, даже при блестящей талантливости, какой заработокъ можетъ имѣть искусникъ, дѣлающій дорогіе замки съ секретомъ? Въ мѣсяцъ онъ изготовитъ четыре замка. Хорошо, коли ему удастся ихъ продать за настоящую цѣну, тогда у него, за вычетомъ матеріала и стоимости харчей и другихъ хозяйственныхъ потребностей, останется рублей восемь-десять. Но что̀ это такое, разложенное на денной заработокъ? Тридцать съ небольшимъ копеекъ. Если вы выкинете изъ этого мѣсячнаго заработка (я повторяю: онъ не представляетъ собою ничего прочнаго) платежъ повинностей, покупку одёжи, то только при совершенно трезвой жизни можетъ такой мастеръ что-нибудь сберечь и расширить свое дѣло. Домъ Ивана Осипова Цвѣтова— такая же изба, какъ и у всякаго кустаря, сводящаго кое-какъ концы съ концами. Надъ верстакомъ также нужно стоять часовъ пятнадцать-шестнадцать въ день, да вдобавокъ надо непремѣнно имѣть возможность перебиватся хоть съ мѣсяца на мѣсяцъ, чтобы не отдавать за безцѣнокъ товара, на который не можетъ быть постояннаго спроса и сколько-нибудь прочныхъ базарныхъ цѣнъ.

— Соблаговолите завернуть въ мое жилище, сказалъ мнѣ Николай Цвѣтовъ, когда мы спустились съ крылечка и вышли на улицу.

Судя по платью, по «образованному» говору и бритой бородѣ, я ожидалъ нѣсколько иной обстановки у сына—и не ошибся. Мы поднялись также въ верхнее жилье и попали уже не въ избу, а, такъ сказать, въ квартирку. Все помѣщеніе, съ окнами на улицу, было раздѣлено перегородкой на двѣ горницы. Первая—побольше—смотрѣла по городски. Стѣны были оклеены обоями; картинки, часы, даже фотографическія карточки, не мало и всякой мебели. Налѣво отъ входа, въ перегородкѣ дверь въ горенку поменьше, гдѣ кровать съ ситцевымъ пологомъ и у окна верстакъ, но уже верстакъ очищенный, цивилизованный. На немъ лежало нѣсколько приготовленныхъ для отдѣлки желѣзныхъ цилиндровъ.

— Продолжаете-таки мастерить? замѣтилъ я, указывая на верстакъ.

— Какже-съ; это наше коренное дѣло.

Горенка смотрѣла рабочимъ кабинетикомъ и производила впечатлѣніе весьма своеобразное. Еслибы такъ молодые павловскіе кустари могли устроиваться безъ какихъ-нибудь *постороннихъ* доходовъ, однимъ только своимъ рукомесломъ, тогда бы село Павлово разрѣшило задачу, надъ которой весь западный пролетаріатъ изнываетъ съ незапамятныхъ временъ. Одному мастеру безъ работниковъ врядъ ли устроить себѣ подобную квартирку, даже и при необычайной даровитости. Но важно то, что и съ подспорьемъ жалованья павловскій кустарь, выросшій въ избѣ, въ тѣснотѣ и духотѣ, настолько уже поднимается въ своихъ потребностяхъ; устроиваетъ свое гнѣздо чистенько, съ кой-какими удобствами и украшеніями, работаетъ въ веселенькой спальнѣ, гдѣ все прибрано, придаетъ своему житью характеръ почти европейскій.

Но будь у него полдюжина ребятишекъ, не имѣй онъ подспорья въ своей граматности, сиди онъ на выдѣлкѣ мужицкаго ножа или грошеваго замочка, цѣною сорокъ копеекъ за десятокъ, онъ и безъ чарки не выбьется изъ копоти, грязи и духоты, изъ вѣчной неволи у скупщиковъ, не сможетъ даже подновить свою развалившуюся родовую избенку...

XI.

Павловскій «нѣмецъ».

— Вотъ извольте полюбоваться, говорилъ мнѣ Николай Петровичъ, указывая на отгороженное мѣсто въ одной изъ улицъ, выходящихъ въ поле:—вотъ тутъ и все мое хлѣбопашество. Пожалуй, въ этомъ году и сѣменъ не соберешь; а вотъ съ этого самаго клочка, какъ бы вы думали, государь мой, сколько на меня наложено нашими диктаторами?

Я недоумѣвалъ.

— Пятьдесятъ серебряныхъ рублей, да-съ. Вотъ и подите, судитесь съ ними! Дѣло до сената дошло, да такъ теперь и застряло что-то.

— И долго-ли вы будете платить такія повинности?

— Да покуль не покрытъ будетъ нашъ выкупъ, то есть и я помру, да и дѣти мои уже стариками сдѣлаются.

Мы остановились на пути къ дому одного изъ самыхъ выдающихся павловскихъ мастеровъ. Онъ приходился какъ разъ сосѣдомъ моему спутнику по тому самому куску земли, на ко-

торый наложены такіе непомѣрные поборы. Мы шли къ мастеру Василію Бобырину.

Еще наканунѣ одинъ изъ членовъ перваго товарищества выразился про него:

— Онъ у насъ за нѣмца идетъ.

— Почему-жь такъ?

— Да всякую штуку знаетъ, и книжекъ много читалъ. Въ своемъ мастерствѣ первый у насъ человѣкъ.

А мастерство Василія Бобырина совсѣмъ особенное. Онъ не пошелъ по избитой дорожкѣ замочнаго производства; едва ли не одинъ дѣлаетъ онъ теперь въ Павловѣ хорошія коромысла для вѣсовъ. Онъ въ сущности кустарный мастеръ съ маленькимъ хозяйствомъ, но его заведеніе значится «фабричнымъ». Пустилъ онъ его въ ходъ въ теперешнемъ видѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Кромѣ коромыслъ, которыхъ выработывается у него до двухъ сотъ штукъ въ годъ, Бобыринъ умѣетъ дѣлать ручные тиски, винтовыя доски для нарѣзки винтовъ и даже циркули. Но главной его спеціальностью остается все-таки коромысло. Н. Ф. Лабзинъ говоритъ о Василіѣ Ивановѣ Бобыринѣ въ своемъ «Изслѣдованіи»:

«Опытность Бобырина и добросовѣстное выполненіе работъ доставили весьма лестное довѣріе къ его издѣліямъ, которыя находятъ для себя постоянный сбытъ. Какъ искусный мастеръ, онъ подготовилъ хорошихъ помощниковъ, которые, работая на его инструментахъ и на содержаніи, получаютъ вознагражденіе съ каждой выдѣланной ими штуки коромысла».

Вознагражденіе это не больше того, что получаютъ мастера и на фабрикахъ, за отдѣлку каждой штуки отъ тридцати до восьмидесяти копеекъ. Оборотъ заведенія, конечно, небольшой, рублей на семьсотъ въ годъ.

Мы вошли на дворъ, а потомъ на крылечко. Изба (или лучше сказать домикъ) одноэтажная. Дворъ довольно большой съ садомъ. У крыльца огромный чанъ съ дождевой водой. Въ Павловѣ вода привозная, съ низу. Кто позаботился скопить ее на случай пожара, тотъ не живетъ на авось, какъ другіе.

Изъ маленькихъ сѣнецъ мы попали въ мастерскую, низкую избу съ окнами на дворъ. Сидѣли въ ней два работника и очень молодой человѣкъ съ осмысленной наружностью, сынъ Бобырина. Самъ хозяинъ—средняго роста, черноватый, съ возбужденнымъ умнымъ лицомъ, острыми глазами и чрезвычайно подвижными манерами. Онъ носитъ небольшую бороду и ходитъ въ красной рубашкѣ. Въ городахъ такіе типы попадаются между столярами и разнощиками ярославцами. Говоритъ онъ нѣсколь-

ко отрывисто, нервно; въ глазахъ постоянная пытливость и нѣкоторая тревожность. Ему не нужно было много объяснять, зачѣмъ я къ нему пришелъ. Такія натуры только и живутъ полной жизнью въ тѣ минуты, когда ихъ выводятъ изъ обыденнаго теченія сѣренькаго житья. Имъ какъ воздухъ необходимо вниманіе, поощреніе, необходимы новые предметы наблюдательности. Онѣ тщеславны, потому что имъ нужно сознаніе своего умственнаго превосходства для борьбы и съ нуждой, и съ лѣнью, и съ невѣжественностью окружающаго.

Въ мастерской висѣло нѣсколько готовыхъ коромысловъ для вывѣрки. Хозяинъ началъ сейчасъ же объяснять мнѣ, изъ какихъ частей состоитъ каждое коромысло и какъ онъ ихъ вывѣряетъ.

— Вотъ это полотно, указывалъ онъ мнѣ на полосу стали, составляющую самое коромысло, а вотъ это держалка. На верху колечко называется по нашему вертлюхъ съ гайкой, а подъ держалкой скобочка и подвѣска; по концамъ два крючка, а вотъ это стрѣлка. Тутъ вотъ, видишь ли ты, валики, а подъ ними ставочка. А вывѣряю я на тонкость. Ужь на этомъ постою.

И тутъ онъ съ новымъ возбужденіемъ сталъ показывать, какъ онъ перемѣщаетъ маленькія тяжести, кусочки бумажки, съ одного конца на другой и достигаетъ желанной вѣрности. Потомъ собственноручно наложилъ клеймо на одну изъ готовыхъ штукъ.

— А какъ же наводите вы синій колеръ на коромысло?

— А это моя выдумка: спервоначала шлифуется коромысло и сейчасъ его тряпкой начисто оботрешь и деревяннымъ маслицемъ смажешь, такъ чтобы какъ можно ровнѣе. Тутъ слѣдуетъ его березовой золой обсыпать и отряхнуть, и сейчасъ же на уголья, только чтобъ ребромъ, и ровный надо жаръ. Маленько времени пройдетъ, зола-то вспотѣетъ, значитъ пойдетъ колеръ, дымокъ покажется. Какъ только самый этотъ дымокъ сгустѣетъ, такъ и стопъ машина; водицей смочилъ и эдакимъ манеромъ со всѣхъ сторонъ обдѣлалъ, а опосля еще разъ маслицемъ.

— Вѣдь вы отъ отца переняли мастерство? припомнилъ я.

— Спервоначала точно, онъ научилъ съ коромысломъ обращаться, только, ежели бы я не попалъ въ Ворсму къ Завьяловымъ, я бы всего не произошелъ; тамъ я сидѣлъ на слесарномъ инструментѣ и разныя штуки придумывать началъ, ну и въ книжечки заглядывалъ. Тоже хотѣлось, какъ бы получше себѣ устроить заведеніе и домишко пріукрасить.

— Онъ у насъ вѣдь и музыкантъ, подмигнулъ Николай Петровичъ:—органы и фортепіаны чинить можетъ.

— Это точно, улыбнулся во весь ротъ Бобыринъ и пригласилъ насъ перейти къ нему въ чистыя комнаты.

Не мало надо было сметки, труда и старанья, чтобы простому мастеру, хотя бы и перенявшему отъ отца довольно выгодное мастерство, устроить себя такъ, какъ нашъ павловскій нѣмецъ. У него уже настоящая «пріемная» комната съ хорошими часами и картинками, съ органомъ, даже, сколько помнится, съ фотографической карточкой генерала Черняева. Въ спальнѣ нарядная кровать. Во всемъ видна пытливость этой натуры и желаніе освободиться отъ грязи и безпомощности крестьянскаго житья. Есть и полочка книгъ. Жаль только, что и Василій Бобыринъ не додумался до необходимости получше устроить свою *мастерскую*, начать съ нея, а не съ своей гостинной, ввести въ нее больше воздуху и употреблять барыши прежде всего на благоустройство того жилья, гдѣ онъ и сынъ его и работники должны проводить цѣлые дни.

Повелъ онъ насъ и въ садъ. Видно, что въ немъ живо чувство природы и есть желаніе заняться «вокругъ дома», доставить себѣ утѣху, ухаживая за фруктовыми деревьями. Все это, конечно, еще только въ видѣ инстинктовъ и задатковъ. Такимъ натурамъ необходимо къ чему нибудь стремиться, иначе явится сейчасъ же раздраженіе и человѣкъ опускается, а то такъ и совсѣмъ падаетъ. Бѣдность, задѣльный трудъ побуждаютъ такого талантливаго мастера къ тому, чтобы выбиться изъ общей колеи, сдѣлаться извѣстнымъ, превратиться въ хозяина; а, когда они этого достигнутъ, у нихъ еще нѣтъ чувства солидарности со своей средой. Будь у того же Василія Бобырина или всякаго другого мужика больше средствъ, онъ завелъ бы крупное фабричное заведеніе и сталъ бы преспокойно держать работниковъ на задѣльной платѣ; и теперь онъ ихъ держитъ, только у него всего двое, а тогда было бы двадцать, тридцать или сто человѣкъ. Онъ талантливъ, и ему, конечно, слѣдуетъ брать извѣстный процентъ съ своего дарованія; но, навѣрно, онъ мало раздумывалъ о томъ: не было ли бы справедливымъ ввести въ свои барыши и тѣхъ работниковъ, которыхъ онъ нанимаетъ; а работники дѣлаютъ у него тоже самое, что и онъ, за исключеніемъ тонкой вывѣрки коромыслъ; отдѣлка всѣхъ частей производится каждымъ изъ нихъ, какъ слѣдуетъ: они и томятъ крючки и закаливаютъ валики. Одинъ хозяинъ не въ состояніи былъ бы вести своего дѣла въ теперешнихъ размѣрахъ. А что же получитъ рабочій? Онъ на хозяйскихъ харчахъ получитъ едва ли не менѣе, чѣмъ рабочіе на фабрикѣ Вырыпаева или Калякина, то есть отъ рубля восьмидесяти копеекъ до двухъ

рублей. За коромысло въ десять вершковъ получаетъ онъ тридцать копеекъ. А сколько онъ ихъ сдѣлаетъ? Шесть штукъ въ недѣлю. Продажная цѣна такому коромыслу полтора рубля. Правда, сверхъ тридцати копеекъ придется еще сорокъ кузнецу, который предварительно откуетъ коромысло и его принадлежности, и другого матеріала придется копеекъ на тридцать или немного больше; остальное хозяинъ кладетъ къ себѣ въ карманъ. Пока размѣры производства маленькіе и самъ хозяинъ даетъ всему толчекъ, поднимаетъ свое дѣло силою собственной даровитости, съ такимъ барышемъ, конечно, можно еще помириться; и его не добьешься безъ постоянной напряженности въ трудѣ, безъ неусыпной заботы. Но чувство солидарности дремлетъ, хотя оно-то и давало бы такимъ даровитымъ натурамъ, какъ Бобыринъ, новые толчки.

— Вотъ вѣдь у васъ есть какія личности между простыми мастерами! говорилъ я Николаю Петровичу, спускаясь съ пригорка.—Отчего же имъ то бы не принимать болѣе дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ?

— Вмѣшиваться не хотятъ, батюшка; своимъ дѣломъ заняты; ну, въ этой помойной ямѣ барахтаться и не желаютъ. Да вѣдь и такому мастеру надо тихохонько себя держать, а коли что, ну и начнутъ всякія пакости подводить: вѣдь у него заведеніе, домъ, земля, садикъ вонъ, а наши-то министры финансовъ никакого надъ собою контроля не вѣдаютъ: съ васъ рубль, съ меня десять рублей положили, такъ-то-съ.

XII.

Заведеніе Банина.

У кого въ рукахъ бывали павловскія издѣлія, тотъ навѣрно видалъ на ножницахъ клеймо *Банина*. Это также одинъ изъ выдвинувшихся кустарныхъ мастеровъ, у котораго есть нѣчто въ родѣ *фабрики*.

Банинныхъ нѣсколько братьевъ. Завѣдуетъ дѣломъ и хозяйствомъ одинъ изъ нихъ—Александръ Николаевъ, который унаслѣдовалъ и мастерство и самое заведеніе отъ отца своего Николая Иванова; а тотъ сдѣлалъ себѣ имя почти исключительно ножницами. Теперь Александръ Николаевъ, кромѣ ножницъ, дѣлаетъ уже и столовые и перочинные ножи, только немного, и то больше на сторонѣ, а не на самомъ заведеніи.

Ножницы, какъ и все въ Павловѣ, дѣло ручное. Куются они

или самимъ мастеромъ (очень рѣдко, а больше на сторонѣ), или кустари отъ хозяевъ заведеній у себя занимаются закалкой и «сладкой» ихъ. Сладить ножницы не легко, хотя вся штука состоитъ въ томъ, чтобы одно лезвее хорошенько пригнать къ другому. Заграничныхъ пріемовъ павловецъ не знаетъ. Иной и слыхомъ не слыхалъ, что̀ такое «штамповка», съ помощью которой дѣло идетъ и спорѣе, и дешевле, и выгоднѣе. А тутъ не хотите ли прислушать сколько нужно разныхъ видовъ мастерства, чтобы получилась пара ножницъ. Сначала дѣйствуетъ кузнецъ. При двухъ работникахъ (одинъ изъ нихъ: такъ называемый «молотобоецъ») онъ выкуетъ въ недѣлю до восемнадцати дюжинъ. За дюжину ножницъ фунта въ четыре съ половиной (напримѣръ парикмахерскія, большихъ размѣровъ), хозяинъ заведенія платитъ ковалю полтора цѣлковыхъ, а одного матеріала на нихъ выйдетъ слишкомъ на рубль. Барышъ копеекъ около сорока на дюжину, но въ недѣлю получится уже до семи рублей; изъ этихъ семи рублей, рубля четыре возьметъ коваль-хозяинъ, а остальные на двухъ его помощниковъ, что̀ составитъ около двухъ рублей въ недѣлю на каждаго. Но это все разсчетъ на хорошій товаръ; а обыкновенныя ножницы и того не даютъ. Послѣ того, нужно ихъ опилить. Опиловщики получаютъ отъ тридцати копеекъ до двухъ рублей за дюжину. Въ такомъ видѣ лезы поступаютъ въ заведеніе къ мастеру: ихъ выправляютъ на наковальнѣ, обтираютъ на точилѣ и хлопочутъ о томъ, чтобы «притины» (такъ называется мѣсто, гдѣ сходятся между собою на винтѣ оба лезвея ножницъ) сходились лучше. Къ нимъ припиливаютъ «подзаковы», то есть самые створы притинъ. А потомъ нужно еще смѣрить центръ на притинахъ, просверлить въ нихъ отверстіе, которое въ свою очередь еще разсверливается съ одного конца для того, чтобы помѣстить въ немъ головку винта. Это на туземномъ языкѣ называется «расчемидаривать» или «зинковать». Но этимъ опять-таки дѣло не кончается. Лезы пересматриваютъ, выправляютъ ихъ, клеймятъ и закаливаютъ. Потомъ снова выправляютъ закаленныя лезы острымъ молоткомъ и отдаютъ въ щлифовку (по павловски личку) и эта личка проходитъ, какъ и личка ножей, три рода работы на различныхъ точилахъ—чаркахъ. Послѣ лички надо еще глянчить или полировать. Отдѣлка ручекъ требуетъ особой работы. Тутъ опять и закаливаютъ, и личатъ, и полируютъ и даже разводятъ узоры, если нужно сдѣлать ручки узорчатыми, и тогда личить уже нельзя посредствомъ чарковъ, а нужно опиливать напилкомъ и шлифовать мелкимъ наждакомъ, при помощи липовой

палочки, которую называютъ «чищалкою», и потомъ уже окончательно полируютъ.

Я нарочно привелъ всѣ эти подробности, которыя специалистъ слесарнаго дѣла, Н. Ф. Лабзинъ, изучилъ на дѣлѣ въ Павловѣ и опубликовалъ еще въ 1870 году. Пускай каждый читатель вникнетъ въ то, сколько кропотливаго, внимательнаго, стойкаго труда нужно для того только, чтобы добиться порядочной пары ножницъ. Сталь можетъ быть хороша, закалка также, и личка, и глянченье, но самое трудное дѣло—сладка лезъ все-таки никуда не годится, и тогда ножницы не имѣютъ никакой цѣны. А какъ нужно добиться того, чтобы одна леза находила на другую? Для этого лезы слегка изгибаютъ, въ чемъ каждый убѣдится, кто возьметъ въ руки ножницы и присмотрится къ тому, какъ онѣ сдѣланы. Спросите у специалистовъ, и они вамъ скажутъ, что эта работа очень трудная, требуетъ огромнаго навыка. Тутъ дѣло не въ одной только кривизнѣ лезъ, но и въ томъ, чтобы онѣ правильно лежали одна на другой, да вдобавокъ были хорошо закалены.

И вся эта разноформенная «египетская» работа опять-таки сводится на то же фабричное вознагражденіе, какое мы видѣли и у Калякина и у Вырыпаева, т. е. на поденную или поштучную плату. Поразспросите вы объ этомъ и вы услышите все тѣ же фабричныя цѣны, вращающіяся между полутора рублями и двумя съ полтиной въ недѣлю, на хозяйскихъ харчахъ: правильщики получаютъ слишкомъ два рубля, точильщики около двухъ рублей, подгонщики (занимаются сверленіемъ и нарѣзкой отверстій) и калильщики также, и только личельщики доходятъ до трехъ рублей въ недѣлю. Отдѣлывальщики также сидятъ на двухъ рубляхъ, рѣзчики винтовъ не получатъ больше полутора рубля; а женщины-глянщицы, т. е. полировщицы отъ руки, получаютъ *пятіалтынный съ дюжины* ножницъ средней величины, и только аристократы этого дѣла—ладильщики, т. е. тѣ, которые окончательно сбираютъ ножницы, подтачиваютъ лезвея и слаживаютъ ихъ, имѣютъ въ недѣлю три, а иногда и три слишкомъ рубля. Не нужно забывать и того, что женщины, участвующія въ этомъ трудѣ, обыкновенно глянщицы, работаютъ всегда на дому, стало быть, хозяйскими харчами не пользуются. Цѣны, какъ были шесть, семь лѣтъ тому назадъ и даже десять, такъ и теперь не измѣнились или поднялись на малость въ нѣкоторыхъ видахъ мастерства; въ другихъ и опустились; а жизнь стала дороже. Объ этомъ еще рѣчь впереди. И вотъ такой специалистъ своего дѣла, Александръ Николаевъ Банинъ или всякій другой, самъ выбившійся своей ловкостью и

умѣньемъ или получившій отъ отца небольшое заведеніе, долженъ опять-таки идти по той же дорогѣ хозяйской эксплуатаціи: нанимать рабочихъ, выжимать изъ нихъ, что можно, держать на такой платѣ, которая себѣ прежде всего выгодна и, при этомъ, очень часто перебиваться. Иначе и не можетъ быть при такъ называемыхъ «хозяйскихъ» порядкахъ. Хорошо еще и то, что старикъ Банинъ не зарылъ свой талантъ въ землю и не сдѣлалъ его исключительнымъ достояніемъ своего семейства. Онъ много народу выучилъ, хотя опять-таки путемъ хозяйской эксплуатаціи. Изъ его бывшихъ работниковъ нѣкоторые сдѣлались хорошими кустарными мастерами и обзавелись своими небольшими хозяйствами; онъ добился того, что его заведеніе стали звать «фабрикой» и вплоть до глубокой старости занимался имъ. Въ 1860 году онъ уже за преклонностью лѣтъ передалъ его сыну, Александру Николаеву. И онъ, и сынъ получили не мало наградъ, и, до сихъ поръ, на каждую почти русскую или всемірную выставку заведеніе Банина посылаетъ свои издѣлія. Его серьёзный конкурентъ только одинъ Вырыпаевъ, у котораго тоже дѣлается порядочное количество ножницъ. Впрочемъ, хозяйство Банина зовется фабрикой только въ разговорахъ, а по оффиціальной вѣдомости 1875 г. оно называется слесарнымъ *заведеніемъ* и стоимость его опредѣляется всего въ триста рублей, съ ремонтомъ въ десять рублей; и въ то же время, оборотъ показанъ въ четырнадцать тысячъ рублей. Однихъ ножницъ выработывается двѣ тысячи дюжинъ, и разнаго рода ножей до восьмисотъ дюжинъ.

Все это цифры довольно крупныя, но банинская «фабрика» совсѣмъ уже въ бытовомъ мѣстномъ вкусѣ. Вы входите на большой крестьянскій дворъ съ одной двух-этажной избой и другимъ строеніемъ, похожимъ на сарай, около котораго помѣщается навѣсъ для коннаго привода. Есть и еще какія-то пристройки и клѣтушки. Дворъ совсѣмъ крестьянскій, безъ малѣйшей претензіи на какую-нибудь городскую внѣшность. Главное строеніе, гдѣ помѣщаются и мастерская, и жилье хозяина, уже довольно старое, съ галлерейкой, и смотритъ оно однимъ изъ фасовъ своихъ, тѣмъ откуда входъ, на панораму села Павлова. Видъ едва ли еще не красивѣе, чѣмъ съ вырыпаевскаго балкона. Лѣсенки, сѣни, проходы и переходы — все это съ сильной грязцой. Можно развѣ утѣшиться тѣмъ, что хозяинъ привыкъ къ ней не менѣе своихъ рабочихъ. Лѣтомъ еще сухо, а осенью и весной весь этотъ дворъ и всѣ эти жилья должны быть еще неприглядиѣе.

Хозяинъ заведенія—высокій, плотный, нѣсколько ожирѣлый

человѣкъ, среднихъ лѣтъ, одѣтый такъ, какъ одѣваются содержатели постоялыхъ дворовъ или лавочники въ уѣздныхъ городахъ. Движеніе и говоръ—лѣнивые, въ лицѣ и въ глазахъ нѣтъ ничего такого, чтò говорило бы о наслѣдственной талантливости. Онъ повелъ меня въ мастерскую. Въ мастерской то же самое, чтò и на фабрикахъ. Только тутъ все больше пригнано къ отдѣлкѣ и сладкѣ ножницъ. Видно, конечно, что хозяинъ выросъ въ этой спеціальности. На верху у него помѣщается въ жилой комнаткѣ родъ конторы, гдѣ лежатъ пачки ножей и ножницъ, обернутыхъ въ грубую бумагу. Есть и запыленный шкапчикъ съ медалями, полученными въ разное время, вплоть до бронзовой медали съ вѣнской всемірной выставки 1873 года. Эта первобытная контора, гдѣ и тѣсно, и пыльно, и темновато, и грязновато, отзывается уже лавочникомъ. Тутъ уже кустарное дѣло вырождается въ фабричное, пока еще въ лицѣ одного хозяина, не переставая держаться за ручной наслѣдственный трудъ.

Въ отдѣльномъ строеніи, гдѣ помѣщаются *чарки* для лички лезъ, работы не было. Конный приводъ стоялъ. Мы вернулись опять въ мастерскую, гдѣ хозяинъ указалъ мнѣ на одинъ изъ инструментовъ, съ помощью котораго сверлятъ отверстія въ притинахъ для вводки туда винта.

— Вотъ эту самую штуку намъ Канапль оставилъ, а до него у насъ въ Павловѣ никто не умѣлъ слаживать какъ надо лезы.

— У Вырыпаева, замѣтилъ я:—это дѣлается уже паромъ.

— Ну, у насъ пока и эта штука дѣйствуетъ. Кабы не Канапль, не умѣли бы до сей поры взяться за дѣло какъ слѣдуетъ.

— А вы помните его? спросилъ я, выходя съ хозяиномъ на крылечко, и останавливаясь еще передъ картиной живописныхъ павловскихъ холмовъ.

— Еще бы, я уже порядочнымъ парнемъ былъ.

— Въ какихъ, примѣрно, годахъ жилъ онъ въ Павловѣ?

— Доподлинно-то какъ вамъ сказать... Больше двадцати пяти лѣтъ будетъ или около того.

— А много-ль прожилъ здѣсь?

— Да онъ вѣдь не одинъ разъ наѣзжалъ въ Павлово, и порядочно пожилъ. Добрый былъ человѣкъ, хорошій французъ. Которые теперь по нашему дѣлу мастера, всѣ за него должны Богу молиться. Кто только способность имѣлъ, онъ каждому указывалъ задаромъ, а когда уѣзжалъ совсѣмъ изъ Павлова, такъ инструментъ раздарилъ.

Лицо хозяина мало одушевилось при этомъ разсказѣ, но его флегматическій тонъ поднималъ еще больше значеніе того крупнаго факта, который связанъ для павловцевъ съ словами: «французъ Канапль».

XIII.

Легенда о Канаплѣ.

Кто же былъ этотъ Канапль? спроситъ, вѣроятно, читатель. Да былъ онъ, просто-на̀ просто, инструментальный мастеръ, основался въ Петербургѣ, имѣлъ тамъ, какъ разсказываютъ, магазинъ. Вѣроятно, нѣкоторые изъ петербургскихъ старожиловъ до сихъ поръ его помнятъ. Прослышалъ онъ, что на Окѣ стоитъ большое село Павлово, откуда идутъ ножи и ножницы, и безчисленные замки, и замочки. Весь этотъ товаръ долженъ былъ попадать и ему въ руки. Онъ и сообразилъ, что недурно было бы въ такой мѣстности, гдѣ весь народъ пріученъ къ слесарному дѣлу, устроить что-нибудь въ большихъ размѣрахъ. Является онъ въ Павлово. Осмотрѣлся, побывалъ у самыхъ способныхъ мастеровъ, убѣдился въ томъ, что почва тутъ для его дѣла— богатая и сталъ хлопотать, какъ бы ему устроить фабрику, но уже не кустарное, не плохенькое заведеньице, а со всякими приспособленіями. Хлопотать можно было только около помѣщика и его управляющихъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но своего все-таки не добился. Отчего? Различно толкуютъ объ этомъ. Иные говорятъ, что тогдашніе хозяева заведеній стали просить вотчинную контору ни подъ какимъ видомъ на это не соглашаться, другіе, что Канаплю не удалось кого слѣдуетъ подмазать... Словомъ, его фабричное дѣло не выгорѣло, несмотря на то, что онъ хотѣлъ предоставить мастерамъ всякаго рода способы къ выгодной и скорой работѣ. Слѣдуетъ или нѣтъ жалѣть о томъ, что Канаплю не удалось устроить въ Павловѣ большаго слесарнаго завода—это еще вопросъ. Многіе скажутъ, что небольшая еще сласть въ томъ фабричномъ принципѣ, который такое образцовое заведеніе только бы закрѣпило въ Павловѣ, а неудача Канапля, какъ фабриканта, принесла плоды до сихъ поръ явственные каждому, кто поживетъ среди павловскихъ мастеровъ.

Случилась такая обыкновенная вещь: умный, толковый, ученый мастеръ, иностранецъ, вдобавокъ съ сообщительной, живой и доброй натурой француза, попадаетъ въ большое село, гдѣ въ каждомъ домѣ, въ каждой избѣ пилятъ и стукаютъ. Онъ сей-

часъ же сообразилъ, до какой степени весь этотъ трудовой людъ съ его прирожденной способностью, при его громадномъ трудѣ, подавленъ отсутствіемъ новыхъ навыковъ, знанія, невозможностью двигаться быстрѣе впередъ безъ указанія извнѣ. И вотъ живетъ онъ въ этомъ селѣ, хлопочетъ о своемъ дѣлѣ и въ своихъ же интересахъ распространяетъ практическія свѣдѣнія, выискиваетъ лучшихъ мастеровъ, позволяетъ имъ даже класть на издѣлія свои собственныя клейма. Хотя онъ и промышленникъ, но ему жалко видѣть, что все дѣлается еще самымъ первобытнымъ образомъ. Не умѣютъ хорошенько сладить ножницъ или производятъ это на авось: одинъ разъ выйдетъ хорошо, другой скверно. Не имѣютъ даже никакого механическаго привода, чтобы ловко просверлить отверстіе, куда вставляется винтикъ. Во всемъ нужно необычайное напряженіе мозга; каждый шагъ впередъ есть побѣда самоучки надъ случаемъ или результатъ десятилѣтняго терпѣнія и сметки, пріобрѣтенный капля по каплѣ. Онъ промышленникъ, но онъ добрый и мягкій человѣкъ или, по крайней мѣрѣ, работникъ, понимающій, до какой степени всякій новый инструментъ, каждый буравчикъ, облегчающій трудъ, можетъ повліять на дальнѣйшую судьбу производства, высвободить мастеровъ изъ-подъ крѣпостной зависимости неумѣнья и незнанія. Вотъ онъ и учитъ даромъ, пóходя, сначала надѣясь на свои собственные барыши, а потомъ (какъ до сихъ поръ гласитъ молва), и *такъ*, уже по любви къ дѣлу, по симпатіи къ этой массѣ хорошаго, способнаго, трудоваго люда. Вся эта психологія — весьма несложная, чрезвычайно понятная, особливо въ французѣ; даже и тогда, когда личное его дѣло не выгорѣло, онъ не распространяетъ своей досады на рабочій людъ, напротивъ, раздаетъ всѣмъ своимъ ученикамъ инструменты, какіе привезъ съ собою. Эти инструменты до сихъ поръ живы, не затеряны. Мнѣ ихъ показывали; они составляютъ реликвіи, о которыхъ хозяева заведеній говорятъ съ особымъ удовольствіемъ.

Вотъ что было. Быть можетъ, не совсѣмъ такъ, какъ я разсказываю; въ воспоминаніяхъ о французѣ Канаплѣ есть уже извѣстная доля легендарности, какъ и въ каждой народной молвѣ. Но это не выдумка; если покопаться, то можно возстановить нетолько годъ, но и мѣсяцъ прибытія такого мастера въ Павлово, прослѣдить, пожалуй, всю его жизнь тамъ изо дня въ день и доказать цифровыми данными скольких ъ мастеровъ онъ обучилъ, чему именно, какіе способы ввелъ, кому роздалъ свой инструментъ. Съ нѣкоторыми производствами, напримѣръ, съ ножничнымъ, его имя связано уже, такъ сказать, исторически. Развер-

ните вы книжку Н. Ф. Лабзина и вы тамъ читаете слѣдующее: «Канапль выпускалъ ножницы Банина подъ своимъ клеймомъ и нерѣдко самъ пріѣзжалъ въ село Павлово, чтобы съ одной стороны, подъ своимъ руководствомъ, выставлять новыя модели или образцы и затѣмъ продолжать заказъ ихъ; съ другой стороны направить дѣло на истинный путь въ случаѣ уклоненія его отъ этой дороги. Однимъ словомъ, имя Канапля—этого *учителя павловцевъ* тѣсно связано съ водвореніемъ ножничнаго производства въ селѣ Павловѣ и вообще во всей мѣстности, гдѣ занимаются выдѣлкою ихъ».

Канапль! Почему же Канапль, а не Ивановъ, не Вахрамѣевъ, наконецъ, не Ѳедоръ Михайловичъ Вырыпаевъ, державшій у себя три года ученаго мастера для выдѣлки хирургическихъ инструментовъ? Почему же первый попавшійся иностранецъ, даже съ личнымъ разсчетомъ на хорошее дѣло, успѣлъ въ какихъ-нибудь годъ, два, наѣзжая въ Павлово, оставить послѣ себя вѣчную и благодарную память, а десятки, сотни русскихъ людей, знавшихъ, чтò такое село Павлсво, не догадались даже вплоть до шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ хоть что-нибудь замолвить за этотъ громадный міръ кустарнаго труда? Съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ графовъ Шереметевыхъ закрылъ свой металлическій заводъ, прошло почти сто лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени, вотчинные владѣльцы Павлова получили на русскія деньги, по крайней мѣрѣ, три милліона рублей серебромъ чистаго дохода. Чтò, спрошу я, сдѣлали они для того, чтобы дать своимъ павловцамъ возможность освободиться изъ тенетъ неумѣнья?

Да ровно ничего. Изойдите вы все село Павлово изъ конца въ конецъ и найдите мнѣ хоть какой-нибудь остатокъ намёка на то, что владѣтели села Павлова думали о чемъ-нибудь, кромѣ своихъ собственныхъ выгодъ. Павлово обстроилось, сдѣлалось почти городомъ, десятки крестьянъ выходили на волю, выплачивая большіе куши, превращались въ купцовъ и, оставаясь тутъ же въ селѣ, дѣлались кулаками и міроѣдами или дѣлились съ своей родиной только въ видѣ какихъ-нибудь колоколовъ. Даже въ своихъ собственныхъ помѣщичьихъ интересахъ не явилась ни у одного изъ владѣтелей Павлова мысль поднять среди павловскихъ слесарей техническое знаніе, а для этого устроить не просто какое-нибудь приходское училище, а хорошую, большую школу, съ такимъ курсомъ, который позволялъ бы мальчику пятнадцати, шестнадцати лѣтъ осмысленно выработывать изъ себя ученаго мастера. Всякій новый способъ, каждая побѣда интеллигенціи надъ старой рутиной отразились бы сейчасъ же на

поднятіи цѣнъ, вывела бы цѣлыя сотни кустарей изъ ихъ рабской зависимости отъ базара и цѣнъ, руководимыхъ скупщиками. Ничего такого не хотѣла знать «администрація» владѣльцевъ села Павлова; а эта администрація, какъ извѣстно, представляла собой чуть не министерство. Она имѣетъ свою исторію, до которой доберутся, вѣроятно, въ скоромъ времени любители нашей крѣпостнической старины. До сихъ поръ сохранился у одного изъ павловскихъ крестьянъ замѣчательный экземпляръ настоящаго кодекса, составленнаго въ двадцатыхъ годахъ для всѣхъ вотчинъ графа Шереметева. Я держалъ его въ рукахъ и перечитывалъ съ немалымъ изумленіемъ. Экземпляръ этотъ — подлинный, 1824 года, и носитъ такое заглавіе: «Собраніе положеній и правилъ, по которымъ управляющій долженъ поступать во время управленія». Онъ принадлежалъ конторѣ Ивановской вотчины. Но это «Собраніе положеній» имѣло силу для всѣхъ вообще селъ и деревень графа Шереметева. Въ кодексѣ есть рѣшительно все: и, такъ сказать, *государственное устройство*, и финансы, и юстиція, и крестьянская община, и нотаріальная часть, и полицейское управленіе, и нравы, и постановленія о бракахъ. Кодексъ раздѣленъ на отдѣлы, главы и параграфы. На бортахъ, противъ каждаго почти параграфа, есть соотвѣтственное распоряженіе помѣщика, которое называется *указомъ*. Экземпляръ весь прошнурованъ и подъ нимъ такія подписи: «Съ подлиннымъ вѣрно. Экспедиторъ Павелъ Александровъ. Свѣрялъ: столоначальникъ Халдинъ. Читалъ: повытчикъ Осипъ Алабушевъ». Вы видите, стало быть, что въ главной конторѣ графа Шереметева заведены были совершенно департаментскіе порядки и онъ, властью, точно отъ Бога ему данною, называлъ своихъ конторщиковъ «экспедиторами», «столоначальниками» и «повытчиками», а свои помѣщичьи приказанія именовалъ «указами». И тщетно искали бы вы въ какомъ-нибудь параграфѣ и въ какой-нибудь главѣ даже маленькій намёкъ на то, что помѣщичья администрація, питаясь оброкомъ чуть не съ двухсотъ тысячъ душъ, хоть для внѣшняго приличія, думала о нѣкоторыхъ способахъ поднять, посредствомъ общаго и техническаго обученія, матеріальный и нравственный бытъ своихъ крестьянъ въ такихъ селахъ, гдѣ промышленность замѣнила земледѣліе.

А что же теперь? На этотъ вопросъ мой павловскій спутникъ, когда мы съ нимъ толковали о французѣ Канаилѣ, сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Сколь необходимо было бы устроить хоть что-нибудь по этой части—вы сами теперь видите. А подите-ка потолкуйте съ нашими горлопанами, съ диктаторами-то нашими, которые всю

механику втихомолку устраиваютъ. Такъ не токмо, что ремесленное обученіе, а они вотъ на школу-то, и то зубы точатъ. Намъ-ста не нужно образцоваго училища. Это, видишь ли, только скупщики своихъ ребятъ посылаютъ, а бѣдному-то надо мальчишку за верстакъ ставить.

— Да вѣдь и ставятъ, замѣтилъ я.

— А отчего же приливъ такой къ школѣ? Вѣдь не одни богатые посылаютъ. А пьянствовать есть деньги? Угодно вамъ знать, сколько у насъ тайныхъ шинковъ, окромя восьми кабаковъ, есть? Больше сотни, да-съ. Спросите-ка въ Нижнемъ у Петра Петровича, сколько село Павлово акцизу дохода даетъ. Теперь у насъ помѣщика нѣтъ. Мы вольные люди. Я тоже, коли позволите вамъ доложить, не изъ дворянской фанаберіи такъ говорю. Сто тайныхъ шинковъ поддерживать—разсудите, сколько въ мѣсяцъ надо водки вытянуть? А такъ оно теперь ведется отъ озорства и отъ крайней глупости, а тому, кто этимъ орудуетъ, не токмо, что невѣжество, а всякая божья кара, пожаръ ли, другая ли бѣда — на руку. Хвостомъ повилилъ, чужими руками жаръ загребъ и въ благодѣтели попалъ. Такъ я вамъ доложу: — пріѣзжай теперь другой Канапль, раздавай даромъ инструментъ, ходи по избамъ и обучай безплатно, такъ его бы, друга милаго, черезъ недѣлю скрутили, вѣрьте слову. На счетъ этого у насъ теперь обставлено, на тонкость...

Но легенда во всей своей правдѣ стоитъ неприкосновенной и говоритъ каждому русскому человѣку, способному откликнуться на нужды народа: «Если у тебя случится мѣсяцъ свободнаго времени, да вдобавокъ ты прошелъ техническую выучку, сдѣлай хоть то для павловцевъ, за что они до сихъ поръ говорятъ свое крестьянское спасибо какому-то французу, явившемуся безъ всякаго геройства устроить свои собственныя дѣлишки». Примѣръ Канапля свидѣтельствуетъ сильнѣе всякихъ тонкостей діалектики о томъ, что рабочій русскій крестьянинъ (хоть бы онъ и держался отцовской и дѣдовской рутины въ чемъ бы то ни было) способенъ, разъ уразумѣвши суть дѣла, стать на сторону знанія и движенія впередъ. Только научите его потолковѣе и половчѣе, только съумѣйте оставить въ его умѣ ясные и рѣзкіе слѣды, и онъ, мало того, что пойдетъ дальше, да еще изъ рода въ родъ передастъ ваше имя, сопровождая его не фразистымъ, а простымъ и цѣннымъ—добрымъ словомъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. Боборыкинъ.

НЕ ВЪ ПОРЯДКѢ ВЕЩЕЙ.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Пасха была въ томъ году ранняя и грязная; кое-гдѣ лежалъ даже снѣгъ, стоптанный ногами и лошадиными копытами въ ту же грязь, только посѣрѣе; но солнце свѣтило исправно, колокола громко гудѣли и улицы пестрѣли народомъ.

Впрочемъ, большая площадь, среди которой возвышались красныя качели и бѣлѣлись палатки съ гостинцами и праздничными бездѣлушками, была еще безмолвна и пуста, весь людъ толпился у кабаковъ, да у церквей, гдѣ только-что отошла обѣдня. Вотъ и изъ стараго собора повалилъ народъ, а въ этомъ древнемъ храмѣ, близь Калинковской Улицы, служба длится дольше, чѣмъ въ прочихъ церквахъ.

— Ольга Петровна, сказалъ молодой человѣкъ, рябоватый и рыжеватый, въ поношенной, но тщательно вычищенной шляпѣ и въ яркомалиновомъ галстухѣ: — посмотрите-ка сюда, вѣдь это, кажется, Дарья Матвѣевна...

Молодая женщина, къ которой онъ обращался, живо повернула голову.

На видъ ей можно было дать лѣтъ двадцать пять, не больше, но она была старше. Ольга Петровна была прехорошенькая: ея большіе, каріе глаза смотрѣли очень умно и бойко, очертаніе красиваго, довольно крупнаго рта и подбородка наводило на мысль о сильномъ и даже упрямомъ характерѣ, но короткій и немножко вздернутый носъ смягчалъ общее выраженіе лица.

Если судить по костюму, она принадлежала къ среднему классу общества: на ней было платье изъ очень простой шерстяной матеріи, красиво сшитое и ловко охватывающее стройный станъ;

бѣлая кружевная косыночка, накинутая на пышныя, черныя косы, замѣняла шляпку; хорошенькія, пухлыя руки были безъ перчатокъ; ноги довольно большія, но не дурной формы, были обуты въ щегольскія ботинки на высокихъ каблукахъ, съ модными кисточками и пуговками.

— Гдѣ? спросила она, обращая свое румяное личико къ студенту семинаріи Розонову, который указывалъ ей на кого-то, среди волнующейся толпы.

— Вотъ, вотъ... Ну, теперь опять не видать! Вонъ, возлѣ нищенки... рядомъ съ купчихой въ желтой шали...

Ольга Петровна поднималась на цыпочки и щурила глаза.

— Вижу, вижу! вскричала она, влѣзая на каменный приступокъ колонны:—она сейчасъ пройдетъ мимо насъ...

Розоновъ остановился, безцеремонно отбиваясь локтями отъ толпы, напиравшей на нихъ, со всѣхъ сторонъ.

— Мое почтеніе, Дарья Матвѣвна! наконецъ, сказалъ онъ, почтительно снимая шляпу передъ благообразной старушкой, повязанной темной шелковой косыночкой.

По одному выраженію ея степеннаго лица и по плавному движенію темной, сморщенной руки, которою она раздавала копеечки тѣснившимся вокругъ нея нищимъ, можно было узнать въ ней почтенную нянюшку изъ крѣпостныхъ, изъ тѣхъ, что родились, выросли и состарѣлись въ одномъ и томъ же господскомъ домѣ и семействѣ.

— Здравствуй, молодецъ, здравствуй!.. Ольга Петровна! Куда ты это, мать моя, взгромоздилась!.. А я-то смотрю издали... чья это голова выше всѣхъ выхлеснулась?

— Мы тутъ дожидаемся, чтобъ народъ прошелъ... Подождите и вы съ нами, Матвѣвна, вмѣстѣ пойдемъ...

— Долго, милая, не дождешься... Ишь, его сколько!

— Чтò за долго! Чай, праздникъ сегодня, торопиться нèкуда...

— Ахъ ты, умница! Это тебѣ въ праздникъ-то гулять, а у насъ, въ праздникъ-то, еще пуще толчешься: гости... Нѣтъ, лучше пойдемте, Ольга Петровна!

Ольга спрыгнула со своего пьедестала, и обѣ женщины, съ помощью Розонова, вскорѣ очутились на площади. Тутъ онъ умышленно отсталъ отъ своихъ дамъ и послѣдовалъ за ними на почтительномъ разстояніи, помахивая тросточкой и напѣвая въ полголоса только-что слышанный концертъ.

— А вѣдь я и сама хотѣла забѣжать къ вамъ на минуточку, начала таинственнымъ шопотомъ Матвѣвна: — для того и въ

старый соборъ пошла... Сегодня гостей ждите... Барыня велѣла къ вамъ Катичку привезти...

Въ глазахъ Ольги выразилось сильное изумленіе.

— Вотъ какъ! усмѣхнулась она.

— Такъ точно. Много было разговоровъ по этому дѣлу. Почитай, весь постъ толковали.

— Было о чемъ толковать! Видно дѣлать-то имъ нѣчего, что надъ такими пустяками думы думаютъ!.. И чего спохватились? Вѣдь я и не прошу теперь, проговорила Ольга, пожимая плечами.

— Толковали, толковали и только вчера вечеромъ рѣшили, продолжала старушка, не обращая вниманія на замѣчанія своей спутницы:—сдается мнѣ, что тутъ отецъ Мефодій наворожилъ... Ты, мать моя, къ его супругѣ подлизалась, признайся-ка? прибавила она съ усмѣшкой.

Молодая женщина вспыхнула отъ гнѣва.

— Какія вы глупости говорите, Матвѣвна! вскричала она съ большимъ негодованіемъ: — ни къ кому я не подлизываюсь! Чай, не первый годъ хороводимся, пора, кажется, знать другъ друга!.. А просто, работала я на попадью... мантильку шила.

— Чего ты всполыхнулась? Нѣшто я осуждаю тебя? Я такъ, въ шутку... Чтò-жь тутъ дурного, что съ попадьей знакомство свела? Ничего тутъ нѣтъ дурного, и никто тебѣ этого въ осужденіе поставить не можетъ... Хоша бы и барыня, такъ и та...

— Хорошо, хорошо, будетъ ужь объ этомъ! Когда же Катю къ намъ отпустятъ?

— Сегодня, мать моя, сегодня. Такъ и сказали: въ среду на Святой... Потому, на первый день, сама знаешь, у насъ за всегда большой обѣдъ, въ понедѣльникъ, у старой барыни кушаютъ, во вторникъ старая барыня у насъ...

— А въ среду не къ кому, такъ и къ намъ? Чтò-жь, спасибо и на томъ!—Съ кѣмъ же она пріѣдетъ?

— Со мной, съ кѣмъ же больше? Мамзель не поѣдетъ.

— Гдѣ ей ѣхать!

— Ужь и не говори! Такъ-то чванится, просто сладу нѣтъ! Замучила совсѣмъ! И на мамзель не похожа, хуже всякой барыни людей съ ногъ сбиваетъ...

— Очень она нашу Катиньку забижаетъ? прервала ее Ольга.

— Нѣтъ, твоей меньше всѣхъ достается... А вотъ Наташенька—ну, той бѣда! Катинька твоя куда шустрѣе нашихъ дѣтей, къ ней и придраться-то трудно.

— Чтò вы? весело засмѣялась Ольга.

— Право, ей-Богу! И сшалитъ что, такъ вывернется, да еще

чисто какъ—чудо! Другихъ накажутъ, а она суха изъ воды выйдетъ.

Онѣ дошли да Калинковской Улицы.

— Теперь, прощай покуда, объявила Матвѣвна: — тебѣ направо, а мнѣ налѣво... Надо домой бѣжать. Въ Крестовой, хоть и позднѣе отходитъ обѣдня, а все же, чай, вернулись: вѣдь на коняхъ-то живо! А ты тутъ плетись на своихъ на двоихъ, да еще на старыхъ...

Старушка повернула съ площади въ переулокъ, а Ольга вошла въ улицу, гдѣ былъ ея домъ. Черезъ минуту, рядомъ съ нею очутился Розоновъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Вотъ вы все хотѣли мою Катю видѣть, начала Ольга:— сегодня она къ намъ пріѣдетъ, можете сколько угодно любоваться...

— Какъ же такъ? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Да также, привезутъ и все тутъ. Чего дивиться? Я давно знала, что этимъ кончится. Покуражились, нельзя безъ того, на то генералы... А теперь надоѣло.

— Дай-то Богъ! произнесъ онъ съ чувствомъ: — я за васъ очень радъ, Ольга Петровна.

— Перестаньте, пожалуйста, нетерпѣливо возразила она: — ничего вы не понимаете! Ну, какая можетъ мнѣ быть отъ этого пріятность? Четыре года не видались, а теперь, когда и ребенокъ отвыкъ, и я перестала думать... Очень мнѣ нужно теперь!

Розоновъ промолчалъ.

— Хотѣлось бы только знать, съ чего это? Не спроста что-то... Матвѣвна говоритъ: отецъ Мефодій... Да вотъ увидимъ, продолжала размышлять вслухъ Ольга, отворяя калитку на маленькій дворикъ, среди котораго стоялъ деревянный флигелекъ, въ три окна на улицу.

На крылечкѣ показалась пожилая дѣвушка, съ некрасивымъ, пожелтѣвшимъ лицомъ и въ поношенномъ ситцевомъ платьѣ.

— Маменька, вѣрно, пирогъ печетъ? спросила у нея Ольга.

— Да, отвѣчала дѣвушка и, обращаясь къ Розонову: — вы, Гаврила Ивановичъ, оботрите ноги-то, я полы только-что подмыла, прибавила она, бросая тревожный взглядъ на загрязненные сапоги молодого человѣка.

— Не безпокойтесь, Ѳедосья Петровна, я пройду въ кухню.

Ольга сняла калоши, осмотрѣла подолъ платья и вошла въ небольшую комнату.

Маленькое зеркало въ простѣнкѣ, полдюжины простенькихъ стульевъ, да столъ въ углу, накрытый бѣлой скатертью, съ чай-

нымъ приборомъ, составляли все убранство этой горницы. У одного изъ оконъ висѣла клѣтка съ какой-то птицей и стоялъ рабочій столъ, заваленный скроеннымъ бѣльемъ и принадлежностями шитья. Поспѣшно отодвинутый стулъ, да полоска полотна, висящая на булавкѣ у швейной подушечки, показывали, что тутъ только-что работали.

— Что это ты, Ѳеня, никакъ шила? Въ праздникъ-то! укоризненно покачала головой Ольга.

— Я немножечко, Оля, хотѣлось дошить шестую сорочку.

— Прибери все это, сдѣлай милость. Мы вотъ съ Гаврилой Иванычемъ Матвѣвну встрѣтили. Она сказывала, что сегодня къ намъ Катю пришлютъ.

Глубокое изумленіе, даже испугъ, отразился на добромъ и глуповатомъ лицѣ Ольгиной сестры.

— Ей-Богу, право! засмѣялась Ольга: —вотъ, хоть у него спроси. Гаврило Иванычъ, гдѣ вы?

— Какъ же это, Оля? Вѣдь приготовиться надо. Нельзя же такъ... все еще недоумѣвая, проговорила Ѳеня.

— Чтò тутъ готовиться? Пусть видитъ, какъ мать живетъ. Она ужъ, чай, и позабыть успѣла, въ четыре-то года! горько улыбнулась Ольга.

Въ сѣняхъ раздалось поспѣшное шлепанье, и на порогѣ появилась крошечная старушка, съ морщинистымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, беззубымъ ртомъ и блестящими черными глазами. Ея маленькія, проворныя и мозолистыя руки суетливо поправляли платокъ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались пряди бѣлыхъ, какъ лунь, волосъ.

Старушка была въ сильномъ волненіи.

— Оля, правда ли Гаврюша говоритъ? прошамшала она, останавливаясь, какъ вкопанная, на порогѣ горницы съ чисто вымытыми полами, и тревожно поглядывая на свои грязныя валенки.

— Правда, маменька, Катенька сейчасъ пріѣдетъ.

— О, Господи! Пресвятая Богородица! Сподобилъ меня батюшка Царь небесный! Дождались радости! начала причитывать старушка.

Глядя на мать, Ѳеня тоже прослезилась и начала всхлипывать, утирая глаза кончикомъ передника.

— Чего вы расчувствовались, я право не понимаю, съ досадой отвернулась отъ нихъ Ольга: — вѣдь не совсѣмъ пріѣдетъ, только такъ, на минуточку!

— Гдѣ ужъ совсѣмъ! продолжала всхлипывать старушка: — хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть! Вѣдь сколько лѣтъ то! Ээхъ, Господи!

— А вы идите лучше пирогъ печь, маменька, а то и угостить будетъ нечѣмъ.

— Сидитъ онъ у меня, Олюшка, сидитъ, пирогъ-то! Кабы знать только, изъ бѣлой бы муки поставить... Она, пожалуй, голубка, и кушать его не станетъ!

— Ахъ, маменька, перестаньте, пожалуйста, глупости говорить! Вы очень хорошо знаете, какой дрянью эти генералы свою прислугу кормятъ. Да и дѣтей-то!

Изъ-за спины старухи появилась долговязая фигура Розонова, съ самоваромъ въ рукахъ.

— Пустите, маменька, Гаврилъ Ивановичъ самоваръ несетъ, прервала свою рѣчь Ольга Петровна:—Ѳеня, ты бы лучше комнату прибрала, чѣмъ стоять сложа руки, да охать. Посмотри, работа-то сколько мѣста занимаетъ, вѣдь повернуться негдѣ. И чего вы такъ взбударажились, я не понимаю!

Ѳеня обидѣлась.—У тебя, Оля, и чувствъ никакихъ нѣтъ, процѣдила она сквозь зубы.

— А у васъ ихъ очень много... Да только жаль, что не кстати!

По улицѣ загрохоталъ экипажъ. Розоновъ поспѣшно поставилъ самоваръ и подбѣжалъ къ окну.

— Крытые дрожки, должно быть, онѣ! вскричалъ онъ, бросаясь къ дверямъ, но Ольга остановила его.

— Куда вы? Останьтесь... вѣдь вы хотѣли Катю видѣть?

— Да я не знаю, Ольга Петровна...

— Что̀ еще? Вы нашъ жилецъ, гдѣ же вамъ быть, какъ не здѣсь? Куда вы пойдете? Въ кухню, что ли? Изъ щелки сюда смотрѣть тоже не приходится! Останьтесь, гораздо будетъ приличнѣе, заключила молодая женщина, подходя къ столу съ самоваромъ и принимаясь заваривать чай.

Она говорила очень спокойно, только руки ея дрожали немножко, да въ глазахъ вспыхивалъ порой огонёкъ.

Ѳеня съ матерью бросились опрометью на крыльцо, встрѣчать гостью.

Изъ подъѣхавшаго экипажа выпрыгнула хорошенькая и нарядная дѣвочка, лѣтъ девяти, въ короткомъ бѣломъ платьицѣ и соломенной шляпкѣ. Ея густыя, бѣлокурыя косы были убраны пышными розовыми лентама; свѣтлыя сѣрыя ботинки обтягивали ножки въ розовыхъ чулкахъ, пантолончики и юпочка были отдѣланы богатой вышивкой. Дѣвочка съ большимъ любопытствомъ озиралась кругомъ. За ней вылѣзла наша знакомая, Матвѣвна. Калитка распахнулась и дѣвочка бросила равнодушный взглядъ на растерявшуюся отъ радостнаго волненія Ѳеню.

— Здравствуйте, тётушка Ѳеня, сказала она, протягивая ей ручку въ длинной, шведской перчаткѣ.

— Катичка, милая! Ты узнала меня?

Ѳеня бросилась со слезами обнимать ребёнка.

— Разумѣется, узнала, объявила Катя, слегка отстраняясь отъ порывистыхъ ласкъ тётки: — я всѣхъ васъ очень хорошо помню. Вотъ бабушка Прасковья Кузьминишна!

Старуха начала ловить руки внучки, чтобъ поцаловать ихъ.

— Полноте, бабушка, съ большимъ достоинствомъ проговорила дѣвочка.—А гдѣ же мамаша? спросила она, поднимаясь на крыльцо.

— Мамаша... ахъ, ангелъ! Оля, что же ты! иди скорѣй! закричала старуха.

Но Ольга Петровна не двинулась съ мѣста. Когда дочь, съ большимъ тріумфомъ, ввели въ комнату, она окинула ее бѣглымъ взглядомъ съ ногъ до головы и съ замѣтнымъ усиліемъ сдѣлала шага два къ ней на встрѣчу.

— Ну, здравствуй, дочка, произнесла она сдавленнымъ голосомъ:—рада ли ты насъ видѣть?

— Я очень, мамаша, рада, бойко отвѣчала Катя, и онѣ довольно холодно поцаловались.

— Какъ выросла, Господи! ахала бабушка.

— Совсѣмъ невѣста! вторила Ѳеня.

Катя снисходительно улыбалась. Она сняла шляпу, перчатки и искала глазами, куда бы положить ихъ.

— Дай, родимая, я въ спаленку снесу... Тамъ у насъ чисто, ни пылинки.

Съ этими словами, тётка приняла изъ ея рукъ вещи и съ благоговѣніемъ понесла ихъ въ сосѣднюю комнату.

Бабушка стояла неподвижно, сложивъ на животѣ руки и не спуская умильнаго взгляда съ внучки. Розоновъ, забившись въ уголъ, тоже смотрѣлъ съ любопытствомъ и съ смущеніемъ на гостью. Одна только Ольга Петровна сохраняла присутствіе духа. Она, какъ ни въ чемъ ни бывало, принялась наливать чай и разговаривать съ Матвѣвной, которая расположилась у самаго самовара.

— Ты ей, Ольга Петровна, чаю не наливай, сейчасъ только завтракали, наставляла она хозяйку, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ дѣвочки:—что же ты, Катинька, молчишь? Чай, есть что разсказать. Шутка ли, сколько лѣтъ не видались! Вотъ, танцовать начали учиться. Два раза въ недѣлю танцмейстеръ ѣздитъ.

— Неужто? Разскажи, Катичка! взмолилась вернувшаяся Ѳе-

ня. — Золотая ты наша! красавица! Ты, вѣрно, и по-французски знаешь?

Катя съ гримаской вздернула плечиками и подошла къ окну, у котораго висѣла клѣтка.

— Чтò это у васъ за птичка?

И не дождавшись отвѣта.—А курочки, что цѣлый годъ яица кладутъ, есть у васъ? обратилась она къ бабушкѣ.

— Помнитъ! ангелъ! Помнитъ! съ умиленіемъ всплеснула руками старуха.

— Покажите мнѣ... нѣтъ, я лучше сама къ нимъ пойду! Гдѣ онѣ живутъ? оживилась Катя. — Можно? взглянула она вопросительно на Матвѣвну.

— Разумѣется, можно, подхватила Ольга Петровна: — Ѳеня, покажи ей все наше хозяйство, весь домъ, пусть знаетъ, какъ мы живемъ!

Катя, въ два прыжка, очутилась въ сѣняхъ; Ѳеня побѣжала за ней, бабушка поплелась туда же, и даже Розоновъ покинулъ свой уголъ и послѣдовалъ за всѣми. Въ горницѣ осталась одна Ольга съ Матвѣвной и нѣкоторое время обѣ молчали.

— Не велѣли долго оставаться, начала Матвѣвна: — приказывали непремѣнно къ двумъ часамъ назадъ.

— Мы и не держимъ, сухо возразила Ольга: — хоть сейчасъ...

Старуха пристально посмотрѣла на нее и укоризненно покачала головой, но не вымолвила ни слова.

— Хорошо она учится? задумчиво спросила Ольга, послѣ маленькаго молчанія.

— Ничего, учителя хвалятъ. Вотъ тоже, намеднись, барыня при мнѣ сказывала, что къ фортопьянамъ у нея большое понятіе. Ужь ты объ ученіи не заботься, выучимъ, не бойся!

— Хорошо кабы такъ! А я вотъ часто думаю: ко всякимъ деликатностямъ пріучатъ, къ бѣлью тонкому, да къ платьицамъ вышитымъ, а тамъ, случись какая ни на есть бѣда, и выгонятъ ни съ чѣмъ на улицу!

— Зачѣмъ выгонять, мы ее лучше за генерала замужъ выдадимъ! съ усмѣшкой возразила Матвѣвна.

— Не больно ихъ много, генераловъ-то! А попадись какой, такъ поди, чай, для своей припасете!

— Чтò, мать моя, напредки загадывать! До того времени еще долго ждать: вѣдь ей всего двѣнадцатый годокъ пошелъ...

Но на Ольгу вдругъ нашла большая рѣшимость.

— А вотъ я вамъ что скажу: мнѣ хочется Катю назадъ взять, проговорила она очень твердо.

— Чтò это ты, перекрестись! Куда-жь ты ее возьмешь?

— Сюда. Вонъ, въ той комнатѣ кроватку поставимъ. Будемъ съ Ѳеней ее учить шить. Теперь у насъ работы гибель, только шей не лѣнись,

— И слава Богу! Ребенка-то вамъ на что же, я что-то въ толкъ не возьму?

— Говорятъ вамъ, къ работѣ пріучать надо. Пока еще маленькая, живо отъ всего отвыкнетъ и отлично заживетъ съ нами. Чтò-жь! Я ее тогда отъ нужды отдала, каково мнѣ это было! Кабы не Ѳеня, да не маменька, я бы, можетъ быть, руки на себя наложила! А теперь, слава Богу! Знакомство есть, работа не переводится, у насъ даже про всякій случай, сто рублей въ запасѣ лежитъ.

Матвѣвна неодобрительно покачала головой и прищелкнула языкомъ.

— Ну, знала бы я такія твои мысли шальныя, ни за что бы тебѣ Катиньку не видать! Да ты спросила бы прежде, захочетъ ли дѣвочка оставаться-то у тебя?

— Я знаю, что не захочетъ, да вѣдь я мать...

— Полно дурить! Эдакими мыслями, да если только барыня узнаетъ, ты только и ее въ разстройство введешь и ребенка счастья лишишь.

— Никакого счастья я для Кати не вижу! А на разстройство вашей генеральши плевать мнѣ совсѣмъ! вскричала запальчиво Ольга.

Въ эту минуту изъ кухни донесся звонкій смѣхъ маленькой гостьи.

Матвѣвна добродушно усмѣхнулась.

— Ишь закатывается! Совсѣмъ дитя... всякая гадость въ радость!

— Видите, ей и у насъ можетъ быть весело, угрюмо замѣтѣла Ольга.

— Да, какъ на пять минутъ привели. Полно, вѣдь она васъ тутъ одной стиркой дойметъ! У насъ, вѣдь, дѣти-то кажиный день бѣлье мѣняютъ.

— То у васъ!

— Опять кушанье какое! И комнаты большія, и ученіе! Да ей теперь безъ уроковъ скучно будетъ, ей Богу, скучно!

Ольга не возражала.

— Почитай весь дейь въ классѣ, продолжала распространяться Матвѣвна, которая живо сообразила, что попала на настоящую точку.—Ты подумай только, вѣдь ученая мамзель завсегда больше швеи заработаетъ, а способна ли еще Катинька къ вашему-то

ремеслу? Ты вотъ, ученія ее лишишь, а шить хорошо она, можетъ быть, никогда не выучится! Такъ то, милая, заключила Матвѣвна, ласково ударивъ свою собесѣдницу по плечу.

— Ну, тогда не для чего было ее и присылать сюда! Только старыя раны растравлять! Какая я ей мать, какая она мнѣ дочь? Живетъ у людей, которые и знать меня не хотятъ. Учатъ ее все такому, объ чемъ я и понятія не имѣю... Какіе разговоры могутъ быть промежь насъ? Вѣдь сдѣлайся она хоть распринцесса, а я ужь никогда не буду передъ нею подличать, какъ маменька съ Ѳеней.

Матвѣвна снисходительно засмѣялась.

— Никто отъ тебя подлостей и не требуетъ! Только вотъ тебѣ мой совѣтъ: очертя голову ни на что не кидайся, обдумай прежде... А теперь, потолкуемъ лучше о другомъ дѣлѣ. Живетъ все у васъ этотъ... Розоновъ-то?

— Живетъ... Отчего же ему не жить?

— Нѣтъ, я такъ. Сколько вы съ него берете?

— Сколько слѣдуетъ, сухо отвѣчала Ольга.

— Однакожъ?

— Да на что вамъ знать, Дарья Матвѣвна?

— Я не неволю, мать моя, а для твоего же добра... Чиновникъ тутъ одинъ навѣдывался у меня про вашу квартиру...

— Какой такой чиновникъ?

— Я ему сказала, такъ и такъ, батюшка, пять рублей за комнату, да десять за харчи... все тутъ значитъ, и чай, и сахаръ, обѣдъ, ужинъ. Обѣщался подумать.

— Вы это напрасно хлопочете, Дарья Матвѣвна, мы жильцомъ довольны, а съѣдетъ, такъ живо другой найдется... У насъ квартира никогда не стоитъ пустая...

— Гдѣ стоять пустой! Да вѣдь жилецъ жильцу рознь. Вамъ теперь, по вашему вдовьему да сиротскому положенію, завсегда лучше степеннаго человѣка держать. Тотъ чиновникъ, о которомъ я говорю, ужь не молодой, лѣтъ эдакъ подъ пятьдесятъ, солидный господинъ, какъ есть. Ну, и съ достаткомъ, въ деньгахъ, значитъ, задержки никогда не будетъ. Опять же, съ нашими господами знакомъ, неравенъ часъ, можетъ и словечко замолвить.

— Какое словечко? Зачѣмъ? Ничего мнѣ отъ нихъ не нужно, отъ генераловъ вашихъ! съ раздраженіемъ прервала ее Ольга.

— Ну, разъѣхалась.

И старуха съ досадой махнула рукой.

— Съ тобой не столковать! Не пора ли домой, Катинька?

обратилась она къ дѣвочкѣ, которая появилась въ дверяхъ, со всей своей свитой.—Чему ты тамъ смѣялась, проказница, а?

Катя съ кокетливой ужимкой указала на Розонова.

— Это онъ... Онъ такъ смѣшно представляетъ индѣйскаго пѣтуха! Еслибъ Алеша съ Сашей видѣли...

— Поѣдемъ, поѣдемъ, забранятъ вѣдь... засуетилась Матвѣвна.

— А пирогъ-то! Вѣдь готовъ! со слезами взмолилась бабушка:—дай ей откушать нашего пирожка, Матвѣвна!

Катя остановилась въ недоумѣніи среди комнаты, посматривая то на бабушку, то на Матвѣвну.

— Не удерживайте, маменька, вмѣшалась Ольга:—вѣдь слышали? велѣли черезъ часъ вернуться.

Ѳеня покорно отправилась за шляпкой и за перчатками племянницы.

Начали прощаться. Матвѣвна всѣхъ торопила. Катя довольно терпѣливо переносила обниманія, цалованія и причитыванія тетки и бабушки и очень развязно протянула ручку Розонову.

Ольга Петровна стояла въ отдаленіи и молча наблюдала за этой сценой, но, по судорожному движенія ея губъ и по выраженію глазъ, видно было, что не легко обходится ей это наружное спокойствіе.

— Поѣдемъ, Дарюша, сказала, наконецъ, Катя, обращаясь къ Матвѣвнѣ.

— Простись же съ матерью, вѣтренница! проворчала Матвѣвна.

Дѣвочка смутилась немножко и подошла къ Ольгѣ, которая приложила на мгновеніе свои дрожащія губы ко лбу дочери и затѣмъ слегка оттолкнула ее...

— Прощай, прощай, проговорила она взволнованнымъ голосомъ:—Христосъ съ тобой! Въ другой разъ отпустятъ, такъ мы поближе познакомимся. Сегодня некогда было.

Слезы душили ее. Она выбѣжала въ сосѣднюю комнату и дѣвочку проводили до экипажа безъ нея.

Когда бабушка, Ѳеня и Розоновъ вернулись назадъ, Ольги ужъ не было, ни въ домѣ, ни въ кухнѣ. Бурнусъ и калоши ея тоже исчезли.

II.

Вечеромъ того же дня, Ольга Петровна сидѣла у окна, повернувшись спиной къ столу, на которомъ маленькая керосиновая

лампа освѣщала работу двухъ сестеръ, шерстяной чулокъ ихъ матери и открытую книгу Розонова.

Сегодня, какъ и всегда, явился Розоновъ съ книгой, но чтеніе не клеилось. Ѳеня безпрестанно прерывала его воспоминаніями о Катѣ, а Ольга вся ушла въ свои думы и даже не отвѣчала на предлагаемые вопросы. Но когда сестра ея начала складывать работу и стала звать ее спать, она встрепенулась и объявила, что хочетъ еще послушать книжку. Оставшись одна съ Розоновымъ, она цѣлыхъ полчаса насиловала свое вниманіе, но, наконецъ, не вытерпѣла, бросила шитье и отошла къ окну.

Розоновъ продолжалъ читать про себя, то есть продолжалъ держать книгу предъ глазами и мысленно терзаться горемъ плачущей возлѣ него женщины.

Глубокое страданіе выражалось на его добромъ и честномъ лицѣ, каждую минуту порывался онъ подойти къ ней, распросить, утѣшить. Но онъ зналъ, что ничего этого не съумѣетъ сдѣлать и не трогался съ мѣста.

Наконецъ Ольга сама позвала его.

— Подите сюда, голубчикъ, сказала она, не поднимая головы съ подоконника.

Онъ порывисто сорвался съ мѣста, сдѣлалъ шага три по направленію къ окну и остановился какъ вкопанный.

— Ахъ, голубчикъ мой, какъ я несчастна! проговорила она, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ.—Вѣдь подумайте только, она — мое дитя! Катя! Дѣвочка моя дорогая! Я даже и не поцаловала ее порядкомъ! И зачѣмъ только они прислали ее?.. Дразнить меня... о, Господи! Еслибъ сила воли была, характеръ .. Вотъ какъ въ книжкѣ, что вы читали... взяла бы, да и пошла бы къ нимъ, къ этимъ генераламъ: отдайте мнѣ мою дѣвочку! И отдали бы! Не могутъ не отдать, я это знаю! Знаю, а не пойду, силъ не хватитъ, сробѣю... О! Господи!

Розоновъ подошелъ къ двери въ сосѣднюю комнату и плотно притворилъ ее. Онъ былъ очень взволнованъ и самъ съ трудомъ удерживалъ слезы. Бѣдный юноша давно былъ влюбленъ въ Ольгу Петровну, еще съ того времени, какъ онъ ходилъ къ товарищу, который года два сряду жилъ на теперешней его квартирѣ. Сильно ёкнула въ немъ сердце, когда товарищъ этотъ объявилъ ему, что онъ получаетъ мѣсто въ другой губерніи и что комната его будетъ свободна.

— Какъ ты думаешь, возьмутъ онѣ меня? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Почему не взять? Очень даже рады будутъ, все же знак-

мый человѣкъ, отвѣчалъ тотъ: — и совѣтую тебѣ, братецъ, преимущественно за старушкой ухаживать, она преласковая...

Дѣло сладилось очень скоро. Пріятель Розонова уѣхалъ утромъ, а ужь за обѣдомъ, новый жилецъ кушалъ пирогъ съ кашей, испеченный въ честь его новоселья.

Гаврило Ивановичъ былъ счастливъ безмѣрно. Съ хозяйками у него вскорѣ установились самыя дружескія сношенія; съ нимъ не церемонились, Ѳеня посылала его въ гостинный дворъ за иголками и нитками или прикупить матеріи по образцику; бабушка заставляла таскать дрова, растапливать печку, ставить самоваръ. Но за то, какъ же его и угощали, какъ заботились объ его платьѣ, бѣльѣ, сапогахъ! А что всего было для него дороже, на его долю выпала обязанность провожать Ольгу Петровну, когда она выходила по вечерамъ относить работу.

Очень часто, заболтавшись со своими закащицами, она забывала, что Розоновъ ожидаетъ ее у дверей дома, но онъ никогда не жаловался ни на холодъ, ни на непогоду, потому что все это исчезало передъ блаженствомъ возвращаться домой вдвоемъ, не торопясь, рука объ руку, болтая о всякой всячинѣ.

Встрѣчая ихъ по вечерамъ такъ часто вдвоемъ, люди двусмысленно улыбались, Розоновъ краснѣлъ и тревожно посматривалъ на свою спутницу, но она такъ искренно и беззаботно смѣялась, что онъ успокоивался. Впрочемъ, эти подозрительные взгляды прохожихъ наполняли душу его какимъ-то безотчетнымъ блаженствомъ и ему подчасъ было досадно, что Ольга такъ равнодушно относится къ нимъ.

А длинные зимніе вечера за лампой, съ какой нибудь книгой! Чего только не перечиталъ онъ ей вслухъ, пока она налаживала передъ сорочки или вметывала прошивки въ кофту! Они рѣдко соглашались въ чемъ бы то ни было; Ольга многого не понимала и не хотѣла понимать: у нея на все были своимъ идеи, на которыя было трудно вліять. Если Розоновъ не называлъ ее *неразвитой*, то единственно потому только, что онъ еще не зналъ всѣхъ новыхъ словъ. Онъ просто приписывалъ неуспѣхъ своей пропаганды собственному недостатку краснорѣчія и досадывалъ на себя.

— Не умѣю говорить, повторилъ онъ мысленно: — вотъ еслибъ она прочла такую-то книгу или услышала такого-то, ей все сдѣлалось бы ясно...

Она ему разъ сказала: — Я не понимаю, Гаврило Ивановичъ, для чего хотите вы непремѣнно заставить меня думать по вашему? Развѣ вы ужь такъ увѣрены, что ваши убѣжденія лучше моихъ?

— Я вамъ не свои убѣжденія навязываю...

— А чьи же?

И не дожидаясь отвѣта:

— Я думала ваши, потому только и спорила, а до другихъ мнѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла!

Она пытливо заглядывала ему въ глаза, наслаждаясь его смущеніемъ.

— Развѣ вамъ хотѣлось бы, чтобъ я другая была?

— Не другая, Ольга Петровна... А все таки... Каждый человѣкъ долженъ совершенствоваться!

— Можетъ быть, только не по книжкѣ, да не съ чужого ума, а самъ по себѣ. Это я вамъ вѣрно говорю, прибавила Ольга, помолчавъ немного:—до этого я сама додумалась... А вотъ у васъ, кажется, скоро ничего *своего* не останется, все зачитается! заключила она со смѣхомъ.

Она увѣряла, что въ борьбѣ съ жизнь, всѣ эти вычитанныя добродѣтели никуда не годятся, и чтото только устоитъ, что въ душу самой природой вложено.

— А если ничего не вложено? спрашивалъ Розоновъ.

— Ну, тогда лучше и не жить на свѣтѣ! Тутъ ужь никакія книжки не помогутъ. Про такихъ и говорить нечего, а мы толкуемъ про людей съ закваской... Вотъ эту-то закваску и разводи, какъ знаешь, но только, чтобъ она вездѣ проглядывала, вездѣ бы своимъ вкусомъ отдавала!

Они очень сблизились и въ трудныя минуты, она прибѣгала къ нему гораздо охотнѣе, чѣмъ къ матери и сестрѣ, съ которыми у нея ничего не было общаго. Вотъ и теперь, ей ужь стало легче отъ одного взгляда на безпредѣльное участіе, которымъ дышало его лицо.

— Глупо объ этомъ плакать, только глаза портишь по пустому! Что прошло, того не вернешь! Скажите мнѣ лучше о себѣ. Были вы тамъ сегодня? Что вамъ сказали?

— Былъ. Да что, Ольга Петровна, плохи мои дѣла. Говорятъ, на это мѣсто непремѣнно изъ университета требуется...

— Все это вздоръ! Мнѣ самъ отецъ Меѳодій сказывалъ, что все зависитъ отъ ближайшаго начальства. Новый какой-то пріѣхалъ, вы не знаете кто?

— Не знаю.

— Надо узнать и сходить къ нему.

— Мнѣ вотъ урокъ предлагаютъ.

— Чудесно! У кого это?

— Русской словесности и славянскаго языка, это мои предметы... Мнѣ очень пріятно было бы ими заняться...

— Такъ чтожь, нетерпѣливо прервала его Ольга: — за чѣмъ же дѣло стало?

— За вами...

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее и улыбнулся какой-то натянутой улыбкой.

— Я не знаю, пріятно ли вамъ будетъ, чтобъ я ходилъ къ Свѣтловымъ?

— Къ нашимъ? всплеснула руками Ольга.

— Точно такъ. Я обѣщался подумать, хотѣлъ съ вами прежде переговорить...

— Голубчикъ! Да что тутъ думать, какже не согласиться?... Вы, значитъ, и Катю будете учить?

— Не знаю еще, можетъ быть, однихъ только мальчиковъ. А я думалъ, вамъ будетъ непріятно...

— Что вы! Я черезъ васъ все буду знать... какже непріятно?

— Такъ я завтра объявлю, что согласенъ.

— А я васъ за это вотъ какъ разцалую...

Быстрымъ движеніемъ охватила она обѣими руками его голову и звонко поцѣловала его въ лобъ.

— Ступайте теперь спать, да и мнѣ пора... Голубчикъ, какъ я рада! А я то сегодня весь день продумала: какъ и черезъ кого объ моей дѣвочкѣ узнавать! Вѣдь я Матвѣвнѣ ни словечка не вѣрю, да она и не понимаетъ, чтò мнѣ надо.

III.

Дмитрій Николаевичъ Горичъ пріѣхалъ въ Чернолѣсовъ рано утромъ.

Пять сутокъ скакалъ онъ не останавливаясь, то по желѣзной дорогѣ, то на перекладной и, не взирая на пыль и усталость, приказалъ ямщику пристать къ почтовой станціи и, оставивъ тамъ свой чемоданъ, отправился бродить по городу.

Ему еще никогда не случалось бывать въ Чернолѣсовѣ, но съ рѣкой, на которой стоитъ этотъ городъ, онъ былъ знакомъ съ ранняго дѣтства и всю ночь мечталъ окунуться въ ея прохладныя, желтоватыя волны. Его тянуло къ нимъ, какъ къ чему то родному и милому, но спросить дорогу было не у кого, все еще спало кругомъ, всѣ двери и ставни были заперты. Даже пыль лежала на улицѣ густымъ, спокойнымъ слоемъ. Восходящему солнцу удалось разбудить только миріады разноцвѣтныхъ инфузорій. Кое-гдѣ раздавалось мычаніе коровы, да скрыпъ колодезной веревки, но скотъ еще выгоняли въ поле.

Дмитрій Николаевичъ шелъ большими, быстрыми шагами по первой попавшейся улицѣ, водя по воздуху чуткимъ носомъ. Вотъ повѣяло свѣжестью, запахомъ дегтя и сыраго дерева, значитъ берегъ близко.

Улица стала все чаще и чаше прерываться длинными заборами, потянулся безконечный плетень, густо обвитый павиликой и хмѣлемъ, а за этимъ плетнемъ цѣлое море зелени. Кое-гдѣ торчали деревья: одичалыя груши и яблони, пирамидальные тополя. Тутъ вѣрно былъ садъ когда-то, но теперь не видать ни одной клумбы, ни одного протоптаннаго мѣстечка, все заглохло и заросло травой. Вдругъ изумрудныя волны заколыхались и изъ нихъ вынырнула бѣлая какъ лунь головенка шестилѣтняго мальчика въ разорванной рубашкѣ, съ краюхой чернаго хлѣба въ одной рукѣ и пучкомъ зеленаго лука въ другой. Плутоватые глазенки, сверкавшіе среди перепачканной рожицы, съ любопытствомъ уставились на незнакомое лицо, заглядывающее черезъ плетень.

— Эй ты, херувимъ лѣсной! Можно, что-ли, пройти тутъ къ рѣкѣ? закричала ему голова.

— Можно, тутъ тропочка есть... Лѣзь сюда! очень развязно отвѣчалъ херувимъ.

Дмитрій Николаевичъ не задумываясь, перешагнулъ черезъ плетень и утонулъ выше колѣнъ въ сочной и душистой травѣ.

Здѣсь было еще тише и уединеннѣе, чѣмъ на улицѣ, но стоило только проникнуться этимъ безмолвіемъ, вслушаться въ эту тишину, чтобъ убѣдиться, сколько жизни, какая дѣятельность, суета, жужжаніе и шипѣніе, кипѣли въ этомъ яркомъ зеленомъ мірѣ, насквозь пронизанномъ блестящими лучами восходящаго солнца.

Босоногій и полуголый мальчуганъ распоряжался тутъ, какъ новый Адамъ среди невѣдомаго рая. Онъ весело посматривалъ на своего гостя и указывалъ ему на едва замѣтную тропинку между высокими коноплями.

— Иди все прямо, а тамъ рѣка будетъ, проговорилъ онъ, настолько внятно, насколько позволялъ ему хлѣбъ и лукъ, которыми былъ набитъ его ротъ.

— Ой-ли! И выкупаться можно? засмѣялся Дмитрій Николаевичъ.

— Можно. Мы съ Митрохой ужъ купались. Въ него два рака впились... вооотъ какіе!

Онъ растопыривалъ ручонки, чтобъ показать, какой величины были раки, и послѣдовалъ, припрыгивая, за своимъ новымъ знакомымъ.

Они дошли до маленькой хижины, за которой тянулись ряды сложенныхъ дровъ.

— Тутъ тятька живетѣ, пояснилъ маленькій чичероне:—онъ дрова караулитъ. Народъ здѣсь воръ, надо всю ночь ходить да постукивать. Въ запрошломъ году тятьку чуть не убили разбойники... Какъ шарахнутъ топоромъ по головѣ!.. Крови-то, крови-то что было... страсти! Вотъ тутъ!

Мальчикъ указывалъ на мѣсто, густо поросшее дикой гвоздикой; между цвѣточками прыгали и стрекотали кузнечики.

— А мамка у тебя есть? спросилъ Дмитрій Николаевичъ.

— Мамка померла. Еще въ тѣ поры, когда тятьку окровянили... съ перепугу! Была еще сестренка, та съ палатей упала, тоже померла. Теперича я одинъ съ тятькой... Онъ дрова караулитъ у Карпа Алексѣича...

— У Негуляева? перебилъ его Дмитрій Николаевичъ.

Но мальчикъ не понялъ этого вопроса и съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Ты его видѣлъ, хозяина-то? Какой онъ изъ себя?

— Какъ не видать! Онъ почти кажинный день на берегу, старый такой, большой, борода бѣлая... Онъ добрый, позволилъ тятькѣ огородъ сажать, и конопли тоже... Теперь у насъ все свое, лукъ, картошка, одинъ хлѣбъ покупаемъ... Меня Серегой звать, а тятьку Панфилычъ...

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до рѣки.

Дмитрій Николаевичъ подумалъ, что день начинается для него какъ-то особенно удачно и пріятно; купанье сняло съ него всѣ слѣды сонливости и утомленія, онъ чувствовалъ себя такимъ бодрымъ и свѣжимъ, какъ будто провелъ всю ночь не на тряской перекладной, а въ покойной постелѣ и началъ весело взбираться по довольно крутому склону, который велъ отъ берега къ базарной площади.

Тутъ было уже людно и оживлено; со всѣхъ сторонъ съѣзжались возы съ зеленью и всякой живностью, изъ всѣхъ окружающихъ улицъ и переулковъ стекались хозяйки съ корзинами въ рукахъ, бабы въ платкахъ, женщины въ чепцахъ, барыньки въ шляпкахъ... Всѣ тискались, шумѣли, спорили и торговались, пробираясь между корзинами, лотками, телегами, тележками...

Около трехъ часовъ того же дня, Дмитрій Николаевичъ подъѣзжалъ въ щегольскомъ фаэтонѣ къ губернаторскому дому и вручалъ швейцару свою визитную карточку.

Его почти тотчасъ же ввели въ кабинетъ князя, и послѣ довольно продолжительной бесѣды:

— Я къ вамъ самъ заѣду съ отвѣтомъ, и надѣюсь благопріятнымъ, говорилъ ему градоначальникъ, провожая его до дверей залы.

— Пожалуста, не безпокойтесь, князь, мнѣ васъ принять негдѣ. У меня еще нѣтъ квартиры, я остановился у моего компаньона, купца Негуляева...

— У Карпа Алексѣевича? снисходительно усмѣхнулся князь.

Дмитрій Николаевичъ прикинулся удивленнымъ.—Вы знаете Карпа Алексѣича, князь?

— Какъ же, какъ же! Кто-жь его не знаетъ здѣсь, помилуйте! Вѣдь сила, батюшка! частенько и мы кланяемся Карпу Алексѣевичу: такъ и такъ, многоуважаемый Карпъ Алексѣичъ, не будетъ ли милости дровецъ на пріютъ пожертвовать, или тамъ тысченку другую на ремонтъ богадѣльни...

Князь любилъ при случаѣ щегольнуть своимъ знаніемъ народной рѣчи.

— Въ которомъ же изъ своихъ домовъ онъ пріютилъ васъ?

— Въ томъ, что поближе къ пристани.

— Я такъ и зналъ. Онъ и меня тамъ принимаетъ, и всѣхъ насъ грѣшныхъ. Этотъ домъ у него, такъ сказать, для отвода глазъ существуетъ. Я ему говорю на дняхъ: у тебя, Карпъ Алексѣичъ, еще домъ есть, у монастыря, тамъ ты, говорятъ, какую то богородицу скрываешь. Мнѣ, какъ градоначальнику, все извѣстно. Зовутъ ее Авдотьей Антоновной. Дай срокъ, доберемся мы до нея! Разсердился старикъ... Я, говоритъ, ваше сіятельство, никакихъ полицій не боюсь: у меня все въ законѣ...

— Карпъ Алесѣевичъ человѣкъ старинный, князь!

— Именно старинный, даже древній... У него, говорятъ, очень важный санъ между своими... Что-то вродѣ архіерея... Вы не знаете?

Дмитрій Николаевичъ молча наклонилъ голову.

— А жена его играетъ у нихъ роль богородицы, продолжалъ губернаторъ и, нагнувшись къ уху гостя, прибавилъ вполголоса: — про ихъ обряды разсказываютъ странныя вещи, говорятъ, что ее сажаютъ на столъ... toute nue... зажигаютъ кругомъ множество свѣчей... Потомъ, разумѣется, оргія...

Князь остановился и провелъ рукой по воздуху, чтобъ нагляднѣе представить оргію.

— Много врутъ, ваше сіятельство, уклончиво возразилъ Дмитрій Николаичъ.

— Ну, нѣтъ, не говорите, у насъ въ Россіи существуютъ престранныя секты.

Отъ губернатора Дмитрій Николаичъ поѣхалъ къ другимъ

значительнымъ лицамъ города. У управляющаго акцизомъ, который оказался старымъ знакомымъ, его оставили обѣдать. Потомъ заѣхалъ домой, переодѣлся и отправился опять бродить. Ему какъ будто хотѣлось въ одинъ день изучить всѣ закоулки Чернолѣсова.

Онъ прошелся по бульвару, обсаженному липами, заглянулъ въ церковь, гдѣ шла всенощная, и повернулъ на главную улицу, такую же пыльную и скверно вымощенную, какъ и прочія, но съ большими домами и довольно красивыми магазинами. Къ подъѣзду одного изъ нихъ подъѣхала карета, изъ которой вышла такая нарядная и красивая дама, что Дмитрій Николаичъ остановился, чтобъ посмотрѣть на нее.

Лакей растворилъ большую стеклянную дверь на лѣстницу, очень нарядно устланную краснымъ сукномъ — магазинъ помѣщался во второмъ этажѣ — но прежде, чѣмъ подняться по ней, дама дала ему записку и приказала возвратиться скорѣе.

— Я долго не останусь, прибавила она, скрываясь за дверью.

— Чья карета? спросилъ Дмитрій Николаичъ у кучера.

— Генеральши Свѣтловой.

Онъ хотѣлъ еще что-то спросить, но лакей уже прыгнулъ на козлы и приказывалъ ѣхать на Нѣмецкую Улицу.

На противоположной сторонѣ улицы, какъ разъ противъ магазина, въ который вошла заинтересовавшая его дама, была кандитерская. Дмитрій Николаичъ вошелъ въ нее, спросилъ мороженаго и, съ газетой въ рукахъ, сѣлъ у окна.

Ему не долго пришлось ждать, минутъ черезъ десять, по широкой лѣстницѣ противъ стеклянной двери, начало спускаться бланжевое облако въ кружевахъ и лентахъ, въ соломенной шляпѣ съ фіялками, и генеральша Свѣтлова снова появилась на крыльцѣ.

Кареты еще не было.

Она тревожнымъ взглядомъ окинула улицу и слегка сдвинула брови, свои тонкія, точно кистью выведенныя, брови. Однако, не вернулась назадъ въ магазинъ и, къ величайшему удовольствію Дмитрія Николаича, рѣшилась ждать на крыльцѣ.

Улица была почти пуста. Это былъ тотъ часъ, передъ закатомъ солнца, когда всѣ чернолѣсовскіе фланёры толкаются на бульварѣ, а люди зажиточные и семейные катаются въ своихъ экипажахъ, за городомъ. По деревяннымъ мосткамъ, замѣнявшимъ тротуары, проходили только самыя мелкія, ничтожныя личности.

Генеральша простояла нѣсколько мгновеній совершенно спокойно, но, мало по малу, пристальный взглядъ, устремленный на

нее изъ окна кондитерской началъ тревожить ее, она принялась застегивать на всѣ пуговицы свои длинныя перчатки, поправила банты на груди и вдругъ быстрымъ, невольнымъ движеніемъ подняла голову.

Глаза ихъ встрѣтились, но почти въ ту же минуту подъѣхала карета. Прежде чѣмъ сѣсть въ нее, она еще разъ взглянула на окно: тамъ человѣкъ, съ смѣющимися глазами, совершенно овладѣлъ позиціей, даже облокотился обѣими руками на подоконникъ и, въ позѣ зрителя въ ложѣ, преспокойно любовался ею.

«Никогда еще никто не позволялъ себѣ смотрѣть на Елену Васильевну такъ... *дерзко*», подумала она.

IV.

Жизнь въ генеральскомъ домѣ отличалась такимъ однообразіемъ, что даже такое ничтожное происшествіе, какъ пятиминутное ожиданіе кареты у подъѣзда магазина, принимало здѣсь размѣры какого-то важнаго событія.

— Нѣтъ, душа моя, я опять-таки скажу, напрасно ты не вернулась къ Матильдѣ, волновался генералъ: — лучше тамъ было ждать, чѣмъ на крыльцѣ.

— Я не могла къ ней вернуться, Матильда со мной вмѣстѣ вышла и заперла магазинъ. По субботамъ ея дѣвушки рано расходятся, я уже ни одной не застала, когда пріѣхала. Мы переговорили и вмѣстѣ вышли изъ магазина... Она прошла какимъ-то заднимъ ходомъ къ своимъ, которые живутъ въ томъ же домѣ, гдѣ-то на дворѣ, а я спустилась по парадной лѣстницѣ.

— А все-таки, настаивалъ генералъ:—мало ли что могло случиться! На улицѣ всякій народъ ходитъ. Долго ли наткнуться на какую-нибудь пьяную каналью. Да гдѣ же Петръ, наконецъ, былъ? спрашивалъ онъ въ сотый разъ.

И въ сотый разъ, она съ невозмутимымъ терпѣніемъ объясняла, что Петръ былъ посланъ съ каретой и запиской къ Аннѣ Ивановнѣ и т. д.

Ей, кажется, доставляло особенное удовольствіе распространяться объ этомъ происшествіи, она говорила о немъ, на слѣдующій день, съ гувернанткой дѣтей, m-lle Aurore.

— Нѣтъ, вы только представьте себѣ! Одна, совершенно одна на крыльцѣ! Кругомъ, изо всѣхъ оконъ смотрятъ, а у меня даже и вуалетки нѣтъ! Вѣдь я прямо съ обѣда, en toilette de ville... И стоять такъ, у всѣхъ на виду... Право же, мнѣ приходило въ

голову позвать извощика... Только я не знаю, какъ на нихъ садятся! смѣялась она.

— Je crois bien! Mais c'est affreux, madame! Il n'y a pas de quoi rire...

— Vous avez raison... Et pensez donc, tout ce monde aux fenêtres!

Дался ей этотъ monde aux fenêtres! Весь онъ сводился на одного человѣка въ пыльной жакеткѣ, съ большими загорѣлыми руками и смѣющимися глазами... Благодаря этимъ глазамъ, Елена Васильевна запомнила всѣ остальныя черты его лица: черную бороду, крупныя пунцовыя губы и большой лобъ, до котораго загаръ еще не успѣлъ коснуться.

Она спрашивала себя, кто онъ, откуда и для чего пріѣхалъ въ Чернолѣсовъ? Въ томъ, что онъ пріѣзжій, она ни минуты не сомнѣвалась: только пріѣзжій могъ съ такимъ нахальнымъ любопытствомъ смотрѣть на генеральшу Свѣтлову... Кто-жъ въ городѣ не знаетъ ея, а также и того, что на нее нельзя такъ смотрѣть?

Всю свою жизнь Елена Васильевна встрѣчала только подобострастные или почтительные взгляды—и вдругъ такая фамильярность, да еще со стороны человѣка въ пестрой жакеткѣ и безъ перчатокъ! Онъ даже, кажется, поклонился ей, когда она на поворотѣ улицы нечаянно выглянула изъ окна кареты. Да, онъ снялъ свою соломенную шляпу и наклонилъ голову, она это видѣла.

Елена Васильевна всю свою жизнь была кумиромъ Чернолѣсова. Весь городъ гордился ея красотой и добродѣтелями, а также и тѣмъ, что у родителей ея былъ прекрасный домъ въ Чернолѣсовѣ и отличное имѣніе близъ Чернолѣсова. Отецъ ея и дѣдъ постоянно выбирались въ предводители и вообще въ ихъ семействѣ всѣ мужчины отличались добродушіемъ и гостепріимствомъ, а женщины красотою и скромностью.

Даже въ то фривольное время, когда, подражая петербургской модѣ, дама безъ аманта или, по крайней мѣрѣ, супиранта, не могла считаться вполнѣ свѣтской дамой, даже и тогда бабушка и прабабушка Елены Васильевны слыли за такихъ женщинъ, про которыхъ рѣшительно ничего нельзя было сказать. А сама Елена Васильевна съ колыбели выглядѣла ангеломъ.

Про ея набожность и благочестіе ходило не мало легендъ по городу, про то, какъ она съ раннихъ лѣтъ зазывала къ себѣ странствующихъ монашекъ и разныхъ юродивыхъ, какъ простаивала по цѣлымъ ночамъ на колѣняхъ, постилась, стремилась но-

ступить въ монастырь и, наконецъ, тихонько отъ родителей, продавала свои браслеты и брошки, и на эти деньги заказывала ризы на образа.

По мѣрѣ того, какъ Елена Васильевна изъ святой отроковицы превращалась въ дѣвушку-невѣсту, сказанія о ней облекались въ болѣе свѣтскую форму. Всѣ съ восторженнымъ умиленіемъ превозносили ея умѣніе держать себя въ обществѣ, сдержанность, отсутствіе всякаго кокетства. Она лишилась матери лѣтъ семнадцати, ей и это несчастіе ставили въ какую-то заслугу; англичанка, съ которой она выѣзжала въ свѣтъ, была глуха и ни на какомъ языкѣ не говорила, кромѣ какъ на своемъ; молчаливость этой особы тоже приписывали вліянію Елены Васильевны.

— У другой разболталась бы, не безпокойтесь, твердили чернолѣсовцы:—все зависитъ отъ того, какъ человѣка поставить...

Холодное пренебреженіе ея къ мужчинамъ, къ такъ-называемымъ кавалерамъ, вошло въ пословицу. Она даже разъ во всеуслышаніе объявила, что ей рѣшительно все равно, съ мужчиной танцовать или со стуломъ. И всѣ ей повѣрили, нетолько старички и люди солидные, увѣрявшіе, что въ нынѣшнее развращенное время такая дѣвица просто рѣдкость, но и маменьки, и тѣ должны были сознаться, что дочкамъ ихъ далеко до Елены Васильевны!

Одна изъ дѣвицъ, побойчѣе прочихъ, пробовала-было провести идею, что кавалерамъ такое сравненіе съ мебелью не должно быть особенно лестно, но ей не дали договорить, ей ото всѣхъ досталось, даже и отъ тѣхъ, за кого она вздумала заступаться.

Тогда было такое время, что скромность и умѣніе себя держать цѣнили выше всего въ женщинѣ. Разумѣется, въ женщинѣ богатой и красивой, а что касается до остальныхъ, то на нихъ и тогда, какъ и теперь, не обращали никакого вниманія.

Прекрасный романъ pour jeunes personnes можно было бы написать изъ жизни Елены Васильевны до замужества. Одно описаніе ея дѣтства, въ большомъ домѣ, среди тѣнистаго сада, въ обществѣ добродѣтельной матери и прекрасныхъ гувернантокъ, ея столкновенія съ двоюроднымъ братомъ, необузданнымъ и непокорнымъ мальчикомъ, ея вліяніе на него, заняло бы нѣсколько главъ этой назидательной книги.

Этотъ двоюродный братъ, сынъ раззорившихся родителей, воспитывавшійся, изъ милости, вмѣстѣ съ нашей героиней, могъ бы являться и въ послѣдующихъ главахъ, въ періодъ религіозныхъ увлеченій Елены Васильевны; его дерзкій и буйный нравъ съ особенной рельефностью выставлялъ бы чистоту и святость молодой дѣвушки. А позже, когда онъ, наперекоръ желанію дяди

и кроткимъ увѣщаніямъ сестры, предпочелъ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ университетъ и тамъ свертѣлся... Такъ свертѣлся, что даже письма отъ него получались не иначе, какъ черезъ «начальство»!.. Какъ трогательно и краснорѣчиво можно было бы описать этотъ печальный эпизодъ въ жизни Елены Васильевны! Огорченіе ея отца, а вскорѣ затѣмъ пріѣздъ петербургскаго генерала, и какъ генералъ этотъ, наслышавшись о добродѣтеляхъ Елены Васильевны еще въ столицѣ и пораженный ея красотой и скромностью—онъ сознавался, что это послѣднее качество стало все рѣже и рѣже встрѣчаться въ Петербургѣ — предложилъ ей сдѣлаться генеральшей, и какъ она, безъ малѣйшей любви къ нему, а единственно изъ уваженія къ его чину и положенію въ свѣтѣ, приняла это предложеніе и съ тѣхъ поръ наслаждается безмятежнымъ и вполнѣ заслуженнымъ счастьемъ...

Генералъ, которымъ оканчивается романъ Елены Васильевны, былъ человѣкъ, во-первыхъ, благородный, это само собою разумѣется, а во-вторыхъ. тонкій и политичный. Онъ никогда не упоминалъ о своихъ связяхъ, но не прошло и года послѣ его свадьбы, какъ родственника его жены, Александра Николаича Юрьева, перевели изъ мѣстъ отдаленныхъ уже въ мѣста менѣе отдаленныя, а именно въ Изборскъ, уѣздный городъ Чернолѣсской Губерніи.

Отсюда пріѣзжалъ онъ повидаться съ Еленой Васильевной, и вотъ какъ Матвѣвна описывала это свиданіе.

— Барыня все плакала и говорила, что смириться надо, а генералъ сидѣлъ насупившись и повторялъ: «я, глядя на васъ, готовъ на все, даже, пожалуй, еще разъ въ Петербургъ съѣзжу. только вы ужъ, пожалуйста, фанаберіи-то ваши бросьте»... Они этта печалуются, да разстраиваются, а Александръ Николаичъ ничего-себѣ, точно не о немъ рѣчь идетъ!.. Смѣется даже: «полно, говоритъ, Леночка, я только *тамъ*, говоритъ, и жизнь-то узналъ! Что тамъ за люди!» говоритъ. Тутъ ужъ генералъ не вытерпѣлъ: «пожалуйста, говоритъ, про этихъ людей въ моемъ домѣ не поминайте!» А барыня: «откуда, говоритъ, Саша, въ тебѣ такая отчаянность проявилась? Опомнись, мой другъ!» Однако-жъ не урезонили: какимъ пріѣхалъ, такимъ и уѣхалъ. «Вы, говоритъ, и не хлопочите, чтобъ мнѣ въ Чернолѣсовѣ позволили жить, въ Изборскѣ лучше»... Потомъ, мы узнали, почему ему въ Изборскѣ было лучше!..

Тутъ Матвѣвна обыкновенно понижала голосъ и шипѣла на ухо слушателя:—Вѣдь онъ Ольгу Петровну изъ Сибири привезъ, Молоденькую, шестнадцати лѣтъ еще ей не было! Намъ тогда

никому не въ домекъ, ужь потомъ все узнали. И, Господи, что тутъ было! Барыня просто въ отчаянность впала! «Непремѣнно, говоритъ, онъ на ней женится... Совсѣмъ себя загубитъ съ этой дѣвчонкой!» А баринъ: «да полно, говоритъ, душа моя, у всѣхъ молодыхъ людей метрессы бываютъ... Кабы на всѣхъ женились!..»—«Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, я знаю Сашу, у него на этотъ счетъ самыя дикія понятія... Непремѣнно женится, вотъ увидите»... Такъ и вышло.

V.

Заварилъ Серега кашу своимъ знакомствомъ съ Дмитріемъ Николаичемъ. Не прошло и мѣсяца, какъ пошла дѣятельная работа на дровяномъ дворѣ купца Негуляева и рядомъ съ хижиной Панфилыча, начало воздвигаться длинное одноэтажное зданіе, съ окнами на рѣку.

Сами рабочіе удивлялись быстротѣ, съ которой подвигалась стройка и приписывали эту быстроту частымъ посѣщеніямъ Дмитрія Николаича.

— Кто-жь у тебя будетъ въ новомъ дворцѣ хозяйничать? шутилъ Карпъ Алексѣичъ, котораго очень занимали затѣи компаньона.—Всѣмъ ты молодецъ, да холостъ, надо бы хозяйку завести!

— Почему не завести, все въ свое время справимъ, а покамѣстъ съ насъ и Матрены Савишны довольно, смѣясь отвѣчалъ Горичъ.

— Проказникъ, лѣшій бы тебя съѣлъ! хихикала Матрена: — такъ я и пошла къ тебѣ, дожидайся!

Однако-жь, когда домъ былъ выстроенъ, она явилась къ старому хозяину съ просьбой отпустить ее къ Миколаичу.

Матрена была изъ себя бабенка ледащая. Худая и плоская; она и лицомъ и цвѣтомъ кожи напоминала пряничную бабу, изъ тѣхъ, что неудались и вышли изъ формы съ приплюснутымъ носомъ, расплывшимся ртомъ, одинъ глазъ выше другого. Голосъ у нея былъ звонкій, крикливый; она любила пестрые сарафаны, бусы, серьги и ленты, всѣ принадлежности бабьяго туалета, питала нѣжную слабость къ каленымъ семячкамъ и орѣхамъ, къ трескучимъ бесѣдамъ съ кумушками на заваленкахъ и крылечкахъ, но все это не мѣшало ей ловко и толково править хозяйствомъ, а при случаѣ и хозяевами.

У нея вообще была какая-то особенная способность все забирать въ руки; гдѣ бы она ни жила, кончалось тѣмъ, что хо-

заинъ безъ ея позволенія изъ дому не смѣлъ выйти, такъ ловко умѣла она опутать его всякими мелкими угожденіями, такъ хорошо знала, въ какую минуту смолчать и покориться, въ какую раскричаться и стращать, что сейчасъ уйдетъ. Но здѣсь всѣ эти познанія и опытность пропадали даромъ: при первой же попыткѣ выйти изъ сферы, предоставленной въ ея распоряженіе, новый хозяинъ энергично взялъ ее за плечи и повернулъ лицомъ къ кухнѣ. Весь день пр[illegible]ила она, какъ шальная отъ бѣшенства.

— Давай разсчетъ, буркнула она ему, когда онъ, вернувшись домой поздно вечеромъ, заговорилъ съ нею, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Тебѣ, видно, давешняго мало? засмѣялся онъ въ отвѣтъ.

Этимъ и кончилось. Теперь она готова была въ глаза наплевать тому, кто напомнилъ бы ей, что она когда-нибудь думала отойти отъ Дмитрія Николаича. Она даже старалась потрафлять его друзьямъ, не всѣмъ, разумѣется, а тѣмъ, которые, по ея мнѣнію, были на людей похожи. Такихъ было очень мало и вообще эти *Миколаечевы юсти* часто приводили ее въ ярость; она постоянно жаловалась на нихъ въ своихъ бесѣдахъ съ сосѣдними сплетницами.

— Ты у ево хоть мой, хоть скреби, хоть чисти, все одинъ чортъ! Наползутъ со всѣхъ концовъ, что твои тараканы и весь домъ коромысломъ поставятъ!.. Одинъ крынку молока съ погреба тащитъ, другой—хлѣбъ кромсаетъ, третій—самоваръ до послѣдней капли выпущаетъ!.. Вездѣ наслѣдятъ, напакостятъ, накрошатъ... во всѣхъ углахъ постелей понадѣлаютъ! А онъ-то смѣется! Намеднись, моченьки моей нѣтъ, такъ заснула я, мои болѣзныя, такъ крѣпко, да такъ сладко, что ничевошеньки не слышу... какъ убитая! И вотъ, какъ ложилась я, никого въ домѣ не было, всѣ еще до сумерекъ разбрелись, а какъ вернулся *самъ*-то, во всѣхъ углахъ, на всѣхъ диванахъ — вездѣ люди!.. Чего! подошелъ къ постели, къ своей, раздѣлся, хочетъ ложить*ся*... и тамъ человѣкъ! Что-жъ вы думаете, онъ не долго думая— шасть ко мнѣ въ кухню, да прямо на палати!.. Мнѣ, признать*ся*, и слышалось, что дышетъ кто-то, да вѣдь съ просонья-то не разберешь, а какъ утромъ глаза-то открыла, да увидала, что торчатъ ноги... какъ заору!..

— Да кто-жъ это ходитъ къ нему, друзья что ли? любопытствовали кумушки.

— Какіе друзья! Все голоштанники... Не здѣшніе, на пароходахъ больше приплываютъ, другіе и пѣшкомъ, да все изда-

лека. Поживутъ денька три-четыре, который и больше, стащатъ что надо, да и слѣдъ простылъ!

— Чай, вѣдь тоже разговариваютъ промежъ себя?

— Какъ не разговаривать! даже пѣсни поютъ. У насъ на это вольно, хоть весь день ори, никто не взыщетъ!

— И ласковъ онъ съ ними, съ гостями-то?

— Миколаичъ-то? Да съ кѣмъ онъ не ласковъ-то, ты мнѣ вотъ что скажи? Какъ кто пришелъ, сейчасъ: Матренушка, чайку бы! Матренушка, закусить бы!.. Только и слышишь съ ранняго утра! До обѣда самоваръ разъ пять поставишь! А сколько мы имъ закусокъ скормимъ... страсти! Икру Карпъ Лексѣичъ боченками присылаетъ, балыки тоже свои, не купленые. Ласковъ, нечего сказать,—только и бѣготни съ нимъ! Къ ночи-то ноженьки такъ и гудуутъ!..

— Чай щелушатъ его, друзья-то?

— И не говорите! Только и видишь: кому красненькую сунулъ, кому двѣ, а кому и цѣлую сотенную отвалитъ... Да чего! На нихъ ни бѣлья, ни платья не напасемся! Иной разъ все растаскаютъ, самому надѣть нечего; начнешь ругаться, а онъ хохочетъ, закатывается! Вотъ онъ у меня какой, совсѣмъ простой!

VI.

Ольга Петровна была одна дома. Мать ея и сестра въ кои-то вѣки собрались въ гости и врядъ ли скоро вернутся.

Бываютъ минуты, когда присутствіе самыхъ близкихъ людей въ тягость; ей сегодня съ утра такъ хотѣлось остаться одной, что еслибъ мать съ сестрой не ушли, она сама убѣжала бы отъ нихъ куда-нибудь, въ поле или къ рѣкѣ, наняла бы лодку и гребла бы до усталости, до боли въ рукахъ и спинѣ, какъ бывало въ то время, когда тоска заползала въ ея душу съ такой силой, что только какимъ-нибудь физическимъ страданіемъ можно было унять, умаять ее.

Теперь такія минуты перестали находить на нее, и какъ всѣ люди, много выстрадавшіе, она съ недовѣрчивостью относилась къ этому затишью и тревожно спрашивала себя, не ожидать ли взрыва еще болѣе мучительнаго? Но жизнь все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала ею, прошлое уходило дальше и дальше, заволакиваясь туманомъ; ее тянуло къ чему-то живому и новому, тысячи смутныхъ идей, желаній и ощущеній пробуждались въ наболѣвшей душѣ, раздражая нервы смутнымъ предчувствіемъ пе-

ремѣны. Жутко и сладостно становилось заглядывать въ будущее.

Вдругъ надъ самымъ ея ухомъ раздался голосъ.

— Ольга Петровна!

Она вздрогнула и подняла голову: у окна стоялъ человѣкъ, который въ первую минуту показался ей совершенно незнакомымъ. Пока она съ недовѣріемъ смотрѣла на него, онъ приподнялся на цыпочки и быстрымъ взглядомъ окинулъ комнату.

— Вы однѣ? Я зайду, сказалъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, повернулъ къ калиткѣ. Черезъ минуту Дмитрій Николаичъ стоялъ у ея рабочаго стола.

— Такъ вы меня не узнали? повторилъ онъ, протягивая ей руку.

Ольга довольно холодно отвѣтила на это пожатіе.

— Теперь узнала. Но... вы очень перемѣнились...

— Неужели? Это борода... впрочемъ, и время тоже. Вѣдь мы, кажется, лѣтъ десять не видѣлись?

— Двѣнадцать, возразила она, снова принимаясь за работу.

Она не приглашала его садиться, онъ самъ придвинулъ стулъ, отложилъ шляпу въ сторону и расположился противъ хозяйки, какъ человѣкъ, намѣревающійся посидѣть.

— Да, двѣнадцать. А все-таки я васъ сейчасъ узналъ, проговорилъ онъ, спокойно и ласково смотря на неё: — вы все такая же хорошенькая, какъ и были, прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

Она ничего не отвѣчала на этотъ комплиментъ и продолжала шить, не подымая глазъ съ работы.

Со двора доносилось кудахтанье куръ и скрипъ какихъ-то воротъ въ отдаленіи, по улицѣ время отъ времени дребезжали дрожки и стучали шаги пѣшеходовъ по мосткамъ, но въ комнатѣ было такъ тихо, что даже слышенъ былъ пискъ мухи въ паутинѣ.

Ольга Петровна подумала, что нельзя такъ сидѣть, надо говорить что-нибудь.

— Какъ вы сюда попали? спросила она, не прерывая своего занятія.

— Мы тутъ дѣло одно затѣяли съ Негуляевымъ... Вы вѣдь знаете Негуляева?

Она утвердительно кивнула головой.

— Я отъ него и узналъ, что вы здѣсь, да некогда было зайти, вотъ только сегодня выдалась удобная минута. Я очень радъ, что засталъ васъ дома и одну...

— Маменька съ Ѳеней ушли въ гости, онѣ скоро вернутся...

— Да? Ну, я посижу у васъ, пока ихъ нѣтъ.

Разговоръ опять порвался.

Ольга думала о томъ днѣ, когда она въ послѣдній разъ видѣла Дмитрія Николаича. Это было въ Изборскѣ; онъ пріѣхалъ изъ далека, чтобъ быть шаферомъ у ея мужа, и очень ей тогда не понравился. Можетъ быть, потому, что не обращалъ на нее вниманія и совершенно овладѣлъ ея Сашей. Они давно не видались и не могли наговориться. Она пробовала вслушиваться въ эти разговоры и ничего не поняла. Разстался онъ съ ними какъ-то дико, ни съ кѣмъ не простившись. Наканунѣ, обѣщалъ прожить еще недѣльку, а утромъ и слѣдъ простылъ. Къ вечеру этого дня пришла отъ него депеша изъ какого-то дальняго города. Мужъ ея много смѣялся, читая ее, въ депешѣ упоминалось и объ ней, но что именно, она теперь забыла.

А Дмитрій Николаичъ, между тѣмъ, внимательно осматривалъ обстановку своей старой знакомой: кирпичикъ, обшитый ситцемъ, къ которому она прикалывала свою работу, старенькія, проштопанныя занавѣски на окнахъ, измытое и вылинявшее платье и худенькій воротничекъ хозяйки. Въ отворенную дверь сосѣдней комнаты виднѣлась узкая кровать изъ бѣлаго, некрашенаго дерева, покрытая одѣяломъ изъ лоскутиковъ; въ углу висѣло нѣсколько обтрепанныхъ юпокъ, маленькое зеркальце въ фольговой рамкѣ. Множество подушекъ, на этой единственной въ домѣ кровати, наводило на мысль о постеляхъ, что каждый вечеръ постилаются на сундукахъ, на полу, гдѣ ни попало.

Дмитрій Николаевичъ всталъ, прошелся по комнатѣ и заглянулъ въ другую дверь, напротивъ кухни: тамъ онъ увидѣлъ большой диванъ, обитый старой клеенкой, столъ у окна съ письменными принадлежностями, нѣсколько книгъ; въ углу, возлѣ печки, старые сапоги и калоши.

— А тутъ у васъ кто?

— Жилецъ, студентъ одинъ, неохотно отвѣчала Ольга.

Ее бѣсило присутствіе и безцеремонное любопытство непрошенаго гостя, она спрашивала у себя, для чего онъ явился и когда уйдетъ.

— А я вѣдь къ вамъ не даромъ зашелъ, сказалъ онъ, какъ будто угадавъ ея мысли.

Она съ удивленіемъ и даже съ испугомъ вскинула на него глаза.

— Мы съ Карпомъ Алексѣевичемъ купили тутъ хуторокъ поблизости. Не возьмется ли ваша матушка хозяйничать у насъ? Она, я знаю, хорошая хозяйка.

— Что такое? нетерпѣливо перебила его Ольга.

— Домикъ хорошенькій, теплый, продолжалъ онъ все тѣмъ же невозмутимымъ тономъ: — садъ кругомъ. У Карпа Алексѣевича тамъ коровы заведены, хорошія, тирольскія. Есть и люди, женщина съ мужемъ и съ мальчикомъ, только, разумѣется, за ними присмотръ нуженъ. Мы думали, что ваша матушка...

— Нѣтъ, вы ужь, пожалуйста, оставьте это, Дмитрій Николаичъ, намъ ничего не нужно.

Онъ не настаивалъ, только искоса посмотрѣлъ на нее и грустно усмѣхнулся. Потомъ, подошелъ къ окну, сѣлъ на подоконникъ и перегнулся на улицу.

— Къ вамъ идетъ кто-то, посмотрите-ка...

Ольга не шевельнулась.

— Кому идти! Къ намъ никто не ходитъ, проговорила она съ раздраженіемъ.

— Ужь будто никто? Ну да, мимо прошелъ. Офицеръ какой-то. Онъ перешелъ на вашу сторону, потому что тутъ тротуаръ лучше, а я думалъ онъ къ вамъ.

Онъ вовсе этого не думалъ, и говорилъ только для того, чтобъ сказать что-нибудь.

На ближайшей каланчѣ начали звонить часы. Дмитрій Николаевичъ пересчиталъ вслухъ всѣ удары.

— Уже семь часовъ, замѣтилъ онъ, отходя отъ окна и принимаясь отыскивать шляпу.

— Да уйдешь ли ты, наконецъ! думала съ возростающимъ нетерпѣніемъ Ольга.

Но онъ не уходилъ и, повертѣвъ съ минуту шляпу въ рукахъ, опять положилъ ее на столъ, прошелся по комнатѣ, притворилъ дверь въ прихожую и снова подошелъ къ столику хозяйки.

— Ольга Петровна, заговорилъ онъ взволнованнымъ, но рѣшительнымъ тономъ:—бросьте, пожалуйста, вашу работу и выслушайте меня. Я знаю, что̀ вы про меня думаете... Вы думаете, что я скотъ! Но, право же, я невиноватъ...

Онъ смотрѣлъ на нее такими добрыми и честными глазами, что горечь, зашевелившаяся въ ея душѣ съ первой минуты его появленія, начала мало-по-малу успокоиваться. Она все еще продолжала отвертываться отъ него, но въ движеніи, съ которымъ она отложила въ сторону шитье и откинулась на спинку стула, можно было замѣтить желаніе его выслушать и даже ему повѣрить.

— Видите, началъ онъ, вынимая изъ боковаго кармана распечатанный конвертъ:—вотъ Сашино письмо... Я получилъ его только недѣли три тому назадъ. Ка̀къ это случилось — нечего

разсказывать! Никто, конечно, въ этомъ не виноватъ, кромѣ меня самого. И какъ мнѣ грустно, что это такъ случилось—одинъ Богъ знаетъ. У меня были тогда такія дѣла... Я объ одномъ только и заботился, чтобъ друзья не узнали, гдѣ я скитаюсь. Отъ Саши я скрывался больше, чѣмъ отъ кого-либо. Ему удалось попасть на службу, у него была семья, онъ жилъ этой службой и сношенія со мной могли погубить его. Я никогда не давалъ ему моего адреса. Поэтому, письмо пропутешествовало по Европѣ года два, да съ годъ пролежало у Карпа Алексѣича... старикъ забылъ про него; адресъ написанъ не Сашиной рукой.

— Это я надписала адресъ. Письмо не было кончено...

— Ну да, такая ужь судьба, вѣрно!

— Именно судьба, печально согласилась Ольга.

— Что мнѣ вамъ еще сказать? Вотъ вы сейчасъ отказались отъ моего предложенія, но я, можетъ быть, другимъ чѣмъ могу вамъ быть полезенъ?

Она покачала головой.

— Ради Бога, не отвертывайтесь отъ меня такъ упорно. Я буду думать, что вы все еще сердитесь на меня.

— Я не сержусь на васъ, Дмитрій Николаичъ, мнѣ не за что на васъ сердиться. Но мнѣ, право, теперь ничего не нужно.

— Теперь?

— Ну да. Вотъ, еслибъ раньше, когда у меня была моя Катя! проговорила она со вздохомъ.

Онъ промолчалъ.

— Вы, вѣрно, слышали? Я отдала ее Свѣтловымъ. Елена Васильевна ей тёткой приходится: Саша воспитывался у нихъ въ домѣ. Когда онъ скончался, она пристала ко мнѣ: отдай, да отдай дѣвочку! Сначала я и слышать не хотѣла, мнѣ все казалось, что пробьюсь какъ-нибудь одна, но потомъ... Знаете, домика этого у насъ еще не было. Вамъ, вѣрно, Карпъ Алексѣевичъ сказывалъ, какъ онъ намъ достался, ему извѣстно... Ну, а тогда, маменькѣ съ Ѳеней не съ чѣмъ было подняться изъ Сибири, я была совсѣмъ одна. Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ трудно было. Мы съ Катей жили въ подвалѣ, у нее ножки начали пухнуть отъ сырости... Да что вспоминать! значитъ, тяжко было, когда я рѣшилась разстаться съ ребенкомъ.

Въ глазахъ ея блеснули слезы. Онъ взялъ ея руки и поцаловалъ ихъ.

— Голубушка моя! И какъ подумаешь, что онъ васъ поручалъ мнѣ! Съ какимъ удовольствіемъ исполнилъ бы я его просьбу! Неужели я теперь ничего не могу для васъ сдѣлать? Возь-

мите назадъ вашу дѣвочку, я помогу вамъ ее воспитывать. Вы не имѣете права отказать мнѣ въ этомъ утѣшеніи: вспомните только, онъ самъ этого желалъ!

— Поздно! Ее привозили къ намъ нынѣшней весной... Она со мной какъ чужая, да и я тоже. Чтò-жь мнѣ скрываться передъ вами, у меня нѣтъ къ ней того чувства, что было прежде! Въ моемъ сердцѣ живетъ другая Катя, та маленькая, которую у меня отняли, а эта... Свѣтловская, чужая! Богъ съ ней совсѣмъ!

Ему хотѣлось успокоить ее, сказать, что ей это только кажется, что этого быть не можетъ, но онъ видѣлъ, въ какомъ она возбужденномъ состояніи, и молчалъ.

— Хорошо ли ей тамъ, по крайней мѣрѣ?

— Почемъ я знаю! привыкла... Ее учатъ танцовать и пофранцузски; говорятъ, что Елена Васильевна ее больше своихъ дѣтей ласкаетъ. Но я вѣдь знаю, какъ меня тамъ презираютъ. Кромѣ дурного, она обо мнѣ ничего не слышитъ. И всѣ за нее, за эту красавицу генеральшу! вскричала она съ страстнымъ порывомъ ненависти.—Слова не смѣй сказать, такъ и накинутся! А она — чтò ни скажетъ, чтò ни сдѣлаетъ — все прекрасно! Еслибъ вы только знали, какъ ихъ здѣсь уважаютъ! И за чтò? просто понять нельзя! Она горда, никому добраго слова не скажетъ, отъ него—тоже никто хорошаго не видѣлъ. Говорятъ, что она добра... Въ чемъ ея доброта? Кому она помогла? Кого утѣшила? Только по монастырямъ, да по церквамъ раздаетъ, чтобъ за нее же молились—вотъ ея доброта! Съ дѣтьми опять... Прошлой зимой, старшая дѣвочка скарлатиной заболѣла, такъ она къ ней ни разу и не вошла — болѣзнь, видите, прилипчивая! Всѣ удивляются ея добродѣтели, что такая молодая, да красивая, съ старымъ мужемъ живетъ и вѣрна ему—святая, говорятъ! Такъ опять же, надо все знать... Намеднись, разговорились про это у отца Меѳодія, такъ и онъ... ужь на что человѣкъ политичный, по просту сказать, хитрый, такъ и тотъ: домъ, говоритъ, у нихъ такъ поставленъ, что нетокмо господамъ, даже прислугѣ трудно учинить безчинство.

Дмитрій Николаичъ засмѣялся.

— Посмотрѣла бы я на нихъ въ другомъ положеніи, продолжала съ большимъ одушевленіемъ Ольга Петровна: ей, повидимому, рѣдко приходилось имѣть дѣло съ такимъ терпѣливымъ слушателемъ.—Посмотрѣла бы я на эту генеральшу въ бѣдности, еслибъ ей вдругъ пришлось самой каждый грошъ сколачивать, да еще ребенка содержать!

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ.—А что, хороша она, по вашему?

спросила Ольга Петровна:—я ее только мельком видѣла и ничего не нашла особеннаго...

— Я ее видѣлъ, уклончиво отвѣчалъ Дмитрій Николаичъ: — я и съ генераломъ знакомъ. Мы у него землю торгуемъ. Вотъ и сегодня, прямо отъ васъ я къ нимъ пойду.

Глаза ея засверкали тревожнымъ любопытствомъ.

— Да вы не безпокойтесь, Ольга Петровна, продолжалъ онъ съ улыбкой: — мало ли съ кѣмъ я знакомъ! Намъ, дѣловымъ людямъ, выбирать нельзя—кто нуженъ, съ тѣмъ и знайся.

— Я вовсе не безпокоюсь, что мнѣ за дѣло! Мнѣ только хотѣлось бы знать... знаютъ они, что вы съ Сашей были дружны?

— Я думаю, что знаютъ.

Ольга Петровна задумалась.

— Я вѣдь вамъ сказалъ, мнѣ давно извѣстно, что вы живете въ Чернолѣсовѣ и я давно къ вамъ собирался. Сашино письмо ни минуты не давало мнѣ покоя... Такъ какъ же насчетъ хутора, Ольга Петровна? Подумайте. Этотъ домикъ вы могли бы сдать, а тамъ можно очень удобно устроиться. Карпъ Алексѣевичъ очень будетъ доволенъ.

— У Карпа Алексѣевича свои хозяйки есть, отвѣчала она нерѣшительно.

— Тѣ при своемъ дѣлѣ.

— Не знаю, право, Дмитрій Николаевичъ, мы никогда еще не жили въ деревнѣ, соскучимся еще, пожалуй, усмѣхнулась она:—тутъ все-таки кто-нибудь да зайдетъ, попадья, заказчицы...

Онъ невольно взглянулъ на дверь въ комнату Розонова и хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ, а Ольга поймала этотъ взглядъ и вся вспыхнула.

— Вотъ тоже Катя, поспѣшно прибавила она измѣнившимся голосомъ: — мы здѣсь хоть и не видимся, а все-таки слышимъ объ ней. Матвѣвна забѣжитъ, отецъ Меѳодій. А теперь Гаврило Ивановичъ Розоновъ, нашъ жилецъ, началъ у нихъ уроки давать, произнесла она съ усиліемъ и краснѣя еще больше.

— Какъ знаете, какъ знаете, разсѣянно проговорилъ Дмитрій Николаеичъ: — однако, мнѣ пора идти, поздно; видно мнѣ не дождаться вашей матушки.

А между тѣмъ онъ все медлилъ. Совсѣмъ стемнѣло. Ольга Петровна встала и начала прибирать работу.

— Мы подождемъ искать жильцовъ на хуторъ, началъ онъ опять, послѣ довольно продолжительнаго молчанія: — можетъ быть, вы въ будущемъ году рѣшитесь переселиться въ него. Только, пожалуйста, моя голубушка, не стѣсняйтесь вашимъ теперешнимъ отказомъ, располагайте мною, когда вздумается!..

Онъ взялъ ея руки и не выпускалъ изъ своихъ.

— Доставьте мнѣ случай вамъ быть полезнымъ. Я теперь въ такомъ положеніи, что мнѣ ничего не стòитъ. Вѣдь вы... Я никого, во всю мою жизнь, такъ не любилъ, какъ Сашу, и я вамъ не чужой!

Онъ произнесъ слова эти уже въ прихожей и поспѣшно вышелъ, не дожидаясь отвѣта и оставляя ее подъ впечатлѣніемъ какого то томительнаго умиленія, съ примѣсью смутнаго недовольства собой. За что? она не отдавала себѣ отчета и боялась вдумываться въ это чувство, но оно не переставало мучить ее даже тогда, когда вернулась ея мать съ Ѳеней и Розоновымъ. Они принесли ей гостинцевъ, большой букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Въ другое время Ольга всему этому обрадовалась бы, начала бы разспрашивать о видѣнномъ и слышанномъ, но сегодня розказни Ѳени показались ей глупы, оханье старушки раздражало ее. Она даже нашла неумѣстнымъ и неприличнымъ, что Розоновъ не уходитъ, а торчитъ тутъ, когда уже поздно, всѣ устали и хотятъ спать.

Про посѣщеніе стараго друга ея покойнаго мужа она никому не разсказала.

VII.

Дѣло Негуляевской компаніи съ генераломъ Свѣтловымъ, ко всеобщему удовольствію, близилось къ концу. Михаилъ Михайлычъ былъ въ восторгѣ; нетолько опасенія его осторожной супруги не сбылись, но ему даже удалось выторговать тысячи три лишнихъ при этой продажѣ. Дмитрій Николаичъ былъ доволенъ, что генералъ оказался еще проще, чѣмъ можно было предполагать, а Елена Васильевна радовалась, что, наконецъ, эта скучная и хлопотливая исторія кончается и что скоро ея мужу не будетъ надобности видѣться съ этими господами.

Елена Васильевна придерживалась того мнѣнія, что человѣку порядочному возможна одна только карьера — служба, сначала военная въ какомъ-нибудь гвардейскомъ полку, а потомъ можно, пожалуй, и въ провинціи гдѣ-нибудь предсѣдательствовать или губернаторствовать, покуда дѣти малы, съ тѣмъ чтобъ опять переселиться въ столицу, когда сыновьямъ надо выбирать полкъ, а дочерямъ prendre quelques leçons de maîtres sérieux.

Такъ поступалъ ея отецъ и дѣдъ, такъ поступаютъ почти всѣ въ ихъ обществѣ. Елена Васильевна не могла себѣ представить другой программы жизни. Она стояла за порядокъ и послѣдова-

тельность во всемъ и во что бы то ни стало; когда при ней разсказывали о какомъ-нибудь быстромъ обогащеніи посредствомъ коммерческихъ оборотовъ, или о блестящей случайности, выдвинувшей изъ толпы какую-нибудь темную, по происхожденію, личность, она такъ недовѣрчиво пожимала плечами и такъ рѣшительно предсказывала непрочность успѣха, что величайшіе оптимисты ощущали смущеніе. А когда, черезъ нѣсколько времени, ей доносили, что сомнѣнія ея были основательны, что милліонеръ раззорился, а баловень судьбы впалъ въ немилость, Елена Васильевна тѣмъ же спокойнымъ тономъ замѣчала:—иначе и быть не можетъ, это въ порядкѣ вещей.

Мужъ ея тоже благоговѣлъ передъ порядкомъ вещей, но въ немъ благоговѣніе это было не такъ естественно, какъ у его жены; чувство это было напущено на него воспитаніемъ, примѣрами, обстановкой, и какъ всякое напускное чувство, иногда теряло свою устойчивость. Люди, коротко знавшіе Михаила Михайлыча Свѣтлова, разсказывали, что въ молодости онъ даже совершилъ нѣсколько крупныхъ глупостей: перемѣнилъ полкъ изъ за того, будто бы командиръ оскорбилъ его, поручился за товарища, проигравшаго казенныя деньги въ карты и, наконецъ, влюбился безъ памяти въ какую-то танцовщицу и даже думалъ на ней жениться.

Разумѣется, такія съумасбродства не обошлись ему даромъ: за вспышку съ начальствомъ онъ два лишнихъ года прослужилъ въ томъ же чинѣ, за поручительство—долженъ былъ заложить домъ въ Москвѣ и даже впослѣдствіи лишиться его; у танцовщицы онъ засталъ соперника. Однимъ словомъ, за всякую попытку выскочить изъ рамки порядочности и посредственности, судьба такъ исправно щелкала его по носу, что трудно было бы не образумиться.

— Волка бояться, въ лѣсъ не ходить, смѣялись надъ нимъ легкомысленные товарищи.

— И не пойду, благоразумно возражалъ Михаилъ Михайловичъ.—Я лучше генераломъ буду, добавлялъ онъ про себя.

Онъ сдержалъ слово: въ лѣсъ не ходилъ, старательно избѣгалъ тѣхъ, кто туда ходитъ и безъ всякихъ треволненій и скачковъ достигъ крупнаго чина, виднаго положенія въ свѣтѣ и всѣхъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ положеніемъ, между прочимъ женитьбы на богатой и красивой дѣвушкѣ, которая тоже всю жизнь прохаживалась по проторенной дорожкѣ, не заглядывая ни вправо, ни влѣво, не интересуясь ни лѣсомъ, ни волками, ничѣмъ, чего порядочной дѣвицѣ знать не полагается.

Миновавъ такимъ образомъ благополучно подводные камни и

всяческія бури, которыми изобилуетъ юность большинства людей, супруги Свѣтловы переживали періодъ, означенный въ ихъ програмѣ жизни подъ рубрикой: жизнь въ провинціи, пока дѣти не подростутъ. Наступало время заботиться объ томъ, чтобъ года черезъ три-четыре достать мѣсто въ Петербургѣ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, Елена Васильевна все чаще и чаще напоминала объ этомъ своему мужу. Онъ ѣздилъ съ этой цѣлью куда слѣдуетъ, заручался обѣщаніями и указаніями, возобновилъ сношенія со многими лицами и всюду слышалъ одинъ и тотъ же совѣтъ: толкаться какъ можно чаще на глазахъ.

Средство это, какъ самое вѣрное противъ выскочекъ, которыми въ наше время изобилуетъ Петербургъ, рекомендовалось ему единогласно, какъ мелкими, такъ и крупными доброжелателями, да и самъ Михаилъ Михайлычъ понималъ, что *толкаться* необходимо. Даже Елена Васильевна сознавала это; оставалось только изобрѣсти средства на это толканье и обстоятельно обдумать, стоитъ ли игра свѣчь?

Елена Васильевна рѣшила, что стоитъ, и выразила готовность сократить, по мѣрѣ возможности, прочіе расходы по дому. Можно было не покупать новыхъ лошадей, вмѣсто двухъ баловъ въ зиму дать одинъ, или даже ни одного, не выписывать туалета изъ Петербурга и ограничиться мадамъ Матильдой. Такое великодушіе глубоко тронуло генерала.

— Нѣтъ, душа моя, я этого не допущу—ни за что! Мы придумаемъ что-нибудь другое.

— Но, право, мнѣ это ничего не стоитъ, Мишель, настаивала Елена Васильевна:—не все ли равно... И, наконецъ, такія ли жертвы приносятъ для дѣтей!

— Ты ангелъ! вскричалъ генералъ:—ты такая женщина, такая...

Елена Васильевна давно знала, что она ангелъ. Ей такъ усердно повторяли это со дня ея рожденія, что она проникласъ этимъ убѣжденіемъ съ той минуты, какъ начала понимать себя. Но она терпѣть не могла шумныхъ изліяній, такъ называемыхъ сценъ, и потому довольно нетерпѣливо прервала своего супруга.

— Полноте, пожалуйста, я исполняю мой долгъ,—вотъ и все. Вѣдь и вы тоже трудитесь для семьи...

Генералъ согласился, что и онъ тоже исполняетъ свой долгъ. Порѣшивши такимъ образомъ, что оба они порядочные люди и въ случаѣ необходимости съумѣютъ доказать это, они какъ-то вдругъ, оба разомъ, почувствовали, что на этотъ разъ говорить больше не о чемъ и поспѣшили разойтись. Къ тому же, какой-то внутренній голосъ шепталъ имъ, что Провидѣніе не оставитъ

*

безъ награды ихъ похвальное намѣреніе и пошлетъ имъ подспорье свыше.

Предчувствіе это сбылось; подспорье явилось въ лицѣ Дмитрія Николаича. Въ одно прекрасное утро онъ явился къ генералу и заявилъ, во-первыхъ, о существованіи нѣкоей пустоши Бычихи, считающейся собственностью Свѣтлова съ незапамятныхъ временъ, а во-вторыхъ о желаніи Негуляевской компаніи пріобрѣсти эту пустошь за выгодную цѣну и на наличныя деньги.

Генералъ возликовалъ, но генеральша не вполнѣ раздѣляла этотъ восторгъ. Хотя она и ждала подспорья свыше, но не въ такомъ видѣ. Многое смущало ее въ этомъ дѣлѣ: неожиданное открытіе Бычихи, о которой всѣ забыли и думать, а также и то, что посторонніе люди заинтересовались ею такъ усердно. Ей казалось, что тутъ непремѣнно кроется какой-нибудь ловкій обманъ, втягиваніе и запутываніе во что-то опасное и таинственное. Подозрѣніе это усилилось, когда Михаилъ Михайлычъ назвалъ одного изъ покупщиковъ, Карпа Алексѣевича Негуляева. Про этого старовѣра ходило много слуховъ по городу, и Елена Васильевна представляла его себѣ, какъ личность, во-первыхъ, темную, а во-вторыхъ, въ высшей степени ловкую и хитрую, которой ничего не стоило проглотить цѣликомъ такого человѣка, какъ ея Мишель.

Но когда генералъ объявилъ, что дѣло затѣяно не однимъ Негуляевымъ, что въ немъ участвуетъ компаньонъ его, какой-то пріѣзжій дѣлецъ, Елена Васильевна смутилась еще сильнѣе. Негуляевъ былъ все-таки здѣшній, и было основаніе предполагать, что онъ побоится злоупотребить простотой такого важнаго лица, какъ генералъ Свѣтловъ; наконецъ, въ случаѣ надобности, можно кой-кого и напустить на него. Тогда какъ этихъ пріѣзжихъ спекуляторовъ ничѣмъ не напугаешь! Долго ли порядочному человѣку замараться?

— Ты судишь какъ женщина, душа моя, оправдывался генералъ:—нельзя же никогда не имѣть дѣлъ! Продать Бычиху необходимо, она намъ ничего не приноситъ, тогда какъ деньги... Даже и ты могла бы со мной ѣхать въ Петербургъ, тебѣ необходимо развлечься немножко, кое-кого изъ родныхъ повидать. Тетушка Наталья Кириловна еще въ послѣднемъ письмѣ объ тебѣ спрашивала. И наконецъ, эта Бычиха...

— Я не про Бычиху говорю, а вообще... Я боюсь, чтобъ люди эти не втянули тебя въ спекуляціи; это, говорятъ, такъ заманчиво! А я не могу не бояться такихъ вещей: вспомни только дядюшку Николая Семеновича! наконецъ, что это за человѣкъ, этотъ новый компаньонъ Негуляева?

— Кто его знаетъ, chère amie! Какой-то Горичъ, Дмитрій Николаичъ... Мы съ нимъ встрѣтились у губернатора и князь говорилъ мнѣ, что онъ былъ отрекомендованъ ему самимъ графомъ, et très chaudement. Вотъ все, что я объ немъ знаю... Нынче такое время, что самые важные тузы занимаются аферами, вздохнулъ генералъ, не то съ завистью, не то съ грустью.

— Пусть ихъ, что намъ за дѣло до всѣхъ...

— Разумѣется, я только такъ, къ слову...

— И долго это у васъ будетъ продолжаться?

— Что такое душа моя?

— Эти переговоры. Онъ вѣдь просто живетъ у насъ! Когда ни спросишь, вѣчно этотъ Горичъ въ вашемъ кабинетѣ! Неужели надо столько времени и столько разговоровъ, чтобъ продать какую-нибудь Бычиху? О чемъ вы толкуете, я желала бы знать!

— Мало ли о чемъ, душа моя! Онъ изъѣздилъ всю Россію вдоль и поперегъ, очень интересно разсказываетъ... Право же, стоитъ его послушать!

Елена Васильевна промолчала.

— Съ перваго взгляда, въ немъ ничего не замѣтишь особеннаго, продолжалъ генералъ:—но когда начнешь всматриваться, каждый разъ открываешь что-нибудь новое и интересное. Давно ли мы знакомы, а, между тѣмъ, онъ уже успѣлъ оказать мнѣ множество услугъ, за которыя я не могу ему не быть благодаренъ...

И затѣмъ, помолчавъ немного:—Не пригласить ли его обѣдать, какъ ты думаешь? добавилъ нерѣшительно генералъ:—за просто, разумѣется...

— Чтò-жь, пригласите, пожалуй.

— Когда же, душа моя? обрадовался Михаилъ Михайлычъ.

— Когда хотите, мнѣ все равно, хоть сегодня.

Елена Васильевна знала, что покупщикъ Бычихи и тотъ нахалъ, что такъ безцеремонно воспользовался ея безвыходнымъ положеніемъ на крыльцѣ магазина, чтобы осмотрѣть ее съ ногъ до головы, одна и та же личность. Она видѣла его мелькомъ, проходящаго въ кабинетъ мужа и тотчасъ же узнала, но офиціально онъ еще не былъ ей представленъ и она ожидала этой церемоніи, не то чтобъ съ нетерпѣніемъ, но и не безъ любопытства.

Еслибъ ей сказали, что случайное сближеніе съ человѣкомъ изъ другого міра заинтересуетъ ее, она не созналась бы въ этомъ, а между тѣмъ это было правда. Съ нѣкоторыхъ поръ, міръ этотъ съ такой наглостью началъ пробиваться всюду, даже и въ ихъ

общество, въ немъ стало являться столько перебѣжчиковъ изъ враждебнаго лагеря, явныхъ и тайныхъ, что съ каждымъ днемъ труднѣе становилось отличать овецъ отъ козлищъ. Существуютъ еще семейства съ традиціями, этого отрицать нельзя, но ихъ ужь мало. И устоятъ ли они противъ теченія съ наплывомъ всякихъ вольностей, наводняющихъ край? Это тоже вопросъ сомнительный.

— Вѣдь вотъ, и я дѣлаю уступку, принимая этого господина, размышляла Елена Васильевна:—maman не позволила бы ему перешагнуть порогъ гостинной, а grand maman велѣла бы накормить его у управляющаго...

Она это думала въ ту самую минуту, когда приподнималась тяжелая портьера и вслѣдъ за ея сѣденькимъ и прилизаннымъ супругомъ, появилась крупная фигура нашего знакомаго.

— Вотъ, chère amie, Дмитрій Николаичъ Горичъ... сказалъ Михаилъ Михайлычъ.

Онъ всегда конфузился въ подобныхъ случаяхъ и обыкновенно жена выводила его изъ затрудненія, обращаясь съ какой нибудь любезностью къ представляемому, но на этотъ разъ Елена Васильевна не вымолвила ни слова; она только молча выпрямилась и чуть-чуть наклонила голову, давая понимать всей своей позой и выраженіемъ лица, что никакихъ дальнѣйшихъ коротностей не допускается.

У дивана стояло нѣсколько креселъ различныхъ формъ и два-три стула на почтительномъ разстояніи. Михаилъ Михайлычъ захлопотался у одного изъ этихъ послѣднихъ и неловко подтолкнулъ его гостю.

— Присядьте, Дмитрій Николаичъ, меня ждутъ въ кабинетѣ... А вы познакомьтесь съ моей барыней.

— Мы уже знакомы, сказалъ Горичъ, когда генералъ скрылся за портьерой.

Елена Васильевна съ изумленіемъ вскинула на него глаза. Онъ опирался обѣими руками на спинку стула, предложеннаго Михаиломъ Михайлычемъ и смотрѣлъ на нее... точь въ точь, какъ тогда, изъ окна кондитерской.

— Да, Елена Васильевна, мы знакомы, повторилъ онъ, подходя къ ней ближе и опускаясь на кресло у дивана.

Генеральша довольно брезгливо отодвинулась, но онъ не обратилъ вниманія на это движеніе.

— Я столько объ васъ слышалъ отъ Александра Юрьева. Онъ вамъ, вѣрно, говорилъ про Ширина?

Елена Васильевна широко раскрыла глаза.

— Ширинъ... вы знали Ширина?

Дмитрій Николаевичъ улыбнулся.

— Это я самый, объявилъ онъ, видимо наслаждаясь произведеннымъ эффектомъ:—меня зовутъ Ширинъ-Горичъ... Тамъ меня звали просто Ширинъ, а здѣсь зовутъ Горичъ. Я этого не сказалъ его превосходительству, отвѣчалъ онъ на вопросъ, готовый сорваться съ ея языка:—потому что правила его мнѣ хорошо извѣстны. Мнѣ казалось, что ему не такъ удобно будетъ толковать со мной о дѣлѣ, когда онъ узнаетъ, кто я...

— Можетъ быть, вы и правы, согласилась она.

— Ну, вотъ видите, значитъ я хорошо сдѣлалъ, что затаился отъ него. Впрочемъ, ему извѣстно, что я въ Сибири встрѣчался съ вашимъ родственникомъ, только онъ не настаивалъ на подробностяхъ этого свиданія, а я не распространялся. Но передъ вами я не посмѣлъ бы скрываться, Саша васъ такъ любилъ, что только вашимъ именемъ и можно было дѣйствовать на него.

Онъ сразу попалъ съ нею въ интимный тонъ, называлъ ее по имени, пододвинулъ свое кресло еще ближе, пристально вглядывался въ ея глаза и по временамъ нагибался къ ней, чтобъ окончить шопотомъ громко начатую фразу. Елена Васильевна была такъ взволнована, что ничего не замѣчала. Она съ возрастающимъ вниманіемъ слушала его разсказъ, изрѣдко прерывая его распросами и, наконецъ, порывисто протянула ему руку:

— Вы ему спасли жизнь! Мнѣ давно хотѣлось съ вами встрѣтиться и сказать, какъ много писалъ онъ и говорилъ про васъ, проговорила она съ усиліемъ.

Голосъ ея дрогнулъ и она отвернулась, чтобы скрыть навертывающіяся на глаза слезы. Дмитрій Николаичъ поднесъ къ губамъ протянутую ручку и медленно поцаловалъ ее.

— Кто кого спасъ, мы съ нимъ давно перестали разбирать! произнесъ онъ задумчиво:—одно только вѣрно, что мы были необходимы другъ другу...

Елена Васильевна вспомнила вдругъ про Катю и такъ обрадовалась этой мысли, что прервала его на полусловѣ.

— Знаете, послѣ него осталась дочь? Она у меня воспитывается... Хотите ее видѣть?

И не дожидаясь отвѣта, она позвонила и велѣла позвать Катю.

— Какъ она на него похожа! вотъ увидите: глаза такіе же глубокіе и улыбка...

— У нея и мать прехорошенькая, замѣтилъ Дмитрій Николаичъ.

— Вы развѣ ее знаете? спросила она измѣнившимся голосомъ. Брови ея слегка сдвинулись и углы губъ опустились.

— Еще бы не знать! Я у нихъ шаферомъ былъ, отвѣчалъ онъ.

Она съ видимымъ усиліемъ подавила вопросъ, готовый сорваться съ ея языка, и обратила тревожный взглядъ на дверь.

— Я и здѣсь видѣлъ Ольгу Петровну, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—вотъ еще на прошлой недѣлѣ, она...

Появленіе дѣтей съ гувернанткой, не дало ему договорить.

Еслибъ Катя явилась нѣсколькими минутами раньше, ее совершенно иначе представили бы Дмитрію Николаичу, но теперь, Елена Васильевна была такъ озабочена, что даже не сказала ей, зачѣмъ она за ней прислала. Правда и то, что всѣ помѣхи подоспѣли разомъ: вошелъ генералъ и пришли доложить, что кушанье на столѣ.

VIII.

Весь городъ говорилъ о лотереѣ, затѣянной мѣстными аристократками въ пользу новаго пріюта. Торжество это должно было происходить въ залѣ благороднаго собранія и окончиться дѣтскимъ баломъ. Елена Васильевна нетолько вызвалась раздать часть билетовъ, но даже пожертвовала большинство выигрышей: нѣсколько серебряныхъ вещей, подушку, вышитую ея руками, шарфъ, связанный Наташей, пестрые чулочки Катиной работы и т. п.

— Совѣтую тебѣ съ билетами къ Горичу обратиться, сказалъ ей генералъ:—онъ тебѣ поможетъ ихъ раздать.

— Я и сама это думала, но гдѣ его найти? Встрѣчаетесь вы съ нимъ гдѣ-нибудь?

Генералъ смутился немножко. Съ того дня, какъ Горичъ обѣдалъ у нихъ, Михаилъ Михайлычъ былъ уже по уши втянутъ въ три-четыре дѣла и ожидалъ только удобнаго случая, чтобъ приготовить жену свою къ этому открытію. Что будетъ сцена, и даже очень непріятная, сомнѣваться нельзя было, но, во всякомъ случаѣ, гнѣвъ ея скорѣе минуетъ и даже, быть можетъ, перейдетъ на милость, если въ рукахъ его будутъ извиняющія и объясняющія данныя, въ видѣ наличныхъ денегъ, напримѣръ...

— Вы его встрѣчаете гдѣ-нибудь? повторила свой вопросъ генеральша.

— Разумѣется, душа моя, разумѣется, я его пришлю къ тебѣ сегодня же, отвѣчалъ онъ, поспѣшно ретируясь, во избѣжаніе дальнѣйшихъ распросовъ.

На этотъ разъ Дмитрій Николаичъ пріѣхалъ къ Свѣтловой вечеромъ и просидѣлъ очень долго. Никто не мѣшалъ ихъ бе-

сѣдѣ, и Елена Васильевна высказала ему все, что̀ имѣла ему высказать относительно Юрьевой и ея дочери. Она даже сказала ему больше, чѣмъ желала сказать, и входила въ такія подробности, о которыхъ сама прежде не помышляла, но общимъ результатомъ этой бесѣды она не осталась довольна. Вмѣсто объясненія, вышла какая-то исповѣдь. Ка̀къ это случилось — она не понимала: Дмитрій Николаичъ нимало не поощрялъ ее къ изліяніямъ; напротивъ того, онъ, хотя и терпѣливо, но довольно холодно выслушивалъ ее, ни единымъ словомъ не противорѣча ей, и на настойчивое требованіе отвѣта отдѣлывался фразами въ родѣ: «вамъ лучше знать, мы объ этомъ судить не можемъ» и т. п.

Но Елена Васильевна непремѣнно хотѣла заставить его понять и одобрить ея поведеніе относительно Кати и ея матери, съ этой цѣлью она начала подробно описывать, какое горячее участіе принимали ея родители въ судьбѣ Александра Юрьева, какъ онъ былъ друженъ и откровененъ съ нею. Даже переворотъ, совершившійся впослѣдствіи въ его убѣжденіяхъ, не поколебалъ этой дружбы, онъ и изъ Петербурга продолжалъ писать ей, что любитъ только ее одну и уважаетъ одно только мнѣніе—ея мнѣніе. Ка̀къ она мучилась, когда его сослали! Ка̀къ она хлопотала объ облегченіи его участи! Наконецъ, Дмитрію Николаичу, какъ ближайшему другу покойнаго, она считаетъ возможнымъ въ этомъ сознаться, онъ и возвращеніемъ на родину и возможностію поступить на службу обязанъ Михаилу Михайлычу, то-есть ей... И вдругъ эта женитьба! Судите сами...

Въ порывѣ негодованія Елена Васильевна забыла сообразить, способенъ ли ея слушатель раздѣлять ея досаду, или нѣтъ.

— Этимъ поступкомъ онъ вполнѣ доказалъ, что ни во что̀ не ставитъ наше расположеніе, наше участіе къ нему. Онъ отлично зналъ, что я готова ему все простить, кромѣ этого, что я никогда не приму въ родство дочь крѣпостной прачки графини Мухиной! И какая надобность была жениться, скажите, пожалуйста? Вѣдь прожилъ же онъ съ нею *такъ* цѣлыхъ три года? Ясно, что онъ это̀ сдѣлалъ для того, чтобъ окончательно порвать съ обществомъ, съ нами...

Тутъ Дмитрій Николаичъ прервалъ ее.

— Извините меня, Елена Васильевна, но я, право же, не понимаю васъ! Въ чемъ собственно упрекаете вы покойнаго? Развѣ не вы первая все порвали? Мы были вмѣстѣ, когда пришло извѣстіе о вашей свадьбѣ, онъ чуть съ ума не сошелъ отъ горя, увѣряю васъ...

Она ни единымъ словомъ не возразила ему, но на лицѣ ея

выразилось такое изумленіе, что Горичъ на минуту прервалъ свою рѣчь и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

— Неужели вы не знали, что онъ страстно, безумно былъ влюбленъ въ васъ? проговорилъ онъ, невольно понижая голосъ.

— Я ничего не знала, произнесла она съ усиліемъ, не переставая пристально и вопросительно смотрѣть на него.

Наступило довольно неловкое молчаніе.

«Да и ты, голубушка, видно, была влюблена въ него», думалъ Горичъ, принимаясь перелистывать альбомъ, лежащій передъ нимъ на столѣ.

Елена Васильевна глубоко задумалась и вдругъ сильно покраснѣла.

— Вы, можетъ быть, воображаете, что я изъ ревности ненавижу Ольгу Петровну? проговорила она, съ трудомъ сдерживая волненіе.

— Это такъ естественно!.. Еслибъ вы только знали, какъ онъ ненавидѣлъ генерала!

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его чувствъ къ генералу! высокомѣрно объявила она:—и вообще до всякихъ его чувствъ!.. Я нетолько не раздѣляла ихъ, но даже, какъ видите, въ первый разъ о нихъ слышу. Я всегда смотрѣла на Юрьева, какъ на брата, мнѣ и въ голову не приходило, что онъ можетъ любить меня иначе.

— Да̀, но въ такомъ случаѣ между вами было вѣчное недоразумѣніе: сытый голоднаго не понимаетъ...

Ей очень не понравилось это выраженіе; всего досаднѣе было то, что нельзя было и сердиться на него за фамильярность: она сама поощрила его на всевозможныя дерзости своей неумѣстной откровенностью.

— А кстати о генералѣ, продолжалъ онъ все тѣмъ же шутливымъ тономъ:—онъ мнѣ сказалъ, что у васъ какое-то дѣло до меня?

Она очень обрадовалась перемѣнѣ разговора.

— Да̀, мы лоттерею затѣяли... Не возметесь ли вы раздать нѣсколько билетовъ?

— Съ удовольствіемъ и съ уговоромъ — не поможете ли вы мнѣ пристроить одного человѣка?

— Ка̀къ это?

— А вотъ ка̀къ...

Онъ вынулъ изъ кармана вчетверо сложенную бумагу и положилъ передъ нею на столъ.

— Завтра у васъ обѣдаетъ губернаторъ, потрудитесь передать

ему эту докладную записку и скажите, что вы интересуетесь личностью, которая подписала ее—вотъ и все.

— Но мнѣ все-таки хотѣлось бы знать, за кого я буду просить...

— Полноте! Для чего это? Я вамъ ручаюсь, что онъ не воръ и не разбойникъ—ну, и будетъ съ васъ; остальное до васъ не касается.

— Однако, если князь у меня спроситъ?

— Скажите ему то, что̀ я вамъ сейчасъ сказалъ, и повѣрьте, что онъ настаивать не рѣшится. Сколько у васъ билетовъ? Давайте ихъ сюда.

— У меня ихъ двѣсти... Возьмите двадцать-пять!

Она вынула изъ рабочей корзинки пачку цвѣтныхъ бумажекъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! за кого вы насъ принимаете? Вѣдь у насъ тоже свой гоноръ есть! Давайте всѣ... По два рубля, кажется?

— Нѣтъ, по рублю.

— Напрасно, и по два бы разошлись. У кого же остальные билеты?

— У Марьи Петровны, да еще у мадамъ Савиной... Онѣ жалуются, что никто не беретъ...

— Скажите, чтобъ ко мнѣ прислали, я всѣ пристрою.

Она съ удивленіемъ взглянула на него и развернула положенную на столъ бумагу. Это была докладная записка о зачисленіи кандидата университета Нильскаго въ канцелярію градоначальника.

— Для чего же ему такое ничтожное мѣсто, если онъ богатъ? спросила Елена Васильевна.

— Влюбленъ, ваше превосходительство! До потери всякаго здраваго смысла влюбленъ! А невѣста привередливая. Не хочу, говоритъ, выходить иначе, какъ за титулярнаго совѣтника! Что̀ тутъ подѣлаешь? Еще слава Богу, что такой мелочью удовлетворяется, къ другой безъ генеральскаго чина и не суйся!

Елена Васильевна усмѣхнулась.

— Если это на мой счетъ, то вы ошибаетесь, меня въ Михаилѣ Михайлычѣ не генеральство прельстило... У него очень много достоинствъ...

— Еще бы! Я лучше васъ это знаю.

— Ка̀къ это, лучше меня?

— Да очень просто, со стороны виднѣе.

— Значитъ, вы и меня лучше знаете, чѣмъ онъ?

— Разумѣется. Однакожь, давайте скорѣе ручку и отпусти-

те меня, пока мы не поссорились. Такіе разговоры не доведутъ до добра!

— Я и сама такъ думаю. Вы... вы ужасно откровенны, мсье Горичъ! и знаете, это невсегда пріятно...

— Вотъ видите! Я вамъ говорю, что мнѣ надо удалиться! Когда вамъ вздумается поговорить по душѣ, вотъ какъ сегодня, пришлите за мной, я всегда къ вашимъ услугамъ, а теперь я уйду.

Теперь можно было положительно утверждать, что посѣщенія Дмитрія Николаича имѣли самое пагубное вліяніе на душевное настроеніе генеральши. Въ прошлый разъ, она, по его милости, нѣсколько часовъ сряду продумала о такихъ личностяхъ, съ которыми ей, вѣроятно, даже и на улицѣ не придется встрѣчаться, а сегодня еще хуже... Сегодня онъ разсказалъ ей преинтересный романъ, въ которомъ она, сама того не подозрѣвая, играла главную роль...

Невольно задавала она себѣ вопросы въ родѣ того, что̀ вышло бы, еслибъ она узнала раньше объ любви Александра Юрьева, во̀-время, когда они еще оба были свободны?

Разсудокъ отвѣчалъ очень категорически, что ничего изъ этого не вышло бы, что никогда не рѣшилась бы она выйти за него замужъ, даже для того, чтобъ спасти его отъ ссылки и отъ такого окончательнаго паденія, какъ женитьба на Ольгѣ Петровнѣ. Но, съ другой стороны, въ головѣ ея возникали и другія идеи. Оба они были тогда молоды, красивы, знали и уважали другъ друга съ дѣтства, такъ что единственнымъ серьёзнымъ препятствіемъ являлись только деньги. У Юрьева ихъ не было, это правда, но за то онъ былъ очень уменъ и энергиченъ. И какая у него была честная душа, какой милый, веселый нравъ! Съ его способностями можно было бы до всего достигнуть... Ужь когда такой господинъ, какъ Михаилъ Михайлычъ...

И вдругъ мысли ея совершенно неожиданно и не кстати перескочили къ Горичу и упорно остановились на немъ. Ка̀къ ни отвертывалась она отъ этихъ непрошенныхъ воспоминаній, ихъ народилось такъ много, и они съ такой неуловимой быстротой закружились въ ея мозгу, что не было никакой возможности отъ нихъ отбиться. Приходилось волей-неволей перечувствовать весь этотъ калейдоскопъ до конца. Порой, какой-нибудь образъ выдѣлялся рѣзче прочихъ и, сверкнувъ огненной искрой въ глазахъ, жгучей волной разливался по нервамъ; порой, какое-нибудь слово, выдвинувшись изъ общаго потока перепутанныхъ рѣчей, звучало съ неотвязной настойчивостью, заставляя вздрагивать

и трепетать все тѣло. А затѣмъ опять все сливалось въ туманный и неопредѣленный хаосъ. Ка̀къ ни старалась она задерживать эти впечатлѣнія, они бѣжали все дальше и дальше, безконечно замѣняясь и застилаясь новыми ощущеніями, новыми представленіями. И вдругъ одно изъ этихъ ощущеній упорно воспротивилось общему теченію мыслей, вспыхнувшая искра не потухла подобно прочимъ, она начала все сильнѣе и сильнѣе разгораться, затмѣвая и заглушая всѣ остальные ббразы. Мало по малу, все кругомъ смолкло и стушевалось, нервное раздраженіе Елены Васильевны локализировалось: она почувствовала прикосновеніе горячихъ губъ къ своей рукѣ...

Вся кровь хлынула ей въ голову при воспоминаніи объ этомъ поцѣлуѣ, она вздрогнула, широко раскрыла глаза и бросила растерянный взглядъ на спящаго рядомъ съ нею мужа.

Ка̀къ ни страстно, ка̀къ ни нѣжно любилъ ее генералъ, но никогда не заставлялъ онъ биться ея сердце такъ, какъ оно бьется теперь.

Въ одно мгновеніе и всѣмъ существомъ своимъ поняла несчастная женщина грѣховность этого сравненія. Она, какъ ужаленная, выскочила изъ кровати и бросилась на колѣни передъ кіотомъ.

Среди мрачной обстановки спальни, обитой темнозелеными обоями, съ высокими шкапами и огромнымъ трюмо, въ которомъ отражалась мёбель, обитая подъ цвѣтъ стѣнъ, ковра и драпировокъ, особенно рѣзко и ярко сіялъ уголъ, служащій Еленѣ Васильевнѣ молельней.

Мягкій свѣтъ лампадки такъ мягко озарялъ золотыя и серебряныя ризы, такъ пріятно переливался между драгоцѣнными каменьями и разноцвѣтными лентами, пестрѣющими на этихъ ризахъ, лики святыхъ смотрѣли такъ кротко и торжественно-спокойно. Тутъ вѣяло такой безмятежной тишиной и безстрастіемъ, что буря, поднявшаяся въ ея душѣ, внезапно стихла и нечестивыя помышленія разсѣялись.

Молитва Елены Васильевны, начавшаяся воплемъ испуганной души, умоляющей о спасеніи и о поддержкѣ свыше, мало по малу превратилась въ обыкновенное воззваніе благочестиваго смертнаго, сознающаго свою близость къ Творцу, и окончилась взрывомъ благодарности за то, что Господь сподобилъ ее быть лучше, сильнѣе и чище другихъ.

А потомъ она заснула очень крѣпко и сладко, точно послѣ усиленнаго моціона, съ ощущеніемъ какой-то странной пустоты въ головѣ и съ легкой дрожью по всему тѣлу.

На другой день Елена Васильевна проснулась позже обыкно-

веннаго и сидѣла у туалетнаго стола, когда генералъ вошелъ въ спальню. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, въ лентѣ и при звѣздѣ, и объявилъ, что ѣдетъ въ соборъ на молебенъ, оттуда къ архіерею и еще кое-куда.

— Явился за приказаніями, съострилъ онъ, не зная, какъ приступить къ вопросу, занимавшему его все утро и весь вчерашній вечеръ.

Ему очень хотѣлось знать, подготовлена ли Елена Васильевна къ разговору объ новомъ дѣлѣ; онъ просилъ Горича намекнуть ей объ этомъ словечко, и тотъ обѣщалъ. Оставалось узнать, исполнилъ ли онъ это обѣщаніе.

— Я, вѣроятно, увижу Марью Петровну и Лизавету Ивановну, началъ онъ.

— Скажите Марьѣ Петровнѣ, чтобъ она всѣ оставшіеся билеты отослала Горичу, объявила генеральша, не прерывая своего занятія.

Она взяла изъ рукъ горничной маленькое зеркало, приблизила его къ лицу и начала расправлять кудерки, вьющіяся на ея лбу.

— Непремѣнно, душа моя.

И онъ сѣлъ на близь стоявшее кресло. Елена Васильевна выслала горничную, отложила въ сторону зеркало и вопросительно посмотрѣла на мужа.

— Горичъ тебѣ ничего вчера не говорилъ? довольно рѣшительно приступилъ Михаилъ Михайлычъ.

— О чемъ это?

Она произнесла вопросъ этотъ такимъ вызывающимъ тономъ, что онъ смутился.

— Вѣрно не съумѣлъ обстоятельно объяснить, завертѣлось въ головѣ генерала:—напрасно только брался...

— Много билетовъ взялъ онъ у тебя вчера? довольно неловко выпутался онъ.

Она пожала плечами и пристально занялась подпиливаніемъ ногтей.

— Всѣ... Онъ корчитъ богача, вашъ Горичъ! прибавила она съ оттѣнкомъ злобной ироніи.

— Ну, не думаю, заступился генералъ:—ему просто хотѣлось сдѣлать тебѣ удовольствіе. Онъ очень добрый и простой малый...

Она промолчала.

Разговоръ положительно не клеился, и всего благоразумнѣе было бы отложить его до другого раза, но какой-то злой духъ подталкивалъ генерала продолжать распросы.

— Долго сидѣлъ онъ у тебя?

— Кто? Горичъ? Не помню, право... долго, кажется. А что?
И опять она взглянула на него какъ-то пронзительно.
— Ничего особеннаго, душа моя, я такъ только... Онъ не говоритъ съ тобой объ дѣлахъ?
Генеральша нетерпѣливо прервала его:
— Все это очень смѣшно. Съ какой стати Горичъ будетъ со мной говорить о своихъ дѣлахъ? Какія у васъ иногда странныя фантазіи.
Этотъ тонъ немножко разсердилъ генерала. Деликатность во всемъ: въ словахъ, въ дѣйствіяхъ, даже въ помышленіяхъ, была отличительной чертой его характера; онъ положительно ненавидѣлъ рѣзкость, и Елена Васильевна знала это, но сегодня она не расположена была потакать его слабостямъ.
— Вы ужасно раздражены, chère amie, нервы вѣрно, проговорилъ онъ сдержанно: — мы потолкуемъ объ этомъ въ другой разъ... Обѣдаетъ онъ у насъ сегодня?
— Кто?
— Дмитрій Николаичъ... Мы, кажется, про него говоримъ!
— Не знаю, я его не приглашала.
Она отрѣзала эту фразу такъ рѣзко, что генералу оставалось одно—поспѣшно отретироваться.

IX.

Цѣлое утро Елена Васильевна принимала гостей. Приходилось часа четыре сряду повторять тѣ же фразы о погодѣ и городскихъ новостяхъ, изъ которыхъ состоятъ такъ называемые свѣтскіе разговоры; но послѣ утренней вспышки съ мужемъ, раздраженіе генеральши совершенно стихло, она съ полнымъ самообладаніемъ разыгрывала роль любезной хозяйки и всѣ выходили изъ ея гостиной очарованные ея умѣніемъ сказать каждому именно то, что ему хочется слышать, не задѣвая при этомъ никого и не компрометируя себя.
Но, по мѣрѣ того, какъ время приближалось къ обѣду, безотчетная тревога начала овладѣвать ею. Изъ кабинета доносился гулъ разговоровъ, прерываемыхъ громкимъ смѣхомъ, и среди этого шума ей нѣсколько разъ чудился голосъ Горича. Волненіе Елены Васильевны усиливалось съ минуты на минуту, ей не сидѣлось на мѣстѣ; она выходила въ столовую, гдѣ все было въ такомъ порядкѣ, что распорядиться было нечѣмъ; сдѣлала нѣсколько замѣчаній экономкѣ, и, проходя мимо одного изъ

зеркалъ въ залѣ, заглянула въ него. Никогда еще не замѣчала она въ своихъ глазахъ такого блеска и оживленія.

Наконецъ, пріѣхалъ и губернаторъ, а за нимъ и генералъ вошелъ въ гостиную со всѣми гостями. Елена Васильевна окинула бѣглымъ взглядомъ толпу въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, которая раскланивалась передъ нею; между ними Дмитрія Николаича не было. Но онъ еще пріѣдетъ, кромѣ его ждать некого, а Михаилъ Михайлычъ не приказываетъ подавать кушать. Быть не можетъ, чтобъ онъ не позвалъ его: они сегодня, вѣроятно, гдѣ-нибудь встрѣтились.

Мысли эти мелькали въ головѣ Елены Васильевны, совершенно помимо воли, какъ-то *со стороны* и не мѣшали ей вести весьма оживленную бесѣду съ княземъ о лотереѣ, о пріютѣ и о предположеніи открыть институтъ въ Чернолѣсовѣ.

— Не рано ли? говорила она:—не полезнѣе ли употребить эти деньги на какую-нибудь школу для мальчиковъ? Имъ образованіе необходимо, тогда какъ дѣвушкамъ...

— C'est du luxe? подсказалъ князь, любезно улыбаясь.

Ему извѣстны были воззрѣнія хозяйки и онъ тоже былъ мастеръ вести *пріятные* разговоры.

Елена Васильевна засмѣялась.—Впрочемъ, я вѣдь *отсталая*, со мной женскаго вопроса лучше и не затрогивать...

— Вопросъ этотъ сводится на одно, возразилъ князь, который часто упускалъ изъ виду, съ кѣмъ онъ говоритъ:—la femme est faite pour aimer...

— Ses enfans et son mari, подсказала довольно строго генеральша.

Князь почтительно наклонилъ голову.—Я именно это и хотѣлъ сказать.

«Что-жь онъ не ѣдетъ? продолжалъ нашептывать въ ней все тотъ же чужой голосъ:—можетъ быть, Мишель забылъ пригласить его?»

— Кого мы ждемъ, мой другъ? обратилась она къ мужу, который разговаривалъ въ противуположномъ углу комнаты съ прочими гостями.

— Сейчасъ, душа моя.

Онъ кивнулъ лакею, выглядывавшему изъ-за портьеры, и этотъ доложилъ, что кушанье на столѣ.

— Значитъ, не будетъ... разумѣется, не будетъ. И съ чего я взяла, что онъ будетъ? думала Елена Васильевна, проходя подъ руку съ княземъ въ столовую.

И вдругъ сердце ея сжалось, какъ будто кто-то причинилъ ей неожиданную и незаслуженную непріятность.

Печаль эта отразилась и въ бесѣдѣ, которую за столомъ продолжалъ вести съ нею князь; она стала доказывать, что образованіе сдѣлаетъ еще тягостнѣе положеніе женщинъ недостаточнаго состоянія.

— Вы имъ приготовляете танталовы мученія, повторила она нѣсколько разъ съ большимъ чувствомъ.

— Однако-жъ, какое у нея нѣжное сердце! подумалъ князь, немножко озадаченный этимъ открытіемъ.

Въ другомъ концѣ стола, генералъ бесѣдовалъ о петербургскихъ новостяхъ съ пріѣзжимъ ревизоромъ, для котораго собственно и давался этотъ обѣдъ, и всѣ остальные гости болѣе или менѣе внимательно прислушивались; только двое, вертопрахъ-прокуроръ, да товарищъ его по правовѣденію, чиновникъ особыхъ порученій, болтали между собою вполголоса, вѣроятно, вздоръ какой-нибудь, однако, вздоръ этотъ такъ заинтересовалъ Елену Васильевну, что, прислушиваясь къ нему, она все разсѣяннѣе и разсѣяннѣе отвѣчала своему сосѣду.

— Отъ кого вы знаете эти подробности? спрашивалъ прокуроръ.

— Отъ Горича.

— О! у него, вѣроятно, свои виды... Вѣдь она, говорятъ, прехорошенькая...

Онъ окончилъ фразу такъ тихо, что Елена Васильевна не могла разслышать.

А немного спустя, они заговорили про какую-то лошадь и опять имя Дмитрія Николаича долетѣло до ея слуха и заставило ее обойти молчаніемъ довольно ловкій комплиментъ князя.

— У меня до васъ просьба, князь, обратилась Елена Васильевна къ своему сосѣду:—настоящая просьба, прибавила она съ улыбкой:—дѣло идетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который желаетъ служить подъ вашимъ начальствомъ.

И когда вернулись въ гостиную, она дала ему бумагу, оставленную ей наканунѣ Горичемъ.—Я очень интересуюсь этимъ господиномъ...

Князь не далъ ей договорить, разсыпался въ любезныхъ обѣщаніяхъ, и ни съ того, ни съ сего, ей сдѣлалось очень весело. Скорѣе бы дать ему знать, что желаніе его исполнено. Но какъ, черезъ кого?..

Она была окружена людьми, которые знали Горича, и, вѣроятно, сегодня же встрѣтятся съ нимъ гдѣ-нибудь; чего бы проще подозвать къ себѣ котораго нибудь изъ этихъ людей и попросить передать ему, что порученіе его выполнено съ успѣхомъ? А, между тѣмъ, поступить такимъ образомъ казалось ей

столько же невозможно, какъ выйдти въ бальномъ костюмѣ на улицу.

Въ первый разъ въ жизни, задумалась Елена Васильевна надъ неудобствомъ свѣтскихъ приличій.

Разумѣется, можно было обратиться къ мужу: Михаилъ Михайловичъ исполнилъ бы съ удовольствіемъ порученіе жены, безъ всякой задней мысли. Но съ нимъ Елена Васильевна не могла равнодушно говорить про Горича; ей уже нѣсколько разъ приходилось убѣждаться въ этомъ.

— Мама! Мама! Всю лотерею одинъ человѣкъ выигралъ!

— Онъ всѣ вещи уложилъ въ большой ящикъ...

— Неправда, не всѣ...

— Ты вѣчно споришь, Саша!

— Не всѣ. Я самъ видѣлъ, какъ Дмитрій Николаичъ взялъ браслетъ...

— Дмитрій Николаичъ взялъ также подушку maman...

— Что̀ такое? Какой человѣкъ? Развѣ можно такъ кричать, всѣмъ вдругъ?

— Онъ намъ далъ конфектъ, мама, а Катѣ браслетъ... Покажи, Катя...

— Да замолчите ли вы? возвысила голосъ Елена Васильевна.

Алеша смолкъ, и всѣ глаза обратились на M-lle Aurore. Она весьма обстоятельно начала разсказывать, что, дѣйствительно, почти всѣ выигрыши достались одному господину, молодому человѣку, очень красивой наружности. Онъ взялъ почти всѣ билеты...

— Какъ, всѣ билеты? Кому же мосьё Горичъ роздалъ тѣ, что онъ у меня купилъ? спросила Елена Васильевна.

— Ему, ему, мама! вскричалъ Саша:—я самъ слышалъ, какъ онъ ему сказалъ: распорядись насчетъ мороженаго.. И тотъ сейчасъ пошелъ...

M-lle Aurore тоже слышала, какъ всѣ говорили, что вещи выигралъ мсьё Плитаки, что мсьё Плитаки взялъ болѣе четырехъ сотъ билетовъ, и что слѣдовательно... Что̀ же касается до конфектъ, которыя Горичъ подарилъ мальчикамъ и до браслета Кати...

При этихъ словахъ, сама Катя выдвинулась впередъ и подняла ручку, на которой сіялъ массивный золотой обручъ съ изумрудами.

Глаза дѣвочки блестѣли отъ восторга.—M-lle Aurore не позволяла, мама, но вѣдь это была лотерея. Дмитрій Николаичъ сказалъ, что я и сама могла его выиграть...

— Безъ билета-то! хихикнулъ Саша.

— И къ тому же, ce monsieur a été l'ami de mon père, продолжала Катя, не обращая вниманія на это замѣчаніе.

— А, все таки, безъ моего позволенія, ты не должна была принимать такого цѣннаго подарка, довольно строго замѣтила Елена Васильевна.

У дѣвочки вздрогнула верхняя губка и она слегка поблѣднѣла.

— Мама, дрожащимъ голосомъ начала Наташа:—я тоже приняла подарокъ отъ мсьё Горича, вотъ...

Она положила на столъ большой букетъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, перевязанный бѣлой атласной лентой.

Мать ея сердито покосилась на букетъ, но не сказала ни слова.

— Всѣмъ дамамъ раздавали букеты, продолжала оправдываться Наташа:—Дмитрій Николаичъ принесъ мнѣ этотъ и сказалъ: это мамашинъ букетъ. Я не смѣла отказаться.

— Ну, хорошо, хорошо... А вы что?

— У насъ только конфекты, мама, да еще... Дмитрій Николаичъ сказалъ, что онъ завтра заѣдетъ за нами. Ты позволишь, мама? Онъ хочетъ покатать насъ на своей тройкѣ. Папа позволилъ, мы спрашивали; онъ только велѣлъ у тебя спросить. Дмитрій Николаичъ тоже обѣщалъ просить тебя. Вѣдь ты позволишь, дà?

— Увидимъ, увидимъ. Не надоѣдайте, пора спать.

Они стали поочередно подходить прощаться; Наташа не спускала глазъ съ букета.

— Что же ты, Татя?.. букетъ-то? вѣдь мама ничего не сказала, шепталъ ей Саша, подталкивая ее локтемъ:—возьми его, вѣдь онъ твой...

Наташа рѣшилась поднять умоляющій взглядъ на мать.— Puis-je le prendre, maman? произнесла она очень тихо, такъ тихо, что, вѣроятно, Елена Васильевна не разслышала этого вопроса.

— Идите спать, повторила она еще разъ.

Букетъ остался на столѣ.

Елена Васильевна, въ большомъ волненіи, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ ушахъ ея, съ раздражительною настойчивостью, звенѣли голоса дѣтей, съ повторяющимся именемъ Горича черезъ каждыя два слова.

Вѣроятно, тонкій и приторный запахъ срѣзанной зелени, завидающей въ комнатной атмосферѣ, раздражалъ ей нервы. Бу-

кетъ состоялъ изъ маргаритокъ, блѣдныхъ мѣсячныхъ розъ и еще какого-то цвѣтка. Елена Васильевна подошла къ столу, чтобъ ближе разсмотрѣть, что это за цвѣтокъ. Всѣ они были немножко помяты съ одной стороны и, должно быть, Наташа очень крѣпко сжимала ихъ въ рукѣ, на бѣлой атласной лентѣ выступили зеленыя пятна.

И вдругъ ей ясно представилось, какъ онъ подалъ дѣвочкѣ эти цвѣты и какъ онъ смѣялся при этомъ, увѣряя, что это мамашинъ букетъ. А также и выраженіе его глазъ, когда онъ произносилъ эти слова...

Она машинально поднесла букетъ къ губамъ и затрепетала съ ногъ до головы.—Господи! Чтò-жъ это такое? вскричала генеральша, бросая съ отвращеніемъ цвѣты на полъ.—Надо положить этому конецъ; надо сказать Михайлу Михайлычу, чтобъ онъ прервалъ всякія сношенія съ этимъ человѣкомъ... Когда онъ узнаетъ настоящее имя этого Горича, онъ испугается, что принималъ его... Я скажу, что узнала это случайно...

Она ухватилась за эту мысль съ отчаяніемъ утопающаго и поспѣшно направилась къ кабинету мужа.

Онъ сидѣлъ у письменнаго стола, въ такой задумчивости и унынiи, что даже не услышалъ приближенія жены. Въ рукахъ его была депеша, которую онъ въ сотый разъ перечитывалъ.

— Мишель, начала Елена Васильевна, съ полной рѣшимостью высказать, если не все, что она чувствовала къ Горичу, то, по крайней мѣрѣ, все, что она знала про этого человѣка:—я пришла переговорить съ тобой серьёзно насчетъ Дмитрія Николаича...

Но когда генералъ повернулъ къ ней свое искаженное внутреннимъ волненіемъ лицо, она такъ испугалась, что приготовленная фраза мгновенно вылетѣла изъ головы.—Что съ тобой?

Онъ молча подалъ ей депешу.

«Д. уѣзжаетъ заграницу, С. назначенъ исправляющимъ должность», прочитала вслухъ госпожа Свѣтлова.

— Восторжествовали! злобно усмѣхаясь, пояснилъ генералъ.

— Да, задумчиво согласилась Елена Васильевна:—но только на долго ли?

— Ужь это, матушка, все равно! Это такая оплеуха, отъ которой никогда не оправишься... вотъ чтò!

— Чтò-жъ ты намѣренъ дѣлать? спросила она послѣ маленькаго молчанія. Голосъ ея былъ очень сдержанъ и спокоенъ, только дрожалъ немножко, но генералъ окончательно разошелся.

— Я? Ты спрашиваешь, чтò *я* буду дѣлать? повторилъ онъ съ сильнымъ раздраженіемъ.

Потомъ онъ всталъ, выпрямился и выговорилъ съ большимъ достоинствомъ:—Лучше кабакъ открыть, чѣмъ подчиниться!

Елена Васильевна не возражала и терпѣливо ждала, что̀ онъ скажетъ дальше. Ей почему-то казалось, что вслѣдъ за кабакомъ рѣчь непремѣнно зайдетъ о Горичѣ. Но она ошиблась, генералъ, можетъ быть, и самъ подумалъ о немъ въ эту минуту, но оставилъ думы эти про себя.

— Ты, разумѣется, понимаешь, душа моя, какой смыслъ имѣетъ для меня это назначеніе? Да и не для меня одного, продолжалъ онъ распространяться: — человѣкъ десять подадутъ вмѣстѣ со мною въ отставку!

— Воображаю, какъ ликуетъ князь! замѣтила генеральша.

— Онъ еще ничего не знаетъ. Я съ нимъ сегодня говорилъ въ собраніи...

При словѣ «собраніе», Елена Васильевна вспомнила брошенный на коверъ букетъ, и въ какомъ негодованіи она вошла сюда. Но теперь, отъ всѣхъ этихъ ощущеній не оставалось и слѣда: извѣстіе, сообщенное мужемъ, оттолкнуло ихъ въ такую даль, что ей даже странно показалось вспоминать о нихъ.

Теперь было не до пустяковъ, надо было хорошенько взвѣсить, сообразить и обдумать послѣдствія предстоящаго переворота, припомнить, что̀ можетъ сказать и сдѣлать такой-то, чѣмъ насолитъ и напакоститъ другой и третій. Даже возникъ было проектъ немедленной поѣздки *туда*, но тотчасъ же былъ отброшенъ, какъ вполнѣ негодный.

— Никогда не нужно открывать своихъ опасеній, рѣшила Елена Васильевна.

На этомъ совѣщаніе и кончилось.

X.

Уже начинало темнѣть, когда тройка Дмитрія Николаича, звонко гремя бубеньчиками, влетѣла на генеральскій дворъ.

Въ одну минуту взбѣжалъ Горичъ по лѣстницѣ, переступая по три, по четыре ступеньки заразъ. Въ прихожей никого не было. Онъ вошелъ въ залу, умышленно постукивая каблуками по паркету... На стукъ этотъ портьера сосѣдней комнаты раздвинулась и появился самъ генералъ, съ такой измятой физіономіей и блуждающими глазами, что Дмитрій Николаичъ съ трудомъ удержался отъ восклицанія. Однако, онъ во время спохватился и произнесъ очень спокойно:

— Я пріѣхалъ за дѣтьми, ваше превосходительство...

— За дѣтьми?.. Но я не знаю право, какъ жена. Душа моя,. это Дмитрій Николаичъ! Я ей забылъ сказать... Онъ пріѣхалъ за дѣтьми, душа моя!.. Вы понимаете, вчерашнее извѣстіе насъ такъ поразило... обращался генералъ то къ Горичу, то къ двери, за которой была генеральша.

— Какое извѣстіе?

— Да... вѣдь вы еще не знаете!..

И послѣ минутнаго колебанія, сообразивъ, вѣроятно, что новость эта будетъ вскорѣ извѣстна всему городу, онъ сообщилъ Дмитрію Николаичу содержаніе полученной наканунѣ депеши.

— Мнѣ объ этомъ еще на прошлой недѣлѣ было извѣстно... Онъ прервалъ свою рѣчь, чтобъ раскланяться передъ появившейся рядомъ съ мужемъ генеральшей и, обращаясь уже къ ней:—я говорю, что Михаилъ Михайлычъ напрасно принимаетъ такъ близко къ сердцу весь этотъ петербургскій кавардакъ... По моему, что Д., что С.—все равно.

Она слегка сдвинула брови.—Какъ кому! вамъ, разумѣется, все равно...

— Да и вамъ должно быть все равно. Вотъ и я получилъ депешу, прочтите-ка, ваше превосходительство, это и до васъ касается.

Михаилъ Михайлычъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, однако, взялъ депешу и отошелъ съ нею къ окну.

— А на дворѣ меня кони дожидаются, позвольте дѣтокъ покатать? обратился онъ снова къ Еленѣ Васильевнѣ.

— У нихъ теперь учитель, нерѣшительно отвѣчала она.

— Мы и учителя прихватимъ, засмѣялся Горичъ.

Она ничего не возразила, но позвонила и велѣла сказать дѣтямъ, чтобъ они одѣвались кататься.

— Ну что, какова моя депеша?

— Чего бы лучше! растерянно произнесъ генералъ, поглядывая въ какомъ-то смущеніи то на жену, то на Горича.

— Вѣдь точно отвѣтъ на вашу, не правда-ли? продолжалъ усмѣхаться Дмитрій Николаичъ.

— Да, да, однако-жь, что-жь мы тутъ стоимъ? пойдемте въ кабинетъ или къ ней, указалъ генералъ на жену:—тамъ и переговоримъ...

Но Горичъ объявилъ, что заѣдетъ для этихъ переговоровъ завтра, и круто повернулъ разговоръ на вчерашній праздникъ въ собраніи.

Вмѣстѣ съ Сашей, Алешей и Катей въ шубкахъ и мѣховыхъ шапочкахъ, появился и Розоновъ. Пользуясь сумерками и тѣмъ, что все общество стояло спиной къ двери прихожей, онъ вздумалъ

малъ было пробраться къ этой двери незамѣтно и ни съ кѣмъ не раскланиваясь, но маневръ не удался ему.

— Гдѣ же учитель? вскричалъ Горичъ:—а! вотъ вы, Гаврило Ивановичъ!

Розоновъ очень смутился. Онъ въ первый разъ видѣлъ человѣка, который такъ безцеремонно называлъ его по имени.

— Поѣдемте съ нами, господинъ Розоновъ, продолжалъ Дмитрій Николаичъ, подходя къ нему и протягивая ему руку.

Спускаясь по лѣстницѣ, Горичъ сказалъ Розонову:—я васъ послѣ катанія къ себѣ затащу, потолкуемъ! Мнѣ сказали, что вы мѣста ищете?.. Работа у насъ для хорошаго человѣка всегда найдется!

Ему сказали... кто? Разумѣется, Ольга!

Думая объ ней, Розоновъ ужь давно называлъ г-жу Юрьеву Ольгой.

О знакомствѣ ея съ Горичемъ и объ описанномъ выше посѣщеніи его онъ давно зналъ. Мѣсяца два тому назадъ, Матвѣвна, забѣжавши кое о чемъ посудачить, да чайку съ вареньецемъ напиться, разсказывала, что къ нимъ сталъ ѣздить какой-то неизвѣстнаго званія господинъ, не то купецъ, не то помѣщикъ, что онъ торгуетъ у господъ Бычиху, подолгу сидитъ въ кабинетѣ генерала, а намеднись у генеральши былъ, а потомъ кушать пригласили.

— Онъ твоего Александра Дмитрича знавалъ, еще въ Сибири вмѣстѣ были. Барыня сейчасъ велѣла Катичку позвать. Она намъ все и разсказала.

Ольга только засмѣялась на это, но когда Дарюша ушла, она разсказала Розонову про посѣщеніе Горича и про то, какъ она отвѣчала на его предложенія.—Не говорите, пожалуйста, нашимъ, заключила она:—онѣ Богъ знаетъ, что изъ этого выведутъ!

Гаврило Ивановичъ обѣщался молчать, а впослѣдствіи и самъ забылъ про это обстоятельство; но вотъ недавно, по поводу его неудачъ въ пріисканіи мѣста и уроковъ, Ольга намекнула ему вскользь, чтобъ онъ не унывалъ, что у нея есть человѣкъ, къ которому, въ крайнемъ случаѣ, можно обратиться.

Вѣроятно, по ея мнѣнію, крайность эта еще не наступила, да и вообще она болѣе, чѣмъ равнодушно, даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ, относилась къ горю своего молодого друга.

— Ну что-жь ваши генералы? смѣялась она:—а маменька-то мечтала! И мѣсто-то Михаилъ Михайлычъ у себя дастъ, и отъ уроковъ отбою не будетъ! Я всегда говорила, что это вздоръ, что не такіе они люди, чтобъ бѣднаго человѣка поддержать.

— Что-жь, Оля, и за то слава Богу, что мы, черезъ Гаврила Ивановича, два раза въ недѣлю объ Катичкѣ извѣстія имѣемъ, покорно возражала старушка-мать.

Ольга на это молчала и только презрительно выпячивала нижнюю губку и Розоновъ отлично понималъ значеніе этой гримасы и спѣшилъ заговорить о другомъ.

Дѣло въ томъ, что и въ этомъ отношеніи всѣ ошиблись въ разсчетѣ: съ перваго же свиданія, Катя дала понять молодому человѣку, что всякая его попытка заговорить съ нею объ матери будетъ неумѣстна и напрасна. Она держала себя съ нимъ такъ холодно и сухо, она такъ тщательно избѣгала случая оставаться съ нимъ вдвоемъ, что даже Дарюша, которую вначалѣ появленіе Розонова сильно растревожило, теперь совершено успокоилась.

— Твоя Катичка просто молодецъ, дивиться надо ея хитрости, разсказывала она въ маленькомъ домикѣ на Калинковской Улицѣ, недѣли три послѣ перваго урока.—Хоть бы моргнула, когда онъ пришелъ! Я потомъ спрашиваю, что молъ, Катичка, хорошъ что ли новый-то учитель? Такъ какъ думаешь? Смотритъ этта на меня во всѣ глаза:—ничего, говоритъ, кажется, уроки пойдутъ лучше, чѣмъ у Петра Ивановича...

Изъ рѣдкихъ намековъ Розанова на счетъ ея дочери Ольга знала, что и онъ думаетъ про нее тоже самое, что и Матвѣвна; но нельзя сказать, чтобъ всѣми признанныя хитрость и снаровка Кати ее очень радовали.

Розоновъ вспоминалъ объ этомъ въ то время, какъ тройка Дмитрія Николаича мчала его, сначала по улицамъ Чернолѣсова, а затѣмъ, выѣхавъ, къ величайшему удовольствію дѣтей, за городъ, мягко занырьяла по высокимъ, рыхлымъ сугробамъ большой дороги. Сначала, дѣти при каждомъ ухабѣ весело взвизгивали, валясь другъ на друга и хватая горстями снѣгъ, но потомъ они стихли. Сумерки быстро сгущались и по необозримому, снѣжному пространству началъ разливаться мелкій блескъ восходящей луны. Фантастическими узорами серебрила она сугробы, заглядывала въ рощи, пронизывалась между вѣтвями, покрытыми инеемъ, рисуя на нихъ странные узоры изъ тѣней.

Дмитрій Николаичъ, началъ мало по малу сдерживать лошадей и, наконецъ, поѣхалъ шагомъ. Среди торжественнаго молчанія снѣжной пустыни задорное позвякиваніе бубенчиковъ тревожило и дразнило слухъ. Изъ сугробовъ выдѣлялись чудные призраки, ущелья углублялись все мрачнѣе и мрачнѣе, обнаженныя вѣтви вытягивались въ странныя формы, напоминающія то звѣря, то человѣка въ предсмертныхъ судоргахъ и съ мину

ты на минуту все явственнѣе и явственнѣе доносились до уха отдаленные стоны, глухой протяжной вой и шорохъ...

Дѣтямъ сдѣлалось жутко; они тѣсно жались другъ къ другу, пугливо озираясь по сторонамъ въ смутномъ ожиданіи, что вотъ, сейчасъ на нихъ что-то накинется, сани куда-то провалятся и ихъ всѣхъ поглотитъ то могучее, холодное и неумолимое, что спускается на нихъ изъ лучей блѣдной луны.

— Это волки? спросилъ шопотомъ Саша.

Съ полчаса времени, лошади, предоставленныя самимъ себѣ, шли все тѣмъ же мѣрнымъ, тихимъ шагомъ и вдругъ какъ вкопанныя остановились у поворота къ большому оврагу, извѣстному въ околодкѣ, подъ прозвищемъ Разбойщины.

Дмитрій Николаичъ взялъ возжи и началъ осторожно спускаться по довольно крутому склону къ обрыву, у котораго лошади снова сами собою остановились.

— Надо тутъ отдохнуть немножко, объявилъ онъ, вынимая изъ кармана объемистый портсигаръ и еще какой-то предметъ, на который съ любопытствомъ уставились дѣти.—Тамъ внизу, мой хуторъ, видите огоньки? Тотъ, что побольше—это въ конторѣ лампа горитъ.—Мы сейчасъ и конторщика вызовемъ...

Онъ поднесъ къ губамъ загадочной предметъ, вынутый изъ кармана, вмѣстѣ съ портсигаромъ и свиснулъ въ него.

— Точно въ сказкѣ! повторяли дѣти, внѣ себя отъ восторга, впиваясь глазами въ оврагъ, на днѣ котораго чернѣлись неясныя очертанія строеній: круглая башня, облитая мѣстами луной, длинный низкій флигель, а дальше серебристые лучи зацѣпляли мимоходомъ край крыши и трубу еще какого-то строенія. По склону и какъ бы уходя въ глубь мрака, чувствовались еще домики; точно живые и зоркіе глаза, сверкали красноватые огоньки, по два, по три въ рядъ, выше и ниже, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга.

Не прошло и минуты, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ зашевелился и, отдѣлившись отъ темной массы, направился къ тропинкѣ, извивающейся вдоль спуска. Раздался громкій лай собакъ.

— Услышали, сказалъ Дмитрій Николаичъ и еще разъ свиснулъ.

Огонекъ приближался; по временамъ, можно было различить человѣческую фигуру съ фонаремъ въ рукахъ, но затѣмъ, фигура эта сливалась съ густой тѣнью какого-нибудь куста или сугроба и снова, казалось, будто огонекъ одинъ пробирается по уступамъ тропинки, вспыхивая и мерцая краснымъ трепетнымъ блескомъ, среди окружающей бѣлизны.

— Ишь заливаются! засмѣялся Горичъ:—псы у меня отмѣн-

ные, на какого угодно звѣря пойдутъ! Съ такими псами бояться нечего. А какая тутъ прелесть лѣтомъ, еслибъ вы знали! продолжалъ онъ, обращаясь то къ Розонову, то къ дѣтямъ.—Вонъ тамъ, внизу, рѣчка течетъ, а тамъ мельница. Я когда-нибудь затащу васъ сюда на цѣлый день.

Онъ входилъ въ большія подробности о ягодахъ, которыми тутъ краснѣютъ полянки между рощицами, указывалъ на мѣста, гдѣ ростетъ орѣшникъ, тёрнъ, бѣлый и розовый шиповникъ. Описывалъ охоту на куропатокъ, объяснялъ, въ какихъ мѣстахъ лисьи норы, гдѣ и какъ удалось ему затравить волка.

А между тѣмъ, человѣкъ съ фонаремъ приближался; теперь можно было ясно различать высокую, сутуловатую фигуру въ пальто на барашковомъ мѣху, съ приподнятымъ воротникомъ, изъ-за котораго выдавался длинный носъ Ѳеди. Онъ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ саней, весь въ снѣгу и съ трудомъ переводя дыханіе отъ усиленной ходьбы.

— Садись скорѣе, видишь какой большой компаніей мы тебя ожидаемъ. Вотъ господинъ Розоновъ. Тебѣ будетъ интересно съ нимъ поближе познакомиться. А это—молодые Свѣтловы, указалъ Дмитрій Николаичъ на мальчиковъ, жавшихся къ Розонову, чтобъ дать мѣсто вновь прибывшему:—а эта барышня, дочка Александра Юрьева...

Ѳедя съ большимъ любопытствомъ уставилъ свои задумчивые глаза на Катю и, отдѣльно ото всѣхъ, поклонился ей.

— Протяните ему вашу ручку, барышня, сказалъ Горичъ:—вашъ батюшка на рукахъ его носилъ. Онъ вамъ даже немножко съ родни приходится, прибавилъ онъ съ усмѣшкой и забирая возжи, чтобъ пуститься въ обратный путь.

Ѳедя очень сконфузился и началъ торопливо гасить свой фонарь.

XI.

— Съ генеральшей гораздо удобнѣе вести дѣло, чѣмъ съ генераломъ, она много умнѣе его и съ нею можно какъ съ человѣкомъ толковать, даромъ, что барыня, увѣрялъ Дмитрій Николаичъ.

Онъ былъ, кажется, очень доволенъ этимъ открытіемъ и старался убѣдить Карпа Алексѣевича, что необходимо заручиться содѣйствіемъ Свѣтловыхъ.

— Тогда у насъ вездѣ будетъ рука, продолжалъ онъ, внимательно поглядывая на старика, который, по обыкновенію, молча

и терпѣливо выслушивалъ его.—Можно будетъ устроить компанію на акціяхъ, всѣ разберутъ, здѣсь же въ губерніи, стòитъ только Свѣтлова директоромъ сдѣлать.

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.—А князь? спросилъ онъ съ лукавой усмѣшкой.

— Князь чтò! князь не здѣшній!.. Изъ него мы повытянемъ все, чтò нужно, да и выпустимъ...

— Эдакъ-то лучше будетъ. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что князь непроченъ.

— Говорили. Теперь эта перемѣна такъ ему на руку, что самъ чортъ ему не братъ. Хорошо, что успѣли Нильскаго пристроить. Впрочемъ, мы съ нимъ далеко не заходили, во всякое время отстать можно, никому отъ этого убытка не будетъ. Даже если деньги, что онъ забралъ, пропадутъ, такъ и то не бѣда!

— Я совѣтовалъ бы и съ Свѣтловыми также...

— Ну нѣтъ, Карпъ Алексѣевичъ, Свѣтловы—статья особенная!

Онъ остановился и, пытливо заглянувъ въ глаза старику:—почему вы опасаетесь Свѣтловыхъ? спросилъ довольно тревожно.

— Потому что, гусь свиньѣ не товарищъ, локонично отвѣчалъ Негуляевъ.

Лицо Горича прояснилось.—Только-то? А я вамъ скажу, что пословица эта и хороша, да только къ намъ она не относится. Намъ приходится съ такими звѣрями ладить, что чѣмъ пестрѣе компанія, тѣмъ лучше! Да вотъ, къ примѣру сказать, помните, мы голову ломали, кого бы въ Петербургъ послать? Теперь я знаю кого.

— Кого-же?

— Племянницу графа, ея превосходительство Елену Васильевну Свѣтлову! произнесъ съ шутливой напыщенностью Дмитрій Николаичъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ и усмѣхнулся.—Вотъ ты какъ! Ну, помогай тебѣ Богъ!

— Да-съ, Карпъ Алексѣевичъ, мы тàкъ! Я никогда ничего не боюсь. Другіе опасаются, приноравливаются, а меня просто тошнитъ отъ этихъ хитростей, потому-ли, что терять мнѣ нечего!

— Не говори такихъ словъ, Миколаичъ! за такія слова наказаніе бываетъ!

— Да вѣдь вамъ моя жизнь извѣстна, вы знаете черезъ чтò

я прошелъ! Ну, скажите на милость, чтò-жъ еще можетъ быть? спросилъ онъ съ задумчивой улыбкой.

— Можетъ быть то, чего ни ты, ни я не знаемъ, серьёзно возразилъ старикъ.

Горичъ беззаботно тряхнулъ волосами.—Значитъ ужъ совсѣмъ что-нибудь новое! Чтò-жъ, стало быть, умремъ всего отвѣдавши, спасибо и за это!

Наступило молчаніе.

— А сегодня, я опять въ акцизномъ управленіи воевалъ, снова началъ Горичъ:—да спасибо еще, что Плитаки выручилъ, а то до вечера бы продержали! Все черезъ Ѳедю...

— Опять, вѣрно, съ надзирателемъ сцѣпился?

— Опять! И вѣдь объясняешь ему, что намъ же лучше; бросилъ имъ кость—пусть грызутся!

— Да, съ нимъ не столкуешь! Никакой снаровки не понимаетъ. Я ужъ думаю, не лучше-ли другого кого на его мѣсто, ну вотъ хоть новаго-то?

— Розонова? Помилуйте! Да этотъ еще проще Ѳеди будетъ!

— Чтò-жъ ты все какихъ набираешь?

— Нельзя, Карпъ Алексѣевичъ, надо и домашнихъ людей имѣть; на нихъ, какъ на столбахъ, все наше зданіе будетъ держаться. Нѣтъ, Карпъ Алексѣевичъ, вы на меня не сѣтуйте за Розонова; мы отъ него въ убыткѣ не останемся.

— Да я развѣ говорю что! Дѣлай какъ знаешь; я въ твои распоряженія не мѣшаюсь: хоть пять тысячъ ему назначь.

— Съ него и тысячи довольно, да онъ и не возьметъ больше.. Ольга Петровна хочетъ и въ Москвѣ шитьемъ заниматься, можетъ быть, магазинчикъ откроетъ... Вы, вѣрно, слышали? Онъ вѣдь на ней женится, на Юрьевой-то...

— А что генеральша? полюбопытствовалъ старикъ.

— Какое ей дѣло? Она никогда не признавала ее за родню, даже на глаза къ себѣ не пускала...

— Они ей, бѣдной, ходу нигдѣ не давали... Послѣ смерти Александра Николаича, я хлопоталъ пристроить ее куда-нибудь кастеляншей въ пріютѣ или въ больницѣ—ничего не могъ подѣлать, вездѣ эта генеральша поперекъ дороги становилась!

Дмитрій Николаичъ молчалъ.

Теперь, онъ очень часто бывалъ у Свѣтловыхъ, гораздо чаще, чѣмъ когда торговалъ Бычиху у генерала; но Елена Васильевна не находила ничего страннаго въ этихъ посѣщеніяхъ и даже приглашала его въ свою гостинную, когда онъ приходилъ вечеромъ и не заставалъ ея мужа дома.

Она такъ втянулась въ затѣянное Горичемъ дѣло, что гене-

ралу приходилось умѣрять ея усердіе тѣми же самыми аргументами, какими она сама, нѣсколько недѣль тому назадъ, обращала его на путь благоразумія.

— Я просто не понимаю, что съ ней сдѣлалось! жаловался онъ своему новому пріятелю:—представьте себѣ, что она даже тетушку Евгенію Андреевну не хочетъ слушать! Еслибы вы только знали, какъ рѣзко отвѣтила она на ея совѣты и предостереженія! Вотъ тоже, насчетъ моей отставки... Я говорю, что успѣется: ну что, если концессію не удастся получить? Нельзя же такъ, безъ оглядки кидаться?

— Совершенно справедливо, ваше превосходительство, барыни постоянно увлекаются, наше дѣло—ихъ сдерживать...

— Я и то сдерживаю насколько могу, но вы представить себѣ не можете, какъ это трудно! Вчера она мнѣ прямо сказала, что я ничего не понимаю... Каково это слышать? Пожалуйста, поговорите вы съ нею, она васъ лучше послушаетъ.

Дмитрій Николаичъ давалъ слово исполнить эту просьбу при первомъ удобномъ случаѣ, но случай этотъ никогда не представлялся. А между тѣмъ, онъ часто оставался вдвоемъ съ генеральшей, но только имъ тогда было не до Михаила Михайлича, они тогда говорили о себѣ и находили въ этомъ такое наслажденіе, что время летѣло неестественно быстро.

Мало-по-малу, онъ разсказалъ ей всю свою жизнь. Елена Васильевна по нѣскольку разъ заставляла его повторять тѣ же самыя подробности о его дѣтствѣ, родителяхъ, друзьяхъ.

Надо же знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло? оправдывалась она передъ самою собою. А онъ очень охотно отвѣчалъ на всѣ эти распросы и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся про отца, къ которому питалъ какую-то благоговѣйную нѣжность.

Старикъ Ширинъ-Горичъ жилъ теперь въ Италіи, въ маленькой хижинѣ у подошвы горы, неподалеку отъ моря.

— Вамъ бы и недѣли не ужиться въ этой хижинѣ, смѣялся Дмитрій Николаичъ:—вся-то она помѣстилась бы въ этой комнатѣ! Но отецъ мой не прихотливъ, ему былъ бы садикъ, гдѣ съ утра до вечера возиться—онъ и доволенъ. А тамъ благодать на этотъ счетъ, домъ нуженъ только въ теченіи трехъ недѣль такъ называемой зимы, остальное время онъ служитъ спальней и кухней.

— Когда видѣлись вы съ нимъ въ послѣдній разъ?

— Очень недавно, въ январѣ нынѣшняго года. Я всегда стараюсь ѣздить къ нему зимой... изъ любви къ контрастамъ, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Елена Васильевна очень удивилась, ей казалось что она видѣла его въ январѣ здѣсь?

— Точно такъ. Я выѣхалъ третьяго и вернулся семнадцатаго, а двадцатаго, былъ у васъ... Старикъ очень доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ; онъ увѣряетъ, что теперь у пристани и не безъ удовольствія припоминаетъ прошлыя невзгоды, утверждая, что только благодаря имъ, способенъ въ настоящее время сознательно наслаждаться и южнымъ солнцемъ, и апельсинными деревьями, которыя круглый годъ цвѣтутъ вокругъ его хижины, и ласковымъ обращеніемъ добродушныхъ итальянцевъ. Не будь Сибири, повторялъ онъ мнѣ, я, вѣроятно, ходилъ бы, хрюкая среди всѣхъ этихъ прелестей, какъ любой помѣщикъ или чиновникъ, которому только и свѣту въ окошкѣ, что партія преферанса, вино, да забота о томъ, какъ бы подставить ножку товарищу, чтобъ сѣсть на его мѣсто. Однако, когда я разсказалъ ему о нашихъ похожденіяхъ здѣсь, въ Чернолѣсовѣ, онъ весь вспыхнулся и такъ заинтересовался нашими предпріятіями, что пресерьёзно предложилъ намъ свои услуги. Пришлось напоминать ему и лѣта его, и ревматизмы, и наконецъ то обстоятельство, по которому ему невозможно вернуться на родину.

— Вашъ отецъ, вѣрно, и тамъ занимается политикой?

— Еще бы! Стоитъ послушать, какъ онъ громитъ свое собственное невѣжество; неосмотрительность и безразсудство! Но кто-жь будетъ его слушать! Люди ужь такъ созданы, что предпочитаютъ, по собственному влеченію, клюнуться носомъ и затопиться въ первой попавшейся лужѣ, чѣмъ добраться до цѣли по тропинкѣ, протоптанной чужимъ умомъ.

— Онъ много читаетъ?

— Нѣтъ, не много, но хорошо читаетъ. У него есть любимые авторы, каждое слово которыхъ онъ принимаетъ нетолько въ серьёзъ, но даже совсѣмъ близко къ сердцу, точно книга собственно для него написана. На каждое отступленіе такого автора отъ прямаго пути онъ смотритъ какъ на личную обиду и увѣряетъ, что гораздо логичнѣе сажать человѣка въ тюрьму за несостоятельность въ мысляхъ, чѣмъ въ деньгахъ. Вотъ онъ какой чудакъ! Его тамъ любятъ и пріѣзжаютъ издалека, чтобъ побесѣдовать съ нимъ, и онъ сходится со всѣми, безъ разбора, въ особенности съ простолюдинами: въ нихъ, говоритъ, напускнаго меньше, скорѣе до самой сути доберешься.

Елена Васильевна его не слушала, она мысленно спрашивала себя: неужели можно въ такое короткое время съѣздить въ Ита-

лію? И, преслѣдуя вслухъ эту мысль:—развѣ такъ легко поѣхать за границу? спросила она, приподнимая слегка брови и останавливая на Горичѣ взглядъ, полный наивнаго любопытства, какъ будто отыскивая на лицѣ его слѣды той чудной страны, о которой она мечтала съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ.

Онъ въ изумленіи развелъ руками.—Вы никогда не были заграницей! О чемъ же думалъ Михаилъ Михайлычъ? До сихъ поръ не показать вамъ Парижъ, Неаполь, Швейцарію!.. Помилуйте, да кто-же въ наше время не знаетъ всего этого лучше Москвы и Петербурга!

Она покраснѣла немножко.—Мы не считали себя въ правѣ дѣлать лишнія издержки; къ тому же мужъ мой былъ всегда такъ занятъ своей службой...

— Полноте! У васъ просто энергіи не хватило вылѣзти изъ вашей скорлупы, лѣнь было начать жить! Да, жить! вы еще до сихъ поръ не жили...

Генеральша засмѣялась.

Но смѣхъ этотъ былъ такъ натянутъ, что взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ показался Горичу еще печальнѣе и тревожнѣе.

— Теперь ужь поздно, прошептала она съ усиліемъ.

— Почему же поздно? Развѣ вы утратили способность чувствовать и понимать? Напротивъ, теперь самое время!

— Съ кѣмъ же мнѣ ѣхать? проговорила она нерѣшительно.

«Со мной», чуть-было не вырвалось у Горича, и, вѣроятно, отвѣтъ этотъ очень ясно выразился въ его взглядѣ, потому что она поспѣшно продолжала:

— Дѣти еще малы, имъ учиться надо, а Михаилу Михайлычу нѣкогда...

Она, мало-по-малу, снова овладѣла собой, своимъ взглядомъ, улыбкой и въ голосѣ ея теперь уже звучало не смущеніе, а иронія.

— Да онъ и не захочетъ ѣхать... Михаилъ Михайлычъ былъ заграницей, и всѣ впечатлѣнія этого путешествія сводятся для него на кокоткахъ, устрицахъ, да на мадоннѣ Рафаеля, что въ Дрезденѣ—вотъ и все. Впрочемъ, намъ теперь и поздно немножко праздновать медовый мѣсяцъ путешествіемъ вдвоемъ. Теперь мнѣ остается одно только средство побывать въ Италіи: это заболѣть чѣмъ-нибудь въ родѣ чахотки.

— Или объявить генералу, что вамъ надоѣло сидѣть безвыѣздно въ Чернолѣсовѣ, съ досадой перебилъ ее Горичъ.

Она продолжала смѣяться.—Такое заявленіе такъ на меня не-

похоже, что никто ему не повѣритъ. Нѣтъ, нѣтъ, ѣхать теперь заграницу... это было бы не въ порядкѣ вещей.

— А вамъ хотѣлось бы ѣхать?

Онъ предложилъ этотъ вопросъ такъ настойчиво, что Елена Васильевна опять смутилась немножко.

— Что-жь изъ этого? Еслибъ даже и хотѣлось! На то намъ и данъ разсудокъ...

— На что онъ данъ?.. чтобъ портить себѣ жизнь?..

Они проспорили въ этотъ вечеръ очень долго. Когда Горичъ вернулся домой, онъ нашелъ на своемъ письменномъ столѣ множество писемъ, депешъ и записку, присланную съ нарочнымъ изъ хутора. Выругавъ Матрену за то, что она не прислала ему эту записку къ Свѣтловымъ, онъ сѣлъ писать и на другое утро, чуть свѣтъ, уѣхалъ.

XII.

Какимъ образомъ Катя узнала о томъ, что мать ея выходитъ замужъ за Розонова, до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ. Она была дѣвочка хитрая и ловкая и вѣчно раньше другихъ добиралась до всего. Секретъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ всему дому и въ непродолжительномъ времени достигъ до ушей Елены Васильевны.

Карпъ Алексѣевичъ не ошибся, предполагая, что презрительное равнодушіе генеральши къ бѣдной родственницѣ не устоитъ противъ такого казуса. Она могла не интересоваться будничной и однообразной борьбой Ольги Петровны съ нуждой, но за то и Дарюша, и отецъ Меѳодій могли бы засвидѣтельствовать, какъ заботилась она о нравственности вдовы своего покойнаго родственника, объ ея поведеніи, даже о томъ, вѣрующая ли она женщина и посѣщаетъ ли усердно церковь.

— Я очень рада, батюшка, что она хорошо ведетъ себя и принята въ вашемъ семействѣ, повторяла она еще недавно отцу Меѳодію на его лестные отзывы объ Ольгѣ Петровнѣ.—Вѣдь вы представьте только себѣ, какой скандалъ, еслибъ объ ней заговорили въ городѣ? Все же родственница!

— Она это весьма понимаетъ, сударыня, и глубоко цѣнитъ ваши милости, считалъ нужнымъ солгать почтенный священникъ.—Надо бы дочку къ ней почаще посылать... Извините за откровенность, ваше превосходительство, но вѣдь она ей мать, а отчужденіе между ними великое!

— Что-жь мнѣ дѣлать, батюшка! У меня были такія важныя

причины отдалять ихъ другъ отъ друга... Я взяла Катю на свое попеченіе и буду отвѣчать за нее передъ Богомъ и людьми. Нельзя было знать впередъ, какой образъ жизни изберетъ эта женщина послѣ смерти мужа.

— Какой же ей образъ жизни избирать, сударыня? Извѣстное дѣло, бѣдность! Работаетъ сколько можетъ, себя прокармливаетъ, мать содержитъ.

— Вы меня не понимаете, батюшка, нетерпѣливо прервала его генеральша:—она, говорятъ, недурна собой, а въ ея званіи красота—очень опасная вещь...

Отецъ Меѳодій опускалъ глаза, строго сжималъ губы и упорно молчалъ.

— Слава Богу, что опасенія наши не сбылись, продолжала Елена Васильевна, съ трудомъ изыскивая приличныя выраженія для своей довольно неприличной мысли. — Долго ли женщинѣ погибнуть! Еслибъ вы только знали, какъ мы съ Михаиломъ Михайлычемъ рады, что она честно переноситъ свою бѣдность!

— Очень честно, сударыня! При такой крайности никому даже не должна, ни сосѣдямъ, ни по лавочкамъ. Этого многіе благородные господа достигнуть не могутъ!

«Господи! какія грубыя у него мысли въ головѣ! Когда же у насъ будутъ священники, съ которыми можно обо всемъ говорить!» думала Елена Васильевна, разсѣянно выслушивая скучныя разсужденія отца Меѳодія.

Узнавши, что Ольга Петровна выходитъ замужъ, генеральша позвала къ себѣ Дарюшу и велѣла ей разсказать все, что она знаетъ объ этой исторіи.

Дарюша все знала; даже незатѣйливая біографія Гаврилы Ивановича была ей извѣстна до мельчайшихъ подробностей. Елена Васильевна долго продержала старушку въ дверяхъ своего будуара.

— Такъ они давно знакомы? спрашивала генеральша, повертывая свое вышиваніе къ свѣту и любуясь эффектомъ яркихъ цвѣтовъ на черномъ фонѣ.

— Давно, сударыня. Гаврило Ивановичъ ужь почитай два года, какъ у нихъ квартируетъ. Я тогда докладывала вамъ, изволили забыть, вѣрно... вотъ тоже, когда началъ онъ дѣтей учить.

— Ты говоришь, они ѣдутъ отсюда? продолжала Елена Васильевна, прищуриваясь на бѣлую розу...

Роза эта ей не нравилась; рядомъ съ красной, она выдавалась слишкомъ рѣзко.

— Какже, сударыня. Онъ ужь уѣхалъ. Въ Москвѣ и свадьба

будетъ. Весной всѣ туда переберутся, сперва Ольга Петровна, а потомъ и старушка съ Өедосьей Петровной...

— Эта роза положительно портитъ весь ensemble, проговорила вполголоса Елена Васильевна: — она должна быть много старше его? прибавила она, слегка нахмуриваясь.

— Нѣтъ, сударыня; онъ же такой степенный, да старообразный... А она... велики ли ея лѣта? Вѣдь ей семнадцати лѣтъ не было, когда покойный Александръ Николаичъ...

— Вотъ что, Дарюша, прервала ее Елена Васильевна, указывая на то мѣсто въ работѣ, которое, повидимому, такъ ее занимало, что даже мѣшало слѣдить внимательно за разсказомъ старушки.—Скажи, пожалуйста, Аришѣ, чтобъ она распорола этотъ розанъ... Осторожнѣе только, канву бы не прорѣзать...

Она осталась одна и глубоко задумалась.

Бываютъ же счастливые люди на свѣтѣ! Вотъ Ольга Петровна, напримѣръ. Ее и Саша любилъ, она съ нимъ была очень счастлива, всѣ это говорятъ. Да и сама Елена Васильевна это знаетъ... Не даромъ поступала она съ ней такъ строго, надо же было наказать ее при первомъ удобномъ случаѣ за это незаслуженное счастье. А теперь ей и съ Розоновымъ будетъ хорошо. Пожалуй, даже лучше, чѣмъ съ Сашей: *этого* она сама выбрала. И просто какъ! Полюбила человѣка и беретъ его. Ни съ кѣмъ не совѣтуясь, ни на что не обращая вниманія, не раздумывая. Полюбила и отдалась... Счастливые! Ихъ ничто не въ состояніи смутить: ни людскіе пересуды, ни воспоминанія прошлаго, ни опасенія за будущее... Они, вѣрно, какъ и Горичъ, думаютъ, что не стоитъ жертвовать тѣмъ, что есть, ради того, чего уже нѣтъ, или въ виду того, чего никогда не будетъ! Однако, что онъ скажетъ, когда узнаетъ, что Юрьева выходитъ замужъ? Ему это не можетъ быть пріятно...

Елена Васильевна съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ останавливалась на этомъ предположеніи. Она сердилась на Горича за то, что онъ Богъ знаетъ куда уѣхалъ, не предупредивши ее. Каждый день приходили интересныя извѣстія изъ Петербурга, надо было о многомъ переговорить. Наконецъ, съ наступленіемъ вечера, генеральша просто не знала, что дѣлать отъ скуки: такъ привыкла она къ посѣщеніямъ этого оригинала. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ о немъ ни слуху, ни духу; говорятъ, что онъ въ Москву уѣхалъ, но этого быть не можетъ: она ждала его каждую минуту.

Вотъ даже теперь, когда по сосѣдней комнатѣ раздались шаги и растворилась дверь, Еленѣ Васильевнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что это онъ...

Нѣтъ, она ошиблась, это человѣкъ принесъ письмо. Странную физіономію имѣло это письмо: большой, четырех-угольный конвертъ надписанъ крупнымъ и совершенно незнакомымъ почеркомъ, на печати гербъ съ какой-то птицей.

Всѣ эти подробности она успѣла разсмотрѣть въ одно мгновеніе, а также и то, что на письмѣ не было ни штемпелей, ни почтовой марки...

— Кто это принесъ? спросила она.

— Какой-то человѣкъ отъ Дмитрія Николаича, ваше превосходительство; онъ ужь ушелъ, отвѣта не приказано ждать...

— Хорошо, принесите лампу.

Она подошла къ окну и начала медленно распечатывать конвертъ. Сердце ея забилось часто, часто, и потомъ вдругъ смолкло. Письмо было длинное, на четырехъ листахъ большого формата. Оно начиналось почтительнымъ воззваніемъ къ ея превосходительству Еленѣ Васильевнѣ, съ покорнѣйшей просьбой, никому не открывать тайны его убѣжища, и продолжалось все въ томъ же шутливомъ тонѣ. Видно было, что оно писалось съ перерывами, что за него принимались, когда выберется свободная минутка. Дмитрій Николаичъ разсказывалъ въ немъ о ихъ дѣлѣ, о томъ, что̀ надо сказать генералу, что̀ написать тётушкѣ Евгеніи Андреевнѣ, ка̀къ подступить къ графу... Потомъ о дѣтяхъ нѣсколько строкъ и, наконецъ, о томъ, что Максимычъ запилъ и что отъ него отойти нельзя. Однако, Дмитрій Николаичъ увѣрялъ, что постарается пріѣхать какъ можно скорѣе, вѣроятно, завтра, въ среду...

Елена Васильевна подумала, что сегодня понедѣльникъ, стало быть, это было написано на прошлой недѣлѣ... Что̀ могло задержать его на хуторѣ?

Письмо обрывалось на четвертой страницѣ, на полусловѣ, безъ подписи, вѣроятно, было продолженіе на другомъ листѣ, котораго тутъ не было...

— Забылъ вложить, сообразила Елена Васильевна.

И вдругъ взглядъ ея остановился на припискѣ съ боку, и она вся похолодѣла.

«Что̀ ты со мной сдѣлала? Вѣдь я теперь безъ тебя жить не могу»...

Вотъ что̀ въ заключеніе вырвалось изъ-подъ пера Горича, именно вырвалось. Слова эти были едва дописаны искаженной, взволнованной рукой.

Когда она очнулась, передъ нею стоялъ Михаилъ Михайлычъ.

— Отъ Горича вѣрно? Что̀ онъ пишетъ? спрашивалъ гене-

ралъ, указывая на письмо, которое, какъ живое, трепетало между ея дрожащими пальцами.

Елена Васильевна молчала.

— Каковъ молодецъ! Это онъ на своемъ хуторѣ такъ зажился?.. А мы тутъ думали, что онъ въ Москвѣ объ дѣлѣ хлопочетъ! Его, говорятъ, распутица задержала... Однако, какъ у тебя темно, душа моя...

Онъ позвонилъ и спросилъ, почему не подаютъ свѣчей?

— А слышала ты новость? Юрьева-то наша замужъ выходитъ! продолжалъ Михаилъ Михайлычъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ.—За этого, что уроки дѣтямъ давалъ, Розонова...

Она сдѣлала надъ собой усиліе и утвердительно кивнула головой.

— Ему Горичъ мѣсто въ Москвѣ даетъ... Но что̀-жъ ты не одѣваешься, душа моя? Я велѣлъ карету закладывать; Марья Николаевна просила пріѣхать пораньше.

Елена Васильевна машинально отошла отъ окна, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ спальнѣ и снова остановилась.

Она не знала, куда и зачѣмъ ей идти.

С—инъ.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНІЯ ВЪ АМЕРИКѢ

и

ПОЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ПАРТІИ.

Многіе изъ русскихъ читателей знаютъ, что періодически — каждый высокосный годъ—въ Америкѣ происходятъ выборы на должность президента; но не для многихъ ясенъ смыслъ и значеніе словъ «президентская кампанія», которыми американцы характеризуютъ время, предшествующее выборамъ. Кампанія эта обнимаетъ собой болѣе года времени. Начинается она обыкновенно перестрѣлкой между газетами, изъ которыхъ каждая рекомендуетъ и восхваляетъ какое-нибудь лицо (часто платящее субсидіи редактору), выставляя его лучшимъ представителемъ своей партіи. Затѣмъ начинается ревизія этихъ личностей. Газеты и личности, враждебно расположенныя къ тому или другому претенденту на должность президента, начинаютъ раскапывать всю его жизнь, выставляютъ на видъ его политическія ошибки, врываются даже въ частный его бытъ, печатая письма, которыя когда-то писались имъ конфиденціально и существованіе которыхъ могло быть имъ позабыто.

Понятно, что, при той испорченности, которая существуетъ теперь въ правительственныхъ сферахъ, очень немногіе могутъ устоять противъ такого контроля. И вотъ изъ числа 10, 15, а иногда и 20 людей, рекомендуемыхъ различными фракціями одной и той же партіи, остаются не болѣе 5, 6 претендентовъ; для остальныхъ «прошлая жизнь» не позволяетъ уже разсчитывать на занятіе самой высшей офиціальной должности въ Америкѣ. Но борьба внутри каждой партіи этимъ не оканчивается. Чѣмъ меньше остается претендентовъ, тѣмъ съ бо̀льшею горячностію поборники каждаго изъ нихъ стараются унизить остальныхъ соперниковъ. Часто, не будучи въ состояніи найти реальные факты для обвиненія нелюбимаго ими претендента, они прибѣгаютъ къ клеветѣ и выдумкамъ всякаго рода, не останавливаются даже передъ не-

обходимостію выставлять ложныхъ свидѣтелей, которые подъ присягой показываютъ, какъ они платили взятки или обдѣлывали грѣшныя дѣлишки людей, претендующихъ теперь на званіе президента. Такъ же, если первый періодъ кампаніи можно назвать періодомъ очищенія, то слѣдующій за тѣмъ носитъ уже вполнѣ обратный характеръ. Не задолго до съѣзда конвента [1], цинизмъ подобныхъ выходокъ обыкновенно доходитъ до своего апогея, на томъ основаніи, что, при любви къ скандаламъ, характеризующей американскую прессу, обвиненіе, обставленное всѣми аттрибутами правдоподобія, всегда успѣетъ облетѣть самые укромные уголки страны, при чемъ, конечно, почти никогда не бываетъ достаточно времени для полнаго оправданія оклеветаннаго лица. Даже въ тѣхъ, самыхъ благопріятныхъ случаяхъ, когда это лицо — членъ конгресса и имѣетъ право требовать немедленнаго разслѣдованія, даже въ такихъ случаяхъ слѣдственная комиссія начинаетъ опрашивать массу свидѣтелей, дѣло обыкновенно затягивается; между тѣмъ, члены конвента съѣзжаются и, боясь выбрать человѣка, на которомъ лежитъ несмытое обвиненіе, выбираютъ кого-нибудь другого. Нужды нѣтъ, что человѣкъ оправдывается впослѣдствіи, что лжесвидѣтели наказываются — цѣль его враговъ достигнута: онъ не выбранъ въ кандидаты партіи.

Необходимо замѣтить, что «подобныя вещи» никогда не продѣлывались такъ нагло, какъ въ текущій сезонъ выборовъ, да и теперь онѣ совершаются только въ средѣ двухъ главныхъ партій (республиканской и демократической), которыя однѣ только и разсчитываютъ на успѣхъ при народныхъ выборахъ. Понятно, что, при сильномъ развитіи федеральной власти, при широкомъ патронажѣ должностей, находящихся въ зависимости отъ назначенія правительства, при тѣхъ шансахъ, которые открыты теперь для безгрѣшныхъ доходовъ въ видѣ подарковъ, умасливаній отъ различныхъ желѣзно-дорожныхъ, банкирскихъ и торговыхъ компаній—соблазнъ поставить *своего* у кормила правленія слишкомъ великъ; и въ партіи, имѣющей шансы достигнуть власти, всегда найдется много людей, не останавливающихся передъ какою-нибудь мелкою подлостію, лишь бы она помогла имъ схватить заманчивый призъ. Другое дѣло представляютъ намъ вновь за-

[1] Конвентомъ партіи называется съѣздъ делегатовъ, которые выбираются единомышленниками въ опредѣленной обычаемъ пропорціи къ населенности края (обыкновенно, въ числѣ, вдвое превосходащемъ число представителей въ конгрессѣ), съѣжаясь въ заранѣе назначенное мѣсто, рѣшаютъ баллотировкой, кто изъ претендентовъ долженъ, наконецъ, считаться избранникомъ всей партіи. Эти же делегаты излагаютъ принципы своей партіи въ примѣненіи къ текущимъ потребностямъ страны. Изложеніе принциповъ извѣстно подъ страннымъ названіемъ «платформы» партіи.

рождающіяся партіи, партіи будущаго, протестующія противъ существующихъ порядковъ. Онѣ не имѣютъ шансовъ на немедленную побѣду; ихъ сила заключается не въ численности приверженцевъ, а въ ихъ безупречной честности и безпощадномъ обличеніи злоупотребленій; и при выборѣ своихъ кандидатовъ они руководятся только однимъ разсчетомъ: принести наибольшую пользу своему дѣлу. Трудность выбора въ кандидаты на должность президента происходитъ у нихъ не отъ множества претендентовъ, соперничествующихъ между собой за власть и почеть, а скорѣе отъ недостатка ихъ, оттого, что весьма немногія изъ высокопоставленныхъ лицъ, пользующихся народною извѣстностью, рѣшаются стать во главѣ *слабой* партіи съ вѣрнымъ шансомъ на проигрышъ при предстоящихъ выборахъ.

Ниже мы будемъ говорить подробнѣе объ одной изъ такихъ «зарождающихся» партій; а теперь вернемся къ характеристикѣ борьбы внутри главныхъ партій. Цинизмъ, съ которымъ дѣйствуютъ политики (politician) [1] во время президентской кампаніи, влечетъ за собой часто трагическія послѣдствія. Глубокая правда была высказана одною изъ главныхъ американскихъ газетъ, что въ настоящее время, когда «не полагается» ни кулачнаго права, ни убійствъ, ни отравленій, ни политическихъ дуэлей, тѣмъ не менѣе, всякое лицо, дорожащее своею честію, должно помнить, что высшей должности можно достигнуть только рискуя своею жизнію. И въ самомъ дѣлѣ, еще не прошло четырехъ лѣтъ, какъ черная клевета, самыя низкія обвиненія сыпались на голову почтеннаго Грили за то только, что онъ, основатель республиканской партіи и редакторъ самой могущественной политической газеты, отдѣлился отъ республиканцевъ, какъ только убѣдился въ ихъ политической несостоятельности, и сталъ во главѣ такъ называемыхъ либеральныхъ республиканцевъ. Эта честная личность дожила только до убѣжденія, что народная подача голосовъ была противъ него и что не онъ, а Грантъ, былъ выбранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Его скосило на смерть не разочарованіе честолюбца, а страданіе честнаго и очерненнаго человѣка, справедливо полагавшаго, что народъ, вотируя противъ него, какъ бы санкціонировалъ всѣ обвиненія, взведенныя на него республиканцами.

Теперь, какъ извѣстно, президентская кампанія въ самомъ разгарѣ; ни столѣтній юбилей національной независимости, ни всемірная выставка не охладили страстности, съ которою ве-

---

[1] Такъ называютъ американцы людей, которые съ особеннымъ жаромъ отдаются политической кампаніи.

дется политическая агитація, и уже теперь кампанія может похвалиться своими жертвами. Приведу два таких примѣра, которые особенно рельефно говорят въ эту сторону.

Одним изъ самыхъ видныхъ претендентовъ на должность президента со стороны республиканцевъ стоялъ безспорно Блэкъ, бывшій спикеромъ, предсѣдателемъ, палаты представителей; человѣкъ несомнѣнно честолюбивый, но достаточно умный, чтобъ понять, что всякій промахъ съ его стороны, всякое нечистое дѣло можетъ стать ему поперекъ дороги. Медленно, но разсчетливо подвигался онъ къ цѣли... Выбираемый въ продолженіе 6 лѣтъ на щекотливую должность спикера въ палатѣ представителей, онъ какъ нельзя лучше воспользовался такимъ положеніемъ: своимъ безпристрастіемъ и личнымъ обаяніемъ на всѣхъ, приходящихъ съ нимъ въ столкновеніе, онъ заслужилъ довѣріе и уваженіе даже со стороны своихъ политическихъ враговъ; кромѣ того, онъ пріобрѣлъ репутацію честнаго человѣка, и теперь, когда поднялся вопросъ: кого поставить кандидатомъ на президентское мѣсто? глаза всѣхъ невольно обратились къ Блэку. Онъ сталъ самымъ виднымъ претендентомъ, на него, слѣдовательно, должны были обрушиться самые тяжелые удары его враговъ. За этимъ дѣло не стало. Блэкъ, подобно всѣмъ членамъ конгресса (можетъ быть за исключеніемъ нѣсколькихъ чудаковъ), живетъ биржевой игрой, т. е. скупкой и распродажей акцій различныхъ промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій; и вотъ начали сначало ходить темные слухи, что онъ бралъ взятки, въ видѣ даровыхъ акцій, отъ нѣкоей желѣзнодорожной компаніи, съ обязательствомъ покровительствовать ея интересамъ въ конгрессѣ. Обвиненіе расходилось все шире и шире и, наконецъ, изъ голословной сплетни перешло въ реальную форму. Выискался человѣкъ, подтвердившій, что, назадъ тому 2 или 3 года, онъ самъ, какъ уполномоченный отъ компаніи, привозилъ ему пакетъ акцій. Оставаться пассивнымъ Блэку было невозможно; онъ попросилъ палату представителей разслѣдовать всѣ обвиненія, пущенныя противъ него въ печать за послѣднее время. Предсѣдатель палаты (большинство которой, надобно замѣтить, состоитъ изъ демократовъ) составилъ комиссію, большинство которой также—какъ и слѣдовало ожидать—состояло изъ демократовъ, заинтересованныхъ въ политическомъ убійствѣ Блэка. Но, при всемъ стараніи очернить его, члены комиссіи должны были признать неопровержимыми доводы Блэка, доказавшаго, что пакетъ, полученный имъ, былъ пакетъ картъ и плановъ, относящихся къ той желѣзнодорожной компаніи, акціями которой онъ, дѣйстви-

тельно, владѣлъ (а не фиктивно) задолго до времени присылки пакета.

Не успѣла еще комиссія приготовить свой докладъ палатѣ, какъ явилось новое обвиненіе противъ Блэка во взяткѣ, еще болѣе наглой, чѣмъ предъидущая. Началось новое слѣдствіе, тѣмъ болѣе запутанное, что приходилось допрашивать свидѣтелей, живущихъ въ Англіи, и что факты, дѣйствительно, складывались за обвиненіе Блэка. Блэкъ не могъ представить никакихъ положительныхъ доказательствъ для опроверженія клеветы, кромѣ голословнаго ея отрицанія. Враги его, ободренные этимъ, пробуютъ нанести болѣе рѣшительный ударъ. Нѣкій Мюлиганъ явился въ Вашингтонъ со связкою частныхъ писемъ Блэка, которыя были написаны имъ къ президенту акціонерной компаніи, вошедшей якобы съ нимъ въ противозаконныя отношенія, и сталъ хвалиться, что, если опубликуются эти письма, то вина Блэка будетъ очевидною для всѣхъ. Блэкъ этого не вытерпѣлъ. Онъ вытребовалъ отъ Мюлигана эти письма на томъ основаніи, что они не были писаны къ Мюлигану и что этотъ послѣдній не имѣлъ никакого права распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Письма были возвращены Блэку; но дикій вопль всѣхъ любителей скандаловъ показалъ ему, чѣмъ онъ рискуетъ, дѣйствуя подобнымъ образомъ. «Еслибы, говорили проницательные редакторы: — еслибы въ этихъ письмахъ не было ничего предосудительнаго, то Блэкъ не отнималъ бы ихъ отъ Мюлигана». Противу Блэка накоплялась, такимъ образомъ, сильная гроза, и только черезчуръ сильное усердіе его враговъ помогло ему выйдти изъ затруднительнаго положенія. Черезъ одного изъ своихъ друзей онъ узналъ, что слѣдственная комиссія, назначенная надъ нимъ, посылала депеши къ нѣкоему Калдвеллю въ Англію и получила отъ него депешу, вполнѣ оправдывающую Блэка, но комиссія, враждебно расположенная къ Блэку, задержала публикацію этой депеши, стараясь затянуть дѣло до съѣзда конвента республиканцевъ. Этого было достаточно для Блэка, чтобы повернуть все дѣло въ свою сторону. Казалось, будто всѣ его душевныя силы, личная отвага, ораторскій талантъ, импонирующее вліяніе на другихъ—все возрасло вмѣстѣ съ опасностію минуты. Послѣ одной изъ своихъ лучшихъ рѣчей (направленной противъ человѣка, угрожавшаго ему публикаціей частныхъ писемъ, и прессы, настаивающей по необходимости ихъ опубликованія), торжественно протестуя противъ нарушенія священнѣйшихъ правъ всякаго гражданина Америки, Блэкъ передалъ связку писемъ секретарю палаты съ приказомъ публично прочитать ихъ передъ палатой, причемъ не безъ горькой иро-

ніи обратился къ своимъ товарищамъ со словами: «А многіе ли изъ васъ, господа. рѣшились бы на подобную вещь?» Наступила тяжелая минута. Монотоннымъ голосомъ секретаря прочитывалось одно письмо за другимъ; раскрывалось множество такихъ фактовъ, которые всякимъ держутся про себя; обнаружилось состояніе денежныхъ дѣлъ Блэка, узнали, что онъ вообще ведетъ свои дѣла бойко, но ни въ одномъ письмѣ не было ничего могущаго повлечь за собой обвиненіе въ безчестіи. Палата была пристыжена, даже тѣ два-три скептика, которые сомнѣвались, всѣ ли письма, отнятыя у Мюлигана, переданы секретарю—даже они должны были замолчать послѣ честнаго слова, даннаго Блэкомъ, что онъ не утаилъ ни одного изъ нихъ. Но этого было мало Блэку. Чувствуя подъ собою уже твердую почву, онъ вопреки всѣмъ правиламъ парламентарнаго словоговоренія, обратился къ предсѣдателю слѣдственной комиссіи съ запросомъ: посылалъ ли онъ депеши къ Калдвеллю и получилъ ли на нихъ отвѣтъ?

Предсѣдатель комиссіи отвѣчалъ уклончиво, что онъ послалъ бы депешу къ Калдвеллю, еслибы навѣрное зналъ его адресъ. И вотъ Блэкъ, вскочивши со своего мѣста какъ бы ужаленный змѣей, блѣдный, задыхаясь отъ волненія, обвиняетъ предсѣдателя комиссіи во лжи, не забывая поставить на видъ палатѣ, что его собственная роль за послѣднее время—роль очистительной жертвы партіи, что старанія его враговъ могутъ воспрепятствовать его выборамъ въ кандидаты на должность президента, но никто не сможетъ отнять у него того, что̀ дороже всего на свѣтѣ—его чести. Чувства, волновавшія Блэка, казалось, обхватили всю палату; все было увлеченно имъ; палата вотировала свое довѣріе Блэку. Блэкъ торжествовалъ. Но какой цѣною было пріобрѣтено это торжество? А тѣмъ, что отъ постоянной ажитаціи, а въ особенности отъ потрясеній, понесенныхъ имъ во время послѣдняго засѣданія, онъ, какъ говорится, «тронулся» и былъ одно время близокъ къ положительному сумасшествію. Теперь онъ медленно поправляется подъ строжайшимъ приказомъ докторовъ вовсе не участвовать въ политической борьбѣ. Другая жертва клеветы, это—Керръ, демократъ, выбранный въ должность спикера (*нынѣшней* палаты, по большинству демократическаго состава). Что онъ былъ человѣкомъ безукоризненной честности, въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался, даже когда онъ, въ должности спикера, переорганизовалъ комитеты и перетасовалъ личный ихъ составъ вопреки всевозможнымъ ожиданіямъ [1]. Поднялись вопли негодованія со стороны обойден-

[1] Надо замѣтить, что личный составъ комитетовъ имѣетъ громадное вліяніе на ходъ законодательства страны, такъ какъ всѣ проекты законовъ разсма-

ныхъ и разочарованныхъ, но никто даже тогда не сказалъ, чтобы Керромъ руководили какія-нибудь денежныя соображенія. Но вотъ появляется одна довольно респектабельная личность, которая подъ присягой утверждаетъ, какъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, просилъ Керра (бывшаго тогда членомъ конгресса и, слѣдовательно, могущаго, въ силу установившагося обычая, рекомендовать людей на нѣкоторыя должности) назначить на одну изъ открывающихся вакансій нѣкоего Грина и какъ Керръ согласился на это, сказавши, чтобы за это ему заплатили 400 долларовъ. Деньги, утверждалъ обвинитель, были ему заплачены, и Гринъ назначенъ на должность. Надо замѣтить, что Керръ — серьёзно разстроившій свое здоровье предъидущими трудами по организаціи комитетовъ — сильно заболѣлъ и только-что началъ поправляться, какъ получилъ нравственную пощечину въ видѣ упомянутаго обвиненія.

Напрасно люди, не замѣшанные въ эти интриги, подняли голоса въ пользу Керра, говоря, что его репутанія, какъ честнаго и твердаго человѣка, осталась незапятнанной даже тогда, когда онъ былъ членомъ комитета, завѣдывающаго банковыми операціями страны (т. е. однимъ изъ самыхъ хлѣбныхъ комитетовъ). Напрасно всѣ безпристрастные люди видѣли всю призрачность обвиненія, по которому Керръ согласился бы за 400 долларовъ заложить свою репутацію въ руки политическаго врага (обвинитель Керръ былъ республиканецъ), въ то время, когда всякому извѣстно, что члены конгресса могутъ легко получать суммы въ 10, въ 100 разъ большія и изъ болѣе надежныхъ рукъ. Все было напрасно. Въ безшабашной оргіи взаимныхъ обвиненій, которою характеризуется президентская кампанія, всякая напраслина кажется правдоподобною, всякая клевета принимается за служеніе истинѣ. По просьбѣ Керра, назначена была коммиссія для разслѣдованія этого обвиненія. Оглушеннаго клеветой, ослабѣвшаго окончательно физически Керра почти полумертвымъ вносили въ засѣданія комитета для подачи необходимыхъ *личныхъ* объясненій. Не многаго нужно было, чтобы разобрать это дѣло. Комитетъ рапортовалъ, и палата единодушно вотировала свое полное довѣріе Керру, а Керръ все-таки едвали переживетъ это лѣто [1]. Довольно этихъ двухъ свѣжихъ жертвъ послѣд-

---

триваются, обсуждаются и редактируются въ собраніяхъ комитетовъ, а палата обыкновенно только утверждаетъ донесеніе комитета. А по законамъ Соединенныхъ Штатовъ, распредѣленіе всѣхъ членовъ законодательныхъ собраній, по различнымъ комитетамъ предоставляется единоличной волѣ предсѣдательствующаго лица.

[1] Керръ уже умеръ въ октябрѣ. (Статья писалась въ іюлѣ).

ней президентской кампаніи. Понятно, что, несмотря на страшную нравственную испорченность представителей народа, несмотря на то, что конгрессъ въ своемъ цѣломъ все болѣе и болѣе обращается въ исполнительный комитетъ предписаній, даваемыхъ ему отъ денежной аристократіи, несмотря на это — такъ есть и будутъ люди, которымъ дорого ихъ честное имя, которые дорожатъ своей репутаціей, и къ нимъ буквально могутъ относится слова̀, цитированныя мною прежде, что люди, желающіе достигнуть высшихъ должностей, должны быть готовы жертвовать для этого жизнію.

И вотъ подобная война не на животъ, а на смерть, бушуетъ во всѣхъ партіяхъ, когда различныя ихъ фракціи и оттѣнки стараются выдвинуть своего любимца. Интересъ этой борьбы становится еще интереснѣе въ то время, когда въ каждомъ штатѣ съѣзжаются вожаки партій для выборовъ изъ своей среды делегатовъ въ національный конвентъ и для инструкцій: за кого они должны вотировать, какъ кандидата партіи. Газеты въ это время пускаютъ въ ходъ все, что̀ имѣютъ подъ рукою, для того, чтобы узнать политическія мнѣнія делегатовъ, особенно въ случаяхъ, когда послѣдніе остаются безъ ясныхъ и положительныхъ инструкцій. Появляются гипотетическіе расчеты: сколько голосовъ будетъ положено въ національномъ конвентѣ за такого-то кандидата, сколько за другого? Вожаки фракцій, имѣющихъ слабое представительство въ національномъ конвентѣ, входятъ въ предварительныя соглашенія и компромиссы другъ съ другомъ, чтобы соединенными усиліями одолѣть болѣе крупныя фракціи. Словомъ, въ это время открывается обширное поприще для всевозможныхъ чистыхъ и нечистыхъ дѣлишекъ, подкуповъ и задабриваній въ видѣ обѣщанія хорошаго мѣстечка. Тутъ же развертываются во всю моготу люди, обладающіе замѣчательнымъ иногда свойствомъ заговаривать другихъ и заставлять ихъ соглашаться съ собой. Отъ хода этой закулисной работы, весьма характерно называемой американцами «проволочкой» (wire-work), вполнѣ зависитъ исходъ засѣданій конвента, причемъ выборъ кандидата на президентскую должность иногда падаетъ на лицо, не имѣвшее за собой прежде *никакихъ* шансовъ на успѣхъ.

Нѣчто подобное случилось и въ настоящую кампанію. Фракція Блэка была увѣрена въ успѣхѣ; число делегатовъ, долженствующихъ стоять за него въ силу полученныхъ инструкцій, было только нѣсколькими десятками меньше половины всего числа делегатовъ въ конвентѣ (по обычаю партій, кандидатъ на президента выбирается простымъ большинствомъ голосовъ). Кромѣ того, послѣднія событія въ конгрессѣ приковали вниманіе всѣхъ

въ Блэку, и, такъ какъ онъ оказался неуязвимымъ, несмотря на всѣ придирки и обвиненія, то имя его было окружено какимъ то ореоломъ безусловной честности. Казалось, что Блэкъ имѣлъ всѣ шансы на выборъ; но тонкій, закалённый въ политическихъ бояхъ Блэкъ видѣлъ откуда грозитъ ему опасность. Когда одинъ изъ газетныхъ репортеровъ имѣлъ съ нимъ свиданіе [1] и спросилъ его: ожидаетъ ли онъ, что конвентъ выберетъ Мартона, Конклина или Бристова (трехъ крупнѣйшихъ его соперниковъ)? Блэкъ отвѣтилъ: «навѣрное, нѣтъ».

«Такъ, значитъ, вы думаете, что выберутъ васъ»? спросилъ репортеръ.

«Вовсе не думаю и этого».

«Въ комъ же видите своего соперника?»

«Въ этомъ неизвѣстномъ, отвѣтилъ Блэкъ:—на которомъ могутъ скомбинироваться другія фракціи.»

Его предсказаніе сбылось. Съ первой до шестой баллотировки въ конвентѣ голоса въ пользу Блэка шли постепенно увеличиваясь. На шестой баллотировкѣ онъ имѣлъ уже 310 голосовъ; недоставало только 60, чтобы ему стать избранникомъ партіи. Казалось, что седьмая баллотировка должна быть рѣшительной побѣдой Блэка; но близость торжества сломила, наконецъ, упрямство мелкихъ фракцій, изъ которыхъ каждая стояла за своего кандидата. Пользуясь полу-часовою отстрочкою засѣданія, которая давалась послѣ каждой баллотировки для совѣщанія между делегатами, они согласились сконцентрировать свои голоса на Рутер-

---

[1] Репортерами здѣсь называются личности, обязанныя узнавать для газетъ все интересное для публики. Обладàя свойствами гончихъ собакъ, они часто узнаютъ и обнаруживаютъ такія дѣлà, которыя безъ нихъ оставались бы подъ спудомъ. Въ послѣднее время, когда даже министрамъ и посламъ пришлось участвовать въ противузаконныхъ операціяхъ и когда правительство, парализованное этимъ, не принимало никакого участія въ открытіи злоупотребленій—репортеры оказали не малую услугу странѣ, обнаруживая всю подноготную грязь современной администраціи. Впрочемъ, удивляться тутъ нечему: при подавляющей моральной силѣ здѣшней прессы, репортеры пользуются необыкновеннымъ почетомъ оффиціальнаго міра; не говоря о томъ, что во всѣхъ засѣданіяхъ законодательнаго собранія, но даже при народныхъ торжественныхъ событіяхъ для репортеровъ отводятся лучшія мѣста: они пріобрѣли себѣ право являться съ запросами ко всѣмъ высокопоставленымъ личностямъ; и чуть появится какая нибудь комбинація, какой нибудь слухъ, въ которомъ замѣшано извѣстное лицо, какъ его начинаютъ осаждать репортеры. Съ карандашемъ въ рукахъ и съ бумагой (всѣ они стенографы), они задаютъ ему болѣе или менѣе ловкіе вопросы, относящіеся къ дѣлу, и записываютъ его отвѣты. Бѣдная жертва этихъ докучливыхъ допросовъ знаетъ, что завтра же его словà появятся въ печати, но *долженъ* говорить съ ними, отвѣчать на запросы репортера такъ, какъ отвѣчалъ-бы передъ оффиціально назначеннымъ слѣдователемъ, оставляя за собой только одно право: игнорировать репортеровъ тѣхъ газетъ, которыхъ мнѣніемъ онъ почему-либо не дорожитъ.

фордѣ Гэйзѣ, который до сихъ поръ имѣлъ только 113 голосовъ, и вотъ къ изумленію всѣхъ оказывается, что седьмая баллотировка дала Блэку 351 голосъ, а Гэйзу 384.—Гэйзъ былъ объявленъ конвентомъ кандидатомъ республиканской партіи на президентское званіе. Онъ-то и оказался тѣмъ неизвѣстнымъ, котораго опасался Блэкъ.

Выборъ такого темнаго человѣка чрезвычайно характеристично обрисовываетъ республиканскую партію. Она снова доказала свою неспособность къ очищенію правительственныхъ сферъ; она боится умнаго, энергичнаго, извѣстнаго всему народу человѣка; ей нужна какая-то подставная кукла, которую можно бы было двигать изъ ширмъ и которая, въ тоже время, своею личною безупречностію прикрывала бы грѣховность вожаковъ партіи.

Демократическая партія поступила болѣе сообразно потребностямъ времени. Необходимость очистить правительственную сферу отъ грязи, накопившейся въ ней въ теченіи 16 лѣтъ, слишкомъ сильно чувствуется народомъ. Чтобы выставить себя въ лучшемъ свѣтѣ, ей слѣдовало поставить въ кандидаты партіи человѣка, доказавшаго своею предъидущею дѣятельностью какъ желаніе ввести честную администрацію, такъ и умѣніе бороться съ злоупотребленіями. — Таковымъ именно былъ Тильденъ. Полтора года тому назадъ, выбранный въ правители нью-йоркскаго штата, онъ, какъ бы въ контрастъ съ республиканскими правителями штатовъ, принялся за самую безпощадную войну съ злоупотребленіями. Нью-йоркскій штатъ, какъ извѣстно, есть самый испорченный штатъ союза. Клика желѣзно-дорожныхъ и канало-проводныхъ компаній управляла тамъ всѣми дѣлами; а всѣ чиновники—не исключая правителя штата и членовъ законодательнаго собранія—считались ея покорнѣйшими слугами. Но Тильденъ не захотѣлъ подчиняться предписаніямъ клики; началась безпощадная война, въ которой, съ одной стороны, были пущены въ ходъ всѣ средства, находившіяся въ распоряженіи озлившихся негодяевъ, боящихся за свою шкуру; съ другой же стороны, противоставлялась имъ твердость характера и превосходное знаніе законовъ. Борьба эта, длившаяся болѣе года, окончена. Клика поражена. Ея лучшіе вожаки—подъ судомъ за бывшія злоупотребленія и взятки; остальные, уцѣлѣвши отъ лапъ Тильдена, со змѣинымъ шипомъ спрятались въ нôры, чтобы выжидать болѣе благопріятнаго времени для отместки. Но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Вся страна съ интересомъ слѣдила за первымъ столкновеніемъ власти съ денежною олигархіей, и Тильденъ сталъ для всѣхъ образцомъ практическаго реформатора. Правда, онъ слишкомъ неудобоваримъ для вожаковъ демократической партіи; онъ

слишкомъ независимъ, слишкомъ рѣзко очерченъ своею предъидущею дѣятельностью, чтобы быть не по сердцу тѣмъ, у кого рыльце въ пуху; тѣмъ не менѣе, демократическая партія, поставленная въ необходимость или снова потерпѣть пораженіе, или поставить Тильдена своимъ кандидатомъ, рѣшилась на меньшее зло. На второй баллотировкѣ демократическаго конвента Тильденъ получилъ опредѣленные обычаемъ партіи $^2/_3$ большинства голосовъ и затѣмъ единогласно объявленъ кандидатомъ партіи на должность президента.

Съ выборомъ кандидатовъ наступаетъ новый фазисъ президентской кампаніи. Наученныя многолѣтнимъ опытомъ партіи понимаютъ, что, если будутъ продолжаться внутренніе раздоры, то противники, дѣйствуя единодушно, всегда возьмутъ верхъ на выборахъ; вслѣдствіе того, каждая партія, немедленно послѣ выбора своего кандидата, прекращаетъ всѣ свои внутреннія пререкательства и несогласія, и съ выработанною (по необходимости и чисто солдатскою) дисциплиной употребляетъ всю свою энергію на единодушное восхваленіе принциповъ партіи (изложенныхъ въ такъ называемой платформѣ партіи) и на доказательство, что въ выборѣ ихъ кандидатовъ лежитъ залогъ спасенія націи. Теперь начинаютъ устроиваться клубы, имѣющіе цѣлію пропаганду тѣхъ или другихъ политическихъ мнѣній; появляются процессіи съ знаменами и музыкой; улицы большихъ городовъ украшаются флагами съ портретами кандидатовъ и съ приличными надписями; устроиваются политическія дуэли [1]. Впрочемъ, о декоративной сторонѣ президентской кампаніи я уже сообщалъ читателю «Отечеств. Записокъ (1869 года) въ моей статьѣ о выборахъ 1868 года, когда кандидатами на президентство были Грантъ отъ республиканцевъ и Сеймуръ отъ демократической партіи. Повторять не буду. Теперь гораздо интереснѣе взвѣсить внутренніе шансы на успѣхъ обѣихъ крупныхъ партій, интереснѣе именно потому, что шансы эти такъ сказать обоюдо-остры.

[1] Лучшіе ораторы враждебныхъ партій, а также и соперничествующіе кандидаты на одну и туже должность вызываютъ иногда другъ друга на публичное состязаніе передъ народными собраніями. Они заранѣе соглашаются и публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе, въ какихъ мѣстахъ и когда они будутъ говорить народу; они выбираютъ также посредника, который обязанъ смотрѣть, чтобы они говорили въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ и одинаковое число часовъ. Затѣмъ они переѣзжаютъ съ одного изъ назначенныхъ мѣстъ на другое и ведутъ оживленные и часто весьма интересные дебаты другъ съ другомъ, очень хорошо приспособленные къ тому, чтобы слушатель могъ узнать всѣ аргументы противныхъ партій и рѣшить въ своемъ умѣ, какой изъ кандидатовъ лучше удовлетворяетъ его требованіямъ.

Республиканская партія имѣетъ за собой престижъ долгаго господства и той заслуги, которую она оказала странѣ, уничтоживши рабство и объявивши Соединенные Штаты Америки не лигою, а народомъ единымъ и нераздѣльнымъ, тогда какъ федерализмъ демократической партіи и бывшій ихъ основной принципъ о самодержавіи отдѣльныхъ штатовъ и о правѣ каждаго изъ нихъ выходить изъ союза непремѣнно повели бы Соединенные Штаты къ преждевременной политической гибели. Недаромъ Англія и наполеоновская Франція сочувствовали югу; недаромъ Максимиліанъ былъ объявленъ императоромъ Мексики: они ждали только успѣха федералистовъ, чтобы погубить ненавистную имъ республиканскую Америку. Правда, что демократы отказались отъ этого мнѣнія еще 4 года тому назадъ и теперь снова повторили въ своей платформѣ, что они признаютъ законность всѣхъ перемѣнъ, осуществленныхъ войной; признаютъ, что освобожденіе негровъ и проведеніе послѣднихъ поправокъ къ конституціи суть совершившіеся факты, оспаривать которые они не намѣрены, такъ какъ признаютъ Соединенные Штаты единой и нераздѣльной націей; тѣмъ не менѣе, предубѣжденіе и недовѣріе народа противъ федеральныхъ принциповъ, разъ поднявшееся, до сихъ поръ еще не можетъ совершенно успокоиться. Зато демократы, являясь съ повинной головой за свои прежніе промахи, могутъ въ тоже время сказать, что они чисты отъ злоупотребленій послѣдняго времени, что ихъ предводители неиспорчены, что ихъ голосъ есть голосъ народа, безсовѣстно обманутаго и обворованнаго республиканской партіей, и что ихъ заявленія въ пользу реформъ искреннѣе тѣхъ, которыми республиканцы кормятъ народъ уже въ теченіи 16 лѣтъ...

Кажется, что отвращеніе народа къ федералистскимъ принципамъ демократовъ уступаетъ мѣсто сознанію того, что̀ такъ картинно высказано русскою пословицей: «новая метла хорошо мететъ». Народу нужна новая метла, и таковою, по необходимости должна быть демократическая партія.

Уже два года тому назадъ, народное мнѣніе начало склоняться на сторону демократовъ. При выборѣ новой палаты представителей и новыхъ правителей штатовъ (которые обыкновенно выбираются на 2 года), въ 1874 году, демократическая партія одержала серьёзную побѣду. Въ первый разъ послѣ начала междоусобной войны, большинство въ палатѣ представителей перешло на сторону демократовъ; и хотя рѣшенія новой палаты постоянно кассировались противодѣйствіемъ республиканскаго сената и президента (который, между прочимъ, положилъ свое veto на билль, уменьшающій жалованіе президента со 100,000 доларовъ на 25,000),

тѣмъ не менѣе, они успѣли показать свою готовность уменьшить народныя подати и намного способствовали раскрытію злоупотребленій въ федеральномъ правительствѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, никогда еще, какъ кажется, господствующая партія не падала такъ низко во мнѣніи честныхъ и благонамѣренныхъ людей, какъ теперь. Мы видѣли, какъ вице-президентъ союза, лицемѣрный ханжа Кольфаксъ, и 5 вожаковъ республиканской партіи въ палатѣ представителей обвиняются во взяточничествѣ, и гнусная палата (вспомнивая, вѣроятно, на этотъ разъ слова І. Христа: «пусть тотъ броситъ камнемъ, кто самъ безъ грѣха»), не рѣшается изгнать изъ своей среды и только вотируетъ неодобреніе этимъ поступкамъ. Мы видѣли, какъ нѣкоторые сенаторы, пользуясь своимъ заслуженнымъ авторитетомъ въ знаніи законовъ, торгуютъ этими преимуществами при подачѣ голосовъ. Мы были свидѣтелями, какъ деньги, собранные на покровительство и защиту негровъ, оказались безсовѣстно расхищенными и впослѣдствіи пріобщенными къ кассѣ федеральнаго правительства. Военный министръ и теперь еще находится подъ судомъ [1] за открытые и признанные имъ взятки. Посланникъ при иностранномъ государствѣ пользуется своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, чтобы брать даровыя акціи отъ компаніи съ обѣщаніемъ служить ея интересамъ. Даже частный секретарь Гранта и его любимецъ, Банкокъ, оказался въ долѣ съ водочными заводчиками, которые, умасливая кого нужно и какъ слѣдуетъ, избѣгали требуемаго съ нихъ акциза и кто знаетъ — еслибы Грантъ не задушилъ этого слѣдствія, съ солдатскою безцеремонностію, смѣнивши наиболѣе способнаго и энергическаго прокурора и назначивши на его мѣсто новаго юриста, незнакомаго съ потайной работой водочной клики — то, быть можетъ, слѣдствіе открыло бы, что самъ Грантъ наживался насчетъ благосостоянія и чести своей строны.

Даже тѣ принципы, которые дѣйствительно принесли пользу странѣ, становятся теперь обветшалыми и даже вредными. Строго отстаивая централизацію власти, республиканцы непомѣрно увеличили издержки федеральнаго правительства. Въ то время, какъ въ 1860 году издержки эти равнялись 60 милліонамъ золота, въ 1870 году они разрослись до 450 милліоновъ, т. е. или, вѣр-

[1] Въ настоящее время онъ оправданъ только вслѣдствіе чисто юридической формальности. Нѣкоторые сенаторы отказались подавать голосъ въ судѣ противъ военнаго министра только потому, что, по ихъ мнѣнію, дѣло это не подлежитъ юрисдикціи сената. Вслѣдствіе этого оказалось, что число сенаторовъ, подавшихъ голосъ противъ министра, было менѣе $^2/_3$, т. е. менѣе того большинства, которое требуется конституціей для обвиненія.

нѣе говоря, съ 5-ти долларовъ на душу населенія подати увеличились до 18-ти долларовъ слишкомъ! Мало того, зная, что весь секретъ ихъ господства заключается въ страстяхъ, пробужденныхъ войной, они, вмѣсто умиротворенія края, старались всячески разжигать старое недоброжелательство между сѣверомъ и югомъ и усиливать вражду между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ юга. Прибавьте къ этому обширный патронажъ мѣстъ, которыя обыкновенно раздаются теперь не за годность лица къ извѣстной дѣятельности, а въ награду за его политическія мнѣнія и за его заслуги во время политической компаніи, и вы увидите, какъ низко пали люди, продолжающіе дѣло Уашингтона, Джефферсона и Линкольна.

Наконецъ, послѣдними выборами кандидата на должность президента партія эта еще болѣе повредила себѣ. Съ такою темною личностію во главѣ, каковъ Гэйзъ, ей трудно будетъ бороться и противъ демократовъ, имѣющихъ во главѣ Тильдена, и противъ народнаго негодованія.

Трудность вѣрнаго предсказанія исхода политической борьбы усложняется еще новою комбинаціей. Многіе совершенно игнорируютъ теперь политическіе вопросы, раздѣлявшіе нѣкогда всю страну на республиканцевъ и демократовъ. Они говорятъ, что корень зла лежитъ въ экономическомъ положеніи страны, и дѣйствуютъ въ этомъ направленіи. Могучее тайное общество грэнджеровъ, такъ быстро разросшееся за послѣдніе два-три года, служитъ лучшимъ указаніемъ, что эта идея проникла въ самые укромные уголки Америки. И многіе изъ старыхъ партій, согласившись въ средствахъ видоизмѣнить экономическій бытъ народа, образуютъ новую партію «независимыхъ». Партія эта еще слаба и не можетъ разсчитывать на побѣду въ этомъ году, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ значеніе уже и теперь, потому что видоизмѣняетъ относительную силу старыхъ партій, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что будетъ играть немаловажную роль въ будущей политической исторіи Америки. Отнимая все бо̀льшее и бо̀льшее число голосовъ у господствующихъ партій, она будетъ впослѣдствіи имѣть рѣшающій голосъ на выборахъ, потому что, сто̀итъ только одной изъ старыхъ партій объявить себя въ пользу принциповъ независимыхъ, чтобы съ присоединеніемъ ихъ пріобрѣсть громадное большинство надъ противниками.

Даже допуская, что ни одна изъ господствующихъ партій не пойдетъ на компромиссъ для привлеченія независимыхъ, эти послѣднія льстятъ себя такою же перспективою будущаго, какая выпала на долю аболиціонистовъ. Тѣ тоже сформировали свою партію и выбирали своихъ кандидатовъ на президента, когда

были въ очень небольшомъ числѣ. Вопреки насмѣшкамъ, сыпавшимся на нихъ со всѣхъ сторонъ, они постоянно возрастали въ числѣ, пока, наконецъ, съ выборами Линкольна не оказалось, что они—могучая сила въ народѣ, которая съумѣла получить большинство въ палатѣ представителей и практически осуществить свои принципы.

Каковы же принципы независимыхъ? Въ чемъ ихъ сила?

Вотъ на эти-то вопросы я и постараюсь дать отвѣтъ второю частію своей статьи. Предупреждаю заранѣе читателя, что онъ не найдетъ въ ихъ принципахъ широкаго, міроваго значенія, которымъ драпируются современные реформаторы, часто въ ущербъ ясности своихъ положеній и возможности практически ихъ реализировать. Платформа независимыхъ скорѣе похожа на отчетъ банкирской конторы, чѣмъ на жгучее воззваніе европейскаго соціалиста. Она вся основана на цифрахъ. Ея основная идея заключается въ преобразованіи финансовой системы. Вокругъ ея одинаково хорошо групируются и милліонеры, подобно Петру Куперу, и рабочій пролетаріатъ Америки. (Да, въ Америкѣ есть уже пролетаріатъ).

Но не слѣдуетъ впадать въ другую крайность и думать, что дальнѣйшее чтеніе статьи можетъ быть интересно только для финансиста. Знакомство съ оригинальностями новой финансовой системы, оригинальностями, мало извѣстными въ Европѣ, съ излишкомъ вознаградитъ читателя за сухость моего изложенія, и всякій, понявшій основной принципъ новой системы, увидитъ, что ею захватывается весьма широкое поле реформъ.

Но для того, чтобы сдѣлать понятнѣе для русскаго читателя изложеніе новой системы, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ и прослѣдить какъ зарожденіе идей, изъ которыхъ выросла теорія независимыхъ, такъ и финансовую и экономическую исторію Соединенныхъ Штатовъ.

Назадъ тому почти 30 лѣтъ, нѣкій Эдвардъ Келлогъ, купецъ въ Нью-Йоркѣ, прекративъ торговлю, принялся за изученіе финансовыхъ вопросовъ чисто по-американски, т. е. не связывая себя ни авторитетами европейскихъ экономистовъ, ни предразсудками общества, а просто дѣлая выводы изъ фактовъ, хорошо ему извѣстныхъ изъ его прежней коммерческой жизни. Обладая оригинальнымъ и самобытнымъ умомъ, онъ легко могъ предугадать все несовершенство теперешней системы—мѣны посредствомъ драгоцѣнныхъ металловъ. Признавая, что она составляетъ большой шагъ впередъ, сравнительно съ первобытною системою мѣны товара на товаръ, Келлогъ утверждаетъ, что она далеко не удовлетворяетъ потребностямъ настоящаго времени и что съ

увеличеніемъ мѣновой дѣятельности по необходимости должны быть въ обращеніи и бумажныя деньги [1]. Правда, всѣ торговые и банковые знаки основаны на обѣщаніи немедленной уплаты звонкою монетою, но уже тотъ фактъ, что на каждый долларъ звонкой монеты находится 3 или 4 доллара бумажными знаками, наглядно доказываетъ, что обращеніе этихъ послѣднихъ основано не на обѣщаніи уплаты, а на взаимномъ довѣріи, т. е. на сознаніи, что, если я, напримѣръ, беру бумажку взамѣнъ своихъ продуктовъ, то потому только, что увѣренъ, что другіе возьмутъ эту бумажку отъ меня.

Идя дальше въ изслѣдованіи этого явленія, онъ приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Джонъ Стюартъ Миллъ въ своей политической экономіи, а именно, что въ странѣ, имѣющей довѣріе къ правительству, правительство можетъ замѣнить звонкую монету бумажками даже безъ обѣщанія уплатить звонкою монетою, а лишь обѣщаясь принимать ихъ въ уплату всѣхъ податей и обязательствъ. (Политическая экономія Милля, книга III).

Трудность этой замѣны заключается только въ трудности регулировать должнымъ образомъ число бумажекъ, находящихся въ обращеніи, и въ недостаточности гарантій, чтобы правительства, увлеченныя легкостью подобной операціи, не вздумали злоупотреблять ею и выпускать бумажки въ чрезмѣрномъ количествѣ. Финансовая исторія Европы представляетъ намъ много примѣровъ того, какъ правительство, поощренное возбужденіемъ торговой и промышленной дѣятельности, обыкновенно слѣдующей за первыми выпусками бумажныхъ денегъ, продолжало выпускать ихъ все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ, пока не наступала, наконецъ, реакція съ пониженіемъ ихъ стоимости и непрерывными банкротствами. Этими примѣрами объясняется также и предубѣжденіе противъ бумажныхъ денегъ, которое такъ характеризуетъ современную экономическую науку. Но историческіе факты еще недостаточны для обвиненія системы, и еслибы люди науки, вмѣсто огульнаго осужденія денежныхъ бумагъ, принялись за изслѣдованіе вопроса, какимъ образомъ регулировать количество ихъ въ обращеніи и сдѣлать невозможными злоупотребленія, сопряженныя съ нею, то туманъ, покрывающій доселѣ эту часть финансовой науки, давно бы разсѣялся.

Джонъ Стюартъ Миллъ говоритъ, что для регулировки количества денежныхъ знаковъ надо вмѣстѣ съ бумажками имѣть въ

[1] Не мѣшаетъ привести здѣсь тотъ выводъ экономистовъ, что золотая монета всего міра едвали будетъ достаточна, чтобы уплатить всѣмъ рабочимъ жалованье за одинъ рабочій день.

обращеніи небольшое количество металлическихъ денегъ, потому что, если количество бумажекъ будетъ чрезмѣрно велико, то цѣны на всѣ товары повысятся, повысится въ той же мѣрѣ цѣна на золотые слитки и золотыя вещи, и золото изъ монеты будетъ переходить въ слитки и выходить изъ обращенія. Съ уменьшеніемъ же количества бумажекъ получается обратное явленіе. Такимъ образомъ, цѣны драгоцѣнныхъ металловъ въ слиткахъ будутъ указывать избытокъ или недостатокъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи. Нѣчего и говорить, что пріемъ этотъ требуетъ для своего выполненія крайней бдительности и добросовѣстности отъ людей, завѣдывающихъ финансовыми операціями страны, т. е. именно такихъ качествъ, которыми рѣдко кто обладаетъ при современномъ состояніи общества. Кромѣ того, основная идея Милля, заключается въ томъ, чтобы держать бумажки al pari съ драгоцѣнными металлами, считая эти послѣдніе единственнымъ орудіемъ обмѣна.

Келлогъ пошелъ дальше. Онъ спрашиваетъ: удовлетворяютъ ли драгоцѣнные металлы научнымъ требованіямъ мѣрила цѣнности? и отвѣчаетъ на это отрицательно. Онъ утверждаетъ, что, пока золото и серебро будутъ приниматься за мѣрила цѣнностей, всегда будутъ происходить общія повышенія и пониженія цѣнъ, такъ пагубно дѣйствующія на экономическое благосостояніе страны вообще и на отношенія между кредиторомъ и заимодавцемъ въ частности; и эти колебанія происходятъ или оттого, что измѣняется цѣнность самаго мѣрила цѣнности [1], или оттого, что количество драгоцѣннаго металла (опредѣляемое международнымъ рынкомъ) не легко примѣняется къ тѣмъ, часто внезапнымъ измѣненіямъ на запросъ денегъ, который является вслѣдствіе измѣненія въ степени торговой и промышленной дѣятельности. Слѣдовательно, чтобы удовлетворить раціональнымъ требованіямъ точнаго измѣренія цѣнностей, денежные знаки должны состоять изъ такого матеріала, измѣненіе стоимости котораго не имѣло бы практическаго вліянія на обмѣнъ, а количество этихъ знаковъ должно быть само-регулирующимъ, т. е., чтобы съ увеличеніемъ запроса на деньги увеличивалось-бы ихъ количество, и обратно. А такъ какъ запросъ на деньги выражается величиною процента на частныя ссуды, то въ *хорошо регулиро-*

[1] Стòитъ только указать на открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи и серебряныхъ рудниковъ въ Невадѣ, чтобы увидѣть всю фальшь положенія, часто встрѣчаемаго въ рутинныхъ политико-экономическихъ теоріяхъ, будто цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ измѣняется очень мало и очень медленно.

ванной системѣ денегъ величина процента должна оставаться постоянною.

Деньги, будучи орудіемъ мѣны, въ тоже время служатъ выраженіемъ того, какъ распредѣляется покупательная сила между различными людьми и классами людей, и, въ то время, какъ *постоянство процента* служитъ лучшимъ указаніемъ ихъ годности, какъ орудія мѣны—*величина процента* служитъ лучшимъ указаніемъ, какъ распредѣляются богатства между капиталистами (владѣльцами денегъ, т. е. свободной покупательной силы) и производителями богатствъ. Затѣмъ Келлогъ, рядомъ блистательныхъ положеній, доказываетъ, что степень развитія промышленности страны находится въ обратномъ отношеніи съ величиною процента и что, слѣдовательно, чѣмъ меньше будетъ величина процента, тѣмъ лучше.

Посмотримъ же теперь, къ какимъ практическимъ выводамъ пришелъ Келлогъ путемъ такого анализа.

Онъ говоритъ, что для установленія раціональной системы финансовъ правительство должно выпускать бумажныя деньги подъ залогъ имущества частныхъ лицъ, давая деньги желающимъ въ половину оцѣночной стоимости ихъ имѣній и подъ небольшой процентъ (Келлогъ полагаетъ 1%). Затѣмъ каждый обладатель такихъ бумажекъ долженъ имѣть право возвращать ихъ правительству, получая въ замѣнъ ихъ именныя государственныя облигаціи, приносящія ему 1% въ годъ, которыя, въ свою очередь, могутъ во всякое время обмѣниваться на деньги.

Вначалѣ эта реформа была-бы чисто революціонной мѣрой. Количество денегъ сильно увеличилось бы, цѣны на всѣ предметы въ такой же степени поднялись; но за исключеніемъ убытковъ, наносимыхъ этою мѣрою кредиторамъ, деньги и тогда также хорошо выполняли-бы свою роль орудія обмѣна и распредѣленія богатствъ, какъ и теперь. Количество денегъ увеличивалось-бы въ странѣ до тѣхъ поръ, пока процентъ на частныя ссуды не упалъ бы до величины, нѣсколько большей 1%, (такъ какъ довѣріе къ частному лицу всегда будетъ меньше довѣрія къ правительству), потому что съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ бумажныхъ денегъ, весь избытокъ ихъ возвращался-бы правительству въ обмѣнъ на государственныя облигаціи. Тогда только можно было-бы считать эту систему установившеюся и количество денегъ вполнѣ соотвѣтствующимъ запросу на нихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если съ увеличеніемъ народонаселенія, народнаго богатства или энергіи въ торговой и промышленной дѣятельности страны, повысится запросъ на деньги, то съ повышеніемъ процента на частныя ссуды государственныя облигаціи

будутъ обмѣниваться на деньги до тѣхъ поръ, пока процентъ снова не вернется къ своему уровню. Если же, вслѣдствіе временныхъ застоевъ, окажется въ странѣ больше денегъ, чѣмъ нужно, и процентъ на частныя ссуды упадетъ до 1%, то владѣльцамъ свободныхъ денегъ будетъ выгоднѣе обмѣниват ихъ на болѣе надежныя для нихъ государственныя облигаціи.

Вотъ въ этомъ-то свободномъ обмѣнѣ облигацій на деньги, а денегъ на облигаціи, Келлогъ видитъ единственное средство регулировать количество бумажныхъ денегъ такъ, чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало потребностямъ мѣны; а въ малой сравнительно величинѣ процентовъ онъ видитъ наилучшее средство возстановить справедливыя отношенія между капиталистомъ и производителемъ.

Проэктъ этотъ, какъ я уже сказалъ, былъ опубликованъ назадъ тому 30 лѣтъ, т. е. въ періодъ сравнительнаго спокойствія и матеріальнаго благосостоянія Америки, когда свободно обращались драгоцѣнные металлы, когда всякая попытка къ революціи въ финансахъ была бы сочтена сумасбродствомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ оставилъ глубокіе слѣды въ умахъ современниковъ; въ особенности, онъ привлекъ къ себѣ тѣхъ реформаторовъ-экономистовъ, которые, подобно Прудону, думаютъ, что почти все зло происходитъ отъ процента. Они полагали, что, еслибы народъ вступилъ въ свои самодержавныя права̀ и провелъ бы чрезъ своихъ представителей систему Келлога въ ея чистомъ видѣ, съ одно-процентнымъ вознагражденіемъ за капиталъ, то уже этимъ однимъ почти уничтожался классъ капиталистовъ. Необходимость заставила-бы всѣхъ работать, чтобы жить, и почти всѣ богатства страны шли бы на вознагражденіе производителей. Даже допуская, что, во избѣжаніе крутыхъ мѣръ, процентъ на капиталъ могъ бы стать выше (скажемъ 2 или 3 процента), все-таки народъ оставлялъ за собой право регулировать величину процента и опредѣлять своею самодержавною волею, какая часть производимыхъ богатствъ должна идти въ вознагражденіе работникамъ и не подчиняться, какъ теперь, произволу капиталистовъ.

Для осуществленія этой системы оставалось только дожидаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. И вотъ грянула война; грянула неожиданно, застала націю неподготовленною къ ней, почти безъ средствъ, необходимыхъ для подавленія сепаратистовъ. Потребовалась сильная реквизиція съ банковъ, чтобы имѣть деньги для войны. Въ августѣ 1861 года, правительство было вынуждено выпустить билеты казначейства на 60 милліоновъ долларовъ. Билеты эти шли al pari со звонкою монетою до декабря

1861 года, когда и правительство, и банки прекратили уплату золотомъ и начался упадокъ бумажныхъ денегъ. Замѣчательно, однакожъ, что, когда въ февралѣ слѣдующаго года былъ изданъ законъ, по которому билеты казначейства стали приниматься въ уплату по ихъ номинальному курсу за всѣ подати и пошлины, то однимъ этимъ актомъ они опять поднялись до al pari съ золотомъ и продолжали оставаться такими, несмотря на страшный упадокъ бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ во время войны и непользующихся подобною привилегіею. Этимъ блистательно подтвердилось положеніе Келлога, что цѣна денегъ опредѣляется довѣріемъ къ правительству и увѣренностію, что онѣ будутъ приняты во всѣ уплаты такъ же, какъ и золото. Но прежде, чѣмъ этотъ фактъ обнаружился, въ конгрессѣ уже шли ожесточенныя пренія: смотрѣть ли на бумажныя деньги, какъ на насильственный внутренній заемъ, который долженъ будетъ выплачиваться при первой же возможности, или же выпустить ихъ, какъ деньги, могущія навсегда замѣнить звонкую монету во всѣхъ ея функціяхъ? Уже въ январѣ 1862 г., комиссія палаты представителей, завѣдывающая способами доходовъ, предложила на общее обсужденіе билль, уполномочивающій правительство на совершеніе займа въ 500 милліоновъ долларовъ и на выпускъ бумажныхъ денегъ въ размѣрѣ 150 милліоновъ. Эти послѣдніе, какъ говорилось въ проектѣ билля, должны были быть принимаемы за *всѣ* долги, платежи подати и пошлины, слѣдуемые правительству Соединенныхъ Штатовъ, и быть законнымъ орудіемъ мѣны во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ. Этимъ же проектомъ давалось право каждому владѣльцу бумажныхъ денегъ во всякое время обмѣнивать ихъ на государственныя облигаціи, приносящія 6%, и обратно—обмѣнивать облигаціи на бумажки. Легко замѣтить, что идеи Келлога имѣли немалое вліяніе на составленіе этого проекта. Если бы этотъ биль прошелъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ приготовленъ комиссіей, то финансовая исторія Америки была бы радикально отличною отъ теперешней. Не было бы такого пониженія въ курсѣ бумажекъ; денежная стоимость войны была бы сотнями милліоновъ меньше; не было бы, наконецъ, такого всеобщаго банкротства и застоя въ дѣлахъ, какимъ отличается настоящее время. Но этотъ билль не могъ понравиться капиталистамъ и банкирамъ; они сразу поняли всю его невыгоду для нихъ и рѣшились во что бы-то ни стало препятствовать его проходу.

Завязались упорныя пренія; злосчастный билль нѣсколько разъ поправлялся, видоизмѣнялся и переходилъ изъ палаты въ сенатъ и обратно, пока, наконецъ, люди, заинтересованные въ из-

мѣненія сущности билля, не успѣли склонить на свою сторону большинство некомпетентныхъ въ этомъ дѣлѣ представителей, которые и склонились къ мнѣнію, наиболѣе популярному въ *данное* время. Враги билля успѣли ввести двѣ небольшія поправки: было рѣшено, что 1) проценты на облигаціи будутъ выплачиваться золотомъ и 2) что для образованія золотого фонда всѣ таможенныя пошлины должны будутъ уплачиваться золотомъ и билетами казначейства 1861 года *только*.

Поправки эти, повидимому, ничтожныя сразу перемѣнили весь характеръ билля. Золото оставалось необходимымъ орудіемъ мѣны; бумажныя деньги стали внутреннимъ займомъ, зломъ, терпимымъ только до поры до времени.—Говорятъ, что, когда Тадеушъ Стивенсъ (одинъ изъ вліятельнѣйшихъ предводителей республиканской партіи того времени и самый горячій защитникъ билля въ его первоначальномъ видѣ) узналъ, что поправки приняты конгрессомъ—онъ горько заплакалъ. И было съ чего. Плоды этого страшнаго заблужденія вполнѣ пожинаются въ настоящее время; но и тогда легко было предвидѣть, что законъ этотъ будетъ выгоденъ только для капиталистовъ.

Дѣйствительно, гринбàки (green-back, зеленая спинка—юмористическая кличка, данная народомъ бумажнымъ деньгамъ вслѣдствіе ихъ цвѣта) стали немедленно падать противъ своей номинальной цѣны. Побуждаемое необходимостію, правительство получило уполномочія выпускать ихъ все въ бòльшемъ количествѣ, пока, наконецъ, послѣднее не дошло до 420 мильйоновъ. Къ финансовой ошибкѣ присоединился неблагопріятный оборотъ войны. Республика была въ опасности; къ марту 1863 года, дѣло дошло до того, что за 100 золотыхъ центовъ давали 271 центъ бумажками. Въ герояхъ-солдатахъ правительство не имѣло недостатка, но ему крайне нужна была помощь капиталистовъ; пришлось дорого покупать ее.

Подъ предлогомъ якобы сильнаго пониженія курса бумажекъ было отмѣнено право обмѣнивать бумажки на государственныя облигаціи, приносящія 6% золотомъ по номинальному курсу. Этимъ окончательно измѣнился характеръ закона февраля 1862 года. Затѣмъ былъ изданъ билль, устанавливающій новую систему такъ называемыхъ національныхъ банковъ, по которому разрѣшалось устроивать банки для производства денежныхъ операцій, имѣя въ резервномъ фондѣ не золото, а государственныя долговыя облигаціи. Банки эти были поставлены подъ контроль министерства финансовъ и каждому изъ нихъ предоставлялось право выпускать банковые билеты подъ правительственною печатью въ размѣрѣ, не превышающемъ 90% облигацій, имѣющих-

ся въ рукахъ основателей банка. Весь размѣръ банковыхъ билетовъ былъ положенъ въ 354 мильйона долларовъ.

Разумѣется, что капиталисты немедленно ссудили правительству нужныя деньги для того, чтобы, получивъ взамѣнъ ихъ облигаціи, устроить такъ называемые національные банки и получать двойной процентъ на свои деньги, такъ какъ, кромѣ 6% золотомъ, выплачиваемыхъ правительствомъ на государственныя облигаціи, они получали по меньшей мѣрѣ, столько же за ссуды, дѣлаемыя ими частнымъ лицамъ банковыми билетами—не странно ли это? Банковые билеты пользовались кредитомъ въ народѣ только потому, что имѣли печать и находились подъ контролемъ правительства. Нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы они не ходили точно также, если были выпущены непосредственно правительствомъ съ правомъ обмѣна ихъ на 6% облигаціи. Разница была въ томъ, что въ одномъ случаѣ правительство обязывалось уплачивать проценты на все количество облигацій, служащихъ резервнымъ фондомъ въ банкахъ, что̀ составляло около 30 мильйоновъ въ годъ; тогда какъ въ другомъ случаѣ, выпуская бумажные знаки, какъ деньги, оно сберегло бы почти всѣ эти проценты. Понятное дѣло, что капиталистамъ было такъ хорошо, какъ можно было желать въ то время. Но вотъ война кончилась, правительство стало гасить свой долгъ и, выкупая свои облигаціи изъ національныхъ банковъ, уничтожало соотвѣтствующее имъ количество банковыхъ билетовъ. «Не все котамъ масляница»; но и народу приходилось жутко.

На первые выпуски бумажныхъ знаковъ народъ смотрѣлъ, какъ на необходимость, вынужденную крайнимъ недостаткомъ денегъ, и съ геройскою готовностію и безропотностью, съ которыми онъ шелъ на бой, на смерть, онъ принялъ бумажки взамѣнъ пропавшаго золота. Но нѣсколько лѣтъ практики показали ему, что бумажки—хотя и не размѣниваемыя на золото—могутъ также хорошо служить для мѣны, какъ звонкій металлъ. Обиліе денегъ дало толчекъ производительной и обрабатывающей промышленности, и каждая бумажка становилась представителемъ извѣстной цѣнности въ глазахъ народа. Между тѣмъ, увеличилось народонаселеніе и богатство страны въ такой мѣрѣ, что даже то количество денегъ, которое было въ обращеніи, становилось недостаточнымъ; какъ вдругъ правительство стало вынимать ихъ изъ обращенія, ставя въ затруднительное положеніе всѣхъ должниковъ, производителей, работниковъ.

Въ 1865 году, во время наибольшаго экономическаго развитія страны, количество денегъ въ обращеніи доходило до 22 долларовъ на душу; тогда какъ теперь оно равняется 17 долларамъ. Уже

чувствуются слѣды этихъ мѣропріятій. Промышленность парализована; тысячи рабочихъ не имѣютъ занятій или должны довольствоваться самымъ жалкимъ существованіемъ, предприниматели не могутъ платить рабочимъ прежняго жалованья, и рабочіе, принимая всякую сбавку жалованья за тиранію, все чаще и чаще устраиваютъ стачки, столь пагубныя для обѣихъ сторонъ. Цифра постоянныхъ банкротствъ доходитъ до 200 милльйоновъ въ годъ. Проценты на ссуды увеличиваются. Будущее становится все темнѣе и темнѣе; начинаютъ подниматься голоса, требующіе совсѣмъ другой финансовой политики отъ правительства, т. е. не сокращенія денегъ, а увеличенія ихъ; и, въ тоже самое время, капиталисты, боясь, чтобы опять не вернулись къ ереси 1862 года, все энергичнѣе требуютъ отъ правительства возобновленія уплаты звонкою монетою и свободы въ банковыхъ операціяхъ. Они очень хорошо понимаютъ, что, при возможности выпускать по 3 и 4 доллара на 1 долларъ запаснаго фонда, они съумѣютъ наверстать тѣ барыши, которые теперь ускользаютъ отъ нихъ вслѣдствіе погашенія долга. Разумѣется, что, защищая свои интересы передъ публикой, они мотивируютъ ихъ совсѣмъ иными доводами, и пресса, находящаяся въ ихъ рукахъ, постоянно опирается на избитыя фразы о честности, о необходимости выполнить данныя прежде обѣщанія—фразы, имѣющія такое сильное вліяніе на простодушный народъ. Въ этомъ хаосѣ самыхъ разнорѣчивыхъ требованій становится всего важнѣе то обстоятельство, что настоящій конгрессъ есть не болѣе, какъ послушное орудіе въ рукахъ денежной олигархіи, и большинство народныхъ представителей, будучи сами биржевыми и банкирскими игроками, поспѣшило на выручку своей братьи. 14-го января 1875 г. былъ проведенъ билль, по которому правительство уполномочивалось сдѣлать 5% заемъ для немедленнаго выкупа всѣхъ бумажекъ, превышающихъ 300 милльйонное обращеніе, и затѣмъ всѣ избытки доходовъ направлять на выкупъ остающихся 300 милльйоновъ съ тѣмъ, чтобы къ январю 1879 года возобновить уплату звонкою монетою. Не забывая львиной доли для себя и при этой переходной системѣ, капиталисты настояли на томъ, чтобы этотъ билль снялъ ограниченія съ количества банковыхъ билетовъ, выпускаемыхъ нынѣ банками, т. е., чтобы банки имѣли возможность выпускать бо̀льшее число билетовъ подъ прежнія обезпеченія (т. е. государственныя облигаціи). Такова сущность знаменитаго Resumption bill, по которому правительство передавало капиталистамъ право выпускать деньги и регулировать величину процента. Страна начинаетъ понимать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ она будетъ во власти немногихъ богачей,

владѣльцевъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, да банкировъ, разжившихся со времени войны. И вотъ, въ параллель тому, какъ конгрессъ проводитъ свои *честные* законы о необходимости уплаты звонкою монетою, въ народѣ все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль о введеніи бумажныхъ денегъ вмѣсто металлическихъ. Производители, торговцы и мануфактуристы Америки, и по преимуществу среднихъ ея штатовъ, находящіеся въ полной зависимости отъ капиталистовъ, ссужающихъ имъ необходимыя для ихъ оборотовъ деньги, тоже начинаютъ защищать необходимость увеличенія числа денежныхъ знаковъ въ обращеніи и сопряженнаго съ этимъ пониженія процента, и, какъ результатъ этого броженія, появилась въ этомъ году партія «независимыхъ», которая поставила своею цѣлію осуществить идеи Келлога, видоизмѣняя ихъ нѣсколько, сообразно требованіямъ времени.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ ихъ программѣ я приведу здѣсь нѣкоторыя выписки изъ рѣчи одного изъ наиболѣе способныхъ и вліятельныхъ членовъ независимой партіи, Александра Камбелля, сказанной имъ въ конгрессѣ въ 1876 году. Прежде всего, онъ смѣло и честно рисуетъ передъ лицемъ представителей народа картину современнаго состоянія страны. Онъ говоритъ:

«Вы недавно слышали посланіе президента, въ которомъ онъ съ гордостію указываетъ на все, что сдѣлано нами въ теченіи 100 лѣтъ нашей независимости: на освобожденіе рабовъ, на развитіе нашего народонаселенія, богатства, общаго образованія, на наши успѣхи въ наукахъ и искуствѣ, въ земледѣліи, торговлѣ, мореплаваніи, ремеслахъ, горномъ дѣлѣ и заводской промышленности. Но эта блистательная картина имѣетъ и обратную сторону, которая печально противорѣчитъ ей и по тону описанія, и по краскамъ. Сто лѣтъ тому назадъ, мы вошли въ семью независимыхъ государствъ съ почти безграничною территоріей, богатою всѣми элементами народнаго благосостоянія, со всѣми удобствами для его развитія и съ здоровымъ, выносливымъ, трудолюбивымъ и бережливымъ народонаселеніемъ. Эмиграція, побуждаемая любовью къ свободѣ и дешевизною нашихъ плодоносныхъ земель, шла къ намъ со всѣхъ сторонъ Европы. Народонаселеніе и богатство страны непрерывно и быстро росло, вопреки всѣмъ ошибкамъ политики и законодательства, но трудъ не могъ избѣгнуть препятствій, противопоставляемыхъ ему врагами. Трудъ, расчистивъ наши лѣса, разработывалъ рудники, воздвигъ плавильни и фабрики, построилъ корабли, каналы и желѣзныя дороги; ему по преимуществу мы обязаны своими успѣхами въ наукахъ и искуствѣ, и, несмотря на это, бо́льшая часть народа

работаетъ изо дня въ день за одно только существованіе, между тѣмъ какъ меньшинство, не превосходя средняго человѣка ни физически, ни умственно, ни нравственно, не пошевельнувши пальцемъ для выполненія полезной работы, не утруждая свой мозгъ мыслями объ общемъ благѣ, присвоиваетъ себѣ бо̀льшую часть производимыхъ богатствъ посредствомъ хитрыхъ финансовыхъ комбинацій и пристрастнаго законодательства. Наши земли распроданы спекуляторамъ и раздарены желѣзнодорожнымъ корпораціямъ при такихъ условіяхъ, что черезъ двадцать лѣтъ правительство не будетъ имѣть ни одного акра годной для обработки земли. Мы дали «корпораціямъ» такія широкія привилегіи, что даже *законодательство страны находится теперь подъ ихъ контролемъ, и, вмѣсто народнаго правительства, мы имѣемъ теперь правительство капиталистовъ враждебное правамъ или интересамъ народа.* Мы дали корпораціямъ право выпускать деньги и регулировать количество ихъ, дали имъ право устанавливать размѣръ вознагражденія, слѣдуемаго массѣ производителей народнаго богатства, и такимъ образомъ брать себѣ то, что̀ должно принадлежать ихъ трудолюбію и предпріимчивости. Настоящее положеніе есть вѣрный результатъ прошлыхъ ошибокъ. Самый пламенный ораторъ не въ состояніи преувеличить зла, проистекающаго изъ нихъ. Духъ народа, его трудолюбіе, предпріимчивость, прогрессъ и даже трудъ съ его жалкой пищей и удобствами—все находится теперь во власти капитала; всему угрожаетъ продажа съ молотка».

И чтобы лучше подтвердить свои слова̀, онъ, на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ и со всѣми невыгодными для себя аргументами, доказываетъ, что народное богатство страны растетъ ежегодно на 3%. Тогда какъ средняя высота процента ровняется 8%.

Считая все народное богатство страны въ 1875 году равнымъ 26.000.000.000 долларовъ и полагая, что половина его принадлежитъ капиталистамъ, получающимъ или ренту, или процентъ на капиталъ, выходитъ, что приростъ народнаго богатства равняется 780.000.000 долларамъ, а процентъ, выплачиваемый капиталистамъ = 1.040.000.000. Такъ что люди, занятые производительнымъ трудомъ, нетолько отдаютъ капиталистамъ весь приростъ народнаго богатства, но еще остаются должными ежегодно на сумму въ 260 милльйоновъ долларовъ.

Далѣе онъ строго порицаетъ палату представителей за то, что они передали ассоціаціямъ богачей свое право регулировать монетное обращеніе—право, освященное и конституціей, и прошлой исторіей страны, и блистательно доказываютъ, какое страшное

зло повлечетъ за собой дальнѣйшее расширеніе власти капиталистовъ закономъ 14 января 1875 года. Затѣмъ онъ переходитъ къ защитѣ внесеннаго имъ билля, формулирующаго въ законной формѣ всѣ существенныя черты новой финансовой системы.

Онъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что правительство должно выполнить буквально всѣ свои обязательства, взятыя на себя во время войны, какъ бы тяжелы они ни были для народа. Онъ требуетъ только, чтобы съ настоящаго времени была принята новая система, уничтожены всѣ банки и чтобъ правительство выплачивало за доставку матеріала и тому подобныя услуги бумажными знаками, которые оно обязано принимать обратно отъ гражданъ въ уплату *всѣхъ* податей. Граждане республики имѣютъ право во всякое время обмѣнивать бумажные знаки на облигаціи государственнаго долга, приносящія 3,65% въ годъ (т. е. по одному центу въ день на каждые 100 долларовъ) и обратно—обмѣнивать облигаціи на деньги. Для того, чтобы облигаціи не могли ходить подобно деньгамъ, онѣ должны быть именными. А то количество денегъ, которое теперь находится въ обращеніи (около 420 милльйоновъ), вовсе не должно быть изъ него изъято, а, напротивъ того, *прежніе* гринбаки, подобно новымъ знакамъ, должны приниматься въ уплату *всѣхъ* податей и пошлинъ.

Продолжаемъ дальше словами самого Кэмбелля:

«1) Только тогда мы будемъ имѣть денежную систему, согласную съ духомъ и буквой конституціи, такъ какъ конгрессъ имѣетъ право регулировать денежное обращеніе въ странѣ и установить такое орудіе обмѣна, которое, вмѣсто пользы для отдѣльныхъ корпорацій, было бы вполнѣ приспособлено къ потребностямъ производителей народнаго богатства.

«2) Система эта будетъ саморегулирующею. Сначала количество денегъ будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока процентъ на частныя ссуды не упадетъ до 4%, но это увеличеніе будетъ благодѣяніемъ для народа, страдающаго теперь отъ недостатка денегъ. Затѣмъ должны прекратиться всѣ колебанія въ цѣнахъ, происходящія отъ измѣненія въ запросѣ на деньги. Потому что, если, по какимъ-нибудь причинамъ, окажется избытокъ въ количествѣ денегъ, то процентъ на частныя ссуды упадетъ ниже 4% и владѣльцы свободныхъ денегъ поспѣшатъ обмѣнять ихъ на государственныя облигаціи. Если же количество денежныхъ знаковъ будетъ недостаточнымъ для выполненія всѣхъ операцій обмѣна, то процентъ на частныя ссуды будетъ увеличиваться и владѣльцы облигацій будутъ обмѣнивать ихъ на деньги.

«3) При этой системѣ, правительство не будетъ злоупотреблять

правомъ выпуска бумажекъ. Всякій избытокъ ихъ будетъ немедленно обращаться въ процентный долгъ. Тѣмъ не менѣе, правительство можетъ безнаказано выпускать новые знаки, ровно въ такомъ количествѣ, насколько необходимъ будетъ приростъ въ количествѣ денегъ. Считая все населеніе Соединенныхъ Штатовъ круглымъ числомъ въ 44 мильйона душъ и предполагая, что количество денежныхъ знаковъ будетъ составлять $22^3/_4$ доллара на душу, выходитъ, что все число денежныхъ знаковъ будетъ доходить до 1.000.000. Предполагая затѣмъ, что размѣръ ихъ будетъ увеличиваться пропорціонально увеличенію народнаго богатства, т. е. на 3% въ годъ, легко видѣть, что ежегодная прибавка денежныхъ знаковъ составитъ около 30 мильйоновъ долларовъ, и этой суммой народъ можетъ законно пользоваться для того, чтобы облегчить и ускорить уплату долга.

«4) Посредствомъ денегъ, какъ извѣстно, распредѣляется вся прибыль между капиталистомъ и производителемъ, такъ какъ производители всегда получаютъ только то, что̀ остается отъ уплаты капиталисту. Слѣдовательно, всякое пониженіе процента на частныя ссуды естественно повлечетъ за собой повышеніе вознагражденія производителямъ. Вѣроятно, что, при 3.65% государственныхъ облигацій, процентъ на частныя ссуды будетъ 4%. Предполагая, какъ и прежде, что половина народнаго богатства (27 мильярдовъ долларовъ) находится въ рукахъ капиталистовъ, выйдетъ, что вознагражденіе, ими получаемое, будетъ вдвое меньше теперешняго, т. е. равняться 520 мильйонамъ ежегодно. Величина сбереженія будетъ понятнѣе для насъ, если мы скажемъ, что этимъ однимъ путемъ будетъ сберегаться около 1.426,000 долларовъ.

«Перечисляя всѣ выгоды, проистекающія отъ введенія новой системы, многіе изъ васъ, господа, вѣроятно, напомнятъ мнѣ обвиненіе, столь часто повторяемое прессой, будто я намѣреваюсь обогатить страну выпускомъ ничего не стоящихъ тряпокъ. А подобное обвиненіе можетъ показать или недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, или крайнее непониманіе тѣхъ финансовыхъ операцій, которыя во очію совершаются повсемѣстно.

«5) Новая система—беспорно честная система; ничто въ ней не основано на фиктивныхъ цѣнностяхъ; въ ней не можетъ быть обмана. Правительство, какъ я уже сказалъ прежде, будетъ выпускать денежные знаки только въ уплату за дѣйствительныя услуги, оказанныя народу общественной службой и доставкой продуктовъ, матеріаловъ и средствъ, необходимыхъ для успѣшнаго отправленія общественной службы и работъ. И народъ, разсматриваемый какъ собраніе частныхъ лицъ, всегда бу-

деть признавать свои обязательства, принятыя имъ на себя коллективно, чрезъ посредство своихъ представителей, и принимать ихъ въ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ. Каждый бумажный знакъ будетъ представлять *дѣйствительную услугу*, оказанную владѣльцемъ ея, и этотъ послѣдній всегда будетъ имѣть и право, и возможность получить въ обмѣнъ на него часть народнаго богатства, соразмѣрную услугѣ, оказанной правительству, т. е. народу.

«Если есть обманъ и фикція, такъ только въ той системѣ, которая основана на платежѣ звонкою монетою. Вы знаете очень хорошо, что этотъ платежъ невозможно примѣнить во всѣхъ случаяхъ, что это—только громкія слова, отводящія глаза простякамъ; что на каждый долларъ золота всегда будетъ находиться 4, 5 долларовъ въ бумажныхъ знакахъ; и что эти знаки пускаются въ обращеніе только вслѣдствіе *невыполняемаго* обѣщанія размѣнять ихъ на золото. Когда же народъ, тревожимый по временамъ недовѣріемъ къ банкирамъ, предъявляетъ ихъ билеты къ уплатѣ и получаетъ отказъ, то кто отвѣчаетъ за наглый обманъ? Не тѣ, которые наживались имъ, а тѣ бѣдняки и сироты, которые вносили свои крохи на сбереженіе спекуляторамъ.

«6) Мало того, господа: легко убѣдиться, что, спустя нѣкоторое время послѣ введенія новой системы, бумажные знаки будутъ al pari съ золотомъ, не нуждаясь вовсе въ фиктивномъ обѣщаніи немедленнаго размѣна на золото. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только система эта установится окончательно и всѣ убѣдятся, что она приноситъ только благодѣянія народу, европейскіе капиталисты начнутъ охотно раскупать наши государственныя облигаціи, приносящія имъ хорошій процентъ. (Англія, напримѣръ, платитъ только 3% на свои долги). Облигаціи, такимъ образомъ, легко могутъ стать al pari съ золотомъ, а, такъ какъ облигаціи всегда будутъ размѣниваться на бумажныя деньги по номинальному курсу, то, понятное дѣло, что и бумажки тогда станутъ равноцѣнными золоту.

«7) Основанная на довѣріи къ правительству система эта вполнѣ гармонируетъ съ духомъ нашихъ республиканскихъ учрежденій, а облеченная закономъ всѣми атрибутами теперешнихъ денегъ, будетъ имѣть то однообразіе и неизмѣняемость по своему отношенію къ народному богатству, которыя такъ важны во всѣхъ сдѣлкахъ между кредиторами и должниками.

«8) Она представляетъ еще важность и какъ политическая мѣра. Успѣхъ республиканскихъ принциповъ много зависитъ отъ прочности союза, а эта прочность, при разнообразіи климата, племенномъ составѣ населенія, производительной промышленности и мѣстныхъ интересовъ, становится дѣломъ весьма нена-

дежнымъ, пока будетъ основана только на абстрактномъ принципѣ политической свободы. Чтобы крѣпче связать между собой различныя части союза, необходимо, чтобы народъ имѣлъ что-нибудь общее, связующее его съ правительствомъ. Предлагаемая нами система даетъ превосходныя средства для этого: *во-первыхъ*, денежные знаки, находясь въ рукахъ у всѣхъ гражданъ союза, будутъ все болѣе и болѣе заинтересовывать ихъ въ сохраненіи кредита и цѣлости національнаго правительства; *во-вторыхъ*, правительство не можетъ выпускать свои облигаціи на мелкія суммы (скажемъ, въ 25 долларовъ) и тѣмъ дать возможность бѣднымъ людямъ вносить свои сбереженія правительству, подобно тому, какъ они вносятъ ихъ теперь въ сохранные банки. А такъ какъ стоимость облигацій будетъ вполнѣ зависѣть отъ прочности правительства и союза и такъ какъ эта финансовая система намного облегчитъ экономическое положеніе рабочихъ, то естественное послѣдствіе какъ благодарности, такъ и разсчета, повлечетъ всѣхъ къ защитѣ и поддержкѣ этой системы, а равно и республики, создавшей ее».

Я не стану цитировать тѣ мѣста въ его рѣчи, въ которыхъ онъ съ бо̀льшею подробностью останавливается на практическихъ деталяхъ, сопряженныхъ съ введеніемъ новой системы, и доказываетъ, какъ намного облегчится для правительства уплата государственнаго долга, такимъ тяжелымъ бременемъ лежащаго теперь на плечахъ народа. Всѣ эти подробности и цифры не могутъ имѣть большаго интереса для русскаго читателя.

Необходимо, однако-жъ, упомянуть, что въ своемъ биллѣ Камбелль даетъ конгрессу право регулировать и измѣнять величину процента, уплачиваемаго за правительственныя облигаціи, но съ тѣмъ, чтобы рѣшенія объ этомъ публиковались заранѣе и всѣ недовольные перемѣной имѣли бы время размѣнять свои облигаціи на деньги прежде, чѣмъ новый законъ войдетъ въ силу.

Съ своей стороны, я скажу одно: что ни одинъ памфлетъ, ни одна публичная рѣчь не ставили такъ ясно, такъ просто и понятно для всѣхъ насущный вопросъ времени, какъ поставилъ его Александръ Камбелль. Рѣчь его заключилась слѣдующими замѣчательными словами:

«Такимъ образомъ, вопросъ заключается не въ золотѣ или бумажкахъ, а въ томъ: должны ли наши деньги состоять изъ банковыхъ билетовъ, *фиктивно* обѣщающихъ народу обмѣнъ на золото по предъявленіи и пущенныхъ въ народъ *корпораціями* банкировъ подъ *тяжелые* проценты, или изъ государственныхъ билетовъ, выпускаемыхъ народомъ чрезъ посредство своихъ пред-

ставителей въ уплату за всѣ отправленія общественной службы? Вотъ истинный вопросъ, и здѣсь не можетъ быть компромисса. Имъ же рѣшится другой вопросъ: должны ли мы имѣть народное правительство или денежную олигархію? И одно изъ глубочайшихъ убѣжденій моей жизни, господа, заключается въ томъ, что отъ рѣшенія поставленнаго мною вопроса зависитъ судьба нашей цивилизаціи и будущее нашей страны».

Что же отвѣчали на это представители? Да что можетъ отвѣтить палата, въ которой изъ 206 членовъ только 1 ремесленникъ, 7 земледѣльцевъ и 198 акціонеровъ въ національныхъ банкахъ. Билль Камбелля былъ положенъ *на столъ*[1]. Чѣмъ отвѣчала пресса? Тѣмъ, что должно было ожидать отъ газетъ, бо́льшая часть которыхъ находится на субсидіи банкировъ, а остальныя, не будучи въ состояніи (?) разобрать ни начала, ни конца въ этомъ случаѣ, примкнули ко мнѣнію наиболѣе популярному (?). Новая финансовая система осмѣивается прессой во всю мочь, со всею безцеремонностію свободнаго американскаго слова. «Тряпичныя деньги, печатная ложь»—суть самые обыкновенныя слова для обозначенія бумажныхъ денегъ; измѣнники народной чести, отвергатели народнаго долга, дѣлатели денегъ—вотъ клички защитниковъ новой системы.

Но ни насмѣшки, ни площадная ругань не въ состояніи остановить движенія, начавшагося со временъ Келлога. Оно слишкомъ внушительно, чтобы не привлекать къ себѣ вниманія всѣхъ честныхъ и разумныхъ людей. Ересь эта не разъ проникала и въ высшія правительственныя сферы. Вотъ, напримѣръ, экстрактъ изъ отчета генерала Спикера, который въ теченіи 13 лѣтъ занималъ важную и отвѣтственную должность казначея Соединенныхъ Штатовъ.

«Когда количество денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, не измѣняется въ теченіи года, то естественнымъ результатомъ этого бываетъ, какъ, напримѣръ, *теперь* (писано осенью 1873 г.), недостатокъ денегъ для торговыхъ цѣлей и для своевременнаго вывоза земледѣльческихъ продуктовъ страны, столь необходимаго для уплаты долговъ и для того, чтобы балансъ торговли былъ въ нашу пользу.

«Въ другое же время года, деньги становятся почти ненужными. Тогда владѣльцы ихъ, естественно увлекаемые желаніемъ получить хоть какой-нибудь доходъ съ нихъ, или бросаются сами на рискованныя спекуляціи, или, что бываетъ чаще, даютъ свои

[1] Парламентское выраженіе, равносильное нашему: *подъ сукно*.

деньги на проценты личностямъ и корпораціямъ, торговая дѣятельность которыхъ ничѣмъ не уступаетъ, по нравственной оцѣнкѣ, ни азартной игрѣ, ни положительному обману.

...«Городскіе банки, особенно нью-йоркскіе, бываютъ набиты деньгами въ такое именно время, когда онѣ вовсе ненужны. А между тѣмъ, банки обязываются платить проценты на вкладъ и должны искать какого-нибудь средства для наживы. Они даютъ ихъ въ ссуды спекуляторамъ. Но вотъ времена мѣняются; наступаетъ бойкое время, начинается требованіе на деньги. Но бо̀льшая часть ихъ или уже положена на какое-нибудь предпріятіе, или же погибла въ дикихъ и рискованныхъ спекуляціяхъ. Денегъ бываетъ меньше, чѣмъ нужно для достиженія разумныхъ цѣлей торговли и промышленности, которыя страдаютъ отъ этого къ великому вреду для всего народа.

«Необходимо найдти средства противъ этого зла, и, разбирая всевозможные планы и проекты, нельзя не признать, что одинъ изъ нихъ лучше прочихъ отвѣчаетъ заданной цѣли. Онъ заключается въ томъ, чтобы конгрессъ имѣлъ право выпускать извѣстное количество бумажныхъ денегъ, могущихъ, по желанію владѣльца, обращаться въ процентныя облигаціи, которыя, въ свою очередь, могутъ по предъявленіи размѣниваться обратно на деньги. Полагаютъ, что 3,65 процента, платимые на эти облигаціи, будетъ достаточно высокій процентъ для извлеченія лишнихъ денегъ во время застоевъ, но не настолько высокъ, чтобы не побуждать владѣльцевъ ихъ къ размѣну на бумажки въ бойкое время».

А вотъ выдержки изъ посланія Гранта къ конгрессу, написаннаго въ декабрѣ 1873 года.

«Возобновленіе уплаты звонкою монетою не можетъ быть осуществлено до тѣхъ поръ, пока балансъ торговли не будетъ въ нашу пользу и не дастъ намъ возможности накопить драгоцѣнный металлъ, необходимый для уплаты.

«А чтобы увеличить вывозъ нашихъ продуктовъ, необходимо имѣть достаточное количество денежныхъ знаковъ для поддержанія и развитія существующей промышленности. Безъ этого нація, подобно индивидууму, неизбѣжно прійдетъ къ банкротству... А чтобы избѣжать чрезмѣрнаго выпуска бумажекъ, необходимо придать имъ такую эластичность, по которой они всегда будутъ примѣняться къ нуждамъ торговли и къ необходимому для насъ развитію промышленности.

«Опыты настоящей паники доказали, что бумажныя деньги,

основанныя на довѣріи къ кредиту страны, служать однимъ изъ лучшихъ средствъ для обмѣна.

«Въ виду того, что количество денежныхъ знаковъ сокращается двумя путями, прямымъ, чрезъ непосредственное изъятіе изъ обращенія, и косвеннымъ, чрезъ увеличеніе нашего народонаселенія, промышленности и торговли, я не могу повѣрить, чтобы мы имѣли ихъ въ достаточномъ количествѣ даже для самаго глухаго времени года».

Нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ сенаторовъ тоже не разъ заявляли свое сочувствіе новой финансовой системѣ, а одинъ изъ нихъ, Бутсъ, несмотря на то, что служитъ представителемъ золотоносной Калифорніи, весьма энергично возстаетъ противъ употребленія золота для измѣренія цѣнностей и своими рѣчами, статьями и памфлетами немного способствовалъ успѣху пропаганды новой идеи.

Но все-таки мнѣнія этихъ крупныхъ людей совершенно теряются среди общаго вопля большинства образованныхъ и вліятельныхъ людей Америки, которые, или будучи прямо заинтересованы въ сохраненіи настоящей системы финансовъ, или же съ голоса европейскихъ политико-экономовъ—утверждаютъ, что только золото и серебро могутъ быть орудіемъ обмѣна. Противовѣсомъ этому служитъ единодушное мнѣніе рабочихъ Америки, которые давно уже высказались въ пользу новой системы. Фактъ этотъ въ высшей степени интересенъ. Невольно вспоминаются при этомъ слова Джона Стюарта Милля, когда онъ, доказывая возможность обращенія бумажныхъ денегъ даже безъ обмѣна на золото, говоритъ, что одно изъ главныхъ практическихъ неудобствъ новой системы состоитъ въ неудобопонимаемости ея для необразованнаго человѣка. «Каждому понятно, говоритъ онъ:— что̀ такое бумажныя деньги, размѣниваемыя на звонкую монету; каждый видитъ, что вещь, которую всегда можно обмѣнивать на 5 фунтовъ, сто̀итъ 5 фунтовъ. Тогда какъ регулированіе бумажныхъ денегъ цѣною слитковъ—понятіе болѣе сложное и лишенное выгодной связи съ обычными представленіями». Что̀ сказалъ бы добросовѣстный Милль, если бы, доживши до настоящаго времени, увидѣлъ, что система Келлога, основанная на выпускѣ бумажныхъ денегъ, регулируемыхъ процентными государственными облигаціями, легче понимается и усвоивается рабочими, чѣмъ такъ-называемыми образованными людьми; вѣроятно, онъ измѣнилъ бы приведенную нами цитату такъ: во всякой реформѣ подобнаго рода всегда найдутся защитники изъ числа тѣхъ,

кому она обѣщаетъ принесть выгоды, и враги со стороны тѣхъ, которые теряютъ при перемѣнѣ (?).

Да, американскіе рабочіе поняли выгоды новой системы финансовъ и давно уже включили въ свою программу, что финансовая реформа составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ требованій для улучшенія ихъ быта. Эти *необразованные* преподаютъ теперь банкирамъ и конгрессу *элементарные* уроки финансовой науки...

Еще въ началѣ 1872 года, партія реформы труда (Labour Reform Party) послала петицію въ конгрессъ, настаивающую на принятіи новой или, какъ они назвали ее, «американской» системы финансовъ. Петиція эта была подписана 20-ю лицами съ выразительною припискою цифръ противъ имени каждаго изъ нихъ, показывающихъ, какъ многочисленны тѣ организаціи рабочихъ, мнѣніямъ которыхъ они служили представителями. Число рабочихъ, представленныхъ въ этой петиціи, превосходило 500,000 человѣкъ. Затѣмъ, въ срединѣ 1872 года, при наступленіи президентской кампаніи, партія эта рѣшила отдѣлиться и отъ демократовъ, и отъ республиканцевъ и поставить отъ себя своего собственнаго кандидата. Къ несчастію, выборъ не былъ удаченъ. Кандидатомъ они выбрали судью верховнаго суда Дэвиса, который сначала отвѣтилъ весьма уклончиво, сказавши, что ни одинъ гражданинъ не долженъ ни искать чести быть кандидатомъ партіи, ни отказываться отъ нея. Но, будучи честолюбивымъ человѣкомъ, зная, что, по малочисленности партіи, онъ навѣрное не будетъ избранъ, а только можетъ служить мишенью для насмѣшекъ противныхъ партій, и, боясь, наконецъ, открыто стать въ пользу непопулярной финансовой реформы, онъ отказался отъ кандидатуры какъ разъ наканунѣ избранія, когда было слишкомъ поздно сзывать новый конвентъ для избранія кандидата партіи. Отказываясь, онъ просилъ работниковъ вотировать за Грили противъ Гранта. Но большинство разочарованныхъ работниковъ не вотировало ни за того, ни за другого.

Зато тѣмъ энергичнѣе была ихъ дѣятельность въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Сознаны были недостатки прежней организаціи, то-есть лиги различныхъ рабочихъ союзовъ сопротивленія (Trade-Union), политика которыхъ была по временамъ слишкомъ узкою, эгоистичною. Партія реформы труда преобразовалась въ такъ-называемый индустріальный конгрессъ (это было въ апрѣлѣ 1875 г.), требованія которой заключались въ

1) учрежденіи рабочихъ статистическихъ бюро въ каждомъ штатѣ союза, съ цѣлію опредѣлить истинное положеніе произво-

дительныхъ классовъ въ нравственномъ, экономическомъ и образовательномъ отношеніяхъ;

2) протестѣ противъ отдачи государственныхъ земель въ субсидіи желѣзо-дорожнымъ компаніямъ;

3) необходимости законовъ, обезпечивающихъ жизнь и здоровье рабочихъ въ рудокопняхъ, заводахъ и при постройкахъ, а также въ обезпеченіи рабочему заработанной имъ платы, въ случаѣ несостоятельности эксплуататора;

4) уничтоженіи системы подрядовъ вообще и подрядовъ въ рабочихъ домахъ въ особенности;

5) запрещеніи ввоза «кули» (кули называются китайцы, которые контрактуются еще въ своемъ отечествѣ прослужить извѣстному лицу нѣкоторое количество лѣтъ за опредѣленное и весьма малое вознагражденіе);

6) устройствѣ общественныхъ рынковъ для облегченія обмѣна продуктовъ между замледѣльцами и городскими рабочими;

7) учрежденіи коопераций какъ производительныхъ, такъ и потребительныхъ;

8) установленіи посредничества во время стачекъ;

9) одинаковой платѣ мужчинамъ и женщинамъ за одинаковую работу. 8-ми часовой трудъ въ день долженъ стать нормальнымъ рабочимъ днемъ американскаго гражданина и необходимымъ условіемъ для того, чтобы рабочіе могли имѣть досугъ для умственнаго развитія, столь необходимаго для спасенія и поддержки республики въ ея первоначальной чистотѣ.

10) Въ случаѣ войны, дѣлать *прямые* налоги для покрытія всѣхъ ея издержекъ, потому что, если правительство имѣетъ право на жизнь бѣдняковъ, посылаемыхъ на защиту націи, то оно подавно имѣетъ право на имущества богачей, нуждающихся въ защитѣ. Полное воздержаніе отъ системы долговъ.

11) Учрежденіи правительствомъ нормальнаго образца при распредѣленіи продуктовъ производства между капиталомъ и трудомъ—что достигается уничтоженіемъ банковъ и введеніемъ бумажныхъ денегъ, основанныхъ на довѣріи народа къ правительству, которыя, выпускаясь правительствомъ, должны приниматься имъ за всѣ уплаты и которыя могутъ, по произволу владѣльца, обмѣниваться на именныя государственныя облигаціи, приносящія 3.65% въ годъ.

Партія эта, вѣроятно, выставила бы своего кандидата и въ эту президентскую кампанію, но быстрый ростъ и возрастающая сила независимой партіи заставила рабочихъ присоединиться на

время къ послѣдней, чтобы совокупными усиліями легче побороть одного изъ своихъ враговъ.

Дѣло въ томъ, что буржуа-промышленники, видя, какъ усиливается вліяніе капиталистовъ и какъ усердно конгрессъ дѣйствуетъ въ угоду имъ, рѣшились энергически противодѣйствовать дальнѣйшему расширенію ихъ монополій. Они увидѣли, что, съ принятіемъ новой системы финансовъ, будетъ положенъ конецъ господству капиталистовъ, и стали усердно защищать ее. Люди, враждебно расположенные ко всѣмъ соціальнымъ реформамъ, готовые, при другихъ обстоятельствахъ, выжать сокъ изъ рабочаго, теперь начали пѣть хвалебные гимны труду, стали за интересы тѣхъ, кому по праву принадлежатъ всѣ богатства страны. Такимъ образомъ, пропаганда и защита новой системы финансовъ перешла изъ рукъ рабочихъ къ людямъ, болѣе опытнымъ въ политическихъ интригахъ и, главное, къ болѣе достаточнымъ, которые отлично съумѣли пользоваться и своимъ досугомъ, и своими средствами, чтобы въ самое короткое время подвинуть къ рѣшенію этотъ запутанный вопросъ.

Средніе штаты союза, каковы: Иллинойсъ, Огайо, Индіана, съ быстро-развивающеюся промышленностію и требующіе большой затраты капитала для полнаго развитія своихъ богатствъ, съ готовностію отозвались на призывъ людей, настаивающихъ на введеніи новой системы. И въ 1874 году, когда производились выборы правителей и представителей законодательныхъ собраній въ бо̀льшей части среднихъ штатовъ, финансовый вопросъ уже былъ поставленъ исходнымъ пунктомъ избирательной борьбы. Демократы Огайо и Индіаны, желая побороть республиканцевъ, объявили себя въ защиту новой системы и тѣмъ привлекли на свою сторону всѣхъ сочувствующихъ ей; правда, что демократы выиграли только въ Индіанѣ, въ Огайо побѣдили республиканцы; но самая трудность побѣдъ показала, какъ сильно уже укоренилась въ массахъ новая ересь.

Вожаки этого движенія, видя успѣшность своего дѣла, торопились составить правильно организованную партію еще до начала президентской кампаніи. 17-го мая 1876 года, сошлись въ Индіанополисѣ единомышленники въ вопросѣ финансовой реформы и тамъ издали свою платформу (изложеніе своихъ принциповъ), окрестили себя названіемъ «независимой» партіи и выбрали отъ себя кандидата на президентскую должность въ лицѣ Петра Купера.

Платформу ихъ приводить нѣчего; она не представляла въ себѣ ничего новаго противъ того, что̀ мы уже знаемъ изъ рѣ-

чи Камбелля; зато выборъ ихъ кандидата былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Петръ Куперъ, уже почтенный старикъ, безупречной жизни, замѣчательный филантропъ и милльйонеръ, невольно парализировалъ собою всѣ обвиненія, которымъ подвергались независимые со стороны другихъ партій. Личность его, «такъ грандіозно отчеканивающаяся на грязномъ фонѣ буржуазно-торгашескаго міра», укрощала самыхъ заклятыхъ клеветниковъ и ругателей. Къ нему не шли шиканья и свистки, которыми засыпаютъ другихъ кандидатовъ; его нельзя было назвать человѣкомъ, который хочетъ бумажныхъ денегъ (дешевыхъ денегъ, какъ говорятъ противники независимыхъ), только потому, что самъ не умѣетъ заработывать ихъ. Съ ранней молодости поставленный въ тяжелую необходимость бороться съ нуждой и лишеніями всякаго рода, онъ трудолюбіемъ и силою своего характера выдвинулся въ передовые ряды богачей. Но, становясь милльйонеромъ, онъ не потерялъ своихъ симпатій къ «неимущимъ». Сознавая, что теперешняя система общественнаго воспитанія вовсе не даетъ работнику техническихъ свѣдѣній, и помня очень хорошо, какъ онъ боролся, будучи молодымъ и честолюбивымъ, чтобы пріобрѣсти эти знанія, П. Куперъ употребилъ бо̀льшую часть своихъ средствъ (и употребляетъ ихъ до сихъ поръ) на поддержаніе и развитіе техническаго образованія въ средѣ рабочихъ массъ Нью-Йорка. Всякій, бывшій въ Нью-Йоркѣ, видѣлъ громадное зданіе, построенное изъ темнаго камня между 7-ю и 8-ю улицами и обыкновенно называемое Куперовымъ Институтомъ. Одна постройка его сто̀ила Куперу 850,000 доллар. Въ этомъ зданіи происходятъ даровыя вечернія лекціи по предметамъ: строительнаго искуства, горнаго дѣла, металургіи, аналитической и синтетической химіи, архитектуры, черченія и практическаго строенія. Классы эти посѣщаются двумя тысячами учениковъ, по преимуществу изъ молодыхъ ремесленниковъ. Кромѣ того, въ томъ же зданіи находятся регулярныя, то-есть дневныя школы для мужчинъ: гравировальная школа и школа фотографіи, а для женщинъ—рисовальная, телеграфныя школы. Тамъ же устроена богатѣйшая и лучшая въ Америкѣ даровая читальня, имѣющая до 800 лучшихъ періодическихъ изданій Америки и Европы; тамъ есть библіотека, коллекція моделей всѣхъ замѣчательныхъ механическихъ изобрѣтеній и даже довольно сносная коллекція предметовъ искуства. Весь нижній этажъ зданія обращенъ въ громадную залу, предназначенную для даровой отдачи для лекцій и митинговъ по всѣмъ вопросамъ общественной жизни, за исключеніемъ религіозныхъ. И все это, вмѣ-

стѣ съ наймомъ преподавателей—все поддерживается деньгами Купера.

Честный старикъ прожилъ довольно долго, чтобы видѣть ясно и блестящія, и темныя стороны американской цивилизаціи. Онъ видитъ, что теперь уже невозможно работнику, какъ въ его время, пробиться наверхъ общественнаго положенія, что работникъ, какъ парія, долженъ трудиться для обезпеченія жалкаго существованія, тогда какъ люди, поставленные наверху общественной лѣстницы, стремятся только къ удовлетворенію своего тщеславія и, не останавливаясь въ частной жизни передъ требованіями элементарной справедливости, въ общественной злоупотребляютъ властію для наживы, для установленія денежной олигархіи.

Вслѣдствіе своего воспитанія, жизни и преклонныхъ лѣтъ, онъ врядъ-ли способенъ стать въ ряды радикальныхъ реформаторовъ, тѣмъ не менѣе онъ чутко отозвался на требованія «независимыхъ», видя въ ихъ программѣ спасеніе республиканскихъ учрежденій. Старикъ дѣятельно принялся за разработку этого вопроса: говоритъ на митингахъ, пишетъ газетныя статьи, издаетъ памфлеты, и его глубокое и чисто практическое пониманіе финансовой науки дѣлаютъ его мнѣнія авторитетными въ глазахъ народа. Не учавствуя никогда въ законодательныхъ собраніяхъ страны, онъ не испортился отъ затхлой и полной интригъ атмосферы Уашингтона и безупреченъ въ узурпаціи народа. И это обстоятельство, вмѣстѣ съ его извѣстною всѣмъ гуманностію, болѣе всего содѣйствовало тому, что рабочая партія примкнула къ нему, когда онъ принялъ на себя кандидатуру независимой партіи.

Рабочіе не безъ основанія полагаютъ, что введеніе новой системы, далеко не удовлетворяя всѣмъ ихъ требованіямъ, все-таки облегчаетъ ихъ положеніе, сокрушивши одного врага. — Борьбу съ эксплуататорами они оставляютъ на послѣ, когда одолѣютъ капиталистовъ.

И вотъ, независимая партія, усилившись поддержкой рабочихъ, становится уже замѣтною силою въ странѣ. Господствующимъ партіямъ нельзя было игнорировать финансовые вопросы, приходилось дать имъ мѣсто въ своихъ платформахъ, чтобы такъ или иначе опредѣлить свое положеніе къ независимымъ.

Менѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ конвента независимыхъ, былъ созванъ конвентъ республиканской партіи (14-го іюня). Какъ и надо было ожидать, они смѣло высказались въ пользу нынѣшней системы, созданія своихъ рукъ, и подтвердили еще

разъ, что, призванные снова къ власти, они настоятъ на осуществленіи билля 14-го января 1875, т. е. на возобновленіи уплаты звонкою монетою и на введеніи свободной банковой системы Конвентъ демократовъ былъ созванъ 28-го іюня; и при составленіи своей платформы, они далеко не были единодушны въ своихъ взглядахъ на финансы страны. Въ числѣ лучшихъ и способнѣйшихъ демократовъ находилось много убѣжденныхъ въ выгодѣ новой финансовой системы; кромѣ того, всѣ видѣли какъ много помогъ демократамъ Огайо, Индіаны и Иллинойса ихъ союзъ съ независимыми во время выборовъ 1874 года, и желали возобновленія этого союза теперь; но вліяніе капиталистовъ и банкировъ высказалось и здѣсь. Всѣ усилія провести взгляды независимыхъ въ платформу демократовъ оказались безуспѣшными. Партія ограничилась только заявленіемъ, что она будетъ требовать уничтоженія билля 14 января 1875 года, а это заявленіе есть ни болѣе ни менѣе, какъ отсрочка рѣшенія финансоваго вопроса на неопредѣленное время.

Политика эта, какъ и вообще всѣ полумѣры, врядъ-ли окажется полезною для демократовъ. Независимые навѣрное не присоединятся къ демократамъ, а, напротивъ того, часть демократовъ недовольная нерѣшительной политикой партіи, примкнетъ къ независимымъ.

Каковъ же будетъ результатъ президентской кампаніи?

Сказать это весьма трудно въ настоящее время, когда шансы обѣихъ партій на выигрышъ стоятъ совершенно одинаковыми и когда президентская кампанія только что начинаетъ разгораться. Мало ли какія обстоятельства могутъ подвернуться еще до ноября мѣсяца (время, когда народъ всеобщей подачей голосовъ рѣшаетъ выборъ того или другого кандидата) и измѣнить относительное положеніе партій? Но насколько простой смертный, не считая себя политикомъ и относясь совершенно безпристрастно къ обоимъ партіямъ, можетъ судить о будущемъ, можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностію, что демократы выиграютъ въ этой компаніи, что на первое время, по крайней мѣрѣ, прекратятся тѣ страшныя злоупотребленія и взяточничество, которыми прославились республиканцы и которыя такъ чернили американскую націю; правительственный билль 14-го января 1875 года, будетъ отмѣненъ; но общій порядокъ финансовыхъ и экономическихъ дѣлъ страны останется почти въ такомъ же состояніи, какъ и теперь. Вопросъ о томъ: быть-ли Соединенным Штатомъ республикой или денежной олигархіей? все еще не рѣшенъ—и будущее становится все темнѣе; все неопредѣленнѣе.

Будемъ надѣяться, однако, что, по мѣрѣ накопленія экономическихъ нелѣпостей, все болѣе и болѣе будутъ раскрываться глаза у тѣхъ честныхъ, но близорукихъ людей, которые составляютъ главную массу соперничествующихъ политическихъ партій, и они увидятъ, что безъ радикальныхъ реформъ въ экономическомъ строѣ страны станетъ невозможнымъ сохраненіе тѣхъ или другихъ дорогихъ имъ политическихъ принциповъ.

Ф.

З—нѣ.

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый другъ! Легенду я слыхалъ:
Пали съ плечъ подвижника вериги
И подвижникъ мертвый палъ!

Помогай же мнѣ трудиться, З—на!
Трудъ всегда меня животворилъ.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забылъ!

Да не плачь украдкой!—Вѣрь надеждѣ,
Смѣйся, пой, какъ пѣла ты весной,
Повторяй друзьямъ моимъ, какъ прежде,
Каждый стихъ, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другомъ:
Въ торжествѣ одержанныхъ побѣдъ
Надъ своимъ мучителемъ-недугомъ
Позабылъ о смерти твой поэтъ!

Н. Некрасовъ.

13 февр. 1877.
Спб.

ЖЕНЫ АРТИСТОВЪ.

(Очерки нравовъ, Альфонса Додэ) [1].

Прологъ.

Развалясь на широкомъ диванѣ мастерской, съ сигарами въ зубахъ, два пріятеля, поэтъ и художникъ, разговаривали между собой однажды послѣ обѣда.

Это былъ часъ, располагающій къ откровенности, къ дружескимъ изліяніямъ. Тихій свѣтъ лампы падалъ изъ подъ абажура на разговаривавшихъ, оставляя почти въ темнотѣ прихотливую роскошь высокихъ стѣнъ, увѣшанныхъ картинами и оружіемъ и оканчивавшихся стекляннымъ потолкомъ, сквозь который свободно проникала темная синева неба. Только одинъ женскій портретъ, слегка наклоненный впередъ на мольбертѣ, и какъ бы слушавшій, до половины выходилъ изъ мрака. Эта женщина, молодая, съ умными глазами, съ серьёзнымъ и добрымъ лицомъ, казалось, защищала мольбертъ своего мужа отъ глупцовъ, отъ обезкураживающихъ судей. Низенькій стуликъ, стояв-

---

[1] Предлагаемые очерки Додэ, появившіеся въ 1874 г. и теперь вышедшіе новымъ изданіемъ, написаны имъ ранѣе, нежели «Жакъ», извѣстный нашимъ читателямъ; а потому мы выпускаемъ изъ нихъ очеркъ «Le credo de l'amour», который есть ни что иное, какъ первоначальный эскизъ одного изъ главныхъ эпизодовъ романа. Въ немъ повторяется исторія отношеній матери Жака къ поэту Амори д'Аржантону, но только въ сокращенномъ видѣ. Даже имя поэта не измѣнено въ романѣ. Точно также мы не воспользовались еще двумя очерками, показавшимися намъ слабѣе всѣхъ остальныхъ. Одинъ изъ нихъ «Les voies de fait» страннымъ образомъ совпадаетъ по своему содержанію съ весьма старой пьесой, идущей на французской сценѣ, подъ названіемъ «Le code des femmes». *Прим. перев.*

шій поодаль отъ камина, и пара башмачковъ на коврѣ обличали присутствіе ребенка въ домѣ. И дѣйствительно, въ сосѣдней комнатѣ, куда только-что скрылись мать и дитя, слышались взрывы веселаго смѣха, лепетъ и болтовня, походившіе на щебетанье въ засыпающемъ птичьемъ гнѣздышкѣ. Все это распространяло въ квартирѣ художника благоуханіе семейнаго счастья, и поэтъ вдыхалъ его въ себя съ наслажденіемъ. «Ты положительно правъ, говорилъ онъ своему другу:—другого счастья не бываетъ... Оно здѣсь, только здѣсь. Ты долженъ меня женить».

— Ну ужь нѣтъ, отвѣчалъ художникъ:—женись, братъ, самъ, если тебѣ такъ хочется. Я не вмѣшиваюсь въ это.

— Почему?

— Потому... потому, что художники не должны жениться.

— Вотъ это я люблю! ты смѣлъ сказать это, и лампа не потухла внезапно, и стѣны не обрушились тебѣ на голову! Но подумай же, несчастный, что ты цѣлыхъ два года заставляешь меня смотрѣть съ завистью на это счастье, которое запрещаешь мнѣ. Или ты походишь на тѣхъ дурныхъ богачей, счастье которыхъ удвоивается страданіями ближняго и которымъ отраднѣе сидѣть у своего домашняго очага, если они знаютъ, что на улицѣ дождь и что есть бѣдняки, неимѣющіе пріюта.

— Думай обо мнѣ что̀ ты хочешь. Я слишкомъ люблю тебя для того, чтобъ помочь тебѣ сдѣлать глупость, глупость непоправимую.

— Я этого не понимаю. Значитъ, ты не доволенъ? Но мнѣ кажется, однако-жь, что здѣсь также широко дышешь счастьемъ, какъ свѣжимъ воздухомъ у окна въ деревнѣ.

— Ты правъ. Я счастливъ, совершенно счастливъ. Я люблю жену свою всей полнотою сердца. Когда я думаю о своемъ ребенкѣ, я, сидя одинъ, улыбаюсь отъ удовольствія. Женитьба была для меня пристанью съ тихими, вѣрными водами—не тою, гдѣ прикрѣпляются кольцомъ къ берегу, рискуя на вѣки заржавѣть, но одною изъ этихъ лазурныхъ бухтъ, гдѣ чинятся паруса и мачты для новаго плаванія въ невѣдомыя страны. Я никогда такъ хорошо не работалъ, какъ послѣ женитьбы, и лучшія мои картины относятся къ этому времени.

— Такъ, слѣдовательно, что̀ же?..

— Хотя я могу показаться тебѣ фатомъ, но все-таки долженъ сказать, что смотрю на свое счастье, какъ на какое-то чудо, какъ на что-то анормальное и исключительное. Да; чѣмъ больше я узнаю, что̀ такое бракъ, тѣмъ болѣе изумляюсь своей удачѣ. Я похожу на людей, которые, не подозрѣвая опасности, угро-

жавшей имъ, не замѣтили, какъ избѣгли ее, и поблѣднѣли уже потомъ, ужаснувшись своей собственной смѣлости.

— Но какая же это опасность?

— Первая и величайшая изъ нихъ—утратить свой талантъ, измельчать. Кажется, это довольно важно для художника? Замѣть, что я въ настоящую минуту не говорю объ обыкновенныхъ условіяхъ жизни... Я согласенъ, что, вообще, бракъ отличная вещь, и что даже бо́льшая часть людей только и начинаютъ быть настоящими людьми съ той поры, какъ семья пополнитъ или возвыситъ ихъ. Иногда этого даже требуетъ профессія. Холостой нотаріусъ, напримѣръ, немыслимъ. Онъ былъ бы недостаточно солиденъ... не внушалъ бы довѣрія... Но для насъ всѣхъ—живописцевъ, скульпторовъ, музыкантовъ, поэтовъ, занятыхъ изученіемъ и воспроизведеніемъ жизни и стоящихъ всегда нѣсколько поодаль отъ нея, какъ отъ картины, которую желаешь разсмотрѣть хорошенько, бракъ можетъ быть только исключеніемъ. Этому нервному, требовательному, впечатлительному существу, этому человѣку-ребенку, называемому художникомъ, нуженъ особенный, спеціальный типъ женщины, какого почти невозможно найти, и самое лучшее—не искать. Какъ хорошо это понялъ Делакруа, которому ты такъ поклоняешься, и какъ хороша была эта жизнь, ограниченная стѣнами мастерской, исключительно посвященная искуству. Я смотрѣлъ недавно на его домикъ въ Шанрозе, и на этотъ маленькій садикъ священника, полный розъ, гдѣ художникъ гулялъ одинъ, въ теченіи двадцати лѣтъ! Отъ всего этого вѣетъ спокойствіемъ и узкостью безбрачія. Представь же себѣ Делакруа женатымъ, отцомъ семейства, озабоченнымъ воспитаніемъ дѣтей, ихъ болѣзнями, денежными дѣлами... Неужели ты думаешь, что произведенія его остались бы все такими же?..

— Ты приводишь мнѣ Делакруа, я отвѣчу тебѣ: а В. Гюго? Развѣ женитьба помѣшала ему написать столько прекрасныхъ книгъ?

— Я тоже думаю, что женитьба ни въ чемъ не стѣсняла его; но не всѣ мужья обладаютъ геніемъ, заставляющимъ прощать имъ; не всѣ окружены ореоломъ славы, способнымъ осушать слезы, льющіяся по ихъ милости. Куда какъ пріятно должно быть женой геніальнаго человѣка... Есть жены сторожей, которыя гораздо счастливѣе...

— Мнѣ странно слышать эти доводы противъ женитьбы отъ человѣка женатаго и счастливаго въ супружествѣ...

— Повторяю, что я не по себѣ сужу. Факты, подмѣченные мною въ семейномъ быту другихъ художниковъ, несогласія и недоразумѣнія, происходящія именно вслѣдствіе нашей анор-

мальной жизни — вотъ на чемъ основывается мое мнѣніе. Посмотри на этого скульптора, который въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта эмигрировалъ, бросивъ жену и дѣтей; общественное мнѣніе осудило его, и я, конечно, не буду его оправдывать, но какъ я понимаю, что онъ могъ дойти до этого! Человѣкъ обожалъ искуство, ненавидѣлъ свѣтъ, тяготился имъ... жена его — впрочемъ, не глупая и добрая женщина — вмѣсто того, чтобы избавить его отъ этой среды, которая была ему такъ противна, въ теченіи десяти лѣтъ заставляла его подчиняться всякаго рода свѣтскимъ условіямъ! Онъ долженъ былъ лѣпить массу оффиціальныхъ бюстовъ, съ какихъ-то уродовъ въ бархатныхъ скуфейкахъ, съ накрахмаленныхъ и лишенныхъ всякой граціи барынь. Двадцать разъ въ день отвлекали его отъ работы непрошенные, скучнѣйшіе посѣтители; а вечеромъ супруга приготовляла ему черный фракъ, свѣтлыя перчатки и таскала его изъ салона въ салонъ. Ты скажешь, что онъ могъ бы протестовать, возмутиться, отвѣчать ей наотрѣзъ: «нѣтъ!» Но развѣ ты не знаешь, что наша сидячая жизнь дѣлаетъ насъ болѣе, нежели кого-либо зависимыми отъ домашняго очага? Эта домашняя атмосфера такъ охватываетъ насъ, что если къ ней не примѣшается хоть частица идеала, то мы очень скоро опустимся и устанемъ. Притомъ же художникъ тратитъ всю свою силу и энергію на свои произведенія, и послѣ этой упорной одинокой борьбы у него уже не оказывается воли въ борьбѣ съ мелочами жизни. И тогда всякаго рода женской тираніи раздолье съ нимъ! Никого нельзя такъ легко обуздать, побѣдить. Но только осторожнѣй! это не должно быть для него слишкомъ чувствительно. Если когда-нибудь эти невидимые путы, которыми тайно его окружаютъ, слишкомъ сожмутъ его и помѣшаютъ его творческимъ усиліямъ, онъ разомъ разорветъ ихъ всѣ, и, не довѣряя своей твердости, поспѣшитъ скрыться, подобно нашему скульптору, въ чужія страны...

«Жена его была поражена этимъ бѣгствомъ. Несчастная до сихъ поръ продолжаетъ спрашивать: что я ему сдѣлала? Ничего. Она не поняла его. Мало быть умной и доброй, для того, чтобы быть истинной подругой художника. Надо еще обладать безконечнымъ тактомъ; улыбающимся самоотреченіемъ, а этого-то именно почти невозможно встрѣтить въ женщинѣ молодой, неопытной и жаждущей жизни... Представь себѣ хорошенькую женщину, вышедшую за человѣка извѣстнаго, всюду принятаго, понятно, что ей хочется иногда показаться съ нимъ въ обществѣ. Развѣ это не вполнѣ естественно? Мужъ, напротивъ того, сдѣлавшись еще болѣе нелюдимымъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ

лучше работаетъ, находитъ, что день слишкомъ малъ, а ремесло трудно, и вовсе не желаетъ выставлять себя на показъ. И вотъ они оба несчастны... и уступитъ-ли мужъ или будетъ сопротивляться, но жизнь его выбита изъ колеи, онъ лишился спокойствія. Ахъ! сколько я зналъ этихъ несчастныхъ супружествъ, гдѣ жена является то палачемъ, то жертвой, но чаще палачемъ, нежели жертвой, и всегда почти безсознательно. Да вотъ, я недавно былъ на вечерѣ у музыканта Даржанти. Его просятъ сѣсть за фортепьяно. Не успѣлъ онъ начать одну изъ своихъ прелестныхъ мазурокъ, заставляющихъ насъ, видѣть въ немъ преемника Шопэна, какъ жена его принялась разговаривать; сперва тихо, потомъ немножко погромче. Мало по малу разговоръ завязался во всѣхъ углахъ и, спустя нѣсколько минутъ, слушалъ я одинъ. Тогда онъ закрылъ фортепьяно и сказалъ съ горечью: «Здѣсь это всегда такъ... жена моя не любитъ музыки». Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ жениться на женщинѣ, которая не любитъ твоего искуства... Вѣрь мнѣ, мой другъ—не женись. Ты одинъ, ты свободенъ. Храни же тщательно свое уединеніе и свою свободу...

— Тебѣ хорошо говорить объ уединеніи; сейчасъ, когда я уйду отъ тебя, ты сядешь къ своему догорающему камину, и, если у тебя явится охота къ работѣ, ты примешься за нее потихоньку, не чувствуя вокругъ себя этой гнетущей атмосферы одиночества, этой пустоты, въ которой вдохновеніе испаряется, разсѣевается. Пожалуй, еще пока работаешь, оставаться одному не бѣда, но бываютъ минуты тоски, унынія, когда сомнѣваешься въ своемъ знаніи, въ своемъ искуствѣ... И вотъ тогда-то, какъ счастливъ долженъ быть человѣкъ, если подлѣ него есть любящее, преданное существо, есть вѣрное сердце, которому онъ можетъ высказать свое горе, не боясь поколебать своей исповѣдью довѣрія къ себѣ, не боясь разрушить энтузіазмъ въ этомъ сердцѣ. А ребенокъ... эта улыбка, вѣчно и безпричинно разцвѣтающая на устахъ его—не находитъ ли въ ней труженикъ для себя лучшаго нравственнаго обновленія, какого только можно желать? Я часто думалъ объ этомъ. Для нашего брата художника, тщеславнаго, какъ всѣ, кто живетъ успѣхомъ, тѣмъ поверхностнымъ уваженіемъ, прихотливымъ и измѣнчивымъ, которое называется славой,—дѣти необходимы. Они одни могутъ утѣшать насъ, когда мы начинаемъ старѣться... Все, что мы теряемъ, возрождается въ ребенкѣ... Если успѣхъ не дался намъ, мы говоримъ: «онъ добьется его» и, по мѣрѣ того, какъ у насъ исчезаютъ волосы, радуемся, видя, что они вьются на маленькой бѣлокурой головкѣ, мягкіе, золотистые... полные жизни...

— Поэтъ! Поэтъ! А подумалъ-ли ты, сколько нужно заработать перомъ или кистью для того, чтобъ прокормить птенцовъ?..

— Ну, да ужь какъ ты тамъ ни толкуй, а художникъ созданъ для того, чтобы жить въ семьѣ, и это до такой степени справедливо, что тѣ изъ насъ, которые не женятся, обзаводятся случайными семьями. Они похожи на путешественниковъ, которые, соскучившись не имѣть своего угла, поселяются, наконецъ, въ гостинницѣ и проводятъ всю жизнь свою подъ банальной вывѣской: «здѣсь отдаются комнаты помѣсячно и на ночь.»

— Эти не правы. Они несутъ всѣ тяготы брака и никогда не узнаютъ его радостей...

— Стало быть, ты все-таки соглашаешься, что есть-же и радости...

Художникъ, не отвѣчая на это, всталъ и, отыскавъ между своими рисунками и эскизами какую-то истрепанную рукопись, подалъ ее своему собесѣднику.

— Мы могли-бы еще долго проспорить и не убѣдить другъ друга, сказалъ онъ:—но такъ какъ ты, несмотря на всѣ эти доводы, остаешься при своемъ намѣреніи попытать счастья въ женитьбѣ, то вотъ маленькое произведеньице, которое я предлагаю тебѣ прочесть. Оно написано—замѣть это—человѣкомъ женатымъ, влюбленнымъ въ свою жену и очень счастливымъ въ своей домашней жизни—наблюдателемъ, который, живя въ средѣ артистовъ, набросалъ для себя нѣсколько очерковъ ихъ семейнаго быта. Отъ первой строки до послѣдней, все въ этой книжкѣ правда, до такой степени правда, что авторъ никогда не хотѣлъ печатать своей рукописи. Прочти это, и когда прочтешь, приходи ко мнѣ. Мнѣ кажется, что взглядъ твой измѣнится...

Поэтъ взялъ тетрадь и унесъ ее къ себѣ, но не берегъ какъ-бы слѣдовало, а потому мнѣ удалось вырвать оттуда нѣсколько листовъ, которые я беззастѣнчиво предлагаю публикѣ...

I.

Госпожа Гёртебизъ (Madame Heurtebise).

Эта-то ужь, конечно, была рождена не для того, чтобы сдѣлаться женой художника, да еще такого бурнаго, страстнаго, необузданнаго малаго, который шелъ по жизненному пути со вздернутымъ носомъ, съ взъерошенными усами, и нося, какъ вызовъ всѣмъ буржуазнымъ предразсудкамъ и пошлымъ свѣтскимъ условіямъ, свою странную, трескучую фамилію: Гёртебизъ. Какимъ

чудомъ эта маленькая женщина, воспитанная въ лавкѣ золотыхъ вещей, за длинными рядами цѣпочекъ и нанизанныхъ колецъ, могла плѣнить этого поэта? Представьте себѣ рутинную внѣшность магазинщицы, неопредѣленныя черты, холодные улыбающіеся глаза, физіономію привѣтливую и спокойную; отсутствіе истиннаго изящества, но за то любовь ко всему блестящему, мишурному, развившаяся у ней, вѣроятно, за отцовскимъ прилавкомъ и заставлявшая ее носить яркіе атласные банты, пояса, пряжки. Прибавьте къ этому причесанные куаффёромъ и гладко припомаженные волосы надъ маленькимъ, узкимъ лбомъ, гдѣ отсутствіе морщинъ свидѣтельствовало не столько о молодости, сколько о полнѣйшемъ ничтожествѣ мысли. Такою полюбилъ ее Гёртебизъ. Онъ посватался къ ней и, такъ какъ у него было небольшое состояніе, то онъ безъ труда получилъ ея руку.

Ей нравилось всего болѣе въ этомъ бракѣ то, что она выходитъ за сочинителя, за человѣка извѣстнаго, который будетъ доставать ей сколько угодно билетовъ въ театръ. Что-же касается до него, то, мнѣ кажется, что эта лавочническая элегантность, эти претензіи на хорошія манеры, эти сжатыя губы и поднятый кверху мизинецъ ослѣпили его, какъ послѣднее слово парижскаго изящества, потому что онъ родился крестьяниномъ и, въ сущности, несмотря на весь свой умъ, до конца оставался имъ.

Жаждавшій тихаго счастья, той семейной жизни, которой онъ былъ такъ долго лишенъ, онъ два года провелъ вдали отъ своихъ друзей, скрываясь въ деревняхъ, въ отдаленныхъ уголкахъ за чертою города, никогда не теряя изъ виду Парижа, одурявшаго его, но близость котораго была ему, однакожъ, необходима. Онъ походилъ въ этомъ случаѣ на тѣхъ больныхъ, которымъ предписываютъ морской воздухъ и которые, чувствуя себя слишкомъ слабыми для того, чтобъ перенесть его, поселяются въ нѣсколькихъ льё отъ моря. Отъ времени до времени, попадались въ журналахъ статьи, подписанныя его именемъ, но прежней силы, прежняго красноречія и огня уже не было въ нихъ. «Онъ слишкомъ счастливъ, думали мы:—счастье портитъ его...»

Наконецъ, однажды, онъ возвратился къ намъ, и мы ясно увидѣли, что онъ не былъ счастливъ. Лицо его поблѣднѣло и сморщилось; рѣзкость манеръ перешла въ нервную раздражительность; прекрасный здоровый смѣхъ смѣнился надтреснутымъ. Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Слишкомъ гордый для того, чтобы сознаться, что онъ ошибся, — онъ не жаловался; но старые друзья, которымъ онъ снова отворилъ двери своего дома,

въ скоромъ времени убѣдились, что женитьба его была величайшей глупостью и что жизнь его выбита изъ колеи. Но за то г-жа Гёртебизъ предстала намъ точно такой же, какой мы видѣли ее въ церкви въ день свадьбы. Та же спокойная и жеманная улыбка, тотъ же праздничный видъ разодѣтой лавочницы; но только у ней явился апломбъ. Теперь она разговаривала. Посреди горячихъ литературныхъ споровъ, въ которые поэтъ врывался со всею страстностью своей натуры, съ своими абсолютными сужденіями, съ грубымъ презрѣніемъ или смѣлымъ энтузіазмомъ,—вдругъ раздавался слащавый, фальшивый голосъ его жены. Она прерывала его, заставляя выслушивать какое-нибудь нелѣпое замѣчаніе, пошлое разсужденіе, совсѣмъ не идущее къ дѣлу. Смущенный, онъ смотрѣлъ на насъ взглядомъ, просившимъ прощенія, и снова пытался продолжать прерванный разговоръ. Но настойчивое противорѣчіе, глупость этого маленькаго птичьяго мозга зажимали ему ротъ. Онъ умолкалъ, рѣшившись дать ей высказаться до конца. Но это молчаніе выводило супругу изъ себя; оно казалось ей обиднымъ, презрительнымъ. Кисло-сладкій голосъ ея становился крикливымъ; онъ все возвышался, жалилъ, жужжалъ съ навойливостью мухи до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, мужъ, въ свой чередъ, приведенный въ ярость, не разражался бранью.

Изъ этихъ непрестанныхъ ссоръ, оканчивавшихся слезами, она выходила отдохнувшей и посвѣжѣвшей, какъ лужайка послѣ поливки, а онъ лихорадочнымъ разбитымъ, неспособнымъ ни къ какому труду. Мало по малу, онъ усталъ горячиться; и однажды вечеромъ, когда мнѣ случилось присутствовать при одной изъ этихъ прискорбныхъ сценъ,—когда г-жа Гёртебизъ встала изъ-за стола торжествующая, я увидѣлъ на лицѣ ея мужа, сидѣвшаго во все время ссоры съ опущенной головой и потомъ поднявшаго ее, выраженіе такого презрѣнія и такого гнѣва, что слова уже были безсильны передать ихъ.

Между тѣмъ, какъ эта маленькая женщина уходила изъ комнаты, хлопая дверью, онъ—красный, съ глазами полными слезъ, съ губами, искривленными иронической, раздирающей сердце улыбкой, сдѣлалъ за ея спиной, какъ школьникъ за спиной отвернувшагося учителя, гримасу, гдѣ сказывалось бѣшенство и страданіе. Минуту спустя, я слышалъ, какъ онъ произнесъ, задыхающимся отъ волненія голосомъ: О! еслибъ не ребенокъ! какъ бы я удралъ отъ нея.

Да; у нихъ былъ ребенокъ, бѣдный малютка, хорошенькій и грязный, возившійся во всѣхъ углахъ и игравшій съ собаками, которыя были выше его, игралъ землей, садовыми пауками. Мать,

смотрѣла на него только для того, чтобы констатировать, что онъ «гадкій» и пожалѣть, зачѣмъ, она не отдала его на воспитаніе кормилицѣ. Она, дѣйствительно, сохранила свои буржуазныя лавочническія традиціи; и безпорядокъ, царствовавшій въ квартирѣ супруговъ, гдѣ она съ утра до ночи разгуливала въ своихъ нарядныхъ платьяхъ и необычайныхъ куафюрахъ, напоминалъ заднія комнаты магазиновъ, столь дорогія ея сердцу; комнаты, почернѣвшія отъ грязи и лишенныя воздуха; гдѣ торговый людъ наскоро съѣдаетъ плохой обѣдъ на столѣ безъ скатерти, прислушиваясь ежеминутно къ звонку посѣтителя. Этотъ міръ только и дорожитъ улицей, по которой проходятъ покупатели, фланеры, гдѣ снуетъ праздный людъ, по воскреснымъ днямъ наполняющій тротуары. И за-то, какъ она, несчастная, скучала въ деревнѣ; какъ сожалѣла о своемъ Парижѣ. Мужу, напротивъ, нужны были поля для его умственнаго здоровья. Въ Парижѣ у него кружилась голова, какъ у заѣзжаго провинціала. Она не понимала этого и горько жаловалась на свое изгнаніе. Для развлеченія, она приглашала старыхъ пріятельницъ, и если мужа не было дома, они шарили въ его бумагахъ, разсматривали его замѣтки, начатыя работы.

— Посмотрите, моя милая, какъ это смѣшно! Онъ запирается для того, чтобы писать все это... Онъ ходитъ по комнатѣ, разговариваетъ самъ съ собой... Я ничего не въ состояніи понять изъ того, что̀ онъ дѣлаетъ.

Потомъ начинались сожалѣнія, воспоминанія о прошломъ.

— Ахъ! Еслибы я знала... И когда я только подумаю, что могла бы выйти за Оберто и Фажо, торговцевъ бѣлилами...

Она всегда называла обоихъ торговцевъ вмѣстѣ, словно ей предстояло выйти замужъ за вывѣску.

Не болѣе стѣснялась она и въ присутствіи мужа. Она мѣшала ему работать, приводя въ ту самую комнату, гдѣ онъ писалъ, праздныхъ женщинъ, громко разговаривавшихъ и исполненныхъ презрѣнія къ этому ремеслу литератора, приносящему такъ мало, и которое, даже въ тѣ часы, когда онъ наиболѣе трудится, имѣетъ видъ какой-то капризной праздности.

По временамъ Гёртебизъ пытался вырваться изъ этой жизни, съ каждымъ днемъ становившейся все мрачнѣй и мрачнѣй. Онъ уѣзжалъ въ Парижъ и нанималъ тамъ небольшую комнатку въ гостинницѣ, стараясь вообразить себя холостымъ; но вдругъ вспоминалъ о своемъ ребенкѣ, и у него являлось такое страстное желаніе расцѣловать его, что онъ въ тотъ же вечеръ возвращался домой. Въ этихъ случаяхъ, чтобъ избѣжать сцены съ женой, онъ увозилъ къ себѣ кого-нибудь изъ пріятелей и удерживалъ его

тамъ какъ можно дольше. Какъ только онъ не оставался вдвоемъ съ женой, — умъ его просыпался, и прерванные планы работъ, одинъ за другимъ, приходили ему на память.

Но когда гостямъ нужно было, наконецъ, возвращаться домой, отъѣздъ ихъ повергалъ его въ отчаяніе; онъ хотѣлъ бы удержать ихъ; онъ цѣплялся за нихъ всею силой своей скуки. Съ какою грустью онъ провожалъ насъ на станцію маленькаго омнибуса, увозившаго насъ въ Парижъ, и потомъ возвращался домой по пыльной дорогѣ, сгорбившись, свѣсивши руки и прислушиваясь къ стуку удаляющихся колесъ.

Оставаться съ глазу на глазъ съ женой—сдѣлалось для него окончательно невыносимымъ. Чтобъ избѣжать этого — онъ рѣшился постоянно окружать себя гостями; и благодаря его безпечности и добросердечію, квартира его вскорѣ наполнилась толпой литературныхъ паразитовъ. Лѣнтяи, неудачники, сумасброды, литературные лакеи — поселились у него, какъ у себя дома. Такъ какъ жена его была глупа и неспособна судить,— то она находила ихъ очень пріятными и ставила выше своего мужа, потому что они громче кричали. Жизнь проходила въ безплодныхъ спорахъ. Это была безконечная трескотня холостыхъ зарядовъ, безсодержательныхъ фразъ; и посреди всего этого шума и гама, несчастный Гёртебизъ, молчаливый и неподвижный, только улыбался, да пожималъ плечами. Однако-жь, по временамъ, когда подъ конецъ обѣда, гости его, положивъ локти на скатерть, заводили передъ графиномъ съ водкой длинные, одуряющіе, какъ табачный дымъ, разговоры,—имъ овладѣвало глубокое отвращеніе; и не имѣя духу выгнать всѣхъ этихъ горлановъ, онъ самъ обращался въ бѣгство и пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ.

— Домъ мой полонъ идіотовъ, сказалъ онъ мнѣ разъ.—Я не смѣю вернуться туда. При такомъ образѣ жизни онъ не могъ болѣе писать. Имя его появлялось все рѣже и рѣже; и состояніе, расточаемое, вслѣдствіе этой непрестанной потребности видѣть въ домѣ своемъ гостей, постепенно исчезало въ протянутыхъ вокругъ него рукахъ.

Мы уже давно не видались съ нимъ,—какъ однажды я получилъ отъ него записку, написанную его милымъ, мелкимъ почеркомъ, нѣкогда такимъ твердымъ, а теперь невѣрнымъ, дрожащимъ. «Мы въ Парижѣ. Навѣсти меня. Мнѣ ужасно скучно».

Я нашелъ его въ маленькой, бѣдной квартиркѣ, въ Батиньолѣ, съ женой, съ ребенкомъ, съ собаками. Безпорядокъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, казался здѣсь еще ужаснѣе, чѣмъ въ деревнѣ. Между тѣмъ какъ ребенокъ и собаки валялись по полу,

въ комнатахъ, равнявшихся величиной клѣткамъ шахматной доски, самъ Гёртебизъ, больной, лежалъ повернувшись лицемъ къ стѣнѣ, въ состояніи полнаго истощенія. Его жена, какъ всегда, нарядная и спокойная, едва смотрѣла на него.

— Не знаю, что съ нимъ такое, сказала она съ небрежнымъ жестомъ.

Онъ же, увидавъ меня, повеселѣлъ на мгновенье и даже засмѣялся было своимъ добрымъ смѣхомъ, который, впрочемъ, тотчасъ же подавилъ. И здѣсь, какъ въ Парижѣ, они сохранили свои деревенскія привычки, а потому къ завтраку явился въ эту семью, стѣсненную нуждой и болѣзнью, паразитъ, маленькій лысый человѣчекъ въ потертой одеждѣ, не перестававшій жаловаться за столомъ то на неудавшійся соусъ, то на дурно-зажаренное жаркое, что не мѣшало ему, однакожъ, съѣсть одному половину завтрака.

Какъ длиненъ показался мнѣ этотъ завтракъ, у изголовья больнаго! Жена его, какъ всегда, болтала, по временамъ надѣляя ребенка шлепкомъ, собаку костью, паразита улыбкой. Ни разу Гёртебизъ не повернулся къ намъ, и, однакоже, онъ не спалъ. Я не знаю даже, думалъ-ли онъ... Бѣдный, отважный другъ! Въ этой непрестанной мелочной борьбѣ съ житейскими дрязгами, крѣпкій организмъ его надломился и онъ начиналъ уже умирать... Эта молчаливая агонія, которая была скорѣй отреченіемъ отъ жизни, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ г-жа Гёртебизъ овдовѣла. Такъ какъ слезы не помрачили ея свѣтлыхъ глазъ, и она по прежнему продолжала заботиться о своихъ припомаженныхъ волосахъ,—а гг. Оберто и Фажо были еще свободны,—то она и вышла за гг. Оберто и Фажо. Можетъ быть, за Фажо, можетъ быть, за Оберто, можетъ быть, за обоихъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, она могла снова начать жизнь, для которой была создана—возвратиться къ легкой болтовнѣ и вѣчнымъ улыбкамъ конторщицъ.

III.

Транстеверинка.

Пьеса только что кончилась. Между тѣмъ, какъ толпа, подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній, устремилась къ выходу, и волновалась, освѣщаемая огнями главнаго театральнаго подъѣзда, нѣсколько друзей поэта, въ числѣ которыхъ находился и я, дожидались его на подъѣздѣ артистовъ, чтобы поздравить. Произ-

веденіе его, впрочемъ, не имѣло блестящаго успѣха. Слишкомъ сильное для робкаго и опошлившагося воображенія теперешней публики, оно выходило изъ сценическихъ рамокъ, изъ этихъ границъ условнаго и дозволеннаго. Педантская критика говорила: «это не сценично!», а бульварные зубоскалы, мстя за волненіе, вызванное въ нихъ этими великолѣпными стихами, повторяли: «это не сдѣлаетъ сборовъ». Мы же, напротивъ, гордились нашимъ другомъ, который, смѣло заставляя звучать свои прекрасныя золотыя риѳмы, весь этотъ рой своего поэтическаго улья, кружившійся около убійственнаго, поддѣльнаго солнца о люстры, изображалъ намъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ натуральную величину, не заботясь объ оптикѣ современнаго театра, о мутныхъ лорнетахъ и плохихъ глазахъ.

Посреди машинистовъ, пожарныхъ, фигурантовъ въ кашне, поэтъ приближался къ намъ, высокій, сгорбленный, зябко приподнявшій воротникъ своего пальто на жиденькую бороду, и съ длинными, начинавшими сѣдѣть волосами. Онъ казался грустенъ. Апплодисменты клакёровъ и литературной братіи, раздававшіеся въ одномъ углу залы, предсказывали ему очень небольшое число представленій, рѣдкихъ и избранныхъ зрителей, аффишу, сорванную прежде, чѣмъ имя его сдѣлается извѣстнымъ. Человѣка, двадцать лѣтъ работавшаго, достигшаго полной зрѣлости лѣтъ и таланта, это упорное нежеланіе толпы понять его способно утомить, привести въ отчаяніе. Невольно скажешь себѣ, наконецъ: «можетъ быть, они правы». И боишься, и не знаешь, что̀ дѣлать... Наши привѣтствія, наши восторженныя рукоплесканія нѣсколько ободрили его, повидимому. «Въ самомъ дѣлѣ? Вы находите, что это такъ хорошо? Правда, что я сдѣлалъ все, что̀ могъ»... И его горячія, лихорадочныя руки безпокойно цѣплялись за наши; глаза его, полные слезъ, искали искренняго, успокоивающаго взгляда. Это была тревожная, молящая тоска больнаго, который спрашиваетъ врача: «вѣдь я не умру? не правда ли?» Нѣтъ! поэтъ, ты не умрешь. Оперетки, выдерживающія сотни представленій, привлекающія тысячи зрителей, давно будутъ позабыты, исчезнутъ вмѣстѣ съ ихъ послѣдней аффишей, а твое произведеніе останется вѣчно юнымъ и полнымъ жизни...

Между тѣмъ, какъ мы утѣшали, успокоивали его на опустѣвшемъ тротуарѣ, посреди насъ вдругъ раздался сильный, контральтовый голосъ, съ тривіальнымъ итальянскимъ акцентомъ.

— Эй! Артистъ! Довольно *пуэжіи*. Пойдемъ ѣсть *эстуфато*.

И въ то же самое время, толстая госпожа, въ капюшонѣ и красной клѣтчатой шали, продѣла свою руку подъ руку нашего

друга, съ такимъ деспотическимъ, грубымъ движеніемъ, что ему стало страшно неловко...

— Моя жена, сказалъ онъ и потомъ, обратясь къ ней, прибавилъ съ нерѣшительной улыбкой: — а что еслибы мы увели ихъ къ себѣ, чтобы показать имъ, какъ ты готовишь свое *эстуфато?*

Итальянка, самолюбіе которой было задѣто, довольно любезно пригласила насъ, и мы впятеромъ или вшестеромъ, отправились съ ними на Монмартрскія Высоты, гдѣ они жили, пробовать душеную говядину.

Признаюсь, меня очень интересовалъ домашній бытъ нашего поэта. Со времени своей женитьбы, онъ жилъ очень уединенно, почти всегда въ деревнѣ; но то, что я зналъ о его жизни, подстрекало мое любопытство.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ пылу романтическихъ мечтаній, онъ встрѣтилъ въ окрестностяхъ Рима красивую дѣвушку, въ которую сильно влюбился. Марія-Ассунта жила вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и цѣлой гурьбой сестеръ и братьевъ, въ одномъ изъ этихъ маленькихъ домиковъ Транстевере, омываемыхъ Тибромъ, у стѣнъ которыхъ всегда качается рыбачья лодка. Однажды, онъ увидалъ эту прелестную итальянку, босикомъ стоящую на пескѣ, въ своей красной юпкѣ, съ плотно облегающими тѣло складками; засучивъ до самыхъ плечъ рукава изъ суроваго холста, она вынимала изъ струившагося невода угрей. Блестящая чешуя въ наполненномъ водою неводѣ, золотая рѣка, пунцовая юпка, эти прекрасные глаза, глубокіе, задумчивые, казавшіеся еще темнѣе посреди окружавшаго ихъ солнечнаго блеска, поразили поэта,—можетъ быть, нѣсколько вульгарно, какъ виньетка на нотахъ романса, въ окнѣ музыкальнаго магазина. Сердце дѣвушки случайно оказалось не занятымъ; она никого еще не любила, кромѣ жирнаго, рыжаго кота, также большаго охотника до угрей, и который щетинился, когда кто-нибудь подходилъ къ его хозяйкѣ.

Нашему влюбленному вскорѣ удалось приручить, весь этотъ міръ, и людей и животныхъ; и, обвѣнчавшись у св. Маріи Транстеверинской, онъ увезъ во Францію прекрасную Ассунту съ ея *cato* (котомъ).

Povero! Ему не мѣшало бы также увезти съ собой лучъ итальянскаго солнца и клочекъ голубаго неба, и эксцентричный костюмъ, и тростники Тибра, и большіе, вращающіеся невода Ponte Rotto, словомъ, всю рамку, вмѣстѣ съ картиной. Его не постигло бы то горькое разочарованіе, которое онъ испыталъ, когда, поселившись на высотахъ Монмартра, въ маленькой квар-

тирѣ четвертаго этажа, онъ увидѣлъ свою прекрасную транстеверинку въ кринолинѣ, въ платьѣ съ воланами и въ парижской шляпкѣ, которая, вѣчно съѣзжая съ ея толстыхъ, тяжелыхъ восъ, принимала самыя своеобразныя положенія. При холодномъ, безжалостномъ свѣтѣ парижскаго неба, несчастный вскорѣ замѣтилъ, что жена его была страшно глупа. Ни одной мысли не свѣтилось въ этихъ бархатныхъ, черныхъ глазахъ, тонувшихъ въ безконечномъ созерцаніи. Они животно блестѣли спокойствіемъ хорошаго пищеваренія, отраженіемъ счастливаго дня, и только. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта госпожа была груба, привыкла ворочать всѣмъ домомъ и отъ малѣйшаго сопротивленія приходила въ ярость.

Кто-бы подумалъ, смотря на чистѣйшую античную форму этого прекраснаго ротика, когда онъ молчалъ, что онъ вдругъ открывался для того, чтобъ извергнуть шумный потокъ ругательствъ? Безъ всякаго уваженія къ мужу и себѣ самой, она искала съ нимъ ссоры, дѣлала ему ужасныя сцены ревности на улицѣ и въ театрѣ. И въ добавокъ ко всему этому, никакого артистическаго чутья, никакого понятія о профессіи своего мужа, о языкѣ и обычаяхъ страны его. Ее выучили немножко по французски, но это послужило только къ тому, что она забыла итальянскій языкъ и составила себѣ какой-то средній жаргонъ, въ высшей степени комическій. Однимъ словомъ, эта любовная исторія, начавшаяся какъ поэма Ламартина, кончилась, какъ романъ Шанфлёри. Послѣ долгихъ стараній цивилизовать свою дикарку, поэтъ, наконецъ, убѣдился, что надо отказаться отъ этого. Слишкомъ честный для того, чтобъ ее покинуть, можетъ быть, все еще влюбленный въ нее, онъ рѣшился уединиться, никого не видать и много работать. Немногіе близкіе, которыхъ онъ допустилъ къ себѣ, вскорѣ замѣтили что они стѣсняютъ его, и перестали ходить. Такъ провелъ онъ пятнадцать лѣтъ, живя взаперти съ семьей своей, словно въ какой-нибудь хижинѣ прокаженныхъ.

Раздумывая объ этомъ грустномъ существованіи, я смотрѣлъ на странную чету, шагавшую передо мной. Онъ былъ длинный, щедушный, нѣсколько сгорбленный; она квадратная, толстая, то и дѣло спускавшая съ плечъ своихъ шаль, которая ей мѣшала, и шедшая независимой мужской поступью. Она была довольно весела, громко разговаривала и по временамъ оборачивалась назадъ, чтобы посмотрѣть, слѣдуемъ-ли мы за ними. Тѣхъ изъ насъ, съ кѣмъ она была знакома, она фамильярно окликала по именамъ, сопровождая слова свои широкими жестами, словно дѣлала знаки рыбачьей лодкѣ на Тибрѣ. Когда мы подошли къ ихъ квартирѣ, дворникъ, недовольный тѣмъ, что цѣлая ватага,

явилась въ такой неурочный часъ, не хотѣлъ насъ впустить. Тогда между итальянкой и имъ разыгралась на лѣстницѣ бурная сцена. Сконфуженные, несчастные, стояли мы всѣ на ступенях винтообразной лѣстницы, полуосвѣщенной умирающимъ газомъ, не зная—подыматься ли выше, или спускаться внизъ.

«Пойдемте скорѣй!» шепнулъ намъ поэтъ, подымаясь; и мы молча послѣдовали за нимъ, между тѣмъ какъ итальянка, оперпись на перила, дрожавшія подъ тяжестью ея особы, все еще продолжала изливать гнѣвъ свой въ потокѣ ругательствъ, гдѣ римскія проклятія перемѣшивались съ бульварной бранью. Какое возвращеніе для этого поэта, только-что взволновавшаго весь артистическій Парижъ и въ лихорадочномъ взорѣ котораго горѣлъ еще отблескъ перваго представленія! Какой унизительный призывъ къ дѣйствительности! Только у камина, пылавшаго въ его маленькой гостинной, опомнились мы отъ леденящаго холода, навѣяннаго на насъ этимъ глупымъ приключеніемъ, и, вѣроятно, вскорѣ совсѣмъ бы позабыли о немъ, еслибы не мощный голосъ и не громкій хохотъ синьоры, разсказывавшей на кухнѣ своей служанкѣ, «какъ она славно отдѣлала этого *choulato!*». Когда столъ былъ накрытъ и подали ужинъ, она сѣла между нами, безъ шали, безъ шляпы и безъ вуаля, такъ что я могъ хорошо разсмотрѣть ее. Она уже не была красива. Широкое лицо, толстый подбородокъ, жесткіе, начинавшіе сѣдѣть волосы, и въ особенности вульгарное выраженіе рта, представляли странную противоположность съ вѣчной и пошлой мечтательностью глазъ. Оперпись локтями на столъ, фамильярная и отяжелѣвшая, она вмѣшивалась въ разговоръ, ни на минуту не упуская изъ виду своей тарелки. Прямо надъ ея головой выдѣлялся изъ мрака большой портретъ съ подписью знаменитаго художника, гордо смотрѣвшій посреди меланхолическаго старья, наполнявшаго комнату. Это была Марія Ассунта въ двадцать лѣтъ. Ярко пурпуровый костюмъ, молочная бѣлизна сплоенной манишки, множество поддѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней, въ блестящей золотой оправѣ—прекрасно оттѣняли смуглое лицо, бархатную тѣнь густыхъ волосъ, низко растущихъ на лбу, и соединяющихся чуть замѣтнымъ пушкомъ съ прямой, изящной линіей бровей. Какъ могъ это избытокъ жизни и красоты дойти до такой вульгарности? И между тѣмъ какъ транстеверинка разговаривала, я съ любопытствомъ допрашивалъ на полотнѣ ея прекрасный, глубокій и кроткій взглядъ.

Тепло привело ее въ хорошее настроеніе духа. Чтобъ оживить поэта, у котораго отъ его неуспѣха, съ примѣсью славы, вдвойнѣ сжималось сердце, она хлопала его по спинѣ, хохотала

съ набитымъ ртомъ и говорила своимъ ужаснымъ жаргономъ, что не стоило изъ-за такого вздора бросаться головою внизъ съ *companile del dome* т. е. съ колокольни. «Не правда-ли, cato?», прибавляла она, обращаясь къ старому коту, разбитому параличемъ и мурлыкавшему у камина. Потомъ вдругъ, посреди интереснаго спора, она кричала своему мужу, глупымъ и грубымъ, какъ штуцерной выстрѣлъ, голосомъ.

— Эй! Артистъ! *La lampo qui filo* (лампа тухнетъ)!

Несчастный быстро умолкалъ и бросался поправлять лампу. Покорный, внимательный, онъ всячески старался избѣжать сцены, которой боялся и которой все-таки не избѣгъ.

Возвращаясь изъ театра, мы зашли въ Maison d'or и взяли тамъ бутылку хорошаго вина, которымъ предполагалось вспрыснуть *estoufato*. Всю дорогу Марія Ассунта благоговѣйно несла эту бутылку подъ своей шалью и, по приходѣ домой, поставивъ ее на столъ, нѣжно посматривала на нее, потому что римлянки любятъ хорошія вина. Опасаясь разсѣянности своего мужа и его длинныхъ рукъ, она уже два или три раза говорила ему: «смотри, не разбей la *boteglia*.

Наконецъ, уходя на кухню готовить знаменитое estoufato, она опять крикнула:

— Пожалуйста береги *la boteglia*.

Къ несчастью, какъ только жена его вышла, поэтъ, воспользовавшись ея отсутствіемъ, заговорилъ объ искуствѣ, о театрѣ, объ успѣхѣ, и такъ свободно, съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что... трахъ!.. При одномъ жестѣ, болѣе выразительномъ, нежели другіе, драгоцѣнная бутылка полетѣла со стола и разбилась въ дребезги посреди комнаты. Никогда я не видалъ такого испуга... Онъ внезапно остановился и поблѣднѣлъ... Въ туже минуту, въ сосѣдней комнатѣ, послышался контральто Маріи-Ассунты, и сама она появилась въ дверяхъ, съ пылающимъ взоромъ, съ гнѣвно оттопыренной губой, вся красная отъ жара кухонной печи.

— La boteglia! воскликнула она грозно.

Тогда поэтъ, робко нагнувшись къ моему уху, шепнулъ мнѣ:

— Скажи, что это ты...

Бѣднякъ до такой степени трусилъ, что я чувствовалъ, какъ подъ столомъ дрожали его длинныя ноги...

IV.

Пѣвецъ и пѣвица.

Какъ имъ было не полюбить другъ друга? Оба красивые и знаменитые, пѣвшіе въ однѣхъ и тѣхъ же операхъ, жившіе каждый вечеръ, впродолженіе пяти актовъ, одной и той же искуственной и страстной жизнью. Огнемъ нельзя играть безнаказанно. Нельзя говорить другъ другу, по двадцати разъ въ мѣсяцъ, подъ вздохи флейты и дрожащіе звуки скрыпокъ: люблю тебя! и не поддаться, наконецъ, волненію собственнаго голоса. Мало-по-малу страсть пришла къ нимъ. Волны гармоніи, случайности ритма, великолѣпные костюмы и декораціи, все способствовало тому... Она пришла къ нимъ черезъ окно, открытое настежъ Эльзой и Лоэнгриномъ—въ свѣтлую, полную нѣжащихъ звуковъ ночь... «Приди дышать упоительнымъ благоуханіемъ!»

Она прокралась между бѣлыми колоннами, на балконъ Капулетовъ, гдѣ блѣдный свѣтъ занимающейся зари застаетъ Ромео и Джульетту: «Нѣтъ! Это не утро, это не жаворонокъ».

Она овладѣла сердцами Маргариты и Фауста, въ тотъ часъ, когда лучи мѣсяца, перейдя отъ садовой скамейки къ переплетающимся листьямъ плюща и розъ, достигли ставней маленькой комнаты: «Оставь меня, оставь созерцать красу твою!»

Вскорѣ весь Парижъ узналъ о любви ихъ и заинтересовался ею. Они сдѣлались героями сезона. Всѣ съѣзжались любоваться этими двумя прекрасными звѣздами, тяготѣвшими другъ къ другу въ музыкальномъ небѣ оперы. Наконецъ, однажды вечеромъ, послѣ восторженныхъ вызововъ, когда занавѣсъ только-что опустился, отдѣливъ гремѣвшій аплодисментами залъ отъ усыпанной букетами сцены, гдѣ бѣлое платье Джульетты скользило между облетѣвшими камеліями, пѣвцы въ порывѣ неудержимаго влеченія — какъ будто любовь ихъ, нѣсколько искуственная, ожидала только полнаго тріумфа, для того чтобы высказаться — обнялись и обмѣнялись клятвами, освященными долго неумолкавшими браво расходящейся публики. Двѣ звѣзды соединились.

Послѣ свадьбы, они нѣкоторое время не появлялись на сценѣ. Потомъ, когда отпускъ ихъ кончился, они опять вышли вмѣстѣ, въ одной и той же пьесѣ. Публика была неожиданно поражена въ этотъ вечеръ. До сихъ поръ, между двумя звѣздами первенствовалъ мужчина. Онъ былъ старше и опытнѣе; хорошо зная вкусы и слабости публики, онъ подчинялъ партеръ и ложи сво-

ему голосу. Она казалась подлѣ него ученицей, съ огромными задатками, обѣщавшими въ будущемъ геніальную артистку. Ея молодой голосъ былъ угловатъ, такъ же, какъ плечи, нѣсколько узкія и худыя. Когда-же, по возвращеніи, она появилась въ одной изъ своихъ прежнихъ ролей и когда вырывавшіеся изъ груди ея звуки, полные, роскошные, чистые, какъ вода ручья, огласили залъ,—восторгъ и удивленіе публики были такъ велики, что весь интересъ вечера сосредоточился исключительно на ней.

Это былъ для молодой женщины одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ дней, когда атмосфера, окружающая васъ, становится легкой, прозрачной, дрожащей, для того чтобы доносить до васъ всѣ лучи, всѣ ласки успѣха. Что-же касается до мужа, то ему почти забыли аплодировать, и, какъ всегда около яркаго свѣта бываетъ глубокая тѣнь, пѣвецъ очутился, подобно какому-нибудь статисту, въ самомъ темномъ углу сцены.

Этой страстью, внезапно проявившейся въ игрѣ артистки, въ ея очаровательномъ нѣжномъ голосѣ — она была обязана ему; онъ зажегъ пламень, горѣвшій въ этихъ глубокихъ глазахъ. Казалось, что эта мысль должна бы заставить его гордиться; но тщеславіе актера превозмогло. Послѣ спектакля, онъ потребовалъ къ себѣ главу клакёровъ и сильно распекъ его. Они не обратили должнаго вниманія на выходы пѣвца, не хлопали ему при уходѣ со сцены и даже забыли вызвать по окончаніи третьяго акта. Онъ хотѣлъ жаловаться директору...

Увы! Что онъ ни говорилъ и какъ ни лѣзли изъ кожи клакёры, но предпочтеніе публики, завоеванное женой его, осталось за ней окончательно.

На ея счастье, ей доставались благодарныя роли, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшія ея таланту и красотѣ, и она появлялась въ нихъ съ спокойствіемъ свѣтской женщины, входящей на балъ въ нарядѣ, который идетъ къ ней, и заранѣе увѣренной въ оваціяхъ. При каждомъ новомъ успѣхѣ ея, мужъ становился все болѣе и болѣе грустнымъ, раздражительнымъ, нервнымъ. Эта слава, безвозвратно переходящая отъ него къ ней, дѣлала на него впечатлѣніе воровства. Долго скрывалъ онъ отъ всѣхъ и преимущественно отъ жены эти страданія, въ которыхъ было стыдно сознаться. Но однажды вечеромъ, когда она подымалась по лѣстницѣ въ свою ложу, обремененная букетами, которые обѣими руками несла въ своемъ платьѣ, и когда, упоенная успѣхомъ, она сказала своему мужу взволнованнымъ отъ аплодисментовъ голосомъ: «Какая славная была у насъ нынче публика!» — онъ отвѣтилъ ей: «Ты находишь?» и въ томъ

его было столько горечи и ироніи, что молодая женщина тотчасъ же поняла всю правду.

Мужъ ревновалъ ее, но не ревностью любовника, желающаго, чтобы жена его была красива для него одного, а ревностью артиста — холодной, жестокой, неумолимой. Порой, когда она, окончивъ арію, останавливалась и оглушительные «браво» неслись къ ней со всѣхъ сторонъ,—онъ принималъ безъучастный, разсѣянный видъ, и взглядъ его, казалось, говорилъ зрителямъ: «Когда вы кончите аплодировать, я начну пѣть».

О! эти аплодисменты, этотъ шумъ падающаго града, эхо котораго такъ пріятно звучитъ за кулисами, въ коридорахъ,—когда разъ узнаешь его, обойтись безъ него становится невозможно. Великіе актёры не умираютъ ни отъ болѣзней, ни отъ старости. Они перестаютъ существовать, когда имъ больше не аплодируютъ. Пѣвецъ пришелъ въ совершенное отчаяніе отъ равнодушія публики. Онъ похудѣлъ, сдѣлался золъ, сварливъ. Какъ ни пытался онъ хладнокровнѣе отнестись къ своимъ неудачамъ, взглянуть имъ прямо въ лицо, сколько ни повторялъ себѣ, передъ тѣмъ, какъ выйти на сцену: «Вѣдь это, однакожъ, жена моя и я люблю ее», но въ искуственной театральной атмосферѣ правдивое чувство тотчасъ-же исчезало. Онъ еще любилъ женщину, но ненавидѣлъ пѣвицу. Она замѣчала это и слѣдила за его печальной маніей, какъ за болѣзнью. Сначала, она хотѣла нѣсколько уменьшить свой успѣхъ, сдерживать себя, пользоваться не всѣми своими голосовыми средствами, но какъ только подходила къ рампѣ, рѣшимость ея, точно такъ же, какъ и рѣшимость ея мужа, тотчасъ же исчезала. Талантъ пѣвицы, помимо воли ея, бралъ верхъ надъ ея желаніями. Тогда она стала унижаться; умалялась передъ нимъ, спрашивала его совѣтовъ, хотѣла знать, какъ онъ ее находитъ въ такой-то роли, поняла ли она ее...

Понятно, что тотъ никогда не былъ доволенъ, и въ тѣ вечера, когда она имѣла наибольшій успѣхъ, говорилъ ей съ видомъ добродушія,—тѣмъ фальшиво-товарищескимъ тономъ, который въ такомъ ходу между актёрами: «Надо слѣдить за собой, дружокъ мой, дѣло не ладно, ты не идешь впередъ...

«Или: берегись... ты черезъ чуръ расточаешь свои средства... Черезъ чуръ утомляешься... Тебѣ не худо взять отпускъ». Иногда онъ хотѣлъ помѣшать ей пѣть, прибѣгая даже къ глупымъ предлогамъ. Она была не въ голосѣ, у ней былъ насморкъ. Случалось, что онъ придирался къ ней, какъ какой-нибудь бездарный актёръ: «Ты слишкомъ скоро начала финалъ дуэта... Ты убила у меня эффектъ... Это сдѣлано нарочно.»

Несчастный не замѣчалъ, что онъ самъ стѣсняетъ ея игру,

слишкомъ торопится подавать реплики для того, чтобы помѣшать ей вызвать аплодисментъ, и, желая снова овладѣть публикой, всячески выставляется впередъ. Она не жаловалась, она слишкомъ любила его. Притомъ же, успѣхъ дѣлаетъ насъ снисходительными. Какъ ни старалась она остаться въ тѣни, стушеваться,—но восторгъ публики выдвигалъ ее каждый вечеръ на первый планъ.

За кулисами скоро замѣтили эту странную ревность, и товарищи стали подшучивать надъ пѣвцомъ. Они разсыпались передъ нимъ въ похвалахъ таланту жены его или указывали ему на какую-нибудь газетную статью, гдѣ цѣлыхъ четыре столбца были посвящены этой звѣздѣ, между тѣмъ какъ объ угасающей славѣ мужа говорилось лишь въ нѣсколькихъ строкахъ. Прочитавъ, однажды, подобную статью, онъ съ газетой въ рукѣ бросился въ ложу жены своей и, поблѣднѣвши отъ злости, сказалъ ей: «Вѣроятно, этотъ критикъ былъ вашимъ любовникомъ?» Онъ дошелъ уже до такихъ выходокъ! Эта женщина, приводившая всѣхъ въ восторгъ, возбуждавшая зависть,—чье имя, выставленное на аффишахъ въ красной строкѣ, читалась на всѣхъ углахъ Парижа и эксплуатировалось спекулянтами, помѣщавшими его на раззолоченныхъ ярлычкахъ кондитерскихъ и косметическихъ магазиновъ,—вела самое печальное, унизительное существованіе. Она не смѣла заглянуть въ газеты, боясь прочесть тамъ похвалу себѣ; плакала нада цвѣтами, которые ей бросали, и оставляла ихъ въ углу своей ложи, — чтобъ дòма они не напоминали ей объ ея торжествѣ. Она хотѣла покинуть театръ, но мужъ воспротивился этому. «Скажутъ, что это я принудилъ тебя...»

И страшная пытка продолжалась для обоихъ.

Однажды, на первомъ представленіи новой оперы, передъ самымъ выходомъ пѣвицы на сцену, кто-то сказалъ ей: «Берегитесь... противъ васъ заговоръ»... Она разсмѣялась. Заговоръ, противъ нея? Но за чтò же? Противъ нея, которая пользовалась всеобщими симпатіями и стояла въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ. И однакожь, это была правда. Посрединѣ пьесы, въ большомъ дуэтѣ, который она пѣла съ мужемъ, въ ту минуту, когда она взяла самую высокую ноту, за которою должны были слѣдовать ровныя и чистыя, какъ круглыя жемчужины ожерелья, взрывъ свистковъ остановилъ ее. Публика была удивлена и поражена не менѣе ея самой. Казалось, у всѣхъ замерло дыханіе, заключенное въ груди, какъ тѣ звуки, что не успѣли вырваться у пѣвицы... Вдругъ, безумная, страшная мысль мелькнула въ умѣ ея. Мужъ, одинъ стоялъ передъ ней на сценѣ. Она пристально посмотрѣла на него и прочла въ глазахъ его злую улыбку. Бѣд-

мая женщина поняла. Рыданія душили ее. Она могла только залиться слезами и, не видя передъ собой ничего, убѣжать за кулисы...

Это мужъ подговорилъ освистать ее...

V.

Недоразумѣніе.

Записки жены.

Что съ нимъ? За что онъ на меня сердится? Я ничего не понимаю. Я, кажется, всячески старалась сдѣлать его счастливымъ. Господи Боже мой! Я не говорю... мнѣ, конечно, было бы пріятнѣе выйти замужъ за нотаріуса, за стряпчаго, словомъ, за человѣка съ солидной профессіей, нежели за поэта. Но какъ бы то ни было, онъ мнѣ нравился. Я находила его нѣсколько экзальтированнымъ, но очень милымъ, благовоспитаннымъ. Притомъ же, у него было небольшое состояніе, и я думала, что, когда онъ женится, поэзія не помѣшаетъ ему сыскать себѣ хорошее мѣсто. Я также, въ то время, приходилась ему по мысли. Пріѣхавъ видѣться со мной, къ моей теткѣ въ деревню, онъ не могъ надивиться чистотѣ и порядку нашего маленькаго помѣщенія, которое содержалось, какъ монастырь. «Это забавно», говорилъ онъ. Онъ смѣялся, называлъ меня всякими именами, взятыми изъ поэмъ и романовъ, которые онъ читалъ. Признаюсь, это меня немножко шокировало; я желала бы, чтобъ онъ былъ серьёзнѣе. Но только тогда, когда мы послѣ свадьбы поселились въ Парижѣ, почувствовала я все различіе нашихъ натуръ.

Я мечтала о маленькой квартиркѣ, свѣтлой и чистенькой, и вдругъ увидала, что онъ загромоздилъ комнаты ненужной мебелью, вышедшей изъ моды, запыленной, съ полинявшей старинной обивкой. И во всемъ было такъ. Представьте себѣ, что онъ заставилъ меня отнести на чердакъ прехорошенькіе стѣнные часы, временъ первой имперіи, которые я получила отъ тетушки, и картины въ великолѣпныхъ рамкахъ, подаренныя мнѣ пансіонскими подругами. Онъ находилъ это все безобразнымъ. Я до сихъ поръ спрашиваю себя—почему? Развѣ его рабочій кабинетъ не былъ наполненъ разнымъ хламомъ: какими-то черными, закоптѣвшими картинами, статуэтками, на которыя мнѣ стыдно было взглянуть, никуда негоднымъ поломаннымъ старьемъ, худыми

кувшинами, откуда текла вода, разрозненными чашками, позеленѣвшими подсвѣчниками. Рядомъ съ моимъ прекраснымъ роялемъ, палисандроваго дерева, онъ поставилъ маленькое, гадкое, совсѣмъ облупившееся фортепьяно, въ которомъ недоставало половины клавишъ, и до такой степени разбитое, что его едва было слышно. Я начинала говорить себѣ въ душѣ: «Такъ стало быть «артистъ»—это немножко сумасшедшій... онъ любитъ только безполезныя вещи и презираетъ все, что можетъ служить къ чему-нибудь».

Когда я увидѣла, кого онъ принимаетъ—друзей его, я окончательно пришла въ ужасъ. Это были люди съ длинными волосами, бородатые, нечесаные, дурно одѣтые, не стѣснявшіеся курить передо мной и которыхъ мнѣ тяжело было слушать—до такой степени ихъ идеи расходились съ моими. Все это громкія слова, напыщенныя фразы, ничего естественнаго, простаго. И при этомъ ни малѣйшаго понятія о приличіяхъ. Они могутъ у васъ обѣдать двадцать разъ сряду и никогда не сдѣлаютъ вамъ визита, не окажутъ никакой вѣжливости. Ни карточки, ни конфетки на новый годъ. Нѣкоторые изъ этихъ господъ были женаты и привозили къ намъ своихъ женъ. Нужно было видѣть «genre» этихъ особъ. Каждый день великолѣпные туалеты, какихъ я, слава Богу, никогда не буду носить, но какъ это все дурно, безпорядочно сидѣло на нихъ! Взбитыя прически, длинные шлейфы —и потомъ таланты, которые они нагло выказываютъ. Иныя пѣли, какъ актрисы, играли на фортепьяно, какъ профессора; всѣ болтали обо всемъ, какъ мужчины. Благоразумно ли это, я васъ спрашиваю? Развѣ серьёзныя женщины — разъ онѣ вышли замужъ—должны думать о чемъ-нибудь, кромѣ своего дома? Я старалась втолковать это своему мужу, котораго очень сокрушало, что я оставила музыку. Музыка, это хорошо для дѣвочки и когда нѣчего лучше дѣлать. Но, право, я самой себѣ показалась бы смѣшной, еслибы каждый день стала садиться за фортепьяно.

О! я знаю, за что онъ на меня больше всего въ претензіи. За то, что я хотѣла вырвать его изъ этой странной среды, которая для него такъ опасна. «Вы отдалили отъ меня всѣхъ моихъ друзей», упрекаетъ онъ меня часто. Да, я это сдѣлала и не раскаяваюсь. Эти люди, въ концѣ концовъ, свели бы его у меня съ ума. Иногда, разставшись съ ними, онъ цѣлую ночь ходилъ взадъ и впередъ, громко разговаривая, подбирая риѳмы. Какъ будто онъ и безъ того уже не довольно страненъ, не довольно оригиналенъ самъ по себѣ, и нужно еще приходить возбуждать его. Немало я переносила всякихъ причудъ и капризовъ. Бывало,

утромъ, онъ вдругъ войдетъ въ мою комнату: «Скорѣе надѣвай шляпу. Мы ѣдемъ въ деревню». Нужно было все бросать, шитье, хозяйство, нанимать экипажи, потомъ брать билеты на желѣзную дорогу, тратиться, между тѣмъ какъ я постоянно забочусь о сбереженіяхъ, потому что вѣдь пятнадцать тысячъ франковъ доходу въ Парижѣ—не Богъ вѣсть какое богатство. Не при такихъ средствахъ оставляютъ что-нибудь дѣтямъ. Сначала онъ смѣялся надъ моими доводами и старался разсмѣшить меня; но, увидавъ мое твердое намѣреніе оставаться серьёзной, онъ сталъ на меня сердиться за простоту моихъ вкусовъ, за мое домосѣдство. Виновата ли я, что терпѣть не могу театровъ, концертовъ и всѣхъ этихъ артистическихъ вечеровъ, куда онъ хотѣлъ тащить меня и гдѣ онъ встрѣчался съ своими прежними знакомыми, съ взбалмошной богѐмой, съ толпой расточителей, сорванцовъ. Была минута, когда я думала, что онъ сдѣлается разсудительнѣе. Мнѣ удалось извлечь его изъ этого гадкаго общества и сгрупировать около насъ кружокъ людей благоразумныхъ, порядочныхъ, имѣющихъ положеніе. Я создала ему отношенія, изъ которыхъ онъ могъ бы извлечь пользу. Такъ нѣтъ же! Г. поэтъ изволилъ соскучиться. Онъ скучалъ съ утра до ночи. На нашихъ маленькихъ вечерахъ, гдѣ я, однако-жь, устраивала и вистъ, и чай, онъ появлялся съ такимъ лицомъ, въ такомъ настроеніи!.. Когда мы оставались одни—тоже самое. И, однакожь, я была къ нему очень внимательна. Я говорила ему: «Прочти мнѣ что̀ ты пишешь теперь». И онъ читалъ мнѣ стихи, длинныя тирады. Я ничего не понимала, но дѣлала видъ, что это меня интересуетъ, и тамъ и сямъ вставляла на удачу маленькое замѣчаніе, которое, впрочемъ, всегда имѣло даръ его раздражить. Впродолженіе года, работая день и ночь, онъ изъ всѣхъ своихъ риѳмованныхъ строчекъ успѣлъ составить только одну книжку, которая совсѣмъ не продавалась. Я ему сказала: «Вотъ видишь...» Мнѣ хотѣлось урезонить его, чтобъ онъ взялся за что-нибудь болѣе дѣльное, болѣе выгодное... Онъ разсердился на меня страшно; и съ тѣхъ поръ ходилъ постоянно угрюмый, что дѣлало меня очень несчастной. Пріятельницы мои всячески старались меня утѣшить. «Это, говорили онѣ:—хандра человѣка, ничѣмъ не занятаго. Еслибъ онъ побольше работалъ, онъ не былъ бы такой мрачный».

Тогда я пустилась отыскивать ему мѣсто и поставила на ноги всѣхъ своихъ знакомыхъ. Кому только не дѣлала я визитовъ... женамъ главныхъ секретарей, начальниковъ отдѣленій; я даже проникла въ кабинетъ къ министру—и все это, не предупреждая своего мужа. Я хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ. «Посмотримъ,

говорила я себѣ:—будетъ ли онъ хоть на этотъ разъ доволенъ». Наконецъ, въ тотъ день, когда я получила его назначеніе—великолѣпный пакетъ, за пятью печатями—я, внѣ себя отъ радости, сама отнесла его къ мужу. Это была обезпеченная будущность, это было довольство, душевное спокойствіе... Кàкъ вы думаете, чтò онъ отвѣчалъ мнѣ? «Я этого никогда не прощу тебѣ!» Потомъ разорвалъ письмо министра на мелкіе кусочки и выбѣжалъ, хлопнувъ дверью. О! эти артисты, эти несчастныя, взбалмошныя головы, понимающія жизнь навыворотъ! Что дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Я хотѣла потолковать съ нимъ, убѣдить его... Но нѣтъ. Мнѣ сказали правду, что онъ «сумасшедшій». Да и что проку съ нимъ разговаривать! Мы точно говоримъ на различныхъ языкахъ. Онъ не понимаетъ меня такъ же, какъ я его. И вотъ мы теперь молча глядимъ другъ на друга. Я читаю въ глазахъ его ненависть и, однакожъ, чувствую къ нему привязанность... Это очень грустно...

Записки мужа.

Я подумалъ обо всемъ, принялъ всѣ предосторожности. Я не хотѣлъ парижанки, потому что боюсь парижанокъ. Я не хотѣлъ богатой, потому что она могла быть слишкомъ требовательна. Я боялся также семьи, этихъ ужасныхъ буржуазныхъ нѣжностей и объятій, которыя душатъ васъ, лишаютъ простора, не даютъ вамъ свободно дышать, съуживаютъ ваше существованіе. Жена моя вполнѣ отвѣчала моимъ мечтамъ. Я говорилъ себѣ: «она будетъ мнѣ всѣмъ обязана». Кàкъ отрадно будетъ развить этотъ наивный умъ, посвятить эту чистую душу въ свои восторги, въ свои надежды, сдѣлать ее способной къ воспринятію всего прекраснаго, вдохнуть жизнь въ эту статую!

Она дѣйствительно походила на статую, съ своими большими глазами, серьёзными и спокойными, съ своимъ правильнымъ, греческимъ профилемъ, съ чертами, строгость которыхъ смягчалась этимъ нѣжнымъ тономъ, лежащимъ на молодыхъ лицахъ, этимъ легкимъ розоватымъ пушкомъ, съ тѣнью приподнятыхъ волосъ. Прибавьте къ этому маленькій провинціальный акцентъ, приводившій меня въ восхищеніе и который я слушалъ, закрывъ глаза, какъ воспоминаніе счастливаго дѣтства, какъ эхо спокойной жизни въ далекомъ безвѣстномъ уголкѣ. И сказать, что этотъ акцентъ сдѣлался для меня невыносимымъ! Но тогда у меня была вѣра. Я любилъ, я былъ счастливъ и чувствовалъ расположеніе къ еще большему счастью. Исполненный рвенія къ труду, я, какъ только женился, началъ писать поэму

и по вечерамъ читалъ женѣ своей стихи, написанные въ теченіи дня. Я хотѣлъ вполнѣ ввести ее въ свою жизнь. Сначала она говорила мнѣ: «это мило» и я былъ благодаренъ за это дѣтское одобреніе. Я надѣялся, что впослѣдствіи она лучше пойметъ то, что̀ составляло мою жизнь.

Несчастная! Ка̀къ я, должно быть, морилъ ее! Прочитавъ ей стихи свои, я пускался ихъ объяснять, ища въ ея прекрасныхъ удивленныхъ глазахъ ожидаемаго свѣта, думая его видѣть. Я спрашивалъ ея совѣта и, пропуская мимо ушей всѣ глупости, старался удержать въ памяти только хорошее, когда ей случалось обмолвиться имъ. Мнѣ такъ хотѣлось сдѣлать изъ нея настоящую жену свою, жену артиста! Но нѣтъ. Она не понимала. Напрасно читалъ я ей великихъ поэтовъ, выбирая наиболѣе сильныхъ, наиболѣе нѣжныхъ, но вдохновенныя строки поэмъ любви навѣвали на нее скуку и холодъ, какъ осенній ливень. Я помню, однажды, мы читали «Октябрьскую Ночь» Альфреда Мюссе; она прервала меня, прося прочесть что-нибудь посерьёзнѣе. Тогда я попытался объяснить ей, что ничего нѣтъ въ мірѣ серьёзнѣе поэзіи, что она-то и составляетъ сущность жизни...

О! какая презрительная улыбка появилась на ея хорошенькихъ губкахъ, какая снисходительность читалась въ ея глазахъ... Можно было подумать, что съ ней говоритъ ребёнокъ или съумасшедшій.

Сколько силъ, безполезнаго краснорѣчія потратилъ я такимъ образомъ. Ничто не брало. Я безпрестанно натыкался на то, что̀ она называла здравымъ смысломъ, разсудкомъ,—на это вѣчное оправданіе узкихъ умовъ и сухихъ сердецъ. И не одна поэзія только наводила на нее скуку. До нашей свадьбы я считалъ ее музыкантшей. Мнѣ казалось, что она понимаетъ тѣ пьесы, которыя играетъ и которыя подчеркнулъ ей профессоръ. Но не успѣла она выйти замужъ, какъ закрыла свое фортепіано и отказалась отъ музыки. Молодая женщина, покидающая все, что̀ нравилось въ дѣвушкѣ—можетъ ли быть что̀-нибудь грустнѣе этого? Реплика подана, роль кончена и ingénue оставляетъ костюмъ свой. Все это было только для замужства: и маленькіе таланты, и милыя улыбки, и изящество. Въ ней перемѣна произошла моментально. Я сначала надѣялся, что изящный вкусъ, пониманіе прекраснаго, которыхъ я не могъ привить ей, явятся у нея, помимо воли ея, въ этомъ удивительномъ Парижѣ, гдѣ умъ и зрѣніе изощряются незамѣтно для насъ самихъ. Но что̀ вы подѣлаете съ женщиной, которая никогда не откроетъ книги, не взглянетъ на картину, которой все надоѣдаетъ, которая ничего не желаетъ видѣть? Я понялъ, что долженъ

примириться съ мыслію, что подлѣ меня дѣятельная и бережливая хозяйка (о! очень бережливая), прудоновская женщина, и ничего больше. Я бы и помирился, пожалуй. Мало ли артистовъ находятся точно въ такомъ же положеніи. Но этой скромной роли ей было недостаточно.

Мало по малу, потихоньку, молча, она удалила всѣхъ друзей моихъ. Передъ ней мы не стѣснялись и говорили какъ прежде. Въ нашихъ артистическихъ преувеличеніяхъ, въ этихъ безумныхъ аксіомахъ, въ этихъ парадоксахъ, гдѣ идея является переряженной для того, чтобы привлекательнѣй улыбнуться, она не поняла ничего, не распознала ни фантазіи, ни ироніи. Все это только раздражало ее, смущало. Забившись въ уголъ, она слушала молча и твердо обѣщая себѣ спустить одного за другимъ, всѣхъ, кто ее шокировалъ. Несмотря на радушный, повидимому, пріемъ, у насъ уже чувствовалась эта маленькая холодная струйка сквозного вѣтра, предупреждающая, что дверь отворена и что скоро будетъ пора уходить.

Когда друзья мои удалились, она замѣнила ихъ своими. Ко мнѣ нахлынула компанія тупоумная, скучная, чуждая искуству, глубоко презирающая поэзію, потому что она «ничего не приноситъ». Нарочно приводили при мнѣ имена модныхъ парижскихъ писакъ, фабрикующихъ романы и пьесы дюжинами. «Вотъ этотъ добываетъ много денегъ!»

Добывать деньги! Въ этомъ все для нихъ, и я имѣлъ несчастіе видѣть, что жена моя раздѣляетъ ихъ мнѣнія. Въ этой мрачной средѣ, ея провинціальныя привычки, ограниченность взглядовъ и мелочность привели ее къ невѣроятной скаредности.

Пятнадцать тысячъ франковъ доходу! Мнѣ кажется, что на это можно было бы жить, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Такъ нѣтъ же! Она безпрестанно жаловалась, толковала о сбереженіяхъ, о необходимости измѣнить образъ жизни, о выгодномъ помѣщеніи денегъ. По мѣрѣ того, какъ она приставала ко мнѣ съ разными глупыми мелочами, я чувствовалъ, что охота къ труду у меня пропадаетъ. Иногда она подходила къ моему столу, презрительно перелистывала начатые стихи и восклицала: «Только-то!», считая часы, потраченные на эти ничтожныя, маленькія строчки. О! еслибъ я захотѣлъ послушаться ея, я давно загрязнилъ бы позорными произведеніями это прекрасное названіе поэта, котораго добился послѣ стольких лѣтъ труда. И когда я подумаю только, что этой самой женщинѣ я отдалъ-было все свое сердце, всѣ свои мечты, когда подумаю, что презрѣніе, которое она ко мнѣ выказываетъ за то, что

я не добываю денегъ, началось съ первыхъ же минутъ нашего супружества, мнѣ становится стыдно и за себя, и за нее!

Я не добываю денегъ! Этимъ объясняется все: и упрекъ ея взгляда, и ея восхищеніе плодовитыми бездарностями, и то, что она недавно выхлопотала мнѣ какое-то мѣсто въ министерствѣ...

Разумѣется, я воспротивился. Мнѣ только это и остается — твердая воля, неподдающаяся никакимъ аттакамъ, никакимъ доводамъ. Она можетъ говорить по цѣлымъ часамъ, леденить меня самой холодной улыбкой своей;—моя мысль всегда ускользаетъ отъ нея и будетъ всегда ускользать. Вотъ къ чему мы пришли. Мы—мужъ и жена, мы обречены жить вмѣстѣ, а насъ раздѣляютъ цѣлыя льё, и оба мы слишкомъ утомлены, слишкомъ унали духомъ для того, чтобы попытаться сдѣлать другъ къ другу шагъ.

И такъ будетъ всю жизнь. Это ужасно!

VI.

Богèма въ семейномъ быту.

Я думаю, что во всемъ Парижѣ не найдешь такой странной и такой веселой семьи, какъ семья скульптора Симèза. Жизнь у нихъ въ домѣ есть безконечный праздникъ. Въ какой бы часъ вы туда ни попали, вы непремѣнно услышите пѣніе, смѣхъ, звукъ фортепіано, гитары, тамъ-тама. Войдя въ мастерскую, вы рѣдко не натолкнетесь тамъ на игру въ воланы, на туръ вальса, на фигуру кадрили или на приготовленія къ балу, о которыхъ свидѣтельствуютъ вамъ обрывки тюля и лентъ, валяющіеся около стёка, искуственные цвѣты, висящіе на бюстахъ, бальныя платья съ блестками, разложенныя на группѣ еще совсѣмъ сырой.

Дѣло въ томъ, что тутъ четыре взрослыхъ дѣвицы отъ шестнадцати до двадцати-пяти лѣтъ, очень хорошенькихъ, но ужасно безпорядочныхъ, и когда онѣ всѣ порхаютъ съ распущенными на спинѣ волосами, съ волнами лентъ, съ длинными булавками, съ блестящими пряжками, то подумаешь, что передъ тобой не четыре, а восемь, шестнадцать, тридцать-двѣ барышни Симèзъ, одинаково рѣзвыя, громко разговаривающія, хохочущія, отличающіяся немножко мальчишескимъ пошибомъ, свойственнымъ почти всѣмъ дочерямъ артистовъ, апломбомъ плохихъ художниковъ, жестами, отзывающимися мастерской, и умѣющія, какъ никто,

выпроводить кредитора или распечь слишкомъ назойливаго продавца, не во-время явившагося со счетомъ...

Настоящія хозяйки дома—онѣ. Отецъ работаетъ съ утра до ночи, лѣпитъ безъ устали, потому что у него нѣтъ состоянія. Сначала онъ былъ самолюбивъ и старался дѣлать хорошо. Нѣкоторый успѣхъ на выставкѣ, предвѣщалъ ему въ будущемъ славу. Но эта семья, которую нужно было кормить, одѣвать, вывозить, превратила его въ ремесленника. Что касается до г-жи Симѐзъ, то она ничѣмъ не занимается. Очень красивая, въ то время, какъ вышла замужъ, и обращавшая на себя всеобщее вниманіе въ артистическомъ мірѣ, куда ввелъ ее мужъ, она удовольствовалась ролью, сначала хорошенькой женщины, а потомъ женщины, которая когда-то была хорошенькой. Выдавая себя за креолку, хотя меня положительно увѣряли, что родители ея не выѣзжали изъ Курбевуа, она проводитъ цѣлые дни, качаясь въ гамакѣ, который прицѣпляетъ попеременно во всѣхъ комнатахъ своей квартиры, нѣжится, обмахивается вѣеромъ и питаетъ глубочайшее презрѣніе ко всей матеріальной сторонѣ жизни. Она такъ часто позировала передъ своимъ мужемъ въ образѣ Гебы, Діаны, что ей кажется, будто она проходитъ житейскій путь съ полумѣсяцемъ на челѣ, съ чашей въ рукѣ и что весь трудъ ея долженъ заключаться въ ношеніи этихъ эмблемъ. И за то, нужно видѣть, какой безпорядокъ царствуетъ въ домѣ. Цѣлый часъ ищутъ всякую вещь.

— Не видѣла ли ты моего наперстка? Марта, Эва, Женевьева, Маддена, гдѣ мой напёрстокъ?

Комоды и столовые ящики наполнены до верху всякой всячиной, книгами, пудрой, румянами, блёстками, ложками, вѣерами, но ничего полезнаго въ нихъ не сыщешь. Кромѣ того, Симѐзы питаютъ страсть къ курьёзной, разрозненной, попорченной мебели. И самый домашній бытъ ихъ такъ страненъ! Такъ какъ они часто переѣзжаютъ, то имъ нѣкогда хорошенько устроиться; и вамъ всегда кажется, то у нихъ наканунѣ былъ балъ, послѣ котораго еще не прибрано въ комнатахъ. Но столькихъ предметовъ недостаетъ, что не стоитъ труда разставлять.

Лишь бы была возможность съ шикомъ показаться на улицѣ, блеснуть метеоромъ, сохранить внѣшніе призраки роскоши—честь спасена. Бивачная жизнь нисколько не тяготитъ этого кочующаго племени. Въ отворенную дверь вы вдругъ увидите нищету: голыя стѣны, отсутствіе мебели или загромозженную хламомъ комнату. Это—семейный бытъ богѐмы, полный странностей, неожиданностей...

Когда нужно садиться за столъ, оказывается, что ничего нѣтъ

и что нужно идти поскорѣй за завтракомъ; такимъ образомъ, время проходитъ быстро, въ суетѣ, въ праздности. Притомъ же это имѣетъ свою выгоду. Когда поздно завтракаешь, не надо обѣдать. Можно дождаться ужина, который будетъ на балѣ, а на балъ отправляются каждый день. Эти дамы также довольно часто дѣлаютъ вечера. Чай подается на нихъ въ какихъ-то необычайныхъ пріемникахъ, въ бокалахъ, въ японскихъ раковинахъ, съ отбитыми краями, попорченными при переѣздахъ. Но ясность матери и дочерей, посреди всей этой нужды, по истинѣ, изумительна.

Имъ не до хозяйства. У нихъ есть о чемъ думать и кромѣ этого. Одна причесалась швейцаркой, другая завила себѣ волосы на манеръ англійскаго *baby*, а г-жа Симѐзъ, въ глубинѣ своего гамака, живетъ созерцаніемъ своей прежней красоты. Что касается до самого Симѐза, то онъ всегда въ восторгѣ. Только бы около него раздавался звонкій смѣхъ его хорошенькихъ дочерей, онъ готовъ нести на себѣ все бремя этого безпорядочнаго существованія. Къ нему обращаются они ластясь: «Папаша, мнѣ нужна шляпка! Папаша мнѣ нужно платье!» Зимой приходится иногда тяжело. У нихъ такъ много знакомыхъ; онѣ получаютъ столько приглашеній!.. Но что̀ за бѣда! Тогда отецъ встаетъ двумя часами раньше, топятъ одну только мастерскую и все семейство собирается тамъ. Барышни сами кроятъ и шьютъ себѣ платья, между тѣмъ какъ веревки гамака мѣрно поскрыпываютъ, а скульпторъ работаетъ, взобравшись на свою скамью.

Встрѣчали ли вы когда-нибудь этихъ дамъ въ обществѣ? при появленіи ихъ раздается говоръ. Двухъ старшихъ давно ужь знаютъ, но онѣ всегда такія нарядныя, такія эффектныя, что всѣ наперерывъ стремятся танцовать съ ними. Онѣ имѣютъ такой-же успѣхъ, какъ и младшія сестры; почти такой-же, какъ мать въ былое время. Притомъ же. онѣ такъ хорошо умѣютъ носить свои тряпки и разныя модныя вещицы; въ нихъ столько милой непринужденности. А этотъ хохотъ дурно воспитаннаго ребенка, эта испанская манера обмахиваться вѣеромъ... Несмотря на все это, онѣ не выходятъ замужъ. Никогда ни одинъ поклонникъ не могъ устоять при видѣ этой странной домашней обстановки. Безтолковая трата денегъ, недостатокъ тарелокъ, обиліе дырявыхъ ковровъ, безобразныя люстры, съ которыхъ сошла позолота, сквозной вѣтеръ отъ растворенныхъ настежь дверей, звонки кредиторовъ, неглижѐ этихъ барышень въ туфляхъ и пеньюарахъ обращали въ бѣгство людей съ самыми

лучшими намѣреніями... Что вы хотите? Не всякій рѣшится повѣсить подлѣ себя, на всю жизнь, гамакъ праздной женщины...

Я ужасно боюсь, что дѣвицы Симѐзъ вовсе не выйдутъ замужъ. И однако-жь, у нихъ былъ отличный и единственный случай пристроиться; это во-время коммуны. Семейство удалилось въ Нормандію, въ маленькій городокъ, изобилующій процессами и потому наполненный стряпчими, нотаріусами, всякаго рода дѣловыми людьми. Отецъ не успѣлъ пріѣхать, какъ началъ искать заказовъ. Его извѣстность помогла ему. На городской площади находилась статуя его работы, и потому всѣ значительныя лица города стали на перерывъ заказывать ему свои бюсты. Мать немедленно повѣсила свой гамакъ въ углу мастерской, а дѣвицы начали устраивать маленькіе праздники. Онѣ имѣли съ разу большой успѣхъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, бѣдность объяснялась изгнаніемъ, принимала видъ случайности. Безпорядочность обстановки имѣла свою причину. Эти хорошенькія щеголихи сами громко смѣялись надъ своей бѣдностью. Они уѣхали, не успѣвъ ничего захватить съ собой. Изъ запертаго Парижа нельзя было ничего выписать. Для нихъ въ этомъ заключалась особаго рода прелесть. Это напоминало имъ кочевье цыганокъ, расчесывающихъ свои роскошные волосы въ какомъ-нибудь сараѣ и утоляющихъ жажду въ ручьѣ. Люди наименѣе поэтическіе сравнивали ихъ въ своемъ умѣ, съ кобленцской эмиграціей, съ придворными дамами Маріи-Антуанеты, которыя уѣхали такъ поспѣшно, что не взяли съ собой ни пудры, ни фижмъ, ни камеристокъ и принуждены были обходиться безо всего этого и сами себѣ прислуживать, но сохраняли при этомъ всю фривольность французскаго двора, кокетливую улыбку исчезнувшихъ мушекъ.

Каждый вечеръ, мастерскую Симѐза наполняла очарованная толпа судейскихъ. Весь этотъ людъ вальсировалъ и полькировалъ подъ взятое на прокатъ фортепьяно. «Авось хоть одну пристрою», говорилъ себѣ старикъ Симѐзъ. Дѣло въ томъ, что еслибъ первая ушла, то всѣ остальныя непремѣнно послѣдовали бы за ней.

Между многочисленными кавалерами дѣвицъ Симѐзъ въ этомъ кордебалетѣ стряпчихъ, нотаріусовъ, товарищей прокурора, самымъ ярымъ танцоромъ былъ одинъ стряпчій, вдовецъ, сильно ухаживавшій за старшей дочерью. У Симѐзовъ его называли «1-й танцующій стряпчій» въ воспоминаніе мольеровскихъ балетовъ. Papa Симѐзъ, видя, какъ онъ усердствуетъ, возлагалъ на него большія надежды. Но дѣловые люди танцуютъ не такъ, какъ всѣ. Этотъ, напримѣръ, вальсируя, размышлялъ въ тоже

время: «премилое семейство эти Симéзы... трала-ла... ла, ла, ла... но какъ они не торопи меня... ла-ла-ла, ла-ла-ла, я ни на что не рѣшусь, пока ворота Парижа не будутъ отперты... тра-ла-ла... и пока я не наведу справокъ... ла-ла-ла». Такъ думалъ «1-й танцующій стряпчій» и дѣйствительно, какъ только сняли съ Парижа блокаду, онъ справился о семействѣ, и свадьба не состоялась.

Съ тѣхъ поръ бѣдняжки упустили изъ рукъ еще многихъ. Но это нисколько не возмутило веселости оригинальнаго семейства. Напротивъ, онѣ кажется стали еще веселѣе. Въ прошлую зиму, онѣ три раза перемѣнили квартиру; разъ ихъ имущество продали, но это не помѣшало имъ дать два костюмированныхъ бала...

VII.

Вдова великаго человѣка.

Когда узнали, что она вторично вышла замужъ, это никого не удивило. Несмотря на всю геніальность ея перваго мужа, можетъ быть, даже вслѣдствіе этой геніальности, ей жилось съ нимъ куда тяжело. Великій человѣкъ, впродолженіе пятнадцати лѣтъ мучилъ ее капризами и причудами, занимавшими иногда Парижъ. По широкому пути славы, по которому онъ промчался съ тріумфомъ и стремительной быстротой—какъ тѣ, кому суждено умереть рано—она слѣдовала за нимъ, робкая и покорная, прижавшись въ углу колесницы и ожидая толчковъ. Когда она жаловалась, родные, друзья всѣ были противъ нея. «Уважайте его слабости, говорили ей:—это слабости бога. Не тревожьте, не волнуйте его; подумайте, что вашъ мужъ принадлежитъ не вамъ однимъ. Онъ гораздо болѣе принадлежитъ странѣ, искусству, нежели семьѣ. И кто знаетъ, можетъ быть, каждому изъ этихъ недостатковъ, въ которыхъ вы его упрекаете, мы обязаны великими произведеніями?» Наконецъ, однако-жь, терпѣніе ея истощилось; она стала возмущаться, негодовать; порой была даже несправедлива; такъ что, въ то время, когда великій человѣкъ умеръ, они собирались просить развода, не боясь увидѣть свое прекрасное, знаменитое имя на третьей страницѣ газетъ, живущихъ скандалами.

Послѣ всѣхъ тревогъ и волненій, причиненныхъ сначала семейнымъ разладомъ, потомъ болѣзнью и послѣ внезапнаго удара, пробудившаго на минуту въ сердцѣ жены прежнюю привя-

занность, первые мѣсяцы вдовства произвели на эту молодую женщину благотворное дѣйствіе: она отдохнула, какъ въ сезонъ морского купанья. Насильственное уединеніе, спокойная прелесть затихшаго горя сообщили ей въ тридцать пять лѣтъ вторую молодость, почти столь же привлекательную, какъ и первая. Притомъ же, черное очень шло къ ней; она держала себя съ достоинствомъ, даже нѣсколько гордо, какъ женщина, которая, оставшись одна въ жизни и нося великое имя, сознаетъ лежащую на ней отвѣтственность. Она очень ревновала о славѣ покойнаго, этой проклятой славѣ, стоившей ей столько слезъ и которая теперь росла съ каждымъ днемъ, подобно роскошному цвѣтку, питаемому черноземомъ могилы. Окруженная своими длинными темными вуалями, она являлась къ директорамъ театровъ, къ издателямъ, хлопотала о возобновленіи оперъ своего мужа, наблюдала за печатаніемъ посмертныхъ произведеній, неоконченныхъ рукописей, внося во всѣ свои дѣйствія какую-то торжественную заботливость и какъ бы благоговѣніе къ святынѣ.

Въ это-то время встрѣтился съ ней второй ея мужъ. Онъ тоже былъ музыкантъ, почти неизвѣстный, написавшій нѣсколько вальсовъ, мелодій и двѣ маленькія оперы, партитуры которыхъ были прелестно изданы, но такъ-же мало расходились, какъ и давались на сценѣ.

Онъ обладалъ пріятной наружностью, хорошимъ состояніемъ, которое перешло къ нему отъ очень буржуазной семьи, и наивнымъ энтузіазмомъ юныхъ артистовъ, заставлявшимъ его благоговѣть передъ геніемъ и интересоваться всѣми знаменитостями. А потому, когда ему показали жену великаго маэстро—онъ былъ пораженъ... Ему казалось, что образъ славной музы предсталъ передъ нимъ во очію... Онъ тотчасъ же влюбился, и, такъ какъ вдова начинала уже понемножку принимать къ себѣ, то его ввели къ ней въ домъ. Тамъ атмосфера генія, еще витавшаго въ этихъ комнатахъ, усилила его страсть. Бюстъ маэстро, фортепіано, за которыми онъ сочинялъ свою музыку, партитуры, лежавшія на всѣхъ мёбеляхъ, и даже на видъ мелодическія, какъ будто писанныя фразы, чернѣвшія на ихъ страницахъ, сами издавали музыкальные звуки, и посреди этихъ воспоминаній далеко не фиктивная красота вдовы, для которой они служили рамкой — все это окончательно вскружило голову молодому человѣку.

Послѣ долгаго колебанія, онъ, наконецъ, объяснился, но въ такихъ робкихъ, почтительныхъ выраженіяхъ. «Онъ зналъ, какъ онъ мало для нея значитъ; онъ понималъ, что она не можетъ

безъ сожалѣнія промѣнять своего великаго, знаменитаго имени, на его безвѣстное, скромное имя». И много еще другихъ наивностей въ томъ же родѣ наговорилъ онъ ей. Вы поймете, что въ глубинѣ души вдова была очень польщена этой побѣдой; но она сочла нужнымъ разыграть комедію, изобразить изъ себя разбитое сердце, принять скучающій, пренебрежительный видъ женщины, жизнь которой кончена и возобновиться не можетъ. У ней, которая никогда не была такъ спокойна, какъ послѣ смерти своего великаго человѣка, нашлись еще слезы для того, чтобы оплакивать его. Разумѣется, это еще болѣе воспламенило ея молодого поклонника, сдѣлало его еще краснорѣчивѣе и настойчивѣе.

Короче сказать, это строгое вдовство—окончилось бракомъ. Но вдова не отреклась отъ власти; и, хотя вышла замужъ, не болѣе, чѣмъ когда-либо, продолжала оставаться вдовой великаго человѣка, хорошо понимая, что для ея второго мужа, въ этомъ заключалось ея истинное обаяніе. Будучи гораздо старше его, она, для того, чтобъ онъ не замѣчалъ этого, давила его своимъ пренебреженіемъ. Онъ какъ будто казался ей жалокъ... какъ будто она раскаявалась въ этомъ неравномъ бракѣ. Но онъ не оскорблялся—совершенно напротивъ: онъ былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ надъ нимъ ея перваго мужа, находилъ такъ естественнымъ, что воспоминаніе о подобномъ человѣкѣ деспотически властвуетъ въ ея сердцѣ! Для того, чтобы удерживать его въ этомъ подобострастномъ положеніи, она иногда перечитывала ему письма, которыя писалъ къ ней маэстро, когда ухаживалъ за ней. Это возвращеніе къ прошлому молодило ее на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, придавало ей увѣренность красивой, любимой женщины, опоэтизированной восторженными диѳирамбами, преувеличеніями страсти. Если она измѣнилась съ тѣхъ поръ, то ея молодому мужу не было дѣла до этого; онъ обожалъ ее на вѣру, довольствуясь словами другого, которыя даже льстили его тщеславію. Ему казалось, что эти страстныя мольбы присоединяются къ его мольбамъ и что онъ унаслѣдовалъ все это прошлое.

Странная чета! Всего любопытнѣе было видѣть ихъ въ свѣтѣ. Я иногда встрѣчалъ ихъ въ театрѣ. Никто не узналъ бы теперь робкой, нѣсколько застѣнчивой молодой женщины, сопровождавшей когда-то маэстро и терявшейся въ той колоссальной тѣни, въ которой это свѣтило оставляло всѣхъ окружавшихъ его. Можно было подумать, что голову ея вѣнчаетъ ореолъ ея перваго мужа. Въ его имени, то и дѣло звучавшемъ около нея, ей слышались то упрекъ, то сочувствіе. Новый ея мужъ, сидѣвшій нѣсколько

позади ея, съ заискивающей физіономіей обойденныхъ жизнью, внимательно слѣдилъ за всѣми ея движеніями, стараясь всячески угодить ей.

Въ ихъ домашней жизни эти странныя отношенія еще болѣе бросались въ глаза. Я помню одинъ вечеръ, который они дали годъ спустя послѣ своей свадьбы. Мужъ расхаживалъ между своими гостями, гордый и нѣсколько смущенный тѣмъ, что у него такая масса народу. Жена, доминирующая, пренебрежительная, меланхолическая, была въ этотъ вечеръ какъ нельзя болѣе вдовой великаго человѣка. Она какъ-то особенно смотрѣла на своего мужа, черезъ плечо, называла его «мой бѣдный другъ» и возлагала на него всѣ хлопоты по пріему гостей съ такимъ видомъ, какъ бы хотѣла сказать: «Ты только на это и годенъ.» Ее окружали старые друзья, изъ тѣхъ, которые присутствовали при первомъ, блестящемъ дебютѣ маэстро, были свидѣтелями его борьбы и успѣховъ. Съ ними она жеманничала, разыгрывала молоденькую дѣвочку. Они знали ее такой молодой! Почти всѣ называли ее просто по имени: «Анаисъ». Это былъ какой-то ареопагъ, къ которому бѣдный мужъ приближался почтительно, для того чтобы послушать, что говорятъ о его предшественникѣ. Они припоминали «первыя представленія», эти битвы почти всегда выигранныя, потомъ разныя странности великаго человѣка; какъ онъ для того, чтобы вдохновиться, сажалъ передъ собой жену свою въ бальномъ нарядѣ, декольтѣ... «Помните, Анаисъ?» и Анаисъ вздыхала, краснѣла.

Къ этой порѣ относятся лучшія его пьесы, и въ особенности «Савонаролла», самая страстная изъ всѣхъ,—гдѣ такой прелестный дуэтъ, при лунномъ свѣтѣ, при благоуханіи розъ и соловьиныхъ треляхъ... Одинъ энтузіастъ сыгралъ его на фортепіанахъ. При послѣднихъ нотахъ этого восхитительнаго мѣста, хозяйка залилась слезами.—«Это выше силъ моихъ! Я никогда не могла этого слышать безъ слезъ!» Старые друзья маэстро, окруживъ несчастную вдову, выражали ей свою симпатію, свое соболѣзнованіе. Они подходили къ ней, одинъ за другимъ, точно на похоронахъ, чтобы пожать ей руку.

«Ну, полноте, полноте, Анаисъ... Мужайтесь».

И всего забавнѣе то, что второй мужъ, стоя подлѣ жены своей, съ взволнованнымъ, разстроганнымъ видомъ, въ свой чередъ пожималъ всѣмъ руки и выслушивалъ соболѣзнованія.

— Какой геній! какой геній! говорилъ онъ, утирая себѣ глаза.

Это было и трогательно, и вмѣстѣ комично.

VIII.

Графиня Ирма.

«Г. Шарль д'Атисъ, литераторъ, имѣетъ честь извѣстить васъ, что у него родился сынъ, названный Робертомъ. Ребенокъ здоровъ.»

Весь артистическій и литературный Парижъ получилъ, лѣтъ десять тому назадъ, это извѣщеніе на сатинированной бумагѣ съ гербомъ графовъ д'Атисъ-Монсъ. Послѣдній изъ нихъ, Шарль д'Атисъ, несмотря на свою молодость, успѣлъ уже пріобрѣсть репутацію хорошаго поэта.

— «Ребенокъ здоровъ». А мать? О! о ней ничего не говорилось въ извѣщеніи. Всѣ ее слишкомъ хорошо знали. Эта была дочь стараго браконьера, изъ департамента Сены-и-Уазы, натурщица, по имени Ирма Салле, портретъ которой можно было встрѣтить на всѣхъ выставкахъ, также какъ оригиналъ во всѣхъ мастерскихъ. Ея низкій лобъ, ея приподнятая губа, по античному, — этотъ нѣсколько загорѣлый цвѣтъ кожи, свидѣтельствующій о дѣтствѣ, проведенномъ на чистомъ воздухѣ и сообщающій бѣлокурымъ волосамъ отливъ палеваго шелка, это крестьянское лицо съ греческимъ профилемъ, придавали ей какую-то дикую оригинальность, которую довершала пара зеленыхъ глазъ, глядѣвшихъ изъ подъ густыхъ бровей.

Однажды, послѣ маскарада въ оперѣ, д'Атисъ повезъ ее ужинать, и ужинъ этотъ продолжался два года. Но хотя поэтъ вполнѣ ввелъ Ирму въ свою жизнь, — вы могли видѣть изъ приведеннаго извѣщенія, наглаго и аристократическаго, какъ мало она занимала въ ней мѣста. Дѣйствительно, въ этомъ временномъ супружествѣ, женщина была не болѣе, какъ экономка, завѣдывавшая домомъ поэта-дворянина, со всей жосткостью своей двойной натуры крестьянки и куртизанки, и старавшаяся, какой бы то ни было цѣной, сдѣлаться необходимой. Слишкомъ грубая и ограниченная для того, чтобы понимать геній д'Атиса, его изящные, свѣтскіе стихи, дѣлавшіе изъ него какого-то парижскаго Тенисонна, она умѣла за то подчиниться всѣмъ его требованіямъ, свыкнуться съ его пренебреженіемъ, какъ будто въ этой вульгарной натурѣ сохранилось немножко прежняго подобострастія крестьянина передъ дворяниномъ, вассала передъ своимъ господиномъ. Рожденіе ребенка только выдвинуло еще болѣе ничтожность ея значенія въ домѣ.

Когда вдовствующая графиня д'Атисъ-Монсъ, мать поэта, женщина, принадлежавшая къ высшему обществу, узнала, что у ней родился внучекъ, хорошенькій маленькій виконтикъ, надлежащимъ образомъ признанный своимъ родителемъ, ей страшно захотѣлось его увидѣть и поцѣловать. Разумѣется, прежней чтицѣ королевы Маріи-Амеліи была очень тяжела мысль, что у наслѣдника столь громкаго имени подобная мать; но почтенная дама, придерживаясь формулы «извѣщенія», позабыла о существованіи Ирмы. Для посѣщенія ребенка, находившагося на воспитаніи у кормилицы, она выбирала такіе дни, когда могла быть увѣрена, что никого тамъ не встрѣтитъ. Она восхищалась имъ, лелѣяла его, усыновила его въ своемъ сердцѣ, сдѣлала изъ него своего идола, эту послѣднюю любовь бабушекъ, служащую имъ предлогомъ для того, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ лишнихъ, пока крошки выростутъ.

Когда виконтъ-bébé сталъ немножко побольше и возвратился жить къ отцу и матери, графиня не могла уже прекратить своимъ посѣщеній, и потому условлено было, что при звонкѣ бабушки Ирма должна молчаливо, почтительно исчезать; или же ребенка самого будутъ приводить къ старушкѣ. Ребенокъ, балуемый обѣими женщинами, одинаково любилъ какъ ту, такъ и другую, чувствуя не безъ нѣкотораго удивленія, что каждой изъ нихъ какъ будто хотѣлось исключительно завладѣть имъ. Д'Атисъ, безпечный, занятый своими стихами, своей возростающей извѣстностью, довольствовался тѣмъ, что обожалъ своего маленькаго Роберта, говорилъ о немъ всѣмъ и каждому и воображалъ себѣ, что ребенокъ принадлежитъ ему одному. Эта иллюзія продолжалась недолго.

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть тебя женатымъ, сказала ему однажды мать.

— Хорошо, но ребенокъ?..

— Будь спокоенъ. Я отыскала тебѣ молодую дѣвушку, дворянскаго происхожденія, бѣдную и которая тебя обожаетъ. Она уже знаетъ Роберта, и они ужасно подружились. Впрочемъ, въ первый годъ, мальчикъ будетъ жить у меня; а тамъ посмотримъ.

— А какъ же... эта дѣвушка? вымолвилъ поэтъ, нѣсколько покраснѣвъ, потому что въ первый разъ говорилъ объ Ирмѣ съ своей матерью.

— Э! отвѣчала старушка смѣясь.—Мы дадимъ ей хорошее приданое, и я увѣрена, что она тоже найдетъ себѣ мужа. У парижскаго буржуа нѣтъ предразсудковъ.

Въ тотъ же вечеръ д'Атисъ, который никогда не былъ страст-

но влюбленъ въ Ирму, сообщилъ ей объ этихъ намѣреніяхъ и нашелъ ее, какъ всегда, спокойной, на все готовой.

Но на другой день, когда онъ вошелъ къ себѣ, мать и ребенокъ скрылись. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, ихъ нашли у отца Ирмы, въ жалкой лачугѣ, на краю лѣса Рамбулье. Когда поэтъ пріѣхалъ туда, его маленькій принцъ, весь въ бархатѣ и кружевахъ, прыгалъ на колѣняхъ у стараго браконьера, игралъ его трубкой, бѣгалъ за курами, счастливый тѣмъ, что очутился на свѣжемъ воздухѣ. Д'Атисъ, хотя и очень взволнованный, хотѣлъ обратить всю эту исторію въ шутку и тотчасъ же увезти съ собой бѣглецовъ. Но Ирма взглянула на дѣло иначе. Ее изгоняли изъ дому—она увозитъ съ собой ребенка. Что могло быть естественнѣе? Только взявъ обѣщаніе съ поэта, что онъ откажется отъ женитьбы, согласилась она возвратиться; но и то подъ извѣстными условіями. Всѣ очень долго забывали, что она мать Роберта. Вѣчно прятаться, исчезать, когда графиня д'Атисъ пріѣзжала—такая жизнь становилась невозможна. Ребенокъ былъ уже такъ великъ, что она не хотѣла болѣе подвергаться при немъ этимъ униженіямъ. И потому рѣшено было, что, такъ какъ г-жа д'Атисъ не желаетъ встрѣчаться съ любовницей своего сына, то ребенка будутъ ежедневно привозить къ бабушкѣ.

Тогда началась для старушки настоящая пытка. Каждый день находились какія-нибудь препятствія. Ребенокъ кашлялъ, было холодно, шелъ дождь. Потомъ, прогулка, гимнастика, верховая ѣзда. Она почти не видѣла своего внучка. Сначала она хотѣла жаловаться д'Атису. Но только однѣ женщины обладаютъ тайной этихъ маленькихъ войнъ, и хитрости ихъ всегда остаются невидимы. Поэтъ неспособенъ былъ разгадать ихъ; и несчастная бабушка грустно проводила жизнь свою въ ожиданіи посѣщеній мальчика, котораго подстерегала на улицѣ, когда онъ выходилъ съ лакеемъ. Эти поцѣлуи украдкой, эти торопливые взгляды только увеличивали ея материнскую страсть, никогда не удовлетворяя ее.

Между тѣмъ, Ирма Салле, все съ помощью ребенка, прокладывала себѣ дорожку къ сердцу отца его. Теперь она была хозяйкой дома, принимала, давала вечера; и вообще распоряжалась какъ женщина, увѣренная въ томъ, что она здѣсь прочна. Но все же, по временамъ, она считала нужнымъ сказать мальчику при отцѣ его: «Помнишь куръ дѣдушки Салле? Хочешь опять воротиться къ нему?» И эта вѣчная угроза способствовала ей окончательно утвердиться въ домѣ поэта.

Ей нужно было пять лѣтъ для того, чтобъ сдѣлаться графиней; но она все-таки сдѣлалась ею. Однажды, поэтъ съ трепетомъ

пришелъ объявить матери, что онъ намѣренъ жениться на своей любовницѣ; и эта новость нетолько не возмутила старушку, но она приняла ее какъ освобожденіе, видя въ ней только возможность возвратиться къ своему внучку и свободно любить его. Такимъ образомъ, настоящій медовый мѣсяцъ достался на долю бабушки. Д'Атисъ, послѣ свадьбы, пожелалъ удалиться на время изъ Парижа. Онъ чувствовалъ себя тамъ неловко. И такъ какъ ребенокъ управлялъ всѣмъ домомъ, то поселились на родинѣ Ирмы, подлѣ куръ дѣдушки Салле. Это было самое курьёзное, самое разнохарактерное семейство. Бабушка д'Атисъ и дѣдушка Салле каждый вечеръ встрѣчались, укладывая своего внучка спать. Старый браконьеръ, съ своей коротенькой черной трубкой въ углу рта, и бывшая чтица королевы, съ своими напудренными волосами и величавымъ видомъ, смотрѣли вмѣстѣ на этого прелестнаго ребенка, валявшагося передъ ними на коврѣ, и оба равно любовались имъ. Одна привозила ему изъ Парижа самыя дорогія, самыя новыя и красивыя игрушки; другой дѣлалъ ему великолѣпнѣйшіе свистки изъ самбуковаго дерева, и дофинъ иногда колебался въ выборѣ...

Между всѣми этими существами, какъ бы насильственно сгруппированными около колыбели, истинно несчастливъ былъ одинъ Шарль д'Атисъ. Его элегантной, аристократической музѣ вредна была эта жизнь въ глубинѣ лѣса, какъ инымъ слабенькимъ парижанкамъ, для которыхъ въ деревнѣ слишкомъ много свѣжаго, укрѣпляющаго воздуха. Онъ перестать работать и вдали отъ этого ужаснаго Парижа, такъ быстро охладѣвающаго къ отсутствующимъ, чувствовалъ себя почти забытымъ. Къ счастью, ребенокъ былъ тутъ; и когда ребенокъ улыбался, отецъ не думалъ больше ни о своихъ литературныхъ успѣхахъ, ни о прошедшемъ Ирмы Салле.

И теперь, хотите ли узнать развязку этой странной драмы? прочтите этотъ маленькій листочикъ бумажки съ черной каемкой, полученный мною нѣсколько дней тому назадъ:

«Графъ и графиня д'Атисъ, съ глубокой скорбью, имѣютъ честь извѣстить васъ о кончинѣ ихъ сына Роберта.

Несчастные! Видите ли вы ихъ тамъ, всѣхъ четверыхъ, смотрящихъ другъ на друга, передъ этой пустой кроваткой?

IX.

Лгунья.

— Я любилъ только одну женщину во всю свою жизнь, сказалъ намъ однажды художникъ Д.—Я провелъ съ ней пять лѣтъ,

вполнѣ счастливыхъ, обильныхъ тихими радостями. Я могу сказать, что ей обязанъ я своей настоящей извѣстностью. Такъ легко мнѣ работалось подлѣ нея; такъ часто посѣщало меня вдохновеніе. Когда я встрѣтился съ ней, мнѣ показалось, что она всегда была моей. Въ ея красотѣ, въ ея характерѣ—я видѣлъ осуществленіе всѣхъ своихъ мечтаній. Эта женщина никогда не покидала меня, она умерла у меня, на рукахъ моихъ, любя меня... И между тѣмъ, я не могу подумать о ней безъ гнѣва. Если я стараюсь представить ее себѣ такою, какою она была въ теченіе пяти лѣтъ, во всемъ блескѣ любви, съ гибкимъ и стройнымъ станомъ, съ золотистой блѣдностью, съ чертами восточной еврейки, правильными и тонкими, съ медленной бархатистой, какъ взглядъ ея, рѣчью; если стремлюсь воплотить это чудное видѣніе, то для того только, чтобы лучше сказать ему: я ненавижу тебя!

Ее звали Клотильдой. Въ домѣ нашихъ общихъ знакомыхъ, гдѣ мы съ ней встрѣтились, она была извѣстна подъ именемъ m-me Делошъ, и ее считали вдовой морскаго капитана, долго плававшаго въ морѣ. И дѣйствительно, казалось, она очень много путешествовала. Въ разговорѣ она, бывало, вдругъ скажетъ: «Когда я была въ Тампико»; или «однажды на рейдѣ въ Вальпарайзо»... Но, затѣмъ, ни въ ея привычкахъ, ни въ ея рѣчи не замѣчалось никакихъ признаковъ кочующей жизни, ничего такого, что обличало бы безпорядочность, торопливость, сопряженную съ быстрыми отъѣздами, съ внезапными возвращеніями. Она была парижанка и одѣвалась съ большимъ вкусомъ, безъ всякихъ этихъ бурнусовъ и эксцентрическихъ sarapés по которымъ тотчасъ узнаешь женъ офицеровъ и моряковъ, вѣчно носящихъ дорожный костюмъ.

Когда я почувствовалъ, что люблю ее, моей первой и единственной мыслью было сдѣлать ей предложеніе. Ей сообщили объ этомъ. Она отвѣчала просто, что никогда вторично не выйдетъ замужъ. Тогда я сталъ избѣгать встрѣчи съ ней; но такъ какъ голова моя была слишкомъ полна этой любовью для того, чтобъ я могъ взяться за какую-нибудь работу, то я рѣшился предпринять путешествіе. Однажды утромъ, когда я занятъ былъ приготовленіями къ отъѣзду, въ мою квартиру, гдѣ выдвинуты были ящики изъ всѣхъ столовъ и комодовъ и въ безпорядкѣ стояли раскрытые чемоданы, къ величайшему моему изумленію, вошла m-me Делошъ.

— Почему вы хотите уѣхать? сказала она мнѣ тихо.—Потому что вы меня любите? Я тоже люблю васъ... Но только...

(здѣсь голосъ ея нѣсколько дрогнулъ) не только я замужемъ».
И она разсказала мнѣ свою исторію.

Это былъ цѣлый романъ несчастной любви. Мужъ ея пьянствовалъ, билъ ее; они прожили вмѣстѣ только три года. Семейство ея, которымъ она, повидимому, очень гордилась, занимало въ Парижѣ довольно высокое положеніе; но послѣ ея замужества не хотѣло принимать ее. Она была племянница старшаго раввина. Сестра ея, вдова штаб-офицера, вышла во второй разъ за главнаго смотрителя сен-жерменскаго лѣса. Что̀ касается до нея, то, раззоренная въ конецъ своимъ мужемъ, но получившая, къ счастью, хорошее воспитаніе, она имѣла возможность трудомъ добывать себѣ средства къ жизни. Она давала уроки музыки въ богатыхъ домахъ, въ Chaussée d'Antin, въ Saint-Honoré, и зарабатывала довольно много денегъ.

Исторія была трогательна, но немножко длинная, исполнена этихъ милыхъ повтореній, этихъ безконечныхъ вставокъ и эпизодовъ, всегда запутывающихъ женскую рѣчь. Она и разсказывала-то мнѣ ее нѣсколько дней.—Я нанялъ въ Avenue Императрицы, между молчаливыми улицами и спокойными лужайками, маленькій домикъ для насъ двоихъ. Я провелъ бы тамъ годъ, слушая ее, смотря на нее и не вздумалъ бы о работѣ. Она первая прогнала меня въ мою мастерскую; и я не могъ помѣшать ей приняться опять за уроки. Меня очень трогало въ ней это чувство собственнаго достоинства; я преклонялся передъ этой гордой душой, хотя чувствовалъ себя нѣсколько оскорбленнымъ ея формальнымъ желаніемъ быть всѣмъ обязанной только своему собственному труду. Такимъ образомъ, мы весь день были разлучены и сходились только вечеромъ, въ маленькомъ домикѣ. Съ какимъ восторгомъ я возвращался туда; нетерпѣливый, если она запаздывала, и счастливый, если заставалъ уже ее тамъ. Она приносила мнѣ букеты, рѣдкіе цвѣты. Часто я заставлялъ ее принять отъ меня какой-нибудь подарокъ, но она говорила смѣясь, что она богаче меня; и дѣйствительно, уроки, должно быть, приносили ей очень много, потому что туалетъ ея всегда отличался дорогимъ изяществомъ. Она ходила вся въ черномъ, зная, что это идетъ къ ней; и платья ея, повидимому, простыя и скромныя, были, однако-жъ, отдѣланы то блестящимъ атласомъ, то матовымъ бархатомъ, то тонкими кружевами, такъ что изумленному взору открывался, въ различныхъ тѣняхъ одного и того же цвѣта, цѣлый міръ женскаго щегольства.

Впрочемъ, ея занятія не были, по словамъ ея, нисколько обременительны. Всѣ ученицы ея, дочери банкировъ, капита-

листовъ, биржевыхъ маклеровъ, обожали ее, и она не разъ показывала мнѣ браслеты, кольца, которыя ей дарили въ благодарность за ея труды. Въ свободное отъ занятій время мы были всегда вмѣстѣ и никуда не ходили. Только по воскресеньямъ она уѣзжала въ Сен-Жерменъ къ сестрѣ своей, женѣ смотрителя лѣса, съ которой недавно помирилась. Я провожалъ ее до станціи желѣзной дороги. Она возвращалась въ тотъ же вечеръ, и часто, когда дни были долгіе, мы назначали другъ другу свиданіе гдѣ-нибудь на пути, около воды или въ лѣсу. Она разсказывала мнѣ о своемъ посѣщеніи, о дѣтяхъ, о семейномъ счастьѣ сестры своей. Мнѣ грустно было за нее, лишенную настоящей семьи, и я удваивалъ свою нѣжность къ ней для того, чтобы заставить ее позабыть это ложное положеніе, причинявшее гордой душѣ ея, вѣроятно, не мало страданій.

Какое это было счастливое время, время труда и довѣрія! Я не подозрѣвалъ ничего. Все, что она говорила, казалось мнѣ до такой степени правдивымъ, естественнымъ! Я упрекалъ ее только за одно: иногда, разсказывая мнѣ о домахъ, куда она ходила, о семействахъ своихъ ученицъ, она пускалась въ разныя предположенія, сочиняла воображаемыя интриги. Сама спокойная, она постоянно видѣла вокругъ себя романы; и жизнь ея проходила въ драматическихъ комбинаціяхъ. Эти химеры возмущали мое счастье. Я, который хотѣлъ бы уединиться отъ всего остальнаго міра, чтобы жить запершись, подлѣ нея, находилъ ее слишкомъ занятой подобными пустяками. Но я могъ, конечно, извинить это молодой и несчастной женщинѣ, жизнь которой была до сихъ поръ печальнымъ романомъ и которая не предвидѣла, чтобы онъ когда-нибудь могъ придти къ развязкѣ.

Разъ только явилось у меня подозрѣніе или, лучше сказать, предчувствіе. Однажды вечеромъ, въ воскресенье, она не возвратилась домой ночевать. Я былъ въ отчаяніи. Что̀ дѣлать? Отправиться въ Сен-Жерменъ? Я могъ ее компрометировать. Однако-жь, послѣ ужасной ночи, я рѣшился ѣхать, когда она вошла вся блѣдная, вся взволнованная. Сестра ея занемогла. Она должна была остаться при ней. Я повѣрилъ тому, что̀ она мнѣ сказала; мнѣ не казались тогда подозрительными этотъ потокъ словъ, эта масса безполезныхъ, заслонявшихъ главную мысль, подробностей о часѣ прибытія, о невѣжливости какого-то должностнаго лица, объ опоздавшемъ поѣздѣ, и пр. и пр. Еще два или три раза на той же недѣлѣ уѣзжала она ночевать въ Сен-Жерменъ; и потомъ, когда сестра ея выздоровѣла, возвратилась опять къ своей спокойной и правильной жизни.

Къ несчастью, нѣсколько времени спустя, пришла ея очередь занемочь. Однажды, она возвратилась съ уроковъ, дрожащая, измокшая, въ лихорадкѣ. У ней сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ. Докторъ съ перваго же разу призналъ опасность, а чрезъ нѣсколько времени объявилъ мнѣ, что нѣтъ надежды. Горесть моя была безгранична, невыразима. Потомъ я сталъ думать только объ одномъ—какъ бы усладить ей послѣднія минуты. Я приведу, говорилъ я себѣ, къ постели умирающей семью ея, которую она такъ любила, которой гордилась. Ничего не сказавъ ей, я написалъ къ ея сестрѣ въ С. Жерменъ, а самъ бросился къ ея дядѣ, старшему раввину. Я ужъ не помню, въ какой необычный часъ я попалъ къ нему. Великія катастрофы совсѣмъ выбываютъ жизнь изъ колеи, разстраиваютъ въ ней все до мельчайшихъ подробностей. Почтенный раввинъ, кажется, готовился сѣсть за столъ. Онъ прибѣжалъ испуганный и принялъ меня въ передней.

— М. Г.! сказалъ я ему:—есть минуты, когда всякая ненависть должна смолкнуть.

Его доброе лицо обернулось ко мнѣ съ удивленіемъ. Я продолжалъ:

— Ваша племанница умираетъ...

— Моя племянница! Но у меня нѣтъ племянницы, вы ошибаетесь.

— О! умоляю васъ, забудьте эту нелѣпую семейную вражду... Я говорю вамъ о M-me Делошъ, женѣ капитана...

— Я не знаю никакой M-me Делошъ... Вы что-нибудь перемѣшали, дитя мое, увѣряю васъ...

И онъ тихонько выпроводилъ меня за дверь, считая меня за мистификатора или за сумасшедшаго. Надо полагать, что у меня дѣйствительно, былъ очень странный видъ.

То, что̀ я узналъ, было такъ неожиданно, такъ ужасно! Такъ она солгала мнѣ... Зачѣмъ? Вдругъ мнѣ блеснула мысль. Я велѣлъ везти себя къ одной изъ ея ученицъ, о которой она мнѣ всегда говорила, къ дочери банкира.

Я спросилъ лакея: M-me Делошъ?

— Это не здѣсь.

— Да, я знаю... это дама, которая даетъ уроки на фортепьяно вашимъ барышнямъ.

— У насъ нѣтъ никакихъ барышень въ домѣ, и даже фортепьянъ нѣтъ. Я не знаю, что вы такое говорите. И онъ ворча, захлопнулъ мнѣ подъ-носъ дверь.

Я не пошелъ далѣе въ своихъ поискахъ. Я былъ увѣренъ, что повсюду ждетъ меня тотъ же отвѣтъ, тоже разочарованіе. Когда я входилъ въ нашъ бѣдный, маленькій домикъ, мнѣ подали

письмо изъ С. Жермена. Я раскрылъ его, предвидя заранѣе, что заключается въ немъ. Смотритель лѣса не зналъ M-me Делошъ, притомъ же у него не было ни жены, ни дѣтей.

Это былъ послѣдній ударъ. Такъ стало быть, впродолженіи пяти лѣтъ, каждое слово ея было ложью. Тысячу ревнивыхъ мыслей осадили меня, и обезумѣвшій, не зная самъ, что я дѣлаю, я вошелъ въ комнату, гдѣ она умирала. Всѣ вопросы, мучившіе меня, вмѣстѣ посыпались на это ложе страданія. «Что вы дѣлали въ С. Жерменѣ по воскресеньямъ? У кого проводили вы дни? Гдѣ вы ночевали въ такую-то ночь? Отвѣчайте мнѣ?» и я нагнулся къ ней, ища въ ея глазахъ, все еще прекрасныхъ и гордыхъ, отвѣта, котораго ждалъ съ тоскою... Но она оставалась невозмутима, нѣма.

Я продолжалъ, весь дрожа отъ ярости.—Вы не давали уроковъ, я былъ вездѣ, никто васъ не знаетъ. Такъ откуда же эти деньги, эти кружева, эти драгоцѣнности?

Она бросила на меня взглядъ, исполненный страшной печали— и ничего больше. Я долженъ бы былъ пощадить ее, оставить ее умереть въ покоѣ... но я слишкомъ любилъ ее, и ревность взяла верхъ надъ жалостью.

Я продолжалъ:—Ты обманывала меня пять лѣтъ. Ты лгала мнѣ каждый день, каждый часъ. Ты знала всю мою жизнь, а я не зналъ ничего о твоей. Ничего, даже твоего имени. Потому что вѣдь оно не твое—не правда-ли—то имя, которое ты носила? О! лгунья, лгунья. И сказать, что она умираетъ, и что я не знаю, какимъ именемъ звать ее... Говори-же, кто ты? откуда ты? Зачѣмъ ты вторглась въ мою жизнь?.. Да говори-же, скажи мнѣ что-нибудь!

Напрасныя усилія. Вмѣсто отвѣта, она съ трудомъ повернулась къ стѣнѣ, словно боясь, чтобы послѣдній взглядъ ея не выдалъ мнѣ ея тайны. Такъ и умерла—несчастная! умерла— прячась, оставшись до конца лгуньей.

X.

Признанія академическаго мундира.

Это утро было утромъ прекраснаго дня для скульптора Гильярдена.

Избранный наканунѣ въ члены института, онъ долженъ былъ обновить передъ пятью академіями, соединенными въ торжественное засѣданіе, свой великолѣпный академическій мундиръ съ

пальмовыми листьями, блиставшій новымъ сукномъ и шелковымъ шитьемъ цвѣта надежды. Блаженный мундиръ этотъ былъ разложенъ на креслѣ и Гильярденъ посматривалъ на него съ любовью, повязывая передъ зеркаломъ бѣлый галстухъ.

— Главное, не надо торопиться... времени остается еще много... думалъ добрякъ.

Дѣло въ томъ, что, въ пылу нетерпѣнія, онъ одѣлся двумя часами ранѣе, а прекрасная г-жа Гильярденъ, всегда одѣвавшаяся очень долго, объявила ему, что на этотъ разъ въ особенности, она будетъ готова не прежде, какъ въ назначенный часъ; «ни минутой раньше... слышите-ли?..»

Несчастный Гильярденъ! что дѣлать, чтобъ убить до той поры время?

«Примѣримъ все-таки нашъ мундиръ», сказалъ онъ себѣ и бережно, словно обращался съ тюлемъ или кружевами, приподнялъ драгоцѣнное одѣяніе, надѣлъ его съ безконечными предосторожностями и сталъ передъ зеркаломъ. О! какой плѣнительный образъ отразился въ зеркалѣ! Какой это былъ славный маленькій академикъ, румяный, жирный, счастливый, улыбающійся, съ просѣдью, съ брюшкомъ и съ черезъ чуръ коротенькими ручками, которыя въ новыхъ рукавахъ казались исполненными какой-то автоматической важности. Очевидно довольный своей турнюрой, Гильярденъ ходилъ взадъ и впередъ, кланялся, какъ бы входя въ собраніе, улыбался своимъ сотоварищамъ по изящнымъ искусствамъ, принималъ академическія позы. Но какъ бы ни гордился человѣкъ своей особой, однакожъ, стоять передъ зеркаломъ два часа въ парадномъ костюмѣ—нельзя. Въ концѣ концовъ, нашъ академикъ усталъ и, боясь измять свое платье, призналъ за лучшее снять его и бережно положить на прежнее мѣсто; самъ же усѣлся противъ него, у другого угла камина и, вытянувъ ноги, сложивъ себѣ руки на парадномъ жилетѣ, принялся мечтать, любовно посматривая на свой зеленый мундиръ.

Какъ путешественникъ, который, добравшись, наконецъ, до цѣли своихъ странствованій, любитъ вспоминать объ опасностяхъ и затрудненіяхъ, встрѣчавшихся ему на пути, Гильярденъ перебиралъ въ памяти, годъ за годомъ, всю свою жизнь, съ того дня, какъ онъ поступилъ ученикомъ въ скульптурную мастерскую Жуффруа. Тяжелы начинанія въ этой проклятой профессіи! Онъ вспомнилъ зимы безъ топлива, безсонныя ночи, исканіе работы и эту глухую злобу, которую испытываетъ человѣкъ маленькій, неизвѣстный, затерянный въ громадной толпѣ, которая васъ толкаетъ, опрокидываетъ, сшибаетъ съ ногъ, давитъ. И сказать—что онъ самъ, безъ протекціи, безъ состоянія, умѣлъ выкараб-

каться изъ этого положенія! Да! только съ помощью своего таланта. И достойный академикъ, въ состояніи блаженнаго созерцанія, съ закинутой назадъ головой, съ полузакрытыми глазами, громко повторялъ самому себѣ: Только съ помощью своего таланта... одного тал...

Долгій взрывъ смѣха, сухаго, дребезжащаго, старческаго, внезапно прервалъ его. Гильярденъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Онъ былъ одинъ, совершенно одинъ, съ торжественно разложеннымъ противъ него, по другую сторону камина, зеленымъ мундиромъ—этой тѣнью академика. И, однако-же, наглый смѣхъ все еще продолжался. Тогда, вглядываясь хорошенько, скульпторъ замѣтилъ, что этотъ мундиръ находится уже не на томъ мѣстѣ, куда онъ его положилъ, но сидѣлъ въ креслахъ, съ оттопыренными полами, съ локтями рукавовъ, положенными на ручки креселъ, съ вздувшейся, какъ бы дышавшей грудью. Невѣроятная вещь! Это именно онъ и смѣялся. Да, безумный хохотъ выходилъ изъ этого страннаго мундира, приводилъ его въ движеніе, встряхивалъ, опрокидывалъ, колебалъ его полы... и по временамъ заставлялъ его хвататься обѣими рукавами за бока, какъ бы для того, чтобъ остановить этотъ избытокъ неестественной, неудержимой веселости. Въ тоже время, слышался тоненькій, ехидный голосокъ, прерываемый икотой, который пищалъ: Ахъ! Господи! Вотъ умора-то! кажется, я умру со смѣха... моченьки моей нѣтъ больше!

— Что-же это такое, наконецъ? чортъ возьми! спросилъ несчастный академикъ широко раскрывъ глаза.

Голосъ продолжалъ еще съ бо́льшимъ ехидствомъ:—Это я г. Гильярденъ, я, вашъ мундиръ съ пальмами, ожидающій васъ, чтобъ ѣхать на засѣданіе. Извините, что я такъ грубо прервалъ ваши мечтанія. Но это было такъ забавно, когда вы упоминали о вашемъ талантѣ... Я никакъ не могъ удержаться. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, говорили серьёзно? Неужели, положа руку на сердце, вы думаете, что одного вашего таланта вамъ было достаточно, для того чтобы сдѣлать такую быструю карьеру, достичь высокаго положенія, почестей, славы, богатства? Неужели вы считаете это возможнымъ, г. Гильярденъ? Углубитесь въ самого себя, другъ мой, прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ. Углубитесь хорошенько... еще... вотъ такъ... Теперь отвѣчайте мнѣ. Вы видите, что вы не смѣете.

— Но, однакожъ... пробормоталъ Гильярденъ, съ комической нерѣшительностью:—я... я много работалъ.

— Да, много, ужасно много. Вы труженикъ; вы ремесленникъ, вы рутинеръ, вы оцѣниваете вашъ трудъ по часамъ, какъ изво-

щики. Но вдохновеніе, милый мой, вдохновеніе... Посѣщала ли васъ когда-нибудь эта золотая пчелка, кружащаяся надъ головой истиннаго художника, сверкая и шумя крыльями? Ни разу—вы это хорошо знаете. Она всегда васъ пугала, эта божественная, маленькая пчелка. И однако-жь, она одна даетъ истинный талантъ. Я знаю многихъ, которые тоже работаютъ, но иначе, нежели вы, съ волненіемъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ ищущихъ, пытливыхъ... имъ никогда не добиться того, чего вы добились. Послушайте... Мы здѣсь съ вами одни... согласитесь же, что весь вашъ талантъ заключался въ томъ, что вы женились на хорошенькой женщинѣ.

— М. Г.! воскликнулъ Гильярденъ, покраснѣвъ.

Голосъ продолжалъ, не смущаясь.

— Ну, слава Богу! Вотъ негодованіе, которое мнѣ нравится. Оно доказываетъ мнѣ—хотя это, впрочемъ, извѣстно всѣмъ—что вы болѣе дуракъ, нежели негодяй. Не вращайте такъ страшно глазами. Во-первыхъ, если вы только дотронетесь до меня, сомнете меня, или разорвете, то вамъ нельзя будетъ ѣхать на засѣданіе и г-жа Гильярденъ останется этимъ не совсѣмъ довольна, потому что ей принадлежитъ вся слава этого дня. *Ее* будутъ принимать сейчасъ всѣ пять академій, и я ручаюсь вамъ, что еслибы я явился въ институтъ, надѣтымъ на нее, которая до сихъ поръ, несмотря на свои лѣта, такъ стройна и изящна, то имѣлъ бы не такой успѣхъ, какъ съ вами. Нужно во всемъ давать себѣ отчетъ, г. Гильярденъ. Вы всѣмъ обязаны этой женщинѣ: своимъ отелемъ, своими сорока-тысячью франковъ дохода, своимъ крестомъ, своими лаврами, своими медалями...

И рукавъ съ вышитымъ обшлагомъ указалъ несчастному скульптору на знаки отличія, висѣвшіе у него на стѣнѣ въ альковѣ. Потомъ, безжалостный мундиръ, какъ бы желавшій для бо́льшаго мученія своей жертвы, принимать всѣ возможныя положенія, являться во всѣхъ возможныхъ видахъ, приблизился къ камину и, подавшись впередъ на своемъ креслѣ, съ видомъ болтливаго старичка, съ фамильярностью стараго товарища, продолжалъ:

— Ты, кажется, огорченъ, дружище, моими словами? Но вѣдь долженъ же ты узнать то, что всѣ знаютъ. А отъ кого же ты можешь это услышать, какъ не отъ своего мундира? Разсудимъ хорошенько... Какое было у тебя состояніе, когда ты женился? Никакого. Что̀ принесла тебѣ жена? Нуль. Въ такомъ случаѣ, какъ же ты объяснишь свое настоящее богатство? Ты опять скажешь мнѣ, что ты много работалъ. Но, несчастный! работая день и ночь, пользуясь благосклонностью правительства, полу-

чая отъ него заказы, на недостатокъ которыхъ ты, со времени своей женитьбы, кажется, не могъ пожаловаться, ты никогда не могъ получать болѣе пятнадцати тысячъ франковъ въ годъ. Но неужели ты думаешь, что на эти деньги можно было жить такъ, какъ вы жили.—Прекрасная г-жа Гильярденъ всегда слыла щеголихой, вращающейся во всѣхъ сферахъ, гдѣ много тратятъ. Я знаю, что, сидя съ утра до вечера въ своей мастерской, ты никогда не думалъ объ этихъ вещахъ. Ты довольствовался тѣмъ, что говорилъ: «моя жена удивительная мастерица вести хозяйство. Съ тѣмъ, что я получаю, и при нашемъ образѣ жизни, она еще ухитряется дѣлать сбереженія».

— Это ты, бѣдняга, достоинъ былъ удивленія!.. Дѣло въ томъ, что ты женился на одномъ изъ тѣхъ хорошенькихъ чудовищъ, какихъ много въ Парижѣ, на женщинѣ честолюбивой и развратной, одинаково умѣвшей и устроивать ваши дѣла, и наслаждаться жизнью. Жизнь этихъ женщинъ, мой милый, похожа на ихъ бальную записную книжечку, гдѣ стоятъ цифры противъ именъ танцоровъ. Твоя жена разсуждала такъ: «У моего мужа нѣтъ ни таланта, ни богатства, ни представительности, но это отличный человѣкъ, снисходительный, легковѣрный, всего менѣе способный стѣснять меня. Пускай же онъ не мѣшаетъ мнѣ веселиться, и я берусь доставить ему все то, чего ему недостаетъ. И съ той поры, деньги, заказы, кресты всѣхъ возможныхъ странъ, посыпались въ твою мастерскую, съ ихъ пріятнымъ металлическимъ звономъ, съ ихъ разноцвѣтными ленточками. Вдругъ г-жѣ Гильярденъ, захотѣлось однажды (фантазія зрѣлой красавицы) быть женой академика; и ея рука, обтянутая въ изящную лайковую перчатку, отворила себѣ одну за другой всѣ двери святилища. Эхъ, старичина! Чего тебѣ стоили эти зеленыя пальмы—о томъ могутъ сказать тебѣ только твои сотоварищи...

— Ты лжешь, ты лжешь! вскричалъ г. Гильярденъ, задыхавшійся отъ негодованія.

— Нѣтъ, милый мой, я не лгу. Посмотри вокругъ себя. Когда ты войдешь въ залъ засѣданія, во всѣхъ глазахъ ты прочтешь насмѣшку, ты услышишь какъ будутъ шептать на пути твоемъ: «Вотъ мужъ прекрасной г-жи Гильярденъ». Вѣдь ты всю жизнь свою будешь только этимъ, дружище—только мужемъ хорошенькой женщины!

На этотъ разъ Гильярденъ не выдержалъ. Блѣдный отъ ярости, онъ вскочилъ и хотѣлъ уже швырнуть въ огонь этотъ наглый мундиръ, сорвавъ съ него предварительно красивый зеленый вѣночикъ, какъ дверь отворилась, и знакомый голосъ,

съ оттѣнкомъ пренебреженія и снисходительности, пробудилъ скульптора отъ этого страшнаго сна.

— Какъ я узнаю тебя! заснуть передъ каминомъ въ такой день...

Г-жа Гильярденъ стоитъ передъ нимъ, высокая и все еще красивая, хотя слишкомъ величавая... съ своимъ почти естественнымъ румянцемъ подъ напудренными волосами и съ преувеличеннымъ блескомъ подрисованныхъ глазъ. Движеніемъ женщины-главы, она беретъ мундиръ съ зелеными пальмами и развязно, съ маленькой улыбочкой, помогаетъ мужу надѣть его, между тѣмъ, какъ бѣднякъ, еще весь въ поту, послѣ своего кошмара, вздыхаетъ съ облегченнымъ видомъ, думая про себя: «Какое счастье! Это былъ сонъ!»

А. П—въ.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

Спите! Богъ не спитъ за васъ!
Жуковскій

Однажды, заходитъ ко мнѣ Алексѣй Степанычъ Молчалинъ и говоритъ:

— Нужно, голубчикъ, погодить!

Разумѣется, я удивился. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я себя помню, я только и дѣлаю, что гожу.

Вся моя молодость, вся жизнь до такой степени исчерпывается этимъ словомъ, что я, какъ увѣряютъ мои домашніе, даже во снѣ очень часто кричу: ахъ, нѣтъ, надо погодить! И вотъ выискивается человѣкъ, который приходитъ къ заключенію, что мнѣ и за всѣмъ тѣмъ необходимо умѣрить свой пылъ!

— Помилуйте, Алексѣй Степанычъ! изумился я: — вѣдь это, право, ужь начинаетъ походить на мистификацію!

— Тамъ мистификація или не мистификація, какъ хотите разсуждайте, а мой совѣтъ—погодить!

— Да что же, наконецъ, вы хотите этимъ сказать?

— Русскіе вы, а по русски не понимаете! чудные вы, господа! Погодить — ну, принаровиться что ли, умѣть вѣ-время помолчать, позабыть кой объ чемъ, думать не объ томъ, объ чемъ обыкновенно думается, заниматься не тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаетесь... Напримѣръ: гуляйте больше, въ ѣду ударьтесь, папироски набивайте, письма къ роднымъ пишите, а вечеромъ— въ табельку, или въ сибирку засядьте. Вотъ это и будетъ значить «погодить».

— Алексѣй Степанычъ! батюшка! да почему же?

— Нѣкогда, мой другъ, объяснять—въ депертаментъ спѣшу! Да и не объяснишь вѣдь тому, кто понимать не хочетъ. Мы— русскіе; мы эти вещи сразу должны понимать. Впрочемъ, я свое дѣло сдѣлалъ, предупредилъ, а послѣдуете ли моему совѣту, или не послѣдуете, это ужь вы сами...

Съ этими словами, Алексѣй Степанычъ очень любезно сдѣлалъ мнѣ ручкой и исчезъ. Это быстрое появленіе и исчезновеніе очень больно укололи меня. Мнѣ казалось, что въ переводѣ на языкъ словъ этотъ фактъ означаетъ: я не долженъ былъ сюда придти, но... пришелъ. Во всякомъ случаѣ, я хоть тѣмъ умалю значеніе своего поступка, что пробуду въ семъ мѣстѣ какъ можно менѣе времени.

Да, это такъ. Даже руки мнѣ порядкомъ на прощанье не пожалъ, а просто ручкой сдѣлалъ, какъ будто говорилъ: «готовъ я помочь, однако пора бы и тебѣ, сахаръ медовичъ, понять, что знакомство твое — не ахти благостыня какая!» Я, конечно, не буду увѣрять, что онъ именно *такъ* думалъ, но что онъ инстинктивно *такъ* чувствовалъ, и что именно это чувство сообщило его появленію ту печать торопливости, которая меня поразила,—въ этомъ я ни мало не сомнѣваюсь.

По обыкновенію, я сейчасъ же полетѣлъ къ Глумову. Я горѣлъ нетерпѣніемъ сообщить объ этомъ странномъ коллоквіумѣ, дабы общими силами сотворить по этому случаю совѣтъ, а затѣмъ, буде надобно, то и планъ дѣйствій начертать. Но Глумовъ уже какъ бы предвосхитилъ мысль Алексѣя Степаныча. Тщательно очистивъ письменный столъ отъ бумагъ и книгъ, въ обыкновенное время загромождавшихъ его, онъ сидѣлъ передъ порожнимъ пространствомъ... и набивалъ папироски.

— Ты что это дѣлаешь? спросилъ я.

— А вотъ, подходящее, по обстоятельствамъ, занятіе изобралъ. Утромъ, возставъ отъ сна, пасьянсъ раскладывалъ, теперь—папироски дѣлаю.

— Представь себѣ, ко мнѣ Алексѣй Степанычъ заходилъ, и тоже самое совѣтывалъ!

— А я такъ самъ догадался. Садись, вотъ тебѣ гильзы—занимайся.

— Позволь, однако, надо же хоть объясниться сперва!

— А тебѣ что̀ Алексѣй Степанычъ сказалъ?

— Да ничего путёмъ не сказалъ. Пришелъ, повернулся и ушелъ. Погодить, говоритъ, надо!

— Чудакъ ты! Сказано: погоди, ну, и годи, значитъ. А то объясняться вздумалъ! Вотъ я себѣ самъ, собственнымъ движеніемъ, сказалъ: Глумовъ! нужно, братъ, погодить! Купилъ табаку, гильзы—и шабашъ. И не объясняюсь. Ибо понимаю, что всякое поползновеніе къ объясненію есть противоположное тому, что на русскомъ языкѣ извѣстно подъ словомъ «годить».

— Помилуй! да развѣ мы мало до сихъ поръ годили? Въ чемъ

же другомъ вся наша жизнь прошла, какъ не въ безпрерывномъ самопонужденіи: погоди, да погоди!

— Стало быть, до сихъ поръ мы въ одну мѣру годили, а теперь мѣра съ гарнцемъ пошла въ ходъ—больше годить надо, а завтра, можетъ быть, къ мѣрѣ и еще два гарнца накинется—ну, и еще больше годить придется. Небось, не лопнешь. А впрочемъ, что же праздныя-то слова говорить! Давай-ка лучше подумаемъ, какъ бы намъ сообща каникулы-то эти провести. Вмѣстѣ и годить словно бы веселѣе будетъ.

Затѣмъ, мы въ нѣсколько минутъ начертали планъ дѣйствій, и съ завтрашняго же дня приступили къ выполненію его.

Прежде всего, мы рѣшили, что я съ вечера же переберусь къ Глумову, что мы вмѣстѣ ляжемъ спать и вмѣстѣ же завтра проснемся, чтобы начать «годить». И не разстанемся до тѣхъ поръ, покуда вакантъ самъ собой, такъ сказать, изморомъ не изничтожится.

Залегли мы спать часовъ съ одиннадцати, точно завтра утромъ къ ранней обѣдни собрались. Обыкновенно мы въ это время только что словесную канитель затягивали, и часовъ до двухъ ночи переходили отъ одного современнаго вопроса къ другому, съ одной стороны ничего не предрѣшая, а съ другой стороны не отказывая себѣ и въ достодолжномъ, въ предѣлахъ разумной умѣренности, разсмотрѣніи. И хотя наши собесѣдованія почти всегда заканчивались словами: «необходимо погодить», но мы все-таки утѣшались хоть тѣмъ, что слова эти составляютъ результатъ свободнаго обмѣна мыслей и свободно-разумнаго отношенія къ дѣйствительности, что воля съ насъ не снята, и, что еслибы, напримѣръ, выпить при семъ двѣ-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало намъ выразиться и такъ: Господа! да неужто же, наконецъ...

Цыцъ!

Но теперь мы съ тѣмъ именно и собрались, чтобы начать годить, не разсуждая, не вдаваясь въ изслѣдованія, почему и какъ, а просто на просто плыть по теченію до тѣхъ поръ, пока Алексѣй Степанычъ не сниметъ съ насъ клятвы и не скажетъ: теперь—валяй по всѣмъ по тремъ!

Мнѣ не спалось, Глумовъ тоже ворочался съ боку на бокъ. Но дисциплина уже сказывалась, и мысли приходили въ голову именно все такія, какія должны приходить людямъ, собравшимся къ ранней обѣднѣ.

— Глумовъ! ты не спишь?

— Не сплю. А ты?

— И я не сплю.

— Гм... не зажечь ли свѣчу?

— Погоди, можетъ быть, и уснемъ.

Прошло еще съ полчаса—не спится да и только. Зажгли свѣчу, спустили ноги съ кровати и сѣли другъ противъ друга. Глядѣли-глядѣли—наконецъ, смѣшно стало.

— Постой-ка я въ буфетъ схожу; я тамъ, на всякій случай, два куска ветчины припасъ! сказалъ Глумовъ.

— Сходи, пожалуй!

Глумовъ зашлепалъ туфлями, а я сидѣлъ и прислушивался. Вотъ онъ въ кабинетъ вошелъ, вотъ вступилъ въ переднюю, вотъ поворотилъ въ столовую... Чу! ключъ повернулся въ замкѣ, тарелки стукнули... Идетъ назадъ!!

Когда человѣкъ рѣшился годить, то все для него интересно; способность къ наблюденію изощряется почти до ясновидѣнія, а мысли—проходятъ во множествѣ.

— Вотъ ветчина, а вотъ водка. Закусимъ! сказалъ Глумовъ.

— Гм... ветчина! Хорошо ветчиной на ночь закусить—спаться лучше будетъ. А ты, Глумовъ, думалъ-ли когда-нибудь объ томъ, какъ эта самая ветчина ветчиной дѣлается?

— Была прежде свинья, потомъ ее зарѣзали, разсортировали, окорока посолили, провѣсили—вотъ и ветчина сдѣлалась.

— Нѣтъ, не это! А вотъ, кому эта свинья принадлежала? Кто ее выходилъ, выкормилъ? И почему онъ съ нею разстался, а теперь мы, которые ничего не выкармливали, окорока этой свиньи ѣдимъ...

— И празднословіемъ занимаемся... Будетъ! Сказано тебѣ, погодить—ну и жди!

— Глумовъ! я—немножко!

— Ни слова, ни полслова—вотъ тебѣ и сказъ. Доѣдай и ложись! А чтобы воображеніе осадить—вотъ тебѣ водка.

Выпили по двѣ рюмки—и дѣйствительно какъ-то сподручнѣе годить сдѣлалось. Въ голову словно облако тумана ворвалось, теплота по всѣмъ суставамъ пошла. Я закутался въ одѣяло и сталъ молчать. Молчать—это цѣлое занятіе, цѣлый умственный процессъ, особливо если при этомъ имѣется въ виду практическій результатъ. А такъ какъ въ настоящемъ случаѣ ожидаемый результатъ заключался въ словѣ «заснуть», то я предался молчанію, усиленно отгоняя и устраняя все, что могло нанести ему ущербъ. Старался не перемѣнять положенія тѣла, всякому проблеску мысли сейчасъ же посылалъ встрѣчный проблескъ мысли, по преимуществу, ни съ чѣмъ не сообразный, даже цѣлыя сказки себѣ сказывалъ. Содержаніе этихъ сказокъ я изла-

гать здѣсь не буду (это завлекло-бы меня, пожалуй, за предѣлы моихъ скромныхъ намѣреній), но, признаюсь откровенно: всѣ онѣ имѣли въ своемъ основаніи слово «погодить».

Наконецъ, уже почти совсѣмъ сонный, я вымолвилъ.

— Да, братъ! а на счетъ ветчины—все-таки... Это, братъ, въ своемъ родѣ—сюжетъ!

— Сюжетъ! тоже сквозь сонъ отвѣтилъ мнѣ Глумовъ, и затѣмъ голова моя окончательно окунулась въ облако.

Проснулись мы довольно рано (часовъ въ девять), но къ ранней обѣднѣ все-таки не поспѣли.

— Впрочемъ, и то сказать, началъ я:—не такой городъ Петербургъ, чтобы въ немъ ранніе обѣдни справлять.

— Будешь и къ ранней обѣднѣ ходить, когда моментъ наступитъ, осадилъ меня Глумовъ:—но не объ томъ рѣчь, а вотъ я на счетъ горячаго распоряжусь. Тебѣ чего: кофею или чаю?

Я задумался. Обыкновенно, я пью чай, но нынче все такъ было необыкновенно, что захотѣлось и тутъ отличиться. Дай-ко, думаю, кофейку хвачу!

— Кофею, братецъ! воскликнулъ я, и даже хлопнулъ себя по ляжкѣ отъ удовольствія.

Подали кофей. Налили по стакану—выпили; по другому налили—и опять выпили. Со сливками и съ теплымъ калачемъ.

— Калачъ-то отъ Филипова? спросилъ я.

— Да, отъ Филипова.

— Говорятъ, у него въ пекарнѣ таракановъ много...

— Мало ли, что говорятъ! Вкусно—ну, и будетъ съ тебя!

Глумовъ высказалъ это нѣсколько угрюмо, какъ будто предчувствуя, что у меня языкъ начинаетъ зудѣть.

— А что̀, Глумовъ, ты когда-нибудь думалъ, какъ этотъ самый калачъ...

— Что «калачъ»?

— Ну вотъ родословную-то его... Ка́къ сначала эта самая пшеница въ закромѣ лежитъ, у кого лежитъ, какъ этотъ человѣкъ за сохой идетъ, напирая на нее всею грудью, какъ...

— Зналъ прежде, да забылъ. А теперь знаю только то, что мы кофей съ калачемъ пьемъ, и тебѣ только это знать совѣтую!

— Глумовъ! да вѣдь я немножко! Вѣдь если мы немножко и поговоримъ — право, вреда особеннаго отъ этого не будетъ. Только время скорѣе пройдетъ!

— И это знаю. Да не объ томъ мы думать должны. Подвигъ мы на себя приняли—ну, и должны этотъ подвигъ выполнить.

Кончай-ка кофей, да идемъ гулять! Вспомни, какую намъ палестину выходить предстоитъ!

Въ одиннадцать часовъ мы вышли изъ дому, и направились по Литейной. Пришли къ зданію судебныхъ мѣстъ.

— Вотъ, братъ, и судъ нашъ праведный! сказалъ я.

— Да, братъ, судъ! вздохнулъ въ отвѣтъ Глумовъ.

— А коли по правдѣ-то сказать, такъ наступитъ же когда-нибудь время, когда эти суды...

— Погоди! обуздай, наконецъ, язычище свой! Ну судъ—ну, и прекрасно! И будетъ съ тебя! Архитектура вотъ... разбирай ее на здоровье! Зданіе прочное—внутри дворъ... Чего лучше!

— Да, мой другой, удивительно, какъ это нынче... Говорятъ, даже буфетъ въ судѣ есть?

— Да, есть и буфетъ.

— А ты не знаешь, чѣмъ этотъ буфетъ славится?

— Водки рюмку выпить можно—какой еще славы нужно! Котлетки подаютъ, бифштексъ—въ званіи отвѣтчика даже очень прилично!

— Удивительно! просто удивительно! И правосудіе получить и водки напиться—все можно!

— Только болтать лишнее нельзя! Идемъ на Фурштадтскую.

Пошли по Фурштадтской; дошли до Овсянниковскаго дома.

— Вотъ какой столбъ былъ! До неба рукой доставалъ — и вдругъ рухнулъ! воскликнулъ я въ умиленіи:—я, впрочемъ, думаю, что Провидѣніе не безъ умысла, отъ времени до времени, такія зрѣлища допускаетъ!

— Для чего Провидѣніе допускаетъ такія зрѣлища — это, братъ, не нашего ума дѣло; а вотъ, что Овсянниковъ подвергся карѣ закона—это вѣрно. Это я въ газетахъ читалъ, и потому могу говорить свободно!

— Да, но отчего же и о путяхъ Провидѣнія не припомнить при этомъ?

— Отъ того, что пути эти намъ неизвѣстны—вотъ отъ чего. А что̀ намъ неизвѣстно—къ тому мы должны относиться сдержанно. Шагай, братецъ.

Въ концѣ Фурштадтской—питейное заведеніе. Выходитъ оттуда мужчина въ изорванномъ пальто, съ изорванной физіономіей, и пошатываясь горланитъ.

Красавица! подожди!
Бѣлы руки подожми!

— Вотъ и онъ совѣтуетъ подождать! говорю я.

— Да, потому что всѣмъ такая линія вышла.

— А бѣдный онъ!

— Кто? пьяница-то?

— Да, онъ. Сколько лютой скорби надобно, чтобъ накипѣло у человѣка въ груди...

Но Глумовъ и тутъ оборвалъ меня, запѣвъ:

Красавица! подожди!
Бѣлы руки подожми!

— Не для того я напоминаю тебѣ объ этомъ, продолжалъ онъ:—чтобъ ты именно въ эту минуту молчалъ, а для того, что если ты теперь сдерживать себя не будешь, то и въ другое время языкъ обуздать не съумѣешь. Выдержка намъ нужна, воспитаніе. Мы на славянскую распущенность жалуемся, а не хотимъ понять, что отъ того вся эта неопрятность и происходитъ, что мы на каждомъ шагу послабленія себѣ дѣлаемъ. Прямо, на улицѣ, пожалуй, не посмѣемъ высказаться, а чуть зашли за уголъ—и распустили языкъ. Понятно, что начальство за это претендуетъ на насъ. А ты такъ умѣй собой овладѣть, что ежели сказано тебѣ «погоди!» такъ ты годи вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, да отъ всего сердца, да со всею готовностью—вотъ какъ! даже когда одинъ съ самимъ собой находишься—и тогда годи! Только тогда и почувствуется у тебя настоящая культурная выдержка.

Я долженъ былъ согласиться съ Глумовымъ. Дѣйствительно, русскій человѣкъ какъ-то туго поддается выдержкѣ, и почти совсѣмъ не можетъ устроить, чтобы на всякомъ мѣстѣ и во всякое время вести себя съ одинаковымъ самообладаніемъ. Есть у него въ этомъ смыслѣ два очень серьёзныхъ врага: воображеніе, способное мгновенно создавать разнообразные художественные образы, и чувствительное сердце, готовое раскрываться на встрѣчу первому попавшемуся впечатлѣнію. Обстоятельства почти всегда застигаютъ его врасплохъ, а потому, сію минуту онъ увядаетъ, а въ слѣдующую—расцвѣтаетъ, сію минуту разсыпается въ выраженіяхъ преданности и любви, а въ слѣдующую—клянетъ или загибаетъ непечатныя слова, которыя у насъ какъ-то и въ счетъ не полагаются. Но во всякомъ случаѣ, онъ не умѣетъ сдержать свою мысль и рѣчь въ извѣстныхъ границахъ, но непремѣнно впадаетъ въ расплывчивость и прибѣгаетъ къ околичностямъ. Прочтите любой судебный процессъ, и вы безъ труда убѣдитесь въ этомъ. Ни одинъ свидѣтель на вопросъ: гдѣ вы въ такомъ-то часу были?—не отвѣтитъ просто: былъ тамъ-то, но непремѣнно всю свою душу при этомъ изольетъ. Начнетъ съ родителей, потомъ переберетъ всѣхъ знакомыхъ, которыхъ фамиліи попадутся ему на языкъ, потомъ объ себѣ отзовется, что онъ человѣкъ несчастный, и, наконецъ, уже на повторительный вопросъ: гдѣ вы были?—рѣшится отвѣтить:

былъ тамъ-то, но непремѣнно присовокупить: видѣлся вотъ съ тѣмъ-то, да еще съ тѣмъ-то, и сговаривались мы сдѣлать то-то. Однимъ словомъ, самаго ничтожнаго повода достаточно, чтобъ насторожить воображеніе и чтобы послѣднее немедленно нарисовало цѣлую картину.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился сдерживать себя. Молча мы повернули вдоль по линіи Таврическаго сада, затѣмъ направо по набережной, и остановились противъ Таврическаго дворца. Натурально, умилились. Тѣни Екатерины, Потемкина, Державина такъ живо пронеслись передо мною, что мнѣ показалось, что я чувствую ихъ дуновеніе.

— Вотъ гдѣ витаетъ тѣнь великолѣпнаго князя Тавриды! воскликнулъ я.

— Да, братъ, вотъ тутъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ онъ и жилъ! отозвался Глумовъ.

— И что отъ него осталось? Чѣмъ разрѣшилось облако блеска, славы и власти, которое окружало его?—Нѣсколькими десятками анекдотовъ въ «Русской Старинѣ», изъ коихъ въ одномъ главную роль играетъ севрюжина! Вонъ тамъ былъ сожженъ знаменитый фейерверкъ, вотъ тутъ, съ этой террасы глядѣла на празднество залитая въ золото толпа царедворцевъ, а вдали неслыханныя массы голосовъ и инструментовъ гремѣли «Коль славенъ», подъ громъ пушекъ! Гдѣ все это?

Я расчувствовался, всталъ въ позу и продекламировалъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ..

— Дальше не помню, но неправда ли, удивительно!

— Удивительно-то удивительно, только это изъ оды на смерть Мещерскаго, и къ Потемкину, слѣдовательно, не относится, расхолодилъ меня Глумовъ.

— Все равно, это стихи Державина, которые всегда повторить пріятно! Екатерина! Державинъ! Имена-то какія, мой другъ! часто ли встрѣтишь ты въ исторіи такія сочетанія!

— Орловы! Потемкинъ! Румянцевъ! Суворовъ! словно эхо вторилъ мнѣ Глумовъ, и, ставъ въ позицію, продекламировалъ:

Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тѣнь отъ чела, съ посвиста—пыль!

— А потомъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, и, наконецъ, Зубовъ... И каждому-то умѣлъ старикъ Державинъ комплиментъ сказать!

Подъ наплывомъ этихъ отрадныхъ чувствъ—начали мы припоминать стихи Державина, но, къ удивленію, ничего не припомнили, кромѣ:

Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ! [1]

— Да, братъ, былъ такой крестьянинъ! былъ! воскликнулъ я, подавленный нарисованною Державинымъ картиной.

Какъ ни сдержанъ былъ Глумовъ, но на этотъ разъ, и онъ счелъ неумѣстнымъ охлаждать мой восторгъ.

— Да, братъ, былъ, сказалъ онъ почти сочувственно.

— Было! все было! продолжалъ я восклицать въ восхищеніи:—и «добры щи» были! представь себѣ: «добры щи»!

— Представляю, но все-таки не могу не сказать: восхищаться ты можешь, но съ такимъ расчетомъ, чтобы восхищеніе прошлымъ не могло служить поводомъ для превратныхъ толкованій въ смыслѣ укора настоящему!

И съ этимъ замѣчаніемъ, я долженъ былъ согласиться. Да, и восторги нужно соразмѣрять, то есть, ни въ какомъ случаѣ не сосредоточивать ихъ на одной какой-нибудь точкѣ, но распредѣлять на возможно бо́льшее количество точекъ. Нужды нѣтъ, что вслѣдствіе этого распредѣленія, восторгъ сдѣлается болѣе умѣреннымъ, но за то онъ всѣ точки равно освѣтитъ, и отъ каждой получитъ дань похвалы и поощренія. Поэты стараго добраго времени очень тонко это понимали, и потому, ни на комъ исключительно не останавливаясь, и никого не обижая— всѣмъ подносили посильные комплименты.

Мы повернули назадъ, прихватили Песковъ, и когда поравнялись съ однимъ одноэтажнымъ деревяннымъ домикомъ, то я сказалъ:

— Вотъ въ этомъ самомъ домѣ, цензоръ Красовскій родился!

— Врешь?

Я совралъ дѣйствительно; но такъ какъ срокъ, въ теченіи котораго мнѣ предстояло «годить» не былъ опредѣленъ, то надо же было какъ-нибудь время проводить! Поэтому, я не только не сознался, но и продолжалъ стоять на своемъ.

— Вѣрно, что тутъ! упорствовалъ я:—мнѣ Тряпичкинъ сказывалъ. Онъ, братъ, нынче фельётоны-то бросилъ, за историческія изслѣдованія принялся! Уваровскую премію надѣется получить! Тутъ родился! тутъ!

Постояли, полюбовались, вспомнили, какъ у покойнаго всю жизнь животъ болѣлъ, наконецъ, махнули рукой и пошли по Лиговкѣ. Долго ничего замѣчательнаго не было, но вдругъ, мои глаза ухитрились отъискать знакомый домъ.

— Вотъ въ этомъ самомъ домѣ собранія библіографовъ бываютъ, сказалъ я.

[1] «Осень во время осады Очакова».

— Когда?

— Собираются они по ночамъ и въ величайшемъ секретѣ боятся, чтобъ полиція не накрыла.

— Ихъ-то?

— Да, братъ, и ихъ!—Вообще человѣчество все...

— Ты бывалъ на этихъ собраніяхъ?

— Былъ однажды. При мнѣ «Черную шаль» Пушкина библіографической разработкѣ подвергали. Они, братъ, ее въ двухъ томахъ съ комментаріями хотятъ издавать.

— Вотъ бы гдѣ «годить»-то хорошо! Туда бы забраться, да тамъ все время и переждать!

— Да, хорошо бы. При мнѣ, въ теченіи трехъ часовъ только два первыхъ стиха обработали. Вотъ видишь, обыкновенно мы такъ читаемъ:

Гляжу я безмолвно на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль..

А у Слёнина (1831 г. in 8-vo) послѣдній стихъ такъ напечатанъ:

И гладкую душу дерзаетъ печаль..

Вотъ они и остановились въ недоумѣніи. Три партіи образовались.

— Ужинать-то, по крайней мѣрѣ, дали ли?

— Нѣтъ, ужина не было, а подъ конецъ засѣданія хозяинъ сказалъ: я, господа, рѣдкость пріобрѣлъ! единственный экземпляръ Гоголевскаго портрета, на которомъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» изображенъ съ бородавкой на носу!

— Ну, и что̀-жъ?

— Натурально, всѣ всполошились. Принесъ, всѣ бросились смотрѣть: дѣйствительно, сидитъ Гоголь, и на самомъ кончикѣ носа у него бородавка. Начался споръ: въ какую эпоху жизни портретъ снятъ? положили: справиться, нѣтъ ли указаній въ бумагахъ покойнаго академика Погодина. Потомъ стали къ хозяину приставать: сколько за портретъ заплатилъ? Тотъ говоритъ: угадайте! Потомъ, въ видѣ литіи, прочли «полный и достовѣрный списокъ сочиненій Григорія Данилевскаго»—и разошлись.

— Вотъ, другъ, этакъ-то бы пожить!

— Да, хорошо! однако, братъ, и они... на замѣчаніи тоже! Какъ расходились мы, такъ я замѣтилъ: нѣтъ-нѣтъ, да и стоитъ, на всякій случай, городовой! И такіе пошли тутъ у нихъ свистки, что я, грѣшный человѣкъ, подумалъ: а что̀ ежели «Черная шаль» тутъ только предлогъ одинъ!

Разговаривая такимъ образомъ, мы незамѣтно дошли до Нев-

скаго, причемъ я не преминулъ обратиться всѣмъ корпусомъ къ дебаркадеру николаевской желѣзной дороги и произнесъ:

— А вотъ это—результатъ пытливости девятнадцатаго вѣка!

Затѣмъ, дойдя до Надеждинской Улицы, я сказалъ:

— Эта улица прежде Шестилавочною называлась, и шла отъ Кирочной только до Итальянской, а теперь до Невскаго ее продолжили. И это тоже результатъ пытливости девятнадцатаго вѣка!

А дойдя до булочной Филипова, я вспомнилъ, какія я давеча мысли по поводу филиповскихъ калачей высказывалъ, и даже засмѣялся: какъ можно было такую гражданскую незрѣлость высказать!

— А помнишь, какой мы давича разговоръ по случаю филиповскихъ калачей вели? обратился я къ Глумову.

— Не я велъ, а ты.

— Ну, да, я. Но какъ все это было юно! незрѣло! Какое мнѣ дѣло до того, кто муку производитъ, какъ производитъ и пр.! Я ѣмъ калачи — и больше ничего! мнѣ кажется, теперь — хоть озолоти меня, я въ другой разъ этакой глупости не скажу!

— И прекрасно сдѣлаешь. Вотъ какъ каждый-то день верстъ по пятнадцати-двадцати обломаемъ, такъ дней черезъ десять и совсѣмъ замолчимъ!

Но когда мы дошли до площади александринскаго театра, то душевный нашъ уровень опять поднялся. Вновь вспомнили старика Державина:

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна...

— А вотъ и самъ онъ тутъ! воскликнулъ я, указывая на пьедесталъ.

— А вотъ храмъ Таліи и Мельпомены! отозвался Глумовъ, указывая на Александринскій театръ.

— А рядомъ съ нимъ храмъ Момусу!

— А напротивъ—отель Бель-вю!

Намъ было такъ радостно, что все это такъ хорошо съютилось, что мы, дабы не отравлять счастливаго душевнаго настроенія, рѣшились отвратить наши взоры отъ бывшаго помѣщенія конторы Баймакова, такъ какъ это зрѣлище должно было несомнѣнно ввергнуть насъ въ меланхолію.

Проходя мимо публичной библіотеки, я собрался было остановиться и сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ насчетъ не неумѣстности наукъ, но Глумовъ такъ угрюмо взглянулъ на меня, что я невольно ускорилъ шагъ и успѣлъ высказать только слѣдующій краткій exordium.

— Вотъ здѣсь хранятся сокровища человѣческаго ума!

За то, у милютиныхъ лавокъ, мы отдохнули и взорами и душою. Апельсины, мандарины, груши, виноградъ, яблоки. Представьте себѣ—земляника! На дворѣ февраль, у извощиковъ уши на морозѣ побѣлѣли, а тамъ въ этой провонялой лавчонкѣ — ужь лѣто въ самомъ разгарѣ! И какіе веселые, беззавѣтные голоса долетали до насъ оттуда, всякій разъ какъ дверь магазина отворялась! И какъ меня вдругъ потянуло туда, въ заднія низенькія комнаты, въ эту провонялую, сырую атмосферу, на эти клеенчатые диваны, на всемъ пространствѣ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, ни одного неприплеваннаго мѣста невозможно найти! Придти туда, лечь съ ногами на диванъ, окружить себя устрицами, пить шабли, и въ этомъ положеніи «годить!»

— Да, и тутъ «годить» хорошо! молвилъ Глумовъ, какъ бы угадывая мою мысль.

Но планъ нашъ ужь былъ составленъ заранѣе. Мы обязывались провести время, хотя безполезно, но въ то же время, по возможности, серьёзно. Мы понимали, что всякая примѣсь легкомыслія должна произвести игривость ума, и что только серьёзное переливаніе изъ пустаго въ порожнее можетъ вполнѣ укрѣпить человѣка на такой серьёзный подвигъ, какъ непремѣнное намѣреніе «годить». Поэтому, хотя и не безъ насильства надъ самими собой, но мы отторвали глаза отъ соблазнительнаго зрѣлища и направили стопы по направленію къ адмиралтейству.

Мы шли молча, какъ бы подавленные бакалейными запахами, которыми, казалось, даже складки нашихъ пальто внезапно провоняли. Не обративъ вниманія ни на памятники Барклаю де-Толли и Кутузову, ни на ресторанъ Доминика, въ дверяхъ котораго толпились какія-то полинялыя личности, ни на обѣ Морскія, съ веселыми пріютами Бореля и Танти, мы достигли Адмиралтейской Площади, и тутъ я вновь почувствовалъ необходимость сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ.

— Еще недавно здѣсь, на маслянницѣ и на Святой, устраивались балаганы, и въ опредѣленные дни вывозили институтокъ въ придворныхъ каретахъ. Теперь все это происходитъ уже на Царицыномъ Лугу. Здѣсь же, на площади, иждивеніемъ и заботливостью городской думы, устроенъ скверъ. Глумовъ! видишь этотъ скверъ?

— Вижу. А ты—видишь?

— И я вижу. Я объ томъ хочу сказать, что съ каждымъ годомъ этотъ скверъ все больше и больше разростается. Сначала, когда его только что насадили, деревья вотъ эдакія были, и притомъ, множество изъ нихъ въ первый же годъ погибло.

Потомъ, по мѣрѣ того, какъ заботливость городской думы развивалась, погибшія деревья замѣнялись новыми, а старыя, съ разу удавшіяся, пышнѣе и пышнѣе разростались. Въ настоящее время, не слишкомъ тучный прохожій, уже можетъ свободно отдохнуть подъ ихъ тѣнью, но, разумѣется, не зимой. Глумовъ! правильно ли я говорю?

— Совершенно правильно.

— А теперь, исполнивши нашъ долгъ относительно Адмиралтейской площади, и отдавши дань заботливости городской думы, идемъ къ окончательной цѣли нашего путешествія, какъ оно проэктировано на нынѣшній день!

Мы пошли на Сенатскую площадь, и въ нѣмомъ благоговѣніи остановились передъ памятникомъ Петра Великаго. Вспомнился «Мѣдный Всадникъ» Пушкина, и тутъ же кстати пришли на умъ и слова профессора Морошкина о Петрѣ:

«Но великій человѣкъ не пріобщался нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ что мы плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились и слабы и худы, намъ нужны были общіе уставы человѣческіе!» [1].

Я повторилъ этѣ замѣчательныя слова, а Глумовъ вполнѣ одобрилъ ихъ. Затѣмъ, мы бросили прощальный взглядъ на зданіе сената, въ которомъ нѣкогда говорилъ правду Яковъ Долгорукій, и такъ какъ программа гулянья на нынѣшній день была уже исчерпана, и насъ порядкомъ-таки одолѣвала усталость, то мы сѣли въ вагонъ конно-желѣзной дороги, и благополучно прослѣдовали въ немъ до Литейной.

Было уже четыре часа, когда мы воротились домой, слѣдовательно, до обѣда оставался еще часъ. Глумовъ отправился распорядиться на кухню, а мнѣ далъ картузъ табаку, пачку гильзъ и сказалъ:

— Займись!

Наконецъ, подали обѣдать. Никогда не ѣдалъ я такъ вкусно. Во-первыхъ, никогда не приходилось дѣлать подобнаго предобѣденнаго моціона, а во-вторыхъ, мы ѣли на свободѣ, безъ всякихъ политическихъ соображеній, «безъ тоски, безъ думы роковой», памятуя твердо, что ничего другого, кромѣ ѣды, намъ не предстоитъ. Поэтому, каждый кусокъ былъ надлежащимъ образомъ прожеванъ, а слѣдовательно и до желудка дошелъ въ формахъ, вполнѣ согласныхъ съ требованіями медицинской науки. Подавали на закуску: провѣсную бѣлорыбицу и превосходнѣйшую бѣлужью салфеточную икру; за обѣдомъ, удивительнѣйшіе щи

[1] Рѣчь професора Московскаго университета Морошкина: «Объ уложеніи и его дальнѣйшемъ развитіи».

съ говяжьей грудиной, потомъ осетрину паровую, потомъ жареныхъ рябчиковъ, привезенныхъ прямо изъ Сибири, и наконецъ—компотъ изъ французскихъ фруктовъ. Само собой разумѣется, что при каждой перемѣнѣ кушанья возникалъ приличный обстоятельствамъ разговоръ.

Давно, очень давно дѣдушка Крыловъ написалъ басню «Сочинитель и разбойникъ», въ которой доказалъ, что разбойнику слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ сочинителемъ, и эта истина такъ пришлась намъ ко двору, что съ давнихъ временъ никто и не сомнѣвается въ ея непререкаемости. Позднѣе, тотъ же дѣдушка Крыловъ написалъ другую басню «Три мужика», въ которой образно доказалъ другую истину, что во время ѣды не слѣдуетъ вести иныхъ разговоровъ, кромѣ тѣхъ, которые, такъ сказать, вытекаютъ изъ самаго процесса ѣды. Этою истиною мы долгое время малодушно пренебрегали, но теперь, когда теорія и практика въ совершенствѣ выяснили, что человѣческій языкъ есть ничто иное, какъ орудіе для выраженія человѣческаго скверномыслія, мы должны были сознаться, что прозорливость дѣдушки Крылова никогда не обманывала его.

Мы солидно ѣли и вели солидный разговоръ объ ѣдѣ. И по мѣрѣ того, какъ обѣдъ развивался, передъ нами открывались такія поразительныя преспективы, которыхъ мы никогда и не подозрѣвали. Я покупалъ говядину въ какой-то лавочкѣ «на углу»; Глумовъ—на Кругломъ рынкѣ; я покупалъ рыбу въ Чернышевомъ переулкѣ, Глумовъ — на Мытномъ дворѣ; я пріобрѣталъ дичь въ первой попавшейся лавкѣ, на дверяхъ, которой висѣлъ замороженный заяцъ, Глумовъ—въ какомъ-то складѣ, близь Шлиссельбургской заставы. Безхозяйственность моя обнаружилась во всемъ ужасающемъ безобразіи, такъ что я тутъ же мысленно рѣшилъ, что безъ радикальныхъ реформъ обойтись невозможно.

— Ты сообрази, мой другъ, говорилъ я:—вѣдь по этому расчету выходитъ, что я, по малой мѣрѣ, каждый день полтину на вѣтеръ бросаю! А сколько этихъ полтинъ-то въ годъ выйдетъ?

— Выйдетъ триста шестьдесятъ пять полтинъ, то есть сто восемдесятъ два рубля пятьдесятъ копеекъ.

— Теперь, пойдемъ дальше. Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ школы, и все это время, съ очень небольшими перерывами, я живу своимъ полнымъ хозяйствомъ. Еслибъ я всѣ эти полтины собиралъ—сколько бы у меня теперь денегъ-то было?

— Тысячу восемсотъ двадцать пять помножь на три — выйдетъ пять тысячъ четыреста семдесятъ пять рублей.

— Да, это ежели безъ процентовъ считать. Но я могъ эти сбереженія... ну положимъ, подъ ручные залоги я бы не отдалъ ихъ... а все таки я могъ бы на эти сбереженія покупать процентныя бумаги, дисконтировать векселя и вообще совершать дозволенныя закономъ финансовыя операціи... Расчетъ-то ужь выйдетъ совсѣмъ другой.

— Да, братъ, обмишулился ты!

— И замѣть, что у тебя провизія превосходная, а у меня — только посредственная. Возьми, напримѣръ, твоя ли осетрина, или моя?

— Нѣтъ, вотъ я завтра окорочекъ велю запечь, да тёпленькій... тёпленькій на столъ-то его подадимъ! Вотъ и увидимъ, что̀ ты тогда запоешь!

— Ты гдѣ окорока покупаешь?

— Угадай!

— У Шписа? у Людекенса?

— Въ Мучномъ переулкѣ!!!

— Скажите на милость!

Словомъ сказать, разочарованіе слѣдовало за разочарованіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и надежда на исправленіе, а это-то собственно и было дорого. Ибо давно уже признано, что однѣ темныя стороны никогда никого не удовлетворяютъ и хорошихъ результатовъ не даютъ, если онѣ не смягчаются свѣтлыми сторонами, или, за недостаткомъ ихъ, «насъ возвышающими обманами»! Такъ что, напримѣръ, человѣкъ, котораго обѣдъ состоитъ изъ одной тюри съ водой, только тогда будетъ вполнѣ удовлетворенъ, ежели при этомъ вообразитъ, что ѣстъ наварные щи и любуется плавающимъ въ нихъ жирнымъ кускомъ говядины.

Этихъ мыслей я, впрочемъ, не высказывалъ, потому что Глумовъ непремѣнно распекъ-бы меня за нихъ. Да я и самъ, признаться, не придавалъ имъ особеннаго политическаго значенія, такъ что былъ даже очень радъ, когда Глумовъ прервалъ ихъ теченіе, пригласивъ меня въ кабинетъ, гдѣ насъ ожидалъ удивительной красоты «Шартрёзъ».

Былъ седьмой часъ въ половинѣ, когда мы встали изъ-за стола. Мы сѣли другъ противъ друга въ мягкія кресла, закурили какія-то необычайныя *nec plus ultra*, и медленно, съ толкомъ дегюстировали послѣобѣденныя рюмки, наполненныя золотистой жидкостью. Хорошо намъ было. Я не скажу, чтобъ это былъ сонъ, но, казалось, что какая-то блаженная дремота, словно легкая дымка, спускалась откуда-то съ высоты, и укачивала утомленное непривычнымъ моціономъ тѣло. Сомкнувъ усталыя вѣжды, мы молча предавались внутреннимъ созерцаніямъ, и

изрѣдка потихоньку вздрагивали. Наконецъ, изъ груди Глумова вырвался стонъ, который сразу возвратилъ и его и меня къ чувству дѣйствительности.

— А вѣдь я, братъ, чуть-чуть не заснулъ, удивился онъ, и тутъ же громкимъ голосомъ возопилъ: — зельтерской воды... и умыться!

Выпили по бутылочкѣ зельтерской воды, потомъ умылись, и сдѣлались опять также свѣжи и бодры, какъ будто, только сейчасъ отстоявши раннюю обѣдню, собрались по христіански провести день свой.

Было около половины девятаго, когда мы сѣли вдвоемъ въ сибирку съ двумя болванами. Мы игроки почти ровной силы, но Глумовъ не обращаетъ вниманія, а я—обращаю. Поэтому, игры бываютъ преинтересныя. Глумовъ горячится, не разсчитываетъ игры, а хочетъ сразу ее угадать—и попадаетъ въ просакъ; а я, разумѣется, этимъ пользуюсь, и записываю штрафъ.

Въ концѣ, я почти всегда оказываюсь въ выигришѣ, но это ни мало не сердитъ Глумова. Иногда мы даже оба отъ души хохочемъ, когда случается что-нибудь совсѣмъ ужь необыкновенное: ренонсъ, напримѣръ, или дама червей вдругъ покажется за короля. Но никогда еще игра наша не была такъ весела, какъ въ этотъ разъ. Во-первыхъ, Глумовъ, въ горячахъ, пролилъ на сукно свой стаканъ чаю; во-вторыхъ, онъ, имѣя на рукахъ три туза, получилъ маленькій шлемъ! Давно мы такъ не хохотали.

Въ одиннадцать часовъ, мы встали изъ-за картъ, и тѣмъ же порядкомъ, какъ и наканунѣ, улеглись спать.

— А что, братъ, годить-то, пожалуй, совсѣмъ не такъ трудно, какъ это съ перваго взгляда казалось? сказалъ мнѣ на прощаніе Глумовъ.

Я возобновилъ въ своей памяти проведенный день, и нашелъ, что, по справедливости, мнѣ ничего другого не остается, какъ согласиться съ Глумовымъ.

Дѣйствительно, всѣ мысли и чувства во мнѣ до того угомонились, такъ сказать, дисциплинировались, что въ эту ночь я даже не ворочался на постели. Какъ легъ, такъ сейчасъ же почувствовалъ, что голова моя налилась свинцомъ, и помертвѣла. Какая разница съ тѣмъ, что происходило въ эти же самые часы вчера!

На другой день, я проснулся въ восемь часовъ утра и первою моею мыслью было возблагодарить Подателя всѣхъ благъ за совершившееся во мнѣ обновленіе...

Съ тѣхъ поръ, прошло много лѣтъ, и мы все «годимъ». Всѣ дни мы проводимъ неразлучно съ Глумовымъ, ни на іоту не отступая отъ условленной програмы, и разнообразя ее только тѣмъ, что одна недѣля проводится у меня на квартирѣ, а другая—на квартирѣ у Глумова.

Въ теченіи всего этого времени, мы ни разу не почувствовали себя больными, и, постепенно разъѣдаясь, дошли, наконецъ, до того, что сдѣлались поперекъ себя толще. Но и это не отягощаетъ насъ, а какъ будто даже радуетъ. Толщина не произвела въ насъ одышки, а только придала сановитости. Щеки у насъ румяныя, мясà бѣлыя и крѣпкія, какъ кипѣнь, зубы всѣ цѣлы, а глаза смотрятъ такъ ясно, что не одинъ директоръ департамента вчужѣ завидуетъ намъ.

Я не скажу даже, чтобъ намъ было скучно. Жизнь самая однообразная представляетъ возможность для безчисленнаго множества такихъ спутанныхъ комбинацій, которыхъ, съ перваго взгляда, даже угадать нельзя. Что можетъ быть проще первыхъ десяти числъ, а между тѣмъ, какую путаницу можно, при помощи ихъ, произвести! Такъ-то и жизнь. Нужно исключительно предаться процессу существованія, чтобы понять это. Предайтесь ему, раздробите жизнь на мелкіе кусочки, и вы увидите, сколько маленькихъ и очень затѣйливыхъ фигурокъ можно изъ этихъ кусочковъ составлять.

Мы именно такъ и поступаемъ. Имѣя въ записѣ цѣлый мѣшочекъ такихъ кусочковъ, мы каждый день вынимаемъ изъ него столько, сколько нужно, и складываемъ изъ кусочковъ самыя разнообразныя, а порою даже совсѣмъ неожиданныя фигуры. Увѣряю васъ, что никогда не случалось, чтобы одна фигура точь въ точь была похожа на другую.

Мы каждый день колесимъ по Петербургу, но переулковъ, въ которыхъ мы еще не были, право, осталось еще на многіе годы ежедневнаго гулянья. Мы каждый день играемъ въ сибирку, но такихъ комбинацій игръ, которыя еще никогда не приходили, но *могутъ придти*—тоже осталось на многіе годы.

Какъ бы то ни было, но «годить» и «жить»—понятія вовсе другъ съ другомъ не несовмѣстимыя. Это до такой степени вѣрно, что я только на дняхъ почувствовалъ первый позывъ прихоти, но притомъ прихоти самой скромной и законной. Мнѣ захотѣлось описать одинъ изъ дней того жизненнаго періода, впродолженіи котораго намъ суждено «годить». Я сообщилъ объ этомъ намѣреніи Глумову, и тотъ одобрилъ мой планъ.

— Теперь, сказалъ онъ:—когда твои мысли и чувства достаточно устоялись, нѣтъ резона и прихоти не исполнить. Пиши.

Я написалъ то самое, съ чѣмъ читатель сейчасъ познакомился, и прочиталъ мой разсказъ Глумову. И его онъ одобрилъ.

— Ничего, мой другъ, сказалъ онъ:—чистенько. Мыслей маловато, на діалоги немножко смахиваетъ, да по теперешнему суетливому времени, другой литературы и не требуется.

Мало того: я понесъ мой трудъ къ Алексѣю Степанычу—и онъ тоже похвалилъ.

— Прекрасно, голубчикъ, даже очень хорошо, поощрилъ онъ меня.—То-то вѣдь въ васъ и дорого, что легкій этотъ духъ въ васъ есть!

А коли есть «легкій духъ»—значитъ, прочая вся приложится.

Н. Щедринъ.

21 февраля 1877 г.

ПОЭТУ.

Любовь и Трудъ—подъ грудами развалинъ!
Куда ни глянь—безстыдство и вражда!
А ты молчишь—бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгараешь со стыда.
И небу шлешь укоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣнчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?..

Февр. 1877.

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА [1].

Они горятъ!.. Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Ужь не горитъ ли съ ними и любовь,
Которая ихъ сердцу диктовала?

Ихъ ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды ихъ еще не доказала...
Но та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!

Свободно ты рѣшала выборъ свой,
И не какъ рабъ упалъ я на колѣни;
Но ты идешь по лѣстницѣ крутой
И дерзко жжешь пройденныя ступени!...

Безумный шагъ!.. быть можетъ роковой...
. . . .

Н. Некрасовъ.

---

[1] Исправленное—прежнее стих.

ПРИГОВОРЪ.

«...Вы въ своей землѣ благословенной
Парія, — не знаетъ васъ народъ,
Свѣтскій кругъ бездушный и надмѣнный
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.

И звучитъ безцѣльно ваша лира,
Вы—пѣвцами темной стороны,
На любовь, на уваженье міра
Не стяжавшей права, рождены!..»

Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь Западъ говоритъ,
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!.. Но родина молчитъ...

Н. Некрасовъ.

1877. Ночь съ 7-го на 8-е янв.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗЛОБА ДНЯ.

I.

Какъ посмотрѣть, да посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Въ самомъ дѣлѣ, еслибы подробно и всесторонне прослѣдить характеръ эпохи конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ и, затѣмъ, въ параллель къ этому, характеризовать эпоху послѣдующаго, едва только пережитаго нами десятилѣтія—контрастъ вышелъ бы такъ рѣзокъ и ярокъ, что, дѣйствительно, несмотря на всю свѣжесть преданія, даже еще не успѣвшаго стать преданіемъ, съ трудомъ повѣрилось бы въ реальность печальнаго факта. А фактъ печаленъ, не шутя. Каковы бы ни были недостатки того времени, все-таки оно сіяетъ яркимъ свѣтомъ на фонѣ кромѣшной тьмы сороковыхъ годовъ съ одной стороны и нашего пріятнаго времени—съ другой. Пусть тогдашнія увлеченія нашего общества были зачастую очень легкомысленны, незрѣлы, пожалуй, даже смѣшны иногда; пусть надежды, возлагавшіяся на «настоящее время, когда» и т. д., были, порою, просто фантастичны, какъ это доказалъ опытъ и какъ это, впрочемъ, доказывали уже тогда люди, понимавшіе, что скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Но, за всѣмъ тѣмъ, честные люди чувствовали себя тогда въ жизни въ значительной степени chez soi, и если нѣкоторые изъ нихъ, умирая, съ несомнѣнною искренностью говорили, что они умираютъ «оттого, что были честны»—все-таки они умирали «спокойные душою», съ завѣтомъ своимъ друзьямъ «шествовать тою же стезею». Это значитъ, что, какъ ни мало тогдашняя дѣйствительность удовлетворяла людей съ строгими и широкими требованіями, въ ней, однако же, не было фактовъ, которые могли бы окончательно убить въ человѣкѣ всякую энергію и привести его къ индиферентизму и даже къ апатіи.

Тяжело умирать преждевременно, въ полномъ разцвѣтѣ силъ и способностей; но если жизнь не поколебала въ человѣкѣ убѣжденія, что избранная имъ «стезя» дѣйствительно ведетъ къ счастію, къ истинѣ, тогда ему съ полнымъ основаніемъ могутъ позавидовать всѣ тѣ, кто осужденъ судьбою, день за день, какъ лямку тянуть свою жизнь, съ отвращеніемъ къ самому себѣ, съ презрѣніемъ къ окружающему, со всею ядовитою горечью сознанія d'une existence manquée. А вѣдь теперь, что бы ни говорили о «положительности» нашего времени, это сознаніе является едва-ли не господствующимъ чувствомъ въ душѣ каждаго, кто хотѣлъ бы жить не о единомъ хлѣбѣ только.

Но, не говоря уже объ общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова, даже рѣзкое различіе въ характерѣ литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ такъ очевидно и такъ невыгодно для послѣдней, что если мы станемъ основывать свои заключенія только на этомъ частномъ, отдѣльномъ примѣрѣ, взятомъ изъ исторіи литературы, какъ важной и вліятельной, но далеко не преобладающей функціи общественной жизни даже въ этомъ случаѣ мы придемъ къ очень невыгодному понятію о прочности и, такъ сказать, органичности нашего прогресса. Литература 60-хъ годовъ всегда и во всемъ руководствовалась общими идеями, общими принципами и занималась частными фактами лишь постольку, поскольку находила ихъ пригодными для подкрѣпленія уже добытыхъ или для сформированія новыхъ общихъ положеній; эта наклонность къ синтезу, къ обобщеніямъ, была въ ней тѣмъ сильнѣе, что составляла естественную реакцію тому безобразному буквоѣдству, которое установилось было въ литературѣ немедленно послѣ смерти Бѣлинскаго. Литература 70-хъ годовъ, въ полную противоположность съ своей предшественницей, опять, какъ мы знаемъ, обратилась къ накопленію мелкихъ фактовъ, къ изслѣдованію частныхъ явленій, съ полнымъ, конечно, основаніемъ полагая, что воздушный зàмокъ — не тоже, что жилой домъ, и совершенно неосновательно забывая, что безпорядочная груда мусора можетъ служить жильемъ нисколько не болѣе. «Текущіе вопросы», т. е. вопросы дня—вопросы, безспорно, важные, нужные, но далеко не такіе, которые могутъ затронуть въ читателѣ его общечеловѣческія струны, его сердечныя симпатіи и вѣрованія—эти вопросы почти исключительно поглощали ея вниманіе. Да и въ этихъ вопросахъ, нужно замѣтить, гораздо бòльшее вниманіе обращалось ею на формальную сторону дѣла, нежели на его принципіальныя основы. Литература 60-хъ годовъ, несмотря на свой космополитизмъ, на свое тяготѣніе къ Западу, къ его «святымъ чудесамъ», умѣла оставаться народной, не въ этнографическомъ, а въ соціальномъ смыслѣ, т. е. не литературой извѣстной національности, а представительницею и защитницею интересовъ народа, во всей его совокупности. Литература 70-хъ годовъ, въ огромномъ большинствѣ, занималась политическою, умственною и нравственною

жизнью интеллигентныхъ и руководящихъ классовъ; всѣ эти такъ усердно разработываемые ею «текущіе вопросы» почти всегда цѣликомъ лежали внѣ сферы сѣронародной жизни; государственные интересы или, что̀ почти одно и тоже, интересы привилегированныхъ классовъ стояли для нея впереди интересовъ народной жизни. Это, впрочемъ, было совершенно естественно, такъ какъ, при искреннемъ желаніи добра народу и при извѣстной добросовѣстности мысли, совершенно невозможно удовлетвориться тою узкою и приниженною точкою зрѣнія, съ которою литература, вольно или невольно, привыкла относиться къ явленіямъ общественной жизни. Смѣлость, даже дерзость мысли, полнота и цѣльность убѣжденія, самоувѣренность, сила и искренность чувства, все это—въ такой же степени характеристическія черты литературы 60-хъ годовъ, въ какой для литературы семидесятыхъ годовъ главнѣйшими особенностями и свойствами являются недовольство собою, мелочность идей, трусливая осторожность и какой-то полужалобный, полуапатичный тонъ, какая-то усталость и надломленность, сквозящая въ каждомъ, сколько нибудь искреннемъ словѣ. А главное, что̀ рѣзче всего отличаетъ литературу 60-хъ годовъ отъ литературы нашихъ дней и чѣмъ въ значительной степени обусловливалось ея вліяніе на общество, это—ея сознательность, въ высшемъ смыслѣ этого слова, т. е. стройность и послѣдовательность ея программы и почти до конкретности доходящая жизненность, осязательность ея идеаловъ. Несмотря на свою наклонность къ общимъ идеямъ, несмотря на свой кажущійся идеализмъ, ея тенденціи, въ сущности, были нетолько несравненно шире, но и несравненно жизненнѣе и реальнѣе, нежели вялыя указанія современной дѣловитой литературы на то или другое колесцо общественнаго механизма. Изъ этого различія основныхъ тэмъ происходило и различіе въ самомъ тонѣ рѣчи—различіе, такъ непріятно поражающее насъ, когда мы сравниваемъ «нынѣшнее» и «минувшее» нашей литературы. Дѣло то все въ томъ, что, правильны или неправильны были воззрѣнія людей того времени, эти воззрѣнія были близки ихъ сердцу: они жили своими идеями, тогда какъ теперь, говоря словами г. Щедрина, «писателю не хочется писать, читателю противно читать», и нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ, въ виду тѣхъ предметовъ, анализъ которыхъ служитъ главнымъ содержаніемъ теперешней литературы. Только великая идея можетъ вдохновить человѣка; только широкій идеалъ можетъ привязать его къ себѣ; только синтетическая мысль можетъ служить предметомъ горячаго и крѣпкаго убѣжденія; писать, какъ выражался Бёрне, «кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ» можно лишь тогда, когда предметъ, по своей глубинѣ и важности, дѣйствительно способенъ поглотить собою человѣка, какъ вопросъ нравственной жизни и смерти. Можно быть фанатикомъ, напримѣръ, идеи свободы или идеи братства, солидарности людей; но фанатизмъ,

напримѣръ, въ вопросѣ о направленіи сибирской желѣзной дороги—комиченъ до послѣдней степени, конечно. Не одно и тоже—говорить объ общихъ вопросахъ нравственности, о соціальныхъ идеалахъ будущаго, объ интересахъ и правахъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ земли, «призывать милость къ падшимъ» и т. д., или же толковать объ отношеніяхъ суда къ администраціи, объ организаціи кредита, о городовомъ положеніи, о расширеніи губернаторской власти и т. п. Въ первомъ случаѣ человѣкъ является пропагандистомъ, который «сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своенравный чародѣй»; во второмъ онъ—или спеціалистъ, экспертъ, подающій свое «заключеніе», къ судьбѣ котораго онъ довольно равнодушенъ и холоденъ, или же, что въ нашей литературѣ встрѣчается гораздо чаще, просто чиновникъ-ремесленникъ, какъ Фамусовъ, разсуждающій: «написано и съ плечь долой». Да иного отношенія къ дѣлу, конечно, нѣчего и ждать тамъ, гдѣ, по остроумному и вѣрному замѣчанію одного фельётониста, достаточно литературѣ высказать по какому-нибудь практическому вопросу единодушное мнѣніе, чтобы въ дѣйствительности немедленно осуществилась мѣра, какъ разъ противоположная. Въ своемъ стремленіи къ дѣловитости, литература утратила *дѣльность*, содержательность, поучительность, и, вмѣсто произведеній, какія мы привыкли встрѣчать въ литературѣ 60-хъ годовъ, произведеній, въ которыхъ каждая страница свидѣтельствуетъ о присутствіи въ авторѣ глубокаго и живаго убѣжденія, мы имѣемъ теперь рядъ обстоятельныхъ докладовъ, можетъ быть, очень дѣловитыхъ, умныхъ, доказывающихъ въ ихъ авторахъ близкое знакомство съ предметомъ, но рѣшительно неспособныхъ ни расшевелить мысль читателя, ни пробудить его нравственное чувство. Сообщая факты, указывая на разныя желательныя въ государственномъ и общественномъ смыслѣ «мѣропріятія», литература положительно не въ силахъ теперь служить для читателя источникомъ нравственныхъ импульсовъ, призывающихъ его къ жизни мысли, подкрѣпляющихъ его энергію и охоту къ труду. Идеалы потускнѣли, тенденціи обезцвѣтились и съузились; вмѣсто прежней энергіи—уныніе и апатія; вмѣсто прежней «горы двигающей» вѣры—вялый индиферентизмъ, для котораго «съ одной стороны—должно признаться, съ другой стороны—нельзя не сознаться», а съ третьей стороны—хоть трава не рости. Традиціи «минувшаго» не исчезли вовсе, но исчезъ духъ, когда-то животворившій нашу литературу или, говоря прекрасными словами Беранже:

Любовь, какъ пѣсня рая,
Живетъ въ сердцахъ, но смыслъ ея пропалъ.
Нѣтъ божества, стоитъ лишь пьедесталъ
И грязь на немъ наплыла вѣковая!

Таковы факты. Они, какъ явленія, очень печальны, конечно, а какъ факты не подлежатъ, къ несчастію, никакому сомнѣнію. Литература наша, и это дѣлаетъ ей честь, усвоивши себѣ «дѣ-

ловкость», вовсе не усвоила вмѣстѣ съ нею и противнаго самодовольства современныхъ дѣльцовъ; горькія сожалѣнія о недавнемъ прошломъ, самообвиненія и самообличенія можно встрѣтить въ ней зачастую. Съ другой стороны, никогда литература не подвергалась отъ общества такимъ нареканіямъ, какъ именно теперь—нареканіямъ, въ главныхъ чертахъ совершенно сходнымъ съ тѣми самообвиненіями, какія мы находимъ въ самой литературѣ. Такимъ образомъ, фактъ безжизненности и маловліятельности современной литературы стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. На него указываетъ общество; о немъ единодушно свидѣтельствуетъ и сама литература.

Какъ всякій общій и значительный фактъ, это явленіе должно имѣть общія и глубокія причины. Замѣтимъ мимоходомъ, что объяснять его, какъ это иногда дѣлалось въ литературѣ и очень часто въ обществѣ, какими-нибудь случайными причинами, въ родѣ отсутствія въ современной литературѣ талантовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе дѣйствовали въ предшествовавшую эпоху—по меньшей мѣрѣ, странно. Не потому на улицѣ холодно, что въ лѣсу ягодъ нѣтъ, а потому ягодъ нѣтъ, что онѣ не растутъ на морозѣ. Или мы начинаемъ вырождаться? Развѣ въ современномъ молодомъ поколѣніи, взятомъ въ его цѣломъ, въ массѣ, сумма знаній, способностей, талантовъ, нравственныхъ качествъ менѣе нежели въ предшествовавшихъ поколѣніяхъ? Развѣ общество—и въ особенности, общество по праву считающее себя исторически молодымъ—можетъ дойти—безпричинно и внезапно—до такой степени упадка, чтобы потерять даже производительную силу, силу выдвигать изъ своей среды людей, достойныхъ играть роль въ его жизни? Индивидуальныя силы узируются и истощаются, но общество обновляется непрерывно; оно не знаетъ старости; и, во всякомъ случаѣ, ни съ чѣмъ несообразно предполагать, что одно поколѣніе было щедро одарено отъ природы умственными и нравственными способностями, а поколѣніе, непосредственно за нимъ слѣдующее, представляетъ собою какую-то безплодную Сахару, въ которой хоть шаромъ покати. Какъ будто мы—потомки не однихъ предковъ, воспитывались въ иной средѣ и развивались при совершенно иныхъ условіяхъ! Можно говорить о томъ, что литература потеряла свою прежнюю притягательную для интеллигенціи силу, что открылись новыя сферы общественной дѣятельности, что потребность и условія современной жизни склоняютъ людей болѣе къ практической, нежели къ теоретической дѣятельности и т. д.—все это будетъ, правильно или неправильно, но, во всякомъ случаѣ правдоподобно, возможно, мыслимо; но обвинять цѣлое поколѣніе въ неспособности, это—рѣшительно невозможная мысль, неправдоподобное предположеніе. Только отупѣвшимъ и совершенно отставшимъ отъ жизни старикамъ простительно утверждать, что въ «ихъ время», т. е. въ эпоху ихъ молодости,

и люди были умнѣе и добрѣе, и солнце ярче свѣтило, и воздухъ былъ чище, и трава зеленѣе.

Еще ни одной литературѣ въ мірѣ, нигдѣ и никогда, не удалось сыграть роли Колумба, открывшаго цѣлый громадный материкъ, никому до тѣхъ поръ неизвѣстный. Литература, по самой своей сущности, есть ничто иное, какъ теоретическое выраженіе и формулированіе тѣхъ идей, тенденцій, желаній, стремленій, потребностей, которыя безпорядочно и нестройно бродятъ въ обществѣ: вотъ простая мысль, столько разъ и такъ энергически доказанная Добролюбовымъ. Къ несчастію, чисто служебная роль литературы слишкомъ часто забывается при обсужденіи значенія и характера того или другого періода общественнаго развитія. Но разъ ставши на эту точку зрѣнія, единственно, по нашему мнѣнію, справедливую, разъ согласившись, что литература, говоря словами Добролюбова, «служатъ отраженіемъ жизни, а не жизнь слагается по литературнымъ программамъ», мы, очевидно, должны будемъ признать полную ея безотвѣтственность за тотъ или другой характеръ даннаго историческаго момента. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о причинахъ прогрессивнаго или реакціоннаго характера извѣстной эпохи на первомъ планѣ стоитъ изслѣдованіе условій общественной жизни, разсматриваемой со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея проявленіяхъ; литература же, въ этомъ случаѣ, является лишь особенно удобнымъ объектомъ для наблюденія и анализа, такъ какъ и дурныя, и хорошія стороны жизни отражаются въ ней особенно рельефно и ярко. Сила исторической жизни есть сила стихійная, и, если мы не знаемъ ея законовъ, какъ не знаемъ многихъ законовъ, управляющихъ и стихіями, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ тотъ отрицательный выводъ, что характеръ этой жизни не зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ немногихъ, въ томъ или другомъ отношеніи выдающихся личностей, а обусловливается стремленіями и интересами большинства. Нигдѣ экономическій законъ взаимной зависимости спроса и предложенія такъ не дѣйствителенъ, какъ на умственномъ рынкѣ; работники мысли вообще и писатели въ частности даютъ только то, что отъ нихъ спрашивается жизнью, въ чемъ общество въ данную минуту наиболѣе нуждается, и это тѣмъ справедливѣе, чѣмъ развитѣе и умственно-самостоятельнѣе образованное большинство общества. Когда общественная мысль едва только начинаетъ пробуждаться, роль литературы состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сообщить матеріалъ для этой мысли, при чемъ ей предоставляется широкое поле для выбора; но разъ общественная мысль установилась, сформировалась, окрѣпла, роль литературнаго дѣятеля становится несравненно пассивнѣе и уже. Его обязанности сводятся къ тому, чтобы уловить mot d'ordre жизни, уяснить себѣ тенденціи общества, по возможности отчетливо и ясно формулировать ихъ и, наконецъ, предугадать ихъ дальнѣйшее развитіе и тѣмъ самымъ способствовать ихъ скорѣйшему прак-

тическому осуществленію. Роль писателя активна, что̀ касается до разработки, теоретическаго развитія и отчасти антиципированья этихъ тенденцій, но она совершенно пассивна, что̀ касается до воспринятія ихъ. Направленіе, характеръ и, конечно, сила и вліятельность его дѣятельности опредѣляются его личностью, его способностями и симпатіями, но содержаніе и сущность этой дѣятельности опредѣляются потребностями и тенденціями общества. Онъ можетъ находить потребности общества искуственными, его тенденціи ложными—и бороться противъ нихъ, или разумными и справедливыми—и дѣйствовать ради и во имя ихъ: въ этихъ границахъ его индивидуальности открыть полный просторъ; но онъ будетъ защитникомъ или антагонистомъ *этихъ* тенденцій, и въ этомъ обстоятельствѣ именно и выражается та зависимость характера литературы отъ характера общественной жизни, то регулированіе дѣятельности писателя условіями времени и мѣста, которое совершенно снимаетъ съ литературы отвѣтственность за такіе ея недостатки, какъ вялость и безжизненность, и, конечно, съ другой стороны, отнимаетъ возможность вмѣнять ей въ заслугу такія ея достоинства, какъ оживленность, горячность тона и т. д. «Уловить mot d'ordre жизни»—но если этимъ словомъ является нажива, тогда, понятно, писателю нѣтъ повода особенно горячиться и увлекаться; «уяснить тенденціи общества»—но, если эти тенденціи состоятъ во всепоглощающемъ стремленіи во что̀ бы то ни стало «урвать кусокъ»—право, ненужно особенно много ломать голову, чтобы опредѣлить значеніе такихъ «тенденцій». Все, что̀ можно требовать и ожидать отъ литературы въ этомъ случаѣ, это—отрицательнаго отношенія къ жизни, и современную литературу—не макулатуру, а литературу—никакъ нельзя упрекнуть въ подслуживаньи грязнымъ инстинктамъ, въ потачкѣ низкимъ побужденіямъ, такъ широко и привольно развернувшимся въ послѣднее несчастное десятилѣтіе. Но, вѣдь, отрицаніе можетъ быть горячо и живо только тогда, когда оно направлено противъ отдѣльныхъ, хотя бы очень важныхъ и крупныхъ, но непремѣнно частныхъ явленій; отрицать совокупность всѣхъ фактовъ жизни, осуждать общій характеръ ея направленія значитъ бороться съ вѣтренными мельницами, потому что отрицаніе возможно только во имя идеала, взятаго изъ дѣйствительной жизни, или—что̀ нисколько не лучше—значитъ идти противъ рожна, стараться плетью перешибить обухъ. Для того, чтобы въ литературѣ, осужденной дѣйствовать среди «мерзости» нравственнаго «запустѣнія», въ эпоху общей деморализаціи и застоя, опять начала бить живая струя, ей необходимо найти новую почву для своихъ идеаловъ, новое поле для своей мысли и новыя впечатлѣнія для своего чувства. А это возможно лишь тогда, когда она совершенно перемѣститъ центръ тяжести своей дѣятельности, отрясетъ, такъ сказать, прахъ отъ своихъ ногъ и обратится къ уясненію и защитѣ интересовъ совершенно противоположныхъ тѣмъ,

какіе до тѣхъ поръ стояли для нея на первомъ планѣ. Къ счастію, что̀ касается собственно нашей литературы, такой исходъ нетолько возможенъ для нея, но и неизбѣженъ, и нетолько неизбѣженъ, но въ извѣстной степени уже осуществляется практически.

Не литература виновата въ вялости умственной и нравственной жизни современнаго общества—мало того: не она виновата въ своей собственной теперешней безхарактерности и безцвѣтности. Если лицо некрасиво, безполезно пенять на зеркало, и только наша исторически-извѣстная несамостоятельность, неспособность къ инииціативѣ, привычка думать чужимъ умомъ и подчиняться чужой волѣ можетъ если не оправдать, то объяснить обвиненія литературы за то, что она не въ силахъ сдвинуть насъ съ мѣста, на которомъ мы безпомощно толчемся вотъ уже второй десятокъ лѣтъ. Въ этомъ же печальномъ свойствѣ нашемъ можно бы было, не ходя далеко, найти если не главнѣйшую, то все-таки одну изъ серьёзныхъ причинъ неустойчивости, непрочности нашего прогресса вообще и печальнаго фіаско нашего общественнаго движенія 50-хъ годовъ въ частности. Это движеніе было вызвано чисто внѣшнимъ толчкомъ, и нѣтъ ничего мудренаго, что, впослѣдствіи, внѣшній же толчокъ или рядъ такихъ толчковъ оказался въ силахъ остановить его. Громъ грянулъ, мужикъ перекрестился; но вѣдь этого мало для спасенія. Для большинства образованнаго общества, или, какъ тогда любили выражаться, для «толпы» интересы мысли и развитія вовсе не были особенно дороги. Эта толпа, какъ и всякая другая, могла увлекаться извѣстными идеями, но отъ увлеченія до убѣжденія еще очень далеко, и какъ только внѣшнія обстоятельства измѣнились, какъ только передовыя идеи того времени стали требовать отъ своихъ адептовъ не энтузіазма только, не восторговъ, никому ненужныхъ и ни на что̀ негодныхъ, а серьёзныхъ усилій и даже жертвъ—большинство охладѣло къ нимъ и быстро перемѣнило фасъ. Такимъ-то вотъ образомъ и произошло, что тѣ самые люди, которые нѣкогда разъигрывали или стремились разъигрывать роль Исаій, Іеремій, теперь съ омерзительнымъ цинизмомъ сами себя объявляютъ «прелюбодѣями мысли»; тѣ самыя идеи и воззрѣнія, которыя нѣкогда до глубины души волновали насъ, теперь называются плачемъ на рѣкахъ вавилонскихъ. Ренегатство — заурядное явленіе тамъ, гдѣ не умѣютъ цѣнить преданность и вѣрность своимъ убѣжденіямъ, ту нравственную чистоту и безупречность, которыя въ обществахъ, сколько-нибудь требовательныхъ и чуткихъ, обязательны для каждаго общественнаго дѣятеля. Горькій упрекъ Лермонтова людямъ своего поколѣнія въ томъ, что они «къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно малодушны» и проч., остается въ своей силѣ и понынѣ. И это-то общество осмѣливается обвинять въ безцвѣтности и безсиліи нашу ве[illegible] мученицу литературу, изнывающую и задыхающуюся подъ [illegible]

томъ равнодушія порядочныхъ людей, злорадства всѣхъ мерзавцевъ и разныхъ другихъ прелестей, способныхъ парализовать самую горячую энергію и волю! Кàкъ ни слаба, ни чахла, ни безцвѣтна современная литература, нельзя не удивляться ея выносливости и живучести, нельзя, смѣемъ сказать, не гордиться ею. Дà, нельзя не гордиться ею. Свѣтильникъ, поставленный подъ столъ, все таки свѣтильникъ, и литература съ полнымъ правомъ могла бы сказать обществу словами Гоголя: «чего смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» Будущій историкъ нашего развитія отведетъ надлежащее мѣсто всѣмъ этимъ типическимъ качествамъ нашего общества, но, конечно, онъ не упуститъ изъ виду и оцѣнитъ по достоинству и историческую роль тѣхъ обособившихся, застывшихъ и омертвѣвшихъ общественныхъ эманацій, которыя, просто уже по чувству самосохраненія, должны желать кàкъ можно меньше «оживленности» въ чемъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было.

II.

Всматриваясь въ современную литературу, невольно поражаешься однимъ обстоятельствомъ, очень характернымъ и важнымъ, по нашему мнѣнію. Дѣло въ томъ, что упрекъ въ безцвѣтности и безсодержательности справедливъ, главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, по отношенію къ беллетристикѣ и литературной критикѣ — двумъ отдѣламъ литературы, очень тѣсно между собою связаннымъ и игравшимъ значительную роль въ дѣлѣ развитія общества. Чтò касается публицистики, то хотя и въ ней, конечно, мы не найдемъ прежняго огня и страстности, но, за всѣмъ тѣмъ, ее никакъ нельзя упрекнуть ни въ неопредѣленности цѣлей, ни въ безсодержательности, ни въ узости или избитости идей—если, конечно, какъ оно и слѣдуетъ, имѣть въ виду ея лучшихъ современныхъ представителей. Но совсѣмъ другое должно сказать о литературной критикѣ и о беллетристикѣ: ихъ упадокъ рѣшительно поразителенъ; онъ выражается нетолько въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи произведеній этого рода, т. е. значитъ—дѣло доходитъ до полной невозможности писать, до совершеннаго отсутствія сюжетовъ и тэмъ, до окончательнаго истощенія того матеріала, которымъ пользовались до сихъ поръ въ этихъ двухъ отрасляхъ литературы. Этотъ фактъ, повторяемъ, очень замѣчателенъ, и въ объясненіи его мы найдемъ, быть можетъ, указанія на тѣ умственныя и нравственныя потребности наши, которыя выдвигаются теперь жизнію на очередь.

Литературная критика наша до сихъ поръ почти исключительно жила индивидуально-нравственными идеалами. Идея личности, ея правъ, совершенствованія, развитія стояла для нея на первомъ планѣ и почти заслоняла собою соціальные идеалы,

т. е. идеалы будущихъ желательныхъ формъ общественной и народной жизни. Бѣлинскій, въ первой же своей критической статьѣ, именно въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», выражался, напримѣръ, такимъ образомъ:

«И такъ, вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я*, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!.. Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ?.. Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь; онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь (?), дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло. Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи змѣею между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнками, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя»... и проч. и проч. Какъ ни велерѣчивы эти слова Бѣлинскаго, смыслъ ихъ, однако же, совершенно ясенъ: въ нихъ рѣзко и категорически поставленъ передъ личностью нравственный идеалъ, и этому идеалу Бѣлинскій слѣдовалъ въ теченіи всей своей литературной карьеры. Публицистика наша шла совершенно инымъ путемъ, занималась вопросами соціальной жизни, говорила—худо или хорошо—объ общественныхъ идеалахъ, постоянно обходя вопросы индивидуально-нравственной жизни, и теперь мы видимъ, что, несмотря на неблагопріятныя и внѣшнія, и—что гораздо важнѣе—внутреннія условія для своей дѣятельности, въ ней есть и жизненность, и сознательность, и самоувѣренность, тогда какъ литературная критика и беллетристика выдохлись и обезцвѣтились до послѣдней степени возможности. Значеніе этого факта совершенно ясно. Оно, очевидно, состоитъ въ томъ, что нравственно-индивидуальные идеалы совершенно отжили свой вѣкъ, безвозвратно утратили свое значеніе и должны быть сданы въ архивъ и замѣнены чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе жизненнымъ и практичнымъ, болѣе подходящимъ къ условіямъ и требованіямъ современной дѣйствительности.

Не одни только мы, русскіе, возлагали надежды на возможность реформировать жизнь путемъ индивидуально-нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ личностей; не одни только русскіе писатели старались сформировать въ своемъ представленіи идеалъ нравственной личности и найти тѣ принципы, путемъ усвоенія которыхъ индивидуумъ могъ бы перевоспитать себя, внести строй и гармонію въ свой внутренній, интимный міръ.

Не намъ первымъ приходится и разочаровываться въ возможности дойти этимъ путемъ до результатовъ дѣйствительно цѣнныхъ и прочныхъ. Среди неразвитыхъ обществъ, тамъ, гдѣ люди живутъ гораздо болѣе личною, нежели общественною, публичною жизнію, индивидуально - нравственные идеалы могутъ имѣть и, какъ говоритъ намъ исторія, дѣйствительно имѣли воспитательное значеніе, и принципы личнаго поведенія, хорошо усвоенные человѣкомъ, могутъ играть роль въ его жизни, въ его отношеніяхъ къ окружающимъ и къ окружающему. Когда общество представляетъ собою чисто механическій агрегатъ единицъ, тогда, конечно, очень важно и нужно, чтобы каждая изъ этихъ единицъ, живя внѣ могущественнаго вліянія тѣхъ дѣятелей, которые являются какъ результатъ совмѣстной жизни, могла бороться противъ своихъ инстинктовъ и страстей во имя какихъ-нибудь нравственныхъ максимъ и заповѣдей, въ непреложную истину которыхъ онъ твердо вѣритъ. Строгая и суровая личность какого-нибудь средневѣковаго аскета, успѣвшаго подавить въ себѣ, усиліями своей воли, всѣ страсти и желанія, всѣ «слабости» человѣческой природы, можетъ наглядно доказать намъ, что въ *этой* борьбѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, нравственные идеалы и принципы оказываются орудіемъ совершенно достаточнымъ. Но, чѣмъ выше поднимается волна общественной жизни, тѣмъ чаще приходится индивидууму считаться не съ своею личностью только, но и съ совокупностью всѣхъ вліяній и условій среды, въ которой онъ вращается, тѣмъ, по необходимости, все ничтожнѣе и слабѣе становится значеніе нравственныхъ принциповъ, какъ орудія для борьбы, какъ средства для нравственнаго самосохраненія. Факты доказываютъ это на каждомъ шагу. Не мало вздыхали и разводили руками въ нашей литературѣ по поводу тѣхъ удивительныхъ метаморфозъ, которыя совершаются у насъ съ людьми, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ порядочными. Ка̀къ быстро забывается человѣкомъ все, что̀ «въ сердцѣ кипѣло, боролось» въ періодъ его молодости, какъ только практическая жизнь коснется своею грубою рукою до цвѣточныхъ идей, выхоленныхъ въ какой-нибудь университетской или академической теплицѣ! ка̀къ быстро человѣкъ начинаетъ сжигать то, чему поклонялся, и поклоняться тому, что̀ сжигалъ—поклоняться деревяннымъ чурбанамъ и сжигать святые образа! Эти факты до того часты, до того обыкновенны и обыденны, что всѣ сколько-нибудь великодушныя и альтруистическія чувства мы теперь невольно отводимъ молодости, какъ ея исключительное достояніе, не замѣчая, что тѣмъ самымъ мы произносимъ рѣшительный приговоръ нравственнымъ принципамъ и идеаламъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ, вполнѣ овладѣвшій этими принципами, вполнѣ проникнутый нравственнымъ идеаломъ и искренно желающій служить ему, вступая въ дѣйствительную жизнь, превращается чрезъ нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ въ живое воплощеніе совершенно противоположныхъ началъ, это зна-

чить, конечно, что онъ былъ плохо вооруженъ для борьбы съ жизнію, т. е. другими словами, значитъ, что сила нравственныхъ принциповъ совершенно ничтожна передъ лицомъ дѣйствительности. Этотъ выводъ такъ простъ и ясенъ, что мы рѣшительно недоумѣваемъ, какимъ образомъ даже замѣчательные умы и таланты могли видѣть въ личномъ, изолированномъ развитіи палладіумъ противъ посягательствъ жизни на наши убѣжденія и идеалы. Еслибы, дѣйствительно, самосовершенствованіе этимъ путемъ было достаточнымъ средствомъ къ тому, чтобы отстоять цѣлость своей нравственной личности, тогда мы видѣли бы на практикѣ явленіе совершенно противоположное тому, какое мы видимъ въ настоящее время—именно: вмѣсто постепенной деморализаціи личностей, наблюдаемой теперь какъ общій фактъ, почти какъ законъ, мы видѣли бы, наоборотъ, постепенное просвѣтленіе и очищеніе людей отъ всѣхъ привитыхъ извнѣ пороковъ и недостатковъ. Умѣнье «класть душу свою за други своя», чувствовать чужое горе и чужія страданія, способность любить людей и т. п.—все это было бы гораздо болѣе свойственно пожилому возрасту, нежели молодости. Факты, однако, говорятъ намъ иное, и, если мы встрѣчаемъ иногда въ жизни свѣтлыя личности, которыя со старческою жизненною опытностію соединяютъ чистоту и великодушіе чувствъ молодости, то мы обязаны этими исключеніями отнюдь не особенно сильной привязанности этихъ рѣдкихъ людей къ ихъ идеаламъ, а просто—или благопріятнымъ условіямъ ихъ личной жизни, или же силѣ и живучести ихъ непосредственнаго чувства.

Нравственные идеалы и принципы [1], какъ давно уже замѣчено, очень мало способны къ развитію въ томъ смыслѣ, въ какомъ способна къ нему всякая теоретическая идея. Отъ нихъ трудно что-нибудь урѣзать, къ нимъ трудно что-нибудь прибавить, и соціально-нравственный вопросъ сводится не къ тому, чтобы выработать новые, болѣе дѣйствительные нравственные идеалы, а исключительно къ тому, чтобы найти средства по возможности прочно прививать ихъ къ характеру человѣка. Формулировать эти идеалы—ничего нѣтъ легче; продолжать ихъ теоретическую разработку—нѣтъ никакой возможности, и сама сила вещей приводитъ къ необходимости выработать такія формы общественной жизни, при которыхъ было бы возможно осуществленіе и практическое примѣненіе нравственныхъ принциповъ. Другими словами: логика вещей приводитъ къ необходимости выработать со-

[1] Мы, какъ, конечно, замѣтилъ читатель, безразлично употребляемъ термины «принципъ» и «идеалъ», хотя, безспорно, это—не одно и тоже. Но мы не хотимъ вдаваться въ опредѣленія вещей всѣмъ извѣстныхъ и понятныхъ—опредѣленія обыкновенно очень туманныя и нисколько не уясняющія дѣла. Есть множество словъ, которыя каждымъ употребляются въ своемъ особенномъ смыслѣ, но это нисколько или очень мало вредитъ ясности понятій, такъ какъ изъ самаго изложенія видно, въ какомъ именно значеніи употребленъ тотъ или другой терминъ.

ціальный идеалъ на основаніи всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ комбинацій, которыя происходятъ вслѣдствіе непрерывнаго взаимодѣйствія личностей, ихъ отношеній, ихъ сталкивающихся и переплетающихся интересовъ. *Здѣсь* представляется для теоретической мысли широкое и неистощимое поле дѣятельности. Кàкъ широка и неистощима сама жизнь во всемъ безконечномъ разнообразіи ея явленій и кàкъ узокъ и бѣденъ, кàкъ жалокъ въ сравненіи съ нею темный мірокъ индивидуальнаго существованія! Именно эта относительная бѣдность внутренней жизни личности и, съ другой стороны, то почти исключительное вниманіе, съ которымъ относились къ индивидуально-нравственнымъ задачамъ и вопросамъ—именно это, по нашему мнѣнію, и приводило людей постепенно къ рефлексіи, т. е. къ раздвоенію и, слѣдовательно, ослабленію ихъ нравственнаго существа. Роковая безплодность идеаловъ, при пожирающей дѣятельности мысли, неизбѣжно должна привести къ такой путаницѣ и сбивчивости понятій, изъ которой трудно найти какой-нибудь исходъ. Несмотря на томительное исканіе руководящихъ нравственныхъ принциповъ, люди 40-хъ годовъ, путаясь въ діалектическихъ тонкостяхъ (которыя немедленно являются тамъ, гдѣ для мысли нѣтъ здороваго и обильнаго содержанія), пришли, наконецъ, какъ извѣстно, къ оправданію и санкціонированію «дѣйствительности», т. е. значитъ—рѣшительно потеряли даже способность отличать добро отъ зла, истину отъ лжи, и только лучшіе изъ нихъ, въ которыхъ нравственное чувство было слишкомъ сильно и дѣятельно, путемъ страданій и страшной нравственной ломки, успѣли кое-кàкъ выбраться изъ пучины непримиримыхъ противорѣчій. Кàкъ ни простъ идеалъ нравственной личности, кàкъ ни элементарны нравственные принципы, все-таки нѣтъ такого человѣческаго поступка, который бы не допускалъ самыхъ разнообразныхъ толкованій и объясненій; изъ этого слѣдуетъ, что этотъ идеалъ безсиленъ даже какъ критерій достоинства людей, т. е. значитъ: онъ не имѣетъ самой существенной принадлежности всякаго, сколько-нибудь разумно составленнаго идеала.

Людямъ вообще нисколько не весело «гнуть свой хребетъ, ползать змѣей между тиграми, бросаться тигромъ между овцами». «Пить кровь и слезы»—это совершенно противоестественно, и, если люди дѣлаютъ это, то, очевидно, только потому, что такой òбразъ дѣйствій ведетъ ихъ къ «почестямъ и титламъ». Если жизнь сложилась такимъ образомъ, что этотъ путь «широкъ, спокоенъ и легокъ», между тѣмъ какъ идти другой дорогой значитъ совершать «подвигъ», тогда совершенно безполезно требовать отъ людей, чтобы они добровольно взяли на себя «тяжкій крестъ страданія», и очень наивно ожидать, что они, во имя отвлеченной идеи долга или даже такого, вполнѣ конкретнаго понятія, какъ совѣсть, откажутся отъ «веселой и блестящей жизни». Несправедливо и неблагоразумно требовать отъ обыкновеннаго человѣка, чтобы онъ «открекся отъ

себя, попралъ ногами свое своекорыстное *я*». Несправедливо потому, что каждый изъ насъ имѣетъ право на жизнь и личное счастье; неблагоразумно потому, что каждому изъ насъ своя рубашка къ тѣлу ближе, и никакія разсудочныя фикціи не могутъ замѣнить для насъ реальныхъ наслажденій, къ которымъ влекутъ насъ наши инстинкты, наши страсти, весь нашъ нравственный складъ и потребности физическаго организма, наконецъ. Какъ бы ни глубоко проникся человѣкъ желаніемъ «жертвовать всѣмъ для блага ближняго, для пользы человѣчества» — этимъ высшимъ нравственнымъ идеаломъ, какой только былъ когда нибудь поставленъ передъ людьми, этою «большею заповѣдью», на которой, дѣйствительно, зиждется весь нравственный «законъ», но окончательный результатъ несомнѣненъ, и рано или поздно, вполнѣ или отчасти, жизнь возьметъ свое. Вѣдь и средневѣковые монахи—люди, безспорно, съ сильнымъ характеромъ, съ могучею волею, съ жаркою вѣрою—могли успѣшно бороться съ собою лишь при условіи полной изолированности отъ жизни и ея соблазновъ, полнаго уединенія отъ людей и вліянія ихъ примѣровъ. Сила жизни, неотразимость ея вліянія состоитъ именно въ томъ, что она дѣйствуетъ на душу человѣка ежесекундно и непрерывно, всею совокупностью своихъ впечатлѣній, даже самыхъ будничныхъ и обыденныхъ, или, вѣрнѣе, главнымъ образомъ, именно впечатлѣніями этого порядка. Если даже «капля долбитъ камень», то, конечно, мало найдется такихъ гранитныхъ душъ и сердецъ, которыя бы выдержали ни на одну минуту неослабѣвающій напоръ всей великой житейской рѣки. Гдѣ же взять силъ на это? И кто же, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ идеалиста-моралиста, рѣшится бросить камень въ людей за то, что они—люди, что они хотятъ наслаждаться, что въ ихъ жилахъ течетъ не вода, а горячая кровь, что акриды и дикій медъ—для нихъ недостаточная пища, за то, наконецъ, что жизнь такъ прекрасна, что ея обольщеніямъ противостоять такъ трудно? Наше воспитаніе, впечатлѣнія и уроки дѣтства, затѣмъ примѣры близкихъ и зачастую дорогихъ намъ людей, наконецъ, непрерывные, неперемежающіеся толчки жизни—все влечетъ насъ къ тому, чтобы жить, «какъ всѣ», идти по проторенной «широкой, спокойной и легкой» дорогѣ. И не дѣлаетъ ли высокой чести необыкновенной живучести въ людяхъ чувства человѣческаго достоинства, незаглушимости ихъ нравственнаго чувства, ихъ совѣстливости тотъ фактъ, что огромное большинство изъ нихъ, хотя и «гнутъ хребетъ», конечно, но очень рѣдко изображаютъ собою змѣй среди тигровъ и тигровъ среди овецъ? Если жизнь ставитъ человѣку альтернативу: быть молотомъ или быть наковальней, то нѣтъ ничего мудренаго, что онъ изберетъ болѣе выгодную для себя роль молота. «Любить ближняго, какъ самого себя» — этотъ высокій принципъ превращается въ горькую насмѣшку тамъ, гдѣ провозглашается суровый законъ борьбы за существованіе, гдѣ «человѣкъ чело-

вѣку — волкъ», гдѣ «побѣжденнымъ горе», гдѣ одиннадцатая заповѣдь исполняется усерднѣе, нежели всѣ остальныя десять, вмѣстѣ взятыя. «Попри ногами свое своекорыстное *я*»—но если моя личность, моя индивидуальность, моя нравственная святыня и безъ того именно *попирается ногами* другихъ людей, то, не говоря уже о чувствѣ самосохраненія, моя законная гордость возмущается при одной мысли о томъ, что я долженъ безропотно разыгрывать въ жизни роль жалкой рогожи, которую топчетъ всякая грязная нога. Проклинайте дѣйствительность, обвиняйте условія и факты жизни, боритесь противъ этихъ условій, но будьте же справедливы и гуманны, будьте просто благоразумны и разсудительны и не обвиняйте людей за то, въ чемъ они нисколько неповинны, не требуйте отъ нихъ «подвиговъ», превосходящихъ ихъ силы. Не поученіями спасаютъ людей отъ деморализаціи. Развѣ безъ боли, безъ страданія доходятъ люди до той полной атрофіи всѣхъ человѣческихъ чувствъ, при которой, дѣйствительно, возможно «пить кровь и слезы»? Развѣ потому они такъ удаляются нетолько отъ нравственнаго идеала, но и отъ нравственной нормы, что незнакомы или плохо знакомы съ высокимъ ученіемъ нравственности? Но вѣдь этому ученію уже нѣсколько тысячъ лѣтъ и существенно новаго къ нему до сихъ поръ не прибавлено ничего; оно извѣстно намъ чуть не съ пеленокъ—въ чемъ же затрудненіе? Да именно въ томъ, что хороша садовая земля, да не рости на ней морошкѣ; пріятно дѣлать добро, пріятно «дышать для счастія другихъ», пріятно найти свое «соединеніе съ Богомъ», но если для этого, въ силу требованій жизни, приходится отказаться отъ другихъ, не менѣе существенныхъ, но гораздо болѣе многочисленныхъ элементовъ счастія — «подвигъ» становится невозможенъ и «отреченіе отъ себя» превращается почти въ самоубійство. Объ это препятствіе, какъ о несокрушимую гору, разобьются всѣ нравственные идеалы, и будьте вы—хоть самъ Златоустъ, пусть будетъ въ вашихъ рѣчахъ слышаться голосъ самой истины, пусть могучая сила вдохновеннаго убѣжденія проникнетъ собою каждое ваше слово — вамъ не сдвинуть людей и не повести ихъ за собою. Они «слышатъ и не внемлютъ», потому что у нихъ «покрыты мздою очеса», потому что они—не герои, но и не камни также, потому что рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше, потому, наконецъ, что жажда счастія непобѣдима и неистребима въ человѣкѣ и плѣнительный голосъ сирены-жизни найдетъ въ его сердцѣ болѣе громкій отголосокъ, нежели вашъ призывъ къ самоотреченію, къ страданію, къ «тяжкому кресту» — и во имя чего же? Вы не можете даже въ далекой перспективѣ показывать и обѣщать людямъ никакой награды за ихъ страданія, не можете, потому что вы—нетолько моралисты, но и философы.

Мы нисколько не думаемъ отрицать вовсе значеніе нравственныхъ принциповъ даже въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ лич-

ность уже не можетъ жить изолированною, замкнутою жизнью и, волей-неволей, должна считаться съ вліяніями внѣшняго міра. Всѣ мы, болѣе или менѣе, изуродованы и безтолковымъ воспитаніемъ, и безобразною жизнью; наши чувства обезцвѣчены, характеръ обезличенъ, инстинкты развращены, и, въ силу этого, мы не имѣемъ ни права, ни возможности довѣрять себѣ и свободно отдаваться своимъ побужденіямъ. Эти побужденія, вслѣдствіе ненормальности нашего развитія, во первыхъ, далеко не всегда чисты, а, во вторыхъ, даже при полной законности ихъ, мы не имѣемъ никакихъ гарантій, что среди страшно-сложныхъ и запутанныхъ формъ нашей жизни мы, безоглядочно отдаваясь имъ, не наступимъ на чье-нибудь живое тѣло, не повредимъ чьему-нибудь счастію. Любовь къ женщинѣ, напримѣръ — чувство чистое и законное; но далеко не всегда мы вправѣ отдаваться этому чувству «безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой, безъ коварныхъ и пустыхъ сомнѣній». Это слишкомъ ясно. Нравственные принципы, это — тотъ желѣзный корсетъ, который мы, и спереди, и сзади горбатые люди, поневолѣ должны носить, чтобы не превратиться, наконецъ, въ нравственныхъ Квазимодо; нравственный идеалъ, это—тотъ маякъ, къ которому намъ во вѣкъ не пристать на нашей теперешней жалкой ладьѣ, но который все же свѣтитъ намъ въ нашемъ плаваніи «безъ руля и безъ вѣтрилъ» по волнамъ житейскаго моря. Но этимъ и исчерпывается все ихъ значеніе, очевидно, совершенно палльятивное. Если оно велико, то въ такомъ случаѣ велико и важно и значеніе того хиннаго порошка, который даютъ лихорадочному больному, лежащему въ курной избѣ, на гнилой соломѣ, съ мякиной и лебедой, вмѣсто ѣды, съ протухлой водой, вмѣсто питья.

Да̀, дѣйствительная жизнь — дѣло грубое, суровое и терпкое, и бороться съ нею отдѣльной личности не подъ силу. Реформировать ее можно только однимъ путемъ: всѣ, кто еще вѣритъ въ возможность прогресса, кто еще надѣется найти выходъ изъ того болота, въ которое привела насъ наша хваленая цивилизація (ци-ви-ли-за-ці-я, какъ выражается Потугинъ) — всѣ они должны стремиться не къ тому, чтобы теплично культивировать свою личность, а къ тому, чтобы, во-первыхъ, выработать въ своемъ представленіи тѣ формы общественной жизни, при которыхъ личность могла бы легко и удобно сохранить свою индивидуальность, а, во-вторыхъ, сомкнувшись въ тѣсную и солидарную массу, дружными и общими усиліями стараться осуществить этотъ соціальный идеалъ. Нисколько не отрекаясь отъ своей личности, нимало не поступаясь своими главнѣйшими правами, пусть человѣкъ съумѣетъ подчиниться необходимымъ требованіямъ парціальной дисциплины — она вовсе не такъ сурова—и въ этомъ подчиненіи именно и выразится то «подавленіе своей личности», то «попраніе ногами своего своекорыстнаго *я*», которое по нравственному достоинству, нисколько не

уступаетъ самоотверженію, требуемому отъ человѣка Бѣлинскимъ, а въ практическомъ смыслѣ несравненно цѣннѣе и лучше, потому что оно и легче, и проще, и цѣлесообразнѣе. Человѣкъ силенъ только своею солидарностью съ людьми; прочно только то, что̀ дѣлается не личностями, а массой, толпой; жизненно только то, что̀ является, какъ результатъ живыхъ потребностей, а не въ силу слѣпого послушанія мертвеннымъ и неподвижнымъ формуламъ; справедливо только то, что̀ опирается на фундаментъ общихъ интересовъ, не интересовъ той или другой личности или касты, или класса, но интересовъ всего народа и, въ высшемъ и общемъ выраженіи идеи справедливости—интересовъ всего человѣчества. Что это возможно, что такой идеалъ мыслимъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ наука, не академическая, не каѳедральная, а настоящая наука. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ намъ и наше непосредственное чувство, потому что, будь доказана невозможность такого строя общественной жизни, въ которомъ справедливость нашла бы свое царствованіе — тогда, конечно, не сто̀ило бы и жить: жизнь превратилась бы или въ прѣсное прозябаніе, или въ рядъ преступленій—выводъ, противъ котораго возмущаются и протестуютъ всѣ лучшія наши человѣческія чувства.

Если справедливо все сказанное нами объ относительномъ значеніи индивидуально-нравственныхъ идеаловъ и идеаловъ соціальныхъ, тогда, съ этой точки зрѣнія и обращаясь къ исторіи нашей литературной критики, нетрудно объяснить ея теперешній жалкій упадокъ. Критика Бѣлинскаго имѣла, какъ извѣстно, огромное вліяніе на наше общество — и это понятно и естественно. Среди крѣпостного общества, гдѣ люди невсегда по кровожадности, а и по недомыслію, или просто вслѣдствіе своего положенія, дѣйствительно, «пили кровь и слезы» своихъ ближнихъ, энергически и страстно высказать мысль, что мужикъ — тоже человѣкъ, и какъ человѣкъ—братъ нашъ, что «Богъ, желѣзо сотворившій, въ мірѣ рабства не хотѣлъ», что люди, какъ выражался Вольтеръ, не родятся—одни съ сѣдлами на спинахъ, а другіе со шпорами на ногахъ, что жизнь есть подвигъ, что каждое право обусловливаетъ собою обязанность и т. д. — высказать все это значило, дѣйствительно, внести свѣтъ въ темную жизнь общества, сказать «новое слово», способное потрясти и взволновать умы. Новое, какъ сказалъ кто-то, есть хорошо забытое старое; напомнить въ живыхъ и горячихъ словахъ, съ новой точки и въ другой формѣ, то, что̀ людямъ давно было извѣстно, какъ холодный догматъ, какъ голая формула, значило, повторяемъ, разбудить ихъ совѣсть, дать толчокъ ихъ мысли. На эту проповѣдь элементарныхъ нравственныхъ истинъ, осложненную, конечно, разными метафизическими и эстетическими теоріями, Бѣлинскій потратилъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ—періодъ времени, слишкомъ достаточный для того, чтобы провести извѣстную идею въ общественное сознаніе.

Дѣятельность Бѣлинскаго принесла свои плоды; общество въ извѣстной степени созрѣло умственно, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не нуждаться въ пропагандѣ элементарной морали, и Добролюбовъ, занявшій мѣсто Бѣлинскаго, понялъ это очень хорошо. Добролюбова называютъ обыкновенно критикомъ-публицистомъ, и это совершенно правильно. Дѣйствительно, онъ очень мало занимался внутреннею жизнію личности, и вопросъ о «средѣ», то-есть объ условіяхъ жизни, воспитанія, развитія и дѣятельности человѣка, стоялъ для него всегда на первомъ планѣ. Говоря о «забитыхъ людяхъ», онъ старался указать не на то, что эти «забитые люди» все-таки сохранили въ себѣ человѣческія черты и чувства; онъ анализировалъ, въ силу какихъ обстоятельствъ забиты эти люди, кѣмъ или чѣмъ забиты и какъ можно пособить ихъ забитости; говорилъ ли онъ о «темномъ царствѣ»—опять-таки онъ останавливался преимущественно на томъ, чтобы выяснить причины его «темноты», а отнюдь не на томъ, чтобы копаться въ душѣ Подхалюзиныхъ и Брусковыхъ, анализировать ихъ чувства и доискиваться внутреннихъ мотивовъ ихъ поступковъ. Соціальный идеалъ—та цѣль, къ которой должно идти и можетъ придти общество, была ясна для него, и онъ не упускалъ ея изъ виду; въ силу этого идеала, онъ съ такимъ недовѣріемъ относился къ привилегированнымъ классамъ и полагалъ, что будущее Россіи заключается не въ этихъ классахъ, а въ массѣ сѣраго народа, котораго исторически-доказанную живучесть, выносливость, нравственную силу онъ не упускалъ случая противопоставить дряблости и безхарактерности такъ-называемаго образованнаго общества. Говорилъ ли онъ о какомъ-нибудь, даже чисто-психологическомъ типѣ, какъ напримѣръ, объ Обломовѣ, онъ старался разрѣшить вопросъ не о томъ: что̀ такое Илья Ильичъ Обломовъ? а «что̀ такое обломовщина?» и дѣлалъ обобщенія, иногда смѣлыя до очевидной натяжки, которыя давали ему возможность представлять намъ характеристики нашей жизни, нашего быта и его условій, а не той или другой личности. Пользуясь иногда даже самымъ ничтожнымъ матеріаломъ, онъ умѣлъ ставить вопросъ: «когда же придетъ настоящій день?» и умѣлъ на него отвѣчать или, по крайней мѣрѣ, намекать на отвѣтъ. Если онъ пускался иногда въ психологическій анализъ тѣхъ или другихъ персонажей и типовъ, онъ всегда старался и всегда успѣвалъ отдѣлять то, что̀ въ этихъ типахъ есть общечеловѣческаго, стихійнаго, отъ того, что̀ въ нихъ есть гражданскаго, локальнаго, что̀ является въ нихъ продуктомъ вліянія общихъ условій жизни и той спеціальной среды, въ которой они вращаются. Идея общества или, еще шире, идея народа стояла для него впереди идеи личности, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго міра, живущаго изъ самой себя развивающеюся жизнью; другими словами: соціальный идеалъ заслонялъ у него идеалъ индивидуально-нравственный, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ дру-

гихъ, его критика представляла собою рѣшительный шагъ впередъ передъ критикою Бѣлинскаго. Направленіе Добролюбова было, скажемъ его же словами, «живое и дѣйственное»; его послѣдователямъ и преемникамъ оставалось бы только идти дальше по этому пути, и еслибы такъ случилось на самомъ дѣлѣ — не дошли бы мы теперь въ литературной критикѣ до печальной необходимости смотрѣть на міръ, какъ выражался Гоголь, «ковыряя въ носу». Но, къ нашему несчастію, дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ.

1863 годъ надолго останется памятнымъ годомъ въ исторіи нашего развитія. Это былъ годъ кризиса, когда идеи, господствовавшія до того времени въ обществѣ и литературѣ, должны были выдержать практическое испытаніе, годъ перелома, когда жизнью поставленъ былъ передъ обществомъ, дѣйствительно, «роковой вопросъ»—вопросъ о степени его умственной и нравственной зрѣлости, о ближайшихъ судьбахъ нашего развитія, о первенствѣ и господствѣ тѣхъ или другихъ тенденцій въ нашемъ ближайшемъ будущемъ. То былъ самый критическій моментъ нашего «мутнаго броженья», изъ котораго должно было или явиться «свѣтлое вино», или получиться осадокъ, горькій, какъ полынь, противный, какъ касторовое масло. Жизнь, какъ сфинксъ, говорила обществу: разгадай или я тебя проглочу. Что касается собственно литературы и литературной критики въ частности, неудачнымъ Эдипомъ роковой загадки явился въ ней Писаревъ, могучій талантъ котораго какъ разъ къ этому времени разцвѣлъ во всѣхъ радужныхъ и сіяющихъ переливахъ своихъ яркихъ красокъ.

Писаревъ представляетъ собою такое до исключительности, до эксцентричности оригинальное явленіе въ нашей литературѣ и въ немъ такъ рѣзко и отчетливо выразился фактъ ослабленія и помраченія общественной мысли и общественнаго чутья, что мы считаемъ нужнымъ нѣсколько дольше остановиться на немъ. Въ исторіи нашей литературы можно указать только очень немногихъ людей, которые бы имѣли право стать на ряду съ Писаревымъ по необычной силѣ таланта, по глубинѣ и теплотѣ убѣжденія, по благородству и чистотѣ характера, по безукоризненности всей его нравственной личности. И, въ тоже время, мы не знаемъ ни одного примѣра, въ которомъ бы, при такихъ блистательныхъ личныхъ данныхъ, литературная дѣятельность осталась такъ безплодна и безслѣдна, такъ полна заблужденіями и противорѣчіями. На Писаревѣ мы видимъ поразительное доказательство той истины, что только тотъ хорошо, т. е. послѣдовательно, практично, *полезно* пишетъ, кто пишетъ подъ диктовку жизни, кто служитъ ея отголоскомъ и истолкователемъ. Писаревъ провозглашалъ реализмъ; но болѣе отчаяннаго идеалиста и теоретика едва-ли видѣла наша литература. Вліянія общественной жизни на характеръ индивидуальной дѣятельности Писаревъ никогда не понималъ какъ слѣдуетъ. Онъ плохо цѣнилъ

это вліяніе какъ фактъ, сбивчиво понималъ его какъ идею и вовсе не видѣлъ его значенія какъ принципа. Онъ могъ поэтому совершенно серьёзно утверждать («Реалисты»), что, еслибы Бѣлинскій получилъ не «полулитературное, полуфилософское», а «математическое и строго-реальное» образованіе, его дѣятельность принесла бы «вдесятеро больше пользы» и что («Кукольная трагедія») Бѣлинскій могъ бы сдѣлаться для русскаго общества тѣмъ, чѣмъ для нѣмцевъ былъ Бёрне. Кàкъ ни рѣзко противорѣчила жизнь съ его идеалами (не фактически — это не бѣда—а своимъ смысломъ, духомъ, внутреннею сущностью), кàкъ ни очевидна была, съ одной стороны, полная невозможность этихъ идеаловъ, какъ логическихъ идей, съ другой—совершенная практическая несообразность ихъ, онъ, по вѣковѣчному обычаю всѣхъ идеалистовъ, ничего этого не замѣчалъ и кроилъ и перекраивалъ дѣйствительность на свой ладъ и образецъ. Въ личномъ успѣхѣ своей дѣятельности, во вліяніи и обаяніи своего таланта онъ видѣлъ совершенно достаточную гарантію жизненности, современности и устойчивости своихъ идей. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ. Быстрый и значительный успѣхъ можетъ одурманить даже сильную голову, и это—уже старая-старая истина, что человѣку вообще, даровитому въ особенности, а молодому больше всего, очень полезно для точной оцѣнки своихъ силъ, для полнаго, всесторонняго и, главное, прочнаго развитія ихъ, пройдти чрезъ кое-какіе жизненные искусы, познакомиться съ разочарованіями и неудачами—тѣми неудачами, подъ впечатлѣніями которыхъ человѣкъ подвергаетъ себя и свои силы еще, еще и еще разъ внимательному и нелицепріятному суду, съ тѣми разочарованіями, которыя заставляютъ человѣка, путемъ сомнѣній въ себѣ, путемъ сознанія своихъ ошибокъ, всѣмъ своимъ существомъ понять и прочувствовать ту простую и вѣковѣчную истину, что жизнь прожить, дѣйствительно, не тоже, что̀ поле перейдти. Писаревъ не зналъ этихъ неудачъ, и у него не было недовѣрія къ себѣ. Откуда оно могло явиться? А безъ этого спасительнаго недовѣрія къ себѣ, откуда у человѣка можетъ явиться та строгость къ себѣ, та внимательность къ своему дѣлу, та серьёзность взгляда на свои обязанности, безъ которыхъ его дѣятельность, кàкъ бы ни были велики его личныя силы, необходимо будетъ отличаться нѣсколько халатнымъ, амикошонскимъ характеромъ? Писаревъ очень и очень легко относился къ своей дѣятельности и, кàкъ эта легкость ни естественна для человѣка въ его положеніи, въ положеніи человѣка «кипящаго въ дѣйствіи пустомъ» или, проще, въ положеніи человѣка, плюхнувшагося между двухъ стульевъ, она оттого не становится краше. Онъ сочинялъ, а не формулировалъ; онъ фантазёрствовалъ, а не пропагандировалъ; онъ, по вдохновенію, импровизировалъ, и оттого-то у него на одной недѣлѣ было семь пятницъ, оттого-то самые невозможные парадоксы и противорѣчія встрѣчаются у него сплошь да рядомъ. Мысль, предостав-

ленная самой себѣ, нетолько всегда безплодна, но и всегда нелогична. Вся дѣятельность Писарева отличалась спѣшностью, недодуманностью, скороспѣлостью. Его драгоцѣнное достояніе, его великій литературный талантъ, оказалъ ему плохую услугу. Благодаря этому таланту, Писаревъ умѣлъ развивать свои идеи такъ оригинально и ловко, такъ красиво и смѣло, что даже самъ обольщался блистательною внѣшностью своего труда и не замѣчалъ его безчисленныхъ внутреннихъ противорѣчій, скрытыхъ и заглаженныхъ несравненной діалектикой. Какъ сказочный богатырь, онъ не могъ сладить съ своей собственной силой. Какъ рабъ лукавый и лѣнивый, онъ зарылъ свой талантъ въ землю, или, если не зарылъ, то, что̀ нисколько не лучше, разбросалъ его по вѣтру. Его легкомысліе, его несерьёзность и безцеремонность доходили, порой, до смѣшного, до наивности, до кокетничанья передъ публикою своею, дѣйствительно, интересною личностью. Кличка литературнаго enfant terrible'я была пріятна для него; его статьи безпрестанно «соскакивали съ рельсовъ»; свое лучшее произведеніе, достопамятную статью «Реалисты», онъ написалъ совершенно внезапно, будучи наведенъ на ея мысль—это онъ все самъ же и говоритъ—анализомъ вопроса о безполезности или полезности историческаго изученія русской литературы. Еже писахъ—писахъ—вотъ девизъ всей его дѣятельности. Созерцая жизнь изъ своего сквернаго недалека, онъ размышлялъ о ней по книгамъ, навязывалъ ей потребности по своимъ вкусамъ и удовлетворялъ имъ, по силѣ возможности, за своимъ письменнымъ столомъ. Не партія выдвинула его: онъ создалъ себѣ партію или, точнѣе, многочисленную толпу восхищенныхъ почитателей, слишкомъ слабыхъ, чтобы отнестись къ нему критически, слишкомъ впечатлительныхъ, чтобы не поддаться увлекающей силѣ его краснорѣчія. Онъ былъ связанъ съ партіею прогрессистовъ солидарностью только по самымъ общимъ вопросамъ, а затѣмъ онъ стоитъ уединенно и одиноко; но эта его самостоятельность—отнюдь не самостоятельность новатора-мыслителя: это просто — оригинальность шаловливаго и талантливаго чудачества или, еще гораздо похуже, самостоятельность человѣка, который отъ своихъ отсталъ, къ чужимъ не присталъ и, какъ та Матрена, сдѣлался ни пава, ни ворона.

Что̀ руководило Писаревымъ въ его литературной дѣятельности, къ чему онъ шелъ, что̀ проповѣдывалъ, чего добивался? Идеалъ нравственной личности, эта выдохшаяся, отжившая, и исторіею, и дѣйствительностью осужденная фикція, былъ опять поставленъ имъ на пьедесталъ—и въ какихъ возмутительныхъ формахъ поставленъ, надо прибавить! Исходя изъ этого идеала и задавая себѣ неизбѣжный вопросъ: «что̀ нужно дѣлать съ тѣми подвалами, въ которые не проникъ до сихъ поръ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли?» онъ, съ полною послѣдовательностью своимъ основнымъ принципамъ, отвѣчалъ: «надо покуда

оставить ихъ въ покоѣ». Такъ говорилъ человѣкъ, который всею силою своего таланта обрушился на Пушкина за то, что несчастный поэтъ отвѣчалъ черни: «подите прочь; въ развратѣ каменѣйте смѣло, имѣли вы до сей поры бичи, темницы, топора—довольно съ васъ». «Оставить въ покоѣ»—это не было у Писарева только обмолвкою или просто, какъ у Пушкина, красивою болтовнею, внутренній смыслъ которой былъ неясенъ для самого болтуна. Это былъ выводъ цѣлой системы убѣжденій; это было послѣднее слово всего міросозерцанія Писарева. Но если чернь должна быть «оставлена въ покоѣ» (въ покоѣ!), то на что же должны быть направлены наши усилія? Куда идти, кого учить, какими путями и средствами дѣйствовать? Писаревъ даетъ и на это отвѣтъ, опять-таки совершенно согласный съ общимъ духомъ, съ главною тенденціею его міросозерцанія. Надо, видите ли, «формировать мыслящихъ реалистовъ»; для этого «пусть каждый человѣкъ, способный мыслить и желающій служить обществу, дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ самомъ кружкѣ, въ которомъ онъ живетъ постоянно, и на тѣхъ самыхъ людей, съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Учитесь сами и вовлекайте въ сферу вашихъ умственныхъ занятій вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей, всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ вы знаете лично и которые питаютъ къ вашей особѣ довѣріе, сочувствіе и уваженіе... подъ конецъ и окажется, что младшіе братья и дѣти самыхъ заклятыхъ филистеровъ сдѣлались реалистами и прогрессистами». Еслибы этотъ совѣтъ былъ именно только совѣтомъ, тогда спорить было бы не о чемъ: конечно, почему же и не вовлекать? вовлекайте на здоровье. Но это не совѣтъ, это—требованіе, это не указаніе на частное средство, это—установленіе общаго принципа, принципа, говоримъ мы, потому что результаты такого поведенія ожидаются соціальной важности: «подъ конецъ и окажется, что дѣти» и проч. Это поведеніе Писаревъ потомъ называетъ прямо *дѣятельностью*, которая дастъ «прочные результаты». Наконецъ, онъ даетъ и формулу развитія «мыслящихъ реалистовъ»—формулу, о которой можно сказать словами Лессинга, что въ ней есть и новое, и хорошее, но новое въ ней—дурно, а хорошее—старо. Формула эта—«любовь, знаніе и трудъ». Не говоря уже о грубой внутренней нелогичности, доходящей до совершенной безсмыслицы этой формулы, нелогичности, въ силу которой такое капризное и по преимуществу личное чувство, какъ любовь, получаетъ значеніе догмата, обязательнаго принципа и становится на ряду съ трудомъ и знаніемъ, посмотрите, сколько грубо-эгоистическаго, возмутительно-аристократическаго въ томъ идеалѣ, который ставитъ Писаревъ! Представьте себѣ такую картину общества: на верху, какъ на маниловскомъ высокомъ бельведерѣ, собралась кучка умственной аристократіи, разбившаяся на отдѣльные кружки, въ которыхъ занимаются пріобрѣтеніемъ зна-

ній, «вовлеченіемъ» другихъ въ свои занятія и, pour la bonne bouche, упражняются—о, верхъ нелѣпости! о, бѣдный здравый смыслъ!—въ искусствѣ *принципіальной* любви. На верхахъ, гдѣ священнодѣйствуютъ эти милые молодые люди, и тепло, и свѣтло, и уютно и просторно; тамъ развиваются высокія мысли, тамъ культивируются изящныя чувства, а внизу, въ оставленныхъ *въ покоѣ* «подвалахъ», въ брошенныхъ на произволъ бичей и топоровъ «темницахъ», глухо, молчаливо и безпомощно томятся тѣ самые десятки мильйоновъ, благодаря каторжному труду которыхъ, наши молодые люди могутъ свободно предаваться систематическому «вовлеканью» другъ друга и продѣлыванью «пантомимъ любви», тѣ мильйоны, на счетъ которыхъ они воспитались, учились, жили, которые на своихъ плечахъ подсадили ихъ къ верхнимъ вѣтвямъ соціальнаго дерева и которые, взамѣнъ всего этого, не получаютъ даже скорлупы. Или мы утрируемъ? Но въ такомъ случаѣ пусть попробуетъ кто-нибудь иначе объяснить и представить намъ писаревскій идеалъ. Вотъ до какихъ возмутительныхъ вещей можетъ доходить изолированная, неимѣющая въ дѣйствительной жизни критерія для самопровѣрки мысль, вотъ къ какимъ, поистинѣ, страшнымъ результатамъ можетъ приводить это возведенное на степень принципа стремленіе къ самовоспитанію въ одиночку, къ саморазвитію въ четырехъ стѣнахъ, къ самосовершенствованію путемъ личныхъ вліяній и сношеній! Послѣ всего этого очень естественно, что Писаревъ осудилъ воскресныя школы и преподаваніе въ нихъ (вѣдь оно клонилось къ тому, чтобы именно внести «лучъ мысли» въ глухіе «подвалы»), назвалъ напрасною тратою силъ, что онъ надѣялся, не шутя, реформировать экономическія отношенія, примирить, солидизировать капиталъ съ трудомъ путемъ сообщенія капиталисту «чисто человѣческаго образованія», что онъ увѣрялъ, буквально такъ, будто «кто умнѣе и сильнѣе—тотъ и богаче» и такъ далѣе, безъ конца. Все это, право, очень поучительно, и, чѣмъ нелѣпѣе парадоксы и абсурды Писарева, тѣмъ нагляднѣе и живѣе представляется намъ, во-первыхъ, фактъ, какъ мы выразились, помраченія общественной мысли, наложившій свою печать на всю почти дѣятельность Писарева, во-вторыхъ—то обстоятельство, что индивидуально-нравственные идеалы, въ самомъ дѣлѣ, отжили свой вѣкъ, если даже такія силы и такая настойчивость, какія развернулъ Писаревъ, оказались совершенно недостаточными, чтобы вдохнуть въ нихъ жизненность, сообщить имъ плодотворность, связать ихъ крѣпкими узами логической необходимости и органическаго единства съ потребностями и интересами своего общества.

Совершенно тождественные общіе выводы и заключенія мы получимъ, когда обратимся въ другую сторону и посмотримъ на нашу беллетристику.

III.

Всѣ вообще поэтическія и беллетристическія произведенія могутъ быть раздѣлены на два главные разряда, существено различные между собою по своему характеру. Каждый изъ насъ живетъ, такъ сказать, двойною жизнью: жизнью внутренней, личной, психологическою и жизнью внѣшней, общественной, соціальной. Каждый изъ насъ—во первыхъ, индивидуумъ, во-вторыхъ, членъ извѣстнаго общества, въ дѣлахъ котораго онъ принимаетъ косвеное или прямое участіе. Сообразно съ этимъ, относиться къ человѣку можно двоякимъ образомъ—или анализировать главнѣйшимъ образомъ его характеръ, его нравственную физіономію, его внутренній міръ, или же можно наблюдать его общественную дѣятельность, въ которой на первомъ планѣ стоятъ его теоретическіе взгляды и убѣжденія. Огромное большинство замѣчательныхъ поэтовъ всѣхъ странъ обращали до сихъ поръ свое вниманіе исключительно на первую сторону дѣла, т. е. занимались задачами чисто психологическими, вопросами индивидуальной нравственности. У величайшаго и чистѣйшаго представителя поэтовъ этого разряда, Шекспира, мы находимъ такое разнообразіе нравственныхъ типовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой глубокій и проницательный анализъ ихъ психологическихъ особенностей, что, по общему и совершенно справедливому мнѣнію, несмотря на трехсотлѣтній промежутокъ времени, отдаляющій насъ отъ Шекспира, его не превзошелъ въ этой области положительно никто. Этотъ фактъ сразу указываетъ намъ на одну очень важную черту, составляющую характеристическую особенность произведеній этого рода. Дѣло въ томъ, что, если люди сдѣлали въ умственномъ отношеніи огромный прогрессъ — въ смыслѣ уясненія, расширенія и накопленія идей — въ нравственномъ отношеніи мы не замѣчаемъ въ нихъ ни малѣйшей перемѣны. Между чувствами человѣка нравственно-развитаго и нравственно-неразвитаго несравненно меньшее различіе, нежели между широкими и систематическими идеями человѣка, умственно-развитаго и отрывочными, скудными понятіями человѣка «темнаго». Кодексъ нашего нравственнаго развитія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, одинаково извѣстенъ и одинаково легко доступенъ всѣмъ людямъ безъ исключенія, тогда какъ только долгіе годы труда и образованія, возможнаго пока только для немногихъ, могутъ коротко познакомить человѣка съ великими богатствами человѣческой мысли. Нравственность наша цѣликомъ лежитъ въ нашемъ характерѣ, въ его чисто стихійныхъ, непосредственныхъ свойствахъ, почти нисколько не завися отъ теоретическаго усвоенія (а вѣдь мы всѣ пока только съ такимъ усвоеніемъ и знакомы) тѣхъ или другихъ нравственныхъ принциповъ. Въ силу всего этого, произведенія художника-пси-

холога всегда современны и всегда, въ извѣстномъ смыслѣ, поучительны.

Нравственный прогрессъ въ людяхъ ничтоженъ: и разсказы о легкихъ подлостяхъ и пошлостяхъ Фальстафа, о мукахъ ревности Отелло, о страданіяхъ неоцѣненной любви Офеліи и Дездемоны, объ оскорбленной гордости Лира, о разъѣдающихъ сомнѣніяхъ и терзаніяхъ Гамлета и т. д.—все это также интересно, поучительно и важно для насъ, какъ и для современниковъ Шекспира. Художественная правда этихъ изображеній не понизилась ни на одинъ градусъ, несмотря на огромныя измѣненія, происшедшія во внѣшней сторонѣ человѣческой жизни. Нисколько не завися, такимъ образомъ, отъ условій времени, произведенія этого рода также мало зависятъ и отъ условій мѣста. Далеко не вездѣ люди живутъ общею жизнью и общими интересами, но рѣшительно вездѣ они живутъ личною жизнью и даже въ полномъ уединеніи, среди какихъ-нибудь лѣсовъ или скалъ, люди, все-таки, чувствуютъ и мыслятъ, и этотъ внутренній міръ ихъ, эта интимная жизнь ихъ души и сердца, можетъ служить и дѣйствительно служитъ достаточнымъ матеріаломъ для художника, для его концепцій и образовъ. Въ этомъ отношеніи между людьми не существуетъ ни національныхъ, ни сословныхъ перегородокъ, и датскій принцъ можетъ служить одинаково интереснымъ предметомъ наблюденія и поэтическаго воспроизведенія, какъ и англійскій трактирный гуляка. Мы не имѣемъ, такимъ образомъ, никакой возможности судить по произведеніямъ этого рода о характерѣ эпохи и общества, среди котораго они появились. Цѣль и смыслъ этихъ произведеній состоитъ въ томъ, чтобы представить человѣку вѣрный портретъ его человѣческой личности, чтобы онъ «позналъ самого себя», уяснилъ себѣ сущность своего внутренняго *я*.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются произведенія другого рода, который мы, въ противоположность чисто психологическимъ произведеніямъ, можемъ назвать соціально-тенденціознымъ. Замѣтимъ прежде всего, что этотъ родъ поэзіи или беллетристики едва только начинаетъ возникать, и, хотя мы можемъ указать въ ряду тенденціозныхъ писателей нѣсколько дѣйствительно замѣчательныхъ и яркихъ талантовъ, все-таки, по силѣ творческой способности, ихъ невозможно и сравнивать съ геніальными представителями психологической поэзіи. Тенденціозный беллетристъ во всѣхъ отношеніяхъ—дитя своего времени и своего общества. Матеріаломъ для его поэзіи служитъ именно духъ этой эпохи, жизнь этого общества, тотъ общій духъ, который выражается въ господствующихъ и управляющихъ идеяхъ времени, та жизнь, которая есть ничто иное, какъ сумма всѣхъ частныхъ и единичныхъ усилій, направленныхъ къ какимъ-нибудь общимъ цѣлямъ и идеаламъ. Онъ относится къ личности не какъ къ самостоятельному міру, живущему своей, исключительно ему одному принадлежащею жизнью, а какъ къ ничтож-

ной частицѣ великаго цѣлаго, и разсматриваетъ ее, и говоритъ о ней только въ связи и зависимости отъ этого цѣлаго. Онъ имѣетъ дѣло только съ идеями, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ съ идеями; съ людьми же—постольку, поскольку на нихъ отразилось вліяніе этихъ идей. Если онъ, какъ поступилъ, напримѣръ, Шпильгагенъ въ своемъ романѣ, извѣстномъ у насъ подъ названіемъ: «Одинъ въ полѣ не воинъ», рисуетъ портретъ *личности*, то непремѣнно такой, въ жизни, чувствахъ, мысляхъ и дѣятельности которой отразилась та или другая сторона общественной жизни, непремѣнно такой, которая является носителемъ и властителемъ думъ своего времени. Дѣятельность тенденціознаго писателя-беллетриста самымъ рѣшительнымъ образомъ регулируется и направляется общественною жизнью, изъ которой онъ черпаетъ и матерьялъ, и идеи, и образы; а въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ составляетъ прямую противоположность художнику-психологу, который, въ процессѣ своего творчества, слушаетъ только самого себя, подчиняется единственно иниціативѣ собственнаго духа и для котораго, какъ для живописца, открыто самое широкое поле для выбора сюжетовъ и тэмъ. Тенденціозный писатель — писатель по необходимости и по преимуществу субъективный. Какъ человѣкъ съ высоко развитымъ гражданскимъ чувствомъ, онъ не можетъ относиться холодно и безучастно къ трудному процессу зарожденія и борьбы дорогихъ или ненавистныхъ ему идей, и въ его произведеніяхъ непремѣнно должна выразиться его собственная личность, какъ общественнаго дѣятеля, какъ члена извѣстной партіи, съ симпатіями и антипатіями, надеждами и стремленіями. Его роль, вообще говоря, совершенно тождественна съ ролью всякаго писателя, посвятившаго себя служенію «злобѣ дня» — вся разница лишь въ томъ, что, если публицистъ достигаетъ своей цѣли путемъ отвлеченной мысли, онъ пользуется для этого конкретными образами, онъ персонифируетъ тѣ самыя идеи, которыя публицистъ развиваетъ чисто теоретическимъ образомъ. Его сила заключается столько же въ его художественномъ талантѣ, сколько и въ широтѣ его умственнаго горизонта, въ серьёзности его образованія, въ умѣньи обобщать и группировать факты, и «дикаремъ» ему оставаться ни въ какомъ случаѣ не приходится. Одного непосредственнаго художественнаго чутья слишкомъ мало для успѣшнаго выполненія его задачъ. Онъ долженъ понимать современную жизнь во всѣхъ ея сложныхъ перипетіяхъ, онъ долженъ знать состояніе своего общества, характеръ и тенденціи партій, борящихся въ немъ, идеи и вопросы, волнующіе его согражданъ, онъ долженъ отчетливо сознавать тотъ идеалъ, къ которому идетъ или, по его мнѣнію, должно идти общество. *Типы*, выводимые художникомъ-психологомъ и художникомъ-соціологомъ, различны въ самомъ своемъ основаніи, и этимъ различіемъ обусловливаются двѣ совершенно различныя точки зрѣнія на художественныя произведенія и два со-

вершенно различныхъ критерія для опредѣленія ихъ достоинства и значенія. Психологическій типъ есть сумма извѣстныхъ нравственныхъ качествъ; соціальный типъ—система извѣстныхъ теоретическихъ тенденцій, усвоенныхъ личностью и извѣстнымъ образомъ отразившихся и олицетворившихся въ ней. Одинаковость характеровъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныхъ, вліятельныхъ и преобладающихъ сторонъ характера, сходство нравственныхъ личностей — вотъ что̀ соединяетъ людей въ ту групу, которая слыветъ подъ общимъ именемъ психологическаго типа. Солидарность теоретическихъ убѣжденій, тождественность соціальныхъ стремленій и тенденцій — вотъ что̀ сплочиваетъ людей въ *партію*, которая именно и представляетъ собою единицу соціальнаго типа. Такъ какъ, при современномъ строѣ жизни и при современномъ уровнѣ цивилизаціи, направленіе и цвѣтъ теоретическихъ воззрѣній человѣка, его міросозерцаніе почти нисколько не обусловливаются его нравственными качествами, то, понятно, что въ предѣлахъ одного психологическаго типа открыто широкое поле для самыхъ разнообразныхъ направленій и идей, въ предѣлахъ соціальнаго типа не меньшее разнообразіе возможно для характеровъ. Личности могутъ принадлежать къ совершенно различнымъ, быть можетъ, даже противоположнымъ психологическимъ типамъ и между ними, въ то же время, можетъ существовать самая прочная и крѣпкая связь умственной солидарности и парціальной тождественности интересовъ. И наоборотъ, конечно: представители враждебныхъ партій могутъ имѣть совершенно одинаковый характеръ и одинаковую нравственность.

Если жизнь выше поэзіи—что̀ несомнѣнно, конечно—если цѣли «святаго искуства» должны быть подчинены интересамъ «грѣшной земли», если «вѣчные идеалы» поэзіи блѣдны, тусклы и ничтожны въ сравненіи съ насущными потребностями жизни, тогда не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ *тенденція* займетъ въ искуствѣ подобающее ей первостепенное мѣсто и значеніе. Поэзіи *человѣка* принадлежитъ прошедшее, поэзіи *общества* принадлежитъ будущее. Много геніальности, ума, наблюдательности потратили люди на то, чтобы проникнуть въ таинственный лабиринтъ человѣческаго сердца и изучить всѣ его безчисленные изгибы и закоулки. Все, что̀ можно было добыть для этой цѣли путемъ наблюденія и анализа, кажется, уже сдѣлано. По крайней мѣрѣ, много уже лѣтъ мы видимъ, въ этой области, только варьяціи на старую тэму, незначительныя измѣненія незначительныхъ подробностей, и даже не измѣненія, а нѣсколько иное освѣщеніе и представленіе. Не говоря уже о томъ, что, по мѣрѣ развитія общественной жизни и все бо̀льшаго и бо̀льшаго подчиненія ея вліянію индивидуальнаго существованія, значеніе внутреннихъ мотивовъ въ дѣлѣ личной жизни, по необходимости, становится слабѣе и слабѣе, самая сущность дѣла такова, что отъ психологическихъ

произведеній поэзіи мы не можемъ ожидать ничего, кромѣ матеріала для упражненія нашей мысли и пищи для нашего чувства. Это значеніе ихъ, безспорно, очень велико; но вѣдь практическій, конечный, рѣшающій все дѣло вопросъ заключается не въ этомъ. Эти картины внутренней жизни человѣка, этотъ анализъ запутанной и сложной игры страстей—научаетъ ли все это человѣка быстро и вѣрно разгадывать людей, опредѣлять и оцѣнять свои собственныя побужденія и заранѣе предрѣшать: какъ отразятся и какъ повліяютъ на него тѣ еще не испытанныя имъ на дѣлѣ чувства, надъ развитіемъ и изображеніемъ которыхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ ему приходилось задумываться? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать безусловно отрицательно. Только жизненный опытъ, т. е. практическій навыкъ и уроки собственныхъ нашихъ ошибокъ и связанныхъ съ ними страданій, выработываютъ въ насъ, мало-по-малу, великое искуство жить—искуство понимать людей и свое собственное *я*. Одно и тоже чувство проявляется въ людяхъ самымъ неодинаковымъ образомъ; оно до безконечности видоизмѣняется подъ вліяніемъ нетолько внутреннихъ дѣятелей, но и спеціальныхъ особенностей той частной обстановки, при которой пришлось ему выразиться. Всякій типъ—а вѣдь художникъ даетъ только типы—есть обобщеніе, а подъ обобщеніе могутъ подходить только главнѣйшія черты и факты, но на дѣлѣ рѣшительную роль играютъ именно тѣ второстепенныя и незамѣтныя условія, которыя не поддаются никакому обобщенію. Съ другой стороны, наши чувства почти нисколько не зависятъ отъ нашихъ идей; силою нашего разсудка и нашей воли мы, конечно, можемъ, въ извѣстной степени, сдерживать и регулировать внѣшнее проявленіе этихъ чувствъ; но ихъ генезисъ, ихъ возникновеніе въ насъ находится внѣ нашей власти. А разъ извѣстныя чувства проснулись въ человѣкѣ, ему приходится дѣйствовать подъ ихъ вліяніемъ, характеръ котораго, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ совершенно неожиданъ для самого субъекта. Сплошь и рядомъ человѣкъ въ такихъ случаяхъ поступаетъ совершенно наперекоръ всѣмъ тѣмъ теоретическимъ выводамъ и заключеніямъ, которые онъ почерпнулъ изъ своихъ наблюденій со стороны — въ области ли дѣйствительной жизни, или въ сферѣ поэтическихъ образовъ. Чужую бѣду, говоритъ наша умная пословица, я руками разведу, а къ своей бѣдѣ я ума не приложу. Теоретически знакомиться съ жизнію нельзя; людей можно понять только въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ ними, и оцѣнить достоинство и особенности своей собственной личности можно лишь путемъ труднаго испытанія себя на оселкѣ жизни, путемъ личнаго, суроваго опыта, для котораго въ этомъ дѣлѣ нѣтъ и не можетъ быть суррогата. Въ комъ живо и свѣжо непосредственное чувство, непосредственный инстинктъ правды, тотъ съумѣетъ обойтись въ своей жизни безъ этихъ мучительныхъ и безплодныхъ головныхъ выкладокъ и хитросплетеній, тотъ не приметъ грязь

за золото и золото за грязь, не пойдетъ на совѣтъ нечестивыхъ и не станетъ на путь грѣшниковъ. А для всѣхъ другихъ людей, не обладающихъ этимъ драгоцѣннымъ талисманомъ, не остается иного выбора, какъ—опять приходится повторить—позаботиться о томъ, чтобы внести свѣтъ истины въ непроглядный мракъ окружающаго, не безпокоясь о томъ, чтобы уловить и понять процессъ своей внутренней жизни. Когда правда воцарится въ жизни, она воцарится и въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, въ нашемъ *я*, которое теперь мы только безполезно ослабляемъ и отравляемъ ядомъ рефлексіи и сомнѣній. Постараемся уловить общіе законы, управляющіе отношеніями людей и регулирующіе ихъ, и намъ станетъ ясенъ и міръ индивидуальнаго существованія. Постараемся рѣшить великіе вопросы, поставленные передъ нами нашими матеріальными, умственными и нравственными потребностями, и тогда, быть можетъ, мы найдемъ, что, *при этихъ новыхъ условіяхъ реформированной нами жизни*, гораздо благоразумнѣе непосредственно и полно отдаваться своимъ чувствамъ и своимъ инстинктамъ, нежели подозрительно и ревниво слѣдить за ихъ запутанною игрою. Не до жиру, быть бы живу, и посвящать себя анализу какихъ-нибудь «перегороженныхъ сердецъ» значитъ, просто на-просто, отвертываться отъ этого «міра печали и слезъ». Личность, какъ личность, слаба и ничтожна, и, ка̀къ бы ни сильны, ни бурны были ея чувства и страсти, ка̀къ бы ни многостороння была ея внутренняя жизнь—все это—буря въ стаканѣ воды передъ лицомъ жизни массъ, той жизни, которая дѣйствительно можетъ быть сравниваема съ «моремъ», и надо имѣть слишкомъ оригинальную духовную организацію, чтобы, въ виду этого «моря», серьёзно разсуждать о какой-нибудь мутной рѣчкѣ Незвановкѣ или еле журчащемъ ручьѣ Безыменномъ.

Если мы обратимся собственно къ нашей беллетристикѣ, мы, какъ и слѣдовало ожидать заранѣе, найдемъ, что огромное большинство ея произведеній отличается въ гораздо бо̀льшей степени психологическимъ, индивидуальнымъ, нежели тенденціознымъ, соціальнымъ характеромъ. Этотъ выводъ очень легко можетъ быть полученъ даже a priori. Тенденціозные писатели-беллетристы возможны только въ тѣхъ обществахъ, въ жизни которыхъ дѣйствительно замѣчаются извѣстныя тенденціи—вотъ труизмъ, который сразу даетъ намъ точку опору для опредѣленія характера нашей беллетристики. Въ нашей литературѣ не мало толковали о томъ, что мы «не дозрѣли», а г. Тургеневъ, устами своего Литвинова, даже прямо заявляетъ, что «намъ, русскимъ, рано еще имѣть политическія убѣжденія». Правильны или неправильны эти мнѣнія, какъ мнѣнія—самая возможность ихъ показываетъ, до какой степени, въ самомъ дѣлѣ, вяла наша общественная жизнь, ка̀къ слабы наши интересы и ка̀къ затруднителенъ и ничтоженъ прогрессъ. А гдѣ слабо развитіе, тамъ, значитъ, нѣтъ борьбы, нѣтъ опредѣленныхъ партій, т. е. нѣтъ со-

ціальныхъ типовъ и, слѣдовательно, общественному, тенденціозному писателю въ такомъ обществѣ дѣлать нѣчего. Дѣйствительно, въ нашей литературѣ мы имѣемъ, строго говоря, только *одно* значительное беллетристическое произведеніе, которое имѣетъ непосредственно соціальное значеніе. Но это единственное произведеніе замѣчательно отнюдь не представленными въ немъ типами, а тѣми идеями, которыя авторъ или прямо высказываетъ отъ своего лица, или заставляетъ высказывать своихъ персонажей. Оно, какъ замѣчательное произведеніе теоретической мысли, намекаетъ, болѣе или менѣе опредѣленно, на извѣстные соціальные идеалы; но изображенія явленій общественной жизни, но констатированія фактовъ дѣйствительности вы въ немъ не найдете. Русскія имена и названія — вотъ все, что есть чисто русскаго въ этомъ произведеніи; идеи же, характеры (то-есть, тѣ, конечно, изъ нихъ, въ которыхъ выразилась тенденція романа), понятія, поступки и весь строй жизни выведенныхъ персонажей имѣютъ съ собственно русскою жизнію немного бо̀льшее соотношеніе, чѣмъ съ жизнію киргизъ Букеевской Орды. Grattez сколько угодно этихъ людей, вы не найдете въ нихъ никакихъ слѣдовъ татарщины, туземщины. За исключеніемъ этого романа, стоящаго совершенно одиноко и уединенно въ нашей литературѣ, всѣ остальныя первостепенныя произведенія нашей беллетристики представляютъ намъ чисто психологическій матеріалъ. Къ тому же заключенію можемъ придти еще болѣе прямымъ путемъ, взглянувши на предметъ съ другой стороны. Изъ всѣхъ писателей старой школы, репутаціей наибо̀льшей чуткости и отзывчивости на всякія «злобы дня» пользуется, безспорно, г. Тургеневъ; наиболѣе тенденціозными являются два европейски-извѣстныхъ романа—«Рудинъ» и «Отцы и дѣти». Въ каждомъ изъ нихъ наша критика и, вмѣстѣ съ нею, всѣ читатели видѣли картину извѣстныхъ моментовъ въ развитіи нашего общества, то выраженіе «колебаній» и «трепетаній» нашей мысли, за которое именно г. Тургеневъ и превозносился выше лѣса стоячаго. Едва ли есть надобность доказывать, что личности Рудина и Базарова діаметрально противоположны между собой. Самая слабая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая типическая черта Рудина, это — его болѣзненная рѣфлексія, двойственность и разорванность его характера. Полнѣйшее отсутствіе этой рефлексіи, сила непосредственнаго чувства, удивительная стройность, полнота и цѣльность нравственной организаціи—вотъ что̀ составляетъ сильнѣйшую и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже самую типическую черту Базарова. Еслибы въ личностяхъ Рудина и Базарова, дѣйствительно, отразились извѣстныя соціальныя тенденціи, то, основываясь на полнѣйшемъ несходствѣ и даже прямой противоположности этихъ типовъ, мы, очевидно, должны были бы заключить, что въ двадцатилѣтній промежутокъ, отдѣляющій отцовъ-Рудиныхъ отъ дѣтей-Базаровыхъ, въ жизни общества произошелъ самый рѣзкій, крутой и рѣшительный переломъ. Но вѣдь всѣмъ, однако же,

извѣстно, что ничего подобнаго не было. Не знаемъ, какъ повліяютъ на насъ впослѣдствіи «десять лѣтъ реформъ», но, во всякомъ случаѣ, поколѣніе Базаровыхъ выросло и воспиталось *до* знаменитаго десятилѣтія, т. е. значитъ—воспиталось среди совершенно тѣхъ же главнѣйшихъ явленій и вліяній, какъ и поколѣніе Рудиныхъ, и, если между господствовавшими идеями той и другой эпохи, дѣйствительно, есть замѣтная разница, все же она совершенно ничтожна въ сравненіи съ полнымъ контрастомъ между тургеневскими представителями этихъ эпохъ—Рудинымъ и Базаровымъ. Между идеями 40-хъ и идеями 60-хъ годовъ есть связь, видна преемственность; между личностями Базарова и Рудина — полный и непримиримый антагонизмъ. Передовые люди 60-хъ годовъ съ полнымъ и искреннимъ уваженіемъ относились къ передовымъ людямъ 40-хъ годовъ, тогда какъ Базаровъ безцеремонно называетъ Павла Кирсанова «идіотомъ», а повстрѣчайся онъ съ чистокровнымъ Рудинымъ, онъ, безъ сомнѣнія, выразился бы какъ-нибудь еще энергичнѣе. Въ томъ-то и дѣло, что и Рудинъ, и Базаровъ, и всѣ другіе персонажи г. Тургенева и всѣхъ другихъ замѣчательныхъ романистовъ нашихъ — только психологическіе типы, только характеры. А развѣ характеръ можетъ быть тенденціозенъ? Развѣ въ изображеніи міра внутренней жизни личности или типа можетъ выразиться временной лозунгъ эпохи? Еслибы рефлексія Рудина образовалась исключительно вслѣдствіе вліяній жизни, ея ударовъ и толчковъ, мы необходимо должны были бы найти и въ Базаровѣ эту же типическую черту; условія жизни не стали лучше, простору для дѣятельности не стало больше, препятствія все тѣ же, все тотъ же мракъ и все тоже тупоуміе. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ. Личность, и въ особенности личность даровитая, переживаетъ въ своемъ развитіи всѣ тѣ фазисы, чрезъ которые только-что перешло общество, непремѣнно, въ теченіи извѣстнаго періода, отличается тѣми же типическими свойствами, которыя составляли главное содержаніе, характеристическую сущность людей непосредственно предшествовавшаго поколѣнія. Разница проявляется лишь въ томъ, что, если эти свойства составляли главную особенность извѣстнаго поколѣнія, для людей послѣдующей эпохи они будутъ только ступенью развитія, а для преемниковъ ихъ, для людей дальнѣйшихъ поколѣній, эти свойства будутъ, говоря языкомъ метафизики, только *логическимъ моментомъ* развитія. Это вѣрно какъ относительно идей, такъ и относительно тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыя зависятъ не отъ натуры, но вырабатываются подъ вліяніемъ общихъ условій жизни, для всѣхъ одинаково неодолимыхъ и безпощадныхъ. Если же рефлексія Рудина и сознательная непосредственность Базарова—только ихъ индивидуальныя особенности, какъ личностей, какъ характеровъ, то какой же интересъ, кромѣ психологическаго, могутъ имѣть для насъ неудачи и ошибки какого-то Дмитрія Николаевича Рудина и беззаботное жуированье жизнію ка-

кого-то Евгенія Васильевича Базарова? Намъ помнится, что г. Тургеневъ сдѣлалъ гдѣ-то признаніе, не вѣрить которому нѣтъ никакого основанія, что Базаровъ—портретъ какого-то «доктора», заинтересовавшаго г. Тургенева яркою оригинальностію своей особы. Да, конечно, для того, чтобы нарисовать характеръ, достаточно нарисовать портретъ; но этого слишкомъ мало, чтобы въ формѣ живаго образа выразить зародившуюся и борющуюся идею, и намъ не найдти ея въ разсказѣ о томъ, какъ жилъ, влюблялся, волочился, пилъ шампанское, рѣзалъ лягушекъ и игралъ въ карты «одинъ докторъ, теперь уже умершій». Очень можетъ быть, что г. Рудинъ — не болѣе, какъ портретъ какого-нибудь учителя или профессора, или литератора. Всѣ почти поступки его, изображенные въ романѣ, относятся къ сферѣ личной жизни; тоже самое, и еще съ гораздо бо̀льшимъ правомъ, нужно сказать о Базаровѣ — съ бо̀льшимъ правомъ, потому что Рудинъ, по крайней мѣрѣ, умеръ за идею, тогда какъ Базаровъ даже умеръ на своей постели, среди своихъ родныхъ. Соціальная идея можетъ выразиться только въ *дѣятельности* передовыхъ людей, отнюдь не въ ихъ личной жизни; и, если мы не видимъ, ка̀къ и почему дѣйствовалъ тотъ или другой герой романа, мы ничего не можемъ сказать о немъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, и, слѣдовательно, не можемъ ничего заключить о духѣ и тенденціяхъ эпохи. Все, что̀ намъ остается, это—разсуждать о нихъ съ психологической точки зрѣнія. Правда, г. Тургеневъ, мѣстами, заставляетъ своихъ героевъ произносить тирады тенденціознаго характера. Но этихъ тирадъ, во-первыхъ, немного, а, во-вторыхъ, дѣло заключается, все-таки не въ тирадахъ—языкъ вѣдь безъ костей—а въ поступкахъ, которые, повторяемъ, въ Рудинѣ почти всѣ, а въ Базаровѣ рѣшительно всѣ относятся исключительно къ частной, личной жизни, имѣющей пока—не у однихъ насъ только—очень мало точекъ соприкосновенія съ общественной, публичной жизнію.

Если эти замѣчанія о типахъ «наиболѣе чуткаго» писателя нашего справедливы, то тѣмъ болѣе они справедливы въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ нашимъ беллетристамъ. Собственно говоря, большинство произведеній нашей беллетристики представляютъ собою промежуточныя градаціи между чисто психологическими произведеніями поэзіи, въ которыхъ изображаются самыя общія, основныя, элементарныя человѣческія чувства, и произведеніями, въ строгомъ смыслѣ слова, тенденціозными. Въ нѣкоторыхъ же исключительныхъ случаяхъ, произведенія чисто-психологическаго характера получали у насъ рѣшительно соціально-тенденціозное значеніе, какъ, напримѣръ: «Мертвыя души» Гоголя. Причина понятна. Общества, въ смыслѣ органически-цѣльной единицы, у насъ не существовало тогда даже въ зародышѣ, а существовала лишь толпа людей, составлявшихъ извѣстный общественный классъ, безъ всякихъ общихъ цѣлей и стремленій, но съ общими привычками, съ общими обычаями,

съ общими правами, съ общею, скажемъ, печатью проклятія, положенною на нихъ крѣпостничествомъ. Изобразить главнѣйшіе психологическіе типы этой разношерстной толпы значило изобразить картину *общества*, потому что каждый жилъ самъ по себѣ, своею личною жизнію, и любознательный Павелъ Ивановичъ могъ съ полнымъ правомъ говорить, что, разъѣзжая отъ Ноздрева къ Собакевичу и отъ Коробочки къ Манилову, обѣдая съ ними, выпивая и поигрывая въ шашки, онъ изучаетъ жизнь «благороднаго дворянства». Не въ дворянскихъ же выборахъ было искать Гоголю соціальной дѣятельности и соціальныхъ тенденцій привилегированнаго класса, и, съ другой стороны, не въ крошечныхъ московскихъ и петербургскихъ интеллигентныхъ кружкахъ онъ могъ найти матеріалъ для своей широкой картины нашей жизни. Совершенно такое же совпаденіе психологической задачи съ соціальной тенденціей находимъ мы въ «Запискахъ Охотника» г. Тургенева. Крѣпостничество принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ явленій, бороться съ которыми въ литературной сферѣ можно уже только однимъ правдивымъ и общедоступнымъ изображеніемъ ихъ, со всѣми ихъ отвратительными послѣдствіями. «Вѣрность дѣйствительности», это, какъ извѣстно со временъ Бѣлинскаго, необходимое и важнѣйшее условіе всякаго художественнаго произведенія, а въ настоящемъ случаѣ—и во всѣхъ подобныхъ ему—эта вѣрность дѣйствительности сама собою порождаетъ тенденцію, сама въ себѣ заключаетъ тотъ общественный смыслъ, который именно и придаетъ беллетристическому произведенію соціальное и при томъ оппозиціонное значеніе. Чтобы доказать уродство урода и возбудить въ другихъ отвращеніе къ нему, достаточно нарисовать вѣрно его портретъ или даже, какъ это мы находимъ у г. Тургенева, только нѣкоторыя черты его: косые глаза не бываютъ на прекрасномъ лицѣ, и горбъ Квазимодо несовмѣстимъ съ стройностью стана Аполлона. Наконецъ, еще одно и послѣднее исключеніе мы находимъ въ произведеніяхъ г. Островскаго, изображающихъ знаменитое «темное царство», жизнь цѣлаго значительнаго общественнаго класса, оригинальный и мрачный строй которой обусловливается чисто соціальными факторами и, какъ показалъ Добролюбовъ, главнымъ образомъ—экономическими, т. е. соціальными по преимуществу. Но вотъ и всѣ сколько-нибудь замѣчательныя исключенія изъ общаго правила, какія мы можемъ указать въ нашей беллетристикѣ. Бѣдность сюжетовъ, однообразіе мотивовъ, эксплуатированныхъ нашей беллетристикой—поразительны, и нѣтъ ничего мудренаго, что теперь этотъ, и самъ по себѣ небогатый, психологическій матеріалъ окончательно истощился и беллетристикѣ приходится или повторять зады, съ тою вялостью и безцвѣтностью, которая связана съ этимъ неблагодарнымъ занятіемъ, или же поискать для себя въ жизни другихъ задачъ. Наши молодые беллетристы,

повидимому, поняли это, и, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, между ними замѣчается стремленіе осмысливать, по возможности, какою-нибудь общею, синтетическою идеею тѣ групы частныхъ явленій и отдѣльныхъ фактовъ, которыя служатъ матеріаломъ для ихъ анализа и воспроизведенія. Къ несчастію, это стремленіе пока такъ и остается однимъ стремленіемъ, никакъ не болѣе. Дѣло въ томъ, что наши молодые беллетристы, въ сущности, совершенно также относятся къ своимъ задачамъ, какъ и художники-психологи. Они никакъ не могутъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, никакъ не хотятъ разстаться съ традиціями индивидуализма; но старые мѣхи не выдерживаютъ и ломаются, новое вино проливается, и результаты получаются очень печальные. У всѣхъ у нихъ одинъ и тотъ же пріемъ, всѣ они повторяютъ одну и туже ошибку. Въ ихъ произведеніяхъ весь ходъ дѣйствія всегда вертится около какого-нибудь «героя», не въ беллетристическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ, героя, въ которомъ они воплощаютъ свой нравственный идеалъ и которому приписываютъ соціальныя цѣли и задачи, имѣющія, по ихъ крайнему разумѣнію, наибольшее значеніе и наибольшую важность для современности. Но въ дѣйствительности такъ не бываетъ, дѣлà въ жизни такъ не дѣлаются. Если жизнь современныхъ обществъ—борьба и битва, то битва не на гомеровскій ладъ, гдѣ дѣйствуютъ Ахиллесы и Гекторы, Аяксы и Энеи, гдѣ эти герои говорятъ другъ другу передъ началомъ битвы пышныя, «быстрокрылатыя» рѣчи, гдѣ простые смертные изображаютъ собою или «хоръ», или просто декорацію,—это битва на современный образецъ и по современному способу, гдѣ дѣйствуютъ массой, гдѣ каждый солдатъ знаетъ свое мѣсто, и только на этомъ мѣстѣ, только въ ряду своихъ товарищей и союзниковъ, онъ можетъ исполнить свои обязанности, свой святой долгъ. Пора понять это. Пора перестать думать, что масса инертна и безсмысленна, что она живетъ не мысля и не чувствуя, и что ея историческая роль—служить только орудіемъ для исполненія «великихъ» плановъ какого-нибудь Бовы Королевича. Нѣтъ, если для насъ еще возможно спасеніе, оно придетъ къ намъ именно изъ этой Назареи, въ которой до сихъ поръ наши книжники и фарисеи не видятъ ничего добраго, но внѣ которой, однакоже, всѣ наши усилія, начинанія, цѣли, планы, идеалы лишены всякаго значенія, всякой силы, всякаго смысла даже. Придумать какую-нибудь мораль, персонифировать ее и затѣмъ, обставивши кое-какими аксессуарами, выдавать намъ за чудодѣйственный талисманъ, имѣющій преобразовать и нашу жизнь, и насъ самихъ—это еще не значитъ быть тенденціознымъ писателемъ, не значитъ уловить ту идею, которая зрѣетъ и формируется въ умахъ и сердцахъ большинства, то общее настроеніе духа, которое придаетъ эпохѣ ту или другую характерную окраску. Намъ нужно не сочинительство, а констатиро-

ваніе и изображеніе дѣйствительныхъ и при томъ *общихъ* фактовъ; нужна не мертвая мораль, но живая идея, не росказни о необыкновенныхъ подвигахъ и удачахъ какого-нибудь небывалаго Еруслана Лазаревича, но картина общей борьбы людей за свои права и интересы, за свое благосостояніе, или, по крайней мѣрѣ, картина тѣхъ частныхъ эпизодовъ этой борьбы, въ которыхъ больше порядка, систематичности, сознательности и которые, поэтому, легче поддаются формулированью и опредѣленію.

Мы не считаемъ нужнымъ говорить о «тенденціозности» такихъ произведеній нашей беллетристики, какъ напримѣръ, «Взбаломученное море» и т. д. Произведенія этого рода, конечно, тоже тенденціозны, но совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ была тенденціозна жалоба въ миргородскій уѣздный судъ Ивана Ивановича Перерѣпенки, въ которой значилось, что «оный зловредный Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, злокозненно злоумышляя противъ» и т. д. Это—*ванькина* литература, какъ говаривалъ баронъ Брамбеусъ.

IV.

Много было говорено—и у насъ, и повсюду—о серьёзныхъ и важныхъ недостаткахъ современной цивилизаціи—этого существеннѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго результата многовѣковыхъ усилій человѣчества—и нельзя не согласиться, что въ этихъ указаніяхъ много горькой правды. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ этой цивилизаціи поражаетъ наблюдателя своею односторонностью.

Если вглядѣться въ ея физіономію, прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что развитіе человѣчества происходило гораздо болѣе въ *культурномъ*, нежели собственно въ цивилизаціонномъ направленіи. Въ области практическихъ открытій и изобрѣтеній, на пути развитія и расширенія всѣхъ внѣшнихъ удобствъ жизни, въ сферѣ борьбы съ «равнодушною» природою, человѣчество сдѣлало дѣйствительно такіе успѣхи, которые поражаютъ своею грандіозностью. Но если люди съумѣли покорить и подчинить себѣ внѣшнюю природу, побѣдить, для благосостоянія и удобства своей жизни, естественныя препятствія, представляемыя ею, они почти нисколько не переработали свой собственный духъ, свой внутренній міръ, свою собственную природу. Со стороны знанія законовъ, управляющихъ внѣшнимъ міромъ, и умѣнія утилизировать, въ интересахъ своихъ нуждъ, дѣйствіе этихъ законовъ—прогрессъ людей неоспоримъ и громаденъ. Благодаря своей культурѣ, люди ѣздятъ теперь въ вагонахъ, плаваютъ на безопасныхъ пароходахъ, а не въ ладьяхъ,

одѣваются въ сукно, а не въ звѣриныя шкуры, бьютъ другъ друга изъ нарѣзныхъ пушекъ и скорострѣльныхъ ружей, а не палицами и не стрѣлами и т. д. Для того, чтобы отразить полумильйонную орду какихъ-нибудь татаръ или гунновъ, теперь достаточно было бы одной дивизіи; одинъ мониторъ былъ бы въ состояніи перетопить всѣ ладьи норманновъ; семь чудесъ свѣта—дѣтская шалость въ сравненіи съ Суэзскимъ Каналомъ или съ атлантическимъ телеграфомъ; семь греческихъ мудрецовъ можетъ быть выдержали бы экзаменъ въ классическую гимназію, но навѣрное не выдержали бы въ первый классъ реальной; Аристотель показался бы намъ совершеннымъ школьникомъ въ сравненіи съ любымъ современнымъ студентомъ; Гиппархъ—невѣжда въ сравненіи съ самымъ дюжиннымъ ассистентомъ современной обсерваторіи; Гиппократа ни одно земство не приняло бы къ себѣ на службу, даже въ качествѣ фельдшера; бѣднаго Сократа совсѣмъ загонялъ бы любой современный газетчикъ-пѣнкосниматель. Такимъ образомъ, прогрессъ *знаній*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, сдѣлалъ, дѣйствительно, громадные успѣхи въ теченіи того ряда тысячелѣтій, который пережило человѣчество.

Но вѣдь, очевидно, всего этого мало, слишкомъ мало для достиженія конечной цѣли всѣхъ человѣческихъ усилій—общаго счастія. Во-первыхъ, до сихъ поръ въ этомъ дѣлѣ расширенія человѣческой власти и человѣческихъ силъ, всѣ стремленія и труды людей клонились почти исключительно къ разрѣшенію чисто культурнаго вопроса, вопроса производства и накопленія богатствъ—матерьяльныхъ и нематерьяльныхъ; цивилизаціонный же вопросъ равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія этихъ богатствъ оставался и до сихъ поръ остается практически нерѣшеннымъ. Во-вторыхъ, расширеніемъ внѣшнихъ удобствъ жизни далеко не исчерпывается вопросъ общественнаго или личнаго счастія, въ силу того, что это счастіе находится только въ очень слабой зависимости отъ бòльшей или мѐньшей степени внѣшняго комфорта: это—законъ, который даже имѣетъ очень ясное и простое математическое выраженіе. При извѣстныхъ условіяхъ, пріятнѣе читать скверную рукопись, нежели отлично отпечатанную книгу; при извѣстныхъ условіяхъ, пріятнѣе жить въ шалашѣ, въ которомъ вы чувствуете себя полнымъ хозяиномъ, нежели въ удобномъ и изящномъ домѣ; при извѣстныхъ условіяхъ, пріятнѣе отправить откровенное письмо какимъ-нибудь первобытнымъ способомъ, нежели путемъ быстрой и усердной почты. И такъ далѣе. Пріятнѣе, однимъ словомъ, видѣть себя окруженнымъ гарантіями цивилизаціи, нежели удобствами культуры. Съ другой стороны и, переходя изъ общественныхъ сферъ въ сферу личной жизни и развитія, превосходство современнаго пѣнкоснимателя надъ Сократомъ по отношенію къ объему знаній, умѣнью распоряжаться имъ и вообще по совершенству умственной дрессировки—это

превосходство, очевидно, нисколько не ручается, чтобы этотъ газетчикъ съ своимъ пѣнкоснимательствомъ былъ лучше, честнѣе, человѣчнѣе, добрѣе, однимъ словомъ, нравственно развитѣе, т. е. *цивилизованнѣе*, нежели тотъ, кто, за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, умѣлъ, съ такою спокойною и величественною простотою, отдать жизнь за то, что̀ онъ считалъ истиною. Сравните вообще древнія общества съ современными и оцѣните безпристрастно: гдѣ болѣе самоотверженія, гражданской честности, забвенія личныхъ интересовъ ради общихъ и вообще всѣхъ высшихъ нравственныхъ инстинктовъ и мотивовъ—тамъ ли, въ отечествахъ Эпаминонда, Сцеволы, Регула, Аристида, Фабриція, Катона, или у насъ, счастливыхъ обладателей пароходовъ, митральёзъ, телеграфовъ, пенсильванскихъ тюремъ, желѣзныхъ дорогъ, биржи, пѣнкоснимательныхъ доктринъ и т. п.? «Древнія доблести»—это выраженіе стало почти пословицей. Рискованно было бы утверждать, что вообще по нравственному развитію люди далекаго прошлаго стоятъ выше насъ, современныхъ людей; но съ полною увѣренностью можно сказать, что они ни въ какомъ случаѣ не ниже насъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того—это выразительный фактъ—наибольшую нравственную чистоту мы находимъ въ настоящее время въ тѣхъ именно сферахъ, которыя или стояли вдали отъ вліяній нашей цивилизаціи, или же относятся къ ней съ рѣшительною и сознательною враждебностью. Истинная цивилизація именно и состоитъ въ прогрессѣ нравственной личности человѣка, въ его одухотвореніи и облагороженіи, въ развитіи лучшихъ и въ атрофированіи дурныхъ сторонъ характера. Если послѣдняя цѣль цивилизаціи—счастіе личности и человѣчества, то ея реформирующее вліяніе должно главнымъ образомъ относиться къ характеру человѣка—болѣе къ характеру, нежели къ уму. Степень внѣшнихъ удобствъ и даже объемъ познаній, нетолько какъ фактовъ, но и какъ идей, не обусловливаютъ интенсивности наслажденія; но любящее сердце, но самостоятельная и крѣпкая воля, но готовность и умѣнье жить заодно съ людьми, все это—существеннѣйшіе элементы счастія. Ни одно изъ этихъ высшихъ свойствъ человѣческой природы не сдѣлало замѣтнаго успѣха: какъ прежде, такъ и теперь, эти превосходныя качества формировались въ людяхъ чисто стихійно и непосредственно, нетолько не благодаря жизни и ея вліянію, но рѣшительно вопреки этому вліянію, только въ силу счастливыхъ особенностей нравственной организаціи этихъ немногихъ «сердецъ изъ золота и стали». Оттого-то эти качества и встрѣчаются зачастую въ людяхъ, вовсе необладающихъ ни глубокимъ образованіемъ, ни широкимъ умственнымъ развитіемъ. Индивидуально-нравственный идеалъ—вотъ все, что̀ до сихъ поръ могли предложить намъ, какъ средство для нравственнаго развитія и самосохраненія, какъ орудіе для борьбы со всѣми вліяніями, со всѣми мрачными силами нашей культуры—

и мы уже видѣли, какъ слабо, ничтожно и недѣйствительно это орудіе для цивилизаціонныхъ цѣлей. Нетолько нравственные *принципы* неподвижны, какъ принципы, какъ идеи—это не имѣетъ собственно почти никакой важности; практическое усвоеніе этихъ принциповъ людьми не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ (или даже, быть можетъ, хуже того)—вотъ въ чемъ заключается вся сущность вопроса. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ пожаловаться теперь на малочисленность идей, обращающихся между людьми, на невысокій уровень ихъ умственнаго развитія. Но мы имѣемъ полное право жаловаться, глядя на ничтожество успѣховъ нравственнаго развитія тѣхъ же самыхъ людей. Въ наше время, умъ, право, сталъ товаромъ очень дешевымъ, по крайней мѣрѣ очень обыкновеннымъ. Въ пѣнкоснимательной редакціи, въ банкирской конторѣ, въ казенной канцеляріи, въ судебной залѣ, наконецъ, просто въ любомъ вагонѣ желѣзной дороги—вездѣ вы встрѣтите гладко говорящихъ, умно разсуждающихъ людей, и насъ искренно удивляютъ жалобы на человѣческую глупость. Но въ то же время, эти же самые люди, въ огромномъ большинствѣ

Мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Именно *мысли гонятъ*, а мыслебоязнь—совсѣмъ не тоже, что неимѣніе мыслей: она происходитъ отъ недостатка нравственнаго мужества, отъ неумѣнія безстрашно смотрѣть истинѣ прямо въ лицо, хотя бы отъ ея вида, какъ отъ головы Медузы, пришлось окаменѣть отъ ужаса—т. е. происходитъ отъ недостатка нравственнаго развитія, но никакъ не умственнаго. Вліяніе культуры, прогрессъ знаній, повторяемъ, ни въ общественной жизни, ни въ мірѣ личнаго существованія не повысилъ нравственнаго уровня людей и, слѣдовательно, до сихъ поръ не далъ имъ прочнаго, истиннаго, безмятежнаго, достойнаго человѣка счастія. «И прежде кровь лилась рѣкою, и прежде плакалъ человѣкъ»—льется она и теперь, плачетъ онъ и понынѣ. Вся разница между «прежнимъ» и «нынѣшнимъ» состоитъ лишь въ томъ, что прежде человѣкъ плакалъ и утиралъ слезы кулакомъ; теперь онъ плачетъ и утираетъ слезы платкомъ. И этотъ платокъ дала ему культура, которая и теперь заботится только о томъ, чтобы обшивать кружевами, опрыскивать духами и испещрять разноцвѣтными узорами этотъ платокъ. А что касается до улучшенія *личной* нравственности, то, если въ древности мы не найдемъ такого геройскаго поступка, который бы не имѣлъ себѣ подобнаго въ новѣйшее время, за то вѣдь и нѣтъ такого гнуснаго злодѣянія, которое бы не было возможно теперь. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, ученикъ, «сребролюбіемъ омрачившійся», предалъ на истязанія и казнь своего великаго учителя: безчестные

этого поступка, безнравственнѣе этого преступленія трудно что-нибудь придумать въ сферѣ нравственныхъ отношеній и обязанностей. Возможенъ ли онъ теперь? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, невозможенъ. Въ наше практическое время не найдется такого простофили, который бы довольствовался тридцатью серебрянниками тамъ, гдѣ можно взять, по крайней мѣрѣ, вдесятеро. Мы не продешевимъ, какъ продешевилъ этотъ ученикъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не удавимся. Можно было бы провести недурную параллель между Іудой и нашимъ «Іудушкой», со всею мерзостью его лицемѣрія и бездушія, замѣчательныхъ въ особенности своею безсознательностью, тѣмъ, что самъ Іудушка, въ полную противоположность съ своимъ прототипомъ, нетолько не терзается угрызеніями совѣсти, но съ полнѣйшей искренностью считаетъ себя образцовымъ человѣкомъ, христіаниномъ, семьяниномъ и гражданиномъ. А вѣдь нѣтъ никакой возможности отрицать—ни того, что «Іудушка» дѣйствительно—*типъ*, ни того, что г. Щедринъ взялъ его цѣликомъ изъ жизни, что онъ составляетъ плоть отъ плоти и кость отъ костей нашей культуры—именно нашей русской, родной, доморощенной. Характерно самодовольство и самомнѣніе и самого Іудушки; но безконечно характернѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальнѣе, что и согражданe Іудушки готовы признать его дѣйствительно образцовымъ и примѣрнымъ человѣкомъ.

Мы вполнѣ сознаемъ крайнюю неполноту и отрывочность всѣхъ этихъ замѣчаній нашихъ, особенно въ виду важности затронутаго нами предмета; но, во-первыхъ, ничего не подѣлаешь съ требованіями того прокустова ложа, которое называется журнальной статьей, а, во-вторыхъ, даже этихъ немногихъ примѣровъ и бѣглыхъ замѣчаній нашихъ достаточно, чтобы дать читателю понятіе о томъ основномъ пунктѣ, изъ котораго мы исходимъ при постановкѣ своего идеала. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать еще одно короткое, отрицательнаго свойства указаніе.

Общій фактъ преобладанія культурнаго развитія человѣчества надъ цивилизаціоннымъ ни подъ какимъ видомъ нельзя объяснять, какъ это дѣлается довольно часто, разрывомъ между наукою и жизнью, тою *аристократичностью* науки, въ силу которой ея идеи, методы, воззрѣнія, остаются до сихъ поръ достояніемъ очень немногихъ и не переходятъ въ низшія сферы умственнаго плебейства. Длинный-длинный рядъ рѣзкихъ фактовъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что вліяніе всей совокупности тѣхъ идей, которыя находятся въ настоящее время въ распоряженіи человѣчества, оказывается совершенно недостаточнымъ, чтобы просвѣтить и очистить нравственный міръ человѣка. Нѣтъ ничего легче, какъ представить рядъ именъ людей, которые съ удивительною силою ума, съ необыкновенно обширными познаніями соединяли нерѣдко самую мелкую, пошлую и даже подлую душонку.

Строго говоря, достаточно было бы *одного* такого факта, чтобы наглядно доказать совершенную несостоятельность мнѣнія, что умственный прогрессъ непремѣнно обусловливаетъ собою прогрессъ нравственный, потому что одинъ такой фактъ доказывалъ бы существованіе въ жизни такихъ дѣятелей, которыхъ вліяніе въ состояніи совершенно парализовать силу всѣхъ орудій, предлагаемыхъ намъ нашей культурой: чего же это мнѣніе стòитъ, если противъ него говорятъ не исключенія, а общее правило, можно сказать—норма? *Ученые* люди далеко не всегда бываютъ *развитыми людьми*, а *развитые* люди не всегда бываютъ *честными* людьми или, однимъ словомъ, *культированный* человѣкъ—совсѣмъ не тоже, что *цивилизованный* человѣкъ: это до такой степени общеизвѣстно, что, быть можетъ, именно отсюда и взяло свое начало воззрѣніе, по которому знаніе несовмѣстимо съ вѣрой, враждебно убѣжденію и ведетъ, въ концѣ концовъ, къ всепрощенію и всепримиренію, т. е. къ полному индифферентизму. Современная наука, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, представляетъ собою квинтэссенцію, лучшую и возвышеннѣйшую часть того, что мы называемъ культурой человѣчества, и мы видимъ, что нравственно-очищающаго, цивилизующаго вліянія она не возъимѣла даже въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ она вполнѣ дома, вполнѣ chez soi. Совершенно напрасно было бы ожидать, чтò она почему-то получитъ эту благодѣтельную силу, лишь только спустится въ нижніе подвалы съ своимъ свѣточемъ и размѣняется на мелкую монету. Если она не въ силахъ, какъ указываетъ опытъ, перевоспитать, нравственно укрѣпить, цивилизовать своихъ собственныхъ жрецовъ, тѣхъ людей, которые находятся въ непрестанномъ и непрерывномъ общеніи съ нею, то кàкъ можетъ она сдѣлать это относительно простыхъ смертныхъ? Если она въ цивилизаціонномъ отношеніи ничего не можетъ дать своимъ роднымъ дѣтямъ, то чтò можетъ она дать намъ, своимъ пасынкамъ?

Нѣтъ, не безжизненностью современной науки можно объяснить ненаучность современной жизни. Не слабостью и поверхностностью распространенія знаній (по крайней мѣрѣ, не однимъ только этимъ крупнымъ, но все-таки частнымъ фактомъ, потому что и сама наука есть только частная функція нетолько жизни, но и мысли) можно объяснить безчисленные недостатки современной жизни и все болѣе и болѣе усложняющіяся препятствія къ ея прогрессу. Съ высшей точки зрѣнія, исторія представляетъ намъ рядъ измѣненій внѣшнихъ формъ жизни, почти безъ всякаго измѣненія тѣхъ основныхъ принциповъ, совокупность которыхъ составляетъ пока ея содержаніе. Центръ тяжести историческихъ событій перемѣщался очень часто; смѣна политическихъ, религіозныхъ, общественныхъ и экономическихъ формъ происходила очень быстро; но изъ всѣхъ этихъ перемѣ-

щеній и измѣненій основной принципъ господства меньшинства надъ большинствомъ вышелъ безъ всякаго для себя ущерба. Потребности жизни и историческій ходъ событій выдвигали на первый планъ то религіозные, то политическіе, то экономическіе вопросы, но неизмѣннымъ и постояннымъ оставался тотъ фактъ, что борьба во всѣхъ этихъ сферахъ происходила между тѣми или другими господствовавшими классами, а народъ, вся сѣрая, безграмотная, голодная часть человѣчества, оставался чуждъ этимъ «событіямъ», и только въ рѣдкіе, всѣ на перечетъ извѣстные въ исторіи, моменты. активно заявлялъ о своемъ существованіи и, затѣмъ, опять на долгіе годы погружался въ свою обычную, дремотную, покорную неподвижность. То, что слыветъ подъ именемъ исторіи, совершалось и совершается только въ верхнихъ этажахъ громадной пирамиды, называемой человѣчествомъ. Чѣмъ ниже мы будемъ спускаться отъ вершинъ къ основанію, тѣмъ участіе въ исторической жизни становится все слабѣе и слабѣе, и, наконецъ, въ «подвалахъ», въ которые «не проникаетъ ни одинъ лучъ», мы найдемъ, какъ въ глубокихъ безднахъ океана, абсолютный мракъ, абсолютное безмолвіе и абсолютную неподвижность. Это—фактъ, проходящій чрезъ всю исторію, не исторію какой-нибудь отдѣльной страны, но черезъ исторію всего человѣчества. Въ наукѣ исторіи все спорно и сомнительно; смыслъ прошедшихъ событій, ихъ значеніе, духъ, характеръ—все это можетъ быть истолковываемо—и дѣйствительно, истолковывается—на тысячу ладовъ и манеровъ. Но внѣ всякихъ споровъ и выше всякихъ сомнѣній стоитъ фактъ этой, если такъ можно выразиться, *поверхностности* исторической жизни.

Значеніе этого общаго факта очевидно само по себѣ, и смыслъ его совершенно ясенъ. Именно въ немъ, въ этомъ фактѣ, и заключается основная причина той безплодности, безнравственности и односторонности, ярче всего характеризующихъ общечеловѣческую цивилизацію, въ томъ видѣ и духѣ, въ какомъ она представлялась до сихъ поръ. Ограничиваясь ничтожнымъ, сравнительно, кругомъ привилегированныхъ лицъ, эта цивилизація и не могла, конечно, быть разработана съ тою глубиною и полнотою, какая возможна лишь при условіи дружнаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ всѣхъ силъ коллективнаго ума человѣчества. Отсюда незначительность ея результатовъ, ея относительная безплодность. Тѣсно связанная съ принципами, противорѣчащими самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости, она не могла пріобрѣсти того одухотворяющаго, облагораживающаго вліянія на людей, которое должно по праву принадлежать ей, какъ одно изъ свойствъ, присущихъ самой природѣ ея. Отсюда—ея нравственное безсиліе. Служа интересамъ немногихъ, подчиняясь требованіямъ только того меньшинства, которое создавало ее и интересы котораго были совершен-

но исключительны и ни въ какомъ случаѣ не солидарны съ интересами большинства, она, по необходимости, ограничивалась только тѣми немногими задачами, которыя входили въ кругъ жизни этого меньшинства. Отсюда ея крайняя односторонность. Когда первыя потребности человѣка удовлетворены, онъ создаетъ себѣ новыя, болѣе сложныя и тонкія, затѣмъ—опять новыя, и, такъ какъ человѣческому аппетиту къ наслажденіямъ нѣтъ и не можетъ быть предѣла, такъ какъ притупленные нервы тѣмъ настоятельнѣе требуютъ все новыхъ и все сильнѣйшихъ эффектовъ, чѣмъ болѣе они узированы и истасканы, то понятно, что культурѣ представляется здѣсь, хотя крайне узкое, но рѣшительно неистощимое поле для дѣятельности. Задача ея въ томъ именно и состоитъ, чтобы находить способы удовлетворять вновь возникающія потребности, нисколько не входя въ разсмотрѣніе вопроса—на сколько здоровы, естественны, разумны и справедливы эти потребности. Старая наука и старое искуство—махровые цвѣтки этой культуры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнѣйшіе рычаги ея—всегда отличались своею готовностью служить тѣмъ интересамъ, тѣмъ силамъ, которые въ данный моментъ получали преобладаніе въ исторической жизни: наука—съ лукавствомъ авгура или съ индифферентизмомъ «безпечальнаго созерцателя», отождествляющаго силу и право; искуство—съ услужливою предупредительностью лизоблюда, живущаго подачками съ барскаго стола. Эта искуственная, ароматная, но невыносимо душная атмосфера, созданная культурой въ удовлетвореніе все болѣе и болѣе изощрявшихся, т. е., въ сущности, извращавшихся потребностей и вкусовъ меньшинства, очевидно, отрѣзывала всякую возможность здороваго нравственнаго (и даже физическаго) развитія для личности, расшатывая ее морально, прививая къ ней такія привычки, которыя могутъ быть удовлетворены только насчетъ массъ, при непремѣнномъ условіи ихъ порабощенія и притупленія. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, крайности, дѣйствительно, сходятся: излишекъ потребностей, доходящихъ до прихотливости, также вѣрно ведетъ человѣка къ деморализаціи, какъ и скотская приниженность, позволяющая довольствоваться, буквально, необходимымъ минимумомъ, и замыкающаяся въ фаталистической покорности своему «предѣлу, его же не прейдеши». Въ первомъ случаѣ, человѣкъ просто гоняется за своею тѣнью, или, какъ вѣчный жидъ, безцѣльно и безнадежно бредетъ куда глядятъ глаза, въ смутной надеждѣ найти гдѣ-нибудь успокоеніе отъ невыносимой пустоты и безсмысленности своего существованія; во второмъ случаѣ—человѣкъ теряетъ единственный стимулъ къ труду, къ развитію, къ упорной и систематической борьбѣ. Идя этимъ путемъ, т. е. тѣмъ самымъ, съ котораго человѣчество до сихъ поръ ни разу не сходило даже на время, мы роковымъ образомъ должны придти, съ одной стороны, къ

полному отупленію массъ, къ полной потерѣ ими человѣческаго достоинства, съ другой—къ результату совершенно тождественному, но нѣсколько отличному по внѣшней формѣ—не къ атрофіи всѣхъ человѣческихъ чувствъ, а къ полному и конечному извращенію ихъ. Для однихъ—свинцовая скука и тоска, нравственная Нирвана, желаніе «забыться и заснуть»; для другихъ — подавленіе всѣхъ духовныхъ силъ, утрата образа и подобія Божія и, опять-таки, тоже самое желаніе «забыться и заснуть», потому что благородная человѣческая природа слишкомъ живуча и человѣкъ слишкомъ далеко ушелъ отъ своихъ зоологическихъ предковъ, чтобы безмятежно довольствоваться скотской долей. Хорошъ конецъ, хороша судьба, хорошо счастіе! Одного непосредственнаго чувства, однихъ безсознательныхъ добрыхъ инстинктовъ, которые мы пока еще находимъ въ «подвалахъ», быть можетъ, въ извѣстной степени достаточно для пассивнаго сопротивленія гнету и давленію жизни, но слишкомъ мало для активной, систематической борьбы съ ней. Для этой цѣли нужна сознательность, нужно синтетическое пониманіе жизни, нуженъ, наконецъ, опредѣленный соціальный идеалъ, во имя котораго можно было бы бороться—та цѣль, которую необходимо поставить передъ собою, чтобы имѣть возможность двинуться, наконецъ, съ мѣста. Массы оставались до сихъ поръ въ сторонѣ отъ дѣятельнаго участія въ общечеловѣческихъ дѣлахъ, и онѣ останутся въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока въ темный міръ ихъ сбивчивыхъ, отрывочныхъ, полуинстинктивныхъ представленій не будетъ внесена послѣдовательность и стройность критической мысли. Съ другой стороны, окончательное безсиліе интеллигентныхъ, культурныхъ классовъ рѣшить одними своими силами общечеловѣческую задачу—и даже несравненно болѣе легкую задачу своего корпоративнаго благосостоянія—также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это безсиліе доказываетъ намъ нашъ историческій опытъ; роковая неизбѣжность, *логичность* его объясняется и апріорными, дедуктивными соображеніями. Сопоставляя эти два факта, не трудно уяснить себѣ ту задачу, ту роль, которую современная интеллигенція должна взять на себя. Не ей предстоитъ совершить великое дѣло обновленія; но у ней, и только у ней одной, есть возможность вызвать къ жизни и къ дѣятельности тѣ силы, которыя въ состояніи рѣшить міровой вопросъ. Сумма знаній и идей, находящихся въ ея распоряженіи, настолько велика, что вопросъ объ увеличеніи этого капитала новыми вкладами совершенно отодвигается на задній планъ; но эти знанія и идеи могутъ принести свой пышный плодъ только на черноземной и дѣвственной почвѣ цѣльныхъ характеровъ, не разслабленныхъ ухищреніями культуры, не деморализованныхъ бѣшеной и эгоистической погоней за личными наслажденіями. Эта задача трудна и сложна, но что она возможна—это несомнѣнно.

Для того, чтобы человѣкъ усвоилъ себѣ хотя бы даже самый широкій и смѣлый общій выводъ—усвоилъ настолько, чтобы соотносить къ нему, какъ къ базису, всѣ свои частные взгляды—нѣтъ никакой практической надобности, чтобы онъ непремѣнно лично прошелъ весь тотъ длинный и трудный путь, по которому интеллигентные люди дошли, мало по малу, до этого вывода. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это даже и невозможно а что касается до воспитанія, до дрессировки развивающейся мысли, то подобныя тонкости неумѣстны до смѣшнаго тамъ, гдѣ вопросъ бóльшею своею частью лежитъ въ области грубой и суровой практики. Дѣло умственнаго воспитанія массъ—дѣло будущаго, будущей жизни и будущей науки. Не намъ рѣшать этотъ вопросъ, не намъ о немъ и заботиться. Въ исполненіи этой задачи пробужденія общей самодѣятельности и заключается тотъ ближайшій соціальный идеалъ, въ осуществленіи котораго сосредоточиваются, по нашему мнѣнію, всѣ интересы и весь смыслъ нашей эпохи. Этимъ же путемъ можетъ быть осуществленъ и индивидуально-нравственный идеалъ, во-первыхъ, потому, что условія самой задачи требуютъ отъ человѣка почти полнаго разрыва со всѣми традиціями, условіями и обстановкою воспитавшей его культуры—разрыва, который идетъ такъ далеко, что только въ рѣдкихъ случаяхъ ему нѣтъ надобности непремѣнно въ фактическомъ, матерьяльномъ, внѣшнемъ выраженіи; во-вторыхъ, потому, что вліяніе тѣхъ новыхъ сферъ, въ которыя человѣкъ перенесетъ свою дѣятельность, будетъ вліяніемъ непремѣнно и безусловно для него благотворнымъ, какъ благотворенъ рѣзкій и свѣжій, но чистый воздухъ полей для легкихъ, постоянно дышавшихъ ароматно-затхлой атмосферой герметически закупоренныхъ комнатъ. Въ исполненіи этой же задачи ему придется и «выстрадать свое соединеніе съ Богомъ», «попрать ногами свое своекорыстное *я*»—выполнить всѣ тѣ требованія, которыя предъявляетъ ему самый высокій и чистый индивидуально-нравственный идеалъ, но выполнить не въ силу какихъ-нибудь моральныхъ отвлеченностей или метафизическихъ фикцій, или давно одряхлѣвшихъ фантазій, но въ силу своихъ собственныхъ интересовъ и, прежде всего—въ интересѣ нравственнаго спасенія и самосохраненія. Намъ есть что передать народу, но есть еще бóльшее, чѣмъ мы можемъ у него позаимствоваться. У насъ есть то, чѣмъ мы можемъ объединить, цементировать народную волю, прояснить народный смыслъ—есть знаніе, есть пониманіе жизни, знаніе главныхъ рычаговъ современной дѣйствительности и пониманіе силы, дѣйствія и значенія этихъ рычаговъ. У народа есть та нравственная и, наконецъ, та матеріальная сила, размѣры которой совершенно соотвѣтствуютъ громадной трудности и сложности задачи. Сила людей заключается въ ихъ способности къ коопераціи—не только къ коопераціи личностей, но и цѣлыхъ общественныхъ слоевъ. Если найдена цѣль, равно

удовлетворяющая требованiямъ какъ людей теоретическаго развитiя и привилегированнаго положенiя, такъ и людей, у которыхъ на первомъ планѣ неизбѣжно стоятъ вопросы чисто матерiальныхъ потребностей, и если эта цѣль можетъ быть осуществлена только путемъ союза всѣхъ соцiальныхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ ея достиженiи—тогда вопросъ изъ теоретическихъ сферъ становится прямо на голую практическую почву и сводится къ тому, чтобы теперешнюю потенцiальную силу массъ возвысить на степень силы активной и самосознательной. Но надо хорошо понять и сознать свою роль. Надо понять, что «гласомъ Божiимъ» имѣетъ право и возможность быть именно только «гласъ народа», и отложить въ сторону ребячески-самолюбивыя претензiи продиктовать тѣ торжественныя слова, которыя скажутся этимъ общимъ голосомъ. Всѣ лучшiе писатели нашей литературы сходились въ своихъ симпатiяхъ къ народу и всегда ставили его интересы, такъ или иначе ими понимаемые, выше и впереди всѣхъ какихъ бы то ни было другихъ. Но далеко не всѣ изъ нихъ въ состоянiи помириться съ тою мыслью, что роль интеллигенцiи — отнюдь не первенствующая роль «мыслящихъ руководителей». Жизнь есть сама себѣ цѣль, и человѣчество—само себѣ хозяинъ. Только ему подлежитъ рѣшить вопросъ своей жизни, не теоретическими выкладками, не безсильнымъ доктринерствомъ, но самымъ процессомъ организацiи этой жизни, въ его свободномъ, и самодѣятельномъ развитiи. Какъ бы ни были законны, даже возвышенны, даже святы тѣ немногiе общiе интересы, которыми мы теперь живемъ и которые составляютъ пока единственное наше цѣнное достоянiе, но еслибы — чтò возможно, хотя и мало вѣроятно — намъ пришлось, подчиняясь силѣ вещей, въ бòльшей или меньшей степени, поступиться этими интересами—колебаться въ выборѣ намъ не приходится, хотя бы въ силу той аксiомы, что часть меньше своего цѣлаго. Въ жизни, какъ давно извѣстно, нѣтъ ничего абсолютнаго, и старый вопросъ Пилата не допускаетъ окончательнаго, разъ навсегда установленнаго отвѣта. Общее развитiе и прогрессъ, общее счастiе и все, чтò способствуетъ ему—вотъ истина. А чтò же способствуетъ? Только то, чтò отвѣчаетъ потребностямъ времени и условiямъ мѣста; истинность всякой идеи и всякаго вообще высшаго интереса—синонимъ современности и умѣстности этого интереса. A bon entendeur salut!

Слишкомъ дорогiе наши интересы, какъ, напримѣръ, интересы мысли, и не могутъ, впрочемъ, пострадать оттого, что люди начнутъ думать своимъ умомъ. Масса стоитъ ближе къ цивилизацiи нетолько въ томъ отношенiи, что среди суровой практики своей жизни она не успѣла воспитать въ себѣ ни эгоистическихъ привычекъ, ни вредныхъ, искуственныхъ потребностей, подобныхъ тѣмъ, какiя привила къ намъ наша культура, *наша*

жизнь; она ближе и въ томъ отношеніи, имѣющемъ огромную практическую важность, что формы ея теперешней жизни—въ главныхъ чертахъ именно тѣ самыя, въ которыя должно уложиться богатое и разнообразное, но само по себѣ безсильное и безплодное содержаніе нашей мысли, нашей культуры, нашей науки. Быть можетъ, Панглоссъ, въ самомъ дѣлѣ, до извѣстной степени правъ: все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. А что нѣтъ худа безъ добра—это-то ужъ несомнѣнно. Быть можетъ, мы въ чистыхъ, въ концѣ концовъ, барышахъ, что массы не участвовали въ нашихъ историческихъ экспериментахъ и, благодаря этому, сохранили въ своей средѣ всѣ естественные благотворные задатки, въ которыхъ заключается первая гарантія нашей будущности, сохранили до самаго того момента, когда интеллигентные классы додумались, наконецъ, до простой истины, что человѣческій прогрессъ идетъ отъ простѣйшихъ формъ жизни, черезъ сложныя, опять къ простѣйшимъ—къ тѣмъ самымъ, изъ которыхъ онъ получилъ точку отправленія. Идеалъ цивилизаціи находится у самаго ея источника. Когда синтетическая идея одухотворитъ и оживитъ собою первобытныя формы человѣческой жизни, когда строгая и разумная простота этой жизни будетъ вполнѣ *сознательна*: тогда міровая задача будетъ рѣшена, на землѣ точно воцарится миръ и въ человѣкахъ благоволеніе. Такимъ образомъ, мы съ другой стороны подошли опять все къ тому же выводу, что для настоящаго момента самой жгучей потребностью является объединеніе мысли и воли, разума и чувства, сознательности и силы.

Какъ видитъ читатель, мы нисколько не выгораживаемъ интеллигенціи изъ участія въ рѣшеніи общественной задачи. Мы признаемъ за ней огромную, важную роль и—что̀, въ практическомъ отношеніи, всего существеннѣе—на интеллигенціи лежитъ обязанность почина, иниціативы. Въ состояніи ли она рѣшить свою задачу? это—другой вопросъ, вопросъ практики, опыта, дѣйствительной жизни. Мы лично думаемъ, что въ состояніи; но безъапелляціонно на это можетъ отвѣтить только сама жизнь. Поживемъ, увидимъ. Во всякомъ случаѣ, для нея нѣтъ иного исхода, какъ или окончательно замкнуться въ самой себѣ, изолироваться отъ массъ, обрекая себя на вѣчную нравственную смерть, на вѣчную неудовлетворенность жизнью, на безплодное исканіе невозможныхъ идеаловъ, на страданія еще болѣе невыносимыя, чѣмъ муки Тантала, или же смѣло сжечь за собою корабли, разорвать свои нравственныя путы, раствориться въ массахъ и тѣмъ самымъ исцѣлиться отъ острой и ядовитой ѣдкости своей теперешней жизни и, въ то же время, сообщить вкусъ, крѣпость и силу прѣсному прозябанью большинства. А что̀ касается до народа, то въ немъ, въ его умственной и нравственной силѣ невозможно сомнѣваться. И историческіе факты его прошлаго, и бытовые факты его настоящаго, и мелкія явленія обыденной

жизни, и, наконецъ, теоретическія соображенія—все ведетъ къ тому глубоко утѣшительному и ободряющему выводу, что въ немъ есть (какъ говорятъ практики) и необходимо должны быть (какъ подтверждаетъ теорія) всѣ данныя, необходимыя для успѣшнаго рѣшенія задачи и, прежде всего, и важнѣе всего—есть та солидарность, та общественность, тотъ драгоцѣнный «мірской» духъ, который гарантируетъ намъ его способность дѣйствовать дружно и согласно, какъ только онъ будетъ призванъ исторіей къ самодѣятельной жизни. А что народъ нашъ до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ, ничѣмъ исторически-важнымъ себя не заявилъ, не внесъ своего вклада въ общую сокровищницу человѣчества—такъ вѣдь остроумничать и глумиться надъ этимъ позволительно только гг. Потугинымъ. Кàкъ же ему было сказать свое слово, когда историческія обстоятельства забили ему платокъ въ ротъ? Кàкъ же ему было создать что-нибудь, кромѣ «пѣсни, подобной стону», если жизнь, кромѣ боли, не даетъ ему иныхъ впечатлѣній? Кàкъ же лучинушкѣ ясно горѣть, когда ее свекровь лютая водой залила? Бѣдная Россія! И кто же эта свекровь лютая? А между прочимъ, и вы, господа читатели, и я, вмѣстѣ съ вами—всѣ мы, интеллигентные и образованные люди, на народный счетъ воспитавшіеся, народнымъ трудомъ живущіе и, въ благодарность за его благодѣянія, надъ нимъ же и глумящіеся, его же «въ покоѣ» и оставляющіе, всѣ мы, съ такимъ ревнивымъ и тупымъ упорствомъ отгораживающіе себя и свои мнимо высокіе интересы, дорогіе и нужные только намъ, никому ненужнымъ людямъ.

Въ заключеніе, еще разъ извинимся передъ читателемъ за отрывочность, неясность и неполноту всей статьи вообще и этой послѣдней главы въ особенности. Но сущность самаго предмета такова, что его нельзя удовлетворительно и обстоятельно изложить на нѣсколькихъ страницахъ. Бѣды особенной мы, впрочемъ, въ этомъ не видимъ. Не сказалось сегодня—скажется завтра; не завтра—такъ послѣ завтра, не по этому—такъ по другому поводу: времени впереди много, явленія жизни многообразны, а поле мысли безгранично.

Н. Мерезовъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Окончаніе преній о бюджетѣ вѣроисповѣданій въ палатѣ. — Взятіе правительствомъ назадъ законопроекта о военныхъ почестяхъ. — Замѣчательный переходъ къ очередному порядку 2-го декабря. — Денежная любезность республиканцевъ относительно маршала. — Смягченіе министерскаго кризиса Гамбеттой. — Совѣщанія въ Елисейскомъ дворцѣ. — Образъ дѣйствія палаты депутатовъ: разрушенное и возстановленное большинство 7-го и 9-го декабря.

Безконечныя пренія палаты депутатовъ о бюджетѣ вѣроисповѣданій въ послѣднихъ числахъ ноября, наконецъ, были заключены, и общимъ ихъ результатомъ было то, что духовенство получило суммы, нѣсколько бо̀льшія, чѣмъ ему было ассигновано собраніемъ въ 1871 году. Но щедрость эта сопровождалась такими оговорками, которыя позволятъ съ будущаго же года палатѣ противодѣйствовать ультрамонтанскимъ претензіямъ уже съ положительнымъ практическимъ результатомъ. Такъ напримѣръ: небольшой кредитъ въ тысячу франковъ сопровождался распоряженіемъ объ обязательномъ представленіи въ палату оффиціальнаго списка религіозныхъ конгрегацій, разрѣшенныхъ правительствомъ. Государственнымъ имуществамъ, предоставленнымъ въ пользованіе семинаріямъ, монастырямъ и архіепископствамъ, произведена точная оцѣнка. Спеціальною статьею закона прекращено жалованье священникамъ не существовавшихъ приходовъ и упразднены должности каноииковъ Сен-Дени — этихъ фантастическихъ хранителей королевскихъ могилъ. Благодаря тому, что Гамбетта, въ качествѣ предсѣдателя бюджетной комиссіи, выставлялъ себя «сотрудникомъ, а не противникомъ министерства», Дюфоръ, очутившійся въ меньшинствѣ, по вопросу о кредитѣ для семинарскихъ стипендій, избѣгнулъ необходимости подачи по этому поводу своей отставки. Мало того, ко всеобщему удивленію, онъ могъ принять на себя отвѣтственность за законопроектъ о военныхъ почестяхъ, которую передъ тѣмъ такъ лукаво свалилъ на своего товарища де-Марсера. Однимъ словомъ, онъ получилъ возможность встать въ дружелюбныя отношенія къ палатѣ, и такимъ образомъ придать нѣкоторое равновѣ-

сіе колебавшейся устойчивости своего кабинета. Сторонники политики уступокъ были совершенно убѣждены, что законъ о прекращеніи преслѣдованій, разсматривавшійся въ сенатской коммиссіи пятью членами правой стороны и четырьмя лѣвой, испытаетъ участь законопроекта о мэрахъ, т. е. что если его и изувѣчатъ, то все-таки отъ него останется хотя что-нибудь, на принятіе чего можно будетъ согласиться. Искусный юрисконсультъ, Берто, съумѣлъ тексту депутатовъ придать форму, одобренную хранителемъ печати. По новому проекту, отъ преслѣдованія избавлялись всѣ инсургенты 1871 года, избѣгнувшіе до того времени преслѣдованій, за исключеніемъ членовъ коммуны, центральнаго комитета или начальствовавшихъ въ возстаніи, не ниже, чѣмъ въ чинѣ капитана, если они притомъ не совершали какихъ-нибудь обыкновенныхъ преступленій противъ личности или собственности. Однакожъ, и этотъ скромный способъ избавленія отъ преслѣдованій нѣсколькихъ сотъ человѣкъ не былъ одобренъ. Докладчикъ Парисъ заключилъ, что уступками въ пользу неподвергнувшихся преслѣдованію будетъ нарушенъ принципъ равенства и что вообще всякій шагъ правительства, сколько-нибудь напоминающій объ амнистіи, неизбѣжно внесетъ смуты и неурядицы въ общественное сознаніе.

1-го декабря открылись по этому вопросу публичныя пренія. Первымъ выступилъ въ нихъ знаменитый генералъ Шангарнье, этотъ живой мертвецъ, котораго почему-то все забываютъ похоронить, и еще разъ огласилъ залъ сената стереотипными выходками о всѣмъ извѣстныхъ ужасахъ коммуны. Вслѣдъ за нимъ, Берто сталъ доказывать совершенную юридическую правильность своей поправки и политическую полезность доставленія общественному мнѣнію такого удовлетворенія, которое, не возбуждая никакой опасности, помогло бы водворенію желательнаго согласія между двумя палатами. Оппонентомъ его выступилъ ядовитый виконтъ де-Мо, старавшійся доказать, что этотъ проектъ—замаскированная амнистія, стоящая въ разрѣзъ съ президентскимъ правомъ помилованія, удовлетворяющимъ вполнѣ всякой потребности общественнаго спокойствія. По его мнѣнію, парламентъ покусится на права судебныхъ учрежденій, если вмѣшается въ дѣло репрессіи коммуны. Тогда на трибунѣ появляется Толэнъ, который, къ ужасу ретроградовъ, начинаетъ развивать параллель между 18 мартомъ и 2 декабремъ и спрашиваетъ: не представляетъ ли вопіющаго противорѣчія осужденіе въ принципѣ министромъ юстиціи дѣятелей «смѣшанныхъ коммиссій» 1852 г., съ безконечной проскрипціей лицъ, увлеченныхъ коммуною, производимой съ 1871 г. военными судами? «Не вправѣ ли, спрашиваетъ онъ:—общественное сознаніе сдѣлать при этомъ такой выводъ, что преступленія амнистируются, но только тогда, когда имѣютъ успѣхъ?» Послѣ этого Дюфоръ произноситъ въ сенатѣ рѣчь, которую отъ него напрасно ожидали въ палатѣ. Въ своемъ заявленіи о необходимости широчайшаго милосердія,

онъ доходитъ до сокрушенія объ участи «рабочихъ, отнятыхъ у парижской промышленности». Онъ утверждаетъ, что поправка Берто только подкрѣпляетъ письмо маршала, которымъ прекращаются новыя преслѣдованія, и что принятіе этой поправки послужитъ «къ усугубленію довѣрія, возбужденнаго въ обществѣ къ письму президента». Онъ совершенно опровергаетъ взглядъ докладчика на то, что поправка Берто нарушаетъ принципъ равенства, подсмѣивается слегка надъ находящимся въ докладѣ опредѣленіемъ слова «безопасность» и объявляетъ, что правительству было бы пріятнѣе принятіе поправки Берто, чѣмъ ея непринятіе. На это докладчикъ Парисъ, вызывая снова кровавый призракъ коммуны, требуетъ, чтобы консерваторы рѣзко и опредѣленно отвѣчали всѣмъ болѣе или менѣе откровеннымъ защитникамъ инсургентовъ 1871 года, что сенатъ никогда никакой амнистіи, ни полной, ни ограниченной, не приметъ. Послѣ этого предсѣдатель ставитъ на голоса вопросъ: желаетъ ли сенатъ перейти къ обсужденію поправки по статьямъ? и собраніе, большинствомъ 147 голосовъ противъ 134, отвергаетъ самую сущность законопроекта. «Благодаря этому рѣшенію, по крайней мѣрѣ, вы остаетесь!» шепчетъ Дюфору, при обнаруживаніи результата этого голосованія, одинъ изъ сенаторовъ правой стороны. «А я такъ думаю напротивъ, что этимъ-то рѣшеніемъ вы меня и свалили», рѣзко отвѣчаетъ ему министръ.

Между тѣмъ, и вопросъ о военныхъ почестяхъ, такъ нелѣпо осложненный внесеніемъ правительственнаго законопроекта, не могъ долго оставаться безъ рѣшенія. Передъ враждебной имъ комиссіей гг, Дюфоръ и де-Марсеръ рѣшились внести въ законъ соотвѣтственныя измѣненія. Но зато генералъ Берто пустился передъ комиссіей въ такія объясненія, которыя ясно показали, что, если онъ и не дурной военный организаторъ, то зато не особенно силенъ въ политикѣ и философіи. Самымъ серьёзнымъ образомъ онъ высказалъ, напримѣръ, такую мысль, что, не обращая вниманія ни на какое вѣроисповѣданіе, онъ съ удовольствіемъ отряжалъ бы почетные караулы даже самоубійцамъ изъ военныхъ, но не желалъ бы отряжать его тѣмъ военнымъ, которые оказались бы свободными мыслителями! Не зная, какъ согласовать желанія Берто, комиссія рѣшила совершенное отстраненіе законопроекта и поручила Бриссону составить въ этомъ смыслѣ докладъ. Когда, 2-го декабря, докладъ этотъ читался въ комиссіи, то въ нее явился де-Марсэръ съ президентскимъ декретомъ о взятіи назадъ законопроекта. Докторъ Лосседа заявилъ, вслѣдъ за тѣмъ, палатѣ, что комиссія, въ которой онъ предсѣдательствовалъ, закрыта, но лично отъ своего имени предложилъ, въ формѣ интерпелляціи, очередной порядокъ, мотивированный такимъ образомъ, что «палата остается при убѣжденіи, что на будущее время правительство съумѣетъ заставить уважать принципы свободы сознанія и

равенства граждан, не делая никаких различій между последними». Среди жарких рукоплесканій республиканскаго большинства, де-Марсэр примкнул к этому заявленію от имени «правительства». Он мог бы выразиться точнѣе, еслибы вмѣсто слова «правительство» употребил слово «большинство министерства», так как отмѣна законопроекта была рѣшена в совѣтѣ министров, большинством 4-х голосов против 3-х. Бонапартист Жолибуа возстает против этого «отступленія» кабинета. Клерикал де-ла-Бассетьер вопит об угнетеніи католической Франціи парламентским меньшинством. Всѣ требуют голосованія, и мотивированный переход принят подавляющим большинством 351 голоса против 31.

Де-Марсэр, вызвавши это замѣчательное голосованіе, был обвинен министерским меньшинством в том, что сдѣлал заявленіе от имени правительства, без его предварительнаго согласія, и, при открытіи засѣданія 4-го декабря, один из членов праваго центра, как говорят, по совѣту секретаря президента, Эммануеля д'Аркура, пытался заставить министра отказаться от его слов, но большинство не пожелало продолженія этих объясненій и приступило к продолженію бюджетных преній. При обсужденіи 35-й статьи, республиканцы сдѣлали денежную любезность маршалу, увеличив его содержаніе на 300 т. фр., на путевыя издержки, несмотря на то, что министр финансов от имени маршала заявил о ненужности такого увеличенія. Таким образом, Мак-Магон станет получать отнынѣ по 1.200,000 фр. в год. Этим голосованіем, давшим 412 голосов против 32-х, палата рѣшила выразить, что она отстраняет личность маршала от кризиса, сдѣлавшагося неизбѣжным.

Еще накануне 3-го декабря, 3 главныя групы лѣвых—лѣвый центр, лѣвая республиканская и республиканскій союз—обсуждали, каждая отдѣльно, политическое положеніе минуты, а 4-го декабря, соединенныя их бюро составили общую резолюцію, которою опредѣлялось, что «палата обѣщает свое содѣйствіе только такому истинно-парламентскому кабинету, который твердо рѣшится прекратить противорѣчіе, существующее между духом большинства 20-го февраля и образом дѣйствій весьма значительнаго числа чиновников». Республиканцы вспомнили, что, послѣ паденія Бюффе, Казиміръ Перрье не взялся за составленіе новаго кабинета, потому что маршал-президент отказал ему в коллективной отвѣтственности министерства и независимости каждаго министра отдѣльно, относительно персонала его администраціи. Республиканцы рѣшительно не захотѣли, чтобы кто-нибудь снова, подобно Рикару, пошел на секретныя соглашенія и, таким образом, опять дал возможность президентской камарильѣ смущать правильныя отношенія между исполнительною властію и парламентом.

*

Основываясь на традиціяхъ англійскаго парламентаризма, депутаты, въ ожиданіи сформированія новаго министерства, могли бы прекратить свои засѣданія, но, желая показать, насколько ихъ отношенія къ маршалу миролюбивы, они быстро закончили обсужденіе бюджета расходовъ и согласились сдѣлать его отдѣльнымъ финансовымъ закономъ, чтобы сенатъ могъ немедленно приступить къ его пересмотру. Но зато они отложили на 7-е декабря постановку на очередной порядокъ преній о косвенныхъ налогахъ, понимая очень хорошо, что, еслибы общественныя полученія были окончательно опредѣлены и ключи отъ кассы, такъ сказать, вручены правительству, то дурнымъ совѣтникамъ маршала не трудно было бы добиться отъ него образованія такъ называемаго дѣловаго кабинета, который тотчасъ же распустилъ бы палаты до времени открытія обыкновенной сессіи и тѣмъ далъ бы возможность реакціонерамъ въ тиши придумывать какую-нибудь новую вредную для республики махинацію.

Образъ дѣйствій республиканскаго большинства доказалъ съ полною очевидностью, что сенатъ, низвергнувъ кабинетъ Дюфора, сдѣлалъ непростительный промахъ. Когда де-Фурту спросили конфиденціально въ Елисейскомъ Дворцѣ что̀ дѣлать? то онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ посовѣтовать поручить управленіе дѣлами признанному главѣ республиканскаго большинства — Гамбеттѣ. Разсказываютъ, что Мак-Магонъ наивно замѣтилъ на это: но что̀ же скажетъ Европа? Подобно де-Фурту, и вся бонапартистская пресса стала требовать назначенія первымъ министромъ Гамбетты, говоря, что если республиканцы окажутся и имъ недовольны, то маршалу предоставится ужь сама собою возможность дѣйствовать свободно.

Предсѣдательствуя въ бюджетной коммиссіи, заправляя бюджетными преніями и укрощая одновременно правыхъ, крайнихъ лѣвыхъ и министровъ, Гамбетта, этотъ бывшій «бѣшенный безумецъ», доказалъ, что онъ могъ бы быть такимъ же обстоятельнымъ главою кабинета, какъ и всякій другой. Но если сдѣлаться имъ, послѣ севрскаго свиданія съ маршаломъ, и стало для него возможнымъ, то онъ, повидимому, этого уже самъ не хочетъ и чуть-ли не думаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться со временемъ президентомъ республики. Министерскій кризисъ произошелъ помимо него, и онъ даже старался достигнуть его смягченія. Такъ, его о̀рганъ «La République Française» требовалъ смѣны только двухъ наиболѣе скомпрометированныхъ министровъ: Дюфора и Берто, и предоставилъ на выборъ конституціоннаго президента, для замѣщенія ихъ, около 10 такихъ именъ, которыя легко могли быть приняты маршаломъ, начиная отъ его бывшаго начальника главнаго штаба и до Жюля Симона включительно.

Это послѣднее имя, произнесенное въ той же газетѣ, гдѣ, два или три года тому назадъ, Ранкъ съ такимъ остроуміемъ нападалъ на делегата парижскаго правительства народной защиты,

прекратившаго въ Бордо диктатуру Гамбетты, вызвало въ особенности бѣшенство реакціонеровъ. Многія изъ ихъ газетъ перепечатали знаменитую рѣчь Жюля Симона противъ септенната, въ которой онъ проводитъ параллель между индивидуальнымъ ничтожествомъ герцога Маджентскаго и исключительною значительностію пôста, придуманнаго для него. «Фигаро» просто пришелъ въ ужасъ и высказалъ слѣдующую мысль: «ввести Жюля Симона въ совѣтъ министровъ—не значитъ ли тоже самое, что ввести туда Тьера, т. е., другими словами, внести туда ядъ, къ какому прибѣгали только члены семьи Борджіа!!!»

Чтò касается до Одиффре-Пакье, то онъ могъ бы быть хорошимъ главой кабинета послѣ паденія де-Брольи или вмѣсто Дюфора или Бюффè; но въ настоящее время республика уже настолько утвердилась, что его отчаянный орлеанизмъ былъ бы уже не ко двору. Не вѣроятнѣе ли, что, при вступленіи его въ министерство въ качествѣ предсѣдателя сената, явился бы скорѣе Бюффè, чѣмъ Дюфоръ? Таковы были доводы, высказанные маршалу, которыми онъ мотивировалъ свой отказъ отъ составленія министерства. Когда же Мак-Магонъ сталъ спрашивать его совѣта, кàкъ необходимо поступить при настоящихъ затрудненіяхъ, онъ отвѣчалъ, что единственное, чтò можно и должно сдѣлать, это—поручить предсѣдательство совѣта министровъ кому-либо изъ лѣвыхъ и указалъ при этомъ на Жюля Симона, какъ на надежнѣйшаго человѣка положенія.

Греви тоже былъ приглашаемъ маршаломъ въ Елисейскій Дворецъ, но не для того, чтобы предложить ему портфёль, а чтобы разузнать отъ него намѣренія палаты депутатовъ относительно голосованія бюджета доходовъ и сообразить, какія именно трудности въ управленіи можетъ вызвать неудовлетворенное республиканское большинство. Изъ его сдержанныхъ и сухихъ объясненій, маршалъ, однако, узналъ не много, такъ что былъ вынужденъ, 6-го декабря вечеромъ, назначить у себя новое совѣщаніе, на которое пригласилъ какъ предсѣдателей обѣихъ палатъ, такъ и Дюфора. На этомъ совѣщаніи, онъ спросилъ у своихъ собесѣдниковъ: какимъ образомъ было свергнуто министерство и которою изъ палатъ? Греви увѣрилъ его, что это не было дѣломъ палаты депутатовъ, а Дюфоръ призналъ, что его заставило подать въ отставку сенатское голосованіе. Одиффре замѣтилъ при этомъ, что сенаторы, вотируя противъ какой бы то ни было амнистіи, въ тоже время ничего не имѣли противъ хранителя государственной печати и что, еслибы онъ потребовалъ голосованія о довѣріи, то получилъ бы заявленіе этого довѣрія отъ большинства въ 180 голосовъ. «Но въ такомъ случаѣ, заключилъ маршалъ:—если мое министерство не понесло пораженія ни въ одной изъ палатъ и имѣетъ въ обѣихъ большинство, я, значитъ, просто могу его возстановить».

Послѣ этого совѣщанія, маршалъ предсѣдательствовалъ на со-

вѣтѣ старыхъ министровъ, и всѣ вѣроятности были на сторонѣ того, что прежній кабинетъ будетъ возстановленъ въ цѣломъ своемъ составѣ. Произошло, однако, нѣчто другое. Когда, 7-го декабря, собрались, по обыкновенію палаты, то сенатъ, весьма довольный, что республиканское министерство могло быть избѣгнуто, придрался къ первому случаю, чтобы заявить сочувствіе къ возрождавшемуся кабинету въ лицѣ одного изъ его членовъ— Деказа. Дѣло шло объ одной незначительной реформѣ въ сферѣ дипломатіи, и, когда министръ иностранныхъ дѣлъ выразилъ свое неодобреніе одному республиканскому предложенію Эмануэля Араго, предложеніе это было забаллотировано 143 сенаторами противъ 112. Объ этомъ тотчасъ узнали въ палатѣ депутатовъ, и бюро лѣвыхъ немедленно рѣшило снова отложить обсужденіе бюджета доходовъ. Соглашеніе это встрѣтило, однако, противодѣйствіе какъ между робкими членами лѣваго центра, опасавшимися личнаго столкновенія съ маршаломъ, такъ и между ловкими политиками умѣренной лѣвой, которые утверждали, что слѣдуетъ только затянуть пренія до того времени, пока сформируется сколько-нибудь сносный кабинетъ.

Несмотря, однако, на это, два члена лѣвой республиканской, Маріонъ и Ферри, все-таки потребовали отстрочки бюджетныхъ преній до 11-го. Тогда Леонъ Сэ заявилъ о затрудненіяхъ, какія будутъ внесены во всѣ дѣлà, если бюджетъ на 1877 годъ не будетъ оконченъ обсужденіемъ до конца настоящаго, и сталъ просить, чтобы ему было позволено передъ его паденіемъ хотя представленіе «его финансоваго завѣщанія». Де-Марсэръ тоже оставилъ министерскую скамью и, перебѣгая отъ одного изъ своихъ друзей къ другому, заклиналъ ихъ голосовать согласно съ желаніемъ Сэ, такъ какъ и ему лично, и Сэ необходимъ палатскій успѣхъ для поднятія ихъ авторитета въ Елисейскомъ Дворцѣ, гдѣ противъ нихъ возстала вся реакціонная камарилья. Подъ вліяніемъ этихъ просьбъ, открытіе общихъ преній о бюджетѣ доходовъ было рѣшено большинствомъ 281 голоса противъ 192; но едва первый изъ ораторовъ окончилъ небольшую рѣчь о налогахъ, вредныхъ для промышленности сѣверной Франціи, и несмотря на то, что до обычнаго времени окончанія засѣданія оставалось еще болѣе полутора часа, продолженіе преній было отложено до слѣдующаго засѣданія.

Послѣ засѣданія, Греви объяснилъ делегатамъ большинства, что, если онъ въ Елисейскомъ Дворцѣ не высказался противъ возстановленія кабинета, то произошло это потому, что, еслибы республиканцы стали сопротивляться возстановленію прежняго кабинета, съ нѣкоторыми измѣненіями сообразно ихъ желаніямъ, то маршалъ-президентъ, для котораго Дюфоръ представляется крайнею гранью республиканизма, былъ бы способенъ сочинить и такой кабинетъ изъ правыхъ, который поставилъ бы прямою своею задачею добиться отъ сената распущенія палаты. Гамбетта не былъ на этомъ собраніи членовъ бюро лѣвыхъ у Греви, но, по ихъ воз-

вращенія съ него, показалъ имъ всю несостоятельность угрозы распущеніемъ палаты, которое въ настоящее время невозможно. Онъ доказалъ имъ также необходимость противодѣйствія возстановленію кабинета, такъ какъ это возстановленіе равнялось бы потерѣ палатой депутатовъ всякаго кредита. На бесѣдѣ этой, однако же, не было ничего рѣшено, кромѣ продолженія переговоровъ съ пятью министрами, не разошедшимися съ большинствомъ по вопросу о военныхъ почестяхъ. Двое изъ нихъ, Кристофль и Ваддингтонъ, 8-го декабря, около полудня, появились въ одномъ изъ версальскихъ бюро для переговоровъ съ делегатами, но высказали, что они не считаютъ себя уже достаточно компетентными, чтобы обсуждать условія соглашенія. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе, обнаружившееся наканунѣ въ средѣ республиканскаго большинства по вопросу объ открытіи бюджетныхъ преній, съ одной стороны, зародило новыя надежды въ реакціонерахъ-фузіонистахъ, а, съ другой стороны, отняло у Дюфора вѣру въ возможность возстановленія стараго кабинета, при неустойчивости большинства. Лѣвые снова заключили союзъ на основаніи резолюціи 4-го декабря, и, когда въ тотъ же день, въ засѣданіи палаты, Леонъ Сэ прочиталъ подробный отчотъ о финансовомъ состояніи Франціи, то они снова, несмотря на всѣ протесты правыхъ, отложили продолженіе преній до слѣдующаго дня.

9-го, депутатъ Менье пользуется свободнымъ временемъ, чтобы подробно изложить предъ палатою новую систему налога на капиталъ. Во время его чтенія, Поль де-Кассаньякъ, желая его чѣмъ-нибудь оскорбить, позволяетъ себѣ выходку, за которую наказали бы даже послѣдняго школьника, а именно вскрикиваетъ нѣсколько разъ: «какао, какао!» — «Да̀, я—шоколадный фабрикантъ, отвѣчаетъ ему Менье, оставляя чтеніе:—и сыновья мои—тоже и мы гордимся этимъ; что̀ же касается до лица, перебивающаго меня, то оно такъ же, какъ и его родные, знаетъ толкъ въ шоколадѣ. Я поставлялъ шоколадъ дядюшкѣ этого господина, и онъ, въ теченіи 20 лѣтъ, состоитъ мнѣ долженъ 9,000 франковъ. Признаюсь, я былъ бы очень радъ получить долгъ дядюшки, хотя бы съ племянника!» Чтобы понять всю ядовитость этого намёка, надобно знать, что дядя Кассаньяка — никто иной, какъ извѣстный де-Бовалонъ, приговоренный при Луи-Филиппѣ за скандальную дуэль къ тюремному заключенію и полицейскому надзору, бѣжавшій на Мартинику, гдѣ сталъ главою партіи консерваторовъ. Бонапартистамъ приходится молча проглотить эту пилюлю, но зато они начинаютъ страшный шумъ, когда, около половины пятаго, опять-таки часа за полтора до обычнаго срока окончанія засѣданія, на трибунѣ появился Рувье съ заявленіемъ, что, такъ какъ ему предстоитъ изложить передъ палатой цѣлую финансовую систему, требующую многочисленныхъ объясненій, то онъ проситъ, чтобы ему было разрѣшено отложить начало его изложенія до слѣдующаго засѣданія. При

этихъ словахъ Рувье, одинъ изъ наиболѣе незначительныхъ членовъ лѣваго центра, безъ сомнѣнія задобренный президентской камарильей, виконтъ де-Токевилль, требуетъ, чтобы лѣвые признались, что они рѣшились продолжать до безконечности общія пренія и не хотятъ голосовать взиманіе налоговъ ранѣе, чѣмъ сформируется кабинетъ. «Но кто же виноватъ, отвѣчаетъ ему съ трибуны Луи-Бланъ:—если кризисъ затягивается до безконечности?» Гвалтъ, поднимаемый при этомъ правыми, заставляетъ Греви вмѣшаться въ пренія. Съ особенною торжественностію, вполнѣ соотвѣтствующею важности обстоятельствъ, онъ произноситъ ясно и отчетливо: «Палата,— сама себѣ господинъ и имѣетъ полнѣйшее право устонавливать свой очередной порядокъ какъ ей заблагоразсудится. Если, соображаясь съ обстоятельствами, она не считаетъ своимъ долгомъ входить въ подробныя пренія по бюджету доходовъ, то óбразъ ея дѣйствій вполнѣ раціоналенъ и приличенъ». Послѣ этого заявленія, Луи-Бланъ продолжалъ объяснять, что было бы чудовищнымъ поручать общественныя суммы министерству, составъ котораго еще никому неизвѣстенъ и что на палату нельзя слагать отвѣтственности за кризисъ, не ею вызванный, продолжающійся безъ конца и производящій затрудненіе въ торговыхъ дѣлахъ въ такое именно время, когда они обыкновенно всего болѣе оживлены.

Послѣ этого засѣданія, республиканскій союзъ собирается снова для толковъ о послѣднихъ новостяхъ. Ихъ оказывается много. Одиффре, Пакье предлагалъ маршалу замѣну въ старомъ кабинетѣ одного де-Марсэра Жюлемъ Симономъ; Дюфоръ отказался оставаться предсѣдателемъ совѣта министровъ, если отъ него отойдетъ портфёль юстиціи. Нѣкоторые разсказываютъ, что Одиффре нѣсколько разъ видѣлся съ герцогомъ Омальскимъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Безансона, и что причиною задержки въ сформированіи министерства—дѣятельная попытка орлеанистовъ добиться отъ графа Шамбора отреченія отъ престола въ пользу графа Парижскаго. Многихъ весьма безпокоитъ, что Мак-Магонъ безпрестанно посѣщаетъ де-Брольи и де-Фурту и что секретарь президента, Эманюэль д'Аркуръ, и имперіалистъ Сен-Поль о чемъ-то горячо толкуютъ съ правыми. Гамбетта предостерегаетъ своихъ друзей отъ напрасныхъ опасеній, но настаиваетъ на томъ, чтобы большинство не отступало отъ своей общей резолюціи и было готово энергически ее отстаивать. Берто рѣшено не принимать, если онъ не откажется отъ своего взгляда на военныя почести. Признано необходимымъ сопротивляться вступленію въ министерство Дюфора, такъ какъ подъ его управленіемъ судебная магистратура станетъ неизбѣжно дѣйствовать въ противореспубликанскомъ направленіи. При этихъ словахъ, Алэнъ Тарже напоминаетъ объ осужденіи, торжественно высказанномъ хранителемъ государственной печати бывшимъ членамъ смѣшанныхъ комиссій 1852 г., и цитируетъ при этомъ приговоръ апелляціоннаго безансонскаго суда, отъ 29-го ноября,

клонящійся нетолько къ тому, чтобы выгородить отъ всякихъ нареканій этихъ судей, но и возстановить ихъ въ общественномъ мнѣніи. Вотъ самый фактъ: Въ «L'Avenir de la Haute Saône» было напечатано: «Быть въ прежнее время имперіалистомъ весьма часто не означало ничего другого, какъ быть обманутымъ, принадлежать же къ составу смѣшанныхъ комиссій значило уже быть сознательнымъ участникомъ въ преступленіяхъ». Хотя въ этой статьѣ никто не былъ названъ, но одинъ изъ трехъ безансонскихъ судей, бывшій нѣкогда членомъ смѣшанныхъ комиссій, Вильемо, привлекъ газету къ суду за диффамацію. Первая инстанція никакой диффамаціи не нашла. Но въ апелляціонномъ судѣ генеральный адвокатъ—чиновникъ, назначеніе и смѣщеніе котораго зависитъ отъ министра — высказался въ пользу Вильемо, и газета была присуждена къ 2,000 фр. штрафу. По выслушаніи этого сообщенія, немедленно принята была резолюція, которою выражалось, что «республиканскимъ долгомъ будущаго кабинета, какимъ бы образомъ онъ ни былъ сформированъ, должно быть твердое поддержаніе въ чиновникахъ судебнаго вѣдомства повиновенія къ республикѣ».

II.

Опасность распущенія палаты и невозможность государственнаго переворота.— Неудавшійся кабинетъ Дюфора-Симона.—Твердый образъ дѣйствій республиканскаго большинства.—Вынужденное обращеніе маршала къ Жюлю Симону.— Необычайный скандалъ съ графомъ Жермини.—Перерожденіе министра Берто.—Декларація новаго кабинета.—Поведеніе Жюля Симона при конституціонномъ столкновеніи по поводу бюджета между сенатомъ и палатою. — Рѣшительное засѣданіе 28-го декабря.—Его результаты и послѣдствія.

Подчиненіе всего административнаго персонала гражданскаго и духовнаго, судебнаго и военнаго, министрамъ, дѣйствительно отвѣтственнымъ передъ парламентомъ; обязаніе всѣхъ служащихъ чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ республики, служить ей, уважать ее и распространять къ ней уваженіе — вотъ все, чего добиваются республиканцы обѣихъ палатъ. Чего, казалось-бы, повидимому, проще, законнѣе и справедливѣе. А между тѣмъ, еслибы такое желаніе осуществилось, то президентская камарилья потеряла бы всякое свое значеніе, а глава государства, созданный 24-го мая, быть опорой «нравственнаго порядка», обратился бы въ безобиднаго конституціоннаго президента. Можетъ ли маршалъ, пользующійся репутаціей «честнаго солдата», не удовлетворить законному желанію большинства? Разумѣется, онъ нисколько невиноватъ, что монархическія попытки не удались и учредилась республика. Но дѣйствовать сообразно желанію большинства онъ обязанъ, какъ такъ первыми словами его при достиженіи власти были: «я—только делегатъ большин-

ства собранія, которое есть живое выраженіе закона». Затрудненіе состоитъ только въ томъ, что у насъ теперь двѣ палаты и два большинства. Въ Англіи и это не составляло бы затрудненія, такъ какъ въ ней министерство должно составляться сообразно съ желаніями палаты общинъ. У насъ же, на основаніи конституціи 1875 года, подобно тому, какъ въ Бельгіи и Италіи, президентъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ, съ согласія сената, распустить палату депутатовъ. Но послѣ такого распущенія, черезъ три мѣсяца, должны быть новые выборы, результатомъ которыхъ, при невозможности оффиціальныхъ кандидатуръ, конечно, получится палата еще болѣе республиканская, да, кромѣ того, сенатъ можетъ и не дать своего согласія на распущеніе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ маршалу пришлось бы оставить свой постъ, которымъ онъ несказанно дорожитъ, а потому весьма хорошо понялъ объясненія Деказа и Одиффре, что поднимать вопросъ о распущеніи палаты ему не полагается. Зато въ газетахъ открыто былъ поднятъ вопросъ: не возможно ли, вмѣсто распущенія, произведеніе государственнаго переворота теперь же или послѣ созванія новой палаты? Но, къ крайнему своему сокрушенію, всѣ реакціонныя газеты должны были признать, что, при существованіи трехъ монархическихъ партій, никакой государственный переворотъ не можетъ удаться и ни къ чему не поведетъ. Кромѣ того, всѣ онѣ, и въ томъ числѣ «Фигаро», вспомнили весьма непріятную подробность для всѣхъ, кто захотѣлъ бы въ наше время стать подражателемъ дѣятелей 18-го брюмера или 2-го декабря. Подробность эта заключается въ законѣ Тревенёка отъ 15-го февраля 1872 г., въ силу котораго собранію генеральныхъ совѣтовъ предоставляется право законодательной власти, еслибы версальскія палаты стали жертвою какого-либо покушенія. Такимъ образомъ, для произведенія въ наши дни государственнаго переворота недостаточно уже набрать въ столицѣ преданную шайку преторіанцевъ, чтобы, при ея пособіи, ночью арестовать нѣсколько сотъ сенаторовъ и депутатовъ, а надо вовлечь въ заговоръ всю армію, чтобы съ ея содѣйствіемъ произвести одновременно во всей Франціи многочисленные аресты республиканскихъ генеральныхъ совѣтниковъ!

80-ти-лѣтнему Дюфору тоже очень не хотѣлось разставаться съ властію, и онъ сталъ изыскивать средства, чтобы какъ-нибудь успокоить справедливое раздраженіе республиканскаго большинства. Для этого онъ вызвалъ въ Парижъ генеральнаго адвоката Байлльёля и высказался, что онъ согласенъ его отставить и повліять такимъ образомъ на кассаціонный судъ, чтобы безансонскій приговоръ былъ отмѣненъ. Мало того: онъ перечислилъ въ совѣтники кассаціоннаго суда прокурора республики Саллантена, главнаго виновника осужденій республиканскихъ журналовъ и оправданій «Pays» и «Фигаро». Съ другой стороны, уступая настояніямъ маршала, онъ согласился взять назадъ

въ третій разъ прошеніе объ отставкѣ, и, такъ какъ невозможность возстановленія прежняго кабинета была очевидна, согласился на вступленіе въ него Жюля Симона. На совѣтѣ министровъ, вечеромъ 9-го декабря, Мак-Магонъ заявилъ, что, поручая министерство внутреннихъ дѣлъ Жюлю Симону, бывшему министру народнаго просвѣщенія при Тьерѣ, онъ даетъ этимъ яркое доказательство своего искренняго желанія, чтобы умы, наконецъ, успокоились и между представителями властей возстановилось доброе согласіе. «Если я до сихъ поръ колебался, объяснилъ онъ:—обращаться къ этому государственному человѣку, то потому только, что онъ принималъ извѣстное участіе въ возстаніи 4-го сентября, а вовсе не потому, что онъ произнесъ лично противъ меня всѣмъ знакомую рѣчь». Въ англійскомъ «Times» было напечатано, что Мак-Магонъ къ этому прибавилъ:—«Я совершенно согласенъ съ многими изъ замѣчаній этой рѣчи, направленными противъ меня. Я вполнѣ понимаю, что не обладаю нисколько тѣмъ престижемъ, какимъ окруженъ графъ Шамборъ, еслибы онъ былъ призванъ Франціею. Я хорошо сознаю, что не обладаю ни мудростью, ни молодостью, ни славою предковъ графа Парижскаго, еслибы онъ могъ, не нарушая своего обязательства, вступить на престолъ. Сверхъ того, я не осмѣливаюсь и сравнивать своихъ скромныхъ заслугъ отечеству съ тѣмъ, что̀ дано ему геніемъ Наполеона». За такимъ выраженіемъ скромности, долженствовавшимъ понравиться всѣмъ тремъ монархическимъ партіямъ, Мак-Магонъ высказалъ и нѣкоторый произволъ противъ республиканскаго большинства, прибавивъ: «Я только никогда не соглашусь разстаться съ моимъ военнымъ министромъ, такъ какъ онъ ничѣмъ не заслужилъ остракизма. Я не желаю предоставлять армію и ея организацію случайностямъ политическихъ перемѣнъ, которыя могутъ помѣшать всему, что̀ въ этомъ смыслѣ достигнуто, и такимъ образомъ воспрепятствовать навсегда возрожденію Франціи».

На слѣдующій же день, 10-го декабря, Дюфоръ лично отправился къ Жюлю Симону и передалъ ему все, что̀ говорилось въ Елисейскомъ Дворцѣ. Жюль Симонъ разсыпался въ благодарностяхъ за оказанное ему довѣріе и нисколько не былъ противъ того, чтобы Дюфоръ, бывшій при немъ вице-президентомъ совѣта съ 1871 года по 1873 годъ, сохранилъ и теперь тотъ же пòстъ. «Но, спросилъ онъ: — будетъ ли мнѣ, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, гарантирована полная свобода выбора моихъ подчиненныхъ и будетъ ли вопросъ о погребеніяхъ разрѣшенъ въ смыслѣ свободы совѣсти? По удовлетворительномъ рѣшеніи этихъ двухъ основныхъ вопросовъ, оставалось только разрѣшить еще одну частность: согласится ли Дюфоръ предсѣдательствовать безъ портфёля или онъ намѣренъ удержать за собой министерство юстиціи? Такъ какъ Дюфоръ сказалъ, что послѣднее обстоятельство—одно изъ неизбѣжныхъ условій предположенной

комбинаціи, а между тѣмъ, кабинетъ едва ли просуществовалъ бы даже и недѣлю при раздраженіи республиканскаго большинства противъ антиреспубликанской магистратуры, то Жюль Симонъ отъ составленія министерства и отказался, за что, на слѣдующее же утро, въ Версали и получилъ одобреніе лѣвыхъ сената.

Въ это утро, 11-го, сенатъ окончилъ свое засѣданіе въ какіе-нибудь полчаса и назначилъ себѣ три дня отдыха. У депутатовъ Рувье излагаетъ свою систему подоходнаго налога, противъ которой возражаетъ Боде, и, когда наступаетъ половина шестаго, то лѣвые требуютъ отложенія преній до завтра, а правые кричатъ о томъ, чтобы пренія были заключены. Депутатъ Бленъ-де-Бурдонъ, очевидно, настроенный камарильей, требуетъ, чтобы палата, наконецъ, или приступила къ голосованію бюджета по статьямъ, или открыто заявила, что она не хочетъ вотировать бюджета. «Вѣдь, это не что иное, говоритъ онъ: — какъ парламентская стачка. Изъ конституціи, очевидно, хотятъ вычеркнуть сенатъ и президента и, подъ предлогомъ ожиданія министерства, хотятъ свергнуть маршала. Отъ него требуютъ, чтобы онъ, наканунѣ европейской войны, предалъ участь арміи произволу нѣсколькихъ адвокатовъ, т. е. сдѣлалъ то, чего не позволяетъ ему честь солдата!» «Слова эти—не что иное, какъ призывъ къ государственному перевороту!» восклицаютъ лѣвые и подымаются, какъ одинъ человѣкъ, за отложеніе преній до слѣдующаго дня. Правые съ ужасомъ видятъ, въ какомъ незначительномъ меньшинствѣ они остались.

Въ Елисейскомъ Дворцѣ царствуетъ страшнѣйшее недовольство, такъ какъ всякій предлогъ къ образованію министерства борьбы поведеніемъ лѣвыхъ отнятъ. Маршалъ, и безъ того уже раздраженный неудачей комбинаціи министерства Дюфора-Симона, поддерживается въ этомъ раздраженіи своими приближенными изъ бонапартистовъ, которые будятъ въ немъ прежнее недовѣріе къ Симону, другу Тьера, республиканцу 1848 года и 4-го сентября. Герцогамъ Деказу и Одиффре приходится убѣждать его, чтобы онъ обратился къ самому де-Брольи съ прямымъ вопросомъ: не будетъ ли со стороны президента республики крайнимъ неблагоразуміемъ затѣвать открытую борьбу съ палатскимъ большинствомъ и страною безъ всякаго шанса на успѣхъ? Де-Брольи вполнѣ подтверждаетъ доводы этихъ лицъ и, мало того, допускаетъ необходимость порученія предсѣдательства совѣтомъ Жюлю Симону, разсчитывая на то, что, если кабинетъ и будетъ безъ Дюфора, то онъ все-таки будетъ въ состояніи противостоять республиканизму Симона вполнѣ, впрочемъ, теоретическому и, такъ сказать, академическому. Кромѣ того, де-Брольи надѣется, что соперничество Гамбетты съ Тьеромъ и счеты бывшей бордоской делегаціи съ представителемъ бывшаго правительства народной защиты неизбѣжно произведутъ въ респубди-

канской партіи несогласія, которыми консерваторы могутъ воспользоваться.

Сверхъ всего этого, случайно, въ одной изъ тѣхъ скромныхъ будочекъ елисейскихъ полей, названіе которыхъ не принято приводить въ печати, произошелъ нѣкоторый скандалъ, слухъ о которомъ быстро облетѣлъ весь Парижъ. Графъ Жермини, реакціонный муниципальный совѣтникъ Сен-Жерменскаго Предмѣстья, роялистскій кандидатъ, едва не попавшій въ палату 20-го февраля, вице-предсѣдатель комитета свободныхъ университетовъ, главный начальникъ католическаго парижскаго университета, одинъ изъ попечителей строющейся базилики въ честь Св. Сердца, учредитель «Католическаго Обозрѣнія», блистательнѣйшій изъ адвокатовъ духовныхъ сановниковъ и іезуитовъ, 34-лѣтній мужъ молодой жены и отецъ четверыхъ дѣтей, былъ застигнутъ полицейскими съ молодымъ бродягою на совѣщаніи такого характера, который никоимъ образомъ не могъ входить въ кругъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ обязанностей графа... Ни скрыть, ни замять дѣла никакимъ образомъ было нельзя. И вотъ въ «Droits de l'homme» появилось подробное описаніе похожденія графа съ полнымъ его именемъ, а въ «XIX-me Siècle» напечатана цѣлая поэма остроумнаго Эдмонда Абу, оплакивавшаго горькими слезами участь «падшаго ангела».

Маршалъ встревожился этими слухами, обратился къ полицейскому префекту за разъясненіями и получилъ полнѣйшее подтвержденіе ихъ справедливости. Не забывъ только-что выслушанныхъ имъ совѣтовъ де-Брольи, онъ немедленно послѣ свиданія съ префектомъ, принялъ окончательное рѣшеніе и отправилъ за Жюлемъ Симономъ, живущимъ въ 5 минутахъ отъ Елисейскаго Дворца, двухъ курьеровъ, одного вслѣдъ за другимъ.

Жюль Симонъ былъ увѣренъ, что дождется этой присылки. Онъ успѣлъ подыскать въ это время, въ лицѣ Мартеля, бывшаго предсѣдателя комиссіи помилованія, такого хранателя государственной печати, котораго Мак-Магонъ не могъ бы отвергнуть, и заручился даже расположеніемъ необходимаго Берто. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ «Rappel» и «Siècle» было напечатано и ни кѣмъ не опровергнуто, что Берто заявилъ Симону, что, «бывши нѣкогда адъютантомъ Кавеньяка, онъ считаетъ республику лучшимъ изъ всѣхъ образомъ правленія и что, еслибы отъ него зависѣло, то онъ отрядилъ бы на погребеніе Фелисьена Давида почетный караулъ». Онъ же, въ разговорѣ съ сенатскимъ докладчикомъ, Ферэ, высказался такимъ образомъ: «Я такъ мало клерикалъ, что, еслибы былъ депутатомъ, то подалъ бы голосъ противъ военныхъ священниковъ».

Такимъ образомъ, самъ маршалъ хлопоталъ, чтобы ни отъ кого изъ членовъ кабинета, собранныхъ имъ предварительно въ сосѣдней комнатѣ, не было противодѣйствія къ назначенію Симона президентомъ совѣта. Поэтому, когда Мак-Магонъ вошелъ съ Симономъ въ эту комнату, то всѣ министры поздравили по-

слѣдняго съ президентствомъ. Пока герцогъ Деказъ редактировалъ декретъ о новомъ министерствѣ, маршалъ обратился шутливо къ Жюлю Симону со словами: «Теперь-то вы начнете у меня все переворачивать!». На что Жюль Симонъ самымъ серьёзнымъ тономъ отвѣчалъ: «Будьте совершенно спокойны, я съумѣю отнестись съ полнымъ уваженіемъ ко всему установившемуся обстоятельствами. Лицамъ, честно служившимъ республикѣ, нѣчего опасаться никакихъ перемѣнъ». Вообще, удовольствіе Мак-Магона дошло до того, что онъ захотѣлъ самъ лично удостовѣриться, дѣйствительно ли Мартель, не присутствовавшій, по болѣзни, въ Елисейскомъ Дворцѣ, принимаетъ портфёль юстиціи, и для этого немедленно поѣхалъ къ нему.

При самомъ началѣ засѣданія въ палатѣ депутатовъ 14-го, Жюль Симонъ требуетъ слова. Онъ высказываетъ сожалѣніе объ оставленіи министерства Дюфоромъ и де-Марсэромъ и заявляетъ, что онъ потому не представляетъ програмны своихъ будущихъ дѣйствій, что въ ней не настоитъ никакой надобности. Онъ завѣряетъ, сверхъ того, что министерство желаетъ оставаться вполнѣ парламентскимъ по примѣру перваго сановника республики, который, при всякихъ обстоятельствахъ, умѣетъ не отступать ни на шагъ отъ принциповъ конституціоннаго управленія». Онъ утверждаетъ, что между министрами существуетъ полное согласіе и что такое же согласіе существуетъ между министерствомъ и парламентскимъ большинствомъ, такъ какъ у нихъ общее стремленіе «къ окончательному утвержденію республиканской конституціи, которую пожелала имѣть Франція». Половина лѣвыхъ апплодируетъ рѣчи перваго министра съ самаго ея начала; другая половина тоже начинаетъ апплодировать, когда Жюль Симонъ выражаетъ «непоколебимую рѣшимость заставить чиновниковъ чтить законы и подавать примѣръ уваженія къ правительству, органами котораго они служатъ».

Республиканское большинство такъ довольно рѣчью министра, что почти безъ преній утверждаетъ выборъ де-Мёна, заканчиваетъ общія бюджетныя пренія и начинаетъ голосованіе бюджета по статьямъ. На слѣдующее засѣданіе весь бюджетъ принятъ единодушно 483 голосами, за исключеніемъ увеличенія налога на соль, защищаемаго Леономъ Сэ и побѣдоносно отвергнутаго Гамбеттою. Послѣднему весьма пріятно закончить свою дѣятельность по бюджету такою мѣрою, которая произведетъ удовольствіе въ сельскомъ населеніи и докажетъ сельчанамъ, что республика начинаетъ свою дѣятельность реформою именно такихъ налоговъ, которые тяжелѣе всего отражаются на массахъ народа.

Въ сенатѣ, Жюль Симонъ повторилъ свою рѣчь, произнесенную имъ въ палатѣ, по корректурѣ оффиціальнаго стенографа. Правые произнесли нѣсколько ироническихъ «браво» при его заявленіяхъ о его глубокомъ консерватизмѣ и уваженіи къ религіи. Конституціонисты вели себя сдержанно, и только меньшая

половина ихъ выразила одобреніе министру. Это показало новому главѣ кабинета, что ему придется употребить немало ловкости, чтобы заручиться сенатскимъ большинствомъ. Прежде всего ему пришлось примѣнить эту ловкость къ вопросу о бюджетѣ. Для Жюля Симона было очень важно рѣшить, до какихъ границъ на практикѣ будетъ простираться право сената на пересмотръ этого бюджета, поправки и измѣненія въ немъ. 8-я статья конституціи говоритъ: «Сенатъ, наравнѣ съ палатою депутатовъ, имѣетъ право иниціативы и обсужденія законовъ. Финансовые же законы должны, во всякомъ случаѣ, быть представляемы прежде въ палату и ею обсуждаемы». На первомъ совѣщаніи съ финансовой сенатской комиссіей, Симонъ остерегся отрицать право сената дѣлать поправки, но совѣтовалъ не производить особенно важныхъ, чтобы, сохранивъ принципъ, не возбудить неосторожнымъ его примѣненіемъ конфликта между палатами. Съ другой стороны, въ палатской финансовой комиссіи, онъ развиваетъ ту мысль, что, если 8-я статья различно понимается двумя палатами, то единственнымъ судьей между ними можетъ быть сама страна, но что, во всякомъ случаѣ, обсудивъ вторично измѣненія, произведенныя въ бюджетѣ сенатомъ, депутаты ни къ чему не обязываются въ будущемъ, а въ настоящемъ ничѣмъ не рискуютъ, такъ какъ ни одинъ кредитъ, неодобренный палатой, не можетъ оставаться въ бюджетѣ.

Несмотря на возраженія Гамбетты, толкованіе это было принято большинствомъ 358 голосовъ противъ 136-ти, и на вечернемъ засѣданіи, 8 измѣненныхъ сенатомъ кредитовъ было отвергнуто, но два изъ нихъ приняты. Первый въ 217,300 фр. на подъемныя для офицеровъ, о принятіи котораго особенно просилъ военный министръ, утвержденъ 344 голосами противъ 140. Второй въ 61,390 фр. въ пользу военныхъ священниковъ принятъ 262-мя голосами противъ 212.

Сенатъ оказался вполнѣ довольнымъ, что хотя minimum его бюджетнаго права былъ признанъ палатою, и 29-го, безъ всякихъ преній, единогласно (261-мъ голосомъ) утвердилъ финансовый законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ возвратился изъ палаты.

Такимъ образомъ, парламентское согласіе было возстановлено и конфликтъ избѣгнутъ..... до будущаго бюджета. Министерству Симона удалось достигнуть того, что̀ было невозможностью для его предшественниковъ—созданія огромнаго большинства въ обѣихъ палатахъ. Каково это большинство—окажется въ послѣдствіи, но создать его было нелегко: приходилось для этого связать всѣ меньшинства правыхъ съ ²/₃ лѣвыхъ, исключивъ при этомъ радикаловъ. Радикализмъ же насчитываетъ 40 голосовъ въ сенатѣ и 140 въ палатѣ, и если радикалы пойдутъ дружно подъ приводительствомъ Гамбетты, то легко могутъ оставить Жюля Симона въ меньшинствѣ, когда его покинутъ всѣ враги республики, поддерживавшіе его только для того, чтобы достигнуть раздѣленія республиканской партіи. Ка̀къ бы то ни было, Жюль Симонъ сразу

достигъ весьма высокаго положенія: Маршалу онъ долженъ показаться неизмѣримо выше самого де-Брольи, такъ какъ де-Брольи проваливался во всемъ, что бы ни затѣвалъ, а Симонъ, при самомъ началѣ своей роли, сразу осуществилъ идеалъ парламентскаго равновѣсія.

III.

Новости театральнаго сезона.—«Побѣжденный Римъ» трагедія Пароди на сценѣ «Театра Французской Комедіи».—Открытіе новыхъ театровъ: «Театръ Корнеля» и переходъ театра Дежазѣ подъ управленіе Балланда. — «Знаменитый бригадиръ» Глатиньи, «Воспитанница», «Гость», комедія изъ эпохи среднихъ вѣковъ Турнэ, и «Препятствіе» драма Кервана и Пьера Летуаля. — «Павелъ и Виргинія» лирическая опера Виктора Массе на сценѣ «Лирическаго Театра.— Новости на сценѣ Одеона.—Псевдонимная пьеса Александра Дюма и Фульда: «Графиня Романи».—«Другъ Фрицъ» Эркмана и Шатріана.—Новыя оперетки: «Крынка молока» Оффенбаха, «Козики» Лекока и «Jeanne, Jeannette et Jeanneton Лакома.

Я въ долгу передъ читателями; съ самаго открытія театральнаго сезона я не имѣлъ возможности бесѣдовать о нашихъ театральныхъ новостяхъ. Политическая дѣйствительность, какимъ бы черепашьимъ шагомъ ни подвигались наши дѣла—требовала отъ меня столько разъясненій и указаній, что во всѣ зимніе мѣсяцы не оставалось мѣста для сообщенія о театральныхъ новостяхъ. Накопилось-же ихъ за это время такая масса, что мнѣ трудно было-бы съ ней справиться, еслибы качество нашихъ новѣйшихъ драматическихъ произведеній соотвѣтствовало хотя въ самой незначительной степени ихъ количеству. Къ счастью для меня, какъ хроникёра, и къ несчастію, разумѣется, для искуства, бóльшая часть нашихъ драматическихъ новинокъ во всевозможныхъ родахъ представляетъ собою только неудачный драматическій и музыкальный баластъ сценическихъ эфемеридъ, успѣвшихъ за это время промелькнуть и исчезнуть въ волнахъ Леты.

Прежде всего, конечно, я долженъ упомянуть о новой трагедіи въ стихахъ на сценѣ «Театра Французской Комедіи», на появленіе которой наша критика взглянула какъ на событіе. Событіе-то это, если хотите, событіе, но только, какъ вы сами убѣдитесь, размѣровъ довольно незначительныхъ. Я говорю о пьесѣ Пароди: «Побѣжденный Римъ».

Пароди былъ открытъ, 4 года тому назадъ, извѣстнымъ Баландомъ, организовавшимъ у насъ драматическія утра для ознакомленія публики съ новыми писателями или съ хорошими произведеніями писателей позабытыхъ. Онъ поставилъ его трагедію «Ульмъ-отцеубійца», очень понравившуюся публикѣ. Авторъ воспользовался своимъ успѣхомъ и газетными похвалами и предста-

вилъ дирекціи «Театра Французской Комедіи» новую пьесу. Несмотря на то, что дирекція эта относится весьма строго къ языку принимаемыхъ ею произведеній, а «Римъ» написанъ языкомъ весьма неправильнымъ, для Пароди сдѣлали исключеніе, сдѣлавъ только замѣчанія, въ какихъ мѣстахъ языкъ трагедіи долженъ быть исправленъ. Такая снисходительность объясняется, во-первыхъ, прошлогоднимъ успѣхомъ «Дочери Роланда», показавшимъ, что публика получила снова вкусъ къ трагедіямъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что Пароди—иностранецъ. Онъ—уроженецъ острова Крита; мать его—гречанка, отецъ—генуэзецъ, а женатъ онъ на дочери извѣстнаго итальянскаго драматурга д'Асте. Публика съ такимъ же увлеченіемъ кинулась смотрѣть на трагедію изъ нравовъ древняго Рима, какъ и въ прошломъ году на трагедію изъ быта феодальной эпохи. Первый актъ или, лучше сказать, его начало, еслибы «Римъ» написанъ былъ стихами Виктора Гюго или хоть Понсара, дѣйствительно заслуживало-бы всяческой похвалы. Оно очень удачно. Зрители присутствуютъ при волненіяхъ, возникшихъ въ Римѣ, при извѣстіи, что побѣдоносный Аннибалъ идетъ на него; на сценѣ засѣданіе Сената, на которомъ герой Лентулъ, съ опасностью жизни пробравшійся въ Римъ, передаетъ сенаторамъ эпическій разсказъ о пораженіи при Каннахъ. Несмотря на урѣзки цензуры, въ этихъ сценахъ остались все-таки нѣкоторыя аллюзіи, заставляющія зрителей невольно переноситься мыслію къ Франціи 1870-го года. Еслибы авторъ всю свою пьесу построилъ на сходствѣ положеній римлянъ и французовъ разныхъ эпохъ, еслибы во всей пьесѣ шло дѣло о спасеніи отечества, то успѣхъ трагедіи былъ-бы блистательный. Къ сожалѣнію, Пароди, начавъ свое произведеніе въ широкихъ размѣрахъ, сводитъ тотчасъ-же все дѣйствіе на узкую стезю любовной интриги, близко знакомой публикѣ по либретамъ Беллиніевской «Нормы» и Спонтиніевской «Весталки». Въ Сенатѣ, изволите видѣть, оказывается, что, если Римъ побѣжденъ, то это произошло потому, что боги разгнѣвались за оскверненіе жертвенника Весты одною изъ ея жрицъ, и для умилостивленія боговъ и побѣды необходимо казнить виновную весталку. Изрекая такое рѣшеніе Верховный Жрецъ, проницательный и непогрѣшимый, какъ Пій IX, замѣчаетъ, что его приговоръ заставляетъ поблѣднѣть Лентула, почему и заподозриваетъ его, какъ участника въ преступленіи. Этимъ оканчивается первый актъ.

Изъ дальнѣйшаго дѣйствія оказывается, что верховный жрецъ отгадалъ, и Лентулъ—соблазнитель весталки. Имя же виновной жрицы—Опимія. Она—пріемная дочь Фабія-Кунктатора, но протекція эта не можетъ ее спасти отъ казни, такъ какъ самъ Фабій въ сенатѣ, именемъ закона, требовалъ кары преступницѣ, тогда еще неизвѣстной. Виновнымъ остается одно только средство для спасенія—бѣгство. Средство для такого бѣгства доставляетъ имъ гальскій рабъ, Вестепоръ, не ради состраданія къ участи любовниковъ, а изъ ненависти къ Риму. Но преступни-

ки — римляне и опасаются, чтобы ихъ бѣгство еще болѣе не раздражило боговъ и не навлекло новыхъ бѣдствій на ихъ отечество. Въ сценѣ, весьма эффектной, они сговариваются вмѣстѣ умереть, но увы! у нихъ не хватаетъ духу убить другъ друга. Вестепоръ пользуется ихъ нерѣшительностью и увлекаетъ въ бѣгство. Едва, однако, Лентулъ достигаетъ безопасности, какъ Опимія оставляетъ его и появляется передъ римскимъ судилищемъ, желая сдѣлаться искупительной жертвой за отечество. Судьи удивляются ея героизму и приговариваютъ къ голодной смерти въ подземной пещерѣ, несмотря на всѣ мольбы и просьбы Постуміи, старой бабки Опиміи. Въ послѣднемъ дѣйствіи, передъ исполненіемъ казни, старухѣ, однако, удается вымолить у судей позволеніе проститься съ осужденною, и, чтобы избавить ее отъ мучительныхъ страданій голодной смерти, она, во время этого прощанья, закалываетъ ее кинжаломъ. Обѣ сцены, въ которыхъ появляется Постумія, весьма въ сценическомъ отношеніи благодарны и производятъ сильное впечатлѣніе на зрителей. Постановка пьесы отличная, разыгрывается она съ замѣчательнымъ ансамблемъ, а игра Сары Бернаръ (Постуміи) выше всякой похвалы.

Успѣхъ иностранца Пароди вызвалъ весьма естественное недовольство въ средѣ многочисленныхъ французскихъ стихотворцевъ, никакъ не могущихъ добиться представленія своихъ произведеній на парижскихъ сценахъ. Поэтому, они на свой рискъ и страхъ порѣшили учредить въ одномъ изъ домовъ Предмѣстья Сент-Оноре новый театръ, который окрестили названіемъ «Театра Корнеля». Представленія на немъ открылись «Знаменитымъ бригадиромъ» покойнаго Глатиньи и двумя одноактными пьесами въ стихахъ новыхъ писателей, но увы! ни одна изъ этихъ трехъ пьесъ не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и Балландъ пріобрѣлъ для себя сцену небольшаго театра Дежазè, съ тѣмъ, чтобы обратить ее въ нѣчто подобное *третьему французскому театру* и ставить тамъ исключительно новыя произведенія неизвѣстныхъ драматическихъ писателей. Но и Балландъ не имѣлъ удачи, по крайней мѣрѣ, для начала. Одна изъ поставленныхъ имъ пьесъ, 4-хъ-актная, «Воспитанница», жестоко провалилась; другая комедія въ стихахъ, изъ эпохи среднихъ вѣковъ, Турнэ, «Гость» была запрещена цензурой за то, что въ ней выведенъ съ безпощаднымъ реализмомъ сладострастный монахъ, и только третья — драма гг. Виктора Кервани и Пьера Летуаля «Препятствіе», кое-какъ держится, благодаря нѣсколькимъ эффектнымъ сценамъ и положеніямъ. Не могу удержаться, чтобы не пересказать въ двухъ словахъ ея содержанія, чтобы показать, какъ у насъ драматическіе авторы разрѣшаютъ трудные общественные вопросы. Виконтъ де-Лиронъ не можетъ жениться на дѣвицѣ де-Шальё, такъ какъ для этого существуетъ *маленькое препятствіе*, состоящее въ томъ, что мать героини, находящаяся въ разводѣ съ мужемъ — любовница

отца виконта. Чтобы сбрачить молодыхъ людей во что бы то ни стало, авторы заставляютъ г-жу де-Шалье отравиться, получить въ последнія свои минуты прощеніе за свою связь, а отца виконта отправляютъ въ вѣчное, добровольное изгнаніе... Не правда ли, что это очень просто, если даже не черезъ-чуръ просто?

Не меньшаго шума, чѣмъ «Побѣжденный Римъ», надѣлала, при своемъ появленіи на сценѣ «Лирическаго Театра» (бывшій «Gaité»), новая 3-хъ-актная опера капельмейстера и дирижера хоровъ «Большой Оперы» Виктора Массе: «Павелъ и Виргинія». Шумъ этотъ дружно подняла вся парижская пресса, такъ какъ было необходимо создать успѣхъ новому театру, отъ котораго зависѣла будущность молодыхъ французскихъ композиторовъ, для произведеній которыхъ нѣтъ доступа ни въ «Большую Оперу», ни въ «Театръ Комической Оперы». Попытка прессы удалась самымъ блистательнымъ образомъ: публика собирается массами на представленія новой оперы, и Византини едва успѣваетъ считать деньги, стекающіяся въ кассу его театра — со всѣхъ концовъ Парижа.

«Павелъ и Виргинія» — не первое произведеніе Виктора Массе [1] и написано имъ уже въ 1868 году, но лежало до сихъ поръ въ портфѣлѣ какъ за недостаткомъ театра, который бы его принялъ, такъ и потому, что для первыхъ двухъ ролей ему необходимы были первостепенные исполнители, какъ Капуль и Патти. Перваго Византини удалось теперь поймать въ золотыя сѣти, а вмѣсто второй ему же посчастливилось открыть новое свѣтило—восходящую 18-ти-лѣтнюю звѣздочку—г-жу Риттеръ, съ изумительнымъ голосомъ. Но этимъ удачи Византини не ограничились: для двухъ эпизодическихъ ролей—стараго раба негра и освобожденной рабыни онъ добылъ баритона Буйи, могущаго соперничествовать съ Фѳромъ и замѣчательное mezzo-soprano—вашу соотечественницу г-жу Енгали (княжну Енгалычеву). Даже третьестепенныя роли—жестокаго плантатора и матерей Павла и и Виргиніи исполняютъ у него перворазрядные артисты. Оркестры и хоры—безукоризненны; декоративная часть не оставляетъ ничего желать, и вообще опера исполняется на рѣдкость. Этимъ обезпечивается громадный успѣхъ «Павла и Виргиніи», хотя опера эта—и далеко не chef d'œuvre... Массе—великій мастеръ блестящей оркестровки и замѣчательный мелодистъ, но зато гармоніи его неглубоки и неновы. Такъ, всѣ симфоническія мѣста ему не удались, нетолько тѣ, которыя заключаются въ увертюрахъ передъ первымъ и вторымъ актомъ, но и большая симфонія, изображающая ураганъ и кораблекрушеніе въ концѣ оперы; но зато многія мелодіи изъ партій

[1] Первымъ его произведеніемъ (въ 1852 г.) была небольшая опера: «Таинственная пѣвица»; съ тѣхъ поръ онъ написалъ около 12 комическихъ оперъ, изъ которыхъ особеннымъ успѣхомъ пользуются двѣ: «Галатея» и «Свадьба Жанеты».

Павла и Виргиніи, такъ же, какъ пѣсни стараго негра Доминго и негритянки Меалы, производятъ глубочайшее впечатлѣніе на зрителей.

Выборъ сюжета для оперы весьма неудаченъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой матерьялъ могъ дать знаменитый романъ Бернардена де-Сен-Пьера для либретто большой лирической оперы въ современномъ смыслѣ этого слова? Если, въ 1791 году, Роберту Крейцеру и удалось скроить изъ него комедію съ пѣніемъ, въ староитальянскомъ стилѣ, если изъ него и могла выйдти небольшая комическая опера, пожалуй, съ драматическимъ окончаніемъ, въ родѣ оперъ Боэльдьё и Герольда, то гг. Каррè и Барбье пришлось, для удовлетворенія современныхъ требованій, выкинуть изъ романа все то, что̀ наиболѣе очаровывало нашихъ бабушекъ, и присочинить къ его фабулѣ такіе эпизоды, о которыхъ и не снилось Бернардену де-Сен-Пьеру. Вышло нѣчто весьма мало характерное и лишенное почти всякаго драматизма. Либретто это можно было озаглавить какими угодно именами двухъ влюбленныхъ, и оно тогда бы, пожалуй, даже и выиграло, такъ какъ имена вполнѣ типическія Павла и Виргиніи, съ которыми у каждаго изъ зрителей связаны опредѣленныя представленія, всего менѣе къ нему пристали.

Пупаръ-Давиль, вошедшій съ прошлаго года у насъ въ моду, и въ настоящемъ сезонѣ появился съ двумя своими произведеніями. Одно изъ нихъ, появившееся на сценѣ «Театра Сен-Мартенскихъ Воротъ» и которымъ авторъ думалъ воскресить quasi-историческія драмы Александра Дюма̀-отца, въ родѣ его «Мушкатеровъ»: «Coq-Hardi», оказалось совершеннѣйшею галиматьею. Не говоря уже о нелѣпости сюжета и отжившихъ сценическихъ эффектахъ, укажу хотя на то, что она написана самымъ безалабернымъ образомъ, и дѣйствующія лица безпрестанно произносятъ фразы, въ родѣ слѣдующей: «Кардиналъ Ришельё оставилъ мнѣ голову, но обезглавилъ мое сердце!!»

На сценѣ «Одеона», гдѣ кстати скоро поставится новая пьеса изъ русскаго быта Дерулэда «Гетманъ», появились двѣ комедіи въ стихахъ. Одна изъ нихъ, принадлежащая перу нѣкоего Пьера Элеазара, «Старшій братъ», въ чтеніи, пожалуй, недурная, оказалась совершенно несценичной и продержалась на афишѣ не болѣе недѣли. Другая называется «Деидамія»—написана извѣстнымъ Теодоромъ де-Банвиллемъ и взята изъ эпохи... троянской войны. Несмотря на хорошіе стихи, какими написана эта героическая комедія, на отличную игру г-жи Руссейль, публика рѣшительно не могла заинтересоваться всѣми выведенными въ ней Ахиллами и Улиссами и ихъ похожденіями, въ родѣ того, что мать Ахиллеса, чтобы избавить его отъ опасностей троянской войны, передѣваетъ его въ женское платье, помѣщаетъ въ гинекей, заставляетъ прясть и. т. д.

Александръ Дюма-сынъ тоже появился съ новымъ произведеніемъ, написаннымъ имъ въ сотрудничествѣ съ Фульдомъ: «Гра-

фиecon Романи», но, чувствуя, вѣроятно, несостоятельность своей новой пьесы, а, можетъ быть, и для того, чтобы не подвергать себя обвиненіямъ въ плажіатѣ, такъ какъ эффектная ея сцена (конецъ втораго акта) чуть не буквально выписана изъ романа братьевъ Гонкуръ «Шарль Дешайли», а развязка взята цѣликомъ изъ «Кина» Дюма-отца, авторы ея скрылись подъ псевдонимомъ Густава де-Жалена. Передавать содержаніе этой пьесы я вамъ не стану, и вы отъ этого немного потеряете. Выставлена въ ней актриса-чудовище, производящая всякія неистовства, и проведена тенденція, что таковъ-молъ и вообще типъ настоящей артистки, для которой внѣ игры, т. е. притворства, ничего не существуетъ! И пьеса все-таки имѣла успѣхъ, и вопіющая парадоксальность сумбурно-метафизическихъ измышленій нашего перваго драматурга рѣшительно никого не возмутила.

Зато и «Другъ Фрицъ», о бурѣ, поднятой противъ котораго бонапартистами, я вамъ подробно писалъ, имѣлъ, при своемъ появленіи, весьма солидный успѣхъ, и все дѣло ограничилось только нѣсколькими свистками слишкомъ рьяныхъ почитателей «Фигаро», которые тотчасъ же были покрыты дружными рукоплесканіями остальной публики. Сюжетъ этой комедіи вамъ извѣстенъ, конечно, по роману, изъ котораго онъ передѣланъ. Это—не что иное, какъ жанровая картинка изъ быта отторгнутыхъ Германіей отъ Франціи провинцій, нѣсколько идиллическая и, если хотите, сантиментально-буржуазная, но безподобно розыгранная такими первоклассными исполнителями, какъ Го, Рейхембергъ и другіе.

Изъ новыхъ оперетокъ, имѣвшихъ успѣхъ, укажу на три. Первая, шедшая въ «Буффахъ» и принадлежащая Оффенбаху, «Крынка молока», слабѣе всѣхъ. Сюжетъ ея передѣланъ изъ стараго водевиля, а въ музыкѣ, вообще живой и игривой, знаменитый маэстро какъ бы повторяетъ въ сто первый разъ самого себя.

Другая оперетка, шедшая на сценѣ театра «Renaissance», принадлежитъ Лекоку и называется: «Козики». Она—изъ японскихъ нравовъ и называлась первоначально «Микадо», но цензура, изъ-за дипломатическихъ соображеній, такого названія не позволила. Оперетка эта была тріумфомъ Зюльмы Бюффаръ, играющей въ ней главную роль. Сюжета въ ней почти нѣтъ или, лучше сказать, очень мало на три акта, такъ какъ все дѣло вертится на imbroglio, производимымъ поломъ героини. Обстановка такъ хороша, что положительно переноситъ слушателя въ какое-нибудь Йедо или Міакко. Музыка весьма мелодична, хотя и слабѣе музыки «Жирофле-Жирофла» и доказываетъ еще разъ, что Лекокъ былъ бы въ состояніи написать весьма хорошую комическую оперу.

Третью оперетку «Jeanne, Jeannette et Jeanneton» новаго композитора Лакома, вы знаете, такъ какъ я читалъ, что въ настоя-

щее время она идетъ и у васъ. Я нахожу, что въ Лакомѣ является опасный соперникъ Лекоку. Не знаю, какъ она у васъ исполняется, но, при хорошихъ артисткахъ для партіи трехъ дѣвушекъ, граціозная эта оперетка прослушивается съ удовольствіемъ.

Людовикъ.

Парижъ, 31-го декабря, 1876 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. *Сочиненіе Ивана Забѣлина.* Часть первая. Москва 1876.

«Лиха бѣда начало»—эту пословицу русскіе историки должны особенно чтить, потому что ничто, кажется, не безпокоитъ ихъ въ такой мѣрѣ, какъ вопросъ о началѣ Руси. Съ него началась наша исторіографія, ему же посвящены и новѣйшіе труды по русской исторіи гг. Забѣлина, Иловайскаго, Гедеонова. Изъ за него Миллеръ вытерпѣлъ кучу непріятностей, изъ за него ломались копья и въ литературѣ, и въ устныхъ публичныхъ состязаніяхъ, изъ-за него Погодинъ публично умолялъ г. Иловайскаго дать ему, Погодину, «умереть спокойно». Къ сожалѣнію, историки рѣдко мотивируютъ свое усердіе, а оно должно имѣть какіе-нибудь особенные мотивы. Обыкновеннымъ стремленіемъ «изслѣдовать всѣхъ вещей дѣйства и причины»—дѣло объяснить трудно. Такъ и г. Забѣлинъ думаетъ.

Откровенно говоря, мы взялись за книгу г. Забѣлина съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Прежніе труды автора, несомнѣнно почтенные и несомнѣнно входившіе въ кругъ «исторіи русской жизни», не давали, однако, права надѣяться, что онъ удачно справится съ громадной задачей «исторіи русской жизни» въ цѣломъ. Шутка, въ самомъ дѣлѣ, сказать! Предубѣжденіе наше еще усилилось при чтеніи предисловія. Тамъ есть жалобы на то, что русскій человѣкъ и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ сознаніи общества является какимъ-то «пустымъ мѣстомъ, чистымъ листомъ бумаги», на которомъ другія народности писали чтò хотѣли. Есть жалобы на скептицизмъ по отношенію къ русской «самобытности»; есть даже знаменитый русскій орнаментъ, играющій не соотвѣтственную роль тяжелой гири, которая должна перевѣсить чашку вѣсовъ скептицизма. Словомъ, есть все, чтò уже давно набило оскомину русскому читателю и, уже не одной своей избитости, едва ли способно возбудить въ немъ какую-бы то ни было вѣру, какую бы то ни было надежду, какую бы то

нія было любовь. Однако, уже со второй главы наше предубѣжденіе стало разсѣеваться. Уже эта глава («Откуда идетъ русское имя») показала намъ, что авторъ—не заурядный изыскатель самобытности и наполнитель пустыхъ мѣстъ, а представляетъ собою нѣчто оригинальное. Авторъ, перебирая различныя мнѣнія о началѣ Руси, всячески старается доказать, что наши первые историки, будучи нѣмцами, вносили въ этотъ вопросъ извѣстныя предубѣжденія національнаго свойства, именно—отрицали способность славянъ къ самоустроенію и приписывали возникновеніе Руси призванію нѣмцевъ. Въ этомъ, пожалуй, еще мало оригинальнаго, но оригинально то, что авторъ косвеннымъ образомъ даже какъ бы оправдываетъ духъ и характеръ этихъ изслѣдованій. Между прочимъ, онъ напоминаетъ любопытнѣйшую исторію съ диссертацей Миллера.

Въ 1749 г., Миллеръ, нѣмецъ, почтенный ученый, академикъ и «государственный императорскій исторіографъ», по порученію академіи, приготовилъ къ ея торжественному собранію рѣчь «О происхожденіи народа и имени россійскаго». Онъ доказывалъ, по Байеру, что варяги были скандинавы и что имя Русь взято у финновъ, которые называютъ шведовъ «Россалейна». Рѣчь эта показалась подозрительною, отдана была на разсмотрѣніе всѣхъ профессоровъ и большинствомъ голосовъ была осуждена, какъ «предосудительная Россіи». Секретарь академіи, Шумахеръ, писалъ Теплову: «Онъ (Миллеръ) излагаетъ предметъ съ большою эрудиціею, но, по моему мнѣнію, съ малымъ благоразуміемъ, ибо, во имя Господа, зачѣмъ разрушать, при помощи шведскихъ и датскихъ писателей, мнѣніе, столько стоившее сочинителямъ, работавшимъ для прославленія націи?» Въ другомъ письмѣ: «Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ бо̀льшимъ благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя старанія отыскать для русскаго народа благородное и блистательное происхожденіе (по Байеру, варяги-династы были люди *дворянской фамиліи* изъ Скандинавіи и Даніи); тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію русскихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Еслибы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ рѣчи (Шумахеръ чертитъ ловкую программу: ка̀къ бы онъ, польстивши народному самолюбію, все-таки провелъ бы свою мысль), но онъ хотѣлъ умничать. Habeat sibi—дорого онъ заплатитъ за свое тщеславіе!» Тредьяковскій, путаясь въ цвѣтахъ элоквенціи, писалъ: «Хотя нѣтъ ни одного изъ истинныхъ россіянъ, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ, чтобы презнаменитые варяги-руссы, прибывшіе къ намъ государствовать, и бывшіе предками нашихъ самодержцевъ, были точно такими же нынѣшними и всегдашними россіянами; однако, утвержденія иностранныхъ и еще небезславныхъ писателей, не токмо дѣлаютъ наши желанія тщетными, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресѣка-

ютъ... (Слѣдуетъ перечисленіе народовъ, изъ которыхъ разные писатели выводятъ Рюрика съ братьями). Какъ ни лестно для насъ это твердое предразсужденіе о достоинствѣ нашихъ первоначальныхъ государей, которыхъ писатели наперерывъ другъ предъ другомъ присвояютъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ народамъ, однако, намъ это нѣсколько предосудительно, ибо они отнимаютъ у насъ собственное наше и дражайшее добро и чрезъ то лишаютъ насъ природной нашей славы. Они, какъ думается, по единому самолюбію токмо, изобрѣли за должное повѣствовать о высокославныхъ варягахъ и, водя своихъ читателей по степенямъ вѣроятности, удостовѣрять, что будто эти варяги намъ чужеродны и отъ насъ разноязычны». Ломоносовъ въ своемъ разборѣ останавливается, между прочимъ, на слѣдующей фразѣ Миллера: «Прадѣды наши, почтенные слушатели, отъ славныхъ дѣлъ своихъ славанами назывались, которыхъ отъ Дуная волохи выгнали». «Здѣсь, замѣчаетъ Ломоносовъ, весьма явныя противныя вещи, *слава* и *изгнаніе*, которыя въ такой диссертаціи мѣста имѣть не могутъ. Но, какъ нашъ сочинитель славныя дѣла прадѣдовъ нашихъ начинаетъ изгнаніемъ, такъ и всю ихъ жизнь въ разореніяхъ и порабощеніяхъ представляетъ. И хотя бы то была правда, что славяне для римлянъ Дунай оставили, однако, сіе можно бы было изобразить инако. Напримѣръ, славянскій народъ, любя свою вольность и не хотя носить римскаго ига, переселился къ сѣверу». Наконецъ, Ломоносовъ обращалъ вниманіе на неприличіе или опасность мнѣнія о поселеніи славянъ въ русской землѣ послѣ временъ апостольскихъ, въ противность преданію о приходѣ къ славянамъ апостола Андрея, на основаніи котораго учрежденъ даже орденъ Андрея Первозваннаго.

Конечно, представлялись (особенно Ломоносовымъ) и другіе, научные, критическіе доводы противъ рѣчи Миллера, но намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Не было бы пожалуй дѣла и до приведенныхъ патріотическихъ доводовъ, еслибы ихъ не бралъ подъ свое покровительство г. Забѣлинъ. А защищаетъ онъ ихъ очень оригинально, не какъ шаблонный патріотъ и не какъ ученый педантъ, а какъ настоящій живой человѣкъ. Исторія—не математика, разсуждаетъ онъ. Какъ бы ни увѣрялъ историкъ другихъ и самого себя, что онъ вполнѣ безпристрастно, вполнѣ объективно изучаетъ свой предметъ, но, въ дѣйствительности, онъ, самъ охваченный волною жизни и имѣя дѣло съ повѣствованіемъ о жизни-же, неизбѣжно вноситъ въ изслѣдованіе «какія либо патріотическія, какъ обыкновенно говорятъ, или субъективныя идеи и побужденія». Такова ужь природа человѣка, говоритъ г. Забѣлинъ. Намъ еще ни разу не приходилось встрѣчать въ ученомъ трудѣ такого рѣшительнаго, откровеннаго и, въ концѣ концовъ, вѣрнаго заявленія. Конечно, это непрошеное вмѣшательство субъективнаго начала личныхъ желаній, надеждъ и опасеній историка представляетъ неудобство. Но,

вѣдь мало ли такихъ неизбѣжныхъ неудобствъ приходится испытывать человѣку. Болѣть, умирать, а иногда и жить—тоже неудобство, да вѣдь ничего не подѣлаешь. Нужно только придумать какое-нибудь смягчающее, облегчающее средство, а въ настоящемъ случаѣ это даже вовсе нетрудно. Намъ кажется, что, еслибы каждый историкъ предпосылалъ своему изслѣдованію свою политическую программу, то читатель, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, былъ бы гарантированъ отъ необходимости вѣрить невѣрному или невѣроятному. Дѣло было бы чистое: всякій зналъ бы, кàкъ смотритъ на вещи авторъ, и могъ бы сдѣлать ту «личную поправку», которую дѣлаютъ даже астрономы для своихъ наблюденій. Кромѣ того, политическая программа имѣла бы еще смыслъ нѣкотораго экзамена, не казеннаго, не подневольнаго, нисколько не унижающаго достоинства экзаменатора-читателя и экзаменующагося писателя. Г. Забѣлинъ справедливо говоритъ, что «въ области исторіи въ иныхъ случаяхъ каждый разсудительный читатель можетъ понимать дѣло вѣрнѣе, чѣмъ даже многосторонній ученый изыскатель». Разсудительный читатель по необходимости повѣритъ безспорному факту; но въ комбинированіи и освѣщеніи фактовъ онъ можетъ оказаться много сильнѣе иного ученаго. Мы, впрочемъ, отнюдь не увлекаемся своею мыслью и очень хорошо знаемъ, что не всякая политическая программа можетъ безпрепятственно появиться въ печати, но любопытно бы хоть на тѣ взглянуть, которыя никакихъ препятствій встрѣтить не могутъ. Намъ кажется, что, напримѣръ, г. Забѣлину ничто не мѣшало откровенно изложить если не свою политическую программу, то хоть profession de foi, чтò вполнѣ соотвѣтствовало бы его трезвому взгляду на условія историческаго изслѣдованія. Какъ и всѣ историки, онъ руководствуется «какими-либо патріотическими, какъ обыкновенно говорятъ, или субъективными идеями и побужденіями».! И разъ онъ это самъ такъ твердо и хорошо знаетъ, онъ обязанъ былъ бы разсказать, каковы именно его патріотическія идеи и побужденія. Но онъ, къ сожалѣнію, ограничился общими мѣстами, да и то разбросанными по всей книгѣ, о любви къ отечеству и народной гордости. Онъ даже чрезвычайно далекъ отъ нашей мысли, такъ естественно вытекающей изъ его собственныхъ взглядовъ. Будучи увѣренъ, что Миллеръ руководился нѣмецко-патріотическими побужденіями, какъ его противники—русско-патріотическими, г. Забѣлинъ видитъ во всемъ казусѣ столкновеніе двухъ національныхъ самолюбій и, надо отдать справедливость его безпристрастію, мѣряетъ Миллера тою же мѣркой, чтò и его противниковъ. Но надобно же вѣдь кàкъ-нибудь опредѣлить отношенія патріотическаго и научнаго элемента въ исторіи. На этотъ счетъ г. Забѣлинъ выражается разно. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «высота ученаго безпристрастія у историческаго писателя можетъ выразиться только въ его строгой *правдивости*, то есть—въ такомъ качествѣ,

которое принадлежитъ не обвинителю и не защитнику, а одному нелицемѣрному правдивому суду. Какъ извѣстно, историческіе изслѣдователи бываютъ чаще всего или прокурорами-обвинителями, или бойкими защитниками и очень рѣдко справедливыми и правдивыми судьями». Это хоть не особенно точно, но, всетаки понятно. Но мы рѣшительно не знаемъ, какъ слѣдуетъ понимать слѣдующія слова: «Ломоносовъ, знакомый съ аттиками, очень хорошо помнилъ ихъ правдивое мнѣніе, что та или другая слава и знаменитость народа или человѣка въ исторіи зависитъ вовсе не отъ славныхъ или безславныхъ дѣлъ, вовсе не отъ существа историческихъ подвиговъ, а въ полной мѣрѣ зависитъ отъ искуства и умѣнья или даже отъ намѣренія писателей изображать въ славѣ или уничижать народныя дѣла, какъ и дѣянія историческихъ личностей». Что это—принципъ, исповѣдуемый авторомъ, или только фактъ? Можно и должно руководствоваться въ историческомъ изслѣдованіи тѣми или другими политическими началами, но вѣдь лгать все-таки не полагается. Еслибы г. Забѣлинъ принялъ нашу мысль, которая, повторяемъ, есть, собственно говоря, его мысль, онъ безъ труда нашелъ бы, по крайней мѣрѣ, одну границу для патріотическихъ соображеній въ исторіи. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что патріотизмъ отнюдь не долженъ выражаться доносомъ, потому что долженъ не мѣшать, а способствовать уясненію субъективныхъ воззрѣній историковъ, а доносъ этому мѣшаетъ. И намъ чрезвычайно странно, что г. Забѣлинъ не оцѣнилъ доносительного характера направленныхъ на Миллера критикъ. Какъ бы ни защищалъ г. Забѣлинъ Ломоносова, но, напримѣръ, указаніе на орденъ Андрея Первозваннаго есть прямо и просто доносъ. Доносъ доносу рознь, разумѣется, и слова бояться не слѣдуетъ. Безъ доноса не обходится ни одинъ политическій дѣятель, только онъ носитъ разныя названія: обличенія, преданія гласности и т. п. Однако, всякій знаетъ тотъ грязный оттѣнокъ, которому присвоено названіе именно доноса. Нельзя назвать доносчикомъ человѣка, который сдѣлалъ доносъ на другого, посягнувшаго на святые и важные для перваго интересы. Хотя и здѣсь нужно было бы сдѣлать нѣкоторыя оговорки, но намъ не писать диссертацію о доносахъ. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что доносы на Миллера не могутъ быть ничѣмъ оправданы. Какіе такіе, чьи интересы связаны съ вопросомъ о началѣ Руси? Тутъ не можетъ быть даже рѣчи о степени святости и важности интересовъ, потому что ихъ вовсе нѣтъ, кромѣ, разумѣется, интереса знанія, науки. Въ этомъ именно вопросѣ и неумѣстны тѣ «субъективныя идеи и побужденія», значеніе которыхъ въ исторіи вообще мы вполнѣ признаёмъ, а, если они все-таки существуютъ, подсказываютъ историкамъ то или другое рѣшеніе, такъ это объясняется только отсутствіемъ въ Россіи политической жизни. Г. Забѣлинъ грубо ошибается, отождествляя всѣ «субъективныя идеи и побужденія» съ патріотическими. Кромѣ

патріотическихъ, существуютъ мотивы сословные, профессіональные, политическихъ партій, которые служатъ представителями дѣйствительныхъ, осязательныхъ, вполнѣ ясныхъ интересовъ. Г. Забѣлину это должно быть очень хорошо извѣстно, потому что еще недавно, въ статьяхъ о «смутномъ времени», онъ старательно разграничивалъ интересы «служилыхъ» и «земскихъ» людей. Эти и имъ подобные интересы всегда существуютъ, но не всегда имѣютъ своихъ выразителей въ наукѣ и въ печати вообще, или, по крайней мѣрѣ, выразители эти находятся въ разныхъ трудныхъ положеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ отсутствія выразителей настоящихъ интересовъ, борящихся въ обществѣ, исторія, наука и печать вообще устремляютъ свой пылъ на вопросы, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно. Г. Забѣлинъ скажетъ, что это неправда, что ему становится тепло, когда онъ доказываетъ, что Русь родилась самобытно, а не отъ нѣмцевъ. На это можно только сказать: бѣдная задача, бѣдная жизнь! Вполнѣ достовѣренъ фактъ «нѣмецкаго», европейскаго вліянія на насъ, по крайней мѣрѣ, за послѣднія двѣсти слишкомъ лѣтъ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ фактъ въ цѣломъ и въ подробностяхъ. И мало тутъ утѣшенія, что тысячу лѣтъ тому назадъ такого внѣшняго вліянія не было. Тѣмъ хуже, если ужь на то пошло: родились съ локотокъ, а потомъ стали съ ноготокъ—лучше бы съ ноготокъ родиться да до локотка дорости. А впрочемъ, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не громко кричало... На насъ производятъ даже нѣсколько грустное впечатлѣніе тѣ утѣшенія, которыхъ русскіе историки ищутъ и, разумѣется, находятъ въ началѣ Руси. Прежде призваніе варяговъ толковалось во-первыхъ въ томъ утѣшительномъ смыслѣ, что призваніе—не завоеваніе, а также въ смыслѣ кротости, смиренія, семейныхъ и прочихъ добродѣтелей славянъ вообще и русскихъ въ особенности: жизнь русскаго народа есть не жизнь, а житіе—одобрялъ и ободрялъ который-то изъ Аксаковыхъ. Теперь настало время иныхъ утѣшеній или утѣхъ. «Это ученіе, говоритъ г. Забѣлинъ:—рисуетъ русское славянство *тихимъ* и *смирнымъ*, что̀, въ сущности, есть самое полное отрицаніе въ народѣ его историчности, если можно такъ выразиться, ибо тихость и смиреніе, какъ великія добродѣтели для личной жизни, становятся великими, безконечно ззовредными пороками для народной самостоятельности и независимости, и вся русская исторія вполнѣ доказываетъ, что эти пороки, особенно въ древнее время, нисколько не принадлежали русскому славянству, показавшему еще со временъ изгнанія варяговъ, что оно ни одной минуты не оставалось тихимъ и смирнымъ, то есть ни одной минуты не выпускало изъ рукъ своей народной независимости и самостоятельности». Г. Забѣлинъ ищетъ психологическихъ особенностей древнихъ русскихъ, кромѣ того, во всякаго рода предпріимчивости. Правда, славяне «вырѣзывали изъ спины (враговъ) ремни, сажали на колъ, иныхъ привязывали за руки и за ноги къ четыремъ

воткнутымъ въ землю деревяннымъ снастямъ и били ихъ до смерти дубинами по головѣ, или, заперши въ сарай вмѣстѣ со скотомъ, если, ополонившись, его уже невозможно было увести съ собой, сожигали и людей, и скотину». Но эти неблаговидныя проявленія славянской энергіи, во-первыхъ, невпримѣръ прочимъ, «не составляли какую либо-особую черту славянскаго характера, а принадлежали больше всего характеру вѣка»; во-вторыхъ, этимъ звѣрствамъ «варвары-славяне выучивались у образованныхъ христіанъ-грековъ» (413). Значитъ, во всѣхъ смыслахъ утѣшительно, хоть и на новый ладъ. Однако, утѣхи г. Забѣлина, вообще говоря, много ближе къ истинѣ, чѣмъ старыя сантиментальности. И уже одно это дѣлаетъ его книгу заслуживающею величайшаго вниманія.

Г. Забѣлинъ производитъ русскихъ отъ скиѳовъ, сарматовъ, роксоланъ; варяги же, по его мнѣнію, были балтійскіе славяне. Все это доказывается съ большимъ запасомъ учености и сдѣлано авторомъ весьма вѣроятнымъ, хотя мы и не беремся судить объ этомъ. Несравненно дороже намъ кажутся въ высшей степени замѣчательныя страницы, посвященныя авторомъ изслѣдованію формъ древняго быта и характера нашей древней лѣтописи. Живость и ясность изложенія, при свѣжести и оригинальности взглядовъ, дѣлаютъ эту часть книги чрезвычайно интересною. Г. Забѣлинъ не соглашается ни съ одною изъ господствующихъ у насъ теорій древняго быта—ни съ теоріей родоваго, ни съ теоріей общиннаго быта. Онъ указываетъ на среднюю форму «братскаго рода», въ которой хотя и признавалось начало кровнаго старшинства и меньшинства, но не отца и дѣтей, какъ въ патріархальномъ быту, а старшихъ и меньшихъ братьевъ. Можно сомнѣваться, чтобы такова была древнѣйшая форма славянскаго быта, но, во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе г. Забѣлина проливаетъ совершенно новый свѣтъ на нѣкоторыя первобытныя отношенія. Будемъ надѣяться, что такихъ блестящихъ страницъ въ послѣдующихъ томахъ будетъ еще больше. Это тѣмъ желательнѣе, что авторъ намѣренъ «провести свое обозрѣніе русской исторіи до ближайшихъ къ намъ временъ».

Розысканія о началѣ Руси. Вмѣсто введенія въ русскую исторію. Соч. *Д. Иловайскаго.* Москва. 1876.

Исторія Россіи. Соч. *Д. Иловайскаго.* Часть первая. Кіевскій періодъ. Москва. 1876.

«Розысканія о началѣ Руси» составились изъ нѣсколькихъ монографій, напечатаныхъ авторомъ въ разныхъ журналахъ. Главныя тэмы г. Илавайскаго: несостоятельность норманской теоріи и славянское происхожденіе дунайскихъ болгаръ. Въ своемъ стремленіи очистить начало Руси отъ всякой нѣмецкой скверны г. Иловайскій заходитъ даже дальше г. Забѣлина, потому что отрицаетъ самый фактъ призванія варяговъ. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ вдается въ болѣе, чѣмъ сомнительныя филологическія сближенія. Сообразно взглядамъ, изложеннымъ

въ «Розысканіяхъ о началѣ Руси», г. Иловайскій начинаетъ свою «Исторію Россіи» съ главы «Русь подъ Царьградомъ» (865 г.). Собственно исторія Россіи начинается съ Игоря. Такимъ образомъ, обыкновенное «начало Руси», къ которому мы такъ привыкли, совершенно упраздняется. Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, Гостомыслъ, призваніе, «земля наша велика» и проч., все это—«лѣтописныя басни о варягахъ». Замѣчательно, что это исчезновеніе цѣлой, да еще начальной главы русской исторіи, изъ за которой происходило столько споровъ, не производитъ тяжелаго впечатлѣнія: точно будто и не жаль варяговъ. Правда г. Иловайскій не оставляетъ ихъ мѣста пустымъ. Онъ изображаетъ народъ русскій «великимъ, туземнымъ народомъ восточной Европы, не приходившимъ откуда-то изъ-за моря въ IX вѣкѣ и не призывавшимъ къ себѣ чужеземныхъ властителей, а имѣвшимъ своихъ собственныхъ племенныхъ князей».

Что̀ касается смиренія и тихости нашихъ древнихъ предковъ, то г. Иловайскій иронизируетъ на этотъ счетъ не меньше г. Забѣлина. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующія слова̀ Геродота: «Скиѳы выкалываютъ глаза своимъ рабамъ, и послѣдніе занимаются доеніемъ кобылицъ. Надоивъ молока, наливаютъ его въ деревянный сосудъ; потомъ рабы, помѣстясь вокругъ сосуда, качаютъ его до тѣхъ поръ, пока не всплыветъ наверхъ самая лучшая и самая вкусная часть молока, которую скиѳы и снимаютъ». Вотъ, значитъ, ка̀къ древне происхожденіе нашего пѣнкоснимательства.

Дунайская Болгарія и Балканскій Полуостровъ. Историческія, географическія и этнографическія путевыя наблюденія 1860—1875. *Каница.* Спб. 1876.

Недавно два русскіе ученые, если не спеціально слависты, такъ около того, упрекали газеты въ невѣжествѣ относительно славянскихъ дѣлъ. Оба связывали этотъ, по существу, кажется, совершенно справедливый упрекъ съ другимъ, именно—въ обнаруженномъ значительною частью нашей печати самохвальствѣ и нелѣпомъ, дѣтски-задорномъ презрѣніи къ Европѣ. Ничего вы не знаете—говорили, каждый по своему, упомянутые ученые—не знаете даже того, что «гнилой Западъ» не въ примѣръ больше вашего знаетъ тѣхъ самыхъ славянъ, которыхъ вы хотите взять подъ свое покровительство. Думаемъ, что и это справедливо, такъ какъ, по части какихъ бы то ни было знаній, намъ за Европой не угоняться. Но намъ кажется, что обоимъ упомянутымъ писателямъ не мѣшало бы помнить, что сами они, люди несомнѣнно свѣдущіе, весьма мало сдѣлали для просвѣщенія русской публики насчетъ исторіи и современнаго положенія славянъ. Мы даже недоумѣваемъ, къ кому можетъ относиться ихъ упрекъ, когда онъ принимаетъ форму сравненія богатства европейской литературы съ бѣдностью русской. «Чего смѣешься?—Надъ собой смѣешься». Отъ кого же намъ въ самомъ дѣлѣ ждать просвѣщенія и на кого пенять, въ случаѣ его отсутствія? Если нѣтъ

книгъ, ихъ должны были написать спеціалисты; если нѣтъ свѣдѣній, ихъ должны были дать спеціалисты. Конечно, могъ бы выдти и такой казусъ, что книги написаны, свѣдѣнія сообщены, словомъ—спеціалисты свое дѣло сдѣлали, а газетная литература ихъ трудами все-таки не воспользовалась. Въ такомъ случаѣ, спеціалисты имѣли бы полнѣйшее право изображать изъ себя громъ и молнію. Но спеціалисты сами говорятъ, что книгъ нѣтъ. Отчего же и не заявить этотъ печальный фактъ? но надобно бы это сдѣлать съ скромностью людей, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ не исполнившихъ своей прямой обязанности. Достойно, въ самомъ дѣлѣ, вниманія, что, если и прежде «братья-славяне» изучались у насъ мало, то теперь, въ минуту войны, еще меньше. Мы довольствуемся переводами, компиляціями, извлеченіями изъ иностранныхъ писателей; но наши собственные изслѣдователи и спеціалисты блещутъ отсутствіемъ какъ въ журналахъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Не знаемъ ужь, какъ это вяжется съ тою близостью «славянской идеи» русскому сердцу, въ которую, почему-то, упорно вѣрятъ нѣкоторые публицисты. Въ прежнія времена, славянофилы въ своихъ органахъ сообщали факты изъ славянской исторіи и быта. Нынѣ и они молчатъ. Изъ русскихъ ученыхъ трудовъ, изданныхъ со времени послѣднихъ балканскихъ событій и касающихся славянъ, намъ извѣстенъ только трудъ варшавскаго профессора Первольфа «Германизація балтійскихъ славянъ». Но предметъ этой работы, несомнѣнно поучительный самъ по себѣ, отдѣленъ отъ текущихъ событій огромнымъ промежуткомъ времени и пространства. «Славянскій сборникъ», первый томъ котораго вышелъ еще до герцеговинскаго возстанія, пріостановился и только, можно сказать, на дняхъ подвинулся впередъ. «Сборникъ государственныхъ знаній» г. Безобразова, составляемый изъ статей патентованныхъ ученыхъ, объявляетъ, что выпускъ третьяго тома замедляется восточными событіями, тогда какъ они, собственно говоря, должны бы были его ускорить. Поневолѣ приходится обращаться къ старымъ сочиненіямъ или къ иностранной литературѣ, за что̀ должны быть привлечены къ отвѣтственности русскіе слависты, а не кто-либо иной.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и европейская литература, кажется, вовсе не такъ ужь богата, какъ можно бы было думать на основаніи словъ упомянутыхъ двухъ русскихъ ученыхъ. Не имѣя нужныхъ для провѣрки этого мнѣнія свѣдѣній, мы можемъ сослаться только на слѣдующія слова̀ Каница: «Въ 1871 году профессоръ Кипертъ могъ справедливо еще назвать Дунайскую Болгарію одною изъ невѣдомыхъ областей Европейскаго Востока. Уже въ 1860 году, когда я посѣтилъ впервые городъ Нишъ, и еще болѣе въ 1862, когда предпринялъ путешествіе изъ Виддина на болгарскую террасу Дуная, я также пришелъ къ заключенію, что эта мѣстность, въ географическомъ и археологическомъ отношеніяхъ—точно такая же terra incognita, какъ бол-

гарскій народъ въ этнографическомъ. Наши лучшія карты представляли, даже въ непосредственной близи отъ Дуная, весьма грубыя заблужденія: часто случалось, что я не находилъ въ дѣйствительности мѣстъ, обозначенныхъ на нихъ, и наоборотъ — не находилъ въ нихъ многихъ мѣстъ, существующихъ въ дѣйствительности; относительно же опредѣленія почвы было еще болѣе невѣрностей... Конечно, многіе будутъ изумлены, прочитавъ во второй книгѣ этого сочиненія, что господствующая турецкая раса въ семи городахъ и двухъ селеніяхъ, лежащихъ между Нишавой, Тимокомъ, Ломомъ и Дунаемъ, исчезла-было совсѣмъ и была значительно подкрѣплена только въ послѣдніе годы своими единовѣрцами—татарами и черкесами; не менѣе удивитъ читателя мое утвержденіе, что сербская національность нигдѣ, какъ часто было говорено, не переходитъ большими массами за юго-восточную границу княжества и, начиная съ Тимока до устья Нишавы, она является въ Западной Болгаріи только въ четырехъ мѣстечкахъ, которыя населены сплошь сербами. Наконецъ, я опровергаю еще одно заблужденіе, доказывая, что романскій клинъ, вдвинувшійся въ теченіи послѣдняго десятилѣтія между Сербіей и Болгаріей при пограничной рѣкѣ Тимокѣ, значительно шире въ дѣйствительности, чѣмъ на картѣ Лежана» (6, 9).

Уже по этимъ маленькимъ выпискамъ читатель можетъ судить объ интересѣ и достоинствахъ книги Каницa. Нельзя не поблагодарить редакцію «Всемірнаго Путешественника» за это изданіе, которое является очень кстати. Но, къ сожалѣнію, благая мысль приведена въ исполненіе очень неудовлетворительно. Не говоря о шероховатости перевода, онъ во многихъ мѣстахъ неточенъ и сдѣланъ вообще крайне небрежно. Вотъ образчикъ неточности перевода: «Митхадъ вполнѣ вѣрно угадалъ, что Сербія, при помощи болѣе значительнаго возстанія въ взволнованной и безъ того уже Болгаріи, разсчитывала на присоединеніе къ себѣ нѣсколькихъ крѣпостей» (39). Подлинникъ гораздо менѣе рѣшительно выражается о проницательности Митхада: «ему казалось не невѣроятнымъ» (es erschien nicht unwarscheinlich). Притомъ же, въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о неопредѣленномъ присоединеніи нѣсколькихъ крѣпостей, а о томъ, что Сербія разсчитывала, при помощи болгарскаго возстанія, произвести извѣстное давленіе въ «вопросѣ о крѣпостяхъ» (Festungsfrage), что̀, пожалуй, и то же, да не то. Или, напримѣръ, въ переводѣ читаемъ: «для ихъ (гетовъ) сѣверной границы имѣли одинаковое значеніе, какъ Филиппъ, такъ и Александръ» (13), между тѣмъ, какъ наоборотъ, для Филиппа и Александра одинаково важно было обезопасить, упрочить сѣверную границу. Попадаются даже такія фразы: «Бѣглецы отправлялись на *берега султана*, населенные ихъ единовѣрцами» (329). Что̀ касается небрежности, то она доходитъ до того, что *русскій* переводъ оставляетъ въ неприкосновенности какого-то неизвѣстнаго господина

Паланцова (Palanzow въ подлинникѣ), который есть некто иной, какъ Палаузовъ (29). Заглавія цитируемыхъ Каницомъ сочиненій то переводятся на русскій языкъ, напримѣръ, «Шметау. Секретные мемуары», «Ранке. Сербская революція. Берлинъ, 1844»; то оставляются на иностранныхъ языкахъ. Въ одномъ мѣстѣ намъ попалось даже такое примѣчаніе: «См. Der bezügliche trefflige Abhandlung Fr. von Hellwald's. Wien 1869 года» (329), что̀ уже совсѣмъ безтолково.

Ка̀къ ни ка̀къ, а и за то приходится сказать спасибо: все-таки переведена хорошая, обильная фактами книга, какой по-русски нѣтъ, несмотря на всю преданность русскихъ людей «славянской идеѣ» и «братьямъ-славянамъ» и несмотря на существованіе ученыхъ русскихъ славистовъ. Объ этомъ читатель можетъ судить уже по заглавіямъ нѣкоторыхъ главъ: «Историческіе очерки Болгаріи», «Этнографическіе очерки болгаръ», «Основы политическихъ правъ болгарскихъ райевъ», «Старо-болгарскій патріархатъ, его паденіе и господство греческаго Фанара надъ болгарскимъ народомъ», «Римско католическое національно-церковное движеніе въ Болгаріи», «Болгарская колонизація въ Крыму и татарская на Дунаѣ», «Кавказъ на Балканѣ».

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. *В. Лесевича.* Спб. 1877.

Суть этой книги, въ самыхъ общихъ чертахъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Контъ установилъ іерархическій рядъ отвлеченныхъ наукъ и представилъ частную философію каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Но затѣмъ у него имѣется нѣкоторое введеніе, содержаніе котораго невозможно пріурочить къ какой-либо изъ наукъ ряда. Тутъ идетъ рѣчь о границахъ области научнаго изслѣдованія, о пріемахъ этого изслѣдованія и о другихъ, второстепенныхъ вопросахъ столь же общаго характера. Словомъ, по задачѣ своей, эта часть «курса положительной философіи» совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ Кантъ называлъ критикой разума, изслѣдованіемъ природы разума, но только по задачѣ, а не по исполненію, которое у великаго французскаго мыслителя далеко ниже, чѣмъ у нѣмецкаго. Контъ не разработалъ этого отдѣла, но общимъ направленіемъ своей философіи какъ бы завѣщалъ своимъ послѣдователямъ пополнить пробѣлъ. Ничего этого правовѣрные позитивисты школы Литтре и Вырубова не сдѣлали. Они постарались, такъ сказать, затушить даже тѣ задатки философской критики и теоріи познаванія, которые имѣются у Конта. Въ своемъ высокомѣрномъ презрѣніи къ нѣмецкой философіи, презрѣніи, доходящемъ до невѣжества, они не замѣчали, что тамъ не все «метафизика», а есть нѣчто совершенно родственное позитивной философіи. Это нѣчто дано Кантомъ и тѣмъ «ново-кантіанскимъ» движеніемъ, которое происходитъ теперь въ нѣмецкой философіи. Ближайшее опредѣленіе отношеній этой критической философіи къ философіи позитивной составляетъ

предметъ книги г. Лесевича, причемъ, однако, онъ приходитъ къ результатамъ, совершенно самостоятельнымъ.

Мы надѣемся еще вернуться къ этому выдающемуся явленію нашей скудной философской литературы.

Семья и государство. *В. А. Краинскаго.* Кіевъ 1876.

Г. Краинскій относится къ позитивизму несравненно строже. По его мнѣнію, «вся эта перекроенная изъ обветшалыхъ ученій философія не стòила бы труда говорить о ней, еслибы не была вредна въ примѣненіи ея нравственной стороны къ дѣйствительной жизни: всякій чиновникъ-взяточникъ говоритъ о *реальномъ* направленіи, т. е. видимомъ (можетъ быть, лучше «невидимомъ?»), осязательномъ способѣ набить свой карманъ; преступникъ, ограбившій частныхъ лицъ или цѣлое общество, драпируется на скамьѣ подсудимыхъ тою же реальностью. Наконецъ, нѣтъ той степени человѣческаго разврата, который не прикрывалъ бы себя *реальнымъ направленіемъ*, отрицая всякое чувство добра и чести, какъ существующее лишь въ идеи». Такъ глубоко понимаетъ авторъ положительную философію, такъ побѣдоносно онъ съ ней борется. Кàкъ ни велико, однако, мужество, съ которымъ авторъ выступаетъ противъ позитивизма и сродныхъ ему ученій, удивляться тутъ нѣчему, ибо г. Краинскій твердо опирается на «здравый смыслъ» и «современную науку». Такъ, напримѣръ, на опроверженіе ученія Дарвина онъ не тратитъ много времени, потому что «здравый смыслъ и истинная наука уже настолько окрѣпли, что не могутъ болѣе страшиться замаскированнаго невѣжества, такъ долго прикрывавшагося ученымъ фразёрствомъ безъ логики и безъ смысла» (10). Не говоря уже о Фейербахѣ и *Стернерѣ* (авторъ хочетъ говорить о Штирнерѣ), «очень много нашихъ русскихъ медиковъ, изучавшихъ только явленія матеріальныя и пробавлявшихся надъ теоріями о пребываніи въ той или друго части мозга такъ называемой души, далеко отстали отъ науки, которая, со времени Бартеза (Barthez) и Лордà (Lordat) выдвинула впередъ систему человѣческаго динамизма» (98). И, когда мы тутъ же узнаемъ, что Лордà еще въ 1847 году написалъ книгу de l'alliance entre l'âme pensante et la force vitale, то отсталость «многихъ нашихъ русскихъ медиковъ» становится поразительно ясною. Чтò касается Вольтера, то, конечно, «ловкой фразой онъ прикрываетъ изумительное для насъ (г. Краинскаго) свое невѣжество» (86), а «въ наше время одно голое, легкомысленное отрицаніе не удовлетворяетъ болѣе ни любознательности ума, ни потребностямъ сердца» (91). «Знаменитый экономистъ» Воловскій, противопоставляемый соціалистамъ, нисколько не удивляетъ ученаго автора, да и вообще «съ тѣхъ поръ, какъ нравственность признана въ наукѣ высшимъ регуляторомъ употребленія и распредѣленія выработанныхъ богатствъ»—соціализмъ сталъ «ложною наукою» или la fausse science, какъ обязательно переводитъ авторъ. Словомъ, поддерживаемый Шоборомъ, Лордà и другими,

не менѣе знаменитыми представителями «истинной и современной науки», г. Краинскій можетъ смѣло утверждать, что все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Столь же утѣшителенъ фактъ, сообщаемый авторомъ изъ его собственной практики. «Мнѣ случалось, говоритъ онъ: — вмѣсто спора съ молодымъ человѣкомъ, горячо отстаивавшимъ *свои убѣжденія*, попросить его только снять съ этажерки ту или другую книгу и развернуть указанную мною страницу, на которой находилось научное возраженіе противъ всего, что онъ утверждалъ. Съ моей стороны не было сказано ни одного слова ни *за*, ни *противъ*; но молодой человѣкъ никогда уже впослѣдствіи не защищалъ тезиса, однажды имъ дурно избраннаго». Вотъ какъ чудесно! Странно только: ученый авторъ, имѣя подъ руками такое быстродѣйствующее средство, рекомендуетъ усиленіе цензуры печати и учрежденіе «цензуры нравовъ».

Читатель видитъ, что произведеніе г. Краинскаго даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. И, дѣйствительно, автору удалось на весьма маломъ пространствѣ обозрѣть и глубокомысленно разрѣшить множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Такъ что книга его нѣсколько напоминаетъ одно описываемое имъ роскошное пиршество Нерона. Ученый авторъ удостовѣряетъ, что «для этого пира доставлена была дичь изъ всѣхъ морей» (49).

Хочу быть русскою. Романъ изъ большого петербургскаго свѣта. Въ четырехъ частяхъ. *Кн. В. Мещерскаго.* Части I и II. Спб., 1877.

Одинъ изъ многочисленныхъ романовъ неутомимаго князя. Объ авторѣ какъ-то ужь принято говорить: плохой публицистъ и талантливый беллетристъ. Но вотъ что странно: князь Мещерскій пишетъ очень много, иногда по два романа за разъ, расходятся они очень хорошо, нѣкоторые вытерпѣли по два, а одинъ три изданія, а между тѣмъ объ нихъ что-то не слыхать. Князь плодится, множится и населяетъ книжные магазины и «станціи желѣзныхъ дорогъ» (о продажѣ на станціяхъ объявляется на оберткѣ); кто-то быстро расхватываетъ его чадъ, но кто—неизвѣстно, ибо и въ литературѣ, и въ обыкновенномъ читающемъ обществѣ произведенія князя окружены молчаніемъ. Ясно, что это только такъ кажется, будто всѣ молчатъ, гдѣ-нибудь да говорятъ. Еще бы не говорить. Мы увѣрены, что въ извѣстныхъ сферахъ произведенія князя Мещерскаго производятъ нешуточное волненіе, потому что онъ поставилъ себѣ задачей ни больше, ни меньше, какъ пропаганду православія и патріотизма въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. Положимъ, что, по изображенію князя Мещерскаго, большой свѣтъ до такой степени нетолько лишенъ вѣры и патріотизма, но легкомысленно безнравственъ относительно самыхъ элементарныхъ правилъ добропорядочной жизни, что тутъ съ пропагандой ничего не подѣлаешь. Но все-таки человѣкъ большого свѣта можетъ надѣяться

встрѣтить въ романѣ кн. Мещерскаго «черты знакомаго лица», «намеки тонкіе на то», чтò вѣдомо лишь избраннымъ и т. п. Какъ же не интересоваться? Въ самомъ крайнемъ случаѣ, человѣкъ или дама большого свѣта, готовясь сѣсть въ вагонъ, посылаетъ лакея къ маленькому книжному ларю за новымъ произведеніемъ «этого чудака». Мы увѣрены, что такое прозвище присвоено въ большомъ свѣтѣ князю и что князь имъ очень гордится. Можетъ быть, онъ даже слыветъ нѣсколько «опаснымъ» и въ такомъ случаѣ гордится еще больше. Можетъ быть, наконецъ, кое-кто видитъ въ немъ даже нѣкоторую «надежду», столпъ. Но весь этотъ интересъ, всѣ эти опасенія, надежды замкнуты въ волшебномъ кругѣ петербургскаго большого свѣта, и внѣ его никому до нихъ дѣла нѣтъ. Такъ ужь нашъ авторъ устроился, такъ онъ съумѣлъ спеціализировать свою задачу. Le grand monde russe, peint par lui même—дѣло очень интересное для каждаго, желающаго знать, какъ идутъ всякаго рода дѣла у насъ въ Россіи. Но этому grand monde какъ-то не везетъ: кто только урывками его касается, кто ужь слишкомъ сильно прикрашиваетъ. Кн. Мещерскій, по крайней мѣрѣ, отчасти, рѣшилъ, кажется, говорить правду, и потому въ каждомъ его романѣ найдется нѣсколько любопытныхъ штриховъ, въ чемъ ему помогаетъ небольшой, но несомнѣнный беллетристическій талантъ. Но все это тонетъ въ задачѣ автора. Онъ не намъ, простымъ смертнымъ, хочетъ представить картину большого свѣта, а *его* обратить на путь истины. Въ какой мѣрѣ это имъ достигается, хороши ли его пріемы для этой спеціальной цѣли—судить не намъ, по незнакомству нашему съ большимъ свѣтомъ, но вѣрно то, что для насъ, обыкновенныхъ читателей, эти пріемы скучны и ненужны. Такъ, конечно, и, должно быть. Кн. Мещерскій строитъ обыкновенно свои романы такъ, что, среди всяческой великосвѣтской грязи, интригъ, глупостей, поднимаются слѣдующія фигуры: одинъ или два благороднѣйшихъ аристократа, проникнутыхъ какъ патріотизмомъ и православіемъ, такъ и общечеловѣческими добродѣтелями; одна или двѣ таковыхъ же умныхъ и добродѣтельныхъ аристократки и священникъ. Эти, почти неизбѣжныя у князя Мещерскаго персонажи, занимаются пространнымъ изложеніемъ передовыхъ статей, внутреннихъ обозрѣній и «послѣднихъ страничекъ» «Гражданина». Выходитъ скучно и... и не умно. То есть такъ выходитъ для обыкновенныхъ читателей, а для великосвѣтскихъ, не знаемъ, можетъ быть, очень хорошо и питательно.

Княжна Томилина, молодая, красивая, по общему (въ томъ числѣ и автора) мнѣнію, умная, а въ сущности глупая и черезъ пятое въ десятое начитанная дѣвица выходитъ изъ разныхъ видовъ за некрасиваго, умнаго, холоднаго, богатаго, ни во чтò не вѣрующаго князя Аскольдова. Кузенъ княжны, пріѣзжій предводитель дворянства, умница, красавецъ и благороднѣйшій человѣкъ заронаетъ въ пустую душу княжны Томили-

ной странную искру: «хочу быть русской». Впрочемъ, не одинъ кузенъ старается. Какъ во всѣхъ дюжинныхъ романахъ, тутъ происходитъ странное столкновеніе: вдругъ всѣ начинаютъ пилить княжну тѣмъ, что она не русская и что у нея нѣтъ сердца—и священникъ, и старая тетка, и великосвѣтскій поэтъ, и случайно встрѣчающійся адмиралъ. Княжна мечется, допрашиваетъ кузена и прочихъ, но всѣ говорятъ: не русская и баста, а объясненій или просто не даютъ, или отзываются невозможностью объяснить. Всѣ прибавляютъ только: не русская и не православная, а княжна до такой степени невинна, что не знаетъ даже, что православнымъ надо говѣть. Только старая тетка даетъ хоть и странное, но по крайней мѣрѣ, осязательное объясненіе: «я про себя могу одно сказать: когда мой мужъ умеръ и стала я ходить въ ранней обѣднѣ каждый день, я сдѣлалась русскою; только тогда, d'un coup, я сдѣлалась православною и русскою». Таковъ центръ тяжести новаго произведенія князя Мещерскаго. Разсказывать его содержаніе, сшитое на живую нитку, разумѣется, не стоитъ. Но есть отдѣльныя сцены, заслуживающія вниманія, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать хоть слѣдующій отрывокъ изъ великосвѣтскаго разговора:

«Oui, oui, vous avez raison (да, да, вы правы); такъ извольте видѣть, la femme de mon cuisinier (жена моего повара) приходитъ ко мнѣ и говоритъ: а скоро ли, ваше превосходительство, насчетъ гражданскаго брака выйдетъ позволеніе? Moi—de grands yeux (я дѣлаю большіе глаза); что ты, матушка, съ ума спятила, откуда? на что тебѣ гражданскій бракъ? Elle, figurez vous ce qu'elle me répond (она же, вообразите, что мнѣ отвѣчала): а мнѣ, говоритъ, хотѣлось бы съ мужемъ разъѣхаться и ужь другого взять, потому все лучше поновѣе, ah?

Общій хохотъ.

Бездолинъ расхохотался отъ вида комичной важности, съ которою Дупловъ, красный, счастливый общимъ вниманіемъ, разсказывалъ свою чепуху съ вытаращенными глазами.

— Mais c'est affreux, сказала княгиня:—c'est de l'immoralité toute pure (это ужасно, это чистѣйшая безнравственность).

— А? сказалъ еще разъ Дупловъ, и такъ съ этимъ а? и съ вытаращенными глазами, и съ разинутымъ ртомъ, точно замеръ.

— Quelle est votre opinion (какое ваше мнѣніе) sur le гражданскій бракъ, voyons, по голосамъ, figurons nous que nous sommes au conceil (вообразимъ, что мы въ совѣтѣ).

— Au comité du гражданскій бракъ, сказалъ поэтъ.

— Commencez, cher comte (начинайте, любезный графъ), сказала княгиня, обращаясь къ графу Чисторукову.

— Après vous, princesse, отвѣтилъ графъ.

— S'il en reste, пробормоталъ графъ-поэтъ.

— Mon opinion... (мое мнѣніе).

— Non, en russe, au conceil nous parlons en russe, сказалъ графъ (въ совѣтѣ мы говоримъ порусски).

— Ah, fi, je n'en veux pas de votre russe, enfin j'essaierai de m'éxécuter

(не хочу я вашего русскаго языка, попробую, впрочемъ), сказала княгиня:— mon opinion est que je suis pour le гражданскій бракъ, если вы такъ мнѣ это устроите, чтобы не было этой безнравственности скандалезной, и если отъ этого не можетъ произойти революція, главное — pas de révolution, j'ai peur de cette révolution, ah, et comment (я страхъ какъ боюсь этой революціи). Княгиня сдѣлала видъ, будто вздрогнула.

— Et vous avez raison (вы правы), прервалъ ее Дуплловъ: вчера (онъ оглянулся), je regarde s'il n'y a pas de domestique (я смотрю, нѣтъ ли лакея) un isvostchick m'a dit: (одинъ извозчикъ мнѣ сказалъ пошелъ къ чорту, мазура, c'est textuel.

Опять хохотъ. Опять Дупловъ вытаращилъ глаза и разинулъ ротъ.

— Я свое мнѣніе сказалъ, теперь вы, графъ.

— Мое мнѣніе, началъ графъ Чисторуковъ:—очень простое. Если правительству угодно ввести гражданскій бракъ, пусть вводитъ.

— О, le diplomate, прервала его княгиня:—это не мнѣніе.

— Позвольте, дайте досказать, прервалъ ее въ свою очередь графъ: — но (графъ поднялъ палецъ) осторожно, благоразумно, принявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, постановленія закона и обычаи народа, которые въ данномъ случаѣ могутъ болѣе или менѣе соприкасаться къ вопросу съ той или другой стороны, voilà.

— Très bien, сказала княгиня:—да, но вы за?

– Болѣе или менѣе, отвѣчалъ графъ.

— Ну-съ, а вы, сударыня, обратилась она къ вдовѣ Злорадовой.

— Я мнѣнія графа во всемъ и всегда, сказала она съ сладкою улыбкою» и т. д.

Кромѣ подобныхъ сценокъ, есть даже цѣлые, довольно выдержанные типы, какъ, напримѣръ, мать героини, княгиня Томилина. «Она твердо вѣрила, что, начиная съ крестьянскаго вопроса и кончая послѣднимъ вопросомъ вчерашняго дня — объ акцизѣ на нюхательный табакъ, всѣ государственныя реформы не могутъ обходиться безъ ея участія». Она призывала къ себѣ сановника и допрашивала: «Ну скажите мнѣ, какъ вы думаете рѣшить этотъ вопросъ? Во-первыхъ, и avant tout, скажите мнѣ: полезна ли эта мѣра для Россіи? Можетъ быть, это только нальятивная полумѣра, противъ которой я par principe, а потомъ скажите мнѣ, нельзя ли какъ-нибудь къ этому аккрошировать la question qui me chipote le plus, возвышеніе уровня de tout-le peuple; безъ этого нельзя, по моему, сдѣлать ни одного шага dans la voie настоящей цивилизаціи». Эта прелестная дама очень удалась автору.

Еслибъ кн. Мещерскій давалъ намъ такіе портреты и картинки, пожалуй, сгруппированные въ романъ (что, впрочемъ, едва ли ему по силамъ), критика имѣла бы всѣ резоны заняться имъ. Но, какъ сказано, авторъ задалъ себѣ задачей обратить большой свѣтъ на путь истины и потому выдвигаетъ изъ его же среды людей, говорящихъ длинные, длинные, скучные, скучные монологи по «Гражданину», и вода этихъ монологовъ топитъ все живое и общеинтересное. Посторонній, невеликосвѣтскій читатель можетъ только сказать: ахъ, какіе это бѣдные люди живутъ въ этомъ большомъ свѣтѣ! Имъ нужно пространно

доказывать, что, коли хочешь быть православнымъ, такъ говѣй; что чистое сердце имѣть пріятно и полезно; что граматика учитъ правильно читать и писать порусски. Ну, а большой свѣтъ, конечно, долженъ быть благодаренъ кн. Мещерскому:—все-таки просвѣщеніе.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

I.

Великій, міровой вопросъ борьбы славянъ за свою свободу заслонилъ собою наши внутреннія дѣла, которыя оставались какъ-то въ сторонѣ все послѣднее полугодіе. Даже такой крупный фактъ, какъ процессъ Струсберга и московскаго банка, не возбудилъ большихъ толковъ въ обществѣ. Никто не слѣдилъ за нимъ съ такимъ лихорадочнымъ вниманіемъ, какъ бывало при производствѣ другихъ causes célèbres. А между тѣмъ, этотъ процессъ представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе интереса, нежели всѣ остальные знаменитые процессы, взятые вмѣстѣ. Число подсудимыхъ, ихъ общественное положеніе, цифра растраченнаго капитала, огромное число потерпѣвшихъ и громадное общественное значеніе такого факта, что столичное кредитное учрежденіе, обставленное, повидимому, всѣми гарантіями прочности и правильности веденія дѣлъ, является игрушкою въ рукахъ заграничнаго пройдохи и орудіемъ обиранія простодушныхъ акціонеровъ и вкладчиковъ—все это рисуется такими яркими красками на сѣренькомъ фонѣ нашей общественной жизни, что передъ ними блѣднѣютъ и процессъ игуменьи Митрофаніи, и пожаръ овсянниковской мельницы. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ акціонерный банкъ съ капиталомъ въ 3 мил. рублей. Завѣдываніе дѣлами поручается, наиболѣе богатымъ и именитымъ гражданамъ столицы, между которыми находится городской голова и членъ городского управленія. При такой обстановкѣ, банкъ разомъ получаетъ огромный кредитъ и вклады его ростутъ очень быстро, что̀ весьма понятно. Но чѣмъ же оканчивается дѣло? Является заграничный аферистъ, имя котораго еще въ 1873 году, благодаря разоблаченію его дѣяній, сдѣланному въ германскомъ парламентѣ депутатомъ Ласкеромъ, благодаря также тѣмъ толкамъ, которые возникли въ газетахъ о постройкѣ при его участіи румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, сдѣлалось во всей Германіи притчей во языцѣхъ, является, говоримъ мы, этотъ аферистъ, и въ нѣсколько мѣсяцовъ обираетъ кассу банка на 7 мильйоновъ рублей!!! Ка-

кимъ образомъ это могло случиться? Неужели люди, стоявшіе во главѣ банковаго дѣла, не знали, что̀ такое Струсбергъ, не знали, что онъ уже не имѣетъ никакого кредита въ германскихъ банкахъ, не знали даже того, что къ русскому банку, въ виду болѣе высокаго у насъ процента, можетъ обратиться только тотъ, кто не имѣетъ никакой возможности кредитоваться въ Германіи? Неужели, говоримъ мы, всѣ эти извѣстныя и простыя соображенія могли оставаться тайной для управленія банка? Какъ могъ банкъ не знать Струсберга, когда его имя связано и даже весьма печально съ нашимъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, такъ какъ ему была предоставлена постройка брестограевской дороги и дѣло это было имъ общипано до того, что акціи этого общества стояли на биржѣ ниже всѣхъ остальныхъ? Теперь оказывается что онъ подкупилъ членовъ правленія. Но что̀ же дѣлали члены совѣта, обязанные наблюдать за дѣйствіями правленія?

Изъ окончившагося процесса мы узнаемъ, что они только получали жалованье, а за дѣйствіями правленія вовсе не слѣдили, или потому, что имъ было некогда, или потому, что они въ банковомъ дѣлѣ ничего не понимали, или, наконецъ, потому, что они вполнѣ довѣряли правленію, хотя подобное довѣріе, въ виду оказавшихся потерь по заграничнымъ операціямъ еще въ 1874 году, было отнюдь неумѣстно. Все это подтвердилось на судѣ самымъ положительнымъ образомъ, да сверхъ того оказалось, что члены совѣта и правленія расписывали свои акціи на постороннихъ лицъ и подтасовывали общія собранія для того, чтобъ не было никакой возможности ни контролировать ихъ образа дѣйствій, ни проникнуть въ управленіе людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ кликѣ. Что̀ касается послѣдняго обстоятельства, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что и во всѣхъ другихъ акціонерныхъ обществахъ, а въ томъ числѣ и въ банкахъ, дѣлается тоже самое, такъ какъ мы постоянно видимъ, что люди, разъ захватившіе управленіе дѣломъ въ свои руки, остаются при немъ постоянно; что̀ же касается банковъ, то между акціонерами и правленіями бывали даже процессы, въ которыхъ послѣднія отрицали право первыхъ повѣрять отчеты съ книгами и документами, несмотря на то, что общій законъ предоставляетъ это право каждому акціонеру въ извѣстный періодъ времени передъ общимъ собраніемъ, созваннымъ для утвержденія отчета. Впрочемъ, о нашихъ порядкахъ составлять общія собранія мы поговоримъ ниже, а теперь обратимся къ вопросу: на какомъ основаніи возможно у насъ такое халатное отношеніе къ дѣлу, что люди, принимающіе на себя обязанность наблюдать за правильностію дѣйствій кредитнаго учрежденія, въ которомъ обращаются десятки мильйоновъ, не считаютъ нужнымъ исполнять эту обязанность.

Результатъ окончившагося процесса, т. е. приговоры присяжныхъ и судей, отчасти даетъ намъ нить для разрѣшенія поста-

вленнаго нами вопроса. Изъ всей массы подсудимыхъ обвинены только тѣ, которые положительно уличены въ мошенничествѣ; всѣ остальные оправданы, несмотря на то, что факты нерадѣнія, небрежности и невниманія къ дѣлу, а слѣдовательно факты злоупотребленія довѣріемъ, признаны присяжными. Но этого мало: фактъ подложнаго составленія отчета также подтвержденъ судебнымъ слѣдствіемъ, и слова г. Лямина, сказанныя въ совѣтѣ, *«всѣ мы виноваты въ недосмотрѣ и, слѣдовательно, всѣ должны подписать отчетъ»* также подтвердились на судѣ. Но, несмотря на это, поступокъ этотъ не вмѣненъ въ вину никому изъ подсудимыхъ. Затѣмъ, даже обвиненные въ мошенничествѣ понесли весьма легкое наказаніе, если принять въ соображеніе тотъ вредъ, который нанесенъ въ этомъ случаѣ въ сравненіи съ вредомъ въ другихъ аналогичныхъ преступленіяхъ. Воръ тайкомъ залѣзъ къ вамъ въ карманъ, быть можетъ, съ голоду, и вытащилъ у васъ бумажникъ, въ которомъ было 301 руб. и за это подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь, а именитый гражданинъ Москвы, богатѣйшій человѣкъ, сбывающій завѣдомо ничего нестоющія акціи банка на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей людямъ, не имѣющимъ ни какого понятія о банкротствѣ банка, слѣдовательно, употребляющій при этомъ обираніи своихъ ближнихъ, положительный обманъ, расплачивается за этотъ поступокъ только ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Мы очень хорошо помнимъ, что въ день оправданія Мясниковыхъ, здѣсь, въ Петербургѣ, была присуждена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, женщина, укравшая изъ-запертаго стола шесть копеекъ; теперь сопоставьте съ этимъ послѣднимъ преступленіемъ такое, въ которомъ цѣлый совѣтъ и правленіе банка принимаютъ вклады отъ разныхъ лицъ въ то время, когда имъ положительно извѣстно, что банкъ не будетъ въ состояніи возвратить эти вклады, что̀ равнозначительно грабежу, соединенному съ обманомъ, а между тѣмъ, вы видите, что людямъ, рѣшившимся на подобное преступное дѣяніе, оно вовсе не вмѣняется въ вину. Мы не хотимъ этими словами обвинить присяжныхъ или судей въ неправильномъ рѣшеніи и готовы допустить, что приговоръ ихъ вполнѣ соотвѣтствовалъ какъ ихъ совѣсти, такъ и существующимъ законамъ; но во всякомъ случаѣ, положа руку на сердце, нельзя не замѣтить, что возможность подобныхъ явленій указываетъ, что не только есть пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, но есть что̀-то ненормальное въ нашихъ нравахъ, обычаяхъ и воззрѣніяхъ.

Но болѣе всего поражаетъ въ этомъ приговорѣ то, что главный виновникъ, обобравшій банкъ при посредствѣ подкупа, фальшивыхъ накладныхъ и ничего не стоящихъ бумагъ имъ же сфабрикованнаго фиктивнаго общества, несмотря на то, что былъ обвиненъ присяжными въ умышленномъ обманѣ, остался вовсе безъ наказанія. Само собою разумѣется, что опредѣленіе суда о высылкѣ г. Струсберга за границу нельзя считать наказаніемъ:

оно равносильно утопленію щуки въ рѣкѣ. Лучшаго исхода дѣла для себя Струсбергъ желать не могъ и, вѣроятно, выслушавъ обвинительный приговоръ присяжныхъ, не ожидалъ такого рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, пособники и сообщники его будутъ сосланы, а онъ, устроившій всю махинацію и воспользовавшійся львиною долей добычи отъ преступленія, поѣдетъ въ Германію и будетъ посмѣиваться надъ русскимъ добродушіемъ. Положимъ, что приговоръ этотъ правиленъ, но спрашивается: гдѣ же справедливость? Между тѣмъ, въ нащемъ обществѣ слышатся по этому случаю разные толки: иные утверждаютъ даже, что Струсберга и судить-то было не за что; что онъ ни въ чемъ не виноватъ и что вольно-жъ было давать ему деньги подъ залогъ бумагъ, равноцѣнныхъ старой газетной бумагѣ. При извѣстныхъ условіяхъ, нравственныя понятія въ обществѣ могутъ ослабѣть до того, что даже въ дѣйствіяхъ Струсберга люди не видятъ ничего преступнаго. Вопросъ о виновности Струсберга могъ бы возбуждать, конечно, сомнѣніе, еслибы этотъ аферистъ, во-первыхъ, не прибѣгалъ къ обману и не придавалъ газетной бумагѣ видъ фиктивной цѣнности, которая въ глазахъ неопытныхъ людей могла имѣть значеніе и служить средствомъ въ рукахъ его пособниковъ для обмана своихъ сотрудниковъ; а во-вторыхъ, еслибы онъ обратился за ссудою къ дѣйствительному собственнику капитала, а не къ повѣреннымъ капиталиста, заранѣе имъ подкупленнымъ, т. е. къ частному лицу, а не къ общественному учрежденію.

Во всякомъ случаѣ, сдѣлка едва ли могла осуществиться безъ обмана; а гдѣ есть обманъ, тамъ есть не одинъ безнравственный поступокъ, но и преступленіе, подлежащее наказанію. Если бы такое мнѣніе выражали люди, которые считаютъ наказанія совершенно безполезными, тогда это, конечно, понятно; но мы говоримъ о такихъ людяхъ, которые признаютъ необходимость наказанія и опредѣленіе суда по отношенію къ Полянскому и Ландау находятъ совершенно правильнымъ. Сбивчивыя понятія у людей нашего общества поражаютъ иногда своею странностію: они не задумаются признать виновнымъ человѣка, продавшаго мѣдную вещь за золотую, но затрудняются обвинить того, кто настряпалъ ничего не стоющихъ акцій и заложилъ ихъ въ банкѣ при посредствѣ подкупа. Неужели между этими двумя дѣйствіями есть какая-нибудь разница?

Но возвратимся къ вопросу: почему у насъ дѣлаются возможными такіе факты, которые вызвали банкротство московскаго ссуднаго банка? Конечно, если довольствоваться поверхностнымъ изслѣдованіемъ, то причины эти легко указать. Стоитъ только вспомнить нашу лѣнь и равнодушіе къ общественному дѣлу, недостатокъ честныхъ и знающихъ людей, наше умѣнье расшаркиваться передъ всякимъ авторитетомъ, какой бы онъ ни былъ, даже передъ авторитетомъ Струсберга, нашу обстановку, при которой возможно безъ труда и знанія и съ одной только лов-

костью дѣлать мильйоны изъ ничего, и, наконецъ, сложившееся на основаніи бывшихъ примѣровъ убѣжденіе, что большому кредитному учрежденію не дадутъ погибнуть—и дѣло становится яснымъ. Но вѣдь эти, такъ сказать, ближайшій причины, въ свою очередь, должны быть слѣдствіемъ какихъ-нибудь ненормальныхъ условій нашей жизни, и мыслящій человѣкъ не долженъ основываться на нихъ, а взглянуть на дѣло глубже и стараться, если возможно, открыть самый корень зла, порождающій эти недостатки нашего общества. На этомъ основаніи будетъ далеко нелишнимъ разсмотрѣть тѣ условія, при которыхъ развивалась наша общественная жизнь, и поискать, нѣтъ ли въ нихъ чего-либо такого, что̀ толкало насъ къ одностороннему развитію, при которомъ мы, схватывая внѣшнюю сторону европейскихъ порядковъ, не коснулись ихъ сущности.

Мы часто толкуемъ о быстромъ ходѣ развитія Россіи и восхищаемся этой быстротой прогресса, но мы никогда не останавливаемся надъ вопросомъ: здоровъ ли этотъ быстрый ростъ, всѣ ли наши органическія силы идутъ параллельно въ своемъ развитіи, не развиваются ли наши о̀рганы одинъ на счетъ другого и, наконецъ, не влечетъ ли подобный ходъ развитія за собою болѣзненныхъ припадковъ, которые могутъ преждевременно истощить силы нашего организма? Да не подумаетъ читатель, что, ставя этотъ вопросъ, мы впадаемъ въ тонъ князя Мещерскаго, желавшаго поставить знаменитую *точку* къ реформамъ... Нѣтъ, мы совершенно далеки отъ подобной мысли. Мы думаемъ только, что здоровый о̀рганизмъ долженъ развивать всѣ свои силы одновременно и равномѣрно, и что поэтому, на извѣстномъ пути, необходимо иногда осмотрѣться, всѣ ли наши средства къ будущему развитію съ нами, и не забыли ли мы чего-нибудь на дорогѣ? Нѣтъ ли какихъ-нибудь пробѣловъ въ томъ дѣлѣ, которое мы сдѣлали, и, если эти пробѣлы существуютъ, то не влекутъ ли они за собою тѣхъ ненормальныхъ дѣяній, съ которыми намъ приходится часто встрѣчаться. Такое обобщеніе намъ кажется необходимымъ нетолько потому, что оно дастъ намъ болѣе вѣрную точку зрѣнія на вопросъ, служащій предметомъ нашей замѣтки, но и потому, что броситъ свѣтъ и на другія темныя и непонятныя явленія нашей жизни.

Если мы обратимся къ нашему законодательству, то увидимъ, что оно изложено въ 15 томахъ, съ массою дополненій. Каждый томъ содержитъ въ себѣ тысячи статей. Повидимому, недостатка въ законахъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, судя по внѣшнему объему законодательства. Если при этомъ мы обратимся къ исторіи русскаго законодательства, то мы еще болѣе будемъ поражены массою законодательныхъ работъ, послужившихъ основаніемъ и матеріаломъ для свода нашихъ законовъ. Но спрашивается: почему же такъ часто въ нашей жизни встрѣчаются вопросы и недоразумѣнія, требующіе новыхъ разъясненій и новыхъ постановленій? Въ послѣднее время такая потребность развилась на-

столько, что признано было невозможнымъ удовлетворять ей путемъ законодательнымъ и предоставлено издавать обязательныя для жителей постановленія нетолько мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ, но даже мѣстной административной власти. Если мы вглядимся ближе въ эту массу законодательныхъ работъ, то увидимъ въ нихъ одну выдающуюся черту. Громадное большинство этихъ работъ относится къ области государственнаго права, и только самая ничтожная доля ихъ принадлежитъ къ области гражданскихъ отношеній. Мы не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе причинъ, по которымъ требовалось такое усиленное развитіе законодательной дѣятельности по государственному праву и было ли оно обусловлено потребностями страны на томъ основаніи, что подобное изслѣдованіе отвлекло бы въ сторону и относилось бы къ прошедшему времени. Но мы не можемъ не обратить вниманія на тотъ фактъ, что даже въ настоящее время, когда условія гражданской жизни такъ сильно измѣнились, мы встрѣчаемъ положительный застой законодательной дѣятельности въ области гражданскаго права. Что̀ касается государственнаго устройства и управленія, то, несмотря на коренныя, недавно произведенныя реформы, законодательная дѣятельность у насъ не ослабѣваетъ, а это указываетъ, что недостатки и неудобства, встрѣчаемые на практикѣ, не ускользаютъ отъ вниманія нашихъ административныхъ властей. Мы не хотимъ этимъ сказать, что эти недостатки и неудобства вполнѣ и всегда устраняются, но мы указываемъ лишь на то обстоятельство, что они обращаютъ на себя вниманіе. Совсѣмъ другое замѣчается въ сферѣ гражданскихъ отношеній, несмотря на то, что уничтоженіе крѣпостнаго права, проведеніе 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, устройство телеграфныхъ сообщеній и громадное развитіе кредитныхъ сдѣлокъ измѣнили весь строй этихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ сдѣлано въ этой отрасли законодательства за весь періодъ усиленныхъ реформъ? Крестьянское положеніе установило соціальное устройство бывшихъ крѣпостныхъ и опредѣлило ихъ отношеніе къ помѣщикамъ; затѣмъ введенъ новый порядокъ гражданскаго судопроизводства, издано новое нотаріальное положеніе и, наконецъ, разрѣшено лицамъ не торговаго званія обязываться векселями. Вотъ и все, что̀ создано новаго въ области нашихъ ежедневныхъ отношеній; затѣмъ все остается по старому. Такое положеніе дѣлъ не порождало бы особыхъ неудобствъ, еслибъ нашъ гражданскій кодексъ представлялъ собою, во-первыхъ, продуктъ народной жизни, въ которомъ отражались бы юридическія воззрѣнія и обычаи народа, и, во-вторыхъ, былъ бы изложенъ въ системѣ научно выработанныхъ теоретическихъ положеній, примѣненіе которыхъ на практикѣ не встрѣчало бы затрудненій. Но нашъ сводъ гражданскихъ законовъ далеко не отвѣчаетъ этимъ двумъ условіямъ.

Прежде всего надо замѣтить, что нашъ сводъ вовсе не есть продуктъ русской жизни, а рядъ отдѣльныхъ постановленій, выработанныхъ кабинетнымъ образомъ или заимствованныхъ изъ

римскаго права и новѣйшихъ законодательствъ, и, притомъ, заимствованныхъ настолько, насколько того требовали условія жизни высшихъ классовъ, и, притомъ, въ моментъ изданія закона. Кромѣ того, наше гражданское законодательство носитъ на себѣ характеръ строгаго формальнаго права, чуждаго нашему народу даже на томъ простомъ основаніи, что онъ безграматенъ и потому не можетъ придавать никакого значенія формальной сторонѣ дѣла. Нужны ли доказательства такихъ свойствъ нашего гражданскаго кодекса? Стоитъ только ознакомиться съ бытомъ нашего крестьянина, чтобы убѣдиться окончательно, что весь складъ его жизни и всѣ его юридическія воззрѣнія не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ гражданскимъ закономъ. Одно право общиннаго владѣнія землей уже достаточно говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Такой способъ пользованія землей впервые признанъ нашимъ закономъ только въ крестьянскомъ положеніи 19-го февраля, которое, допуская его въ принципѣ, не установляетъ никакихъ подробностей пользованія, предоставляя ихъ установившемуся обычаю. Затѣмъ: право наслѣдства, пользованія общимъ имуществомъ, принадлежащимъ дому или хозяйству, права и обязанности старшаго въ семействѣ и отдѣльныхъ членовъ семьи — все это совершенно чуждо нашему своду и регулируется чисто обычаемъ, и притомъ иногда очень различно. Что касается договоровъ, то формальный порядокъ нашего свода не имѣетъ мѣста въ нашихъ деревняхъ; всѣ договоры совершаются словесно, и единственная гарантія ихъ исполненія есть обоюдная выгода. Даже артели существуютъ безъ всякаго письменнаго договора, и отношенія между артельщиками регулируются установившимся обычаемъ. Обычное право признается даже нашимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, такъ какъ мировой судья имѣетъ право въ нѣкоторыхъ случаяхъ мотивировать свое рѣшеніе существующимъ обычаемъ. Все это доказываетъ, какъ мало соотвѣтствуетъ нашъ гражданскій кодексъ условіямъ народной жизни.

Но онъ далеко не соотвѣтствуетъ и развивающимся условіямъ гражданской жизни высшихъ классовъ общества. Начать съ того, что новое нотаріальное положеніе отнюдь не облегчило, но значительно затруднило всѣ сдѣлки по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ, въ особенности въ такихъ мѣстностяхъ, какъ столицы, въ которыхъ масса совершающихся сдѣлокъ еще болѣе затрудняетъ и безъ того весьма сложную и едва ли нужную процедуру. Что же касается гражданскаго судопроизводства, то, хотя процессуальная сторона исковъ и тяжбъ, значительно улучшена, но, вслѣдствіе строгости формальной стороны состязательнаго процесса, неопытному человѣку трудно обращаться самому къ суду, наемъ же адвокатовъ, шансы проигрыша и судебныя издержки обходятся до того дорого, что новый порядокъ очень часто представляется отказомъ въ правосудіи, въ особенности когда сумма иска не представляется значительной. Вообще, состязательный процессъ требуетъ очень выработаннаго и систе-

матически изложеннаго законодательства, такъ чтобъ постановка вопроса объ извѣстномъ правѣ не возбуждала никакихъ сомнѣній и различныхъ толкованій. Но когда этого нѣтъ, когда между юристами идетъ постоянный споръ, по какой статьѣ закона слѣдуетъ искать извѣстнаго, несомнѣннаго по существу права, и когда судъ можетъ отказать въ искѣ только на томъ основаніи, что истецъ поставилъ вопросъ несогласно съ мнѣніемъ суда и предъявилъ искъ не на основаніи той, а другой статьи, тогда обращеніе къ суду не представляетъ гарантіи права, а скорѣе лотерею, въ которой есть столько же шансовъ проиграть, сколько и выиграть дѣло. Мы часто негодуемъ на адвокатовъ и упрекаемъ ихъ за то, что они берутся за всякое дѣло, но когда формальное право идетъ впереди права по существу, тогда не можетъ быть и рѣчи о нравственной справедливости въ гражданскомъ процессѣ. Во всякомъ случаѣ, веденіе дѣлъ при новомъ порядкѣ вещей обходится недешево, а это, въ свою очередь, не можетъ не ограничивать количества сдѣлокъ. Сверхъ того, порядокъ охранительнаго производства подчиненъ тѣмъ же правиламъ состязательнаго процесса и, по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ, настолько же усложненъ, какъ и нотаріальный порядокъ, и потому нетолько не представляетъ никакого улучшенія въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, но, напротивъ, является болѣе затруднительнымъ.

Все это относится къ процессуальной сторонѣ дѣла; но и по существу своему наше гражданское законодательство далеко отстало отъ потребностей настоящаго времени, и многія условія нашей жизни вовсе имъ не предусмотрѣны. Такъ, у насъ вовсе не существуетъ ипотечнаго права въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ западныхъ государствахъ, хотя необходимость въ немъ, въ виду сильно развивающейся потребности въ кредитѣ, не можетъ быть отрицаема, и проектъ закона объ устройствѣ ипотечныхъ учрежденій у насъ уже давно былъ выработанъ, но, вѣроятно, въ виду его неудовлетворительности, онъ не былъ внесенъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Наши законы объ акціонерныхъ обществахъ представляютъ также совершенно отжившій порядокъ вещей, такъ какъ въ настоящее время въ этомъ отношеніи многое измѣнилось. У насъ допущены анонимныя общества, съ акціями на предъявителя, чего прежнее законодательство рѣшительно не дозволяло. Это нововведеніе разрѣшалось частными уставами обществъ и до сихъ поръ не введено въ общее законодательство. Точно также есть много и другихъ условій, допускаемыхъ въ уставахъ, которыя совершенно измѣняютъ какъ характеръ, такъ и отвѣтственность обществъ. Прежнее законодательство почти вовсе не можетъ быть примѣняемо къ нынѣ существующимъ обществамъ; что̀ же касается частныхъ уставовъ обществъ, остающихся нынѣ почти единственными правилами, опредѣляющими условія ихъ существованія, то отношенія учредителей, распорядителей и акціоне-

ровъ какъ къ лицамъ постороннимъ, такъ и между собою, по обыкновенію, излагаются въ такихъ общихъ выраженіяхъ и такъ мало разработаны, что на практикѣ можетъ встрѣтиться цѣлая масса недоразумѣній и вопросовъ, которые положительно нельзя разрѣшить по отсутствію указаній въ законѣ. Такъ, напримѣръ, обществамъ желѣзныхъ дорогъ предоставляются ихъ частными уставами права государственныхъ работъ. При утвержденіи уставовъ, здѣсь разумѣется право отчужденія поземельной собственности, и въ уставахъ нигдѣ не говорится, предоставляются ли обществамъ и всѣ другія права государственныхъ работъ, а между тѣмъ, подобная оговорка имѣетъ громадное значеніе для лицъ, входящихъ съ обществомъ въ договоры о поставкахъ. На основаніи общаго законодательства, матеріалы для государственныхъ работъ не подлежатъ аресту, что̀ совершенно справедливо по отношенію къ государству, такъ какъ государство не можетъ быть несостоятельно, и если по возникшему спору между поставщикомъ и производителемъ работъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ пользу поставщика, то правительство всегда въ состояніи удовлетворить претензію частнаго лица. Совсѣмъ другое дѣло частное общество, и если подобное право будетъ ему предоставлено, то оно можетъ обратиться во вредъ третьяго лица. Общество можетъ не уплатить денегъ за поставленные матеріалы и затѣмъ оказаться несостоятельнымъ; поэтому было бы совершенной несправедливостію лишить поставщика права наложить арестъ на поставленные имъ матеріалы, за которые онъ не получилъ денегъ, до тѣхъ поръ, пока эта сумма не будетъ обезпечена подлежащими выдачами обществу изъ акціонернаго или облигаціоннаго капитала. Между тѣмъ, подобные случаи не предусмотрѣны ни въ нашемъ законодательствѣ, ни въ частныхъ уставахъ обществъ. Что̀ касается общаго законодательства, то, во время проектированія и утвержденія его, вовсе не предвидѣлось акціонерныхъ и притомъ анонимныхъ обществъ, пользующихся правами государственныхъ работъ; вводить же въ свои уставы гарантіи интересовъ лицъ постороннихъ учредители не имѣли никакой надобности. Еще менѣе ограждаютъ частные уставы интересы акціонеровъ. Характеръ анонимныхъ обществъ таковъ, что, допуская его, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на отношеніе распорядителей къ акціонерамъ и оградить интересы послѣднихъ, такъ какъ безъименность акцій даетъ полную возможность подтасовывать общія собранія. Къ сожалѣнію, этого вовсе не было сдѣлано, и къ общему весьма мало у насъ выработанному законодательству объ акціонерныхъ обществахъ не прибавлено ни единаго слова въ огражденіе интересовъ акціонеровъ; въ частныхъ же уставахъ учредители также не имѣли никакой надобности заботиться объ этомъ. Разсмотрѣніе и утвержденіе уставовъ также не могло внести въ нихъ правилъ, способныхъ на практикѣ оградить интересы акціонеровъ, такъ какъ это разсмотрѣніе производилось въ канцеляріяхъ людьми каби-

нетными. Что же касается комитета министровъ, то здѣсь уставы частныхъ обществъ могутъ быть разсматриваемы только съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ, а не со стороны подробностей. Вслѣдствіе всего сказаннаго, въ уставахъ обыкновенно встрѣчаются правила, предоставляющія широкій просторъ дѣйствіямъ правленій и очень мало возможности акціонерамъ нетолько имѣть вліяніе на ходъ дѣла, но даже сколько-нибудь контролировать дѣйствія правленій. Словомъ, уставы наши отличаются бюрократическимъ характеромъ, вслѣдствіе котораго значеніе общихъ собраній есть только фиктивное, а возможность ихъ составлять изъ подставныхъ акціонеровъ есть средство избавить распорядителей отъ всякой личной и имущественной отвѣтственности, прикрывая ихъ постановленіями общихъ собраній. Намъ кажется, что для ограниченія возможности устроивать общія собранія изъ подставныхъ акціонеровъ необходимо правительственное учрежденіе, которое принимало бы безъименныя акціи и выдавало бы свидѣтельства на право участія въ общихъ собраніяхъ. Если же акціи заложены въ банкахъ, то онѣ могутъ быть высылаемы въ это учрежденіе по просьбѣ залогодателя и по окончаніи собранія возвращаться обратно. Многіе думаютъ, что залогъ акцій въ какомъ-либо кредитномъ учрежденіи или у частнаго лица долженъ уменьшать право акціонера на извѣстное число голосовъ соразмѣрно той суммѣ, въ которой заложены акціи. Если признавать принципъ, что каждый акціонеръ долженъ имѣть участіе въ завѣдываніи дѣломъ, соразмѣрное съ вложеннымъ капиталомъ, то это мнѣніе, конечно, имѣетъ основаніе; но противъ этого принципа существуютъ довольно вѣскія возраженія, такъ какъ для мелкаго капиталиста его незначительный вкладъ можетъ быть дороже, чѣмъ для крупнаго вдвое и втрое большій. Есть и другое затрудненіе при ограниченіи правъ акціонеровъ на время залога ихъ акцій, такъ какъ въ этомъ случаѣ представляется вопросъ: кто долженъ пользоваться тѣми голосами, на которые теряетъ право акціонеръ? Предоставить ихъ залогодержателю невозможно, такъ какъ онъ имѣетъ акціи не въ качествѣ ихъ собственника и долженъ получить обратно сумму, выданную въ ссуду: его интересъ не связанъ съ интересомъ предпріятія, а иногда можетъ быть даже противуположенъ этимъ интересамъ. Кромѣ того, это невозможно и потому, что тогда банки получили бы преобладающее значеніе въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ. Не предоставлять же этихъ голосовъ никому также невозможно, на томъ простомъ основаніи, что подобная мѣра ограничила бы значительно число голосовъ въ нашихъ общихъ собраніяхъ и безъ того бѣдныхъ числомъ являющихся въ нихъ лицъ, а это можетъ увеличить еще болѣе безконтрольность и безотвѣтственность распорядителей. Всѣ эти соображенія доказываютъ только то, что право банковъ выдавать ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ представляетъ препятствіе къ правильному устройству акціонер-

наго дѣла. Передавая свои средства въ руки такихъ лицъ, которыя не считали возможнымъ сами распоряжаться своими капиталами, банки, уклоняясь отъ главной своей цѣли—содѣйствовать развитію промышленности, способствуютъ только развитію биржевой игры, т. е. оказываютъ весьма вредное вліяніе на положеніе нашего рынка. Во всякомъ случаѣ, оставляя вопросъ о правѣ голоса акціонеровъ, заложившихъ свои акціи, въ сторонѣ, мы скажемъ, что взносъ акцій передъ общимъ собраніемъ въ какое-либо правительственное учрежденіе и полученіе свидѣтельства отъ этого учрежденія на извѣстное число голосовъ значительно бы сократило возможность подтасовывать общія собранія и она могла бы практиковаться только при полномъ довѣріи, въ особенности если срокъ заблаговременнаго ихъ представленія будетъ нѣсколько удлиненъ. Сверхъ того, расписываніе своихъ акцій на имя разныхъ лицъ, съ цѣлію увеличенія числа своихъ голосовъ, еслибы таковое обнаружилось, должно считаться дѣйствіемъ преступнымъ и подлежать наказанію. Само собою разумѣется, что предлагаемая нами мѣра есть только пальятивный корективъ къ существующему и весьма распространенному порядку вещей, который, къ сожалѣнію, не можетъ быть уничтоженъ внезапно. Въ сущности же, акціонерныя общества съ безъименными акціями мы считаемъ весьма вреднымъ порядкомъ вещей, при которомъ остаются возможными значительныя злоупотребленія нетолько по отношенію къ частнымъ интересамъ, но и по отношенію къ интересамъ казны, если только эти интересы соприкасаются съ дѣйствіями такихъ обществъ. Одно уже то обстоятельство, что такой порядокъ вещей даетъ возможность составлять фиктивное общество, за которымъ скрывается одно лицо, а всякія правленія и общія собранія представляютъ собою только обманъ, снимающій личную и имущественную отвѣтственность съ главнаго дѣятеля, достаточно говоритъ противъ такого порядка вещей. Если же принять въ соображеніе, что онъ вноситъ въ общество значительную дозу деморализаціи и спутываетъ наши понятія о нравственномъ и безнравственномъ, то едва ли можно сказать что̀-либо въ его защиту. Въ рѣчахъ защитниковъ по дѣлу московскаго банка все это выразилось очень ясно, и въ особенности въ рѣчи г. Утина, который чуть не причислилъ къ лику святыхъ своихъ кліентовъ и очень желалъ заклеймить презрѣніемъ лицъ, пострадавшихъ отъ недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу этихъ честныхъ, по его мнѣнію, лицъ. Вотъ что̀ значитъ желать сдѣлать черное бѣлымъ и наоборотъ.

Къ числу правилъ, облегчающихъ возможность составленія фиктивныхъ общихъ собраній, мы должны отнести правило, которымъ дозволяется назначать новое собраніе, для законности котораго достаточно всякое число акціонеровъ, если къ первому собранію опредѣленное уставомъ число акціонеровъ не соберется. Во всѣхъ нашихъ обществахъ такъ и бываетъ, и мы по-

стоянно видимъ публикаціи, въ особенности отъ желѣзнодорожныхъ обществъ, что къ назначенному собранію надлежащее число акціонеровъ не предъявило своихъ правъ. Такимъ образомъ, всѣ вопросы рѣшаются меньшимъ числомъ акціонеровъ, чѣмъ требуетъ уставъ. Если же законъ требуетъ, чтобъ въ рѣшеніи общаго собранія участвовало извѣстное число лицъ, то намъ кажется, что не слѣдуетъ тѣмъ же закономъ установлять порядокъ, при которомъ это требованіе легко обходится.

Въ нашихъ уставахъ существуютъ также правила, которыя стѣсняютъ инициативу акціонеровъ и не позволяютъ имъ даже контролировать дѣйствія правленій. Къ такимъ правиламъ мы должны отнести слѣдующія: 1) Позднее представленіе отчетовъ, которые по уставамъ многихъ обществъ предъявляются акціонерамъ лишь за недѣлю до общаго собранія; 2) слишкомъ ничтожный періодъ времени, опредѣляемый въ уставахъ для провѣрки акціонерами отчета съ книгами и документами; 3) отсутствіе всякой личной отвѣтственности со стороны директоровъ за непредъявленіе акціонеру подлинныхъ книгъ и документовъ въ опредѣленное уставомъ время; 4) воспрещеніе въ общихъ собраніяхъ обсужденія всякаго вопроса, не вошедшаго въ программу занятій и не опубликованнаго въ опредѣленный срокъ; 5) отсутствіе всякаго указанія средствъ защиты интересовъ меньшинства въ случаѣ незаконности постановленій общихъ собраній и явнаго нарушенія интересовъ акціонеровъ, не бывшихъ въ собраніи, что̀ очень возможно при искуственномъ составленіи большинства. Что̀ касается первыхъ двухъ недостатковъ нашихъ уставовъ, то они очевидны и не нуждаются въ поясненіи. Относительно же трехъ послѣднихъ мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Необходимость личной отвѣтственности директоровъ за непредъявленіе книгъ и документовъ акціонерамъ обусловливается уже бывшими случаями подобнаго отказа, о чемъ были возбуждены даже иски въ судебныхъ мѣстахъ со стороны акціонеровъ. Если такой отвѣтственности не будетъ установлено, то всякое обращеніе къ суду будетъ излишнимъ, потому что судъ не успѣетъ постановить своего опредѣленія въ продолженіи срока для предъявленія документовъ, а затѣмъ не будетъ и цѣли ихъ разсмотрѣнія, такъ какъ отчетъ будетъ утвержденъ общимъ собраніемъ. Передъ новымъ же собраніемъ, фактъ непредъявленія документовъ можетъ повториться. Кромѣ того, еслибы судъ даже и успѣлъ постановить свое опредѣленіе, то, во всякомъ случаѣ, для этого потребуется время, что̀ уменьшаетъ возможность внимательной провѣрки, а затѣмъ, привести въ исполненіе опредѣленіе суда чрезвычайно затруднительно, потому что здѣсь возможно пассивное сопротивленіе, не имѣющее значенія открытаго неповиновенія. По этому здѣсь могутъ быть дѣйствительны только карательныя мѣры за неисполненіе существующихъ правилъ. Въ виду такой угрозы закона, конечно, не можетъ быть и попытокъ

къ его нарушенію, а возможность контроля должна необходимо оградить и интересы акціонеровъ.

Воспрещеніе обсуждать и рѣшать въ общихъ собраніяхъ вопросы, не опубликованные заблаговременно, безъ всякой, повидимому, надобности, стѣсняетъ инищіативу собственниковъ дѣла. Есть масса вопросовъ, которые могутъ возникнуть при обсужденіи сметы или отчета и только вслѣдствіе происходящихъ преній. Какое же можетъ быть неудобство въ томъ, что главные распорядители и хозяева дѣла возбудятъ такой вопросъ, о которомъ правленіе не думало или не хотѣло думать, и найдутъ возможность нетолько обсудить его, но даже рѣшить? Намъ могутъ возразить, что заблаговременное опубликованіе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію необходимо для того, чтобы акціонеры знали, какіе вопросы подлежатъ рѣшенію; если же допустить возможность постановки и рѣшенія вопроса, который не былъ опубликованъ, то многіе акціонеры могутъ быть недовольны этимъ, такъ какъ они прибыли бы въ собраніе, еслибы знали, что подобный вопросъ будетъ поднятъ. Но намъ кажется, что подобное возраженіе есть излишняя заботливость объ интересахъ тѣхъ людей, которые сами объ этомъ не думаютъ; сверхъ того, правило о заблаговременной публикаціи вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на общемъ собраніи, служитъ главною причиною равнодушія акціонеровъ къ общему дѣлу, такъ какъ всякій акціонеръ увѣренъ въ томъ, что на общемъ собраніи можетъ разрѣшаться только тотъ вопросъ, который допускаетъ правленіе, что такое разрѣшеніе возможно только въ томъ направленіи, какого желаютъ распорядители, и что для такого рѣшенія правленіемъ заранѣе подготовлено нужное число голосовъ.—Эта формальная обрядность не могла бы существовать, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, не могло бы существовать и равнодушіе къ дѣлу со стороны акціонеровъ, еслибы они знали, что общее собраніе не ограничится извѣстной программой и впродолженіи онаго могутъ возникнуть и другія важные вопросы. Конечно, при такомъ порядкѣ, сессія общаго собранія могла бы затянуться на два и на три дня, а, можетъ быть, и болѣе. Но мы не видимъ никакой бѣды въ томъ, что наше желѣзнодорожное, банковое или другое дѣло остановитъ на себѣ болѣе продолжительное время вниманіе своихъ акціонеровъ: подобный порядокъ вещей можетъ надоѣдать только людямъ, принимающимъ на себя роль акціонеровъ изъ любезности, но никакъ не собственникамъ дѣла. Само собою разумѣется, что не можетъ быть обсуждаемъ и рѣшаемъ всякій возникающій въ общемъ собраніи вопросъ; но если онъ поддерживается извѣстнымъ числомъ присутствующихъ акціонеровъ, то намъ кажется, что нѣтъ никакого основанія не допускать его къ обсужденію. Въ противномъ случаѣ, вопросъ непріятный для правленія никогда не можетъ возникнуть въ общемъ собраніи, такъ какъ составленіе программы занятій общаго собранія всегда и вполнѣ зависитъ отъ правленія. Предста-

вимъ себѣ такой случай, что акціоперъ открываетъ дѣйствія правленія, за которыя слѣдуетъ директоровъ удалить отъ должностей и предать ихъ суду. При существующихъ порядкахъ, подобный вопросъ въ общемъ собраніи и возникнуть не можетъ, такъ какъ правленіе никогда не внесетъ его въ программу занятій. Все дѣло можетъ окончиться неутвержденіемъ отчета; но тогда правленіе можетъ наказать акціонеровъ невыдачею дивиденда, потому что, если отчетъ не утверждается, то, стало быть, и разсчетъ приходящагося къ выдачѣ дивиденда тоже неутвержденъ общимъ собраніемъ и не можетъ быть выданъ. Такой примѣръ наказанія акціонеровъ за неутвержденіе отчета былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій».

Наконецъ, при правильномъ устройствѣ акціонернаго дѣла, должны быть ограждены и интересы меньшинства. Мы не говоримъ о томъ, что большинство общаго собранія можетъ составить опредѣленіе, противное уставу или существующему закону, такъ какъ въ этихъ случаяхъ судъ, по жалобѣ заинтересованнаго лица, всегда можетъ отмѣнить незаконныя распоряженія частныхъ лицъ и обществъ, а прокурорскій надзоръ можетъ даже призвать къ отвѣтственности виновныхъ въ такомъ постановленіи, которое нанесло кому-либо вредъ, предусмотрѣнный нашимъ уголовнымъ кодексомъ; но мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что въ благоустроенномъ обществѣ защита закона должна быть предоставлена каждому противъ недобросовѣстности другихъ лицъ, и не можемъ отрицать того общеизвѣстнаго факта, что иногда въ общихъ собраніяхъ утверждаются большинствомъ голосовъ вопіющія злоупотребленія правленій, и эти злоупотребленія, совершонныя въ сферѣ хозяйственныхъ распоряженій, не представляютъ собою никакого нарушенія устава или общаго закона. Для примѣра приведемъ слѣдующій возможный случай. Представимъ себѣ, что значительное количество акцій принадлежатъ директорамъ и служащимъ въ обществѣ лицамъ, что правленіе всѣ доходы общества употребляетъ на увеличеніе окладовъ служащимъ и что, такимъ образомъ, остальные акціонеры не получаютъ вовсе дивиденда. Представимъ себѣ также, что единодушный образъ дѣйствій всѣхъ акціонеровъ, состоящихъ на службѣ въ обществѣ, беретъ верхъ надъ разрозненною массою большинства акціонеровъ и общее собраніе постоянно утверждаетъ всѣ распоряженія правленія. Неужели законъ можетъ равнодушно относиться къ подобной эксплуатаціи одной части общества другою, хотя бы эта другая представляла собою даже большинство акціонеровъ? Намъ кажется, что безнаказанное допущеніе подобнаго порядка вещей будетъ явнымъ нарушеніемъ справедливости, и законъ долженъ имѣть право вмѣшаться даже въ хозяйственныя распоряженія общества, если возникнутъ жалобы со стороны участниковъ дѣла, хотя бы эти жалобы являлись со стороны какого бы то ни было меньшинства. Ни наше законодательство, ни частные уставы обществъ вовсе не предусматри-

ваютъ подобныхъ случаевъ, а между тѣмъ, нѣчто подобное замѣчается во многихъ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществахъ, по которымъ гарантированный доходъ превышаетъ дѣйствительный. Громадные, министерскіе оклады всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ—у насъ не рѣдкость на этихъ дорогахъ, тогда какъ другія, негарантированныя линіи имѣютъ служащихъ за меньшія суммы и эксплуатируются нетолько не хуже, а часто лучше, чѣмъ гарантированныя. Такое безусловное право общихъ собраній утверждать всѣ расходы и отсутствіе права меньшинства обжаловать дѣйствія большинства, клонящіяся къ невыгодѣ общества, прежде всего вредно отражается на интересахъ казны, которая несетъ убытки по уплатѣ гарантированнаго дохода.

Но ни въ чемъ не ощутителенъ такъ недостатокъ общаго законодательства, какъ въ дѣлѣ банковомъ. Не говоря о томъ, что банковое дѣло страдаетъ вообще отъ пробѣловъ въ законодательствѣ объ акціонерныхъ обществахъ, оно представляетъ собою особую отрасль промышленности, входящую въ сношеніе со всѣми классами общества, оно переплетается такъ сказать со всѣми интересами общества и, распадаясь на нѣсколько видовъ, какъ по свойству своихъ операцій, такъ и по формѣ образованія промышленныхъ обществъ, требуетъ довольно подробной регламентаціи и, слѣдовательно, очень разработаннаго законодательства, въ огражденіе тѣхъ интересовъ, которые входятъ въ сношеніе съ банками. Торговля капиталами или посредничество между людьми, имѣющими капиталы, и нуждающимися въ нихъ съ цѣлію производительной затраты, основывается всецѣло на довѣріи, и для того, чтобы это довѣріе не могло быть злоупотребляемо, учрежденія и лица, принимающія на себя эту обязанность, должны представлять особыя гарантіи, а правительству и обществу должна быть предоставлена возможность контроля надъ дѣйствіями подобныхъ посредниковъ. Между тѣмъ, у насъ банковое законодательство вовсе не существуетъ, такъ какъ до послѣдняго времени частныхъ банковыхъ учрежденій вовсе не допускалось, а существовали только казенныя или общественныя. Если законъ и упоминаетъ о банкирскихъ конторахъ, то онъ смотритъ на нихъ, какъ на всякое торговое заведеніе, не придавая имъ никакого особаго значенія. Нашъ уставъ кредитныхъ установленій имѣлъ въ виду только прежнія кредитныя учрежденія правительства, и нынѣ, за упраздненіемъ ихъ и за порученіемъ государственному банку ликвидаціи ихъ, означенный уставъ представляетъ собою только историческій документъ безъ всякаго практическаго значенія. Все же наше банковое законодательство сосредоточивается исключительно въ частныхъ уставахъ отдѣльныхъ кредитныхъ учрежденій, и имѣетъ въ виду лишь ближайшія правила банковыхъ операцій и способъ управленія банкомъ. Само собою разумѣется, что, въ виду тѣхъ чисто практическихъ цѣлей, которыя представлялись, при разсмотрѣніи банковыхъ уставовъ,

вопросы о значеніи кредита вообще, объ отношеніи кредитныхъ учрежденій ко всѣмъ другимъ видамъ промышленности, о вліяніи тѣхъ или другихъ операцій банковъ на развитіе промышленности, о значеніи ихъ состоятельности и банкротства въ общей системѣ народнаго хозяйства, о значеніи банковъ, какъ учрежденій чисто общественныхъ, о свойствѣ и силѣ ихъ спеціальныхъ обязательствъ въ ряду другихъ договоровъ—всѣ такіе вопросы, говоримъ мы, вовсе не возникали въ нашемъ законодательствѣ, и, слѣдовательно, не могло быть и рѣчи о бдльшей или меньшей свободѣ дѣятельности банковъ и объ установленіи какого бы то ни было контроля надъ этою дѣятельностію со стороны общества или правительства. Напротивъ, учредители частныхъ банковъ, проектируя свои уставы, старались изложить права и обязанности управленій въ такихъ общихъ выраженіяхъ, чтобы изложенныя правила не могли стѣснять свободу распорядителей нетолько по отношенію къ правительству, но даже по отношенію къ ихъ довѣрителямъ, т. е. акціонерамъ. Такая цѣль, въ виду новизны дѣла и отсутствія у насъ частной банковой практики, не могла быть замѣчена при разсмотрѣніи уставовъ; да еслибъ и была замѣчена, то не было основанія опасаться ея, такъ какъ она легко могла быть объяснена необходимостію бдльшей свободы для частной предпріимчивости. По взглядамъ тогдашняго времени, неимѣвшимъ еще въ виду катастрофы, въ родѣ краха московскаго ссуднаго банка, такая свобода считалась непремѣннымъ условіемъ успѣха всякаго дѣла, а тѣмъ болѣе кредитнаго. Конечно, съ той поры много воды утекло, и въ настоящее время мы имѣемъ много опыта, дорого намъ стоющаго, чтобъ не вѣрить уже въ безусловную свободу частной дѣятельности, какъ въ панацею, ручающуюся за несомнѣнный успѣхъ; но, за отсутствіемъ въ дѣлѣ кредита общаго законодательства, въ которомъ могли бы выразиться эти принципы, прежняя система, освобождающая банковыхъ дѣятелей отъ всякаго стѣсненія, остается, къ сожалѣнію, во всей силѣ и грозитъ намъ, быть можетъ, новыми катастрофами.

Мы нисколько не будемъ удивлены, если эти катастрофы, дѣйствительно, возникнутъ: всѣ условія нашего банковаго дѣла должны ихъ вызвать, несмотря на то, что въ настоящее время банки дѣйствуютъ осторожнѣе. Было время, когда бумажныхъ денегъ у насъ было въ волю и банки не скупились на кредитъ, а принципъ тайны банковаго портфѣля предоставлялъ правленіямъ возможность давать кредитъ кому угодно и подъ какія бы то ни было обезпеченія. Эти капиталы затрачивались отнюдь не на развитіе производства, которое могло бы дать впослѣдствіи средства для ликвидаціи такихъ долговъ, а просто на развитіе биржевой игры. Разверните балансы нашихъ банковъ, и вы увидите, что бдльшая часть ихъ средствъ затрачена въ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ. Но, кромѣ того, значительная часть учтенныхъ векселей также шла не на развитіе промышленности,

а тоже на биржевую игру. Конечно, тайна банковаго портфѣля мѣшаетъ намъ доказать это цифрами, но мы не думаемъ, чтобъ гг. банковые дѣятели стали утверждать, что вся вексельная операція шла на развитіе промышленности. Точно также они не станутъ утверждать, что всѣ сдѣланныя ими ссуды суть краткосрочныя ссуды и что онѣ не пересрочиваютъ кредита какъ по бумагамъ, такъ и по векселямъ. Не могъ же, разумѣется, г. Кокоревъ возвратить въ срокъ волжско-камскому банку 700 тысячъ рублей, которые онъ взялъ въ банкѣ подъ векселя для выдачи Овсянникову подъ залогъ мельницы, и, вѣроятно, векселя эти пересрочивались до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало взысканіе съ имущества Овсянникова. Такимъ образомъ, отъ прежняго блаженнаго времени въ банкахъ остается, безъ всякаго сомнѣнія, много такихъ процентныхъ бумагъ и векселей, изъ которыхъ однѣ только потому не продаются, что ихъ продать нельзя, а другіе потому не протестуются, что могутъ вызвать банкротство векселедателей, вслѣдствіе чего банки или получаютъ подобныя ссуды частями, или списываютъ ихъ постепенно, покрывая изъ прибылей. С.-петербургскій частный банкъ уже давно пробавляется подобнымъ образомъ, и только тайна банковаго портфѣля позволяетъ ему считать давно уже сдѣланныя потери въ числѣ цѣнностей своего актива. То же или почти то же можно сказать и о волжско-камскомъ банкѣ; иначе нечѣмъ объяснить невозможности, въ теченіи года, возвратить вполнѣ государственному банку его ссуду, несмотря на сокращеніе операцій. Во всякомъ случаѣ, банковые наши дѣятели не въ состояніи отрицать ни долгосрочности ссудъ, ни безнадежности болѣе или менѣе значительной ихъ части и, слѣдовательно, очень возможной ихъ несостоятельности въ случаѣ усиленнаго истребованія вкладовъ и суммъ, внесенныхъ на текущіе счеты.

Главной причиной такого положенія нашихъ банковъ мы считаемъ то обстоятельство, что они вовсе утратили изъ вида первоначальную цѣль, для которой они учреждены, и устремили свои операціи не на пособіе производительной промышленности, а на развитіе биржевой игры. Къ такому измѣненію самаго характера нашихъ кредитныхъ учрежденій способствовали самые уставы банковъ, такъ какъ этими уставами разрѣшался банкамъ неограниченный пріемъ въ залогъ процентныхъ бумагъ. Такія операціи служатъ только для развитія биржевой игры и положительно стѣсняютъ развитіе производительной промышленности. Спрашивается: зачѣмъ человѣку, помѣстившему свой капиталъ въ процентныя бумаги и, слѣдовательно, неумѣющему или нежелающему прилагать его къ производству, можетъ быть нуженъ кредитъ подъ нихъ? Нельзя, конечно, отрицать, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ встрѣтиться надобность въ такой операціи для житейскихъ потребностей или для производительныхъ цѣлей. Но эти случаи представляются исключеніями, и по-

добной потребности можно удовлетворить незначительной частію банковыхъ средствъ. Большинство же кліентовъ банка закладываетъ бумаги съ цѣлію пріобрѣтенія новыхъ, которыя закладываются опять и т. д. Если принять въ соображеніе, что эти операціи совершаются и въ видѣ простого залога, и въ видѣ обезпеченія соло-векселей, и въ видѣ спеціальнаго текущаго счета, обезпеченнаго процентными бумагами, то понятно, какая масса банковыхъ средствъ идетъ именно на такого рода операціи, а если къ этому прибавить еще ту часть вексельной операціи, которая питаетъ также биржевую игру, то на долю производительной промышленности останется очень немного. На этомъ основаніи, для того, чтобъ обратить дѣятельность банковъ къ достиженію ихъ, прямой цѣли указанной всѣми уставами, мы считаемъ необходимымъ опредѣлить, чтобы только очень ограниченная часть банковыхъ средствъ могла быть затрачиваема въ операціяхъ, обезпеченныхъ бумагами; всѣ же остальныя средства должны быть употребляемы на учетъ обязательствъ лицъ, занимающихся промышленнымъ дѣломъ, а также на ссуды подъ товары, накладныя, варанты и другія торговыя бумаги.

Другая причина незавиднаго положенія нашихъ банковъ и частаго колебанія ихъ кредита заключается въ томъ, что банковый портфѣль составляетъ коммерческую тайну. Мы рѣшительно не можемъ понять, ка̀къ кредитное учрежденіе, весь разсчетъ котораго долженъ основываться на довѣріи общества, рѣшается вести свои дѣла въ потемкахъ и скрывать отъ общества, въ чемъ состоитъ его собственность. Какимъ образомъ можно понять, что наше общество несетъ свои капиталы въ банки, когда оно не имѣетъ никакого понятія, ка̀къ послѣдніе употребляютъ эти капиталы? Намъ кажется, что это довѣріе публики досталось частнымъ банкамъ по наслѣдству отъ казенныхъ. Публика привыкла думать, что въ банкахъ деньги пропасть не могутъ, и, при существованіи казенныхъ банковъ, такое мнѣніе имѣло полное основаніе. Съ ликвидаціею казенныхъ кредитныхъ учрежденій, явились частные банки, и публика перенесла на нихъ свое безусловное довѣріе, хотя основанія для такого довѣрія уже не было. Вообще, наша публика не вдавалась въ изслѣдованіе вопроса: заслуживаетъ ли банкъ довѣрія и почему? а дѣйствовала безсознательно и скорѣе въ тѣхъ видахъ, что частные банки платили болѣе высокій процентъ. Основаніемъ довѣрія публики можетъ, какъ намъ кажется, служить только убѣжденіе, что банкъ помѣщаетъ ввѣренные ему капиталы въ вѣрныя руки или подъ надежные залоги, а какое же, спрашивается, можетъ быть убѣжденіе въ этомъ, когда банкъ скрываетъ весьма тщательно, въ чемъ состоитъ его собственность? Публикаціи балансовъ банка ровно ничего не доказываютъ, такъ какъ въ этихъ балансахъ можетъ обстоять все благополучно, а банкъ можетъ быть совершеннымъ банкротомъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, какіе векселя и процентныя бумаги составляютъ портфѣль банка, а этого-то

именно и не видно изъ балансовъ. Публикація банковыхъ балансовъ приподноситъ публикѣ именно то, до чего ей всего меньше дѣла и чего она, не зная бухгалтеріи, и понять не можетъ, и не даетъ ей именно того, что̀ бы ей слѣдовало знать и что̀ можетъ быть понятно всякому. Зачѣмъ человѣку знать, напримѣръ, какая часть банковыхъ средствъ выдана банкомъ подъ учетъ векселей, по спеціальному текущему счету, обезпеченному бумагами, или просто подъ залогъ бумагъ? но для него очень важно знать, чьи векселя учитываются банкомъ, какія бумаги приняты имъ въ обезпеченіе и по какой цѣнѣ, а этого-то и нѣтъ нетолько въ балансахъ банка, но даже въ его отчетахъ. Возможно ли, послѣ этого, имѣть нетолько безусловное, но и какое-нибудь довѣріе къ оборотамъ частныхъ банковъ и держать въ нихъ свои капиталы и деньги для текущихъ расходовъ, безъ особеннаго опасенія, что вотъ, не сегодня, такъ завтра, ваши деньги вылетятъ въ трубу, вслѣдствіе того, что какой-нибудь русскій Струсбергъ (которыхъ у насъ не нѣтъ) успѣлъ обойти директоровъ банка и всучить имъ въ залогъ ничего не стоющія акціи или учесть векселя г. Кокорева на 700,000 рублей, какъ мы видѣли изъ овсянниковскаго процесса? Но ваше опасеніе, читатель, возрастаетъ сугубо, когда вы узнаете тѣ мотивы, которыми обыкновенно оправдываютъ необходимость скрывать, въ чемъ состоитъ имущество банка. Обыкновенно говорятъ: кто же будетъ кредитоваться въ банкѣ, если онъ будетъ опубликовывать имена векселедателей и бланконадписателей учтенныхъ векселей? На подобный вопросъ можно, конечно, отвѣчать, что, разумѣется, кредитоваться будетъ тотъ, кто имѣетъ нужду въ кредитѣ. Но говорятъ, что такимъ образомъ обнаруживается коммерческая тайна кліентовъ банка, а это вредно для ихъ интересовъ. Прежде всего мы должны замѣтить, что не понимаемъ, для чего нужна коммерческая тайна вообще и тайна сдѣланнаго банкомъ извѣстному лицу кредита въ особенности? Подобная тайна можетъ понадобиться лишь такому человѣку, который желаетъ въ мутной водѣ рыбу ловить, но человѣку честному и состоятельному нѣтъ надобности скрывать, что онъ имѣетъ такой-то кредитъ въ такомъ-то банкѣ. Вѣдь въ томъ, что торговый или промышленный человѣкъ выдаетъ вексель, ставитъ на полученномъ имъ векселѣ бланкъ или учитываетъ его въ банкѣ, ничего позорнаго нѣтъ и прятаться съ этимъ порядочный человѣкъ не будетъ. Но, конечно, это нужно скрывать тому, кто кредитуется въ банкахъ на суммы выше своего состоянія, учитывая векселя дутые, которыхъ онъ оплатить никогда не въ состояніи, а думаетъ, благодаря связямъ съ банковыми дѣятелями, выкрутиться какъ-нибудь современемъ, замѣняя одни пріятельскіе векселя другими и уплачивая постепенно. Тайна, въ дѣйствительности, можетъ быть нужна только для темныхъ дѣлъ какъ въ интересахъ подобныхъ кліентовъ банка, такъ и въ интересахъ распорядителей, подобныхъ Ландау и Полянскому. Высокій *комиссіонный процентъ*

или, по-просту сказать, взятки можно брать только за рискованную ссуду, и въ этихъ видахъ, дѣйствительно, нужна тайна банковаго портфёля; для прямыхъ же и честныхъ дѣлъ тайны никакой не требуется. Напротивъ того, чтобъ заслужить довѣріе со стороны публики, и, притомъ, довѣріе, основанное не на какихъ нибудь слухахъ, а на положительныхъ данныхъ, банкъ нетолько не долженъ скрывать свой портфёль, но всячески стараться придать ему гласность. Эта гласность нисколько не можетъ быть опасна и для честныхъ кліентовъ банка, такъ какъ кредитъ, сдѣланный солиднымъ банкомъ извѣстному лицу, можетъ только возвысить кредитъ этого лица въ торговомъ мірѣ— уронить же его никакъ не можетъ. Мы убѣждены въ томъ, что тотъ банкъ, который рѣшится приступить къ подобному порядку вещей, будетъ имѣть громадный кредитъ въ обществѣ и вклады его будутъ увеличиваться даже при самомъ ничтожномъ процентѣ, а, при такомъ условіи, очень нетрудно найти у насъ, въ Россіи, вѣрное помѣщеніе капиталамъ.

Но есть еще практическое возраженіе противъ тайны банковаго портфёля. Каждая недвижимая собственность есть такое же промышленное заведеніе, какъ и всякое другое. На какомъ же основаніи кредитъ, даваемый поземельному собственнику подъ залогъ его собственности, нетолько не считается нужнымъ скрывать, а напротивъ, онъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе, тогда какъ опубликованіе векселей, учтенныхъ торговцемъ въ банкѣ, считается невозможнымъ? Но намъ говорятъ, что тамъ кредитуется имущество, а здѣсь лицо, и въ этомъ состоитъ разница. Мы на это отвѣчаемъ, что это не такъ: кредитуется всегда имущество, а не лицо, такъ какъ бѣдный человѣкъ не можетъ кредитоваться въ банкахъ, а учитываемый вексель есть тоже имущество, но только движимое. Мы не видимъ никакого основанія, почему по отношенію къ кредиту владѣльца движимыхъ цѣнностей должна соблюдаться тайна, а по отношенію къ кредиту владѣльца недвижимыхъ цѣнностей должна господствовать гласность. Напротивъ того, въ виду прочности обезпеченія, тайна кредита скорѣе можетъ быть допущена по отношенію къ владѣльцу недвижимаго имущества.

Теперь, когда мы знаемъ, что̀ такое тайна банковаго портфёля и для чего она нужна, когда мы знаемъ, какъ составляются наши банковые уставы, какъ мало регламентировано общимъ законодательствомъ наше акціонерное дѣло вообще, и банковое въ особенности, и какъ неопредѣленны, поэтому, всѣ отношенія банковыхъ дѣятелей къ акціонерамъ, вкладчикамъ и заемщикамъ, мы не затруднимся отвѣчать и на предложенный нами выше вопросъ: какъ могъ московскій ссудный банкъ такъ легко сдѣлаться игрушкой въ рукахъ иностраннаго пройдохи? Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ выраженіемъ нашего удивленія, что до сихъ поръ такая бѣда случалась только съ однимъ нашимъ банкомъ, тогда какъ, по справедливому замѣчанію Струсберга,

я въ другихъ далеко не все обстоитъ благополучно. Кому неизвѣстно, въ какомъ у насъ ходу дутые векселя? кому у насъ неизвѣстно также, что значительная часть средствъ нашихъ банковъ помѣщена подъ залогъ бумагъ, ничего или очень мало стоющихъ, въ родѣ акцій новоторжской, либавской или одесской желѣзныхъ дорогъ, а также подъ учетъ векселей съ обезпеченіемъ недвижимой собственности, Богъ знаетъ гдѣ находящейся? Конечно, открытія такихъ колоссальныхъ рисковъ, какъ операціи со Струсбергомъ, трудно ожидать; но у насъ есть господа, хотя не столь грандіозные, но все же несостоятельные.

Наша статья была написана прежде, чѣмъ сдѣлались извѣстными двѣ катастрофы съ нашими банкирскими конторами. Эти два случая еще разъ подтверждаютъ справедливость высказанныхъ нами соображеній о необходимости неотлагательнаго изданія общаго законодательства по банковому дѣлу. Положеніе нашихъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ дѣйствительно критическое, и, если банкротства не слѣдуютъ одно за другимъ, то объясненіе этого замѣчанія мы должны искать въ балансахъ государственнаго банка, которымъ въ послѣдніе мѣсяцы выпущено кредитныхъ билетовъ на подкрѣпленіе кассъ около 50 мильйоновъ рублей. Само собою разумѣется, что подобная мѣра должна отсрочить всеобщій кризисъ, но, конечно, отстранить его она не можетъ: мы это неоднократно доказывали въ прошломъ году. Въ настоящее время, подобная мѣра нетолько не спасетъ отъ кризиса впослѣдствіи, но должна значительно усилить его. Прежніе выпуски кредитныхъ билетовъ, начиная съ 1868 года, имѣли за собою взносъ металла въ государственный банкъ, и, хотя ихъ вреднаго вліянія на денежный рынокъ нельзя было отрицать, но, по крайней мѣрѣ, были средства для ихъ извлеченія, чего сказать нельзя при теперешнихъ выпускахъ. Эти выпуски дѣлаются безъ всякаго пополненія металлическаго фонда. Такимъ образомъ, операція поддержки вексельнаго курса, производившаяся сначала прошедшаго года по октябрь мѣсяцъ и стоившая намъ болѣе 60 мильйоновъ золотомъ, пропадаетъ для насъ безслѣдно. Въ сравненіи съ началомъ нынѣшняго года, у насъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ менѣе только съ небольшимъ на 10 мил., тогда какъ металлическій фондъ сократился на 60 мильйоновъ. Положеніе незавидное, на близость котораго мы не одинъ разъ указывали.

А. Головачовъ.

ИЗЪ БѢЛГРАДА.

(Второе письмо невоеннаго человѣка).

Въ прошломъ письмѣ, одновременно коснувшись самыхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось то, что̀ вообще называется «сербскимъ дѣломъ», я, сознаюсь откровенно, разъяснилъ это дѣло очень мало, а, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прямо запуталъ его, не договоривъ до конца того, что̀ слѣдовало договорить. Да проститъ мнѣ поэтому читатель, если и въ этомъ, второмъ письмѣ я вновь иногда возвращусь къ тому, о чемъ ужь говорено. Но, на этотъ разъ, я обращусь ужь къ самимъ читателямъ, и прежде нежели передавать мои впечатлѣнія, спрошу ихъ самихъ: что̀ именно желательно знать имъ о Сербіи? Хотятъ ли они знать, что̀ такое сама эта Сербія, какъ она жила, чего добивалась, чего желала достигнуть въ эту войну? Хотятъ ли они знать нравы, обычаи, характеръ сербовъ? Хотятъ ли они знать собственно военную часть дѣла, или, напротивъ, не будучи спеціалистами въ этомъ дѣлѣ, желаютъ знать нравственную, психологическую сторону дѣла, или же, наконецъ, они интересуются только *нашимъ*, русскимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ, желаютъ подробно и безпристрастно ознакомиться только съ нами, съ нашими характерами и нравами, узнать, каковы мы сами. какова наша-то собственная способность жить на бѣломъ свѣтѣ, каково наше умѣнье дѣлать свои собственныя дѣла? Каждый изъ этихъ вопросовъ, какъ видитъ читатель, настолько важенъ, что едва ли найдется, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени. писатель, который бы одновременно могъ дать по каждому изъ нихъ обстоятельный и удовлетворительный отвѣтъ. Чего стоютъ и какъ много значатъ въ этомъ сложномъ дѣлѣ, такія черты, о которыхъ обыкновенно, въ самыхъ, повидимому, обстоятельныхъ изложеніяхъ, говорится мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, такъ сказать, больше для очистки систематической, научно выдержанной совѣсти, напримѣръ, хоть о климатическихъ условіяхъ, въ которыхъ жили до сихъ поръ, со дня рожденія эти родные братья, мы русскіе, старшіе, и они—южные славяне, младшіе? Вотъ сію минуту, когда пишется это письмо—послѣднія числа ноября—младшій

братъ живетъ въ теплѣ и привольѣ: «припадокъ» зимы, случившійся въ октябрѣ и продолжавшійся нѣсколько дней, прошелъ; теперь, въ концѣ ноября, съ 11 часовъ утра, смѣло отворяйте окна, и комната будетъ тепла отъ настоящаго солнца, а не отъ дровъ. Теплый туманъ дымится по горамъ и рѣкамъ, теплый дождь мочитъ рыхлую, жирную землю... А старшій братъ, живущій, положимъ, въ Петербургѣ, стоитъ замерзлый, обледенѣлый; замерзли пятиэтажныя дома, замерзли сверху донизу; снаружи замерзли водосточныя трубы, внутри, въ стѣнахъ, замерзли водопроводы; отвернешь кранъ—и изъ него несетъ 40 градуснымъ морозомъ, гриппомъ... Замерзли двери, окна; замерзли, обледенѣли бороды, носы; птицы валяются мертвыми въ еловыхъ и сосновыхъ лѣсахъ... А эта еловая или сосновая зелень или, вѣрнѣе, зелень, сдѣланная изъ еловаго и сосноваго дерева, зелень на зиму и лѣто—одна и таже (напасешься ли разнообразной и настоящей зелени на десятки тысячъ верстъ, отъ Петербурга до Камчатки?) Ухъ, какъ жутко жить старшему брату—отъ одного только климата! Не будь искуственныхъ приспособленій, старшему брату, пожалуй, даже и жить бы нельзя было совершенно; младшій ростетъ на настоящемъ солнцѣ, нашъ — на банномъ пару, дровяномъ теплѣ, на водкѣ, которую также пьютъ «для тепла», словомъ, разводится такъ же искуственно, какъ искуственно разводятся циплята, рыба и т. д. помощію привознаго образованія—развивается его умъ, мозгъ, которые безъ этого немного бы взяли, взирая и лѣто и зиму на сдѣланную изъ еловаго дерева зелень и мерзлыхъ воронъ... Иной разъ, раздумавшись объ этомъ предметѣ, невольно приходишь къ мысли, что «весь старшій братъ» просто выдуманъ, искуственно разведенъ для уплаты иностраннымъ банкирамъ процентовъ по займамъ... Конечно, такія мысли нельзя считать здравыми, но онѣ проходятъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ вообще довольно жуткихъ условій, въ которыхъ живетъ старшій братъ, и которыя представляются здѣсь, въ землѣ брата младшаго, ему болѣе жуткими... Ужь одно то, что младшій братъ можетъ быть лѣнивымъ, можетъ не спѣшить, можетъ думать объ удовольствіяхъ жизни, можетъ прихотничать и франтить (полушубокъ у него разшитъ разноцвѣтными узорами)—ужь одно это какъ не похоже на старшаго брата, у котораго постоянный недохватъ, недоимки выше головы, который постоянно виноватъ, постоянно въ работѣ, постоянно *«гонитъ»* куда-то, который нетолько не имѣетъ возможности отдыхать или лѣниться, но, напротивъ, почти зауряд обязанъ совершать подвиги, требующіе силъ и энергіи, немыслимыхъ для обыкновеннаго, неискуственно приготовленнаго человѣка... Младшій братъ, сытый и съ лѣнцой, неспѣша плетется на сытыхъ волахъ, въ «свою» свѣтлую, полную довольства кучу... Старшій «гонитъ» отъ кучи, по чужой надобности, гонитъ не ѣвши, гонитъ на некормленной лошади, а иногда умѣетъ тысячи верстъ ѣхать *на одномъ кнутѣ*... Кто не слыхалъ этого выраженія: «всю дорогу, братецъ ты мой, на од-

номъ кнутѣ ѣхалъ!» Это значитъ, что для выполненія надлежащимъ образомъ упомянутой ѣзды необходима была какая-то сверхъестественная, могущественная сила—кнутъ, такъ какъ естественныхъ силъ ни въ людяхъ, ни въ животныхъ, участвовавшихъ въ ѣздѣ, не хватало; онѣ были ничтожны и, только благодаря кнуту—вытянулись въ струну, напряглись до сверхъестественной силы—и вынесли [1].

Въ виду обилія вотъ такихъ-то мелочныхъ чертъ въ характерахъ и нравахъ двухъ братьевъ, чертъ, свидѣтельствующихъ о значительной между этими братьями разницѣ рѣшительно во всемъ, кромѣ общей для обоихъ потребности освободиться отъ подчиненія западно-европейскому ходу жизни—причемъ младшій братъ отлично знаетъ это подчиненіе, а старшій, хоть кряхтитъ отъ убытка, но откуда онъ идетъ не знаетъ, а полагаетъ только, что виноватъ тутъ волостной старшина или пьяница-прохвостъ писарь—въ виду вотъ этой-то сложности явленій, обнаруженныхъ сербскимъ дѣломъ, мы, въ настоящемъ письмѣ постараемся договорить только то, что въ прошломъ не договорено собственно о *нашихъ*, отлагая до болѣе удобнаго времени разсужденія по другимъ, выставленнымъ въ началѣ этого письма вопросамъ.

И такъ, каковы-то *мы?*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если помнятъ читатели, на Васильевскомъ Островѣ, въ Петербургѣ, было обнаружено варварское дѣло. Какая-то женщина, изъ личныхъ разсчетовъ, заперла другую женщину въ темную комнату и продержала ее въ ней цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Только черезъ пятнадцать лѣтъ кто-то совершенно случайно узналъ объ этомъ заживо погребенномъ человѣкѣ, и двери тюрьмы были открыты; заточенная женщина найдена была въ ужасномъ положеніи, въ грязи, одичалая, почти превратившаяся въ скота... Я прошу читателя воспроизвести только впечатлѣніе, которое могло бы произвести на него эта женщина, еслибы онъ самъ увидалъ ее... Ну, такъ вотъ такое же впечатлѣніе производитъ «средній» русскій человѣкъ, хлынувшій нынѣшнимъ лѣтомъ заграницу... Повторяю еще разъ, я прошу помнить только впечатлѣніе, производимое человѣкомъ, отвыкшимъ жить на бѣломъ свѣтѣ, разучившимся жить, не говоря о причинахъ, которыя отучили его отъ жизни—одичать можно и отъ страшнаго труда и отъ утомительнѣйшаго бездѣйствія, какъ одичала заточенная. Одичать можно просто отъ спеціальности, и кому неизвѣстны типы «ученыхъ», похожихъ даже по внѣшности—неряшливость и грязь—на упомянутую женщину... Объ этой женщинѣ, а не объ иномъ типѣ одичалости, отвычки

[1] Одинъ русскій «народный» балетъ, *Конекъ-Горбунокъ*, весь построенъ на необычайныхъ свойствахъ кнута. Здѣсь, волшебная палочка обыкновенныхъ, иностранныхъ балетовъ замѣнена кнутомъ, который, въ теченіи 5 дѣйствій, лупитъ всѣхъ и вся и достигаетъ изумительныхъ результатовъ.

отъ живой жизни, я упомянулъ только потому, что — отчего-то она—а не какой-либо другой въ этомъ же родѣ типъ, вспомнилась мнѣ при встрѣчѣ съ нѣкоторыми чертами въ поведеніи нашихъ добровольцевъ заграницей. За это рѣзкое, грубое сравненіе, я знаю, нападутъ на меня всѣ рѣшительно, но нападутъ именно только потому, что сравненія-то не выбрано болѣе мягкаго, хотя и выражающаго ту же мысль. Я совершенно согласенъ съ этимъ, и, если до конца этого письма мнѣ вспомнится что-либо не столь грубое и топорное, то я, разумѣется, постараюсь тотчасъ же исправить мою ошибку. Покуда, прошу читателя снизойдти къ моей ненаходчивости и запомнить изъ приведеннаго примѣра только выраженіе: отвычка отъ жизни, отвычка отъ людей, отвычка отъ сознанія себя живымъ человѣкомъ, отвычка отъ потребности цѣнить счастіе жить на бѣломъ свѣтѣ. Я положительно утверждаю, что большинство простонародныхъ да и благородныхъ добровольцевъ, попавъ въ чужую сторону, напримѣръ, въ Австрію, были какъ будто сконфужены за себя, какъ былъ бы сконфуженъ обыватель мансарды, перенесенный въ бальную залу. Онъ ни чуть не хуже этихъ разфранченыхъ танцоровъ и тузовъ; онъ знаетъ хорошо, что онъ умнѣй, даровитѣй большинства ихъ, но онъ будетъ все-таки растерянъ, такъ какъ у него нѣтъ разныхъ пустяковъ для того, чтобы, не насмѣшивъ общество, дать замѣтить всѣмъ свои неотъемлемыя достоинства: у него нѣтъ манеръ, у него худы сапоги, плохъ костюмъ, у него нѣтъ привычки говорить свѣтскимъ языкомъ, а тотъ, на которомъ онъ привыкъ изъясняться, непонятенъ и смѣшонъ; наконецъ, онъ нервно разстроенъ до того, что и притвориться-то человѣкомъ, знающимъ себѣ цѣну, онъ не можетъ; онъ не выдержитъ пяти минутъ того пустого разговора, который свѣтскій человѣкъ ведетъ цѣлые часы, потому что ему противно, глупо; въ концѣ концовъ, такой человѣкъ, вмѣстѣ съ полнымъ презрѣніемъ къ пустоголовымъ франтамъ, берущимъ внѣшностью, которая ровно ничего не значитъ, которую я, очень умный бѣднякъ, могъ бы легко пріобрѣсть, еслибъ не былъ бѣднякъ, въ концѣ концовъ, такой, дѣйствительно, умный, дѣйствительно, въ сто разъ болѣе правдивый, честный человѣкъ, все-таки будетъ чувствовать, что онъ подавленъ прочностью самодовольства этихъ глупцовъ, не подлежащимъ для нихъ сомнѣнію, непоколебимымъ въ нихъ убѣжденіемъ въ собственномъ достоинствѣ и, главное, умѣньемъ пользоваться своимъ положеніемъ, знать цѣну своему существованію...

Вотъ подобное-то ощущеніе испытывало заграницей громадное большинство русскихъ добровольцевъ. Они были *сконфужены* прочностью заграничнаго человѣка, его достоинствомъ, его умѣньемъ жить; были сконфужены тысячами заграничныхъ пустяковъ, сконфужены, какъ дѣти, какъ ребенокъ, которому не подарили такихъ же фольговыхъ часовъ, какіе подарили его пріятелю-ребенку. Значительный процентъ ссоръ между доброволь-

ми во время дороги (я ѣхалъ съ ними по Австріи) можно положительно приписать этому неловкому ощущенію человѣка безъ манеръ, попавшему въ общество съ манерами; по крайней мѣрѣ, количество людей, между простымъ народомъ особенно, нападавшихъ на людей, неумѣвшихъ себя вести было... да прямо можно сказать, что каждый нападалъ на каждаго за то, что тотъ пьянствуетъ и скверно себя держитъ... «Срамятъ, чисто на̀чисто срамятъ партію...» душевно убиваясь говоритъ старшо̀й:— «нѣшто это Россія... Вѣдь въ вѣдомостяхъ пишутъ, пьяная твоя морда!.. вотъ наказалъ Господь!.. Двадцать лѣтъ отслужилъ Богу и Государю, честно, благородно, а тутъ не знаю, за что̀ наказалъ Господь батюшка, въ старшины къ эфтимъ мошенникамъ выбрали... Спи! Сейчасъ спи!» реветъ онъ на какого-нибудь плохо держащагося добровольца...—«Сейчасъ, приказываю тебѣ— ложись!.. Срамники этакіе!.. Не хочешь?.. Погоди, я пойду графу доложу... Что̀ это за наказаніе! Тьфу!..» И торопливо идетъ съ палубы внизъ, а здѣсь—буфетъ, гдѣ прежде, нежели попасть къ графу, разгнѣванный поведеніемъ своихъ подчиненныхъ, выпиваетъ рюмочку, непремѣнно, конечно, обругавъ нѣмца за то, что нѣмецъ долго ничего не понималъ изъ русскихъ разговоровъ и требованій водки на русскомъ языкѣ... «Шнапу! рюмочку... аль ты оглохъ? Имъ хоть говори, хоть нѣтъ!..» Явись графъ или какимъ другимъ образомъ титулованный начальникъ партіи, всѣ начинаютъ жаловаться другъ на друга... «Ваше сіятельство! Позвольте вамъ сказать... Какъ онъ смѣетъ... я стрѣлокъ... вотъ у меня ордена-то...»—«Какой ты (такой сякой) стрѣлокъ, прерываетъ другой, ожесточенный голосъ:—ежели ты мараешь свою честь на чужой сторонѣ?.. У тебя, у дурака, долж̀онъ быть крестъ во лбу, а ты пакостничаешь въ чужой землѣ...»—«Самъ ты, старая ворона, нализался впередъ всѣхъ. Погляди-ко, вонъ на тебя-то какъ пялятъ глаза, на пугалу...» Явившійся разобрать дѣло начальникъ партіи, если онъ не беретъ горломъ (горломъ-то брать стыдно передъ иностранцами), непремѣнно долженъ уйдти, ничего не добившись. Въ продолженіи дороги, всѣ пережаловались другъ другу, другъ на друга; я, пишущій эти строки, человѣкъ посторонній и то переслушалъ этихъ жалобъ безчисленное множество; всякому было противно неумѣнье вести себя нетолько въ другихъ, но и въ себѣ, и всякій, поэтому, хотѣлъ убѣдить кого-нибудь, что онъ вовсе не похожъ на этого пьяницу; всякій наровилъ доказать, что онъ, хоть и выпилъ (отчего не выпить для тепла, да вѣдь и то сказать: голову отдаемъ—авось можно?), но что онъ не кто-нибудь, и лѣзетъ непремѣнно за орденами въ карманъ... Убѣдившись въ томъ, что ни отъ начальника партіи, ни отъ постороннихъ, ни, наконецъ, отъ самихъ себя нельзя добиться никакого результата, положительно всѣ стали объяснять дѣло тѣмъ, что «нѣкому жаловаться...» «Нѣшто это Россія? Кому тутъ жаловаться будешь?.. Это не Россія, жаловаться тутъ нѣкому—нѣтъ: кабы жаловаться бы-

ло кому, такъ я-бъ тебѣ показалъ кузькину мать, въ чемъ она ходитъ...» А иные, самые благообразные, просто сновали какъ бы въ отчаяніи и, разставляя руки, говорили: «вся причина — нѣкому жаловаться, ничего не подѣлаешь!»

Но еслибы, на счастье, и было въ чужой землѣ что-нибудь такое, что̀ могло-бы воскресить вдали отъ родины представленіе о кузькиной маминькѣ, то и тогда едвали-бы доброволецъ нашъ могъ какъ-нибудь иначе, т. е. безъ постояннаго питья вина и рому (нѣкоторые съумѣли пропить по 15-ти рублей въ полторо-сутокъ отъ Пешта до Бѣлграда,—*пропить* буквально, не принимая пищи, какъ говорится и «маковой росинки» въ теченіи этихъ полуторы сутокъ), такъ какъ иначе нечѣмъ ему было занять себя; *проводить время* онъ не умѣетъ, никогда не зналъ, что̀ это такое, если не пьянство въ кабакѣ или у Бореля все равно. Вѣдь вотъ тутъ же ѣдутъ прусскіе солдаты, ѣдутъ также волонтерами въ Сербію, также готовы умирать — а съумѣли о чемъ-то проговорить другъ съ другомъ полтора дня и двѣ ночи (спать было невозможно за тѣснотою); а у нашихъ оказалось не о чемъ разговаривать: всѣ разговоры свои они оставили дома. Оставили дома мы ропотъ на свою горькую участь, на несправедливость старшаго дворника, на разбойство главнаго прикащика, на несправедливость батальйоннаго командира, на ропотъ противъ жены, противъ тещи — оставили дома всего Островскаго, всего Рѣшетникова, - и, нѣту ничего другого, хоть шаромъ покати... Человѣку такъ пусто, такъ дико и такъ одиноко, что онъ тащитъ вамъ, постороннему человѣку, свои ордена, говоритъ: «вѣдь я не кто-нибудь... я кавалеръ», чувствуя, что такъ просто, онъ ничего, и никто его знать не хочетъ... Ордена вытаскиваютъ, послѣ двухъ-трехъ словъ перваго знакомства, положительно всѣ, у кого они есть. Всякій объявлялъ, что это онъ только такъ, потому что заграницей въ штатскомъ, а, въ сущности, вы, пожалуйста, не пренебрегайте имъ, онъ капитанъ... О Сербіи, объ общемъ, кажется, дѣлѣ, почти не было разговоровъ (только подъ конецъ пути, зашелъ разговоръ о славянскомъ дѣлѣ, и то потому, что на пароходъ сѣлъ сербъ, ѣхавшій въ Бѣлградъ окольнымъ путемъ изъ Болгаріи съ важными порученіями, и самъ завелъ оживленную рѣчь объ общемъ дѣлѣ). Всякій былъ изломанъ и нылъ про себя, чувствуя себя чужимъ среди иностранцевъ, которые (это обижало безсознательно), также люди, да не тѣ... Вотъ хоть мадьяры, простые мужики, цѣлую ночь хоромъ пѣли, да какъ пѣли, артистически; нашихъ забрало за ретивое, «давай ребята нашу»... Чуть не всѣ сразу затянули «Внизъ по матушкѣ», и оказалось, что никто незнаетъ пѣсни нетолько до конца, а даже съ пятой строки, т. е. по окончаніи перваго куплета, ужь никто не знаетъ какъ дальше. Не въ музыкальныхъ школахъ спѣвались мадьярскіе мужики, спѣвались они, надо думать, въ деревнѣ, и наши тоже

родились и жили въ деревнѣ, но, очевидно, некогда имъ было спѣваться, заниматься пустяками, досуга не было... И затянули-то они кто въ лѣсъ, кто по дрова... «Погоди, я имъ завинчу штучку!» подзадоренный неудачей «своихъ» показать нѣмцамъ, что и мы не хуже ихъ, проговорилъ какой-то, повидимому, бывшій военный писарь и, проворно стащивъ съ плечъ одѣяло, которымъ наградило его славянское петербургское общество, крякнулъ и затянулъ:

Въ полъ-дневный жаръ, въ аврагѣ на Каказ-зѣ
Въ груди моей съ свинцомъ дымилась кровь.

Но и этотъ на второмъ куплетѣ осѣкся, а ужъ врагъ—не приведи Богъ...

— Ахъ, забылъ, какъ дальше-то... Погоди!.. писарь вновь-было началъ съ начала, но его перебилъ громаднаго роста мѣщанинъ, необычайно вертлявый, бывшій сыщикомъ, драгуномъ и монахомъ и оказавшійся впослѣдствіи плутомъ...

— Будетъ тебѣ нищаго-то черезъ каменный мостъ тащить... ты погляди-ко, какъ я ихъ, нѣмцевъ-то, съ разу разодолжу... У насъ—по русски, живо... И, повернувшись, на каблукахъ онъ довольно-таки безцеремонно влѣзъ въ самую средину мадьярскаго хора и, вопреки всякимъ смысламъ, началъ кричать кукореку... Мадьяры продолжали пѣть, не обращая вниманія, думая, должно быть, что чудакъ опомнится, увидитъ, что мѣшаетъ и уйдетъ—ничуть: чудакъ оралъ пѣтухомъ и представлялъ всей своей фигурой поднимающагося на цыпочки и вытягивающаго шею пѣтуха. Мадьяры замолкли. Нѣкоторые изъ нашихъ—далеко, впрочемъ, не всѣ—смѣялись, а мѣщанинъ-пѣтухъ также молчалъ и ждалъ. Мадьяры опять запѣли. Мѣщанинъ тотчасъ же опять заоралъ. Кончилось тѣмъ, что одинъ изъ пѣвцовъ, какъ бѣшеный, подскочилъ къ нашему артисту и обругалъ его самымъ громогласнымъ образомъ; нашъ мгновенно схватилъ его «за бочка», какъ друга пріятеля, но венгерецъ оттолкнулъ его и гналъ вонъ. Хихикая, съ ужимками и обезьяньими изворотами, нашъ-таки убрался. Немедленно принялись его ругать за неприличіе, и, такъ ругаясь, всѣ вмѣстѣ пошли въ буфетъ.

Выручилъ всѣхъ солдатъ.

— Эхъ вы! сказалъ онъ: — пѣвчіе. Ну-ко—нашу солдатскую! и, притопывая коблучками и повертывая согнутыя фертомъ руки, пропѣлъ какую-то пѣсню, въ которой слышалось безпрестанно:

Полковые командирчики,
Батальёнвые начальнички
И батальйонные начальнички,
Штабъ и оберъ-офицерики!

Съ точностію не могу припомнить словъ пѣсни, но помню положительно, что, кромѣ какой-то радости отъ обилія начальства, выраженной музыкой пѣсни, въ ней было одно только перечисленіе разныхъ наименованій этого начальства, даже женъ и дѣтокъ господъ начальниковъ.

— Вотъ какъ у насъ! окончивъ пѣсню (эта пѣсня была допѣта до конца), гаркнулъ солдатъ и, конечно, послѣдовалъ въ буфетъ.

Долго спустя, но пути изъ Семендріи въ Бѣлградъ, мнѣ удалось слышать «Внизъ по матушкѣ но Волгѣ», пропѣтую чудовскими пѣвчими. Чтò за слова чудесныя, чтò за дивная музыка, но зато вѣдь чего и стоитъ чудовскій хоръ московскимъ купцамъ, но зато вѣдь и слушаютъ ихъ только за деньги. Такъ, даромъ, въ народѣ, забываются и слова, и музыка народныхъ пѣсенъ.

Такъ-то вотъ и скучно было русскому человѣку на чужой сторонѣ, скучно было ему потому, что и веселиться онъ не умѣетъ, окромѣ, какъ пить, къ пріятельству онъ не привыкъ, окромѣ что тоже въ пьяномъ видѣ, и живетъ онъ въ лачужкахъ, а не въ такихъ деревняхъ-картинкахъ, и разговаривать-то ему не о чемъ, окромѣ какъ жаловаться и искать мѣста: нѣтъ ли гдѣ хорошенько кому-нибудь пожаловаться на вольнаго человѣка? Не зная, чѣмъ взять передъ нѣмцами, подъ конецъ пути начавшими сильно дивиться нашему забитому народу, одинъ изъ нашихъ (конечно, въ пьяномъ видѣ) съѣлъ, напоказъ своей удали, цѣлую солонку съ краснымъ кайенскимъ перцемъ и, обжигая ротъ каждымъ глоткомъ, приговаривалъ (дѣйствительно, не моргнувъ глазомъ, не поморщившись): «Вотъ какъ у насъ... У насъ нешто такой перецъ-то?.. Это развѣ перецъ?.. а не перецъ, вотъ! вотъ! вотъ! на!»

— Все?

— А то чтò же! Эй, ты, дай еще фляшу шнапу.

Унылую эту картину позвольте прервать слѣдующей сценой, заимствованной мною изъ одного дневника.

«...А какіе есть изъ нихъ (изъ добровольцевъ) старые-престарые!.. По 60-ти и болѣе лѣтъ инымъ! Меня особенно заинтересовалъ одинъ старикъ - доброволецъ, человѣкъ угрюмый, лѣтъ свыше пятидесяти, ничѣмъ не напоминавшій солдата. Борода у него черная, по поясъ; на головѣ сербская шапка, а весь остальной костюмъ — мужицкій, т. е. мужицкій полушубокъ, мужицкія онучи, да сербскіе, тоже мужичьи, опанки. Поразило меня необыкновенно строгое и серьёзное выраженіе лица, куда какъ мало (не строгихъ — нѣтъ) серьёзныхъ-то, умомъ и мыслью запечатлѣнныхъ лицъ, да еще такихъ трезвыхъ лицъ, между нашимъ братомъ, русскимъ добровольцемъ... Глянулъ я на его щетинистыя густыя, брови и подумалъ: «ну, это, навѣрное — настоящая Русь, безпримѣсная, нетесанная...»

«— Сядь-ко здѣсь, родимый, заговорилъ старикъ самъ: — не слыхалъ ли чего?.. Кàкъ пишутъ-то: подъ туречиной христіанству быть, али освобожденіе выйдетъ?..

«Дѣло было въ бѣлградской крѣпости, гдѣ помѣщаются теперь русскіе добровольцы. Много ихъ толпилось и сидѣло какъ попало близь казармы.

«— Не знаю, дѣдушка, ничего не слыхать... Конференція, стало-быть—совѣтъ такой—идетъ теперь; какъ этотъ совѣтъ скажетъ—такъ и будетъ...

«— А какъ подъ туречиной оставитъ совѣтъ-то?

«— Оставитъ, пожалуй, и подъ туречиной.

«— А чего же христіанство-то смотритъ?

«Поистинѣ, я глубоко смутился отъ этого простаго вопроса, произнесеннаго хотя и старческимъ голосомъ, но освѣщеннаго искреннѣйшимъ гнѣвомъ живыхъ, умныхъ, выразительныхъ глазъ. И что̀ я могъ ему отвѣчать? Подумайте-ко хорошенько, что̀ я могъ *серьёзно* отвѣтить этому серьёзно проникнутому дѣломъ человѣку, этой неломанной, нетесанной святой Руси? «Что̀ же христіанство-то смотритъ?» Этотъ, поистинѣ, грозный вопросъ и сейчасъ звучитъ въ моихъ ушахъ.

«— Ты, вѣрно—не солдатъ, дѣдушка? не отвѣтивъ путемъ на его вопросъ, спросилъ я старика, необыкновенно меня заинтересовавшаго.

«— Съ роду въ солдатахъ не бывалъ... Хрестьянинъ...

«— Отъ комитета пріѣхалъ?

«— Самъ пріѣхалъ, на свои... Не бывалъ въ комитетахъ... Своихъ собралъ деньжонокъ, распродался, пріѣхалъ... Дорогой ужь къ партіи присталъ...

«— Бывалъ въ сраженіяхъ?

«— Привелъ Богъ!

«— Не раненъ?

«— Нѣтъ, Богъ миловалъ... Царапать, точно, царапали больно, до крови, ну, а настоящихъ ранъ не получалъ, Богъ миловалъ.

«— Какъ же такъ царапали-то?

«— Да такъ; глянь вотъ, только снаружи... Вотъ погляди.

«Онъ открылъ плечо.

«На плечѣ былъ шрамъ, обложенный тряпицами; потомъ показалъ ногу (правую): икра ниже колѣна была прострѣлена.

«— Вишь, какъ царапали-то! Все наружу выходило, а такъ, чтобы нутреной раны—нѣтъ, не бывало... Богъ миловалъ.

«Подивился я на эти царапины, оказавшіяся самыми настоящими ранами «на вылетъ».

«— Что̀ же ты въ больницѣ-то не лежишь?

«— Лежалъ-было, да Богъ съ ней совсѣмъ... Тамъ теперь, поглядикось, заботы сколько: кому руку, кому ногу отнять... страшно смотрѣть. Что̀ мнѣ? Моя болѣзнь—только всего, грудь вотъ расшибъ; ну, а въ больницахъ не время этимъ заниматься...

«— И грудь разшибена?

«— Грудь-то, точно что разшибъ я... Это съ Дюнаша бѣгли... Горы, другъ ты мой, и Боже мой, какія горы! а тутъ такъ вышло, бѣгъ-то задомъ, все палилъ, отбивался... Такъ-то задомъ-то пятилъ-пятилъ, да на камень, что̀ ли, на древо ли, наткнись и полетѣлъ кубаремъ подъ гору... *Самъ ничего*, а грудь, надо быть,

*

разшибъ (онъ поминутно кашлялъ)... Вотъ въ баньку[1] бы сходить... авось отпуститъ...

«— Въ больницу иди, а не въ баньку... Въ больницѣ-то, гляди, и поправишься.

«— Ну, ужь, чай, ужь не справишь грудь-то... Лежалъ я... Страшно на мученія-то смотрѣть; нѣтъ, не пойду, въ другой... Чего тамъ? Тамъ и дыхать-то не свободно... Ишь тутъ-то каково любо... Вотъ Дунай-батюшка... Ишь онъ какой!.. То-то гадалъ поглядѣть-то... а теперь онъ всегда на глазахъ... Дунай-батюшка—великая, вольная рѣка! да̀! Не запрудить тебя никому, правое слово! Никому не запрудить, великій ты Дунай-батюшка!..

«Морозъ меня подиралъ по кожѣ отъ того необыкновенно страстнаго тона, которымъ пошла рѣчь старика.

«— Не то ты, Дунай великій, что малыя рѣки... Тѣ запрудятъ! Начнутъ кидать камни, да песокъ, да навозъ, да сваи вколачивать, и стала рѣченька... А великая рѣка... Глянь-ко, ево мѣсто.

«Старикъ показалъ на то мѣсто, гдѣ Дунай, сливаясь съ Савой, разлился просторно и широко.

«— Удержишь ли этакую-то силу Господнюю въ неволѣ-то?..

«Какая-то необычайная сила охватила меня, разслабленнаго разслабленной сербской возней. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ я въ первый разъ увидѣлъ, что есть смыслъ въ дѣлѣ, за которымъ я пріѣхалъ сюда, въ первый разъ, дѣло это показалось мнѣ свято и велико. Каждое слово старика, который подъ малыми и великими рѣками разумѣлъ нѣчто другое, точно волшебствомъ какимъ укрѣпляло и оживляло меня. Широко и здорòво какъ-то чувствовалось отъ этихъ простыхъ рѣчей.

«— И народъ-то тоже—самое... Малый народъ христіанскій въ неволѣ, что рѣчка малая. Запруди ее — и не вырваться ей изъ неволи-то... силушки-то нѣту у ей... Не хитро малые-то народы въ неволѣ держать... А великія рѣки, хоть Дунай, хоть Волга великая рѣка, какъ поналягутъ онѣ на запруды, да на колья вбитые...

«Старикъ долго, хотя и нѣсколько тяжеловѣсно, но умно и убѣдительно велъ свою параллель между великими и малыми рѣками и народами, но я не буду приводить ея здѣсь, такъ какъ и послѣ трехъ-четырехъ строкъ стариковскихъ рѣчей, приведенныхъ выше, мнѣ уже читатель не вѣритъ. «Такихъ стариковъ нѣтъ—твердо произноситъ онъ и добавляетъ:—т. е. пожалуй, такіе старики и есть, но ужь чтобы разговаривать такъ о такихъ высокихъ предметахъ—ужь это присочинено». Русскій человѣкъ не вѣритъ, т. е. отвыкъ цѣнить свою собственную мысль, не вѣритъ, что она что-нибудь вообще значитъ, хоть для него самого; не вѣритъ даже, чтобы кто-нибудь, тѣмъ паче, простой мужикъ, могъ разсуждать и поступать; русскій человѣкъ

[1] Русскіе добровольцы выстроили въ крѣпости бани.

знаетъ, что, разсуждай не разсуждай, всегда выйдетъ по другому, и вотъ эти-то другія (не свои) мысли, онъ и считаетъ настоящими... и, я убѣжденъ, «даже любитъ», когда вдругъ всѣмъ его собственнымъ мыслямъ и планамъ, настоящія, «другія» мысли вдругъ дадутъ, какъ говорится, «по шапкѣ». . Я увѣренъ, что онъ ужь полюбилъ эти удары.

«Солнце садилось; Дунай весь блисталъ золотомъ, слегка начинавшимъ затуманиваться, поднимавшимися отъ воды вечерними испареніями.

«— Вотъ подъ вечеръ дыхать-то ужь и несвободно, прошепталъ старикъ, задыхаясь отъ мокроты:—не пущаетъ въ груди-то.

«Я проводилъ старика до казармы и, простившись, подошелъ къ другимъ добровольцамъ, чтобы спросить—кто такой этотъ старикъ?

«— Раскольникъ!

«Всѣ отозвались о немъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ.

«— «Больше начальника почитаемъ!» сказалъ одинъ.

«— «Вотъ грудь-то разшибъ, жалѣли другіе: — разшибся-то весь—грѣхъ какой... Теперь ужь, знамо, никуда негодится...»

Да, это былъ раскольникъ. Такіе люди встрѣчаются только въ глуши, въ дебряхъ, окружающихъ торную дорогу, по которой шествуетъ граматная русская толпа. Какъ только изъ этихъ заброшенныхъ, глухихъ дебрей, выберешься на торную дорогу— такъ сейчасъ и приходится опять описывать «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства совѣсти, мысли, даже просто организма». Все это, конечно — послѣдствія долгихъ вліяній недавняго прошлаго, и, какъ мнѣ кажется, только теперь русскому обществу приходится переживать плоды этого прошлаго и любоваться его махровыми, дорого стоющими, цвѣтами.

Цвѣтовъ этихъ въ Сербіи можно было видѣть множество, причомъ иной разъ попадались экземпляры, поистинѣ, невѣроятные. Гдѣ, подъ какими вліяніями развился и выросъ, напримѣръ, такой субъектъ: некрасивая, но молодая дѣвушка, лѣтъ 17, является въ Бѣлградъ съ цѣлію поступить въ какой-то эскадронъ, формируемый однимъ изъ русскихъ, для чего и носитъ мужской костюмъ—пальто, очень ей длинное и безобразное, панталоны, волочающіеся по землѣ, красную рубашку? Вообще, это, съ перваго взгляда—какой-то уродецъ: «куда тебѣ въ эскадронъ!» думаетъ всякій, взглянувъ на нее впервый разъ и выслушавъ ея желаніе; но, при ближайшемъ знакомствѣ, то есть почти тотчасъ же послѣ изъявленія уродцемъ желанія поступить въ эскадронъ, вы начинаете убѣждаться, что уродецъ пріѣхалъ за чѣмъ-то другимъ, такъ какъ глаза уродца, какіе то почти пьяные, говорятъ вамъ каждую минуту, что «понимай-молъ меня по другому»... И дѣйствительно оказывается, что этотъ 17 лѣтній ребенокъ, это маленькое, слабое созданіе, съ писклывымъ голосомъ дитяти, говоращаго стихотвореніе родителю въ день ангела, съ манерами наивнаго ребенка, оказывается — дѣлъ

бы вы думали? Да вотъ тѣмъ самымъ помѣщикомъ Измайловымъ, о которомъ недавно было такъ обстоятельно разсказано въ *Ст. и Нов. Россіи*. Съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ начинало обнаруживаться—къ всеобщему недоумѣнію и удивленію—что этотъ ребенокъ до полнаго безобразія *помѣщенъ* гаремнымъ дѣломъ, бѣжитъ за нимъ изъ дому, толкается по трактирамъ, не брезгаетъ ничѣмъ для того, чтобы добиться своего; презрѣніе его къ людямъ, помимо его дѣла, такъ велико, что онъ, этотъ уродецъ, чисто по дѣтски вретъ двумъ рядомъ сидящимъ съ нимъ лицамъ совершенно разное и объ одномъ и томъ же предметѣ, вретъ, и все это — пополамъ съ французскимъ языкомъ, потому что характеры у лицъ разные и, стало быть, разнымъ маneромъ можно дѣйствовать на нихъ. Этому уродцу собрали 400 ф. денегъ и хотѣли отправить его въ Россію (въ одну изъ внутреннихъ губерній), такъ какъ и жалко, и противно было смотрѣть на это уродливое созданіе. Несчастная не уѣхала и продолжала жить въ Бѣлградѣ, довольно быстро (дня въ три) истративъ деньги. Она ни капли не конфузилась этого и попрежнему являлась въ общую залу, въ ту самую залу и среди тѣхъ самыхъ людей, которые собирали ей на дорогу. Все — ложь и гадость, и глупость; нужны деньги для того, чтобы по измайловски проводить время—вотъ мораль уродца, безъ просвѣту, безъ возможности что-нибудь прибавить или убавить въ этой морали.

— «Какъ же вы къ родителямъ-то покажетесь теперь?» спросилъ уродца одинъ изъ унылыхъ людей русскихъ, полагая, что не можетъ же не отразиться, хотя-бы на лицѣ, обиліе добровольныхъ подвиговъ уродца.

— А вотъ отдохну въ дорогѣ и ворочусь.

— Какъ ни въ чемъ не бывало?

— Какъ ни въ чемъ не бывало...

И это—дѣтскимъ голосомъ.

Гдѣ, какъ не въ блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, подъ его дыханіемъ, отрицающемъ всякую *надобность* совѣсти, стыда, правды и возводящемъ въ задачу жизни *все остальное*— гдѣ могъ иначе развиться и вырости этотъ гнилой ребенокъ?

Если несовершенно такихъ же (такое совершенство встрѣчается рѣдко), то принадлежащихъ къ этому числу и точно также покланяющихся «всему остальному»—великое множество и среди господъ мужчинъ.

А вотъ еще другой уродъ. Вышеупомянутая дѣвица желала поступить въ эскадронъ и выказывала наклонности Измайлова или Свидригайлова—а вотъ вамъ мужчина, который похожъ на камелію и на Плюшкина въ одно и тоже время.

Ему лѣтъ 25. Онъ высокъ, строенъ, имѣетъ ордена, имѣетъ родныхъ въ Петербургѣ, родныхъ состоятельныхъ, имѣетъ связи въ высшемъ свѣтѣ... Манеры у него прекрасныя, по-французски и по-англійски онъ говоритъ отлично; но лицо (нѣко-

торымъ бѣлградскимъ дамамъ оно нравится) совершенно то самое, какое отличаетъ женщинъ парижскихъ бульваровъ и петербургскихъ загородныхъ садовъ; даже и волоса его причесаны какъ-то по женски, спутаны на лбу, и спутаны, очевидно, нарочно. Онъ постоянно напудренъ и даже, кажется, нарумяненъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Неужто хоть единую минуту такого рода франтъ могъ думать о жертвѣ собою народному дѣлу? Оказывается, при болѣе тщательномъ знакомствѣ, что задача, руководящая уродцемъ — деньги, ни больше, ни меньше. Уродецъ копитъ деньги, любитъ ихъ, бережетъ, прячетъ. Онъ, раздушенный и разфранченный, постоянно нуждается; за него постоянно платятъ пріятели: то ему не прислали, то онъ не захватилъ. Находясь въ арміи, онъ погорѣлъ; разсказываютъ, что у него сгорѣлъ сундучекъ съ косметическими принадлежностями, и погорѣлый франтъ принялся клянчить о пособіи, которое и получилъ обманомъ два раза въ одинъ и тотъ же день—и отъ Черняева, и отъ Дохтурова, послѣ чего и возвратился въ Бѣлградъ, пропѣвъ въ Делиградѣ два или три наиотвратительнѣйшаго содержанія романса. Здѣсь, въ Бѣлградѣ, онъ постоянно вращался въ кругу людей состоятельныхъ, продолжая попрежнему жить на чужой счетъ, и кончилъ неожиданно довольно смѣлымъ проявленіемъ жадности. Х—въ оставилъ его ночевать въ своемъ №, и наутро не оказалось ни денегъ, ни таковскаго ордена. Нѣсколько человѣкъ русскихъ тотчасъ же сдѣлали обыскъ въ вещахъ нашего бѣдняка и нашли и крестъ, и деньги, и множество вещей, главнымъ образомъ, золотыхъ—дамскихъ колецъ, серегъ и т. д. Оказалось, что уже давно знали всѣ знакомые этого господина, его любовь къ чужому, къ тому, что̀ лежитъ плохо, и всѣ молчали, продолжая съ нимъ знакомство, какъ ни въ чемъ не бывало, даже и послѣ всѣмъ извѣстнаго полученія «на погорѣлое». Послѣ такой явной гадости, франта попросили уѣхать изъ Бѣлграда, и онъ выѣхалъ въ Землинъ, писалъ оттуда письма къ знакомымъ и къ русскимъ, и къ сербамъ о высылкѣ денегъ. Итакъ, вотъ каковъ этотъ уродъ: онъ ужасно, какъ Плюшкинъ, любитъ копить; онъ продается, чтобъ распутничать, онъ не брезгаетъ спрятать въ карманъ все, что̀ лежитъ плохо, не говоря о способности клянчить пособія и т. д.—все только изъ-за денегъ, изъ-за любви къ монетамъ, къ звону золота...

Наше недавнее прошлое поминутно, на каждомъ шагу наталкиваетъ на типы такого свойства; поминутно, если не въ такой поразительной ясности безобразія, попадаются люди, у которыхъ задача жизни нѣчто очень простое, главнымъ образомъ, гаремное или плюшкинское, — все остальное только для того, чтобы добиться этого «своего». Тутъ одинаково хорошо могутъ служить поддѣльные векселя, разные вопросы, разныя идеи, лишь бы, благодаря тѣмъ, другимъ и третьимъ, была возможность удовлетворить себя, лишь бы были деньги безъ счету, безъ краю, деньги, незаработанныя, а такъ, вообще—*какія-нибудь*

деньги; часто глядя на это обиліе людей, которыхъ надо непремѣнно жить не трудясь, людей, у которыхъ воспитаны звѣриныя наклонности, я видѣлъ, что такихъ людей, съ такими простыми задачами, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ, будетъ больше и больше, и мнѣ невольно приходило на мысль: чѣмъ же будутъ они удовлетворять своему плотоядію, когда окажется невозможнымъ, хотя бы отъ простой усталости, разсчитывать на карточный выигрышъ, на то, что плохо лежитъ, на всякій случайный сундукъ? Не придетъ ли на мысль всей этой арміи махровыхъ цвѣтовъ крѣпостнаго права какъ-нибудь обезпечить за собою право на безпечальное житье и узаконить свою безсодержательность на вѣчныя времена? Вѣдь между ними есть люди, которые отлично умѣютъ облечь свою плотоядную жадность въ форму общественныхъ вопросовъ, нуждъ, въ форму требованій цѣлаго общества, народа, и, главное, вѣдь они не задумаются добиться своего, разъ сообразивъ, что дѣло вѣрное въ финансовомъ отношеніи...

Смѣлость, наглость, настойчивость и практичность этихъ людей, бьющихся изъ-за очень простыхъ цѣлей и апетитовъ, дѣлаетъ то, что они всегда первые пробираются во всякомъ новомъ русскомъ дѣлѣ впередъ къ сундуку или къ лицу, у котораго во власти этотъ сундукъ. Черняевъ, мнѣ кажется, именно затертъ этими жадными элементами русскаго общества, и неуспѣхъ сербскаго дѣла именно произошелъ отъ того, что жадныхъ людей въ немъ участвовало очень много, и ихъ практическая суть умерщвляла всякую идею, разрушала всякіе планы людей, надѣявшихся, дѣйствительно, дѣлать дѣло.

Г—въ.

Бѣлградъ, декабрь.

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Н. Я. Данилевскаго. Изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1871 г.

Замѣчено уже, что послѣднія восточныя событія застали насъ врасплохъ. Мы во всѣхъ смыслахъ оказались неприготовленными къ ихъ пониманію, къ воздѣйствію на нихъ, даже просто къ ясному представленію себѣ дѣла. Насъ зачѣмъ-то увѣряли, и мы почему-то повѣрили, что славяне, какъ славяне, какъ родственныя намъ племена, близки нашему сердцу, дороги намъ. Мы отпраздновали, по этому случаю, именины сердца, не собственныя и вообще не какихъ-нибудь опредѣленныхъ, живыхъ людей, имена которыхъ извѣстны и могутъ быть найдены въ святцахъ, а, дѣйствительно, имянины сердца, то-есть какое-то туманно-сантиментальное, безпредметное торжество, нѣчто въ родѣ поклоненія древнему «невѣдомому богу». Мы обнаружили такое политическое невѣжество или, вѣрнѣе сказать, политическую невоспитанность, которая выдавалась еще рѣзче въ виду важности событій. Эта невоспитанность сказалась какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Сербіи, какъ въ газетныхъ передовыхъ статьяхъ и фёльетонахъ, такъ и въ поведеніи добровольцевъ, объ которомъ все больше и больше доносятся скверныя вѣсти и которое, если только хоть половина мрачныхъ слуховъ справедлива, способно навсегда покончить иллюзіи славянъ насчетъ «русскаго имени». Въ этомъ, конечно, еще бѣды большой нѣтъ: зачѣмъ держать въ невѣдѣніи этихъ наивныхъ болгаръ и сербовъ? зачѣмъ поддерживать тотъ миражъ, который они создали себѣ, глядя на насъ издали? Вотъ мы каковы; смотрите на насъ, вложите пальцы въ наши раны и ждите отъ насъ только того, что̀ мы въ состояніи дать; вотъ мы передъ вами нагишо̀мъ, какъ насъ мать, «матушка Русь» родила...

Обидно и больно, потому что могло бы быть иначе, лучше, хоть я ни на минуту не жалѣю о томъ, что сербы узнали часть правды.

Удивляться нашей политической невоспитанности нѣчего; нѣкого и винить, пожалуй. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, винить въ ней того необузданнаго добровольца, который кулаками расправлялся съ братьями-сербами и болгарами? или того другого, который отличался избіеніемъ проститутокъ? или того третьяго, который былъ безъ просыпа пьянъ всю кампанію? Ничего иного они и дома не дѣлали, а подъ свалившеюся на нихъ съ неба ролью «спасителей» они, естественно, должны были одурѣть окончательно. Въ своей наивности, они, можетъ быть, даже думали, что поддерживаютъ честь и достоинство русскаго имени предъявленіемъ громадныхъ кулаковъ и желудковъ, способныхъ вмѣщать невѣроятное для серба количество водки и вина? Можно ли удивляться политической невоспитанности г. Суворина, этого добровольца славянофильства, когда роль общественнаго руководителя, въ тревожную и важную минуту, свалилась на него такъ же съ неба, такъ же внезапно, какъ и роль спасителя на пропоицу и рыцаря кулака? Подумайте только объ этой превратности судебъ. Человѣкъ, бывшій вчера обыкновеннѣйшимъ пьяницей и дантистомъ, сегодня исправляетъ должность спасителя угнетенныхъ! Газета, которая еще вчера зазывала къ себѣ подписчиковъ пикантнымъ романомъ съ раздѣтыми кокотками и тайнами ихъ будуаровъ, ея издатель, прославившійся столько талантливою игривостію своего остроумія, столько же непостоянствомъ своихъ убѣжденій и, до сихъ поръ, извѣстный скорѣе своимъ пренебреженіемъ, чѣмъ сочувствіемъ къ «славянской идеѣ» — эта газета и этотъ издатель становятся вдругъ руководителями великодушной общественной симпатіи! Изъ горчичнаго зерна, что̀ бы ни говорилъ г. Спасовичъ, выростетъ не дубъ, а горчица. Винить весь этотъ людъ, претендовать на него, негодовать можно развѣ только по свойственной человѣческой природѣ склонности къ идолопоклонству и, слѣдовательно, иконоборчеству. Такъ ужь устроенъ человѣкъ, что ему необходимо сорвать недоброе чувство на комъ-нибудь, на личности, хоть дѣло совсѣмъ не въ ней, а въ тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя ее выдвинули. Да не подумаетъ, однако, читатель, чтобы я повелъ рѣчь объ этихъ общихъ условіяхъ. Я только къ тому, что ка̀къ, въ самомъ дѣлѣ, странно сложились обстоятельства, странно и совершенно неожиданно! Представимъ себѣ, что, года два тому назадъ, нашелся бы такой мудрецъ, который предвидѣлъ бы все это разростаніе маленькаго и въ началѣ почти безнадежнаго герцеговинскаго возстанія. Очень трудно, конечно, вообще допустить возможность такого мудреца, но нѣкоторыхъ подробностей, и не маловажныхъ, онъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, ни за что̀ не предсказалъ бы, даже еслибы ему въ общихъ чертахъ извѣстно было, что вотъ, молъ, вступятся въ дѣло Сербія и Черногорія, пойдетъ рѣзня въ Болгаріи, потекутъ, такіе ли, сякіе ли, добровольцы изъ Россіи, переполнятся газеты славянолюбивыми статьями и проч. Можно, напримѣръ,

голову прозакладывать, что мудрецъ предсказалъ бы, при этихъ общихъ условіяхъ, необыкновенное развитіе и процвѣтаніе славянофильской литературы. Казалось бы, что мы переживаемъ (вѣрнѣе, пережили) минуту необыкновенно для этого удобную. Славянофилы представляли собою уединенную, но сплоченную, твердую единствомъ и силою убѣжденія кучку людей, даже въ такія времена, когда на нихъ косо смотрѣли и сверху, и снизу, и съ правой, и лѣвой стороны. Теперь—не то. Теперь-то бы имъ и развернуться, потому что и общественныя симпатіи, и высшая политика сложились точно по ихъ заказу. Почему же мы не видимъ славянофильскихъ газетъ, славянофильскихъ книгъ, брошюръ, которыя бы освѣщали съ своей точки зрѣнія событія? Я говорю, конечно, о настоящихъ славянофилахъ, о регулярной арміи славянофильства, а не объ его добровольцахъ, которыхъ, можетъ быть, даже черезчуръ много или, по крайней мѣрѣ, черезчуръ они лѣзутъ въ глаза. Правда, г. Владиміръ Ламанскій недавно началъ печатать въ «Новомъ Времени» рядъ статей; но пока они представляютъ не болѣе, какъ «взглядъ и нѣчто», да и то газета, пріютившая ихъ, сочла нужнымъ замѣтить, что, конечно, съ авторомъ можно не соглашаться, но должно признаться, что онъ—славистъ. Это, впрочемъ, мы и безъ примѣчаній знали. Правда, гг. Градовскій, Мещерскій, Миллеръ, болѣе или менѣе прикосновенные къ славянофильству, довольно дѣятельны и даже ведутъ изъ глубокой глубины русскихъ газетъ переписку съ высокопоставленными англійскими политическими дѣятелями. Но, во-первыхъ, это—далеко не чистые и не первостепенные представители доктрины; во-вторыхъ, они, все-таки, не представили чего-нибудь вѣскаго и цѣльнаго; въ-третьихъ, наконецъ, они оказались несравненно менѣе ярки, чѣмъ, напримѣръ, г. Суворинъ. И это достойно вниманія. Г. Суворинъ есть homo novus въ дѣлѣ сочувствія славянамъ, горячій, но неопытный доброволецъ. Онъ, нынѣ такъ настойчиво утверждающій, что славянскій вопросъ есть нашъ внутренній вопросъ, держался еще очень недавно совершенно противоположнаго мнѣнія, которое и высказывалъ, если не съ такимъ благоговѣйно-торжественнымъ энтузіазмомъ, какимъ горитъ нынѣ, зато съ болѣе свойственною ему остроумною игривостью. Весьма возможно, что онъ завтра же оттреплетъ «славянскую идею» за волосы, и даже не просто оттреплетъ, а съ игривыми прибаутками въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «трепать-то я тебя треплю, а собственно и трепать не за что, потому что ты безволосая, chauve, откуда и шовинизмъ, и т. п.» Онъ ужь знаетъ, какъ это устроить, и не мнѣ его учить. Это очень вѣроятно, потому что я помню въ дѣятельности г. Суворина радикальнѣйшія революціи на маломъ пространствѣ отъ одного воскреснаго фёльетона до другого. Отнюдь не для какихъ-нибудь инкриминацій вспоминаю я эти революціи—быль молодцу не укоръ—я только отмѣчаю фактъ, право, поразительный: славянскій вопросъ дости-

гаетъ страшнаго напряженія, и въ это время славянофилы молчатъ, а г. Суворинъ и другіе, которые, какъ выразился о себѣ въ славянскомъ комитетѣ г. де-Воланъ, «имѣли великое счастіе увѣровать въ идею славянства» вчера или третьяго дня, исправляютъ должность славянофиловъ. А, Боже мой! кто ея нынѣ не исправляетъ! Даже г. Скальковскій, и тотъ горитъ славянскимъ пламенемъ столь же ярко, какъ еще недавно горѣлъ пламенемъ, смѣю сказать, безстыжимъ въ трактатахъ объ икрахъ балетныхъ танцовщицъ. А настоящихъ славянофиловъ—тѣхъ, такъ сказать, въ молитвахъ поминаютъ. Почтенные, молъ, были люди, и честь имъ, и хвала. Какъ *были?* Да развѣ они всѣ перемерли и прямыхъ наслѣдниковъ не оставили? Нѣтъ, они существуютъ, но молчатъ, а наслѣдниковъ, должно быть, и вправду не оставили. Что бы ни говорили о возрожденіи «славянской идеи», давно уже, дескать, предуказанной и разъясненной славянофилами, но ихъ теперешнее отсутствіе хотя бы на полѣ литературной битвы показываетъ, что они сданы въ архивъ. Не торжество, а паденіе славянофильства, знаменуетъ этотъ размѣнъ на мелкую, да еще фальшивую монету. На лицо всѣ шансы для того, чтобы славянофилы отпраздновали свои именины (именно свои, а не сердца), а имъ поютъ не за здравіе, а за упокой, съ почтеніемъ, съ неожиданнымъ энтузіазмомъ, если хотите, но все-таки за упокой.

Прямо скажу—я не жалѣю объ этой смерти. Но все-таки прискорбно, что мы не имѣемъ возможности именно теперь, въ минуту настоящаго дѣла, а не отвлеченныхъ разсужденій и парадныхъ обѣдовъ съ тостами за процвѣтаніе славянъ, выслушать мнѣнія славянофиловъ. Homo novus славянофильства можетъ быть очень занимателенъ; люди, «имѣвшіе великое счастіе увѣровать въ идею славянства» безъ году недѣлю тому назадъ, могутъ обладать чрезвычайно почтенными качествами. И да будутъ они за это, дѣйствительно, счастливы и да получатъ на придачу таковскій крестъ или кучу подписчиковъ. Но несравненно поучительнѣе было бы выслушать мнѣнія людей, которые созданы не настоящей только минутой, которые давно уже, при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ, выработали извѣстную точку зрѣнія и которыхъ, слѣдовательно, текущія событія не могли бы застать врасплохъ. А между тѣмъ, ихъ-то и не слыхать.

Это ставитъ нашего брата, профана, въ очень затруднительное положеніе. Взять хоть бы поставленный у меня въ заголовкѣ вопросъ. Одни говорятъ, что славянскій вопросъ есть нашъ внутренній вопросъ, другіе, что онъ—внѣшній. Послѣднихъ понять нетрудно. Взглянувъ на географическую карту или даже не взглянувъ на нее—ибо они ее и безъ того хорошо знаютъ—они указываютъ на границу Россійской Имперіи. Это рѣшеніе очень простое и понятное, до такой степени простое и понятное, что, будь оно въ придачу къ этимъ качествамъ еще вѣрно, справедливо, то противуположное мнѣніе не могло бы существовать

ни единой минуты. Однако, оно существуетъ и держится, несмотря даже на отсутствіе вполнѣ солидныхъ, спеціальныхъ защитниковъ. Естественно поэтому въ профанѣ желаніе ознакомиться съ аргументаціей болѣе сильной, основательной, охватывающей предметъ во всей его обширности. Обыкновенный нашъ ресcурсъ—иностранная литература—въ этомъ случаѣ, понятно, помочь не въ силахъ, и единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ доводами въ пользу «внутренности» славянскаго вопроса остается старая славянофильская литература.

По многимъ, однако, причинамъ я выбираю для собесѣдованія съ читателемъ сочиненіе далеко не старое, хотя и неимѣющее въ виду текущихъ событій, именно—«Россію и Европу» г. Данилевскаго. Не даромъ объ этой пятигодовалой книгѣ недавно вновь появились объявленія въ газетахъ. Не даромъ въ Харьковѣ профессоръ Потебня читалъ объ ней публичныя лекціи. Недаромъ нѣкоторыя газеты ссылались на нее, какъ на сочиненіе, содержащее въ себѣ разрѣшеніе славянскаго вопроса. Мудрено, дѣйствительно, найти книгу, которая представляла бы болѣе полный и обстоятельный итогъ извѣстнаго оттѣнка мнѣній, какихъ?—это ясно видно изъ слѣдующаго положенія автора: «Для всякаго славянина: русскаго, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желалъ бы прибавить и поляка), послѣ Бога и Его святой церкви, идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земного блага, ибо ни одно изъ нихъ для него недостижимо безъ ея осуществленія — безъ духовно, народно и политически самобытнаго славянства; а, напротивъ того, всѣ эти блага будутъ необходимыми послѣдствіями этой независимости и самобытности» (132). Читатель съ разу видитъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, рѣшительно признающимъ славянскій вопросъ нашимъ внутреннимъ вопросомъ. Если прибавить, что это—человѣкъ очень умный, ученый, разносторонній, что, благодаря размѣрамъ книги, спеціально посвященной занимающему насъ предмету (почти 35 печатныхъ листовъ), онъ могъ исчерпать его до дна — то станетъ понятнымъ, почему я обращаюсь за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ г. Данилевскому, а не къ текущей газетной печати. Самыя уклоненія г. Данилевскаго отъ чистаго славянофильства дѣлаютъ его книгу особенно для насъ въ этомъ случаѣ пригодною: г. Данилевскій не питаетъ ненависти къ Петру и не путается въ гегеліанской діалектикѣ.

Въ трудѣ г. Данилевскаго есть немало страницъ, на которыхъ говорится о преимуществѣ православія передъ католичествомъ и протестантствомъ и о другихъ чисто богословскихъ вопросахъ. Ихъ я касаться не буду, потому что, въ концѣ концовъ, въ области богословія нѣтъ мѣста ни сомнѣніямъ, ни доказательствамъ. Г. Данилевскій самъ, конечно, это понимаетъ и даже оговариваетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ и въ этой области не ограничивается свойственнымъ предмету чисто догматиче-

скимъ изложеніемъ: онъ и здѣсь тщательно и пространно аргументируетъ, доказываетъ, изслѣдуетъ, испытуетъ, поскольку, разумѣется, это возможно для вполнѣ вѣрующаго православнаго. Г. Данилевскій, независимо отъ своихъ убѣжденій, есть, по складу своего ума, писатель чисто свѣтскій, стремящійся произвести на читателя логическое давленіе. Даже вѣрованія, которыя, по самой сущности своей, стоятъ не выше или ниже логики, а просто внѣ ея, онъ стремится подкрѣпить доказательствами. Тѣмъ съ бóльшимъ интересомъ слѣдуетъ, въ виду этого его качества, отнестись къ свѣтской части его труда, которая, притомъ, несравненно обширнѣе. И, дѣйствительно, на первый взглядъ, г. Данилевскій поражаетъ, даже утомляетъ своей доказательностью. Каждое свое даже второстепенное положеніе онъ обставляетъ массой аргументовъ, почерпаемыхъ имъ, благодаря обширной и разносторонней эрудиціи, изъ весьма различныхъ сферъ знанія. Въ этомъ отношеніи, его манера аргументаціи сильно напоминаетъ Спенсера. Сходство увеличивается еще рѣдкимъ спокойствіемъ изложенія, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что центръ тяжести аргументаціи падаетъ на сравненія, метафоры, аналогіи. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается и сильная, и слабая сторона г. Данилевскаго. Я не сомнѣваюсь, что на многихъ доводы г. Данилевскаго должны дѣйствовать съ извѣстною обаятельностью, даже въ тѣхъ, сравнительно, многочисленныхъ случаяхъ, когда онъ рѣшительно неправъ или, по крайней мѣрѣ, рѣшительно одностороненъ. Такова счастливая судьба всѣхъ писателей, широко пользующихся метафорами сравненіями и аналогіями, которыя, будучи, собственно говоря, вовсе не доказательствами, не имѣя ровно никакой доказательной силы, дѣйствуютъ только успокоительнымъ, усыпляющимъ образомъ на критическую пытливость читателя. Требуется доказать извѣстное положеніе. Одинъ писатель приступаетъ къ задачѣ прямо, заставляя умъ читателя пройти возможно короткій логическій путь; благодаря этой краткости пути, ошибки писателя, въ чемъ бы онѣ ни состояли, легко могутъ обнаружиться даже для неопытнаго читателя. Другой избираетъ путь окольный и уподобляется Баяну, который «аще кому хотяше пѣснь творити, растекашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». Г. Данилевскій почти буквально слѣдуетъ примѣру вѣщаго Баяна. Намѣтивъ извѣстное положеніе, какъ требующее доказательствъ, онъ ищетъ въ разныхъ отрасляхъ знанія случаевъ аналогическихъ, болѣе или менѣе подходящихъ, хотя бы самымъ внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ: для этого онъ растекается мыслію по древу (отправляется въ ботанику), рыщетъ сѣрымъ волкомъ по земли (по геологіи и по исторіи), летаетъ сизымъ орломъ нетолько подъ, но и надъ облаками (въ области астрономіи) и группируетъ такимъ путемъ массу образовъ, болѣе или менѣе знакомыхъ читателю и потому мало способныхъ

расшевелить его критическую мысль. Немудрено, что, при такихъ условіяхъ, слабость дѣйствительнаго, настоящаго доказательства не замѣчается читателемъ: водимый авторомъ по разнымъ знакомымъ явленіямъ, онъ такъ привыкаетъ соглашаться съ нимъ, поддакивать ему, что невольно уступаетъ ему и въ той, собственно существеннѣйшей части аргументаціи, гдѣ уступать вовсе бы не слѣдовало. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что выше было замѣчено о склонности г. Данилевскаго обставлять свои положенія обильными доказательствами. Я говорю только о формѣ аргументаціи—формѣ, имѣющей свои достоинства и недостатки, но, прежде всего, легковѣсной, несмотря на всю тяжелую артиллерію разносторонней эрудиціи автора. Не хочу я также сказать, чтобы г. Данилевскій аргументировалъ исключительно этимъ способомъ. Нѣтъ, онъ употребляетъ различные пріемы доказательствъ, изъ которыхъ многіе и остроумны, и вѣрны. Но вся совокупность ихъ ведетъ все къ тому же легковѣсному и совершенно незаконному порабощенію читателя, побуждаетъ его соглашаться съ авторомъ, не доказывая или плохо доказывая. Дѣло въ томъ, что г. Данилевскій иногда чрезвычайно пространно, съ большимъ остроуміемъ и съ большою эрудиціей, доказываетъ такія положенія, которыя вовсе не требуютъ доказательствъ— не потому, чтобы они были безспорны; нѣтъ, они просто излишни для цѣлей самого автора. Эта роскошь доказательности, доходящая даже до послѣднихъ предѣловъ расточительности, естественно подкупаетъ читателя, и онъ пропускаетъ безъ вниманія отсутствіе доказательности тамъ, гдѣ она была бы необходима.

Я приведу примѣры. Г. Данилевскій считаетъ нужнымъ опровергнуть ретціусово дѣленіе человѣческихъ племенъ на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ или, собственно, не столько самое дѣленіе, сколько тотъ выводъ изъ него, будто славяне принадлежатъ къ племенамъ низшимъ. Кромѣ отношенія продольнаго діаметра головы (отъ лба къ затылку) къ діаметру поперечному, Ретціусъ принимаетъ въ основу своего дѣленія еще другой признакъ, заключающійся въ направленіи переднихъ частей челюстей (зубныхъ отростковъ) и переднихъ зубовъ. Зубные отростки челюстей и зубы могутъ лежать въ вертикальной плоскости, что составляетъ прямочелюстность (orthognathismus), или они могутъ имѣть косое, выдавшееся впередъ направленіе—косочелюстность (prognathismus). На основаніи этихъ двухъ признаковъ, человѣческія племена могутъ быть раздѣлены на четыре отдѣла: длинноголовые прямочелюстные, длинноголовые косочелюстные, короткоголовые прямочелюстные и короткоголовые косочелюстные. Славяне, вмѣстѣ съ литовцами, тюркскими племенами, лапландцами, басками, ретійцами, албанцами и древними этрусками, входятъ въ составъ групы короткоголовыхъ прямочелюстныхъ, между тѣмъ какъ всѣ донынѣ достигшія высокой культуры племена принадлежатъ къ длинноголовымъ. Г. Дани-

левскій очень основательно замѣчаетъ, что дѣленіе это чисто искуственное. «Здѣсь, говоритъ онъ:—выставляется одно насквозь проницающее начало, которое, какъ это обыкновенно бываетъ, соединяетъ разнородное и раздѣляетъ сродное въ другихъ отношеніяхъ» (замѣтьте эти прекрасныя слова, читатель). Дѣленіе это не можетъ быть согласовано съ дѣленіемъ по цвѣту кожи, по свойствамъ волосъ, по лицному углу и, наконецъ, съ дѣленіемъ лингвистическимъ. Дѣйствительно, лингвистически (да и нетолько лингвистически) славяне—арійцы, между тѣмъ какъ схема Ретціуса отдѣляетъ ихъ отъ большинства остальныхъ арійцевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что взаимное отношеніе продольнаго и поперечнаго діаметровъ головы, хотя и можетъ войти въ число признаковъ, характеризующихъ антропологическія группы, но преобладающаго значенія ему давать нельзя». Кажется—чего лучше? Но г. Данилевскому этого мало. Онъ нетолько, не жалѣя времени и бумаги, перечисляетъ всѣ племена всѣхъ четырехъ групъ Ретціуса; нетолько замѣчаетъ при этомъ (совершенно неизвѣстно для чего), что Латамъ называетъ восточныя американскія племена американскими семитами, а перуанцевъ—американскими монголами. Всего этого ему мало. Онъ дѣлаетъ salto mortale, великодушно соглашается признать отвергнутые имъ самимъ признаки за существенные и, при помощи разныхъ манипуляцій (преимущественно надъ признакомъ направленія зубовъ), доказываетъ, что и съ этой *ложной*, *односторонней* точки зрѣнія можно вывести преимущество славянъ надъ другими племенами. Устроивается этотъ выводъ очень остроумно; но, вѣдь, онъ вовсе ненуженъ, потому что отвергнуто самое основаніе его. А, между тѣмъ, въ умѣ читателя безсознательно, «до востребованія», залегаетъ слѣдующее: автору довѣриться можно, потому что онъ—человѣкъ ученый; автору довѣрится можно, потому что онъ столь добросовѣстенъ, что готовъ стать на точку зрѣнія своего противника; автору довѣриться можно, потому что онъ пространно доказываетъ то, что даже вовсе ненужно доказывать. Словомъ—довѣріе, довѣріе и довѣріе; но только довѣріе, а не доказательство чего-либо, дѣйствительно требующаго доказательства.

Иногда г. Данилевскій какъ бы разсказываетъ повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, которая, какъ извѣстно, живо заинтересовала и даже почти убѣдила слушателей, но имѣла тотъ недостатокъ, что была совершенно неумѣстна, потому что разсказчикъ забылъ одну маленькую, но существенную подробность: безножіе капитана Копѣйкина. Г. Данилевскій вѣритъ, что все, происходящее на землѣ и, въ частности, въ исторіи человѣчества, имѣетъ извѣстную, свыше указанную цѣль. Но вотъ онъ встрѣчается съ магометанствомъ и, подобно доктору Панглоссу, спрашиваетъ: какой предопредѣленной цѣли удовлетворило это явленіе? Оно кажется ему явленіемъ загадочнымъ, исторической аномаліей. Магометанство «явилось нѣсколько вѣковъ спустя послѣ

того, какъ абсолютная и вселенская религіозная истина была уже открыта». Значитъ, смысла религіознаго прогресса оно имѣть не можетъ. «Нѣкоторые утверждаютъ», что магометанство, будучи далеко ниже христіанства, болѣе приспособлено къ пылкимъ страстямъ народовъ Востока. Другіе полагаютъ, что магометанство, болѣе легкое для исполненія и болѣе простое для пониманія, должно служить подготовительною ступенью къ христіанству. Г. Данилевскій старательно и пространно опровергаетъ оба эти мнѣнія. Точно также отказывается онъ оправдать появленіе магометанства какими-нибудь заслугами его передъ другими сторонами цивилизаціи и отказывается не голословно, а опираясь на фактическія данныя. Правда, можно бы было нѣсколько иначе, чѣмъ онъ, отнестись къ роли арабовъ въ исторіи европейской науки. Можно бы было именно въ ней усмотрѣть искомую авторомъ предопредѣленную цѣль. Но онъ идетъ мимо и тѣмъ еще болѣе убѣждаетъ читателя, что предъ нимъ писатель, которому довѣриться можно, ибо онъ мужественно и добросовѣстно отказывается отъ легкой добычи, могущей подтвердить его философскіе взгляды. Иной читатель можетъ до такой степени увлечься тщательностью этихъ поисковъ, что и не замѣтитъ малоцѣнности искомаго, не потребуетъ даже доказательствъ основанія поисковъ — внутренней цѣлесообразности историческихъ явленій. Позволю себѣ и я аналогію. Представьте себѣ, что вы входите къ пріятелю и застаете его, краснаго и мокраго отъ работы, передвигающимъ мёбель, шарящимъ по полу, по угламъ, залѣзающимъ подъ столы и шкафы. Оказывается, что пріятель вашъ, на основаніи нѣкоторыхъ философскихъ соображеній, увѣренъ, что во всякой квартирѣ долженъ находиться грошъ, мѣдная монета въ полкопейки, которую и ищетъ. Пріятель исполняетъ заданную имъ себѣ задачу съ такимъ стараніемъ, такъ озабоченно и трудолюбиво, что и вы невольно начинаете вмѣстѣ съ нимъ залѣзать подъ столы и шарить по угламъ. Его поиски дѣйствуютъ на васъ такъ заразительно, что вы забываете задать ему два существенно важные вопроса: во-первыхъ—насколько серьёзны основанія его убѣжденія, что въ каждой квартирѣ долженъ находиться грошъ? Во-вторыхъ—нуженъ ли этотъ грошъ и стóитъ ли изъ-за него терять такъ много времени и употреблять столько усилій? Но вотъ грошъ найденъ—и найденъ, надо замѣтить, просто въ карманѣ пріятеля, который только потому и убѣжденъ въ необходимости присутствія гроша, что предварительно нащупалъ его у себя въ карманѣ. Вы готовы, однако, встрѣтить этотъ грошъ съ нѣкоторою даже радостью, съ распростертыми объятіями, потому что вы, во всякомъ случаѣ, участвовали въ поискахъ, вытирали колѣнами пыль подъ столомъ и т. п. Найдена г. Данилевскимъ и предопредѣленная цѣль магометанства, какъ историческаго явленія, и найдена тоже въ карманѣ: цѣль эта, чисто служебная, а не самостоятельная, состоитъ или, вѣрнѣе, состояла она въ

безсознательномъ огражденіи православія и славянства, отъ напора латинства и «романо-германскаго начала. Понимать это слѣдуетъ такъ, что Европа, своими культурными и религіозными элементами, ассимилировала бы славянство, еслибы на него не положена была тяжкая, леденящая, но, въ концѣ концовъ, безсильная рука мусульманства. Съ этою-то цѣлью—огражденія славянства и православія—было выкинуто изъ нѣдръ исторіи магометанство! Конечно, тутъ есть кое-какіе изъяны, въ родѣ потурченныхъ славянъ, обращенныхъ въ магометанство народовъ Кавказа, распространенія мусульманства въ Индіи, Африкѣ и Испаніи, гдѣ, какъ извѣстно, славянъ не отъ чего было ограждать, потому что ихъ и самихъ не было. Конечно, европейскій историкъ, имѣющій свой собственный предопредѣленный грошъ въ карманѣ, можетъ сказать, что, напротивъ, вся предопредѣленная роль славянъ состояла въ огражденіи романо-германской цивилизаціи отѣ напора мусульманъ. Но ничего этого г. Данилевскій естественно знать не хочетъ. Онъ рисуетъ читателю гипотетическую картину распространенія европейской цивилизаціи въ глубь Востока во время крестовыхъ походовъ. Представьте себѣ—говоритъ онъ—что крестоносцы присоединили Іерусалимъ къ духовнымъ владѣніямъ папъ, что Византія растаяла среди вновь образованныхъ феодальныхъ государствъ: православіе и славянство исчезли бы съ лица земли. Г. Данилевскій доказываетъ это съ большимъ увлеченіемъ и очень резонно. Но тутъ-то и наступаетъ фатальный моментъ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ. Конечно, погибель православія и славянской національности была бы очень вѣроятна въ случаѣ замѣны Турціи европейскими феодально-католическими организаціями. Но, вѣдь, крестоносцы двинулись на Востокъ только потому, что святыя мѣста были въ рукахъ невѣрныхъ мусульманъ. Не будь послѣднихъ, не было бы и крестовыхъ походовъ, а, слѣдовательно, и подавно той картины погибели славянства и православія, которую только что нарисовалъ г. Данилевскій. Значитъ, овладѣвъ Іерусалимомъ, магометане нетолько не охранили славянства и православія отъ напора латинства и романо-германскаго начала, а, напротивъ, привлекли ихъ въ лицѣ массы крестоносцевъ. Надо отдать справедливость г. Данилевскому, онъ самъ вспоминаетъ о деревянныхъ ногахъ капитана Копѣйкина. Зачѣмъ же было огородъ городить, да еще такой большой? Не затѣмъ же, чтобы начать сказку сначала и замѣтить: «но еслибы этого (Іерусалима въ рукахъ магометанъ) и не было, развѣ можно сомнѣваться, что завоевательный духъ католицизма не оставилъ бы дряхлѣющей Византіи въ покоѣ?»

Привыкнувъ къ такой роскоши аргументаціи, доходящей до опроверженія того, что̀ вовсе опровергать не нужно, и до доказательствъ того, что̀ доказывать въ такой же мѣрѣ ненужно (въ виду собственныхъ цѣлей автора), читатель можетъ пропустить примѣры поразительной бездоказательности. Непосредственно

вслѣдъ за вышеприведенной операціей надъ ретціусовымъ дѣленіемъ человѣческихъ племенъ, г. Данилевскій приступаетъ къ опредѣленію «различій въ психическомъ строѣ» Европы и Россіи. Приступаетъ онъ къ этому важному дѣлу, повидимому, съ чрезвычайною осторожностью. Онъ говоритъ: «вѣрно, опредѣлительно схватить и ясно выразить различіе въ психическомъ строѣ разныхъ народностей—весьма трудно. Различія этого рода, какъ между отдѣльными лицами, такъ и между цѣлыми народами, имѣютъ только количественный, а не качественный характеръ. Едва ли возможно найти какую-нибудь черту народнаго характера, которой бы совершенно недоставало другому народу; разница только въ томъ, что въ одномъ народѣ она встрѣчается чаще, въ другомъ рѣже, въ большинствѣ лицъ одного племени она выражается рѣзко, въ большинствѣ лицъ другого племени слабо; но эти степени, эта частость или рѣдкость числами невыразимы. Такой статистики еще не существуетъ. Потому всякое описаніе народнаго характера будетъ походить на тотъ, ничего не говорящій наборъ эпитетовъ, которымъ въ плохихъ учебникахъ исторіи характеризуютъ историческихъ дѣятелей; потому и выходятъ эти описанія народнаго характера иногда столь различными у разныхъ путешественниковъ, нерѣдко одинаково добросовѣстныхъ и наблюдательныхъ. Одному случалось встрѣтить одни свойства, другому другія; но въ какой пропорціи встрѣчаются они вообще у цѣлаго народа, это, по необходимости, осталось для обоихъ неизвѣстнымъ, неопредѣленнымъ. Для отысканія такихъ свойствъ, которыя можно бы было считать, по истинѣ, чертами національнаго характера и, притомъ, существенно важными, надо избрать иной путь, нежели простая описательная передача частныхъ наблюденій. Ежели бы намъ удалось найти такія черты національнаго характера, которыя высказывались бы во всей исторической дѣятельности, во всей исторической жизни сравниваемыхъ народовъ, то задача была бы рѣшена удовлетворительно; ибо, если какая-либо черта народнаго характера проявляется во всей исторіи народа, то необходимо заключить, во-первыхъ, что она есть черта общая всему народу и только по исключенію можетъ не принадлежать тому или другому лицу; во-вторыхъ, что это—черта постоянная, независящая отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ того или другого положенія, въ которомъ народъ находится, той или другой степени развитія, черезъ которыя онъ проходитъ; наконецъ, въ-третьихъ, что это—черта существенно важная, если могла запечатлѣть собой весь характеръ его исторической дѣятельности. Такую черту вправѣ мы, слѣдовательно, принять за нравственный этнографическій признакъ народа, служащій выраженіемъ существенной особенности всего его психическаго строя. *Одна изъ такихъ чертъ, общихъ всѣмъ народамъ романо-германскаго типа есть—насильственность.* (*Gewaltsamkeit*) (187).

Я нарочно довелъ прелюдію г. Данилевскаго до подчеркну-

тыхъ мною строкъ, не отдѣленныхъ отъ необычайно осторожнаго вступленія *даже* абзацомъ. Авторъ не оставляетъ, впрочемъ, своей мысли безъ доказательствъ. Онъ посвящаетъ цѣлыхъ 4 (!) страницы на изложеніе *всей* европейской исторіи, въ результатѣ чего получается, разумѣется, сплошная насильственность. Столько же мѣста удѣляетъ авторъ обзору всей русской исторіи, который приводитъ его къ заключенію объ отсутствіи въ ней насильственности. Въ добрый часъ. Но, приглядываясь, вы видите, что въ очеркѣ европейской исторіи упомянута, напримѣръ, торговля неграми, а въ очеркѣ русской исторіи не упомянутъ тотъ фактъ, что русскіе купцы издревле торговали въ Греціи невольниками, не говоря уже о торговлѣ крѣпостными оптомъ и въ розницу. Тамъ перечислены и ліонскія разстрѣливанія, и нантскія потопленія, а здѣсь ни единымъ словомъ не тревожится память пугачевщины, Стеньки Разина, гайдамачины. Я не буду, впрочемъ, разсматривать, что̀ именно пропущено авторомъ въ обоихъ очеркахъ исторіи. Читатель самъ понимаетъ, что пропущено должно быть очень многое. И нельзя не пожалѣть, что г. Данилевскій, тратя такъ много времени и силъ на ненужныя операціи надъ Ретціусомъ и магометанствомъ, такъ скуденъ въ доказательствахъ по вопросамъ, несравненно болѣе важнымъ.

Таковъ, къ сожалѣнію, общій характеръ книги г. Данилевскаго. Я счелъ нужнымъ обратить на это вниманіе читателя, дабы онъ не смущался кажущеюся доказательностью этого сочиненія и съ должнымъ уваженіемъ къ учености автора, но безъ страха приступилъ, вмѣстѣ со мною, къ провѣркѣ мнѣній г. Данилевскаго о томъ, что славянскій вопросъ есть нашъ внутренній вопросъ. Здѣсь, на первомъ планѣ, стоитъ ученіе о «культурно-историческихъ типахъ», довольно близкое къ тому, что̀ недавно говорила «Недѣля», но, несмотря на всѣ недостатки автора, несравненно лучше отдѣланное [1].

Г. Данилевскій—естествоиспытатель, а естествоиспытатель, трактующій о предметахъ наукъ общественныхъ, представляетъ всегда особенный интересъ для профана. И хотя до сихъ поръ огромное большинство экскурсій естествоиспытателей въ область соціологіи возбуждали во мнѣ разочарованіе, но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что имъ предстоитъ въ этомъ дѣлѣ

[1] Кстати о «Недѣлѣ». Къ новой полемической статьѣ (№ 42) случайнаго, повидимому, сотрудника, редакція «Недѣли» дѣлаетъ примѣчаніе: «Мы тоже питали такую (неважно какую именно) надежду относительно г. Михайловскаго; но послѣднія его статьи рѣшительно отбиваютъ всякую охоту вести съ нимъ бесѣду. Достаточно сказать, что въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ г. П. Ч., онъ позволилъ себѣ, хотя и косвенно, обвинять его... въ шарлатанствѣ»! Вынужденнымъ нахожусь сдѣлать чисто фактическую поправку. Я позволилъ себѣ обвинять въ шарлатанствѣ не косвенно, а совершенно прямо, и не г. П. Ч., а редакцію «Недѣли». Такова, по крайней мѣрѣ, была моя мысль.

важная роль. На это существуютъ резоны, слишкомъ глубокіе, чтобы затрогивать ихъ мимоходомъ, и слишкомъ далекіе отъ занимающаго насъ предмета, чтобы излагать ихъ подробно. Во всякомъ случаѣ, г. Данилевскій доставилъ мнѣ нетолько разочарованіе.

Исторія копитъ массу во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно разнообразныхъ фактовъ. Историки располагаютъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, групируютъ, классифицируютъ. Самая общая групировка состоитъ въ раздѣленіи исторіи на древнюю, среднюю и новую. Спрашивается: удовлетворяетъ ли эта схема требованіямъ логики? Г. Данилевскій полагаетъ, что требованія логики состоятъ въ настоящемъ случаѣ въ слѣдующемъ: 1) принципъ дѣленія долженъ обнимать собою всю сферу дѣлимаго, входя въ нее, какъ наисущественнѣйшій признакъ; 2) всѣ предметы или явленія одной групы должны имѣть между собою бо̀льшую степень сходства или сродства, чѣмъ съ явленіями или съ предметами, отнесенными къ другой групѣ; 3) групы должны быть однородны, то-есть, степень сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ одноименныхъ групахъ. Не трудно видѣть, что требованіямъ этимъ отнюдь не удовлетворяетъ дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, которое, впрочемъ, едва ли кѣмъ-нибудь и отстаивается. Обращаясь къ наукамъ естественнымъ, классификація объектовъ которыхъ разработана несравненно лучше, г. Данилевскій замѣчаетъ, что органическія формы классифицируются на основаніи двухъ принциповъ: типа и степени развитія. Напримѣръ, въ кольчатыхъ червяхъ, ракахъ, паукахъ, тысяченожкахъ и насѣкомыхъ мы имѣемъ различныя степени одного и того же типа членистыхъ. Безъ подобнаго же принципа классификаціи историческихъ явленій, полагаетъ г. Данилевскій, мы никогда не поймемъ исторіи. Школьная исторія соединяетъ въ одну групу такія явленія, какъ, напримѣръ, Индія, Египетъ и Римъ вплоть до паденія Западной Римской Имперіи, между тѣмъ какъ событіе это не имѣло никакого значенія для Индіи и сравнительно малое для Египта; а Рудольфъ Габсбургскій и императоръ Максимиліанъ, султанъ Баязедъ и султанъ Солиманъ разнесены въ разныя групы. Государства и народы, занесенные въ древнюю исторію, имѣли каждый свою собственную исторію, проходили различныя степени развитія и нѣкоторые совершили весь кругъ своей жизни задолго до паденія Западной Римской Имперіи, а нѣкоторые живутъ и поднесь. Необходимо, слѣдовательно, различать «культурно-историческіе» типы и тѣ степени, которыя они проходятъ и способны проходить, не преобразуясь въ другой типъ.

Не могу достаточно рекомендовать читателю глубокую важность этого ученія. Не слѣдуетъ, однако, думать, что, усвоивъ его, проникнувшись имъ, вы сразу получите возможность вполнѣ оріентироваться въ пестрой сѣти историческихъ явленій. Именно примѣръ г. Данилевскаго показываетъ, что за такимъ усвое-

ніемъ должна слѣдовать еще очень важная, хоть и не Богъ вѣсть какая усиленная работа мысли.

Г. Данилевскій, при установленіи разницы между типомъ и степенью развитія, ссылается на Кювье. Думаю, что въ примѣненіи къ органической жизни ученіе это гораздо лучше развито недавно умершимъ, но незабвеннымъ труженикомъ науки, хотя подъ конецъ жизни и не ладившимъ съ ея новымъ теченіемъ—Бэромъ. Но для насъ это здѣсь безразлично. Бэръ, какъ и Кювье, хотя и не столь упорно, видѣлъ въ типахъ органическихъ существъ строго замкнутыя идеальныя единицы, неспособныя переходить одна въ другую и представляющіе собою разъ навсегда опредѣленные творческою силою планы, внутри которыхъ только и возможно измѣненіе деталей, подробностей. Той же вѣры держится и г. Данилевскій. Современная наука смотритъ, какъ извѣстно, на дѣло иначе. Все болѣе и болѣе овладѣвающая полемъ науки идея трансформизма (которой дарвинова теорія есть только частное выраженіе) не признаётъ неподвижности органическихъ типовъ. Они способны измѣняться, переходить одинъ въ другой. Это нисколько, однако, не колеблетъ возможности и различенія типовъ и степеней развитія. Типы не неподвижны, но во всякую данную минуту различимы, какъ различимы быстро текучія степени развитія. До извѣстнаго предѣла измѣненія могутъ накопляться въ органическомъ (и въ культурно-историческомъ) типѣ, переводя его только съ одной степени на другую; но можетъ, наконецъ, наступить моментъ, когда преобразуется и самый типъ. Сдѣлавъ эту поправку, которую г. Данилевскій отринетъ, а большинство читателей приметъ и которая пригодится намъ ниже, пойдемте дальше.

Г. Данилевскій, по своему обыкновенію, непосредственно вслѣдъ за чрезвычайно осторожнымъ вступленіемъ, даетъ очень быстрое и неосторожное приложеніе. Тотчасъ же послѣ разсужденій о томъ, какъ бережно нужно обходиться съ классификаціей историческихъ явленій, онъ объявляетъ: «Культурно-историческіе типы или самобытныя цивилизаціи, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, суть: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилоно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или аравійскій и 10) германо-романскій или европейскій. Къ нимъ можно еще, пожалуй, причислить два американскіе типа: мексиканскій и перувіанскій, погибшіе насильственною смертью и неуспѣвшіе совершить своего развитія» (91). Только эти народы, говоритъ г. Данилевскій, играли положительную роль въ исторіи человѣчества. Остальные или являлись только разрушительнымъ, отрицательнымъ элементомъ и, совершивъ свою миссію, исчезали (гунны, монголы), или составляютъ только этнографическій матеріалъ, разнообразящій и обогащающій тотъ или другой культурно-историческій типъ (финскія племена). Сущность историческаго процесса состоитъ въ

томъ, что народы, способные сложиться въ культурно-историческій типъ, послѣдовательно выходятъ на арену исторіи, развивая въ высшей возможной степени особенности своей духовной природы, и затѣмъ изнашиваются, уступаютъ мѣсто новому культурно-историческому типу. Каждый культурно-историческій типъ болѣе или менѣе одностороненъ, а потому было бы величайшимъ несчастіемъ для человѣчества, еслибы все оно подпало рѣшительному вліянію какого-нибудь одного типа. «Общечеловѣческая» цивилизація была бы гибелью человѣчества, еслибы была возможна. Но она невозможна. Другое дѣло—цивилизація «всечеловѣческая», представляющая всю совокупность послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга культурно-историческихъ типовъ и, слѣдовательно, конкретно не существующая. Романо-германскій или европейскій культурно-историческій типъ находится нынѣ на переволѣ отъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія къ упадку. На смѣну ему идетъ очередной славянскій культурно-историческій типъ.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, теорія г. Данилевскаго. Изложеніе ея занимаетъ цѣлую объемистую книгу и сопровождается множествомъ побочныхъ или второстепенныхъ мыслей, которыя мы оставимъ въ сторонѣ. Я хотѣлъ бы обратить вниманіе только на одну частность, до такой степени, впрочемъ, важную и всю книгу проникающую, что г. Данилевскій, можетъ быть, даже не согласится назвать ее частностью.

Мы видѣли уже образчикъ того, какъ отдѣлываетъ авторъ всю европейскую исторію на четырехъ страницахъ и какъ, на четырехъ же страницахъ, возвеличиваетъ онъ исторію Россіи, не находя въ ней ни сучка, ни задоринки. Это самохвальство, которое намъ такъ дорого стоило и несомнѣнно еще будетъ стоить, достигаетъ у г. Данилевскаго просто невѣроятной для солиднаго труда степени. Надо замѣтить, что въ значительной долѣ этого самохвальства онъ чрезвычайно отсталъ. Онъ все еще толкуетъ о презрѣніи къ матеріальнымъ интересамъ, о необычайной кротости и смиреніи, насквозь будто бы проникающихъ русскую исторію. Эта штука стара даже съ точки зрѣнія національнаго хвастовства. Новѣйшіе изслѣдователи русской исторіи, гг. Забѣлинъ, Иловайскій, которыхъ, конечно, никто не упрекнетъ въ недостаткѣ патріотизма или въ «европейскихъ очкахъ» (одно изъ любимыхъ выраженій г. Данилевскаго), не безъ ядовитости и, главное, не безъ патріотизма подтруниваютъ надъ этой чертой старыхъ историковъ. Они находятъ, что похвальба смиреніемъ, кротостью, отсутствіемъ матеріальныхъ интересовъ, будучи въ сущности весьма мало лестна, вмѣстѣ съ тѣмъ, несправедлива; что славяне, и въ особенности русскіе, издревле славились грабежами и насиліями, за что, впрочемъ, и винить ихъ нельзя, ибо таково было время. А г. Забѣлинъ вспоминаетъ остроумное замѣчаніе Сенковскаго: «Исторія или историческая критика суть, такъ сказать, умственные шахматы, искусная игра

въ факты, въ которой проигрывающіе, то есть читатели, за всякій сдѣланный имъ ловкою діалектикою шахъ и матъ должны платить наличнымъ довѣріемъ». Впрочемъ, многія изъ якобы патріотическихъ выходокъ г. Данилевскаго не имѣютъ за собой даже преимуществъ ловкой діалектики. Я приведу одну изъ нихъ, потому что она находится въ непосредственной связи съ его теоріей культурно-историческихъ типовъ.

Съ обычною своею категоричностью и краткостью въ вопросахъ спорныхъ (при тщательности и пространности въ дѣлахъ, спору по какимъ бы то ни было причинамъ не подлежащихъ), г. Данилевскій объявляетъ: «Общихъ разрядовъ культурной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова насчитывается (?) ни болѣе, ни менѣе четырехъ—именно: 1) дѣятельность религіозная, 2) дѣятельность культурная въ тѣсномъ значеніи этого слова (научная, художественная, промышленная), 3) дѣятельность политическая, 4) дѣятельность общественно-экономическая». Затѣмъ, разными соображеніями доказывается, что въ древнѣйшихъ культурно-историческихъ типахъ эти четыре основанія находились въ хаотическомъ смѣшеніи. Типъ еврейскій развилъ одно изъ нихъ—дѣятельность религіозную; греческій также одно—дѣятельность культурную, и именно художественную; римскій также одно—дѣятельность политическую. Эти три культурно-историческіе типа характеризуются поэтому именемъ типовъ *одноосновныхъ*. Германо-романскій типъ—*двуосновнδй*, именно политико-культурный. Наконецъ, грядущій славянскій культурно-историческій типъ есть *четырехосновнδй*, ибо, какъ извѣстно, славяне вообще, а мы русскіе въ особенности—молодцы на всѣ руки: и по части религіозности, и по части наукъ и искуствъ, и со стороны политическаго смысла, и со стороны общественно-экономической. Мнѣ стыдно выписывать соображенія, на основаніи которыхъ намъ приписывается такое необъятное или всеобъемлющее богатство. Довольно того, что *одна* картина Иванова (только одну ее г. Данилевскій и признаётъ) играетъ при этомъ чрезвычайно важную роль, а преданность австрійскихъ славянъ австрійскимъ государственнымъ интересамъ, противорѣчащая первымъ требованіямъ автора отъ всякаго славянина, *здѣсь* засчитывается въ число признаковъ глубокого политическаго смысла, присущаго славянамъ. Итакъ, хотя исходная точка г. Данилевскаго состоитъ въ бо́льшей или мѐньшей односторонности каждаго культурно-историческаго типа, но славянскій типъ оказывается всестороннимъ: общихъ разрядовъ культурной дѣятельности «ни болѣе, ни менѣе, какъ четыре», а славянскій культурно-историческій типъ четырехосновнδй. На это я могу только сказать: подай Господи!

Г. Данилевскій рѣшительно отрицаетъ возможность «общей теоріи общества» (167). Тѣмъ не менѣе, когда ему нужно доказать, что реформы нынѣшняго царствованія нисколько не заимствованы съ Запада, онъ употребляетъ, между прочимъ, слѣ-

дующій аргументъ: «Свобода слова не есть право или привилегія политическая, а *право естественное*. Слѣдовательно, въ освобожденіи отъ цензуры, по самой сущности дѣла, не можетъ уже быть никакого заимствованія съ Запада, никакого подражанія; ибо иначе и хожденіе на двухъ ногахъ, а не на четверенькахъ, могло бы считаться подражаніемъ кому-нибудь. Сама цензура была результатомъ нашей подражательной жизни—результатомъ, ничѣмъ не вызваннымъ; прекращеніе же ея было возстановленіемъ *естественнаго порядка отправленій общественной жизни*» (296). Я не для оцѣнки цензуры въ какомъ бы то ни было смыслѣ привелъ эти слова, а только для указанія признаваемаго самимъ авторомъ «естественнаго порядка отправленій общественной жизни», ученіе о которомъ въ старину называлось естественнымъ правомъ, а нынѣ, пожалуй, могло бы быть названо «общею теоріею общества», несмотря даже на какофонію. Часть этой теоріи мы даже уже нашли въ ученіи о культурно-историческихъ типахъ, часть весьма важную. Обратимся теперь къ ея дальнѣйшему развитію г. Данилевскимъ.

Спрашивается: почему онъ избралъ именно ту схему исторіи, которая приведена выше, т. е. послѣдовательный рядъ десяти культурно-историческихъ типовъ? Почему именно эти типы должны быть нами приняты, а не какіе-нибудь другіе? Если не всякій читатель задастъ автору этотъ вопросъ, такъ только потому, что онъ (авторъ), во-первыхъ, выкладываетъ свою схему съ стремительностью и безапелляціонностью пушечнаго выстрѣла, и, во-вторыхъ, противопоставляетъ ее такой дребедени, какъ дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую. Схема г. Данилевскаго, конечно, гораздо лучше, но во многихъ отношеніяхъ стоитъ на той же почвѣ. Г. Данилевскій беретъ, въ сущности, тѣ же элементы, которыми орудуетъ и школьная исторія въ лицѣ разныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній: тѣ же смѣшанныя, отчасти государственныя, отчасти національныя групы—тотъ же Китай, Вавилонъ, ту же Индію, Грецію, Римъ и проч. Онъ только располагаетъ ихъ иначе. Эта-то общность почвы, при несомнѣнныхъ преимуществахъ схемы г. Данилевскаго и создаетъ для читателя такое положеніе, что онъ можетъ пропустить схему безъ критическаго допроса. Но, вѣдь, серьёзно критиковать дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую можно только въ планѣ реформы преподаванія исторіи въ гимназіяхъ. Публицисту и соціологу съ ней возиться нѣзачѣмъ. Существуютъ другія попытки группировки историческихъ явленій, о которыхъ, однако, г. Данилевскій не сказалъ ни единаго слова. Сдѣлалъ онъ это, я думаю, по тому же инстинкту, который побуждаетъ его громоздить метафоры на аналогіи и тѣмъ, такъ сказать, завоевывать читателя, не давая ему, въ сущности, ничего или очень мало цѣннаго. Возьми онъ историческія схемы Фихте, Гегеля, Конта или, для болѣе частной области, Луи Блана, Лассаля, весь ходъ его аргументаціи долженъ бы быть совершенно иной, и такъ

легко отпраздновать свою побѣду ему не пришлось бы. Еслибы онъ, напримѣръ, обратился къ исторической теоріи Фихте или Гегеля, то встрѣтилъ бы нѣчто близкое къ своему ученію, въ томъ смыслѣ близкое, что оба эти философа тоже признаютъ необходимость послѣдовательной смѣны цивилизацій, представляющихъ извѣстную частную (одностороннюю) идею, осуществляемую въ каждую эпоху народомъ, стоящимъ во главѣ цивилизаціи. Гегель насчитывалъ четыре такихъ цивилизаціи: древне-восточную, греческую, римскую и германскую, которою, дескать, исторія завершается. Сопоставленіе этой схемы со схемою г. Данилевскаго непремѣнно должно бы было возбудить нѣкоторое сомнѣніе въ читателѣ. Славянинъ Данилевскій заканчиваетъ исторію славянскимъ культурно-историческимъ типомъ, какъ четырехосновнымъ, а нѣмецъ Гегель заканчиваетъ ее германской цивилизаціей, какъ послѣднимъ словомъ саморазвивающагося духа. Поставьте только эти двѣ идеи рядомъ, и всякій, хотя бы смутно, почувствуетъ, что тутъ что-то неладно. Ну, а съ школьнымъ дѣленіемъ исторіи обойтись можно проще. Или почему г. Данилевскій ничего не сказалъ о законѣ трехъ состояній Конта? Конечно—его добрая воля; но тутъ, повидимому, дѣло было самое подходящее, потому что, хотя Контъ ничего не говоритъ о типахъ и степеняхъ развитія, но, напримѣръ, его теологическій фазисъ можетъ быть признанъ за типъ, проходящій степени фетишизма, многобожія и единобожія. Но въ полемикѣ съ Контомъ г. Данилевскому пришлось бы представить оправданіе національно-государственнаго характера своихъ культурно-историческихъ типовъ, а онъ предпочитаетъ оставить его незащищеннымъ. Это очень удобно достигается полемикой съ гимназическимъ дѣленіемъ исторіи, которое, какъ уже замѣчено, покоится на той же почвѣ замкнутыхъ національно-государственныхъ единицъ. А читатель, во всякомъ случаѣ, остается въ убыткѣ. Отсутствіе критики въ исходной точкѣ не составляетъ, впрочемъ, какой-нибудь спеціальной особенности сочиненія г. Данилевскаго. Въ моихъ запискахъ мнѣ случалось выражать жалобы профановъ на ученыхъ политиковъ (въ обширномъ смыслѣ слова). Большинство политическихъ писателей, даже несомнѣнно ученыхъ и искусныхъ въ логической разработкѣ подробностей ученія, оставляетъ насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно законности ихъ первыхъ и потому самыхъ важныхъ шаговъ. Собственно говоря, каждый общій политическій трактатъ долженъ бы былъ начинаться точнымъ опредѣленіемъ различныхъ общественныхъ союзовъ и мотивированнымъ объясненіемъ выбора того или другого союза, принятаго за центръ тяжести. Въ особенности важно это для книги г. Данилевскаго, собственно говоря, исключительно посвященной доказательствамъ, что славянскій вопросъ есть нашъ внутренній вопросъ, а всѣ европейскіе вопросы — внѣшніе. Г. Данилевскій доказываетъ это очень пространно и, пожалуй, даже убѣди-

тельно, но только для тѣхъ, кто приметъ его исходную точку, выставленную рѣшительно безъ всякаго объясненія. Съ чисто національной или, вѣрнѣе, съ племенной точки зрѣнія, славянскій вопросъ есть для насъ, конечно, вопросъ внутренній. Съ чисто государственной—этого уже отнюдь нельзя сказать съ такою рѣшительностью. Государство есть строго обрамленный фактъ, хотя рамки его могутъ измѣняться, и все, совершающееся по ту сторону этихъ рамокъ, должно быть признано, съ чисто государственной точки зрѣнія, внѣшнимъ. Но, несмотря на свою кажущуюся ясность, эта точка зрѣнія въ чистомъ видѣ почти неприложима. Трудно внушить какому-нибудь эльзасцу, что вчерашніе внутренніе вопросы стали для него сегодня внѣшними и наоборотъ, хотя, по національности, онъ и прежде былъ нѣмцемъ, а не французомъ. Но, даже допустивъ, что величаво-строгой наукѣ до желаній и нежеланій эльзасцевъ и лотарингцевъ нѣтъ дѣла, надо, во всякомъ случаѣ, признать, что нѣмецкія войска, вступивъ во Францію, уже тѣмъ самымъ расширили районъ государственныхъ интересовъ. Для краткости, впрочемъ, я охотно готовъ допустить, что г. Данилевскій удачно справился съ отношеніемъ національной связи къ связи государственной. Но онъ самъ признаётъ Европу нѣкоторымъ цѣлымъ, недѣлимымъ и противопоставляетъ ее Россіи, какъ единый романо-германскій культурно-историческій типъ. А, между тѣмъ, тамъ живутъ различныя государства и различныя національности—значитъ, дѣйствуетъ какая-то иная связь. До какой путаницы доходитъ вопросъ объ отношеніи различныхъ политическихъ союзовъ, членомъ которыхъ состоитъ современный человѣкъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Петерсона, книга котораго «Венгрія и ея жители», недавно вышла порусски: «Слово *національность* употребляется здѣсь въ томъ смыслѣ, какой ему обыкновенно придается въ Восточной Европѣ, а не въ легальномъ значеніи, какъ, напримѣръ, во фразѣ: «національность британскаго подданнаго». Идею національности не должно смѣшивать съ понятіями расы и націи. Она не заключаетъ въ себѣ ни понятія объ общности физическихъ свойствъ, подобно первому, ни понятія о верховныхъ политическихъ учрежденіяхъ, подобно второму. Мы говоримъ о еврейской или негритянской расѣ, хотя негритянской націи вовсе нѣтъ, а еврейская нація давно уже перестала существовать. Точно также мы говоримъ о швейцарцахъ, какъ о націи, хотя и нѣтъ швейцарской расы. Подъ національностью разумѣютъ извѣстную общность языка и національнаго чувства, ничего не предрѣшая этимъ объ общности происхожденія или о принадлежности ея членовъ къ одному политическому тѣлу. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о валлійской, бретонской и баскской національностяхъ, хотя нѣтъ ни валлійской, ни бретонской, ни баскской націи. Послѣдняя національность распредѣлена между французской и испанской націей... Что касается Венгріи и венгерцевъ, то читатель долженъ пом-

нить, что существуетъ мадьярская раса, мадьярская или венгерская національность и венгерская нація. Первая обнимаетъ только лицъ чистой мадьярской крови и можетъ имѣть интересъ развѣ для теоретиковъ этнологовъ или антропологовъ. Вторая заключаетъ въ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто справедливо или несправедливо считаетъ себя мадьяромъ или желаетъ, чтобы другіе его считали такимъ. Къ венгерской же націи относятся всѣ подданные венгерской короны и граждане венгерскаго государства» (7). Привожу эти слова только съ отрицательною цѣлью, потому что они ровно ничего не уясняютъ, хотя и сказаны почтеннымъ человѣкомъ, написавшимъ очень интересную книгу.

Но еслибы мы даже окончательно уяснили себѣ понятія расы, націи, національности, государства и опредѣлили ихъ взаимныя отношенія (чего г. Данилевскій не сдѣлалъ), то этимъ сдѣлали бы только одинъ и, притомъ, сравнительно неважный шагъ. Всѣ эти понятія соотвѣтствуютъ, такъ сказать, вертикальнымъ дѣленіямъ человѣческаго рода. Но существуютъ еще горизонтальныя дѣленія, иногда только перерѣзывающія націю или государство, а иногда далеко выступающія изъ ихъ предѣловъ. Русскій ученый, напримѣръ, физіологъ или лингвистъ, связанъ тѣснѣйшими узами съ ученымъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и никоимъ образомъ не можетъ считать для себя внѣшними вопросы, занимающіе европейскую науку, которые, однако, могутъ быть дѣйствительно внѣшними для французскаго крестьянина или англійскаго сапожника. Конечно, еслибы мужикъ или сапожникъ широко понималъ свои интересы, такъ нѣкоторые научные вопросы принималъ бы ближе къ сердцу. Но фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что ученые всѣхъ націй связаны въ одно цѣлое, въ союзъ, имѣвшій даже въ старину названіе république des lettres, а крестьяне и сапожники тѣхъ же самыхъ націй не имѣютъ въ этой «республикѣ» мѣста. Точно также русскій купецъ, вывозящій за границу сырьё, самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ извѣстнымъ слоемъ европейскаго населенія. Для коммерческаго русскаго человѣка состояніе берлинской биржи есть вопросъ внутренній, потому что и въ этомъ случаѣ имѣется прочная связь и своего рода république. Г. Данилевскій много говоритъ объ интересахъ Европы, какъ единаго цѣлаго, объ томъ, что они понятны и близки каждому европейцу, но не даетъ никакого опредѣленія этихъ интересовъ, если не считать опредѣленіемъ приписываемое всей Европѣ стремленіе стереть православіе и славянство съ лица земли. Г. Данилевскій твердо увѣренъ, что однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій этого всеевропейскаго стремленія была крымская война. Между тѣмъ, въ эту самую войну побѣды русскихъ и, между прочимъ, синопское сраженіе были привѣтствуемы на парижской биржѣ повышеніемъ фондовъ, а биржа свое дѣло, свой «интересъ» знаетъ, конечно, лучше насъ съ г. Данилевскимъ. Сопоставивъ нѣсколько подобныхъ фактовъ, Прудонъ пишетъ, что

удивляться тутъ нѣчему. «Капиталъ—космополитъ: онъ не знаетъ ни соперничества государствъ, ни религіозной или расовой ненависти. Чтò ему, напримѣръ, за дѣло до св. гроба? Поговорите съ нимъ о восточныхъ христіанахъ. Онъ скажетъ: а развѣ русскій императоръ не можетъ имъ покровительствовать точно такъ же, какъ императоръ французовъ, и даже лучше?—Но, замѣчаете вы:—дѣло идетъ о преобладаніи католичества надъ православіемъ.—Пятифранковикъ—атеистъ, отвѣчаетъ капиталъ.—Кàкъ! вы не понимаете, что русскій протекторатъ былъ бы гибелью блистательной Порты?—Это дѣло Порты. Государство, неимѣющее достаточно жизненности для самостоятельнаго существованія, заслуживаетъ такой участи.—Но европейское равновѣсіе?—Пусть Франція, Англія и tutti quanti присоединятся къ Россіи и возьмутъ свои доли трупа. Двѣ или нѣсколько величинъ, умноженныя на одну и ту же величину, остаются въ прежнихъ отношеніяхъ: простой разсчетъ! Отчего не принять предложеній императора Николая? — Но, вѣдь, это ужасно! А слава Франціи?—Я васъ не понимаю, отвѣчаетъ капиталъ (Manuel du spéculateur à la bourse, 31)». Изъ этого видно, что для признанія «интересовъ Европы» понятіемъ, обширнымъ до безсодержательности, нѣтъ даже надобности вспоминать кровавые эпизоды франко-прусской и версальско-парижской бойни: достаточно просмотрѣть биржевые бюллетени и, при томъ, за время крымской войны.

Г. Данилевскій стоитъ на томъ, что національность кладетъ свой отпечатокъ на дѣятельность человѣка, даже въ такихъ сферахъ, какъ наука, гарантированная, повидимому, отъ вторженія всякаго субъективнаго элемента. Въ справедливости этого положенія нельзя, мнѣ кажется, сомнѣваться.

Нелегко, однако, понять слѣдующія слова г. Данилевскаго: «Только при свободномъ отношеніи народовъ одного типа къ результатамъ дѣятельности другого, когда первый сохраняетъ свое политическое и общественное устройство, свой бытъ и нравы, свои религіозныя воззрѣнія, свой складъ мысли и чувствъ, какъ единственно ему свойственные, однимъ словомъ, всю свою самобытность — можетъ быть истинно плодотворно воздѣйствіе завершенной или болѣе развитой цивилизаціи на вновь возникающую. Подъ такими условіями, народы иного культурнаго типа могутъ и должны знакомиться съ результатами чужаго опыта, принимая и прикладывая къ себѣ изъ него то, чтò, такъ сказать, стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, техническіе пріемы и усовершенствованія искуствъ и промышленности» (104). Вотъ превосходный и, главное, удобоисполнимый рецептъ. Японія нынѣ чтò-то шевелится, и кто знаетъ, можетъ быть, изъ нея выростетъ одиннадцатый культурно-историческій типъ. Но для этого она должна остаться при своемъ самобытномъ политическомъ общественномъ устройствѣ, которое состоитъ въ феодализмѣ, и при своей

національной религіи, которая между прочимъ, такова: жилъ-былъ богъ и умеръ, жилъ-былъ другой богъ и тоже умеръ, жилъ-былъ третій богъ и т. д. до седьмого бога, который женился на богинѣ; однажды онъ бросилъ въ пространство свой драгоцѣнный мечъ, обратившійся при этомъ въ сушу, твердую землю, и проч., и проч., въ такомъ же родѣ. Такъ вотъ, подъ условіемъ сохраненія этой самобытной религіи, японцы могутъ совершенно безопасно принимать «выводы и методы европейской положительной науки». На что̀ лучше!

«Всѣ эти особенности въ пріемахъ мышленія, въ методахъ изысканія, случайно ли разсѣяны между людьми, или сгруппированы по національностямъ — такъ же точно, какъ сгруппированы нравственныя свойства, эстетическія способности? Въ послѣднемъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе; а если такъ, то и наука, по необходимости, должна носить на себѣ отпечатокъ національнаго, точно такъ же, какъ носятъ его искуства, государственная и общественная жизнь, однимъ словомъ, всѣ проявленія человѣческаго духа» (137). «Пусть нѣсколько человѣкъ нарисуютъ на глазъ простой цвѣтокъ (не говоря уже о цѣломъ ландшафтѣ, портретѣ или групѣ лицъ въ мгновеніе какого-нибудь событія) — и въ этомъ цвѣткѣ отразится индивидуальность живописца; а такъ какъ національность входитъ въ составъ индивидуальности, то и можно всегда отличить національный характеръ живописи» (141). Такъ во многихъ мѣстахъ своей книги говоритъ г. Данилевскій, и, повторяю, съ этимъ осложняющимъ значеніемъ національности нельзя не согласиться. Но самъ г. Данилевскій говоритъ, что «національность входитъ въ составъ индивидуальности», входитъ на ряду съ другими факторами, каковы возрастъ, полъ, общественное положеніе. Объ нихъ г. Данилевскій не говоритъ ничего, какъ будто бы ихъ и не было. Оставимъ въ сторонѣ полъ и возрастъ. Но вотъ, напримѣръ, въ такъ-называемый манчестерской школѣ политической экономіи авторъ видитъ выраженіе національнаго англійскаго характера. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что школа эта создана, положимъ, англичанами, но, при томъ, извѣстнаго общественнаго класса, и поддерживается людьми разныхъ націй, но только того же класса. Англійскіе же рабочіе (равно какъ рабочіе другихъ странъ) и ихъ друзья или не принимали этого ученія вовсе, или перестроивали его совсѣмъ не въ томъ направленіи борьбы, конкуренціи, которое авторъ считаетъ характернымъ для англичанъ, какъ націи. Далѣе, авторъ сравниваетъ, напримѣръ, духовныя отправленія грековъ и индусовъ, совершенно забывая, что философская производительность Индіи касается только опредѣленной касты, извѣстнаго слоя индусовъ—браминовъ, жившихъ совершенно отличною отъ остальныхъ классовъ жизнью. Слѣдовательно, и здѣсь мы имѣемъ примѣръ осложненія умственной дѣятельности не національнымъ, а кастовымъ элементомъ. Г. Данилевскій такъ далекъ отъ мысли

внести эту поправку въ свою историческую схему, что, даже случайно подходя къ ней вплотную, немедленно отворачивается отъ нея. Напримѣръ, «нѣмецкій историкъ Веберъ, соотвѣтственно риѳмованному раздѣленію сословій, государствъ и вообще обществъ на Lehr-, Wehr- и Nährstand, раздѣляетъ на тѣ же классы и народы, населяющіе Европу, и, конечно, относитъ славянъ къ нэр-, а нѣмцевъ къ лэр-штанду, т. е. обрекаетъ славянское племя на матеріальный трудъ въ пользу высшихъ племенъ» (182). По этому поводу г. Данилевскій только и находитъ нужнымъ замѣтить, что вотъ, молъ, какую глупость говоритъ нѣмецкій историкъ Веберъ. Это, конечно—глупость; но, такъ какъ фактически лэр-, вэр- и нэр штанды, въ видѣ сословій и другихъ подобныхъ общественныхъ групъ, существуютъ, то странно, наткнувшись на этотъ несомнѣнный фактъ, не попытаться опредѣлить его значеніе, по крайней мѣрѣ, на ряду съ національностью. Тогда характеръ и значеніе культурно-историческихъ типовъ оказались бы совершенно иными. Это можно видѣть даже изъ того микроскопически малаго, что даетъ въ этомъ отношеніи г. Данилевскій. «Слово феодализмъ, говоритъ онъ:—я принимаю *въ самомъ обширномъ смыслѣ*, разумѣя подъ нимъ такое отношеніе между *племенемъ*, достигшимъ преобладанія, и *племенемъ* подчиненнымъ, при которомъ первое не сохраняетъ своей индивидуальности, а разселяется между покореннымъ народомъ. Отдѣльныя личности его завладѣваютъ имуществомъ покоренныхъ, но если не юридически, то фактически оставляютъ имъ пользованіе частію прежней ихъ собственности за извѣстныя подати, работы или услуги въ свою пользу» (248). А черезъ нѣсколько страницъ читаемъ: «Что крѣпостное состояніе (въ Россіи) есть форма феодализма — *въ томъ обширномъ смыслѣ, который выше былъ приданъ этому слову* — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, такъ какъ оно заключало всѣ существенные его признаки: почти безграничная власть лицъ *привилегированнаго сословія* надъ частью народа, подъ условіемъ несенія государственной службы» (274). Но выше феодализмъ «въ обширномъ смыслѣ» характеризовался совсѣмъ не такъ: тамъ это названіе придавалось извѣстному отношенію между двумя племенами; здѣсь оно присвоивается тому же отношенію между двумя сословіями, принадлежащими къ одному племени. Которое же изъ этихъ опредѣленій обширнѣе? Очевидно—второе, потому что оно не обнимается первымъ, а само его обнимаетъ. Наиболѣе общая черта европейскаго феодализма и русскаго крѣпостнаго права состоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ двухъ сословій, двухъ общественныхъ групъ. Затѣмъ, европейскій феодализмъ осложняется еще частностью, разноплеменностью этихъ групъ, которая, слѣдовательно, въ феодализмѣ можетъ быть и не быть. Приглядываясь далѣе къ обѣимъ формамъ феодализма, мы найдемъ и другія различія: несравненно бо̀льшую зависимость русскаго дворянства отъ высшей, государствен-

ной власти, несравненно болѣе служилый характеръ его, отсутствіе нѣкоторыхъ сюзеренныхъ правъ, которыя имѣлъ европейскій феодалъ. Но все это—различія въ степени, а не въ типѣ общественныхъ отношеній, какъ отчасти признаетъ и самъ г. Данилевскій. Поэтому, мы имѣемъ право сказать: феодализмъ есть культурно-историческій типъ, иногда осложняющійся національною окраской, иногда нѣтъ, и способный имѣть различныя степени развитія, каковыя мы и видимъ въ Англіи, во Франціи, въ Италіи, Германіи, Россіи, Японіи и проч. А разъ мы допустимъ хотя одинъ культурно-историческій типъ, построенный независимо отъ принципа національности, то, очевидно, должна рушиться вся историческая схема г. Данилевскаго, хотя ученіе о типахъ и степеняхъ развитія остается во всей неприкосновенности и даже получаетъ новую, гораздо болѣе прочную подкладку.

Дѣйствительно, національныя особенности, несомнѣнно существующія, тѣмъ неуловимѣе, чѣмъ онѣ важнѣе, за исключеніемъ языка—о которомъ нѣсколько словъ ниже—а потому построить на нихъ историческую теорію крайне трудно, чтобы не сказать невозможно. Легко указать чисто физическія особенности націи—овалъ лица, цвѣтъ волосъ и глазъ и т. п., но зато они не имѣютъ ровно никакого значенія въ культурно-историческомъ смыслѣ. Высшія же, духовныя особенности каждый молодецъ можетъ толковать на свой образецъ. Г. Данилевскій увѣряетъ, что мы, какъ нація, представляемъ богатѣйшій, невиданный отъ сотворенія міра четырехосновной типъ, а другіе утверждаютъ, что мы, кромѣ самовара, ничего не выдумали. Г. Данилевскій, вслѣдъ за старыми славянофилами, утверждаетъ, что мы всегда были кротки, смиренны и ненасильственны, а гг. Иловайскій и Забѣлинъ утверждаютъ противное. Можно, конечно, имѣть для своего собственнаго обихода то или другое на этотъ счетъ мнѣніе, но разсчитывать на его признаніе другими никогда нельзя. Изъ особенностей, которыя можно бы было признать осязательными, г. Данилевскій приводитъ только одно православіе. Но религія, по самой сущности своей, есть нѣчто международное. Сказано: нѣсть эллинъ, ни іудей. Ни одинъ истинный христіанинъ и, въ частности, ни одинъ православный не долженъ отказываться отъ мысли, что его религія обниметъ весь міръ. Признать православіе или даже христіанство національною славянскою особенностью уже потому нельзя, что было время, когда славяне были язычниками и въ этой ихъ языческой вѣрѣ слѣдуетъ искать, дѣйствительно, національныхъ чертъ. Не даромъ балтійскіе славяне погибли въ борьбѣ съ нѣмцами и христіанствомъ за славянство и язычество. Наконецъ, и нынѣ есть славяне, исповѣдующіе христіанство, но не православіе. Правда, г. Данилевскій утверждаетъ, что поляки, славяне-католики, отреклись отъ коренныхъ славянскихъ началъ. Но, во-первыхъ, онъ не распространяетъ этого приговора

на славянъ-католиковъ австрійскихъ, а, кромѣ того, и болгаре едва не обратились въ новѣйшее время въ католичество, чтобы избѣгнуть «насильственности» фанаріотовъ, которыхъ г. Данилевскій, вмѣстѣ со всѣми православными и греками, зачисляетъ въ штаты славянскаго культурно-историческаго типа. Во-вторыхъ, онъ безсиленъ опредѣлить эти коренныя славянскія начала (кромѣ смиренія и православія). Въ третьихъ, наконецъ, упрекъ этотъ, обращаемый исключительно къ польскому дворянству, я думаю, совсѣмъ несправедливъ. Въ то время, какъ чешское дворянство онѣмечивается, малороссійское ополячивается, юго-славянское онѣмечивается и отурчивается, польская шляхта упорно остается польской. Я рѣшаюсь даже сказать, что значительная доля несчастія Польши состоитъ не въ томъ, конечно, что ея дворянство не онѣмечилось и не отурчилось, а въ томъ, что оно слишкомъ замкнулось въ свои національныя преданія, въ которыхъ феодальный культурно-историческій типъ играетъ существенную роль. Но особенность исторіи польской національности состоитъ только въ извѣстной окраскѣ и въ извѣстной формѣ, степени развитія этого типа, который перерѣзываетъ, такъ сказать, поперекъ романо-германскую, славянскую, отчасти и другія групы, очевидно, ошибочно признаваемыя нашимъ авторомъ за самостоятельные культурно-историческіе типы. Объ Японіи было уже упомянуто. Что же касается Индіи, то крайне осторожный Мэнъ говоритъ прямо: «Процессъ, совершенно подобный феодализаціи, несомнѣнно происходилъ нѣкогда и въ Индіи: тамъ существуютъ и явленія, соотвѣтствующія явленіямъ зарождающагося права личной собственности въ Англіи и въ Европѣ; но феодализація Индіи въ дѣйствительности никода не завершалась. Характеристическихъ признаковъ ея завершенія недостаетъ». («Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ», 94). Слѣдовательно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ извѣстною степенью все того же феодальнаго культурно-историческаго типа, при національномъ различіи, достигающемъ иногда, напримѣръ, при сравненіи Японіи съ Германіей или Франціей, даже различія расоваго.

Г. Данилевскій знаетъ, повидимому, только одинъ случай международнаго союза, намекающаго на возможность иного построенія исторіи. Это именно «союзъ партіи «Вѣсти» со всѣми аристократіями». Однако, и съ этимъ единственнымъ знакомымъ ему случаемъ онъ справляется далеко неудовлетворительно. Когда онъ говоритъ объ томъ, что покойница «Вѣсть» и ея литературные и нелитературные сторонники, протягивая дружескую руку польскому шляхетству, остзейскому рыцарству, а въ принципѣ и вообще всякой аристократіи, работали на пагубу русскаго народа, съ нимъ нельзя не соглашаться. Но самый фактъ остается фактомъ. Авторъ спрашиваетъ: «обвиненія французскихъ демократовъ противъ союза аристократій на гибель свободы и благосостоянія народовъ, не примѣняются ли въ полной мѣрѣ къ той партіи, которая говоритъ, что польскій

нам ближе къ ея сердцу, чѣмъ западно-русскій мужикъ». Да, примѣняется, хотя дѣло тутъ выходитъ настолько сложное, что я не прибавилъ бы слова: «въ полной мѣрѣ». Да, примѣняется. Да, польскій магнатъ и остзейскій баронъ ближе къ сердцу людей «Вѣсти», чѣмъ русскій мужикъ. И это такой фактъ, надъ которымъ автору стбило бы подумать, не объясняя дѣла простымъ «европейничаніемъ», въ которомъ онъ одинаково уличаетъ и русскій аристократизмъ, и русскій демократизмъ, и нигилизмъ [1] и проч. Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: «Еслибы сходство въ образѣ жизни болѣе соединяло якобы аристократическую партію «Вѣсти» съ остальною массою русскаго народа, могла ли бы эта партія считать польскихъ магнатовъ ближе къ своему сердцу, чѣмъ совершенно по всему чуждыхъ ей русскихъ крестьянъ западныхъ губерній?» Странный, на первый взглядъ, вопросъ. Зачѣмъ тутъ это «еслибы», когда факты совершенной чуждости, съ одной стороны, и сердечной близости, съ другой — на лицо? Но дѣло въ томъ, что авторъ желаетъ показать, какъ утрата «національнаго образа жизни» (онъ разумѣетъ тутъ одежду, архитектуру, подробности обстановки) кладетъ грань между утратившими и народомъ. Изъ совокупности его разсужденій слѣдуетъ заключить, что онъ представляетъ себѣ дѣло такъ: пусть бы издатели «Вѣсти» носили такого же покроя тулупъ, какъ и всякій мужикъ, но не овчинный, а, сообразно своему состоянію и въ видахъ поощренія отечественной промышленности, изъ глазета и парчи (которые приготовляются, главнымъ образомъ, въ Россіи); жили бы они въ такомъ же точно домѣ, какъ мужикъ, но, опять-таки по своему состоянію, сохраняя стиль постройки, расширяли бы ее и въ ширь, и вверхъ. И все было бы чудесно. И былъ бы русскій мужикъ близокъ сердцу издателей «Вѣсти», а остзейскій баронъ и польскій магнатъ были бы отъ нихъ за тридевять нравственныхъ земель.

Въ этомъ, я полагаю, можно сомнѣваться. И не то, что можно сомнѣваться, а просто опровергать не стбитъ. Развѣ нѣсколько фактовъ напомнить, даже оставляя древняго *еще* глазетоваго боярина и *уже* овчиннаго мужика въ покоѣ. Современное венгерское дворянство, несмотря на свой чардашъ и венгерскіе сапоги, чувствуетъ необыкновенное и, притомъ, платоническое

---

[1] Кстати о нигилизмѣ. Г. Данилевскій говоритъ: «Самое имя нигилизма хотя получило, повидимому, на Руси свое происхожденіе, *очевидно* основано на книгѣ Макса Штирнера «Ich stelle mein Sach auf nichts», съ филистерскимъ цинизмомъ посвященной «meinem lieben Julchen». Какъ профану, мнѣ лестно поправить ученаго человѣка замѣчаніемъ, что такой книги нѣтъ, хотя есть книга Макса Штирнера «Der Einzige und sein Eigenthum», посвященная meinem Liebchen Marie Dähnhardt и предисловіе которой озаглавлено «Ich hab mein Sach auf Nichts gestellt». Изъ этого можно заключить, что когда нашъ авторъ говоритъ «очевидно», такъ это не значитъ, чтобы онъ буквально очами видѣлъ, а слѣдуетъ понимать фигурально.

расположеніе къ англійскому лордству. Исторія славянъ представляетъ множество подобныхъ примѣровъ, хотя, къ сожалѣнію, лишенныхъ букета платонизма. Такъ, высшіе классы балтійскихъ славянъ продали свой народъ нѣмцамъ; такъ продавало свой народъ малороссійское шляхетство полякамъ; такъ сербское дворянство браталось съ турецкими бегами, чтобы встать въ ихъ ряды и, вмѣстѣ съ ними, топтать и сажать на колъ свой народъ. А все это былъ людъ глазетовый. Г. Данилевскій долженъ занести эту черту въ счетъ добродѣтелей славянскаго культурно-историческаго типа или же признать, что всѣ—люди, всѣ—человѣки, безъ различія національностей.

Читатель не потребуетъ, разумѣется, отъ меня схемы, столь же полной и разработанной, какою является групировка историческаго матеріала у г. Данилевскаго. Я хочу только показать, что ученіе о типахъ и степеняхъ развитія не требуетъ именно того дальнѣйшаго истолкованія, которое даетъ ему г. Данилевскій; что основаніемъ расположенія историческаго матеріала можетъ и, смѣю сказать, должно быть принято взаимное отношеніе общественныхъ силъ, а не національность, роль которой, какъ наличнаго фактическаго дѣятеля, при этомъ вовсе не упраздняется, а только отходитъ на задній планъ. Г. Данилевскій утверждаетъ, что «внесеніе новаго міросозерцанія, новыхъ цѣлей, новыхъ стремленій всегда коренится въ особомъ психическомъ строѣ выступающихъ на дѣятельное поприще новыхъ этнографическихъ элементовъ». (452) А, между тѣмъ, самъ приводитъ изъ европейской исторіи образцы внесенія новыхъ цѣлей, стремленій и міросозерцанія элементами, новыми совсѣмъ не въ этнографическомъ смыслѣ (см., напримѣръ, стр. 251).

Я вполнѣ, однако, признаю общія положенія г. Данилевскаго о культурно-историческихъ типахъ и степеняхъ развитія, о смѣнѣ ихъ на аренѣ цивилизаціи, словомъ—всѣ тѣ положенія, которыми еще не предрѣшается вопросъ о характерѣ типовъ, о ихъ строеніи. Вмѣстѣ съ г. Данилевскимъ, я думаю, что европейская цивилизація, какъ и всѣ предшествовавшія, односторонна, но не потому, что она заключена въ необходимо узкія рамки національности (что, относительно Европы, фактически невѣрно), а потому, что въ ней принимало и принимаетъ активное участіе лишь меньшинство европейскаго населенія. «Народъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. не въ этнографическомъ, а въ соціологическомъ, долженъ представить тотъ новый элементъ, который дастъ иное теченіе исторіи, создастъ новый культурно-историческій типъ. И проживетъ тогда старая Европа вѣка и вѣка, потому что она помолодѣетъ. Дай Богъ, чтобы къ тому времени Россія и все славянство не состарѣлись.

Теперь—нѣсколько словъ о роли языка. Г. Данилевскій предлагаетъ планъ славянской федераціи, состоящей изъ русской имперіи, королевствъ: чехо-мораво-словакскаго, сербо-хорвато-словенскаго, болгарскаго, румунскаго, эллинскаго и мадьярскаго

и цареградскаго округа. Я ничего не скажу объ этомъ планѣ, кромѣ одной подробности: «необходимымъ плодомъ политическаго объединенія славянства явился бы общій языкъ, которымъ не можетъ быть иной, кромѣ русскаго; онъ успѣлъ бы пріобрѣсти должное господство для того, чтобы между всѣми членами славянской семьи могъ бы происходить плодотворный обмѣнъ мыслей и взаимнаго культурнаго вліянія» (456). Г. Данилевскій очень скептически, хотя въ общемъ и сочувственно, относится къ стремленіямъ нѣкоторыхъ «истинныхъ и искренныхъ друзей славянства», ищущихъ «только достиженія духовнаго единства возведеніемъ русскаго языка въ общій языкъ науки, искуства и международныхъ сношеній между всѣми славянскими народами». Онъ полагаетъ, что духовное единство этого рода само собой воспослѣдуетъ за объединеніемъ политическимъ, а до тѣхъ поръ толку ждать нечего. «Несмотря на единство языка, существуетъ ли настоящее духовное единство между Россіей и Галиціей? Да и самому языку этому не угрожаетъ ли постоянная опасность: то отъ разныхъ искаженій, правительственно въ него вводимыхъ или поддерживаемыхъ, то обращеніемъ его въ языкъ какихъ-то парій, который устраненъ отъ науки, отъ литературы, отъ всѣхъ высшихъ проявленій человѣческой мысли?» «Напротивъ того — читаемъ дальше—политическое объединеніе обратитъ распространеніе русскаго языка по всему славянству въ насущную будничную потребность не однихъ только высоко образованныхъ и развитыхъ личностей, не однихъ ученыхъ и литераторовъ, а всякаго практическимъ дѣломъ занимающагося человѣка. Самыя простыя мѣры, принятыя къ обученію въ школахъ русскому языку, могутъ въ немного лѣтъ доставить ему то же распространеніе, то же господство, которое получилъ нѣмецкій языкъ между австрійскими, турецкій—между турецкими, и которое безъ сомнѣнія скоро получитъ мадьярскій между венгерскими славянами».

Надо отдать справедливость безпристрастію послѣдняго замѣчанія объ аналогичности роли русскаго языка въ будущей славянской федераціи съ ролью языковъ нѣмецкаго, турецкаго и венгерскаго среди нынѣшнихъ славянъ. Но, къ счастію или къ несчастію, эта аналогія неосновательна. Авторъ не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ той гегемоніи, которую онъ предоставляетъ Россіи въ славянскомъ союзѣ, но онъ напираетъ на то, что здѣсь не предвидится поглощенія славянства. Слѣдовательно, надо думать, онъ не имѣетъ въ виду занять администрацію въ славянскихъ земляхъ русскими чиновниками. Слѣдовательно, далѣе, русскій языкъ долженъ быть, по плану, только языкомъ науки, искуства и международныхъ сношеній, а для распространенія его рекомендуется только школьное обученіе. Не такова, конечно, роль, напримѣръ, турецкаго языка въ земляхъ сербскихъ и не этимъ путемъ онъ тамъ распространяется. Но спрашивается: можно ли надѣяться на распространеніе русскаго языка

при помощи обязательнаго его преподаванія въ школахъ чешскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ и т. д., а тѣмъ паче въ школахъ, включенныхъ въ славянскій союзъ инородныхъ грековъ, румуновъ и мадьяровъ? Положимъ, что въ высшихъ слояхъ всѣхъ этихъ народовъ, въ слояхъ, имѣющихъ надобность и возможность заниматься наукой, искуствомъ и международными сношеніями, сломлено упорство мѣстнаго (собственно, національнаго) патріотизма въ пользу, по крайней мѣрѣ, русскаго языка. Положимъ, что все ростетъ число сербскихъ, чешскихъ, хорватскихъ, даже румунскихъ, венгерскихъ и греческихъ ученыхъ и литераторовъ, пишущихъ на русскомъ языкѣ. При извѣстныхъ условіяхъ, это, хотя и въ малой степени, но, все таки, возможно. Но уже положительно невозможно, чтобы произведенія этихъ писателей стали доступны массѣ чешскаго, венгерскаго и т. д. народа. Гр. Толстой показалъ, почему русская грамата не распространяется даже въ русской землѣ, среди русскаго народа. Ко всѣмъ причинамъ этого печальнаго факта, въ случаѣ осуществленія плана г. Данилевскаго, прибавилась бы еще одна и, притомъ, страшно тяжеловѣсная. Передо мной лежитъ номеръ сербскаго журнала, на заглавномъ листѣ котораго напечатано: «Отацбина. Кньижевность, наука, друштвени живот. Свеска за іул. 1875». Очень вѣроятно, что народъ сербскій этой Отацбины не читаетъ, но, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, иногда является въ ней нѣчто, и для «свинопаса» понятное. Замѣните отацбину отечествомъ и этотъ смѣшной на русское ухо дружественный животъ—общественною жизнью и вы положите непреодолимую преграду для распространенія знаній и просто грамотности въ народѣ. Наука, искуство, просвѣщеніе, цивилизація будутъ идти сами по себѣ, народъ—самъ по себѣ, не оплодотворяя другъ друга. Чешскій, венгерскій и прочіе языки станутъ дѣйствительно, говоря глубоко вѣрными словами самого г. Данилевскаго, языками «какихъ-то парій, которые устранены отъ науки, отъ литературы, отъ всѣхъ высшихъ проявленій человѣческой мысли». Получится рознь, несравненно сильнѣйшая, чѣмъ та, объ которой горюетъ нашъ авторъ по отношенію къ Россіи. Вотъ почему, посягательства нѣмцевъ и мадьяровъ на языкъ подвластныхъ имъ славянъ являются дѣйствительно ужаснымъ преступленіемъ. И вотъ почему осмѣлился я недавно, къ удивленію одного благосклоннаго критика, сказать, что языкъ, въ качествѣ орудія общечеловѣческаго развитія, есть наименѣе національная изо всѣхъ національныхъ особенностей. Наименѣе національная и потому, въ принципѣ, наиболѣе драгоцѣнная; въ принципѣ—потому что въ дѣйствительности любой языкъ можетъ стать проводникомъ самыхъ разнообразныхъ понятій и чувствъ. Несмотря на нѣкоторую парадоксальность формы, я не сказалъ, по существу, ничего новаго: эта мысль не разъ высказывалась въ литературѣ и даже очень недавно.

И такъ: есть ли славянскій вопросъ нашъ внутренній вопросъ,

или внѣшній? Это какъ вамъ будетъ угодно, читатель. Вы видите, что различные союзы, въ которыхъ живетъ современный человѣкъ, различныя узы, которыя связываютъ его съ ближними, графически могутъ быть изображены нетолько вертикальными полосами въ видѣ культурно-историческихъ типовъ г. Данилевскаго, а и горизонтальными. Ваше дѣло отдать преимущество тѣмъ или другимъ. Недавно я получилъ, въ печати, такое возраженіе: положимъ, что вы разсуждаете довольно логически, гладко у васъ все это выходитъ и противъ многаго я ничего не могу возразить; но вотъ вещь, объ которую ломается вся ваша аргументація: непосредственное чувство національности, его вы поколебать логикой не можете. Это—сама истина. Логикой столь же мало можно поколебать чувство, какъ пудами измѣрить какое-нибудь пространство. Но зато это и не возраженіе. Это якобы возраженіе показываетъ только, что въ общемъ моя аргументація вѣрна, ибо является надобность апеллировать въ совершенно постороннее вѣдомство. Вамъ непосредственное чувство говоритъ, что славяне, какъ славяне—вамъ братья. Издателямъ «Вѣсти» непосредственное чувство говорило, что имъ братья остзейскіе бароны, какъ бароны. Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Я, признаться сказать, хотѣлъ только заинтересовать васъ вопросомъ и буду радъ, если вы извлекли изъ моихъ нехитрыхъ соображеній какіе-нибудь матеріалы для рѣшенія его на свой собственный страхъ. Общаго отвѣта я не имѣю. Скажу только, что культурно-историческіе типы г. Данилевскаго могутъ, въ очень, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, совпадать съ тѣми, которые я, съ своей стороны, рекомендую вашему вниманію. Но и въ такихъ случаяхъ различать ихъ, все-таки, слѣдуетъ, ибо нужно, даже во всякомъ практическомъ дѣлѣ, имѣть какую-нибудь одну теоретическую точку зрѣнія и только ее одну и пускать въ ходъ.

Профанъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕСѢДЫ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Критическія письма).

Письмо второе.

Поэзія графа А. Толстого, какъ типъ чужеяднаго творчества.

Если мы будемъ разсматривать поэтическое творчество, какъ естественное и непосредственное рефлектированіе впечатлѣній, навѣваемыхъ жизнію, и будемъ обусловливать силу и направленіе его силою и характеромъ впечатлѣній, то подобное воззрѣніе дастъ совершенно иное освѣщеніе двумъ спорнымъ эстетическимъ доктринамъ прошлаго десятилѣтія: доктринѣ искуства для искуства и искуства для жизни. Обыкновенно полагается такъ, что польза и значеніе поэтическихъ произведеній, помимо талантливости автора, всецѣло зависятъ оттого, какой изъ двухъ доктринъ придерживается писатель—чистаго или полезнаго искуства: въ первомъ случаѣ, произведенія его должны быть безцѣльны и потому безполезны, а во-второмъ проникнуты самыми современными тенденціями, и въ пользѣ ихъ не будетъ представляться ни малѣйшаго сомнѣнія. На дѣлѣ же и съ точки зрѣнія нашихъ воззрѣній на искуство это не всегда бываетъ такъ: что толку, что поэтъ будетъ исповѣдывать доктрину полезнаго искуства, если въ произведеніи его отразятся впечатлѣнія ничтожныя по своей слабости и маловажности и если оно будетъ ничѣмъ инымъ, какъ рутинною иллюстраціею общихъ мѣстъ, вполнѣ справедливыхъ, но тѣмъ не менѣе намозолившихъ всѣмъ глаза своею стереотипностью? А съ другой стороны, развѣ не можетъ случиться, что хотя бы иной поэтъ держался теоріи разпречистѣйшаго искуства, тѣмъ не менѣе въ его поэтическихъ образахъ отразятся впечатлѣнія сильныя и животрепе-

щущія по своему существенному значенію въ жизни, и произведеніе его само по себѣ будетъ въ высшей степени полезно, будетъ имѣть большое значеніе въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, скажите: какой доктрины, чистаго или полезнаго искуства держались такія свѣтила поэзіи, какъ Дантъ, Шекспиръ или Байронъ? А Гоголь положительно держался теоріи чистаго искуства; но это не помѣшало ему создать рядъ произведеній, по значенію и пользѣ превосходящихъ все созданное до него въ русской литературѣ. А еще лучше возьмите народную поэзію: какой доктрины держится народъ, чистаго или полезнаго искуства, создавая свои пѣсни? Онъ творитъ ихъ совершенно непроизвольно, поетъ ихъ также безотчетно, какъ птицы небесныя, а между тѣмъ, много ли найдете вы народныхъ пѣсней, которыя не отражали бы тѣхъ или другихъ роковыхъ и существенныхъ явленій его жизни и не имѣли бы серьёзнаго значенія для него?

Такимъ образомъ, нисколько не отвергая, что искуство должно служить не ради однихъ праздныхъ эстетическихъ забавъ и утѣхъ, что оно имѣетъ свое спеціальное высшее, утилитарное назначеніе въ жизни, мы въ то же время должны признать, что достиженіе этого назначенія или же пребываніе искуства въ области эстетической побрякушности зависитъ вовсе не отъ доброй воли поэта и его эстетическихъ взглядовъ, а отъ характера впечатлѣній, возбуждающихъ его творчество. Характеръ же впечатлѣній зависитъ отъ суммы условій жизни поэта, условій, создаваемыхъ эпохою, средою, наконецъ, обстоятельствами личной жизни. И совершенно подобно тому, какъ жизнь создаетъ различные типы людей той или другой среды, того или другого вѣка, также точно создаетъ она и различные типы поэзіи. Типы эти совершенно подобно людскимъ возникаютъ и исчезаютъ сообразно возникновенію и исчезанію тѣхъ условій, которыя ихъ создаютъ. Такимъ образомъ, если вамъ не нравится какой-нибудь изъ существующихъ поэтическихъ типовъ, то это происходитъ прежде всего отъ того, что онъ чуждъ условіямъ, характеру и складу вашей личной жизни, оттого, что будь вы сами поэтомъ, ваша поэзія принадлежала бы къ другому типу, не имѣющему ничего общаго съ первымъ. Затѣмъ вы можете воздвигать на несимпатичный вамъ типъ поэзіи какія вамъ угодно гоненія, пусть гоненія эти будутъ основаны на вполнѣ неопровержимыхъ, самыхъ глубокихъ и вѣскихъ истинахъ, и повѣрьте, что никакіе критическіе доводы не поколеблятъ существующаго типа поэзіи, пока не исчезнутъ условія, вызывающія и поддерживающія его существованіе.

Такъ, напримѣръ, представьте себѣ господина, который съ пеленокъ привыкаетъ уже созерцать жизнь исключительно съ одной стороны красоты ея формъ. Когда еще питается онъ молокомъ деревенской красавицы (нарочно тщательно выбранной изъ сотенъ крестьянокъ по привлекательности своихъ формъ

когда сознаніе не успѣло еще проявиться въ немъ и только-только что воспитываются органы элементарныхъ ощущеній, его ручки ощупываютъ не иначе, какъ газъ, шелкъ и атласъ, въ которыхъ онъ изящно окутанъ, его глазенки останавливаются на ослѣпительномъ блескѣ артистически изваянныхъ бронзовыхъ или хрустальныхъ люстръ и канделябръ; его ушенки слушаютъ тихіе звуки отдаленныхъ музыкальныхъ мотивовъ, сладкій говоръ нѣжныхъ ласкъ на звучномъ французскомъ діалектѣ и т. п.

И потомъ, когда онъ начинаетъ подростать, отъ него тщательно отстраняется и удаляется все негармоническое, неуклюжее, тривіальное по внѣшнимъ формамъ, а если что-либо изъ подобнаго по необходимости торчитъ передъ его глазами, ему внушается презрѣніе и пренебреженіе ко всему подобному. Такъ, напримѣръ, гувернёръ его можетъ имѣть бездну самыхъ почтенныхъ и высокихъ нравственныхъ достоинствъ, но никто не заботится обратить вниманіе мальчика на эти достоинства, а, напротивъ того, на первомъ планѣ ставятся неловкія манеры или всклокоченные волосы ментора, и осмѣиваются маменьками и папеньками, тётеньками и дяденьками. Заражаясь ихъ смѣхомъ, и мальчикъ осмѣиваетъ своего наставника, за некрасивыми формами его не замѣчая прекраснаго внутренняго ихъ содержанія. Такимъ образомъ, мальчикъ привыкаетъ все, на что ни кидаетъ взоры свои, разсматривать исключительно со стороны красоты или безобразія формъ. Сама природа является глазамъ его прежде всего въ выровненномъ, вылощенномъ, изукрашенномъ видѣ симетрически-правильныхъ формъ сада, расположеннаго вокругъ зáмка. И только далѣе, за предѣлами сада, допускается настоящая природа, позволяется имѣть ей и свои дикія красоты, но все-таки непремѣнно не что иное, какъ красоты: взоры, привыкшіе нѣжиться прелестью изящныхъ формъ, и здѣсь прежде всего и болѣе всего ищутъ привычныхъ наслажденій. Прибавьте ко всему этому, что къ наступленію зрѣлаго возраста человѣкъ этотъ привыкаетъ главнымъ содержаніемъ жизни считать всевозможныя наслажденія, стараясь окружать себя со всѣхъ сторонъ всѣмъ нѣжущимъ и ласкающимъ чувства и тщательно удаляетъ отъ себя нетолько все негармоническое, безобразное, тривіально-грязное, но и все возмущающее, тревожащее душу, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Весьма понятно, что для такого господина «муза мести и печали» всегда будетъ чужда и ненавистна, какими бы доказательствами вы ни разсыпались передъ нимъ въ полезности и естественности такой музы. Ну, статочное ли дѣло, чтобы Некрасовъ могъ тронуть его стихотвореніемъ:

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша!
Въ томительномъ бореніи
Сама съ собой душа и проч.

или чтобы Рѣшетниковъ могъ разжалобить его судьбою спив-

шагося почтальона, когда видъ пьянаго простолюдина или разночинца никогда ничего въ этомъ господинѣ неспособенъ возбуждать, кромѣ одного единственнаго чувства гадливости и ненависти. Ему и въ голову не можетъ прійти, да никогда и не придетъ, чтобы въ безобразной съ точки зрѣнія изящества формъ фигурѣ пьянаго почтальона могли происходить какія-нибудь «душевныя боренія». Помилуйте, какія-такія тутъ душевныя боренія, ха, ха, ха!.. Больше ничего, какъ безсмысленный бредъ хмѣльнаго идіота. Да и въ правѣ-ли вы требовать, чтобы этотъ господинъ постигъ вдругъ поэзію душевныхъ бореній спившагося разночинца или, еще того хуже, мужика, когда даже плачущую Ніобею, этотъ общечеловѣческій ὅбразъ материнской скорби, господинъ этотъ способенъ созерцать исключительно со стороны красоты ея слезъ, не допуская разстроивать свои чувствительные нервы тревожными размышленіями о томъ, что слезы эти нетолько красивы, но солоны и горьки, и что подъ ними таятся своего рода «душевныя боренія». Понятно, что среда такихъ господъ фатально должна воспитывать поэзію, главное содержаніе которой заключается въ отраженіи впечатлѣній изящныхъ формъ, которая на всѣ явленія жизни, на всѣ людскія радости и печали будетъ смотрѣть исключительно съ той точки зрѣнія, какъ красиво они проявляются и рисуются передъ глазами. Понятно также, что пока будетъ существовать эта среда, до тѣхъ поръ и этому типу поэзіи не будетъ конца. Этотъ типъ и есть то, чтò у насъ принято называть искуствомъ для искуства. Но въ сущности это вовсе не искуство для искуства? Это въ своемъ родѣ искуство для жизни: да, для жизни той среды, которая создаетъ такое искуство, потому что *нуждается* въ немъ и создаетъ его сообразно *своимъ потребностямъ*, подобно тому, какъ иныя среды создаютъ свои типы искуства, сообразно своимъ потребностямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ жизнь средней руки французскаго буржуа, нѣмецкаго бюргера, мелкопомѣстнаго русскаго помѣщика или разночинца. Здѣсь вы не найдете уже, конечно, того восторженнаго культа прекрасныхъ формъ, какое мы видѣли въ жизни вышеозначеннаго господина. Прекрасному предпочитается здѣсь полезное. Главнымъ стимуломъ жизни является здѣсь не наслажденіе, а пріобрѣтеніе. Здѣсь и некогда, да нѣту и средствъ заводить прекрасную, нѣжащую взоры обстановку. Комнаты у подобныхъ людей наполняются старомодною, неуклюжею, дешевою мебелью, лишь-бы было на чемъ сидѣть, обѣдать или спать. Подобнымъ хламомъ эти люди дорожатъ иногда въ гораздо бòльшей степени, чѣмъ знатные господа своею дорогою и изящною мебелью, но дорожатъ вовсе не въ силу того, чтобы онъ прельщалъ взоры ихъ изаществомъ своихъ формъ, а потому что однѣ вещи представляютъ память о дѣдушкѣ или бабушкѣ, по наслѣдству отъ которыхъ они достались; другіе дороги по собственнымъ воспоминаніямъ или по привычкѣ, пото-

му что глаза успѣли приглядѣться къ нимъ съ самаго дѣтства; наконецъ, дорогъ весь этотъ хламъ и просто потому, что въ этой средѣ каждая мелочь идетъ въ счетъ, каждой ложкѣ и плошкѣ придается свое представительное значеніе, надъ каждой разбитой чашкой проливаются здѣсь подъчасъ слезы. И еще бы: вся жизнь въ этой средѣ слагается изъ мелочей; здѣсь сколачиваются капиталы по копейкамъ и денежкамъ. Здѣсь нѣтъ взрывовъ вулканическихъ страстей, ведущихъ за собою катастрофы и быстрые перевороты; а, напротивъ того, жизнь тянется въ однообразномъ теченіи мелочныхъ, повседневныхъ дрязгъ, вслѣдствіе чего такіе пустяки, какъ экстраординарная пирушка по случаю полученія ордена или поѣзда за 100 верстъ, принимаютъ здѣсь размѣры крупныхъ событій жизни, отъ которыхъ люди ведутъ свои эры. Характеры въ этой средѣ обрисовываются не геройскими подвигами или злодѣйствами, вообще не какими-либо крупными поступками, а совокупнымъ рядомъ деталей домашней обстановки и мелкихъ дрязгъ, въ отношеніи къ небольшой групѣ людей. Наконецъ, люди этой среды такъ привыкаютъ обращать пристальное вниманіе, взвѣшивать и высоко цѣнить каждую мелочь, что они рѣшительно теряютъ сознаніе различія мелкаго отъ крупнаго, и такіе вопросы, какъ заказъ новаго платья или оклейка стѣнъ новыми обоями, стоятъ въ головѣ ихъ на одномъ планѣ съ самыми существенными общими вопросами вѣка. Подумайте теперь: какой типъ поэзіи должна создать подобная среда? Нужно ли распространяться, какой именно? Конечно, это будетъ именно та пресловутая натуральная поэзія мелочей и дрязгъ жизни, которая, начиная съ 30-хъ годовъ, преобладаетъ въ Европѣ. Феодальный принципъ, опредѣляющій искуство сферою прекраснаго и высокаго, къ этому типу совершенно оказывается неприменимымъ. Люди, привыкшіе вращаться въ средѣ мелочей жизни и цѣнить ихъ со стороны исключительно утилитарной, не обращая особеннаго вниманія, насколько мелочи эти удовлетворяютъ чувству прекраснаго, очень понятно, и въ искуствѣ будутъ отражать всѣ эти мелочи съ точки зрѣнія утилитарно-нравственнаго или матеріальнаго значенія ихъ въ жизни. Понятно также, что этотъ типъ поэзіи будетъ чуждаться выставленія крупныхъ характеровъ, сильныхъ страстей и выдающихся трагическихъ событій жизни. Напротивъ того, онъ долженъ неуклонно стремиться къ изображенію обыкновенныхъ маленькихъ людишекъ во всей ихъ будничной обстановкѣ, съ ихъ миніатюрными добродѣтелями и пошленькими плотскими вожделеньицами, и съ ихъ семейными драмами, медленно-черепашьимъ шагомъ выплывающими изъ тины мелочей и дрязгъ повседневной жизни.

Замѣтьте, что недаромъ подобнаго рода типъ поэзіи, въ видѣ натуральнаго романа, развивается въ Европѣ вмѣстѣ съ окончательнымъ паденіемъ феодальныхъ режимовъ, и утвержденіемъ господства буржуазныхъ, промышленныхъ классовъ. Подобно

тому, какъ въ Англіи послѣ послѣдняго проблеска поэзіи феодальнаго режима, въ видѣ неоромантизма (Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ), воцаряется натуральный романъ на почвѣ всесильной англійской буржуазіи, въ лицѣ такихъ крупныхъ представителей, какъ Диккенсъ, Тэккерей, Джорджъ Эллiотъ и проч., подобно тому, какъ во Франціи, вскорѣ послѣ первой революціи, даровавшей господство промышленнымъ классамъ, возникла подобнаго же рода школа натуральнаго романа въ лицѣ Бальзака, Стендаля, Флобера и Зола̀, точно такъ же и у насъ, въ свою очередь, достаточно оказалось перемѣщенія центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ слоевъ общества въ среду мелкаго дворянства и разночинства, чтобы тотчасъ-же возникла натуральная школа, воцарилась поэзія мелочей и дрязгъ повседневной жизни, и мы видимъ, что представитель этой школы, Гоголь, является самъ всецѣло выходцемъ изъ этой среды и по своему происхожденію, и по своему воспитанію, и по всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни.

Судя по всему этому, можно ожидать, что и натуральная поэзія мелочей и дрязгъ жизни имѣетъ крайне относительное значеніе и преходящее существованіе. Она, конечно, будетъ процвѣтать и господствовать до тѣхъ только поръ, пока центръ умственнаго движенія будетъ сосредоточиваться въ средѣ промышленныхъ классовъ. Передвиженіе-же этого центра въ иные слои общества, напримѣръ, въ народные, непремѣнно должно отозваться въ искуствѣ появленіемъ новыхъ типовъ поэзіи, соотвѣтствующихъ этимъ слоямъ. Первообразы этихъ типовъ мы и теперь впрочемъ можемъ наблюдать, какъ, съ одной стороны въ собирательно-народномъ творчествѣ, такъ и въ произведеніяхъ поэтовъ выходцевъ изъ народа, каковы: Кольцовъ, Шевченко, Никитинъ, Борисъ и проч. Замѣтьте, что, несмотря на то, что поэты эти оригинальны до крайности и вносятъ совершенно свѣжія струи въ литературу тѣхъ обществъ, среди которыхъ появляются, они стоятъ совершенно особняками, не дѣлаютъ пока переворотовъ въ той сферѣ поэзіи, къ которой принадлежатъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что ни Кольцовъ, ни Шевченко ни мало не помѣшали появленію послѣ нихъ лиръ Ап. Майкова, Фета, Тютчева и пр. въ такой степени, въ какой Жуковскій съ Пушкинымъ помѣшали трескучимъ одамъ, поэмамъ и трагедіямъ въ ложно-классическомъ духѣ, или въ какой степени Гоголь помѣшалъ появленію романовъ въ духѣ Полеваго или Загоскина съ Кукольникомъ. Это происходитъ, конечно, отъ того, что въ средѣ умственнаго движенія общества и до сихъ поръ преобладаютъ слои, для которыхъ пушкинская муза роднѣе кольцовской. Такъ мы и до сихъ поръ видимъ, если появляется молодой лирикъ изъ привилегированныхъ классовъ, то онъ не станетъ подражать Кольцову или Никитину, а будетъ придерживаться мотивовъ и формъ лирики, выработанныхъ пушкинской традиціей. Тогда какъ выходцы изъ народа начинаютъ обыкно-

венно подражаніемъ Кольцову. Стоитъ обратить при этомъ вниманіе и на то, что поэзія всѣхъ этихъ выходцевъ изъ народа, этихъ первыхъ піонеровъ будущихъ поэтическихъ типовъ не подходитъ ни подъ одну изъ существующихъ до нынѣ эстетическихъ доктринъ. Это—отнюдь не поэзія прекрасныхъ образовъ, изысканныхъ формъ и выраженій и тѣмъ менѣе—поэзія мелочныхъ деталей жизни. При своей крайней, чисто младенческой простотѣ и чуждости всякихъ изысканныхъ вычурностей, она отличается, въ тоже время чрезвычайной сжатостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могучей силой страстности. Отъ нея такъ и вѣетъ упругою крѣпостью мускуловъ, развитыхъ земледѣльческимъ трудомъ и свѣжестью непочатыхъ и необъятныхъ душевныхъ силъ. Она изображаетъ предметы крупными общими чертами, избѣгая мелкихъ детальныхъ штриховъ и тонкихъ оттѣнковъ различныхъ душевныхъ движеній. Видно, что она вышла изъ среды людей, слишкомъ занятыхъ, чтобы предаваться празднымъ созерцаніямъ и подолгу останавливаться на каждой черточкѣ жизни. Природа въ ней если и описывается, то въ тѣсной связи съ жизнію человѣка и въ ея вліяніи на эту жизнь. Общее содержаніе ея заключается отнюдь не въ восторженномъ созерцаніи прекраснаго и не въ тщательномъ изображеніи дѣйствительности во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, а въ глубокой, сурово-скорбной думѣ о жизнѣ и судьбѣ человѣка, о борьбѣ съ людскими неправдами и о прискорбномъ преобладаніи кривды надъ правдою.

При всемъ этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, конечно, не однимъ складомъ жизни и характеромъ тѣхъ или другихъ слоевъ общества опредѣляются типы поэзіи. Они въ значительной степени видоизмѣняются и осложняются, смотря по характеру эпохи. Такъ, напримѣръ, возьмите во вниманіе, что во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Западной Европы послѣдней четверти прошлаго столѣтія и первой четверти настоящаго преобладаетъ наклонность къ грандіозному въ изображеніяхъ, какъ жизни человѣческой, такъ и природы. На сцену выступаетъ передъ вами цѣлый рядъ титаническихъ личностей, представляющихъ въ себѣ какъ бы фокусы всего человѣчества, каковы Фаустъ, Чайльдъ-Гарольдъ, маркизъ Поза и проч. Они обставляются соотвѣтствующею, величественною обстановкою: сюжеты произведеній развиваются постоянно то среди громоздящихся скалъ и вѣчныхъ снѣговъ Альпъ, то среди бушующихъ волнъ океановъ, то въ дѣвственныхъ лѣсахъ тропической природы, то подъ гигантскими сводами средневѣковыхъ храмовъ или замковъ, или среди обвитыхъ плющами и миртами развалинъ классической древности. Въ общемъ своемъ содержаніи всѣ эти произведенія трактуютъ en grand о судьбахъ всего человѣчества, объ основныхъ началахъ человѣческой природы и вѣковѣчныхъ явленіяхъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что такой характеръ поэзіи лежитъ въ тѣсной связи съ общимъ настроеніемъ эпохи, въ которую Европа переживала двойной

кризисъ философскій и политическій, въ которую жизнь ежедневно выдвигала чрезвычайныя событія, катастрофы и перевороты, всѣ страсти были взволнованы до послѣдней крайности и воображеніе крайне возбуждено и напряжено. Правда, что и послѣдующее пятидесятилѣтіе, составляющее середину нынѣшняго столѣтія, не лишено своего рода чрезвычайныхъ событій: стоитъ припомнить три революціи, пережитыя Франціею съ ужасами іюльскихъ дней и коммуны, американскую войну за освобожденіе негровъ, освобожденіе Италіи, крымскую кампанію, германо-французскую войну или только-что пережитый терроръ на Балканскомъ Полуостровѣ; но какой бы ужасъ ни возбуждали въ свое время всѣ эти событія въ современникахъ, они далеко не имѣютъ въ ихъ глазахъ того рокового, апокалипсическаго характера, какой представляли событія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Къ тому же, всѣ эти событія совершаются маленькими людьми, далеко не рисующимися въ томъ ореолѣ величавой геніальности или трагичности, въ какомъ рисовались такіе дѣятели прошлаго вѣка, какъ Уашингтонъ, Наполеонъ I, Суворовъ, Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ и проч. Они возбуждаютъ въ васъ не восторженное удивленіе или ужасъ, а смѣхъ и презрѣніе своими смѣшными слабостями въ мѣщанскомъ духѣ, въ родѣ мелочного тщеславія, погони за наживою, интриганства и передергиваній чисто-шуллерскаго характера, жалкаго малодушія въ роковыя минуты и проч. А главное дѣло, мы слишкомъ умудрены опытомъ, чтобы каждое событіе, выходящее изъ обыденнаго уровня, встрѣчать, какъ возрожденіе всего человечества и начало новой эры. Мы очень хорошо впередъ предугадываемъ, что, сколько ни было бы сожжено пороха, разрушено домовъ и пролито крови, въ концѣ-концовъ, надъ всѣми развалинами совершившихся катастрофъ все-таки восторжествуетъ единственный, истинный владыка нашего вѣка — купецъ, съ аршиномъ въ одной рукѣ и мѣшкомъ золота въ другой. Немудрено, что всѣ вышеупомянутыя, чрезвычайныя событія нашего времени нисколько не мѣшаютъ европейской жизни въ общемъ своемъ теченіи имѣть сѣренькій характеръ заурядности мирныхъ устоевъ буржуазнаго прозябанія. Куда ни обернетесь, повсюду вы наткнетесь на купца, афериста, мелкаго промышленника, биржевого игрока и шуллера. Что же мудренаго, что и поэзія спустилась нѣсколькими тонами ниже: вмѣсто того, чтобы изображать судьбы человѣчества en grand, занялась анализомъ мелочей и дрязгъ буржуазной жизни и, вмѣсто того, чтобы выводить на сцену Валленштейновъ, Манфредовъ или Іоаннъ д'Аркъ, героями своими избрала Пиквиковъ, Ругоновъ, Чичиковыхъ, Ревеккъ Шарпъ и пр.

Немалое вліяніе на созданіе, въ настоящемъ случаѣ, не общихъ и гуртовыхъ, но личныхъ, индивидуальныхъ типовъ поэзіи имѣютъ, конечно, частныя условія жизни того или другого поэта. Но здѣсь мы вступаемъ въ такую необъятную область, что, изъ

боязни разбросаться и запутаться въ массѣ конкретныхъ явленій, я считаю необходимымъ немедленно же перейти къ главному предмету своего настоящаго письма—къ анализу поэтическаго творчества сошедшаго въ прошломъ году въ могилу графа Алексѣя Толстого. Его поэтическія произведенія, въ связи съ біографическими данными, покажутъ намъ, какія общія и частныя условія жизни и какъ вліяли на творчество этого современнаго намъ поэта и что̀ они изъ него сдѣлали. Я избираю въ настоящемъ случаѣ для своего анализа гр. А. Толстого нетолько потому, что онъ недавно умеръ и послѣ его смерти изданы были въ прошломъ году всѣ его стихотворныя произведенія. Это только поводъ. Главное же дѣло въ томъ, что гр. А. Толстой, какъ поэтъ, представляется мнѣ весьма рѣзкимъ и опредѣленнымъ типомъ для моего анализа.

Но прежде, чѣмъ мы займемся поэтическими произведеніями гр. А. Толстого, мы обратимъ вниманіе на тѣ автобіографическія свѣдѣнія о его жизни, которыя онъ изложилъ въ своемъ письмѣ къ флорентійскому профессору де-Губернатису, помѣщенномъ въ началѣ послѣдняго изданія его стихотвореній. При всей своей краткости и сжатости, свѣдѣнія эти столь характеристичны, что даютъ вполнѣ ясное и опредѣленное понятіе объ условіяхъ жизни поэта и вліяніи этихъ условій на его творчество. Итакъ, что̀ же мы видимъ изъ этихъ свѣдѣній? Мы видимъ, во-первыхъ, что гр. А. Толстой родился и всю жизнь прожилъ исключительно въ самыхъ великосвѣтскихъ кругахъ общества. Затѣмъ мы видимъ, что хотя онъ родился въ Петербургѣ (въ 1817 году), но еще шестинедѣльнымъ увезли его въ Малороссію мать и дядя его съ материнской стороны, Алексѣй Перовскій, который, замѣтьте, былъ человѣкъ образованный, большой любитель изящныхъ искуствъ, и принималъ участіе въ русской литературѣ, въ которой извѣстенъ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Итакъ, родиною своею гр. А. Толстой въ полномъ правѣ могъ считать Малороссію, гдѣ съ шестинедѣльнаго возраста онъ провелъ въ имѣніи родителей первыя восемь или девять лѣтъ своей жизни. Дѣтство графа прошло, какъ онъ самъ говоритъ, чрезвычайно счастливо и оставило въ немъ одни свѣтлыя воспоминанія. И еще бы: конечно, попеченіями любящихъ его нѣжно родителей онъ былъ тщательно огражденъ отъ всѣхъ непріятныхъ столкновеній и шероховатостей жизни: это была нѣжная гусеница, бережно окутанная въ вату, чтобы она не могла подвергнуться ни малѣйшему толчку или грубому прикосновенію стихій. Онъ не имѣлъ въ своемъ дѣтствѣ даже сверстниковъ, отношенія къ которымъ, въ видѣ насмѣшекъ, поддразниваній, обидъ, ссоръ и потасовокъ, могли бы доставить ему первые тяжкіе опыты жизни. Онъ росъ въ полномъ одиночествѣ среди изящной обстановки, среди роскошной малороссійской природы, и очень понятно, что, при такихъ условіяхъ, въ немъ рано развилась мечтательность, при чемъ воображеніе его начало

создавать самыя причудливыя и фантастическія грёзы, своею обольстительностію вполнѣ соотвѣтствующія изяществу обстановки окружающей его жизни. Для бо̀льшей наглядности я считаю не лишнимъ иллюстрировать характеристику дѣтства поэта извлеченіемъ изъ стихотворной повѣсти его «Портретъ». Хотя я и не имѣю права утверждать, чтобы въ повѣсти этой гр. А. Толстой изобразилъ свое собственное дѣтство, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ сдается, что, хотя бы и при нѣкоторыхъ иныхъ условіяхъ и подробностяхъ домашней обстановки, дѣтство графа имѣло немало общаго съ описаннымъ въ «Портретѣ», и несомнѣнно, что на послѣднемъ отражаются слѣды воспоминаній перваго. Вотъ что̀ мы читаемъ въ вышеупомянутой повѣсти. Послѣ описанія казарменной архитектуры фасада родительскаго дома героя, поэтъ говоритъ:

«но внутри
Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два, иль три
Могли-бъ восторга вызвать междометье
У знатока. Изъ бронзы фонари
Въ стѣнахъ висѣли, и *любилъ смотрѣть я,*
Хоть былъ тогда въ искуствѣ не толковъ,
На лѣпку стѣнъ и форму потолковъ.

* * *

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестеръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тётки; *съ раннихъ поръ*
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами ихъ просторъ.
Такъ подвиги, достойные романа,
Воображать себѣ я началъ рано.

* * *

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна,
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась безпрерывно,
Все, что̀ зовутъ серьёзныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
Не говорю, что въ этомъ былъ я правъ,
Но видно такъ ужъ мой сложился нравъ.

* * *

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
Желто-фіолей много золотыхъ,
И много гіацинтовъ, синихъ, алыхъ,
И полевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;
И я, міровъ искатель небывалыхъ,
Любилъ вникать въ благоуханье ихъ,
И въ каждомъ запахъ индивидуальный
Мнѣ музыкой какъ будто вѣялъ дальной,

* * *

Въ иные-жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
Случалось мнѣ очнуться, въ удивленьи,

Съ цвѣткомъ въ рукѣ. Какъ мной былъ сорванъ онъ—
Не помнилъ я; но въ чудныя видѣнья
Былъ запахомъ его я погруженъ.
Такъ превращало мнѣ воображенье
Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ —
А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.

Къ этимъ галлюцинаціямъ, внушаемымъ полнымъ одиночествомъ мальчика среди роскошной и изящной обстановки, прибавьте еще обаяніе малороссійской природы, о которомъ графъ А. Толстой считаетъ нужнымъ два раза замѣтить въ своей автобіографіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что мѣстная природа, среди которой онъ жилъ, много содѣйствовала развитію въ немъ мечтательности и склонности къ поэзіи: «Воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь, и сохраняемое мною до сей поры». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что, возвращаясь порою въ деревню, гдѣ провелъ первые годы, онъ никогда не могъ видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія.

При такихъ условіяхъ жизни, въ мальчикѣ очень рано начало обнаруживаться поэтическое призваніе. «Съ шестилѣтняго возраста, говоритъ гр. А. Толстой:—началъ я марать бумагу и писать стихи — такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденныхъ мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ грязную красную обертку. Видъ этой книги отпечатлѣлся въ моей памяти и заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ романсовъ и усвоилъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ, однако, сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны».

Когда мальчику было восемь или девять лѣтъ, его повезли въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ представленъ ко двору и допущенъ въ число дѣтей: составлявшихъ воскресное общество Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора). Но съ слѣдующаго же года начинаются постоянныя странствованія его съ родителями за границей, имѣвшія огромное вліяніе на эстетическое развитіе и окончательное углубленіе его въ міръ прекрасныхъ образовъ искуства. Первое путешествіе было совершено въ Германію. «Во время пребыванія нашего въ Веймарѣ, говоритъ графъ А. Толстой, по поводу этого путешествія:— дядя свелъ меня съ Гёте, къ которому я инстиктивно проникся величайшимъ почтеніемъ за ту манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте и еще то, что я сидѣлъ у него на колѣняхъ».

Но самое роковое, въ смыслѣ нравственнаго и эстетическаго вліянія, наложившаго печать на всю жизнь поэта, было путешествіе въ Италію на 14 году его жизни. «Мнѣ было 13 лѣтъ, говоритъ гр. А. Толстой:—когда я съ родными сдѣлалъ первые путешествіе въ Италію. Невозможно изобразить силы моихъ впечатлѣній и переворота, совершившагося въ моей душѣ, когда въ первый разъ увидѣлъ я тѣ сокровища, о которыхъ имѣлъ уже смутныя понятія, прежде нежели встрѣтился съ ними. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ большія покупки въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ, былъ купленъ бюстъ молодаго фавна, приписываемый Микель-Анджело, великолѣпный экземпляръ, который когда-либо мнѣ случалось видѣть: онъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ гр. Павлу Строгонову. Когда статую перенесли въ нашъ отель, я не отходилъ отъ нея. Я вставалъ ночью посмотрѣть на нее, и мое воображеніе мучилось нелѣпѣйшими подозрѣніями. Я задавалъ себѣ вопросъ, что̀ мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я, въ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. (Не правда ли, какъ это опять-таки напоминаетъ повѣсть «Портретъ». Невольно приходитъ въ голову, что не себя ли изобразилъ поэтъ въ этомъ образѣ мальчика, крадущагося ночью, когда все въ домѣ заснуло, на фантастическое свиданіе съ таинственнымъ портретомъ, въ который онъ мечтательно влюбился, какъ въ живое существо). Изъ Венеціи мы отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь; при каждомъ посѣщеніи мой восторгъ и любовь къ искуству возрастали; дѣло дошло до того, что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ въ настоящую тоску по Италіи, доходилъ до какого то отчаянія, которое, заставляло меня днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны заносили меня въ мой потерянный рай».

По этимъ выдержкамъ изъ автобіографіи гр. А. Толстого вы можете судить, что все воспитаніе его въ дѣтствѣ какъ будто нарочно и вполнѣ систематично было направлено такъ, чтобы отвлечь его отъ всякихъ непосредственныхъ отношеній къ живой дѣйствительности и окончательно поселить въ отвлеченно-мечтательный міръ обольстительно-прекрасныхъ грёзъ. Онъ, по всей справедливости, могъ къ самому себѣ отнести тѣ стихи своей повѣсти (Портретъ), которые онъ вложилъ въ уста своего героя:

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна.
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась безпрерывно,
Все, что̀ зовутъ серьёзныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно...

И дѣйствительно, трудно представить себѣ жизнь болѣе отрѣшенную отъ дѣйствительности и бѣдную внѣшними событіями, чѣмъ жизнь гр. А. Толстого. Семнадцати лѣтъ выдержалъ

онъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1836 году, по желанію матери, былъ прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже поступилъ во II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1855 г. онъ записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанію. Но полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ потерялъ болѣе тысячи человѣкъ отъ тифа, полученнаго также и гр. Толстымъ. Наконецъ, слѣдуетъ послѣднее замѣчательное событіе въ жизни гр. Толстого—событіе, кладущее свою печать на всю его послѣдующую жизнь, событіе, которымъ самъ онъ гордился, какъ своего рода нравственною доблестью, которое подчеркивали какъ его приверженцы, такъ и порицатели, одни прославляя его за него, другіе осуждая. «Императоръ Александръ II, говоритъ гр. А. Толстой въ своей біографіи:—во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я вовсе не готовился быть военнымъ и, поступая въ стрѣлки, имѣлъ намѣреніе оставить службу тотчасъ по окончаніи войны, то я и представилъ мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычнымъ ему благодушіемъ и назначилъ меня егермейстеромъ двора».

Это былъ отказъ отъ блестящей карьеры ради исключительнаго посвященія всей жизни служенію музамъ. Я уже сказалъ выше, что гр. А. Толстой самъ гордился этимъ подвигомъ, такъ что даже воспѣлъ его въ цѣлой поэмѣ, подъ заглавіемъ «Іоаннъ Дамаскинъ». Когда калифъ предложилъ Іоанну быть намѣстникомъ его и владѣть полцарствомъ, Іоаннъ отвѣчалъ ему:

«Твой щедрый даръ,
О, государь, пѣвцу не нуженъ;
Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ зиждется созданье;
Служитъ Творцу—его призванье...

а въ концѣ этой высокопарной рѣчи, Іоаннъ взмолился:

О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

Я сказалъ уже выше, что приверженцы гр. А. Толстого очень высоко ставятъ это самоотверженіе поэта въ пользу своего поэтическаго призванія, между тѣмъ какъ порицатели осуждаютъ графа за индиферентизмъ его къ дѣлу служенія и принесенія пользы отечеству. Они показываютъ, какъ это всегда при такомъ случаѣ дѣлается, напримѣръ Англіи, въ которой поэтамъ, ученымъ и философамъ призваніе ихъ нисколько не мѣшаетъ быть въ то же время государственными людьми, полководцами, банкирами и т. п.

Что касается до меня, то фактъ отказа гр. А. Толстого отъ

блестящей карьеры я принимаю совершенно индиферентно, въ такой же степени индиферентно, какъ еслибы мнѣ сказали, что графъ А. Толстой отказался отъ блестящей партіи или выгодной покупки отличнаго имѣнія, и предложили бы мнѣ при этомъ рѣшить вопросъ: какое вліяніе на поэтическое творчество графа могли имѣть подобные его поступки? Другое дѣло, еслибы вопросъ становился на нравственную почву, т. е. еслибы дѣло шло о рѣшеніи того, что имѣлъ ли нравственное право гр. А. Толстой отказываться отъ практическаго служенія отечеству ради исключительнаго пристрастія къ изящнымъ искуствамъ, или чѣмъ могъ быть онъ полезнѣе для Россіи: въ качествѣ ли государственнаго мужа, или поэта? Не знаю ужь, въ какой степени были бы разрѣшимы подобные вопросы, но, по крайней мѣрѣ, я понимаю ихъ смыслъ и значеніе. Но насъ, въ настоящемъ случаѣ, занимаютъ вовсе не нравственные приговоры о томъ, что достойно или недостойно, правильно или неправильно направилъ и употребилъ свою жизнь гр. А. Толстой, а опредѣленіе характера его поэтическаго творчества. И вотъ съ этой точки зрѣнія я и утверждаю, что отказъ графа отъ блестящей карьеры не имѣетъ ровно никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вы подумайте только, что̀ могла бы принести поэтическому творчеству графа самая блестящая карьера? Какой бы важный постъ онъ ни занялъ и сколько бы ни принесъ онъ пользы государству на этомъ постѣ, во всякомъ случаѣ, дѣятельность его по общему характеру устройства нашей государственной службы, начиная съ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ инстанцій, была бы крайне однообразна, суха, монотонна, вся состояла бы изъ подписанія бумагъ, написанныхъ канцелярскимъ слогомъ, дѣловыхъ разговоровъ съ личностями, сопричастными къ службѣ, да какихъ-нибудь ревизіонныхъ поѣздокъ, обставленныхъ узкими рамками оффиціальнаго декорума. Я не думаю, чтобы подобнаго рода дѣятельность могла бы служить къ особенному обогащенію поэтическаго творчества новыми, свѣжими и сильными впечатлѣніями. Въ жизни графа, какъ это бывало у насъ издревле, со временъ Державина, какъ это и теперь бываетъ зачастую въ жизни служащихъ поэтовъ, было бы, конечно, непроходимое раздвоеніе: съ одной стороны проза, съ другой поэзія; по утрамъ скучныя и сухія кипы предписаній, отношеній, внушеній и распоряженій, а по вечерамъ или ночамъ, въ часы свободнаго досуга, сладкія бесѣды съ музами.

Я не отрицаю, чтобы люди не могли вмѣщать въ себѣ по нѣскольку призваній и страстей. Поэтому я вполнѣ допускаю, что иной поэтъ можетъ съ такимъ же рвеніемъ и увлеченіемъ по̀ утру заниматься своими служебными обязанностями, съ какими по вечерамъ онъ брящаетъ на лирѣ. Но мы видѣли, что гр. А. Толстой съ самаго младенчества былъ совсѣмъ не такъ воспитанъ, чтобы быть способнымъ вмѣщать въ себѣ служебны

жаръ вмѣстѣ съ поэтическимъ. Мы видѣли, что онъ весь до мозга костей былъ проникнутъ служеніемъ музамъ, только жилъ и дышалъ, что своими волшебными мечтами; все же, что зовутъ серьёзныя дѣла, онъ ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно. Понятно, что такимъ образомъ онъ съ дѣтства былъ предуготованъ къ отказу отъ всякихъ блестящихъ карьеръ, и отказъ этотъ можно считать какимъ-либо особеннымъ нравственнымъ подвигомъ въ такой же степени, въ какой съ вашей стороны было бы достойно удивленія, что, будучи музыкантомъ, вы не пошли бы въ моряки.

Если гр. А. Толстой въ сущности ровно ничего не потерялъ для развитія своего поэтическаго творчества, вслѣдствіе того, что отказался отъ обязанности посвящать нѣсколько часовъ дня занятіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его поэтическою дѣятельностью, то другой вопросъ: пріобрѣлъ-ли онъ что либо своимъ отказомъ? принесло ли какую-нибудь пользу его творчеству исключительное посвященіе всего своего времени служенію музамъ? На первый поверхностный взглядъ казалось бы, что какъ же не принести пользы: чего же лучше, когда человѣкъ весь сосредоточивается на одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ, всего себя отдаетъ ему, ничѣмъ не развлекаясь постороннимъ? При такихъ только условіяхъ, конечно, дѣло только и можетъ быть совершено вполнѣ успѣшно и принести наиболѣе плодовъ. Такъ-то оно такъ, да не всегда только бываетъ такъ. Вотъ тутъ-то именно и раскрывается передъ нами все необъятное различіе искуства отъ всѣхъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Другое совсѣмъ дѣло—ученый, философъ, медикъ, инженеръ и пр., и пр. Тѣ, конечно, чѣмъ болѣе середоточиваются въ своихъ занятіяхъ и чѣмъ болѣе посвящаютъ имъ времени, тѣмъ дѣло у нихъ идетъ успѣшнѣе. Искуство же—совершенно наоборотъ: требуетъ какъ можно бóльшаго разнообразія жизни. Чѣмъ болѣе поэтъ сталкивается съ разнохарактерными явленіями дѣйствительности, чѣмъ болѣе самъ онъ выноситъ всевозможныхъ испытаній и треволненій, тѣмъ бóльшею массою живыхъ впечатлѣній обогащается его творчество и тѣмъ живѣе, разностороннѣе и могучѣе становится оно. Вы посмотрите на большинство первостепенныхъ поэтовъ всѣхъ странъ; возьмите во вниманіе жизнь Шекспира, Сервантеса, Мольера, Байрона, Гейне, Шиллера, Гёте, Жоржъ-Занда, Виктора Гюго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и пр. и пр. Біографіи всѣхъ этихъ поэтовъ отличаются крайнею пестротою внѣшнихъ событій ихъ жизни. Это вовсе не кабинетные затворники, всю жизнь проведшіе въ созерцаніи прекрасныхъ óбразовъ и дорожащіе каждою минутою, потерянною для служенія музъ, а напротивъ того — вѣчные скитальцы, которые сегодня не знаютъ, гдѣ будутъ завтра, искатели приключеній, изгнанники, страстныя натуры, которыя, подобно, какъ мотыльки на огонь, бросаются постоянно стремглавъ въ самый что ни есть бурный водоворотъ жизни. Если вы начнете слѣдить за событіями ихъ

жизни, затѣмъ, чтò ихъ занимало, интересовало, увлекало, начнете перечитывать массу ихъ писемъ или дневниковъ, то вы совершенно подчасъ забудете, что передъ вами поэты, или придете къ заключенію, что искуство занимало въ ихъ жизни самое ничтожное мѣсто, стояло на самомъ заднемъ планѣ. Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Къ этой формулѣ отношенія жизни поэта къ его творчеству нужно развѣ присоединить только то, что, когда поэтъ малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта, когда межъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра онъ всѣхъ ничтожнѣе, эти моменты и представляются самыми роковыми для развитія его творчества. Въ эти моменты именно творчество его и обогащается новыми, живыми образами, развивается, ростетъ. Самая-же жертва поэта Аполлону—это уже больше ничего, какъ заключительный актъ изверженія накопившагося матеріала, конечный результатъ всего, чтò вынесъ поэтъ во время своего погруженія въ заботы суетнаго свѣта.

И вотъ, если мы, принявши въ разсчетъ это важное условіе для развитія творчества, обратимся къ произведеніямъ графа А. Толстого въ связи съ его жизнію, мы тотчасъ и увидимъ, чего ему не доставало. Окажется, что не отсутствіе служебной карьеры мѣшало полному развитію его творчества, а недостатокъ разнообразія впечатлѣній и личныхъ опытовъ. Жизнь его и безъ того уже сдавлена была въ узкую колею великосвѣтскаго круга, а онъ еще болѣе съузилъ ее, посвящая бòльшую часть времени замкнутому созерцанію прекрасныхъ òбразовъ искуствъ всѣхъ странъ и временъ. Теперь вы подумайте: какого рода поэта могли выработать подобныя условія? И раньше даже заглядыванья въ его произведенія, однимъ логическимъ выводомъ a priori можно рѣшить этотъ вопросъ. Творчество поэта можетъ давать вамъ только то, чтò получаетъ. Если-же мы видимъ, что оно по бòльшей части возбуждается вовсе не какими-либо непосредственными впечатлѣніями жизни, а отраженіями чуждыхъ впечатлѣній въ различныхъ произведеніяхъ искуства, такое творчество, очевидно, должно быть лишено всякой оригинальности и самобытности; оно должно непрестанно измѣняться, какъ хамелеонъ, смотря потому, какіе поэты пришпориваютъ его въ ту или другую минуту. Произведенія поэта подобнаго типа должны представляться калейдоскопомъ, варіирующимъ на тысячу ладовъ образы, мотивы, метафоры и фигуры поэтовъ всѣхъ странъ и

временъ, но въ калейдоскопѣ этомъ въ то же время вы не найдете ни одного камешка или стеклышка, которые представлялись бы самостоятельнымъ, особеннымъ вкладомъ самого поэта. Это — чужеядное растеніе, которое способно оказывается питаться сокомъ какого угодно дерева, но только не дождетесь вы отъ него ни росинки его собственнаго сока. Да и странно было бы ожидать и требовать того, чего оно дать не въ силахъ, потому что у него нѣтъ почвы подъ ногами, да кромѣ того нѣтъ и корней, которыми оно могло бы утвердиться въ какой-либо почвѣ.

Наша литература, особенно прежнихъ, до-гоголевскихъ временъ, когда она сосредоточивалась исключительно почти въ великосвѣтскихъ слояхъ общества, и когда любителямъ изящнаго было особенно удобно и ничто не мѣшало вести замкнутую жизнь созерцанія прекрасныхъ ὂбразовъ искуства различныхъ странъ и эпохъ, была обильна поэтами подобнаго чужеяднаго типа. Мы видимъ, что даже и Пушкинъ славился способностью принимать на себя личины какихъ угодно западныхъ поэтовъ: то онъ корчилъ изъ себя Шенье, то Байрона, то Гёте, то Данта и пр., и пр. Но онъ жилъ слишкомъ разнообразною и бурною жизнію и судьба слишкомъ мѣшала ему сосредоточиваться въ кабинетной художественной созерцательности, чтобы изъ него могъ выработаться исключительно типъ чужеяднаго творчества. Вслѣдствіе этого, творчество его, обогащенное массою живыхъ и непосредственныхъ впечатлѣній, особенно въ эпоху скитальчества по югу Россіи и затѣмъ житья въ деревнѣ, создало массу произведеній вполнѣ самобытныхъ, заключающихъ въ себѣ ὂбразы и мотивы, принадлежащіе исключительно Пушкину и никакому иному поэту во всемъ мірѣ. Наиболѣе же полнымъ и совершеннымъ представителемъ чужеяднаго творчества, сопричисленнымъ даже къ лику классическихъ писателей литературы, былъ, безъ сомнѣнія, Жуковскій, творчество котораго только тогда и возбуждалось во всей своей силѣ, когда онъ переводилъ иностранныхъ поэтовъ или подражалъ имъ. Когда-же онъ пытался быть самимъ собою, не Шиллеромъ, не Гёте, не Гомеромъ, не Уландомъ или Гебелемъ, а только Жуковскимъ, изъ подъ его пера выливалось нѣчто безцвѣтно-тягучее и приторно-слащавое, сентиментально-плаксивое, риторичное, растянутое и въ настоящее время совсѣмъ ужь неудобочитаемое; однимъ словомъ, нѣчто подобное тѣмъ паточнымъ грошовымъ леденцамъ изъ мелочной лавки, которые мы могли сосать въ дѣтствѣ, но на которые въ настоящее время не можемъ безъ ужаса смотрѣть.

Графъ А. Толстой представляется именно такого рода поэтомъ и его, по всей справедливости, можно назвать Жуковскимъ нашего времени, въ чемъ можетъ убѣдить насъ вполнѣ анализъ его произведеній, къ которому мы теперь и приступаемъ.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о его тенденціозныхъ стихотвореніяхъ, чтобы сразу порѣшить съ небольшою серіею

этихъ произведеній, совершенно несвойственныхъ его таланту, и затѣмъ приступить къ такимъ, которыя вполнѣ выражаютъ собою характеръ его творчества.

Общее мнѣніе о графѣ А. Толстомъ, въ этомъ отношеніи, еще задолго до его смерти утвердилось такое, что графъ А. Толстой не отличался особенною послѣдовательностью и стойкостью относительно гражданскаго направленія своей лиры, что рядомъ съ весьма либеральными стихотвореніями вы найдете у него и такія, которыя вполнѣ согласуются съ тенденціями «Русскаго Вѣстника»; найдете и въ славянофильскомъ духѣ, хотя по характеру всей его поэтической дѣятельности, графа А. Толстого никакъ нельзя назвать славянофиломъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Однимъ словомъ, въ продолженіи своей жизни, графъ успѣлъ раздать всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, но не съ одной сестрой близко не сошелся и не вступилъ въ законный бракъ. Ну и опять-таки одни при этомъ качаютъ головой, приписывая политическую непослѣдовательность графа его недоразвитости, недодуманности, а другіе превозносятъ его, видя въ этомъ же самомъ художественно-философское безпристрастіе поэта, парящаго своею творческою фантазіею превыше всѣхъ условныхъ и преходящихъ тенденцій дня. Самъ графъ А. Толстой объясняетъ свой политическій индеферентизмъ въ небольшомъ стихотвореніи слѣдующаго содержанія:

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ не одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами—
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь.

Не правда ли, какъ это темно, неопредѣленно и въ тоже время поверхностно и легкомысленно? Видно, что графъ А. Толстой совершенно не постигалъ, что̀ значитъ быть привязану къ той или другой партіи, къ тому или другому дѣлу органическою, естественно-свободною связью святыхъ убѣжденій, сросшихся съ человѣкомъ. Онъ понималъ не иначе, какъ внѣшнюю связь въ видѣ какой-то клятвы, къ которой нужно быть привлечену со стороны. А ниже еще курьёзнѣе: оказывается, что для того, чтобы твердо стоять за своихъ и не отстаивать чести знамени врага, т. е. не быть измѣнникомъ, нужно быть непремѣнно купленнымъ, а такъ какъ графа А. Толстого никто не позаботился купить, то... то, я полагаю, что гр. А. Толстой до конца дней своихъ не догадался, какою возмутительностью онъ нечаянно обмолвился. Я говорю *«нечаянно»*, потому что никакимъ способомъ не могу допустить, чтобы графъ А. Толстой сознательно могъ обнаружить подобную душевную низость и чтобы на самомъ дѣлѣ онъ былъ присущъ ей. Нечаянность этой обмолвки

произошла, по моему мнѣнію, ни изъ чего инаго, какъ именно изъ того, что графъ никогда и не задумывался о томъ серьёзно: чтò значитъ органически, душею и тѣломъ принадлежать къ какому-нибудь лагерю? А не задумывался онъ потому, что не было никакихъ побудительныхъ поводовъ, вовсе не для чего было задумываться ему объ этомъ. Принадлежность къ какому-либо лагерю ему съ дѣтства и до сѣдыхъ волосъ погруженному въ міръ волшебныхъ, поэтическихъ грезъ, была совершенно въ такой же степени излишня, какъ и блестящая карьера. При его замкнутой жизни, до него могли только долетать изрѣдка кое-какіе неопредѣленные отголоски шума и гама современной жизни, и, когда ему приходило въ голову отражать эти звуки въ своихъ пѣснопѣніяхъ, они выходили у него въ той же безсвязности, въ какой доносились до его ушей. И если вы внимательно прочитаете любое изъ подобныхъ произведеній, то вы увидите, что въ каждомъ изъ нихъ главную сущность составляетъ нестолько выраженная идея, сколько внѣшная художественность или игривость поэтическаго òбраза, причемъ поэтическій образъ до такой степени всегда владѣетъ художникомъ, что влечетъ его порою въ такія дебри, въ которыя онъ вовсе и не подумалъ бы самъ по себѣ забираться, еслибы его не завела туда безотчетно художественная фантазія. Такъ напримѣръ, возьмите хотя бы его «Пантелея», который въ свое время произвелъ большую сенсацію. Нѣкоторые напали на него нетолько за тенденціозность въ московскомъ духѣ, но и за то, что графъ будто бы вздумалъ проповѣдывать тѣлесное наказаніе, побуждая своего Пантелея-цѣлителя не жалѣть палки суковатыя на людей.

Что леченіемъ всякимъ гнушаются,
Они звона не терпятъ гуслярнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣряти,
Все, кричатъ они, надо похоронити!
Только-то, говорятъ, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно;
И пріемы у нихъ дубоватые,
И ученье-то ихъ грязноватое!

Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, стихотвореніе это возбудило одну снисходительную улыбку. Чѣмъ же, подумалъ я, виноватъ мечтательный графъ, что въ его поэтическія заоблачныя сферы буйный вѣтеръ занесъ темные слухи о томъ, что есть какіе-то ехидные люди, которые бѣгаютъ отъ докторовъ и отъ гуслярнаго звона, рыскаютъ по базарамъ и что-то тамъ все покупаютъ... Чтò же касается сучковатой палки Пантелея, то чтò же было дѣлать графу, если его поэтической фантазіи приснился св. Пантелей-цѣлитель, грозящій сучковатою палкою. Какое же иное отношеніе къ ехиднымъ людямъ со стороны Пантелея могъ придумать гр. Толстой сообразно этому представленію, какъ не въ видѣ угрозы палкою? Очевидно, что тутъ вовсе и тѣни нѣтъ со стороны поэта какой-либо сознательно-злостной пропаганды, чего-

либо въ родѣ шпицрутиковъ, а просто-по-просту—игривость поэтическаго образа, завлекшая поэта въ дикія дебри. Не менѣе курьёзна и баллада «Потокъ-богатырь», въ которой шаловливая фантазія поэта вздумала заставить «Потока» видѣть во снѣ всю россійскую исторію во всѣхъ ея періодахъ и, въ концѣ-концовъ, очутиться въ анатомическомъ кабинетѣ медико-хирургической академіи и тамъ прійти вдругъ въ неописанный ужасъ, что стриженныя женщины препарируютъ трупы:

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ эхидно:
— Ахъ, какой онъ *пошлякъ*! ахъ, какъ онъ *не развитъ*!
Современности вовсе не видно!
Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
— То-жъ бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у нихъ косы!

Чтò это такое, какъ опять-таки не дикія дебри, въ которыя завлекла нашего поэта досужая фантазія? Вѣдь вы подумайте только о всей курьёзности вымысла: заставить вдругъ современника Владиміра Святаго присутствовать въ анатомическомъ музеѣ XIX столѣтія! Чтò-жъ тутъ удивительнаго, что подобный архаическій герой, покрытый ржавчиной десяти вѣковъ, нетолько долженъ прійти въ ужасъ при видѣ вскрываемыхъ труповъ, но и просто не понять, чтò такое вокругъ него дѣлается. Но удивительно то, что, создавъ подобную нелѣпую фантасмагорію, поэтъ воображаетъ, что онъ жестоко поражаетъ устами Потока ненавистную ему современность, не замѣчая, что онъ больше ничего, какъ только самъ принижается до уровня понятій временъ X столѣтія. Спрашивается теперь: неужели слѣдуетъ смотрѣть на подобныя вещи, какъ на нѣчто серьёзное, какъ на чтò-то продуманное и прочувствованное, какъ на ядовитыя стрѣлы, которыя кого-либо могутъ поразить, а не какъ на мыльные пузыри, главная сущность которыхъ заключается вовсе не въ томъ, чтò въ нихъ заключается, а единственно въ разноцвѣтныхъ отраженіяхъ снаружи? И замѣтьте, что подобною галантерейностью отличаются вовсе не одни только тенденціозныя произведенія, преслѣдующія ехидныхъ людей, что

Звона не терпятъ гуслярнаго,
Подавай имъ товара базарнаго...

Нѣтъ, возьмите вы стихотворенія, посвященныя совсѣмъ инымъ тенденціямъ и въ нихъ вы найдете ту же бѣдность содержанія и преобладаніе внѣшней игривости фантазіи или формы. Обратите вниманіе, напримѣръ, на стихотвореніе

Государь ты нашъ батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ.

Стихотвореніе это, напечатанное въ «Днѣ», въ свое время произвело не малую сенсацію, благодаря, конечно, тому, что это былъ первый мало-мальски политическій намёкъ, допущенный въ ли-

тературу. Но что это такое въ сущности, какъ не самое общее, намазолившее всѣмъ глаза славянофильское мѣсто о непригодности реформъ Петра, выраженное въ граціозно-игривыхъ и шутливыхъ виршахъ? Неужели и это стихотвореніе можно принимать въ серьёзъ, какъ выраженіе зрѣлой, глубокой и серьёзной идеи? Меня, по крайней мѣрѣ, эта шутка занимала всегда только со стороны ея формы, и при этомъ я никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что оно словно нарочно написано для дѣтей четырехъ и пятилѣтнихъ, едва начинающихъ лепетать. По крайней мѣрѣ, сколько мнѣ ни приходилось слышать его, никогда оно не казалось мнѣ столь прелестнымъ, какъ въ устахъ ребенка, декламирующаго:

Госудаль ты нашъ батюська,
Госудаль Петлъ Алексѣевицъ,
Цто ты изволись въ котлѣ валить?
Касицу, матуска, касицу,
Касицу, судалыня, касицу и проч.

При всемъ этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе вамъ еще вотъ на какое, весьма, по моему, замѣчательное и характеристическое обстоятельство: замѣтьте, что единственно серьёзное, сильное, прочувствованное, тенденціозное стихотвореніе, о которомъ вы не скажете, что содержаніе въ немъ — дѣло второстепенное, а главная суть заключается въ затѣйливомъ образѣ—это стихотвореніе, носящее заглавіе «Противъ теченія»:

*
* *

«Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
«Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
«Много ли васъ остается, мечтатели?
«Сдайтеся натиску новаго времени!
«Міръ отрезвился, прошли увлеченія —
«Гдѣ-жъ устоять вамъ, отжившему племени,
«Противъ теченія?»

*
* *

Други, не вѣрьте! Все тоже единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго,
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія! и проч.

Очень понятно, откуда взялась сила и прочувствованность этого стихотворенія. Во всѣхъ прочихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ дѣло шло о вещахъ, совершенно постороннихъ для поэта, до которыхъ ему въ сущности не было рѣшительно никакого дѣла и насчетъ которыхъ онъ не считалъ интереснымъ и нужнымъ особенно много задумываться. Здѣсь же совершенно наоборотъ: онъ задѣтъ за живое; дѣло идетъ здѣсь о томъ, что исключительно составляло все содержаніе его жизни—объ иску-

ствѣ. И вотъ въ немъ подымается борецъ, отчаянно отстаивавшій свое единственное достояніе. Вы видите въ этомъ стихотвореніи того самаго 14-лѣтняго мальчика, который когда-то оберегалъ купленнаго дядею фавна отъ мнимаго пожара. Удивительную цѣльность характера представляетъ въ этомъ отношеніи графъ А. Толстой. Рѣдко въ комъ вы встрѣтите такую строгую послѣдовательность, проходящую черезъ всю жизнь, съ самаго ранняго дѣтства и до могилы. Разъ посвятивши всю жизнь, всѣ свои помышленія искуству и до гробовой доски не измѣняя своему самоотверженному служенію, несмотря ни на какія препятствія или соблазны, понятно, что онъ только и могъ проникнуться единственнымъ общественнымъ интересомъ вполнѣ искренно, живо и горячо при видѣ враговъ предмета его пламеннаго поклоненія; только эти враги и могли быть его врагами, только они и были способны вывести его изъ себя. Замѣтьте, что и во всѣхъ почти прочихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ, о чемъ бы въ нихъ ни шла рѣчь, онъ не упускалъ случая прокричать лишній разъ караулъ противъ дерзновенныхъ покушеній на гуслярный звонъ.

И не злая ли иронія судьбы, что самые пламенные и самоотверженные любовники рѣдко бываютъ, въ то же время, счастливыми любовниками. Вспомните душевныя муки Сальери при горькомъ сознаніи, что

Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?..

Точно также и графу А. Толстому за все его пламенное и самоотверженное поклоненіе искуству, за всѣ его труды, усердіе и моленія злая иронія судьбы не дала въ награду такого достоянія, какое одно только и составляетъ всю гордость и почетъ поэта: не дала ему никакой собственной поэтической физіономіи и не внушила ему ни одного вполнѣ самобытнаго произведенія. И такая злая насмѣшка судьбы была не однимъ слѣпымъ фатумомъ. Напротивъ того, именно излишнее посвященіе всей жизни художественной созерцательности и было, какъ выше уже объ этомъ я говорилъ, главною причиною этой бѣды.

Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ въ сторонѣ вопросъ о тенденціозности, о внутреннемъ содержаніи стихотвореній гр. А. Толстого, будемъ разсматривать ихъ съ одной чисто художественной стороны. Вѣдь стихотворенія, написанныя безо всякой какой-либо философской или политической цѣли, вполнѣ въ духѣ чистаго искуства, самыя невиннѣйшія по своему содержанію, могутъ, тѣмъ не менѣе, быть вполнѣ самобытными, носить неизгладимую печать народности, эпохи и личной индивидуальности поэта. Вы

возьмите, напримѣръ, массу лучшихъ стихотвореній Пушкина, ну, хоть его балладу, «Бѣсы», или стихотвореніе

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...

стихотворенія эти только и могъ написать, что русскій поэтъ и притомъ русскій поэтъ, жившій въ эпоху Пушкина, когда не существовало еще въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, и очевидно, поэтъ этотъ, чтобы написать подобныя стихотворенія, долженъ былъ порядкомъ поѣздить по россійскимъ дорогамъ того времени, и притомъ поѣздить не въ какихъ-либо заграничныхъ рессорныхъ экипажахъ, лежа на мягкихъ пуховикахъ и летя на курьерскихъ, а на перекладныхъ и на долгихъ, въ простыхъ ямщицкихъ телегахъ—испытать, однимъ словомъ, всѣ невзгоды и всю скуку старинной русской дороги. Букетъ этихъ русскихъ дорожныхъ впечатлѣній и составляетъ всю прелесть, все обаяніе этихъ стихотвореній и всю ихъ самобытность. Или возьмите вы, напримѣръ, «Завѣщаніе» Лермонтова. Это невиннѣйшее по своему содержанію, отличающееся крайнею простотою и незатѣйливостью, но въ то же время глубоко трогательное стихотвореніе, способное вызвать въ иномъ читателѣ слезу, отличается въ то же время самою рѣзкою самобытностью. Написать его могъ, очевидно, только русскій писатель, и притомъ только такой русскій писатель, который потолкался на Кавказѣ, подобно Лермонтову, не просто только путешествовалъ опять-таки въ комфортэбльномъ дормезѣ, любуясь изъ оконъ экипажа на живописныя картины, но именно потолкался и своими глазами видѣлъ и прочувствовалъ, какъ умираетъ, затертый судьбою въ кавказскихъ горахъ простой и безхитростный русскій армейскій офицерикъ. Возьмемъ, наконецъ, Некрасова, и я нарочно указываю въ настоящемъ случаѣ на этого поэта, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ литературныхъ лагерахъ утвердилось мнѣніе, будто поэтъ этотъ превозносится исключительно только за тенденціозность его стихотвореній въ современномъ духѣ. Нѣтъ, я вамъ укажу на такое стихотвореніе его, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни какой-либо тенденціозности. Вотъ, напримѣръ, прочитайте его «Бурю»:

Долго не сдавалась Любушка сосѣдка;
Наконецъ шепнула: есть въ саду бесѣдка...

Стихотвореніе это выражаетъ ничего болѣе, какъ только торжество любовника, къ которому явились на свиданіе, несмотря на дождь и бурю, и который изъ этого убѣждается въ силѣ любви къ нему женщины — тэма самая безобидная для какого угодно литературнаго лагеря и притомъ самая общечеловѣческая для всѣхъ временъ и странъ. И Гейне, и Байрону, и Гёте, и Шенье, и какому-нибудь средневѣковому провансальскому труверу, и автору «Пѣсни пѣсней» могло прійти въ голову написать стихотвореніе на подобную же тэму; можетъ быть, даже въ западныхъ литературахъ вы и найдете нѣчто подобное. Но при всей такой общности тэмы, стихотвореніе Некрасова отличается, тѣмъ не

менѣе, самою яркою и полною самобытностью. Отъ него такъ и вѣетъ свѣжимъ букетомъ жизни, и притомъ не какой-нибудь иной, какъ именно русской жизни. У иностраннаго поэта, навѣрное, та же самая тэма будетъ имѣть совершенно иное выраженіе, представитъ вамъ иной букетъ; стихотвореніе же Некрасова могъ написать только русскій поэтъ, и изъ современныхъ русскихъ поэтовъ—только Некрасовъ.

Но зачѣмъ брать такихъ первостепенныхъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, когда и у Фета, и у Тютчева, и даже у Ап. Майкова вы найдете стихотворенія, отмѣченныя печатью жизни и самобытности?

Но найдите мнѣ хоть одно такое стихотвореніе у графа А. Толстого, одолѣвши которое, вы почувствовали бы, что прочли нѣчто совершенно новое и небывалое еще ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ, нѣчто, неотъемлемо принадлежащее гр. А. Толстому. Напротивъ того: что̀ ни примитесь читать, такъ сейчасъ же на васъ и повѣетъ чѣмъ-нибудь давно уже знакомымъ вамъ и читаннымъ гдѣ-то прежде; нѣкоторыя же произведенія носятъ на себѣ самую явную печать тѣхъ или другихъ западно-европейскихъ или русскихъ писателей. Такъ, напримѣръ, найдете вы и произведенія, очевидно, навѣянныя Лермонтовымъ («Вотъ ужь снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ», «Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья», «Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ», «Горними тихо летѣла душа небесами»); нѣкоторыя напомнятъ вамъ Гейне («Змѣя, что̀ по скаламъ влечешь свои извивы» и многіе Крымскіе очерки, какъ, напримѣръ: «Вы все любуетесь на скалы» или «Какъ чудесно хороши вы, южной ночи красоты»). Драматическая поэма «Донъ-Жуанъ», очевидно, внушена изученіемъ Фауста Гёте, а «Драконъ», итальянскій разсказъ XII вѣка, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды изученія Данта и проч., и проч.

Въ возраженіе на это, вы мнѣ, конечно, укажете на цѣлую массу стихотвореній гр. А. Толстого, написанныхъ въ народномъ духѣ и даже размѣрами народныхъ пѣсенъ, въ родѣ «Ходитъ спѣсь надуваючись», «Кабы знала я, кабы вѣдала», «Колокольчики мои, цвѣтики степные», «Не Божіимъ громомъ горе ударило», цѣлый рядъ, наконецъ, былинъ и балладъ изъ русской исторіи и пр., и пр.

Ну, что̀-жь такое, что стихотворенія эти написаны въ духѣ народныхъ пѣсенъ и даже ихъ размѣрами, что нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ очень искусную и удачную поддѣлку подъ нихъ?—это нисколько еще не говоритъ въ пользу ихъ самобытности. Истинно самобытнымъ можетъ быть названо только такое произведеніе, которое создается подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній жизни; создавая его, поэтъ вовсе не думаетъ о томъ, чтобы произведеніе было написано въ народномъ духѣ, а стремится только выразить то, что̀ наполняетъ его душу. Оно можетъ быть совершенно непохоже ни на одну народ-

ную пѣсню, ни по содержанію, ни по формамъ, представлять изъ себя нѣчто совершенно новое и небывалое, написанное совершенно особеннымъ размѣромъ, только-что изобрѣтеннымъ самимъ авторомъ, и, тѣмъ не менѣе, быть вполнѣ народно-самобытнымъ. Однимъ словомъ, въ подобнаго рода произведеніяхъ вы видите не одну только племенную самобытность, но и выраженіе индивидуальности поэта. Писать же стихотворенія въ народномъ духѣ, въ родѣ тѣхъ, какія писалъ гр. А. Толстой—это совсѣмъ другое дѣло. Для этого вовсе ненужно жить непосредственно народною жизнію и притомъ бойкою, горячею жизнію, втягивать въ себя всѣми порами своего существованія народныя радости и народныя страданія, а напротивъ того, совершенно достаточно, не выходя изъ кабинета, изучить нѣсколько сборниковъ народныхъ пѣсенъ, начиная съ Кирши-Данилова и Сахарова и кончая сборниками Кирѣевскаго, Рыбникова и Худякова.

Такимъ образомъ, стихотворенія гр. А. Толстого, о которыхъ мы говоримъ, представляютъ продуктъ все того же самаго отвлеченнаго, кабинетнаго творчества, которое я называю чужеяднымъ. Писать такимъ образомъ можно въ духѣ какой угодно народности, совершенно безотносительно, къ какому народу принадлежитъ самъ авторъ. И я не понимаю, чѣмъ могутъ отличаться, по процессу созданія, стихотворенія гр. А. Толстого въ духѣ русской народности отъ стихотвореній того же автора въ духѣ народности итальянской 12-го столѣтія, въ родѣ «Дракона», отъ стихотвореній въ духѣ народности шотландской, въ родѣ баллады «Эдвардъ», отъ пѣсенъ въ духѣ народности южныхъ славянъ Пушкина, отъ испанскихъ, греческихъ, еврейскихъ и т. п. мотивовъ Щербины или Вс. Крестовскаго. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ вы и слѣда не найдете искренняго, неподдѣльнаго чувства, живой, горячей страсти, вдохновенія, однимъ словомъ, того, что̀ составляетъ всю прелесть и всю силу истинной и вполнѣ естественной поэзіи. Напротивъ того, отъ нихъ такъ и вѣетъ холодомъ искуственнаго вымысла, тяжелыми усиліями кропотливой художественной отдѣлки, мучительными потѣніями надъ инымъ неукладывающимся въ размѣръ стихомъ или недающейся риѳмой.

Особенно эти замѣчанія слѣдуютъ отнести къ былинамъ гр. А. Толстого, въ родѣ Алёши Поповича, Ильи Муромца, Садко, Змѣя Тугарина и пр. Я не буду ужь распространяться много о всей эфемерной галантерейности этихъ произведеній гр. А. Толстого, о крайней праздности кабинетной фантазіи, услаждавшей поэтическіе досуги тѣмъ, чтобы заставить Садко лишній разъ проплясать передъ морскимъ царемъ, Алёшу проѣхаться по Днѣпру въ лодочкѣ съ похищенной красоткой или Илью Муромца отпустить еще нѣсколько ругани противъ Владиміра и кіевскихъ порядковъ. Но и со стороны мнимой народности этихъ произведеній графа, я спрашиваю у васъ: скажите, чѣмъ отличается эта

вычитанная изъ сборниковъ и пѣсенъ народность отъ народности тѣхъ чугунныхъ или фарфоровыхъ прессъ-папье, которые изображаютъ русскаго мужика, ѣдущаго на саняхъ въ лѣсъ за дровами, бабу, прядущую лёнъ, или подгулявшаго крестьянина, ведомаго домой подъ ручку озабоченной и раздраженной супругой? Подобныя статуэтки могутъ быть вполнѣ правильны, типичны, даже изящны, могутъ служить прекрасными украшеніями для вашего письменнаго стола; но кому же придетъ въ голову при созерцаніи ихъ подымать вдругъ какіе-нибудь серьёзные эстетическіе вопросы и вообразить, что творцовъ ихъ можно назвать самобытными художниками, внесшими какой бы то ни было свой собственный вкладъ въ русское искуство? А вѣдь они съ неменьшимъ, пожалуй, успѣхомъ, чѣмъ и гр. А. Толстой, могли бы изобразить вамъ и Алёшу Поповича, услаждающаго гуслярнымъ звономъ похищенную красавицу, и пляшущаго Садко, и Илью Муромца, ѣдущаго на конѣ съ мрачнымъ и насупленнымъ видомъ.

Какъ бы то ни было, а стихотворенія гр. А. Толстого, навѣянныя разными поэтами или написанныя въ духѣ различныхъ народностей, можно считать все-таки лучшими и наиболѣе удачными. Отъ нихъ вѣетъ, по крайней мѣрѣ, духомъ той поэзіи, которая вдохновляла графа и подъ вліяніемъ которой онъ создавалъ. Что-же касается до вполнѣ самостоятельныхъ произведеній его, въ которыхъ онъ является передъ нами только графомъ А. Толстымъ и никѣмъ болѣе, то всѣ они столь-же безхарактерны и слабы, какъ и подобныя же имъ самостоятельныя произведенія Жуковскаго. Между прочимъ, слѣдуетъ обратить вниманіе вотъ на какое весьма характеристическое явленіе. Графъ А. Толстой, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его автобіографіи, былъ большой любитель природы. Мы видѣли, съ какимъ паѳосомъ отзывался онъ о вліяніи на него малороссійской природы, среди которой онъ провелъ всю свою жизнь. Въ другомъ мѣстѣ своей автобіографіи онъ связываетъ эту страсть къ природѣ со страстью къ охотѣ, говоря, что онъ нарочно ускользалъ отъ свѣтской жизни, чтобы проводить цѣлыя недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищами, но обыкновенно въ одиночку. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что поэзія его почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ соотечественники его воспѣваютъ по большей части въ минорномъ, и что любовь его къ нашей дикой природѣ отразилась въ его поэзіи почти столько же, какъ и чувство пластической красоты.

Дѣйствительно, въ своихъ стихотвореніяхъ, графъ очень часто обращается къ природѣ и отличается немалою щедростью въ описаніяхъ ея красотъ. Но замѣчательно, что всѣ эти описанія составляютъ самую слабую сторону его стихотвореній. Читая эти описанія, вы не чувствуете и тѣни того обаянія природы, какимъ проникнуты лучшія произведенія нашей литературы въ

этомъ родѣ, не говоря уже о Пушкинѣ, Лермонтовѣ или Гоголѣ, но даже описанія С. Аксакова или Тургенева. Гдѣ ужь тутъ толковать о воспроизведеніи впечатлѣній, внушаемыхъ природою, когда изъ описаній гр. А. Толстого вы не въ силахъ обыкновенно представить себѣ даже того ландшафта, о которомъ идетъ рѣчь. Передъ вами вовсе не живыя, художественныя картины, а простой перечень предметовъ въ разсыпную, при чемъ воображенію вашему, если оно живо и богато, представляется самому слагать эти предметы во что-нибудь цѣльное и связное. Такъ, напримѣръ, казалось бы, что ужь какой иной природѣ, какъ не малороссійской слѣдовало бы отражаться въ произведеніяхъ гр. А. Толстого, особенно если мы примемъ во вниманіе, что онъ все дѣтство провелъ среди нея и съ какимъ восторгомъ говоритъ онъ о ея вліяніи на него. А между тѣмъ, этого-то именно вліянія вы и не найдете въ его стихотвореніяхъ, точно будто онъ никогда не жилъ въ Малороссіи и только развѣ проѣзжалъ черезъ нее и видѣлъ ее мелькомъ. Не говоря уже о Гоголѣ, даже различные второстепенные малороссійскіе писатели, въ родѣ Гребенки или Марко-Вовчка, даютъ вамъ гораздо болѣе ясное и опредѣленное представленіе малороссійской природы въ ея характеристическихъ особенностяхъ, чѣмъ описанія гр. А. Толстого. Вы прочтите, напримѣръ, стихотвореніе, спеціально посвященное воспѣванію малороссійскаго края «Ты знаешь край». Что здѣсь воспѣвается не что либо иное, какъ Малороссія, можно судить только потому, что упоминаются въ разныхъ мѣстахъ названія, относящіяся къ этой странѣ, въ родѣ парубковъ, Маруси, Грицкò, Чубовъ, казачекъ или историческія имена въ родѣ Кочубея, Мазепы, Палѣя, Сагайдачнаго. Чтò же касается колорита и характеристическихъ особенностей мѣстности, ея быта и нравовъ, то вмѣсто всего этого вы найдете рядъ самыхъ общихъ, стереотипныхъ чертъ, могущихъ относиться къ какой угодно мѣстности Европы, лежащей подъ одною широтою съ Малороссіей. Вотъ для примѣра отрывки изъ этого стихотворенія:

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Какъ ты думаешь, читатель, знаешь ты такой край? Чтò это такое? Венгрія, Богемія, Силезія, а, можетъ быть, и Нормандія

или Пикардія? Вѣдь во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ могутъ существовать всѣ признаки, означенные въ приведенныхъ нами двухъ куплетахъ: и обиліе, и рѣки чище серебра, и деревья, гнущіяся долу отъ тяжести плодовъ, и трепещущій надъ озеромъ тростникъ, и ясный, тихій и чистый сводъ небесъ, не говоря ужъ о кудрявомъ лѣсѣ вдоль берега и дымкѣ, клубящемся надъ водою. Все, что напечатано курсивомъ въ приведенномъ отрывкѣ составляетъ самыя банальныя общія мѣста, не курсивомъ же напечатано всего два стиха, но вѣдь и въ нихъ собственно малороссійскаго только и есть, что одно слово — хуторъ. Или вотъ вамъ другой куплетъ, который я имѣю полное право совершенно преобразить въ картину тирольскаго селенія, перемѣнивъ въ цѣломъ куплетѣ всего одно слово:

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блѣятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчанный цвѣтами,
Идутъ *тирольки* пестрыми толпами?

Вслѣдствіе отсутствія всей прелести обаянія мѣстнаго колорита воспѣваемаго края и наполненія стихотворенія банальными общими мѣстами, оно невольно принимаетъ характеръ сухаго, холоднаго и натянутаго риторизма. Можетъ быть, этотъ риторизмъ гр. Толстой и принималъ за мажорный тонъ своей поэзіи. Фактъ этотъ меня глубоко поражаетъ: какъ это такъ — почти родиться въ Малороссіи (мы видѣли, что его туда привезли шестинедѣльнымъ ребенкомъ), прожить тамъ девять лѣтъ, часто возвращаться потомъ въ родимую деревню, каждый разъ быть не въ силахъ видѣть тѣ мѣста безъ особеннаго волненія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вынести изъ мѣстъ этихъ ни одной живой краски ихъ колорита, ни одной задушевной нотки или черточки быта обитателей этого края, ихъ радостей и страданій, обычаевъ, повѣрій и пр. Это только и можно объяснить крайнею изолированностью жизни гр. А. Толстого, особенно въ дѣтствѣ. Въ то время, какъ Гоголь, Грицко-Основьяненко или даже Гребенка и прочіе писатели, возросшіе въ Малороссіи, жили въ родительскихъ домахъ непосредственною жизнію края и имѣли болѣе тѣсныя сношенія съ разными его слоями, между прочимъ, и съ простымъ народомъ, графу А. Толстому, конечно, только издали, изъ окна усадьбы кое-когда приходилось видѣть, какъ

Парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой.

Но и эти буколическія картины, конечно, не столько его занимали, какъ какой-нибудь неизвѣстно когда и какъ сорванный гіацинтъ, запахъ котораго погружалъ его въ разныя чудныя видѣнія, уносившія его за тридевять земель отъ окружавшей дѣйствительности. Гдѣ же тутъ было напечатлѣться живыми впечатлѣніями этой дѣйствительности?

Вы посмотрите, какими общими неопредѣленно-стереотипными чертами изобразилъ онъ, между прочимъ, и характеръ вообще русской природы:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь и тучи!

Не правда ли, что подобное восьмистишіе опять-таки можно отнести къ какой угодно степной мѣстности, но меньше всего я отнесъ бы его къ Россіи, потому что, подумайте: ну, можно ли сказать, чтобы «въ небѣ крикъ орлиныхъ стай» составлялъ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ русской природы? Еслибы еще графъ сказалъ «вороньихъ стай»—это куда бы еще ни шло, а то вдругъ орлиныхъ! Я уже не говорю о томъ, что очень сомнительно, чтобы орлы летали стаями.

Но писатель, бѣдный живыми и яркими образами, вслѣдствіе крайне замкнутой и изолированной жизни, можетъ быть богатъ внутреннею жизнію, можетъ отразить въ своихъ произведеніяхъ въ условныхъ символическихъ образахъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и поучительныхъ психическихъ или философскихъ процессовъ. Но и этого мы не можемъ сказать о гр. А. Толстомъ. Относительно обще-философскаго міросозерцанія, гр. А. Толстой представляется намъ стоящимъ вполнѣ и всецѣло въ уровнѣ того великосвѣтскаго кружка, въ средѣ котораго онъ воспитался и прожилъ всю жизнь. Убѣжденія его, ясныя и опредѣленныя, словно отлитыя изъ бронзы и въ неизмѣнной формѣ проходящія черезъ всю жизнь безъ малѣйшихъ колебаній и какого-либо движенія, поражаютъ васъ крайнею узостью чисто формальнаго піэтизма, давящаго васъ, словно низенькій потолокъ надъ головою. Это—самая низшая ступень чисто дѣтскаго мистицизма, но мистицизма совершенно особеннаго рода. Мистицизмъ мистицизму—рознь. И у г. Достоевскаго, и у гр. Л. Толстого, и у г. Тургенева вы найдете немалыя дозы мистицизма. Но мистицизмъ у этихъ писателей все-таки имѣетъ, съ одной стороны, свою собственную поэтическую окраску, а съ другой—въ немъ видна хоть какая-нибудь самостоятельная работа мысли. Мистицизмъ же гр. А. Толстого заключается, напротивъ того, въ полномъ отреченіи отъ всякаго покушенія на мало-мальски самостоятельную мысль, въ рабской вѣрности буквѣ. Однимъ словомъ, это—вовсе не тотъ мистицизмъ, который въ поэзіи создаетъ образы, хотя и дико-фантастичные, но нелишенные своеобразной прелести, а тотъ, который подъ часъ, ради подобострастной вѣрности традиціи, лишаетъ иные образы присущей имъ поэтичности. Это мы можемъ видѣть съ большою нагляд-

ностью въ драматической поэмѣ гр. А. Толстого «Донъ-Жуанъ». Поэма эта, навѣянная «Фаустомъ» Гёте, нужно признаться, представляется однимъ изъ самыхъ неудачныхъ подражаній тѣмъ западнымъ образцамъ, которые вдохновляли нашего поэта. На первыхъ же страницахъ поэмы васъ поражаетъ, какъ грязное и безобразное пятно, своимъ антихудожественнымъ безвкусіемъ фигура сатаны. Представьте себѣ, что, вмѣсто того мрачнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обольстительнаго духа протеста, который является передъ нами въ поэзіи Байрона, или вмѣсто гётевскаго Мефистофеля, чарующаго тонкимъ остроуміемъ своихъ сарказмовъ чисто вольтеровскаго пошиба, исполненнаго яда того самаго скептицизма прошлаго вѣка, олицетвореніемъ котораго и является передъ вами Мефистофель, вмѣсто, наконецъ, хотя бы стереотипно-средневѣковаго діавола въ огнѣ, дымѣ и сѣрномъ запахѣ, передъ вами является вдругъ, въ поэмѣ гр. А. Толстого, какой-то неуклюжій буянъ, въ родѣ подгулявшаго мастероваго, и вся соль его сарказмовъ заключается въ рядѣ тривіальныхъ выраженій, въ родѣ шарахнулъ, напиралъ, далъ маху, лопнетъ око, караулъ и т. п. Какую идею думалъ выразить гр. А. Толстой въ образѣ этого грубаго, аляповатаго и неотесаннаго мужлана? Не приходитъ ли вамъ невольно въ голову, что графъ только и заботился о томъ, чтобы, согласно традиціи, изобразить въ зломъ духѣ, все, что только онъ могъ представить себѣ непріятнаго, а что могъ онъ представить себѣ болѣе непріятнаго съ великосвѣтской точки зрѣнія, какъ не тривіальныя выраженія? Вотъ онъ и нанизалъ ихъ безъ всякаго удержа и такта, желая представить въ сатанѣ самаго что ни есть mauvais genre. Но сатана является второстепеннымъ лицомъ поэмы — только въ началѣ и концѣ ея; главнымъ же героемъ парадируетъ Донъ-Жуанъ, къ которому мы теперь и обратимся.

Легенда о Донъ-Жуанѣ относится всецѣло къ эпохѣ «Возрожденія» и чрезвычайно типично и рельефно выражаетъ собою духъ этой эпохи. Въ личности Донъ-Жуана олицетворяется протестъ человѣческой плоти противъ средневѣковаго аскетизма, все то радостное обаяніе земной жизни со всѣми ея наслажденіями, которое повѣяло на современниковъ Донъ-Жуана отъ изученія классической древности. Это—язычество, возставшее изъ-подъ тысячелѣтняго гнета католическаго изувѣрства, со всѣми своими эротическими и вакхическими культами, чашами, наполненными янтарнымъ виномъ, гирляндами цвѣтовъ, страстными пѣснями и поцѣлуями при блескѣ луны, въ тиши благоухающихъ южныхъ ночей.

Въ этомъ отношеніи, каждая подробность легенды имѣетъ свой особенный характеристическій и, можно даже выразиться, философскій, сообразно своему времени, смыслъ. Донъ-Жуанъ, подобно древнему Эросу, всюду несетъ съ собою любовь, но только не ограничивается ниспосыланіемъ ея смертнымъ, какъ языческій богъ, а напротивъ того, какъ человѣкъ, самъ ею пользуется. Но въ тоже вре,

мя, силы его имѣютъ чисто божественные размѣры, выходящіе изъ человѣческихъ предѣловъ. Такъ мы видимъ, что страсть его неотразима: ни одна женщина не въ силахъ устоять противъ его обольщеній; онъ непобѣдимъ въ бояхъ и пирахъ и даже святая инквизиція, со всѣми грозными атрибутами своего могущества, безсильна противъ него. Лично для него никакихъ религіозныхъ или нравственныхъ законовъ, установленныхъ средневѣковыми нравами, не существуетъ. Вся поэзія жизни сосредоточивается въ его глазахъ въ любви и наслажденіяхъ земнымъ бытіемъ и кромѣ обаянія этой поэзіи для него не существуетъ ничего завѣтнаго и святого; разъ загорается въ его груди огонь этой поэзіи—и онъ готовъ преступить всѣ семейныя и гражданскія узы. Въ отвагѣ своей, онъ мало того, что объявилъ войну всѣмъ и духовнымъ, и гражданскимъ властямъ, но дерзнулъ бросить вызовъ и самому небу. Такъ, убивши командора и обольстивши потомъ, все равно, жену его или дочь, онъ приглашаетъ статую его на пиршество. Замѣтьте, какая строгая послѣдовательность миѳа и какъ вѣренъ остается Донъ-Жуанъ самому себѣ до самаго конца легенды: своимъ приглашеніемъ статуи, ни на что-иное, какъ именно на пиршество, Донъ-Жуанъ словно, наконецъ, самый загробный міръ призываетъ къ вкушенію сладостей земнаго бытія. Но здѣсь, по понятіямъ современниковъ Донъ-Жуана, переполняется чаша дерзкой отваги протеста противъ аскетизма и изувѣрства среднихъ вѣковъ, или лучше сказать, современники эти выдаютъ далѣе сами себя: въ страшномъ концѣ легенды, въ появленіи статуи Командора на пиршество и въ увлеченіи ею Донъ-Жуана въ преисподнюю они выразили свое отношеніе къ протесту своего времени и вообще настроеніе эпохи. Очевидно, что протестъ классицизма противъ средневѣковаго изувѣрства, съ одной стороны, привлекалъ ихъ, какъ нѣчто новое, освѣжающее и въ тоже время вполнѣ соотвѣтствующее естественнымъ требованіямъ человѣческой природы, освобождающее эту природу отъ оковъ, наложенныхъ мракомъ средневѣковаго невѣжества, но въ тоже время это новое, освѣжающее и освобождающее пугало, именно потому что было новымъ и выходило изъ привычныхъ рамокъ жизни, казалось страшнымъ и гибельнымъ съ точки зрѣнія освященныхъ вѣками понятій. Поэтому и Донъ-Жуанъ является, съ одной стороны, доблестнымъ героемъ, возбуждающимъ восторгъ, удивленіе и неодолимое влеченіе къ себѣ, а, съ другой стороны, такимъ страшнымъ и неслыханнымъ злодѣемъ, что, наконецъ, земля была не въ состояніи держать такого нечестивца и небо, возмущенное до послѣдней крайности его дерзостью, было вынуждено послать даже чудо, чтобы избавить міръ отъ этого чудовища.

Таковъ внутренній, философскій смыслъ легенды о Донъ-Жуанѣ, и вы видите, какую стройную поэтическую цѣльность имѣетъ этотъ послѣдній европейскій миѳъ, какъ относительно образа своего героя, такъ и относительно фабулы. Здѣсь каж-

дый камушекъ цѣпляется за камушекъ и нѣтъ возможности ничего ни выкинуть, ни измѣнить. Реализуйте вы эту легенду, откиньте вы пиршество со статуею командора и проваливанье въ адъ и Донъ-Жуанъ сейчасъ-же перестаетъ быть Донъ-Жуаномъ въ смыслѣ дерзкаго протестанта, бросившаго гордый вызовъ всѣмъ земнымъ и небеснымъ силамъ, а обращается въ чувственнаго испанскаго кавалера, пьянаго забіяку и пошлаго клубничника, во что-то въ родѣ россійскаго «Бурцева, ёры, забіяки, собутыльника дорогого»... Съ другой стороны, заставьте вы Донъ-Жуана раскаяться въ своихъ проказахъ и постричься въ монастырь для замаливанья грѣховъ молодости и выйдетъ, я не могу и выразить, какая анти-художественная, кисло-сладкая размазня на постномъ маслѣ. Правда, впослѣдствіи создалась и другая легенда о Донъ-Жуанѣ, именно съ такимъ концомъ раскаянія и постриженія. Но подобный варіантъ легенды могъ возникнуть не иначе, какъ въ средѣ очень набожныхъ католиковъ, можетъ быть, и іезуитовъ. Очевидно, онъ принадлежитъ къ эпохѣ католической реакціи, когда, съ одной стороны, ослабъ духъ религіознаго протеста и протестантизмъ, самъ испугавшись своихъ крайностей, началъ робко отступать и формироваться въ доктринерскія, окаменѣлыя ученія, а научный протестъ классицизма въ свою очередь утратилъ свое обаяніе новизны и, вмѣсто того, чтобы призывать безразлично все человѣчество къ наслажденіямъ земною жизнію обратился въ поблажку распущенности придворныхъ и великосвѣтскихъ нравовъ; въ тоже время возродившееся усиліями братьевъ Лойолы католичество начало отвоевывать цѣлые народы и страны. Очевидно, что только тогда Донъ-Жуанъ, отважно подавшій руку желѣзному пожатію страшнаго гостя, могъ превратиться въ Донъ-Жуана, набожно молящагося въ монашеской рясѣ въ католическомъ монастырѣ.

Типы подобныхъ малодушно струсившихъ своей отваги, слезно-кающихся протестантовъ являются въ литературѣ всегда не иначе, какъ въ моменты реакцій. Кающійся Донъ-Жуанъ—это Европа, смиренно возвращавшаяся на лоно католицизма въ лицѣ Испаніи, Италіи, Франціи, Австріи, Польши. Замѣчательно при этомъ, что когда литература, въ свою очередь, проникнутая реакціонныхъ духомъ, относится положительно къ подобнаго рода типамъ, она постоянно создаетъ нѣчто анти-художественное, приторно-прѣсное, отталкивающее отъ себя и претящее. Это очень понятно: впечатлѣніе, отражающееся въ художественномъ образѣ, только тогда можетъ дѣйствовать сильно и стройно на вашу душу, когда оно является цѣльнымъ, не разбитымъ, не преломленнымъ, не ослабленнымъ ассоціацією съ какими-нибудь иными впечатлѣніями, совершенно противуположнаго рода и составляющими диссонансъ съ главнымъ. Въ этомъ-то и заключается вся тайна художественной гармоніи. Представьте-же вы теперь, что едва только вы настроились обаяніемъ молодости, силы, отваги, гордой независимости—вообще, тѣми чарующими впечатлѣ-

ніями, какія навѣваютъ на вашу душу типы протестантовъ—и вдругъ оказывается, что это очарованіе—ложь, миражъ нѣчто весьма недостойное и непохвальное—и вамъ въ видѣ спасительной гавани представляется тотъ же обаятельный образъ въ видѣ какого-нибудь смиреннаго святоши. Вы только представьте себѣ гордаго Чальдъ-Гарольда, купившаго себѣ домъ въ Сити и обратившагося въ добродѣтельнаго лавочника и биржеваго игрока, Печорина, женившагося на Мери и сдѣлавшагося предсѣдателемъ губернской палаты министерства государственныхъ имуществъ, Марка Волохова, обратившагося въ губернскаго штабъ-жандарма.

Я не говорю, чтобы подобныя превращенія были невозможны въ жизни и нетерпимы въ литературѣ; я указываю только на анти-художественность положительнаго отношенія литературы къ нимъ. Вы замѣтьте, при этомъ, что всѣ художники, съ мало-мальски сильнымъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ, выводя типы какихъ-либо протестантовъ, постоянно оставляли ихъ протестантами до конца произведеній и по большей части заставляли ихъ умирать какою-нибудь насильственною смертію. Такъ точно и большинство европейскихъ писателей, начиная съ Габріеля Телецъ (Тирсо-де-Молина) и кончая Пушкинымъ, выводившихъ на сцену Донъ-Жуана, положительно или отрицательно относились они къ этому типу, постоянно брали для фабулы своихъ произведеній, первый варіантъ легенды и оставляли Донъ-Жуана самимъ собою до проваливанья сквозь землю. И одному только гр. А. Толстому пришло въ голову воспользоваться вторымъ, позднѣйшимъ варіантомъ и заставить Донъ-Жуана трогательно умирать въ севильскомъ монастырѣ при набожныхъ хорахъ монаховъ. Но этого еще мало: гр. А. Толстой вздумалъ смѣшать въ одну кашу оба варіанта легенды и для этого реализировалъ пиршество со статуею командора такимъ образомъ, что Донъ-Жуанъ, по окончаніи пира, упалъ въ обморокъ и видѣлъ во снѣ появленіе статуи и увлеченіе въ адъ, а когда проснулся, узналъ, что Дона-Анна отравилась и убѣдился, что онъ ее все-таки не перестаетъ любить—тутъ-то и раскаялся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.—Я не могу себѣ представить большей степени художественнаго безвкусія, какъ подобная реализація миѳовъ. Я допускаю, что миѳъ можетъ быть у каждаго писателя обработанъ по своему, сообразно духу времени и степени общественнаго развитія. Такъ напримѣръ, конечно, эсхиловскій Прометей, далеко не тотъ Прометей, какого создали тѣ эллины-дикари, которые только-что дошли до употребленія огня и прославили свое изобрѣтеніе въ прометеевскомъ миѳѣ. Конечно, гётевскій Фаустъ имѣетъ очень мало общаго съ Фаустомъ средневѣковой легенды. Вѣдь и Донъ-Жуанъ у каждаго изъ писателей, выводившихъ его на сцену, выходилъ свой особенный Донъ-Жуанъ. Нисколько не въ претензіи я, что и гр. А. Толстой вывелъ своего собственнаго, особеннаго Донъ-Жуана, болѣе

похожаго на Фауста, чѣмъ на Донъ-Жуана въ собственномъ смыслѣ этого слова: такъ, у гр. Толстаго, Донъ-Жуанъ кутитъ и переходитъ отъ одной женщины къ другой не отъ избытка и разгула жизненныхъ силъ, вырвавшихся на волю изъ-подъ гнета католическаго аскетизма, а вслѣдствіе романтическаго исканія вполнѣ идеальной женщины и постояннаго разочарованія въ дѣйствительныхъ женщинахъ. Но я протестую противъ реализаціи фантастическихъ элементовъ миѳовъ и легендъ. По моему мнѣнію, если хочешь быть реальнымъ писателемъ до конца ногтей, такъ и не бери легендъ фабулами своихъ произведеній, а ищи дѣйствительныхъ, вполнѣ реальныхъ сюжетовъ. А если тебѣ хочется брать легенды, то бери ихъ всецѣло, памятуя, что въ фантастическихъ элементахъ этихъ легендъ и заключается обыкновенно вся и поэтическая, и философская суть ихъ. Вамъ извѣстна конечно, народная легенда о томъ, какъ Іисусъ Христосъ явился въ одеждѣ нищаго въ русскую деревню, стучался во всѣ окна, прося ночлега; но нигдѣ его не приняли, а изъ богатыхъ хатъ прогнали даже съ бранью и побоями, а пріютилъ его самый бѣднѣйшій крестьянинъ, въ награду за что и былъ обогащенъ: у него уголья на шесткѣ превращены были въ червонцы. Согласитесь сами, что вся поэзія, вся сила этой легенды въ томъ именно и заключается, что тутъ является на сцену Іисусъ Христосъ и что зазнавшіеся и возгордившіеся богачи гнали и поругали самого Бога. Но вы вообразите себѣ только, что̀ вышла бы за нелѣпость и за пошлость, еслибы иной реальный поэтъ захотѣлъ-бы воспользоваться этою легендою, да только изъ излишняго усердія къ своему реализму вздумалъ-бы замѣнить Іисуса Христа какимъ-нибудь переодѣтымъ въ нищенское платье богачемъ-филантропомъ, который въ награду за гостепріимство бѣднаго мужика, тихонько подложилъ-бы ему на шестокъ подъ уголья червонцы. Но, по моему мнѣнію, еще нелѣпѣе, еще пошлѣе, когда фантастическій элементъ легенды представляется въ видѣ сновъ или обмороковъ дѣйствующихъ лицъ легенды. Донъ-Жуана, сдѣлавшаго въ своей отвагѣ вызовъ самому загробному міру и павшаго въ неровной борьбѣ, я понимаю въ той же степени, какъ и Святогора, вздумавшаго помѣряться съ тягою земли и въ свою очередь ушедшаго въ землю, но Донъ-Жуанъ, упавшій вдругъ въ обморокъ, какъ нервная барышня, и видѣвшій во снѣ появленіе на пиршествѣ статуи—это верхъ художественной безвкусицы, это положительный абсурдъ. Легенда, теряя такимъ образомъ свой фантастическій смыслъ, не пріобрѣтаетъ взамѣнъ этого ни малѣйшаго смысла реальнаго, потому что, подумайте только, какихъ нелѣпыхъ сновъ не бываетъ и что̀ значилъ подобный вздорный сонъ для Донъ-Жуана, когда я убѣжденъ, что еслибы самъ гр. А. Толстой увидѣлъ во снѣ появленіе сотни командорскихъ статуй, это не помѣшало-бы ему остаться все тѣмъ-же графомъ А. Толстымъ, встать утромъ съ по-

стели, какъ встрепанному, и приняться тотчасъ за художественное созерцаніе какого-нибудь рѣдкостнаго фавна.

Остается сказать нѣсколько словъ о драматическихъ произведеніяхъ гр. А. Толстаго, о его историческихъ хроникахъ (Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Царь Ѳедоръ) въ связи съ романомъ Князь Серебрянный; но обо всемъ этомъ я ограничусь только нѣсколькими словами, такъ какъ, года три тому назадъ, мнѣ приходилось уже подробно трактовать объ этихъ произведеніяхъ гр. А. Толстаго на страницахъ этого журнала. Остается только припомнить читателямъ вкратцѣ высказанныя тогда мною взгляды и связать ихъ съ теперешнемъ общимъ анализомъ характера творчества гр. А. Толстаго. Драмы эти составлены очень толково, умно, вполнѣ исторически вѣрно; на каждую, безъ сомнѣнія, положено не мало трудовъ изученія эпохи и героевъ ея. Но главные недостатки ихъ заключаются въ томъ, что въ нихъ и тѣни нѣтъ драматическаго паѳоса: дѣйствія въ нихъ мало, эпическій, бытоописательный элементъ преобладаетъ надъ драматическимъ, сюжеты не представляютъ той цѣльности и законченности, какая требуется отъ драмы, вслѣдствіе всего этого драмы эти скучноваты на сценѣ и годятся болѣе для чтенія, чѣмъ для игры. Подобные недостатки этихъ драмъ, очевидно, находятся въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ творчества гр. А. Толстаго. Они зависятъ прямо отъ того, что, какъ все написанное графомъ, и драмы эти составляютъ продуктъ кабинетнаго, отвлеченнаго творчества по книгамъ. Они составлены по источникамъ, какъ составляются историческія диссертаціи, а не созданы какими-либо сильными импульсами жизни, одушевившими поэта и напрягшими его творчество. Замѣчательно при этомъ, что даже и въ этихъ произведеніяхъ, составленныхъ по древнимъ лѣтописямъ и актамъ, несмотря на все погруженіе поэта въ чисто-русскую, безпримѣсную жизнь, онъ не могъ остаться вполнѣ самимъ собою. Нѣтъ, у него тотчасъ же явилась претензія представить изъ себя Шекспира — и вотъ онъ въ самой видной своей драмѣ, Іоаннѣ Грозномъ, заставилъ какихъ-то волхвовъ-кореловъ разыграть передъ Борисомъ Годуновымъ роль макбетовскихъ вѣдьмъ и ударился въ крайность, противуположную той, какую мы видѣли въ его «Донъ-Жуанѣ». Тамъ онъ вздумалъ реализовать фантастическій элементъ легенды, а здѣсь, напротивъ того, ему пришло въ голову самовольно ввести фантастическій элементъ въ реальную жизнь—и вышло также некстати и также пошло.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ еще о весьма странномъ и необъяснимомъ недостаткѣ творчества гр. А. Толстаго, недостаткѣ, впрочемъ, внѣшнемъ. Мы видѣли изъ автобіографіи графа, что онъ началъ писать стихи съ 6 лѣтняго возраста, увлекшись какими-то толстымъ сборникомъ лучшимъ русскихъ поэтовъ. При этомъ графъ считаетъ не лишнимъ замѣтить, что какъ ни были нелѣпы его первые опыты, но въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Но не диво-ли,

что въ то самое время, какъ поэтъ считалъ безупречными въ метрическомъ отношеніи свои первые опыты шестилѣтняго ребенка, на дѣлѣ же стихотворенія графа А. Толстаго, писанныя имъ въ продолженіи всей жизни, далеко нельзя назвать безупречными въ метрическомъ отношеніи. Я не говорю уже о томъ, что вообще его стихъ тяжеловатъ, не отличается особенно гармоничностью и плавностью и видно, что не легко ему давался, но очень нерѣдко въ его стихотвореніяхъ вы можете встрѣтить стихи, положительно неправильные, которые могутъ быть введены въ размѣръ только при искаженіи нѣкоторыхъ словъ въ ихъ удареніяхъ. Какъ вамъ понравятся, напримѣръ, такіе неуклюжіе стишки:

И ничего въ природѣ нѣтъ
Что бы любовью не дышало...
Галокъ стая вьетъ
Поганыя гнѣзда...
Будешь красоваться листьями убрàна...
Ассиріяне шли какъ на стадо волки и пр,

Встрѣчаются также и такіе стихи, которые метрически совершенно правильны, но дорого досталась повидимому автору эта правильность. Напримѣръ, какъ вамъ нравится художественная прелесть и изысканность такого выраженія:

Все звонкое *птаство* летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу *глотокъ*...

Эти два стиха хоть бы и Тредьяковскому въ пору. Я не знаю ужь, какъ объяснить эту шероховатость стиховъ гр. А. Толстаго, небрежностью ли, съ какою онъ относился къ внѣшней отдѣлкѣ своихъ стихотвореній, недостаткомъ ли музыкальнаго уха, неискуствомъ ли владѣть стихомъ, или и здѣсь, можетъ быть, въ свою очередь играетъ роль тотъ же характеръ творчества гр. А. Толстаго. Я полагаю, что каждый пишущій стихи замѣчалъ не разъ, что чѣмъ сильнѣе онъ возбужденъ или вдохновленъ, какъ выражались прежде, къ изложенію своихъ мыслей стихами, тѣмъ легче давались ему стихи, тѣмъ они выходили гармоничнѣе и плавнѣе. Напротивъ того, искуственно слагать стихи при совершенно спокойномъ расположеніи духа безъ всякаго нервнаго возбужденія — бываетъ чрезвычайно трудно, какъ бы ни владѣли вы искуствомъ риѳмоплетства. Попробуйте перелагать въ стихи какую нибудь алгебру и вы увидите, насколько это труднѣе, чѣмъ написать стихотворное любовное посланіе въ порывѣ молодой страсти. Очень можетъ быть, что оттого у гр. А. Толстаго и выходили стихи такъ тяжеловаты и шероховаты, что ему приходилось писать не въ порывѣ естественныхъ жизненныхъ возбужденій, а вымучивать ихъ, искуственно слагая холодныя измышленія различныхъ художественныхъ созерцаній.

Я кончилъ, и мнѣ очень грустно, что о недавно умершемъ поэтѣ мнѣ пришлось изрѣчь столько суровыхъ и черствыхъ приговоровъ. Чтобы смягчить ихъ хоть сколько нибудь, въ видѣ

послѣсловія, я ставлю вотъ какой вопросъ. Мы видимъ, что во всѣхъ искуствахъ существуетъ строгое раздѣленіе двухъ областей, изъ которыхъ одна другую питаетъ и поддерживаетъ, но въ то же время между этими двумя областями ставится рѣзкая грань, и никому въ голову не приходитъ смѣшивать обѣ области; каждая можетъ имѣть своихъ маестровъ и свои шедёвры, но опять таки никто и не подумаетъ маестра одной области переносить въ другую. Это—область искуства въ истинномъ и въ моемъ смыслѣ этого слова, искуства живаго, творящаго, развивающагося и искуства, если можно такъ выразиться, аксесуарно-техническаго, низшаго, паразитно-питающагося соками высшаго искуства. Такъ, напримѣръ, никто вамъ не мѣшаетъ восхищаться работами Сазикова и Овчинникова и платить за нихъ большія деньги; но придетъ ли кому въ голову сравнивать эти работы съ произведеніями великихъ ваятелей въ родѣ Бенвенуто-Челлини, и, съ другой стороны, съ чѣмъ сообразно, еслибы кто-нибудь вздумалъ презрительно относиться къ работамъ Овчинникова и Сазикова только потому, что эти работы не могутъ быть сравнимы съ такими же работами Бенвенуто-Челлини. Нѣтъ, всякій знаетъ, что Бенвенуто-Челлини одинъ изъ первыхъ маестро въ своей области, и Овчинниковъ и Сазиковъ тоже первые въ своей. Тоже самое и въ музыкѣ: восхищеніе Бетховеномъ или Моцартомъ нисколько не мѣшаетъ вамъ находить, что вотъ въ данномъ трактирѣ существуетъ такой прекрасный оргàнъ, лучше котораго вы не слыхали и потому чаще посѣщать этотъ трактиръ съ спеціальною цѣлію наслаждаться звуками оргàна: Бетховенъ первый—въ своей области, трактирный оргàнъ—въ своей, и одинъ другому въ вашихъ глазахъ нисколько не мѣшаетъ быть первымъ. Точно также можетъ быть первый декораторъ въ городѣ безъ всякаго сравненія съ Рафаелями и Сальваторами-Розами и пр.

Скажите вы мнѣ, пожалуйста, отчего же въ одной только поэзіи не существуетъ никакого такого раздѣленія подобныхъ же областей, а всѣ поэты, мало мальски способные связать двѣ риѳмы, безразлично смѣшиваются въ одинъ безразличный хаосъ знаменитостей, всѣ тянутся если не въ Шекспиры и Гёте, по малой мѣрѣ, въ Пушкины—и критика непремѣнно должна глубокомысленно рѣшать, какое значеніе имѣетъ риѳмосплетатель въ судьбахъ русской литературы, что онъ внесъ въ нее, создалъ, а если окажется, что ничего особеннаго не создалъ, то непремѣнно за тѣмъ должно послѣдовать презрѣніе, пренебреженіе — съ одной стороны, а съ другой—оскорбленіе самолюбія, если поэтъ живой, или памяти его, если онъ покойный?

А между тѣмъ, попробуйте разграничить обѣ области столь же строго, какъ онѣ разграничены въ другихъ искуствахъ, вы сами сразу признаете первыми маестрами такихъ поэтовъ, какіе нынѣ считаются одними изъ самыхъ послѣднихъ, хотя, конечно, приэтомъ вамъ и въ голову не придетъ задавать глубоко-

мысленные вопросы, имѣютъ ли эти поэты какое-либо значеніе и какое именно въ судьбахъ развитія русской поэзіи.

Точно также и относительно графа А. Толстаго. Конечно, послѣ тѣхъ колѣнопреклоненій передъ его поэзіею, которыя расточались въ прошломъ году и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и во многихъ газетахъ, мои приговоры имѣютъ мѣсто, какъ стремленіе умѣрить пылъ этихъ колѣнопреклоненій и опредѣлить болѣе хладнокровно и безпристрастно, чѣмъ же именно заслужила поэзія гр. А. Толстаго подобныхъ овацій. Но представьте себѣ, что заранѣе, безъ всякихъ сомнѣній и недоумѣній было бы понятно всѣмъ и каждому, что стихотворенія гр. А. Толстаго имѣютъ такое же значеніе въ литературѣ, какъ занавѣси театровъ въ живописи, какъ канделябры или бронзовыя статуи подъ лампы работы того или другого знаменитаго маестро въ этомъ родѣ, какъ вальсы Штрауса и т. п. Тогда, конечно, мои приговоры не имѣли бы ровно никакого смысла. Говорить о недостаткахъ описаній природы въ стихотвореніяхъ гр. А. Толстаго, о промахахъ поэмы «Донъ-Жуанъ», о снотворности его драматическихъ хроникъ или шероховатости стиховъ было бы также нелѣпо, какъ замѣчать о недостаткѣ экспрессіи въ лицѣ купающейся нимфы на занавѣси театра или о несоразмѣрности членовъ бронзоваго рыцаря, держащаго въ рукахъ канделябръ со свѣчами. Напротивъ того, я съ своей стороны готовъ былъ бы признать гр. А. Толстаго, однимъ изъ первыхъ маестровъ по части галантерейной поэзіи, готовъ былъ бы искренно признаться, что многія изъ его произведеній не разъ доставляли мнѣ большое наслажденіе, что и впредь я готовъ послѣ сытнаго обѣда, въ пріятной дамской компаніи усладить свой досугъ на ряду съ лучшими конфектами изъ самой модной кондитерской декламаціею чего-либо въ родѣ

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные и пр.

А. Скабичевскій.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Громкіе скандалы, закончившіе старый и начавшіе новый годъ: процессъ Жермини и похожденія молодого священника изъ Вирофлэ и аббата Божарда.— Предложеніе о разрѣшеніи браковъ священникамъ.—Мессы по поводу открытія парламентской сессіи.—Образцы католическаго краснорѣчія.—Уроки, преподанные версальскимъ епископомъ общественнымъ властямъ — Гражданскія похороны депутата въ Парижѣ.—Правительство и клерикализмъ.

Старый годъ окончился и новый начался—не особенно благопріятно для клерикаловъ. Не говоря уже о томъ, что министерство Жюля-Симона имъ, разумѣется, не особенно по душѣ, на нихъ обрушился цѣлый рядъ скандаловъ самаго скабрезнаго свойства. Началось съ исторіи графа Жермини, по поводу которой судебное разбирательство происходило въ самомъ концѣ декабря въ 8 камерѣ парижской исправительной полиціи. Почтенный муниципальный парижскій совѣтникъ отъ Сен-Жерменскаго Предмѣстья, попечитель католическихъ университетовъ и пр., и пр. признанъ виновнымъ... въ томъ, въ чемъ былъ захваченъ полиціею en flagrant délit и, послѣ восьмидневныхъ совѣщаній судей съ министерствомъ юстиціи, приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію и штрафу въ 200 франковъ. Случайный его товарищъ, 15-лѣтній Шуаръ, тоже приговоренъ къ тюрьмѣ, но только на 15 дней, такъ какъ онъ предварительно былъ арестованъ, а графъ оставался на свободѣ, мало того, бѣжалъ въ Бельгію, и если вернулся къ процессу, то только потому, что былъ увѣдомленъ своими родными, что все устроено такъ, что его навѣрное оправдаютъ. Оказалось, однако, иначе и все краснорѣчіе адвоката графа, извѣстнаго Аллу, пропало втунѣ, такъ какъ нашлись кое-какія вещественныя доказательства, все испортившія.

Едва окончилось дѣло Жермини, какъ началось другое, и на этотъ разъ уже нетолько съ клерикаломъ, а даже съ священникомъ, и хотя оно до суда не дошло, но надѣлало еще большаго скандала, какъ графская ночная прогулка. Въ одинъ изъ лучшихъ и доходнѣйшихъ приходовъ въ окрестностяхъ Парижа, Вирофлэ, назначенъ былъ недавно молодой священникъ, Жюль

Данжервиль, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ и покровительствомъ монсиньора Дюпанлу. Своею любезностью, достоинствомъ и обращеніемъ онъ сразу очаровалъ всѣхъ своихъ прихожанъ, а особливо нѣкоторую ревностную прихожанку, по занятію портниху, а по добродѣтелямъ своимъ—въ качествѣ признанной «rosière», избранной незадолго передъ тѣмъ предсѣдательницей «Общества Св. Дѣвы». Добродѣтельная портниха все свое свободное время посвящала церкви и посѣщеніямъ Данжервиля, какъ вдругъ злые языки стали говорить о ея беременности. Чтобы прекратить такого рода толки, Данжервиль порѣшилъ, что ей надобно выдти замужъ и, въ качествѣ жениха, рекомендовалъ ей своего двоюроднаго брата, наивнаго сельскаго парня, котораго нарочно для этого выписалъ въ Вирофлэ, сдѣлавъ его смотрителемъ церкви и загородной виллы одного богатаго духовнаго лица. Свадьба была справлена на славу, одна знатная дама подарила невѣстѣ богатое подвѣнечное платье, Данжервиль убралъ на свой счетъ квартиру новобрачныхъ, совершилъ безденежно брачный обрядъ—и даже заплатилъ за свадебный обѣдъ и музыку. Огюстенъ Рокэ просто не вѣрилъ своему счастію. Красавица-жена, богатое приданое... ему рѣшительно захотѣлось похвастаться своимъ счастіемъ передъ своими односельчанами—и вотъ, на второй день брака, онъ сталъ просить брата своего, чтобъ онъ отпустилъ его съ женой въ Вернейль, такъ какъ не чувствуетъ особеннаго призванія посвящать время служенію церкви. Данжервиль распушилъ неблагодарнаго на чемъ свѣтъ стоитъ и наотрѣзъ отказалъ въ его просьбѣ. Оказалось еще, что у новобрачной по ночамъ открывались какія-то нервныя боли, при которыхъ она не выносила ничьего присутствія—и новобрачному, въ теченіи 4-хъ сутокъ, не удавалось ни на минуту оставаться съ глазу на глазъ съ женой. На 5-й день однакоже необходимо было все-таки съѣздить въ Вернейль—съ свадебнымъ визитомъ. Данжервиль вызвался сопровождать молодыхъ. Путешествіе продолжалось двое сутокъ—путники двѣ ночи ночевали въ дорогѣ и, какъ на зло, священникъ обѣ ночи прохворалъ и г-жа Рокэ должна была за нимъ все время ухаживать. По возвращеніи въ Вирофлэ, Рокэ въ свою очередь разсердился и объявилъ женѣ, что намѣренъ провести съ нею весь день дома, вдвоемъ. Жена не стала сопротивляться этому желанію, но просила его только предварительно отпустить ее часа на четыре въ Парижъ для возвращенія парикмахеру взятаго на прокатъ вуаля невѣсты. Рокэ согласился, жена его уѣхала—и уже не возвращалась. Опасаясь какой-нибудь бѣды, Рокэ захотѣлъ посовѣтоваться съ своимъ братомъ-благодѣтелемъ, но оказалось, что и онъ куда-то исчезъ. Начались поиски. Отецъ новобрачной уѣхалъ въ Парижъ и только на 12-й день открылъ мѣстожительства г-жи Рокэ въ одномъ изъ отелей улицы Мальты. Онъ силою отвезъ ее къ мужу и въ этотъ же день возвратился и Данжервиль, по словамъ его, изъ поѣздки на богомолье,

по обѣту. Въ Вирофлэ, вся эта исторія произвела значительный шумъ и жители мѣстечка заявили рѣшительно, что никто изъ нихъ не пойдетъ въ церковь, пока отъ Данжервиля не отнимутъ прихода. Это дошло до версальскаго епископства, которое назначило въ Вирофлэ другого священника и извѣстило, что Данжервиль отправленъ на покаяніе къ траппистамъ и ему навсегда запрещено появляться во всѣхъ приходахъ епархіи. Вирофлэ успокоивается, Рокэ тоже готовъ бы былъ успокоиться, но оказывается, что жена его снова исчезла. Онъ, внѣ себя отъ отчаянія, ѣдетъ въ поиски и разсказываетъ встрѣчному и поперечному свое горе. Дѣло становится гласнымъ. Газеты поднимаютъ по его поводу шумъ, вся полиція на ногахъ и вотъ изъ Белльгарда (послѣдняя французская станція на швейцарской границѣ) получается телеграмма, что полиція, накрыла въ одномъ изъ вагоновъ Данжервиля въ статскомъ платьѣ и г-жу Рокэ. Она арестовала священника, при которомъ оказалось 40 тыс. франковъ наличными деньгами и спрашивала: что̀ ей съ нимъ дѣлать?—Выпустить, былъ отвѣтъ, такъ какъ противъ него не было ни откуда никакой жалобы объ начатіи преслѣдованія!—Увы! бѣдный мужъ, опредѣлившійся служителемъ въ редакцію журнала «XIX столѣтіе», только послѣ этого открытія могъ собрать необходимыя деньги, для начатія процесса... а теперь уже бѣглецовъ не найти, такъ какъ они поселились гдѣ-нибудь заграницей, и на деньги прихожанъ мирно предаются такимъ радостямъ любящихся сердецъ.

Но если Данжервилю и удалось счастливо избѣгнуть суда и перебраться заграницу, то подобная же попытка аббата Божарда, викарія изъ Гро-Калью, кончилась неудачею. Хотя послѣ того, какъ слухъ объ его похожденіяхъ разошелся по Парижу, его и скрывали долго и очень усердно монахини одного изъ парижскихъ монастырей, а потомъ переправили его въ Лилль, въ мужской ломелетскій монастырь, откуда монахи собирались его отправить въ Бельгію, но на границѣ онъ былъ узнанъ и арестованъ. О похожденіяхъ его я разсказывать не буду, они выяснятся на судѣ, передъ которымъ явятся нѣсколько восьми и десяти-лѣтнихъ дѣвочекъ и врачи-спеціалисты нѣкоторыхъ болѣзней, послужившихъ къ обнаруженію того, какому времяпрепровожденію посвящалъ достойный аббатъ свои досуги...

Послѣ всѣхъ такихъ скандаловъ, понятно, что однимъ изъ первыхъ законопроектовъ, внесенныхъ въ палату, былъ законопроектъ Бенжамэна Распайля объ отстраненіи всѣхъ препятствій, которыя, наперекоръ принципамъ 89 года и даже прямой буквѣ одного изъ законовъ гражданскаго кодекса, мѣшаютъ совершенію въ мэріяхъ браковъ духовныхъ лицъ и членовъ духовныхъ конгрегацій.

Что касается до печати, то она этими скандалами занималась сравнительно очень мало. Даже при реставраціи, или при Луи-Филиппѣ, газеты, навѣрное, подняли бы по этому поводу боль-

ше шуму. Вообще, вся наша печать, даже и самая радикальная, ведетъ себя какъ-то особенно сдержанно по всѣмъ жгучимъ вопросамъ, связаннымъ съ католицизмомъ. Такъ напримѣръ, едва ли не всѣ газеты отозвались съ неодобреніемъ о поступкѣ Поля Бушарда, муниципальнаго совѣтника Котъ д'Ора, бывшаго нѣкогда бонскимъ мэромъ, который въ новый годъ отправилъ дижонскому епископу, вмѣсто визитной карточки, письменное заявленіе, что онъ отказывается отъ католицизма, «не желая принадлежать къ вѣроисповѣданію, находящемуся въ отъявленной враждѣ со всѣмъ тѣмъ, какъ долженъ мыслить и дѣйствовать человѣкъ и гражданинъ».

Духовенство, принимая сдержанность своихъ противниковъ за слабость и даже трусливость, рѣшилось воспользоваться первымъ же случаемъ, чтобы ихъ какъ можно сильнѣе разгромить. Подобный случай не замедлилъ представиться, такъ какъ передъ открытіемъ сессіи министръ исповѣданій издалъ циркуляръ, напоминавшій, что, на основаніи послѣдней статьи конституціи, каждой новой сессіи должны предшествовать общественныя богослуженія «для испрошенія помощи Божіей обѣимъ палатамъ». Циркуляръ этотъ подалъ поводъ къ пастырскимъ посланіямъ. Первымъ открылъ походъ каркассонскій епископъ, цитировавшій въ своемъ письмѣ слѣдующія слова Боссюэта: «Господь возвращаетъ на путь истины заблуждающихся, какъ бы сильно они ни увлекались, и внезапно и неожиданно заявляетъ себя такими событіями, которыя совершенно измѣняютъ обычный ходъ вещей въ пользу общественнаго порядка и всеобщаго умиротворенія». Вслѣдъ за нимъ, люсонскій епископъ такимъ образомъ характеризовалъ наше время: «Въ наши дни, повсюдныя опасности постоянно ростутъ и усиливаются. Честные люди впали въ апатію. Анархическія страсти развиваются съ ужасающей быстротой; тайныя общества проявляютъ сатанинскую ловкость; противорелигіозный фанатизмъ достигаетъ крайней границы. Публично, на глазахъ всего міра раздаются съ высоты трибуны оскорбленія всего того, что мы любимъ, чтимъ, во что вѣруемъ. Повсюду соперничество и безпощадная борьба. Не представляется ли такимъ образомъ наше государство осужденнымъ самимъ порядкомъ вещей на близкую и вѣрную погибель». Далѣе отъ разсерженнаго епископа, показывающаго видъ, что онъ не вѣритъ истинѣ разсказанныхъ нами въ этой главѣ исторій, достается и печати: «безбожныя и скандальныя газеты каждый день изливаютъ во всѣ классы общества цѣлые потоки грязныхъ изобрѣтаемыхъ ими исторій и ученій самыхъ возмутительныхъ».

Въ такомъ же духѣ написано и посланіе епископа кутанскаго, который, перечисляя всѣ бѣдствія церкви, по его мнѣнію, ограбленной и доведенной до нищеты, хотя по бюджету на 1877 годъ на духовенство ассигнована бо̀льшая сумма, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе года—заявляетъ прямо, что современное

общество разлагается, а отечество наше уже окончательно погибло: «Да, говоритъ онъ, въ наши дни можно еще иногда встрѣтить французовъ, но что̀ такое, въ дѣйствительности, Франція? Существуетъ ли она еще, или уже увы! представляетъ только жалкую тѣнь прежняго славнаго имени?» Еще сильнѣе—до того уже сильно, что всѣ клерикальные журналы отстранились отъ перепечатыванія его цѣликомъ—пасторальное письмо епископа де-Сен-Бріёка. «Время, въ которое мы живемъ, скорбитъ онъ:—можно уподобить только той эпохѣ, когда христіанъ бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ!» По мнѣнію его, правительство или, по крайней мѣрѣ, палата депутатовъ предводительствуетъ «походомъ противъ Бога и общества, указывая народу на духовенство, аристократію и чиновниковъ, какъ на исконныхъ его враговъ», топча въ грязь «спокойствіе, справедливость, честь и добродѣтель, и подготовляя такимъ образомъ погибель и разрушеніе Франціи». Что касается до тулузскаго архіепископа, то онъ, оставляя въ сторонѣ политику, озабоченъ преимущественно увеличеніемъ денежныхъ средствъ и численности учениковъ католическихъ университетовъ, почему все его по̀сланіе преисполнено воплей противъ современнаго состоянія образованія во Франціи. Свѣтское среднее образованіе, по его словамъ, составляетъ «язву, вносящую отчаяніе въ семьи»; правительственные жюрѝ и даже жюрѝ смѣшанные суть нѣчто ужасное, а высшія правительственныя школы представляются ему «грозными вершинами, съ которыхъ образованіе, зараженное въ своемъ источникѣ, льется въ общество отравленными потоками».

Хотя версальскому епископу, прямому начальнику и покровителю священника Вирофлэ, всего приличнѣе было бы молчать, но и онъ на торжественной мессѣ въ за̀мкѣ, передъ открытіемъ палатъ, въ присутствіи маршала, министровъ и полутораста сенаторовъ и депутатовъ, позволилъ себѣ произнести проповѣдь, въ которой предсказывалъ паденіе республики, если демократія станетъ продолжать почерпать свои силы «въ отравленномъ источникѣ атеизма», если «извѣстная часть печати будетъ продолжать свои гнусныя клеветы противъ духовныхъ и предавать поруганіямъ и проклятіямъ все священное и достойное уваженія». Правда, что, съ другой стороны, онъ нарисовалъ и апоѳеозъ такой республики, какую бы онъ хотѣлъ видѣть, но это мало смягчило общее впечатлѣніе его проповѣди. Изъ всѣхъ министровъ исповѣданій, врядъ ли кто былъ любезнѣе относительно духовенства Жюля Симона, занимавшаго этотъ постъ при Тьерѣ. По этому, было значительною неловкостью произносить въ его присутствіи проповѣдь, исполненную порицаній противъ мнѣній, представителемъ которыхъ онъ состоитъ во главѣ кабинета. Но духовенство, не стѣсняясь, позволило себѣ открытую словесную войну и противъ общественнаго мнѣнія, и противъ правительства. Въ министер-

ствѣ шла даже рѣчь о томъ, чтобы призвать епископа Сен-Бріёка къ отвѣтственности въ государственный совѣтъ, но порѣшили пока составить только выписку изъ тѣхъ мѣстъ епископскихъ посланій и проповѣдей, въ которыхъ заключаются прямыя нападенія на государство, или явныя нарушенія конкордата. Эта выписка послужитъ хорошимъ матеріаломъ для министерскаго циркуляра, который намѣревается подписать Мартель, все еще больной и пользующійся на югѣ Франціи, когда онъ поправится и вступитъ въ управленіе своей должности, какъ хранитель печати. Еслибы и такая мѣра не послужила къ обузданію духовенства, то республиканское большинство на этотъ разъ уже рѣшится безъ церемоніи сократить бюджетъ на его содержаніе.

Въ самый день общественныхъ моленій, генералъ Морисъ былъ отчисленъ отъ командованія арраской дивизіей. Вспоминая о тостѣ-pronunciamiento, произнесенномъ этимъ лицомъ на обѣдѣ у епископа, противъ палаты депутатовъ, только-что отказавшей тогда въ кредитѣ на полковыхъ священниковъ, всѣ думали, что въ лицѣ его, Берто рѣшился начать очищеніе арміи отъ начальниковъ, слишкомъ преданныхъ іезуитамъ. Но когда стало извѣстно, что мѣсто его занялъ генералъ Лоазель, сенаторъ правой стороны и чистый орлеанистъ, и что Морисъ самъ просилъ взять у него дивизію, то пришлось убѣдиться, что для того, чтобы судить, принялъ ли Берто, оставшись товарищемъ Жюля Симона, искренно министерскую программу относительно свободы совѣсти, приходится ждать какого-нибудь иного факта. 24-го января происходили, между тѣмъ, гражданскія похороны республиканскаго депутата Константины, Алексиса Ламберта. Почетный караулъ не явился на эту церемонію подъ тѣмъ предлогомъ, что покойный, не имѣвшій никакихъ орденовъ, имѣлъ право на эту честь только въ качествѣ депутата, но она обязательно отдается депутатамъ только въ мѣстѣ резиденціи палаты—въ Версали. Такимъ образомъ, чтобы узнать, какимъ образомъ военный министръ смотритъ на знаменитый очередной порядокъ палаты относительно военныхъ почестей, приходится еще ждать, чтобы кто-либо изъ невоенныхъ кавалеровъ ордена Почетнаго Легіона былъ схороненъ гражданскимъ образомъ въ Версали. Чтобы протестовать противъ излишней щекотливости военныхъ властей — бюро палаты появилось на похороны Ламберта, въ полномъ своемъ составѣ, съ приставами и траурными экипажами. Депутаты надѣли всѣ свои ордена, депутатскія медали и трехцвѣтные шарфы. На кладбищѣ, представитель республиканскаго союза, депутатъ Бриссонъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Присутствіе здѣсь бюро палаты достаточно доказываетъ, какъ далеко отъ насъ уже то недавнее время, когда погребальная процессія Брусса была оставлена тѣми, долгомъ которыхъ было на ней присутствовать; Франціи одно время предстояла опасность, что

общественныя власти, изъ-за различія религіозныхъ мнѣній, нарушать равенство относительно гражданъ. Она спрашивала себя съ безпокойствомъ: неужели когда кругомъ нея, въ другихъ странахъ, въ Бельгіи и Италіи, отдаются одинаковыя почести всѣмъ умершимъ замѣчательнымъ людямъ, одна французская республика отличится такъ невыгодно отъ другихъ государствъ, развѣнчивая сама представителей своей національной славы? Она спрашивала себя съ безпокойствомъ: неужели республика окажется такою неблагодарною, что наложитъ на своихъ сыновъ что-то въ родѣ посмертнаго наказанія, за то только, что они ко всѣмъ другимъ качествамъ своимъ присоединяли и качество вѣрности до смерти тому, что они считали истиною при жизни. То, что мы видимъ здѣсь вокругъ себя, полагаетъ конецъ всѣмъ подобнымъ сомнѣніямъ».

Пресловутое распоряженіе ліонскаго префекта Дюкро о гражданскихъ похоронахъ, которое въ провинціи, подобно посвященію Монмартрскихъ Высотъ Св. Сердцу въ Парижѣ—было самымъ характернымъ выраженіемъ торжества клерикальной реакціи, разумѣется, было отмѣнено тотчасъ же, вслѣдъ за назначеніемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Правда, префектъ Вельшъ замѣнилъ его немедленно другимъ, которое претендуетъ регламентировать похоронныя процессіи болѣе, чѣмъ того требуетъ муниципальный порядокъ. Но на жалобу по этому поводу ронскихъ депутатовъ, Жюль Симонъ отвѣчалъ, что регламентъ этотъ относится столько же къ погребеніямъ католиковъ, какъ и свободныхъ мыслителей, и будетъ прилагаться всегда въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Конечно, лучше всего было бы простое признаніе свободы погребеній, но, вспомнивъ, до чего свобода совѣсти была угнетена при правительствѣ нравственнаго порядка, можно привѣтствовать хотя то, что за свободными мыслителями признано почти равенство съ католиками. Все это показываетъ, что правительство рѣшило положить, наконецъ, границы чрезмѣрнымъ претензіямъ духовенства, и тѣмъ избавить страну отъ постоянной агитаціи ея членами «чернаго интернаціонала».

II.

Открытіе обыкновенной парламентской сессіи.—Запросъ легитимистовъ и бонапартистовъ.—Обвиненіе министромъ Мартелемъ смѣшанныхъ комиссій 1852 года.—Очередной порядокъ 19-го января.—Годовщина смерти Наполеона III.—Новое поднятіе вопроса о помилованіяхъ. — Избраніе бюджетной комиссіи; успѣхъ Гамбетты и тактика, принятая имъ относительно кабинета Симона.

Согласно съ конституціей 25-го февраля 1875 года, обыкновенная парламентская сессія была открыта во второй вторникъ января мѣсяца. Маршалъ-президентъ, питающій также мало рас-

положенія къ письменному, какъ и къ изустному краснорѣчію, не счелъ нужнымъ сочинять для этого открытія посланія, въ которомъ объяснялось бы внутреннее и внѣшнее положеніе страны. Рѣчи новыхъ министровъ были еще такъ недавно произнесены, что республиканцы не сочли нужнымъ требовать отъ нихъ какихъ-нибудь новыхъ заявленій, которыя могли бы только уменьшить значеніе того, что ими было уже высказано. Такимъ образомъ, палата депутатовъ въ первое же засѣданіе приступила къ новому избранію своимъ президентомъ—Греви, а 11-го января въ нее уже былъ внесенъ министромъ финансовъ законопроектъ о бюджетѣ на 1878 года. Открытіе сессіи въ сенатѣ было нѣсколько шумнѣе. Открывая его первое засѣданіе, въ качествѣ старѣйшаго изъ сенаторовъ, энергическій старикъ Готье-де-Рюмильи счелъ нужнымъ напомнить своимъ товарищамъ о гражданскомъ ихъ долгѣ и республиканскомъ патріотизмѣ. Рѣчь его растрогала чуть не до слезъ перваго министра и пришлась весьма не по сердцу консервативной партіи. Герцогъ де-Брольи совершилъ попытку доставить предсѣдательское кресло Бюффѐ, но всѣ его усилія въ этомъ смыслѣ привели только къ тому, что отняли у герцога Одиффре Пакье около 30-ти голосовъ, что̀ не помѣшало ему, однако, быть снова выбраннымъ 195-ю голосами.

Вечеромъ, въ день открытія сессіи на пріемѣ у Жюля Симона собралось множество сенаторовъ и депутатовъ лѣвой. Они имѣли случай убѣдиться изъ словъ президента совѣта, что первая перемѣна въ администраціи была весьма незначительна, такъ какъ министръ на первый разъ ограничился отставкою всего только 8 чиновниковъ — бонапартистовъ. Но за то онъ разсказалъ имъ весь планъ окончательнаго очищенія администраціи отъ анти-республиканскихъ элементовъ, осуществить который онъ намѣренъ, сообразно гамбеттовской формулѣ, медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Всѣ радикальные запросы рѣшено было отложить и на второе же засѣданіе, палатѣ нечего было бы уже дѣлать, еслибы легитимисту де-Бодану не пришла въ голову жалкая мысль сдѣлать министру юстиціи весьма неловкій запросъ.

Читатели вѣроятно еще не забыли, что приговоръ, высказанный безансонскимъ судомъ въ пользу президента Виллемо и противъ газеты «L'Avenir de la Haute Saône», оправданной судомъ везульской исправительной полиціи, вызвалъ справедливое негодованіе республиканцевъ. Дюфоръ былъ признанъ недостойнымъ оставаться министромъ юстиціи съ той минуты, какъ, въ противность мнѣнію, имъ самимъ высказанному, нетолько несмѣняемые безансонскіе судьи, но и раньше ихъ, смѣняемая прокуратура, нашли позорящими—обвиненія, высказанныя печатно противъ пресловутыхъ смѣшанныхъ судовъ, учрежденныхъ Наполеономъ III-мъ вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ. Хранитель государственной печати Мартель ознаменовалъ свое

вступленіе на этотъ высокій постъ отставкой генеральнаго адвоката Бальеля и такимъ примѣромъ какъ бы напомнилъ прокуратурѣ прямо, а судамъ вообще косвенно, объ уваженіи къ закону и праву, какъ слѣдуетъ ихъ понимать при демократически-конституціонномъ управленіи. За это-то и началъ въ засѣданіи 12-го января обвинять его дю-Боданъ, говоря, что, наказывая генеральнаго адвоката за заключеніе, высказанное имъ по совѣсти, онъ нарушилъ независимость магистратуры.—«Да, магистратуры безстыдной и продажной!» прервалъ его одинъ изъ депутатовъ, подвергшійся изгнанію въ 1852 году.

Мартель, назначеніе котораго министромъ застало больнымъ въ постели, едва только еще выздоравливалъ и появленіе его въ этомъ засѣданіи было его первымъ выѣздомъ. Напрасно президентъ Греви просилъ палату сохранять спокойствіе, въ виду болѣзненнаго состоянія министра, который въ этотъ день походилъ болѣе на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка. Едва Мартель въ своемъ отвѣтѣ успѣлъ назвать смѣшанные суды «отвратительнымъ учрежденіемъ», какъ со скамеекъ бонапартистовъ поднялась цѣлая буря протестовъ. Республиканцы возмутились и дружнымъ хоромъ воскликнули: «Людямъ 2-го декабря молчать надо!», что, конечно, еще усилило гамъ. «Несмотря на состояніе моего здоровья, громко повторилъ министръ: — вы мнѣ не помѣшаете высказать то, что я считаю истиной!» — «Вотъ какъ! грубо замѣчаетъ бонапартистъ Жолибуа:—вы прикрываетесь болѣзнію, чтобы оскорблять людей!» Тогда министръ, котораго бьетъ лихорадка, продолжаетъ: «смѣшанныя комиссіи давно и справедливо осуждены уже общественнымъ мнѣніемъ». Затѣмъ онъ черезъ силу разсказываетъ, какъ происходило все дѣло и читаетъ подлинное письмо генеральнаго прокурора, въ которомъ онъ объясняетъ, что подчиненный ему генеральный адвокатъ позволилъ себѣ измѣнить заключеніе, которое было имъ высказано въ засѣданіи. «Разумѣется, сказалъ министръ:—Бальель опровергалъ это показаніе своего начальника, но этимъ только усугубилъ свою вину, такъ какъ нарушилъ своими объясненіями всякую служебную вѣжливость и приличіе. Вы не дождетесь, горячо отвѣчалъ министръ на перерывы бонапартистовъ:— вы не дождетесь, чтобы власть въ моихъ рукахъ ослабла, такъ какъ только уваженіе къ ней позволитъ намъ поселить повсюду уваженіе къ правительству республики, которому мы служимъ. И я никогда не позволю себѣ хвалить судей, бывшихъ членами смѣшанныхъ комиссій. Имъ поручено было примѣненіе законовъ, а они производили ихъ подтасовку. Они подвергли изгнанію тысячи ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Они придумывали такія наказанія, которыя отнимали всякую возможность оправданія, однимъ словомъ, это была самая ненавистная форма полицейски-произвольнаго суда».

Окончивъ это горячее обвиненіе, министръ сошелъ съ трибуны привѣтствуемый рукоплесканіями болѣе чѣмъ двухъ третей

депутатовъ, но до того измученный и утомленный, что его тотчасъ же пришлось отвезти домой. Пренія, однако, продолжались и послѣ этого. Жолибуа сталъ пытаться доказывать, что министерскимъ распоряженіемъ произведенъ полнѣйшій безпорядокъ въ судебномъ вѣдомствѣ и имъ разрушены всѣ права и обязанности прокуратуры. Тогда предсѣдатель совѣта министровъ съ своей стороны обвинилъ смѣшанные суды, главный характеръ которыхъ состоялъ, по его словамъ, въ томъ, что они, отнимая у обвиняемаго возможность защиты, препятствовали выясненію истины и были судомъ безъ гласности, безъ преній, безъ предварительныхъ слѣдствій, безъ права апеллировать, а слѣдовательно и безъ всякой справедливости». Министръ призналъ за генеральными прокурорами и адвокатами свободу измѣнять ихъ заключенія во время засѣданій и состязательныхъ преній, когда то или другое обстоятельство можетъ внезапно бросить новый свѣтъ на обсуждаемое дѣло въ ихъ сознаніи, но онъ рѣшительно отрицалъ ихъ право, подъ предлогомъ независимости, высказываться противъ существующаго образа правленія и законовъ.

Рауль Дюваль, единственный изъ бонапартистовъ, не лишенный таланта и нѣкотораго такта, захотѣлъ успокоить умы, выговоривъ нѣкоторыя облегчающія обстоятельства для членовъ смѣшанныхъ комиссій (въ числѣ ихъ находился и отецъ его, нынѣ сенаторъ), но Поль-де-Кассаньякъ не позволилъ ему довести этого дѣла до конца и, завладѣвъ трибуной, предался дѣтски-задорнымъ выходкамъ: «Мнѣ все равно, воскликнулъ онъ, между прочимъ: — пріятенъ ли я здѣсь кому-нибудь или нѣтъ, но я считаю, что 2-е декабря, которое вы называете преступленіемъ, было правомъ и обязанностію...»

Одинъ изъ изгнанниковъ 1851 года, докторъ Лосседà, попытался, среди общаго шума, возражать на дерзкія выходки редактора «Pays», но республиканское большинство нашло, что голосованіе дѣйствительнѣе всякихъ возраженій. Въ урнахъ оказалось 367 бюллетеней перехода къ очередному порядку, мотивированнаго такимъ образомъ: «Палата депутатовъ присоединяется къ осужденію смѣшанныхъ комиссій, высказанному правительственными представителями, одобряетъ образъ дѣйствій хранителя государственной печати и выражаетъ свое довѣріе къ его твердости». Только два бонапартиста, сыновья бывшихъ членовъ смѣшанныхъ комиссій, Рауль Дюваль и Луи Жанвье-де-Ламоттъ, отважились вотировать противъ, вся остальная бонапартистская банда такъ же, какъ нѣкоторые легитимисты и клерикалы, отстранились отъ голосованія.

Чтобы замять это новое подтвержденіе осужденія имперіи, провозглашеннаго бордоскимъ собраніемъ, бонапартисты пытались вызвать манифестаціи по поводу четвертой годовщины смерти седанскаго героя. Но торжественная ихъ заупокойная месса въ церкви Августиновъ, перенесенная съ 9-го

на 15-е января, не собрала, какъ они ожидали, значительной толпы. Продавцы фіалокъ не нашли много покупателей. Полиція даже никого не арестовала за крики: «да здравствуетъ императоръ», такъ какъ ихъ совсѣмъ не раздавалось, а только по окончаніи церемоніи нѣсколько голосовъ, очевидно, въ насмѣшку, крикнули: «да здравствуетъ Поль-де-Кассаньякъ!» Въ Ліонѣ одинъ изъ часовщиковъ ухитрился къ этому дню выставить у себя на окнѣ бронзовые столовые часы съ бюстомъ Наполеона III-го, въ вѣнкѣ изъ иммортелей. Нѣсколько человѣкъ вошли къ нему въ магазинъ и спросили, нѣтъ ли у него гипсоваго снимка съ этого бюста, чтобы имъ продать? Когда такой бюстъ оказался и они его купили, то, къ крайнему огорченію продавца, тотчасъ же его разбили на мелкіе куски. Только въ одной изъ деревень манифестація въ память Наполеона удалась, да и то, вѣроятно, потому, что заупокойная тризна окончилась довольно оригинально... публичнымъ баломъ. Кромѣ того, чуть не въ самый день годовщины, въ Римѣ, Пій IX-й, на торжественной аудіенціи своему крестнику, иронически посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣй оставить Италію, такъ какъ въ числѣ итальянцевъ весьма много сторонниковъ Орсини. Парижская же бонапартистская пресса встрѣтила этотъ день разгаромъ полемики между Раулемъ Дювалемъ и Полемъ-де-Кассаньякомъ, изъ которыхъ первый назвалъ послѣдняго «безстыднымъ безумцемъ», за что, съ своей стороны, получилъ прозвище «ничтожнѣйшаго честолюбца».

Прямымъ результатомъ этого же засѣданія, произведшаго на Францію такое же впечатлѣніе, какъ извѣстное заключеніе доклада Одиффре-Пакье въ 1872 году—было тѣсное присоединеніе всѣхъ лѣвыхъ къ министерству Симона-Мартеля. Радикалы, несмотря на свои обязательства передъ избирателями на недавнихъ сходкахъ, не внесли никакихъ новыхъ предложеній объ амнистіи, а присоединились къ мирной попыткѣ остальныхъ лѣвыхъ, рѣшившихъ добиться, чтобы президентскія помилованія сдѣлались болѣе существенными и многочисленными. Съ этою цѣлью, всѣ депутаты отъ Парижа, за исключеніемъ министра Деказа, отправились къ президенту совѣта министровъ, чтобы сговориться съ нимъ, такъ же, какъ съ помощникомъ государственнаго секретаря министерства юстиціи о средствахъ возможно бóльшаго возвращенія осужденныхъ и установленія серьёзныхъ гарантій прекращенія дальнѣйшихъ преслѣдованій. Главнымъ ораторомъ депутаціи былъ Гамбетта. Вмѣсто того, чтобы, по поводу этого вопроса, поставить Жюля-Симона въ какія-либо затрудненія, Гамбетта, напротивъ, напечаталъ въ своемъ журналѣ «La république française» цѣлый рядъ статей, въ которыхъ указывалъ на лучшіе способы приведенія этой мѣры въ исполненіе. Мало того, онъ помѣстилъ замѣтку отъ «нашего друга Ранка», въ которой этотъ осужденный на смерть депутатъ заявилъ, что, одобряя попытку депутатовъ для спасенія множе-

ства ссыльныхъ, онъ лично не намѣренъ воспользоваться этою мѣрою милосердія.

Досадующіе реакціонеры, видя умѣренность республиканцевъ, употребили всѣ свои усилія, чтобы разбудить подозрительность главы государства. Но Мак-Магону не было возможности противодѣйствовать желанію депутатовъ, выраженному скромно, но настойчиво. Поэтому, всѣ стремленія реакціонеровъ добиться отмѣны выдачи 30 т. фр., вотированныхъ парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ въ пользу семействъ сосланныхъ комунаровъ, не повели ни къ чему. Все, чего они могли достигнуть, состояло въ декретѣ, которымъ была признана неправильность постановленія сенскаго генеральнаго совѣта о необходимости амнистіи, на томъ основаніи, что такого рода постановленія, представляющія политическій характеръ, по закону состоятъ внѣ компетентности департаментскихъ собраній.

25-го января, 11 бюро палаты были собраны для избранія 33 членовъ новой бюджетной комиссіи. До сформированія этой комиссіи, долженствовавшей своимъ составомъ опредѣлить характеръ законодательнаго большинства, были оставлены всякія другія парламентскія занятія. Цѣль реакціонеровъ при этомъ состояла въ томъ, чтобы составить комиссію, враждебную правительству и этимъ подготовить вѣроятность кризиса. Нѣсколько коноводовъ лѣваго центра и умѣренной лѣвой, для приданія себѣ значенія, а можетъ быть и ради приготовленія для своихъ въ будущемъ министерскаго портфеля, согласились не допускать Гамбетту въ члены комиссіи, и такимъ образомъ подчинить въ ней рѣзкій республиканскій элементъ умѣренному, подъ предлогомъ упроченія кабинета и обезпеченія согласія между общественными властями. Но ни реакціонеры, ни умѣренные, ничего не достигли, хотя благодаря имъ, выборы были продолжительны, сопровождались значительными спорами и по поводу нѣкоторыхъ членовъ приходилось прибѣгать къ нѣсколькимъ перебаллотировкамъ. Въ окончательномъ результатѣ получилась комиссія рѣзко республиканской окраски, хотя изъ группы непримиримыхъ, въ нее выбраны только три радикала. Изъ 33 членовъ комиссіи только 17 не были уже членами бюджетной комиссіи прошлаго года.

Гамбетта былъ выбранъ президентомъ новой комиссіи почти единогласно, за исключеніемъ трехъ или четырехъ голосовъ, но онъ не захотѣлъ воспользоваться своимъ успѣхомъ, какъ отместкой за свое пораженіе въ декабрѣ мѣсяцѣ, и 26-го напечаталъ въ «République Française» похвалы министерству за то, что оно не принимало участія въ интригахъ, происходившихъ на избраніи бюджетной комиссіи. Сверхъ того, онъ заявилъ, что законодательное большинство расположено «рѣшительно поддерживать настоящее министерство», если оно будетъ вести дѣла республики такимъ образомъ, какъ, «по понятію Франціи, они должны быть ведены». «Чтобы парламентская сессія 1877 года при-

несла странѣ дѣйствительную пользу, говорилось въ заключенiи этой статьи:—мы имѣемъ все необходимое: кабинетъ, одушевленный наилучшими намѣренiями, и большинство, готовое дать всевозможныя средства этому кабинету для приведенiя въ исполненiе этихъ намѣренiй». 26-го января, при открытiи комиссiи, Гамбетта произнесъ рѣчь, отличавшуюся такою умѣренностiю, которая могла бы удовлетворить любаго члена лѣваго центра: «Между нами господствуетъ, сказалъ онъ, полнѣйшее согласiе и каковы бы ни были химерическiя надежды, возлагаемыя извнѣ на могущiя возникнуть распри, я совершенно увѣренъ, что наши споры не перейдутъ за порогъ этой залы. Борьбы партiй при нашихъ совѣщанiяхъ не будетъ, такъ какъ въ нашей комиссiи нѣтъ никакихъ партiй». Слова эти отчасти направлены противъ членовъ лѣваго центра, а главнѣйше противъ бонапартистовъ, которые слишкомъ рано стали торжествовать назначенiе Гамбетты въ комиссiю, какъ симптомъ неизбѣжной, жестокой борьбы между нимъ и Жюлемъ Симономъ. «Мы начинаемъ наше дѣло, продолжалъ Гамбетта:—при самыхъ легкихъ и самыхъ удовлетворительныхъ условiяхъ. Легкость эта происходитъ отъ того, что палата, власть и страна исповѣдуютъ, такъ сказать, одни и тѣ же стремленiя. Удовлетворительность происходитъ отъ того, что если и прежде насъ и правительство можно было называть сотрудниками, то сотрудничество это въ настоящее время получило отпечатокъ симпатiи и искренняго довѣрiя... Приступимъ же къ нашему дѣлу съ чувствомъ единодушiя, долженствующимъ одушевлять представителей благоразумной и прогрессивной республики. Докажемъ власти, которой мы служимъ вѣрной поддержкой, что мы умѣемъ соединить твердость въ провѣркѣ ея дѣйствiй съ сочувствiемъ и довѣрiемъ къ ней. Мы не принадлежимъ къ любителямъ столкновенiй, мы хотимъ только сохраненiя нашего права и ничего болѣе».

Въ этотъ же самый день, въ публичномъ засѣданiи, по поводу одного позволенiя охотиться, выданнаго противозаконно заднимъ числомъ однимъ изъ под-префектовъ, депутатъ Робертъ Митчель пытался возвести обвиненiе противъ всей республиканской администрацiи. Извергая по поводу этого единичнаго факта цѣлую шумиху фразъ и самыхъ рѣзкихъ обвиненiй противъ новыхъ чиновниковъ, которыхъ онъ не церемонился обзывать «поддѣлывателями» и «плутами» (coquins), онъ окончилъ свою филиппику такими словами: «обѣщать сдѣлать республику любезной для всѣхъ — еще немного; надобно съумѣть ее сдѣлать заслуживающею всеобщее уваженiе». Министръ внутреннихъ дѣлъ взялъ на себя трудъ изложить самый фактъ, послужившiй тэмой для обвиненiя, для того, чтобы осмѣять поддѣльный взрывъ благороднаго негодованiя со стороны поклонника той имперiи, при которой нарушенiя законовъ составляли обычный образъ дѣйствiй многочисленныхъ пашей, обладавшихъ всемогуществомъ и полною воз-

можностію всякаго произвола. Потомъ, принявъ торжественный тонъ и обращаясь къ правымъ, онъ произнесъ слѣдующія слова: «Я охотно отстраню чиновниковъ, которые не съумѣютъ достодолжно служить странѣ и республикѣ. Всѣхъ же другихъ я стану энергически защищать и они найдутъ во мнѣ не адвоката, но человѣка, который встанетъ между ними и ихъ обвинителемъ». Гамбетта съ преднамѣренною торжественностью подалъ знакъ къ рукоплесканію; всѣ лѣвые присоединились къ нему и продолжительнымъ заявленіемъ своего одобренія показали свою солидарность съ министерствомъ.

Очевидно, Жюлю Симону не очень пріятно, подъ давленіемъ вліянія Гамбетты, дѣйствовать энергичнѣе, чѣмъ бы онъ желалъ, и конечно, онъ внутренно былъ бы довольнѣе, еслибы ключи отъ государственной кассы находились въ рукахъ какой-нибудь другой личности, менѣе вліятельной и самостоятельной, но столкновеній между ними все-таки, вѣроятно, не будетъ. Въ сущности, такъ какъ Гамбетта на предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ не претендуетъ, такъ какъ у него, какъ и у главы кабинета, главная цѣль, т. е. сохраненіе и развитіе демократическихъ учрежденій — одна и та же, и они, несмотря на различіе темпераментовъ и средствъ къ дѣйствію, оба одинаково сторонники политики своевременности, то монархисты совершенно напрасно надѣются вызвать между ними серьёзный раздоръ, изъ котораго, конечно, не произошло бы ничего, кромѣ ущерба для республики и опасности для всей Франціи.

Еще до назначенія бюджетной комиссіи, Гамбетта былъ приглашенъ на оффиціальный обѣдъ къ Симону. Эта формальная любезность значительно упрочила ихъ отношенія. Послѣ обмѣна дипломатическихъ любезностей на обѣдѣ въ Версали, они пріятельски завтракали вдвоемъ въ Парижѣ. Если «бѣшенный безумецъ», несмотря на севрское свое свиданіе съ маршаломъ, не появился на первомъ изъ большихъ баловъ въ елисейскомъ дворцѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что на ближайшемъ же торжественномъ пріемѣ у маршала-президента онъ будетъ присутствовать.

Вообще, крики реакціонеровъ противъ установившагося положенія вещей положительно безсильны что-либо измѣнить. Если въ средѣ умѣреннѣйшихъ изъ республиканцевъ и оказалось, послѣ выбора бюджетной комиссіи, нѣсколько недовольныхъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія, то это нисколько не повліяетъ на измѣненіе общаго характера республиканскаго большинства, склоннаго вообще къ уступчивости, хотя и болѣе опредѣленно-демократическаго противъ большинства прошедшаго года. Общее и почти единодушное его убѣжденіе заключается въ томъ, что во что бы то ни стало необходимо избѣгать какъ всякаго внутренняго кризиса, такъ и всякихъ замѣшательствъ во внѣшней политикѣ.

III.

Театръ и музыка.—Маскарадъ въ «Большой Оперѣ».—Новыя оперетки: «Три Марго» Гризара и «Докторъ Оксъ» Оффенбака.—Возобновленіе «Жозефа Прюдомма» и смерть Анри Монье.—Годовщина памяти Расина и Мольера: «Освистанный Расинъ», «Пезенаскій Цирюльникъ» и «Le Magister».—Новая пьеса Сарду: «Дора».

Администрація Большой Оперы порѣшила устроить въ стѣнахъ этого зданія, для ознаменованія начала года, маскерадъ на славу. Кромѣ окрестра Оливье Метра, исполняющаго съ такимъ одушевленіемъ кадрили этого композитора, изъ Вѣны былъ выписанъ Іоганъ Страусъ для дирижированія другимъ оркестромъ, долженствовавшимъ исполнять его вальсы. Но, несмотря на то, что оркестръ Метра былъ усиленъ цѣлымъ хоромъ мѣдныхъ инструментовъ, такъ что подъ звуки его могли бы затанцовать даже мертвые, несмотря на то, что вальсы исполнялись такъ, что могли бы увлечь даже самую чопорную изъ англійскихъ гувернантокъ — публика не танцовала; время танцевъ на большихъ публичныхъ балахъ, очевидно, прошло. Напрасно распорядители наняли цѣлую толпу хореографическихъ знаменитостей обоего пола для возбужденія одушевленія въ любителяхъ танцевъ. Имъ почти не давали мѣста массы прогуливавшейся публики, разсѣянно слушавшей музыку и любовавшейся чрезвычайной иллюминаціей въ зданіи, которое съ огромнымъ искуствомъ принаровлено ко всевозможнымъ эффектамъ освѣщенія. Если въ средѣ массы публики были еще наивные люди, которые на основаніи романовъ недавняго времени, отыскивали въ этомъ маскерадѣ интригъ, то они окончательно обманулись въ расчетѣ. Дамы высшаго круга сидѣли въ ложахъ, со своими семьями, и едва ли удостоили бы своими отвѣтами тѣхъ смѣльчаковъ, которые отважились бы съ ними заговорить. Другія особы женскаго пола, въ весьма незначительномъ количествѣ гулявшія по заламъ, были тѣ самыя, которымъ разрѣшается по вечерамъ прогуливаться по бульварамъ подъ надзоромъ полиціи. Наибольшее одушевленіе происходило въ буфетѣ, при которомъ, увы! не было даже отдѣльныхъ кабинетовъ. Такимъ образомъ, праздные охотники до увеселеній могли окончательно убѣдиться, что время маскарадныхъ бѣшенствъ и увлеченій для Франціи миновало. Мода на катанье на колесныхъ конькахъ убила танцы и маскерады. Это не помѣшало, однако-же, нашей національной академіи музыки собрать за свой ночной праздникъ отъ 60 до 80 тысячъ фр. Несмотря на такой сборъ, Галанзье не торопится постановкой какой-нибудь новой первостепенной оперы и угощаетъ публику цѣлую зиму полудюжиной старыхъ chef d'oeuvr'овъ, исполняемыхъ самыми посредственными изъ посредственностей.

Итальянская опера нѣсколько болѣе оживлена, благодаря присутствію въ Парижѣ Альбани. «Комическая Опера» тоже не ставитъ ничего новаго и пробавляется «Сандрильоной» Николо, «Праздникомъ въ сосѣдней деревнѣ» Боэльдьё и т. д. На сценѣ Лирическаго Театра продолжаются представленія «Павла и Виргиніи» въ перемежку съ «Мартой» Флотова.

На опереточныхъ сценахъ двѣ новости, заслуживающія вниманіе. Въ «Буффахъ» появилась оперетка «Три Марго» весьма игривая шалость двухъ авторовъ, Бокажа и Шабрилья. Недурная музыка Гризара, къ сожалѣнію, нѣсколько сантиментальна, такъ что самыя беззавѣтныя выходки либретто поются чуть не на трогательные мотивы и эти противорѣчія сглаживаются только благодаря мастерскому выполненію высокоталантливой Пешаръ. Въ Variétés только что появилась новая оперетка Оффенбаха «Докторъ Оксъ», которой, кажется, предстоитъ значительный успѣхъ. Многіе находятъ, что композиторъ проявилъ въ ней съ новой силой всю свѣжесть своихъ прежнихъ вдохновеній. Дѣйствительно, надо сказать, что и либретто Жилля и Мортье, и музыка Оффенбаха—весьма удачны и веселы. Содержаніе оперетки, какъ это видно изъ самаго названія, заимствовано изъ всѣмъ извѣстной химико-фантастической сказки Жюля Верна. Все дѣло въ томъ, что ученый чудакъ заставляетъ дѣйствовать различныхъ лицъ такъ или иначе, сообразно количеству кислорода, впускаемаго имъ въ атмосферный воздухъ, которымъ они дышатъ. Лучшее мѣсто въ опереткѣ то, гдѣ докторъ взбирается на высокую башню, съ которой наблюдаетъ за результатомъ своего опыта. Наверху, гдѣ онъ сидитъ, воздухъ такъ хорошъ, что приводитъ людей въ самое лучшее состояніе духа; но внизу онъ такъ раздражающъ, что обитатели города Глотайхину мечутся въ какомъ-то ожесточеніи и рѣшаютъ, для блага отечества, арестовать доктора Окса и предать его смертной казни. Но, чѣмъ выше делегаты правительства поднимаются по лѣстницѣ, тѣмъ въ лучшее приходятъ расположеніе духа, а когда достигаютъ до преступника, то начинаютъ ощущать такое блаженство, что, вмѣсто того, чтобы схватить и убить доктора Окса, восторженно приглашаютъ его на обѣдъ. Этотъ фарсъ, почти безъ сюжета, переполненъ такихъ комическихъ выходокъ и разыгрывается такъ весело Жюдикъ, Дюпюи, Прадо, Леонсомъ и Барономъ, что дѣйствительно способенъ разсмѣшить мертвыхъ. При этомъ, и декораціи и костюмы тоже весьма хороши и эффектны.

Пока «Докторъ Оксъ» разъучивался и репетировался, Variétés дали нѣсколько представленій извѣстной пьесы «Величіе и паденіе Жозефа Прюдомма», по случаю смерти ея автора, Анри-Моннье, писателя, актера и карикатуриста, создавшаго этотъ безсмертный типъ буржуа второй четверти XIX столѣтія. Если сама комедія устарѣла, то герой ея также полонъ жизни, какъ и въ эпоху своего появленія. Если извѣстная фраза: «эта саб-

ля — лучшій день въ моей жизни и я употреблю ее на защиту нашихъ учрежденій, а въ случаѣ нужды и на борьбу противъ нихъ!» и не производитъ того взрыва хохота, какой производила при существованіи у насъ національной гвардіи, отстаивавшей въ 1830 году, какъ революцію, такъ и контръ-революцію, то все-таки не потеряла своего историческаго значенія. Если «государственная колесница, плавающая на волканѣ» уже не смѣшитъ насъ, какъ въ былые дни, такъ какъ никто изъ ораторовъ, даже праваго центра, не прибѣгаетъ въ наши дни къ такимъ смѣлымъ метафорамъ, то современный буржуа остался и до сихъ поръ все тѣмъ же Жозефомъ Прюдомомъ, настолько же напыщеннымъ, насколько и пустымъ; сталъ онъ только значительно попорочнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ школу у отцовъ іезуитовъ. Анри-Моннье умеръ на 78 году и ему тѣмъ болѣе удалось созданіе его типа, что онъ самъ съ головы до ногъ былъ Жозефомъ Прюдомомъ, съ однимъ исключеніемъ, что былъ настолько уменъ, что умѣлъ сознать свои недостатки, воспроизвести ихъ и весело осмѣять. Въ частной жизни, онъ былъ настоящимъ парижскимъ буржуа, котораго зналъ и уважалъ весь кварталъ, отличнымъ семьяниномъ и національнымъ гвардейцемъ, но, въ средѣ товарищей по театру, являлся совершеннымъ школьникомъ, готовымъ всякую минуту на всякія выходки. Какъ разсказчикъ, онъ былъ неистощимъ и его «Романъ у привратницы» заставлялъ хохотать всю Францію, даже безъ тѣхъ скабрёзныхъ дополненій, съ какими онъ является въ бельгійскомъ изданіи. Подобныхъ разсказовъ у него было множество и они изустно передаются въ кружкахъ артистовъ и художниковъ уже три поколѣнія сряду. Недавно появилось въ печати то, что могло быть напечатано изъ его пародіи на «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» Виктора Гюго, «Jean Hiroux» — и даже въ чтеніи она возбуждаетъ смѣхъ, особенно тѣхъ, кто не слыхалъ изустнаго разсказа самого Моннье или его талантливаго подражателя Надара. Было время, когда въ Парижѣ не обходилось ни одного веселаго холостого обѣда, подъ конецъ котораго не разсказывались бы этого рода произведенія Моннье, исполненныя житейской правды и беззавѣтной веселости. Отпѣвали его тѣло въ церкви Св. Роха, надъ могилой его были произнесены рѣчи отъ имени общества драматическихъ авторовъ и общества писателей. Въ качествѣ Жозефа Прюдомма, Моннье пережилъ пять или шесть правительствъ, и если бы которому-нибудь изъ нихъ пришло на мысль дать ему какой-нибудь орденъ, то, вѣроятно, военный министръ не сталъ бы дѣлать оппозиціи въ командированіи почетнаго караула...

Два первые французскіе театра праздновали, съ нѣсколькими днями промежутка, годовщины рожденія Расина и Мольера. Пьески, написанныя по этому поводу, оказались не дурными. Одна изъ нихъ: «Освистанный Расинъ», гораздо лучше недавней упавшей комедіи: «Старшій братъ» того же автора. Дѣло въ ней идетъ объ интригѣ противъ «Федры», затѣянной герцо-

гиней Бульонской и герцогомъ Неверскимъ, и о несчастной любви автора Андромахи къ актрисѣ Шанмеле. Въ «Пезенаскомъ цирюльникѣ», Мольеръ выведенъ изучающимъ въ лавкѣ провинціальнаго брадобрѣя типы, которые онъ въ послѣдствіи обезсмертилъ въ своей комедіи. Пьеска хорошо скомпанована и написана. Третья пьеса, принадлежащая д'Ервильи: «Le Magister» могла бы быть разработана въ весьма не дурную комедію. Мольеръ является въ ней еще юношей, только что выступающимъ на сцену и горячо влюбленнымъ въ Мадлену Бежаръ. Отецъ его, обойщикъ Покелэнъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы обратить увлекающагося молодого человѣка на путь истины и лавочнической карьеры. Убѣдить его въ этомъ и спасти отъ погибели онъ поручаетъ краснорѣчію школьнаго учителя. Учитель добросовѣстно берется за это дѣло и, по всѣмъ правиламъ реторики, развиваетъ передъ безумцемъ рядъ опасностей, какими ему угрожаетъ дурное общество актеровъ. Мольеру же, составляющему свою трупу, какъ разъ въ это время недостаетъ актера для роли педантовъ. Онъ восхищается школьнымъ ораторомъ, рѣшаетъ завербовать его въ свою трупу и такъ соблазнительно рисуетъ ему свѣтлыя стороны жизни актера, что учитель соглашается всюду за нимъ слѣдовать. Эта сцена, написанная хорошими стихами и, въ добавокъ, переданная братьями Кокелэнъ—имѣла значительный успѣхъ. За нѣсколько дней, другая пьеса д'Ервильи, изъ японскихъ нравовъ: «Прекрасная Сайнара», шла на сценѣ Одеона, но успѣха не имѣла, такъ какъ относительно Японіи любознательность публики была уже вполнѣ насыщена опереткою: «Козики».

Извѣстно, что «Ардетская гостинница» была бы одною изъ самыхъ мрачныхъ и раздирательныхъ мелодрамъ, еслибы Фредерику Леметру не пришло въ голову придать герою ея комическаго характера и создать изъ него безсмертный типъ Робера Макера. Нѣчто подобное произошло и недавно. Нѣкто д'Арлякъ, критикъ «Défense sociale et réligieuse» и муниципальный сборщикъ податей лавильетскихъ бойнь, написалъ и представилъ уже довольно давно въ дирекцію Одеона слезливую драму: «Запоздалыя Селимены». Дирекція сочла нужнымъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія и предложила автору въ сотрудники Кадоля. Кадоль такъ измѣнилъ всю пьесу, что изъ нея вышла веселая комедія. Д'Арлякъ разсудилъ, что протестовать поздно и рѣшился предоставить дирекціи поставить ее, какъ она желала, но только просилъ, чтобы у нея было перемѣнено названіе и имена его и его сотрудника были замѣнены какимъ-нибудь общимъ псевдонимомъ. Такимъ образомъ, появился: «Домашній секретарь» Поля де Маргалье, которому еще предстояла новая передѣлка... отъ ножницъ цензуры. Послѣдняя сначала значительно искалечила «Секретаря», а, наконецъ, просто запретила. Позволили же играть эту пьесу, только послѣ того, какъ Жюль-Симонъ сталъ главой министерства. Благодаря этому, мы увидали и

сценѣ весьма забавнаго депутата, «неимѣющаго ни какихъ убѣжденій изъ опасенія измѣнить имъ», мечтающаго только о томъ, какъ бы ему сдѣлаться главою какой-нибудь отдѣльной парламентской групы, хотя-бы въ этой групѣ не было и ни одного члена, т. е. олицетворившаго собою совершенно личность Тарже, благодаря единичной групѣ котораго, стало возможно паденіе Тьера 24-го мая. Несмотря на всѣ урѣзки цензуры, этотъ типъ очень смѣшонъ, а сцена, когда депутатъ читаетъ, исполненный самодовольствія, единственную свою рѣчь, произведшую въ парламентѣ «общую и... продолжительную веселость»—до нельзя комична. Жаль только, что остальныя сцены и лица въ комедіи нагоняютъ скуку и зритель, за полъ-часа веселаго смѣха, платитъ двумя часами эѳіопской зѣвоты.

За то публика, смотрѣвшая въ Пале-Ройялѣ новую комедію Лабиша и Дарю: «Ключъ», могла жаловаться на все, что угодно, но ужь никакъ не на скуку. Во все время представленія этой пьесы, въ театрѣ раздавался неудержимый смѣхъ. Содержаніе пьесы незамысловато. Въ семьѣ Ринсоннэ, парижскаго негоціанта—неблагополучно. Г-жа Ринсоннэ замѣчаетъ, что ея супругъ съ нѣкотораго времени начинаетъ весьма поздно возвращаться домой, становиться нерачительнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей, да сверхъ того, еще тратить очень много денегъ. Зная хорошо своего мужа, г-жа Ринсоннэ понимаетъ, что у ней завелась не соперница, а соперницы. Чтобы наказать своего влюбчиваго супруга она ему объявляетъ, что приказала служанкѣ приготовить ему постель въ его кабинетѣ, и отнынѣ намѣрена сохранять у себя ключъ отъ кассы. Гулякѣ назначается карманныхъ денегъ всего 100 франковъ въ мѣсяцъ. Прощеніе мужа является только въ развязкѣ пьесы, когда г-жа Ринсоннэ убѣждается на самой себѣ, какъ трудно иногда человѣку справиться съ искушеніями. Канва пьесы, какъ вы видите, не блестяща и высокой нравственности не преисполнена, но по ней вышиты очень комическіе узоры, въ пьесѣ много смѣшныхъ выходокъ и вводныхъ эпизодовъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни. Въ ней есть между прочимъ, одна вводная сценка, благодаря которой пьеса долго продержится на сценѣ.

Мнѣ становится совѣстно, что я упоминаю о подобныхъ пустякахъ, но, къ сожалѣнію, именно такіе-то пустяки и составляютъ чисто-парижскую особенность театровъ, почему и умалчивать объ нихъ я себя въ правѣ не нахожу. За то въ февралѣ мѣсяцѣ, мнѣ придется, кажется, говорить о двухъ весьма серьёзныхъ произведеніяхъ. И Французскій Театръ и Одеонъ репетируютъ двѣ драмы въ стихахъ: «Jean d'Acier» и «Гетманъ», отъ которыхъ ждутъ весьма много хорошаго. На театрѣ «Ambigu», недавно обанкрутившемся и перешедшемъ подъ новую дирекцію, возобновленъ «Польскій Жидъ» Эркмана и Шатріана и Поленъ Менье положительно приводитъ въ восторгъ публику высокохудожественнымъ исполненіемъ роли кабачника Матьяса,

терзаемаго угрызеніями совѣсти за совершенное имъ, хотя и никому неизвѣстное преступленіе. На сценѣ театра Сенъ-Мартенскихъ Воротъ идетъ, если хотите, самая нелѣпая, но и самая популярная изъ драмъ Александра-Дюма-отца: «Королева Марго». Историческій Театръ дѣлаетъ сборы пьесой Фердинанда Дюгэ: «Драма въ морской пучинѣ», передѣланной изъ географической фантазіи Кортамбера. Одно изъ дѣйствій этой пьесы происходитъ въ глубинѣ моря и задній планъ декораціи представляетъ морскую пучину, со всѣми ея рыбами и другими животными—вплоть до самаго потолка. Дѣйствуютъ на сценѣ три водолаза въ воздушныхъ колоколахъ, отъискивая сокровища, затонувшія съ кораблемъ. Одинъ изъ водолазовъ отыскиваетъ мертвеца, въ карманахъ котораго находитъ множество драгоцѣнныхъ камней и перекладываетъ ихъ въ свои собственные, и, увидавъ, что за нимъ наблюдаетъ другой, перерѣзаетъ трубку, доставляющую воздухъ въ его колоколъ. Третій, между тѣмъ, подымается на морскую поверхность на бортъ «Great Eastern'а», чтобы донести о двойномъ преступленіи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Вслѣдъ за нимъ поднимаются и два другіе водолаза и умершій отъ недостатка воздуха оказывается почему-то живымъ. Къ этой исторіи прицѣплена цѣлая интрига, оканчивающаяся союзомъ двухъ любящихъ сердецъ, но имѣющая съ литературой также мало общаго, какъ изображеніе морской пучины съ наукою. «Графиня Романи» въ Гимназіи снята со сцены еще скорѣе, чѣмъ я это предсказывалъ, несмотря на всѣ рекламы печати объ этомъ неудачномъ произведеніи двухъ творцевъ. На этомъ театрѣ, для окончанія ангажемента г-жи Паска, возобновлена драма Сарду «Фернанда». Тотъ-же авторъ поставилъ на сценѣ театра «Водевиля» новую свою пьесу, надѣлавшую много шуму: «Дора».

Пьеса эта, имѣвшая значительный успѣхъ и привѣтствованная, какъ событіе, привилегированными зрителями перваго ея представленія, могла бы быть, по моему мнѣнію, отличною политическою международною драмою, еслибы не была почему-то превращена авторомъ въ посредственную комедію любовнаго свойства. Первое дѣйствіе происходитъ въ Ниццѣ или Монако въ роскошномъ отелѣ, гдѣ проживаетъ величественная маркиза де-Ріо-Зарецъ съ своею дочерью Дорою. Сезонъ оканчивается и всѣ путешественники разъѣзжаются, но маркиза не знаетъ, какъ ей уѣхать, такъ какъ ей нѣчѣмъ заплатить по счету гостинницы. Маркиза, какъ она объясняетъ французскому депутату Фавроллю, вдова друга д'Эспартеро, изгнаннаго Нарваецомъ, ставшаго президентомъ одной изъ парагвайскихъ республикъ, но возвратившагося въ Испанію и тамъ убитаго. Единственное наслѣдство послѣ дона Альвара — транспортъ, нагруженный ружьями, захваченный въ водахъ Кубы и могущій быть вырученнымъ только при посредствѣ французскаго правительства. Фавроль не повѣрилъ бы ни одному слову всей этой исторіи,

еслибы справедливости ея не подтвердилъ ему доказательствами его товарищъ, молодой дипломатъ Андре де-Морильякъ, который собралъ о ней всѣ свѣдѣнія, будучи вздыхателемъ Доры. Для другихъ обитателей гостинницы маркиза и ея дочь кажутся простыми авантюристками, и если замѣчательная красота Доры заставляетъ мужскую часть этого общества за ней ухаживать, то ужь никакъ не въ видахъ брака съ нею. Одинъ изъ этихъ господъ, тщеславный богачъ Страмиръ, на котораго маркиза разсчитывала, какъ на возможнаго жениха для своей дочери, прямо на публичномъ балу позволилъ себѣ сдѣлать Дорѣ предложеніе «роскошно-обезпеченнаго положенія», прочность котораго онъ гарантировалъ тѣмъ, что, по судебному рѣшенію, живетъ врозь съ своей женой. Оскорбленная Дора бросаетъ дерзкому въ лицо букетъ и требуетъ его удаленія изъ зала. Понимая, что такой скандалъ лишаетъ маркизу послѣднихъ средствъ для поправленія ея обстоятельствъ, австрійскій полицейскій агентъ, фонъ-деръ-Крафтъ, рѣшается для своихъ цѣлей воспользоваться положеніемъ маркизы. Онъ передаетъ ей, что князь Полницъ предлагаетъ ей 12,000 франковъ годового содержанія за то только, чтобы она разсказала ему письменно свои отношенія къ Эспартеро и Боливару. Въ дѣйствительности, этотъ путешествующій полицейскій, неимѣющій никакой нужды въ маркизѣ, желалъ бы завербовать въ организуемый имъ персоналъ шпіоновъ для вывѣдыванія тайнъ французскаго правительства, дочь маркизы. Дора, благодаря своей красотѣ, могла бы быть ему для этого очень полезною. Хлопоты фонъ-деръ-Крафта объ организаціи интереснаго этого кружка наполняютъ собою почти два акта пьесы Сарду. Во второмъ онъ выводитъ нѣкую, проживающую въ Версали княгиню Барятину, женщину съ значительнымъ политическимъ вліяніемъ, такъ что зритель невольно ожидаетъ, что передъ нимъ разовьется цѣлая картина международно-политическихъ и дипломатическихъ интригъ. Ничуть не бывало; Сарду, напавъ на счастливую мысль, не желаетъ ее развивать до конца, опасаясь столкновеній съ цензурой, а можетъ быть, и навлеченія на Францію гнѣва Бисмарка, и строитъ свою пьесу такъ, что чопорной цензурѣ не приходится даже ничего вычеркивать. Всѣ иностранки и шпіонки, кружащіяся около французскихъ политическихъ дѣятелей, выведены имъ на сцену только для того, чтобы при посредствѣ княгини Барятиной вызвать министерскій кризисъ по поводу «Антилопы»—транспорта съ ружьями, отправленными мужемъ маркизы, кончающійся тѣмъ, что Дора остается окончательно раззоренною.

Героинѣ нашей, однако, горевать слишкомъ много о своемъ раззореніи не приходится. За оскорбленіе Страмира она еще въ концѣ перваго дѣйствія вознаграждена блестящимъ предложеніемъ де-Морильяка, который на ней во второмъ актѣ и женится. Тутъ появляется на сцену новая шпіонка, тоже необходимая автору ради любовной интриги, нѣкая венгерская графи-

ня Цикка, самозванка, родившаяся въ Лондонѣ въ средѣ нищихъ и воровъ, участвовавшая въ Вѣнѣ въ шайкѣ поддѣлывателей денежныхъ бумагъ, судившаяся за это, приговоренная къ тяжкому наказанію и освобожденная отъ него только за свое согласіе сдѣлаться шпіонкой. Лицо это, мстящее обществу за свое неудавшееся существованіе, готово на всякое зло, но при видѣ Андре въ ней впервые пробуждается чистое чувство любви вмѣстѣ съ голосомъ совѣсти. Однако, ей не удается даже и помечтать о своей реабилитаціи и возможности счастія, такъ какъ де-Морильякъ какъ разъ въ это время женится на другой.

Ревность и страсть душатъ ее,—ей остается одно наслажденіе—месть пренебрегшему ею Андре. Случай для практическаго осуществленія этого похвальнаго чувства скоро подвертывается. Фонъ-деръ-Крафтъ даетъ ей порученіе похитить одинъ очень важный документъ, который морской министръ, дядя Андре, ввѣряетъ ему для доставленія въ Италію. Кража эта удается шпіонкѣ, да еще такъ удачно, что случай благопріятствуетъ ей вложить документъ въ конвертъ съ незначущимъ письмомъ Доры, такъ что всѣ вѣроятности располагаются такимъ образомъ, какъ бы Дора отправила сама документъ.

Въ минуту, когда Андре, готовясь къ путешествію, замѣчаетъ пропажу секретнаго документа, къ нему является пріятель его Текли, племянникъ Кошута, арестованный въ Тріестѣ и заключенный въ ольмюцкую крѣпость. Не зная, что Дора жена Андре, но зная, что ей одной только онъ сообщалъ объ этой поѣздкѣ своей, онъ прямо говоритъ, что никто, кромѣ ея, не могъ объ этомъ донести. Узнавъ объ выходѣ ея замужъ, онъ беретъ назадъ свои слова, но Андре до того раздраженъ, что осыпаетъ своего друга оскорбленіями и вызываетъ его на дуэль. Фавроль, присутствующій при этомъ раздорѣ, требуетъ отъ нихъ, чтобы они прежде дуэли, по крайней мѣрѣ, объяснились. Онъ заставляетъ Текли подробно разсказать всѣ его соображенія и факты, на какихъ онъ основалъ свое обвиненіе. Факты эти такъ убѣдительны, что гнѣвъ Андре на Текли стихаетъ и въ него закрадывается подозрѣніе противъ жены. Оставшись одинъ, онъ посылаетъ за ней. Она является, но такою радостною и очаровательною въ своемъ утреннемъ, бѣломъ туалетѣ (бракъ ихъ совершенъ только наканунѣ), что онъ, при взглядѣ на нее, начинаетъ ее обнимать и согласенъ лучше ее простить, чѣмъ разстаться съ ней. Но нѣсколько неосторожныхъ словъ уже сорвались съ его языка, такъ что Дора, ужаленная ими, выпрямляется, задаетъ себѣ вопросъ: что̀ бы они могли значить? лихорадочно выспрашиваетъ мужа, догадывается и, глубоко оскорбляясь тѣмъ, что онъ усумнился въ ней, гордо отказывается оправдываться. Сказать по правдѣ, для зрителей, еще незабывшихъ сцены оскорбленія Доры Страмиромъ и той радости, съ какою она встрѣтила *настоящее* предложеніе на бракъ Андре, ужасъ Доры передъ возможностію сомнѣнія въ ней мужа и величе-

ственный ея отказъ отъ оправданій кажутся значительно странными и неестественными, но Сарду все это было необходимо для следующей сцены, весьма эффектной и великолѣпно переданной Бертономъ и г-жею Пьерсонъ, въ которой Андре, полагающій, что жена его, дѣйствительно, шпіонка, бросается вонъ изъ комнаты, а Дора, немогущая его удержать, падаетъ въ обморокъ.

5-е дѣйствіе интересно развѣ только для тѣхъ зрителей, которые захотѣли бы удивляться тому терпѣнію, съ какимъ Сарду, вмѣсто того, чтобы разрубить гордіевъ узелъ интриги своей пьесы, старательно разматываетъ его, нить за нитью. Фавроль, обоняніе котораго настолько-же изощрено, какъ и его дипломатическія способности, открываетъ по любимымъ духамъ графини Цикки, которыми обыкновенно надушены ея перчатки, что она перелистывала его бумаги, чтобы прочесть письмо Андре, о нахожденіи котораго между ними она знала. Онъ быстро соображаетъ, что и кража документа не могла быть произведена никѣмъ, кромѣ ея. Поэтому въ разговорѣ съ ней, онъ требуетъ сознанія въ этомъ поступкѣ, угрожая, въ противномъ случаѣ, разсказать всѣмъ объ ея прошедшихъ подвигахъ, о которыхъ онъ будто бы узналъ отъ самого фонъ-деръ Крафта. Шпіонка во всемъ сознается, оправдываясь тѣмъ, что къ последнему преступленію ее побудила ревность и желаніе разлучить Дору съ Андре. Супругамъ, послѣ этого, остается только помириться, но они, кромѣ того, еще великодушно прощаютъ доносчицу, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, что она своимъ предательствомъ можетъ натворить еще не мало всякаго зла людямъ, съ которыми ей, при ея дальнѣйшей почтенной карьерѣ, придется сталкиваться.

Такимъ окончаніемъ, при которомъ хотя добродѣтель и торжествуетъ, но порокъ не наказанъ, Сарду очевидно хотѣлъ показать, что онъ чуждъ въ своей пьесѣ рутины, но изъ самаго ея содержанія, мною переданнаго, читатели могли увидать, какъ ея рутинность, такъ и всѣ тѣ грубые промахи, какими она преисполнена. Въ чтеніи она должна быть еще несостоятельнѣе, такъ какъ многіе ея недостатки скрадываетъ замѣчательная сценичность. Не говоря уже о томъ, что самый бракъ Андре, богатаго и идеальнаго французскаго дипломата чистѣйшей аристократической крови, съ дочерью какой-то подозрительной маркизы, да еще послѣ публичныхъ оскорбленій, какія ей приходится глотать отъ аборигеновъ монакской гостинницы, недалеко отстоитъ отъ тѣхъ фантастическихъ браковъ, какіе совершаютъ въ дѣтскихъ сказкахъ короли съ пастушками, онъ и устраивается и чуть не разстраивается среди цѣлаго ряда какихъ-то международныхъ политическихъ интригъ, которыя не могутъ нисколько заинтересовать зрителя, такъ какъ онъ не знаетъ опредѣленно ни причины, ни цѣли ихъ. А между тѣмъ, чтобы внимательно прослѣдить за пьесой, требуется такое

напряженное вниманіе, которое подъ конецъ переходитъ рѣшительно въ нервное раздраженіе. Желая, однако, быть безпристрастнымъ, я долженъ сказать, что въ пьесѣ есть нѣсколько сценъ, веденныхъ дѣйствительно съ необычайнымъ мастерствомъ, и Сарду потрачено на нѣкоторыя заключающіяся въ ней выходки не мало ума и блестящаго остроумія.

Парижъ, 1-го февраля 1877 г.

Людовикъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія *Н. В. Успенскаго.* **Повѣсти, разсказы и очерки.** Въ трехъ томахъ. М. 1876.

Г. Николай Успенскій пишетъ давно уже, пользовался когда-то большою извѣстностью и особеннымъ вниманіемъ какъ публики, такъ и критики, но нынѣ почти забытъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нашихъ читателей даже совсѣмъ его не знаютъ. А между тѣмъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на него нетолько возлагались большія надежды, но надежды эти признавались даже въ значительной степени осуществленными. «Вмѣсто предисловія» къ тремъ томамъ сочиненій г. Николая Успенскаго издатель перепечаталъ отрывки изъ двухъ старыхъ рецензій— г. Анненкова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1863 г.) и неизвѣстнаго автора въ «Современникѣ» (1861). Оба рецензента говорятъ почти буквально одно и тоже. Оба сравниваютъ очерки г. Успенскаго съ прежними беллетристическими изображеніями народнаго быта. Оба отдаютъ преимущество г. Успенскому, какъ изобразителю правдивому, не старающемуся что-нибудь утаить или прикрасить. Мы полагаемъ, что они были правы и остаются правы до сихъ поръ. Идеализація мужика есть нетолько ложь, но ложь особенно вредная. Изображеніе пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ мужиковъ и бабъ, когда-то бывшее у насъ въ модѣ, возможно только тамъ, гдѣ изображаемый мужикъ и изображающій писатель находятся за тридевять нравственныхъ земель другъ отъ друга. Когда, напримѣръ, г. Авсѣенко рисуетъ намъ въ своихъ романахъ картину большаго свѣта, населеннаго рыцарями безъ пятна и порока и соотвѣтственныхъ достоинствъ дамами, то можно навѣрное сказать, что авторъ наблюдаетъ большой свѣтъ изъ передней или на подъѣздахъ. Будь онъ дѣйствительно близокъ къ большому свѣту и люби его сознательно, онъ никогда бы не намалевалъ такой картины. Сама любовь подсказала бы ему отрицательныя чувства, по крайней мѣрѣ, к

кое-какимъ подробностямъ, которыхъ другіе, не любящіе, не близкіе, можетъ быть, даже не замѣтили бы. Сама любовь заставила бы его, положимъ, съ сердечною болью, съ щемящею скорбію, отыскивать темныя пятна. Также и съ мужикомъ. Писатель, смотрящій на него изъ барскаго далека, можетъ рисовать картину пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ пейзанъ, пожалуй хоть съ розовыми бантиками на шеѣ, въ родѣ того, какой надѣваетъ г. Комисаржевскій въ роли кузнеца Вакулы. И это, конечно, гораздо прискорбнѣе, чѣмъ соотвѣтственное отношеніе къ большому свѣту. Большой свѣтъ есть нѣчто очень маленькое, очень замкнутое, играющее въ сущности ничтожную роль въ общемъ ходѣ жизни. Поэтому подкрашенное его изображеніе есть практически ложь довольно неважная, не Богъ знаетъ какая бѣда. Конечно, пріятно и полезно знать на этотъ счетъ правду во всѣхъ подробностяхъ, но все таки г. Авсѣенкѣ или другому писателю того же пошиба можно сказать: на здоровье, продолжайте наблюдать изъ передней и съ подъѣздовъ, продолжайте обобщать эти наблюденія и рисовать свѣтозарныхъ Свѣтозаровыхъ и звѣзды съ неба хватающихъ Звѣздичей; намъ съ ними хлѣба-соли не водить, дѣтей не крестить и, можетъ быть, даже вовсе не встрѣчаться на жизненномъ пути, а на случай встрѣчи съ насъ довольно и того, что̀ мы безъ васъ знаемъ. Другое дѣло—мужикъ. Имя его—легіонъ, около него групируется, на немъ держится громадная, всепоглащающая масса интересовъ. Здѣсь ложь, въ чемъ бы она ни состояла, въ недосолѣ или въ пересолѣ, пагубна. Мимоходомъ сказать, старая литература, та, которая занималась изображеніемъ пейзана, имѣла даже извѣстный интересъ въ такомъ неправдивомъ отношеніи къ дѣлу. Если съ точки зрѣнія писателя, омываемаго волной крѣпостнаго права, полезно было изображеніе мужика звѣремъ, лишеннымъ человѣческаго образа и подобія и потому нуждающимся въ уздѣ, возжахъ и кнутѣ, то съ другой стороны небезполезна была и пейзанская идиллія: не очень, значитъ, тяжело ярмо рабства, а даже отчасти благодѣтельно, если согбенный подъ нимъ человѣкъ можетъ оказаться вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей; не очень-то, значитъ, правъ Гомеръ, думавшій, что

> Жребій печальный тяжелаго рабства избравъ человѣку,
> Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.

Слѣдовательно, даже маленькая ложь является въ этомъ случаѣ выраженіемъ сознательнаго или безсознательнаго отрицанія законовъ исторіи и самыхъ элементарныхъ нравственныхъ понятій. Не говоримъ, что таковы именно были цѣли авторовъ пейзанскихъ идиллій. Но это нисколько не мѣняетъ дѣла, а дѣло-то состоитъ въ томъ, что между этими писателями и предметами ихъ писаній лежитъ непроходимая пропасть. Гакстгаузенъ, присутствуя въ сороковыхъ годахъ на спектаклѣ въ нижегородскомъ театрѣ, былъ пораженъ извѣстіемъ, что всѣ актеры—крѣпостные. Его заняла мысль о психическомъ состояніи крѣпостныхъ жре-

цовъ Таліи и Мельпомены, изображающихъ князей, бояръ, героевъ. Любопытная въ самомъ дѣлѣ психологическая задача. Но какъ ни великъ былъ контрастъ между обыденнымъ положеніемъ такого актера и тѣмъ положеніемъ героя, въ которое онъ становился на сценѣ, какъ ни чудовищна была вслѣдствіе этого его душевная жизнь, она должна была становиться еще чудовищнѣе, если ему приходилось участвовать въ какой нибудь драматической идилліи, гдѣ пейзанъ былъ счастливъ, добродѣтеленъ и носилъ розовый бантикъ на шеѣ. Любители-антрепренеры и драматурги совершенно неспособны были понять всю невѣроятность, невозможность такого двусмысленнаго существованія, и, напримѣръ, знаменитые наши театралы, въ родѣ Каменскаго и князя Шаховского, съ спокойною совѣстью пороли своихъ трагиковъ и комиковъ, благородныхъ отцовъ и первыхъ любовниковъ, сажали ихъ на цѣпь, надѣвали имъ на шею рогатки и проч. Такъ велика была бездна между дѣйствительностью и поэтическимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Съ паденіемъ крѣпостнаго права, эта бездна естественно должна была хоть отчасти выровняться. И она въ самомъ дѣлѣ выровнялась. Признакомъ этого поворота и прямымъ его выразителемъ явилась небольшая група молодыхъ, талантливыхъ беллетристовъ, среди которой Николай Успенскій съ разу занялъ очень видное мѣсто. Лучшая часть публики и критики не имѣла никакихъ сомнѣній на счетъ ихъ отношенія къ дѣлу и очень цѣнила внесенный ими въ беллетристику духъ правды. Впослѣдствіи много было говорено о будто бы презрительномъ, насмѣшливомъ отношеніи этихъ писателей къ мужику: мнѣніе, по отношенію къ однимъ, фактически невѣрное, по отношенію къ другимъ — невѣрно освѣщающее факты. Не говоря объ Рѣшетниковѣ, который писалъ своихъ Пилу и Сысойку со слезами (не риторика, а фактъ), и который былъ просто неспособенъ къ смѣху, неговоря о недавно умершемъ Левитовѣ, котораго всегда даже до излишества тянуло къ лирикѣ и паѳосу — смѣхъ вѣдь бываетъ разный. Чтобы оттѣнить смѣхъ, свойственный именно Николаю Успенскому, мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькую экскурсію въ ученую французскую журналистику.

Читатель, безъ сомнѣнія, удивленъ этимъ нашимъ намѣреніемъ. Мы и сами были немало удивлены, встрѣтивъ въ Revue scientifique (10, 2 septembre, 1876) анонимную статью «Le paysan russe. Etude de psychologie nationale», къ которой редакція дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Предлагаемая юмористическая статья есть произведеніе члена крупнаго поземельнаго русскаго дворянства, занимающаго высокое мѣсто въ администраціи имперіи (membre de la grande noblese territoriale russe, qui appartient à la haute administration de l'empire). Это двойное обстоятельство, ставящее автора въ столь выгодныя условія для оцѣнки аграрнаго положенія страны, объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ почему статья не можетъ быть подписана». Все это показалось намъ

удивительнымъ. Revue scientifique — журналъ чисто ученый и «юмористическихъ» статей никогда не печатаетъ. Самъ авторъ, какъ можно думать по серьёзности заглавія (étude de psychologie nationale) и эпиграфа (questio sine qua non), едва ли считаетъ свое произведеніе юмористическимъ, да и странно было бы вывозить заграницу юморъ, направленный на русскаго мужика: точно будто вельможный авторъ не могъ найти вокругъ себя болѣе юмористическаго сюжета. Прочитавъ статью, мы все-таки остались въ неизвѣстности насчетъ намѣреній автора. Чтò же касается редакціи Revue scientifique, то она очевидно не могла повѣрить серьёзности этихъ намѣреній, а такъ какъ свѣдѣнія о Россіи за-границей рѣдки, то она все-таки напечатала статью, очистивъ свою совѣсть эпитетомъ «юмористическій». Знакомство автора съ аграрнымъ положеніемъ страны въ статьѣ нимало не обнаружилось. Тамъ есть всего нѣсколько словъ (буквально) о положеніи нашихъ крестьянъ послѣ освобожденія, словъ, пожалуй, вѣрныхъ, поскольку они не портятся «юмористическимъ» тономъ, но до такой степени общихъ, что большого знакомства съ дѣломъ для написанія ихъ отнюдь не требовалось. Французскій журналъ можетъ, конечно, думать, что надо быть крупнымъ землевладѣльцемъ и занимать высокое мѣсто въ администраціи имперіи, чтобы знать то, чтò знаетъ таинственный авторъ; но самый нечиновный русскій читатель съ разу увидитъ, что это вздоръ.

«Савоська, ни больше ни меньше, какъ Савоська; нѣчто среднее между воломъ подъяремнымъ и обезьяной, способной къ подражанію, нѣчто, представляющее кое-какія ничтожныя черты человѣческаго типа, въ которыхъ одни увидятъ разумъ, другіе— только животный инстинктъ». Такъ начинаетъ таинственный авторъ свой «этюдъ національной психологіи». Въ выноскѣ онъ замѣчаетъ, что «Савоська» есть уменьшительное, съ оттѣнкомъ презрѣнія, отъ «Севастьянъ». «Такъ называютъ другъ друга русскіе мужики, прибавляетъ онъ: *никогда* (jamais) не говорятъ Иванъ, а всегда Ванька и т. п.».

«Дать вкратцѣ, но полное понятіе о Савоськѣ, точно опредѣлить его цѣну— задача трудная и почти невозможная. Савоська здѣсь таковъ, а въ другомъ мѣстѣ иной; завтра онъ уже не тотъ, что сегодня. Савоська съ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ онъ ласкалъ больную собаку и въ то же время далъ ей такой ударъ въ морду, что кровь полила ручьемъ, и «мы чуть не лопнули со смѣху», прибавляетъ онъ. Савоська то храбръ, то трусъ; сегодня онъ пасетъ свиней въ маленькой деревнѣ Вятской Губерніи, а завтра будетъ играть въ полку на трубѣ или взбираться на корабельную мачту, названіе которой онъ перевираетъ, а смысла не понимаетъ; и будетъ онъ валяться на парусахъ, точно у себя въ Вяткѣ на печкѣ, а не посреди океана. Савоська то плутъ, то честенъ, то человѣченъ, то жестокъ, то чрезвычайно дѣятеленъ, то поразительно лѣнивъ. Савоська—ихневмонъ (вельможный авторъ хочетъ сказать: хамелеонъ), мѣняющій цвѣта не по собственному желанію, а сообразно условіямъ жизни. Савоська изъ Калязина почти также похожъ на Савоську изъ Коротояка, какъ клочекъ матеріи на солнце (?); одинъ обладаетъ проворствомъ

утки на водѣ, другой ходитъ, какъ медвѣдь; на одного пріятно посмотрѣть, другой безобразнѣе самаго безобразія. Существуетъ много описаній типа и характера Савоськи, но всѣ они никуда не годятся, потому что по нимъ нельзя опредѣлить психологическій типъ Савоськи (il existe de nombreuses descriptions du type et du caractère de Savoska, mais toutes ces descriptions ne valent rien, en ce sens qu'on ne peut en déterminer le type psychologique de Savoska). Надо видѣть множество Савосекъ, надо, чтобы пригладѣлись и Савоська веселый или болтливый, и Савоська печальный или мрачный; Савоська, который ласкаетъ собаку, кормитъ мышь, бѣгаетъ съ своими маленькими дѣтьми, бросается въ воду, чтобы спасти котятъ, и Савоська, который выходитъ на дорогу, чтобы перерѣзать горло путнику, задушить изъ за гроша старую нищую, убить какого-нибудь купца. Въ концѣ концовъ, Савоська есть вопросительный знакъ, и представляемый имъ вопросъ разрѣшится тогда, когда люди узнаютъ Савоську и въ особенности, когда онъ самъ себя узнаетъ».

Если такъ, то зачѣмъ было затѣвать «этюдъ національной психологіи»? Положимъ, что изображаемыя авторомъ неровности характера Савоськи составляютъ психологическую особенность, подлежащую наблюденію, но если коротоякцкій Савоська такъ же похожъ на калязинскаго, какъ «клочекъ матеріи на солнце» то, правъ ли авторъ, утверждая, что Савоська вообще есть нѣчто среднее между подъяремнымъ воломъ и обезьяной? Вообще, можно ли уловить при этихъ условіяхъ «психологическій типъ» Савоськи? Существуетъ ли даже въ природѣ Савоська, какъ единый типъ? Вельможный авторъ не задумывается надъ этими вопросами. Заявляя о неисполнимости своей задачи, онъ все-таки пишетъ, пишетъ... выражаясь его слогомъ, «одинъ развѣ чортъ знаетъ» зачѣмъ онъ пишетъ. Поэтому произведеніе его едва ли не должно быть отнесено къ той литературѣ, которую г. Майновъ, писатель завѣдомо не вельможный, не совсѣмъ благозвучно назвалъ однажды «лоботрясой». Конечно, само по себѣ, это обстоятельство еще не можетъ вызвать особеннаго вниманія: мало ли у кого есть охота потрясать лбомъ! Но то спеціальное потрясаніе лбомъ, которому предается нашъ авторъ, вниманія заслуживаетъ. Такъ какъ авторъ взялся за дѣло, по его собственному мнѣнію, неисполнимое, то понятно, что усмотрѣть его личное отношеніе къ Савоськѣ невозможно. «Савоська сфинксъ, говоритъ онъ:—и давно ужъ; немногіе его знаютъ, потому что къ нему подходятъ не открыто и прямодушно, а съ отвращеніемъ и грубостью. На него смотрятъ сверху внизъ и держатъ на такомъ отъ себя разстояніи, что не замѣчаютъ ничего въ его сердцѣ». Сообразно этому, авторъ говоритъ нѣсколько не то что теплыхъ, а подогрѣтыхъ фразъ о Савоськѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь въ литературѣ подходилъ къ Савоськѣ съ такимъ «отвращеніемъ и грубостью», «держалъ его отъ себя на такомъ разстояніи», какъ авторъ. Какимъ-бы униженіямъ ни подвергался Савоська, но никто все-таки до сихъ поръ еще не лгалъ на него, будто онъ никогда не говоритъ «Иванъ Севастьянычъ» или просто «Иванъ», «Севастьянъ», а всегда «Ванька», «Савоська». Никто не лгалъ,

будто «Савоська знаетъ *только одну* пѣсню: Oh, mon père, mon père terrible m'a battu, en me disant»... (Мы не можемъ узнать эту единственную Савоськину пѣсню). Кромѣ этой прямой, мелкой и совершенно безцѣльной лжи (мы, по крайней мѣрѣ, отказываемся уразумѣть ея цѣль, потому что даже для краснаго словца можно бы придумать что-нибудь получше), вельможный авторъ старательно предается нѣкоторой странной ироніи надъ Савоськой. Выбираемъ маленькій букетъ:

«По его мнѣнію, турокъ, русскій и нѣмецъ подѣлили между собой всю землю; русскій, конечно, занялъ больше всѣхъ, потому что въ Россіи много дворянъ, а дворянинъ естественно владѣетъ бо́льшимъ пространствомъ земли. Цѣлое, занимаемое этими тремя народами, называется «поселенная» (игра словъ, которой Савоська предается въ своемъ невѣжествѣ; онъ говоритъ не «вселенная», а «поселенная», т. е. обитаемая земля). Кромѣ этой поселенной, которая держится на трехъ китахъ, есть еще міръ. Савоська никогда не читалъ Фламмаріона, но очень хорошо знаетъ, что міры безчисленны: есть міръ («міръ» значитъ свѣтъ, le monde и община) Семеновскій, Скрипицынскій, Загуляевскій и много еще другихъ; каждый изъ этихъ міровъ отличается отъ другихъ количествомъ земли, нарѣзанной крестьянамъ... У поселенной есть «пупъ», въ Іерусалимѣ или въ Кіевѣ, въ точности еще неизвѣстно... Много и другихъ знаній имѣетъ Савоська, и даже удивительно, что столько нелѣпостей и вздора можетъ помѣститься въ головѣ одного человѣка. Но этотъ человѣкъ есть Савоська и потому его голова не можетъ идти въ сравненіе съ головами другихъ людей: это уродство, какъ и самъ Савоська уродъ. По своей наружности, по своему образу жизни, Савоська уродъ, вырвавшійся изъ музея... Савоська знатокъ и экспертъ въ медицинѣ; при случаѣ онъ умѣетъ заклинать болѣзни кабалистическими формулами: то онъ прочтетъ двадцать четыре раза «Отче нашъ», то напишетъ на клочкѣ бумаги: «Іисусъ, исусъ, сусъ, съ» и привяжетъ эту бумажку на шею больному. Если кто-нибудь изъ его ближнихъ страдаетъ грыжей, онъ ловитъ рыжую мышь и заставляетъ ее грызть больное мѣсто (обычай, основанный на сходствѣ словъ грызть и грыжа)... Въ дѣлѣ историческихъ свѣдѣній Савоська не такъ богатъ, но все-таки и въ этой области науки онъ знаетъ множество фактовъ, неизвѣстныхъ ни одному историку. Онъ, напримѣръ, прекрасно знаетъ исторію знаменитаго атамана разбойниковъ, который никогда не грабилъ бѣдныхъ, но богатыхъ сжигалъ живьемъ; который хотѣлъ, чтобы народъ былъ самъ себѣ господиномъ и не признавалъ господина, избраннаго одними дворянами. Онъ знаетъ, что былъ нѣкогда въ Россіи народъ Чудь, представители котораго были очень малаго роста, но имѣли большія головы... Савоська знаетъ только одну пѣсню: Oh! mon père, mon père terrible m'a battu, en me disant и т. д., что не мѣшаетъ нѣкоторымъ писателямъ сочинять пріятные романы изъ народной жизни, изображающіе, какъ Савоська влюбился въ дѣвицу, прекрасную, какъ день, но авторъ не говоритъ, потеряла ли эта дѣвица, какъ большая часть нашихъ крестьянокъ, носъ, вслѣдствіе болѣзни, хорошо извѣстной въ Россіи. Притомъ же Савоська влюбленный! Точно онъ когда нибудь женится иначе, какъ по соображеніямъ о хозяйкѣ, которая должна варить обѣдъ, мыть бѣлье и проч.».

Этихъ образцовъ «юмора» русско-французскаго автора съ насъ достаточно. Мы привели ихъ только для того, чтобы лучше оттѣнить юморъ г. Успенскаго. У него мы не находимъ, во-первыхъ, общихъ рѣшеній, общихъ приговоровъ. Бо́льшая часть его очерковъ представляетъ что-то очень отрывочное. Начинаетъ,

напримѣръ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ какой-нибудь разсказъ и авторъ не даетъ ему досказать, обрываетъ на половинѣ. Или задумываетъ дѣйствующее лицо какое-нибудь дѣло и отправляется его исполнять, но на этомъ «отправленіи» очеркъ обрывается. И т. д.: недоконченныя рѣчи, оборванные разсказы, недодѣланныя лица. Авторъ рисуетъ, что попало, безъ всякой, повидимому, задней мысли. Если и попадаются у него замѣчательно законченные очерки («Поросенокъ», «Работникъ», «Егорка-пастухъ», «Саша» и еще нѣкоторые), то это случайно. Во всякомъ случаѣ, г. Успенскій совсѣмъ не такъ смѣлъ и рѣшителенъ, какъ вельможный авторъ «этюда національной психологіи». Онъ даетъ только частности, отрывки, но такую массу отрывковъ, что картину изъ нихъ можетъ всякій сложить. Далѣе, предметъ особеннаго вниманія г. Успенскаго совсѣмъ не исключительно Савоська. Правда, онъ имъ очень занятъ, но на ряду съ Савоськой, онъ занятъ всѣмъ обездоленнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Есть у него, напримѣръ, маленькій, но прелестный отрывокъ «Студентъ». Бѣдный студентъ, сынъ дьячка, умираетъ въ Петербургѣ. Квартирный хозяинъ находитъ въ его скудномъ скарбѣ пачку писемъ. Это письма брата покойника, ихъ всего семь, да одно отъ отца. Письма очень короткія и въ каждомъ изъ нихъ повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ: «Отецъ не хотѣлъ тебѣ послать денегъ, но я, вспомоществуемый Анной Петровной, Кузьмой Егорычемъ и другими, довелъ его до того, что онъ обѣщался послать тебѣ три рубля серебромъ».—«Ты вѣрно ожидалъ присылки денегъ... въ разсужденіи сего слишкомъ много не печалься: тятенька обѣщался прислать тебѣ, какъ скоро продастъ овесъ, три рубля серебромъ».—«Много виноватъ передъ тобой: мнѣ бы слѣдовало прислать тебѣ, по крайней мѣрѣ, три рубля серебромъ».—«Вскорѣ приступлю къ батюшкѣ съ ходатайствомъ выслать тебѣ не менѣе трехъ рублей серебромъ, но думаю, что для него это будетъ тяжело».—«Жалѣю, что при семъ случаѣ имѣю въ карманѣ одинъ полтинникъ. Тятеньку надѣюсь уговорить выслать тебѣ не менѣе трехъ рублей».—«На Духовъ День, я просилъ тятеньку, чтобы онъ выслалъ тебѣ три рубля серебромъ, но онъ отказалъ на отрѣзъ».—«По прочтеніи сего письма немедленно пиши письмо къ батюшкѣ и высылкѣ трехъ рублей серебромъ. Но сознаюсь, трудно ручаться за успѣхъ». Рядомъ съ этимъ припѣвомъ о трехъ рубляхъ серебромъ, братъ сообщаетъ деревенскія новости и совѣты «запастись шпагой получше», «учиться писать повитіеватѣе съ употребленіемъ научныхъ терминовъ» и т. п. Студентъ такъ и не дожилъ до этихъ трехъ рублей, потому что послѣднее отцовское письмо содержитъ въ себѣ только родительское благословеніе; умеръ онъ въ темной и холодной канурѣ на рукахъ у полоумнаго хозяина. Вотъ образчикъ юмора г. Успенскаго, той его «веселости», о которой съ похвалой говорятъ оба упомянутые рецензента (г. Анненковъ выражается даже такъ: «Успенскій пишетъ «въ честь

веселаго божества—смѣха») и которая ставилась ему часто въ вину по отношенію къ Савоськѣ. Да, еслибы г. Успенскій приходилъ въ «веселое» настроеніе только говоря о Савоськѣ, о его невѣжествѣ, забитости, пьянствѣ, тогда это можно бы было поставить ему въ вину, потому что въ самомъ дѣлѣ, съ чего же тутъ веселиться? Но когда мы видимъ, что тѣ же пріемы употребляются авторомъ въ очеркахъ и умирающаго съ голода студента, и выдаваемой насильно замужъ дочери бѣднаго помѣщика, и пьяницы дьячка, благодарящаго Бога за то, что у него умеръ новорожденный сынъ, даже наконецъ лошади, попадающей «на ножъ», т. е. которую продаютъ на шкуру (такъ очеркъ и называется «Лошадь»), то становится очевиднымъ, что смѣхъ, «веселость» есть здѣсь просто свойство таланта, а не результатъ презрительнаго отношенія къ Савоськѣ. Представимъ себѣ, что хоть таже тэма смерти голоднаго студента предложена тремъ писателямъ: Рѣшетникову, Левитову и г. Николаю Успенскому. Рѣшетниковъ развилъ бы ее съ томительными подробностями, описалъ бы каждый часъ каждаго дня несчастнаго и что̀ онъ ѣлъ и что̀ онъ думалъ объ ѣдѣ и проч. Левитовъ прибѣгъ бы къ паѳосу, заставилъ бы, напримѣръ, сырыя стѣны кануры съ ужасомъ присматриваться къ агоніи молодого человѣка и т. п. Г. Успенскій освѣщаетъ картину юмористической, не знаемъ ужъ веселой ли, но невольно заставляющей улыбнуться струей «трехъ рублей серебромъ» и совѣтовъ насчетъ франтоватой шпаги и мундира. Никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что личное отношеніе всѣхъ трехъ писателей къ сюжету было бы совершенно одинаково, но выразилось бы оно различно, сообразно особенностямъ таланта каждаго изъ нихъ. Такъ и съ Савоськой. Ссылаемся опять на разсужденія и показанія просвѣщеннаго автора «этюда національной психологіи». Тамъ о свойствахъ таланта не можетъ быть рѣчи, потому что и самаго таланта нѣтъ. Тамъ, несмотря на разные экивоки, авторъ публично исповѣдуется, что онъ презираетъ Савоську, потому что у послѣдняго нѣтъ, такъ сказать, никакого нутра, потому что онъ и пѣсни даже ни одной не знаетъ, и къ такому элементарному чувству, какъ любовь, неспособенъ и т. д. Авторъ смотритъ на Савоську съ нѣкоторой недосягаемой высоты, съ которой мелочи, подробности, сцѣпленія причинъ и слѣдствій, отличія коротоякскаго и калязинскаго Савоськи совсѣмъ не видны, а виденъ какой-то «монстръ», что-то нетолько *безобразное*, но почти *безформенное*,— такъ слякоть какая-то. Просвѣщенному автору доставляетъ даже нѣкоторое удовольствіе созерцаніе этого рѣдкаго явленія природы. Съ усмѣшкой и съ легкимъ сердцемъ бросаетъ онъ ему вопросы: ну-ка, что̀ ты можешь по медицинѣ? а по исторіи? и даже какъ будто доволенъ, что монстръ не можетъ ни по медицинѣ, ни по исторіи. Авторъ предлагаетъ теорію, обобщеніе, цѣлое готовое савоськосозерцаніе и, разумѣется, лжетъ, если вѣдаетъ что̀ творитъ, или ошибается, если не вѣдаетъ. Група бел-

летристовъ, къ которой принадлежитъ Николай Успенскій, отнеслась къ Савоськѣ не какъ высокопросвѣщенный вельможа къ безформенному чудовищу, не сверху внизъ, а какъ человѣкъ къ человѣку. И въ этомъ ея великая и мало еще оцѣненная заслуга. Понятно, что теоріи, обобщенія, къ которымъ приходили эти люди, должны были рѣзко отличаться отъ савоськосозерцанія автора «Le paysan russe». Намъ впрочемъ здѣсь нѣтъ дѣла до этихъ теорій, потому что собственно г. Николай Успенскій въ нихъ неповиненъ. Онъ, прежде всего—чрезвычайно талантливый художникъ (можетъ быть, наиболѣе талантливый и навѣрное наиболѣе художникъ изо всей групы). Но какъ только онъ принимается разсуждать или даже описывать, но не образами, а словами, такъ начинаетъ напоминать рыбу, вытащенную изъ воды. Напримѣръ, его «Юрская формація» просто плоха, а «Заграничныя письма» плохи до невѣроятности, до смѣшнаго. Онъ очень вѣрно, хотя и не намѣренно описываетъ свое собственное положеніе въ литературѣ словами «сельскаго хозяина»: «Мы не строимъ никакихъ теорій, не разрѣшаемъ вопросовъ, занимающихъ въ настоящую минуту русскихъ сельскихъ хозяевъ, мы только рисуемъ картины, представляющіяся нашему взору, стараясь распознать натуру серьёзно развившейся болѣзни... Наша задача: собрать вѣрные матеріалы, на основаніи которыхъ могла бы построиться та или другая теорія и которыми воспользовалась бы отчасти сама наука. Мы на каждомъ шагу слышимъ, что нашъ крестьянинъ лѣнивъ... Такихъ вопросовъ очень много и отвѣчать на нихъ общимъ именемъ, что *крестьянинъ грубъ и необразованъ*, мы не хотимъ, слишкомъ понимая несостоятельность такого рода отвѣта. Ждать, пока мужичекъ будетъ образованъ, не слишкомъ ли долго?.. Нѣтъ, мы поставимъ себѣ задачей тщательно разбирать каждое явленіе изъ русской народной жизни, чтобы потомъ вправѣ сказать отчего оно происходитъ» (II, 220). Г. Николай Успенскій—художникъ и притомъ по преимуществу рисовальщикъ частностей, конкретныхъ явленій. Но, разумѣется, онъ не фотографъ, потому что въ немъ живетъ юмористическая жилка, побуждающая его извѣстнымъ, своеобразнымъ манеромъ освѣщать картины дѣйствительности, преувеличивать нѣкоторыя ея черты. Надо правду сказать, что это преувеличеніе иногда пересаливается, напримѣръ, въ извѣстномъ очеркѣ «Обозъ», который трудно читать безъ смѣху, но который есть собственно каррикатура. Однако, даже эта каррикатура свидѣтельствуетъ только о томъ, что пришелъ конецъ образамъ Савосекъ-звѣрей, нуждающихся въ кнутѣ и уздѣ, и Савосекъ-пейзанъ съ розовыми бантиками на шеѣ. Вѣдь Савоськи сами другъ про друга разсказываютъ, какъ одни козу на колокольню тащили, другіе всемеромъ одну утку стрѣляли и проч., а вѣдь никто же не сомнѣвается, что Савоськи другъ другу близки. Такъ какъ г. Успенскій—живописецъ частностей, конкретныхъ фактовъ, то въ его очеркахъ, какъ и въ самой жизни,

можно найти разное: и хорошія, и дурныя стороны Савоськи. Приводить эти противорѣчія къ единству мы, конечно, въ библіографической замѣткѣ пытаться не станемъ, а напомнимъ только одну общую ихъ черту: Савоська занимаетъ автора на ряду со всякимъ обездоленнымъ и приниженнымъ людомъ.

Но если г. Н. Успенскій давалъ такіе задатки, если онъ нѣкогда такъ занималъ и читателей, и критику, то почему же онъ нынѣ забытъ? Отвѣтъ будетъ на видъ очень сложный, а въ сущности очень простой: забытъ отчасти потому, что остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, а отчасти потому, что пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Съ одной стороны, онъ, въ мірѣ обездоленныхъ и приниженныхъ, не пошелъ (и, мы думаемъ, не могъ пойти) дальше отрывочныхъ картинъ обыденной жизни. Для этого требуется ловить явленія на лету, требуется такая отзывчивость, воспріимчивость, которая съ годами естественно или притупляется, или осложняется теоретической работой мысли. Къ этой же работѣ г. Успенскій очень мало склоненъ. Съ другой стороны, онъ въ послѣднее время самъ болѣе или менѣе забылъ міръ обездоленныхъ и обратился къ другимъ сферамъ. И прежде у него попадались очерки празднаго, безъ толку и смысла мыкающаго свой вѣкъ люда, упраздненнаго крестьянской реформой. Многіе изъ этихъ очерковъ были очень хороши, потому что авторъ умѣлъ выбирать типы, подходящіе къ свойствамъ его таланта, именно типы, тоже въ своемъ родѣ обездоленные, хоть и съ другого конца. Но нѣкоторая часть этого люда впослѣдствіи, какъ извѣстно, оперилась, пристроившись къ послѣдующимъ реформамъ, и вообще приободрилась. Ими-то и занялся г. Успенскій. («Старое по старому», «Въ земской управѣ»).

Но здѣсь ужь нѣтъ мѣста юмору, а сильныхъ, яркихъ, рѣзкихъ, гнѣвныхъ струнъ сатиры въ литературномъ инструментѣ г. Успенскаго совсѣмъ не хватаетъ. Есть у него еще одна сравнительно большая повѣсть «Издалека и вблизи» (изъ послѣднихъ, была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы»), которая по замыслу захватываетъ чрезвычайно интересный мотивъ современной русской жизни. Но для художественной обработки этого мотива требуется опять таки не юморъ, а кое-что другое.

Избушка на курьихъ ножкахъ. Сказъ *графа Саліаса.* Москва 1876.

Зачѣмъ написанъ этотъ удивительный «сказъ» — неизвѣстно, что онъ собою означаетъ — непонятно. Рѣчь идетъ о какомъ-то русскомъ Робинзонѣ «сиротѣ-Кирякѣ», живущемъ, правда, не на пустынномъ островѣ, а среди лѣса, въ уединенной «избушкѣ на курьихъ ножкахъ». Въ избушку эту (дѣйствіе происходитъ, приблизительно, лѣтъ 20 назадъ) онъ помѣщенъ по распоряженію своей барыни «на девять лѣтъ», въ видахъ предосторожности: мальчикъ, видите ли, былъ укушенъ бѣшенымъ волкомъ и барыня трусила, чтобы онъ не взбѣсился въ свою очередь. Мальчикъ дѣйствительно прожилъ больше девяти лѣтъ одинъ

одинехонекъ и, конечно, одичалъ до того, что мѣстный священникъ называетъ его «плевеломъ», а становой приставъ «противозаконнымъ обывателемъ». Исторію этого патологическаго существованія графъ Саліасъ, неизвѣстно зачѣмъ, и «сказываетъ» намъ. Языкъ «сказа» — тотъ специфическій языкъ московскихъ блаженныхъ, въ которомъ что ни фраза, то метафора, что ни слово, то прибаутка; а содержаніе, какъ и слѣдовало ожидать отъ знаменитаго автора «Пугачевцевъ», прославившагося, главнымъ образомъ, пластичностью своихъ описаній любовныхъ сценъ, вертится около любви «бѣшенаго» къ дѣвушкѣ Аксютѣ. Любовно-лирическія мѣста «сказа» превосходны. Влюбленные Кирякъ и Аксюта, еще недошедшіе до «послѣдняго слова» любви, сидятъ въ лѣсу одинъ на одинъ.

— Жара! шепнула Аксюта, и, протянувшись на спину въ высокой травѣ, легла, закинула свои голыя руки, опрокинула и голову въ траву.

— Лѣто! тихо буркнулъ Кирякъ, косясь на дѣвицу, что лежитъ около него, высокогрудая, съ мѣдно-румянымъ лицомъ, съ круглой шеей, огненными глазами». Авторъ, витая надъ влюбленной парочкой и, очевидно, вдохновляясь близостью развязки, въ нетерпѣніи восклицаетъ: «Ой! любитесь люди! Безъ любви вся жизнь—алтынъ! Ой! люби, Кирякъ, послушай ты меня! Любить — жить! Коль не любить, такъ и не жить. И все любитъ! И то Господь велитъ. На томъ міръ стоитъ. Не будь любви, такъ всему свѣту карачунъ пришелъ бы... Аксюта? Люби ее». Противъ такихъ доводовъ, понятно, не устоишь, и дѣло, къ общему удовольствію и влюбленныхъ, и автора, и читателя, кончается тѣмъ, что Кирякъ и Аксюта «покатились въ траву», причемъ Кирякъ (необыкновенно тонкая психологическая черта!) стонетъ: «охъ, Аксютушка!» а авторъ, скромно отойдя въ сторону, начинаетъ чрезвычайно тонко описывать чувства зайца, спугнутаго «покатившимися» влюбленными. Затѣмъ въ «сказъ» вторгается трагическій элементъ, и графъ обнаруживаетъ въ этой сферѣ положительно шекспировскую силу. Разлученный съ Аксютою Кирякъ, совершенно какъ шекспировскій Лиръ, бѣгаетъ въ бурю по лѣсу и разражается такими монологами: «чего воешь, невидимый? кричитъ Кирякъ вѣтру. Красавица была чтò-ль у тебя да обманула? Унеси вотъ меня съ собой на край земли! Пусть пропадетъ пропадомъ тѣло мое... Унеси, да разорви въ клочья... Силы нечистыя! Аксюту дайте. Охъ, анаѳема громъ! разрази ты меня!» Совершенный Лиръ. Развязка «сказа» въ безукоризненно московскомъ духѣ: авторъ отправляетъ своего героя за сборомъ подаяній на церковь: «Вотъ и ходитъ по Руси Святой изъ края въ край мужикъ; не молодъ, не старъ, смиренъ, ласковъ, добролицъ, много смыслитъ, мало говоритъ». Отлично. Мы имѣемъ сдѣлать талантливому автору только одно замѣчаніе. Онъ говоритъ о какой-то «душѣ лѣса», а потомъ «душѣ міра», которая, по его мнѣнію, «можетъ, и есть». Во

это не хорошо. Это—пантеизмъ. Что скажетъ, графъ, княгиня Марья Алексѣевна? Предостерегаемъ васъ отъ такихъ еретическихъ мнѣній. Облегчающимъ обстоятельствомъ для автора можетъ служить, впрочемъ, то, что онъ, сказавши свое «можетъ, и есть», на слѣдующей же строчкѣ прибавляетъ: «а, можетъ, и нѣтъ».

Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Изданіе *Д. Я. Самоквасова.* Варшава, 1876.

Происхожденіе этого сборника слѣдующее. Въ 1874 году юридическій факультетъ варшавскаго университета предложилъ г. Самоквасову дать заключеніе о значеніи для науки содержанія нѣскольких рукописей, которыя библіотека намѣрена была пріобрѣсти отъ сенатора Губе, въ числѣ другихъ библіографическихъ пріобрѣтеній. Г. Самоквасовъ высказался за пріобрѣтеніе и скорѣйшее изданіе рукописей. «Изъ содержанія самыхъ рукописей и изъ объяснительной къ нимъ записки, приложенной сенаторомъ Губе, оказалось, что эти рукописи представляли собой сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, составленный въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, по распоряженію нашего правительства, подъ надзоромъ генералъ-губернатора Сибири и спеціальной комиссіи, самими инородцами на собственныхъ ихъ языкахъ; свои показанія инородцы обязаны были утверждать собственноручными подписями или приложеніемъ печатей и фамильныхъ знаковъ. По переходѣ главнаго начальства надъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ хранились въ подлинникахъ и точныхъ переводахъ возникшіе сказаннымъ путемъ сборники права сибирскихъ инородцевъ, къ графу Сперанскому, было предположено, согласно съ возникшею тогда мыслью о составленіи сводовъ всѣхъ вообще мѣстныхъ законовъ и обычаевъ имперіи, приготовить также сводъ законовъ и для сибирскихъ инородцевъ. Этотъ трудъ былъ порученъ дѣйствительному статскому совѣтнику Величкѣ, въ распоряженіе котораго поступили и своды обычаевъ сибирскихъ инородцевъ, составленные оффиціальнымъ путемъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Сенаторъ Губе, состоявшій при главноуправлявшемъ II-мъ отдѣленіемъ, графѣ Блудовѣ, имѣлъ возможность разсмотрѣть и оцѣнить эти въ высшей степени интересные и въ своемъ родѣ единственные сборники и приказалъ сдѣлать съ нихъ для себя копіи, съ цѣлью издать ихъ современемъ, еслибы они не были опубликованы правительствомъ. Но правительствомъ они опубликованы не были, а между тѣмъ, по словамъ сенатора Губе, послѣ смерти Велички, онъ не могъ уже получить никакого извѣстія о подлинникахъ сборниковъ, которыхъ не оказалось въ дѣлахъ II-го отдѣленія и которые, по всей вѣроятности, пропали». Такимъ образомъ, копіи сенатора Губе представляютъ единственное воспроизведеніе составленнаго въ двадцатыхъ годахъ сборника обычнаго права сибирскихъ инородцевъ.

Г. Самоквасовъ придаетъ этому сборнику чрезвычайно важное значеніе. Онъ утверждаетъ, что сборникъ представляетъ собою «драгоцѣннѣйшій матеріалъ, подобнаго которому, по полнотѣ и по качеству, не существуетъ въ литературѣ»; это—не отрывочныя наблюденія путешественниковъ, въ которыхъ «дѣйствительность болѣе или менѣе пострадала отъ субъективныхъ воззрѣній авторовъ», а «полная система первобытнаго права, составленная самыми первобытными народами». Удивительно бываютъ иногда наивны господа профессора! Подъ отдѣльными статьями сборника дѣйствительно имѣются подписи «главнаго тайши, 27 начальниковъ и 42 почетныхъ братскихъ» или «подписи и печати тайшей и почетныхъ людей братскихъ идинскаго, тункинскаго, балаганскаго и курдинскаго вѣдомствъ» и т. п. Начинаются нѣкоторыя статьи дѣйствительно такъ: «1823 года, іюня 5 дня, будучи на общемъ сугланѣ селенгинскихъ 18 родовъ, при конторѣ вѣдомства оныхъ, тѣхъ родовъ главные шуленги, зайсаны, старшины выслушали объявленное имъ предложеніе его превосходительства, господина иркутскаго гражданскаго губернатора и кавалера, Ивана Богдановича Цейлера, отъ 22-го марта сего года, за № 863, послѣдовавшее на имя втораго тайши Ирынцеева, повелѣвающее въ первомъ пунктѣ доставить свѣдѣнія . . . . съ общаго единодушнаго нашего согласія и по точной справедливости изъяснить имѣемъ нижеслѣдующее». Все это такъ. Можно повѣрить, что подписи и печати инородцевъ подлинныя. Можно даже повѣрить, что инородцы были оповѣщаемы, созываемы и вопрошаемы. Но надобно быть очень наивнымъ человѣкомъ, чтобы видѣть въ сборникѣ «полную систему первобытнаго права, составленную самими первобытными народами». Трудно даже себѣ представить, какое понятіе имѣетъ г. Самоквасовъ о чиновникахъ, наблюдавшихъ за составленіемъ этой полной системы первобытнаго права—г. Самоквасовъ, который такъ недовѣрчивъ къ путешественникамъ, собирающимъ свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, внѣ всякихъ казенныхъ отношеній. Можно бы, даже не заглядывая въ сборникъ, рѣшительно утверждать, что издатель придаетъ ему совершенно несоотвѣтственное значеніе. А, заглянувъ, находимъ на первой же страницѣ слѣдующее: «Кочующіе инородцы въ Бійскомъ Уѣздѣ, въ Алтайскихъ горахъ, называемые калмыки, вѣруютъ въ шайтана, называемаго демономъ. Шамановъ, такъ называемыхъ абызовъ, почитаютъ сходно съ христіанскими священниками; они предсказываютъ *имъ* облегченіе болѣзней своимъ волшебствомъ; бьютъ въ нарочно на то сдѣланный родъ большаго бубна, въ срединѣ коего изображено подобіе болвана, *по ихнему* шайтана» и т. д. Очевидно, это писалъ посторонній наблюдатель, отличающійся, конечно, отъ какого-нибудь Ливингстона или другого путешественника, но главнымъ образомъ тѣмъ, что они люди болѣе или менѣе свѣдущіе и вольные, а онъ русскій чиновникъ двадцатыхъ годовъ. Или, напримѣръ, такіе

замѣчаніе, конечно, не отъ самихъ инородцевъ идетъ: «ни красивыми, ни безобразными ясашныхъ почесть не можно, потому что они только противъ русскихъ смуглы тѣломъ, а гнусности въ положеніи корпуса нѣтъ» (8). Положимъ, что оба эти показанія находятся въ отдѣлахъ, откровенно лишенныхъ какъ печатей и подписей инородцевъ, такъ и соотвѣтственныхъ вступленій. Но вотъ напримѣръ, глава «Доходы общественные» изъ отдѣла «обычаевъ бурятъ Верхоленскаго вѣдомства», снабженнаго всѣми орнаментами. Глава эта заканчивается такъ: «Симъ порядкомъ желаютъ руководствоваться всѣ буряты верхоленскаго вѣдомства 10-ти родовъ; *но еще по сіе время доходовъ ни отъ чего никогда не бывало, ибо земель, озеръ, рѣкъ и ничего другого никогда, никому, ни за что въ кортомъ не отдавалось»* (82). Слѣдовательно, глава «Доходы общественные» излагаетъ обычаи не существующіе, что̀ наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія относительно всего отдѣла, тѣмъ болѣе, что въ немъ же находимъ слѣдующій, весьма странный для инородцевъ параграфъ: «О бѣжавшихъ отъ мужей женахъ и крестившихся женахъ и мужьяхъ. Должны разсматриваться подробно причины обѣихъ сторонъ, какъ мужа, такъ и жены, понудившія воспріять св. крещеніе, и если найдется, что жена несправедливо бѣжала отъ мужа своего и окрестилась, тогда она не должна отъ него симъ избѣгнуть, а должна жить съ мужемъ, по силѣ словъ св. апостола Павла (первое посланіе къ коринѳянамъ; гл. VII ст. 12, 13, 14); такъ равномѣрно и окрестившійся мужъ, съ соблюденіемъ каждый своего правила» (77). Рядомъ съ этимъ обнаруженіемъ бурятскаго знакомства съ христіанскимъ богословіемъ, любопытно поставить слѣдующій параграфъ изъ киргизскаго обычнаго права: «Ежели кто изъ рода киргизскаго приметъ христіанскую вѣру, то того нетолько лишаютъ права наслѣдства на собственное имѣніе, но буде кто изъ нихъ прежде принятія христіанской вѣры пойманъ будетъ, съ точнымъ намѣреніемъ креститься, долженъ, по закону, лишиться живота за поруганіе своего закона» (247). Ясно, что въ сборникѣ г. Самоквасова есть очень различнаго достоинства части, смотря по добросовѣстности и толковости чиновниковъ, собиравшихъ свѣдѣнія и совершенно независимо отъ подписей и печатей самихъ инородцевъ. Есть тутъ, безъ сомнѣнія, и цѣнный матеріалъ, есть и никуда негодный, но во всякомъ случаѣ, нѣтъ «полной системы первобытнаго права, составленной самими первобытными народами».

Если, однако, г. Самоквасовъ такъ непозволительно наивенъ въ своемъ довѣріи къ изданнымъ имъ матеріаламъ, то нѣкоторыя, очень, впрочемъ, бѣглыя замѣчанія его о значеніи обычнаго права вообще заслуживаютъ полнаго вниманія. Онъ возлагаетъ большія надежды на эту нарождающуюся вѣтвь знанія. Только при помощи ея предвидитъ онъ возможность для юриспруденціи сдѣлаться положительной наукой, открыть общіе за-

коны, управляющіе отношеніями людей. Дѣйствительно, юриспруденція въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отнюдь не заслуживаетъ титула науки. Мы еще недавно присутствовали при любопытномъ газетномъ спорѣ о каперахъ, т. е. по просту о легализированныхъ морскихъ разбойникахъ. Можетъ быть, этотъ споръ былъ полезенъ, нуженъ, но онъ никоимъ образомъ не былъ наученъ, несмотря на весь наукоподобный аппаратъ, выставленный какъ противниками, такъ и защитниками каперства. Споръ вертѣлся около вопроса, который можетъ быть формулированъ такъ: въ какой мѣрѣ дозволителенъ морской разбой по существующимъ международнымъ договорамъ и мнѣніямъ авторитетовъ такъ называемаго международнаго права? И та, и другая сторона выказали много эрудиціи (причемъ, впрочемъ, защитники разбоя, сгрупировавшіеся главнымъ образомъ въ «Новомъ Времени», были посрамлены), статьи пестрѣли ссылками на трактаты и сочиненія ученыхъ юристовъ. Эта внѣшность и придавала спору якобы научный характеръ, хотя наука тутъ была рѣшительно не причемъ. Наука ищетъ законовъ явленій, а въ спорѣ о каперствѣ объ нихъ не было и помину, да и всѣмъ, даже авторитетнѣйшимъ авторитетамъ международнаго права это обстоятельство рѣдко приходитъ въ голову: они только комментируютъ и исправляютъ другъ друга, громоздятъ цитаты на цитаты и все-таки топчутся на мѣстѣ. Скажутъ, можетъ быть, что значеніе международнаго права состоитъ въ его морализующихъ стремленіяхъ и что въ этомъ смыслѣ мнѣнія людей, спеціально культивирующихъ идею права и справедливости, слѣдовательно лучшихъ людей своего времени, заслуживаютъ вѣчной памяти. Не станемъ объ этомъ спорить, хотя въ видѣ отвѣта достаточно было бы указать, что есть ученые юристы, отвергающіе морской разбой, есть и признающіе его; а между тѣмъ вопросъ стоитъ такъ рѣзко, что по неволѣ припоминаются слова героя послѣдней комедіи Островскаго: «только два сорта и есть, податься нѣкуда: либо патріотъ своего отечества, либо мерзавецъ своей жизни». Но мы не объ этомъ и говоримъ, а только о ненаучности международнаго права. Наукой его можно будетъ только тогда назвать, когда оно займется изслѣдованіемъ законовъ международныхъ сношеній. Для этого ему придется, между прочимъ, обратиться въ глубь вѣковъ и къ низшимъ формамъ общественной жизни, не пренебрегая, пожалуй, и сибирскими инородцами. Тоже самое можно сказать и о другихъ юридическихъ якобы наукахъ.

Не знаемъ, насколько ясно сознавалъ г. Самоквасовъ значеніе переворота въ юриспруденціи, который долженъ быть произведенъ изученіемъ обычнаго права. Къ сожалѣнію, его замѣчанія на этотъ счетъ очень бѣглы и кратки. Къ еще бо̀льшему сожалѣнію, есть поводы думать, что и ихъ-то онъ высказалъ, такъ сказать, нечаянно. Мы будемъ, разумѣется, очень рады, если изъ его трудовъ увидимъ, что догадка наша ошибочна. Для это-

го ему прежде всего надлежитъ хорошенько познакомиться съ литературой предмета, а то онъ вотъ какъ перечисляетъ «существующіе сборники обычаевъ первобытныхъ народовъ»: «сборники Робертсона, Карла Конта, Вайца, Клемма, Тайлора, Дарвина, Леббока и др.» Можемъ увѣрить г. Самоквасова, что ни Робертсонъ, ни Карлъ Контъ, ни Дарвинъ сборниковъ обычнаго права первобытныхъ народовъ не издавали, а писали одинъ—историческія, другой—философски-юридическія, третій—естественно-историческія сочиненія.

Тимоѳей Александровичъ Верховскій, протоіерей Николаевской единовѣрческой, что на Николаевской улицѣ, въ С.-Петербургѣ, церкви. Записки о его жизни, составленныя имъ самимъ. Часть I. Съ портретами государя императора Николая Павловича, сочинителя и Дмитрія Григорьевича Макушинова. Спб. 1877.

Авторъ родился 15 января 1799 года. Значитъ, теперь ему подъ восемдесятъ. И эти восемь десятковъ лѣтъ проведены не на пѣчкѣ. Какъ видно изъ мемуаровъ, сынъ сельскаго священника, самъ въ молодости совращенный въ расколъ, авторъ посвятилъ свою дѣятельность обращенію старообрядцевъ къ единовѣрію. Поразсказать есть что. Авторъ, пожалуй, и много разсказываетъ (одна первая часть автобіографіи составляетъ огромный томъ въ 1097 страницъ, правда, крупной и разгонистой печати), а, пожалуй, и мало—глядя, по требованіямъ читателя. Всякая автобіографія грѣшитъ тѣмъ, что личность разсказчика поневолѣ получаетъ нѣсколько непропорціонально сильное освѣщеніе. Нужно большое искуство для избѣжанія этого недостатка. Нашъ авторъ такимъ искуствомъ, къ сожалѣнію, не обладаетъ. «Если что всегда останавливало вниманіе мое, говоритъ онъ въ предисловіи:—такъ это особенно многообразныя событія моей собственной жизни». Именно собственной жизни, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что, разсказывая какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ, напримѣръ, кушалъ «чай съ бѣлымъ хлѣбомъ» и т. п., авторъ даже самыхъ близкихъ къ себѣ людей оставляетъ въ тѣни. Такъ, жена его на всемъ огромномъ пространствѣ первой части мемуаровъ является на сцену, т. е. говоритъ и дѣйствуетъ только два раза. И вотъ при какихъ любопытныхъ обстоятельствахъ. Въ 1819 году авторъ видѣлъ таинственный сонъ, въ которомъ ему являлась Богородица. «Отъ избытка чувствъ, разсказываетъ онъ:—доселѣ памятнаго, неизъяснимаго и столь радостнаго, я проснулся и нашелъ на себѣ все бѣлье и постель подо мною совершенно мокрыми, словно облитъ былъ водой. Жена моя, замѣтивъ движеніе мое, сряду же спросила меня: что съ вами Тимоѳей Александровичъ, здоровы ли вы? что̀ съ вами сдѣлалось? Вы до того потѣли, что не только бѣлье на васъ, но и самая постель вся промокла. Я не смѣла васъ безпокоить, боясь, чтобъ не помѣшать вамъ, и дожидалась съ нетерпѣніемъ, покуда проснетесь и пошевелитесь. Что̀ съ вами? скажите мнѣ, Бога ради.—Вмѣсто отвѣта на это, я

сказалъ ей, чтобы она дала свѣжее бѣлье, да и постель нужно перемѣнить, а что я, слава Богу, здоровъ, и больше ничего не желалъ и не находилъ нужнымъ ей разсказывать». (79) Въ другой разъ автору былъ опять таинственный и чудный сонъ. «Пробудившись, я нашелъ себя въ необъяснимомъ положеніи, въ такомъ положеніи, въ какомъ я отъ роду не бывалъ. Первая мысль у меня была, гдѣ и что̀ дѣлается со мной? и что̀ еще дальше будетъ? Но мало по малу, я началъ сознавать себя и чувствовать въ самомъ себѣ большое волненіе, приводившее меня въ трепетъ и потъ. Подошла ко мнѣ жена моя и съ осторожностію спросила: что̀ это съ Вами (большое *В* принадлежитъ автору), не нужно ли чего Вамъ?—Нужно отереть потъ и перемѣнить бѣлье мнѣ, потому что оно все мокрое.—Все это было сдѣлано и я, слава Богу, успокоился» (145). Болѣе жена автора въ мемуарахъ не фигурируетъ.

Конечно, это могло бы объясняться тѣмъ, что авторъ, преданный общественной дѣятельности, мало обращаетъ вниманія на свою семейную жизнь. Но этого нельзя сказать, потому что личная жизнь автора весьма его занимаетъ, до такой степени, что если не совершенно покрываетъ собою его общественную дѣятельность, то все-таки сильно глушитъ ее. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Авторъ дѣйствовалъ въ стародавнемъ гнѣздѣ раскола, въ знаменитыхъ черниговскихъ посадахъ Воронокъ, Лужки, Клинцы, Добрянка и проч., объѣздилъ ихъ не одинъ разъ, имѣлъ столкновенія и съ упорными, и съ податливыми. Вдобавокъ, въ молодости онъ самъ принадлежалъ къ старообрядческой общинѣ въ Клинцахъ. Его наблюдательности представлялось, слѣдовательно, обширное и крайне интересное поле. Но онъ ограничивается самыми скудными историческими и статистическими замѣтками, а вмѣсто живыхъ наблюденій разсказываетъ больше объ томъ, какія кроткія и учительныя рѣчи говорилъ онъ раскольникамъ, склоняя ихъ къ единовѣрію; какія высокія, то радостныя, то скорбныя чувства испытывалъ онъ, встрѣчая согласіе или упорство; какія наконецъ, имѣлъ онъ по этому поводу сношенія съ разными высокопоставленными лицами. Изо всего этого слагается кое-какой нравственный портретъ автора (весьма однако односторонній, потому что, не имѣя причинъ недовѣрять автору, мы полагаемъ все-таки, что есть въ его личности какія-нибудь черты, кромѣ кротости). Но о положеніи раскольниковъ, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ православнымъ, къ разнаго рода властямъ и обратно—свѣдѣнія оказываются крайне скудными и притомъ не новыми. Личная дѣятельность автора также очень не типична, потому что сомнительно, чтобы въ сороковыхъ годахъ было много людей, дѣйствовавшихъ противъ раскола столь кротко и благодушно. Конечно, предметъ самъ по себѣ до такой степени интересенъ, что кое-какія характерныя черты изъ исторіи мѣръ, направленныхъ противъ раскола, могутъ быть найдены и въ

автобіографіи о. Верховскаго. Но ихъ такъ мало, что не стоитъ и искать.

Есть однако въ книгѣ одинъ эпизодъ, представляющій огромный интересъ, хотя едвали тотъ, который хочетъ ему придать авторъ. Эпизодъ этотъ до такой степени характеренъ для всей русской жизни того времени, что мы хотѣли бы привести его цѣликомъ. Но онъ занимаетъ слишкомъ много мѣста, и намъ придется пропустить многое, достойное вниманія.

Въ 1829 году единовѣрческую Николаевскую (въ Петербургѣ) церковь сталъ посѣщать «с.-петербургскій гражданинъ, состоящій записаннымъ въ шапочномъ цехѣ мастеромъ ремесленной управы» Дмитрій Григорьевичъ Макушиновъ. Это былъ почтенный старикъ, и авторъ, бывшій уже тогда священникомъ Николаевской церкви, скоро съ нимъ очень сблизился. Дружба ихъ продолжалась до самой смерти Макушинова (1838 г.). Исторія Макушинова достойна быть поэтически воспроизведенной рукою такого мастера, какъ г. Достоевскій. Мало того, самъ Шекспиръ не побрезгалъ бы такимъ сюжетомъ. Во-первыхъ, что такое самъ Макушиновъ? Вотъ его собственный разсказъ:

«Я, батюшка, урожденецъ Владимірской Губерніи, помѣщичій. Въ дѣтствѣ родителями отправленъ былъ въ Питеръ съ 30-ю копейками мѣди съ однимъ землякомъ, который былъ здѣсь шапочнымъ мастеромъ. Онъ взялъ меня къ себѣ, сталъ учить шапочному мастерству, и я выжилъ у него пять лѣтъ безъ всякой платы. Мастерство это хорошо мнѣ далось и я задумалъ отъ него отойти и самъ по себѣ заниматься работой. Благодареніе Богу мнѣ посчастливилось: торговцы брали мою работу съ охотой и сравнительно съ другими прибавляли мнѣ въ цѣнѣ. Добрые люди посовѣтывали мнѣ устроить свою мастерскую и снимать подряды. Я послушался умныхъ рѣчей и въ скоромъ времени мастерская моя сдѣлалась первою по ремеслу своему, и я началъ входить въ разные подряды, отъ которыхъ со временемъ образовался у меня порядочный капиталъ. Предъ разрывомъ нашего правительства съ Англіей, я успѣлъ по выгодной цѣнѣ купить для своей мастерской большую партію англійскаго товару, на который цѣнность удесятерилась. Вотъ это-то время, батюшка, и было началомъ моего благосостоянія и богатства. Въ 1828 году я пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность въ здѣшней столицѣ. Перемѣнивъ первоначальный свой трудъ, я началъ отдавать свои деньги въ дисконтъ и покупать векселя. Изъ собираемыхъ такимъ путемъ денегъ началъ я раздавать милостыню нищимъ, которые каждодневно сотнями собирались на мой дворъ и я съ 10-го часа утра до 2-хъ по полудни своими руками въ форточку, вотъ изъ этого окна, всѣхъ поочередно одѣлялъ деньгами».

На милостыню Макушиновъ расходовалъ въ годъ до тринадцати тысячъ. А между тѣмъ по смерти его, денегъ, векселей и имущества оказалось на 957,270 рублей. Значитъ, его растовщическая дѣятельность или, какъ выражается нашъ авторъ, «помощь ближнимъ въ дѣлахъ купеческихъ» была достаточно-таки обширна. Объ этой «помощи» о. Верховскій разсказываетъ чрезвычайно наивно:

«Помогая бѣднымъ чрезъ подаяніе щедрой милостыни, Макушиновъ очень часто дѣлалъ большія одолженія деньгами и тѣмъ, которыхъ купеческія дѣла находились въ разстроенныхъ обстоятельствахъ. Деньги онъ отдавалъ, какъ

выше сказано, въ дисконтъ и скупалъ векселя съ весьма большою осторожностью и знаніемъ этого дѣла. Онъ почти не отдавалъ денегъ на одно лицо а всегда съ поручителемъ, а если и отдавалъ, то такому лицу, въ коемъ и тѣни сомнѣнія не было. Но при этомъ ему никакъ не хотѣлось прослыть ростовщикомъ: онъ зналъ изъ слова Божія, что *губитъ себе мздоимецъ* и до крайности оскорблялся, когда произносилось это нелюбимое имъ названіе. Онъ зналъ и глубоко былъ убѣжденъ, что *лучше даяти, неже пріимати*. Однажды онъ при мнѣ взялъ книгу «О должности христіанина» св. Тихона Воронежскаго и, указывая на статью «О дающемъ взаимъ деньги», просилъ меня прочитать ее. Я исполнилъ его желаніе. Послѣ этого онъ просилъ меня прочитать и слѣдующую за ней «О пріемлющихъ взаймы деньги». Я прочиталъ ему и эту. Макушиновъ, немного помолчавши, сказалъ мнѣ: *вотъ, батюшка, сам ты видишь, что лучше давать, чѣмъ брать, на дающихъ меньше обязанности, чѣмъ на пріемлющихъ*».

Въ другой разъ Макушиновъ говорилъ автору:

«Вѣдь вы, батюшка, знаете, что я прикащикъ только, а не хозяинъ, и дѣлаю то, что Хозяину угодно; и все, что имѣю и что раздаю, это не мое, а Божіе. Богъ—хозяинъ, а я только приставникъ его. Мнѣ самому немного нужно, не болѣе одного гривенника въ день. Слава Богу, я благодарю Отца небеснаго, что за деньги ни одного въ тюрьму не сажалъ, а многихъ и очень многихъ отъ тюрьмы избавлялъ. Смотришь, бывало, понадобятся ли кому деньги—онъ, бѣдный, бѣгаетъ, бѣгаетъ, ищетъ, ищетъ, чтобы только освободиться отъ тюрьмы, и, не найдя средствъ выпутаться изъ бѣды, идетъ ко мнѣ и со слезами проситъ помочь ему. Дашь ему деньги, а возьмешь съ него лоскутъ бумаги; ну вотъ, смотришь, и избавился отъ тюрьмы, а затѣмъ и въ своихъ обстоятельствахъ поправился. А бывали нерѣдко и такіе случаи, что и деньги-то дашь, да въ помощь не идутъ глупому, и онъ нетолько свои оставшіяся, но и взятыя чужія промотаетъ. Что съ нимъ будешь дѣлать-то? А вѣдь проситъ со слезами не оставить его въ бѣдѣ. Трудно, батюшка, давать и не легко и брать или свое-то получать! *Съ такими, нечего дѣлать, взыщешь чрезъ начальство всѣ деньги и съ условленными барышами, да за него же, глупаго, и милостыню подашь, а онъ все бы пропилъ и промоталъ*».

О. Верховскій не сомнѣвается въ томъ, что ростовщичество Макушинова есть особый видъ филантропіи. Самъ Макушиновъ, какъ видно, не совсѣмъ былъ въ этомъ увѣренъ. Если иногда онъ съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ говорилъ о своей дѣятельности, то по временамъ его, все-таки, должно быть, грызъ какой-то тайный червь. Оттого-то онъ и былъ такъ щекотливъ къ названію «издоимца» и такъ старался свалить свой грѣхъ на «пріемлющихъ взаемъ деньги»: они, молъ, настоящіе грѣшники. Надо, при этомъ, замѣтить, что Макушиновъ былъ странно скупъ. «Кафтанъ у него былъ весь въ заплаткахъ», по свидѣтельству автора. Опасно больной, онъ хочетъ «освободиться отъ расходовъ на лекарства» и поэтому ссорится съ докторомъ. Наконецъ, заботясь о спасеніи души, онъ устраиваетъ у себя на дому еженедѣльное богослуженіе, но при этомъ торгуется со священникомъ изъ-за двухъ рублей, вмѣсто семи даетъ пять. Тѣмъ не менѣе, о спасеніи души онъ очень заботится. Софизмы насчетъ вящшей грѣховности «пріемлющихъ взаимъ» не въ силахъ заглушить грызущаго его червя, онъ чувствуетъ, что онъ грѣшникъ: идутъ молебны, вклады въ монастыри («на неусы-

ное чтеніе псалтыри за его душу»), наконецъ, тайное постриженіе въ монахи. Но ростовщическая дѣятельность, при этомъ, не прерывается. И не одинъ, не два года живетъ человѣкъ, нося въ себѣ этотъ дикій кавардакъ чувствъ и понятій, и свидѣтельствуя своимъ существованіемъ о той, почти невѣроятной степени, до которой можетъ дойти огнеупорность человѣческой природы, ея живучесть и выносливость. Носить въ себѣ этакой котелъ и не разорваться! Живи Макушиновъ въ наше время, его огнеупорности нѣчего было бы удивляться, да и не бросалась бы она такъ въ глаза. Безцѣльность алчности затерялась бы въ водоворотѣ промышленной или финансовой дѣятельности, громоздилъ бы онъ предпріятіе на предпріятіе и въ этомъ, да еще въ удовлетвореніи аппетитовъ находилъ бы нѣкоторое подобіе исхода своимъ силамъ. Въ старые годы не то; аппетитовъ никакихъ, кромѣ аппетита къ денежнымъ знакамъ: сидитъ человѣкъ сиднемъ и переливаетъ изъ пустого въ порожнее; грабитъ для спасенія души и, какъ самъ внутренно сознаетъ, всю жизнь сокращаетъ плюсъ на минусъ.

И вотъ надъ этимъ оригинальнымъ явленіемъ, надъ этимъ мѣшкомъ съ деньгами начинаютъ виться своего рода коршуны, въ видѣ разнообразныхъ элементовъ тогдашней русской жизни. На пути отъ пустого къ порожнему задержано въ мѣшкѣ достаточно добра, плодъ созрѣлъ, надо его сорвать. Начинаетъ Макушиновъ получать безъименныя письма, сначала съ просьбой положить въ извѣстномъ мѣстѣ 20,000 рублей и тѣмъ спасти отъ бѣдствія многочисленное семейство неизвѣстнаго корреспондента. Макушиновъ не обращаетъ на письма вниманія и просьбы не исполняетъ. Тогда тонъ писемъ поднимается, являются угрозы «лишить жизни жестокосердаго богача въ его же домѣ». Макушиновъ трусить и не даромъ: вскорѣ какой-то злодѣй убиваетъ его жену и грабитъ больше, чѣмъ на 20,000. Макушиновъ послѣ этого сталъ очень недовѣрчивъ, рѣдко выходилъ изъ дому, наконецъ, заболѣлъ. О. Верховскій не оставлялъ своего духовнаго сына и потому видѣлъ все, что̀ около него происходило, а происходило вотъ что̀: является однажды квартальный надзиратель, неизвѣстно зачѣмъ. «Больной, никогда не ладившій съ полиціей и, надѣясь на насъ (О. Верховскаго и доктора), изъ-за дверей своей комнаты отвѣчалъ: «ты не надзиратель, а негодяй. Грабить, что-ли, пришелъ меня? вонъ пошелъ». Надзиратель, ни слова не говоря, сряду же съ своими служителями вышелъ вонъ и въ передней, увидѣвъ дворника, ударилъ его по щекѣ, сказавъ: «ты, скотина, мошенникъ! зачѣмъ ты меня звалъ?!» И съ сими словами вышелъ вонъ изъ квартиры». Дворникъ, однако, клялся и божился, что и не думалъ звать квартальнаго. Такъ дѣло и не выяснилось. Единственно, что̀ извлекъ изъ этого случая о. Верховскій, это необходимость побудить Макушинова поскорѣе написать духовное завѣщаніе. И побудилъ. Подробности составленія духовнаго за-

вѣщанія въ высокой степени поучительны, главнымъ образомъ потому, что окружающіе Макушинова, вся обстановка послѣднихъ дней его жизни какъ бы окрасилась его цвѣтами, проникласъ тою двойственностью, которою всю жизнь болѣлъ старикъ. Это видно уже изъ слѣдующихъ, напримѣръ, оглавленій тѣхъ маленькихъ параграфовъ, на которые раздробилъ свои мемуары о. Верховскій: «Макушиновъ проситъ совершить надъ нимъ елеосвященіе», «Мое напоминаніе Дмитревнѣ о томъ, чтобы никого не допускать до конторки Макушинова», «Елеосвященіе надъ Макушиновымъ. О. діаконъ производитъ такой безпорядокъ во время елеосвященія, что является полиція для разслѣдованія», «Духовенство нашей церкви договаривается съ Макушиновымъ насчетъ вознагражденія за труды, какіе оно будетъ имѣть при погребеніи и поминовеніи его», и т. д. Хлопотъ у о. Верховскаго было видимо-невидимо. Является, напримѣръ, купецъ Бунинъ и, не говоря дурнаго слова, увозитъ, въ отсутствіе о. Верховскаго, всѣ наличные капиталы Макушинова. О. Верховскій пускается за нимъ въ погоню и, наконецъ, убѣждаетъ его отдать деньги, не сразу, однако, потому что ему приходятъ въ голову даже такія мысли: «Я одинъ-одинехонекъ, а Бунинъ — мужчина ростомъ великанъ, дюжій собой, лицомъ красный. *Ну*, думаю, *дастъ въ голову и не опомниться другого гостинца*». Покончили съ Бунинымъ, приходитъ приставъ. Онъ желаетъ прочитать завѣщаніе, а, прочитавъ, говоритъ: «все на монастыри, да на церкви, а на полицію ничего... странно!» Затѣмъ, приставъ принимаетъ участіе въ счетѣ капитала Макушинова и за это желаетъ получить вознагражденіе. О. Верховскій берется передать эту просьбу больному, около смертнаго одра котораго происходитъ вся эта возня. Послѣ длиннаго вступленія, о. Верховскій говоритъ больному:

«Въ заключеніе всего этого, слѣдовало бы угостить г. пристава чайкомъ. Да кто же у васъ это устроитъ? Вы и сами знаете, что некому, а потому прошу васъ, пусть онъ за ваше здоровье въ квартирѣ своей съ супругой и дѣтьми откушаетъ чайку и вы по этому поводу поблагодарите г. пристава, по усмотрѣнію, сколько вамъ заблагоразсудится».

Онъ со вниманіемъ выслушалъ это и потомъ сказалъ мнѣ: «спасибо, отецъ мой, что ты учишь меня».

«Такъ дайте ему. Сколько прикажете?»

Онъ отвѣчалъ: «два цѣлковыхъ».

«Почтенный Дмитрій Григорьевичъ, говорю ему, неловко мнѣ давать ему серебромъ, а ему брать. Послушайте меня, возлюбленный мой, ихъ пришло посѣтить васъ трое, подари ихъ, не поскупись; господину приставу дай сотенку, а тѣмъ по 50 рубликовъ».

Что же онъ на это отвѣчалъ мнѣ? Взглянувъ на меня не совсѣмъ привѣтно, онъ сказалъ рѣзко: «вертушка—ты» и самъ отворотился къ стѣнѣ. Обратясь къ г. приставу и указывая на больного, я сказалъ ему: «Петръ Васильевичъ, потрудитесь сами предложить ему». Частный, услышавъ о двухъ рубляхъ, махнулъ рукой, сказавъ: «ну его»!

Приставъ, однако, впослѣдствіи, свое взялъ, именно взялъ

По смерти Макушинова, о. Верховскій желалъ отправить деньги для храненія «въ церковное казнохранилище», а Павловъ (приставъ) настаивалъ на управѣ благочинія. Между прочимъ, у нихъ былъ, по этому случаю, такой разговоръ:

«Остались мы вдвоемъ, и онъ сказалъ мнѣ: «О. Тимоѳей, серіи-то бѣгаютъ: вѣдь у тебя семейство, да и у меня семейство». Понявъ его, я на отрѣзъ сказалъ ему: «этого сдѣлать невозможно, никакъ не можетъ быть». Онъ, перемѣнивъ разговоръ, спросилъ меня: «сколько остается капитала, сверхъ назначенія по духовному завѣщанію»? Я отвѣчалъ: «это мнѣ неизвѣстно».—«А когда такъ, о. Тимоѳей, я хочу быть съ вами откровененъ, между нами Богъ. Чтобы сдѣлать такъ, какъ вы просили, я готовъ и сдѣлаю, только не менѣе 2-хъ тысячъ рублей мнѣ благодарности».—«Петръ Васильевичъ, деньги не мои и мнѣ ихъ не жалко, только не много ли будетъ»? Соображая какъ поступить въ этомъ случаѣ, я рѣшился на это, помня первое притязаніе Павлова на такую же благодарность еще при жизни Макушинова, но торговался, сказавъ ему: «готовъ благодарить васъ 200-ми рублей, но не болѣе». Услышавъ это, онъ оскорбился... Тутъ же отсчиталъ 2000 рублей своей рукой и, положивъ въ карманъ, вышелъ изъ комнаты. На его мѣсто явился надзиратель со словами, будто бы я хотѣлъ благодарить и его, но я отвѣчалъ, что объ этомъ я не думалъ, но что готовъ благодарить за его хлопоты и, завернувъ въ бумагу 25 рублей, вложилъ ему въ руку».

О. Верховскій приложилъ къ разсказу о Макушиновѣ самое духовное завѣщаніе, отчетъ въ расходахъ на похороны и проч. Мы не нашли, однако, ни подъ какой рубрикой этихъ 2,025 рублей «благодарности» приставу и надзирателю. Не разсказываетъ также о. Верховскій условій, при которыхъ ему завѣщано было Макушиновымъ 10,000 рублей. Эта цифра просто стоитъ въ завѣщаніи, безъ всякихъ комментаріевъ. Самъ авторъ оказывается и здѣсь только кроткимъ и учительнымъ пастыремъ. О другихъ духовныхъ лицахъ онъ разсказываетъ иное, напримѣръ, о діаконѣ, произведшемъ скандалъ во время елеосвященія; о причтѣ единовѣрческой церкви, торговавшемся съ умирающимъ насчетъ особаго вознагражденія за панихиды и проч., кромѣ 10,000, пожертвованныхъ въ церковь на «вѣчное поминовеніе».

«Отцы, Бога ради не безпокойтесь, я у васъ въ долгу не останусь». Такъ стоналъ умирающій въ отвѣтъ на эти требованія... Такъ жилъ и умиралъ Макушиновъ. Позавидовать нѣчему. А для г. Достоевскаго, все-таки, богатѣйшая тэма.

Борьба расъ въ Америкѣ. *Гепворта Диксона. Съ рисунками.* Спб. 1876 г.

Переводъ извѣстнаго сочиненія Диксона «White conquest» является хотя нѣсколько поздно, сравнительно съ выходомъ книги и отчетами о ней въ русскихъ журналахъ, тѣмъ не менѣе, прочтется съ большимъ интересомъ. Запоздалыми являются только тѣ политическіе вопросы и распри, которые волновали Америку во время путешествія автора и воспоминанія о которыхъ еще довольно свѣжи были и въ началѣ прошлаго года, а теперь сданы въ архивъ. Къ такимъ относятся: опасенія цеза-

рiстскихъ тенденцій Гранта, карикатуры на него по этому поводу и общественное возбужденіе по поводу столкновенія въ Луизіанѣ и посольства туда генерала Шеридана, совершенно готоваго усмирять Луизіану тѣми же способами, какими онъ усмирялъ индѣйцевъ. Луизіанское дѣло изложено авторомъ съ большою подробностью, которая кажется почти чрезмѣрною теперь, когда и американское общество озабочено иными дѣлами, не говоря уже о Европѣ. Тогда еще волновалъ республику вопросъ о третьей кандидатурѣ Гранта, а теперь эти страхи и споры едва ли кому кажутся и серьёзными. Всплывшія, въ 1876 году, личности кандидатовъ на президентство со стороны двухъ главныхъ американскихъ политическихъ партій, Тильдена и Гэйза, въ книгѣ не занимаютъ еще никакого мѣста. Только о Тильденѣ, нынѣшнемъ кандидатѣ демократовъ, вскользь упомянуто, что онъ выразился неодобрительно о дѣйствіяхъ Гранта и воинственныхъ поползновеніяхъ Шеридана: «За подобныя дѣянія наши предки-англичане взвели на эшафотъ Карла I и свергли Якова II съ престола!» Это—слова защитника автономіи и независимости штатовъ, которыя демократическая партія начертала на своемъ знамени и которыя могутъ имѣть успѣхъ, какъ реакція противъ нѣкоторыхъ, быть можетъ, и самонадѣянныхъ поступковъ республиканской партіи, получившей господство послѣ войны.

Но, помимо этой политической злобы дня, книга Диксона представляетъ для русскихъ читателей и по своему главному предмету большой интересъ. Этотъ интересъ (усиливаемый еще прекрасными рисунками, приложенными къ русскому переводу) состоитъ въ характеристикѣ общественнаго и политическаго положенія и въ бытовыхъ очеркахъ четырехъ расъ, борьбу которыхъ взялся набросать авторъ. Тутъ мы находимъ превосходные очерки наводненія Америки желтой расой, ея соціальныя понятія и вѣрованія, картину опасностей для будущаго Америки отъ вселенія въ нее милліоновъ китайскихъ гражданъ, которыхъ политическая азбука состоитъ въ слѣпомъ повиновеніи, а экономическія требованія и умѣнье довольствоваться малымъ даютъ возможность вытѣснить бѣлыхъ рабочихъ съ рынка труда. Далѣе, встрѣчается картина политическаго дѣтства негритянской расы и ея сомнительная будущность, особенно выпукло изображенныя авторомъ въ связи съ тогдашними луизіанскими событіями. Нѣсколько прекрасныхъ картинокъ плачевнаго положенія краснокожихъ индѣйцевъ немногое прибавляютъ къ тому, что уже было извѣстно объ этихъ несчастныхъ, неуживающихся съ европейской цивилизацiей или, быть можетъ, съ ея представителями. Наконецъ, индивидуумы бѣлой расы различныхъ сортовъ занимаютъ, какъ и слѣдуетъ, въ очеркахъ Диксона преобладающее мѣсто, начиная отъ мексиканскихъ испанцевъ, съ ихъ дворянскими претензіями, сквозь которыя видиѣтся нищенство, отъ различныхъ помѣсей этихъ жалкихъ остатковъ когда-то гор-

даго народа съ неменѣе жалкими индѣйцами, до мормоновъ, значительно поблекшихъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, и до настоящаго героя всего сочиненія—англо-саксонской расы. Авторъ доказываетъ, что въ ея руки переходитъ окончательная побѣда, и излагаетъ нѣкоторыя, особо выдающіяся черты современныхъ американскихъ порядковъ, далеко не всесторонне, впрочемъ. Къ такимъ очеркамъ принадлежатъ, напримѣръ, «Рай работника», «Америка въ школѣ» и т. п. Если наблюденія Диксона и страдаютъ значительною неполнотою собственно по отношенію къ жизни бѣлыхъ американцевъ, то вѣдь и книга его— не научное произведеніе, а занимательныя замѣтки умнаго туриста. Борьба расъ, составляющая основный мотивъ книги, нарисована очень рельефно, хотя съ воззрѣніями автора далеко не вездѣ можно согласиться, особенно когда онъ пытается дать научное объясненіе подмѣчаемыхъ явленій, какъ это и было замѣчено въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году при отчетѣ о книгѣ Диксона въ подлинникѣ. Уже одинъ китайскій вопросъ заключаетъ въ себѣ весьма много такихъ вѣроятностей, которыя трудно теперь и предсказать. Тутъ встрѣчаются такіе разнородные факторы, которые въ состояніи опрокинуть всякія выкладки, основанныя на современныхъ политическихъ процессахъ. Громадная численность, удивительная дисциплина, крайняя нетребовательность экономическая — все это дѣлаетъ желтую расу такимъ страшнымъ бойцомъ на аренѣ будущей окончательной формировки американскаго строя, что для подчиненія его или, по крайней мѣрѣ, нейтрализаціи враждебныхъ элементовъ, современной англо-саксонской цивилизаціи придется немало побороться, и побѣда ея скорѣе сомнительна, если она не пріобрѣтетъ новой внутренней силы, нравственнаго обновленія, на которое у автора находимъ только отдаленные и, быть можетъ, даже безсознательные намёки.

Намъ остается прибавить, что русскій переводъ книги, хотя и не вездѣ одинаковый, сдѣланъ вообще старательно, что далеко нелегко, при художественно-капризномъ и чрезвычайно образномъ слогѣ Диксона. Мѣстами сдѣланы даже примѣчанія. Напрасно только переводчикъ не замѣнилъ понятными русскими названіями политическія клички американскихъ авантюристовъ, хозяйничавшихъ въ Луизіанѣ, какъ-то: карпетбагеры, скалаваги и т. п.

...сса
гри-
спо-
...стные.
... ссудѣ или
...дь тогда не бу-

ЗАМѢЧАНІЯ

на проэктъ ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ съ предложеніемъ новаго проэкта кассы[1].

Наконецъ, явился и давно ожидаемый проэктъ устава ссудной кассы для литераторовъ.

Я внимательно прочиталъ его и долженъ сказать откровенно, нахожу его нетолько не приспособленнымъ къ быту и потребностямъ литературнаго персонала, а и... какъ бы выразиться поучтивѣе... нѣсколько щекотливымъ для моральнаго достоинства литературнаго персонала.

Судите сами: по проэкту самаго устава, литературная касса дѣло чисто грошовое, каковымъ дѣйствительно она и будетъ и должна быть на самомъ дѣлѣ: полный пай члена кассы составляетъ всего двѣсти рублей; каждый членъ кассы болѣе одного пая имѣть не можетъ; полный пай составляется постепенными взносами не менѣе одного рубля въ мѣсяцъ, такъ что по всей вѣроятности, большая часть членовъ полный пай будутъ имѣть не ранѣе, какъ черезъ шестнадцать слишкомъ лѣтъ. А такъ какъ при этомъ, по проэкту же устава, никто не можетъ получать въ ссуду суммы, превышающей болѣе, чѣмъ въ пять разъ, дѣйствительно уже внесенную имъ паевую долю, то въ теченіи многихъ лѣтъ большею частію членовъ кассы будутъ; заимствоваться суммы са-

[1] Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція «Отеч. Зап.» считаемъ нужнымъ объявить разъ навсегда, что она снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за статьи, касающіяся литературныхъ учрежденій, какъ-то: фонда, кассы, предоставляя своимъ сотрудникамъ полную свободу высказывать свои взгляды и мнѣнія какъ относительно устройства, такъ и дѣйствій означенныхъ учрежденій, хотя бы сама и не раздѣляла ихъ. Такое отношеніе къ статьямъ подобнаго рода обусловливается пользою самого дѣла. Ибо если всѣ редакторы— одни потому, что состояли членами, напримѣръ, комитета литературнаго фонда, другіе потому, что состоятъ—будутъ женироваться допускать на страницы своихъ изданій откровенные отзывы о дѣйствіяхъ комитета, какъ было до сихъ поръ, и такую же практику примутъ въ отношеніи будущей кассы, то изъ ...ественныхъ учрежденій это будутъ единственныя въ Россіи, о которыхъ ...орить ничего непохвальнаго; и подобное привилегированное положе... въ послѣдствіи не отразиться тѣми или другими неблагопріят...ми на практикѣ самыхъ учрежденій

мыя незначительныя. Между тѣмъ, проэктъ въ неусыпной своей ревности о томъ, чтобы изъ кассы никогда ни за кѣмъ не пропало ни единаго пятака, ко всѣмъ безъ исключенія должникамъ кассы, даже не безнадежнымъ, а не внесшимъ только въ срокъ занятыхъ денегъ, прилагаетъ во всей строгости законы о долговыхъ взысканіяхъ. Положимъ, на второй годъ существованія кассы, членъ кассы X, внесшій только годовую паевую долю въ 12 р., позаимствовалъ изъ кассы максимумъ, дозволяемый § 34, суммы 60 р., на самый большой срокъ, разрѣшаемый проэктомъ устава, т. е. на девять мѣсяцевъ § 39. Черезъ девять мѣсяцевъ у него не оказалось ни гроша для уплаты этого займа. По проэкту устава надобно немедленно приступить къ описи имущества должника. Но такъ какъ у должника имущества можетъ не оказаться никакого, кромѣ носильнаго платья, или окажется всего на 5 рублей, то остальныя или всѣ 60 р., или 55 рублей проэктъ предписываетъ взыскать съ двухъ его поручителей А и Б—обративъ взысканіе сначала на ихъ взносы. Но у нихъ взносовъ у каждаго тоже только по 12 р., всего 24 р., слѣдовательно, надобно довзыскать еще 36 или 31 р. Что̀ тутъ дѣлать?—Дѣлайте то, отвѣчаетъ на это невозмутимо проэктъ, что̀ вамъ предписываетъ законъ, т. е. описывайте имущество А и Б. Прекрасно. Но вѣдь очень можетъ случиться, что и у А и Б вмѣстѣ можетъ оказаться имущества всего на 20 р. Слѣдовательно, надобно будетъ взыскать еще съ кого нибудь 16 или 11 рублей. Съ кого же? На это проэктъ не даетъ отвѣта, точно такъ же, какъ не даетъ отвѣта на то, съ кого взыскивать долгъ въ случаѣ одновременной смерти должника и одного или двухъ его поручителей. А между тѣмъ, чтобы оставаться себѣ послѣдовательнымъ на той почвѣ строгаго закона, на которую всталъ проэктъ, ему слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, добавить, что въ случаѣ, если за продажею всего имущества должника и его поручителей, долгъ кассы все-таки не покроется, касса имѣетъ право, если захочетъ, посадить ихъ въ долговое отдѣленіе, дабы и другимъ впредь такъ обманно поступать было неповадно,—а въ случаѣ смерти должника и поручителей обратить взысканіе на ихъ наслѣдниковъ.

Читатель можетъ подумать, что я умышленно представляю дѣло въ каррикатурномъ видѣ. Совсѣмъ нѣтъ. То, что̀ говорю, можетъ и будетъ случаться очень нерѣдко и въ этомъ согласится со мной всякій, кто знаетъ бытъ литературнаго міра. Многіе изъ литераторовъ не имѣютъ никакого имущества и, если угодно, могутъ быть смѣло отнесены къ разряду пролетаріевъ. Однакоже, это вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не такіе люди, которымъ касса могла бы или отказать въ займѣ, или которыхъ могла бы не принять въ поручители за другихъ. Потому что это люди очень способные и даже талантливые, и при этомъ безусловно честные. Если такимъ людямъ касса будетъ отказывать въ ссудѣ или не будетъ принимать ихъ поручительства, то вѣдь тогда не бу-

деть смысла даже и въ существованіи спеціально литературной кассы. Для кого же она и существовать будетъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію также и то, что эти способные, талантливые и безусловно честные люди очень могутъ быть и по всей вѣроятности очень часто будутъ самыми не исправными плательщиками и поручителями передъ кассою, потому что люди эти самые безалаберные, какъ въ своихъ занятіяхъ и вообще жизни, такъ преимущественно въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Денегъ бываетъ у нихъ въ рукахъ иногда очень много, хотя это случается и очень рѣдко, и тогда они бросаютъ ихъ на всѣ стороны безъ всякаго разсчета. Придите къ нимъ въ это время, они вамъ нетолько отдадутъ всѣ свои долги, но и заплатятъ за другихъ, если вы это имъ предложите. Но разъ вы этого не знаете, и будете пріурочивать взысканіе съ нихъ долговъ къ вашимъ законнымъ срокамъ, то вамъ придется все время проводить только въ описи и продажѣ ихъ quasi имущества.

Уже изъ этого одного ясно, что проэктъ устава нисколько не приспособленъ къ потребностямъ и условіямъ литературнаго быта. При составленіи его имѣлся въ виду міръ торгово-промышленный, а никакъ не литературный. Въ торгово-промышленномъ имѣетъ значеніе и кратко-срочный кредитъ, и немедленное принятіе относительно должника, въ случаѣ не уплаты имъ долга въ срокъ, такихъ мѣръ, какъ опись и продажа имущества. Потому что въ торгово-промышленномъ мірѣ основаніемъ кредита служитъ имущество. Кредитуется ли здѣсь промышленникъ или торговецъ, кредитуются ли они для расширенія или поддержки своихъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, они кредитуются въ твердомъ разсчетѣ, что въ теченіи извѣстнаго времени, на которое имъ открывается кредитъ и при помощи этого именно кредита, обороты ихъ на столько поднимутся, что они въ состояніи будутъ уплатить занятую сумму. Разъ этого не случилось, разсчетъ промышленника или торговца оказался невѣренъ, ясный знакъ, что дѣла ихъ начинаютъ идти не совсѣмъ удовлетворительно, и заимодавецъ долженъ поспѣшать выручить данныя имъ въ заемъ деньги, иначе съ полнымъ разстройствомъ дѣлъ должниковъ онъ не получитъ съ нихъ ничего. Основаніемъ кредита въ литературномъ мірѣ служитъ не имущество, а внутренняя личная сила каждаго кредитующагося; потому, не платежъ имъ денегъ въ срокъ здѣсь не можетъ служить показателемъ его несостоятельности. Онъ беретъ въ заемъ деньги вовсе не для какихъ нибудь прибыльныхъ оборотовъ, а чтобы перебиться какъ нибудь во время крайней нужды, которая постигла его отъ недостатка или неудачи работы, отъ болѣзни, отъ какихъ нибудь тяжкихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Онъ, конечно, беретъ въ заемъ деньги также въ надеждѣ, что въ извѣстный срокъ онъ будетъ въ состояніи ихъ отработать. Но еслибы этого и не случилось, то для кредитора нѣтъ никакаго основанія опасаться потери своихъ денегъ и приступать немедленно къ описи

имущества. Та внутренняя сила, на основаніи которой онъ только и дѣлалъ кредитъ, въ должникѣ отъ его неаккуратности въ платежѣ, совершенно, впрочемъ, невольной съ его стороны, нисколько не уменьшилась. То, что онъ не уплатилъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ, онъ уплатитъ въ теченіи года, двухъ, трехъ годовъ. И если онъ исправно платитъ кредитору проценты, то не все ли ровно послѣднему—уплатитъ онъ свой долгъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, или трехъ лѣтъ? Мало того: можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что кредиторъ, описывающій имущество литератора за неплатежъ въ срокъ долга, достигаетъ результатовъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, какіе достигаются описью имущества въ промышленномъ или торговомъ мірѣ при кратко-срочномъ кредитѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, кредиторъ обезпечиваетъ себѣ вѣрную уплату долга и притомъ быструю; въ первомъ случаѣ, онъ стремится вѣрную уплату долга превратить въ невѣрную или, по крайней мѣрѣ, отдалить ее на долгое время. Ибо описывая у бѣднаго литератора последнее имущество, продажа котораго далеко не восполнитъ всей суммы долга, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ его послѣднихъ средствъ пропитанія и возможности сколько-нибудь спокойно работать.

Такое же точно незнакомство съ литературнымъ міромъ обнаруживается и въ тѣхъ §§ проэкта устава, которыми предписывается выдавать ссуду не иначе, какъ подъ залоги, или *подъ векселя* съ поручительствомъ и подъ *соло-векселя.* Очевидно, во-первыхъ, что составителямъ проэкта вовсе неизвѣстно, что въ средѣ литераторовъ очень не мало состоитъ лицъ, недостигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія и, слѣдовательно, неимѣющихъ права обязываться векселями, а между тѣмъ эти начинающіе литераторы чаще всѣхъ другихъ могутъ нуждаться въ помощи ссудной кассы. Далѣе: какое значеніе можетъ имѣть вексель въ мірѣ литературномъ? Въ мірѣ торгово-промышленномъ вексель, какъ безспорное долговое обязательство, по которому притомъ взысканіе производится неотложно, доставляетъ дѣйствительную гарантію кредитору. Для обязавшагося векселемъ должника, вексель—тотъ же, своего рода, Дамокловъ мечъ. Ибо должникъ знаетъ, что разъ вексель будетъ предъявленъ и онъ не уплатитъ по нему, подлежащая власть немедленно опечатаетъ его торговое или промышленное заведеніе, или другое имущество, и, слѣдовательно, разомъ прекратитъ его дѣятельность до уплаты векселя. Само собою разумѣется, что это заставляетъ должника напрягать всѣ силы для того, чтобы уплатить по векселю въ срокъ. Такимъ образомъ, въ торгово-промышленномъ мірѣ вексель гарантируетъ кредитора въ томъ, что должникъ его не можетъ отрицаться отъ долга, не можетъ откладывать уплаты по нему, не можетъ наконецъ скрыть своего имущества. Преимущество векселя здѣсь передъ всякимъ другимъ долговымъ обязательствомъ, очевидно. Но какой смыслъ можетъ имѣть вексель въ литературномъ мірѣ? Въ

чемъ здѣсь можетъ заключаться его преимущество, не говорю — передъ какимъ-нибудь другимъ долговымъ обязательствомъ, но даже передъ простою роспискою? Отрицаться здѣсь отъ долга никто не будетъ точно также по векселю, какъ и по простой роспискѣ, и даже вовсе безъ росписки; это отрицаніе даже и невозможно, ибо, по предположенію проэкта устава, ссуды безъ залога дѣлаются не иначе, какъ подъ поручительство, слѣдовательно при свидѣтеляхъ. Опасаться, что литераторы станутъ скрывать свое имущество для того, чтобы не заплатить кассѣ долгъ, также нельзя, если не по чему другому, то потому, по крайней мѣрѣ, что у бо̀льшей части скрывать вовсе нечего, а другіе, которые имѣли бы что скрыть, не могутъ пожелать этого, въ виду ничтожности своего долга кассѣ... Вѣдь maximum этого долга по проэкту устава всего 1000 рублей даже въ то время, когда взносы въ кассѣ будутъ уже полные. Что̀ значитъ этотъ долгъ для человѣка состоятельнаго, обезпеченнаго сверхъ того однимъ или двумя состоятельными поручителями? Оттягивать уплату долга, т. е. не платить его въ срокъ литераторы, конечно, могутъ и будутъ, но это будетъ происходить вовсе не изъ желанія не уплатить долга, а отъ неимѣнія чѣмъ уплатить. Но если и несмотря на это, касса все таки захочетъ, согласно § проэкта, описывать ихъ имущество, то они никакого пререканія этому дѣлать не будутъ и по одной простой роспискѣ. Вексель, значитъ, и на такой случай окажется совсѣмъ не нужнымъ.

Еслибы составители проэкта устава были хорошо знакомы съ литературнымъ міромъ, то они понимали бы, что здѣсь нельзя опасаться ни отрицанія должниковъ отъ долга, ни намѣреннаго съ ихъ стороны дѣйствія къ зажиленію долга, ни вообще какихъ-то ни было мошенническихъ штукъ, такъ часто практикуемыхъ должниками въ торгово-промышленномъ мірѣ, и что при устройствѣ литературной ссудосберегательной кассы, вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы состоятельнаго должника, старающагося увильнуть отъ уплаты долга, какъ можно скорѣе накрыть и заставить платить во что̀ бы то ни стало, а въ томъ, чтобы людямъ несостоятельнымъ, не отказывающимся платить долгъ, но имѣющимъ деньги изрѣдка, доставить возможность платить долгъ тогда, когда они имѣютъ деньги. Въ этомъ и состоитъ вся трудность, весь секретъ устройства литературной ссудной кассы. Обыкновенныя энергическія мѣры взысканія, разсчитанныя на то, чтобы захватить должника при первыхъ признакахъ его крушенія, не дать ему спрятать своего имущества, немедленно опечатать послѣднее и т. п. здѣсь не только не цѣлесообразны и безполезны, но даже, въ видахъ сохраненія одного внѣшняго декорума литературы, нисколько нежелательны. Представьте себѣ, какое удивительное и непонятное открылось бы для міра зрѣлище, еслибы члены правленія литературной ссудной кассы, слѣдуя проэкту устава кассы относительно взысканія долговъ, все время проводили въ описи и

продажѣ скудныхъ пожитковъ литераторовъ и были завалены дѣлами по преслѣдованію неплательщиковъ, сношеніями съ полиціею, мировыми судьями, судебными приставами и т. п. А все это непремѣнно будетъ, если кредитъ будетъ краткосрочный и при каждой неуплатѣ долга въ срокъ будутъ прилагаться обыкновенныя мѣры взысканія. И все это будетъ производиться изъ за суммъ самыхъ ничтожныхъ. Судите же, на сколько будетъ выгодно для литературы то нравственное впечатлѣніе, которое будетъ производить на всѣхъ это полицейско-судебное усердіе о сохраненіи грошовой литературной кассы. Вѣдь всякій, смотря на то, къ какимъ жесткимъ мѣрамъ то и дѣло прибѣгаетъ касса для полученія самыхъ ничтожныхъ суммъ съ литераторовъ и, несмотря на все это, выручаетъ свои деньги только съ величайшимъ усиліемъ, а чаще всего вовсе не выручаетъ, въ правѣ будетъ думать: «Ну, гуси же эти литераторы! Это такой народъ, съ которымъ никакихъ дѣлъ нельзя вести, а разъ связался, безъ полиціи и суда не обойдешься, да и съ полиціей и судомъ, какъ видно, не много съ нихъ добудешь».

Такъ разработана въ проэктѣ устава одна сторона кассы: *ссудная*. Надъ второй стороною: *сберегательною* въ проэктѣ не сдѣлано даже ни малѣйшей попытки, чтобы приспособить ее сколько-нибудь къ литературному быту. Составители проэкта устава почему-то предположили, что въ литературно-ссудную кассу будутъ вноситься обыкновенные денежные вклады, какъ они вносятся и во всѣ банки, а потому общія банковскія правила относительно вкладовъ они внесли и въ литературную кассу. Именно отдѣлъ IV, подъ заглавіемъ: *денежные вклады* устанавливаетъ условія и сроки принятія вкладовъ, способъ опредѣленія и уплаты процентовъ по вкладамъ, порядокъ передачи вклада однимъ лицомъ другому.

Надобно полагать, что составители проэкта прежде, чѣмъ внести эти общія правила о денежныхъ вкладахъ въ проэктъ устава литературной кассы, немало думали о томъ: чтò бы поручить литературной ссудосберегательной кассѣ для сбереженія; въ кассѣ специальной и сбереженія должны быть спеціальныя, приспособленныя къ такимъ потребностямъ быта, которыя не могутъ быть удовлетворены въ подобныхъ общихъ учрежденіяхъ, и только не нашедши никакихъ такихъ потребностей въ литературномъ быту, которыя бы требовали особыхъ приспособленій въ сберегательномъ отдѣлѣ кассы, рѣшились сдѣлать литературную кассу вообще хранительницею денежныхъ вкладовъ.

Есть ли въ этомъ какая нибудь нужда для литературнаго персонала? Отвѣчаемъ: рѣшительно никакой нѣтъ. Всякій литераторъ, если у него есть лишнія деньги, отнесетъ ихъ въ любой банкъ, а никакъ не въ литературную кассу. Потому что банки и процентъ могутъ давать всегда выгоднѣйшій, такъ какъ они производятъ милліонные обороты, и сбереженіе денегъ въ нихъ обставлено лучшими гарантіями, чѣмъ въ литературной кассѣ (такъ это выходитъ по проэкту), и, наконецъ, самыя сно-

шенія съ банками гораздо удобнѣе: банки открыты каждый день, а литературная касса будетъ открыта всего разъ въ недѣлю. Не предполагая какихъ нибудь спеціальныхъ сбереженій съ особымъ назначеніемъ, мы не видимъ смысла въ существованіи особыхъ сберегательныхъ кассъ для какого бы ни было образованнаго общества или товарищества въ столицѣ. Разъ подобныя кассы ограничиваютъ свои обороты только тѣснымъ кружкомъ своихъ членовъ, они не могутъ иначе сами добывать проценты на дѣлаемые въ нихъ вклады, какъ превращая эти вклады въ акціонерныя бумаги или внося ихъ на текущій счетъ въ банки, и изъ получаемыхъ такимъ образомъ процентовъ уплачивать проценты вкладчикамъ. Но вѣдь тоже самое могутъ дѣлать и сами вкладчики, и съ большею для себя выгодою. Для чего жъ тутъ посредство спеціальной кассы? Правда, есть въ Петербургѣ одно учрежденіе подобнаго рода весьма благодѣтельное—именно ссудо-сберегательная касса, учрежденная покойнымъ императоромъ для простого народа. Касса эта также выручаетъ проценты на вклады не своими оборотами, а взносомъ вкладовъ въ государственный банкъ. Но польза и важность ея посредничества, какъ предназначеннаго преимущественно для простого народа, обусловливается слѣдующимъ особеннымъ положеніемъ послѣдняго: 1) простой народъ, проживая въ Петербургѣ въ услуженіи или на вольной работѣ внѣ своихъ семействъ, въ общихъ помѣщеніяхъ съ людьми совершенно чужими, не имѣетъ здѣсь безопаснаго мѣста для храненія своихъ сбереженій. Ссудо-сберегательная касса дѣлаетъ ему великую услугу, принимая отъ него сбереженія, начиная, кажется, съ четвертака, тогда какъ въ банкахъ не принимаются вклады менѣе, чѣмъ въ 50 или 100 рублей; 2) еслибы и были частныя учрежденія, которыя принимали бы мелкія сбереженія и давали за нихъ процентъ гораздо высшій, чѣмъ государственная ссудо-сберегательная касса, они все-таки для народа не могли бы замѣнить послѣдней. По безграмотству народа ему необходимо имѣть такое мѣсто для своихъ сбереженій, куда бы онъ могъ нести свои деньги съ увѣренностію, что его здѣсь не обсчитаютъ, что деньги его останутся всегда въ сохранности и т. п. Для народа учрежденіе подобной кассы понятно. Но литераторы, несмотря на свою бѣдность, не находятся въ такомъ положеніи, какъ простой народъ. Во 1-хъ небольшія деньги у нихъ хранить есть гдѣ; 2) четвертаковъ, полтинниковъ и т. п. они на сбереженіе не понесутъ, а если будутъ нуждаться въ мѣстѣ для сбереженія, то только тогда, когда эти сбереженія по своему количеству будутъ годиться для всѣхъ банковъ; наконецъ 3) всѣ литераторы—народъ нетолько граматный, но и вращающійся au courant всякаго современнаго прогресса, слѣдовательно, очень хорошо знаютъ: какой банкъ менѣе благонадеженъ, какой больше, куда имъ лучше отдать свои сбереженія на храненіе.

Однимъ словомъ, не предполагая спеціальныхъ сбереженій съ особымъ назначеніемъ, сберегательный отдѣлъ литературной кас-

сы для литераторовъ вовсе не нуженъ, и онъ будетъ служить только бременемъ для дѣлопроизводства и отчетности кассы.

Но что сберегательный отдѣлъ при литературной кассѣ былъ бы не лишній для сбереженій съ специальнымъ назначеніемъ, и что потребность такихъ сбереженій возможна и есть, объ этомъ мы поговоримъ ниже.

Кульминаціонный пунктъ того промаха, который носитъ на себѣ весь проэктъ устава, и который дѣлаетъ его совершенно чуждымъ и противнымъ духу и стремленіямъ литературы, выражается въ VIII отдѣлѣ устава, носящемъ названіе: распредѣленіе прибылей и убытковъ кассы.

Отдѣлъ этотъ гласитъ слѣдующее:

«51) Чистою прибылью кассы признается сумма, остающаяся за вычетомъ изъ валоваго дохода:

а) процентовъ по вкладамъ и займамъ.

б) расходовъ по управленію и

в) убытковъ.

«52) За отчисленіемъ чистой прибыли не менѣе десяти процентовъ въ запасный капиталъ, и суммъ на вознагражденіе членовъ правленія, и служащихъ по назначенію общаго собранія, независимо отъ постояннаго вознагражденія, остальная сумма распредѣляется между членами кассы, соразмѣрно паю или паевой долѣ каждаго къ началу отчетнаго года, и выдается не позже трехъ мѣсяцевъ по утвержденіи отчета».

Признаюсь, когда я читалъ эти параграфы, у меня краска бросилась въ лицо. Какъ! литературный персоналъ заявляетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, что главная и послѣдняя цѣль основанія литературной ссудосберегательной кассы—полученіе прибылей, нажива. Съ кого нажива? Съ людей, конечно, самобѣднѣйшихъ въ литературномъ мірѣ, которые болѣе всѣхъ нуждаются въ кассѣ и болѣе всѣхъ будутъ ею пользоваться. Какая нажива?—Проценты, самое большое—съ двухъ сотъ рублей: предположимъ, процентъ самый высокій, невозможный при расходахъ кассы, 10% съ рубля, и тогда годовая прибыль для каждаго члена получится всего въ 20 рублей. Какъ хотите, выставлять подобную цѣль для кассы совсѣмъ срамъ, въ особенности для кассы, именующейся литературною! Ужь если вы не находите ничего щекотливаго и зазорнаго въ томъ, чтобы цѣлію учрежденія, предназначеннаго спеціально для литературнаго персонала, ставить наживу, то зачѣмъ мелочничать? Давайте, учредимъ при ссудной литературной кассѣ банкъ или, по крайней мѣрѣ, банковую контору для всѣхъ. Литературный банкъ, навѣрное, будетъ вести свои дѣла чище нетолько бывшаго московскаго ссудно-комерческаго банка или конторъ Вайнакова и Лури, но и чище, чѣмъ самые лучшіе изъ процвѣтающихъ теперь банковъ, и привлечетъ къ себѣ милліоны капиталовъ. Тогда мы будемъ получать въ годъ не 10% процентовъ на сто, а можетъ быть 1000% и болѣе на 100, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ душѣ будемъ чувство-

вать себя легче. Потому что будемъ знать, что получаемъ прибыли съ людей состоятельныхъ, которые сами живутъ прибылями, и прибыли которыхъ мы только нѣсколько умѣряемъ, а не то, что, какъ теперь, вырываемъ послѣднiй кусокъ хлѣба изъ рта голыша. Мнѣ скажутъ, что литературный банкъ былъ бы срамъ для литературы. Совершенно согласенъ. Но вѣдь и спецiальная литературная касса съ люкративными цѣлями, въ основанiи своемъ зиждется на одинаковыхъ началахъ съ банками и, слѣдовательно, также срамъ. Но тамъ есть, по крайней мѣрѣ, изъ за чего срамъ принимать. А потомъ, если явилась мысль учредить кассу съ цѣлiю наживы, и она нашла одобренiе въ комитетѣ литературнаго фонда, то надобно доказать еще, что банкъ былъ бы срамомъ для литературы. Ибо какъ скоро есть согласiе на подобную кассу, то очень сомнительно, чтобы и банкъ оказался несоотвѣтствующимъ мыслямъ, чувствованiямъ и желанiямъ современнаго литературнаго персонала. Это еще надобно испытать—и тогда говорить. Очень можетъ быть, что современная литература разыгрываетъ относительно плутократiи только роль неприступной и цѣломудренной дѣвицы, а втайнѣ давно находится въ прелюбодѣйной связи съ нею. Мiръ же, невѣдая тайныхъ дѣлъ литературы, считаетъ оскверненiемъ для нея всякое соприкосновенiе съ плутократiей. Дѣйствительно ли оно, однако-жь, такъ на дѣлѣ? Не всѣ ли мы питаемъ самую нѣжную склонность ко всѣмъ биржевымъ бумагамъ, стоящимъ твердо и дающимъ хорошiй процентъ? Не всѣ ли мы вносимъ наши деньги, когда онѣ есть въ излишкѣ, въ банки? Не состоятъ ли нѣкоторые литераторы директорами банковъ, акцiонерныхъ обществъ? Я говорю имъ, впрочемъ, это никакъ не въ осужденiе, ибо очень хорошо знаю, что большая часть изъ тѣхъ, которые не состоятъ въ такихъ должностяхъ, не отказались бы принять ихъ на себя, еслибы было имъ это предложено. Наконецъ, не засвидѣтельствовалъ ли самъ комитетъ литературнаго фонда своего уваженiя даже къ дѣятельности банковыхъ конторъ, избравъ, назадъ тому два года, одного изъ ихъ содержателей, г. Баймакова, въ свой составъ? А если такъ, то не честнѣе ли будетъ прямо объявить, что̀ такое мы, что̀ мы мыслимъ, чувствуемъ, и чего желаемъ, чтобы не считать срамомъ то, что̀ въ дѣйствительности никакого сраму для насъ не составляетъ, и не сгарать напрасно на каждомъ шагу отъ ложнаго стыда. Мнѣ могутъ возразить на это, что «многiе изъ литературнаго персонала не согласятся на такое откровенное признанiе плутократическихъ принциповъ». И прекрасно. Тогда литературный персоналъ раздѣлится на двѣ части; сiи будутъ *овцы*, оные *козлища*, и для всякаго будетъ ясно: къ которой сторонѣ онъ тянетъ; обмана не будетъ; или если такого раздѣленiя не произойдетъ, то согласятся на существовавшiй до сихъ поръ компромиссъ: принципы и публичная дѣятельность сама по себѣ, частная жизнь сама по себѣ; но выгода будетъ та, что

этотъ компромиссъ принятъ будетъ сознательно и всѣ будутъ держаться его, гдѣ надлежитъ, строго и твердо.

Въ настоящее время существуютъ совершенныя потёмки на счетъ отношенія литературы къ міру плутократическому. Никто въ литературномъ мірѣ не знаетъ: какъ тутъ быть и чего держаться. Публично въ нашихъ сочиненіяхъ мы прямо и рѣзко протестуемъ противъ современнаго плутократическаго хозяйства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе охватывающаго всѣ наши дѣла. Въ нашей частной жизни, мы, такъ или иначе—участники этого хозяйства, и по нашей доброй волѣ, живемъ его радостями и скорбимъ его печалями. Только существованіемъ этой двойственности въ насъ и можно объяснить появленіе такого проекта устава, который насквозь проникнутъ плутократическими принципами и пріемами и который однако-жъ прошелъ черезъ руки комитета литературнаго фонда, слѣдовательно, признанъ имъ для литературы незазорнымъ.

Впрочемъ, что я говорю о комитетѣ литературнаго фонда, какъ о какомъ-то авторитетѣ въ этомъ дѣлѣ! Давно ли комитетъ литературнаго фонда избиралъ Баймакова (*извините, что повторяю: фактъ-то ужъ очень рельефенъ; пріятно упомянуть его нетолько два, но и три, и четыре раза*) въ число своихъ членовъ? И много ли въ этомъ комитетѣ литераторовъ? Вотъ и въ разсматриваемомъ мною проектѣ, въ § 32, я читаю слѣдующее: «для начала дѣйствій кассы общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ открываетъ оной на 10 лѣтъ кредитъ въ 5000 рублей съ тѣмъ, чтобы касса пользовалась этимъ кредитомъ по мѣрѣ надобности, съ уплатою на занятыя суммы по 6% годовыхъ». Какъ вамъ это нравится! Общество для пособія нуждающимся литераторамъ даетъ учреждающейся для тѣхъ же литераторовъ ссудной кассѣ взаймы денегъ, не иначе, какъ изъ 6% годовыхъ! Кассѣ, которая, навѣрное, наполовину уменьшитъ его дѣла и также навѣрное, по меньшей мѣрѣ, на половину уменьшитъ его доселѣ бывшіе расходы! И этой-то кассѣ, общество для пособія нуждающимся литераторамъ дѣлаетъ ссуду только изъ 6%! Еслибы оно дало ей свои 5,000 руб. безъ всякихъ процентовъ, и тогда оно сдѣлало бы не особенно много. Его обязанность была дать эти деньги на основаніе кассы даромъ. Вы видите ясно изъ этого, что хотя Баймаковъ и не избранъ общимъ собраніемъ въ члены комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ, но духъ его продолжаетъ жить здѣсь.

Но и это еще не все. Въ § 60 проэкта устава я читаю, что изъ шести членовъ совѣта, избираемыхъ для наблюденія надъ правленіемъ будущей ссудо-сберегательной литературной кассы, три назначаются комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ до тѣхъ поръ, пока касса пользуется указаннымъ въ § 32 кредитомъ въ обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ. И такъ комитетъ общества для пособія нуж-

дающимся литераторамъ, нетолько хочетъ хорошій процентъ получить на свою ссуду, но и свой фамильный духъ внести въ новое учрежденіе. Я говорю: фамильный духъ потому, что комитетъ самъ назначаетъ новыхъ членовъ, имѣющихъ войти въ составъ его, а въ кассѣ, по проэкту устава, члены правленія и совѣта назначаются и утверждаются общимъ собраніемъ. Другой цѣли присутствія трехъ членовъ комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ въ совѣтѣ ссудо-сберегательной кассы я не вижу. Вѣдь нельзя же думать, что комитетъ не довѣряетъ будущему управленію кассы и думаетъ, что безъ его личнаго присутствія тамъ его деньги могутъ пропасть!

Но это послѣднее, о стремленіи комитета литературнаго фонда всюду вносить свой фамильный духъ, я упомянулъ только такъ къ слову, между прочимъ. Общая же раціоцинація моя ведетъ къ такому выводу, что надобно намъ литераторамъ разъяснить для себя и сознать то хаотическое состояніе, въ какомъ мы находимся вслѣдствіе противорѣчія нашихъ принциповъ съ жизнію и рѣшиться на что-нибудь одно изъ двухъ:

Или проповѣдывать, въ нашихъ сочиненіяхъ и вообще въ нашей публичной дѣятельности одни принципы, а въ жизни слѣдовать общему теченію, хотя бы оно было и въ противорѣчіи съ ними, но тогда уже строго держаться этого, и не допускать измѣны принципамъ ни въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя мы основываемъ, ни въ тѣхъ уставахъ, которые для нихъ пишемъ. Тогда мы также въ жизни нашей будемъ стоять въ противорѣчіи съ нашими принципами, но въ противорѣчіи не хаотическомъ, а ясно сознанномъ, недопускаемомъ нами за предѣлы нашей частной жизни. Такой практикѣ до сихъ поръ инстинктивно и слѣдовалъ литературный персоналъ по старой традиціи. Никакой нравственной высоты тутъ, конечно, не было, но о людяхъ строго держащихся такой практики можно было, по крайней мѣрѣ, смѣло повторить слова Божественнаго Учителя: то, что̀ говорятъ вамъ эти люди, слушайте—ибо это вѣрно и хорошо, но дѣламъ ихъ не слѣдуйте.

Или привести наши принципы и нашу публичную дѣятельность въ полную гармонію съ нашею частною жизнію. И тогда намъ нѣтъ ни резона, ни разсчета начинать новую эру нашей дѣятельности какою-то ничтожною плутократическою кассою—мы оснуемъ прямо банкъ или, по крайней мѣрѣ, банковую контору.

Теперь обратимся къ тѣмъ формальностямъ, которыми обставлена, по проэкту устава, выдача ссудъ изъ ссудо-сберегательной кассы, и посмотримъ: насколько порядокъ выдачи ссудъ облегченъ здѣсь въ сравненіи съ тѣмъ, какой существуетъ до сихъ поръ въ обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ.

Само собою разумѣется, что подъ послѣднимъ я здѣсь разумѣю не общество собственно, а комитетъ, управляющій дѣлами общества и держащійся извѣстнаго порядка въ раздачѣ пособій и ссуды. Мнѣ уже неоднократно приходилось говорить о неудовле-

творительности порядковъ, установленныхъ въ этомъ отношеніи практикою комитета; теперь остается только повторить тоже самое.

Отчего происходитъ эта неудовлетворительность, вкратцѣ объяснить это очень трудно; однакожь, на сколько возможно, я постараюсь это сдѣлать.

Никто не будетъ отрицать той несомнѣнной истины, что помощь своевременная, въ дѣйствительныхъ размѣрахъ нужды и кому слѣдуетъ могла бы быть оказываема комитетомъ только тогда, когда бы онъ былъ близко знакомъ и находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ литературнымъ персоналомъ. Къ сожалѣнію, отчасти въ силу того, что уставъ литературнаго фонда составлялся при условіяхъ литературы, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя существуютъ теперь, и многого предусмотрѣть не могъ, отчасти въ силу случайныхъ обстоятельствъ, комитетъ этого фонда какъ былъ, такъ и остается почти внѣ всякой связи съ литературнымъ персоналомъ. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что литературный комитетъ во всемъ своемъ составѣ близко знаетъ изъ всего литературнаго персонала не болѣе двадцати лицъ, т. е. знаетъ такъ, что можетъ имъ довѣрять, и всѣ эти лица непремѣнно почему-нибудь выдающіяся въ литературномъ персоналѣ и менѣе всѣхъ нуждающіяся въ помощи комитета. Остальной литературный міръ для комитета terra incognita. До сихъ поръ, комитетъ не имѣетъ даже простаго списка лицъ, участвующихъ въ литературѣ, и самыхъ примитивныхъ свѣдѣній о литераторахъ, какъ-то: кто сколько лѣтъ участвуетъ въ литературѣ и какая его спеціальность, хотя собрать всѣ эти свѣдѣнія комитету ничего не стóитъ. Поэтому, когда поступаетъ въ комитетъ отъ какого-нибудь литератора просьба о пособіи, комитетъ не имѣетъ въ рукахъ никакихъ данныхъ: какъ ему отнестись къ просьбѣ. Часто онъ не слыхивалъ даже имени просителя. И вотъ онъ, какъ это заведено и въ другихъ богоугодныхъ учрежденіяхъ, немедленно отряжаетъ своего члена отправиться къ просителю, освидѣтельствовать его обстановку, поговорить съ нимъ и, по полученному членомъ-изслѣдователемъ впечатлѣнію, или удовлетворяетъ просителя или отказываетъ ему. Когда поступаетъ просьба о ссудѣ, комитетъ требуетъ, чтобы проситель представилъ ему двухъ или трехъ поручителей изъ лицъ, извѣстныхъ комитету по своей благонадежности. Но такъ какъ комитету, какъ я уже сказалъ выше, извѣстно не болѣе двадцати такихъ лицъ, а эти двадцать въ свою очередь близко не знаютъ, можетъ быть, трети или четверти всего литературнаго персонала, то и выходитъ, что помощію комитета литературнаго фонда могутъ пользоваться далеко не всѣ нуждающіеся, и, по всей вѣроятности, лишены этой помощи именно тѣ, которые болѣе всѣхъ имѣютъ въ ней нужду. Слѣдствіемъ этого бываютъ слѣдующія исторіи: вдругъ является къ вамъ человѣкъ, котораго вы отроду не видывали, объявляетъ себя литераторомъ, говоритъ, что

ему ѣсть нечего и просить, чтобы вы поручились за него передъ комитетомъ. Я васъ спрашиваю: неужели это порядокъ? Неужели комитетъ, имѣющій спеціальное назначеніе помогать литераторамъ, долженъ стоять къ нимъ въ такомъ отношеніи?

Ближайшую причину того: отчего это происходитъ? я указалъ въ статьѣ моей, напечатанной въ прошедшемъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ», подъ названіемъ: *Выборы въ литературный фондъ*. Въ этой статьѣ я доказывалъ, что комитетъ литературнаго фонда, при предоставленномъ ему выборѣ новыхъ членовъ въ свою среду водится соображеніями совершенно посторонними для пользы дѣла, что онъ, вмѣсто того, чтобы избирать въ свою среду людей рабочихъ въ литературѣ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе близкихъ къ ней, избираетъ людей или имѣющихъ къ ней поверхностное отношеніе, или неимѣющихъ вовсе никакого отношенія. Противъ моей статьи возражалъ г. Полетика въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и г. Арсеньевъ въ «Новомъ Времени». Я имъ ничего не отвѣчалъ, потому что г. Арсеньевъ былъ самъ одинъ изъ тѣхъ избранныхъ, по поводу которыхъ я возражалъ, и ему, во всякомъ случаѣ, приличнѣе было бы подождать, пока другіе скажутъ за него слово, чѣмъ самому доказывать, что онъ на своемъ мѣстѣ; что̀ касается до г. Полетики, то, поступивъ прямо изъ заводчиковъ въ издатели, онъ не можетъ представить себѣ иначе литературы, какъ подъ образомъ нѣсколькихъ большихъ и маленькихъ заводовъ, гдѣ хозяева заводовъ издатели, директоры—редакторы, а остальной литературный персоналъ—заводскіе рабочіе, потому препираться съ нимъ на счетъ невѣрности такого его умоположенія относительно литературы все равно, что говорить съ слѣпымъ о цвѣтахъ. Впрочемъ, я сохранилъ №№ тѣхъ газетъ, гдѣ помѣщены были помянутыя статьи гг. Арсеньева и Полетики и въ новой статьѣ моей по поводу нынѣшнихъ выборовъ въ члены комитета литературнаго фонда познакомлю публику съ тѣми курьёзными доводами, которыми мои противники доказываютъ совершенство нынѣшнихъ порядковъ въ комитетѣ литературнаго фонда и пользу избранія въ него лицъ, неимѣющихъ никакой связи съ литературнымъ персоналомъ. Я сдѣлаю это, конечно, не для убѣжденія моихъ противниковъ, ибо это былъ бы напрасный трудъ, а въ видахъ вящшаго разъясненія правды, хотя правда, мною проповѣдуемая, въ данномъ случаѣ и безъ того ясна для всякаго: кто же не пойметъ, что первое условіе успѣшнаго дѣйствія комитета—sine qua non — это тѣсная связь членовъ его со всѣмъ литературнымъ персоналомъ и полная доступность для послѣдняго во всякое время. А, имѣя это въ виду, комитетъ долженъ разъ навсегда поставить себѣ правиломъ не выбирать въ свой составъ людей, не имѣющихъ къ литературѣ вовсе никакого или почти никакого прикосновенія, и съ литературнымъ персоналомъ почти незнакомыхъ, а во 2-хъ, изъ ли-

тераторовъ выбирать не одних, по крайней мѣрѣ, издателей и редакторовъ, а рабочія силы въ литературѣ, для того, чтобы комитету литературнаго фонда въ совокупномъ его составѣ были болѣе или менѣе извѣстны нетолько верхи литературы, но и ея средніе и нижніе слои, до сихъ поръ никому невѣдомые.

Неправильная постановка комитета литературнаго фонда по отношенію къ литературному персоналу, естественно, влечетъ за собой весьма много затрудненій и непріятностей для всѣхъ неимущихъ, малоизвѣстныхъ литераторовъ, какъ скоро они бываютъ поставлены въ необходимость просить пособія или ссуды у комитета. Прежде, чѣмъ явиться къ предсѣдателю комитета съ просьбою, напримѣръ, о ссудѣ, литераторъ долженъ предварительно обрыскать нѣсколькихъ изъ предположенныхъ нами двадцати извѣстныхъ фонду литераторовъ, чтобъ найти между ними двухъ или трехъ за себя поручителей въ уплатѣ испрашиваемой у фонда ссуды. Но вотъ одно горе съ плечь свалено: поручители найдены. Предстоитъ второй подвигъ. Надобно идти къ предсѣдателю фонда. А это дѣйствительно—подвигъ. У иного литератора и сапоги не совсѣмъ исправны, и рубашка не очень чистая, сюртукъ заслуженный такъ, что лоснится отъ разныхъ долговременныхъ наслоеній различныхъ веществъ. Какъ тутъ быть! А идти надо. Голодъ—не свой братъ. И вотъ, собравшись съ духомъ, литераторъ отправляется къ предсѣдателю. Предсѣдатель принимаетъ его любезно, выслушиваетъ его просьбу, имена поручителей и говоритъ, что просьба его непремѣнно будетъ удовлетворена, но «только,—прибавляетъ онъ,—засѣданіе комитета было вчера; слѣдующее будетъ черезъ двѣ недѣли въ понедѣльникъ. Такъ не потрудитесь ли вы придти ко мнѣ тогда? тогда принесете маленькую докладную записочку и при ней приложите поручительство». Литераторъ высиживаетъ двѣ недѣли на сухояденіи въ надеждѣ будущихъ благъ и въ понедѣльникъ снова пыхъ къ предсѣдателю. Предсѣдатель принимаетъ его также любезно, какъ и въ первый разъ, но, внимательно разсмотрѣвъ принесенныя имъ бумаги, говоритъ: «тутъ есть маленькая неисправность: видите ли — у васъ поручители просто написали, что ручаются за васъ въ такой-то суммѣ, а по постановленію комитета требуется, чтобы каждый изъ нихъ написалъ точно: въ какой онъ именно суммѣ ручается. Это надобно поправить».— «Я это сдѣлаю и доставлю вамъ требуемую записку завтра или послѣ-завтра, отвѣчаетъ литераторъ. А ссуду я желалъ бы получить сегодня же—я очень ужь нуждаюсь».—«Ахъ, нѣтъ, извините, говоритъ на это предсѣдатель:— безъ дополнительной записки поручителей мы ничего не можемъ сдѣлать; впрочемъ, вы напрасно безпокоитесь—теперь всего два часа; до начала засѣданія вы успѣете еще получить записку отъ вашихъ поручителей». Литераторъ отправляется снова рыскать по городу. Не застаетъ дома одного поручителя, дру-

*

того также; является къ нимъ черезъ часъ, черезъ два часа, опять та же исторія. Между тѣмъ засѣданіе опять проходитъ безъ разрѣшенія ссуды, надо опять ждать двѣ недѣли до слѣдующаго засѣданія.

Проволочка въ выдачѣ ссудъ пособій, затрудняемая пустыми формальностями, явленіе очень обыкновенное въ литературномъ фондѣ. Еще недавно одинъ литераторъ, просившій ссуды изъ фонда для поѣздки заграницу, прожилъ двѣ или три недѣли лишнихъ въ Петербургѣ единственно вслѣдствіе формальностей.

Таковы порядки въ комитетѣ литературнаго фонда. Теперь посмотримъ: лучше ли они будутъ въ ссудо-сберегательной кассѣ по проэкту устава?

На первый взглядъ представляется, что какъ будто кой въ чемъ они будутъ получше. Выборъ, напримѣръ, новыхъ членовъ какъ правленія, такъ и членовъ кассы вмѣсто выбывающихъ, проэктомъ устава предоставляется не остающимся членамъ правленія и совѣта съ выбывающими вмѣстѣ, какъ это ведется въ комитетѣ литературнаго фонда, а общему собранію членовъ кассы. А такъ какъ членами кассы могутъ быть только литераторы, то и общее собраніе будетъ состоять здѣсь не изъ лицъ всѣхъ званій и состояній, какъ въ литературномъ фондѣ, а исключительно изъ литераторовъ, и, слѣдовательно, имъ самимъ предоставляется избирать и въ члены совѣта, и въ члены правленія изъ своего же только брата литераторовъ кого угодно по сердцу. Это такъ хорошо, что, повидимому, лучшаго ничего и желать нельзя; и дѣйствительно было бы совсѣмъ хорошо, еслибъ дѣло шло о литераторахъ не русскихъ, а, напримѣръ, французскихъ, нѣмецкихъ и т. д., однимъ словомъ, о литераторахъ всякой другой страны, гдѣ исторія тысячелѣтней борьбы сословій нробила во всѣхъ слояхъ общества сознаніе своихъ правъ и упорное отстаиваніе ихъ неприкосновенности. Въ нашемъ обществѣ нигдѣ этого нѣтъ. Мы всѣ мягки, какъ воскъ, и подъ рукою перваго проходимца, у котораго есть нахальство завладѣть нами, мы складываемся во всевозможныя формы. Посмотрите на наши городскія, земскія самоуправленія, на наши акціонерныя общества. Кажется, по всѣмъ существующимъ законамъ и уставамъ, тамъ всѣ равны и равноправны. И однакожъ вы то и дѣло видите, что нѣсколько человѣкъ захватываютъ всю власть въ свои руки и ворочаютъ всѣми дѣлами, какъ имъ вздумается, а остальная масса общества, которая могла бы уничтожить, раздавить этихъ людей своею законною силою, слѣпо имъ повинуется и страдаетъ, несетъ даже убытки,— и это очень часто даже въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ бы, кажется, личный интересъ долженъ былъ бы заставлять каждаго акціонера стоять горой за свое добро. Нѣтъ, акціонеръ несетъ потери, и остается однакожъ до того небреженъ къ защитѣ своихъ интересовъ и правъ, что часто по недостатку требуемаго закономъ числа голосовъ, не составляется общихъ собраній! Пом-

нится въ 1863 году въ газетахъ писали, что маркизъ Вельепольскій, извѣстный польскій администраторъ, имѣлъ въ своей жизни семьдесятъ процессовъ, и бельшую часть ихъ велъ не изъ интереса, а просто изъ принципа, чтобы отстоять свое право. У насъ подобный примѣръ немыслимъ. Что никто у насъ не будетъ вести процессъ за отстаиваніе отвлеченнаго права, это само собою понятно, но даже изъ интереса многіе начнутъ процессъ только тогда, когда имъ будетъ угрожать опасность болѣе или менѣе существеннаго раззоренія. Съ евангельской точки зрѣнія, черта эта, конечно, очень хорошая, но съ практической точки зрѣнія и въ современномъ мірѣ она увеличиваетъ до безпредѣльности число ташкенцевъ и червонныхъ валетовъ въ нашемъ обществѣ. На основаніи этихъ общихъ соображеній относительно будущихъ общихъ собраній литературной кассы можно почти безошибочно предположить вотъ что: бо̀льшая часть членовъ ея никогда не явятся въ общее собраніе—одни по лѣности, другіе по застѣнчивости, третьи по неимѣнію приличнаго платья и обуви, четвертые по непривычкѣ заниматься какими бы то ни было общественными дѣлами и т. п., и кончится все это тѣмъ, что дѣлами литературной кассы завладѣютъ тѣ самые люди, которыхъ, какъ выразился когда-то въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» г. Полетика, какъ бы сама природа назначила засѣдать въ разныхъ обществахъ и которые аккуратно являются на всѣхъ собраніяхъ, въ надеждѣ, не представится ли имъ случай добиться предназначеннаго имъ отъ природы засѣданія. Еслибы записывать имена всѣхъ являющихся на общія собранія, напримѣръ, литературнаго фонда,—хотя собраніе это очень сильно осложняется элементами, чуждыми литературѣ, то можно бы было съ большею вѣроятностію предсказать составъ будущихъ членовъ правленія и совѣта кассы, за исключеніемъ, разумѣется, людей случайныхъ въ этомъ составѣ, избираемыхъ сюда, потому что они очень выдаются въ литературѣ и могутъ служить приличнымъ декорумомъ для другихъ членовъ. Можетъ быть, читатель не вполнѣ ясно понялъ, что̀ я хочу сказать, потому я выражусь проще: управлять литературною кассою будетъ тотъ, кто будетъ этого добиваться—это, по моему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію. И потому изъ того, что члены кассы будутъ избираться общимъ собраніемъ литераторовъ, никакого существеннаго различія между нынѣшнимъ комитетомъ литературнаго фонда и управленіемъ кассы не выйдетъ. Въ послѣдней будетъ тоже, что̀ и въ первомъ. Управленіе кассы точно также выдѣлится изъ литературнаго персонала и станетъ внѣ его, какъ это случилось и съ комитетомъ литературнаго фонда; управленіе кассы будетъ также чуждо литературному персоналу и будетъ также мало знать его, какъ и комитетъ литературнаго фонда.

Обращаясь къ порядку выдачи ссудъ, какой будетъ существовать по проэкту устава въ ссудосберегательной кассѣ, я и тутъ не

вижу большой разницы между будущею кассою и нынѣшнимъ литературнымъ комитетомъ. Точно также и члены кассы будутъ бѣгать къ извѣстнымъ правленію и пользующимся довѣріемъ у него своимъ сочленамъ и просить у нихъ поручительства за себя передъ правленіемъ, при этомъ не мало прибавится хлопотъ и издержекъ, которыя потребуются отъ употребленія узаконяемой проэктомъ устава вексельной бумаги;—точно также, далѣе, такъ какъ правленіе открыто будетъ не каждый день, а только разъ въ недѣлю, придется иногда прождать не одну недѣлю, пока получишь ссуду.

Чтòжъ, однакожъ, спросятъ меня, дѣлать? Какъ устроить ссудо-сберегательную кассу, чтобы избѣжать всѣхъ исчисленныхъ выше недостатковъ?

Сейчасъ я объ этомъ поведу рѣчь. Но такъ какъ я здѣсь намѣренъ окончательно распроститься съ проэктомъ устава, то предварительно упомяну еще объ одномъ постановленіи проэкта, постановленіи, котораго я не могу назвать иначе, какъ комическимъ. Проэктъ устава предполагаетъ нетолько назначить содержаніе членамъ правленія, но и каждогодно давать имъ награды, также давать вознагражденія и, конечно, жалованье и служащимъ въ кассѣ (числа ихъ не опредѣляетъ), наконецъ, сверхъ всего этого, раздавать прибыли всѣмъ членамъ кассы. Изъ какихъ все это предполагается дѣлать суммъ, въ проэктѣ устава ничего объ этомъ не говорится. Между тѣмъ, не трудно разсчитать, что никакихъ такихъ суммъ въ кассѣ никогда быть не можетъ.

Предположимъ, что число членовъ кассы наберется до 100 человѣкъ. Когда всѣ они сдѣлаютъ свой полный взносъ, т. е. лѣтъ, какъ я сказалъ выше, черезъ 16 слишкомъ, капиталъ кассы во всей своей полности будетъ состоять не болѣе, какъ изъ 20,000 рублей. Предположите, что касса будетъ брать не менѣе 12% въ годъ—годовой доходъ ея будетъ 2,400 р. въ годъ. Вычтите изъ этого расходы ежегодные, которые потребуются на наемъ квартиры, отопленіе, освѣщеніе, канцелярскія принадлежности, наемъ писцовъ, прислуги, и—временные на мебель—у васъ въ остаткѣ ничего не останется.

Предположимъ, наконецъ, самое невозможное, чтò предполагаетъ проэктъ, а именно: что 100 членовъ кассы взяли каждый самую полную ссуду, какую они могутъ взять по проэкту, т. е. впятеро больше своего взноса, т. е. по 1,000 р. Касса призаняла для этого, на основаніи проэкта, на сторонѣ 80,000 р., заплатила на нихъ въ годъ 6%, выгоды получила 6% т. е. 4,800 р. Слѣдовательно, у ней получилось доходу въ годъ 2,400+4,800=7,200 р. Вычтите изъ этого ежегодный помянутый выше расходъ, вычтите неизбѣжныя ежегодныя потери, о которыхъ я не говорилъ еще, и minimum которыхъ надобно опредѣлить среднимъ числомъ непремѣнно въ четыре пая съ лежащимъ на нихъ долгомъ, т. е. всего 4000 р., предполагая на 100 членовъ двухъ

умершихъ — два пая, и долговъ, безнадежныхъ ко взысканію, тоже два пая, и въ остаткѣ у васъ опять ничего не останется.

Приступаю теперь къ моему проэкту ссудо-сберегательной кассы.

Существенная мысль моего проэкта—дать такую постановку кассѣ, чтобы она не выдѣлялась изъ литературнаго персонала въ видѣ бюрократическаго учрежденія, а вполнѣ сливалась съ нимъ, была съ нимъ нераздѣльна и, вслѣдствіе этого, была, во-первыхъ, каждому литератору близка и вполнѣ доступна, а, во-вторыхъ, имѣла бы, своею главною цѣлію не личную наживу отдѣльныхъ личностей, а общее благосостояніе всего литературнаго персонала, и служила бы матеріальною основою и завязью взаимнаго единенія литераторовъ, развивая въ нихъ чувство взаимнаго довѣрія другъ къ другу, взаимной заботливости другъ о другѣ.

При такомъ взглядѣ на характеръ и цѣль кассы я, само собою разумѣется, никакъ не могу согласиться на употребленіе какихъ бы то ни было энергическихъ мѣръ, въ родѣ описи, продажи имущества и т. п., относительно неисправныхъ плательщиковъ. Я не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь изъ литераторовъ намѣренно сталъ когда-нибудь уклоняться отъ уплаты ссуды, съ цѣлію зажилить взятыя изъ кассы деньги. Если же бы когда-нибудь подобный случай, сверхъ всякаго чаянія, и вышелъ и былъ несомнѣнно доказанъ, и виновникъ его, по общему обсужденію, признанъ былъ безнадежнымъ къ исправленію, то по отношенію къ такому члену я считаю единственною дозволительною мѣрою исключить его изъ членовъ кассы, съ опубликованіемъ этого въ газетахъ. Всѣ другія неисправности въ уплатѣ ссудъ, если тутъ нѣтъ никакого дурного умысла, могутъ быть, по моему мнѣнію, предупреждаемы простою заботливостію кассы о своевременномъ полученіи уплаты долга отъ каждаго члена въ то время, когда онъ можетъ уплатить, а въ случаѣ исключительномъ, когда по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, взявшій ссуду оказывается несостоятельнымъ для уплаты, должны быть терпимы до наступленія для него лучшаго времени.

Я изложу здѣсь мой проэктъ только въ общихъ положеніяхъ. Ссудо-сберегательная касса раздѣляется на два отдѣла: 1) ссудный, 2) сберегательный.

Ссудный отдѣлъ.

1) Ссудный отдѣлъ слагается изъ столькихъ отдѣльныхъ кассъ, считая въ каждой кассѣ по 25 человѣкъ, сколько окажется желающихъ поступить въ члены кассы.

2) Каждая редакція газеты или журнала, если въ ней найдется 25 членовъ для кассы, составляетъ особую кассу; если въ ней окажется болѣе 25 членовъ, то остальные присоединяются къ другой редакціи, какую изберутъ сами, но всѣ вмѣстѣ, не разбиваясь. Точно также, если въ редакціи недостаетъ членовъ до 25, то она соединяется въ одну кассу съ другою редакціею.

Издатели и редакторы присоединяются къ той же кассѣ, гдѣ большинство ихъ сотрудниковъ, и дѣлаются членами кассы, но сверхъ комплекта, такъ что каждая касса, въ полномъ своемъ составѣ, будетъ состоять изъ 25 членовъ + 1 или + 2 и болѣе.

3) Каждая касса выбираетъ каждый годъ изъ своей комплектной среды (25) трехъ членовъ, для управленія своими дѣлами, съ наименованіемъ ихъ кассирами.

4) Каждому кассиру вручается 120 или 150 р. или болѣе, смотря по состоянію имѣющихся въ кассѣ суммъ и по рѣшенію членовъ кассы съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ давалъ маленькія ссуды не свыше 20 р., въ одни руки, на одинъ, два, самое бóльшее на три мѣсяца. На такія маленькія ссуды каждый кассиръ тратитъ не болѣе половины находящейся въ рукахъ его суммы, подъ личною своею отвѣтственностью.

5) Если ссуда требуется во 100 рублей и не болѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ, то три кассира собираются вмѣстѣ и сообща рѣшаютъ: могутъ ли они выдать просимую ссуду подъ личную отвѣтственность; если будутъ всѣ трое согласны на выдачу, то выдаютъ; въ противномъ случаѣ дѣло поступаетъ на рѣшеніе всѣхъ членовъ кассы.

6) Точно также на рѣшеніе всѣхъ членовъ кассы поступаютъ всѣ просьбы о ссудахъ свыше 100 рублей и болѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ.

7) Никому не можетъ быть дѣлаема ссуда $^{2}/_{10}$ всей кассы болѣе, чѣмъ на два года; $^{3}/_{10}$ кассы болѣе, чѣмъ на годъ.

8) Если всѣ члены кассы единогласно или большинствомъ трехъ четвертей голосовъ разрѣшаютъ ссуду, то она выдается немедленно.

9) Если же такого большинства не образовалось, а меньшинство составляетъ не менѣе 10 членовъ, и заявляетъ, что оно немедленно, по минованіи срока уплаты, внесетъ деньги, если ссуда не будетъ уплачена, то остальные члены, по удаленіи меньшинства изъ собранія, рѣшаютъ: принять ли это предложеніе меньшинства или нѣтъ. Въ случаѣ единогласнаго принятія ссуда выдается.

10) Но еслибы такого принятія не послѣдовало, а меньшинство представило ручательство редактора-издателя или издателя, то ссуда выдается. Впрочемъ, въ случаѣ ручательства редактора-издателя или издателя, ссуда выдается какъ бы мало ни было меньшинство, хотя бы состояло, напримѣръ, только изъ одного человѣка, или еслибы даже только одинъ редакторъ-издатель или издатель самъ просилъ о выдачѣ ссуды.

Примѣчаніе. Такое ручательство принимается только отъ редакторовъ-издателей или издателей ежедневныхъ большихъ газетъ и ежемѣсячныхъ журналовъ, имѣющихъ не менѣе пяти тысячъ подписчиковъ. Отъ редакторовъ-издателей и издателей

газетъ еженедѣльныхъ и, такъ называемой, ежедневной мелкой прессы, и газетъ и журналовъ большой прессы, но имѣющихъ менѣе пяти тысячъ подписчиковъ, ручательство не принимается.

Образованіе кассъ.

11) Каждая касса составляется:

а) *изъ сбора съ каждаго печатнаго листа каждой газеты и каждаго журнала по 1 р. сер. въ мѣсяцъ*, кто бы ни были авторы статей, помѣщаемыхъ въ газетѣ или журналѣ, такъ что каждый журналъ или газета, полагая, что они дадутъ не менѣе 300 листовъ въ годъ, должны платить въ кассу въ началѣ года 300 рублей; съ остальнаго числа листовъ свыше этого плата вносится въ кассу въ концѣ года. Сообразно этому, пропорціонально числу даваемыхъ ежегодно листовъ, вносятъ въ кассу въ означенные сроки надлежащую сумму и газеты еженедѣльныя и мелкой прессы;

б) изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ кассы по 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ, или 15 рублей въ годъ, что составитъ съ 25 членовъ въ годъ 375 рублей;

в) изъ процентовъ на ссуды по 12% въ годъ.

12) Взносы какъ съ газетъ и журналовъ, такъ и отъ членовъ и проценты съ ссудъ поступаютъ въ кассы постоянно, пока будутъ существовать кассы, до какихъ бы огромныхъ размѣровъ ни возросли ихъ суммы.

13) Въ случаѣ выхода члена изъ кассы или смерти его, ему или его семейству возвращаются всѣ сдѣланные имъ взносы съ 5% за каждый годъ, исключая долга его кассѣ, если таковой будетъ.

14) Впрочемъ дѣлать ли вычетъ оставшагося кассѣ долга съ покойнаго изъ сдѣланныхъ имъ взносовъ, это каждый разъ зависитъ отъ рѣшенія единогласнаго или трехъ четвертей всѣхъ членовъ кассы. Въ случаѣ крайней бѣдности умершаго и бѣдственнаго положенія оставшагося послѣ него семейства, члены кассы, смотря по состоянію общей суммы всѣхъ отдѣльныхъ кассъ, могутъ единогласно или большинствомъ двухъ третей признать за умершимъ право на экстренное пособіе и внести свое рѣшеніе на усмотрѣніе общаго собранія кассъ согласно § 24.

15) Каждая отдѣльная касса изъ поступающихъ въ нее взносовъ, процентовъ на ссуды и сборовъ съ газетъ или журналовъ, къ ней приписанныхъ, десятую часть вноситъ каждогодно въ казначейство до тѣхъ поръ, пока сумма, у ней остающаяся, достигнетъ до 80 р. на каждаго члена или до 2000 р. на всѣхъ 25 членовъ. Съ этого времени все, что̀ будетъ поступать сверхъ того, вносится въ казначейство.

16) Въ казначействѣ хранятся всѣ суммы, какъ 1) тѣ, которыя будутъ поступать въ него изъ отдѣльныхъ ссудныхъ кассъ, такъ и 2) суммы сберегательнаго отдѣла кассъ.

Сберегательный отдѣлъ кассъ.

17) Каждый литераторъ, отправляясь внутрь Россіи или заграницу, можетъ положить на храненіе въ сберегательную кассу свои деньги или цѣнныя бумаги и требовать, чтобъ сберегательная касса въ извѣстное время высылала ему проценты съ его денегъ и бумагъ или проценты вмѣстѣ съ указанною имъ частію капитала и платить за это извѣстный процентъ въ пользу кассы (процентъ долженъ быть установленъ твердо въ подробномъ уставѣ).

18) Каждый литераторъ и не литераторъ можетъ завѣщать свои деньги и цѣнныя бумаги въ пользу литературной кассы, съ тѣмъ, чтобы въ вознагражденіе за это касса до его смерти или въ извѣстное условленное число лѣтъ платила усиленный противъ обыкновеннаго процентъ. (Подробный уставъ долженъ предусмотрѣть возможные выгодные для кассы случаи подобныхъ завѣщаній и примѣрно опредѣлить нормальныя условія).

19) Точно также, смотря по количеству завѣщаемыхъ денегъ и бумагъ, касса можетъ принимать на себя уплату обыкновенныхъ или усиленныхъ процентовъ въ пользу оставшейся вдовы завѣщателя до его смерти или дѣтей до ихъ возраста или смерти.

20) Для привлеченія къ себѣ завѣщателей касса вводитъ упрощенный порядокъ завѣщаній. Именно: касса имѣетъ прошнурованную и подлежащимъ начальствомъ скрѣпленную книгу завѣщаній, о которой упоминается и въ § 17 устава, который мы разсматривали. Всякое завѣщаніе, внесенное въ эту книгу рукою самого завѣщателя со внесеніемъ завѣщанныхъ суммъ въ присутствіи всѣхъ членовъ сберегательной кассы, считается дѣйствительнымъ и отмѣнѣ не подлежитъ ни относительно назначенія суммы, ни относительно условій, на которыхъ завѣщаніе сдѣлано.

21) Управленіе сберегательной кассы состоитъ изъ трехъ или четырехъ редакторовъ-издателей или издателей, избираемыхъ общимъ собраніемъ кассъ изъ числа редакторовъ-издателей и издателей указанныхъ въ примѣчаніи въ § 10. Одного изъ нихъ собраніе же назначаетъ предсѣдателемъ, который именуется предсѣдателемъ-казначеемъ кассы, остальные казначеями, такъ какъ члены ссудосберегательной кассы—вмѣстѣ и члены казначейства.

22) Обязанность казначеевъ состоитъ:

а) въ составленіи и заключеніи условій по принятію денегъ и цѣнныхъ бумагъ на храненіе, по принятію таковыхъ же по завѣщаніямъ.

б) въ точномъ исполненіи этихъ условій.

в) въ храненіи всѣхъ денегъ и цѣнныхъ бумагъ, поступающихъ въ кассу по этимъ условіямъ, а также всѣхъ суммъ, которыя поступаютъ сюда изъ отдѣльныхъ кассъ.

23) Всѣ доходы, получаемые по означеннымъ выше условіямъ отъ ввѣряемыхъ на храненіе денегъ и цѣнностей, отъ завѣ-

щаній, равно какъ и всѣ суммы, поступающія изъ отдѣльныхъ кассъ, принадлежатъ общему собранію всѣхъ отдѣльныхъ кассъ. Поэтому общее собраніе кассъ имѣетъ право ими распоряжаться, но только на слѣдующія потребности и въ слѣдующемъ порядкѣ:

Общее собраніе имѣетъ право

1) Разрѣшить одному, двумъ или нѣсколькимъ вмѣстѣ членамъ одной отдѣльной кассы или нѣсколькихъ кассъ въ случаѣ какой-нибудь чрезвычайной надобности или для какого-нибудь предпріятія выдачу суммы, равняющейся двухгодичному взносу членовъ всѣхъ кассъ на одинъ или на два года, единогласно или большинствомъ двухъ третей голосовъ, или подъ ручательство меньшинства, съ ручательствомъ двухъ или трехъ редакторовъ и издателей примѣнительно къ § 9, 10.

2) Увеличить, смотря по состоянію суммъ, находящихся въ казначействѣ, на тотъ или другой годъ нормальную сумму каждой отдѣльной кассы, см. § 15, но не иначе, какъ для всѣхъ кассъ одинаково.

3) Сложить въ той и другой кассѣ недоимку, оставшуюся за умершимъ или безнадежнымъ должникомъ и пополненіе этой недоимки потребовать изъ казначейства.

4) Постановить выдачу извѣстной суммы одновременно или постоянно литератору, не имѣющему никакихъ средствъ къ пропитанію по старости или тяжкой болѣзни, или женѣ его и дѣтямъ, находящимся въ подобномъ положеніи.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ, общее собраніе кассъ свои рѣшенія составляетъ единогласно или по большинству двухъ третей голосовъ и посылаетъ на предварительное разсмотрѣніе казначейства и соображеніе съ существующими въ казначействѣ наличными суммами и съ лежащими на нихъ обязательствами и предвидящимися въ ближайшіе годы расходами.

24) Если казначейство, по должномъ разсмотрѣніи и соображеніи своихъ суммъ, найдетъ возможнымъ удовлетворить состоявшееся рѣшеніе, то немедленно удовлетворяетъ и увѣдомляетъ объ этомъ общее собраніе кассъ; въ противномъ случаѣ, пишетъ собранію кассъ обстоятельное объясненіе: почему оно не можетъ выполнить состоявшееся его рѣшеніе.

25) Для разсмотрѣнія этого объясненія, кассиры всѣхъ отдѣльныхъ кассъ собираются вмѣстѣ, въ случаѣ какихъ-нибудь спеціальныхъ недоразумѣній приглашаютъ подлежащихъ экспертовъ и, если по тщательномъ разсмотрѣніи, объясненіе казначейства простымъ большинствомъ кассировъ признано будетъ основательнымъ, то этимъ дѣло и кончается; въ противномъ случаѣ, кассиры вносятъ объясненіе казначейства съ своимъ мнѣніемъ на общее собраніе кассъ.

26) Если, просмотрѣвъ дѣло вторично, собраніе кассъ единогласно или большинствомъ двухъ третей голосовъ постановитъ

прежнее свое рѣшеніе, то оно приводится казначействомъ немедленно въ исполненіе, исключая случаевъ, указанныхъ ниже.

27) Казначеи за сохранность всѣхъ ввѣренныхъ имъ суммъ на храненіе и по завѣщаніямъ, за точное исполненіе всѣхъ условій по этимъ суммамъ, отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Поэтому собраніе кассъ не имѣетъ права измѣнять ни назначенія самыхъ суммъ, ни условій, на которыхъ онѣ приняты на храненіе, ни касаться того запаснаго капитала, который нуженъ для исполненія принятыхъ по этимъ суммамъ условій. Всѣ подобныя рѣшенія общаго собранія кассъ, хотя бы они состоялись единогласно, ничтожны и никакой обязательности для казначейства не имѣютъ.

28) Запасный капиталъ казначейства въ первые годы существованія кассы, когда каждая отдѣльная касса не будетъ имѣть полной нормальной суммы, т. е. 2000 р. по § 15 для своихъ нуждъ, будетъ составлять только десятую часть той общей суммы, которая находится въ распоряженіи отдѣльныхъ кассъ, такъ что если кассы, предполагая, что ихъ будетъ пять, будутъ имѣть 5,000 руб., то запасный капиталъ будетъ состоять только изъ 500 р. Но когда отдѣльныя кассы достигнутъ своей нормальной суммы, то-есть каждая будетъ имѣть 2,000 р. или, предполагая пять кассъ, всѣ пять кассъ вмѣстѣ 10,000 р., тогда изъ поступающихъ въ казначейство изъ кассъ взносовъ образуется залогъ казначейства въ размѣрѣ не менѣе трети общей нормальной суммы всѣхъ кассъ, и этотъ залогъ признается неприкосновеннымъ запасомъ казначейства, притомъ такъ, что съ возвышеніемъ суммы отдѣльныхъ кассъ по § 23 пункту 2, пропорціонально возрастаетъ и запасъ казначейства.

29) Если выйдетъ такой случай, что въ началѣ существованія кассы, когда запасъ казначейства будетъ еще незначителенъ или впослѣдствіи, когда онъ будетъ и болѣе значителенъ, будутъ по завѣщаніямъ предлагаться въ пользу кассы очень значительныя суммы, на такихъ условіяхъ, для удовлетворенія которыхъ существующій запасъ будетъ оказываться недостаточнымъ, тогда казначей-предсѣдатель приглашаетъ въ засѣданіе казначейства кассировъ и, сообщивъ предлагаемыя завѣщанія и условія по нимъ и выгодность послѣднихъ для кассы и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточность существующаго запаса казначейства для удовлетворенія имъ, совѣщается съ ними: какъ поступить въ данномъ случаѣ:

1) уменьшить ли нормальную сумму отдѣльныхъ кассъ, настолько, насколько потребуется для удовлетворенія предлагаемыхъ условій;

2) увеличить ли паевые взносы членовъ на время, пока запасъ казначейства увеличится, насколько окажется нужнымъ;

или, наконецъ, 3) сдѣлать долгосрочный заемъ?

То, на чемъ сойдется большинство голосовъ членовъ казна-

чейства и кассировъ, вносится послѣдними на разсмотрѣніе общаго собранія кассъ вмѣстѣ съ отдѣльными мнѣніями меньшинства и на чемъ порѣшитъ общее собраніе, то и приводится въ исполненіе.

30) Если мнѣніе большинства членовъ казначейства и кассировъ остановится на займѣ, то таковое мнѣніе вносится въ общее собраніе кассъ не иначе, какъ съ подробнымъ указаніемъ срока займа, мѣста, гдѣ онъ можетъ быть сдѣланъ и подъ какіе проценты, и способа его погашенія.

31) Точно также поступаетъ казначейство и въ другихъ случаяхъ, когда найдетъ нужнымъ сдѣлать заемъ. Предложеніе о займахъ вносится въ общее собраніе кассъ, не иначе, какъ но предварительномъ разсмотрѣніи потребности и всѣхъ условій займа совокупно казначеями и кассирами и по согласію большинства ихъ на заемъ; разрѣшается заемъ исключительно общимъ собраніемъ кассъ или единогласно или большинствомъ двухъ третей и, только имѣя въ рукахъ такое разрѣшеніе, казначейство можетъ дѣлать заемъ.

32) Въ нераздѣльномъ присутствіи сберегательнаго отдѣла кассы и казначейства, всегда, кромѣ казначеевъ, присутствуютъ по депутату отъ каждой отдѣльной кассы. Депутаты и кандидаты для ихъ замѣщенія въ случаѣ болѣзни или для помощи имъ въ случаѣ накопленія дѣлъ, избираются каждою отдѣльною кассою изъ своей среды на цѣлый годъ. Избранные въ кассиры не могутъ вмѣстѣ съ этимъ быть избираемы ни въ депутаты, ни въ кандидаты депутатовъ.

33) Депутаты обязаны присутствовать въ каждомъ засѣданіи казначейства безъ права, впрочемъ, голоса:

1) Для сообщенія нужныхъ для казначейства свѣдѣній по кассамъ.

2) Для собранія какъ этихъ, такъ и другихъ свѣдѣній по порученію казначеевъ.

3) Для веденія всего дѣлопроизводства и отчетности по казначейству. Во время накопленія дѣлъ казначейства, имъ помогаютъ ихъ кандидаты или помощники.

Примѣч. Депутаты сами между собою раздѣляютъ занятія въ казначействѣ.

34) Кромѣ всего этого, депутаты обязаны составлять послѣ каждаго присутствія казначейства отчетъ о сдѣланныхъ имъ постановленіяхъ или объ исполненіяхъ по прежнимъ постановленіямъ; по экземпляру такого отчета каждый депутатъ на другой же день присутствія казначейства доставляетъ въ правленіе своей кассы.

35) Въ случаѣ, еслибы кассиры какой-нибудь кассы усмотрѣли предположенное неправильное распоряженіе казначейства по суммамъ, находящимся въ его храненіи, они немедленно сообщаютъ объ этомъ кассирамъ другихъ кассъ и въ общемъ собраніи касси-

ровъ разсматриваютъ означенное распоряженіе; если оно признано будетъ большинствомъ кассировъ неправильнымъ, но не угрожающимъ, однако же, никакими денежными потерями, то кассиры только сообщаютъ объ этомъ въ казначейство письменно для исправленія. Если же неправильное распоряженіе признано будетъ угрожающимъ денежными потерями, то кассиры немедленно сообщаютъ предсѣдателю-казначею о созваніи на другой же день экстреннаго засѣданія казначейства и, прибывъ сюда въ общемъ своемъ составѣ, требуютъ отмѣны сказаннаго распоряженія.

36) Буде казначейство на такую отмѣну не согласится, признавая предположенное распоряженіе не угрожающимъ интересамъ кассы, тогда кассиры налагаютъ свое veto на исполненіе распоряженія впредь до рѣшенія общаго собранія кассъ, немедленно созываютъ общее собраніе, которое и должно рѣшать окончательно: должно ли быть отмѣнено или исполнено предположенное распоряженіе.

37) Въ случаѣ, еслибы члены казначейства, несмотря на наложенное кассирами veto и не дождавшись рѣшенія общаго собранія, привели его въ исполненіе, то общее собраніе можетъ немедленно уволить ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей съ преданіемъ суду и съ взысканіемъ съ ихъ имуществъ всѣхъ потерь, имѣющихъ произойти отъ сдѣланнаго ими распоряженія, почему въ послѣднемъ случаѣ требуетъ немедленно отъ подлежащей власти наложенія запрещенія на ихъ имущество — для обезпеченія взысканія.

38) Вообще, въ случаѣ какихъ-нибудь опущеній и не угрожающихъ интересамъ общества, небрежнаго исполненія своихъ обязанностей, вредящаго въ томъ или другомъ отношеніи правильному и успѣшному теченію дѣлъ кассы, усмотрѣнныхъ или самимъ имъ, или собраніемъ кассировъ, общее собраніе можетъ во всякое время увольнять членовъ казначейства и выбирать на мѣсто ихъ другихъ.

Примѣч. Въ случаѣ, еслибы общее собраніе кассъ не имѣло кого выбрать въ члены казначейства изъ среды редакторовъ-издателей и издателей, или не хотѣло никого выбрать изъ послѣднихъ, оно имѣетъ право дѣлать выборъ изъ лицъ другихъ профессій и званій, нравственно достойныхъ, заявившихъ свое расположеніе къ литературѣ и имѣющихъ благонадежныя имущественныя гарантіи для занятія означенныхъ мѣстъ.

На этомъ пунктѣ я и остановлюсь.

Такъ какъ я имѣлъ цѣлію написать въ настоящей статьѣ не связный проэктъ устава, а набросать только мысли, какъ придется, чтобы дать читателю идею предполагаемой мною кассы, то думаю, высказанныхъ мною положеній достаточно для предположенной мною цѣли. Несмотря на безпорядочность изложенія и пропуски, читатель пойметъ суть дѣла. Строгое распредѣленіе предметовъ по своимъ мѣстамъ, пополненіе пропущеннаго,

развитіе подробностей формальной стороны дѣла, какъ-то: отношеній собранія кассы, собранія кассировъ и казначейства между собою, порядокъ дѣлопроизводства и отчетности въ нихъ, срока засѣданій общихъ собраній, ревизіи и т. п.—все это должно быть сдѣлано уже при подробной разработкѣ проэкта.

Къ сказанному можно прибавить только развѣ еще одно замѣчаніе, которое должно имѣться въ виду при разработкѣ проэкта.

Никакого вознагражденія я ни для кого въ кассѣ не считаю нужнымъ. Потому что, при моемъ устройствѣ кассы, всѣ члены кассъ будутъ работать другъ для друга болѣе или менѣе постоянно. Въ каждой кассѣ изъ 25 человѣкъ будутъ избираться ежегодно 3 кассира, 2 (депутатъ и кандидатъ) для дѣлопроизводства въ казначействѣ, вѣроятно, 3 для дѣлопроизводства при собственной кассѣ и при собраніи кассъ. Остальные члены кассы также будутъ не безъ дѣла, участвуя въ засѣданіяхъ для рѣшенія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію всей кассы. Кромѣ того, чтобы на случай скопленія дѣлъ не были болѣе обыкновеннаго затрудняемы члены, имѣющіе спеціальныя должности, какъ-то: кассиры, лица, ведущія письмоводство, можно выбирать сверхъ кассировъ кандидатовъ или помощниковъ къ нимъ, увеличивать число лицъ для письмоводства. Я говорю *на случай скопленія* дѣлъ, потому что при обыкновенномъ теченіи дѣлъ и для спеціальныхъ должностей занятій будетъ собственно очень немного. Возьмемъ, напримѣръ, болѣе другихъ сложную должность кассира: для личныхъ ссудъ онъ имѣетъ просто карманную книжку, въ которой записывается выданная имъ ссуда и подписывается берущимъ ссуду всюду, гдѣ бы послѣдній его ни встрѣтилъ. Ссуды по разрѣшенію собранія отдѣльной кассы такимъ же образомъ записываются въ книгу кассы при самомъ разрѣшеніи кассою ссуды. Взысканіе ссудъ производится слѣдующимъ простымъ способомъ: каждый членъ кассы снабжается отъ своей кассы карманною книжкою, въ одной половинѣ которой отмѣчаются слѣдующіе съ него взносы, срокъ взносовъ и полученіе ихъ; въ другой половинѣ отмѣчается долгъ его кассѣ, если таковой имѣется, и условленный срокъ уплаты долга или части его. Слѣдовательно, по книжкѣ сейчасъ будетъ видно: какой кѣмъ взносъ или срочный долгъ не уплаченъ еще и въ какомъ размѣрѣ. Кассиры каждой редакціи и журнала, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то сами редакціи каждой газеты или журнала обязываются смотрѣть за этимъ и при выдачѣ гонорара удерживать каждой разъ съ сотрудника, къ какой бы онъ кассѣ ни принадлежалъ, слѣдующій съ него взносъ и долгъ минувшаго срока. Ко всему этому надобно присовокупить, что, по всей вѣроятности, спеціальныя должности—кассировъ, дѣлопроизводителей будутъ, въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ, обходить равно всѣхъ членовъ кассы, переходя отъ одного къ другому.

О вознагражденіи членовъ казначейства и говорить нечего.

Должности эти очень важныя по своему назначенію, по своимъ занятіямъ будутъ очень легкія. Я уже сказалъ, что все дѣлопроизводство здѣсь будетъ вестись депутатами отъ кассъ. На обязанности членовъ будетъ лежать только законное распоряженіе о поступающихъ и выдаваемыхъ суммахъ въ опредѣленные сроки. Засѣданія будутъ происходить, вѣроятно, не болѣе раза въ мѣсяцъ, въ рѣдкихъ случаяхъ два. Будутъ ли избираемы въ эти должности редакторы-издатели и издатели, или стороннія лица—несомнѣнно, что, какъ первые, отъ литературы питающіеся, такъ и вторые, предполагая, что они будутъ избираться изъ людей сочувствующихъ литературѣ, не захотятъ за какіе-нибудь четыре часа времени въ мѣсяцъ брать вознагражденіе отъ литературной кассы, носящей характеръ не капиталистическаго учрежденія, а благотворительнаго.

Но такъ какъ, повторяю, должности эти, по своему значенію, очень важныя и было бы желательно, чтобы лица, которыя на нихъ будутъ выбраны и будутъ проходить ихъ съ честію, оставались на этихъ должностяхъ какъ можно долѣе, то несомнѣнно, что литературный персоналъ съ своей стороны, пойметъ это и съумѣетъ выразить лицамъ, занимавшимъ и занимающимъ означенныя должности, чувства своего уваженія.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЭЛЬЗАСЪ И ЛОТАРИНГІЯ ВЪ РУКАХЪ ПРУССІИ.

(Voyage aux pays annexés. Suite et fin du Voyage au pays des milliards, par Victor Tissot).

Тиссо, авторъ «Путешествія въ страну мильярдовъ», (т. е. въ Пруссію), книги, имѣвшей весьма значительный успѣхъ, издалъ недавно, въ видѣ дополненія къ ней, описаніе своей поѣздки въ мѣстности, которыя Пруссія въ послѣднюю войну такъ нахально отняла у Франціи, т. е. въ Рейнскія провинціи и Эльзасъ съ Лотарингіею. Сочиненіе это изобилуетъ характеристическими фактами, несмотря на то, что авторъ, само собою разумѣется, не можетъ относиться къ дѣлу объективно и въ своемъ увлеченіи возмущается иногда даже такими вещами, которыя нетолько не заслуживаютъ осужденія, а, напротивъ того, представляются желательными, какъ такія, польза которыхъ доказана на опытѣ: такъ напримѣръ, онъ съ негодованіемъ говоритъ о введенномъ Пруссіею въ присоединенныя провинціи совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ и находитъ эту систему въ высшей степени безнравственною; тогда какъ извѣстно, что въ Америкѣ, гдѣ она практикуется въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ, ею приносятся самые благотворные результаты. Но такихъ хорошихъ вещей солдатская Пруссія дѣлаетъ для своихъ новыхъ жертвъ весьма мало, и онѣ теряются въ массѣ поступковъ и мѣръ совершенно возмутительныхъ и по принципу, и по способу ихъ примѣненія, такихъ, впрочемъ, какія совершенно въ духѣ Германіи, когда она вступаетъ на столь излюбленный ею путь онѣмечиванья. Въ предстоящемъ изложеніи мы ограничимся Эльзасомъ и Лотарингіею и, откинувъ то, что говоритъ авторъ о прошломъ, т. е. объ исторіи завоеванія этихъ провинцій и о первыхъ распоряженіяхъ Пруссіи, послѣдовавшихъ за этимъ завоеваніемъ, познакомимъ читателей съ наиболѣе выдающимися фактами изъ тѣхъ, которые касаются настоящаго этихъ двухъ несчастныхъ провинцій.

«Я пріѣхалъ ночью. Небо блистало звѣздами. Ни малѣйшаго шума, ни единаго звука шаговъ, ни колокола, ни барабана. Я

говорилъ себѣ: «Городъ спитъ, онъ забываетъ свои оковы; сами сторожа его уснули на ступенькахъ тюрьмы». Но при поворотѣ въ одну улицу я замѣтилъ прохаживавшагося взадъ и впередъ часоваго; штыкъ его ружья сверкалъ при свѣтѣ луны. Немного дальше, отрядъ полицейскихъ пробирался кошачьимъ шагомъ вдоль домовъ; потомъ прошелъ патруль, молчаливый какъ процессія тѣней. Нѣтъ, Пруссіи не спится спокойно!»

Такъ описываетъ Тиссо свой въѣздъ въ Страсбургъ—главный городъ Эльзаса. Чѣмъ дольше онъ остается въ немъ, тѣмъ унылѣе и печальнѣе впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ видомъ этого города, нѣкогда столь веселаго, шумнаго, оживленнаго. Вездѣ пустота, мертвенная тишина, какая-то одичалость; жители сидятъ дома, не желая встрѣчаться съ ненавистными нѣмцами и потому, что имъ совсѣмъ не до прогулокъ и увеселеній; кофейни пусты, ставни заперты, главная площадь, которая въ прежнее время кишѣла гуляющими, теперь точно вымерла. Казарменность, придаваемая нѣмцами наружному виду столицы Эльзаса, еще усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе; казармы строятся одна за другой, да и всѣ остальныя постройки, возводимыя побѣдителями на мѣсто старыхъ, которыя усердно ломаются, чтобы ничего не напоминало о *французскомъ* прошедшемъ—всѣ новыя улицы имѣютъ тотъ-же казарменный характеръ; Берлинъ служитъ въ этомъ случаѣ главнымъ, исключительнымъ образцомъ. «Напрасно—говоритъ Тиссо—отыскивалъ я нѣсколько давно знакомыхъ мнѣ домовъ, съ которыми связаны у меня отрадныя воспоминанія. Пруссія ринулась на несчастный городъ, она изранила его, опрокинула, искалѣчила ударами молотка. Баши-бозуки съ меньшимъ ожесточеніемъ терзаютъ своихъ сербскихъ плѣнныхъ»...

Невеселѣе и наружность Меца, главнаго города Лотарингіи, тоже превратившагося въ вымершее мѣсто, обширную тюрьму, безконечную казарму. И тутъ таже ломка, тоже передѣлываніе всего на нѣмецкій ладъ, тоже истребленіе прошедшаго. «Прошедшее говорило о свободѣ, и прошедшее уничтожаютъ, какъ предметъ сожалѣній для настоящаго и тревожныхъ безпокойствъ для будущаго». Въ окрестностяхъ не лучше, чѣмъ въ городѣ. «Эти прелестныя окрестности до сихъ поръ представляютъ картину разрушенія и смерти. Гнусная война опустошила эти зеленые и роскошные луга, повырывала съ корнемъ деревья, поопрокидывала дома. Только и осталось, что ряды холмиковъ съ маленькими бѣлыми крестами»...

Мрачной, мертвенной внѣшности эльзас-лотарингскихъ городовъ много способствуетъ враждебная и совершенно естественная разъединенность между французскимъ, т. е. туземнымъ обществомъ и пришлою нѣмецкою компаніею, состоящею преимущественно и даже почти исключительно изъ чиновниковъ и солдатчины. Разъединенность исходитъ, конечно, отъ французовъ, и они не упускаютъ ни одного случая выказывать ее са-

ымъ яснымъ образомъ, даже въ видѣ демонстрацій, тѣмъ болѣе, что нѣмцы не скупятся на проявленіе самымъ грубымъ, чисто-нѣмецкимъ образомъ своей силы относительно побѣжденныхъ.

Вотъ что находимъ мы объ этомъ предметѣ у Тиссо:

«Въ Страсбургѣ—пишетъ онъ—въ этомъ Страсбургѣ, столь печальномъ и угрюмомъ въ настоящее время, эльзасское населеніе до сихъ поръ остается безпрерывно протестующимъ. Пора шумныхъ манифестацій прошла, но взаимно-враждебный видъ сохраняется. Оба лагеря—одинъ туземный, другой чужеземный (т. е. нѣмецкій)—разъединены до сихъ поръ также рѣзко, какъ въ день капитуляціи. Ненависть къ нѣмцамъ, сдѣлавшись безмолвною, еще болѣе усилилась.

«Отчужденіе нѣмцевъ—полное. Отъ нихъ сторонятся; всѣ гостиныя закрыты для нихъ, ихъ не принимаютъ ни въ какія собранія, ни въ какіе клубы. Я встрѣчалъ женщинъ, которыя распускали зонтики и закрывались ими каждый разъ, какъ мимо ихъ проходилъ прусскій офицеръ. По вечерамъ, въ предмѣстьяхъ громко раздаются патріотическія пѣсни на эльзасскомъ нарѣчіи... По городу ходитъ и повторяется большими и малыми слѣдующая легенда: когда Богъ создалъ перваго человѣка, чортъ изъ зависти пожелалъ сдѣлать то же самое. Приложилъ онъ къ тому всевозможныя старанія и, съ помощью Бога, сформировалъ человѣческое существо. Существо стало двигаться, но каково было изумленіе и огорченіе чорта, когда онъ замѣтилъ, что забылъ помѣстить въ своемъ созданіи сердце, а на мѣсто этого органа уложилъ второй желудокъ! Бѣжитъ онъ къ Богу и проситъ помочь ему исправить этотъ промахъ. «Нѣтъ, говоритъ Богъ:—какъ ты сдѣлалъ, такъ пусть оно и остается. Сдѣланный тобою человѣкъ безъ сердца и съ двумя желудками будетъ называться пруссакомъ».

«Враждебность не прекращается ни на минуту; она проявляется повсюду—ругательствами, сарказмами, пѣснями, дѣломъ и словомъ. На рынкѣ, когда жены нѣмецкихъ чиновниковъ спрашиваютъ о цѣнѣ какихъ-нибудь новинокъ, торговки обыкновенно отвѣчаютъ: «проходите, сударыня, проходите, это слишкомъ хорошо для васъ». Въ главныхъ отеляхъ, гдѣ существуетъ table d'hôte, ставятся отдѣльные столы для нѣмцевъ и отдѣльные для французовъ; въ тѣхъ же, гдѣ этого отличія не существуетъ, почти постоянно происходятъ ссоры и даже драки. Нерѣдко бываютъ сцены въ родѣ слѣдующихъ. Двѣ француженки сидѣли на скамейкѣ въ общественномъ саду; рядомъ съ ними усѣлись два прусскихъ офицера со своими супругами. Француженки тотчасъ же встали и пошли. Одинъ изъ офицеровъ побѣжалъ за ними и, догнавъ, спросилъ: это вы изъ-за насъ ушли?—Точно такъ, отвѣчали француженки. Офицеръ свелъ ихъ въ полицію, гдѣ пожаловался, и онѣ были приговорены къ пяти талерамъ штрафа...»

*

Нѣмцы, съ своей стороны, дѣлаютъ все, чтобы поддерживать и усиливать эту ненависть. Мы не говоримъ уже о ихъ скандалахъ на улицахъ, грубомъ обращеніи частныхъ лицъ, начальствѣ и т. п., чему Тиссо приводитъ не мало интересныхъ примѣровъ; но и въ способѣ дѣйствій правительства заключаются всѣ условія возбужденія самой сильной антипатіи и негодованія къ этимъ побѣдителямъ-узурпаторамъ. Тиссо послѣдовательно и довольно подробно разсматриваетъ разныя сферы—законодательство, судопроизводство, печать, народное образованіе и т. п., и вездѣ находитъ такіе факты, къ которымъ, дѣйствительно, нельзя не относиться иначе, какъ съ отвращеніемъ. Основа всѣхъ этихъ фактовъ, всѣхъ дѣйствій побѣдительной Пруссіи—одна, именно—стремленіе все и всѣхъ онѣмечивать, вездѣ истреблять все, имѣющее мало-мальски французскій характеръ; разница только въ подробностяхъ.

Посмотрите, напримѣръ, на распоряженія по народному образованію, тутъ не знаешь, чѣмъ болѣе возмущаться—гнусностью, попирающею всякія нравственныя чувства и правила, или глупостью, тупоуміемъ, не понимающимъ, что такими мѣрами только ухудшаешь дѣло.

На школы прусская администрація накинулась прежде всего и самымъ усерднымъ образомъ. Нападеніе это проявилось постепеннымъ закрытіемъ, подъ самыми ничтожными и противозаконными предлогами, большинства такъ называемыхъ «свободныхъ школъ» Эльзаса и принужденіемъ жителей получать то, что нѣмцы называли «національнымъ воспитаніемъ». Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ. Въ католическую семинарію Страсбурга является инспекторъ—уже изъ нѣмцевъ—и приказываетъ воспитанникамъ младшаго класса переводить въ его присутствіи, à livre ouvert и безъ помощи даже словаря, нѣмецкій разсказъ, хотя большинство учениковъ въ этомъ классѣ были французы. Переводъ оказался весьма неудовлетворительнымъ. Только этого и хотѣло новое начальство: ему нужно было доказательство, что «нѣмецкій языкъ находится въ пренебреженіи», для того, чтобы закрыть это заведеніе. Мѣрами въ этомъ родѣ Пруссія, впрочемъ, не ограничивается; она не позволяетъ даже родителямъ распоряжаться воспитаніемъ своихъ дѣтей помимо ея отеческаго руководства и попеченія: многіе изъ нихъ, не желая давать этимъ дѣтямъ «національное образованіе», вводимое Пруссіею, посылаютъ ихъ во Францію; нѣмецкое правительство находитъ возможнымъ и позволительнымъ накладывать руку даже на эти отношенія, и вотъ очень многіе отцы семейства получаютъ отъ главнаго директора слѣдующій циркуляръ: «Милостивый Государь! Вы воспитываете въ (такомъ-то) училищѣ (во Франціи) вашаго сына, родившагося (тогда-то); онъ не получаетъ въ этомъ заведеніи образованія, согласнаго съ программою элементарныхъ школъ Эльзас-Лотарингіи. Поэтому, я предлагаю вамъ взять вашего сына изъ вышеупомянутаго заведенія

и помѣстить его въ училище, гдѣ онъ будетъ обучаться сообразно съ установленной программой. Въ случаѣ неповиновенія вы подвергаетесь законнымъ наказаніямъ». Въ этихъ новыхъ программахъ французскій языкъ значится въ числѣ иностранныхъ; впрочемъ, въ элементарныхъ школахъ онъ и какъ иностранный преподавался только до 1873 г.; потомъ его совсѣмъ вывели изъ употребленія, и ему обучаютъ только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, да и то всего два раза въ недѣлю, и такъ какъ учителя-нѣмцы, то выходитъ весьма курьёзный французскій языкъ, какъ можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующей цитаты, приводимой у Тиссо: «Lorsque les Perses approrenquae Leonidas il se bien defendu; il est moru sur le champ de bataille».

Но дѣло не останавливается на гоненіяхъ только языка, который вытѣсненъ и изъ другихъ сферъ, напримѣръ, судопроизводства; правительство старается развивать въ ученикахъ самыя звѣрскія чувства, облекаемыя въ форму патріотическихъ стремленій. Хрестоматіи, принятыя въ руководство въ учебныхъ заведеніяхъ, наполнены стихотвореніями, въ родѣ слѣдующихъ: «Покидайте ваши жилища и ваши хижины! Пусть императоръ шествуетъ впереди васъ, и, какъ разгнѣванное море, устремитесь на этихъ франковъ! Пусть кости ихъ бѣлѣютъ на далекихъ пространствахъ! Пусть тѣ, которыми пренебрегли волкъ и лисица, сдѣлаются добычею рыбъ! Пусть трупы ихъ запруживаютъ Рейнъ! Убивайте ихъ! Судъ исторіи не потребуетъ у васъ отчета за это...» Или вотъ, напримѣръ, очень милое и трогательное «утѣшеніе», обращенное къ нѣмецкому сердцу: «О, нѣмецкое сердце, будь исполнено вѣрности, дѣлай, что̀ приказываетъ тебѣ совѣсть! Предоставь французамъ измѣну, будь честно, благочестиво и свободно, предоставь французамъ славу быть рабами, да воодушевляетъ тебя вѣрность!» Составъ учителей вполнѣ соотвѣтствуетъ методѣ преподаванія, или, выражаясь вѣрнѣе, объ этомъ послѣднемъ можно судить по составу преподавателей. Такъ какъ первымъ дѣломъ завоевателей было—очистить школу отъ всѣхъ французскихъ элементовъ, то всѣ учителя, которыхъ правительство имѣло основаніе заподозрить въ малѣйшемъ сочувствіи къ Франціи, подвергнулись увольненію и высылкѣ. Само собою разумѣется, что оказался крайній недостатокъ въ преподавателяхъ, и вотъ такъ называемые «школьные совѣтники» стали вызывать, черезъ посредство газетъ, желающихъ заняться обученіемъ и воспитаніемъ эльзас-лотарингскаго юношества. Вызовъ былъ обставленъ такими соблазнительными условіями; отъ будущихъ педагоговъ требовалось такъ мало, что на приглашеніе немедленно явились отставные сержанты, портные, столяры и т. п. Нравственность этихъ новыхъ просвѣтителей тоже не особенно принималась въ разсчетъ; такъ, напримѣръ, въ одной большой деревнѣ учителемъ назначили человѣка, просидѣвшаго по судебному приговору четыре года въ

тюрьмѣ за нарушеніе общественной нравственности; въ Мюльгаузенѣ преподаваніе исторіи маленькимъ дѣвочкамъ было поручено священнику, исключенному въ Германіи изъ духовнаго званія за безнравственное поведеніе. Подобныхъ примѣровъ множество.

Съ неменьшимъ рвеніемъ накинулась Пруссія и на эльзас-лотарингскую печать. На первыхъ же порахъ своего водворенія она запретила множество газетъ и журналовъ, причемъ изъ редакторовъ и издателей одни подвергнулись тюремному заточенію, другіе—огромнымъ денежнымъ штрафамъ, третьи—высылкѣ изъ отечества и т. п. Зато всѣ блага мірскія сыплятся на изданія, служащія интересамъ нѣмцевъ; такъ, напримѣръ, излюбленная Бисмаркомъ «Страсбургская Газета» играетъ очень важную роль въ эльзас-лотарингскомъ бюджетѣ, на который обрушивается ея изданіе, такъ какъ она имѣетъ всего 567 подписчиковъ, да и тѣ появляются вслѣдствіе циркуляра, разсылаемаго при началѣ каждой четверти года императорскимъ комиссаромъ и гласящаго такъ: «Мѣстныя власти и чиновники, *обязанные* подписываться на «Strassburger Zeitung», еще разъ приглашаются немедленно возобновить подписку на наступающую четверть года и внести слѣдуемую плату, то-есть шесть франковъ». На всѣхъ тѣхъ, которые не слѣдуютъ этому «приглашенію», обрушиваются денежные штрафы и даже тюремное заточеніе! Бюджету несчастныхъ провинцій приходится нести на себѣ тягость и другихъ изданій такого же рода; такъ, Metzer Zeitung и Gazette de Lorraine (издающейся на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ) обходятся Лотарингіи во сто тысячъ франковъ ежегодно. Но дѣйствія Пруссіи, въ этомъ отношеніи, остаются безплодными. Вотъ что̀ говорилъ по этому поводу автору книги, съ которою мы знакомимъ здѣсь читателей, одинъ изъ коренныхъ страсбургцевъ: «Немедленно вслѣдъ за присоединеніемъ, цѣлая куча газетъ политическихъ, коммерческихъ, земледѣльческихъ выросла, точно грибы послѣ дождя, во всѣхъ нашихъ административныхъ сферахъ. То была настоящая евангелизація Эльзаса посредствомъ прессы. Повсюду нѣмецкое правительство приглашало чиновниковъ и трактирщиковъ подписываться на эти милыя изданія... Но пропаганда оказалась неудачною. Эльзаскіе чиновники платятъ, но не читаютъ; всѣ эти газеты, еще нераспечатанныя, сносятся въ извѣстное мѣсто... Да такая неудача, такое отсутствіе вліянія и нисколько не удивительны: эти изданія редактируются людьми, совершенно ничтожными, литературными бродягами, которые не знаютъ ни нашихъ населеній, ни ихъ нуждъ и говорятъ имъ вещи, совершенно противныя здравому смыслу. Отъ чтенія ихъ просто тошнитъ. И что̀ мы видимъ на каждомъ шагу? Эти журналисты, проповѣдующіе нѣмецкую нравственность и нѣмецкую культуру, обвиняютъ другъ друга, пишутъ доносы одинъ на другого, взаимно обзываютъ другъ друга ворами и мошенниками. Бываютъ между

ники и такіе, которые, поработавъ тутъ нѣсколько мѣсяцевъ, уѣзжаютъ по ту сторону Рейна и предлагаютъ свои услуги оппозиціоннымъ газетамъ... Какое же довѣріе можетъ питать публика къ такимъ господамъ? Говори они даже правду, имъ никто не повѣритъ»..

Относительно всѣхъ другихъ изданій соблюдается самая непреклонная строгость, чисто-нѣмецкая послѣдовательность. На всѣ просьбы эльзасцевъ и лотарингцевъ разрѣшить имъ изданіе журнала или газеты отвѣчаютъ, что подобное предпріятіе было бы несовмѣстимо съ интересами Германской Имперіи! Французскія, швейцарскія, итальянскія, англійскія газеты впускаются въ Эльзасъ и Лотарингію не иначе, какъ послѣ тщательнаго цензурнаго просмотра (замѣтимъ здѣсь кстати, что та же самая операція производится съ частными письмами, и всѣмъ извѣстно наивное заявленіе директора почтоваго управленія въ Мецѣ—заявленіе, въ которомъ онъ просилъ отправителей писемъ не слишкомъ плотно запечатывать эти послѣднія для того, «чтобы *тѣ лица, къ которымъ письма адресованы*, могли распечатывать ихъ съ бо̀льшею легкостью и удобствомъ!»). Газеты «XIX Siècle», «Univers», «Monde» и др. получаются подписчиками не чаще, какъ два-три раза въ недѣлю.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ въ книгѣ Тиссо главъ та, которая посвящена администраціи. Составъ этой послѣдней исключительно нѣмецкій, такъ какъ на самыхъ же первыхъ порахъ всѣмъ французскимъ чиновникамъ было приказано выѣхать за-границу; даже профессора страсбургскаго лицея получили предписаніе удалиться изъ города въ продолженіи трехъ дней, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть посаженными въ крѣпость. Все это выѣхавшее, удаленное, сосланное было замѣнено нѣмцами, но *какими* нѣмцами! «Представь себѣ, писалъ въ то время знаменитый Карлъ Фогтъ одному изъ своихъ друзей:—представь себѣ эту человѣческую массу, эту тучу саранчи, эти рои болѣе или менѣе голодныхъ людей съ ихъ бѣлокурыми женами и дѣтьми, ихъ родственниками и приближенными, которые, благодаря ходатайству «товарища по службѣ или начальника», надѣются сразу подняться и округлиться; представь себѣ цѣлую армію чиновниковъ, которая вслѣдствіе завоеванія богатой страны и непріязненно-настроеннаго населенія находитъ себѣ новое пастбище и случай отличиться. Въ былое время въ мірѣ прусскихъ чиновниковъ должность въ какой-нибудь изъ прирейнскихъ мѣстностей считалась высшимъ блаженствомъ, какое только можетъ выпасть на долю человѣка. Я лично зналъ *ландратовъ*, которые, будучи переведены изъ Пруссіи въ Герцогство Нассауское, предвкушали небесныя наслажденія, и вотъ передъ ними открывается новая область на берегахъ Рейна, страна, граничащая съ южными предѣлами Германіи, полная восхитительныхъ пейзажей, обитаемая населеніемъ умнымъ, но энергическимъ и враждебно относящимся къ Пруссіи! Этимъ

послѣднимъ обстоятельствомъ не слѣдуетъ пренебрегать, потому что прусская бюрократія имѣетъ привилегію быть антипатичною населенію; для этихъ чиновниковъ вѣрнѣйшая гарантія повышенія по службѣ заключается въ непріязненныхъ столкновеніяхъ съ людьми, находящимися подъ ихъ властію. Сколько тутъ случаевъ выказать свое рвеніе, отличиться, пуская въ ходъ «строгую дисциплину», примѣняя къ дѣлу давленіе «пропорціональное, но энергическое»! Представь же себѣ теперь, какъ все это работаетъ, суетится, толкаетъ, кричитъ, ругается, сбивается съ ногъ, строчитъ и ходатайствуетъ для того, чтобы на охотѣ, въ которой они участвуютъ, затрубили, наконецъ, отбой и каждому изъ нихъ досталась своя доля добычи!»

То, что дѣлалось на первыхъ порахъ присоединенія, дѣлается и теперь. Эльзасъ и Лотарингія выносятъ на своихъ плечахъ содержаніе всей массы крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, насланныхъ на нее Германіею и обладающихъ бездонными карманами. До присоединенія, содержаніе подпрефектуръ въ двухъ провинціяхъ стоило 65,000 франковъ въ годъ; теперь на это тратится 348,000 фр.; личный составъ этихъ управленій образуютъ тринадцать подпрефектовъ (Kreis-Director), тринадцать ассесоровъ, пятнадцать секретарей, тринадцать помощниковъ секретарей, тринадцать канцелярскихъ чиновниковъ, и всѣ эти господа получаютъ весьма солидныя жалованья, такихъ размѣровъ, о какихъ въ Германіи не имѣютъ и понятія. Въ Страсбургѣ и Мецѣ содержаніе директоровъ полиціи составляетъ 21 тысячу франковъ, тогда какъ центральный комиссаръ французской полиціи получалъ менѣе половины этой суммы. При французскомъ управленіи штатъ жандармеріи состоялъ изъ 620 человѣкъ, на жалованье которыхъ по бюджету отпускалось 810 т. франк. Въ настоящее время жандармовъ всего 358, но на нихъ истрачивается 993 тысячи. «Можно подумать, говорилъ въ прошедшемъ году въ рейхстагѣ по поводу этихъ щедротъ депутатъ Симонисъ:—что вы посылаете вашихъ чиновниковъ въ страну дикарей и что поэтому имъ нужны большія вознагражденія за жертвы, которыя они приносятъ!»

Насколько увеличился бюджетъ, настолько усилились и налоги на содержаніе администраціи. До присоединенія они не превышали 1,988 т. франковъ, теперь составляютъ 3,711 т. фр. Подати съ людей, живущихъ доходами отъ капитала (rentiers), увеличены на 38%, съ трактирщиковъ на 46%, съ торговцевъ-негоціантовъ на 35%. Сборщики этихъ податей катаются какъ сыръ въ маслѣ, и многіе изъ нихъ оканчиваютъ тѣмъ, что, туго набивъ карманъ чужими деньгами, удираютъ за-границу. — Я знаю вѣрнѣйшее средство избавить нашу страну отъ всѣхъ пруссаковъ! сказалъ однажды одинъ эльзасецъ въ трактирѣ. —Какое? какое? закричали остальные присутствующіе. — Сдѣлать ихъ всѣхъ сборщиками податей.

Взяточничество развито въ большихъ размѣрахъ. Въ Страс-

бургѣ начальникъ цензурнаго управленія получаетъ отъ содержателя казино 500 франковъ въ годъ за то, что позволяетъ давать на сценѣ этого заведенія французскія пьесы. Другіе чиновники, болѣе высокопоставленные, не стѣсняются требовать у того же содержателя весьма значительныхъ суммъ «за благосклонность въ отношеніи къ нему». Продажность под-префектовъ тоже не оставляетъ ничего желать. «Германія, замѣчаетъ Тиссо:—не оказалась особенно счастливою въ выборѣ своихъ представителей. Чиновники, какую бы должность ни занимали они, ненавидимы или презираемы. Впрочемъ, они вполнѣ добросовѣстно работаютъ въ видахъ достиженія такого результата».

Прусскій режимъ въ Эльзас-Лотарингіи не подвергнулся никакимъ измѣненіямъ со времени присоединенія. «Эльзас-Лотарингія, сказалъ эльзасскій депутатъ Винтерерь въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій рейхстага:—ни государство, ни провинція; она—нѣчто, не имѣющее названія на политическомъ языкѣ». Во главѣ администраціи стоитъ не особое правительство или спеціальное министерство, а верховный президентъ, резиденція котораго находится въ Страсбургѣ; подъ его начальствомъ находятся три провинціальныхъ президента, жительствующіе въ Мецѣ, Кольмарѣ и Страсбургѣ. Округи управляются окружными директорами (Kreis-Directors) — тоже, что французскіе под-префекты.

Верховный президентъ пользуется почти неограниченною властію и зависитъ только отъ канцлера имперіи; ему предоставлено, въ тѣхъ случаяхъ, когда того требуетъ общественная безопасность, принимать рѣшительно *всѣ* мѣры, какія онъ признаетъ необходимыми. Надъ дѣйствіями чиновниковъ не существуетъ никакого контроля, вслѣдствіе чего они позволяютъ себѣ дѣйствія совершенно противозаконныя: они безъ всякаго основанія арестуютъ гражданъ, ими безпрерывно налагаются штрафы, въ которыхъ они имѣютъ свою, и при томъ не малую, долю.

«Нѣмецкая администрація, пишетъ Тиссо: — обращается съ Эльзас-Лотарингіею положительно какъ съ колоніею. Изъ числа средствъ, употребленныхъ для *колонизаціи* двухъ завоеванныхъ провинцій и пополненія пустоты, произведенной туземцами, эмигрировавшими во Францію [1], вотъ самыя оригинальныя.

«Для образованія ядра новаго германскаго элемента, предна-

---

[1] Касательно эмиграцій, въ книгѣ Тиссо встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующія данныя. Въ Мецѣ французское населеніе, составлявшее 48 т. человѣкъ, уменьшилось на 30 т., и число эмигрирующихъ увеличивается постоянно. Въ настоящее время въ этомъ городѣ 3,500 свободныхъ квартиръ. Воинская повинность какъ въ Эльзасѣ, такъ и въ Лотарингіи, тоже отбывается крайне неудовлетворительно вслѣдствіе этого отлива населенія; такъ, напримѣръ, въ 1875 г., въ жеребьевыхъ спискахъ значилось 11,234 молодыхъ человѣка, явилось всего 4,476.

значеннаго мало-по-малу слиться съ туземнымъ и *круссифировать* его, правительство прежде всего обратилось къ рабочимъ. Наибольшее число эмигрантовъ во Францію вышло изъ рабочаго класса; поэтому тутъ именно образовалась наибольшая пустота, и ее слѣдовало пополнить нѣмцами. Для достиженія этой цѣли правительство стало набирать самыхъ лѣнивыхъ и дурныхъ работниковъ и платило имъ по 3 франка въ сутки до пріисканія ими занятій. Благодаря этой системѣ германизаціи, три четверти новыхъ жителей Меца (половину населенія составляютъ въ настоящее время нѣмецкіе поселенцы) представляютъ собою самую гнусную сторону германскаго типа.

— Вы прислали намъ страшныхъ негодяевъ! говоритъ съ неустрашимою откровенностью верховному президенту мэръ Меца, отправленный къ нему своими согражданами для заявленія правительству ихъ неудовольствій и жалобъ.

— О, нѣтъ, возразилъ нѣмецкій сановникъ: — вы все преувеличиваете!

Но мэръ поддерживалъ свое обвиненіе изложеніемъ множества кражъ, убійствъ и тому подобныхъ преступленій, совершенныхъ этими честными людьми.

Для поощренія нѣмецкихъ торговцевъ къ продолженію занятія дѣлами, несмотря на неудачу этихъ послѣднихъ, правительство даетъ каждому изъ нихъ 3 т. франковъ субсидіи въ годъ. Вотъ почему въ Страсбургѣ въ настоящее время вы увидите магазины, въ которые никогда не заходитъ ни одинъ покупатель, но которые тѣмъ не менѣе остаются постоянно открытыми. Я, по крайней мѣрѣ, могу засвидѣтельствовать, что въ десять или двѣнадцать магазиновъ, находящихся въ сосѣдствѣ съ моей квартирой, за цѣлую недѣлю, не взошла ни одна душа человѣческая. Переднія витрины остаются по нѣскольку мѣсяцевъ съ одними и тѣми же вещами, и на порогѣ лавки съ утра до вечера сидитъ владѣлецъ ея, платонически покуривая трубочку и нисколько не заботясь о покупателяхъ.

«Но третье средство колонизаціи безъ сомнѣнія самое остроумное. Въ Страсбургѣ, со времени присоединенія, основана акушерская клиника, и она безспорно одна изъ наиболѣе посѣщаемыхъ заведеній этого рода, даже по сравненію съ клиникою парижской. Причина заключается въ слѣдующемъ. Нѣмецкое правительство, выставляющее всякія штуки для достиженія своихъ цѣлей, придумало обратиться ко всѣмъ за-рейнскимъ дамамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, добродѣтель которыхъ находится въ шаткомъ положеніи, съ предложеніемъ, чтобы онѣ пріѣзжали рожать въ Страсбургъ, за что имъ будутъ выплачиваться путевыя издержки и выдаваться деньги на житье въ этомъ городѣ; дѣти же, рождаемыя здѣсь, вносятся въ ревизскіе списки и образуютъ такимъ образомъ, искуственное населеніе. Эта штука имѣла огромный успѣхъ, и вотъ почему страсбургская клиника—наиболѣе посѣщаемая изъ всѣхъ клиникъ, а населе-

ніе Страсбурга не уменьшалось, несмотря на эмиграцію страсбургцевъ!»

Особенное вниманіе правительства обращено на организацію тайной полиціи. Бюджетъ обѣихъ провинцій ассигнуетъ на ея содержаніе 221 т. франк., начальникъ получаетъ 60 тысячъ въ годъ. Агентами ея страна кишитъ въ полномъ смыслѣ слова, и потому эльзасцы съ большимъ недовѣріемъ относятся къ каждому новому для нихъ, незнакомому имъ лицу. Тѣ изъ путешественниковъ, которые начальнику желѣзно-дорожной станціи рекомендуются тайною полиціею какъ «подозрительные», получаютъ отъ кассира билетъ съ особымъ, незамѣтнымъ значкомъ, и «подозрительный», помимо своего вѣдома, становится предметомъ спеціальнаго надзора во все время своего пути. Желѣзно-дорожные чиновники и кондуктора знаютъ, что такого путешественника нельзя ни на минуту терять изъ вида. Въ городахъ таже самая исторія, только въ иной формѣ.

Нѣмцы вполнѣ преобразовали также и городскую полицію. До 1870 г., въ Страсбургѣ было всего сорокъ полицейскихъ служителей; теперь ихъ полтораста. Въ Мюльгаузенѣ изъ двадцати четырехъ сдѣлалось сто. Бо́льшая часть этихъ служащихъ—эльзасцы самаго сквернаго сорта, которые, чтобы освободиться отъ преслѣдованій полиціи, сочли наиболѣе удобнымъ самимъ вступить въ ея ряды. Продажность ихъ превосходитъ всякое описаніе: за рюмку вина или кружку пива, вы извлечете у каждаго изъ нихъ какія вамъ угодно свѣдѣнія.

Новый порядокъ вещей не могъ не отразиться плачевнымъ образомъ, между прочимъ, на промышленности и торговлѣ. «Въ этой сферѣ, по словамъ Тиссо, правительство ничего не создало, ничему не содѣйствовало, ничего не развило. На Эльзасъ продолжаютъ смотрѣть, какъ на богатую и плодородную колонію, предназначенную для кормленія тѣхъ, которые завладѣли ею. Это—безцеремонная и безсовѣстная эксплуатація цѣлой страны и цѣлаго народа. Прекрасные и грандіозные лѣса Эльзаса и Лотарингіи, которые, разстилаясь на пространствѣ 400 т. гектаровъ, давали Франціи 555 т. ежегоднаго дохода, падаютъ подъ святотатственною рукою нѣмцевъ. Удары топора раздаются здѣсь съ утра до ночи. Можно подумать, что новые владѣльцы спѣшатъ ограбить эту землю, точно не будучи увѣрены, что она навсегда останется въ ихъ рукахъ».

Въ тотъ моментъ, когда Германія отняла у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, на нихъ не было никакого долга. Въ настоящее время эти страны дѣлаютъ заемъ за займомъ. Правительство, вмѣсто обѣщаннаго уменьшенія налоговъ и податей, повсюду, какъ мы выше видѣли, увеличило ихъ. Промышленное заведеніе въ Страсбургѣ, плативши въ 1871 г. 476 франк. прямыхъ пошлинъ, въ 1874 г. платило уже ихъ ровно вдвое. Сочинились и новые налоги. Налогъ на вино удвоился, на винокуреніе при-

нялъ такіе размѣры, что эта отрасль производства сдѣлалась невозможною въ деревняхъ.

Многіе изъ крупныхъ эльзасскихъ фабрикантовъ не захотѣли жить подъ прусскимъ господствомъ и перенесли свои фабрики— одни въ Эльборъ, другіе въ Виръ или Седанъ. Оставшимся, за исключеніемъ большихъ домовъ, существовать очень трудно. Мелкіе промышленники въ бо̀льшей части мѣстностей сильно пострадали. Бишвильеръ, городъ, который въ 1870 г. славился производствомъ суконъ, теперь совершенно раззоренъ.

Мелкая торговля страдаетъ не меньше крупной. Введеніе прусской монеты повлекло за собою истинную экономическую революцію въ ущербъ туземцамъ. Рабочій, которому платятъ со штуки 5 или 10 зильбергрошей, теряетъ на каждомъ талерѣ 10 сантимовъ. Правительство, навязавъ Эльзасу талеръ, какъ законную монету, благопріятствуетъ злоупотребленіямъ ажіотажа, истощающаго страну вотъ уже четыре года сряду. Новыя золотыя марки до такой степени не въ ходу, что на размѣнѣ теряется франкъ и полтора франка. Дѣла частныхъ банковъ идутъ тоже очень скверно.

Въ 1842 г. одинъ публицистъ говорилъ: «Иго Германіи всегда было ненавистнымъ и позорнымъ для побѣжденныхъ ею народовъ. Германія не умѣетъ позабывать свои побѣды, и въ ней есть нѣчто рѣзкое и грубое, которое не можетъ, не хочетъ относиться хоть съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ иноземнымъ нравамъ и обычаямъ, и безпрерывно дѣйствуетъ на побѣжденнаго крайне оскорбительно. Въ прусскомъ характерѣ есть еще болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, свойство не ладить съ иноземцами; пруссакъ меньше, чѣмъ кто-бы ни было изъ германскаго племени, имѣетъ способность вызвать пріязнь тѣхъ, которые находятся подъ его владычествомъ»...

Эти вполнѣ справедливыя слова примѣняются, какъ нельзя лучше къ отношеніямъ между Пруссіею съ одной стороны и Эльзасомъ и Лотарингіею съ другой. Ненависть послѣднихъ къ первой ростетъ съ каждымъ днемъ, и взоры всѣхъ обращены къ Франціи, отъ которой ожидаютъ рано или поздно спасенія. Но Пруссія проглотила уже столько земель и народовъ, не поперхнувшись ими, что врядъ-ли когда-нибудь вырвутъ у нея изъ зубовъ и этотъ лакомый кусокъ. А до ненависти ей дѣла нѣтъ: это—штука для нея привычная, и она объясняетъ ее по своему. «Германія думала—писалось еще недавно въ «Аугсбургской Газетѣ»—что освобожденіе этихъ странъ отъ національныхъ французскихъ элементовъ повлечетъ за собою постепенное водвореніе въ населеніи нѣмецкаго образа мыслей. Мы ошиблись: это населеніе (т. е. Эльзаса и Лотарингіи) испорчено въ самомъ корнѣ; оно ненавидитъ нѣмцевъ потому, что неспособно понимать благодѣянія нѣмецкой культуры и нѣмецкой цивилизаціи».

Такъ вотъ оно что!

П. И. В.

АНГЛІЙСКАЯ И РУССКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ СЕРБІИ.

Письмо изъ Бѣлграда.

Недавно, въ присутствіи князя, княгини, министровъ, консуловъ и другихъ лицъ, произошло здѣсь торжественное открытіе англійскаго пріюта для дѣтей, оставшихся сиротами послѣ войны съ турками. Пріютъ устроенъ докторомъ (онъ же и пасторъ) Симономъ на деньги, присланныя изъ Англіи. Происхожденіе пріюта докторъ Симонъ разсказываетъ такъ: пріѣхалъ онъ, докторъ Симонъ, въ концѣ іюля, въ Сербію въ качествѣ врача, но увидя кругомъ себя страшную нужду, занялся благотворительностью. Онъ началъ съ того, что написалъ нѣсколько корреспонденцій въ англійскія газеты; ему стали присылаться деньги и въ такомъ значительномъ количествѣ, что онъ просилъ жертвователей выбрать изъ своей среды комиссію для контроля надъ ввѣряемыми ему суммами. Комиссія составилась изъ четырехъ человѣкъ, которые пріѣхали въ Сербію, познакомились съ дѣломъ на мѣстѣ и уѣхали обратно, предоставивъ доктору Симону и еще двумъ англичанамъ, Сандвиту и Беккеру, дѣйствовать. Оставшіеся подѣлили между собою мѣстности: Симону досталась моравская линія; Сандвиту и Беккеру западные округа Сербіи; тамъ они и дѣйствуютъ преимущественно въ округѣ ужицкомъ, гдѣ нужда всего сильнѣе. О дѣятельности Сандвита и Беккера можно судить только по наслышкѣ, хотя она повидимому весьма значительна. Но отчетъ д. Симона передо мною.

Въ теченіи пяти мѣсяцевъ, англійское общество прислало Симону болѣе 30,000 фунтовъ (около 250,000 р.)—цифра весьма почтенная. Пожертвованія продолжаются и теперь деньгами и одеждой, которая присылается въ очень большомъ количествѣ, цѣлыми транспортами.

Надо отдать справедливость Симону; онъ распоряжался ввѣренными ему суммами весьма разумно. Помощь его, если судить по отчету, очень разнообразна. Тутъ есть все: содержаніе, леченіе, медикаменты, кровати, бараки для раненныхъ; тоже, съ при-

бавкой одежды, для бѣгуновъ почти во всѣхъ городахъ, преимущественно въ мѣстности между Парачиномъ и Делиградомъ; содержаніе дѣтей, потерявшихъ во время войны родителей, инструменты для построекъ, доски, рабочіе матеріалы, зерно, деньги. На это ушли всѣ 30,000 фунтовъ. Но на рукахъ Симона остались сироты, которыхъ онъ пріютилъ, и для нихъ онъ теперь устроилъ въ Бѣлградѣ пріютъ.

Средства для пріюта идутъ особыя. Конечно трудно сказать, долго ли онъ просуществуетъ, такъ какъ пока у него нѣтъ обезпеченнаго капитала, но задуманъ онъ въ большихъ размѣрахъ и при такой обстановкѣ, которая потребуетъ огромныхъ суммъ.

Всѣхъ дѣтей въ пріютѣ 125, мальчиковъ и дѣвочекъ, круглыхъ сиротъ всѣхъ національностей; тутъ есть сербы, болгаре, валахи и даже турки. Для нихъ нанятъ большой, выходящій на Дунай, домъ, приспособленный къ цѣлямъ пріюта. Нужныя постройки произведены самимъ Симономъ, вся мебель—желѣзныя кровати, матрацы, бѣлье, одѣяла, умывальники, посуда, щетки, гребенки и пр. выписано изъ Вѣны и такъ хорошо, что намъ, обитателямъ Бѣлграда, завидно. Дѣти размѣщены по 6—10 человѣкъ въ комнатѣ; въ каждомъ этажѣ есть гувернантка. Они одѣты и обуты заново. При пріютѣ, конечно нѣсколько ваннъ; за чистотой слѣдятъ такъ, что въ первое время поступленія дѣтей ихъ постельное бѣлье моется каждый день.

Правда, такой надзоръ тяжелъ взятымъ прямо изъ деревень ребятамъ; ихъ надо еще выучить умываться; а это ученіе идетъ медленно и выводитъ доктора Симона, вообще отличающагося строгостью, изъ терпѣнія... Можетъ быть, такъ оно и нужно, я говорю про строгость, которая поражаетъ всякаго посѣтителя пріюта, но дѣйствуетъ она на дѣтей сильно; еще до открытія пріюта нѣсколько ихъ разбѣжалось...

Какъ бы то ни было, пріютъ въ Сербіи теперь какъ нельзя болѣе кстати. Всѣ эти сироты, оставшіеся совершенно одинокими, пропали бы, еслибы судьба, въ лицѣ доктора Симона, не позаботилась о нихъ. Я забыла сказать, что, кромѣ пищи и вообще содержанія, дѣти будутъ получать въ пріютѣ и образованіе. Въ особомъ зданіи устроена школа съ четырехголичнымъ, если не ошибаюсь, курсомъ. Кромѣ общаго, даже не элементарнаго образованія, такъ какъ въ него входитъ преподаваніе физики и химіи, предполагается и техническое; для мальчиковъ—ремесла, для дѣвочекъ — обученіе шитью и домашнему хозяйству, для чего устроены особыя кухни, гдѣ онѣ пріучаются готовить кушанье.

Если пріютъ просуществуетъ долго, то это будетъ подвигомъ со стороны Симона, ибо, хотя въ настоящее время ему приходится даже отказывать желающимъ поступить въ пріютъ, но сербы недовѣрчиво относятся къ этого рода англійской помощи. Имъ памятно подобное учрежденіе въ Сераевѣ, просуществовавшее

тамъ пять лѣтъ и чуть не разнесенное мѣстными жителями при началѣ нынѣшняго возстанія за то, будто бы, что англичане принуждали дѣтей къ переходу въ католицизмъ. Насколько это вѣрно, не знаю; повторяю то, что̀ говорятъ сербы, которые, не будучи религіозными, строго придерживаются обрядности и сохраненія въ народѣ нравовъ страны.

Сочувствіе англійскаго общества ободряетъ Симона и обѣщаетъ поддержку пріюту въ будущемъ. Но англійское правительство, если судить по тому, что̀ говоритъ одна торійская газета, которую показывалъ[1] Симонъ, не одобряетъ его предпріятія. Оно находитъ, что учрежденіе англійскаго пріюта въ Сербіи можетъ дать поводъ думать, будто англичане особенно сочувствуютъ сербамъ, или, что̀ еще хуже, будто они хотятъ утвердить тамъ свое вліяніе; то и другое одинаково, говоритъ газета, невѣрно; д-ръ Симонъ руководствуется, конечно, исключительно гуманными цѣлями и устроилъ бы, въ случаѣ надобности, для турокъ такое же точно учрежденіе...

Само собою разумѣется, что, показывая эту статью, д-ръ Симонъ самъ отлично понимаетъ ея значеніе и, если говоритъ, что она ему непріятна, то едвали въ этомъ искрененъ. А, впрочемъ, тутъ не въ немъ дѣло; несомнѣнно, что при ловкомъ веденіи пріюта, онъ дастъ англичанамъ вліяніе въ Сербіи, а они отъ него едвали откажутся. Какъ вести дѣло, д-ръ Симонъ, очевидно, понимаетъ, ибо весь учительскій персоналъ составленъ изъ сербовъ, мѣстныхъ жителей, преподаванія англійскаго языка въ программѣ нѣтъ; для закона Божія приглашается сербскій священникъ.

Вотъ въ какомъ видѣ выразилась англійская благотворительность въ Сербіи. Средства большія [1] и распредѣляются они болѣе или менѣе правильно, благодаря тому, что англичане занимаются этимъ сами, черезъ своихъ уполномоченныхъ, на мѣстѣ. Помогаютъ они преимущественно одеждой и припасами, которые закупаютъ оптомъ. Это возможно только при личномъ наблюденіи за дѣломъ. Деньгами они избѣгаютъ помогать и недовольны, что русская помощь выражается, кромѣ одежды, деньгами, а не припасами.

Можетъ быть, англійская помощь, вообще говоря, и разумнѣе нашей, только едвали возможно примѣнять ее теперь всюду. Не говоря о томъ, что здѣсь у насъ нѣтъ людей, которые посвятили бы себя этому трудному дѣлу, закупка припасовъ въ большомъ количествѣ требуетъ времени, а помочь надо сейчасъ. Населеніе само предпочитаетъ получать деньги, которыя оно расходуетъ какъ хочетъ. Вообще теперь, когда нужда такова, что вопросъ идетъ о жизни или смерти людей, строго проводить какой-либо принципъ помощи, едва ли кстати. Я видѣла примѣръ этому въ Княжевцѣ.

[1] Въ Болгарію также послано около 30,000 фунтовъ.

Представьте себѣ городъ, являющій однѣ развалины и такую картину разрушенія, что больно смотрѣть; изъ 900 домовъ уцѣлѣло только 100, да и тѣ сильно пострадали. Кругомъ села наполовину выжжены. Во время перемирія, когда я тамъ была, жители только что начинали возвращаться, и понятно, что возвращаются они въ самомъ печальномъ положеніи. О крестьянахъ ужъ и говорить нѣчего. Хотя въ нѣкоторыхъ деревняхъ, куда не доходили турки, есть запасъ хлѣба и сѣна, но правительство реквизируетъ для арміи все, что̀ можетъ. Однако, на мѣстѣ достать что-нибудь можно, конечно, по мелочамъ. Привезти же запасъ соли, кукурузы и пр. въ Княжевацъ нужно изъ Парачина, на это понадобилась бы, по крайней мѣрѣ, недѣля, такъ какъ перевозка совершается на волахъ; да и беречь эти запасы негдѣ и нельзя, потому что нельзя отвѣчать за то, что̀ будетъ съ городомъ по окончаніи перемирія. Отсутствіе безопасности доходитъ до того, что начальникъ края отказался принять привезенные нами отъ русскаго комитета 200 дукатовъ для раздачи жителямъ въ нѣсколько сроковъ, говоря, что ему пришлось бы носить ихъ на себѣ, ибо хранить нѣгдѣ. Между тѣмъ, нужда жителей города и селъ настоятельная; нужда нетолько въ пищѣ, но и одеждѣ; всё кругомъ голо и бѣдно до послѣдней степени. Въ одномъ селѣ, куда мы пріѣхали, насъ обступила вся деревня; всѣ въ лохмотьяхъ, истощенные, голодные. Очевидно тутъ нѣчего было ограничиваться обѣщаніемъ помощи черезъ недѣлю, помочь надо было немедленно, а такъ помочь можно только деньгами и одеждой, что̀ мы, конечно, и сдѣлали.

Каково же было наше удивленіе, когда, по возвращеніи въ Княжевцѣ, къ намъ явился англичанинъ, извѣстный богачъ Макензи, и разсказалъ, что онъ пріѣхалъ сюда для оказанія помощи жителямъ всей мѣстности, между Княжевцомъ, Пиротомъ и Ак-Паланкою; но такъ какъ русскій комитетъ раздаетъ денежную помощь то онъ принужденъ отказаться отъ своего первоначальнаго плана и немедленно уѣзжаетъ изъ Княжевца.

Признаюсь, такое быстрое рѣшеніе крайне поразило насъ; въ то время русскій комитетъ еще только начиналъ свою дѣятельность, она не была еще организована, а однимъ своимъ появленіемъ лишить населеніе помощи г. Макензи въ такую минуту, когда въ ней столь сильная нужда, для насъ было чрезвычайно тяжело. Было еще одно обстоятельство, заставлявшее желать участія именно англичанъ въ этомъ дѣлѣ и главнымъ образомъ въ этой мѣстности.

Тутъ прямо у Княжевца, проходитъ дорога въ Пандиралою и Турцію. Съ наступленіемъ зимы болгаре, бѣжавшіе изъ этихъ мѣстъ еще съ Черняевымъ и жившіе въ теченіи пяти мѣсяцевъ работою и въ лѣсахъ, теперь цѣлыми толпами возвращаются на родину, отчаявшись найти какія-либо средства къ существова-

нію въ Сербіи. Возвращаются они неохотно, зная, что̀ ихъ ожидаетъ въ Турціи, идутъ какъ на закланіе.

Въ этомъ мы имѣли случай сами убѣдиться, встрѣтивъ партію болгаръ, человѣкъ въ 20, въ одной меанѣ между Банею и Княжевцемъ. Достаточно было взглянуть на ихъ лица, чтобы отгадать, что они голодны. При нихъ не было ничего, даже котомки за плечами.

Когда они поѣли, мы разговорились съ ними и спросили: почему они уходятъ изъ Сербіи?

— Да чтожъ намъ дѣлать, отвѣчали болгаре:—хлѣба нѣтъ, ничего нѣтъ; пока была работа, мы кое-какъ жили, а теперь и скотъ пришлось продать; мы умираемъ съ голоду. А тамъ, говорятъ, турки даютъ тѣмъ, кто возвращается, денегъ, хлѣба и скотъ.

— А еслибы вамъ здѣсь дали все это, пошли бы вы къ туркамъ?

— Нѣтъ, Бо̀гами, не пошли бы; да только здѣсь и ждать ужъ нѣчего.

Мы стали объяснять имъ, что у сербовъ нѣтъ денегъ, что у нихъ своихъ бѣгуновъ много, а вотъ теперь пришла помощь изъ Россіи и раздаютъ ее всѣмъ, кто нуждается, дадутъ и имъ.

Сначала болгаре какъ будто не вѣрили намъ и продолжали стоять на своемъ. Но когда мы указали имъ лицо, къ которому они могутъ обратиться въ Банѣ, если захотятъ вернуться назадъ, и даже вручили имъ записку къ этому лицу, говоря, что они будутъ и впредь получать содержаніе отъ русскихъ, они стали слушать насъ внимательнѣе. Мы растолковали имъ, что едва ли теперь имъ удобно возвратиться домой, что турки могутъ выместить на нихъ побѣгъ ихъ съ Черняевымъ и пр. Они насъ слушали, но, очевидно, не убѣждались. Тогда, не желая принуждать ихъ, мы дали имъ другую записку въ Княжевцѣ къ только-что устроенному тамъ русскому комитету и сказали, что куда бы они ни пошли, впередъ или назадъ, они и тамъ, и тутъ получатъ помощь. Черезъ нѣсколько времени, переговоривъ между собою, болгаре объявили намъ, что возвращаются въ Баню.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности убѣдиться, исполнили ли они это намѣреніе, ибо сами должны были уѣхать въ Княжевцѣ и тамъ узнали, что сербское правительство предписываетъ мѣстнымъ властямъ задерживать болгаръ; но власти нетолько не задерживаютъ, а еще способствуютъ выходу ихъ изъ Сербіи. Мотивируютъ это власти тѣмъ, что имъ нечѣмъ содержать болгаръ. Теперь, съ учрежденіемъ русской помощи, этотъ мотивъ, конечно, устраняется; но, зная хоть немного образъ дѣйствія сербскихъ властей, можно заранѣе быть увѣреннымъ, что онѣ не дадутъ себѣ труда пещись о болгарахъ, которые, заманиваемые турками и англичанами, будутъ продолжать переселяться на родину.

Что тамъ имъ даютъ воловъ и хлѣба, это фактъ; но только не

турки, а англичане, какъ мы могли убѣдиться изъ словъ того же Макензи, увѣрявшаго насъ, что турецкое правительство никакъ не намѣрено обижать болгаръ, что оно, въ ихъ интересахъ, желаетъ возвращенія ихъ на родину и, кромѣ скота и хлѣба, обязывается выстроить дома, разрушенные во время войны. Турецкое правительство дѣлать это не въ состояніи, но англичане дѣлали и дѣлаютъ, а перспектива имѣть хоть что-нибудь такъ соблазняетъ измученныхъ нуждой болгаръ, что они больше ничего и слышать не хотятъ, никакимъ приманкамъ въ Сербіи не вѣрятъ, а если въ русскую помощь вѣрятъ, то она пришла слишкомъ поздно, и прежде, чѣмъ успѣетъ себя проявить, болгаре сотнями перейдутъ въ Турцію. Вотъ этимъ-то несчастнымъ и могутъ помочь англичане, и только они одни. При всемъ желаніи, русскіе не могутъ проникнуть далѣе Княжевца, а помощь за глаза не достигнетъ цѣли.

Макензи не скрывалъ отъ насъ, что онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы заманить болгаръ на родину; онъ дѣйствовалъ на чистоту, уговаривалъ даже Ристича не мѣшать переселенію ихъ изъ Сербіи и былъ очень недоволенъ, что тотъ не раздѣлялъ его мнѣнія и прямо сказалъ, что будетъ поступать совершенно наоборотъ. Однако, Ристичъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы сдѣлать положеніе болгаръ сноснымъ въ Сербіи, а Макензи, заманивая ихъ, также окажетъ имъ плохую услугу, если станетъ помогать имъ такъ, какъ помогалъ до нашего пріѣзда въ Княжевцѣ. При такихъ условіяхъ, какъ здѣшнія, ошибки въ раздачѣ помощи весьма возможны, но именно при этихъ условіяхъ лучше передать, нежели не додать эту помощь. Между тѣмъ, Макензи ужь черезъ чуръ остороженъ; онъ, если можно такъ выразиться, ощупываетъ бѣдность; изо ста голыхъ и голодныхъ выберетъ человѣкъ пять, нѣсколько дней обдумываетъ, что бы для нихъ сдѣлать, изъ этихъ пяти отброситъ еще двухъ, а то и трехъ, и остальнымъ двумъ предложитъ... работу.

Конечно, такая осторожность имѣетъ хорошую сторону; она не развращаетъ людей, не развиваетъ въ нихъ попрошайничества; но, если еще можно иногда усумниться въ дѣйствительной нуждѣ того или другого серба, то ужь относительно болгарина, можно быть увѣреннымъ, что здѣсь, въ Сербіи, онъ—нищій. Если у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть волы, на которыхъ они возятъ кладь, то это—исключенія, да и воловъ вѣдь надо кормить; стало быть, помогая и такимъ счастливцамъ, у которыхъ есть волы, не рискуешь сорить деньгами безъ пути. Къ сожалѣнію, до тѣхъ поръ, пока болгаре будутъ оставаться въ Сербіи, русскій комитетъ не можетъ оказать имъ помощь въ томъ размѣрѣ, какой былъ бы желателенъ. Другое дѣло, если комитетъ будетъ существовать и тогда, когда болгаре получатъ возможность возвратиться на родину. Тогда русскіе могутъ надѣлить возвращающихся скотомъ и деньгами, хотя бы въ небольшомъ количествѣ.

Но для этого потребуется очень много денегъ, а будутъ ли онѣ, это еще неизвѣстно.

Въ настоящее время, въ распоряженіи русскаго комитета 150,000 р., большая часть которыхъ уже израсходована, хотя комитетъ не существуетъ и двухъ мѣсяцевъ. До него русскія деньги, для оказанія помощи бѣгунамъ, присылались митрополиту и въ женское друштво. Сколько именно прислано, мы не знаемъ; но судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что прислано много, преимущественно митрополиту. На эти деньги онъ выдавалъ обращавшимся къ нему за пособіемъ по 1/2 ока (3/4 ф.) кукурузы на человѣка въ день. Женское друштво помогало деньгами, временно и случайно. Стало быть, никакой, сколько-нибудь прочной организаціи помощи здѣсь не было. Только московскій славянскій комитетъ прислалъ въ концѣ ноября своего уполномоченнаго, болгарина, который устроилъ дѣло нѣсколько толковѣе. Онъ взялъ на свое содержаніе 3,200 человѣкъ, ни откуда его не получавшихъ и сталъ выдавать имъ ежемѣсячную помощь въ томъ, приблизительно, размѣрѣ, въ какомъ она выдавалась нашему мужику во время самарскаго голода. Но что̀ значитъ 3,200 человѣкъ изъ 50—60 тысячъ, которымъ надо было помогать?

При такихъ условіяхъ, русскому комитету пришлось начинать дѣло сначала и прежде всего ознакомиться на мѣстѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ населенія. Онъ это сдѣлалъ черезъ своихъ уполномоченныхъ, которые разъѣхались въ разные концы Сербіи. Заключеніе, вынесенное изъ объѣздовъ почти всѣми уполномоченными, было то, что, хотя, конечно, все населеніе страны пострадало отъ войны, но, если сравнить даже настоящее положеніе его съ обычнымъ положеніемъ нашего мужика въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, то здѣшнимъ «страдальникамъ» [1] живется и теперь лучше, чѣмъ нашимъ крестьянамъ. Это, конечно, было очень утѣшительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнимало охоту помогать деньгами нашего народа тѣмъ, кто сравнительно съ нимъ благоденствуетъ. Однако, при болѣе глубокомъ знакомствѣ съ здѣшней нуждой, это оказалось не совсѣмъ такъ. Жители центральной Сербіи не раззорены въ конецъ, поля ихъ засѣяны, у правительства есть запасы хлѣба, которые оно, въ крайнемъ случаѣ, принуждено было бы выдать. Но населеніе окраинъ лишилось буквально всего; переселенцы изъ Болгаріи и Босніи въ самомъ ужасномъ состояніи; много ихъ ужь перемерло; тоже несомнѣнно грозило и остальнымъ, еслибы они были предоставлены попеченіямъ одного сербскаго правительства, безпечность котораго замѣчательна. По всей моравской линіи и въ стороны къ Крушевцу и Княжевцу бѣгуны, которыхъ я видѣла въ сентябрѣ, находились и теперь въ томъ же положеніи, какъ тогда,

[1] Этотъ терминъ принятъ сербами для бѣгуновъ и вообще пострадавшихъ отъ войны.

пожалуй, еще въ худшемъ, ибо въ сентябрѣ было тепло, бѣгуны находили себѣ пріютъ хоть подъ открытымъ небомъ, отсутствіе теплой, да и всякой одежды для нихъ не было такъ чувствительно. Разница была въ томъ, что теперь они построили себѣ шалаши изъ вѣтвей, гдѣ и укрывались отъ непогоды. День они проводили въ поискахъ за работой, которую теперь въ Сербіи достать мудрено, вечеромъ зажигали въ шалашахъ костры и согрѣвались около нихъ, лежа на голой землѣ, полунагіе, въ расползавшихся на плечахъ отъ ветхости рубахахъ. Никакой теплой одежды у нихъ не было.

Такъ живетъ приблизительно пятая часть всѣхъ бѣгуновъ. Большинство ихъ составляютъ болгаре, которые, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сами не хотятъ уходить изъ лѣсу, несмотря ни на что. Они боятся, что ихъ заманятъ въ дома, а потомъ—что̀, говорятъ, ужь бывало—выгонятъ и они будутъ принуждены вновь строить шалаши. Послѣднее обстоятельство пугаетъ ихъ главнымъ образомъ потому, что не всѣ хозяева земли, на которой располагаются бѣгуны въ шалашахъ, позволяютъ имъ это; есть такіе, которые требуютъ съ нихъ плату за мѣсто на землѣ, а то гонятъ вонъ. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что такихъ алчныхъ между сербами немного; это—кулаки, какіе бываютъ всюду. Большинство, если не помогаетъ, то принимаетъ живое участіе, когда видитъ оказываемую другими помощь бѣднякамъ. Я не могу забыть добрыхъ чувствъ, высказанныхъ сербами-хозяевами той меаны, между Баней и Княжевцемъ, гдѣ мы встрѣтили партію голодныхъ болгаръ. Они не скрывали своей радости при видѣ оказанной болгарамъ помощи, стали угощать насъ виномъ и кофе, провожали съ фонарями до того мѣста дороги, гдѣ поперегъ ея лежало бревно, мѣшавшее проѣзду, вырубили это бревно, стоя по колѣна въ грязи, и простились съ нами только тогда, когда дорога пошла ровная. Вообще, поѣздка внутрь Сербіи производитъ самое освѣжающее впечатлѣніе; тамъ несомнѣнно убѣждаешься, что если сербское правительство дѣлаетъ разницу между болгарами и сербами, то народъ относится не такъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, мнѣ нигдѣ не случалось видѣть ни малѣйшаго недоброжелательства съ его стороны къ болгарамъ. Напротивъ, сербскіе простолюдины иногда сами намъ указывали на нуждающихся болгаръ.

Возвращаюсь къ русскому комитету. Помощь, которую онъ можетъ здѣсь оказать, теперь ужь опредѣлилась. Въ настоящее время, на его попеченіи находится около 50,000 человѣкъ; имъ онъ даетъ средства кое-какъ просуществовать до весны и расходуетъ на это около 13,000 дукатовъ въ мѣсяцъ, т. е. по теперешнему курсу, 52,000 р. Столько же обходится ему до сихъ поръ одежда, кромѣ подвижнаго матеріала для ея развозки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ проявились болѣзни, онъ устроилъ ме-

дицинскую помощь, организовать которую, впрочемъ, теперь очень трудно за неимѣніемъ докторовъ.

Кромѣ содержанія, одежды и медицинской помощи, комитетъ предполагаетъ раздавать еще рабочіе матеріалы; женщинамъ ужъ кое-гдѣ роздалъ шерсть, нитки, иголки и пр.; если будетъ заключенъ миръ, нужно купить еще льну для такихъ мѣстностей, какъ, напримѣръ, Княжевцъ и села, гдѣ все сожжено; для мужчинъ—топоры, доски для построекъ и пр. Къ сожалѣнію, никакой работы внутри Сербіи теперь организовать нельзя, такъ какъ еще неизвѣстно, что будетъ завтра. Но въ Бѣлградѣ удалось устроить швейную; заказы бѣлья и платья исполняются, насколько возможно, не черезъ подрядчиковъ, а приготовляются самими нуждающимися. Это дѣло идетъ очень удовлетворительно; отъ спроса на работу, которая дается и на домъ, нѣтъ отбою, такъ что приходится давать ее только самымъ бѣднымъ.

Свою помощь внутри Сербіи русскій комитетъ распредѣляетъ черезъ мѣстные отборы (по-сербски — комитетъ), организуемые уполномоченными главнаго комитета и состоящіе почти исключительно изъ сербовъ. Хотя участіе русскихъ въ этихъ отборахъ весьма желательно, но теперь русскихъ въ Сербіи такъ мало, что выбирать не изъ кого. Отборы существуютъ почти во всѣхъ городахъ; въ иныхъ мѣстахъ цѣлые округа находятся на попеченіи русскаго комитета, которому мѣстные отборы сообщаютъ о нуждахъ населенія и даютъ отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ. Комитетъ удостовѣряется отъ времени до времени въ положеніи дѣлъ черезъ своихъ уполномоченныхъ, преимущественно изъ русскихъ, которые дѣлаютъ объѣзды почти каждыя двѣ недѣли. Кромѣ того, русскіе же агенты отвозятъ одежду и раздаютъ ее на мѣстахъ. Бѣлградъ и бѣлградскій округъ находятся въ вѣдѣніи главнаго комитета.

Въ самомъ Бѣлградѣ комитетъ имѣетъ возможность оказывать еще одинъ видъ пособія. Онъ покупаетъ у жены итальянскаго консула, графини Іоаннини, билеты на устроенные ею здѣсь обѣды и раздаетъ ихъ тѣмъ бѣгунамъ, которые поселились въ Бѣлградѣ. Этотъ видъ пособія обходится не дешево, ибо состоящій изъ супа, правда, сытнаго, куска вареной говядины и $^1/_2$ ока ($^3/_4$ ф.) хлѣба обѣдъ, стоитъ 133 пары, на наши деньги приблизительно 20 к. Правда, порціи очень большія, такъ что одной могутъ быть сыты двое, но и при этомъ условіи помощь въ Бѣлградѣ обходится дороже, чѣмъ вдвое, противъ той, которая достаточна для другихъ мѣстностей Сербіи.

Если къ этому прибавить выдачу пособія возвращающимся на родину волонтерамъ, преимущественно герцеговинцамъ, черногорцамъ и болгарамъ, или, по крайней мѣрѣ, одежду имъ, помощь раненымъ и искалѣченнымъ войной, то ясно, что бюджетъ русскаго комитета долженъ быть очень великъ и 150,000 р. хва-

титъ не надолго. Но это еще не все. Впереди, если русская помощь продержится до весны, комитету предстоятъ новые, весьма значительные расходы: покупка зерна и скота для жителей окраинъ, гдѣ поля остались незасѣянными. А въ случаѣ заключенія мира къ тому времени, мы должны воспользоваться случаемъ оказать, какъ я ужь сказала, пособіе болгарамъ, которые болѣе нуждаются, нежели сербы, болѣе натерпѣлись, нежели они, и менѣе получили отъ русскихъ, да и отовсюду.

Я не знаю, намѣрено ли наше правительство дать еще денегъ съ тою же цѣлью, съ которой прислано теперь 150,000; но если оно это и сдѣлаетъ, то частныя пожертвованія, присылаемыя до сихъ поръ изъ Россіи разнымъ лицамъ въ Сербію, были бы весьма полезны и для русскаго комитета, въ рукахъ котораго теперь сосредоточивается вся русская, сколько-нибудь организованная помощь. Эти пожертвованія начали поступать въ небольшомъ еще, правда, количествѣ. Одни присылаются прямо изъ Россіи, другія передаются въ комитетъ здѣшними русскими учрежденіями, прекратившими свою дѣятельность. Въ числѣ пожертвованій обращаютъ на себя вниманіе вещи, переданныя комитету, кажется, московскимъ славянскимъ уполномоченнымъ, и между этими вещами тѣ, которыя пожертвованы нашими крестьянками. Достаточно видѣть сарафаны, полотенца и пр., чтобы понять съ какими чувствами они отдавались. Сарафаны нетолько новенькіе, съ иголки, съ красивымъ рисункомъ, но еще въ нѣкоторые изъ нихъ воткнуты цѣлые ряды иголокъ и булавокъ. Видно, что отдавалось лучшее, думалось о томъ, что и мелочи могутъ понадобиться тѣмъ, кому вещи предназначались. Вообще, въ крестьянскихъ посылкахъ, самомъ выборѣ ихъ, проглядываетъ трогательная заботливость о сербахъ. Зато надо видѣть, съ какимъ удовольствіемъ эти вещи принимаются; сербкамъ очень нравится русскій нарядъ и раздается онъ преимущественно молоднмъ.

Говоря о русской помощи здѣсь, кстати упомянуть еще объ одномъ ея родѣ, хотя это вовсе не касается ни русскаго комитета, ни нынѣшнихъ обстоятельствъ. Я хочу сказать объ отправкѣ сербскихъ и болгарскихъ дѣтей на воспитаніе въ Россію. Дѣло это, если не ошибаюсь, ввѣрено митрополиту; оно безспорно хорошо, но имѣетъ и свою тѣневую сторону, которая особенно видна здѣсь, на мѣстѣ. Отправляютъ въ Россію дѣтей всѣхъ состояній; между ними есть дочери учительницъ и другихъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ классовъ, есть дочери и простыхъ женщинъ, занимающихся прачечнымъ или какимъ-нибудь другимъ ремесломъ. Всѣ наперерывъ добиваются счастія, чтобы ихъ дѣти попали въ Россію; но понимающіе сербы видятъ въ этомъ не одно добро. Хотя въ Сербіи преобладаетъ равенство состояній, но все-таки между взглядами и вкусами воспитанной въ институтѣ барышни и матери-крестьянки неизбѣжна разница, причиняющая впослѣдствіи не мало бѣдъ обѣимъ.

Я ужъ не говорю о томъ, что вообще условія жизни въ Россіи и Сербіи совершенно разныя и переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ обходится не безъ труда и ломки, пожалуй, отражающейся на всей послѣдующей жизни. Поэтому нельзя не сочувствовать сербамъ въ ихъ желаніи, чтобы ассигнуемыя русскими суммы на воспитаніе въ Россіи сербскихъ дѣтей, даже круглыхъ сиротъ, были бы обращены на устройство какого-нибудь пріюта или вообще воспитательнаго заведенія въ самой Сербіи. На это не потребовалось бы лишнихъ расходовъ; напротивъ, они сократились бы, еслибы живущія въ русскомъ пріютѣ дѣти посѣщали здѣшнія школы, а въ самомъ пріютѣ обучались бы, подъ руководствомъ русской учительницы или учителя, нашему языку. Противъ послѣдняго сербы нетолько ничего не имѣютъ, но, напротивъ, сильно желаютъ этого. Такимъ путемъ мы раціональнѣе помогли бы имъ, и устранили бы одно изъ тѣхъ препятствій, которое такъ неожиданно поразило и сербовъ, и русскихъ при ихъ сближеніи нынѣшнимъ лѣтомъ—взаимное непониманіе языка. Наконецъ, присылкой въ такое заведеніе, еслибы оно здѣсь учредилось, нашихъ педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ и книгъ, мы, не задаваясь никакими планами обученія, оказали бы дѣйствительную услугу сербамъ. Они сами признаютъ, что ихъ педагогическая литература только выиграла бы отъ знакомства съ русской, которая, при всей своей незначительности, все-таки гораздо выше сербской. Мнѣ кажется, что обо всемъ этомъ стоитъ подумать.

Е. Л.

Бѣлградъ, 28-го января.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Турки и конституція. — Новая шереметевско-новосильская политико-экономическая теорія.—Рекомендуемое «Русскимъ Міромъ» устройство русскаго земледѣлія по шотландскому способу.—Отчего до сихъ поръ никто не даетъ русскому обществу обстоятельнаго отчета въ деньгахъ, пожертвованныхъ послѣднимъ на славянъ?

Провозглашеніе въ Турціи конституціи произвело всеобщую веселость и въ нашемъ обществѣ, и въ литературѣ. Не было, я думаю, человѣка, который бы не посмѣялся надъ глупостію турокъ, вообразившихъ, что они ничѣмъ не хуже просвѣщенныхъ народовъ Европы и могутъ обзавестись всѣми тѣми учрежденіями, которыми украшается и современная Европа. На первый взглядъ представляется, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то уже очень глупымъ такое самомнѣніе о себѣ турокъ. Мы привыкли считать турокъ нетолько круглыми невѣждами, но и урожденными варварами, угнетателями, грабителями, такъ что намъ какъ-то странно и вообще совмѣстить эти два понятія: Турція и конституція! А тутъ еще болгарскія избіенія и грабежи, совершенные только вчера...

Однакожь, если попристальнѣе вдуматься въ дѣло, то не окажется никакихъ серьёзныхъ причинъ, по которымъ турки не могли бы имѣть такихъ же учрежденій, какими владѣетъ и просвѣщенная Европа. Правда, турки теперь—варвары, угнетатели, грабители. Но варварствъ, угнетеній, грабежей было ни чуть не менѣе и въ другихъ государствахъ, пока существовало въ нихъ крѣпостное право. И однакожь, это не помѣшало послѣднимъ обзаводиться конституціей. Почему же, спрашиваю я, не могли бы совладать съ конституціей и турки? Но объ этомъ рѣчь будетъ еще ниже, а теперь замѣчу только, что, во всякомъ случаѣ, провозглашеніе турками конституціи нетолько не свидѣтельствуетъ о ихъ глупости, а, напротивъ, показываетъ въ нихъ великую сообразительность и дальновидность.

Такимъ ничего незначущимъ листомъ бумаги, какъ конститу-

ціонная хартія, который въ дѣйствительности ничего у нихъ существеннаго отнять не можетъ, турки убиваютъ разомъ двухъ зайцевъ.

Во-первыхъ, они освобождаются отъ постигшихъ ихъ въ настоящее время временныхъ замѣшательствъ. Засѣдавшіе въ константинопольской конференціи европейскіе уполномоченные не знали, какъ съ ними и говорить, чтобы добиться толку. Когда уполномоченные обращались къ султану, султанъ отвѣчалъ, что онъ, какъ конституціонный монархъ, самъ ничего не предпринимаетъ и не рѣшаетъ безъ совѣта министровъ. «Обратитесь, дескать, сначала къ нимъ». Когда уполномоченные начинали говорить съ министрами, министры ссылались на народное представительство. «Подождите, дескать, когда соберутся народные представители; вы представляете такія требованія, которыхъ мы безъ народнаго представительства рѣшить не можемъ. Да и подумайте, прибавляли они къ этому, обращаясь къ европейскимъ уполномоченнымъ:—есть ли смыслъ въ вашихъ требованіяхъ? Конституція даетъ больше, чѣмъ вы требуете: она даетъ равноправность политическую и гражданскую всѣмъ гражданамъ турецкой имперіи, безъ различія религій, племенъ и т. д., всѣмъ—и туркамъ, и христіанамъ, а вы требуете особаго трактата на нѣкоторыя совершенно незначительныя, въ сравненіи съ этимъ, льготы только для славянъ-христіанъ! Вѣдь это все равно, что мы стали бы требовать отъ васъ особаго трактата на свободное отправленіе проживающими въ Европѣ магометанами обрядовъ ихъ вѣры, когда, по дѣйствующимъ въ европейскихъ государствахъ законамъ, тамъ дозволено свободное отправленіе всѣхъ религій. Это, какъ хотите, а странно и обидно для достоинства нашей имперіи».

«Да, возражали на это европейскіе уполномоченные: — мы и не предъявляли бы такихъ требованій, еслибы могли имѣть хоть малѣйшую вѣру, что Турція исполнитъ то, что̀ обѣщаетъ въ своей конституціи! Но вы подумайте: сколько вы издавали уже гаттовъ, въ которыхъ обѣщалось почти дословно все то, что̀ содержитъ теперь и ваша конституція. На дѣлѣ, однакожъ, ничего не исполнялось; все оставалось въ одномъ и томъ же видѣ, какъ было, несмотря ни на какіе ваши гатты».

«А, гатты! отвѣчали на это турецкіе министры:—гатты — совсѣмъ другое дѣло. Гатты можно было не исполнять, а конституція — ея нельзя не исполнять». Почему нельзя не исполнять конституціи, это объяснилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сафветъ-паша въ циркулярѣ, разосланномъ имъ по поводу провозглашенія конституціи представителямъ Турціи при иностранныхъ дворахъ. «Если найдутся такіе люди, пишетъ Сафветъ-паша въ этомъ циркулярѣ: — которые обѣщанія, содержащіяся въ прежнихъ гаттахъ, будутъ сопоставлять съ постановленіями нынѣшней конституціи, то вашъ долгъ, господинъ агентъ, съ твердостію и обстоятельно объяснить имъ радикальное раз-

личіе, существующее между этими двумя фактами — различіе, которое такъ велико, что устраняетъ всякую мысль о сравненіи. Конституція—не пустое обѣщаніе: это, напротивъ—данный въ руки формальный актъ, сдѣлавшійся достояніемъ всѣхъ оттомановъ, дальнѣйшее развитіе котораго могло бы быть удержано или замедлено только волею націи, вмѣстѣ съ волею султана. Такого опредѣленнаго и торжественнаго акта Европа никогда не требовала отъ насъ и даже совѣта намъ о томъ не давала. Императорское правительство слѣдовало въ этомъ случаѣ не какимъ-нибудь пришедшимъ извнѣ побужденіямъ. Безъ всякаго сторонняго давленія, безъ всякаго сторонняго вліянія, оно дало конституцію, руководимое единственно разумомъ и патріотизмомъ. Вотъ почему мы требуемъ нынѣ, чтобы Европа имѣла вѣру въ наши новыя институціи и видѣла въ нихъ полную гарантію всѣхъ тѣхъ интересовъ, защищать которые она поставила себѣ задачею. Мы имѣемъ право констатировать, что великодушная и возвышенная иниціатива султана предупредила и даже превзошла заботливыя ожиданія Европы».

На дальнѣйшія требованія болѣе, такъ сказать, реальныхъ гарантій турецкіе министры говорили: «а! вы хотите видѣть конституцію въ дѣйствіи—самое, такъ сказать, дѣло. Ну, что же! Мы и на это согласны. Пусть таже самая конференція, которая засѣдаетъ теперь, опять пріѣдетъ къ намъ черезъ два года и тогда она увидитъ, что у насъ конституція въ полномъ ходу, что все творится въ полной гармоніи съ нею и противозаконнаго ничего нѣтъ».

Этимъ завѣреніямъ турецкихъ министровъ не повѣрили ни европейскіе уполномоченные, ни русское общество, ни журналистика. А я увѣренъ, что министры турецкіе говорятъ совершенно искренно, что турецкая конституція будетъ непремѣнно приведена въ исполненіе, и, черезъ какихъ нибудь два года, Европа не будетъ имѣть никакого повода вмѣшиваться во внутреннія турецкія дѣла, такъ какъ все здѣсь будетъ производиться совершенно законно, на точномъ основаніи конституціи. Это именно и есть тотъ второй заяцъ, котораго Турція убиваетъ провозглашеніемъ конституціи. Съ введеніемъ у себя конституціоннаго представительства, Турція несомнѣнно навсегда освободится отъ опеки Европы.

Ибо чѣмъ теперь вызывается вмѣшательство Европы во внутреннія турецкія дѣла? Невыносимымъ положеніемъ райи. Въ Турціи остается пока тоже крѣпостное положеніе, которое было и въ Европѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что всѣ землевладѣльцы здѣсь — мусульмане, оттоманы, а всѣ крѣпостные — христіане, райи. Имѣя въ виду, что при крѣпостномъ правѣ, и въ христіанскихъ государствахъ у крѣпостныхъ отнималось даже право жалобы на своихъ помѣщиковъ и положеніе крѣпостного зависѣло только отъ воли помѣщика и обусловливалось единственно тою или другою полезностію его для послѣдняго, я никакъ не думаю,

чтобы различіе религіи могло много увеличивать тяжесть крѣпостныхъ въ турецкой имперіи. Если насъ приводятъ теперь въ ужасъ извѣстія о томъ, что турки насилуютъ христіанскихъ женщинъ, берутъ ихъ въ гаремы, продаютъ христіанъ на базарахъ, и т. п., то вѣдь это только потому, что въ христіанской Европѣ теперь нѣтъ ничего подобнаго. А давно ли jus primae noctis было почти что обычнымъ правомъ, которымъ безпрепятственно могъ пользоваться каждый душевладѣлецъ, если была охота? Давно ли у христіанскихъ душевладѣльцевъ были цѣлые гаремы? Давно ли германскіе князьки продавали населеніе своихъ владѣній цѣлыми десятками тысячъ единственно для того, чтобы выстроить какой нибудь изящный зàмокъ или сдѣлать цѣнный подарокъ своей любовницѣ? Ни христіанская, ни мусульманская, ни всякая другая религія тутъ не при чемъ. Разъ конституція уничтожитъ крѣпостныя отношенія между христіанами и райями, сохранивъ, при этомъ, матерьяльные интересы мусульманъ—условіе sine qua non—всѣ бывшія доселѣ въ Турціи жестокости, неистовства, варварства по отношенію къ райямъ прекратятся, и турки сдѣлаются такими же гуманными джентльмэнами въ обращеніи съ райями, какъ и англійскіе ландлорды. А что турецкая конституція, какъ и всякая другая конституція, съумѣетъ нетолько сохранить, а даже пріумножить матерьяльные интересы бывшихъ владѣльцевъ-мусульманъ, въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Въ первую же, вѣроятно, сессію народнаго представительства, начнется рѣчь о томъ: какъ бы увеличить производительность страны, приложить капиталы къ землѣ, отъ экстензивной культуры земли обратиться къ интенсивной, причемъ, само собою разумѣется, найдено будетъ, что мелкое землевладѣніе, не обладающее капиталомъ, только истощаетъ землю хищническимъ эксплуатированіемъ, затѣмъ, начнутся разныя поземельныя разверстанія, округленія, и т. п., въ родѣ англійскихъ clearing of estates, inclosure acts, а кончится все это тѣмъ, что у райи, на основніи актовъ, утвержденныхъ народнымъ представительствомъ, не останется ни одного клочка земли во владѣніи, чтò, впрочемъ, нисколько не помѣшаетъ имъ быть и называться истинными *оттоманами*, какъ величаетъ ихъ турецкая конституція, т. е. конституціонно имѣть права совершенно одинаковыя съ турками, хотя въ дѣйствительности ими не пользоваться.

Вы скажете: «да это будетъ очевидный грабежъ, и Европа будетъ имѣть полное право вступиться за обобранную райю». Ошибаетесь. При конституціи, Европа не будетъ и не можетъ имѣть никакихъ правъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи. Ибо грабежей тогда никакихъ не будетъ. То, что теперь совершается только, такъ сказать, спорадически, при помощи судейскаго крючкотворства, чиновническаго плутовства, частныхъ обмановъ, хитрости, насилія—то, чтò вы называете теперь грабежемъ, тогда сдѣлается общею законною мѣрою, въ троекратномъ чтеніи раз-

смотрѣнною народнымъ представительствомъ и имъ утвержденною, и будетъ называться не грабежомъ, а экспропріаціею поземельной собственности въ видахъ государственнаго блага или clearing of estates inclosure acts и тому подобными приличными конституціонными терминами. Если же вы и послѣ этого все еще будете упорствовать и такія вполнѣ законныя мѣры называть грабежемъ, то турки будутъ имѣть полное право указать вамъ на вашу непослѣдовательность и на злостное отношеніе къ нимъ однимъ. Такіе же точно процессы экспропріаціи или, выражаясь проще, обирательства земли у народныхъ массъ происходитъ вездѣ, гдѣ есть конституціи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи и т. д., и въ особенности въ Англіи. Здѣсь лорды, на основаніи конституціонныхъ актовъ, обобрали у крестьянъ всю ихъ землю; вмѣсто крестьянъ собственниковъ въ нашемъ смыслѣ слова, оставили почти однихъ сельскихъ рабочихъ, но и тѣхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшаютъ, уничтожая жилыя для нихъ помѣщенія въ своихъ имѣніяхъ иногда единственно только для того, чтобы открыть для себя хорошіе ландшафты или придать болѣе изящества своимъ имѣніямъ. Однакожъ, никто не называетъ подобныхъ clearing англійскихъ лордовъ грабежемъ, потому что они совершаются на основаніи совершенно законныхъ конституціонныхъ актовъ. Почему же то, что̀ не составляетъ грабежа по одной конституціи, можетъ быть названо грабежемъ по другой?

Можетъ быть, скажутъ, что «народное представительство будетъ составляться въ Турціи не такъ законно, какъ оно составляется въ европейскихъ государствахъ». Напрасно. Представительство народное будетъ въ Турціи настолько же законно, насколько оно законно вездѣ въ современныхъ конституціяхъ. Всѣ современныя конституціи основаны, какъ извѣстно, на принципѣ исключительно имущественнаго ценза, и, слѣдовательно, въ существѣ дѣла суть представительства имущественныхъ классовъ. Точно такое же представительство будетъ и въ Турціи. Въ него войдутъ нынѣшніе владѣющіе классы, какъ это было и при введеніи конституцій во всѣхъ государствахъ, и eo ipso турки необходимо будутъ превалировать въ представительствѣ. Очень можетъ быть, что кое-гдѣ какой нибудь ревностный паша вычеркнетъ изъ избирательнаго списка какого-нибудь райю, имѣвшаго по своему имущественному цензу всѣ права на засѣданіе въ палатѣ представителей. Но такія невѣрности при выборахъ бываютъ вездѣ — вспомнимъ, напримѣръ, какъ производились выборы во Франціи при Наполеонѣ — а потомъ, въ общемъ, эти невѣрности особеннаго значенія не имѣютъ. Всякій впередъ знаетъ, что въ турецкомъ представительствѣ самое большое большинство на совершенно законномъ основаніи могутъ и будутъ непремѣнно составлять турки.

Такимъ образомъ, какъ ни верти, а выходитъ, что эти невѣжественные варвары, эти азіаты — турки поняли, наконецъ, ко-

рень европейской соціальной и политической мудрости и намѣрены теперь сами вкусить отъ плодовъ его. А этотъ корень есть несомнѣнно конституція.

Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что изъ всѣхъ изобрѣтеній европейскаго ума одно изъ самыхъ замѣчательныхъ по своимъ послѣдствіямъ есть несомнѣнно изобрѣтеніе конституціи хотя въ сущности вещь эта очень простая. Видите ли въ чемъ дѣло: когда въ какой-нибудь странѣ народонаселеніе сильно увеличивается, такъ что земли для пропитанія его становится сравнительно очень мало и она дѣлается очень цѣнною, а рабочія руки для обработки земли предлагаются почти что ни почемъ—тогда крѣпостной трудъ становится, какъ извѣстно, очень убыточенъ. Этого мало: дальнѣйшее пользованіе крѣпостнымъ трудомъ становится тогда невозможнымъ, вслѣдствіе неизбѣжной вражды, возникающей между владѣльцемъ и крѣпостнымъ населеніемъ. Съ одной стороны, помѣщикъ, естественно, желая не уменьшать свои доходы съ имѣнія, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивать ихъ, и не имѣя возможности при дурной крѣпостной обработкѣ земли возвысить ея производительность, старается выгадать то, что теряетъ здѣсь, на уменьшеніи стоимости для себя крѣпостнаго труда и на вознагражденіи качества труда количествомъ, или, говоря другими словами, на ухудшеніи содержанія своихъ крѣпостныхъ и на обремененіи ихъ непосильными работами. Это, естественно, производитъ въ другой сторонѣ—въ крѣпостномъ населеніи недовольство и раздраженіе, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Древніе рабовладѣльцы становились въ тупикъ предъ подобными симптомами опаснаго броженія въ крѣпостномъ населеніи и не знали что̀ имъ дѣлать. По своей простотѣ и неопытности въ дѣлахъ промышленно-коммерческихъ, они не могли представить себѣ, чтобы можно владѣть еще иначе какъ нибудь людьми, нежели какъ они владѣли. Европеецъ, какъ человѣкъ опытный и развитой, понялъ, что такъ дѣйствовать, какъ они дѣйствовали, глупо и неразсчетливо; онъ былъ увѣренъ, что если при сильно увеличивающемся народонаселеніи дать свободу крѣпостнымъ, то при невѣжествѣ ихъ, мало-по-малу можно отобрать у нихъ всѣ матеріалы и орудія производства, и тогда можно завладѣть не ничтожными какими нибудь клочками земли, а имѣть въ своемъ владѣніи цѣлыя части страны и даже цѣлую страну. Вотъ почему европеецъ, когда народонаселеніе страны увеличивается, земля становится цѣнна, рабочія руки дешевы, а крѣпостной трудъ и невыгоденъ, и не безопасенъ, призываетъ къ себѣ крѣпостное населеніе и говоритъ ему:

«Ну, братцы, я лично не виноватъ въ томъ, что въ прошедшіе невѣжественные вѣка вы были закрѣпощены. Помянувъ Бога и то, что вы и я произошли отъ одного и того же праотца Адама, слѣдовательно, братья по плоти, и что всѣ мы, и вы и я искуплены кровію одного и того же Богочеловѣка,

слѣдовательно, братья во Христѣ, я начинаю считать богопротивнымъ и беззаконнымъ удерживать васъ долѣе въ своемъ крѣпостномъ владѣніи. Будьте и вы также свободны, какъ я, во всемъ равны со мною, однимъ словомъ—будемъ впредь жить, какъ братья, будемъ съ сего времени устраивать всѣ вмѣстѣ нашу жизнь и сами писать себѣ законы съ нашего общаго обсужденія и согласія,

«А чтобы вы не подумали, что я дѣйствую неискренно по отношенію къ вамъ, что у меня есть какіе-нибудь тайные, корыстные замыслы противъ васъ, то вотъ вамъ письменная хартія».

Затѣмъ, европеецъ садится и пишетъ, примѣрно, слѣдующую конституцію:

1) Всѣ граждане страны (*имя рекъ*) лично свободны, исключая тѣхъ случаевъ, когда кого-нибудь изъ нихъ, по причинамъ въ законахъ предусмотрѣннымъ, или и не непредусмотрѣннымъ, но угрожающимъ общему спокойствію, нужно будетъ посадить въ тюрьму.

2) Всѣ граждане равны передъ закономъ и судомъ, исключая случаевъ привилегированнаго положенія, въ законѣ предусмотрѣнныхъ, и другихъ въ законѣ не предусмотрѣнныхъ, ибо ихъ и предусмотрѣть нельзя—частныхъ, зависящихъ отъ родства, кумовства, сильной протекціи и т. п.

3) Всѣ граждане въ имущественномъ отношеніи равны, т. е. имѣютъ право на одинаковыя средства къ пріобрѣтенію имущества, исключая предусмотрѣнныхъ въ законѣ случаевъ, обусловливаемыхъ неодинаковостью происхожденія, неодинаковостью воспитанія, неодинаковостью распредѣленія натуральныхъ фондовъ, законно обусловливаемаго въ свою очередь отчасти правами наслѣдства, отчасти видами государственной пользы и т. д.

4) Всѣ граждане—братья. Этимъ навсегда устраняется самая мысль о томъ, чтобы съ сихъ поръ одинъ гражданинъ могъ владѣть другимъ, какъ было въ крѣпостномъ состояніи, исключая предусмотрѣнныхъ въ законѣ случаевъ временнаго владѣнія, происходящаго отъ имущественнаго неравенства, допускаемаго лишь въ предусмотрѣнныхъ закономъ и вышеобозначенныхъ отчасти случаяхъ.

5) Чтобы установленное въ вышеозначенныхъ пунктахъ равенство гражданъ не было нарушено какими-нибудь несообразными законами, предоставляется самимъ гражданамъ начертывать для себя самихъ законы. Каждый гражданинъ есть eo ipso и самъ себѣ законодатель. Ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы, если онъ имъ самимъ не разсмотрѣнъ, не одобренъ и не утвержденъ. Ему же предоставляется право и наблюдать надъ точнымъ исполненіемъ постановленныхъ имъ законовъ.

6) Такъ какъ, однако-жъ, всѣ граждане лично не могутъ участвовать ни въ составленіи законовъ, ни въ требованіи отчетности относительно исполненія ихъ, то всѣ граждане выбираютъ

для этого дѣла излюбленныхъ изъ среды себя уполномоченныхъ, изъ которыхъ и составляется народное представительство.

7) Само собою разумѣется, что на такой высокой постъ, какъ постъ народнаго представителя, должны избираться самые лучшіе люди. А такъ какъ взгляды гражданъ на моральныя качества, требуемыя для уполномоченныхъ, могутъ быть очень субъективны и мнѣнія о способныхъ къ тому лицахъ въ ихъ средѣ весьма разнообразны, такъ что, если предоставить дѣло выбора только чисто субъективнымъ соображеніямъ, можетъ, пожалуй, ни одно общество ни на комъ не сойдтись и народное представительство вовсе не составиться, то и постановляется одинъ общій объективный признакъ для избираемыхъ и избирателей—*имущество*.

Установивъ эти положенія, европеецъ приступаетъ потомъ къ самому главному пункту конституціи, можно сказать, къ существу ея — къ опредѣленію избирательнаго ценза. Само собою разумѣется, что всѣхъ неимущихъ онъ устраняетъ отъ права участвовать въ избраніи. Затѣмъ, положивъ для избирателей имущественный цензъ не особенно значительный, онъ назначаетъ самый крупный цензъ для избираемыхъ. А такъ какъ и при высокомъ цензѣ могутъ иногда проскочить въ избираемые люди, не соотвѣтствующіе его видамъ, то въ число основныхъ законовъ конституціи вносится законъ о томъ, что народные представители ни отъ кого, ни отъ казны, ни отъ своихъ согражданъ не могутъ пользоваться діэтами, т. е. не получаютъ денегъ ни на проѣздъ въ представительное собраніе, ни на проживаніе въ немъ во время засѣданій, продолжающихся иногда по многу мѣсяцевъ.

Въ профильтрированномъ, такимъ образомъ, народномъ представительствѣ, представителями народа являются крупные землевладѣльцы, крупные капиталисты, фабриканты, банкиры, однимъ словомъ—крупные собственники и аферисты всѣхъ сортовъ и видовъ.

Непривычному уху какъ-то дико и слышать, что подобное представительство называется народнымъ. А, между тѣмъ, оно дѣйствительно, народное! Ибо всѣ эти представители избраны народомъ. Въ томъ-то и состоитъ игра конституціи, что она выбирать представителей предоставляетъ народу, но сама указываетъ тѣ групы людей, изъ которыхъ онъ только и можетъ выбирать.

Вотъ почему всюду, гдѣ вводится конституція, основанная исключительно на имущественномъ цензѣ — вмѣстѣ съ конституціею начинается постепенное обезземеленіе. Пока конституція не окрѣпла, пока она составляетъ не болѣе, какъ форму для прикрытія сильной королевской власти, до тѣхъ поръ обезземеленіе идетъ спорадически, урывками, въ видѣ тѣхъ или другихъ частныхъ случаевъ. Но разъ крупно-имущественный классъ забираетъ въ руки свою полную силу, тогда обезземеленіе массъ на-

чиняется сплошное, и народъ конституціонными актами быстро выпускается въ трубу. Такъ именно это и произошло въ Англіи.

«Въ Англіи, говоритъ въ новой своей книгѣ: *Земледѣліе и землевладѣніе*, князь Васильчиковъ:—съ 1810 года по 1843 годъ правдой и неправдой разверстано было болѣе 7-ми милліоновъ акровъ земли, поступившихъ бо́льшею частію изъ крестьянскаго общиннаго владѣнія въ частное-помѣщичье, и лордъ Линкольнъ въ 1845 году свидѣтельствовалъ въ полномъ парламентѣ, что въ 19 случаяхъ изъ 20-ти права крестьянъ были пожертвованы интересамъ землевладѣльца, не столько по злому умыслу, сколько по причинѣ разныхъ формальностей, доказательствъ, требуемыхъ отъ крестьянъ, и придирокъ, чинимыхъ имъ адвокатами, щедро оплаченными богатыми лордами. Ка́къ быстро и внезапно совершился этотъ переворотъ, видно изъ того, что еще въ 1844 г. общинные выгоны занимали обширныя пространства въ центральныхъ и восточныхъ графствахъ, но уже съ 1867 г. всѣ эти общинныя земли были разверстаны и приписаны къ пустошамъ лордовъ. Arthur Young, въ концѣ прошлаго столѣтія, писалъ, что при всякомъ крестьянскомъ дворѣ (cottage) онъ всегда находилъ небольшую полосу пашни, а M. Caird, въ 1850 г., показываетъ, что пахатныхъ земель нигдѣ болѣе при этихъ коттеджахъ не остается. Однимъ словомъ, въ теченіи XVIII столѣтія и первой четверти XIX произошелъ въ Англіи, въ средѣ уже высокообразованной, при полной свободѣ политическихъ правъ, прессы и суда, мирно, безъ потрясенія и смутъ переворотъ, небывалый въ лѣтописяхъ Стараго Свѣта, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не встрѣчавшійся въ такихъ размѣрахъ и въ такой формѣ самовольнаго захвата чужой собственности и экспропріаціи цѣлаго народа. Онъ происходилъ такъ постепенно и незамѣтно, что сельскія общества бо́льшею частію узнавали объ отчужденіи своихъ земель не прежде, какъ когда землевладѣльцы отказывали имъ въ пользованіи, запирали стада, запрещали въѣздъ въ лѣсныя дачи или срывали крестьянскіе дворы; въ концѣ XVIII столѣтія (1786 г.) считалось еще 160,000 собственниковъ (крестьянъ), изъ коихъ бо́льшая часть не вѣдала о произведенной разверсткѣ и узнала о ней, когда предъявлены были акты (inclosure acts) разверстанія».

Такъ, вотъ видите ли, ка́къ народные представители устраиваютъ свои дѣла, *мирно, безъ потрясеній и смутъ*, какъ выражается князь Васильчиковъ, мало того—даже безъ вѣдома для него. Нѣтъ ничего удивительнаго, что туркамъ понравились европейскія конституціи и что они ввели конституцію у себя, чтобы сдѣлать изъ нея первое употребленіе по отношенію къ славянскимъ народностямъ. Само собою разумѣется, что они не будутъ такъ долго тянуть дѣла, какъ англичане. Въ Англіи, какъ бы то ни было, все-таки и «среда, какъ выражается князь Васильчиковъ, *уже высокообразованная, и полная свобода политическихъ правъ, и прессы и суда*»—слѣдовательно, чтобы обдѣлать дѣло, надобно не просто постановить актъ

объ отобраніи земель, а актъ объ разверстаніи земель, потомъ явить этотъ актъ въ судъ, нанять брехунцовъ и т. п. Въ Турціи все это сдѣлается гораздо проще: въ видахъ государственнаго блага, преуспѣянія земледѣлія, увеличенія производительности земли и т. п., двумя или тремя актами народнаго представительства, мелкое владѣніе экспропріируется въ пользу крупныхъ собственниковъ, съ оставленіемъ за обобранными болгарами, босняками и т. д. имени *оттомановъ*, то-есть вполнѣ полноправныхъ граждан съ турками, что, впрочемъ, само собой явствуетъ и изъ конституціи.

Какое будетъ имѣть право Европа придраться къ подобнымъ, совершенно законнымъ, на точномъ основаніи конституціи составленнымъ актамъ?

Это понимаютъ турки, и потому мысль о конституціи въ Турціи не исчезаетъ, несмотря на то, что изобрѣтатель турецкой конституціи, Митхадъ-паша, сошелъ со сцены. Ревностнымъ приверженцемъ конституціи оказывается нетолько новый великій визирь, Эдхемъ-паша, бывшій посломъ въ Берлинѣ и, слѣдовательно, имѣвшій возможность отчасти уразумѣть сладость европейскихъ конституцій, но и самъ султанъ Гамидъ. Даже и онъ понялъ, что какъ для спасенія Турціи отъ Европы, такъ и для благоденствія всѣхъ истинныхъ оттомановъ нѣтъ лучшаго средства, какъ возвести посредствомъ конституціи всѣхъ истинныхъ оттомановъ въ законодатели, легализировать существующія данныя турецкія отношенія, полную власть имущаго класса, т. е. оттомановъ-побѣдителей, надъ неимущимъ, т. е., надъ райею, побѣжденными.

И напрасно думали, что турки этого не поймутъ. Въ той стадіи цивилизаціи, которую переживаетъ современная Европа, когда homo homini остается, все-таки, lupus и когда въ общественныхъ отношеніяхъ, за немногими исключеніями, дѣйствуетъ повсюду почти единственный законъ—законъ борьбы за существованіе, мысль эта такъ проста и такъ естественна, что стремленіе къ легализированію формъ, при посредствѣ которыхъ было бы удобнѣе владѣть себѣ подобными, дѣлается въ Европѣ присущею болѣе или менѣе всѣмъ тѣмъ обществамъ, въ которыхъ прекращается или затрудняется возможность существовавшаго до сихъ поръ насилія однихъ классовъ общества надъ другими. Оно осуществляется различными способами: или вдругъ по поводу какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ замѣшательствъ, какъ теперь въ Турціи, или постепенно и медленно. Прежде, чѣмъ оно перейдетъ въ сознаніе цѣлыхъ общественныхъ классовъ и выразится въ соотвѣтствующихъ мѣропріятіяхъ грандіознаго размѣра, оно проявляется сначала спорадически, мѣстно, захватывая небольшія групы лицъ и дѣлая мѣстныя попытки, зачастую инстинктивно, къ легализированію разныхъ частныхъ, ограниченныхъ извѣстными небольшими районами способовъ или проэктовъ для экспропріированія фондовъ или орудій производства у массъ.

Русское общество, такъ сочувственно отнесшееся къ принципу положенія 19 февраля, по которому русскій крестьянинъ не можетъ быть мыслимъ безъ земли, и справедливо гордящееся этимъ передъ Европой, должно зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы сепаратныя попытки, подъ видомъ заботливости объ общемъ благѣ, направляемыя къ поколебанію этого принципа, т. е. къ обезземеленію крестьянъ или, какъ выражались «Московскія Вѣдомости» и покойная «Вѣсть», къ освобожденію ихъ отъ земли, а также къ новому закрѣпощенію ихъ подъ новыми формами, въ родѣ всесословной волости, и т. п.—попытки, имѣющія всегда поддержку въ нѣкоторой части прессы, не находили себѣ приверженцевъ, по крайней мѣрѣ, въ представителяхъ того или другого земства, дворянства—этихъ, по идеѣ, носителей духа положенія 19 февраля, отчасти его творцовъ и охранителей.

А то, къ стыду нашему, даже въ такомъ собраніи, какъ петербургское дворянское собраніе, состоящемъ изъ цвѣта землевладѣльческой русской интеллигенціи, можетъ появляться, въ видахъ якобы осчастливленія народа, проэктъ въ родѣ всесословной волости, и нетолько появляться, но и подвергаться тщательной обработкѣ и находить во многихъ представителяхъ горячую защиту, причемъ одинъ изъ нихъ осмѣливается публично увѣрять собраніе, что русскіе мужики спятъ и видятъ, какъ бы ихъ снова обратили въ крѣпостное состояніе!!

Нѣчто подобное угрожало произойти недавно на послѣднемъ дворянскомъ съѣздѣ Тульской Губерніи. Одинъ изъ новосильскихъ дворянъ, А. В. Шереметевъ, сочинилъ проэктъ о необходимости, въ видахъ поднятія земледѣльческой культуры въ Россіи, отрѣшить оборотный капиталъ, т. е., земледѣльцевъ, отъ земли и приспособить ихъ къ основному капиталу, т. е., землевладѣльцамъ. Проэктъ этотъ былъ представленъ на предварительное обсужденіе дворянства Новосильскаго Уѣзда и такъ ему понравился, что, по словамъ автора проэкта, «всѣ дворяне уѣзда, въ составѣ десяти лицъ, единогласно одобрили его и за своею подписью внесли за губернскій столъ, прося избрать особую коммиссію для его разбора и доклада собранію, что, прибавляетъ авторъ, къ сожалѣнію, не состоялось».

Отказъ тульскаго губернскаго дворянскаго собранія дать какое-нибудь движеніе проэкту г. Шереметева, возбудившій весьма естественное сожалѣніе въ авторѣ проэкта, дѣлаетъ большую часть собранію. Видно, что въ тульскомъ дворянскомъ представительствѣ, не во гнѣвъ будь сказано петербургскому, гораздо болѣе интеллигентныхъ элементовъ, чѣмъ въ послѣднемъ, и потому оно понимаетъ, что давать какое бы то ни было значеніе проэктамъ, подобнымъ шереметевскому, даже только вносить ихъ на разсмотрѣніе представителей дворянства цѣлой губерніи, есть нѣкоторымъ образомъ уже униженіе для цѣлаго сословія.

Жаль, что этого не понялъ самъ г. Шереметевъ и рѣшился

обезсмертить себя и представителей новосильскаго дворянства, напечатавъ свой провалившійся проектъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 16). Для насъ этотъ проэктъ важенъ, впрочемъ, не по своему практическому значенію и вліянію, котораго онъ нигдѣ имѣть не можетъ, кромѣ развѣ кой-какихъ маленькихъ замкнутыхъ кружкбвъ малограматнаго уѣзднаго дворянства, а какъ опытъ новой политико-экономической теоріи, нашей собственной, россійской, черноземной, которую, по имени автора и мѣсту ея признанія, мы будемъ называть *Шереметевско-Новосильскою.*

Авторъ начинаетъ свой проэктъ описаніемъ печальнаго разстройства дворянскихъ имѣній; наглядными доказательствами этого разстройства для него служатъ: «постепенный переходъ родовыхъ дворянскихъ имѣній въ руки лицъ другихъ сословій; широкая дѣятельность земельныхъ банковъ, неуспѣвающихъ удовлетворять усиленнымъ и лихорадочнымъ требованіямъ заемщиковъ; залогъ имѣній въ частныхъ рукахъ подъ вторыя закладныя и, наконецъ, цѣлые столбцы газетныхъ объявленій, указывающіе на продажу имѣній съ аукціона».

Признаки разстройства, дѣйствительно, несомнѣнные, и авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что, если дѣло такъ пойдетъ и впередъ, то дворянство окончательно раззорится. «Истекшія пятнадцать лѣтъ агрономическихъ опытовъ дворянства, говоритъ онъ:—дѣлятъ его экономическую исторію, за тоже время, на три видимые періода: первый обнимаетъ время уничтоженія выкупныхъ бумагъ, полученныхъ въ обмѣнъ оборотнаго капитала—дароваго труда; второй прошелъ въ истребленіи закладныхъ листовъ, взятыхъ въ замѣнъ половины капитала основнаго, оставшейся за надѣломъ земли; третій наступаетъ теперь и состоитъ въ пріисканіи денегъ въ частныхъ рукахъ, подъ вторыя закладныя. Можно опасаться, что этотъ третій періодъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ».

Въ такомъ мнѣніи своемъ объ исходѣ россійскаго дворянскаго землевладѣнія г. Шереметевъ вполнѣ сходится съ тургеневскимъ представителемъ будущей Россіи, Соломинымъ въ «Нови». Послѣдній также говоритъ, что «лѣтъ черезъ двадцать-тридцать, нашей landed gentry совсѣмъ не будетъ». Оба они сходятся и насчетъ причинъ, въ силу которыхъ это произойдетъ. Какъ г. Шереметевъ, такъ и Соломинъ, равно признаютъ за дворянами полную неумѣлость вести земледѣльческое хозяйство. Разница только въ томъ, что Соломинъ на исчезновеніе россійской landed gentry смотритъ, какъ на явленіе весьма естественное, вина котораго находится, однакожъ, въ самомъ дворянствѣ, ибо земледѣльческая культура, какъ и всякая другая, требуетъ знаній и любви къ себѣ и не можетъ оставаться въ рукахъ людей, которые въ ней ничего не смыслятъ, нисколько о процвѣтаніи ея не заботятся, разбрасывая всѣ доходы, получаемые отъ земли, совершенно непроизво-

*

дительно. Г. Шереметевъ стоитъ совершенно на другой точки зрѣнія относительно правъ landed gentry на землю; по его мнѣнію, дворянство не обязано ни вести земледѣльческаго хозяйства, ни умѣть его вести; на обязанности государства лежитъ устроить поземельныя отношенія такъ, чтобы дворянство получало доходъ съ своихъ земель, не занимаясь несвойственнымъ ему промысломъ земледѣлія, и, если имѣнія дворянства находятся въ настоящее время въ разстройствѣ, то въ этомъ виноватъ никто иной, какъ государство, ибо, упразднивъ крѣпостное право, оно предоставило самимъ дворянамъ пещись о доходности своихъ земель, изъ чего, разумѣется, никакого толку выйдти не могло, по неумѣлости дворянства вести земледѣльческое хозяйство.

Читатель, конечно, почувствовалъ уже, что на него пахнуло чѣмъ-то новымъ, чернозёмнымъ, совсѣмъ россійскимъ въ области науки. И не ошибся. Мы, дѣйствительно, вступили въ область новой шереметевско-новосильской политико-экономической теоріи. Основное начало этой теоріи состоитъ въ томъ, что какъ землевладѣлецъ, такъ и владѣлецъ всякой другой недвижимой собственности не должны сами ни заниматься промысломъ, условливаемымъ этою собственностію, ни понимать что-нибудь въ этомъ промыслѣ. Это—не ихъ дѣло; ихъ дѣло—только получать доходъ. Потому каждый владѣлецъ недвижимой собственности, когда онъ самъ начинаетъ эксплуатировать ее, учиняетъ нѣкоторымъ образомъ хозяйственное преступленіе; онъ не можетъ не портить дѣла.

Объяснивъ, что «изъ извѣстныхъ трехъ способовъ отдачи земель въ аренду: арендаторамъ-фермерамъ,—не за деньги, а изъ части добываемыхъ продуктовъ, и, наконецъ, съемщикамъ на одинъ или нѣсколько сѣвооборотовъ», въ Россіи почти единственно доступенъ послѣдній—самый нераціональный, и, кромѣ него, землевладѣльцу выбирать нечего, г. Шереметевъ говоритъ:

«Поставленный такимъ образомъ, между сознаніемъ, что роль его, какъ землевладѣльца, должна ограничиваться полученіемъ правильнаго дохода отъ своего капитала (!?) и желаніемъ оградить его отъ единственно доступной ему хищнической системы сдачи земель съемщикамъ, онъ *поневолѣ* (?!) приступаетъ къ обработкѣ земли своими собственными средствами... Конечно, никто не отрицаетъ, что земледѣліе, какъ и всякой другой промыселъ, можетъ приносить выгоду даже и тогда, когда занимается имъ самъ владѣлецъ; такіе примѣры не могутъ не встрѣчаться, но нельзя исключеніе возводить въ общее правило и дѣлать его для всѣхъ обязательнымъ. Земледѣліе есть прежде всего промыселъ, а не догматъ, равнодушіе къ которому должно считаться преступленіемъ и въ честь котораго человѣкъ, обратившій свой капиталъ въ землю, долженъ дѣлать періодическія жертвоприношенія».

Таково основное воззрѣнie вновь явившейся шереметево-новосильской политико-экономической теорiи на поземельную собственность. Если разсматривать это воззрѣнie только съ одной чисто юридической точки, то и въ такомъ случаѣ оно представится по меньшей мѣрѣ страннымъ. Положимъ, каждый капиталистъ имѣетъ полную волю вложить свой капиталъ въ какое угодно ему дѣло; никто не имѣетъ права требовать отъ него, чтобы онъ изучилъ это дѣло, зналъ его или лично имъ занимался, если только невѣжественное производство его не угрожаетъ никакою опасностiю другимъ. Но за то никому дѣла нѣтъ и до того: получаетъ капиталистъ какой-нибудь доходъ отъ своего дѣла, или несетъ чистый убытокъ. Самъ капиталистъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его дѣло приносило ему доходъ, а не убытки; его дѣло—соображать и разсчитывать: насколько выгодны или невыгодны существующiя для его дѣла условiя и, смотря по этимъ соображенiямъ и разсчетамъ, или продожать вести его, или ликвидировать его и передать въ другiя руки. Точно тоже должно сказать и о землевладѣнiи, приравнивая его даже вполнѣ ко всѣмъ другимъ производствамъ, и разсматривая чисто съ юридической точки. Каждый, влагая свой капиталъ въ земледѣльческiй промыселъ, долженъ предварительно сообразить: насколько онъ можетъ выгодно производить этотъ промыселъ въ тѣхъ условiяхъ, въ которыхъ онъ поставленъ у насъ. Если онъ самъ земледѣльческаго хозяйства не понимаетъ или просто не хочетъ лично его вести, а желаетъ извлекать доходъ съ капитала, который онъ намѣренъ вложить въ землю, только посредствомъ отдачи послѣдней въ аренду, и при этомъ видитъ, что у насъ нѣтъ надежныхъ арендаторовъ, а есть только арендаторы хищники, то вѣдь никто его не толкаетъ браться за земледѣльческiй промыселъ и вкладывать сюда свой капиталъ. А если онъ берется за него, никѣмъ не вынуждаемый, по доброй волѣ, то какое онъ имѣетъ право требовать, чтобъ явилась какая-то внѣшняя благодѣтельная сила, которая-бы приняла его въ свое особенное попеченiе и, ради него, ничего не смыслящаго въ этомъ промыслѣ или лично не расположеннаго заниматься имъ, измѣнила существующiя условiя земледѣлiя, когда при этихъ самыхъ условiяхъ миллiоны земледѣльцевъ, даже при отсутствiи капитала, живутъ почти исключительно только доходомъ отъ земледѣлiя? Ужь если признавать за кѣмъ право на попеченiе въ земледѣльческомъ промыслѣ, то скорѣе оно должно быть признано за послѣдними, какъ людьми, понимающими это дѣло и занимающимся имъ съ любовiю.

Такъ представляется дѣло съ чисто юридической точки зрѣнiя на земледѣльческiй промыселъ. Но земледѣльческiй промыселъ нельзя разсматривать съ одной только юридической точки зрѣнiя. Потому что поземельная собственность не можетъ быть уравниваема ни съ какою другою собственностiю. Всякая дру-

гая собственность можетъ быть созидаема и размножаема трудомъ самихъ людей. Земля существуетъ постоянно въ опредѣленномъ неизмѣнномъ количествѣ и трудомъ людей количественно увеличиваема быть не можетъ. Между тѣмъ, произведенія земли именно такого рода, что они необходимы всѣмъ людямъ: они удовлетворяютъ первымъ насущнымъ потребностямъ человѣка. Государство распредѣленіе всякой другой собственности можетъ предоставить въ полную волю своихъ членовъ, потому что всякая другая собственность не служитъ источникомъ для предметовъ первой необходимости и, кромѣ того, распредѣленіе ея всегда болѣе или менѣе регулируется трудомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не угрожать опасностью потрясеній. Земля—совсѣмъ другое дѣло. Чѣмъ болѣе увеличивается народонаселеніе, чѣмъ земли становится менѣе, тѣмъ государство должно внимательнѣе, заботливѣе относиться къ правильному распредѣленію земли, имѣя цѣлію, съ одной стороны, сохранить имущественную состоятельность всего населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, его свободу и независимость, необходимую для правильнаго отправленія функцій самоуправленія, правосудія и т. д.; съ другой—увеличить производительность земли интенсивною ея разработкой. Сосредоточеніе огромныхъ пространствъ земли въ однихъ рукахъ ставитъ окрестное населеніе въ зависимое отношеніе къ одному большому владѣльцу, необходимо уменьшаетъ, вслѣдствіе отсутствія конкурренціи, заработки населенія и, слѣдовательно, постепенно ведетъ послѣднее къ неизбѣжному обѣднѣнію, кромѣ того, косвенно подрываетъ его самостоятельность во всѣхъ выборахъ въ общественныя должности, заставляя въ силу матеріальной зависимости подчиняться волѣ крупнаго землевладѣльца. Поземельныя латифундіи, если онѣ слишкомъ распространены въ странѣ, могутъ также раззорить страну и распространить въ ней рабскій духъ, какъ и крѣпостное право. Точно также онѣ вредны и для производительности земли. Теперь уже всѣми признано, что интенсивная разработка земли при вольнонаемномъ трудѣ также невозможна, какъ и при крѣпостномъ правѣ. Только земледѣлецъ-собственникъ можетъ любить и беречь свой клочекъ земли, надъ которымъ трудится всю жизнь, и съ каждымъ годомъ увеличивать его производительность. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія политической, и съ точки зрѣнія сельскохозяйственной, люди, ничего несмыслящіе въ земледѣліи или нежелающіе лично имъ заниматься, и, однако-жъ, вкладывающіе въ землю свой капиталъ единственно для полученія дохода—анахронизмъ для нашего времени. Пока народонаселеніе не особенно густо, пока есть свободныя государственныя земли для водворенія избытка его, государство можетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ подобный анахронизмъ, но искуственно его поддерживать и даже распложать, видоизмѣняя для него существующія поземельныя отношенія, для каждаго благоустроен-

наго государства было бы, по меньшей мѣрѣ, безсмысленно. Правильное аграрное устройство есть основа и залогъ нетолько матеріальнаго преуспѣянія государства, но и его политическаго благосостоянія. Ни за какія ошибки и увлеченія государство такъ дорого не расплачивается, какъ за ошибки и увлеченія въ дѣлѣ аграрнаго устройства.

Вообще, вопросъ о крупномъ землевладѣніи, о томъ: подобаетъ ли ему существовать, даже въ умѣренномъ количествѣ, или нѣтъ, до сихъ поръ хотя и не рѣшенъ окончательно въ наукѣ, но и шансовъ въ свою пользу имѣетъ очень мало. Защитники его отстаиваютъ его raison d'être единственно въ томъ предположеніи, что крупный собственникъ, какъ человѣкъ, отлично образованный, съ громадными спеціальными свѣдѣніями въ сельско-хозяйственной наукѣ и практикѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ громадными средствами, можетъ дѣлать разные новые опыты въ видахъ развитія земледѣльческой культуры, недоступные для знаній и средствъ простого земледѣльца, и потому двигать впередъ количественно и качественно земледѣльческую культуру страны. Потому государство можетъ допускать существованіе крупныхъ землевладѣній единственно на основаніи той фикціи, что люди, имѣющіе такія владѣнія, и смыслятъ дѣло земледѣлія, и привязаны къ нему, и своими личными знаніями и распорядительностію могутъ болѣе еще способствовать увеличенію производительности земли, чѣмъ простые земледѣльцы. Положимъ, фикція эта остается фикціей, но она, съ государственной точки зрѣнія, служитъ приличнымъ декорумомъ факта неравномѣрнаго распредѣленія натуральныхъ фондовъ, объясненіемъ, почему изъ поземельнаго ограниченнаго фонда однимъ, которые сами лично не занимаются обработкою земли, дается въ 1,000, въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе, чѣмъ тѣмъ, которые сами обработываютъ землю. Удивительно, какъ такой простой вещи не понимаютъ почтенные землевладѣльцы Новосильскаго Уѣзда и не боятся открыто заявлять, что они въ земледѣліи ничего не понимаютъ, заниматься имъ не хотятъ и не умѣютъ, а доходъ получать не только хотятъ, но считаютъ даже государство обязаннымъ обезпечить имъ этотъ доходъ. Вѣдь при такомъ публичномъ отрицаніи той фикціи, на основаніи которой только они и имѣютъ право владѣть большимъ количествомъ земли, государство имѣло бы полное право немедленно, въ видахъ государственнаго блага, экспропріировать у нихъ землю, какъ у людей, не оправдавшихъ его довѣрія и надежды, и отдать ее достойнѣйшимъ—тѣмъ, которые знаютъ дѣло земледѣлія и любятъ его, и могутъ увеличить производительность земли!

Обращаюсь снова къ шереметевско-новосильской политико-экономической теоріи:

Такъ какъ землевладѣлецъ не обязанъ ни знать земледѣлія, ни заниматься имъ, то по ученію этой теоріи, въ земледѣль-

ческомъ производствѣ онъ представляетъ собой только мертвый основной капиталъ, вложенный въ землю. Чтобы этотъ капиталъ давалъ надлежащую, огражденную отъ всякихъ случайностей ренту, «достигнуть этого, говоритъ новая экономія, нельзя иначе, какъ установивъ возможно правильное отношеніе между капиталомъ, уже лежащимъ въ землѣ, и другимъ, постепенно на нее затрачиваемымъ, капиталомъ оборотнымъ, коего простѣйшая и наиболѣе доступная форма есть трудъ и безъ котораго производительность перваго невозможна».

Въ рутинныхъ политическихъ экономіяхъ даже капиталъ называется скопленнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе, никогда живая, дѣйствующая въ производствѣ сила-трудъ, не носитъ названія капитала. Отъ этого происходитъ неразрѣшимое противорѣчіе. Трудъ, живой дѣятель производства, оплодотворяетъ капиталъ, казалось бы, и рента, и прибыль должны бы были принадлежать труду; нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, трудъ вездѣ входитъ только въ разсчетъ издержекъ производства, а рента и прибыль достаются на долю капитала. Новая шереметевско-новосильская политико-экономическая теорія разомъ уничтожаетъ это противорѣчіе рутинныхъ политическихъ экономій. Никакого, говоритъ она, труда, какъ дѣйствующей силы, считать нѣчего, ибо таковаго вовсе не существуетъ. Все производитъ одинъ капиталъ—или основный, или основный совокупно съ оборотнымъ. Вы наняли пару воловъ вспахать ваше поле, вы наняли человѣка посѣять вашъ хлѣбъ, и работу воловъ, и работу человѣка вы оплатили изъ вашего оборотнаго капитала? Что-жъ такое представляетъ работа, чья-бы она ни была, какъ не форму оборотнаго капитала? И ясно, и просто. А разъ это такъ, сами собой падаютъ всѣ пререканія о томъ: кому должна принадлежать рента и прибыль? Капиталъ остается единственнымъ двигателемъ производства и, слѣдовательно, нетолько все всецѣло должно принадлежать ему— и рента, и прибыль, но и всѣ формы его, служащія къ его наибольшему оплодотворенію, должны быть приспособлены такъ, чтобы онъ получалъ наибольшую прибыль.

Какъ это сдѣлать, новая шереметевско-новисильская политико-экономическая теорія даетъ отвѣтъ и на это. «Разграничьте, говоритъ она капиталъ основный и оборотный т. е. собственность и трудъ»—и все дѣло пойдетъ прекраснѣйшимъ образомъ. «Разграниченіе основнаго и оборотнаго капитала, другъ другу содѣйствующихъ, доводитъ земледѣліе до того высокаго уровня, который считается образцовымъ, причемъ основнымъ правиломъ признается, что землевладѣлецъ можетъ быть земледѣльцемъ только въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ» — а земледѣлецъ землевладѣльцемъ, конечно, никогда, ибо, представляя собой капиталъ оборотный, онъ навсегда долженъ быть разграниченъ отъ капитала основнаго. Говоря другими словами: у всѣхъ земледѣльцевъ, владѣющихъ земельными участками, земля

должна быть отнята; тогда только они станутъ истиннымъ оборотнымъ капиталомъ, и тогда только прочно и навсегда будетъ обезпечено благоденствіе основнаго капитала, т. е. землевладѣльца.

Читатель видитъ изъ сего: какая послѣдняя цѣль новопоявившейся политико-экономической теоріи новосильскаго дворянства, потому я далѣе излагать ея не буду, а обращусь къ тѣмъ якобы даннымъ, которыми эта теорія подкрѣпляется.

Нѣсколько дней спустя послѣ опубликованія новой шереметевско-новосильской политико-экономической теоріи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Мірѣ» появилась статья, подъ названіемъ: «*Неурожаи въ Россіи*». Есть ли какая-нибудь тайная связь между этими двумя статьями, почти одновременно появившимися, или послѣдняя статья есть только откликъ душъ сочувствующихъ въ Петербургѣ на вопль, раздавшійся въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ я считаю нужнымъ, по спопутности, сказать о ней нѣсколько словъ, такъ какъ фальшивыя данныя болѣе опасны, чѣмъ смѣхотворныя теоріи.

Авторъ начинаетъ свою статью слѣдующимъ сообщеніемъ: «Въ докладѣ сельско-хозяйственной комиссіи, состоявшей въ 1873 г. подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, мы видимъ, что въ Россіи собирается въ сложности $4^1/_2$ зерна посѣяннаго хлѣба, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки $8^8/_{10}$, во Франціи $11^4/_{10}$, въ Пруссіи $11^4/_{10}$, въ Великобританіи $33^9/_{10}$, въ Австріи $9^1/_2$. Изъ этихъ офиціальныхъ данныхъ оказывается, что нашъ средній неурожай былъ бы неурожаемъ за-границею, или другими словами, что неурожай составляетъ у насъ нормальное явленіе. Колюмель (Columelle) уже давно писалъ: «я думаю, что неурожаи слѣдуетъ приписывать болѣе нашей винѣ, чѣмъ погодѣ». У насъ же неурожаи привыкли приписывать единственно неблагопріятнымъ атмосфернымъ явленіямъ». Почтенный ученый, написавшій эти строки, могъ бы, и не цитируя Колюмеллы и непревращая его совершенно невинно изъ Колюмеллы въ Колюмеля (вѣроятно, потому только, что авторъ словилъ его изрѣченіе въ какой-нибудь французской книжкѣ и—чего добраго — принимаетъ его, быть можетъ, за французскаго писателя), высказать совершенно тѣ же положенія, которыя высказалъ теперь, и всякій бы съ нимъ согласился. Что наша земледѣльческая культура стоитъ на низшей степени развитія въ сравненіи съ Европою этого, конечно, отрицать никто не будетъ, точно такъ же, какъ никто не будетъ отрицать и того, что виноноваты въ этомъ не атмосферическія только явленія, а, главное, мы сами.

Но кто эти мы? И какъ теперь поправить дѣло? вотъ въ этомъ едва ли кто сойдется съ авторомъ. Мы, напримѣръ, имѣя въ виду, что русская земледѣльческая культура въ теченіи болѣе столѣтія находилась въ полномъ распоряженіи дворянства, которое не только никакой заботы о ея поднятіи не прилагало, а, напро-

тивъ, и самыя необходимѣйшія, такъ сказать, деньги отнимало у земледѣлія и проматывало ихъ на роскошь и удовольствія, думаемъ что, главную вину низкаго состоянія нашей земледѣльческой культуры нужно искать именно въ томъ обстоятельствѣ, что наше земледѣліе въ теченіи болѣе вѣка находится въ рукахъ лицъ, ничего въ немъ не разумѣвшихъ, ни какого старанія къ нему не прилагавшихъ, а только бросавшихъ на вѣтеръ получаемые отъ земледѣлія доходы. А такъ какъ, и послѣ уничтоженія крѣпостного права, въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, дворянство ведетъ свое хозяйство не лучше прежняго, какъ это мы уже видѣли изъ описанія г. Шереметева, то возлагать на дворянъ заботу о поднятіи русской земледѣльческой культуры, на нашъ взглядъ, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно, тѣмъ болѣе, что у насъ есть надежный и испытанный двигатель для нашей земледѣльческой культуры—это нашъ крестьянинъ. Несмотря на свой жалкій капиталъ—еле царапающую землю сошенку, изнуренную работой лошаденку, дурныя сѣмена, и т. д., уплачивая почти постоянно въ продолженіи двухъ послѣднихъ столѣтій непосильные разнообразные налоги и отбывая изнурительныя натуральныя повинности, онъ все-таки ухитряется добывать съ посѣяннаго хлѣба 4½ зерна. Поставьте его нѣсколько лучше, чѣмъ онъ стоитъ теперь, прибавьте земли тамъ, гдѣ ея мало, дайте ему кредитъ, наконецъ, пооблегчите его нѣсколько отъ налоговъ—дайте ему возможность и соху завести получше, и лошадку посильнѣе, и имѣть скотъ для удобренія—и тогда, повѣрьте, онъ въ нѣсколько лѣтъ будетъ добывать изъ посѣяннаго зерна никакъ не менѣе, чѣмъ сколько добываетъ сосѣдній ему пруссакъ или австріецъ.

Авторъ думаетъ, что, напротивъ, земледѣльческая культура въ Россіи можетъ быть поднята не мужицкимъ, а крупнымъ землевладѣніемъ.

«Чтобы показать, говоритъ онъ:—въ какой степени возможно улучшеніе сельскаго хозяйства, мы приведемъ примѣръ Шотландіи, которая, 80 лѣтъ тому назадъ, была въ худшемъ положеніи, чѣмъ Россія. Крестьяне были половниками, жили въ мазанкахъ, покрытыхъ соломою; они сѣяли овесъ на одномъ полѣ до тѣхъ поръ, пока соберется урожай болѣе посѣва, потомъ бросали землю и пахали ее снова, когда она дѣлалась способною давать скудные урожаи. Скотъ зимою голодалъ, а лѣтомъ съ трудомъ находилъ себѣ пищу на пастбищѣ. Менѣе, чѣмъ въ одинъ вѣкъ, сельская производительность Шотландіи удесятерилась; вмѣсто періодическихъ неурожаевъ, сопряженныхъ съ голодомъ, мы видимъ фермы, у арендаторовъ которыхъ имѣется оборотный капиталъ отъ 70 до 80 р. на десятину. Земля въ сложности приноситъ арендатору, за всѣми уплатами и расходами, около 7 р. на десятину. Тамъ, гдѣ, по случаю истощенія почвы, нельзя было сѣять ржи, собирается нынѣ 15 четвертей пшеницы на десятинѣ».

«Какимъ образомъ обогатилась Шотландія, несмотря на суровость климата и неплодородіе почвы? Дѣло было совершено крупными землевладѣльцами, которые устроили фермы размѣромъ отъ 50 до 80 десятинъ, а англійскіе капиталисты завели фабрики».

Автору, который рекомендуетъ Россіи такимъ же точно способомъ достигнуть сельскохозяйственнаго благосостоянія, какимъ достигла его Шотландія, повидимому, неизвѣстно, что этотъ способъ въ Шотландіи состоялъ въ clearing of estates или, говоря попросту, въ изгнаніи жителей. «Выраженіе «clearing of estates», говоритъ князь Васильчиковъ:—буквально значитъ *прочистка помѣстій*. Оно состоитъ въ томъ, что подворные участки, въ прежнія времена надѣленные земледѣльцамъ, впослѣдствіи переведенные на оброчное срочное содержаніе, подъ разными, болѣе или менѣе законными предлогами, отбираются у крестьянъ, присоединяются съ сосѣднимъ дачамъ и запашкамъ и поступаютъ такимъ образомъ въ полное распоряженіе землевладѣльца; при этомъ, очищеніе дѣлается полное, радикальное: жилыя и надворныя строенія срываются до основанія, ограды, заборы разбираются, межи распахиваются и сами жители выселяются, оставляя за собой пустыя поля, обыкновенно обращаемыя въ искуственные луга и пастбища». Благодаря такимъ clearing of estates, изъ Англіи, въ теченіи 55 лѣтъ, съ 1815—1870 г., выселилось около семи мильйоновъ душъ. Сколько изъ этого числа приходится на Шотландію, мы не знаемъ. Но здѣсь clearing of estates производились усерднѣе и постояннѣе, чѣмъ въ самой Англіи. «Въ Шотландіи, говоритъ князь Васильчиковъ:—гдѣ аристократія была сильнѣе и за вѣрноподданническія чувства свои пользовалась безпредѣльными милостями королевской власти, она провела свое право безъ всякихъ ограниченій и въ теченіи прошлаго столѣтія производила эту операцію сноса и своза крестьянскихъ дворовъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ и съ такимъ успѣхомъ, что постепенно захватила въ свое непосредственное распоряженіе всѣ крестьянскія земли... Самыя широкія прочистки происходили въ новѣйшее время въ имѣніи графини Sutherland, которое заключаетъ почти все графство того же имени: тамъ начато было въ 1811 году общее разверстаніе (inclosure), продолжавшееся 18 лѣтъ; до 1829 года выселено 3,000 домохозяевъ, которые съ семействами составляли 15,000 душъ; всѣ крестьянскіе подворные участки, безъ исключенія, отобраны въ непосредственное распоряженіе владѣльца, и, по окончаніи этой колоссальной операціи, вотчина графини составляла одну сплошную дачу въ $1\frac{1}{2}$ мильйона акровъ (около 600,000 десятинъ), которые были разбиты на 28 большихъ фермъ. Вокругъ каждой фермы разстилались необъятныя пастбища, пустынныя, какъ наши русскія степи, и среднее разстояніе между ними было около 40 миль (60 верстъ), наконецъ, мѣста, непригодныя для овцеводства запущены были подъ

охоту; на перелогахъ и порослях выводились граузы—родъ бѣлыхъ куропатокъ, на горныхъ скалахъ—олени и т. д. Такимъ образомъ *нагорная Шотландія представляетъ намъ живой современный примѣръ, какимъ порядкомъ созидалось и развивалось крупное землевладѣніе*... Прослѣдивъ эту операцію, совершившуюся въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, можно составить себѣ сравнительное понятіе о тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ этомъ отношеніи въ прежнія, малообразованныя времена...» (Землевладѣніе и земледѣліе, т. I, стр. 125).

Вотъ какого благополучія авторъ статьи «Русскаго Міра» желаетъ для Россіи. Замѣчательнѣе всего при этомъ то, что авторъ обратилъ свое вниманіе на Шотландію именно крупнаго землевладѣнія, тогда какъ рядомъ съ ней лежитъ Шотландія южная и центральная, дѣйствительно славящаяся земледѣліемъ, но гдѣ крупнаго землевладѣнія вовсе нѣтъ, гдѣ земли эксплуатирутся почти такъ, какъ у насъ, мелкими оброчниками, снимающими даже менѣе 5 акровъ (1,85 десятинъ) на 99 лѣтъ, т. е. въ дѣйствительности настолько-же безсрочными и наслѣдственными поселянами, какъ наши, и гдѣ самыя аренды бо̀льшею частію сдаются пожизненно на 21—31 годъ. Разница только въ томъ, что и наслѣдственные мелкіе оброчники, и пожизненные арендаторы здѣсь все-таки не собственники земли, а зависятъ въ пользованіи ею отъ землевладѣльца, въ сущности неимѣющаго никакого отношенія къ развитію земледѣльческой культуры, и должны платить ему ни съ того, ни сего поземельную ренту. Конечно, есть немало землевладѣльцевъ въ Англіи, которые употребляютъ большія деньги на улучшеніе своихъ имѣній въ виду большихъ выгодъ, которыя они могутъ получить съ улучшенныхъ имѣній: но всѣ эти деньги не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что жертвуетъ каждый мелкій земледѣлецъ для улучшенія своего маленькаго хозяйства. Пропорціонально своему состоянію и тому ничтожному клочку земли, которымъ онъ владѣетъ, онъ кладетъ въ него столько, сколько не кладетъ въ свое имѣнье ни одинъ наибогатѣйшій лордъ. И если, несмотря на это, вкладъ его въ землю абсолютно оказывается менѣе вклада лорда, то это—не его вина. Поставьте его такъ, чтобы онъ имѣлъ больше средствъ, онъ будетъ класть въ землю столько, сколько не положатъ десять лордовъ вмѣстѣ. Въ этомъ его разсчетъ, какъ собственника, для котораго притомъ, земля, единственный источникъ дохода—мать-кормилица.

Нашимъ ланд-лордамъ еще можно, впрочемъ, простить, что они, въ виду личныхъ выгодъ, съ сладострастіемъ смотрятъ на аграрное устройство въ Англіи и желаютъ пересадить его къ намъ, иногда, можетъ быть, дѣйствительно и въ добродушной увѣренности, что они желаютъ наилучшаго для своего отечества. Но наша печать поступаетъ недобросовѣстно и постыдно, когда, вмѣсто того, чтобы обстоятельно и подробно указывать темныя

стороны англійскаго землевладѣнія—его очевидную общественную несправедливость, порождаемый имъ пролетаріатъ, опасности, истекающія изъ него для всего государственнаго строя—занимается изображеніемъ пейзажныхъ видовъ англійскихъ фермъ и коттэджей и описаніемъ баснословной производительности англійскихъ полей, въ дѣйствительности весьма условной.

Въ то время, какъ мы вздыхаемъ объ англійскихъ фермахъ и коттэджахъ, въ Англіи эти фермы и коттэджи становятся грознымъ призракомъ — я есть не мало такихъ политически дальновидныхъ англичанъ, которые съ удовольствіемъ промѣняли бы ихъ на наши мужицкія «мазанки», крытыя соломою. Князь Васильчиковъ разсказываетъ, что «многіе англичане въ послѣднее время посѣтили Россію съ прямою цѣлію или даже съ порученіемъ изучить вопросъ о надѣлѣ нашихъ крестьянъ-собственниковъ, и изучили его не поверхностно, какъ французскіе туристы, не по книгамъ и отчетамъ, какъ нѣмецкіе публицисты, а на дѣлѣ и на мѣстахъ, предварительно изучивъ русскій языкъ и проживая въ провинціи, въ селеніяхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, собирая свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей, земскихъ управъ, мировыхъ посредниковъ» (т. I, стр. 164).

Что-же гонитъ англичанъ изъ страны образцоваго землевладѣнія, съ красивыми фермами и коттэджами, въ страну крытыхъ соломою мазанокъ и заставляетъ изучать послѣднюю? — А вотъ что:

Несмотря на то, что изъ Англіи каждогодно выселяются сотни тысячъ рабочихъ въ другія страны, о чемъ мы упомянули уже выше, несмотря на то, что въ Англіи находится безчисленное множество полныхъ пролетаріевъ, на которыхъ общественная благотворительность истрачиваетъ громадныя суммы, все-таки, и за всѣмъ этимъ, по словамъ князя Васильчикова, «на каждый запросъ землевладѣльца отвѣчаютъ: въ Шотландіи 52, въ Англіи 66, въ Ирландіи 115 предложеній рабочихъ», и рабочій вопросъ съ каждымъ днемъ угрожаетъ превратиться въ земельный.

Теперь спрашивается: для кого могутъ существовать фабрики въ странѣ, изъ которой выселяются каждогодно сотни тысячъ народа, по невозможности дальнѣйшаго существованія, а другіе остающіеся едва влачатъ свое жалкое существованіе, не обезпеченные подъ давленіемъ громадной конкуренціи ни на одинъ день въ своемъ пропитаніи? Очевидно—или для городовъ, или для странъ чужихъ, и только развѣ для однихъ фермеровъ въ сельскомъ населеніи, то-есть только для 1/20 или 1/30 части послѣдняго. Очень можетъ быть, что въ Англіи, гдѣ фабрики процвѣтаютъ преимущественно для иностранныхъ рынковъ, гдѣ внутренній рынокъ существуетъ только для аристократіи и буржуазіи, составляетъ большое пріобрѣтеніе уже и то, что она изъ сельскаго населенія, обреченнаго на вѣчный безъисходный проле-

таріатъ, можетъ добыть хоть одну двадцатую или тридцатую часть для своего внутренняго рынка въ лицѣ фермеровъ. И авторъ статьи «Русскаго Міра», сказавъ, что «крупные землевладѣльцы устроили въ Шотландіи фермы отъ 60 до 80 десятинъ», имѣлъ основаніе прибавить, какъ обстоятельство, очень важное для Англіи, что «капиталисты завели тутъ фабрики». Но для Россіи ничего ни поощрительнаго, ни даже просто желательнаго тутъ нѣтъ. Въ Россіи каждый мужикъ, будучи обладателемъ нѣсколькихъ десятинъ земли, есть eo ipso уже потребитель для внутренняго рынка. Положимъ, въ настоящее время, онъ, при неустройствѣ нашей податной системы и другихъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній, вліяющихъ болѣе или менѣе неблагопріятно на земледѣліе, очень бѣденъ. Но всѣ эти затрудненія и неурядицы—временныя и удобоисправимыя, и, при нашемъ многоземеліи, мы имѣемъ полное право надѣяться, что въ очень недалекомъ будущемъ нашъ мужикъ сдѣлается хозяиномъ заправскимъ, вполнѣ состоятельнымъ. А разъ это такъ, то заводить фермерство намъ значитъ только портить дѣло. У насъ каждое мужицкое хозяйство, предполагая въ немъ три ревизскія души, съ надѣломъ на каждую по 5 десятинъ, есть уже фермерское хозяйство средней руки (припомнимъ, что въ Шотландіи южной и центральной, славящихся своимъ земледѣліемъ, есть фермеры или оброчники, владѣющіе менѣе, чѣмъ двумя десятинами земли). А если къ этому присовокупить, что у насъ каждое крестьянское хозяйство, имѣющее хорошія рабочія руки, можетъ всегда прихватить къ своему надѣлу земли и въ своемъ крестьянскомъ обществѣ, и у сосѣднихъ помѣщиковъ, то понятно, что наши крестьянскія хозяйства, пропорціонально своимъ рабочимъ силамъ и достатку, могутъ принимать и гораздо бо̀льшіе размѣры—размѣры самыхъ крупныхъ англійскихъ фермъ. Уничтоживъ эти самостоятельныя крестьянскія хозяйства, превративъ крестьянъ въ батраковъ и образовавъ вмѣсто нихъ фермерскія хозяйства, возведя въ достоинство фермеровъ одну 20-ю часть рабочаго населенія, то-есть изъ каждаго мильйона работниковъ всего 50 тысячъ, мы сдѣлали-бы невѣроятную нелѣпость даже въ виду развитія фабричнаго дѣла. Покупательная сила въ рукахъ самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ послужитъ къ основанію фабрикъ, удовлетворяющихъ потребности народныя, производящихъ предметы необходимости и пользы, слѣдовательно, способствующихъ къ увеличенію производительности страны; покупательная сила, сосредоточенная въ рукахъ фермеровъ, обратилась бы, съ одной стороны, на пріобрѣтеніе предметовъ прихоти, роскоши, моды изъ за-границы, съ другой, и внутри страны фабричное производство направилось бы на удовлетвореніе этого же, исключительно денежнаго класса общества, то-есть создало бы такой же узкій, искуственный, служащій только къ непроизводительному употребленію силъ страны, рынокъ, какимъ былъ и крѣпостной.

Забавно читать, когда любители англійскаго фермерства, жаждущіе пересадить его въ Россію, съ самымъ серьёзнымъ видомъ увѣряютъ, что у каждаго фермера въ Англіи имѣется отъ 70 до 80 руб. оборотнаго капитала на десятину, подразумѣвая, что, дескать, какъ скоро заведете и вы фермеровъ, и у васъ тоже будетъ. Точно фермеръ представляетъ своею особою баснословную курицу, несущую золотыя яйца, и получаетъ деньги не съ той же земли, что̀ и мужикъ. Нашъ мужикъ, тоже не дуракъ, да и покрѣпче будетъ англійскаго фермера насчетъ разныхъ искушеній, съумѣлъ бы и самъ попридержать по 80 руб. на десятину, еслибы было изъ чего.

А то вотъ еще тотъ же «Русскій Міръ» разсказываетъ, что нѣкто г. Мактріеръ, шотландскій землевладѣлецъ, на 9,000 десятинъ, стоющихъ 1,000,000 р., затратилъ 4,500,000 рублей: на устройство 150 фермъ, на осушеніе болотъ, на взрывы скалъ и на углубленіе производительной почвы. Разсказываетъ это «Русскій Міръ» въ доказательство превосходства излюбленной имъ фермерской системы землѣделія надъ нашею мужицкою. Что хочетъ, однакожъ, сказать этимъ «Русскій Міръ»—понять не совсѣмъ легко. Хочетъ ли онъ увѣрить насъ, что сто̀итъ только ввести фермерскую систему, у каждаго изъ нашихъ землевладѣльцевъ очутится по нѣскольку мильйоновъ въ карманѣ денегъ, или что, со введеніемъ этой системы, привычки нашихъ землевладѣльцевъ совершенно перемѣнятся, что они, презрѣвъ Бореля и Дюссо, и итальянскую оперу, и Буффъ, и Патти, и Жюдикъ, однимъ словомъ, всѣ обольщенія и соблазны Петербурга, и отказавшись вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ почестей, окладовъ и всѣхъ пріятныхъ конъюктуръ счастія и гражданскихъ, и военныхъ, и биржевыхъ и т. д., удалятся немедленно въ свои имѣнія и сосредоточатъ здѣсь всѣ свои мысли и заботы на томъ, какъ бы гдѣ болотце высушить, какъ бы гдѣ почву углубить и т. д.

Какъ прискорбно видѣть, что тотъ самый «Русскій Міръ», который изъ нѣдръ своихъ выпустилъ столько героевъ на борьбу за свободу Сербіи, хлопочетъ теперь объ обезземеленіи русскаго крестьянскаго населенія, что̀ равняется новому его закрѣпощенію!

А кстати полюбопытствовать: гдѣ сербскіе герои «Русскаго Міра»? О генералѣ Черняевѣ мы знаемъ, что онъ за-границей. Но гдѣ генералъ Комаровъ? гдѣ Лаврентьевъ? гдѣ Монтеверде? Если они здѣсь, то почему они ничего не разскажутъ о жизни и дѣяніяхъ штаба тимокско-моравской арміи, о расходахъ, которые тамъ дѣлались, въ виду обвиненій, со всѣхъ сторонъ сыплящихся на этотъ штабъ. Въ особенности непростительно это генералу Комарову. За бытность свою начальникомъ штаба въ тимокско-моравской арміи, онъ могъ бы сообщить самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ касающемся этой арміи, въ особенности о расходахъ, какіе имъ здѣсь дѣлались изъ пожертвованныхъ

суммъ, въ чемъ онъ долженъ былъ принимать непосредственное участіе, какъ видно изъ слѣдующей его телеграммы въ славянскій комитетъ:

«*Главнокомандующій* сербскими войсками проситъ увѣдомить, что онъ находитъ безусловно необходимымъ сосредоточеніе пожертвованій въ дѣйствующей арміи. Въ ней суммы расходуются по прямому назначенію. Разсылка же суммъ по разнымъ рукамъ влечетъ за собою лишь неправильное и неопредѣленное расходованіе ихъ».

Для меня удивительно, какъ друзья и знакомые генерала Комарова не настоятъ на томъ, чтобы онъ далъ русскому обществу отчетъ за бытность его начальникомъ штаба въ Сербіи. Молчаніе его просто неприлично. Русское общество, деньгами котораго распоряжался генералъ Комаровъ, имѣетъ право требовать отъ него свѣдѣній объ употребленіи ихъ.

Кстати напомнимъ здѣсь, что и газеты и журналы, собиравшіе пожертвованія на славянъ, до сихъ поръ не дали также общаго отчета о томъ: сколько ими всего получено было денегъ и куда онѣ именно употреблены были, и кѣмъ употреблены: самими ли редакціями или кому переданы, и кому именно, и для какой цѣли.

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

Новь. Романъ въ двухъ частяхъ Ив. С. Тургенева («Вѣстникъ Европы» 1877, № 1 и 2).

«Печатая этотъ небольшой разсказъ и зная, что въ публикѣ ходятъ слухи о большомъ произведеніи, надъ которымъ я тружусь, я чувствую потребность обратиться къ ея снисходительности. Задуманный мною романъ все еще не конченъ; надѣюсь, что онъ появится въ «Вѣстникѣ Европы» въ теченіи нынѣшняго года; а пока — пусть не погнѣваются на меня читатели за настоящее captatio benevolentiae и пусть, въ ожиданіи будущаго, прочтутъ мой разсказъ не какъ строгіе судьи, а какъ старые знакомые—не смѣю сказать: пріятели».

Г. Тургеневъ счелъ нужнымъ сопроводить такимъ примѣчаніемъ разсказъ «Часы». Оно очень характерно, это примѣчаніе. Въ немъ выразилось и сознаніе стародавняго любимца русскаго читающаго люда, что онъ пересталъ быть любимцемъ, и грусть этого сознанія, и желаніе вернуть старыя пріятельскія отношенія, и надежда на осуществленіе этого желанія. Все очень естественныя, законныя чувства. Кто привыкъ «вязать и рѣшать», быть выразителемъ и отчасти даже «властителемъ думъ» своихъ современниковъ, кто привыкъ видѣть, какъ толпа съ волненіемъ ждетъ его слова, тому тяжело очутиться въ положеніи г. Тургенева. Кругомъ сумрачно и холодно, холодныя, чужія лица, нѣсколько даже изумленныя изящною повелительностью манеръ бывшаго любимца. Они знаютъ, конечно, прошедшее любимца, но не переживали его съ нимъ вмѣстѣ, знаютъ только какъ совершившійся фактъ, который былъ и быльемъ поросъ; а потому самоувѣренность и плавная величественность, снисходительная небрежность движеній этого человѣка для нихъ непонятны, нѣсколько даже смѣшны. Очень тоже все это естественно, но отъ того не легче развѣнчанному любимцу, особенно, если онъ знаетъ, какъ знаетъ г. Тургеневъ, что старость-Далила не остригла его волосъ, что онъ—тотъ же Самсонъ, способный по старому волновать и трогать читателя. Ему непремѣнно должно казаться, что все дѣло въ какомъ-то пустячномъ, ничтожномъ недоразумѣніи, устранить которое чрезвычайно легко тоже какимъ-то

пустякомъ, въ родѣ граціознаго жеста или пріятной улыбки. Но чортъ ихъ знаетъ, этихъ людей съ такими холодными, чужими лицами, чортъ ихъ знаетъ, въ чемъ они полагаютъ грацію и какую улыбку назовутъ они пріятною! Тутъ такъ легко попасть въ просакъ. Да и положимъ, наконецъ, что искомое найдено; нельзя же его пустить въ ходъ съ поспѣшностью человѣка, напрашивающагося, нуждающагося. Нѣтъ, надо, конечно, показать, что возобновить или вновь установить пріятельскія отношенія очень желательно, но съ другой стороны надо все-таки сохранить отчасти видъ человѣка, которому, собственно говоря, совершенно наплевать. И вотъ, когда этихъ надеждъ, опасеній, сомнѣній, алканій достаточно накопится на душѣ у бывшаго любимца, онъ пишетъ вышеприведенное примѣчаніе къ разсказу «Часы».

А затѣмъ онъ пишетъ «Новь».

Охлажденіе русскихъ читателей къ г. Тургеневу ни для кого не составляетъ тайны, и меньше всѣхъ—для самого г. Тургенева. Охладѣла не какая-нибудь литературная партія, не какой-нибудь опредѣленный разрядъ людей—охлажденіе всеобщее. Надо правду сказать, что тутъ дѣйствительно замѣшалось одно недоразумѣніе, пожалуй, даже пустячное, которое нельзя, однако, устранить ни граціознымъ жестомъ, ни пріятной улыбкой, потому что лежитъ оно, можетъ быть, больше въ самомъ г. Тургеневѣ, чѣмъ въ читателяхъ. Г. Тургеневъ—не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ Самсонъ, но все-таки сила, навсегда вписавшая свое имя въ исторію русской литературы. Но какія странныя, невозможныя требованія предъявляются этой силѣ публикой! Русская беллетристика не клиномъ сошлась на г. Тургеневѣ. Есть у насъ и другіе крупные таланты, не ниже тургеневскаго, съ которыми, однако, читатели не обходятся такъ деспотически. Если новое произведеніе, напримѣръ, Толстого, Достоевскаго, вызываетъ иногда сожалѣніе, что авторъ взялъ не ту тэму, которую, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, долженъ былъ взять, если даже кое-кто берется при этомъ указывать имъ сюжеты, достойные ихъ пера, то всѣ эти требованія, сожалѣнія, указанія предъявляются примѣнительно къ свойствамъ таланта писателя или къ кругу знакомыхъ ему явленій. Въ общемъ, мы своихъ наличныхъ любимыхъ писателей знаемъ удовлетворительно. Знаемъ, на какія явленія они, по свойствамъ своихъ талантовъ, лучше всего отзываются, знаемъ что̀ они любятъ и чего не любятъ, знаемъ, какія явленія имъ наиболѣе знакомы, и потому рѣдко предъявляемъ имъ какія-нибудь неразумныя требованія. Совсѣмъ не то съ г. Тургеневымъ. Отъ него требуется, чтобы онъ, какъ выражается полупьяный купецъ въ одномъ разсказѣ Горбунова, «ловилъ моментъ». Печатаетъ, напримѣръ, г. Тургеневъ «Вешнія воды»—исторію двухъ любвей одного слабаго человѣка: любовныя дѣла и слабые люди изучены имъ до тонкости, изображаетъ онъ ихъ мастерски, а публика говоритъ: не того мы ждали отъ Тургене-

ва! Печатаетъ много другихъ вещей различнаго достоинства, а публика все свое: долженъ ловить моментъ! Замѣчательно, что требованія эти не останавливаются даже всеобщимъ охлажденіемъ: а когда г. Тургеневъ попытается удовлетворить имъ и дастъ что-нибудь въ родѣ «Дыма» или «Нови», публика остается недовольна, вѣрнѣе, неудовлетворена; но развѣ только «Новь» окончательно убѣдитъ читателей въ несправедливости, неисполнимости и даже оскорбительности требованія: лови моментъ. Оскорбительно оно не потому, конечно, что, какъ думали когда-то и какъ думаютъ теперь развѣ какіе-нибудь пятіалтынные критики, поэзія не обязана знать «злобы дня», что поэты «рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Собственно объ этомъ даже толковать не стоитъ, потому что гдѣ же они, эти поэты, пробавляющіеся исключительно вдохновеніемъ и сладкими звуками? Ихъ нѣтъ. Горсточка какая-нибудь старичковъ осталась, какъ справедливо замѣтилъ г. Тургеневъ въ разговорѣ съ Писаревымъ, а со времени этого разговора воды утекло еще больше. Ну, и Богъ съ ними. Но отъ г. Тургенева требуется не простая отзывчивость на то, что въ насъ и кругомъ насъ дѣлается, что насъ волнуетъ и тревожитъ. Это-то мы разсчитываемъ получить и отъ Толстого, и отъ Достоевскаго, и отъ Островскаго, и отъ Некрасова, и отъ Щедрина. Отъ г. Тургенева требуется нѣчто иное; что̀ именно—трудно сказать, да и едва-ли сами требующіе ясно себѣ представляютъ. Тургеневъ, видите ли, долженъ уловить каждое нарождающееся на Руси общественное явленіе (болѣе или менѣе крупное, разумѣется), въ его типичнѣйшихъ представителяхъ, проникнуться имъ, ввести его въ свою плоть и кровь и затѣмъ выпустить въ видѣ яркихъ, характерныхъ образовъ, да еще съ нѣкоторой перспективой, съ нѣкоторымъ поученіемъ на придачу. Онъ долженъ сказать какое-то «слово», которое вдругъ все разъяснитъ, всему укажетъ свое мѣсто. Ближе говоря, предлагаемая г. Тургеневу спеціальность состоитъ въ изображеніи такъ называемыхъ «новыхъ людей», не тѣхъ или другихъ, а вообще новыхъ, т. е. и тѣхъ, которые были новыми лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и нынѣшнихъ новыхъ. Другимъ писателямъ предоставляется вся совокупность политическихъ, экономическихъ, нравственныхъ условій, породившихъ тѣхъ или другихъ «новыхъ», а съ г. Тургенева требуются только они. Странная спеціальность вообще, но еще страннѣе навязывать ее именно г. Тургеневу. Г. Тургеневъ прекрасно нарисовалъ намъ нѣсколько типовъ сороковыхъ годовъ. Допустимъ, чтобы не поднимать стараго и теперь ужъ, пожалуй, празднаго спора, что въ «Отцахъ и дѣтяхъ» тоже вѣрно схвачены типическія черты «новыхъ людей» того времени. Допустимъ, наконецъ, что и «Новь» въ этомъ отношеніи безукоризненна. Ну, а если г. Тургеневу Богъ дастъ вѣку еще лѣтъ на двадцать и если къ тому времени народятся опять какіе-нибудь

новые люди—неужто же можно будетъ требовать, чтобы онъ и ихъ взвѣсилъ и смѣрилъ? Конечно, нѣтъ, и вовсе не потому, чтобы къ тому времени талантъ г. Тургенева долженъ былъ непремѣнно ослабнуть, а просто потому, что эти будущіе люди могутъ потребовать такихъ красокъ, какихъ нѣтъ и не было никогда на палитрѣ г. Тургенева. Представимъ себѣ, что эти будущіе люди будутъ какія-нидудь чрезвычайно спокойныя, «уравновѣшенныя» натуры, твердыя, не болѣющія никакой внутренней тревогой. Мы знаемъ очень хорошо, что, напримѣръ, г. Достоевскій, при всемъ своемъ огромномъ талантѣ, такихъ людей не въ состояніи изобразить. Знаемъ мы это потому, что г. Достоевскаго знаемъ, свойства его таланта знаемъ. А г. Тургенева мы нетолько не знаемъ, хотя объ немъ писано больше, чѣмъ объ комъ-нибудь, а и знать не хотимъ. Иначе мы не создали бы для него странной специальности «новыхъ людей», а всякій разъ присматривались бы, таковы ли эти новые люди, чтобы могли подойти подъ особенности таланта г. Тургенева. Но этого мало: тутъ не въ одномъ талантѣ дѣло. Для поэтическаго воспроизведенія какого бы то ни было явленія нужно, во-первыхъ, чтобы художнику оно было знакомо, и чтобы, во-вторыхъ, оно имѣло съ нимъ какія-нибудь нравственныя связи, чтобы оно ему было дорого или ненавистно, возбуждало въ немъ сочувствіе, отвращеніе, презрѣніе, уваженіе, негодованіе—что-нибудь. Относительно г. Тургенева мы рѣшительно не интересуемся соблюденіемъ этихъ двухъ необходимѣйшихъ условій. Знаетъ онъ или не знаетъ «новыхъ людей», питаетъ ли онъ къ нимъ какія-нибудь опредѣленныя чувства, или они для него просто совсѣмъ чужіе люди—мы съ этимъ не справляемся. Мы твердимъ свое оскорбительное: лови моментъ! Оскорбительно оно нетолько потому, что въ немъ выражается вообще неуваженіе (безсознательное, конечно) къ личности г. Тургенева, но и потому въ частности, что оно предполагаетъ въ г. Тургеневѣ такое крайнее легкомысліе и такое недостойное его таланта популярничанье, которое заставитъ его сунуться во всякую воду, не спросясь броду. Факты на лицо. Всѣмъ извѣстно, что г. Тургеневъ давно уже живетъ за границей, наѣзжая въ Россію въ два года разъ на мѣсяцъ, на полтора. Нельзя, конечно, сказать, чтобы онъ порвалъ всѣ нравственныя связи съ своимъ отечествомъ; старыя связи, вѣроятно, болѣе или менѣе сохранились, но ужъ можно навѣрное сказать, что новыхъ связей онъ никакихъ не устроилъ. Все, наиболѣе интимное въ русской жизни за послѣднее время, ему и незнакомо, и нравственно чуждо. Нынче лѣтомъ онъ самъ говорилъ нѣкоему г. П.: «Въ настоящее время многіе близкіе мнѣ люди даже вовсе не знаютъ порусски». Тѣмъ не менѣе высказывались и въ печати надежды встрѣтить въ «Нови» какое-то откровеніе. Существуетъ, правда, странный предразсудокъ, будто художнику, поэту не нужно короткое знакомство съ предметомъ его картинъ, такъ какъ, де-

скать, въ его распоряженіи имѣется таинственная сила «вдохновенія», «поэтическаго чутья», восполняющая недостатокъ знанія. Но это—нелѣпость, противорѣчащая и здравому смыслу, и наукѣ. Изъ ничего—ничего и не будетъ. Мы знаемъ, что величайшіе художники были вмѣстѣ съ тѣмъ и тружениками, изучавшими свои сюжеты съ неменьшимъ тщаніемъ, чѣмъ какой-нибудь великій ученый свой предметъ. Поэту приходится ставить своихъ героевъ въ самыя разнообразныя положенія, а для этого онъ долженъ знать ихъ вдоль и поперекъ, и безъ такого знанія его не выручитъ никакое вдохновеніе. Въ какое же положеніе ставитъ публика г. Тургенева, требуя отъ него художественнаго изображенія дѣлъ и людей, ему незнакомыхъ, чужихъ?

Но г. Тургеневъ принимаетъ это положеніе и тѣмъ самымъ оправдываетъ оскорбительное къ нему отношеніе массы читателей. Если нельзя прямо сказать, что ему принадлежитъ починъ въ этомъ прискорбномъ недоразумѣніи, то во всякомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ ни одного прямого шага для его устраненія. Ему предстояло одно изъ двухъ: или учиться, т. е. изучать намѣченныя имъ для поэтической обработки явленія, изучать долго, упорно, внимательно, а не изъ прекраснаго парижскаго далека, или откровенно отказаться отъ этой поэтической обработки. При его склонности къ публичнымъ заявленіямъ о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, онъ могъ бы даже, въ какомъ-нибудь примѣчаніи или въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы», довести до общаго свѣдѣнія что-нибудь въ такомъ родѣ: «зная, что въ публикѣ ходятъ слухи о новомъ моемъ произведеніи, написанномъ будто бы на тэму «нѣкоторыхъ новыхъ явленій среди нашей молодежи», считаю нужнымъ сказать, что явленія эти мнѣ очень мало извѣстны, а потому и воспользоваться ими я не могу». Но г. Тургеневъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ просто написалъ «Новь». Онъ имѣлъ, конечно, свои резоны, но, говоря по совѣсти и съ полнымъ уваженіемъ къ уму и таланту г. Тургенева, трудно понять эти резоны внѣ легкомысленнаго желанія удовлетворить неразумному запросу.

Содержаніе нового романа г. Тургенева, конечно, всѣмъ извѣстно и разсказывать его не стоитъ. Написанъ онъ на тэму революціоннаго «хожденія въ народѣ». Намъ, въ Россіи живущимъ, трудно судить о степени вѣрности лицъ «Нови» и ихъ дѣлъ. Знаемъ мы эти дѣла только по слухамъ, да изъ нѣкоторыхъ политическихъ процессовъ. Но такъ какъ мы живемъ въ Россіи, то незнаніе наше все таки, по крайней мѣрѣ, не превышаетъ незнанія г. Тургенева, а потому кое-какія соображенія для оцѣнки «Нови» у насъ есть. У насъ есть, во-первыхъ, данныя для оцѣнки нѣкоторыхъ подробностей, частностей, не играющихъ существенной роли въ романѣ, но не безъинтересныхъ. Напримѣръ, въ романѣ фигурируетъ нѣкая дѣвица Машурина, очень некрасивая, между прочимъ. Вотъ какъ говоритъ объ ней авторъ: «Года пол-

тора тому назадъ, она бросила свою родную, дворянскую небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы». Этими словами г. Тургеневъ «позволилъ себѣ сказать» просто неправду, основываясь, конечно, на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему кѣмъ-нибудь изъ Россіи. За неимѣніемъ статистики цѣломудрія (вотъ бы хорошо завести, всякій бы зналъ, по крайней мѣрѣ!), нельзя этого доказать; но всѣ мы, живущіе въ Россіи, тѣмъ не менѣе, знаемъ, что Машурина съ этой стороны вовсе не составляетъ чего-нибудь «рѣдкаго и удивительнаго». Бываетъ это часто. Такихъ мелочей, гдѣ мы, по необходимости ближе стоящіе къ дѣлу, можемъ съ удобствомъ провѣрить показанія г. Тургенева, можно найти немало. Но Богъ съ ними, съ мелочами. Ошибка въ фальшь не ставится. Одно только можно сказать: какое намъ дѣло до цѣломудрія госпожи Машуриной и какіе ужь мы съ г. Тургеневымъ контролёры чужаго цѣломудрія?

Ошибка въ фальшь не ставится. Но фальшь ужь непремѣнно въ счетъ идетъ. А и для этого у насъ, русскихъ читателей, есть не то, что опредѣленныя, объективныя данныя, хотя есть и они, а, такъ сказать, данныя субъективныя, внутри насъ лежащія.

Политическіе процессы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Правительство естественно озабочивается пріисканіемъ мѣръ противъ этого рода преступленій. Интересуются ими газеты, интересуется общество. Всѣ хотятъ знать, въ чемъ же дѣло? гдѣ причины этихъ революціонныхъ попытокъ? почему они направлены именно такъ, а не иначе? Всѣ стараются разрѣшить эти вопросы, кто—про себя, кто—публично. Вотъ, напримѣръ, г. Достоевскій, въ декабрьскомъ номерѣ своего «Дневника», объясняетъ дѣло утратою вѣры въ безсмертіе души. Другіе указываютъ на причину на разложеніе семьи, утратившей возможность или желаніе направлять своихъ младшихъ членовъ къ строго легальнымъ цѣлямъ. Третьи укажутъ на условія школьнаго воспитанія и образованія. Четвертые, на экономическія условія—и т. д. При всемъ разнообразіи этихъ объясненій, въ нихъ есть одна общая черта: они ищутъ корня дѣла, его общественныхъ причинъ. Это понятно. Каждому русскому естественно искать общихъ причинъ этихъ явленій. Братъ Ивана Сидорова, мужъ Марьи Ивановой, тетка Сидора Иванова интересуются личною судьбою своихъ родственниковъ и подъискиваютъ въ ихъ жизни причины ихъ революціоннаго увлеченія. Но вообще-то говоря, эти личныя исторіи Ивана Сидирова и проч. въ такомъ только случаѣ интересны, если въ нихъ содержится хоть намекъ на исторію

общую. Естественно было бы ждать чего-нибудь подобнаго и отъ романа г. Тургенева. Къ сожалѣнію, это не вошло въ его задачу. На то была, конечно, его добрая воля; но дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе этого, его романъ въ значительной степени утрачиваетъ свой raison d'être.

Всѣ дѣйствующія лица «Нови» являются въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ готовыми, что, мимоходомъ сказать, придаетъ имъ какую-то деревянность. Процессъ образованія идей и чувствъ, толкнувшихъ ихъ на опасную дорогу, или совсѣмъ скрытъ (Машурина, Остродумовъ, Соломинъ), или коротенько разсказанъ «словами», да и то очень неполно. Возьмемъ что есть.

Маркеловъ (фигура едвали не самая яркая и законченная) «воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ камандиромъ-нѣмцемъ. *Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ.* Отставка разстроила его съ отцемъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти, а, унаслѣдовавъ отъ него деревню, поселился въ ней. *Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей.* Читалъ Маркеловъ немного и больше все книги, идущія къ дѣлу: Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ безцеремоннымъ манеромъ и вышла за адъютанта—тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ *возненавидѣлъ также и адъютантовъ.* Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи, но у него *не было никакого таланта изложенія: ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца... Ему вообще не везло—никогда и ни въ чемъ: въ корпусѣ онъ носилъ названіе неудачника».* Ясно, что Маркелова толкнули на дорогу революціи личныя неудачи. Не поссорься онъ съ командиромъ-нѣмцемъ, онъ продолжалъ бы себѣ служить какъ слѣдуетъ; не отбей у него невѣсту адъютантъ—онъ былъ бы, можетъ быть, прекраснымъ семьяниномъ и заботился бы о созданіи себѣ уютнаго гнѣздышка; имѣй онъ литературный талантъ, онъ писалъ бы спеціальныя статьи для военныхъ изданій и, можетъ быть, оказалъ бы существенныя услуги отечественной артиллеріи. Но такъ какъ онъ былъ «неудачникъ», то изъ него вышелъ революціонеръ. На отвратительномъ пиршествѣ у отвратительнаго Голушкина, Маркеловъ, «забарабанилъ глухимъ, злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно («ни дать, ни взять—капусту рубитъ», замѣтилъ Паклинъ). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово «артиллерія» послышалось изъ его устъ въ моментъ затишья... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ».

Неждановъ, которымъ авторъ особенно занятъ, является въ романѣ даже больше, чѣмъ готовымъ. Онъ чуть не на первой страницѣ заявляетъ свой скептицизмъ, свое желаніе отойти отъ дѣла, въ которое перестaлъ вѣрить. Но ни процесса этого разочарованія, ни предшествующаго процесса «очарованія» мы не знаемъ. Все дѣло, повидимому, въ томъ, что Неждановъ—незаконный сынъ вельможи и очень этимъ тяготится, такъ тяготится, какъ это рѣдко бываетъ на Руси, особенно въ томъ кругу, гдѣ вращается Неждановъ. Такимъ образомъ, единственнымъ источникомъ революціоннаго пыла Нежданова оказывается его двусмысленное общественное положеніе. Опять—чисто личная жизненная неудача.

Маріанна. Къ этой дѣвушкѣ г. Тургеневъ относится нѣсколько милостивѣе или, вѣрнѣе, по поводу нея онъ отнесся милостивѣе къ читателямъ. Романъ, въ которомъ изображаются только «поступки», рядъ дѣйствій, безъ внутренняго, психическаго развитія персонажей, былъ бы очень плохъ, даже въ чисто-художественномъ смыслѣ. Въ прежнихъ романахъ г. Тургенева, какъ и въ большинствѣ романовъ, это внутреннее, психическое развитіе сосредоточивалось на процессахъ и перипетіяхъ любви. Постепенное разгораніе или потуханіе страсти, разныя столкновенія на этой почвѣ приковывали къ себѣ вниманіе читателя и заставляли его съ интересомъ слѣдить даже за пустячными внѣшними дѣйствіями, «поступками». «Новь»—романъ политическій, а потому въ немъ психическое движеніе должно хоть отчасти основываться на политическихъ мотивахъ. Но, какъ сказано, всѣ дѣйствующія лица «Нови» оказываются въ этомъ отношеніи точно замороженными. Насчетъ движенія любовнаго мы получаемъ матеріалу очень достаточно: какъ въ госпожѣ Сипягиной поднимается и быстро падаетъ неопредѣленное влеченіе къ Нежданову, какъ зарождается и ростетъ въ Неждановѣ любовь къ Маріаннѣ, какіе разнообразные оттѣнки принимаетъ последовательно склонность Маріанны сначала къ Нежданову, а потомъ къ Соломину. Но какъ зарождаются, ростутъ, падаютъ чувства и идеи политическія, это остается въ туманѣ. Только Маріанна составляетъ маленькое исключеніе, очень маленькое, хотя авторъ приложилъ даже особенное стараніе къ выясненію ея образа съ этой стороны. Отецъ Маріанны былъ сосланъ за позаимствованіе изъ казеннаго сундука въ Сибирь. Дядя-Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя, но она всегда тяготилась этимъ покровительствомъ, съ болью помнила, что она—«дочь обезчещеннаго отца», что она живетъ изъ милости и что госпожа Сипягина есть ея «покровительница», хотя и «невольная». И вотъ эта гордая, оскорбленная, озлобленная дѣвушка, представляющая нѣчто въ родѣ кучи горючаго матеріала, которая ждетъ только искры со стороны, чтобы вспыхнуть—сталкивается съ Неждановымъ, тоже гордымъ, оскорбленнымъ и озлобленнымъ. Въ одну изъ своихъ свѣтлыхъ минутъ, Неждановъ, подмываемый

любовью къ Маріаннѣ и вообще «взвинченный», какъ выражается объ немъ г. Тургеневъ, краснорѣчиво, съ жаромъ раскрываетъ свои революціонныя тайны и планы.

«Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость—вотъ чѣмъ переполнилась ея душа. Ея лицо, ея глаза засіяли; она положила другую свою руку на руку Нежданова, ея губы раскрылись восторженно... Она вдругъ страшно похорошѣла.

«Онъ остановился, наконецъ, глянулъ на нее и какъ будто впервые увидалъ *это* лицо, которое въ то же время было и дорого ему, и такъ знакомо. Онъ вздохнулъ сильно, глубоко...

«— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что вамъ все сказалъ! едва могли шепнуть его губы.

«— Да, хорошо... хорошо, повторила она тоже шопотомъ. Она невольно подражала ему, да и голосъ ея угасъ.—И значитъ вы знаете, продолжала она, что я въ вашемъ распоряженіи, что я хочу быть тоже полезной вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что̀ будетъ нужно, пойти куда прикажутъ, что я всегда всей душой желала того же, что и вы...

«Она тоже умолкла. Еще одно слово, и у нея брызнули бы слезы умиленія. Все ея крѣпкое существо стало внезапно мягко, какъ воскъ. Жажда дѣятельности, жертвы, жертвы немедленной—вотъ чѣмъ она томилась».

Съ этой минуты Маріанна становится ревностнымъ адептомъ ученій кружка Нежданова, доходя при этомъ даже до совершенной глупости, потому что впослѣдствіи постоянно пристаетъ къ Соломину: когда же вы насъ пошлете? да скоро ли вы намъ прикажете идти? А тому и посылать некуда, и приказывать нечего! Какъ бы то ни было, но вотъ единственное мѣсто во всемъ романѣ, гдѣ г. Тургеневъ пытается выяснить интересный моментъ пробужденія извѣстныхъ стремленій. Немного. Но и это немногое сводится, въ концѣ концовъ, къ случайнымъ обстоятельствамъ личной жизни Маріанны, къ ея несчастной семейной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, общественное явленіе сведено у г. Тургенева къ разнообразнымъ, мелкимъ, личнымъ причинамъ. Онъ, разумѣется, самъ понимаетъ, что это невѣрно, что и «червонныхъ валетовъ», напримѣръ, можно тоже представить въ видѣ кучки «неудачниковъ», ни на волосъ не объяснивъ дѣла. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать этого. Наконецъ, заключительныя слова Паклина (которому авторъ вкладываетъ много своихъ собственныхъ, тургеневскихъ шпилекъ и остротъ, а отчасти и серьёзныхъ мыслей, предоставляя, впрочемъ, свое серьёзное задушевное болѣе Нежданову), заключительныя слова Паклина о Соломинѣ ясно говорятъ, что какая-то общая причина, общій фонъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ личныхъ исторій существуетъ. Какая причина? какой фонъ?—этого г. Тургеневъ не

знаетъ и не хочетъ знать. Съ него требуютъ «новыхъ людей». Онъ исполняетъ требованіе, специализируетъ свою задачу до уровня неразумнаго заказа и, слѣдуя голосу заказчиковъ, предоставляетъ всю совокупность условій, породившихъ «новыхъ людей», другимъ, а себѣ оставляетъ только ихъ висящія на воздухѣ личности и ихъ «поступки». Такова основная фальшь романа. Но, разъ принявъ непосильный заказъ, г. Тургеневъ естественно долженъ былъ пойти и далѣе по этой скользкой дорогѣ фальши. Человѣкъ, который берется, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, говорить о предметѣ, для него невидимомъ, какъ о видимомъ, долженъ все время разговора лавировать, многое обходить, многое совсѣмъ постороннее приплетать и т. п. Это случилось и съ г. Тургеневымъ. Замѣчательно, что всѣ *вѣрующіе* «новые люди» у него очень честны, но чрезвычайно тупы, тупы не случайно, а по велѣнію автора; это уже изъ того видно, что *не* вѣрующимъ (Нежданову, Соломину, Паклину) онъ въ умѣ не отказываетъ и даже цѣнитъ ихъ въ этомъ отношеніи свыше мѣры. Объ Остродумовѣ Паклинъ (очень часто alter ego самого г. Тургенева) выражается такъ: «не все же полагаться на однихъ Остродумовыхъ! Честные они, хорошіе люди, за то глупы! глупы!!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подошвы его сапоговъ, и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей». Машурина, Кисляковъ до такой степени глупы, что составляютъ даже мишень для остроумія автора. О Маркеловѣ прямо говорится, какъ о человѣкѣ съ «ограниченнымъ умомъ», какъ о «существѣ тупомъ». О Маріаннѣ ничего подобнаго не говорится, но ведетъ она себя положительно глупо. Все это не случайно, а непремѣнно такъ и должно было выдти у г. Тургенева. Если вамъ закажутъ романъ изъ китайской жизни и вы будете имѣть подъ руками только кое-какіе скудные печатные матеріалы, васъ невольно потянетъ къ изображенію людей тупыхъ, ограниченныхъ, потому что ихъ несвѣдущему человѣку изобразить легче: натуры у нихъ несложные, кругозоръ узенькій, поступки аляповатые. Повернуть дурака можно куда угодно, безъ всякой отвѣтственности, въ душу залѣзть къ нему немудрено. Эта сплошная глупость вѣрующихъ еще особенно оттѣняется невидимымъ присутствіемъ ихъ вожака, объ которомъ только и извѣстно, что зовутъ его Василіемъ Николаевичемъ и что всѣ ему повинуются. Г. Тургеневъ, очевидно, самъ чувствовалъ, что ему не справиться съ этимъ типомъ, и потому ни разу не показалъ его читателю. Но тогда зачѣмъ же было огородъ городить?

Глупые люди были до такой степени нужны г. Тургеневу, что онъ оказался вынужденнымъ привлечь къ участію въ ихъ глупостяхъ даже своихъ умницъ. Помните, напримѣръ, какъ Маркеловъ, Неждановъ, Паклинъ и Соломинъ посѣщаютъ Голушкина и супруговъ Субочевыхъ, эту, мимоходомъ сказать, очень плохую и неизвѣстно для чего вставленную пародію ста-

росвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя. Оба эти посѣщенія составляютъ сплошную глупость, не безъ грязнаго оттѣнка вдобавокъ. Даже непонятно, какъ такіе серьёзные и умные люди, какими авторъ желаетъ представить Соломина и отчасти Нежданова, могутъ Богъ знаетъ зачѣмъ проводить время съ «блаженными» Ѳомушкой и Ѳимушкой, пьянствовать съ глупцомъ и негодяемъ Голушкинымъ, болтать при этомъ совсѣмъ неподходящія вещи въ присутствіи совершенно незнакомаго голушкинскаго приказчика, который потомъ и оказывается предателемъ. Неужто даже у умницъ не хватило смысла понять, что рекомендація Голушкина очень мало надежна? Но такова ужь сила глупости всѣхъ изображаемыхъ г. Тургеневымъ поступковъ, что, какъ только начнутъ люди «поступать», такъ и распространяютъ кругомъ себя заразу глупости. И все это только потому, что глупыхъ легко рисовать...

Но замѣчательнѣйшую, если можно такъ выразиться, увертку г. Тургенева составляетъ личность Нежданова. Это—старый тургеневскій типъ: надломленная, «вывихнутая», раздвоенная натура, изъ «самоѣдовъ, грызуновъ, гамлетиковъ», какъ говоритъ объ этихъ людяхъ Шубинъ въ «Наканунѣ» (недаромъ Паклинъ называетъ Нежданова «россійскимъ Гамлетомъ»). Онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ оглядки внутрь себя. Онъ всегда идетъ не туда, куда его тянетъ, и тянетъ его не туда, куда онъ идетъ. Онъ не можетъ ничему отдаться вполнѣ—ни любви, ни дѣятельности, ни искуству. Несчастный человѣкъ, для котораго мучительная, микроскопически-тщательная копотня въ самомъ себѣ, въ собственной душѣ есть нормальное состояніе. А для того, чтобы перестать прислушиваться къ шуму въ собственныхъ ушахъ и отдаться, хотя бы на самое короткое время, какой-нибудь одной мысли, нераздвоенному чувству, онъ долженъ «взвинтить» себя, искуственно придти въ состояніе нравственнаго опьянѣнія. Все—старыя, знакомыя черты, анализомъ которыхъ г. Тургеневъ стяжалъ свои наиболѣе заслуженные лавры. Вдобавокъ, подобно многимъ старымъ героямъ г. Тургенева, Неждановъ пасуетъ передъ любимой женщиной, оказывается много ниже и слабѣе ея. Мотивы эти изучены г. Тургеневымъ до тонкости, и надо удивляться той виртуозности, съ которою онъ ихъ розыгрываетъ. Въ изображеніи этихъ людей за г. Тургеневымъ всегда признавалась, кромѣ мастерства, еще одна особенная заслуга: въ нихъ онъ «поймалъ моментъ» ни дальше, ни ближе, какъ присномпамятныхъ сороковыхъ годовъ. Съ нихъ именно начинаются права и обязанности г. Тургенева, какъ ловителя моментовъ, и, каковы бы ни были его послѣдующіе уловы, но этотъ первый былъ очень удаченъ. Всѣ, кто ни писалъ о г. Тургеневѣ, а писали объ немъ очень многіе, разсуждали на эту тэму и доказывали, что «гамлетики, самоѣды» суть типичнѣйшіе продукты эпохи. Слава «чуткости» г. Тургенева! Затѣмъ онъ пишетъ «Наканунѣ». Слава чуткости г. Тур-

генева! Онъ понялъ, что пришелъ конецъ гамлетикамъ и самоѣдамъ, что, если не въ дѣйствительности, то въ мысли современниковъ формируется новый типъ, на первый разъ, по необходимости, принимающій плоть и кровь болгарина, а не русскаго. Время летитъ дальше, и г. Тургеневъ пишетъ «Отцовъ и дѣтей». Хотя тутъ слава чуткости была провозглашена не совсѣмъ единодушно, но все-таки Базаровъ и гамлетики—небо и земля. Затѣмъ, г. Тургеневъ пишетъ «Дымъ», которымъ коптитъ все направо и налѣво, и, наконецъ, «Новь». Мы, русскіе читатели, пожалуй, опять готовы воспѣть хвалу чуткости, но вдругъ замѣчаемъ на авансценѣ, въ поэтическомъ центрѣ романа, «черты знакомаго лица». Да—это старый, старый знакомый, это—«лишній человѣкъ». Лишній человѣкъ говорилъ о себѣ: «Про меня ничего другого и сказать нельзя: лишній, да и только. Сверхштатный человѣкъ—вотъ и все. На мое появленіе природа очевидно не разсчитывала и, вслѣдствіе этого, обошлась со мной, какъ съ нежданнымъ и незваннымъ гостемъ. Недаромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, что моя матушка мною обремизилась». А Неждановъ говоритъ: «Въ томъ-то и дѣло, что я—трупъ; честный, благонамѣренный трупъ, коли хочешь... Какое право имѣлъ отецъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу, да и пихнулъ ее въ воду!» Мысль жалобы, тонъ, даже выраженія почти одни и тѣже. Одно, значитъ, изъ двухъ: или г. Тургеневъ пріобрѣлъ совсѣмъ задаромъ репутацію чуткости своими гамлетиками и самоѣдами сороковыхъ годовъ, или оказался не очень чуткимъ въ 1876 году. Дилемма такъ проста, что и указывать на ея разрѣшеніе не стоитъ. Само собою разумѣется, что типичнѣйшіе представители интеллигенціи сороковыхъ годовъ не могутъ быть такими же типичнѣйшими представителями семидесятыхъ: слишкомъ многое измѣнилось на Руси за эти три, четыре десятка лѣтъ. Слова нѣтъ, Неждановы возможны и теперь и даже навѣрное существуютъ. Но не все существующее можетъ занять центральное положеніе въ политическомъ романѣ. Скептикъ, да еще прирожденный скептикъ, невѣрующій, здѣсь особенно неумѣстенъ, потому-что онъ—исключеніе. Можно, пожалуй, и исключеніемъ удовольствоваться, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ немъ какъ-нибудь отразилось общее правило. Напримѣръ, можно себѣ представить картину всемірнаго потопа, въ которой самого потопа нѣтъ, а есть только обитатели спасеннаго ковчега. Но въ фигурахъ этихъ спасенныхъ должны отразиться, кромѣ радости спасенія, и ужасъ пережитой опасности, и ужасъ воспоминаній о погибшихъ, и сочувствіе жертвамъ, павшимъ на глазахъ спасенныхъ, и много еще другихъ чувствъ. Возможна-ли подобная картина въ дѣйствительности, доступна ли она человѣческимъ силамъ?—пусть судятъ спеціалисты. Но во всякомъ случаѣ, у г. Тургенева нѣтъ ни-

чего подобнаго. Его Неждановъ—совсѣмъ исключительное исключеніе. Мы видимъ, что люди гибнутъ. Мы хотимъ знать, откуда у нихъ берется вѣра, гдѣ источникъ силы этой вѣры? Является г. Тургеневъ и съ граціозно-благосклоннымъ жестомъ говоритъ: я вамъ это съ удовольствіемъ покажу. И затѣмъ все наше вниманіе сосредоточиваетъ на душевныхъ мукахъ человѣка невѣрующаго, случайно попавшаго въ водоворотъ! Но мы сами виноваты, что хоть на минуту подумали, что онъ можетъ дать что-нибудь иное. Однако, виноватъ тоже, и больше даже нашего виноватъ, самъ г. Тургеневъ. Какъ психологическій типъ, гамлетики ему фактически знакомы и нравственно близки: онъ съ ними росъ. Онъ перепробовалъ, для изображенія различныхъ ихъ оттѣнковъ, много разныхъ обстановокъ. Что мудренаго, если онъ захотѣлъ окружить этотъ излюбленный имъ типъ обстановкой «Нови»? Но надо было сдѣлать это откровенно. Надо было оставить Остродумовыхъ, Машуриныхъ, Маркеловыхъ и особенно Соломина, по возможности, совсѣмъ въ сторонѣ. Маріанну, конечно, удалить нельзя, потому-что тургеневскій Неждановъ немыслимъ безъ женщины, передъ которой онъ пасуетъ. Тогда дѣло было бы ясно: авторъ взялся разрѣшить частную задачу, элементы которой ему знакомы. Можно навѣрное сказать, что г. Тургеневъ написалъ бы на эту тэму прекрасную, хоть и подновленную вещь. И въ «Нови» около Нежданова можно найти нѣсколько превосходныхъ страницъ. Но г. Тургеневъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ взялся разрѣшить общую задачу, а, такъ какъ она ему не по силамъ, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ: набрасывать вуаль на многое важное и рѣзко выпячивать впередъ многое неважное. Къ числу такихъ уловокъ относится и Неждановъ. Вмѣсто того, чтобы просто и скромно пополнить свою коллекцію гамлетиковъ—гамлетикомъ-революціонеромъ, онъ посадилъ его въ передній уголъ цѣлаго политическаго романа съ многозначительнымъ эпиграфомъ. Иначе онъ и не могъ поступить. Если человѣкъ взялся нарисовать лѣсъ, когда у него въ распоряженіи нѣтъ зеленой краски, такъ, конечно, въ картинѣ будутъ и красныя березы, и синія ели. Но онъ могъ не браться...

Г. Тургеневу наклёвывалась еще одна частная задача, которую онъ, конечно, не могъ бы исполнить съ такимъ удобствомъ, какъ исторію гамлетика-Нежданова, но на которой стоитъ всетаки остановиться для выясненія фальши романа, какъ цѣлаго. Это—исторія Соломина. Соломинъ—совершенная противоположность Нежданова, хотя, какъ и онъ, не вѣритъ въ планы своихъ товарищей. Онъ—натура цѣльная, здоровая, спокойная, «уравновѣшенная». Онъ любитъ народъ, болитъ его болями, скорбитъ его скорбями, но, будучи увѣренъ, что увлечь народъ планами насильственнаго переворота невозможно, довольствуется «школами и прочимъ» на фабрикѣ, гдѣ служитъ, а, въ концѣ-концовъ, «свой заводъ имѣетъ небольшой, гдѣ-то тамъ въ Перми,

на какихъ-то артельныхъ началахъ». Въ общей картинѣ, этотъ человѣкъ, какъ частность, могъ бы занять подобающее ему мѣсто. Такіе люди бываютъ. Ихъ душевная жизнь представляетъ значительный интересъ. Посмотрите же, что̀ сдѣлалъ изъ Соломина г. Тургеневъ. Желая придать его дѣятельности, очень простой и очень скромной (какъ долженъ сознавать самъ Соломинъ, если онъ, дѣйствительно, «уменъ, какъ день»), многозначительный и даже нѣсколько таинственный характеръ, онъ дѣлаетъ изъ него туманную фигуру, какой-то ходячій, олицетворенный совѣтъ. Соломинъ берется всѣмъ совѣтовать, и всѣ его совѣтовъ слушаются. Самъ авторъ устами Паклина совѣтуетъ слушаться совѣтовъ Соломина. Но вѣдь, чтобы совѣтовать, надо знать дѣло, а̀ г. Тургеневъ его не знаетъ, слѣдовательно, и подсказать Соломину можетъ только очень немногое. Оттого и туманна фигура Соломина и даже совершенно неправдоподобна. Онъ, по рекомендаціи автора, человѣкъ честный, прямой, не виляющій, а между тѣмъ постоянно виляетъ, то-есть его заставляетъ вилять самъ же авторъ—стоящій въ фальшивомъ положеніи. Напримѣръ, Маріанна, по своей глупости, долженствующей изображать энтузіазмъ, пристаетъ къ нему, чтобы онъ ее «послалъ». Соломинъ уговариваетъ: «Дѣло это еще не такъ скоро начнется, какъ вы думаете. Тутъ нужно еще нѣкоторое благоразуміе. Нѣчего соваться впередъ, зря. Повѣрьте мнѣ». Такъ какъ, по щучьему велѣнію, по тургеневскому приказанію, всѣ обязаны слушаться Соломина и вѣрить ему, то и Маріанна, несмотря на весь свой пылъ, вѣритъ. Но все-таки пристаетъ. Хорошо, говоритъ, но вѣдь есть «подготовительныя работы... вы намъ укажите ихъ; вы только скажите намъ, куда намъ идти... Пошлите насъ! Вѣдь вы пошлете насъ?

«— Куда?

«— Въ народъ... куда же идти, какъ не въ народъ?

«Соломинъ поглядѣлъ пристально на Маріанну.

«— Вы хотите узнать народъ?

«—Да̀, то-есть не узнать народъ хотимъ мы только, но и дѣйствовать... трудиться для него.

«— Хорошо; я вамъ обѣщаю, что вы его узнаете. Я доставлю вамъ возможность дѣйствовать и трудиться для него».

Виляніе и двусмысленности Соломина этимъ не оканчиваются. Маріанна опять пристаетъ, уже послѣ бѣгства отъ Сипягиныхъ, а онъ отвѣчаетъ: «Все это мы устроимъ впослѣдствіи». Наконецъ, самъ Соломинъ входитъ во вкусъ и начинаетъ вызывать Маріанну на приставанье. Та и рада. Тогда онъ ей совѣтуетъ: «Вотъ вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите; и трудно вамъ это будетъ, потому что нелегко понимаетъ Лукерья и васъ чуждается, да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то, чему вы ее учить собираетесь; а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь, а пока ребёночка вы помоете или азбуку ему покажете, или больному

лекарство дадите. «Вотъ вамъ и начало», прибавляетъ Соломинъ, давая тѣмъ понять, что въ будущемъ предстоятъ новые совѣты, тогда какъ у него ихъ вовсе нѣтъ. Маріанна замѣчаетъ, что она мечтала о другомъ. «Вамъ хотѣлось пожертвовать собой?» спрашиваетъ Соломинъ. Глаза Маріанны заблистали: «дà... дà... дà!» Соломинъ очень хорошо понимаетъ, въ чемъ дѣло, но быстро увертывается въ сторону, и разговоръ кончается такъ:

«— Знаете чтò, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія... но по моему: шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую немногіе способны.

«— Да я и отъ этого не отказываюсь, Василій Θедотычъ.

«— Я знаю, что не отказываетесь! Дà, *вы* на это способны. И вы будете пока дѣлать это, а потомъ, пожалуй, и другое.

«— Но для этого надо поучиться у Татьяны!

«— И прекрасно... учитесь. Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать куръ... А тамъ, кто знаетъ? можетъ быть, спасете отечество!

«— Вы смѣетесь надо мной, Василій Θедотычъ.

«Соломинъ медленно потрясъ головой.

«— О, моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь я надъ вами, и въ моихъ словахъ простая правда. Вы уже теперь, всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ.

«Маріанна подняла опустившіеся глаза.

«— Я бы хотѣла оправдать ваши ожиданія, Соломинъ, а тамъ — хоть умереть!

«Соломинъ всталъ.

«— Нѣтъ, живите... живите! Это — главное».

Очевидно, Соломину совѣтовать нечего, иначе онъ не сталъ бы такъ вилять, играть словами, соскакивать съ колеи разговора, все оставляя quelque chose à deviner. Онъ только исправляетъ должность совѣтника по назначенію отъ г. Тургенева, носитъ только титулъ совѣтника. Онъ — титулярный тургеневскій совѣтникъ. Если Маріанна этого не замѣчаетъ, такъ потому единственно, что и сама она исправляетъ должность энтузіастки по назначенію отъ г. Тургенева.

И все это только потому, что г. Тургеневъ возъимѣлъ легкомысленное желаніе подать свой голосъ въ чужомъ для него дѣлѣ. Это не могло сойти ему даромъ, даже въ чисто-художественномъ отношеніи. Когда художникъ до такой степени связанъ сѣтью уловокъ, къ которымъ онъ долженъ прибѣгать, дѣло плохо. Хороши въ «Нови» только нѣкоторыя страницы, гдѣ фигюрируетъ Неждановъ наединѣ съ самимъ собою, съ Маріанной и въ кабакѣ. Во все остальное основная фальшь романа врывается болѣе или менѣе губительно. Замѣчательна, напримѣръ, та анти-художественная грубость, съ которою г. Тургеневъ вкладываетъ въ «Нови» свои собственныя мысли кому попало (грубость, которой въ немъ прежде не было). Такъ Паклинъ, повидимому, затѣмъ только и существуетъ, чтобы язвить

какого-то Скоропихина, который, очевидно, очень не нравится г. Тургеневу, какихъ-то «молодыхъ передовыхъ рецензентовъ», которыми г. Тургеневъ недоволенъ, и т. п., да еще затѣмъ, чтобы закончить романъ восклицаніемъ: «Безымянная Русь!» Такъ, Ѳимушка, «блаженная» старуха, выжившая изъ ума, если онъ у нея когда-нибудь былъ, только посмотрѣла на Соломина, Маркелова и Нежданова, такъ сразу и опредѣлила ихъ характеры, и притомъ столь проницательно, что совершенно совпала съ опредѣленіями самого г. Тургенева. Такъ, г. Тургеневъ, сихъ дѣлъ мастеръ, очень тонко ведетъ линію любви Нежданова и Маріанны, а Татьяна, баба, конечно, умная, но все-таки иныхъ дѣлъ мастеръ, очень быстро замѣчаетъ, что это—любовь не совсѣмъ настоящая.

Въ концѣ-концовъ, мы, русскіе читатели, нетолько, значитъ, не въ барышахъ отъ «Нови», а даже въ убыткѣ. Всѣ мы, безъ различія партій и направленій, единственно въ интересахъ разъясненія дѣла, можемъ сказать г. Тургеневу слѣдующее. Избранный имъ сюжетъ есть тоже «новь», литературная. До сихъ поръ литература еще не рѣшилась эксплуатировать этотъ сюжетъ. Поэтому къ нему, какъ и ко всякой нови, приложимъ совѣтъ г. Тургенева, взятый имъ «изъ записокъ хозяина-агронома» для эпиграфа:

Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно-скользящею сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ».

Читатель прочиталъ не критическую статью, каковая въ настоящемъ случаѣ едва ли даже возможна, а только одну изъ главъ «Записокъ профана».

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1877 г.

(По общей нумераціи тома CCXXX).

Январь № 1.

Февраль № 2.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Январь № 1.

Февраль № 2.